АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

РЕДАКЦИЯ
А. М. ЕГОЛИН (ГЛАВ. РЕД.), Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН и С. А. МАКАШИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 0

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

56

В. Г. БЕЛИНСКИЙ
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 0

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Портрет маслом К. А. Горбунова, 1871 г.

Художественный музей им. А. Н. Радищева, Саратов

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛИНСКОГО

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БЕЛИНСКОГО

I. РЕЦЕНЗИИ В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» И «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

Публикация Л. Ланского

> «Белинский ⟨...⟩ редко подписывал под статьями свою фамилию, и теперь, при издании его сочинений, оказалось, что даже литераторы не могли наверное указать всех статей, им писанных».
>
> Н. А. Добролюбов. Соч. В. Белинского.—«Современник», 1859, № 4, стр. 216.

Выявление неизвестных работ Белинского, затерянных на страницах газет и журналов 1830—1840-х годов, не может считаться окончательно завершенным. Особенного внимания, в этом отношении, заслуживают «Отечественные записки» и «Литературная газета» — органы, в которых Белинский сотрудничал с исключительной интенсивностью в продолжение многих лет и почти всегда анонимно. Изучение библиографического отдела этих изданий позволило нам обнаружить ряд статей и рецензий, принадлежащих перу Белинского и не вошедших ни в одно из собраний его сочинений.

Все публикуемые нами рецензии относятся к началу петербургского периода деятельности критика. Двумя из них, открывающими нашу публикацию, Белинский дебютировал на страницах «Отечественных записок» в августе 1839 г., четыре помещены в том же журнале в продолжение 1840—42 гг. Особую группу составляют тринадцать рецензий, перепечатываемых нами из «Литературной газеты» 1840 г.

Как известно, еще в начале 1837 г., в ответ на предложение А. А. Краевского, редактора «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» (так до 1840 г. называлась «Литературная газета»), сотрудничать в его издании, — Белинский писал, что охотно возьмет на себя разбор всех литературных произведений («Письма», I, 65). Незадолго до окончательного переезда в Петербург, в письмах к Краевскому, критик снова выразил желание работать для «Литературных прибавлений»: «По приезде в Петербург, я желал бы принять подеятельнее участие в „Литературных прибавлениях", чтобы способствовать их оживлению, а теперь готов делать, что́ можно делать, находясь в Москве ⟨...⟩ „Отечественные записки" и „Литературные прибавления" — наше общее дело: отныне я их и душою и телом, их интересы — мои интересы. По приезде в Питер докажу вам это на деле» («Письма», I, 319—320, 322).

Несмотря на столь определенные заявления самого Белинского, участие критика в «Литературной газете» долго не привлекало к себе внимания исследователей. Лишь в последнее время началось систематическое изучение «Литературной газеты», в результате которого, главным образом трудами В. С. Спиридонова, в XIII том Полного собрания сочинений Белинского и в подборку новых текстов критика в предыдущем томе «Литературного наследства» (т. 55, 1948) были введены двадцать две статьи и

рецензии, обнаруженные на страницах «Литературной газеты». Настоящая работа продолжает эти исследования.

Библиографический отдел первого номера «Литературной газеты» за 1840 г. открылся пространной рецензией Белинского на альманах «Утренняя заря». Критик подробно изложил в ней программу реорганизованного издания. «„Отечественные записки" и „Литературная газета",—писал он,—находясь под одною редакциею, само собой разумеется, должны быть проникнуты одним духом, запечатлены одним характером; из сего, конечно, никто не станет заключать, что в этих двух изданиях содержание будет одинаково и что газета сделается повторением журнала; напротив, повторения между тем и другим не только не встретится, но скорее может встретиться иногда видимое несогласие, но не противоречие 〈...〉 Отделение критики, само собой разумеется, в газете не может быть обширно 〈...〉 Зато отделение русской библиографии постараемся сделать как можно полнее; известия о книгах в „Литературной газете" не будут пространны, но верны и отчетливы. Сверх того, в каждом №, после библиографических статей, будем мы исчислять вышедшие в течение двух-трех последних дней новые книги и журналы, выписывая только названия их. Само собою разумеется, что ко многим из этих книг мы впоследствии будем обращаться, а о других—этого простого извещения будет достаточно» (XIII, 33). В соответствии с этой программой, «Литературная газета» в своих литературно-критических оценках полностью ориентировалась на «Отечественные записки», всячески подчеркивая единство направления с этим журналом.

Большинство петербургских изданий беллетристического характера в «Отечественных записках» рецензировалось самим Белинским, обязавшимся, еще до переезда в Петербург, аккуратно поставлять в каждую книжку журнала от двух до десяти листов рецензий: «критика своим чередом, смесь тоже» («Письма», I, 311). Заметим здесь, кстати, что изучение отдела «Смесь» в журналах, участником которых был Белинский, несомненно, позволило бы выявить немало новых текстов критика, если и не первостепенной важности, то, во всяком случае, не лишенных значительности и интереса. Когда дело идет о Белинском, «мелочей нет, а все, в чем видно даже простое его мнение о чем бы то ни было, важно и любопытно» (VI, 274). Эти строки, написанные Белинским по поводу мелких статей Пушкина, целиком применимы и к самому критику.

Составление несколько «облегченных» рецензий для «Литературной газеты» на книги, уже разбиравшиеся им в «Отечественных записках», неизбежно должен был взять на себя Белинский. Шаткое финансовое положение «Отечественных записок» и «Литературной газеты» в первые годы их издания заставляло Краевского всеми мерами добиваться сокращения расходов. В этих условиях он едва ли привлекал новых рецензентов к составлению отзывов на книги, уже разбиравшиеся Белинским. Редакторская работа по «сближению» и «согласованию» рецензий в «Литературной газете» с отзывами в «Отечественных записках» становилась в этом случае ненужной. Отпадала также необходимость вторичного просмотра рецензируемых книг, что давало редактору немаловажную экономию во времени и в средствах. Эти соображения находят себе подтверждение в конкретных результатах работы по изучению параллельных с «Отечественными записками» рецензий в «Литературной газете». Некоторые из подобных рецензий уже включены В. С. Спиридоновым в XIII том Полного собрания сочинений критика.

Постепенное охлаждение Белинского к «Литературной газете» и переход ее с осени 1840 г. под редакцию Ф. А. Кони ощутительно сказались на характере библиографического отдела издания. В нем все реже стали появляться рецензии с типичными для Белинского признаками, иногда совсем исчезая на продолжительное время. Это обстоятельство также подтверждает, хотя и косвенно, устанавливаемый нами факт более активного, чем до сих пор было известно, участия Белинского в «Литературной газете» Краевского.

Своего рода «параллелизм» некоторых публикуемых нами рецензий Белинского с уже известными отзывами критика не лишает вновь открытые тексты самостоятельного значения и интереса. Это не простые повторения или сокращения уже известных

рецензий, а законченные литературно-критические миниатюры, насыщенные оригинальными характеристиками, мыслями и наблюдениями. В одной из своих статей Белинский с законной гордостью отмечал, что его критические отзывы отличаются «от критики всех других журналов — своими началами, и своим характером, и даже самым языком» (VII, 416).

Индивидуальные стилистические и композиционные особенности, свойственные рецензиям Белинского и рельефно выделяющие их из общей массы журнальной библиографии, глубина мысли, боевой дух, идейная принципиальность, тонкость художественного анализа, язвительное остроумие — все это присуще и публикуемым нами текстам.

Непримиримая борьба с реакционными и безидейными произведениями, с изделиями «заднего двора российской словесности», выкорчевывание «литературных плевел и пустоцветов» является одной из почетнейших заслуг Белинского перед русской литературой.

К лучшим образцам беспощадно бичующих, боевых рецензий Белинского могут быть отнесены публикуемые нами отзывы на «Полину» А. Дюма, на романы «Несчастная», «Бородинское поле» и «Ротмистр Чернокнижник» и на «Жизнь Виллиама Шекспира» А. Славина.

Заключительная часть рецензии на «Полину», исполненная патриотического негодования, звучит особенно остро и злободневно. Белинский страстно выступает здесь против людей, принижающих величайшие культурные ценности своего народа и падающих ниц перед каждым, даже ничтожным произведением западноевропейской беллетристики. Не менее достойна внимания небольшая рецензия на французскую брошюрку, вышедшую в Петербурге, в которой Белинский резко клеймит космополитические «чувства-колонисты, лишенные родной почвы, родного климата и родного неба», противопоставляя им «глубокое, сильное и могучее» русское национальное чувство. Для изучения генезиса «Письма к Гоголю» существенный интерес представляет маленькая, но весьма выразительная рецензия на пьесу «Тридцать лет, или жизнь игрока», к которой восходит одно из ярких антикрепостнических высказываний этого выдающегося документа русской революционно-демократической мысли.

Укажем в заключение, что, помимо публикуемых ниже материалов, мы считаем возможным с уверенностью приписать Белинскому авторство в отношении еще следующих изученных нами текстов: одного театрального обзора — «Михайловский театр» («Лит. газета», 1840, № 10, 3 февраля, стр. 232—237, подпись: «— й»), д е с я т и рецензий, помещенных в «Литературной газете» 1840 г., и ч е т ы р н а д ц а т и рецензий из «Отечественных записок».

Приводим список этих рецензий:

«Лит. газета»: 1. «Месяцеслов на високосный 1840 г.» (№ 1 от 3 января); 2. «Памятная книжка на 1840 год» (№ 3 от 10 января); 3. «Вдовец и его сын» В. Писчикова (№ 4 от 13 января); 4. «Подарок на новый год. Две сказки Гофмана для больших и маленьких детей» (№ 5 от 17 января); 5. «Детская библиотека, соч. девицы Тремадюр» (№ 5 от 17 января); 6. «Разговоры Эмилии о нравственных предметах» (№ 5 от 17 января); 7. «Миниатюрный альбом для детей» (№ 5 от 17 января); 8. «Сцены в Москве в 1812 году» (№ 6 от 20 января); 9. «Призвание женщины» (№ 6 от 20 января); 10. «Подарок нашим детям» А. и С. Грен (№ 14 от 17 февраля). Все эти книги разбирались Белинским также и в «Отечественных записках».

«Отечественные записки»: 1. «Прогулки по 12 губерниям» П. Сумарокова (1839, № 12); 2. «История Петра Великого» В. Бергмана (1841, № 1); 3. «Песни народные» М. Суханова (1841, № 1); 4. «Правосудие божие» И. Анца (1841, № 2); 5. «Переписка и рассказы русского инвалида», 2-е изд. (1841, № 2); 6. «Виолетта, или феины сказки» (1841, № 2); 7. «История крестовых походов» Мишо (1842, № 1); 8. «Замоский, воевода Сандомирский» Г. (1842, № 2); 9. «Учебная книга всеобщей истории» И. Кайданова (1842, № 4); 10. «Опыт теории изящной словесности» М. Чистякова (1842, № 12); 11. «Всемирная история» К. Ф. Беккера (1844, № 1); 12. «Бернард Мопрат» Жорж Занда (1844, № 9); 13. «Литературные и журнальные заметки: Открытие памятника Карамзину» (1845, № 10); 14. «Новейшая грамматика...» Я. Пожарского (1846, № 1).

‹ 1 ›

ПОЛИНА

СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ДЮМÀ

Перевел с французского Александр Шубяков

Москва. В тип. Николая Степанова. 1839. В 12-ю д. л. 334 стр.

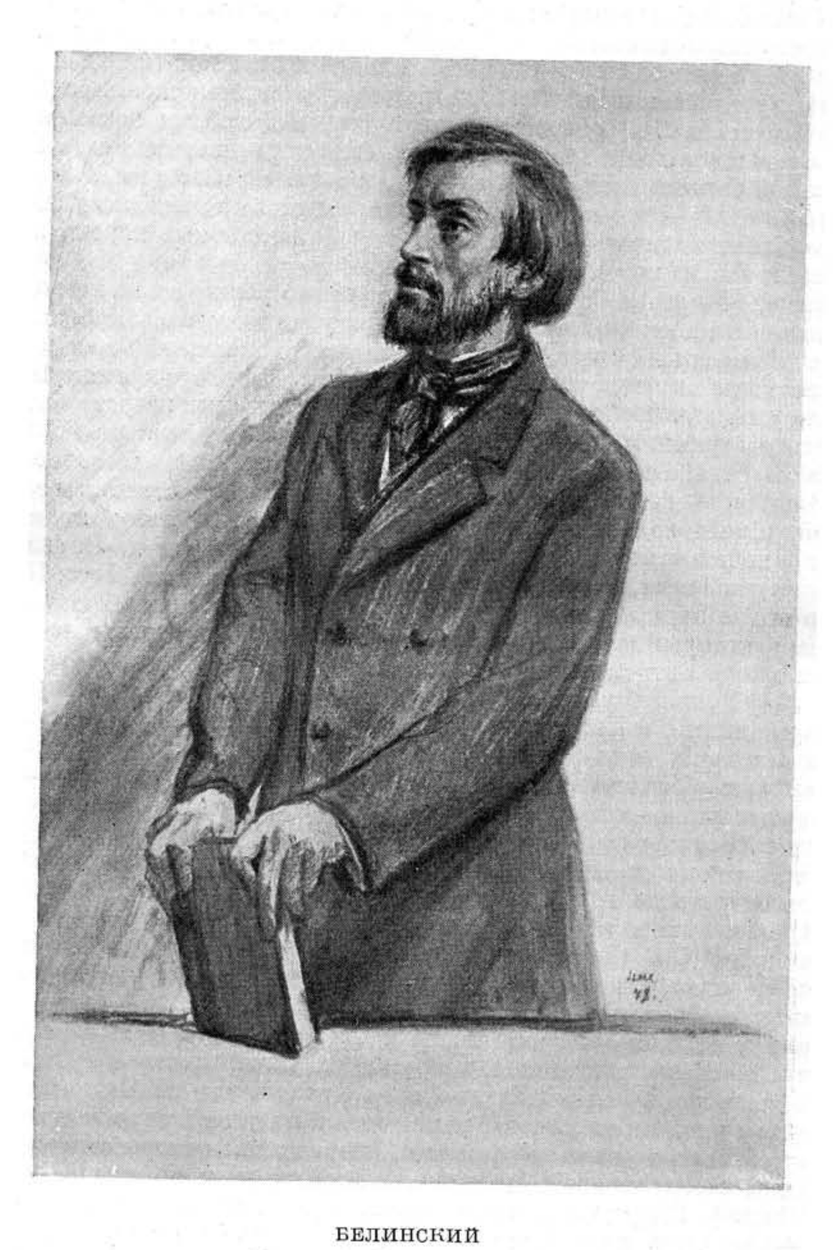
Мы уже имели случай в 4 книжке нашего журнала говорить о переводе на русский язык «Полины» Дюмà, с которою ознакомили уже отчасти наших читателей еще в 1-й книжке «Отеч. записок», при обозрении французской литературы за 1838-й год. Мы сказали свое мнение об этой пустой сказке вообще, думая, что этим наши сношения с нею и кончатся. Но — вот, после петербуржского перевода, является еще новый перевод в Москве: значит, это «сочинение» г. Александра Дюмà нравится переводчикам; молчание в этом случае было бы грех непростительный,— и мы решаемся посвятить несколько времени на рассказ того, чтò такое эта нелепая «Полина», и чтò такое сам автор ее — г. Александр Дюмà. Сие последнее будет явствовать из самого рассказа «Полины».

Г. Александр Дюмà, в своем путешествии по Швейцарии, часто встречался с Альфредом де-Нервалем, который провожал везде одну даму под вуалем. Кàк ни сильно было любопытство г. Александра Дюмà узнать, кто такая эта дама, — он никак не мог удовлетворить ему, потому что дама видимо избегала всякой встречи, всякого столкновения с ним. Но однажды случай помог ему; он успел даже взглянуть на ее лицо, и ему припомнилось смутно, что эту даму, теперь изнуренную и бледную, он видел в каком-то парижском салоне, «веселую, румяную, увенчанную цветами, носимую среди благоуханий и музыки, в упоительном вальсе, шумном галопаде». Потом он опять где-то увидел мельком эту таинственную Полину с ее неразлучным спутником, и на этот раз она была еще бледнее и болезненнее. Наконец, в Сесто-Календе он встретил ее гроб, который, с свойственною ему, г-ну Александру Дюмà, проницательностию, тотчас узнал по таинственной подписи: «Полина».

Надобно сказать, что Альфред де-Нерваль был старинный, именно пятнадцатилетний друг г. Александра Дюмà. В 1834 году, именно в субботу вечером, г. Александр Дюмà сидел у фехтовального учителя, слушая, с сигаркою во рту, его ученые теории, как вдруг вошел реченный Альфред де-Нерваль. Г. Александр Дюмà бросился к нему, в надежде узнать о таинственной его спутнице; но Альфред улыбнулся горестно, а г. Александру Дюмà стало стыдно. Однакож дело не могло так кончиться: г. Александру Дюмà нужна была повесть, и Альфред, волею или неволею, а должен был рассказать ему «свою историю».

Теперь приготовьтесь услышать историю, в которой фантастического больше, чем во всех фантастических рассказах Жюль-Жанена и Бальзака, странного больше, чем во всех романах Анны Радклиф, интересного и запутанного больше, чем во всех романах автора «Ринальдо Ринальдини», а вероятного и естественного больше, чем во всей «Повести о приключении английского милòрда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевны Терезии» (см. ниже). Итак трепещите от восторгов, ужаса, нетерпения — и слушайте.

Альфред де-Нерваль был влюблен в Полину Мельен, а Полина Мельен не была влюблена в Альфреда де-Нерваль, посему сей злополучный кавалер и отправился путешествовать на все четыре стороны света, куда глаза глядят. Он бы, может быть, и женился на Полине, да она была богата, а он был беден, и как ни сильна была любовь его, но самолюбие его было

БЕЛИНСКИЙ
Рисунок Н. Н. Жукова, 1948 г.
Литературный музей, Москва

сильнее, и боязнь остаться с носом заставила его уехать путешествовать. Но в это время он уже получил в наследство от дяди 30 000 ливров, или полтораста тысяч франков годового дохода. С таким состоянием можно было смело свататься; но тогда все кончилось бы счастливо и не было бы страшной повести; а как оная была крайне нужна г. Александру Дюма̀, то Альфред де-Нерваль, по давнишней и пятнадцатилетней дружбе своей к нему, чтобы вывести его из затруднительного положения, и решился уже не свататься... У обыкновенных талантов подобные несообразности называются натяжками, а у таких великих гениев, как г. Александр Дюма̀, это не больше, как пиитические вольности в прозе... Истинный гений — что конь богатырский: несется повыше леса стоячего, пониже облака ходячего, горы и моря перелетает, большие реки хвостом застилает, а малые меж ног пропускает...

Альфред де-Нерваль был в Гавре; пустившись раз по морю на лодке, он принужден был поскорее поворотить к берегу, потому что сбиралась буря. Кое-как, измоченный с ног до головы, он выкарабкался на берег и провел ночь в развалинах монастыря. Надобно сказать, что в это время в Нормандии были ужасные разбои, неизвестно кем производимые; страна была полна ужаса и страха, и еще накануне прогулки де-Нерваля по морю было перерезано семейство одного англичанина, приехавшего было во Францию. В полночь де-Нерваль был разбужен шумом и заметил человека, который, вышед во мраке из двери, вырыл заступом ямку, куда что̀-то бросив, завалил камнем и скрылся. С рассветом Альфред де-Нерваль выбрался из развалин, которые были — развалины аббатства Гран-Пре, лежащего подле парка замка Бюрси, где живет граф Гораций Безеваль,— тот самый, который женился на Полине Мельен. На третий день Альфред решился снова отправиться на лодке к развалинам аббатства, чтобы открыть тайну появления там виденного им человека; приехав к содержателю почтовых лошадей в Диве, он узнал о новом убийстве — об убийстве графини де-Безеваль, в то самое время, когда он, Альфред де-Нерваль, был в развалинах аббатства. Надобно было осмотреть тело убитой; но медик куда-то отлучился—и дело расстроилось бы, если бы г. Александр Дюма̀, с свойственною ему гениальностию, не сумел и тут извернуться: Альфред любил живопись и для нее когда-то будто бы изучил анатомию, что̀ и дало ему возможность назвать себя хирургическим учеником. Графа не было дома, а вместо убитой Полины Альфред увидел не Полину, а совсем другую женщину. Она была застрелена пулею в бок. Тут приехал в за̀мок какой-то человек, в котором Альфред узнал того самого, которого видел в развалинах аббатства: слуга сказал ему, что это граф де-Безеваль. Мнимую Полину положили в гроб, и гроб заколотили. Тогда Альфред решился снова пробраться в развалины, вооружился, нанял лодку с двумя провожатыми, которым велел дожидаться себя в ущелье скалы. Зажегши факел, он заступом приподнял камень, наложенный на углубление таинственным человеком, и под камнем нашел ключ, посредством которого прошел множество потаенных дверей, подземных коридоров и проходов на манер г-жи Радклиф. Вдруг слух его поражается чьим-то стоном; он прислушивается — и в углу, за решеткою, видит женщину. Она держала во рту локон волос, подле нее лежали — пустой стакан, погасшая лампа и письмо. Тут следует патетическая сцена à la diable m'emporte, с разными трагическими штуками и выкрутасами — ну, что̀ много говорить: вы знаете, что̀ за злодейское перо у гениального господина Александра Дюма̀!.. Итак, скажем коротко, что Альфред в этой женщине узнал Полину и, разумеется, освободил ее. Бедняжка сидела двое суток в этом радклифском заключении и, мучимая тоскою, голодом и жаждою, за два часа до прихода Альфреда, выпила из стакана воду, хотя и знала, что в ней яд; но этот яд уже давно разложился, и потому она не умерла, а чахла года с два. Альфред шатается

с Полиною по Европе, говорит фразы, истощает на Полину все свое усердие, всю нежность; наконец она рассказывает ему свою историю, страшную и нелепую до последней крайности.

В блестящих парижских обществах Полина де-Мельен увидела графа де-Безеваля, который произвел на нее самое сильное впечатление; но это было не любовь, а удивление, соединенное с ужасом, в роде того, которое возбуждает в нас близкое созерцание льва или тигра. Она, т. е. Полина, была свидетельницею, как де-Безеваль, бледный, мрачный, небольшой ростом и повидимому слабый и нежный, собственноручно убил кабана, как какого-нибудь поросенка; сверх того, ей очень подробно рассказывали, как он в Индии собственноручно же убил тигрицу, вышед на нее только с кинжалом в руке. Конечно, и тигрица была не из простых зверей, а из героев байроновских, как и сей свирепый граф, и потому соразмерно помяла бока его сиятельству; но он остался жив, а она «смертию окончила жизнь свою». Однажды Полину мать пригласила петь вместе с Безевалем; Полина затрепетала, задрожала, однако запела, по пословице: «неволя скачет, неволя пляшет, неволя песенки поет». Наконец, она упала в обморок, а когда очнулась, то выронила из перчатки бумажку, на которой были написаны карандашом следующие слова: «Вы меня любите!.. благодарю! благодарю!» Полина не читала комедии Гоголя, и потому эта пошлая фраза, достойная Ивана Александровича Хлестакова, показалась ей решительно байроновскою и глубокою. Чем дальше в лес, тем больше дров: Полина получает от Безеваля целое послание, из которого предложим три отрывка:

«Я не похож на других людей. В возрасте удовольствия, беззаботности и радости (,) я много страдал, много думал, много вздыхал; мне 28 лет. Вы первая женщина, которую полюбил я, потому что я люблю вас, Полина.

«Если же (,) вопреки моей надежде, Полина, какая-нибудь причина, которой не предвижу, но которая может существовать, заставит вас убегать меня, как вы это делали доныне,— знайте, что все будет бесполезно; везде я буду преследовать вас; меня ничто не привязывает к одному месту столько же, как и к другому; напротив (,) влечет туда, где вы; быть подле вас, или следовать за вами, будет вперед единственною моею целию. Я потерял много лет и сто раз подвергал опасности свою жизнь, чтобы достигнуть до результата, который даже не обещал мне счастия. (Пойми, кто хочет!..)

«Прощайте, Полина! Я не угрожаю вам, я вас умоляю; я люблю вас, вы любите меня. Пожалейте же меня и себя».

Кто из этих строк не увидит, что оный граф де-Безеваль один из тех людей, которые «хотят заняться чем-нибудь высоким, а светская чернь не понимает их»?..

Граф женится на Полине, которая им очень довольна, только с удивлением замечает, что он, ложась спать, кладет подле себя пистолеты, обедая, держит их в кармане, а на дворе у него во всякое время готова оседланная лошадь.

У графа было двое друзей — тоже души глубокие и могучие, как увидите после, но все не столько, как он, и потому они питали к нему какое-то уважение, как ученики к своему учителю. Месяцев чрез десять после брака граф отправился в Нормандию, в свой зåмок, для охоты с своими друзьями; Полина стала просить его, чтобы он взял ее; но он решительно отказал ей в этом под предлогом, что зåмок запущен и имеет едва ли одну комнату, которая может защитить от дождя. Через несколько времени после этого все газеты и журналы наполнились слухами о разбоях в Нормандии. Полина отправилась к мужу без его позволения, была принята им сухо, жила в своей комнате одна; на ночь ее запирали. От нечего делать

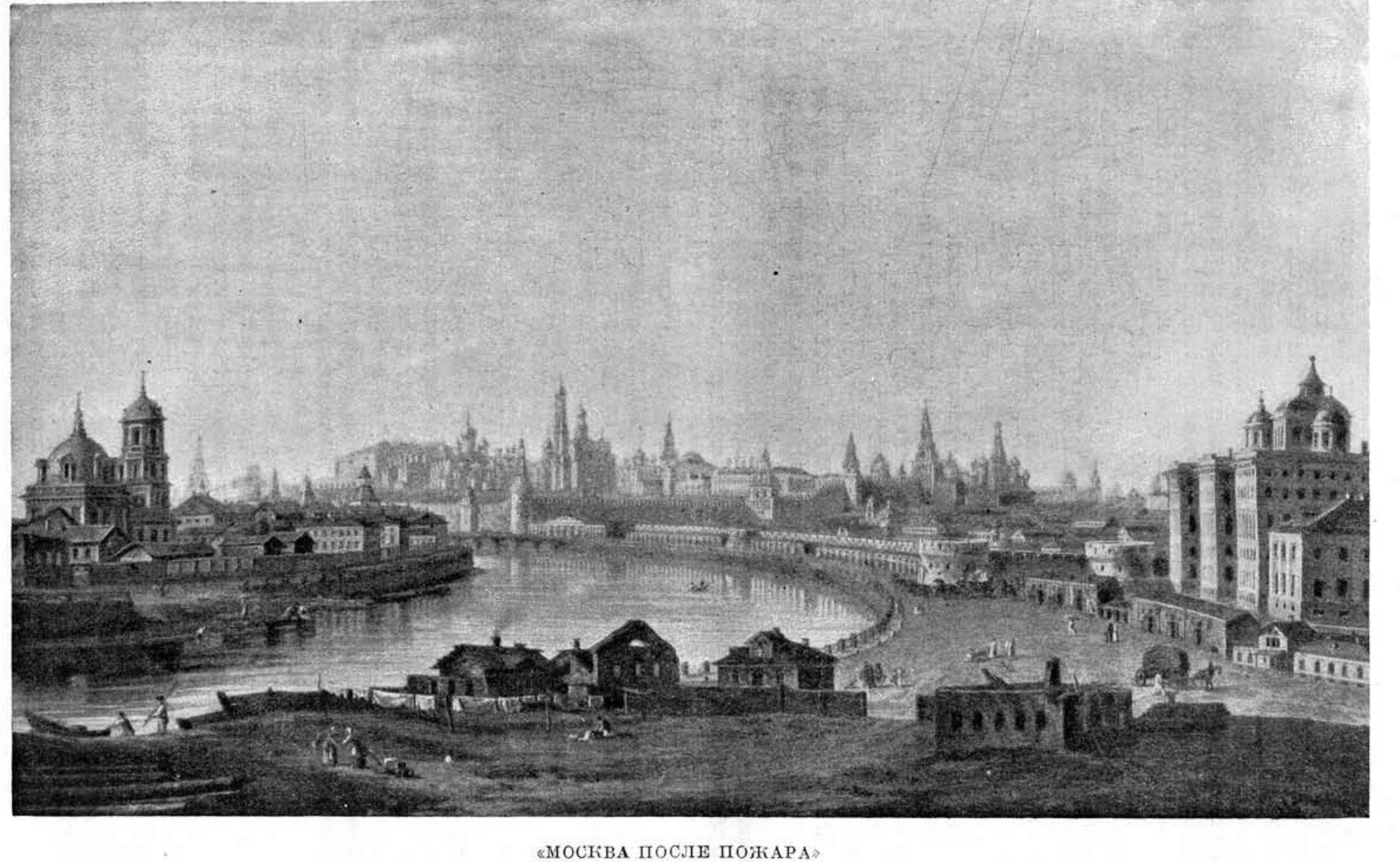
она открывает в за̀мке разные потаенные двери и ходы. В одну ночь замечает она, что ее муж протащил по этим ходам мертвое тело. На следующую ночь она пускается в исследования, идет тайным ходом, вдруг ее поражает шум и говор, она видит свет в соседней комнате. Муж ее пирует с своими приятелями; в углу комнаты лежит полумертвая англичанка; между приятелями графа-разбойника завязывается отвратительный спор за эту женщину; мерзавцы готовы резаться, но муж Полины выстреливает из пистолета и убивает англичанку. Полина узнаёт, что ее муж — разбойник; разумеется, что, при сей верной оказии, она вскрикивает и упадает в обморок. Разбойник, видя, что он открыт с своими гнусными сообщниками, решается уморить свою жену ядом, для чего и заключает ее в подземелье, из которого освободил ее Альфред. В письме, положенном подле ее, он говорит ей, что несмотря на всю любовь к ней, он не хочет пожертвовать своею и товарищей своих безопасностию ее жизни. Пока Альфред разгуливал по белому свету с Полиною, Безеваль вздумал посвататься за его сестру, о чем тот узнавши, скачет в Париж, с разными эффектами вызывает Безеваля на дуэль и убивает. Полина вскоре умирает от медленного действия яда.

Теперь видите ли вы, что̀ за великий гений сей господин Александр Дюма̀? Истинный художник! У него все основано на самой строгой необходимости, на самой разумной необходимости! Граф — человек с душою великою, глубокою, могучею — и оно так и должно быть, потому что он *разбойник, вор, негодяй, мерзавец, достойный кнута, виселицы или каторжной работы.*

Если это вам кажется странно, то вы — или провинциал необразованный, или человек, вовсе незнакомый с великою литературою современной нам Франции.

Шиллер написал «Разбойников»; но какая у него разница с г. Александром Дюма̀! Как этот последний выше его, бедного немца! Во-первых, это было лет пятьдесят назад, а самому Шиллеру было тогда всего восьмнадцать лет; во-вторых, в своем герое, Мооре, Шиллер хотел изобразить не обыкновенного разбойника, из денег проливающего кровь людей, но мстителя за поруганные права человечества и разума: мысль детская, но в ней есть и смысл, и даже сказывается душа человеческая и могучая. Г. Александр Дюма̀ пошел дальше: в наше время, в 1830 году, следовательно, всего девять лет назад, в одном из образованнейших государств Европы, разбойник преспокойно пользуется титулом графа, женится, потом разбойничает, и после того является в лучших парижских обществах и слывет за светского человека высшего тона. Но и этого всего мало: этот разбойник режет людей не из мщения, не из ожесточения против жизни или общества, и не из другой какой-нибудь несчастной страсти, но просто из денег — и занимающий в современной французской литературе одно из почетных, одно из первых мест автор не постыдился в этом гнусном и подлом негодяе представить человека глубокого, могучего, с великими духовными силами и средствами, словом, субъективно высказать в нем с в о й идеал человека, так же, как Шиллер некогда в Карле Мооре субъективно высказал с в о й идеал человека!.. Или, может быть, корифеи юной французской литературы и в самом деле убеждены от всей души, что благородному и честному человеку, живущему в мире с обществом, хорошему гражданину, уважающему законы и условия общественные, нельзя быть ни глубоким, ни могучим в душе своей; а чтоб быть таким, надо сперва сделаться разбойником или, по крайней мере, вором? Жаль, что они не знают нашего Ваньки-Каина: то-то была душа глубокая и могучая!

Одно то̀ чего стоит, что он подвел свою невесту под кнут и уже после на ней женился, говоря, что «битая посуда два века живет!». Сколько бы

«МОСКВА ПОСЛЕ ПОЖАРА»

Картина маслом М. Н. Воробьева, 1818 г.

«...О, Москва, Москва! жить и умереть в тебе, белокаменная, есть верх моих желаний...» (Из письма Белинского к брату К. Г. Белинскому от 20 сентября 1833 г.)

Центральное хранилище музейных фондов ленинградских пригородных дворцов-музеев, г. Пушкин

романов, повестей, драм произвел этот великий мошенник, а следовательно, великий человек, по воззрению французских великих художников!.. Боже мой, как мы-то отстали от Франции в просвещении! Великий наш поэт Пушкин вывел в повести своей Емельку Пугачева: но что это такое? Во-первых, это лицо историческое и невымышленное, а во-вторых, автор, не лишив его какой-то могучести души, не лишил его 〈...〉 манер, свойственных беглому казаку и разбойнику. Если бы француз сделал Емельку героем своего романа или повести, он заставил бы его свободно говорить на нескольких языках, играть на фортепьяно и петь, стрелять из пистолета без промаха, а — главное — говорить фразы, которые могли бы быть пародиями на Байрона и «Фауста» Гёте... Но, увы! Пушкина повесть была свободным порывом вдохновения, а не плодом общего направления литературы! И теперь разбойникам ни один из порядочных писателей не посвящает ни строки, а возятся с ними только разве авторы московского толкучего рынка, состоящие под покровительством московского Лавокà — г. Логинова!..

И в самом деле, не шутя, кто бы осмелился у нас сказать, что французская литература, в своем направлении, далеко отстала от нашей? Боже мой, да это все равно, что сказать, что чухны обогнали нас в просвещении! Даже не все равно, потому что, по давней привычке к скромности, мы готовы унизить себя даже перед чухнами. У нас есть журналисты, которые вместе и стихотворцы, и которые оскорбляются, как нелепостию, противною здравому смыслу, мыслию, что Пушкин не только поэт своей страны, но и великий поэт всего человечества. Попробуйте же теперь отозваться с неуважением о каком-нибудь гаэре милой французской литературы— на вас станут смотреть как на оскорбителя национальной чести, вас готовы побить камением...

Но — мы отдалились от предмета. Прибавим к сказанному, что «Полина» г. Дюмà, нелепая и пошлая по своей идее, нелепа и по изложению: растянута, слаба, бледна... А между тем, вот уже другой перевод ее явился на русском языке, и — чтò всего досаднее — оба перевода этого вздора сносны. Нашли же гг. переводчики, чтò переводить! 〈...〉

〈«Отеч. записки», 1839, т. V, № 8, отд. VI, стр. 24—31〉.

Сотрудничество Белинского в «Отечественных записках» началось с августовской книжки 1839 г., в которой он поместил ряд остроумных рецензий на изделия московских «фризурных» авторов и переводчиков.

Нельзя не заметить, что все эти рецензии отличаются общностью тона, стилистическим и лексическим единством, естественно выделяющим их из довольно тусклой библиографической хроники этого номера.

В полное собрание сочинений Белинского, редактировавшееся С. А. Венгеровым (т. IV), включено только четыре рецензии из этого номера журнала. Нам удалось выявить еще две рецензии из этой же книжки «Отечественных записок», оставшиеся вне поля зрения издателей сочинений Белинского, хотя по ряду несомненных признаков они принадлежат именно ему.

Наши соображения об авторстве Белинского для рецензии на московское издание «Полины» сводятся к следующему:

1. Упоминания о Дюма в прежних книжках «Отечественных записок» были весьма снисходительны. Для Белинского же в этот период Дюма — «жалкая посредственность» (IV, 248), относимая к числу тех французских писателей, которые, «обоготворив неистовство животных страстей», выдают «мясничество за трагедию и роман, а клеветы на человеческую натуру за изображение настоящего века и современного общества» (IV, 461). «Всё, что есть отвратительного в человеческой природе 〈...〉—писал Белинский,— всё, что есть ужасного в гражданском обществе, все его противоречия — всё это они

отвлекли от природы человека и от гражданского общества, и ряд чудовищно нелепых романов, повестей и драм наводнил весь белый свет. Евгений Сю просто-напросто объявил, что на этом свете быть честным и добрым значит метить прямо на виселицу или на колесо, а быть мерзавцем и извергом есть верное средство наслаждаться всеми благами мира сего ⟨...⟩ Дюма возвестил миру, что любить женщину — значит быть готовым каждую минуту задушить, зарезать ее; что сильно и глубоко чувствовать — значит быть тигром, гиеною» (III, 409).

Рецензент «Полины» осуждает автора в том же резком и негодующем тоне за то, что он «не постыдился в этом гнусном и подлом негодяе представить человека глубокого, могучего, с великими духовными силами и средствами, словом, субъективно высказать в нем *свой* идеал человека, так же, как Шиллер некогда в Карле Мооре субъективно высказал *свой* идеал человека!.. Или, может быть, корифеи юной французской литературы и в самом деле убеждены от всей души, что благородному и честному человеку, живущему в мире с обществом, хорошему гражданину, уважающему законы и условия общественные, нельзя быть ни глубоким, ни могучим в душе своей; а чтоб быть таким, надо сперва сделаться разбойником или, по крайней мере, вором? Жаль, что они не знают нашего Ваньки-Каина: то-то была душа глубокая и могучая! Одно то чего стоит, что он подвел свою невесту под кнут и уже после на ней женился, говоря, что „битая посуда два века живет!“ Сколько бы романов, повестей, драм произвел этот *великий мошенник*, а следовательно, *великий человек*, по воззрению французских *великих* художников!..»

Во всех этих высказываниях, взятых нами из разных статей, явственно слышатся интонации Белинского.

2. Резкие выпады против французской литературы и всего французского, встречающиеся в рецензии, характерны для Белинского этого периода.

3. Оценка «Разбойников» Шиллера, «детскость» которых (тем же эпитетом) Белинский отметил несколько ранее (см. III, 331), совпадает с оценкой трагедии критиком в отзывах этого времени (см. IV, 481).

4. Стилистическая близость этой рецензии с другими отзывами Белинского может быть наглядно продемонстрирована следующей параллелью.

В рецензии на «*Полину*» читаем:

«Альфред де-Нерваль был влюблен в Полину Мельен, а Полина Мельен не была влюблена в Альфреда де-Нерваль, посему сей злополучный кавалер и отправился путешествовать на все четыре стороны света, куда глаза глядят. Он бы, может быть, и женился на Полине, да она была богата, а он был беден, и как ни сильна была любовь его, но самолюбие его было сильнее, и боязнь остаться с носом заставила его уехать путешествовать. Но в это время он уже получил в наследство от дяди 30 000 ливров ⟨...⟩ *С таким состоянием можно было смело свататься; но тогда все кончилось бы счастливо и не было бы страшной повести; а как оная была крайне нужна г. Александру Дюма, то Альфред де-Нерваль, по давнишней и пятнадцатилетней дружбе своей к нему, чтобы вывести его из затруднительного положения, и решился уже не свататься*» и т. д. (Разрядка наша. — *Л. Л.*)

Сравним приведенный текст с рецензией «*Соперники в любви, или неразгаданная тайна красавицы*», напечатанной одновременно Белинским в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду»:

«Андрей Сумский влюблен в Розу Склонскую, а *оная девица* влюблена в Андрея Сумского. Все это как нельзя лучше. У Андрея Сумского есть друг, Орест Туров⟨...⟩ Реченный Орест Туров был порядочным человеком и хорошим другом до тех пор, пока не заметил взаимной склонности Сумского и Склонской; *но тут его взяла ревность, не потому, чтобы он сам любил Розу, и не потому, чтобы он был злой человек, а потому, что автору понадобился злодей, без чего его повесть не тронулась бы ни взад, ни вперед. Г. Орест Туров,*

признавши справедливость доводов г. автора, решился вдруг играть роль злодея и для этого влюбиться в Розу» и т. д. (IV, 291—292).

5. Выражение: «авторы московского толкучего рынка, состоящие под покровительством московского Лавока — г. Логинова» — типично для Белинского. Как замечает в своих атрибуционных заметках проф. В. С. Спиридонов, имя Лавока часто встречается в статьях и рецензиях Белинского, и везде «этому французскому книгопродавцу критик противопоставляет русских издателей-лубочников, именуя их „наши доморощенные Лавока", „наши Лавока", „наши досужие Лавока" — ср. II, 48 и 110; III, 50; IV, 103; VIII, 347; XIII, 416 и 433» («Лит. наследство», т. 55, стр. 304).

6. Ироническое применение цитаты из «Ревизора»: «Она смертию окончила жизнь свою» неоднократно встречается у Белинского. Характерно, что он использовал ее и в одновременно написанной рецензии на роман «Как любят женщины» (IV, 352).

7. Саркастическое «понятно ли?» после нелепой цитаты Белинский применяет не только в «Полине», но и в одновременно написанных рецензиях на «Новейший и самый полный астрономический телескоп» (IV, 290) и «Соперники в любви...» (IV, 291) и т. д.

8. В рецензии имеется ссылка на помещенный в этой же книжке отзыв Белинского — «Повесть о приключении английского милорда Георга...»

Возникает вопрос: как могла статья с подобными признаками не обратить на себя внимание С. А. Венгерова?

Нам кажется, что объяснить это можно только тем, что первый абзац рецензии, написанный, повидимому, не Белинским, а Краевским, на первый взгляд, делал невозможной атрибуцию ее Белинскому.

Между тем ни сдержанный отзыв в обозрении французской литературы, помещенный ранее в «Отечественных записках» (1839, №1, отд. VI, стр. 105), ни любезно-снисходительный тон рецензии на петербургское издание «Полины», не имеют сходства с резкой отповедью Дюма и всей «неистовой» школе французского романтизма, которой является публикуемая рецензия. Столь резкий тон не имел прецедентов на страницах солидных и чопорных «Отечественных записок» 1839 г. «Если вы будете снисходительны, — писал петербургский рецензент «Полины», — и не сочтете за нелепость, что такой воспитанный и образованный человек, как граф де-Безеваль разбойничает со своею шайкой в лесах Нормандии, если вам не покажется странным, что он в 1830 году отправляет свои дела как будто бы это было в 1130 году; если предположите, что теперь во Франции вовсе нет полиции — то прочитаете этот роман с удовольствием. Слог перевода довольно чистенек, но несколько тяжел и испещрен типографическими ошибками, из коих некоторые довольно забавны...» («Отеч. записки», 1839, № 4).

Публикуя отзыв Белинского, Краевский не мог, разумеется, не напомнить о двух предыдущих отзывах на ту же книгу и добавил, вероятно, от себя, первый абзац, заканчивающийся довольно неуклюжей фразой: «...мы решаемся посвятить несколько времени на рассказ того, что такое эта нелепая „Полина" и что такое сам автор ее — г. Александр Дюма. Сие последнее будет явствовать из самого рассказа „Полины"».

О том, что Краевский внес какие-то изменения в рецензии Белинского, помещенные именно в восьмой книжке «Отечественных записок», сохранилось любопытное указание самого критика: «Теперь перелистываю № 8 „Отеч. записок"<...>, — писал он Краевскому из Москвы 24 августа 1839 г. — С удовольствием пересмотрел мои статейки в „Литературных прибавлениях" и „Отечественных записках". Небольшие изменения, сделанные вами в них, очень хороши, и я вполне доволен ими...» («Письма», I, 336). Точно установить, какие именно изменения были внесены Краевским в рецензии Белинского, разумеется, нелегко, однако можно с уверенностью сказать, что первый абзац «Полины», несомненно, относился к их числу, равно как приписанная к концу рецензии фраза: «Но видно уж господину Александру Дюма особенное счастье на святой Руси. Вот еще...», — которая должна была связать рецензию Белинского с отзывом на петербургское издание «Новых повестей» Дюма, в текст которого введены, между прочим, отдельные штрихи из публикуемой рецензии на «Полину».

< 2 >

НЕСЧАСТНАЯ

РОМАН ИЗ НАЧАЛА (?!...) ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ II. XVIII ВЕКА

В двух частях.

Москва. В тип. В. Кирилова. 1839. В 12-ю д. л. В I-й части 225, во II-й — 203 стр.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ, ИЛИ СМЕРТЬ ЗА ЧЕСТЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Москва. В тип. Ивана Смирнова (,) при Императорских московских театрах. 1839. В 12-ю д. л. Три части. В I-й—115, во II-й—95, в III-й—95 стр.

РОТМИСТР ЧЕРНОКНИЖНИК, ИЛИ МОСКВА В 1812 ГОДУ

РОМАН ИЗ ПОХОДНЫХ ЗАПИСОК АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКОВНИКА

Москва. В тип. Н. Степанова. 1839. Три части. В 12-ю д. л. В I-й части 76, во II-й—50, в III-й—66 стр.

Вот эти три романа совсем не то, что «Полина» и «Новые повести» г. Александра Дюма̀; хотя они и не уступят первым в нелепости содержания, но форма у них своя, им только свойственная и ни на чью другую непохожая. Эта разница в форме имеет свою причину: «Полина», например, писана для черни салонной и черни средних обществ; а эти три романа писаны для сидельцев мучных и а в о ш н ы х лавок, для площадных торговок и целовальников. Впрочем, хотя они и не будут переведены ни на

НЕДОРОСЛЬ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Изданіе А Кузнецова.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СМИРНОВА.
при ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ Театрахъ.
1839.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КОМЕДИИ ФОНВИЗИНА «НЕДОРОСЛЬ», ИЗДАНИЕ А. КУЗНЕЦОВА

Этому изданию посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 4 за 1840 г.

один из европейских языков, но разойдутся все-таки не хуже «Полины», потому что о них, вероятно, будет заботиться какой-нибудь почтеннейший книгопродавец, необыкновенно острый муж для сбыта подобных произведений, которые он покупает в рукописях рублев по 20, 30 и 50 за штуку, смотря по числу частей и весу тетрадей. Лишь только он выпустит такое творение, как к нему явится варяг-ходебщик с огромным мешком и начнет торговать у него новое творение оптом, с-мешка; торг заключен — и новое творение рыночного ума и рыночной фантазии является в Москве и у Кремлевского сада, и в проходных воротах Никольской, Ильинки, и на Толкучем, на Смоленском и других рынках, и на всех почти перекрестках. Русский человек вообще боится тех лавок, где «не торгуются», и убегает их; но тут торгуйтесь, сколько душе угодно; за роман просят 5 и 10 рублев, а отдают его за три гривенника, за четвертак, двугривенный, пятиалтынный, гривенник и пятак серебра. Между тем, «варяги» развозят еще эти изделия по провинциям и обменивают их на крупу и овес; провинция скупа на деньги, и особенно не любит сорить их на такие пустяки, как книги. Кроме того, какой-нибудь житель провинции, соблазненный хитро-затейливым заглавием романа, крупно и разборчиво напечатанным в «Ведомостях», выписывает его за объявленную цену, т. е. за 10 или 15 рублей,— и, вместо ожидаемых трех или четырех толстых книг, получает одну тоненькую книжечку, разделенную нумерациею на три части, каждая страничек по сорока или, много, по семидесяти. Обманувшись раз, не убережется и на другой, а если и убережется, то покупщиков и без него много на святой Руси. Видите ли, какие верные средства для сбыта изделий площадного ума и фантазии? Барыш всегда несомненный! Надобно сказать вам, что печатание книг и в лучших московских типографиях — Семёна и Степанова, втрое дешевле, чем в Петербурге, а эти произведения печатаются по большей части в типографиях гг. Смирнова, Кирилова, Евреинова, где печатание обходится так же дешево, как набойка холстины для пестрых нарядов деревенских щеголих. Бумага на них идет оберточная, которая в овощных лавках употребляется на завертывание мыла и сальных свечей. Хвала мелкой книжной промышленности! Без нее некоторые книгопродавцы не были бы «почтеннейшими», фризурные писаки были бы без хлеба и без водки, а православный народец был бы без книг и чтения!..

О первых двух из этих романов распространяться нѐчего; но о третьем нельзя умолчать. «Ротмистр Чернокнижник» был уже напечатан еще, кажется, в 1837 году, с именем г. Вельтмана, который, вступившись за честь своего авторского имени, так обязательно и так наивно предаваемого на позор и бесславие, вошел в дело и, кажется, успел остановить дальнейшую продажу нелепого романа. Теперь он является в новом виде: без имени г. Вельтмана и с прибавкою к заглавию «или Москва в 1812 году, роман из походных записок артиллерийского полковника». Так как книжица напечатана на не совсем гадкой бумаге и в типографии г. Степанова, от чего и отличается довольно благопристойной наружностию, а заглавием своим и эпиграфами из Пушкина обещает многое,— то удивительно ли, что найдет себе покупщиков! Но какова будет досада неопытных покупателей, когда они увидят, что книга написана не умным и благородным полковником артиллерии, а разве каким-нибудь писарем, и что в ней нет и тени великого двенадцатого года, а есть один грязный и пошлый вздор?.. Забавнее всего начало романа: фризурный автор изображает провинциальное общество таким злым пером, что не одна горничная, которой бы стал читать он свое произведение, сказала бы ему: «ах, какой вы критикан!» Послушаем и мы немножко остроумного автора толкучего рынка: «Знаете ли вы, что̀ такое бал у деревенского помещика?

Это такая смесь безвкусия, смешного, жалкого, что, право, никто не захочет быть спокойным зрителем, а уйдет скорее в трактир, выкурит трубку фалеру и выпьет бутылку пива, чтоб не видать этих танцев, где никто не умеет танцовать, чтоб не слыхать этих истертых комплиментов, которые попадают из передних столицы в залы городков — и прямо в уста провинциальных дам». Право, какой вы критикан-с, почтеннейший!.. Но вот наш критикан, выпив бутылку пива и затянувшись фалером, заказал себе яичницу или селянку — не помним хорошенько — и велел подать себе можжевеловой, и чрез то̀, возгорясь вящшим жаром, начинает уверять, что на провинциальных балах дамы танцуют в ситцовых платьях и с пестрыми, изношенными платками и шалями на плечах. Вот что̀ значит выпить можжевеловой-то! Право, большой критикан-с!..

⟨«Отеч. записки», 1839, т. V, № 8, отд. VI, стр. 34—36⟩.

Объединенная рецензия на книги «Несчастная», «Бородинское поле...» и «Ротмистр Чернокнижник...» написана в стилистической манере Белинского. Ряд текстуальных совпадений, в том числе и с более поздними высказываниями критика позволяют с уверенностью приписать рецензию Белинскому. Тесная связь с отзывом на «Полину», очевидно, помешала С. А. Венгерову и позднейшим исследователям обнаружить эту рецензию. Для нас же эта несомненная близость является лишь дополнительным аргументом, подтверждающим принадлежность Белинскому обеих рецензий. Приведем несколько текстовых параллелей и сопоставлений.

В рецензии на «Несчастную» читаем:

«Эти три романа писаны для сидельцев мучных и авошных лавок ⟨...⟩ о них, вероятно, будет заботиться какой-нибудь почтеннейший книгопродавец, необыкновенно острый муж для сбыта подобных произведений ⟨...⟩ Лишь только он выпустит такое творение, как к нему явится варяг-ходебщик с огромным мешком и начнет торговать у него новое творение о̀птом, с-мешка; торг заключен — и новое творение рыночного ума и рыночной фантазии является в Москве и у Кремлевского сада, и в проходных воротах Никольской, Ильинки и на Толкучем, на Смоленском и других рынках, и на всех почти перекрестках ⟨...⟩ За роман просят 5 и 10 рублев, а отдают его за три гривенника, за четвертак, двугривенный, пятиалтынный, гривенник и пятак серебра. Между тем, „варяги" развозят еще эти изделия по провинциям и обменивают их на крупу и овес ⟨...⟩ Бумага ⟨на эти книги⟩ идет оберточная, которая в овощных лавках употребляется на завертывание мыла и сальных свечей. Хвала мелкой книжной промышленности! Без нее некоторые книгопродавцы не были бы „почтеннейшими", фризурные писаки были бы без хлеба и без водки, а пра̀вославный народец был бы без книг и чтения!..».

В рецензии на книгу «Гусар, или каких дивных приключений не бывает на свете!», написанной полутора годами позже, Белинский в значительной степени воспроизводит текст публикуемой нами рецензии, повествуя о «фризовых сочинителях», «самородных пиитах толкучего рынка, в фризовых шинелях и с небритыми бородами», книжки которых «обыкновенно печатаются на серой оберточной бумаге, в которой из овощных лавочек отпускаются сальные свечи, мыло и пр. ⟨...⟩ Для кого печатаются эти книги? — спросите вы ⟨...⟩ — сычевские книги не поступают в книжные лавки, но прямо из типографии идут в мешки и частию остаются на Щукином дворе, частию развозятся на толкучие рынки Москвы и по провинциям, где варяги сбывают их ценою от 5 до 50 копеек серебром...» (XIII, 61). Выражение «авошные лавочки», в той же пародийной транскрипции, употребляется Белинским неоднократно.

В рецензии на «Искусство брать взятки» («Московский наблюдатель», 1839, ч. 2) Белинский писал: «В Москве образовался особенный род литературы, особенный литературный мир. Эта литература ходит во фризовой шинели, редко бреет бороду, умывается и причесывается разве по торжественным праздникам; печатается она в типографиях гг. Кузнецова, Смирнова и Кирилова; ее поприще и круг действия — Тол-

кучий рынок: там процветают книжные магазины ее Лавока и Мурраев; ее посредники — ходебщики; ее публика — сидельцы а в о ш н ы х лавок и вообще люди, для которых — все печатное должно быть хорошо...» Далее Белинский сообщает, что эти «серенькие книжки⟨...⟩ распространяются по своему читающему миру не в кипах и не через почту, а в мешках и через ходебщиков...» (IV, 103).

Выражение: «Право, большой критикан», которым заключается публикуемая нами рецензия, повторяется Белинским несколько позже, в «Отечественных записках» в заключении рецензии на «Мнимого больного»: «Какие „критиканы"!.. Ужасные, право, „критиканы"!» (V, 446) и в ряде других рецензий.

Подобные аналогии можно было бы значительно умножить, но в этом как будто уже нет необходимости. Заметим только в заключение, что находящиеся в той же восьмой книжке «Отечественных записок» рецензии на «Полные... и вновь избранные анекдоты о Балакиреве», «Карманный песенник», «Опыт описания Бородинского сражения» и др., вероятно, также принадлежат Белинскому и составляют, таким образом, целый цикл, завершаемый следующими словами в последней рецензии: «Слава богу! На столько вздорных книг, прочтенных нами, наконец одна дельная». Эти рецензии, по своей лаконичности, не могут иметь столько явных свидетельств об авторстве Белинского, как публикуемые нами выше, однако они обладают стилистической и тематической общностью и не лишены специфических для Белинского признаков, вроде упоминания о «„варягах", сбывающих подобные книжонки» («Карманный песенник»), «фризурных авторах» и «книжной промышленности Толкучего рынка» («Анекдоты Балакирева») и пр. Подтверждение этой гипотезы можно найти в одном из писем А. А. Краевского к Белинскому — от 17 июля 1839 г., в котором Краевский откликается на известие, что Белинский взял у А. Д. Галахова для рецензирования 18 книжек, изданных в Москве («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 96). В августовских номерах «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» было напечатано только шесть рецензий Белинского, в «Отечественных записках» — пять, опубликованных Венгеровым, плюс две, атрибутированных нами (на ч е т ы р е книги) — всего пятнадцать. Таким образом, рецензии, перечисленные нами выше, как будто дополняют общий счет книг, разбиравшихся Белинским.

⟨ 3 ⟩

ЛЕКАРСТВО ОТ ЗАДУМЧИВОСТИ И БЕССОННИЦЫ, ИЛИ СОБРАНИЕ НАСТОЯЩИХ РУССКИХ СКАЗОК

Москва. В тип. И. Смирнова. 1839. В 12-ю д. л.

Не думайте, чтоб это были точно народные русские сказки, в их наивной прелести, в их милой простоте и свежести. Это грязные изделия г р а м о т е е в, которые своим грубым долотом, вместо резца, разрушают драгоценные, безыскусственные формы, данные дикому камню могучей и бесхитростной рукой народа. — В этой книжке вы найдете, например: «О славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и о неизобразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны»; «О храбром и смелом кавалере Иване Царевиче и о прекрасной супруге его царь-девице»; «О Игнатье Царевиче и о Суворе невидимке мужичке» и проч. Как заглавие самой книги, так и выписанные нами заглавия сказок, кажется, очень хорошо говорят, что̀ это такое.

⟨«Лит. газета», 1840, № 4, 13 янв., стр. 89⟩.

«Нелепое заглавие этой книжки, — писал Белинский в отзыве на «Лекарство...» в № 11 «Отечественных записок» за 1839 г., — есть лучшая рецензия на нее» (IV, 386).

Точно так же характеризуется эта книга и в публикуемой рецензии. Если учесть постоянно повторяемое положение Белинского о том, что «народные сказки хороши и интересны так, как создала их фантазия народа, без перемен, украшений и переделок» (XII, 215), которое является главной мыслью и этой рецензии, предше-

ствующей многим подобным высказываниям Белинского, авторство его становится несомненным. Белинский, как правило, рецензировал только петербургские издания. Эта же рецензия, как и две следующие, вероятно, написаны им еще до переезда в Петербург.

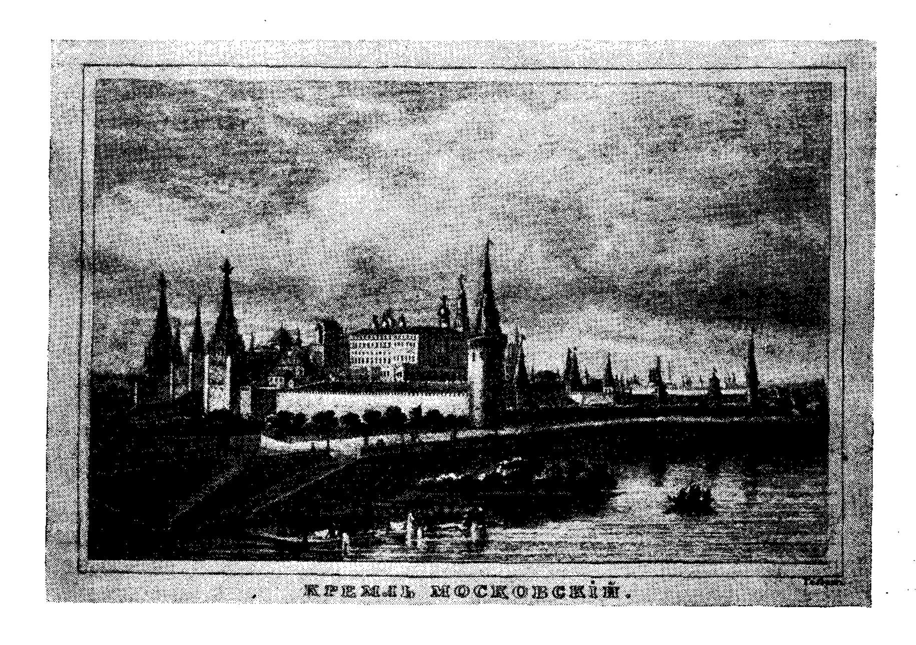
〈 4 〉

НЕДОРОСЛЬ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Издание А. Кузнецова. Москва. В тип. И. Смирнова. 1839. В 24-ю д. л. 312 стр.

Нам стало жалко бедного, даровитого Фонвизина, когда мы увидали это новое издание его лучшего произведения. Комедия его, хотя и не относящаяся в строгом смысле к сфере искусства, всегда однакож останется

«КРЕМЛЬ МОСКОВСКИЙ»

Гравюра Гоберта из «Памятной книжки на 1840 г.» СПб, 1839 г.

«... В памятной книжке, изданной на нынешний год... помещено всего 14 картинок; каждая картинка стоит того, чтобы ее вырезать из книжки и поставить в рамку...» (Из рецензии Белинского)

уважительным памятником в нашей литературе. Это сколки с нравов бывшей эпохи, это мастерские копии с натуры, сделанные человеком умным, ловким, понимавшим хорошо свое время и по тому уже одному стоявшим выше его. Все то, чего можно требовать от копии, все можно найти в фонвизинском «Недоросле»; и всего того, чего нельзя требовать от копии, не должно искать и в нем. Оригинальности, смешные и нелепые особенности века схвачены и списаны отчетливо, умно, забавно, увлекательно; но там, где выступает положительная сторона, где начинает говорить истина, там все мертво, пошло, даже отвратительно. Но и эти мертвые места у Фонвизина не должны быть упускаемы из вида, и не пропадут никогда совершенно, потому что в них с у б ъ е к т и в н о, от лица автора, выражался образ мыслей того времени. Нам потому стало жаль Фонвизина, что новое издание его комедии есть не больше, как подвиг производительной промышленности толкучего рынка.

〈«Лит. газета», 1840, № 4, 13 янв., стр. 89—90〉.

Утверждение, что комедия Фонвизина «хотя и не относящаяся в строгом смысле к сфере искусства, всегда однакож останется уважительным памятником в нашей литературе», является постоянным тезисом Белинского, проходящим через все статьи критика — начиная с ранних его рецензий и до итоговых статей о Пушкине (см., например, XI, 205). Приводим выдержку из несколько более раннего отзыва Белинского об этом же издании. Сходство с публикуемой нами рецензией выступает здесь особенно отчетливо. «Комедия даровитого Фонвизина всегда будет народным чтением и всегда удержит почетное место в истории русской литературы. Она не художественное произведение, но сатира на нравы, и сатира мастерская. Ее действующие лица — дураки и умные: дураки все очень милы, а умные все очень пошлы; первые карикатуры, написанные с большим талантом, вторые — резонёры, которые надоедают вам своими сентенциями. Одним словом, комедии Фонвизина, особливо „Недоросль", никогда не перестанут возбуждать смех и, постепенно теряя чтецов в высших, со стороны образования, кругах общества, тем более будут выигрывать их в низших и делаться народным чтением. Вот уже площадная книжная производительность начинает овладевать ими, и г-н Кузнецов издает их, печатая в типографии г. Смирнова, на дурной бумаге и со всевозможными орфографическими, логическими и типографическими ошибками» (IV, 385. Разрядка наша. —*Л. Л.*).

Приложение к Фонвизину своеобразного эпитета «даровитый» в обеих рецензиях, употребление слова «субъективно», резкое осуждение «подвига производительной промышленности толкучего рынка» весьма типичны для Белинского.

‹ 5 ›

EPÎTRE EN VERS AU PRINCE DE VARSOVIE COMTE PASKEWITCH D'ERIVAN. 1826—1831

PAR LE PRINCE NICOLAS GALITZIN

St. Pétersbourg, de l'imprimerie de Charles Kray. 1839. В 8-ю д. л. 13 стр.

Epître по-русски значит послание, а по-латыни epistola, от чего и произошла эпистолярная поэзия, которую еще в прошлом веке признали действительно за поэзию, а теперь уже отнесли к рифмованной прозе, которая хуже всякой худой прозы. Французский язык не совсем способен к поэзии, но удивительно как хорошо идет к рифмованной реторике фраз. Вероятно, это и решило автора, русского по крови и душе, написать в честь русского же героя гладкую французскую прозу, зарифмованную французскими созвучиями. Это обстоятельство нас заставило перечесть «Бородинскую годовщину» Пушкина, чтобы насладиться непостижимым умением истинного поэта в немногих словах сказать много, и несколькими стихами, как на меди или мраморе, выгравировать неизгладимыми буквами великий подвиг героя, которого тщетно ищем мы понять в ином довольно длинном послании, исполненном самыми обстоятельными описаниями. Судите сами:

Победа! Сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

‹«Отеч. записки», 1840, т. VIII, № 1, отд. VI, стр. 56›.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПОВЕСТИ М. Н. ЗАГОСКИНА «ТОСКА ПО РОДИНЕ», ИЗДАНИЕ 1839 г.

Этой книге посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 5 за 1840 г.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Н. Загоскина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1839.

‹ 6 ›

BORODINO
INSPIRATION AU PIED DU MONUMENT ÉLÉVÉ EN MÉMOIRE DE LA BATAILLE DU 26 AOÛT 1812

PAR UN VÉTÉRAN DE L'ANNÉE 1812

St. Pétersbourg, 14 octobre 1839. L'imprimerie de N. Gretch. В 8-ю д. л. 17 стр.

А вот и еще излияние р у с с к и х патриотических чувств на ф р а н ц у з с к о м языке!.. Что̀ сказать об этих ч у в с т в а х - к о л о н и с т а х, лишенных родной почвы, родного климата и родного неба? Они немножко бледны, немножко вялы: перемена отечества, кажется, сильно подействовала на них и произвела в них изнурительную лихорадку, следствие «тоски по родине»... Русское чувство глубоко, сильно и могуче, оно не уляжется в жидкую французскую фразу, если его самого не разжидить заблаговременно.

‹«Отеч. записки», 1840, VIII, № 1, отд. VI, стр. 56›.

Авторство Белинского для двух публикуемых выше миниатюрных рецензий устанавливается на основании следующих данных:

1. Книжки изданы в Петербурге, а петербургскими изданиями беллетристического характера занимался преимущественно Белинский. В рецензии на «Повести Марьи Жуковой» («Отеч. записки», 1840, № 2) Белинский писал, что «первые полтора месяца нового 1840 года были очень неблагоприятны‹...› для „Отеч. записок“: книжный неурожай был так велик, что почти не о чем и нечего было им поговорить со своими читателями»

(V, 212). Именно в это время и поступили на рецензирование обе брошюры; они не могли не привлечь к себе внимание Белинского, незадолго до того уже писавшего о «Бородинской годовщине».

2. Резкие оценки французов и французского языка в это время были характерны именно для Белинского. Ср., например, следующие высказывания из других статей критика: «Гений французского языка и французской литературы, отличающихся характером какого-то прозаизма...» (VI, 260). «Величие в великих делах у французов состоит в помпе, реторической шумихе и вычурной парадности—характеристическая черта их народности...» (III, 415). «Французский язык, этот бедный, жалкий язык имеет необыкновенную способность опошливать все, что не водевиль или не громкие фразы, — две крайности, составляющие жизнь французского народа...» (III, 342) и т. д.

Подобные высказывания у других рецензентов «Отечественных записок» не встречаются.

3. Яркие патриотические реплики в обеих рецензиях о русском чувстве, которое «глубоко, сильно и могуче», противопоставление его «чувствам-колонистам, лишенным родной почвы, родного климата и родного неба» чрезвычайно близки по своему характеру к широко известной тираде негодующего Белинского: «...Космополит есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, а не яркая живая действительность; вот почему, например, русский, случайно проведший в Париже свое младенчество и в чуждой его родной сущности (субстанции) стране принявший первые живые впечатления бытия, представляет из себя какого-то амфибия, уродливого и отвратительного, как все амфибии; вот почему человек, для которого ubi bene ibi patria, есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека» (IV, 407). Характерно, что эти строки были написаны Белинским почти одновременно с публикуемыми рецензиями и помещены в предыдущей книжке «Отечественных записок».

4. Имеются в рецензиях и прямые текстуальные совпадения с другими рецензиями Белинского. Приводим наиболее убедительное из них. В той же книжке журнала в рецензии на «Очерки русской литературы Н. Полевого» Белинский назвал «Историю Российского государства» Карамзина «дивной резьбой на меди и мраморе» (V, 112). Так же «на меди или мраморе выгравированными» в рецензии на «Epître...» характеризуются стихи Пушкина. То обстоятельство, что совпадение имеет место в одной и той же книжке журнала, полностью исключает возможность заимствования — вольного или невольного — со стороны другого рецензента. Вдобавок, такое же сравнение встречается и в позднейшей рецензии Белинского на 9—11 тома Соч. А. Пушкина: «История Пугачевского бунта", пером Тацита писанная на меди и мраморе» (VI, 282).

〈 7 〉

ТОСКА ПО РОДИНЕ

ПОВЕСТЬ

СОЧИНЕНИЕ М. Н. ЗАГОСКИНА

Две части

Москва. В тип. Н. Степанова. В 12-ю д. л. В 1-й части — 222, во 2-й — 300 стр.

Имя г. Загоскина достаточно говорит и о достоинстве, и о характере его нового романа. Бедность содержания и местами растянутость выкупаются в «Тоске» многими забавными сценами русского простонародия. Слог плавный, чистый, правильный и живой. Вообще новый роман г. Загоскина ничем не ниже его прежних романов, исключая «Юрия Милославского», который, по своему достоинству, составляет как бы исключение из сочинений знаменитого нашего романиста.

〈«Лит. газета», 1840, № 5, 17 янв., стр. 112〉.

Сличение публикуемой рецензии с пространным отзывом на эту же книгу, помещенным Белинским в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1839 г., выявляет несомненную близость между ними. «Новый роман г. Загоскина, — писал в «Отечественных записках» Белинский, — отличается теми же недостатками, или, если угодно, теми же достоинствами, какими отличались прежние его романы ⟨...⟩ язык живой, плавный, увлекательный и правильный вместе с этим, а не только мертво-правильный, как в иных *компактных* изданиях, вылощенных рукою приятеля-грамотея» (V, 2, 11). В своих многочисленных отзывах Белинский всегда выделял «Юрия Милославского» из общей массы сочинений Загоскина как лучший его роман. В рецензии на роман «Искуситель» Белинский также отмечал «одушевленный, плавный, певучий слог» Загоскина.

⟨ 8 ⟩

ПЕСНЬ ОБ ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ МИХАИЛА ДЕ ЛА РЮ

Одесса. В Городской типографии. 1839. В 8-ю д. л. 78 стр.

«Слово о полку Игореве», как известно, не раз обращало на себя внимание наших ученых и поэтов. Первые, исследуя его в отношениях историческом и филологическом, хотели уяснить и очистить его критически; вторые, увлекаясь поэтическою стороною этого древнейшего памятника русской поэзии, стремились воспроизвесть его в художественном отношении; много было споров между нашими учеными, и дело по сию пору не решено, и может быть долго еще не решится, а между тем нельзя не поблагодарить от души наших поэтов, которые с такой любовию занимаются этим драгоценным памятником старины. Их поэтическое чувство иногда может уяснить дело более, нежели холодная критика ученого, чему доказательством служит настоящее переложение г. Де Ла Рю: прочитав его, вы до такой степени увлекаетесь поэтической стороной этого памятника, что он представляется вам полным художественным произведением, и в душе вашей возникает невольная досада против скептической критики, которая хочет отнять у вас это прекрасное произведение и иногда представляет такие аргументы, что поневоле призадумаешься... Г. Де Ла Рю переложил «Песнь об ополчении Игоря» звучными, прекрасными гекзаметрами, которые чрезвычайно хорошо подходят к характеру этой «Песни».

Издание книги, в типографском отношении, прекрасно.

⟨«Лит. газета», 1840, № 7, 24 янв., стр. 157—158⟩.

Об этой книге Белинский поместил рецензию в первом номере «Отечественных записок» за 1840 г. «Г. Де Ла Рю, — писал Белинский, — имел самое благое намерение— не входя в ученые разыскания и исследования о достоверности известного „Слова о пълку Игореве Игоря сына Святъславля“, переложить его в нынешние звучные, гладкие гекзаметры, чтоб сделать доступным для всех читателей, которым непонятен язык этого древнего памятника ⟨...⟩ Г. Де Ла Рю действовал тут как поэт и как критик-археолог, — и, как поэт, исполнил свое дело с совершенным успехом: его гекзаметры ⟨...⟩—истинный подарок для читателей; их с удовольствием прочтет всякий — и верующий и неверующий в древность и великорусское происхождение этой поэмы» (V, 90 — 91).

В несколько более позднем отзыве о «Слове» Белинский писал: «„Слово о пълку Игореве“ подало повод к жестокой войне между нашими археологами и любителями древности: одни видят в нем дивное произведение поэзии, великую поэму, благодаря которой нам нéчего завидовать „Илиаде“ греков; другие отвергают древность его происхождения, видят в нем позднейшее и притом поддельное произведение⟨...⟩ Что касается до нас, мы решительно не согласны ни с теми, ни с другими⟨...⟩„Слово“ — прекрасный, благоухающий цветок славянской народной поэзии, достойный внимания,

памяти и уважения. Что же касается до того, точно ли „Слово" принадлежит XII или XIII веку и не поддельно ли оно: на это сама поэма лучше всего отвечает, если только об ней судить на основании самой ее, а не по разным внешним соображениям» (VI, 361—362).

Сходство этих высказываний доказывает авторство Белинского.

< 9 >

ПОПРАВКА

В 3 № «Галатеи», в разборе «Утренней зари», изд. В. А. Владиславлевым, между прочим, сказано, что «Литературная газета» без ума от этого альманаха, и выписаны из 1 № Л. Г. в шутку пародированные стихи на известную оду Ломоносова, так:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит снова за собою
Литературной славы новый год.

В «Галатее» последний стих назван неудачной пародией. Точно, в таком виде эта пародия неудачна; но это не наша вина, а вина «Галатеи», которая, без ума, мечтая о славе, должно быть нечаянно ввернула в этот стих славу. Что делать! знать с языка сорвалось. В «Литер. газете», помнится, просто было сказано:

Выводит снова за собою
Литературный новый год!

Может быть, пародия эта действительно неудачна — как быть! Ведь и сама «Галатея» нынешнего года есть неудачная пародия на «Литературные прибавления к Русскому инвалиду» прошлого года, а мы молчали об этом...

<«Лит. газета», 1840, № 13, 14 февр., стр. 311>.

Так как именно Белинскому принадлежала и рецензия на «Утреннюю зарю» в «Литературной газете» и пародийная цитата из Ломоносова, искаженная «Галатеей» (см. XIII, 32), вполне естественно предположить, что не кто другой, как Белинский, набросал публикуемую выше «Поправку», заклеймившую недобросовестность московского журнальчика. Стилистические особенности заметки, равно как и характерные для Белинского уничтожающие отзывы о «Галатее» (ср. IV, 210; V, 240 и др.) убедительно свидетельствуют о его авторстве. В цитате, приведенной из «Галатеи», есть еще одно искажение, не замеченное Белинским: вместо «прохладных вод», как было в «Литературной газете», в «Галатее» напечатано: «спокойных вод».

< 10 >

ПРЕКРАСНЫЙ, *(запятая!)* МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

РОМАН ПОЛЬ-ДЕ-КОКА

С портретом автора. Санктпетербург. 1840. В тип. Конрада Вингебера и Сычева. В четырех частях. В 12-ю д. л. В I-й части 141, во II-й—144, в III-й—131, в IV-й 147 стр. с эпиграфом:

«Nous plaisons plus souvent, dans le commerce de la vie, par nos défauts que par nos bonnes qualités».

Maximes de la Rochefoucauld.

Этот «Прекрасный, молодой Человек», с запятою и в четырех частях, есть «Un jeune homme charmant» без запятой и в двух частях, новый и очень занимательный роман Поль-де-Кока, вышедший в самой

Франции только в прошлом 1839 году. Почитателей таланта забавного парижского сказочника ожидает неисчерпаемое наслаждение: весельчаки найдут чему посмеяться, а души чувствительные — и поплакать. В «Прекрасном молодом человеке» очень живо рассказывается о том, что̀ может быть и действительно бывает, и потому чтение этого романа всякому может принести гораздо более удовольствия, нежели «Notre Dame de Paris», какой-нибудь «Аббаддонна» и другие подобные произведения — неистовые и сентиментальные, в которых очень дико рассказывается о том, чего не может быть и не бывает. Перевод не дурен. Портрет необыкновенно дурен, но и за него все-таки спасибо издателю: благодаря ему, многочисленные почитатели Поль-де-Кока увидят, что их любимый автор очень похож на доброго и честного немецкого булочника, и что у него в лице — «физиономия и размышление».

⟨«Лит. газета», 1840, № 16, 24 февр., стр. 378—379⟩.

Несколько ироническое, но явно благожелательное отношение Белинского к Поль-де-Коку отразилось во многочисленных высказываниях критика о «забавном парижском сказочнике». Не вступая в общий хор рецензентов, лицемерно твердивших о крайней безнравственности французского бытописателя, Белинский постоянно подчеркивал здоровые, реалистические стороны произведений Поль-де-Кока, противопоставляя их «кровавым нелепостям» французской романтической школы в лице ее прославленных вождей — Гюго, Дюма и др.

Публикуемая нами анонимная рецензия на роман Поль-де-Кока «Прекрасный молодой человек» имеет все характерные признаки авторства Белинского. Об этой же

ПѢСНЬ

ОБЪ ОПОЛЧЕНІИ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,

ВНУКА ОЛЕГОВА.

ПЕРЕЛОЖЕНІЕ

Михаила де Ла Рю.

ОДЕССА.

Въ Городской Типографіи.

1839.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ПЕРЕЛОЖЕНИИ М. ДЕ ЛА РЮ

Этой книге посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 7 за 1840 г.

книге Белинский одновременно дал отзыв во втором номере «Отечественных записок», вышедшем в середине февраля 1840 г. (XII, 227—228). Достаточно сопоставить обе рецензии, чтобы убедиться, что они написаны одним и тем же автором.

Отметив, по обыкновению, энергическим восклицательным знаком нелепую запятую в заголовке книги, Белинский остроумно иронизирует над «прекрасным молодым человеком с запятою и в четырех частях». Подобным же образом критик позднее «обыгрывал» ошибочную пунктуацию в другой книге: «Хотя молодой человек, написавший эти записки, и не просто молодой человек, как все молодые люди на белом свете, но молодой человек в стихах, следовательно принадлежащий к особенной породе молодых людей, однако это не мешает его запискам быть пустыми и нелепыми ⟨...⟩ Вот образчик юмора „молодого человека в стихах"⟨...⟩ Такие стихи писать легко всякому, не только „молодому человеку в стихах". Потому-то „молодой человек в стихах" обещает книжки вторую, третью и т. д.» (VIII, 503). Или, например: «Не знаем, право, что̀ это за г-жа Ребо в четырех частях...» (V, 283) и т. д.

В обеих рецензиях на «Прекрасного молодого человека» роман рекомендуется как «занимательный». «Забавным парижским сказочником» Белинский называет Поль-де-Кока неоднократно (см. III, 430; V, 13 и др.). Как и в публикуемой рецензии, Белинский в отзыве на «Прекрасного молодого человека», помещенном в «Отечественных записках», утверждает, что «талант Поль-де-Кока не подлежит никакому сомнению ⟨...⟩ Он пишет о том, что есть и бывает» (XII, 227).

Ср. также: «Поль-де-Кок не больше, как веселый рассказчик небылиц, которые очень походят на были... Далее: он для меня выше всех представителей идеальной и неистовой школы» (III, 430—431). «Маленькие парижские гении, которые изображают дикие страсти, клевещут на человеческое сердце и чернят свет божий, вот они-то смешны поистине, а не добрый, почтенный Поль-де-Кок» (IV, 202); «...Мы от всей души убеждены, что веселые, оригинальные и забавные, хотя нередко и грязные рассказы Поль-де-Кока в тысячу раз безвреднее кровавых нелепостей первоклассных гениев и талантов покойницы „юной литературы" Франции» (IV, 306).

Как рецензию в «Литературной газете», так и рецензию в «Отечественных записках», Белинский заключает насмешливым описанием портрета Поль-де-Кока.

⟨ 11 ⟩

⟨ОТ РЕДАКЦИИ⟩

Странно! Мнения в «Репертуаре русского театра»!! Будто там есть мнения? Разве только странные, подобные приведенному здесь ⟨о Моцарте⟩, или мнению о «Ревизоре» (из той же статьи); по мнению автора, в «Ревизоре» нет ни вымысла, ни завязки, ни характеров, ни натуры, ни языка, ни идей, одним словом — ничего! Зато от г. Полевого он ожидает решения великой задачи о драматическом искусстве. Дай бог ему дождаться! Говорят, что г. Полевой приступил уже к решению этой задачи в новых своих драмах и водвилях, которые готовит к будущим бенефисам. Если же г. Полевой не решит ее, то мы должны будем возложить все упования наши на знаменитого его соперника г. Коровкина, на которого вообще мы возлагаем великие надежды.— *Ред.*

⟨«Лит. газета», 1840, № 24, 23 марта, стр. 571⟩.

Авторство Белинского для этого примечания, помещенного в «Петербургской хронике» З..., по поводу «странного мнения „Репертуара русского театра" о Моцарте (1840, кн. 3, стр. 23)», определяется текстуальной близостью с более поздними высказываниями Белинского (см., например: «Оставь г. Коровкин водвиль и возьмись за трагедию,

драму и комедию, он явился бы достойным соперником г. Полевого не по одной многоплодной деятельности, но и по таланту» (V, 93). Такое же ироническое сопоставление Полевого и Коровкина как соперников см.: V, 231, 236, 241, 384. Высмеивание Белинским нелепых литературных мнений «Репертуара» — см. V, 161—167 и 235—236. Ту же цитату из «Репертуара» о Гоголе Белинский приводит позднее, в рецензии на «Репертуар русского театра» («Отеч. записки», 1840, № 4, ц. р. около 14 апреля 1840). Самый характер сноски, резкие, беспощадные высказывания о Полевом, писать о котором в журналах Краевского выговорил себе исключительное право Белинский (см. «Письма», I, 313—314), стилистические особенности, характерные для Белинского-полемиста, исключают предположение о том, что ее автором мог быть какой-нибудь другой сотрудник редакции «Литературной газеты».

‹ 12 ›

ПОВЕСТИ МАРЬИ ЖУКОВОЙ. СУД СЕРДЦА. САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ. ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА. МОИ КУРСКИЕ ЗНАКОМЦЫ

С.-Петербург. В Гутенберговой тип. 1840. Две части. В 8-ю д. л. В I-й части 272, во II-й 283 стр.

В литературе, как и во всем, существует своя мода, свой господствующий вкус, свое временно характеристическое направление. Не пускаясь далеко, возьмем нашу русскую литературу: была пора — мы не знали, куда деваться от торжественных од; пришла пора другая — наши журналы, типографии и книжные лавки были завалены балладами; потом настало время поэм и стихотворных повестей à la Byron; тогда всеми нашими поэтами овладело отчаяние, на каждом шагу испытывали они утраты, каждый день были жертвою разочарования — и мы не знали, куда деваться от «элегических к у к у»! После того мы ударились в романы; в наше время роман о б а н к р у т и л с я, как весьма справедливо заметили Бальзаку французские книгопродавцы, и господствующим родом в беллетристике сделались п о в е с т ь и д р а м а. Кто ньньче не пишет драм и повестей, так точно, как прежде кто не писал романов? И еще прежде, кто не писал романических поэм и элегий? Талантливые и бесталанные, старые и малые, журналисты и критики, все ударилось в повести или в драмы, да еще как? Ныньче встречаетесь вы с знакомым;— он вам говорит, что написал п о в е с т ь; вы с ним не виделись дня три-четыре, встречаетесь снова, и уж он объявляет, что у него готова д р а м а. Только и слышите со всех сторон: «повесть» или «драма», «драма» или «повесть»!

Само собою разумеется, такое предпочтительное направление известного рода в литературе всегда имеет свое основание: начало обыкновенно возникает вследствие потребности, которая сама бывает следствием предшествовавших обстоятельств; потребность в литературе угадывается людьми, которые, в литературном смысле, стоят во главе своего времени и своего народа; если потребность угадана и положено начало к удовлетворению ее, это начало имеет успех, влияние, пробуждает деятельность и таланта и бездарности; мелкая промышленность не дремлет в таких случаях: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. И вот, успех производит подражателей,— и литература наводняется то романтическими поэмами, то романами, то повестями, то драмами.

При таких оказиях всегда повторяется одно и то же явление: чистое и светлое остается и блестит на поверхности; сорное и тяжелое падает на дно. Из множества произведений одного рода уцелеют те, которые запечатлены силою таланта, а прочие пойдут на обвертку первых: так всегда было и всегда будет.

В наше время, когда писать повесть считают своим призванием и назначением в с е, к немногому числу этих всех без всякого сомнения должны мы отнести г-жу Жукову, которая в какие-нибудь два-три года успела обратить на себя внимание всей читающей публики и занять почетное место между русскими нувеллистами. Ее «Вечера на Карповке» вышли уже вторым изданием, а между тем г-жа Жукова писала и печатала в журналах — и у нее набралось еще два тома повестей, которые мы теперь рекомендуем публике.

Из этих повестей две знакомы читающим русские журналы: «Падающая звезда» была напечатана в «Отечественных записках», «Мои курские знакомые» в «Библиотеке для чтения». Другие две являются в свет в первый раз.

При современной охоте писать и рассказывать повести, нам столько приходится перечитывать их, что мы слишком мало скажем, если на каждый день положим по одной повести; одни литературные журналы, для которых повесть conditio sine qua non, сколько наделяют ими нашу публику! А ведь, кроме повестей журнальных, у нас выходят еще отдельные собрания рассказов, былей, повестей всех родов, цветов и форматов; счастие мало балует нас хорошими произведениями в этом роде, насылая напротив кучи разного литературного хлама и мусора; зато как и обрадуешься, встретив между грудою вялых сочинений жалкой бездарности живое создание, свежее, поэтическое!

И так точно обрадовались мы, читая повести г-жи Жуковой: сколько удовольствия, сколько наслаждения доставили нам они, и наслаждения совершенно нового! Это произведения самобытные, не носящие на себе признака подражательности ни в содержании, ни в характере действующих лиц, ни в манере рассказа, ни в силе. Вы переноситесь в новый мир, читая страницы, в которых так простодушно, так верно сказывается сердце женщины, с его сокровенными изгибами, с его человеческими интересами, с его внутреннею, глубокою жизнию, с его тонкою наблюдательностию — наблюдательностию с е р д ц а, а не ума, заметьте!— со всем тем, что̀ составляет целый, особенный мир сердца женщины, преображающийся в то время, когда на него смотрит и высказывает его мужчина, и являющийся в другом виде, с другими оттенками, когда это сердце высказывается устами женщины... Да, повести г-жи Жуковой в е ю т ж е н щ и н о ю, если можно так выразиться: только женщина может так глубоко и верно понять женщину, подсмотреть ее задушевную жизнь, только она в состоянии заметить такие тонкие, для мужского глаза недоступные черты.

Великий талант поэта-мужчины может создать женское лицо, которое будет глубоко очаровательно, художественно, может быть еще более; но это создание всегда будет лицо идеальное, а не портрет, снятый с природы; при том создании вы скажете: «да, так м о ж е т быть», а при этом: «иначе быть н е м о ж е т».

И в сем отношении повести г-жи Жуковой превосходны: ее женские портреты нарисованы разительно верно; по ним мы, мужчины, можем изучать женщину. Но с другой стороны, мужские фигуры у г-жи Жуковой очерчены слабее, поверхностнее; они по большей части находятся на втором плане картины, и оставляют в воображении читателя отпечаток слабый, более памятный по своему пластическому очертанию, нежели по глубине своего внутреннего значения.

Но верность и мастерство изображения женских портретов не есть еще единственное достоинство повестей г-жи Жуковой; нет, она чарует прелестию рассказа, заманчивого, одушевленного, согретого теплотою чувства; в ее картинах нет никаких лишних, утомительных подробностей; ее описания сжаты, но полны, энергичны; в тех случаях, когда г-жа Жукова хочет написать группу, и в этой группе есть лицо женское, она всегда

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
ЧАСТИ ПЕРВОЙ ПОВЕСТЕЙ
МАРЬИ ЖУКОВОЙ

Повестям М. Жуковой посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 26 за 1840 г.

ПОВѢСТИ

МАРЬИ ЖУКОВОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СУДЪ СЕРДЦА. САМОПОЖЕРТВОВАНІЕ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Гутенберговой типографіи.
1840.

умеет придать этому лицу такую позу, которая очарует вас грациозностию.

Наконец, не малое достоинство повестей г-жи Жуковой заключается в прекрасном слоге, которым могут похвалиться немногие современные русские нувеллисты.

Издание книги весьма красиво.

〈«Лит. газета», 1840, № 26, 30 марта, стр. 613—616〉.

За две недели до появления этой рецензии Белинский поместил в «Отечественных записках» большую статью о «Повестях Марьи Жуковой». Оба отзыва о Жуковой настолько близко совпадают и по мысли и по выражениям, что принадлежность Белинскому рецензии, помещенной в «Литературной газете», становится несомненной. Достаточно сопоставить заключительный абзац публикуемой нами рецензии с соответствующим местом в статье «Отечественных записок», чтобы убедиться в полной идентичности: «Талант рассказа и в особенности полнота живого, горячего женского чувства составляют главное достоинство повестей г-жи Жуковой, и достоинство высокое〈...〉— писал Белинский в «Отечественных записках». — Говорят, что г-жа Жукова прекрасно изображает женщин: это правда — ее женщины и умнее, и любящее, и истиннее ее мужчин〈...〉 Когда дело идет о литературных произведениях, не чуждых поэзии, но чуждых художественности, женщина лучше, нежели мужчина, может изображать женские характеры, и ее женское зрение всегда подметит и схватит такие тонкие черты, такие невидимые оттенки в характере или положении женщины, которые всего резче выражают то и другое и которых мужчина никогда не подметит. Но точно так же и женщина должна далеко уступить мужчине в изображении мужских характеров и положений〈...〉

Итак, полнота горячего чувства, верность многих положений, истина в изображении многих черт и оттенков женских характеров, искусный, увлекательный рассказ

и, прибавим к этому, прекрасный слог, которым и мужчины редко владеют у нас, — вот достоинства повестей г-жи Жуковой» (V, 215, 217—218).

В качестве дополнительного аргумента укажем на то место в рецензии, где встречается часто повторяемая Белинским жалоба на необходимость перечитывать огромное количество разного литературного хлама, среди которого только изредка встречается истинно художественное произведение. Отметим также, в pendant к выражению в публикуемой нами рецензии: «Кто ныньче не пишет драм и повестей, так точно как прежде кто не писал романов?»—следующую фразу из другой, более поздней, рецензии Белинского: «Кто не пишет в наше время романов и повестей?» (VIII, 232).

< 13 >

ТРИ ПЕСНИ ПАТРИОТА

С.-Петербург. В тип. III-го Отделения Депар. Минист. Госуд. Имущ. 1840. В 12-ю д. л. 24 стр.

В этих «Трех песнях патриота» нет трех стихов порядочных. Да и может ли называться патриотом такой «сочинитель», который размножает в своем отечестве литературные плевелы и пустоцветы? — Какой он патриот!

<«Лит. газета», 1840, № 32, 20 апр., стр. 754>.

В четвертой книжке «Отечественных записок», вышедшей в середине апреля 1840 г., т. е. почти одновременно с № 32 «Литературной газеты», в котором находится публикуемая выше рецензия, помещен крошечный, но столь же убийственный отзыв Белинского о «Трех песнях патриота». Невозможно предположить, чтобы эта ничтожная книга была передана другому рецензенту для составления отзыва в две-три строки. Чеканная, афористическая форма этой критической миниатюры чрезвычайно близка к индивидуальной манере Белинского. Ср., например, в другой, более поздней рецензии Белинского: «Чувство любви к отечеству — благородное и возвышенное чувство; но оно должно высказываться не в плохих виршах...» (VII, 164).

< 14 >

МОЛОДАЯ СИБИРЯЧКА. ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Перевод с французского А. Попова

С.-Петербург. В тип. К. Крайя. 1840. В 12-ю д. л. X и 141 стр.

«La jeune Sibirienne» есть не что иное, как рассказ невымышленного происшествия, случившегося в начале царствования покойного императора Александра. Книжка эта написана графом Ксавье де Метром, или, как называет его русский переводчик, Ксаверием Местром. Героиня этого рассказа — Прасковья Лупалова, дочь ссыльного, пришедшая пешком из Сибири, чтобы выпросить прощение своему отцу. Это необыкновенное происшествие послужило уже раз предметом романа для г-жи Коттен, которая однакож исказила истину разными романическими бреднями и благородный характер Лупаловой представила совсем не в настоящем виде, лишив его через это чистоты, величия и высокой занимательности. Г. Полевой из подвига Лупаловой написал драму «Параша Сибирячка», которая благодаря занимательности самого сюжета и игре артистов имела успех на нашей сцене. Но ни роман г-жи Коттен, со всеми романическими приделками, ни драма г. Полевого, со всеми театральными эффектами не займут и не тронут вас до такой степени, как этот простой био-

графический рассказ о беспримерном подвиге молодой девушки, которая с геройским самоотвержением, с бесконечно глубокою верою в милосердие царя небесного и в великодушие царя земного, совершила дело, едва вероятное! Сколько претерпела она ужаснейших бедствий на пути далеком, сколько раз голодала она по целым дням, без пристанища, без ночлега, без теплой одежды среди лютой зимы!.. Без умиления невозможно читать этого простого описания ее истинно-драматической жизни, и мы рекомендуем эту книжку всякому, потому что всякий прочтет ее с величайшим участием. Советуем давать ее в руки детям, а кто может, грамотным простолюдинам: это прекрасная повесть для простого народа. Перевод мог бы быть несколько лучше. Кажется, он сделан слишком наскоро.

⟨«Лит. газета», 1840, № 35, 1 мая, стр. 821—822⟩.

В отзыве на эту же книгу, помещенном позднее в пятой книжке «Отечественных записок», Белинский писал: «Вот истинная, а не поддельная история Параши Сибирячки, история простая, без прохожих, без эффектных сцен на Кремлевской площади, без эффектных плясок под сентиментальную музыку, но тем более трогательная и возвышающая душу... Бедная молодая девушка, дочь природы, с глубоким религиозным чувством и бесконечною любовию, одна, без денег, без опытности, идет из глуши Сибири в Петербург ⟨...⟩ Высокое, отрадное и при всем том такое простое явление... Удивительно ли, что чтение этой маленькой повести производит на душу такое сильное впечатление?» (V, 282).

Обе рецензии чрезвычайно близки и по мысли и стилистически. В обеих особенно подчеркивается истинность происшествия, описанного в «Молодой Сибирячке», и отмечается, что этот простой, безыскусственный рассказ гораздо более действенен,

МОЛОДАЯ

СИБИРЯЧКА,

ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВІЕ.

Переводъ съ Французскаго

А. Попова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

1840.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ ПОВЕСТИ КСАВЬЕ ДЕ МЕСТРА «МОЛОДАЯ СИБИРЯЧКА» В ПЕРЕВОДЕ А. ПОПОВА

Этому изданию посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 35 за 1840 г.

чем все «театральные эффекты» Н. Полевого. Ту же мысль проводит Белинский и в более поздней рецензии на это же произведение: «Эта книжка интересна по событию, истинному и прекрасному, которое в ней описано⟨...⟩ Успех книжки графа де Метра и комедии г. Полевого основан единственно на нравственной красоте события, а отнюдь не на литературных достоинствах изложения» (IX, 171).

Эти совпадения, а главное то, что отзыв в «Лит. газете» на две недели *предшествовал* отзыву в «Отечественных записках», делает несомненным авторство Белинского.

⟨ 15 ⟩

ЖИЗНЬ ВИЛЛЬЯМА ШЕКСПИРА, АНГЛИЙСКОГО ПОЭТА И АКТЕРА; С МЫСЛЯМИ И СУЖДЕНИЯМИ ОБ ЭТОМ ВЕЛИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Русских и иностр⟨анных⟩ писателей:

Н. А. Полевого,	*Гёте,*
П. А. Плетнева,	*Шлегеля,*
Л. А. Якубовича	*Гизо,*
	Вилльмена.

С портретом Шекспира. Москва. В тип. Н. Степанова. 1840
В 8-ю д. л. IV и 52 стр.

Творение, принадлежащее г. А. Славину, *всем известному* актеру московского театра, и посвященное П. С. Мочалову. В посвящении автор говорит: «Кому приличнее посвятить биографию Шекспира, как не тебе, мой превосходный Гамлет!» Чтобы понять вполне, как г. Славин держится этого *приличия*, надобно вам знать, почтенные читатели, что он дебютировал на московской сцене в роли Гамлета, той самой, в которой, по его собственному признанию, г. Мочалов превосходен, неподражаем. Не дивитесь смелости новичка, который для *первого* опыта в сценическом искусстве избрал *первоклассную* роль одного из *первоклассных* артистов: мы сами дивились сначала этой смелости, этому, как говорили некоторые, *буйному* знакомству с публикой, но потом, вспомнив, что *в неисчерпаемых тайниках души человеческой есть многое, о чем мечтать не смеет наша мудрость*, перестали ахать от удивления. Посвящение оканчивается *вольными* стихами, в которых как будто нет смысла (так, по крайней мере, кажется после троекратного их чтения) и которые мы здесь прилагаем:

Завидую тебе, поэт!
Родился ты — века бессмертие пропели хором
Тебе!.. И что ж? Поэт
С людьми живет,
Упитанный хвалами их — позором!..
Поэт! не дорожи земными похвалами!
Они не для тебя: твое все в небесах...
Ты верь в судьбу, которая над нами;
Склонись пред ней: *ты мысль ее... Ты прах!..*
Судьба тебя на землю призвала,
Величием надзвездным подарила,
Питомцем неба назвала —
И гений твой усыновила.

Последние четыре стиха, как всякий видит, отзываются подражанием Пушкину; в «Борисе Годунове» есть такое место:

Тень Грозного меня усыновила,
Д<и>митрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила,
И в жертву мне Бориса обрекла.

Г. Славин умеет настроивать свою лиру на поэтический лад так же *прилично*, как прилично настроил лиру свою в «Гамлете» на образец Мочалова.

За посвящением идет эпиграф собственного изделия: «Чем более будем мы говорить о Шекспире, тем менее скажем». Из этого не следует однако ж обратное предложение: «Чем менее поговорим о Шекспире, тем более скажем». Доказательством служит брошюрка г-на Славина, где наговорено слишком мало, а́ сказано еще меньше. Но если автор ничего не сказал о Шекспире, ни в стихах, ни в прозе, то многое пересказал из того, что̀ говорили о Шекспире другие, иностранные и отечественные писатели, например Гёте и г. Полевой. Эта часть его сочинения — самая оригинальная. Не станем распространяться о мнениях Гёте, Гизо, Вилльмена и Шлегеля: вы их давно знаете из журналов двадцатых годов; нет, любопытство ваше должно найти себе пищу более сочную, более редкую, диковинную.

Описав попытки русского знакомства с Шекспиром, г. Славин говорит:

«Наконец, наш родной, русский поэт Н. А. Полевой понял, как надобно знакомить русских с английским поэтом, и подарил нас переводом Гамлета. Россия пришла в восхищение; сначала любовалась она Гамлетом, как созданием, прекрасным на сцене; а после начала постигать понемногу духовную его сторону и восхищаться красотами Шекспира» (стр. III).

И потом на стр. 18:

«Вот что говорит о Шекспире краса России, философ и литератор русский, Николай Алексеевич Полевой в письме: *о Сне в летнюю ночь*, помещенном в одном из №№ Телеграфа и посвященном какой-то даме...»

Прекрасно, чудесно! Г. Славин очень *прилично* хвалит, и эти строки его брошюрки принадлежат к одному разряду с его игрой в «Гамлете» «Разбойниках» и проч. Если он не вполне постиг мирового Шекспира, то с удивительным искусством разоблачил русского философа и поэта, красу России, Н. А. Полевого, проник в *неисчерпаемые тайники души его и открыл в них многое, о чем не смела мечтать наша мудрость*.*

Но вот еще любопытнее место:

«Г-н В. Белинский, один из ученых последнего десятилетия, влюбленный в Шекспира и, как видно из его суждений о Шекспире, понимающий его умно, дельно и беспристрастно», заговорил о Шекспире, разбирал его драмы, писал о них, и все с жадностью читали его, верили ему и, увлеченные силою его слова, еще более начали уважать великого Шекспира» (стр. III).

---

* А в этом письме к какой-то даме есть, между прочим, прекурьёзное место: «Я пытался сделать *особенное* (?) исследование над Шекспиром: читал и соображал (!) его творения одно за другим в хронологическом порядке, как, по преданию, он сочинял их; это больше нежели любопытно». Когда же мы этого дождемся?..

Наконец, третье:

«Несмотря на возгласы многих, что у нас нет критики, мы с гордостью можем указать на Жуковского, Пушкина, Полевого, Сенковского, Краевского и некоторых других...» (стр. 23).

Grand merci! При всем уважении нашем к собственной нашей персоне, мы никак не осмеливаемся стать наряду с г. Полевым, философом, поэтом, красой России и удивлением вселенной!!.

<«Лит. газета», 1840, № 51, 26 июня, стр. 1172—1174>.

Принадлежность Белинскому публикуемой выше рецензии определяется следующими соображениями:

1. Почти одновременно, в шестой книжке «Отечественных записок» Белинский опубликовал отзыв на ту же книжку Славина (V, 285—288). Обе рецензии выдержаны в общей манере, написаны явно одним автором и взаимно дополняют друг друга.

2. Судя по последним строкам рецензии, она могла быть написана либо Краевским, редактором «Литературной газеты», либо Белинским, так как из всех критиков, упомянутых Славиным в приведенных цитатах, только эти два имели отношение к «Литературной газете». Вопрос об авторстве Краевского аннулируется как стилистической близостью к известной уже рецензии Белинского, так и анализом содержания. Бездарный московский актер и писатель-плагиатор Александр Павлович Протопопов (1814—1867), скрывшийся под псевдонимом А. Славин, дебютировал на сцене Московского Малого театра в ролях Гамлета и Карла Моора 18 мая и 1 июня 1839 г., т. е. именно в то время, когда Белинский находился еще в Москве. Это обстоятельство придает особую значительность строкам рецензии: «не дивитесь смелости новичка, который для первого опыта в сценическом искусстве избрал первоклассную роль одного из первоклассных артистов: мы сами дивились сначала этой смелости...».

Язвительные выпады против Н. А. Полевого, встречающиеся в рецензии (как известно, Белинский вытребовал себе у Краевского своего рода «монополию» на Полевого), также свидетельствуют об авторстве Белинского.

Любопытно отметить, что книжка Славина при жизни Белинского вышла еще в двух изданиях: в 1841 и 1844 гг. Предприимчивый автор второе издание своей брошюры посвятил уже не Мочалову, а своему влиятельному начальнику — «Его превосходительству господину директору императорских театров двора его императорского величества камергеру и разных орденов кавалеру Михаилу Николаевичу Загоскину». Перепечатывая предисловие к 1-му изданию, Славин к заключительной фразе: «Чего достоин мой труд, надеюсь услышать от гг. благонамеренных рецензентов» — сделал следующую сноску: «Да, от благонамеренных,—а не от подобных тем, которые писали о первом издании моей брошюры и которых от души извиняю. Ав<тор>».

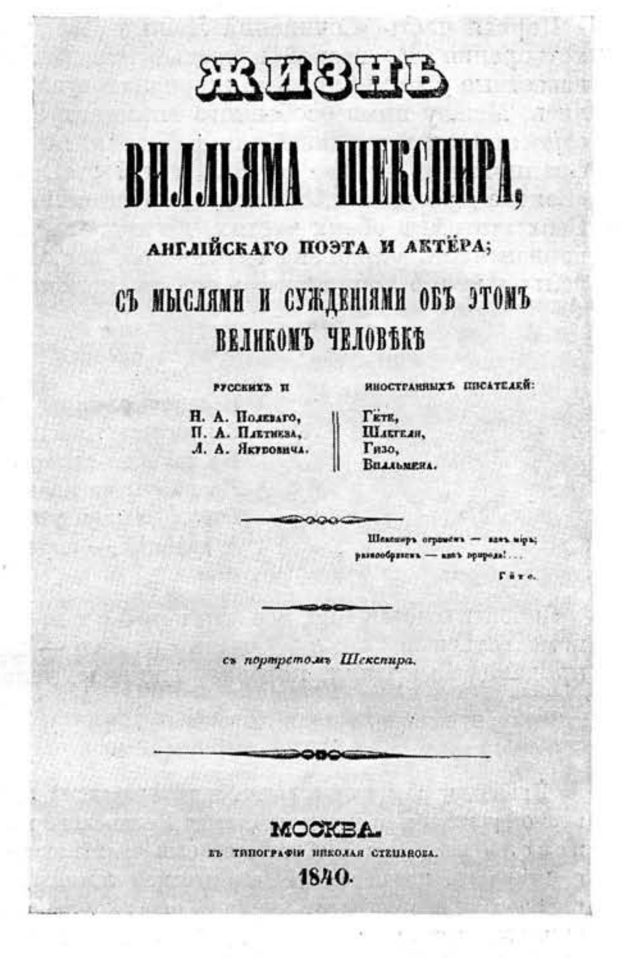
В этом издании Славин сильно ослабил эпитеты, расточенные им ранее Полевому. Полевой здесь уже не «краса России, философ и литератор», а просто «достойный литератор русской» (стр. 94). Третье издание Славин счел нужным посвятить уже «Его превосходительству господину управляющему Калужскою губерниею, двора его императорского величества камер-юнкеру Александру Николаевичу Хитрово». В этом издании автор уже совсем не прилагает эпитетов к имени Полевого, исключив даже слова «достойный литератор русской».

< 16 >

СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ И ПРОЗЕ ДЕНИСА ДАВЫДОВА, в трех частях

Второе издание, исправленное и дополненное. <Спб. 1840>.

Мы давно уже имели издание стихотворений нашего знаменитого партизана-поэта Давыдова, которыми еще в 1832 году подарил публику московский книгопродавец Салаев. Теперь издание это, впрочем довольно

ЖИЗНЬ
ВИЛЛЬЯМА ШЕКСПИРА,
АНГЛІЙСКАГО ПОЭТА И АКТЁРА;
СЪ МЫСЛЯМИ И СУЖДЕНІЯМИ ОБЪ ЭТОМЪ
ВЕЛИКОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ

РУССКИХЪ И	ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:
Н. А. Полеваго,	Гёте,
П. А. Плетнева,	Шлегеля,
Л. А. Якубовича.	Гизо,
	Виллемена.

Шекспиръ огроменъ — какъ міръ;
разнообразенъ — какъ природа!...
Гёте.

съ портретомъ Шекспира.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1840.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ А. СЛАВИНА «ЖИЗНЬ ВИЛЛЬЯМА ШЕКСПИРА»

Этой книге посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 51 за 1840 г.

неполное, сделалось редко. А. Ф. Смирдин оказал многочисленным почитателям таланта Д. В. Давыдова истинную услугу, издав теперь полное собрание его сочинений. В начале первой части приложен очерк жизни Давыдова, написанный пером бойким и увлекательным. Хотя сам Давыдов говорит, что очерк этот составлен его другом и сослуживцем, О. Д. О—ским, но, пробегая эти строки, полные воинского и поэтического увлечения, невольно приходишь в искушение и не можешь отбиться от мысли, что этот очерк — не что иное, как автобиография. Между стихотворениями находим многие, которых не было в прежнем издании, но с которыми мы уже встречались в некоторых периодических изданиях. Многие из стихотворений Давыдова сделались достоянием народа: вот лучшая похвала, которую можно высказать покойному поэту. Он сам говорит:

Я не поэт — я партизан, казак,
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет! Не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой;
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне — запевало.

Первая часть «Сочинений Дениса Давыдова» заключает в себе 54 стихотворения. Во второй и третьей части помещены статьи прозаические, известные уже публике по журналам и альманахам, в которых они являлись. Между ними особенного внимания заслуживают статьи, собственно относящиеся к партизанским действиям: вопрос о том, «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?»; «Встреча с великим Суворовым»; «Взятие Дрездена в 1813 году»; «Воспоминания о Кульневе в Финляндии». Всех статей, в обеих частях, двенадцать. Издание чрезвычайно опрятно; первая часть украшена картинкою, весьма хорошо исполненною, но довольно дурно сочиненною: она нисколько не выражает стихов —

Помню, други, вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красносизыми носами.
На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, шашки у бедра,
А диваном — кипа сена!

Сказать откровенно, все *три части* «Сочинений Давыдова» могли бы поместиться в *одну* часть, но это — маленькая спекуляция книгопродавца Смирдина, которая, впрочем, делает ему честь.

<«Лит. газета», 1840, № 69, 28 авг., стр. 1563—1565>.

Приводим в качестве решающего аргумента принадлежности Белинскому публикуемой рецензии отрывок из отзыва Белинского на то же издание, помещенного *две недели спустя* в «Отечественных записках»: «Новый книгопродавческий подвиг г. Смирдина, новая заслуга его русской литературе!<...> Как и все издания предприимчивого и деятельного Смирдина, оно не только опрятно, даже красиво<...> Но ныне вышедшее издание сочинений Давыдова не дает ответа на следующие вопросы: зачем оно в трех до-нельзя тоненьких книжечках, а не в одной книге, которой объем был бы сообразен с форматом?» (V, 391). Ср. также следующие отрывки из *позднейшей* рецензии Белинского с соответствующими местами из публикуемой нами рецензии:

«К первому изданию его стихотворений, сделанному в 1832 году московским книгопродавцем Салаевым, приложен легкий очерк его жизни<...> В кратком предисловии издатель известил публику, что этот очерк написан одним из сослуживцев Давыдова; но мы очень хорошо помним, что тогда никто этому не поверил, и все журналы назвали этот очерк автобиографиею, хотя сам Давыдов, или некоторые из близких к нему литераторов протестовали против этого, как против ошибки. При теперешнем издании сочинений Давыдова опять приложен с некоторыми изменениями этот же самый очерк<...> и новый издатель в кратком предисловии извещает публику, что автор этого Очерка — сослуживец Давыдова, покойный генерал-лейтенант О. Д. О — й<...> Кàк бы то ни было, но несмотря на личное свидетельство самого Давыдова, дело остается в „сильном подозрении“: до такой степени носит на себе этот „Очерк“ родовые приметы пера Давыдова и отличается таким добродушием, такою откровенностию, искренностию, такою удалою размашистостию и оригинальностию!» (VII, 519).

То обстоятельство, что публикуемая нами рецензия помещена *раньше* обоих цитируемых выше отзывов Белинского, делает нашу атрибуцию совершенно бесспорной: не считать же, что Белинский «заимствовал» мысли и отдельные выражения у какого-то безыменного рецензента «Литературной газеты»!..

‹ 17 ›

СИЦКИЙ, КАПИТАН ФРЕГАТА

СОЧ. КНЯЗЯ Н. МЫШИЦКОГО

Три части

Спб. 1840

Марлинский, как и всякий писатель с талантом, наделал много зла литературе. Он написал «Капитана Белозора» и «Фрегат Надежда», изволил опоэтизировать до идеала наших моряков от лейтенанта и мичмана до капитанов всех рангов, публика прочла его повести с удовольствием,— и вот захлестали в нее капитанами, сценами на море, морскими сценами... все море, все вода! Того и гляди, что вся литература пропадет от наводнения. «Сицкий» тоже роман водяной, который однако заключает в себе и сушь; притом это роман

Отменно длинный, длинный, длинный.
Нравоучительный и чинный
Без романтических затей.

Роман, который написан чуть-чуть не в восточном вкусе, где автор на каждом шагу подносит вам перлы метафор, славит Аллаха и его пророка. Цель сочинителя самая похвальная, нравственная, рассказ не лишен даже некоторого рода занимательности, преисполнен описаниями моря во всех возможных видах: при восхождении и закате солнца, при луне и в безлунную ночь, описаниями, которыми вероятно воспользуется первый компилятор, который затеет издать хрестоматию, но в целом романе есть за автором маленькая недоимка — именно — идея. Что и в нравственной цели, когда результат ее доказывает только, что белое не черно и наоборот или что $2 \times 2 = 4$. Впрочем, автор выступает в первый раз на поприще литературы, а мы приняли за правило не в пример другим журналам об начинающих не трезвонить во все колокола и не смешивать первородков их с прахом. Мы лавируем между обеими крайностями и на этом основании скажем: «Г. капитан Сицкий! Благородный, нравственный, горячий, капитан Сицкий! Идеал балтийского и черноморского флотов! Вы очень легко обогнули подводные камни критики! Ступайте с богом в обширное море русской читающей публики, в нем много фарватеров и есть плавание для всякого корабля, вам приветно светит Маяк. Ступайте, ступайте! Каждому свое! Желаем вам попутных ветров и чин контр-адмирала! Наше почтение!»

‹«Лит. газета», 1840, № 93, 20 ноября, стр. 2124—2125›.

Публикуемая выше иронически снисходительная рецензия на роман «Сицкий» появилась в номере «Литературной газеты» от 20 ноября 1840 г. Одновременно с ней в ноябрьской книжке «Отечественных записок» (ц. р. 14 ноября 1840 г.) была напечатана несколько более резкая рецензия Белинского на этот же роман. В обоих отзывах, написанных одновременно, имеется ряд общих особенностей, дающих возможность предположить, что они принадлежат одному и тому же автору. «Марлинский, как и всякий писатель с талантом, наделал много зла литературе. Он написал „Капитана Белозора" и „Фрегат Надежда", изволил опоэтизировать до идеала наших моряков от лейтенанта и мичмана до капитанов всех рангов...» —так начинается публикуемая нами рецензия. «Новое произведение литературной школы, основанной Марлинским — не тем он будь помянут! Оно носит на себе все родовые признаки своего происхождения: его герои все офицеры да еще морские; место действия — фрегат; действующие лица ничего не делают, а только говорят‹...›. Все они, на свое горе, прочли «Лейтенанта Белозора» и

особенно «Фрегат Надежду» Марлинского и с тех пор вообразили, что все морские офицеры должны быть души глубокие, которым Балтийское море — лужа, а сам океан — по колено, и что, не имея „дьявольски волканических страстей“, нельзя и служить во флоте... Странное заблуждение!» — так говорится в рецензии Белинского в «Отечественных записках». «Каков весь этот морской роман?.. — заключает Белинский свою рецензию в «Отечественных записках»,— по достоинству поэтическому— он очень удачная штука на манер повестей Марлинского» (V, 439).

Типично для Белинского и следующее высказывание в рецензии «Литературной газеты»: «в целом романе есть за автором маленькая недоимка— именно —и д е я. Что и в нравственной цели, когда результат ее доказывает только, что белое не черно и наоборот или что 2×2=4».

< 18 >

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ(,) ИЛИ ЖИЗНЬ ИГРОКА
ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ
СОЧИНЕНИЕ ВИКТОРА ДЮ-ГАНЖА И ДИНО

Перевод с французского

Издание второе

Санктпетербург. В тип. Ильи Глазунова и К°. 1840. В 12-ю д. л. 142 стр.

Эта пьеса вся составлена из резких сценических эффектов, но ее эффекты имеют смысл и доброе намерение, и потому «Жизнь игрока» может доставлять публике большое удовольствие на сцене при хорошей игре и обстановке, и уже доставляла это удовольствие на театрах обеих столиц наших.

В чтении она тоже не без занимательности, по крайней мере, в тысячу раз лучше невинных произведений водевильной музы, которыми угощается известный разряд публики в «Репертуаре» г. Песоцкого. Перевод недурен. Странно только, что в нем встречаются такие выражения, как например: «д е в к и несут корзины» (стр. 89). Слово д е в к и имеет место только в ревизских сказках, равно как и слово ж о н к и — да еще в русских помещицких домах, где беспрестанно раздаются клички: д е в к а, м а л ы й, В а н ь к а, Ф и л ь к а, П о л а ш к а, М а ш к а и подобные им «славности», как выражается у нас один писака, плохо знающий русскую грамоту.

<«Отеч. записки», 1841, т. XIV, № 2, отд. VI, стр. 48—49>.

Окончание этой рецензии совпадает с позднейшим высказыванием Белинского в знаменитом письме к Гоголю — о стране, где «люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками», и является смелым выпадом против крепостного быта.

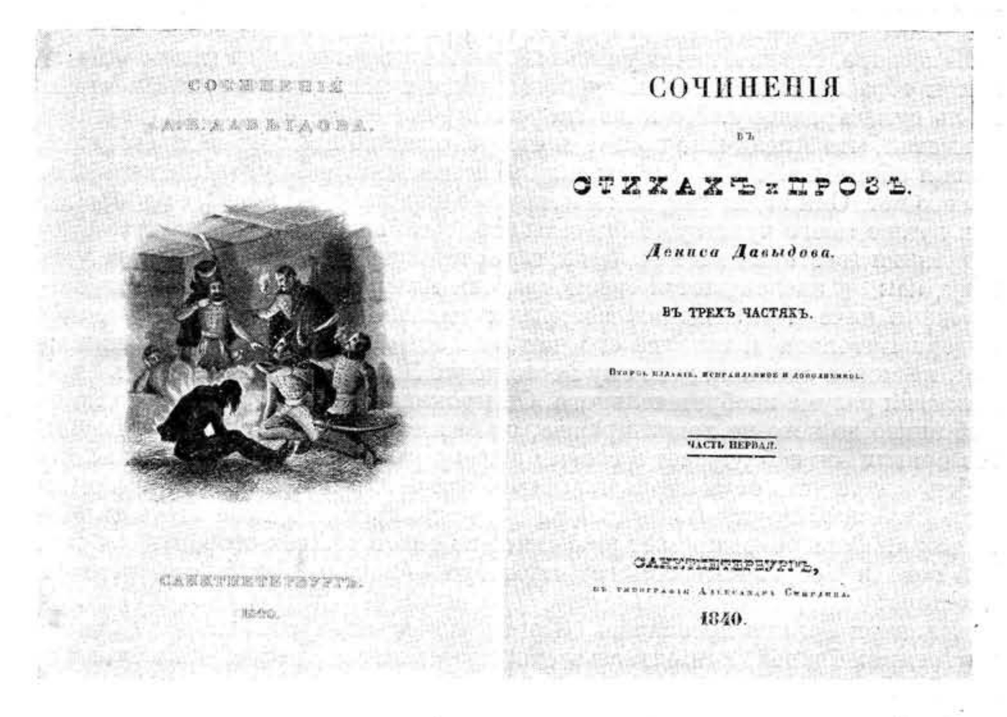
Насмешливая ссылка на выражение «славности», употребляемое «одним юмористом, прославившимся своим талантом на роменской ярмарке», встречается в рецензии Белинского на «Таблицу складов...» («Отеч. записки», 1841, апрель; Соч., XII, 255).

< 19 >

ЖУРНАЛЬНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Девятый выпуск переводимого г. Кетчером Шекспира, заключающий в себе «Ричарда III», заставил нас вспомнить, что есть какой-то старинный русский перевод этой драмы. Просмотрев его, мы увидели, что это по многим отношениям любопытная вещь, которая возбуждает в читателе чувство, похожее на то, с каким взрослый человек, роясь в своих бумагах,

находит нечаянно забытые стихи, или реторическое упражнение, писанное им во время детства. Переплет, бумага, печать, орфография, язык — все поражает в этом переводе мыслию, ка̀к далеко и в такое короткое время ушла Россия вперед даже и в литературном отношении. Списываем для любопытных простодушно-курьёзное заглавие этой редкости: «Жизнь и смерть Ричарда III. Короля Англинского, трагедия господина Шакеспера, Жившего в XVI веке, и умершего 1576 года. Переведена с Французского языка в Нижнем Нове-городе 1783 года. Печатано с дозволения Управы Благочиния. В Санктпетербурге 1787 года».

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Этому изданию посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 69 за 1840 г.

В том же отношении не менее интересна:

ВЫПИСКА ИЗ МНЕНИЯ Г. ВОЛТЕРА *О ГОМЕРЕ*, В КОТОРОМ СУДИТ ОН И О ДОСТОИНСТВАХ ШАКЕСПЕРА АВТОРА СЕЙ ТРАГЕДИИ.

«Когда читал я Гомера, и усмотрел великие его недостатки, кои оправдают критиков, и красоты его еще величайшие, нежели недостатки его, то сначала поверить не мог, чтоб один и тот же разум сочинил все песни Илиады. В самом деле, мы не знаем ни у Латин ни у себя ни одного Автора, который бы возвысился толь высоко, и упал толь низко. Великий Корнелий, разум по малой мере подобной Гомеру, издав Цинну и Полиевкта, сочинил также Пертариту, Суренну и Агезилая; но Суренна и Пертарита, материи наипаче худо выбранные нежели худо составленные. Слабы сии Трагедии очень; но не наполнены нелепостями, противоречиями и ошибками грубыми. На конец, нашел я у Англичан, чего искал, и задача о славе

Гомеровой для меня разрешилась. Шакеспер первой их трагической стихотворец, почти не имеет в Англии другого звания, кроме Божественного. Я никогда не видел в Лондоне театра так полного, при представлении Андромахи Расиновой, весьма хорошо переведенной Филипием, или Катона Аддисонова, как во время представления старых Пиес Шакесперовых: но сии Пиесы суть уроды в рассуждении Трагедий. Некоторые из них есть такие, которые многие годы продолжаются, в первом действии Героя крестят, а в пятом умирает он от старости, представляются в них колдуны, мужики, пьяницы, дураки, могиляки, копающие могилу и поющие пьяные песни, играя мертвыми головами. Наконец вообразите себе все, что может быть наиболее уродливого и нелепого. Вы все то найдете в Шакеспере. Когда я начал учиться Англинскому языку, не мог понимать, каким образом Нация толико просвещенная может удивляться Писателю столь сумасбродному. Но коль скоро получил вящшее в языке сведение, приметил, что Англичане правы, и что дело сие не возможное, дабы целая Нация обманывалась в рассуждении чувств и находила удовольствие там, где его нет. Они видят так, как и я, грубые ошибки любимого их Автора, но они лучше моего чувствуют красоты его, тем более странные, что то суть блистания, светившие в ночь еще глубочайшую. Сто пятьдесят лет уже тому, как он наслаждается своею славою. Авторы после его бывшие, послужили паче к умножению нежели к умалению оной. Великий смысл Автора Катонова, и таланты его, которые соделали его Статским секретарем, не могли однакож дать ему место подле Шакеспера. Такова есть Привиллегия разума изобретательного. Он прокладывает себе дорогу, по которой никто до него не ходил прежде, он бежит без проводника, без науки, без правил, он заблуждает в своем пути, но далеко однакож оставляет за собою все то, что есть порядок и точность: таков почти был и Гомер: он сотворил свою науку и оставил не довершенную; творение его есть еще Хаос или Смешение, но свет уже сияет из оного со всех сторон».

А вот и образчик самого перевода — начало монолога герцога Глостера:

«Наконец Солнце преславное* Иорка ужасного прогнало Зиму наших внутренних браней, и приятная весна, наставшая после дней толь бурных, повергла во глубину Океана затмевавшие светлейший дом наш! Венцы победоносные означают теперь пределы нашего владычества, и громады разнообразные сокрушенных воинских орудий представляют достопамятства вечной нашей славы. Вместо страхов жестоких, повсюду безопасность, и воинских наших походов звук устрашающий переменился в пение радостное. Уже расправила чело свое гордая Беллона, нет в ней ничего ужасного, как токмо для каких побежденных неприятелей, коих еще устрашает она с высоты гор наших, и прогнало теперь несогласия праздное в комнаты женские, где оно возбуждает к желанию воинов наших вступить в любовные битвы!..» и проч.

Да! свежо предание, а верится с трудом! Едва прошло 58 лет от этого перевода «Ричарда III» и уже у нас Шекспир давно переводится с подлинника и стихами и прозою! А уже как̀ давно мнения Вольтера о Гомере и Шекспире кажутся на Руси жалко-простодушными!..

В 54 № «Московских ведомостей» нынешнего года помещена статья «Китайские нравы», переведенная из французского журнала «Cabinet de Lecture» Мы взглянули на эту статью, и каково было наше удивление,

* «Эдуард IV принял в свою девизу три Солнца, по причине трех Князей дому Иоркского».

когда, с первых строк ее, узнали в ней одну из статей нашего почтенного Дэ-Мина, помещающихся в нашем журнале еще с прошлого года! Не удивляемся, что полные интереса и достоверности статьи Дэ-Мина переводятся из «Отеч. записок» в иностранные журналы; но — признаемся — мы были несколько удивлены рассеянностию «Московских ведомостей», которые не поленились переводить с французского на русский и выдавать за новое то, что̀ переведено с русского французами и было напечатано по-русски, в таком журнале, о содержании каждой книжки которого сами же «Московские ведомости» извещают своих многочисленных подписчиков. А справиться было бы недолго: означенная статья напечатана в 3-й книжке «Отечественных записок» нынешнего года.

Поздравляем Россию с новым поэтическим гением. У нас были и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, и Вальтер-Скотты, и Гёте, и Шиллеры: не доставало только Беранжѐ. Теперь и этот недостаток восполнен. Где ж нашелся этот русский Беранжѐ? Мы давно его знали, только не знали, что он Беранжѐ. Мы все думали, что он просто — русский куплетист и русский водевилист, лицо, само собою разумеется, весьма скромное, едва заметное в нашей литературе. Но мы ошибались: честь и слава «Северной пчеле»! Сквозь свои критические стекла она открыла нового, неведомого миру русского гения. Этот гений, этот русский Беранжѐ — кто бы вы думали?— г. Ленский!.. Не изумляйтесь. Вот известие, слово от слова заимствуемое нами из 143 № «Северной пчелы»:

«В Петербург приехал на-днях отличный наш водевилист и артист московского театра Д. Т. Ленский. Кроме Пушкина, никто не превосходит г. Ленского в легкой поэзии. По несчастию, он мало пишет, а еще менее печатает. Переводы г. Ленского песен и лирических стихотворений удивительно хороши и нисколько не уступают подлиннику. Дружеские послания, застольные песни и куплеты, кстати и к случаю (à propos) г. Ленского имеют высокое достоинство. Г. Ленский — наш Беранжѐ, наш Дезожье! Как было бы хорошо, если б кто-нибудь вздумал издать его легкие стихотворения и переводы в особой книжечке, и украсил их политипажами! Нет никакого сомнения, что это издание имело бы чудесный успех! Г. Ленский так же любезен в обществе, как и прототип его Беранжѐ».

Вообще, в «Сев. пчеле» так много накопилось интересного, что непременно надо, в пособие будущему историку комеражной истории русской литературы (которая, говорят, уже написана известным сочинителем, почерки писателей уже налитографированы, и все готово к печати), составить из них нечто целое и отдельное. Особенно интересна новая выходка «Сев. пчелы» на «Мертвые души», а вместе с ними и на «Отеч. записки». Там спрашивают между прочим: что̀ значит выражение Гоголя: «о м у т ежедневно вращающихся образов?» На это мы дадим самый удовлетворительный ответ в следующей книжке «Отеч. записок»; но для этого нам нужно позапастись фактами из «Северной пчелы».

Вот самая свежая литературная новость: в последней половине и ю л я месяца сего 1842 года вышли, в одной книжке, 11-й и 12-й №№ «Русского вестника» за ноябрь и декабрь прошлого 1841 года.

<«Отеч. записки», 1842, т. XXIII, № 8, «Смесь», стр. 98—100>.

В июльской книжке «Отечественных записок» за 1842 г. Белинский впервые поместил свои «Журнальные и литературные заметки», во вступлении к которым писал:

«Время от времени попадаются в журналах вещи курьёзно-поучительные, по поводу которых иногда невольно раздумаешься о том и о сём<...> Мы и приняли благое намерение, если не сохранить для потомства, то хоть сделать известными для современников редкости и драгоценности, которые, как оазисы в пустыне, попадаются в малоизвестных периодических изданиях. Равным образом, может попадаться много интересного в том или другом отношении и при перелистывании старых журналов, старых и новых книг. Всё такое мы намерены или пересказывать или просто выписывать, с собственными заметками, когда дело требует пояснения, или и без заметок, когда дело красноречиво говорит само за себя. Будучи уверены в занимательности подобных заметок для читателей, мы намерены сделать из них род постоянной статьи, время от времени помещаемой в отделе „Смеси“ „Отеч. записок“. Мы их называем просто „Журнальными и литературными заметками“» (VII, 270—271).

В следующей же, т. е. в августовской, книжке «Отечественных записок» появилась очередная группа «Журнальных и литературных заметок», почему-то оставшаяся незамеченной, несмотря на то, что авторство Белинского для нее совершенно очевидно. В этих заметках буквально исполняется приведенная выше программа, объявленная Белинским. Наряду с выписками, сделанными при «перелистывании старых книг», в ней имеются и «курьёзно-поучительные вещи» из текущей периодики. Подобные заметки под тем же точно (или инверсированным) названием Белинский помещал в «Отечественных записках» и в дальнейшем, и все они введены в его собрание сочинений (см. VII, VIII и XIII — по оглавлению).

Наша атрибуция подтверждается:

1. Стилистическим и композиционным единством с подобными же заметками Белинского.

2. Нахождением описанного в рецензии чрезвычайно редкого издания «Ричарда III» 1783 г. в личной библиотеке Белинского с пометками критика в цитируемом им предисловии (см. наше описание в предыдущем томе «Лит. наследства», т. 55, 1948, стр. 506).

3. Исключительным интересом Белинского к русской литературной старине. «Всякая книга, — писал Белинский, — напечатанная у Гари, Любия и Попова, гутенберговскими буквами, в кожаном переплете, порыжелом от времени, возбуждает все мое любопытство <...> Как бы ни нелепа была книга, как бы ни глуп был журнал, но если они принадлежат к сфере идей и мыслей, уже не существующих, если их оживляют интересы, к которым мы уже холодны, то эта книга и этот журнал получают в наших глазах такое достоинство, какого они, может быть, не имели в глазах современников: они делаются для нас живыми летописями прошедшего, говорящею могилою умерших надежд, интересов, задушевных мнений, мыслей <..>.» (III, 24). Описание старинного издания «Ричарда III» выдержано здесь совершенно в том же тоне.

4. В публикуемых нами заметках имеются следующие строки: «Особенно интересна новая выходка „Сев. пчелы“ на „Мертвые души“, а вместе с ними и на „Отеч. записки“. Там спрашивают, между прочим: что значит выражение Гоголя „омут ежедневно вращающихся образов“? На это мы дадим самый удовлетворительный ответ в следующей книжке „Отеч. записок“. Но для этого нам нужно позапастись фактами из „Северной пчелы“».

В следующей книжке журнала, в очередных своих «Литературных и журнальных заметках», вошедших в собрание сочинений, Белинский точно выполнил это обещание. Критик писал в них: «Вот на этот вопрос мы можем дать „Пчеле“ удовлетворительный ответ, который понять ей будет легче, чем кому-нибудь другому. „Великим омутом ежедневно вращающихся о̀бразов“ и „потрясающею тиною мелочей“ поэт называет ту сторону жизни, которая прежде всякой другой охватывает человека и из-под обаяния которой освобождаются только немногие избранники Провидения» и т. д. (VII, 353).

Таким образом, авторство Белинского для публикуемых нами «Журнальных и литературных заметок» делается совершенно очевидным.

II. РЕЦЕНЗИИ В «СОВРЕМЕННИКЕ»*

Публикация Е. Кийко

Деятельность Белинского в «Современнике» является одним из важнейших этапов его литературной и политической биографии. Между тем не все статьи и рецензии Белинского, помещенные в этом журнале, могут считаться выявленными. Нам удалось недавно обнаружить в нем большую программную статью великого критика — о «Московском сборнике», направленную против космополитизма и реакционного славянофильства и до сих пор остававшуюся неизвестной (см. сборник «Белинский. Статьи и материалы», под ред. Н. И. Мордовченко. Издание Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Л., 1950, стр. 9—39. Ср. «Лит. наследство», т. 57 — отдел Трибуна).

Ниже публикуются выявленные нами четыре не известные ранее рецензии Белинского, напечатанные в «Современнике». Они относятся к числу последних работ критика. Первая рецензия — о повести «Твардовский» — известного польского писателя И.-И. Крашевского, три остальные — о книгах для детей: как известно, Белинский на всем протяжении своей деятельности проявлял глубокий интерес к детской литературе.

За пределами настоящей публикации остались тексты следующих рецензий из «Современника» 1847—1848 гг., которые мы считаем, на основании произведенного нами изучения, также принадлежащими Белинскому: 1. «Светский человек, или руководство к познанию правил общежития, составленное Д. И. Соколовым» («Современник», 1847, № 5); 2. «Книга для чтения воспитанников сельских училищ» (1848, № 1); 3. «Современные заметки» (1848, № 2); 4. «Подарок детям на праздник».—«Первоначальный учитель» (1848, № 3).

‹ 1 ›

ТВАРДОВСКИЙ. ПОВЕСТЬ, ВЗЯТАЯ ИЗ ПОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

ИОСИФА-ИГНАТИЯ КРАШЕВСКОГО

Три части

Издание второе. Спб. 1847

Подновленный романтизм, в конце прошлого столетия возникший в немецкой литературе и в начале нынешнего нашумевший много во всех других европейских литературах, с особенною надеждою устремился на источник народных преданий и суеверий. Покойник думал, что тут-то и скрывается поэзия и что отсюда не исчерпать ее во веки веков. Второстепенные таланты, приведенные в удивление успехами гениальных поэтов, толпою ринулись на легкую, по их мнению, добычу. Они не поняли, что источник поэзии не вне поэта, а в нем самом, что всякое явление действительности так же годится для поэтического изображения, как и не годится для него, что тут дело не в нем, а в поэте, в его способности увидеть предмет с его поэтической стороны, принять его в себя и провести через себя. Предание о Фаусте действительно существует в Германии; в Лейпциге

* Включая публикацию четырех анонимных рецензий из «Современника» 1847—1848 гг. в раздел Из литературного наследия Белинского, редакция, тем не менее, не считает принадлежность их перу критика вполне установленной: материалы печатаются в порядке обсуждения предложенных Е. И. Кийко атрибуций.

Редакция

вам и теперь покажут тот погреб, из которого в одну прекрасную ночь вылетел Мефистофель, после занимательной беседы с чернокнижником, научившим людей искусству книгопечатания. Но что взял Гете из этого предания? одну грубую сказку, один внешний сюжет; но вся идея его драматической поэмы, весь смысл, вся поэзия ее принадлежит ему. Так ваятель берет кусок мрамора, в котором все другие видят не больше, как безобразную массу камня, и только он один видит прекрасную женскую фигуру с обольстительными формами тела. Камень произвела природа, но жизнь и душу вдохнет в него художник. Берите, сколько хотите, народные предания, но если у вас нет того, чем бы вы могли оживить их, у вас из них всегда будут выходить вздорные сказки, тогда как в устах народа эти предания иногда бывают не лишены поэзии. В таком случае, всего лучше передавать их в том виде, в каком вышли они из фантазии народа; но и тут нужно обладать поэтическим чувством, которое может быть и не у поэтов, чтобы увидеть поэтическую сторону народного предания, и положительным поэтическим талантом, который может быть только у поэтов, чтобы поэзия народного предания не охладела и потускнела, когда вы перенесете ее на бумагу.

У поляков был свой Фауст, живший, по преданию, в XVI столетии; это — пан Твардовский. Но что же сделал из него пан Крашевский? Презирая условиями века и времени, забыв, что это предание народное, он сделал из него нечто в роде современного романа. В его книге нет ни фантастического колорита, необходимого для естественности событий по существу своему неестественных и невозможных, ни юмора, с каким народ часто рассказывает бесовские похождения. Напротив, автор рассказывает самые чрезвычайные события, и на земле и в аду, и с людьми и с чертями, таким тоном, как будто бы дело шло о том, что бывает ежедневно и никого не удивляет. Только дочитывая третью и последнюю книжку его повести, узнаешь, что все это происходило в XVI веке, и то потому, что сам автор сказал об этом; из рассказа же этого вовсе не видно; напротив, думаешь, что автор передает вам очень недавнее происшествие. Нечего и говорить, что он не внес в эту сказку ничего своего, никакого взгляда, никакой идеи. Не ищите также в его книге поэтических мест, оригинальных описаний, хоть вводных рассуждений, почему-нибудь замечательных. Везде одна реторика, везде общие избитые места, все изложено (по крайней мере, сколько можно судить об этом по русскому переводу) холодно, безжизненно, вяло, но гладкими, обточенными стереотипными фразами. Точь-в-точь как упражнения прилежного ученика по части реторики! Вот, например, описание бури: «Между тем буря разразилась проливным дождем. Гром гремел беспрерывно. Удары его раздавались в воздухе то протяжно и медленно, то, отбитые эхом в горах, громко и отрывисто. Казалось, небо готово было л о п н у т ь (?) и разорваться на части; молния бороздила его во всех направлениях. Освещенная их блеском, природа принимала на себя какой-то дивный фантастический образ». Или: «Твардовский погрузился в науку и мысль. Понял тогда искуситель, что только одним этим путем может привлечь к себе Твардовского, может погубить его — и о н схватился за эту а д с к у ю мысль (за какие же мысли хвататься чертям, как не адские?), со всем ожесточением падшего ангела». Вот что называется приятным и красноречивым слогом!

Мы где-то читали, что г. Крашевский принадлежит к замечательным писателям польским. Может быть! В таком случае нельзя не пожалеть, что русский переводчик не выбрал из его сочинений чего-нибудь получше. А это уж куда плохо — из рук вон! Скука смертельная! Перевод вообще хорош. Жаль только, что переводчик неумеренно щедр на эпитет: д и в н ы й. Странно также, что иногда он употребляет слова должно быть польские, по крайней мере не русские. Например: «После долгих переговоров,

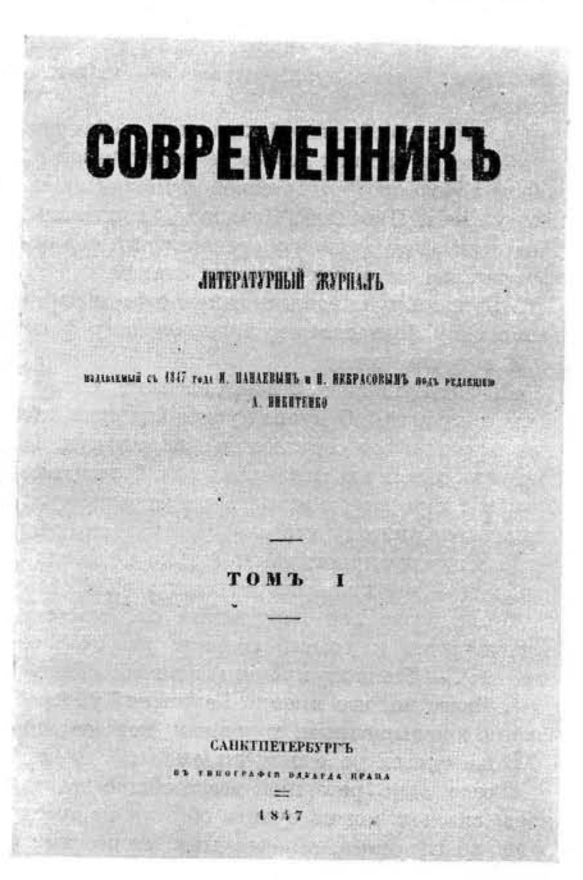
черти начали входить с ним в уклады»; часто употребляется слово цирограф вместо записи.

Не можем удержаться, чтобы не выписать следующих фраз, несомненно свидетельствующих о поэтическом достоинстве слога г. Крашевского: «Отныне наука заступит ему место друзей, заменит ему целый свет, и теперь-то он схватился за нее еще сильнее, еще глубже запустил в нее когти своего всеобъемлющего ума» (ч. 1, стр. 46). «Бурно было на земле,— а на небе чисто, светло, погодно (!?), точь-в-точь, как в душе Твардовского; в ней было чище, чем прежде, но зато ветер метал и крутил в голове его мысли. Слабо светили там звезды надежды; кровавая луна непреодолимой жажды подымалась на осиротелом небе его надежд и верования» (стр. 66—67). Что за перо у г. Крашевского! Таких перьев теперь и у нас не найдется даже в известной реторической школе!

〈«Современник», 1847, № 11 отд. III, стр. 101—103〉.

Авторство Белинского для этой рецензии устанавливается на основании следующих сопоставлений:

1. В настоящей рецензии читаем: «Подновленный романтизм, в конце прошлого столетия возникший в немецкой литературе и в начале нынешнего нашумевший много во всех других европейских литературах, с особенною надеждою устремился на источник народных преданий и суеверий. Покойник думал, что тут-то и скрывается поэзия, и что отсюда не исчерпать ее во веки веков. Второстепенные таланты, приведенные в удивление успехами гениальных поэтов, толпою ринулись на легкую, по их мнению, добычу».

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый съ 1847 года И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ подъ редакцiею А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФIИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1847

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ТОМА ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННИК», ИЗДАНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА и И. И. ПАНАЕВА

В этих нескольких строках передано то, о чем подробно говорится во второй статье о Пушкине (XI, 245—247).

2. «Они <романтики. — *Е. К.*> не поняли, что источник поэзии не вне поэта, а в нем самом, что всякое явление действительности так же годится для поэтического изображения, как и не годится для него, что тут дело не в нем, а в поэте, в его способности увидеть предмет с его поэтической стороны, принять его в себя и провести через себя», — писал автор публикуемой рецензии.

Мысль эта неоднократно высказывалась Белинским. Наиболее полно он ее развил в истолковании «пафоса» художественного произведения в пятой статье о Пушкине (XI, 370).

Или в другом месте, говоря об особенности творчества Пушкина, Белинский писал:

«Для Пушкина также не было так называемой *низкой природы*; поэтому он не затруднялся никаким сравнением, никаким предметом, брал первый попавшийся ему под руку, и все у него являлось поэтическим, а потому прекрасным и благородным» (XI, 393).

3. То соотношение, которое устанавливает автор в настоящей рецензии между народной поэзией и художественным творчеством, полностью соответствовало взглядам Белинского.

В публикуемой рецензии автор пишет:

«Предание о Фаусте действительно существует в Германии; в Лейпциге вам и теперь покажут тот погреб, из которого в одну прекрасную ночь вылетел Мефистофель, после занимательной беседы с чернокнижником, научившим людей искусству книгопечатания. Но что взял Гёте из этого предания? одну грубую сказку, один внешний сюжет; но вся идея его драматической поэмы, весь смысл, вся поэзия ее принадлежит ему.

...Берите, сколько хотите, народные предания, — пишет далее автор, — но если у вас нет того, чем бы вы могли оживить их, у вас из них всегда будут выходить вздорные сказки, тогда как в устах народа эти предания иногда бывают не лишены поэзии. В таком случае, всего лучше передавать их в том виде, в каком вышли они из фантазии народа».

Ср. это с суждениями Белинского в «Статьях о Пушкине»:

«Никто из русских поэтов не умел с таким непостижимым искусством спрыскивать живою водою своей творческой фантазии немножко дубоватые материалы народных наших песен. Прочтите „Жениха", „Утопленника", „Бесов" и „Зимний вечер", — и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный мир поэзии умел вызвать поэт своим волшебным жезлом из таких скудных стихий.

...Пушкин умел извлечь из нее <сферы народной поэзии. — *Е. К.*> дивную поэму, наполовину фантастическую, наполовину фактически-положительную...» (XI, 403).

И в другом месте:

«Сказки Пушкина: „О царе Салтане", „О мертвой царевне и семи богатырях", „О золотом петушке", „О купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде", были плодом довольно ложного стремления к народности. Народные сказки хороши и интересны так, как создала их фантазия народа, без перемен, украшений и переделок. Но „Сказка о рыбаке и рыбке", о которой мы не упомянули в числе прочих сказок, заслуживает исключения, потому что в ней есть положительные достоинства. Это не народная сказка: народу принадлежит только ее мысль, но выражение, рассказ, стих, самый колорит, — все принадлежит поэту» (XII, 215).

О «подделке под народность» см. также в рецензии Белинского на «Московский *литературный и ученый сборник на 1847 г.*» («Современник», 1847, № 6, отд. III, стр. 135). — См. нашу публикацию в сб. «Белинский. Статьи и материалы», Л., 1949.

4. Известно, что именно Белинский употреблял термин «реторический» по отношению к напыщенным, холодным, неестественным произведениям.

В настоящей рецензии читаем:

«Везде одна реторика, везде общие избитые места, все изложено (по крайней мере, сколько можно судить об этом по русскому переводу) холодно, безжизненно, вяло, но гладкими, обточенными, стереотипными фразами» и т. д.

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ
Литография И. Перро, 1840-е гг.
На Петербургской стороне жил в 1840 г. Белинский
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ПЕТЕРБУРГСКАЯ УЛИЦА В ДОЖДЬ
Акварель К. И. Кольмана, 1840 г.
Русский музей, Ленинград

〈 2 〉

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА, ИЗД. О. СТУДИТСКИМ. ЮЖНАЯ АМЕРИКА И АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

С 8-ю картинками и 3 политипажами. Спб. 1848

Книжка эта составлена по сочинениям Дюмон-Дюрвиля, Араго и других путешественников вокруг света, но составлена умно, ловко, дельно и представляет для детей чтение увлекательное, приятное и полезное. Формат, бумага, печать, картинки, политипажи не оставляют ничего лучшего желать.

〈«Современник», 1848, т. VII, № 1, отд. III, стр. 74〉.

Эта заметка напечатана в «Современнике» непосредственно перед рецензией на книгу Фурмана «Григорий Александрович Потемкин». Рецензия же, принадлежащая, как устанавливается ниже, Белинскому, является непосредственным продолжением заметки, чем доказывается, что и последняя также написана Белинским.

〈 3 〉

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОТЕМКИН. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОЧИНЕНИЕ П. ФУРМАНА

В двух частях. С 20-ю картинками, рисованными Р. К. Жуковским. Часть первая: Молодость, часть вторая: Блистательная судьба. Спб. 1848

Вот совсем другое дело — книжка г. Фурмана, потому что сам г. Фурман — совсем другое дело в русской литературе. Он писатель сам по себе, не принадлежит ни к какой школе, ни к какой партии. Мы даже думаем, что он вовсе не принадлежит и к литературе, что он делает книги, а не сочиняет их. Книгоделие — его ремесло. И он отличается в нем с видимым успехом, составляет истинную славу своего цеха. Говорят, заказов не оберется. Критика может быть недовольна его книгами, но ему что за дело до нее, когда подрядчики довольны? От этого критике ужасно трудно иметь дело с его книгами. Вот хоть бы «Григорий Александрович Потемкин, историческая повесть для детей» — собьет с толку самую бойкую критику. Что это такое? Историческая повесть? Но ведь историческая повесть, как и исторический роман, представляют всегда событие собственного изобретения, которым хотят заменить недостаток исторических сведений об историческом лице. В повести г. Фурмана нет ничего романического, потому что подробности о детстве Потемкина могли дойти до автора по преданию, по рассказам стариков, да если бы они были и сочинены им, все же в них нет ничего романического. Какая же это историческая повесть? Это просто биография, хотя и плохо написанная. В ней не видно ни знания дела, ни взгляда, о таланте нечего и говорить. Г. Фурман беспрестанно толкует детям, что не надо шалить, надо учиться, быть благонравными, послушными и т. д., для того, чтобы достичь в жизни почестей, славы, богатства, а между тем герой его «исторической повести» шалит мальчиком дома, шалит в школе, мало занимается делом, кутит напропалую, будучи офицером — и достигает почестей, славы и богатства, как будто в опровержение морали своего биографа. Зачем же эта мораль? Да за тем, что она дешевле пареной репы, что для нее не нужно уметь ни мыслить, ни быть человеком с талантом. Она — всегда готовый материал, пиши: делай то, не делай этого — и выйдет мораль, а между тем заказные страницы наполняются строками, подрядчики довольны, и автору хорошо. А читатели?— да в книгоделии кто же думает о читателях? Были бы покупатели!

〈«Современник», 1848, т. VII, № 1, отд. III, стр. 74—75〉.

〈 4 〉

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОЧ. П. ФУРМАНА

Две части.

Спб. 1848

СААРДАМСКИЙ ПЛОТНИК, ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОЧ. П. ФУРМАНА

Две части.

Спб. 1847

В запрошлом месяце, по поводу исторической повести: «Григорий Александрович Потемкин», мы высказали свое мнение о «детской литературе» г-на Фурмана. Две новые его исторические повести составлены по тому же способу, как и предыдущие: к биографии исторического лица (удовлетворительной, если есть готовые источники, и очень плохой, если источники не разработаны) пришиваются местами избитые сентенции, часто невпопад и вопреки рассказываемым фактам,— вот и историческая повесть для детей!

Благодаря «Истории Суворова», составленной покойным Полевым, «Суворов» г. Фурмана читается; но «Саардамский плотник»?..

Нет, мы решительно советуем г-ну Фурману брать вперед героями своих исторических повестей только те лица, жизнеописания которых прежде его обработаны писателями талантливыми, знающими дело...

Нужно еще заметить, что не одним внутренним достоинством разнится «Суворов» от «Саардамского плотника»: первый — издан очень хорошо, украшен 20 картинками, тогда как второй не только без картинок, но и напечатан дурно, на серой бумаге.

〈«Современник», 1848, т. VIII, № 3, отд. III, стр. 105〉.

Обе рецензии на книги П. Фурмана, несомненно, написаны одним автором; во второй из них мы читаем:

«В запрошлом месяце, по поводу исторической повести: „Григорий Александрович Потемкин“, мы высказали свое мнение о „детской литературе“ г-на Фурмана».

Авторство Белинского для этих двух рецензий, а тем самым и для предшествующего им краткого отзыва на «Путешествие вокруг света» устанавливается на основании следующих фактов:

1. В одной из этих рецензий утверждается, что «...г. Фурман 〈...〉 писатель сам по себе, не принадлежит ни к какой школе, ни к какой партии. Мы даже думаем, что он вовсе не принадлежит и к литературе, что он делает книги, а не сочиняет их. Книгоделие — его ремесло».

Подобным образом о книгах и переводах Фурмана Белинский отзывался неоднократно (см. VIII, 43, 95; X, 507 и т. д.). Все эти отрицательные отзывы подкрепляются характеристикой, которую дал Фурману Белинский в письме к Герцену:

«Что за человек Краевский — вы все давно знаете. Вы знаете его позорную историю с Кронебергом. Он отказал ему и на его место взял некоего г. Фурмана, в сравнении с которым гг. Кони и Межевич имеют полное право считать себя литераторами первого разряда. Видите, какая сволочь начала лезть в „Отечественные записки“» («Письма», III, 89).

2. Во второй из рецензий на книги Фурмана Белинский пишет:

«Благодаря „Истории Суворова“, составленной покойным Полевым, „Суворов“ г. Фурмана читается, но „Саардамский плотник“?..

Нет, мы решительно советуем г-ну Фурману брать вперед героями своих исторических повестей только те лица, жизнеописания которых прежде его обработаны писателями талантливыми, знающими дело».

То, что Фурман умеет только переделывать чужие произведения, подчеркивалось Белинским и ранее. Например: «„Записки Петра Ивановича“ — очень недурная книжка для чтения детей. Только ее надо читать пропустив первую главу, которая называется „Несколько слов вместо предисловия“ и в которой не только дети, но и взрослые ровно ничего не поймут. Повесть явно переделана из какой-нибудь иностранной книжки, и переделана недурно, а предисловие сочинено явно самим г. Фурманом» (VIII, 433).

Или:

«И как бедно и жалко составлена книжка г. Фурмана! Первая половина ее — компиляция из прекрасной книги г. К. Полевого; а вторая — вялый и мертвый набор слов» (X, 507).

3. В публикуемой рецензии Белинский пишет:

«Г. Фурман беспрестанно толкует детям, что не надо шалить, надо учиться, быть благонравными, послушными и т. д.... Зачем же эта мораль? Да затем, что она дешевле пареной репы, что для нее не нужно уметь ни мыслить, ни быть человеком с талантом. Она — всегда готовый материал, пиши: делай то, не делай этого — и выйдет мораль...»

Эта мысль неоднократно развивалась Белинским в его рецензиях на детские книги. Ср., например:

«Но моральные правила, сентенции, поучения способны только наводить на детей скуку и возбуждать в них отвращение, или образовывать из них педантов, резонёров, лицемеров ⟨...⟩

Что касается до истории, она должна состоять из биографий исторических лиц, анекдотов из их жизни, отдельных исторических событий, имеющих нравственное значение. Нравственность тут должна быть главным предметом, но о ней отнюдь не должно упоминать, отнюдь никаких наставлений и поучений: она должна быть не в словах, а в деле» (X, 502—504).

Из сотрудников «Современника» рецензии на детские книги писал обычно Белинский, что также является немаловажным доказательством его авторства для публикуемой рецензии.

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЧЕТЫРЕХ СТАТЕЙ БЕЛИНСКОГО О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Статья Г. Черёмина

Вопрос об отношении Белинского к русской народной поэзии является, как известно, одним из наиболее сложных вопросов изучения теоретического наследия великого критика. Разрешению этого вопроса в известной степени может способствовать тщательный анализ самого текста соответствующих статей Белинского, в первую очередь сохранившегося рукописного текста. Наиболее содержательными с этой точки зрения являются наборные рукописи третьей и четвертой статей Белинского по поводу сборников Кирши Данилова, М. Суханова и И. Сахарова («Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым...» и пр.), хранящиеся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (шифр — М3322/б). Эти рукописи[1] — благодарный материал для исследователя не только из-за наличия в них позднейшей авторской правки, дающей возможность проследить отдельные моменты идейной эволюции Белинского на протяжении 1840-х годов, но и по ряду имеющихся в ней вариантов, остававшихся до сих пор неизвестными. Часть вариантов авторского текста дает представление о ходе мысли Белинского и его работе над словом. Другая часть, возникшая в результате правки Краевского и цензурных изменений, отчетливо выявляет характер искажений, которым подвергались статьи Белинского, напечатанные в те годы.

Указанные рукописи Белинского, весьма значительные по своему объему (они содержат в общей сложности 166 листов) и местами трудно читаемые, не подвергались до сих пор детальному обследованию. Обе статьи в их подлинном виде в печати еще не появлялись. В советские издания они пока не вошли, а дореволюционные публикации, изобилующие искажениями и опечатками и механически включавшие постороннюю правку в текст Белинского,— неудовлетворительны.

Ввиду отсутствия рукописей первой и второй статей, возможности обследования их текста очень ограничены. По всей вероятности, он претерпевал, в основном, аналогичные изменения, и многое из сказанного ниже о рукописях третьей и четвертой статей могло бы быть отнесено и к двум первым.

В настоящей работе, не претендующей на исчерпывающую полноту анализа указанных рукописей и печатного текста, мы отмечаем лишь наиболее важное и существенное, с нашей точки зрения, для характеристики идейных позиций и творческого процесса Белинского.

Редакторы юбилейного издания «Семь статей В. Г. Белинского» (М., 1898) П. А. Ефремов и В. Е. Якушкин, указывая, что текст некоторых статей критика «имеет иногда по четыре последовательных редакции», имели в виду при этом, несомненно, и рукописи третьей и четвертой статей

о народной поэзии. Впоследствии С. А. Венгеров прибавил к этим четырем редакциям пятую (VI, 607).

Однако такое разграничение, как мы увидим ниже, не совсем точно. Правильно будет различать (считая и публикацию Венгерова) семь последовательных редакций обеих статей: четыре рукописных (из них три авторских) и три печатных. Печатный текст первой и второй статей имеет три редакции (3-я, 6-я и 7-я — по нашей нумерации).

Рассмотрим перечисленные редакции в хронологическом порядке, попутно воспроизводя наиболее интересные варианты, доселе не появлявшиеся в печати.

1-я (основная) редакция

Это—рукопись Белинского, какой она была в самом начале (октябрь — ноябрь 1841 г.), когда «после поправок и переделок ⟨каждая⟩ статья была сдана ⟨автором⟩ для напечатания» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI). Первоначальный текст написан чернилами (в настоящее время имеющими темнокоричневый цвет), гусиным пером (что особенно заметно в горизонтальных штрихах при вычеркиваниях), крупным, размашистым почерком с исправлениями в процессе работы. Часть этих исправлений и вставки (относящиеся ко времени написания) сделаны тем же пером, но более мелким почерком. В ряде мест обеих статей встречаются значительные куски зачеркнутого и исправленного текста, свидетельствующие о напряженных поисках Белинским нужной ему формулировки.

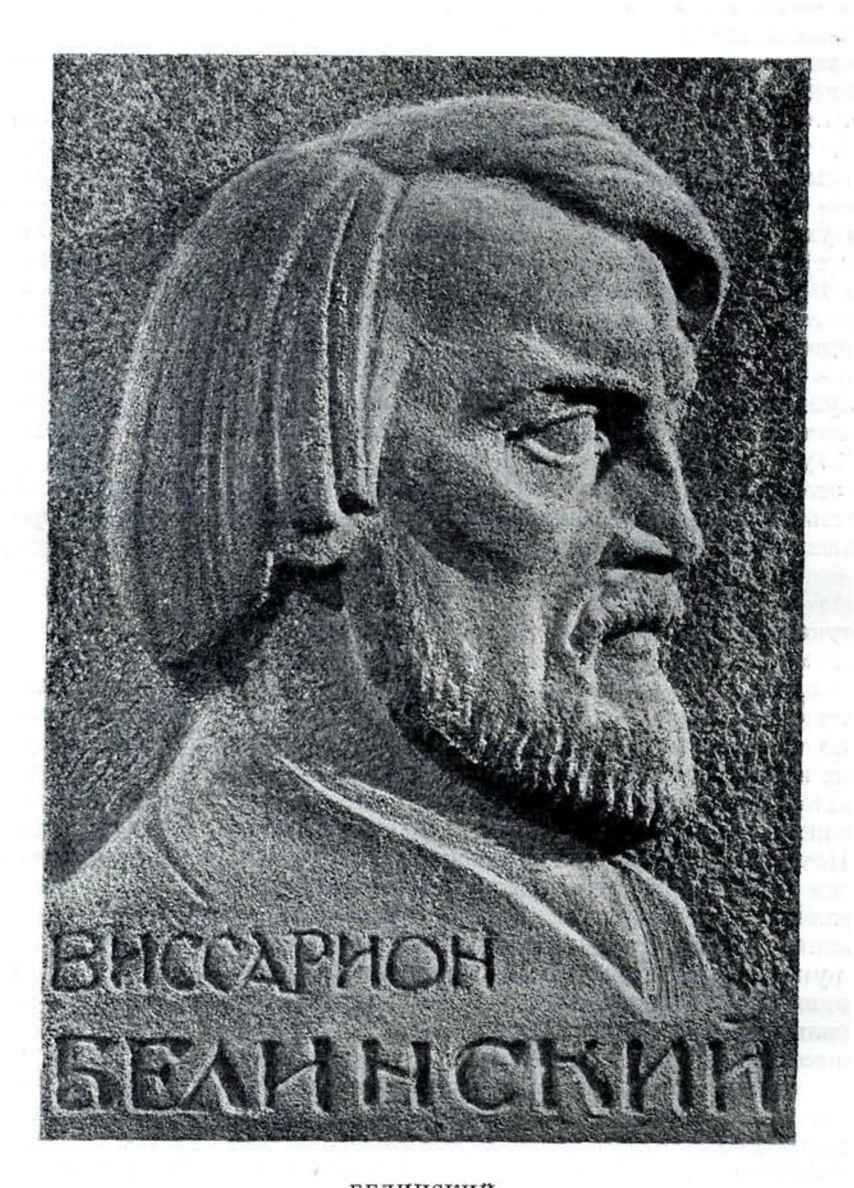
Основной редакции соответствует и первоначальная нумерация листов рукописи, сделанная теми же чернилами и пером, рукой Белинского.

Ряд вариантов основной редакции, отвергнутых Белинским еще на этой стадии работы, представляет значительный интерес.

Разбирая (в ст. третьей) былину «Три года Добрынюшка стольничал» (из сб. Кирши Данилова, М., 1818) и — как всегда в этих случаях — обобщая свои выводы, Белинский отметил, что «русский *человек* [2] не тороплив на мщение» (лист рукоп. 66/67 [3]). Это целиком соответствует контексту (стр. 404) [4]; но полагая, видимо, что такая социально-острая формулировка все равно не появится в печати, он написал вместо «человек»—«богатырь». В той же статье в изложении другой былины (стр. 398) вначале было написано: «Чурила Пленкович — щеголь, франт, живет *аристократом*» (л. р. 57). Однако такое определение звучало чересчур «современно» для 1840-х годов, и Белинский поставил вместо него не возбуждавшие никаких неудобных ассоциаций слова: «как сатрап восточный».

Не менее показательна и судьба некоторых формулировок, касающихся событий отечественной истории. Так, характеризуя (в ст. четвертой) особенности исторического развития России, Белинский поставил вначале после слов «смуты междуцарствия» (стр. 476) — «*наконец, необходимая, но тяжкая реформа Петра*», но потом зачеркнул (л. р. 65). Это не увидевшее света высказывание Белинского особенно любопытно, учитывая восторженную оценку, которую он вообще давал преобразованиям Петра I; как видим, наряду с этой оценкой, Белинский уже в то время ясно сознавал, что петровская реформа была тем не менее *тяжкой* для народа.

Заслуживает внимания первоначальная характеристика (в той же статье) общественного строя древнего Новгорода (в рукописи эти строки основательно вымараны и с трудом поддаются расшифровке). Вместо строк: «Но сделавшись купеческим городом...» и т. д. (стр. 443) сперва было: «...Но сделавшись [*купцами, новогородцы не сделались промышленниками в смысле фабрикантов и мануфактуристов. От этого у них не возникли и не развились элементы муниципальной гражданственности, не было цехов, не было определенного разделения классов*] [*торговой республики*]. [*Все были купцами и торговали на авось*[5] *и на удачу, без всяких понятий о*

БЕЛИНСКИЙ

Барельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г.

Третьяковская галлерея, Москва

кредите, *о вексельном праве*, *словом*, *без всякого европеизма в то*⟨рговле⟩] [*просто*], по-азиатски» (л. р. 8). Здесь интересна мысль о том, что наличие «муниципальной гражданственности» обусловлено экономическими факторами — мысль, исчезнувшая при дальнейших исправлениях этого места.

Из сопоставления некоторых первоначальных вариантов с окончательными вырисовывается стилистическая сторона работы Белинского над текстом обеих статей.

Создавая свое полуизложение, полуперевод «Слова о полку Игореве» (в ст. третьей), Белинский вместо бывшего вначале «*шлем*⟨ы⟩» пишет: «шеломы», изменяет «*гремят* сабли о шеломы» на «звучат...», «*итти* дождю стрелами»— на «литься...»; сперва было (в двух местах): «Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене, *восклицая*»; потом последнее слово (в обоих случаях) было переделано на «аркучи». Другая известная строка из того же плача Ярославны у Белинского вначале звучала так: «О ветер, о ветер! зачем, *государь*, так сильно веешь?» Затем вместо «государь» появилось «господине» (л. р. 13 и 18). Сходная правка имела место и в четвертой статье — в пересказе Белинским содержания псевдонародной сказки об Акундине; слова: «*спрашивать*», «*войска*» (род. п. ед. ч.), «*убегаючи*» соответственно заменяются на «пытать», «силы ратной», «утекаючи» (л. р. 37).

Из этого видно, что Белинский, стремясь придать бо̀льшую художественность изложению, обращается к языку «Слова...», использует образные выражения народной поэзии.

2-я редакция (правка Краевского)

В рукописях третьей и четвертой статей встречается правка, сделанная чернилами, которые имеют в настоящее время светлокоричневый цвет (они, повидимому, выцвели), тонким (очевидно, стальным) пером, мелким почерком. Процент этой правки невелик по отношению к объему самих статей, но она все же составляет несколько десятков более или менее существенных исправлений, не считая мелких стилистических и грамматических поправок. Вся указанная правка полностью воспроизведена в тексте «Отечественных записок» и, следовательно, сделана до напечатания обеих статей. Почерк и (как мы увидим ниже) характер этой правки показывают, что она целиком принадлежит Краевскому (кстати сказать, правка эта совершенно аналогична той, которая отмечена Ефремовым и Якушкиным в рукописи статьи «Сто русских литераторов», того же года,— как нанесенная рукой Краевского). Сюда же следует отнести, повидимому, и ряд карандашных исправлений, сделанных до журнальной публикации (см., например, VI, прим. 382).

Приводим наиболее характерные случаи искажения Краевским текста Белинского. Редактор-издатель «Отечественных записок» изменял прежде всего те места обеих статей, которые в более или менее явственной форме выражали протест Белинского против современной ему социальной действительности. Так, характеризуя (в ст. третьей, стр. 374) феодальные порядки в древней Руси, Белинский написал: «Удельная система была точь-в-точь то же самое, что *теперь помещицкая* система...» Краевский вычеркнул слово «теперь», а вместо нарочито презрительного —«помещицкая» поставил просто «помещичья» (л. р. 23). В статье четвертой строки о положении крепостного крестьянства в России (стр. 476) вначале имели такой вид: «...Вспомните быт русского крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, так похожую на хлев, его поле, то орошаемое кровавым по̀том *своего владельца*, то пустое, незасеянное, или потоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою *помещика*...» Маскирующая оговорка: «того времени», очевидно, показалась Краевскому недостаточной. Стремясь ослабить политическое звучание этих строк, он заменил

«помещика» «бояриной», а вместо слов «своего владельца», резко оттеняющих вопиющую социальную несправедливость, поставил: «его» (л. р. 65). Впрочем, и в смягченном виде эти «радищевские» строки не были пропущены цензурой. Говоря (в той же статье) о так называемых «разбойничьих» песнях и касаясь в этой связи самого «разбойничества» (стр. 474), Белинский утверждал, что «в подобных явлениях нет ничего унизительного для национальной чести, ибо в них виновато б ы л о[6] неустройство и шаткость общественного здания, а совсем не национальный дух». В этом заявлении, оправдывавшем народные массы и возлагавшем (хотя и в очень туманной форме) ответственность за «подобные явления» на правящую дворянскую верхушку, словечко «было» вставлено Краевским (л. р. 61). Похожая вставка сделана им и в следующих за этим (несколько ниже) строках Белинского (стр. 474—475), где критик противопоставляет величие Ермака ничтожеству представителей придворной знати: «...скорее можно предположить человечность, благородство и возвышенность в покорителе Сибири, чем во многих из знатных [*дворских*][7] тунеядцев с т а р о г о в р е м е н и, богатых только [*боярскою*] спесью, невежеством и низостию» (л. р. 62).

Как видно из приведенных примеров, Краевский ослаблял высказывания Белинского, направленные против помещичьего гнета и дворянской государственности, тем, что обращал их в сторону исторического п р о ш л о г о. Тем самым из гневных инвектив Белинского выхолащивалось их конкретное политическое содержание. Однако и экскурсы Белинского в область далекого прошлого были таковы, что вызывали в ряде случаев опасения у осторожнейшего и умереннейшего Краевского. В этой связи необходимо уточнить, что указанное Венгеровым зачеркивание строк об «узнании» князем Владимиром «чужих вер» (VI, прим. 323б) произведено теми же чернилами, что и вся правка Краевского (л. р. 3) и, следовательно, принадлежит последнему. Ему же, вероятно, показалась чересчур смелой интересная попытка установить историческую преемственность между деятельностью Ивана Грозного и Петра I, предпринятая Белинским при разборе (в ст. четвертой) былины «Взятие Казанского царства». Здесь, после слов: «...Грозного — этого исполина телом и духом» (стр. 469) сначала следовало: «*этого предтечи и предвозвестника Петра Великого*». Эта формула Белинского, который усматривал сходство между обоими историческими деятелями в их борьбе против «ограниченной народности», т. е. против косности и приверженности к «старине», препятствовавших их преобразованиям, была устранена Краевским (л. р. 53). Еще менее устраивало его, надо думать, упоминание о другой стороне личности Грозного (стр. 468), получившей отражение, в частности, в былине «Никите Романовичу дано село Преображенское», которая, писал Белинский, «содержит в себе сказочное описание исторического происшествия, касающегося до ужасной личности грозного царя — *убийства сына его Василия, смешанного* [*переименованного*] *в сказке, ради вящей исторической истины, с* [*в*] *Федором Ивановичем*». Считая, что не все поступки царей удобно называть своими именами, Краевский написал вместо указанного выше: «гнева его на сына» (ст. четвертая, л. р. 50). Очень показательно и другое место той же статьи — там, где Белинский пересказывает былину «Щелкан Дудентьевич» (стр. 465), в которой говорится между прочим о том, что царь Азвяк Таврулович в ответ на просьбу Щелкана «пожаловать» его «Тверью богатою» требует, чтобы Щелкан заколол своего сына и выпил его «крови горячия» («Древние российские стихотворения...», стр. 34). По этому поводу Белинский саркастически замечает: «Выполнив э т о *г у м а н н о е желание царя...*» и т. д. В рукописи слово «царя» вычеркнуто карандашом, «желание» переправлено на «требование» и вдобавок вставлено: «это» (л. р. 45). Таким образом, фраза потеряла свой «крамольный» характер. Постоянное противодействие Краевского указанным тенденциям

Белинского отражается на его правке даже в мелочах. Рассказывая (в изложении былины «Царь Саул Леванидович») о том, что царь Саул, намереваясь казнить угличан, позвал «заплечного мастера» (стр. 425), Белинский подчеркивает эти два слова; Краевский уничтожает подчеркивание Белинского (ст. третья л. р. 90), не желая, в противоположность ему, останавливать внимание читателей на этом моменте.

До чего доходила «бдительность» Краевского в отношении разных щекотливых тем, показывает следующий пример из третьей статьи (стр. 362). Указав на обилие искажений в имеющемся тексте «Слова о полку Игореве» и подчеркнув трудность восстановления всякого подлинного текста по списку, Белинский писал в подтверждение своей мысли: «Кому случалось читать в *рукописных списках* ходячие по рукам поэмы Пушкина...» и т. д. Просматривая это место, Краевский заменил «рукописные списки» «рукописями» (л. р. 5). Эта замена отнюдь не носит стилистического характера, как может показаться на первый взгляд. Говоря о рукописных списках, «ходячих по рукам», Белинский прямо напоминал читателям о тех нелегальных или полулегальных произведениях Пушкина, которые таким путем получили значительное распространение. Упоминание же о рукописях выглядело в этом смысле вполне безобидно.

Наряду с выхолащиванием политического содержания и устранением «крайних мнений», правка Краевского характеризуется стремлением затушевать прямоту и резкость суждений Белинского. Категорическая форма высказывания заменяется предположительной, определенные оценки — зыбкими и расплывчатыми формулами, личные обороты — безличными. Вместо формулировки Белинского: «*не стóит никакого* внимания» Краевский пишет: «едва ли стóит внимания», вместо «*есть*» — «бывает», вместо «*несомненно*» — «вероятно», вместо «*не понимаем*» — «не понятно» (ст. третья, л. р. 88, 3, 15; ст. четвертая, л. р. 7) и т. д. В результате подобной правки была, например, совершенно искажена оценка, которую сам автор статьи дал своему замечательному переводу «Слова о полку Игореве». Белинский справедливо отметил, что его перевод «*дает самое близкое* понятие о „Слове...“», Краевский же придал этому заявлению «осторожную» форму: «...может дать довольно близкое...» (ст. третья, л. р. 21). Всячески приглаживая выражения Белинского, Краевский переправляет «*безумную* удаль» на «безрассудную...», «*нехитрые* следствия» — на «немудреные...», «*доканали*» — на «докончили» и т. п., вставляет в текст статей различные оговорки («пока», «так сказать» и др.). Стилистические и грамматические исправления, сделанные редактором «Отечественных записок», носят мелочной и педантичный характер и зачастую обедняют яркий, образный язык Белинского.

К упомянутым видам исправлений, принадлежащих Краевскому, следует добавить указанные Венгеровым (VI, прим. 545 и 550), которые снимают негодующие высказывания Белинского об условиях его работы над этими статьями. Кстати, связанная с ними последняя фраза четвертой статьи приписана Краевским (л. р. 75).

После правки Краевского (в рукописи), образовавшей уже новую, смягченную и приглаженную, редакцию статей Белинского, обе они подверглись дальнейшим искажениям.

3-я (журнальная) редакция

Это — текст «Отечественных записок», 1841 г. (первая и вторая статьи — т. XVIII, №№ 9 и 10, ц. р. 30 авг. и ок. 30 сент.; третья и четвертая статьи — т. XIX, №№ 11 и 12, ц. р. 31 окт. и ок. 1 дек.). Он воспроизводит 2-ю редакцию третьей и четвертой статей и включает, кроме того, цензурные изменения и *вторичную редакторскую правку*, сделанную, очевидно, уже в корректурных листах (поскольку эта правка не получила никакого

АВТОГРАФ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ, 1841 г.

Лист рукописи с авторской правкой критика

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

отражения в рукописи) также Краевским. Наличие этой дополнительной правки до сих пор не учитывалось[8]. Цензору она не могла принадлежать, так как состоит из мелких изменений стилистического порядка. Например, в рукописи третьей статьи: «принуждены были бы...» (л. р. 5); в журнале — «в о с с т а н о в и т е л ь принужден был бы...» («Отеч. записки», отд. V, стр. 6); в рукописи (той же статьи): «*Б у й т у р* составлено из слов *д и к и й* и *в о л*...» (л. р. 11); в журнале — «. . *д и к и й* (б у й) и *в о л* (т у р)...» («Отеч. записки», отд. V, стр. 9, прим.); в рукописи четвертой статьи: «*неукротимою рьяностию*» (л. р. 17), в журнале — просто «неукротимостию» («Отеч. записки», отд. V, стр. 67) и т. д. Сюда же надо отнести и такое исправление. Белинский пишет: «...как ни муд*ри*, а из ничего не добье*шься* ничего...» (ст. третья, л. р. 4). В тексте «Отечественных записок» (отд. V, стр. 5) оба глагола поставлены во множественном числе (вероятно, авторская формулировка была сочтена «невежливой» по отношению к читателям журнала). Почти аналогичное этому исправление сделано Краевским — в другом месте — еще в самой рукописи («Что ни говор*и*...»— «Что ни говор*ят*...». Ст. третья, л. р. 23, ср. «Отеч. записки», отд. V, стр. 16).

Наряду с поздними редакторскими исправлениями в статьях Белинского, подобными указанным выше, из сопоставления рукописного текста с журнальным выявляются такие изменения, о которых невозможно в точности сказать, произведены ли они Краевским или цензурой. Наиболее интересным в этом плане является место из третьей статьи (сильно искаженное последующей правкой и не до конца восстановленное Венгеровым), где Белинский дает обобщенное толкование былинного образа Тугарина[9]:

«...Н е у ж е л и это идеал с т а р и н н о г о русского любовника чужой жены, которому мало наслаждения — нужно еще и ругаться и ломаться над несчастным мужем <?>. Мы еще не раз встретимся с этим лицом, состоящим, к а к в и д н о, на ролях *л ю б о в н и к о в* в репертуаре народного театра жизни: он еще явится нам и под другим именем, но всегда змеем. В его безобра́зном и безо́бразном лице [православный народ][10] осуществил (о с ь) *свое* сознание о любви,— и если этот русский дон Хуан [*или*] этот Ромео не совсем благообразен,— причина этому — *народное* созерцание чувства любви [*И потому просим не взыскать — чем богаты, тем и рады*][11]. Любовь до того б ы л а изгнана у *нас* из тесного круга народного созерцания жизни, что в самом браке [*является*] я в л я л а с ь каким-то чуждым [греховным] элементом [,враждебным святости союза, освящаемого религиею]; вне же брака, она — бесовская прелесть, дьявольское наваждение, нечистое вожделение змея Горынщата, преступная контрабанда жизни. Удивительно ли после этого, что эта любовь является в *наших народных* поэмах так цинически-чувственною, так оскорбительною и возмутительною для чувства, в таких грубых [*кабацких*] формах? Удивительно ли после этого, что любовник в *наших народных* поэмах является в виде змея, с характером хвастуна, наглеца [*ярыги*] и труса, а любовница [*является*] п р е д с т а в л я е т с я в виде [*харчевницы*] грубой, наглой и бесстыдной бабы с манерами *и замашками* площадной торговки и даже — как увидим это ниже — в виде колдуньи, злой ерет[*ницы*]и ч к и?» (л. р. 46; «Отеч. записки», отд. V, стр. 28—29; у Венгерова см. на стр. 391).

Этот отрывок является показательным примером обработки, которой, по-видимому, вообще подвергались «крамольные места» в статьях Белинского.

Как мы можем убедиться, карандашная правка этого места (которая полностью учтена в журнальном тексте) по своему характеру напоминает правку Краевского, сделанную в других местах рукописи чернилами: это — вставные оговорки («неужели», «как видно») и переадресовки в прошлое («старинного», «была», «являлась»), вычеркивание просторечных слов («кабацких», «ярыги», «харчевницы»), а также целой фразы.

Сопоставляя неправленный рукописный текст с журнальным, мы обнаруживаем эти замены: вместо «*народное* созерцание» в журнале стоит «особое»; вместо «*наших народных*» — «этих», «подобных»; вместо «*нас*» — «этих людей»; совсем исключено: «*свое*», «*и замашками*».

Уже самый факт изъятия слова «народный» и других цензурой или редактором «Отечественных записок» показывает, что резкие выпады Белинского были направлены именно против о ф и ц и а л ь н о й «народности», которая предусматривалась известной уваровской формулой. Неслучайно здесь иронически говорится о «*православном* народе», который «осуществил *свое* сознание о любви...» Полемически заостренное обличение «грубости» тогдашнего народного быта разрушало его патриархально-идиллическую трактовку, дававшуюся высокопоставленными ревнителями «народности» и их «учеными» подголосками вроде И. Сахарова (книги которого Белинский рецензировал в этих статьях)[12]. Белинский ополчается здесь против всякого приукрашивания народной жизни («чем богаты, тем и рады»), намеренно сгущая краски.

Однако «грубость» народных поэм он связывает, в первую очередь, *с «тесным кругом» народных представлений, с косностью условий* существования, при которых любовь становится «преступной контрабандой жизни». Во всем этом важна, конечно, не своеобразная морально-эстетическая интерпретация Белинским фольклора сама по себе, а ее ф у н к ц и о н а л ь н а я р о л ь д л я э п о х и 1840-х г о д о в, е е к о н к р е т н а я с о ц и а л ь н а я н а п р а в л е н н о с т ь. То, что она воспринималась именно в этом плане, еще раз подтверждается приведенным отрывком, который, как мы могли убедиться, появился в печати искаженным до неузнаваемости. Разумеется, резкие характеристики, данные Белинским, касаются отнюдь не народного характера как такового, а лишь бытовых уродств, порожденных вековечным гнетом. Ведь в этих же статьях Белинский несколько раз восторженно отзывается о высоких моральных качествах русского народа и о «необъятно-великой судьбе», его ожидающей. В четвертой статье Белинский прямо говорит, что «любовь на Руси могла быть не только поэтическою, но даже и грациозно-поэтическою» и что «чем богатее народ чувством, тем ужаснее видеть это чувство сдавленным неправильно развившеюся общественностию» ⟨т. е. тогдашним социальным строем.— *Г. Ч.*⟩ (л. р. 69).

Интересным примером корректурной правки в четвертой статье является замена употребленного Белинским выражения: «*на пищу святого Антония*» (л. р. 29) словом «голодает» («Отеч. записки», стр. 73; Венг., стр. 455).

В обеих статьях часть исправлений, сделанных в корректуре, имеет чисто с т и л и с т и ч е с к и й характер, причем все они направлены в сторону обеднения языка Белинского: слова, обороты, формы, заимствованные из фольклорных источников (главным образом из сборника Кирши Данилова), заменяются обычными. Это видно из следующих примеров.

В р у к о п и с и:	В ж у р н а л ь н о м т е к с т е:
любови	любви
зелены луга	зеленые луга
Алешке	Алеше
окошечко	окошко
али	или
ронил	ронял
воску	воска
лавицу	лавку
человечья	человеческая
Васинька	Василий
млада Васюшки	молода Василия и т. д.

Такая правка аналогична первоначальной (имеющейся в самой рукописи) правке Краевского: *годков* — годов, *муж* (в старинном значении слова) — человек и т. д. и, повидимому, также принадлежит ему. Но возможно, что указанные искажения, в отдельных случаях, являются следствием ошибок наборщиков.

Следует отметить, что журнальный текст обеих статей изобилует опечатками, нередки пропуски слов. Значительная часть подобного рода ошибок механически перешла в последующие публикации. В качестве примера можно указать на следующие вопиющие искажения мысли Белинского. В третьей статье вместо «само*со*знания» (л. р. 2) напечатано «само*по*знания» («Отеч. записки», стр. 4; Венг., стр. 360). Таким образом, социально-исторический термин превратился в философско-мистический (но, может быть, эта замена произведена и сознательно Краевским). В четвертой статье, в фразе: «Какого же исторического содержания, какой исторической жизни можно требовать от русских народных песен, относящихся к эпохе *до* Петра Великого!» (л. р. 54) пропущено слово «до» («Отеч. записки», стр. 86; Венг., стр. 470)[13].

В печатных воспроизведениях обеих статей особенно много искажений падает на тексты былин, которые Белинский, как правило, точно цитировал по сборнику Кирши Данилова (изд. 1818 г.). В результате в ряде случаев получается совершенная бессмыслица. Так, пересказывая былину о Ставре-боярине, Белинский говорит (цитируя Киршу) о подготовке в Киеве к встрече посла «от грозна короля Етмануйла Етмануйловича»: «А и тут больно князь ⟨Владимир⟩ запечалился: *кидалися, металися,* то улицы метут, ельник ставили, перед воротами ждут посла...» (л. р. 83). В тексте «Отечественных записок» (стр. 52) и последующих изданий: «...кидался, метался...»; получалось, что эти слова относятся к князю Владимиру, тогда как на самом деле они относятся к слугам.

В другом месте Белинский приводит строки из былины «Алеша Попович» («Древние российские стихотворения», стр. 183):

В тридцать пуд шелепуга подорожная,
В пятьдесят пуд *налита* свинцу чебурацкого (л. р. 39).

Во всех печатных текстах («Отеч. записки», стр. 25) вместо «налита» — «палица».

Вместо «мое*го* лады» (говорится о князе Игоре) печаталось «мое*й* лады», вместо «кушанье... пос*т*ное» — «...пос*пеш*ное» ⟨?⟩, вместо «*сс*кочил (т. е. соскочил) с коня» — «*вс*кочил с ⟨?⟩ коня», вместо «сотряслося сл*а*вно царство Индийское» — «...сл*о*вно...», вместо «зат*к*нул» (колчаны) — «зат*я*нул» ⟨?⟩ и т. д.

Что касается журнального текста первой и второй статей, то он также подвергался различным искажениям. Некоторые из них обнаруживаются при сопоставлении текста «Отечественных записок» с текстом Полного собрания сочинений Белинского в изд. Солдатенкова и Щепкина (о нем см. ниже), где при публикации всех четырех статей были использованы рукописи Белинского.

Из имеющихся разночтений (кроме указанных Венгеровым в примечаниях 281 и 284 к VI т.) заслуживают внимания следующие:

В первой статье Белинский отмечает, между прочим, что в литературе французского классицизма «Солдаты заговорили одним языком с полководцами, *земледельцы и поденщики — с царями,* слуги — с господами» и что поэты и теоретики искусства того времени «исключили из поэзии простолюдинов и мещан, и дали в ней место только *царям, их* придворным и героям благородного происхождения» (изд. Солд., ч. V, стр. 12—13). В первом случае выделенные нами слова совсем исчезли из журнального

66

русскаго крестьянина считать свою жизнь, свое тело, свою жену и дочь, и все свое скудное достояние [illegible] чужою собственностию, [illegible] единственно в том, что отойти во владение первого, кто с дубиною в руках, [illegible] вздумает объявлять на все свои права... Далее, кровавое самовластительство Грозного, смуты междоусобия, [illegible] все это так сгруппировано и с одною зимою, и с свинцовым небом холодной [illegible] весны и печальной осени, и с бесконечностию ровных и однообразных степей... Вспомните жизнь русского крестьянина того времени, его [illegible] дымную, неопрятную хижину, этот пожирающий ее огонь, его поле, то оставленное правителем, то истоптанное [illegible], то пустое, незасеянное, или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и [illegible] бодрима [illegible]... Вспомните привычку русского человека, заработав деньгу, зарывать ее в землю — и ходить в лохмотьях, есть чуть не хлеба пополам с мякиною, стонать и жаловаться на нищету, — и вы поймете причину этой привычки... Если и этого мало, то прочтите Котошихина, — и вам все будет ясно без комментарий...

[illegible] По географии (положению и климату) и история страны еще нечто в сравнении с семейным бытом древней Руси, о котором мы уже теперь, сравнивая его с нашим, современным, по-своему говорим, как о чем-то таком, что трудно понять, чему трудно поверить. Семейный быт [illegible] русский и непосредственный источник народной поэзии. [illegible] Русская [illegible] народная эпическая поэзия [illegible] как будто [illegible] совсем не приняла в себя элемента сердечной тоски и душевной грусти, составляющей основной элемент лирической поэзии. И это понятно: русская эпическая поэзия как будто совсем обошла и миновала [illegible] семейный быт,

АВТОГРАФ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ, 1841 г.

Лист рукописи с правкой А. А. Краевского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

текста; во втором случае они были заменены на «вельможам» («Отеч. записки», стр. 6). В другом месте, говоря о Шекспире, автор статьи указывал, что он «выводит в своих трагедиях и *царей*, и придворных, и героев, и мужиков, *и мошенников* вместе, потому что это смешение существует в самой действительности...» (Солд., стр. 21). Цензор или Краевский исключил отсюда «царей» и «мошенников» («Отеч. записки», стр. 11), видимо, считая, что их «смешение» является неудобным. Как видим, исправления в журнальном тексте первой статьи, касающиеся «царей», идут в том же направлении, что и указанные нами ранее при рассмотрении третьей и четвертой статей. Сходные тенденции обнаруживаются и в других примерах. Нарочитое «отпущенный *холоп* Гораций» (в ст. первой, Солд., стр. 5) в журнале изменено на «...раб...» («Отеч. записки», стр. 2) — вероятно, чтобы устранить какие-либо ассоциации с русским бытом. Очевидно, неуместным (по политическим соображениям) показалось и упоминание тогдашней Австрии в числе «народов», имеющих «только внешнее историческое значение...» (ср. Солд., стр. 30; «Отеч. записки», стр. 16).

В обеих статьях имеются и примеры различных «смягчений», характерных для редакторской манеры Краевского. Так, у Белинского идет речь о «*противоборствующих*» «злу» (Солд., стр. 27), а в журнале они превращены в «противоречащих...» («Отеч. записки», стр. 14); Белинский говорит (ст. вторая) о «*полушуточном рассказе*» (Солд., стр. 60), а в журнале вместо этого «короткий пересказ...» («Отеч. записки», стр. 32).

Таким образом, в журнальной редакции еще более увеличилось число искажений (различного порядка) текста третьей и четвертой статей Белинского. С ними сходны и обнаруженные нами искажения текста первых двух статей.

4-я и 5-я («книжные») редакции

Это — позднейшие правки текста рукой Белинского (точная датировка которых пока не установлена), связанные с переработкой им ряда своих журнальных статей (в том числе и всех статей о народной поэзии) для задуманной им книги. Первое сообщение о ней было сделано в феврале 1841 г. редакцией «Отечественных записок» (т. XV, № 3), где в примечании к статье «Разделение поэзии на роды и виды» говорилось о предполагавшемся выходе, к началу 1842 г., книги Белинского «Теоретический и критический курс русской литературы», в составе которой должны были быть и разделы, озаглавленные: «*Взгляд на народную поэзию вообще*; *Критическое рассмотрение памятников русской народной поэзии* («Слово о полку Игоревом» и русские песни эпического и лирического содержания)...» Следовательно, третья и четвертая статьи Белинского о народной поэзии (появившиеся в журнале через несколько месяцев после этого) были написаны в исполнение этого замысла. В 1842 г. книга не вышла, но мысль о ней продолжала занимать Белинского до самой его смерти. Он неоднократно принимался за составление книги. Так, летом 1845 г. он сообщает (в рецензии на «Опыт истории русской литературы» А. Никитенко) о подготовляемой им «Критической истории русской литературы (преимущественно новой, с обозрением, в виде введения, произведений народной поэзии)» («Отеч. записки», т. XLI, № 7). На этот раз Белинский заявил, что не может сказать ничего определенного «о времени выхода этого сочинения» (там же). После этого он, повидимому, продолжал работать над книгой, так как 2 января 1846 г. писал А. И. Герцену: «К пасхе кончу 1 часть „Истории русской литературы“» («Письма», III, 92).

По словам Н. Х. Кетчера, «Критическую историю русской литературы» Белинский «начал составлять из прежних статей своих», «незадолго до

смерти» (Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, т. V, М., 1860, стр. 3, прим.).

В рукописи третьей и четвертой статей ясно различаются две поздние правки (которые Венгеров смешал в одну, назвав ее 5-й редакцией, см. выше, стр. 52). Одна из них сделана карандашом, другая, видимо, черной тушью, различно разведенной. Позднейшее происхождение этих правок явствует из того, что обе они не вошли в текст «Отечественных записок». Кроме того, почерк их значительно отличается от почерка 1-й редакции. То, что эти поправки произведены в разное время и что карандашная является более ранней, видно из их расположения: штрихи пером нанесены поверх карандашных.

Карандашная правка, принадлежащая Белинскому (4-я редакция), незначительна по своему объему и ограничивается несущественными изменениями основного текста; на этой стадии работы Белинский производит стилистические уточнения, добавляет примечания, подчеркивает некоторые слова и выражения основной редакции. Сюда же относится и карандашная нумерация некоторых листов рукой Белинского. Быть может, он же снимает и обозначения петита, сделанные Краевским, зачеркивает его отметки на полях и фамилии наборщиков.

Правка тушью (5-я редакция)[14] сделана мелким почерком тонким (стальным) пером. По своему объему она значительно больше предыдущей и отражает существенную переработку раннего текста. В остальном она идет в том же направлении, что и карандашная, во многих случаях подтверждая ее. С этой правкой связаны значительные сокращения (Белинский вырезает порой большие куски текста и выкидывает целые листы) и известные композиционные изменения (так, песня о Самкѐ Мушкете из четвертой статьи была перенесена в третью). Этим вызвано и появление вкладных листов и новая нумерация всех остальных.

Одной из особенностей этой редакции является большое количество поправок, состоящих в том, что «зачеркнуто слово ⟨основной редакции⟩, показавшееся не вполне разборчивым, а затем надписано то же самое слово, но более тщательно» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. 159)[15]. Белинский имел все основания делать поправки такого рода, поскольку при наборе статей для «Отечественных записок» было допущено большое количество ошибок из-за нечеткости в рукописи. Это обстоятельство иногда очень явственно отражено в самих рукописях. В статье третьей, пересказывая былину о Добрыне Никитиче, Белинский написал, что Добрыня «грозится Змея ⟨Горыныча⟩ изрубить на мелкие части пирожные» (так и в сборнике Кирши Данилова). Однако в журнале, как отметил еще Венгеров (примеч. 406),— «почему-то» напечатано «...туловище». Это произошло потому, что первая половина слова «пирожные» в рукописи вполне может быть прочитана как «туло...» Учитывая это, Белинский, при позднейшей правке, написал на полях против этого места: «пиро— +» (л. р. 64).

В другом случае (в той же статье), в изложении былины о Соловье Будимировиче, Белинский вместо «у первого терема» ошибочно написал «у первого *дерева*». В тексте «Отечественных записок» ошибка исправлена, но в рукописи этого первоначального исправления нет. Неверное слово подчеркнуто чернилами (тонким пером) так, что черта переходит на полях в NB. Потом Белинский вновь подчеркнул это слово — уже карандашом. Наконец, в самой поздней редакции,— всё зачеркнул и написал сверху (тушью, пером) «терема» (л. р. 80).

Как видно из этих примеров, при подготовке текста для книги Белинский тщательно проверял его. Листы, имевшие, видимо, много исправлений, он переписывал заново (уже на другой бумаге). Однако и это ему показалось недостаточным. На полях л. 90 (ст. третья) рукой Белинского

сделана такая отметка (тонким пером): «NB для писца — [от] с начала строки». Следовательно, он предполагал предварительно отдать весь текст для переписки (Венг., прим. 442).

Другой особенностью позднейшей редакции является то, что Белинский обводит пером многие карандашные исправления и вставки Краевского. Это вызвано; очевидно, тем, что Белинский решил учесть и воспроизвести текст, уже апробированный в печати, во избежание новых исправлений.

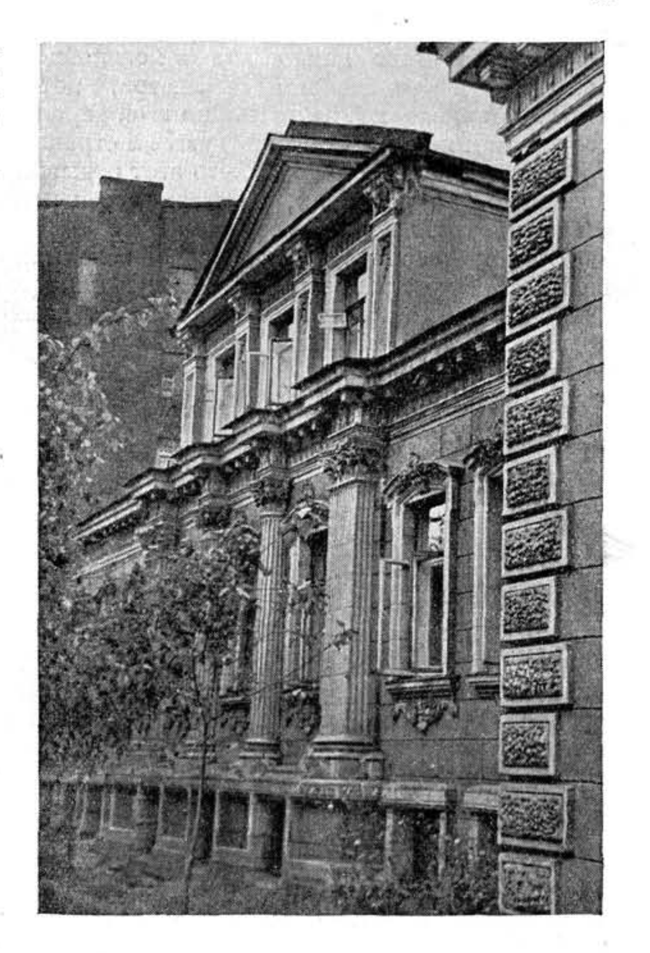
Что касается изменений текста Белинским в «книжных» редакциях, то соответствующие варианты почти полностью приведены Венгеровым, а важнейшую их черту отметил еще Н. А. Некрасов, считавший переделку четырех рукописных листов «замечательной особенно тем, что философское направление ⟨журнальных статей⟩ пременяется здесь в историческое» («Записки отдела рукописей Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина», вып. 9, стр. 10).

В свете указанной эволюции Белинского любопытно то обстоятельство, что в позднейшей редакции статей он уничтожает термины: «субстанциальнее», «субстанциальность», зачеркивая первый из них (ст. четвертая, л. р. 7) и заменяя второй словами «существенность» (ст. третья, л. р. 91) и «значительность» (ст. четвертая, л. р. 54). Замененные здесь словечки, характерные для гегельянской философии, многократно употреблены Белинским, например, в статье 1841 г. «Разделение поэзии на роды и виды». Впоследствии, освободившись от увлечения гегельянством, Белинский стал избегать и этих терминов. Он едко высмеял их (в применении к гегельянцу Рётшеру) в письме к В. П. Боткину от 3 апреля 1843 г. (см. «Письма», II, 358). Со стилистической точки зрения интересно, что в позднейшей редакции Белинский уничтожает в двух местах связку «есть» (ранее довольно часто им употреблявшуюся) и заменяет слово «апогей» выражениями: «высшей степенью своего совершенства» и «крайней степенью высоты».

Из вариантов 5-й редакции, не отмеченных Венгеровым, можно привести следующий. Развивая положение о том, что феодализм возник путем завоевания одного племени другим (стр. 611), Белинский говорит, что покоренное племя «образовывало массу народа—плебеев [*и пролет*⟨ариев⟩]...» (ст. третья, л. р. 23). Мысль о пролетариате, промелькнувшая в этой связи у Белинского,— весьма знаменательна.

6-я редакция (публикация Н. Х. Кетчера)

В «Реестре бумагам, оставшимся после Белинского», составленном для Н. Х. Кетчера Некрасовым, последний упомянул, в числе уцелевших рукописей, рукописи всех четырех статей о народной поэзии, заметив при этом, что «в третьей статье не достает конца»; по его словам, первая и вторая статьи были «перебеленные и совсем приготовленные к печати, за исключением конца второй, журнальной, смысл которой должен был измениться». В этих же бумагах Белинского имелись и «черновые ⟨рукописи⟩ обеих статей» («Записки отдела рукописей...», вып. 9, стр. 10). Все четыре статьи были опубликованы Кетчером в Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, изд. Солдатенкова и Щепкина, т. V, М., 1860. Однако Кетчер, имевший в своем распоряжении все рукописи, использовал их — по справедливому замечанию Ефремова и Якушкина — «не вполне» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI). Сопоставляя текст издания Солдатенкова с рукописью третьей и четвертой статей, можно убедиться, что Кетчер, восстановивший по рукописи некоторые места, вычеркнутые из журнального текста, не придерживался в своей публикации какого-либо определенного принципа, но эклектически сочетал элементы всех

ДОМ № 6 НА УЛИЦЕ ЩУКИНА (БЫВШИЙ ЛЕВШИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК) В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ В КОНЦЕ 1834 г. У А. М. ПОЛТОРАЦКОГО ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

предшествующих редакций. Наряду с этим, Кетчер произвольно изымал отдельные части текста, очевидно, казавшиеся ему несущественными. Кроме того, он опустил и некоторые подстрочные примечания Белинского, а оставленные включил непосредственно в текст (в скобках). Многие подчеркивания слов (даже из имеющихся в журнальном тексте) не были им приняты во внимание.

Характерной особенностью кетчеровской редакции является то, что в четвертую статью включен большой отрывок о русских сказках (стр. 204—227), отсутствующий в дошедшей до нас рукописи. Однако в ней остались следы этого исчезнувшего отрывка.

Фраза, с которой начинается 45-й лист рукописи («Теперь мы, сообразно плану нашей статьи, должны перейти к песням историческим...»), *принадлежащая* к 1-й (основной) редакции, зачеркнута в позднейшей правке (тушью) *и заменена следующей:* «От поэм *и сказок* самый естественный переход к историческим песням...» Эта же формулировка имеется и в издании Солдатенкова, где она следует сразу же после указанного отрывка о сказках (стр. 227). В то же время предыдущий, 44-й, лист рукописи заканчивается теми же словами, после которых в издании Солдатенкова помещен этот отрывок. Первоначальный (соответствующий основной редакции) номер 45-го листа — «46» переправлен тушью на «45», потом все это Белинским зачеркнуто и рядом поставлен новый номер — «59» (эта новая нумерация продолжена и на последующих листах, почти до самого конца рукописи).

Из всего этого видно, что в позднейшей редакции в рукопись было включено дополнительно 14 листов, которые, видимо, и содержали отрывок о сказках (эти листы, по всей вероятности, были исписаны с двух сторон, так как они соответствуют 22 страницам печатного текста, частично набранного петитом). То, что этот отрывок принадлежал к позднейшей (очевидно, 5-й) редакции, подтверждается и тем, что он полностью отсутствует в журнальном тексте.

Вторая особенность кетчеровской редакции — та, что, согласно позднейшей авторской правке, песня о Самке Мушкете перенесена в третью статью.

В издании Солдатенкова отсутствуют комментарии, варианты не приводятся. Кетчер ограничился лишь кратким подстрочным примечанием общего характера.

Текст этого издания в значительной мере воспроизводит ошибки и опечатки журнальной редакции.

7-я редакция (публикация С. А. Венгерова)

Рукописи третьей и четвертой статей о народной поэзии оказались в числе тех, которые от наследников Кетчера попали к букинисту Толченову, а у последнего были приобретены бр. Солдатенковыми и затем переданы в Отдел рукописей Румянцевского музея (Венг., прим. 321). Ефремов и Якушкин, не успев подготовить эти рукописи для юбилейного издания 1898 г., решили «отложить до времени» их опубликование. К тому времени рукописи первой и второй статей были уже утрачены. Через пять лет после этого тексты третьей и четвертой статей были напечатаны с рукописи С. А. Венгеровым в VI томе Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, с примечаниями, воспроизводившими многие (но далеко не все) варианты различных редакций. В разграничении последних отсутствовала, однако, необходимая четкость и определенность. Ряд исправлений (прим. 323б, 324, 344в, 422, 474 и др.) приведен без указания на их принадлежность Краевскому. В отличие от Кетчера, Венгеров придерживался, по его словам (прим. 345), «1-й редакции»; однако венгеровский текст третьей и четвертой статей является почти таким же компилятивным (по отношению к рукописным и печатным редакциям), как и кетчеровский, а венгеровский текст первой и второй статей сочетает элементы журнальной и кетчеровской редакций.

Венгеров крайне небрежно отнесся к рукописным и предшествовавшим печатным текстам и не только повторил множество их ошибок, но и допустил ряд новых. Он совершенно опустил отрывок о сказках (в четвертой статье; см. выше), даже не упомянул о нем и указал лишь на композиционную «перетасовку» в издании Солдатенкова (Венг., VI, прим. 516). Восстанавливая цензурные изъятия (не воспроизведенные Кетчером), Венгеров в то же время пропустил ряд слов и фраз, имеющихся в издании Солдатенкова; из таких случаев заслуживает внимания следующий. В четвертой статье Белинский, говоря о древнем Новгороде, утверждает, что там «мужикам» не из-за чего было враждовать с боярами и дворянами, так как «при равенстве прав *или совершенном отсутствии прав* с той и другой стороны, и при равенстве образования, или при совершенном отсутствии всякого образования с той и другой стороны, там только бедный мог завидовать богатому, а не мужик дворянину, ибо там и мужик мог быть богаче боярина и потому больше его иметь весу на вольном вече». Выделенные нами слова отсутствуют в журнальном тексте и у Венгерова, но имеются в рукописи (л. 14) и в издании Солдатенкова.

Анализ рукописей и печатных текстов третьей и четвертой статей Белинского о народной поэзии и публикаций всех четырех статей позволяет сделать следующие выводы:

1. Подлинный текст третьей и четвертой статей во многом отличается от печатного.

2. Ряд высказываний Белинского, имеющихся в рукописном (и в печатном, воспроизведенном с рукописи) тексте статей о народной поэзии, но до сих пор не учитывавшихся, свидетельствует о том, что настроения социального протеста, владевшие Белинским во время написания этих статей (осень 1841 г.), были гораздо более сильными и глубокими, чем их принято считать для этого периода его идейного развития.

3. Белинский пользовался каждым удобным случаем (не только при теоретических обобщениях, но и при пересказе тех или иных произведений народной поэзии) для обличительных замечаний, исполненных гневного пафоса или острого сарказма, по адресу самодержавно-помещичьего строя.

4. Высказывания подобного характера (так же как смелые и оригинальные мысли, касающиеся, например, отечественной истории) тщательно вытравливались из этих статей во время двойного контроля (Краевского и цензуры), которому они подвергались.

5. Правка Краевского, помимо этого, вносила (путем различных оговорок) во многие формулировки статей нерешительность, уклончивость, расплывчатость, чуждые Белинскому.

6. Подлинный текст третьей и четвертой статей в стилистическом отношении значительно богаче и ярче печатного. В то время как Белинский стремился сделать свое изложение живым и образным, широко используя элементы разговорного языка и народной поэзии и воспроизводя речевые особенности разбираемых им произведений,— Краевский всячески приглаживал авторский текст, обедняя и обесцвечивая его язык.

7. Наконец, непонятные выражения (главным образом в фольклорных цитатах) и бо́льшую часть стилистических шероховатостей в печатном тексте третьей и четвертой статей следует отнести за счет плохого качества корректуры в «Отечественных записках» и небрежной подготовки текста последующих изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. их описание в кн. «Рукописи и переписка В. Г. Белинского. Каталог». Сост. Р. П. Маторина. М., 1948, стр. 9.

[2] Впервые публикуемый текст Белинского во всех случаях печатаем *курсивом*.

[3] Мы пользуемся самой поздней (не принадлежащей Белинскому) порядковой нумерацией листов.

[4] Для облегчения ориентировки в приведенных цитатах мы в ряде случаев указываем в скобках соответственные страницы по VI тому Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под ред. С. А. Венгерова. Страницы других изданий каждый раз специально оговариваются.

[5] Слова, подчеркнутые самим Белинским, в *курсиве* выделяются *р а з р я д к о й*

[6] Вставки, не принадлежащие Белинскому, везде обозначаем п р я м о й р а з р я д к о й.

[7] Слова, заключенные здесь в квадратные скобки, зачеркнуты самим Белинским.

[8] Третью редакцию Ефремов и Якушкин определили, как «печатный текст журнала с изменениями и сокращениями, сделанными цензурою» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI).

[9] В нижеследующем отрывке мы, чтобы не загромождать текст, не воспроизводим слов, зачеркнутых самим Белинским, которые являются несущественными стилистическими вариантами.

[10] В квадратные скобки заключены журнальные изъятия, восстановленные Венгеровым (т. VI, прим. 385, 387, 388); *курсивом* выделены слова, имеющиеся в рукописи, но измененные или выброшенные уже в корректурных листах; *курсивом в квадратных скобках* обозначены слова, зачеркнутые в рукописи карандашом (Краевским?), а потом

(в позднейшей, «книжной» редакции статей) — и тушью (самим Белинским); разрядкой — карандашные вставки.

[11] Это — те самые «слов 8, которые, — как говорит Венгеров, — трудно разобрать» (т. VI, прим. 386).

[12] Белинский благоприятно оценил книги Сахарова с опубликованными в них «Молениями Даниила Заточника» и рядом других памятников, но разбор Белинским произведений народной поэзии многими своими сторонами противопоставлен Сахарову и другим собирателям, идеализация которыми национальной «старины» имела реакционный характер.

[13] См. в «Лит. наследстве», т. 57, сообщение Л. Ланского: «К критике первопечатных текстов сочинений Белинского», в котором приведен ряд искажений, вкравшихся в текст сочинений Белинского вследствие неряшливой корректуры «Отечественных записок».

[14] Правка тушью (судя по размеру и характеру почерка) сделана в несколько приемов, но хронологическое разграничение ее вряд ли возможно.

[15] Редакторы юбилейного издания отметили аналогичную особенность в рукописи статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. 159).

О РЕЦЕНЗИИ НА «ОДЕССКИЙ АЛЬМАНАХ»

Сообщение Леонида Каплана

В 3-й книжке «Отечественных записок» за 1840 г. (ц. р. 14 марта) была напечатана рецензия Белинского на «Одесский альманах». Рецензия на этот же альманах, помещенная почти одновременно в «Литературной газете» (1840, № 23 от 20 марта), принадлежит М. Н. Каткову. Она подверглась значительной редакционной переработке, что вызвало припадок раздражения у обидчивого и самолюбивого Каткова, повидимому, убежденного, вследствие характера изменений, внесенных в статью, что ее переделал Белинский. По этому поводу Белинский 16 апреля 1840 г. писал В. П. Боткину: «Краевский прочел мне письмо Каткова к себе, в котором сей неистовый юноша горько жалуется на чью-то руку, исказившую его экстатическую статейку о... „Одесском альманахе", хотя он и знает, что эта чья-то рука не чья иная, как Краевского» («Письма», II, 114). В публикуемом в настоящем томе письме от 12 апреля 1840 г. (стр. 139) Краевский спешит объяснить Каткову причину переработки рецензии и берет на себя вину за бесцеремонное изменение замысла автора.

То обстоятельство, что при переработке рецензии, как это засвидетельствовал Краевский, ставилось целью намеренное ее сближение с отзывом Белинского, само по себе придает рецензии немалый интерес. Еще больший интерес вызывают результаты сличения обеих рецензий, невольно рождающие подозрение, что, несмотря на категорические заверения и Краевского и Белинского, рецензия на «Одесский альманах» была переделана — и переделана радикально — не кем иным, как Белинским, намеренно затушевавшим свою роль вследствие крайне напряженных своих отношений с Катковым.

Особенно любопытна та часть рецензии, в которой заключается отзыв о двух стихотворениях Лермонтова —«Узник» и «Ангел», помещенных в альманахе. Белинский в рецензии на «Одесский альманах» дал этим стихотворениям чрезвычайно суровую оценку, заметив, что эти стихи «вероятно, принадлежат к самым первым опытам» Лермонтова и «нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они не войдут в собрание его сочинений» (V, 225—226).

Пренебрежительный отзыв Белинского об «Ангеле», действительно кажущийся весьма несправедливым, настолько поразил редактора Полного собрания сочинений Белинского С. А. Венгерова, что он в примечаниях возмущенно восклицает: «Промах, о котором сейчас будет речь, производит ошеломляющее впечатление, и место ему разве в критическом формуляре какого-нибудь Шевырева ⟨...⟩ „Ангел", одно из самых глубоких стихотворений Лермонтова ⟨...⟩, в котором выражена вся беспредельность его тоски и вся безвыходность его порываний — поднять руку на этот вопль души поэта можно было только в момент какого-то эстетического затмения» (V, 561).

В самом деле, это беглое порицание прекрасного стихотворения Лермонтова вполне может показаться несправедливым и ошибочным, одним из редких «промахов» Белинского.

Обратившись к рецензии на альманах, помещенной в «Литературной газете», мы неожиданно находим развернутое и чрезвычайно убедительное обоснование взгляда Белинского на «Ангел» Лермонтова: «Два стихотворения г. Лермонтова были прочтены нами с жадностию, как и все, что выходит из-под пера этого поэта. Многого, многого ждем мы от этого могущественного таланта; одни из самых лучших, блистательных надежд возложили мы на него... Дай бог, чтобы он осуществил их все...» Дав благожелательный отзыв о стихотворении «Узник», рецензент продолжает: «Стихотворение „Ангел“ менее удовлетворяет нашему эстетическому чувству. В самом содержании его какая-то неопределенность, какая-то антипоэтическая туманность, так что даже самый талант Лермонтова не мог придать ему жизни. Ангел летит и несет в своих объятиях душу; в полете своем он поет песни о блаженной райской жизни:

И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

И после скучные песни земли не могли уже заменить ей звуков небес. Может быть, в связи с другими стихотворениями, в целом лирическом цикле, оно получит более глубокое значение и иначе отзовется, но само по себе, как уж и сказали мы, оно не удовлетворяет нас. Вообще мы желали бы,— если позволено нам это желание, чтобы талант Лермонтова чуждался всего аллегорического, безжизненной области, населенной символическими демонами, двусмысленными пери и пр.».

Это высказывание, обращенное не столько к читателям, сколько к самому Лермонтову, талант которого критик старается уберечь от мистицизма и символики, никак не могло принадлежать Каткову. Взгляды Каткова на поэзию рельефно высказаны в одновременно писавшейся и получившей большую известность статье его о «Стихотворениях Сарры Толстой». Катков следующим образом характеризовал в этой статье зарождение истинной, по его мнению, поэзии: «Перспектива душевного зрения объята туманом, и в тумане мелькает что-то невыразимо очаровательное, мучительно ласкающее душу. Внешнее и определенное исчезло в мистических внутренних звуках, и нет более черты между действительностию и возможностию ⟨...⟩ В этой душевной поэзии заключается лучшая прелесть жизни, ее музыка, ее чарующее благоухание; без нее жизнь была бы подобна душной тюрьме, лишенной света и воздуха. Как бы ни было хорошо и полезно действие воли, оно мертво и сухо, если при его рождении не звучали в глубине мистические струны, и ни одна высокая мысль, ни одна истина не пустит в нас живых корней, если входит в нас без всякого внутреннего призыва» («Отеч. записки», 1840, X, отд. V, стр. 15—16).

Эта точка зрения на поэзию совершенно противоположна высказанной в рецензии на «Одесский альманах» по поводу стихотворений Лермонтова. Таким убежденным сторонником реалистических тенденций в литературе мог быть только Белинский, который, по выражению И. И. Панаева, «не терпел и преследовал все мистическое». Можно с уверенностью сказать, что не Краевский, отличавшийся отсутствием собственного мнения в вопросах искусства, мог взять на себя роль воспитателя Лермонтова в области эстетики и указать ему на гибельность для его таланта мистических настроений. Даже если предположить, что приведенное выше обращение к Лермонтову было вписано в рецензию рукой самого Краевского, оно, тем не менее, явилось бы не чем иным, как развитием мысли Белинского, несомненно излагавшейся критиком устно.

Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И. И. Голикова. Издание второе. Москва. 1837—1840. Томы I—XIII.

История Петра Великого. Сочинение Вениамина Бергмана. Перевел с немецкого Егор Аладьин. Второе издание, исправленное и умноженное. СПб. 1840. Три тома.

Статья II.

Россия тьмой была покрыта много лет:
Бог рек: да будет Петр — и бысть в России свет!

Старинное изречение.

[illegible]

АВТОГРАФ ВТОРОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО МУДРОГО ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ РОССИИ...», 1841 г.

ЛИСТ ПЕРВЫЙ

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Отсутствие подлинной рукописи рецензии, так же как и письма Каткова к Краевскому, в котором он горько жаловался на искажение его статьи об «Одесском альманахе», разумеется, оставляет нас далекими от полного разрешения вопроса — какие еще изменения могли быть внесены в рецензию. Заметим только, что стихотворение А. Майкова «Сон», впервые замеченное Белинским (чем он не переставал гордиться), также отмечается и в рецензии, помещенной в «Литературной газете», оценка его, несомненно, внесена Белинским или заимствована из его отзыва. Вообще же часть рецензии, посвященная поэтическому отделу альманаха, имеет на себе явственные признаки авторства Белинского и заметно выделяется из общего фона «экстатической статейки» М. Н. Каткова.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ БЕЛИНСКОГО С К. С. АКСАКОВЫМ, В. П. БОТКИНЫМ, А. И. ГЕРЦЕНОМ, А. П. ЕФРЕМОВЫМ и М. Н. КАТКОВЫМ

Публикации К. Григорьяна, Леонида Каплана,
Н. Мордовченко и Н. Розенблюма

В разделе Эпистолярные материалы предыдущего тома «Литературного наследства» опубликовано пять не известных ранее писем из переписки Белинского: два письма самого критика (М. С. Куторге и П. Н. Кудрявцеву) и три письма к нему (Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского).

В процессе подготовки к печати настоящего тома дополнительно выявлены еще письмо Белинского (к М. Н. Каткову и А. П. Ефремову), его же шутливое «послание» к К. С. Аксакову, а также три письма к Белинскому.

Таким образом, не считая 169 писем из переписки Белинского с родными (41 письмо самого Белинского и 128 полученных им от отца, матери, братьев и членов родственной семьи Ивановых), печатающихся в следующем томе «Лит. наследства» (т. 57) в составе особой публикации, всего в разделе «Эпистолярные материалы» двух томов помещено 10 ранее не известных писем.

Редакция

БЕЛИНСКИЙ — М. Н. КАТКОВУ и А. П. ЕФРЕМОВУ

Спб⟨ург⟩, 1842, апреля 6

Письмо твое, Катков, к Краевскому очень обрадовало меня — за тебя. Ты протрезвляешься, след⟨овательно⟩, становишься человеком, с к⟨оторы⟩м можно быть в ладу и в каких бы то ни было отношениях людям, прежде его протрезвившимся. Ты был в Питере в полном своем опьянении, а у меня болела голова с похмелья. Питер — спасибо ему!— протрезвил меня от московской дури и «пьяных надежд»... Я уже никому не друг, и мне никто не друг; но я многим добрый приятель, и мне многие — добрые приятели. Я ни на кого не наваливаюсь с своею дружбою — и меня зато никто не душит ею, бог с нею. Но об этом — после. Был я недавно в Москве — преглупый город! Стыдно вспомнить, чем я там был! Там все гении, и нет людей; все идеалисты, и нет к чему-нибудь годных деятелей. Вид Москвы произвел на меня странное действие: ее безобразие измучило меня, и, по возвращении в Питер, красота его мощно охватила мою душу. Через 4 года мы будем ездить в Москву по железной. В Питере об этом все толкуют — ибо в нем всех это интересует; в Москве никто не говорит, ибо железная дорога — факт, а не фраза; если ж говорят — то весьма глупо. Москва гниет в патриархальности, пиэтизме и азиатизме. Там мысль — грех, а предание — спасенье. Там все Шевыревы. Исключение остается слишком за немногими людьми.

В Москве я попал на похороны — Александры Михайловны Щепкиной. Бедная — ей так хотелось жить, так не хотелось умирать; а умерла!.. И мы все умрем; но в утешение положим с собою лекции Шеллинга об откровении, глубже ты ничего не знаешь, хотя и знаешь Гегеля...

Рад я, что ты скоро приедешь — рад и тем, что увижу тебя таким, каким всегда желал видеть, и каким никогда не видел — трезвым, рад и тем, что ты будешь работать в О⟨течественных⟩ З⟨аписках⟩, чрез что я буду иметь время отдыха от чтения произведений российской словесности. Приезжай скорее. Брось этих немцев — чорт с ними. Я с некоторого времени их не совсем жалую. Они большие философы, абсолют им ни почем; но все в чинах и филистеры.

Прощай. Пиши, все тебе кланяются.

Твой

Белинский

А ты, о Ефремов! скоро ли вернешься? Хотелось бы мне узреть тебя лицом к лицу, и поругать при тебе немцев, философию и гофратство. Говорят, и ты «сбился с пути и пошел в драконы», т. е. учишься философии, ты, созданный быть практическим философом! Отпусти тебе, боже, этот грех! Жрешь ли ты устриц? Я недавно съел больших 56 — слов⟨н⟩о только шесть. Как подешевеют — рискну на сотню. Вообще мы теперь стали попроще и больше едим, пьем и прочее, чем говорим о чувствах и идеях. Может быть, от этого сильнее кое-что чувствуем и лучше понимаем. Кланяйся отцу всех русских любомудров, Бакунину. Был я недавно в Торжке, и провел у Бак⟨униных⟩ два или три очень приятных дня. Но вот тебе горькое о них известие: Т⟨атьяна⟩ А⟨лександровна⟩ — опасна — говорят чахотка. Ничего — все умрем; один позже, другой раньше; негодяи, подлецы и глупцы всех позже, и притом в чинах и с деньгами. Что В. А. Д⟨ьяко⟩ва? Николай Б⟨акунин⟩ говорил мне, что осенью она вернется в «дражайшее» отечество к «дражайшим родителям». Жаль мне ее, но и оставаться дольше ей нельзя же. Ах, если б и ты, милый Ефремов! Как бы я рад был увидеть тебя! Я уверен, что ты стал бы жить в Питере, куда и Боткин норовит переселиться из пиэтической Москвы. Нет ли слухов о некоем Павле Заикине? Да вообще пиши хоть несколько строк искренно любящему тебя

Белинскому

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Шифр: 4741. XXIV б. 128.

Автограф был подарен сестрой Некрасова, А. А. Буткевич, А. Ф. Кони, а последним передан служившему под его начальством Василию Андреевичу Белинскому. После смерти В. А. Белинского, в 1900 г., автограф снова перешел к А. Ф. Кони и хранился у него, пока тот 5 марта 1906 г. не препроводил его акад. Н. А. Котляревскому для архива Пушкинского Дома (см. препроводительную записку А. Ф. Кони к Н. А. Котляревскому от 5 марта 1906 г.).

Письмо Белинского является ответом на письмо М. Н. Каткова к А. А. Краевскому из Берлина от 30 марта 1842 г. (выдержки из письма Каткова и пересказ его содержания см.: С. Неведенский. Катков и его время. СПб., 1888, стр. 88—90; подлинник письма хранится в Гос. публичной библиотеке в Ленинграде, арх. Краевского, т. «Д — К», лл. 501—502). «Краевский получил письмо от Каткова, — сообщал Белинский В. П. Боткину 4 апреля 1842 г.— Забулдыжный наш юноша отрезвляется и начинает говорить человеческим языком. Я, говорит, поехал с пьяными надеждами. Просит у Краевского помощи до августа, в половине которого хочет вернуться в Питер и заработать помощь» («Письма», II, 294). В письме к В. П. Боткину от 13 апреля 1842 г. Белинский снова упоминал о письме Каткова к Краевскому: «Катков писал

БЕЛИНСКИЙ

Автолитография К. А. Горбунова, 1843 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

к нему, что он не знает ничего более глубокого, как лекции Шеллинга об откровении: Краевский нетерпеливо хочет получить понятие о содержании этих лекций...» («Письма», II, 302). В письме к тому же Боткину от 20 апреля 1842 г. Белинский еще раз иронически упомянул об увлечении Каткова немецкой идеалистической философией и мистическим натурализмом. «Катков явно принадлежит к берлинской философской школе: лекции Шеллинга об откровении кажутся ему глубже всего, что только есть на свете» («Письма», II, 306).

М. Н. Катков, уехавший из Петербурга за границу осенью 1840 г., поддерживал переписку с редакцией «Отеч. записок», где он сотрудничал до отъезда, и пользовался от времени до времени материальной помощью Краевского. В зимний семестр 1841/1842 г. Катков слушал лекции престарелого Шеллинга, который был вызван прусскими реакционерами в Берлин для борьбы с атеизмом и революционными идеями младогегельянцев. Увлеченный шеллингианской «философией откровения», Катков, в письме к Краевскому, предлагал написать для «Отеч. записок» статью о Шеллинге на основе личных записей его лекций. Тяготение Каткова к философской и политической реакции вызывало возмущение со стороны Белинского и предвещало полный разрыв их отношений в недалеком будущем, чем и объясняется иронический тон публикуемого письма.

Содержащаяся в письме характеристика «Москвы» имеет в виду лишь определенные враждебные Белинскому течения в московской идейно-политической и литературно-общественной жизни того времени. Для понимания этих метонимических строк следует помнить, что письмо к Каткову было написано Белинским вскоре после его поездки в Москву, под свежим впечатлением начатой борьбы с реакционно-охранительным направлением «Москвитянина». В февральской книжке «Отеч. записок» 1842 г. был опубликован нашумевший памфлет Белинского «Педант», разоблачавший одного из вдохновителей отечественной реакции — С. П. Шевырева и тем самым всю возглавлявшуюся им и М. П. Погодиным «московскую» группу.

А. М. Щепкина, о смерти которой Белинский сообщал Каткову,— дочь знаменитого актера М. С. Щепкина и приятельница Белинского. Ею одно время увлекались и Катков и сам Белинский (см. в настоящем томе, стр. 90—91 и 123—124).

Несмотря на то, что предложение Каткова написать статью для «Отеч. записок» редактором журнала было принято и Катков получил от Краевского просимую им денежную помощь,— с написанием статьи он долго медлил, опасаясь затруднений цензурного характера. Об этом он сообщал Краевскому в письме от 29 июня 1842 г., в котором, между прочим, просил передать благодарность Белинскому за его письмо. Письмо Белинского Катков характеризовал как «маленькое и очень миленькое рассужденьице на тему: все люди смертны, мы — люди, ergo мы смертны».

Еще до предложения Каткова—написать статью, на страницах «Отеч. записок» было опубликовано изложение первой лекции Шеллинга в Берлине 15 ноября 1841 г. («Отеч. записки», 1842, т. XX. «Смесь», стр. 65—70), а затем появилось и извещение об окончании этих лекций. Явно имея в виду обещанную Катковым статью для журнала, редактор «Отеч. записок» заявлял: «Мы надеемся сообщить читателям обстоятельнейшее известие о духе и содержании лекций Шеллинга, обещанное нам нашим берлинским корреспондентом, постоянно посещавшим эти лекции в продолжении всего семестра» («Отеч. записки», 1842, т. XXII, отд. VII. «Смесь», стр. 38—39).

Представил ли Катков в «Отеч. записки» обещанную им статью, остается неизвестным. Во всяком случае опубликована она не была, и вообще сотрудничество Каткова в журнале Краевского не возобновилось. Видимо, под влиянием Белинского, резко выступавшего против «жалкого, заживо умершего романтика Шеллинга», Краевский отказался от мысли популяризировать в своем журнале реакционную «философию откровения». Вместо обещанной читателям статьи «о духе и содержании лекций Шеллинга» в первой книжке «Отеч. записок» 1843 г. была напечатана статья В. П. Боткина «Германская литература» (т. XXVI, отд. VII, стр. 1—15), представлявшая собой сокращенный перевод (без указания источника) знаменитой брошюры Энгельса 1842 г. «Шеллинг и откровение». Экземпляр этой брошюры, в которой

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К М. Н. КАТКОВУ И А. П. ЕФРЕМОВУ ОТ 6 АПРЕЛЯ 1842 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

философия Шеллинга была подвергнута уничтожающей критике, был привезен в Россию кн. В. Ф. Одоевским. Так в поле зрения Белинского и его друзей впервые попало раннее произведение одного из основоположников научного социализма. Белинский с большим сочувствием отнесся к статье Боткина («Письма», II, 334), поскольку его собственное отношение к «философии откровения» было близко мыслям Энгельса о глубокой реакционности этой философии, об органической враждебности ее материализму и революционным идеям.

Когда Катков, ставший на путь защиты философской и политической реакции, в конце 1842 г. возвратился из Берлина в Петербург, стало ясно, что его отношения с Белинским окончательно порваны. «Каткова ты видел,—писал Белинский Боткину 6 февраля 1843 г.,— я тоже видел. Знатный субъект для психологических наблюдений! Это Хлестаков в немецком вкусе. Я теперь понял, отчего во время самого разгара моей мнимой к нему дружбы меня дико поражали его зеленые стеклянные глаза⟨...⟩ Этот человек не изменился, а только стал самим собою» («Письма», II, 335). Столь же гневно-иронический характер носит и другое упоминание Белинского о Каткове в письме к Боткину от 9 марта 1843 г.: «Знаю, что гениальный пшик тебя восхищает, сильно действуя на твой обонятельный орган. Истый шеллингист — юноша пыщ, сиречь дутик, говоря словами Тредиаковского» («Письма», II, 353).

Приписка в письме Белинского адресована Александру Павловичу Е ф р е м о в у (1815—1876), одному из ближайших друзей Белинского, Станкевича и семьи Бакуниных. А. П. Ефремов сопровождал Станкевича за границей, а после его смерти, свидетелем которой он был, занимался изучением философии в Берлине и поддерживал общение с Катковым. Об А. П. Ефремове и сестре М. А. Бакунина, В. А. Дьяковой, разошедшейся с мужем и отправившейся вслед за больным Станкевичем за границу, — см. письма Ефремова к Белинскому 1840—1841 гг. в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», под ред. Н. Л. Бродского, М., 1948, стр. 48—53, а также в наст. томе стр. 104—106. О Татьяне Александровне, сестре М. А. Бакунина, а также о их брате Николае Александровиче, см. в книге А. А. К о р н и л о в а «Годы странствий Михаила Бакунина», М.—Л., 1925. Павел Федорович З а и к и н — петербургский приятель Белинского (см. его письма к Белинскому 1840—1846 гг. в цит. сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 53—63).

К. Г р и г о р ь я н и Н. М о р д о в ч е н к о

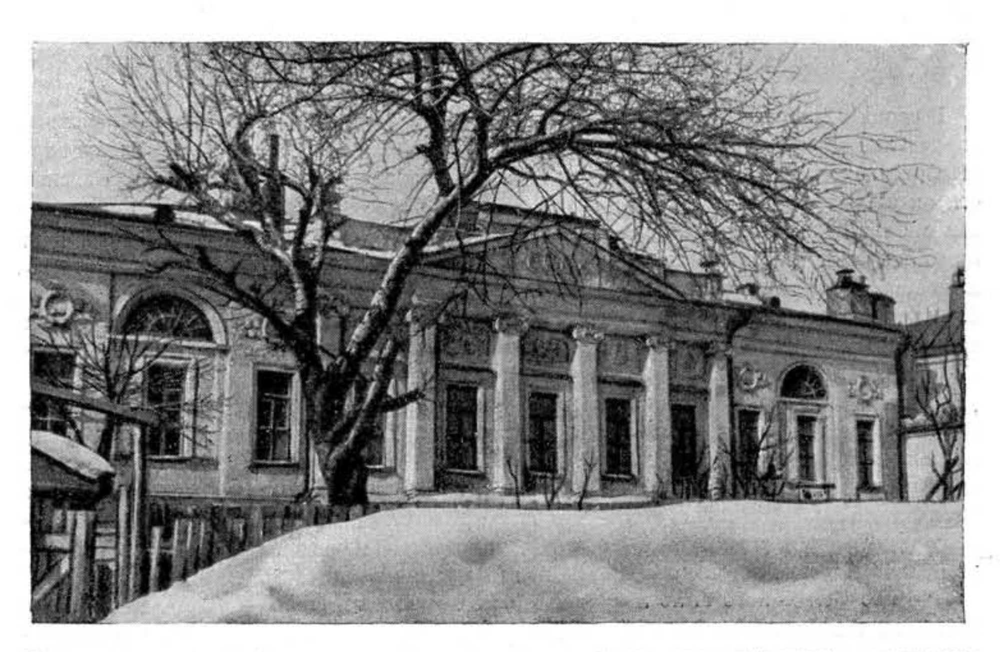
А. И. ГЕРЦЕН — БЕЛИНСКОМУ

⟨Москва. Май 1842 г.⟩

Господь ведает откуда отрыл Шепелявый личные виды у Максимилиана Петровича,— о котором я совершенно разделяю твое мнение. Как, человек, лишенный всех внешних, материальных пособий, с жалкой наружностью, без дара красноречия, которым так роскошно блестела Жиронда, торжествует над колоссами, вооружает против себя все партии, держит на себе судьбы Франции, всю [дело] революцию, павшую тотчас с его падением. И как будто S. Just, которому Шепелявый отдает полную справедливость, подчинился бы кошельку? И как будто Карно и прочие даровитые горцы не остались после казни его — и все-таки не были поглощены гнусной директорией? Врет Шепелявый! Максимилиан один истинно великий человек революции, все прочие необходимые блестящие явления ее и только. Может быть в этом случае я вдаюсь точно по-твоему в величайшую крайность; но что делать, это не минутное увлечение, а убеждение глубокое!

Автограф. ГИМ. Фонд Т. Н. Грановского № 345, ед. хр. 1, л. 3.

Публикуемое письмо А. И. Герцена вписано между строк известного (недатированного) письма Т. Н. Грановского к Белинскому, напечатанного в кн. «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 439—440. До сих пор было известно только одно письмо Герцена к Белинскому (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 469).

ДОМ В ПЕТРОВЕРИГСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БОТКИНЫМ
(Фасад)

Фотография 1945 г.

Белинский постоянно бывал здесь у В. П. Боткина и жил у него в сентябре — октябре 1839 г. Здесь же он останавливался, приезжая в Москву в 1841 и 1843 гг.

Собрание М. Ю. Барановской, Москва

ДОМ В ПЕТРОВЕРИГСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БОТКИНЫМ
(Вид со двора)

Акварель Б. С. Земенкова, 1948 г.

«... Мне надо было нанять какую-нибудь комнатку и жить скромно до отъезда в Питер... Боткин помог, предложил у себя комнату ...» (из письма Белинского к Н. В. Станкевичу от 2 октября 1829 г.)

Собрание художника, Москва

В своих воспоминаниях И. И. Панаев описывает, как в 1841—1842 гг. Белинский, охваченный интересом к событиям Французской революции 1789 г., с увлечением слушал чтение речей жирондистов и монтаньяров, переводившихся Панаевым. «Маслов ⟨...⟩ и некоторые другие сделались отчаянными Жирондистами, — пишет Панаев. — Мы с Белинским отстаивали Монтаньяров. Чтение оканчивалось обыкновенно жаркими спорами. Надобно было видеть в эти минуты Белинского! Вся его благородная, пламенная фигура проявлялась тут во всем блеске, во всей ее красоте, со всею своею бесконечною искренностью, со всей своей страшной энергией, приводившей иногда в трепет слабеньких поклонников Жиронды» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., «Academia», 1928, стр. 393).

Протестуя против клеветнических нападок на Робеспьера и заявляя о своем согласии с методами революционного насилия, проводившегося вождем монтаньяров в эпоху «якобинской диктатуры», Белинский писал В. П. Боткину в апреле 1842 г.: «Дело ясно, что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор, и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» («Письма», II, 305).

Письмо Белинского было показано Боткиным Грановскому — «Шепелявому», как называли его друзья за свойственный ему недостаток речи. Грановский, чье миросозерцание не выходило за пределы умеренного либерализма, вступил в полемику с Белинским. Будучи решительно враждебен идеям революции, революционного насилия, Грановский писал Белинскому: «Тебе нравится личность Робеспьера потому, что он удовлетворяет делами своими твоей ненависти к аристократам...» Далее Грановский повторял измышления контрреволюционного лагеря о якобы узко-личных, эгоистических побуждениях в революционной деятельности вождя монтаньяров («Но боже мой, сколько мелких личных побуждений вмешивается в общие виды Робеспьера...») и завершал письмо литературным панегириком Жиронде и жирондистам.

В это-то полемическое письмо и вписал Герцен опубликованные выше строки, решительно заявив ими о своем согласии с позициею не Грановского, а Белинского. Спор по вопросу об исторической роли Жиронды, Робеспьера, монтаньяров был отражением более широкого и политически актуального спора по основному вопросу — о путях и методах общественного переустройства русской действительности. Возникшее расхождение мнений было одним из многих проявлений процесса размежевания двух основных общественных сил в классовой борьбе эпохи — революционных демократов во главе с Белинским и Герценом и дворянско-буржуазных либералов, к которым принадлежал Грановский. В этом отношении публикуемый документ представляет живой интерес.

Леонид Каплан

В. П. БОТКИН — ⟨БЕЛИНСКОМУ?⟩

⟨1⟩

⟨Москва. Начало 1838 г.?⟩

Нельзя ли тебе с Мишелем ⟨Бакуниным⟩ приехать ко мне обедать? Думаю, что можно. А я теперь чувствую блаженство жизни и с каким наслаждением смотрел вчера на свет солнечный.— Я написал к Полевому письмо. Прилагаю его тебе. Скажи свое мнение. Я хочу послать ему нынче вместе с Бетиной.

В. Б⟨откин⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 11, д. 8, л. 1).

Судя по упоминанию о «Бетине», т. е. о книге Е. фон-Арним (Беттины) «Tagebücher», перевод которой собирался издать со своим предисловием М. А. Бакунин, публикуемое письмо В. П. Боткина относится к началу 1838 г. Как раз в это время и начались усиленные «хлопоты о Бетине», на которые Бакунин ссылается в письме к своим сестрам, принимавшим участие в переводе книги (см. М. А. Бакунин, Соч. и письма, т. I, стр. 154).

ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА К БЕЛИНСКОМУ ОТ МАЯ 1842 г.

Вписано между строк письма Т. Н. Грановского к Белинскому

Исторический музей Москва

По всей вероятности, не дошедшее до нас обращение В. П. Боткина к Н. А. Полевому было связано с попыткой издать книгу «Бетины» в Петербурге при содействии Полевого, весьма компетентного участника многих издательских предприятий. В своем письме к В. П. Боткину от 20 марта 1838 г. Н. А. Полевой сообщил о получении им двух писем Боткина — «сердитого» и «мирного», несомненно под одним из них имея в виду и то, о котором идет речь в публикуемой записке (см. «Звенья», № 3—4, М., 1936, стр. 881—882).

Именно в это время (до конца марта 1838 г.) Белинский жил на одной квартире с Бакуниным. Это обстоятельство, равно как и самый характер письма, дают возможность почти безошибочно определить, что оно было адресовано Белинскому.

⟨2⟩

⟨Нижний-Новгород, 2 августа 1838 г.⟩

Неизвестность о Премухине тяготит меня — и так, что совершенно убивает другие интересы. Что Лангер? Приехал ли наконец? Видел ли ты его? Пиши мне, пиши с первой почтой. И от Мишеля неужели ни строчки? Пошли в почтамт узнать, когда из Москвы отходит экстр-почта в Нижний, и с первой пиши ко мне, хоть две строчки. Я просто мучаюсь. Адрес мой: В. П. Боткину, в Нижегородской ярмарке.

В. Боткин

2 августа 1838
Нижегор⟨одская⟩ ярмарка

Тяжелое мучительное состояние!
Боже, неужели она умерла!

Рукою Белинского:

Получил ответ на это письмо мое и твое, которое я приложил при своем, он успокоился.

Перешли мне назад эту записку.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, д. 23, л. 58).

Внезапное обострение болезни Любови Александровны Бакуниной (1811—1838) сильно встревожило Белинского и его друзей. Оставив на произвол судьбы редактировавшийся им журнал, Белинский поспешил в Премухино. Туда же приехал и общий любимец кружка, музыкант Л. Ф. Лангер. 15 июля Белинский уже возвратился в Москву.

Ответ его Боткину, в котором Белинский успокаивал своего корреспондента насчет положения с Бакуниной, до нас не дошел, равно как и письмо «Мишеля» Бакунина к Белинскому, упоминаемое в приписке.

Повидимому, приписка была сделана Белинским сразу же по получении им письма Боткина, т. е. еще до того, как он узнал о смерти Л. А. Бакуниной, скончавшейся 6 августа 1838 г. Приписка Белинского доказывает, что именно он был адресатом этого письма.

Н. Розенблюм

СТИХОТВОРНОЕ «ПОСЛАНИЕ» БЕЛИНСКОГО К. С. АКСАКОВУ

⟨Москва. Весна — лето 1839 г.⟩

О Константин вероломный, коварный друзей забыватель!
Зевса молю: да Кронион, могучий перунов метатель,
Молний браздами тучное тело твое избичует!
И владычицу Геру молю: да камнем тяжелым

В жирную выю тебя поразит, как скотину Арея,
Коему столько подобен скотскою силою дурацкой,
Тела слоновьей посадкой и разума скудною долей!
Муж псообразный* и лживый, меня ты забвению предал,
Светлопространный мой дом, что́ создал мне Гефест-небожитель,
Сын Геры богини, хромоногий художник великий —
Дом мой забыл ты, гордящийся силой телесною смертный!
Что за причина забвенью сему — поведай ты мне без медленья!

АВТОГРАФ ШУТОЧНОГО СТИХОТВОРНОГО «ПОСЛАНИЯ» БЕЛИНСКОГО
К. С. АКСАКОВУ, ВЕСНА — ЛЕТО 1839 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Древнего старца Омира днесь я чту** — и, мне, благодарный,
Оный божественный старец гекзаметр — дар сребролукого Феба,
Мне завещал — и оным цыдулку к тебе написал я,
Ждущий ответа, а паче тебя самого, о нескладный!
Новостей много поведать тебе я имею...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 18, лл. 11—12).

Шуточное послание Белинского, обнаруженное нами среди черновых бумаг в семейном архиве Аксаковых, можно почти безошибочно датировать весной — летом 1839 г., т. е. промежутком между возвращением К. С. Аксакова из-за границы в декабре 1838 г. и переездом Белинского в Петербург в октябре 1839 г. В этот последний год жизни в Москве Белинский особенно страстно увлекался Гомером. «„Илиада“,

* По-русски — сукин сын. — Прим. Белинского.
** Каламбур, т. е. двоесмыслие — читаю и почитаю. — Прим. Белинского.

переведенная Гнедичем, —писал Белинский Н. В. Станкевичу 19 апреля 1839 г., — для меня... источник такого наслаждения, от силы которого я иногда изнемогаю в каком-то сладостном мучении. О греках (разумеется, древних) не могу думать без слез на глазах» («Письма», I, 318, ср. также I, 335). Это увлечение явственно сказалось и на характере публикуемого нами «послания», в котором Белинский специально отмечает, что «читает и почитает» старца Омира (Гомера). Дружески-шутливый тон «послания» также свидетельствует о верности предлагаемой нами датировки, так как весна — лето 1839 г. — время наибольшей близости Белинского с К. С. Аксаковым («Письма», I, 333). Окончательный разрыв Белинского с Аксаковым, вызванный глубокими идейными расхождениями, наступил несколько позднее.

Н. Розенблюм

БЕЛИНСКИЙ В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ (1834—1848)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ В. С., И. С., К. С., О. С. и С. Т. АКСАКОВЫХ, В. П. АНДРОСОВА, П. В. АННЕНКОВА, А. А., Ал. А. и П. А. БАКУНИНЫХ, С. М. БАРАНОВСКОГО, К. П. БАРСОВА, Н. А. БЕЕР, Н. Г. БЕЛИНСКОГО, В. П. БОТКИНА, И. И. ВВЕДЕНСКОГО, А. Д. и И. П. ГАЛАХОВЫХ, А. И. ГЕРЦЕНА, Д. П. ГОЛОХВАСТОВА, Т. Н. ГРАНОВСКОГО, В. В. ГРИГОРЬЕВА, Г. А. ГУРЦОВА, М. А. ДМИТРИЕВА, А. П. ЕФРЕМОВА, К. Д. КАВЕЛИНА, А. Г. КАРТАШЕВСКОГО, М. Н. КАТКОВА, К. И. КЕСТНЕРА, Н. Х. КЕТЧЕРА, И. П. КЛЮШНИКОВА, П. А. КОРСАКОВА, М. Ф. КОРШ, А. А. КРАЕВСКОГО, П. Н. КУДРЯВЦЕВА, И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА, А. ЛЫСЦОВА, П. И. МЕЛЬНИКОВА (ПЕЧЕРСКОГО), М. Л. МИХАЙЛОВА, Н. П. ОГАРЕВА, И. И. ПАНАЕВА, П. А. ПЛЕТНЕВА, М. П. ПОГОДИНА, Н. А. ПОЛЕВОГО, Н. М. САТИНА, А. В., И. В. и Н. В. СТАНКЕВИЧЕЙ, А. П. ТЮТЧЕВОЙ, Н. Г. ФРОЛОВА, Е. Д., М. С. и П. М. ЩЕПКИНЫХ, М. А. и Н. М. ЯЗЫКОВЫХ

Публикация и комментарии М. Барановской, Н. Бродского, Ю. Красовского, Л. Ланского, Н. Розенблюма, Н. Соколова, В. Спиридонова, Я. Черняка и Натальи Эфрос

Предисловие и редакция А. Осокина

Политическая и литературная биография Белинского строится не только на его статьях и письмах, не только на материалах журнальной, книжной и газетной полемики, не только на документах классовой борьбы его времени, не только на воспоминаниях его друзей и врагов. К первоисточникам биографии великого критика относятся и свидетельства о его жизни и деятельности, рассеянные в переписке его современников, особенно тех из них, которые в силу разных причин (иногда совершенно случайных) оказывались в общении с самим Белинским или с людьми из его ближайшего окружения.

Первый опыт использования материалов этой категории осуществлен был в известном био-библиографическом справочнике «Летопись жизни Белинского», опубликованном к 75-летию со дня смерти великого критика (М., 1924). Эта книга ввела в широкий научный оборот десятки не известных ранее документов о Белинском, критически учла и систематизировала важнейшие печатные свидетельства о нем, отменила немало ошибочных положений дореволюционной литературы о Белинском и существенно уточнила проблематику дальнейшего его изучения. Как одна из первоочередных задач для построения научной биографии Белинского сразу же определилась и необходимость расширения того узкого круга первоисточников, на который опирались все досоветские биографы великого критика — от А. Н. Пыпина до С. А. Венгерова, С. Ашевского, А. А. Корнилова, Е. А. Ляцкого и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция сделала национальным достоянием целый ряд важнейших литературных архивов, доступ в которые был или вовсе невозможен, или крайне затруднен. Но и те архивные фонды, которые давно уже были в распоряжении исследователей, требовали новой, более углубленной проработки, ибо идеалистические позиции и примитивная техника источниковедческой работы дореволюционных биографов Белинского никак не могли обеспечить их публикации от вольных и невольных ошибок, пробелов, искажений.

Систематический просмотр материалов литературных архивов СССР с целью выявления в них свидетельств о Белинском организован был редакцией «Литературного наследства» в 1947—1950 гг. В семи основных архивохранилищах и музеях Советского Союза* обследовано было около 100 личных фондов, в том числе Аксаковых, Анненковых, Бакуниных, В. П. Боткина, А. И. Герцена, К. А. Горбунова, М. Н. Каткова, Н. Х. Кетчера, А. А. Краевского, Я. М. Неверова, В. Ф. Одоевского, М. П. Погодина, А. В. и Н. В. Станкевичей, С. П. Шевырева, Щепкиных и других.

В результате предпринятых поисков было выявлено около 200 писем, содержавших не известные ранее свидетельства о Белинском.

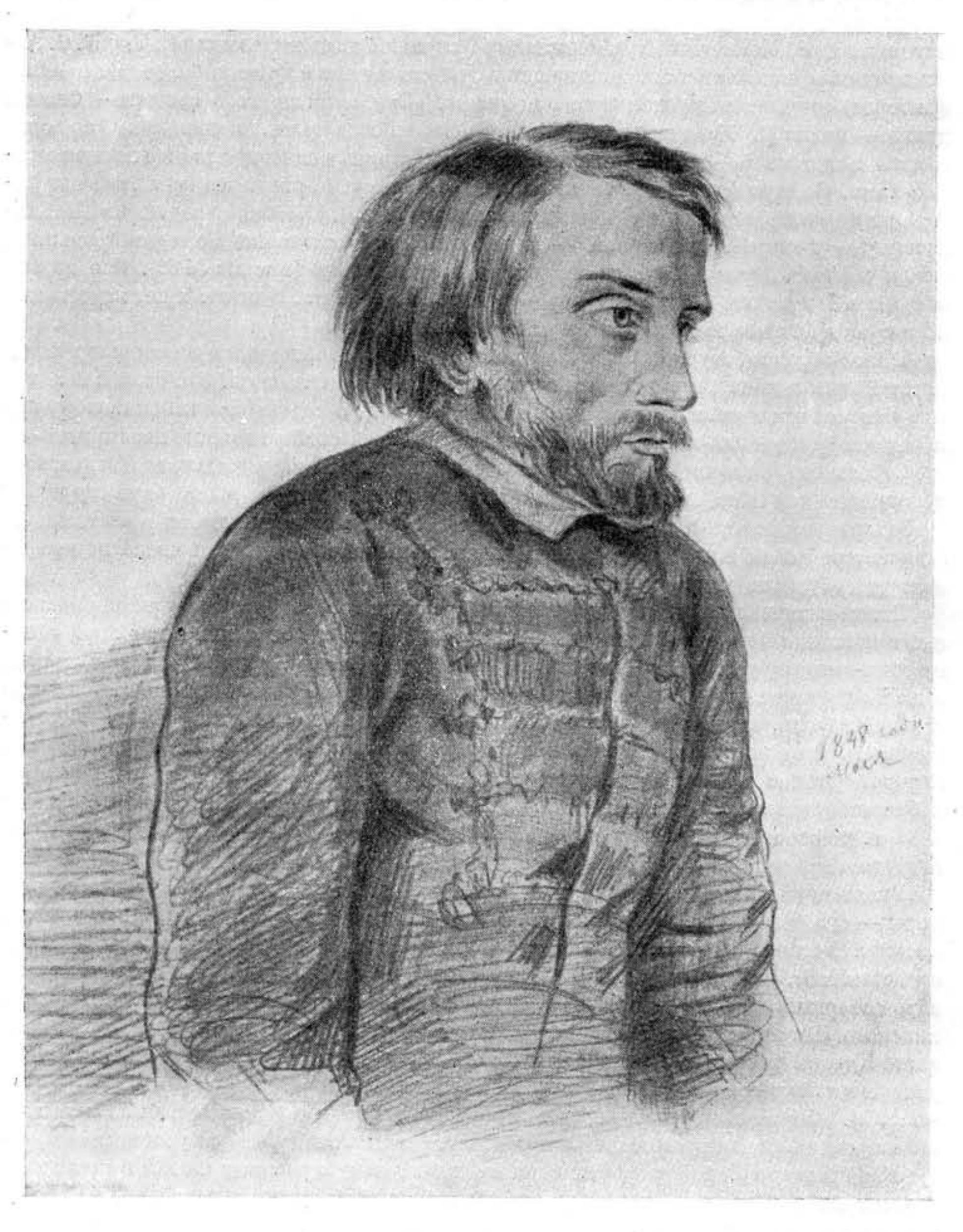
Хронологические рамки, охватывающие весь этот новый материал о Белинском, очень широки. Самое раннее из печатаемых нами свидетельств относится к 17 сентября 1834 г. (письмо В. П. Андросова к А. А. Краевскому о кризисе в журналах Надеждина, писанное за несколько дней до появления в «Молве» «Литературных мечтаний»), а последнее — к 11 июля 1848 г. (отклик на смерть Белинского поэта-революционера М. Л. Михайлова, товарища Чернышевского по С.-Петербургскому университету и будущего соратника его по литературной и революционной работе).

В пределах этих четырнадцати лет публикуемый ниже материал размещается далеко не равномерно и в качественном и в количественном отношении. Среди вновь выявленных свидетельств современников Белинского вовсе не оказалось данных, которые характеризовали бы идеологическую эволюцию великого критика от 1834 к 1837 г., историю его общественно-политических и литературных отношений за пределами кружка Станкевича (братья Н. А. и К. А. Полевые, кружок Н. С. Селивановского, М. С. Щепкин, Н. Х. Кетчер, Н. М. Сатин и молодой В. П. Боткин), последний период работы в «Телескопе» и др. Зато очень богато и разнообразно, на основании таких авторитетных источников как письма С. Т. и К. С. Аксаковых, В. П. Боткина, братьев Станкевичей, И. П. Клюшникова документируется в публикации период 1838—1839 гг., особенно в частях, освещающих работу Белинского в «Московском наблюдателе» и его общественно-литературные отношения этой поры (письма №№ 14, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 33, 34, 36, 39, 40, 41). Так, например, письмо В. П. Боткина к Т. Н. Грановскому от 13 декабря 1838 г. позволяет окончательно установить, что разрыв Белинского с Бакуниным, вызвавший отказ последнего от участия в «Московском наблюдателе», был обусловлен не столько случайными мотивами личного порядка (см. «Письма», I, 185—192), сколько претензиями Бакунина на диктатуру в журнале и неприятием Белинским той платформы идеологической капитуляции перед абсолютизмом и крепостническим государством, которая была выдвинута Бакуниным в его программной статье о «Гимназических речах» Гегеля. Как свидетельствует боткинская трактовка этого эпизода, Бакунин «хотел услужить „Наблюд‹ателю›“ и написал для 1 № прошл‹ого› года введение к „Гимназ‹ическим› речам“ Гегеля. Да и удружил, как медведь пустыннику. Нет, такие вводители в филосо‹фию› Гегеля хуже врагов его!» (см. в настоящей публикации письмо № 34). Строки эти перекликаются с признанием Белинского в письме к Бакунину от 12 октября 1838 г.: «Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать, что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны», — и с его же позднейшим заявлением о том, что именно статья Бакунина по поводу «Гимназических речей» Гегеля «дала дурное направление

---

* 1. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград); 2. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва); 3. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград); 4. Центральный государственный литературный архив (Москва); 5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва); 6. Центральный государственный исторический архив (Ленинград); 7. Государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

За содействие в работе по изысканию материалов для публикации редакция выражает благодарность зав. Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина проф. П. А. Зайончковскому, сотруднице того же отдела А. А. Ромодановской и работникам Отдела письменных источников Государственного исторического музея — ст. научн. сотр. С. И. Сакович и научн. сотр. Е. А. Середкиной.

БЕЛИНСКИЙ
Рисунок Е. А. Языковой, 1848 г.
Третьяковская галлерея, Москва

журналу и на первых порах оттолкнула от него публику и погубила его безвозвратно» («Письма», I, 266 и 346). Если Белинский и Боткин, объясняя причины неуспеха «Московского наблюдателя», самокритически учитывали несогласие демократической аудитории с идеологическими предпосылками Бакунина, то свидетельства С. Т. и К. С. Аксаковых не оставляют никаких сомнений в существовании и других, более действенных факторов, вызвавших провал нового журнала. «Ему дали другого цензора — Совестдрала,— писал С. Т. Аксаков о «Московском наблюдателе», повидимому со слов самого Белинского,— вероятно с приказанием давить медленностью и всякими прижимками. От того книжки выходят медленно и подписка почти не прибавилась. Метода графа несправедлива и убийственна» (письмо № 27). «Нельзя нападать на „Наблюдатель", — писал К. С. Аксаков, — за то, что он выходит медленно и что статьи его могли бы быть лучше. Цензура делает это невозможным» (письмо № 36). И в другом письме: «Что делает сейчас цензура — просто невыносимо. В статьях нет недостатка, но в срок выходить книжки не могут...» (письмо № 41).

Таким образом, журнал Белинского с самого начала находился на особом учете у властей как издание, явно не отвечающее «видам правительства». Это особое положение «Московского наблюдателя» определялось не только недоверием к Белинскому как к редактору журнала и автору основных статей, но и специальными мероприятиями гр. Строганова, попечителя Московского учебного округа и председателя Московского цензурного комитета, направленными на разрушение материальной базы журнала. Задержка книжек в цензуре, вызывавшая замедление выхода их в свет, искусственно создавала впечатление ненадежности издания и сокращала число подписчиков, что обрекало журнал на гибель.

Новые материалы характеризуют и борьбу Белинского за реорганизацию «Московского наблюдателя» путем превращения его с 1839 г. в ежемесячник с широкой общественно-литературной программой. Однако неверный политический курс на развитие идей «примирения» с действительностью, усвоенный «Московским наблюдателем» в самом начале, отвлеченно-созерцательный характер большинства статей, перегруженность их специальной философской терминологией, сознательное уклонение от литературной и журнальной полемики и недостаток внимания со стороны редакции к беллетристическому отделу обусловили падение журнала Белинского. К весне 1834 г. «Московский наблюдатель» оказался не только без подписчиков, но и без сотрудников.

Вновь выявленные документы проливают свет и на личную драму Белинского этой поры — его роман с А. М. Щепкиной. Подробности этого эпизода, вскрывающиеся в письмах Боткина к Н. В. Станкевичу, Бакунину и Каткову (письма №№ 38 и 48), представляют, однако, не только узко-биографический интерес. Они позволяют сделать совершенно неоспоримый вывод о глубоких интимно-бытовых корнях пьесы Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь», о прямом отражении в этой драме тех острых жизненных коллизий, которые определились в результате увлечения Белинского младшей дочерью великого актера.

А. М. Щепкина, пережив перед тем неудачный роман с Катковым, была польщена вниманием старого друга ее семьи и рассчитывала найти душевное успокоение в «разумном браке», а Белинский, несмотря на значительную разницу их лет и несходство характеров и интересов, надеялся сделать молодую девушку счастливой, не требуя от нее «настоящей любви». Однако, в процессе уяснения всех этих сложных отношений, Катков (он кончал в это время Московский университет) возобновил свои притязания на чувство девушки. Белинский же, убедившись в том, что А. М. Щепкина любит не его, а Каткова, скрывая тяжелую душевную травму, становится конфидентом и покровителем влюбленных.

Развитие отношений всех участников этой трагикомической «гистории», как определял ее впоследствии сам Белинский, получило ближайшее отражение в проблематике и в фабуле драмы «Пятидесятилетний дядюшка». Монологи старого холостяка Горского, трагически переживающего свое чувство к двадцатилетней Лизаньке Думской, явственно перекликаются с отдельными высказываниями Белинского в его письмах; своеобразное положение А. М. Щепкиной рельефно выявлено в роли Лизаньки; в

образе Мальского отражены черты почти портретно зарисованного М. Н. Каткова. Пьеса писалась в процессе развертывания самой «гистории», материал которой до конца объясняет теперь причину вторжения в критические и литературно-теоретические работы Белинского произведения совсем иного творческого плана, мотивирует и замысел драмы и исключительно быстрый срок ее создания. Пьеса написана была в «две-три недели» и предназначалась для бенефиса М. С. Щепкина (письмо № 31). В роли Лизаньки Думской на сцене Московского театра 27 января 1839 г. выступала дочь бенефицианта — живой прототип героини драмы Белинского.

Не меньший интерес представляют и новые материалы о сложной эволюции, которую претерпели взаимоотношения Белинского и К. С. Аксакова. По-новому освещается своеобразие положения К. С. Аксакова в кружке Станкевича в 1835—1837 гг. (см. письмо № 8), его близость с Белинским в 1838—1839 гг. (в пору разрыва критика с Бакуниным и резкого охлаждения отношений с Боткиным и Катковым), его разногласия с критиком в 1840—1841 гг. (письма №№ 32, 41, 51, 106), его одинаково враждебные оценки и «Отечественных записок» и «Москвитянина» еще в январе 1841 г. и, наконец, переход в лагерь яростных противников Белинского — Погодина и Шевырева в 1842 г.

Особенно интересны письма К. С. и С. Т. Аксаковых, как материал для уяснения сложной обстановки идеологического размежевания в рядах московской оппозиционной общественности конца 1830-х годов. В процессе этого размежевания было немало ошибок и самых неожиданных срывов, обусловленных противоречиями недостаточно дифференцированных общественно-политических отношений после разгрома первого поколения дворянских революционеров в 1825 г. Медленно определялась в этих условиях и политическая линия революционной демократии. Еще в 1839—1840 гг. Белинский и Герцен оставались идеологическими противниками, а К. С. Аксаков, как свидетельствуют некоторые из вновь найденных документов, претендовал даже на приоритет в выдвижении мотивировок примирения с русской «действительностью», которые получили свое выражение в известных статьях Белинского о «Бородинской годовщине» Жуковского и «Очерках Бородинского сражения» С. Н. Глинки. Вероятно, К. С. Аксаков имел в виду свое понимание своеобразия русского исторического процесса, которое конкретизировало, дополняло и корректировало бакунинско-гегелианские лозунги отказа от борьбы с крепостническим государством. Характерно, однако, что даже в пору максимального сближения идеологических позиций Белинского и К. С. Аксакова, последний ни на минуту не доверял своему союзнику и отлично понимал случайность и недолговечность их контакта. В этом отношении весьма показательны отрицательные высказывания К. С. Аксакова о Белинском зимою 1839—1840 г. (письмо № 51).

Встречи и споры Белинского с Герценом в Москве осенью 1839 г. до сих пор документировались только страницами «Былого и дум» и полемикой с «непрошенными преобразователями рода человеческого» в статье Белинского «Менцель — критик Гете». Поэтому особенно большой интерес представляет ранее не известное письмо Герцена к Огареву от 14 ноября 1839 г. с меткой характеристикой Белинского этой поры, как теоретика «до односторонности многостороннего» (письмо № 53). Заявляя, что «годы учения и годы искуса» уже прошли в тюрьме и ссылке, Герцен звал Огарева в этом же письме к «действованию практическому», т. е. к выходу на арену открытой общественно-политической и литературной борьбы. На путях к этому «действованию» и произошло в 1840—1841 гг. сближение с Белинским сначала самого Герцена, а затем и всех его друзей и единомышленников (Н. П. Огарева, Н. М. Сатина, Н. Х. Кетчера, М. П. Насакина, И. П. Галахова, А. А. Тучкова). При крайней скудости материалов, которые могли бы заполнить эту страницу биографии великого критика, приобретают специальный интерес даже некоторые случайные свидетельства о Белинском в переписке Н. М. Сатина с Н. Х. Кетчером (письма №№ 26, 91 и 94), И. П. Галахова с М. Л. Огаревой и Кетчером (письма №№ 95 и 108), Боткина с Герценом (письмо № 104), так как нередко одна новая дата, уточняющая встречу Белинского с тем или иным из его друзей, какая-нибудь случайная информация о том или ином эпизоде может помочь исследователю в разрешении самых сложных био-библиографических задач. В этом

отношении очень показательно привлечение не известных ранее данных о Белинском и Неверове (письма №№ 81,97 и 99) к расшифровке намеренно затемненных свидетельств о великом критике в «Былом и думах» Герцена. Новый материал, сам по себе не имеющий большого значения, при сопоставлении его с другими фактами, давно уже известными, но не привлекавшими к себе внимания исследователей, получает значение ключа для правильного понимания, во-первых, и точной датировки, во-вторых, одного из самых интересных рассказов о Белинском в нашей мемуарной литературе. Мы имеем в виду известные страницы двадцать пятой главы «Былого и дум», характеризующие Белинского, как участника политических и философских дискуссий на «литературных вечеринках одного романиста» (Герцен не мог здесь прямо назвать И. И. Панаева, который был еще жив).

Вспоминая, как Белинский расправлялся со своими идеологическими противниками, Герцен сослался на спор о Чаадаеве, затеянный некиим «магистром нашего университета», расстроившим «свои способности философией и филологией», «добрым человеком в синих очках, чопорным и приличным», «недавно приехавшим из Берлина» и проповедывавшим в петербургских салонах «какую-то чушь honnête et moderée».

«К концу вечера, — рассказывал Герцен, — магистр в синих очках, побранивши Кольцова за то, что он оставил народный костюм вдруг стал говорить о знаменитом „Письме" Чаадаева и заключил пошлую речь, сказанную тем докторальным тоном, который сам по себе вызывает на насмешку, следующими словами: „Как бы то ни было я считаю его поступок презрительным, гнусным, я не уважаю такого человека"<...>

На этом завязался неприятный разговор; я ему доказывал, что эпитеты „гнусный", „презрительный" — гнусны и презрительны, относясь к человеку, смело высказавшему свое мнение и пострадавшему за него. Он мне толковал о целости народа, о единстве отечества, о преступлении разрушать это единство, о святынях, до которых нельзя касаться.

Вдруг мою речь подхватил Белинский. Он вскочил с своего дивана, подошел ко мне, уже бледный, как полотно, и, ударив меня по плечу, сказал: „Вот они высказались — инквизиторы, цензора — на веревочке мысль водить..." и пошел, и пошел.

С грозным вдохновением говорил он, приправляя серьезные слова убийственными колкостями.

— Что за обидчивость такая?! Палками бьют— не обижаемся, в Сибирь посылают — не обижаемся, а тут Чаадаев, видите, зацепил народную честь,— не смей говорить; речь — дерзость, лакей никогда не должен говорить! Отчего же в странах, больше образованных, где, кажется, чувствительность тоже должна быть развитее, чем в Костроме да в Калуге, не обижаются словами?

— В образованных странах, — сказал с неподражаемым самодовольством магистр, — есть тюрьмы, в которые запирают безумных, оскорбляющих то, что целый народ чтит... И прекрасно делают.

Белинский вырос. Он был страшен, велик в эту минуту. Скрестив на больной груди руки и глядя прямо на магистра, он ответил глухим голосом:

— А в еще более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным.

Сказавши это, он бросился на кресло, изнеможенный, и замолчал. При слове „гильотина" хозяин побледнел, гости обеспокоились, сделалась пауза. Магистр был уничтожен...».

Кто же был этот «магистр», входивший, несмотря на столь ироническое отношение к нему Белинского и Герцена, в круг их близких знакомых, и к какому времени следует отнести их встречу на вечере у Панаева?

Второй вопрос разрешается легче, чем первый, ибо в Петербурге Белинский и Герцен могли дружески общаться только в 1840 и 1841 гг. — все прочие их встречи происходили в Москве, Новгороде и Париже.

В пределах 1840—1841 гг. из-за границы возвратилось в Петербург несколько магистров, но ни один из них не занимался «филологией и философией» и в круг Белинского и Герцена в эту пору не входил. Некоторые из внешних признаков «магистра»,

увековеченного в «Былом и думах», имели соответствия в политическом и научном формуляре М. Н. Каткова, но последний возвратился из-за границы только в 1843 г. Еще менее оснований видеть в «магистре» П. Г. Редкина, Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского, В. В. Григорьева, М. С. Куторгу, так как одни из них не бывали в эту пору за границей, а другие никогда не посещали Панаева и нигде не встречались с Герценом.

РУКОПИСЬ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА «БЕЛИНСКИЙ», 1855 г.

Написано рукою А. Я. Панаевой. Сверху помета Некрасова: «Не для печати»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Нити, которые привели нас к установлению фамилии педанта и доктринера, описанного Герценом, оказались, однако, не в документах магистров того или иного университета, а в одном из публикующихся ниже писем А. А. Краевского: «Теперь здесь Неверов, инспектор Рижской гимназии, — писал редактор „Отечественных записок" Каткову 9 января 1841 г. — Он берется доставлять аккуратно экземпляр „Отечественных записок" Варнгагену, с которым знаком, и к вам» (письмо № 81).

Обращение Краевского к помощи Я. М. Неверова, немецкие связи которого в Берлине и Риге могли обеспечить скорейшую и беспошлинную транспортировку «Отеч. записок» за границу, определяет, кто именно из молодых русских ученых и литераторов, недавно приехавших из Берлина, мог оказаться на вечере у Панаева зимой 1840/41 г. На возвращение Неверова из Берлина, где он изучал филологию и гегелианскую философию (это была его вторая поездка за границу, во второй половине 1840 г.), Белинский откликнулся в письме к Боткину от 22 января 1841 г. Иронический смысл его аттестации Неверова как «доброй души» («Письма», II, 211) до конца уясняется при сопоставлении этой строки со страницами «Былого и дум» о «добром человеке в синих очках», а оба эти свидетельства, взятые вместе, сливаются, с одной стороны, с документальными данными биографии Неверова, а с другой — с письмом Герцена от 11 февраля 1841 г. к Огареву: «Спроси у С<атина>, как я и Белинский разбивали Струговщикова и Неверова и до какой ясности доказали необъятное расстояние между Москвой и Петербургом» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, 1915, стр. 415). Характерно, что даже такая деталь рассказа Герцена в «Былом и думах», как сентенция о Кольцове, предшествовавшая в устах «магистра» его обращению к Чаадаеву, ни в какой мере не являлась случайностью: Я. М. Неверов не только был близко знаком с Кольцовым, но и являлся автором первой биографии поэта в «Сыне отечества», 1836 г.

Не случайна и такая деталь рассказа Герцена в «Былом и думах», дважды повторенная, как «синие очки» магистра. Тяжелая болезнь, грозившая Неверову потерей зрения, заставляла его носить темные очки (см. в наст. томе письмо Неверова к Де-Пуле, стр. 296 и портрет его на стр. 291). В публикуемых ниже материалах имеется еще один след дискуссии Белинского и Герцена с Неверовым на вечере у Панаева. Это письмо профессора Александровского лицея К. И. Кестнера к Неверову от 9 ноября 1841 г. Благодаря Неверова за рекомендательное письмо к Белинскому, Кестнер признается, что не спешит воспользоваться этой рекомендацией, ибо хорошо помнит о резком расхождении взглядов Неверова с «мнениями» Белинского. «Это разногласие, — резюмирует Кестнер, — внушает мне неблагоприятное предубеждение касательно Белинского» (письмо № 97).

Резкое расхождение взглядов Неверова и Белинского четко определено и в другом опубликованном ниже документе — письме К. И. Кестнера к Неверову (№ 99).

В числе ближайших сотрудников «Отечественных записок» в 1839—1840 гг. был не только правоверный гегелианец Я. М. Неверов, но и его единомышленник М. Н. Катков. Вместе с ними деятельно участвовали в журнале А. Д. Галахов, В. С. Межевич, Н. Ф. Павлов, Э. И. Губер, Н. А. Мельгунов. Не случайно одни из этих имен вовсе исчезли со страниц «Отечественных записок» в 1840—1841 гг., другие быстро превратились в скромных популяризаторов взглядов великого критика.

Новые материалы о Белинском и его окружении этой поры представляют большой интерес не только для биографии критика, но и для истории русской журналистики 1840-х годов, характеризуя изнутри самые трудные годы становления «Отечественных записок» как органа передовой русской общественной мысли, как главного штаба идеологической борьбы с абсолютизмом и крепостничеством, как форпоста «натуральной школы» в русской литературе. Выводя журнал на большую дорогу, Белинский должен был перестраивать его, так сказать, на ходу, все шире и шире развертывая свою программу и все последовательнее и резче ее аргументируя. В процессе борьбы за новый общественно-политический курс «Отечественных записок» Белинский привлек к участию в журнале своих новых единомышленников (А. И. Герцена и Н. П. Огарева) и своих московских и петербургских друзей и знакомых (В. П. Боткина, Т. Н. Грановского, Н. Х. Кетчера, К. Д. Кавелина, В. И. Красова, П. Н. Кудрявцева, Н. М. Сатина, П. В. Анненкова, А. Я. Кульчицкого, А. И. Кронеберга) и, опираясь на них, преодолевал сопротивление самого Краевского, тысячами нитей связанного с политическими и литературными врагами Белинского, начиная с Н. Ф. Павлова и кончая Погодиным и Шевыревым.

В течение довольно долгого времени журнал не имел определенной материальной базы. Как свидетельствует переписка Краевского, до 1842 г. издание не окупалось, подписка росла медленно, кредиторы налагали арест на подписанные суммы, задер-

живали номера журнала в типографии; отсутствие операционных денежных средств не позволяло оплачивать даже постоянных сотрудников (письма №№ 65, 81, 85). Белинский жил впроголодь и находился в столь тяжелых условиях, что даже сам мало чувствительный Краевский, по вине которого и создались эти условия, писал о нем Каткову 11 марта 1841 г.: «Белинский работает попрежнему. Плохо ему, бедному, приходится от моего безденежья; глаза у меня на него не смотрят» (письмо № 85).

О степени нужды великого критика в эту пору свидетельствует и такой не известный ранее факт, как его напряженная работа (буквально за гроши) над «редактированием» какого-то учебного пособия, написанного Г. Гурцовым, педагогом для глухонемых.

Даже после того, как «Отечественные записки», завоевав, наконец, общее признание, превратились при решающем содействии Белинского в самый распространенный и наиболее авторитетный из русских журналов, А. А. Краевский, получая с издания стотысячные доходы, продолжал по-нищенски платить главному критику журнала.

«Не могу не удивляться силе и энергии, которую до сих пор сохраняет Белинский, несмотря на все обстоятельства, — писал 21 февраля 1845 г. А. В. Станкевич.— Положение его скверное. Можно утвердительно сказать: „Отечественные“ поднял Белинский. Краевский получает теперь чистого барыша в год сто тысяч. Белинскому дает только ш е с т ь. Кроме того, без разбора присылает ему для рецензии глупейшие книжонки и утомляет его глупою работою» (письмо № 117).

Как выход из этого тупика намечается с 1845 г. сотрудничество Белинского в новом прогрессивном журнале, организованном Ф. К. Дершау под названием «Финский вестник» (письмо № 115). Однако по не известным нам причинам, несмотря на появление имени великого критика в объявлениях о подписке на «Финский вестник», ни одна его статья в этом журнале напечатана не была.

Краевский не только грубо эксплоатировал и унижал Белинского как рабочую силу. Он, как свидетельствуют некоторые из вновь найденных документов, сознательно посягал на присвоение себе и его авторских прав. В этом отношении особенно показательно письмо П. И. Мельникова (Печерского), позволяющее установить, что Краевский еще в 1841 г., спекулируя на том, что все рецензии в разделе критики и библиографии «Отечественных записок», по его категорическому требованию, печатались анонимно, выдавал себя за их автора. В кругах, не связанных с литературным миром 1840-х годов, эта легенда о Краевском — литературном критике и теоретике держалась довольно прочно, о чем свидетельствуют и сибирские записи Кюхельбекера, и дневник молодого Чернышевского, и позднейшие признания Добролюбова (см. письмо № 96 и примечания к нему).

Выше уже был отмечен нами материал, проливающий свет на историю создания драмы Белинского «Пятидесятилетний дядюшка». Архив семьи Щепкиных не обеспечивает нас новыми данными ни о Белинском конца 1830-х — начала 1840-х годов, ни о встрече критика и актера в пору гастролей М. С. Щепкина в Петербурге зимой 1844 г. Зато имя великого критика не сходит с листов семейной переписки Щепкиных в период совместной поездки Белинского и Щепкина на Украину и в Крым летом 1846 г. (письма №№ 127, 128 и 129).

К марту этого же года относится ранее не известное письмо Герцена, свидетельствующее о ближайшем участии М. С. Щепкина в затеянном друзьями Белинского литературном альманахе «Левиафан», прибыль с которого должна была обеспечить материальную базу Белинского после ухода его из «Отечественных записок». Именно для этого сборника Щепкин передал Герцену отрывок из своих воспоминаний, опубликованный впоследствии в «Современнике» 1847 г. под названием «Из записок актера» (письмо № 120).

Историк русской журналистики высоко оценит значение и таких не известных ранее документов, как письмо Краевского к Каткову, содержащее характеристику расстановки сил на журнальном фронте в 1841 г. (письмо № 81), или красочный отчет С. И. Барановского о его впечатлениях от встреч в Петербурге с вдохновителями и сотрудниками «Библиотеки для чтения», «Русского вестника», «Современника», «Звездочки», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Финского вестника» (письмо № 115).

К этой же категории новых материалов относится письменное обращение Н. А. Полевого в редакцию «Отечественных записок» от 9 декабря 1844 г., подготовлявшее возвращение его в ряды прогрессивных деятелей (письмо № 116).

Личное общение с Белинским оказалось чрезвычайно благотворным для великого русского актера М. С. Щепкина. Новые материалы, печатающиеся в настоящей публикации, позволяют установить такой необычный для нравов императорских театров эпизод, как демонстративный отказ М. С. Щепкина от исполнения на московской сцене в ноябре 1840 г. куплетов, направленных против Белинского в водевиле П. А. Каратыгина «Авось, или сцены в книжной лавке», несмотря на то, что в Петербурге эти памфлетные стишки о критических разборах «Крапивина» («И субъективно-объективным всем абсолютно надоел») имели некоторый успех в реакционных литературных кругах и среди обывательской массы (письмо № 75).

Такой значительный для политической и литературной биографии Белинского эпизод, как переход плетневского «Современника» в руки Некрасова и Панаева, представлен в публикации чрезвычайно важными документами: письмами И. И. Панаева к Н. Х. Кетчеру, А. И. Герцену и Т. Н. Грановскому (№№ 134 и 136), письмами А. Д. Галахова и К. Д. Кавелина к А. А. Краевскому (№№ 133 и 135) и письмом П. М. Щепкина к брату (№ 137). Материалы эти очень отчетливо характеризуют политическое расслоение в рядах передовой московской литературной общественности, демократически-социалистическое крыло которой (Герцен, Огарев) объединяется вокруг Белинского в «Современнике», а либерально-буржуазное (Кавелин, Боткин, Корш, Грановский) фактически предает Белинского своим отказом от разрыва с «Отечественными записками» и демонстративным участием в обоих журналах. Весьма характерен и отклик реакционно-помещичьих и высших бюрократических кругов на превращение «Современника» в трибуну Белинского, Герцена и Некрасова: «Издание этого (возобновленного) журнала,— утверждал один из московских реакционеров в письме к Д. П. Голохвастову, попечителю Московского учебного округа и председателю Цензурного комитета, — будет последним coup de grâce* нашей нравственности и нашему монархизму. Увидят это: иные к своей адской радости, другие к скорби неутешной. Не так ли французская литература переходила в руки Бомарше и Мирабо?» (письмо № 132).

Письма К. П. Барсова к Н. М. Щепкину от 15 февраля 1847 г. и Н. П. Огарева к Герцену от 13 марта 1847 г. существенно дополняют традиционное представление о положении дел в редакции «Современника» в связи с неожиданным обострением болезни Белинского и поисками средств для отправления его на воды за границу (письма №№ 138 и 141).

Одним из досаднейших пробелов настоящей публикации является отсутствие новых материалов о пребывании Белинского в Зальцбрунне и Париже. Несмотря на то, что это был период огромного обогащения политического опыта великого критика, период написания знаменитого письма к Гоголю и широко развернувшихся дискуссий с Анненковым и Герценом, Бакуниным и Сазоновым об особенностях предреволюционной ситуации в России и Западной Европе, ни в одном из архивов не удалось обнаружить новых данных о Белинском именно этой поры. В этом отношении очень бедны оказались даже многочисленные письма из-за границы П. В. Анненкова, в которых Белинский, правда, упоминается, но вне каких бы то ни было общественно-политических и литературных ассоциаций. В своей переписке 1847—1848 гг. Анненков, как мы полагаем, обеспокоен был не столько точностью и полнотою своей информации, сколько желанием максимально гарантировать и себя и своих адресатов от всяких случайностей перлюстрации. Боязнь хотя бы невольно скомпрометировать Белинского после возвращения его в Россию объясняет молчание о встречах и спорах с ним этой же поры в переписке Герцена, Бакунина, Сазонова и Тургенева. Даже Н. Г. Фролов, свидание которого с Белинским в Зальцбрунне до сих пор известно не было, в своем письме об этом к Грановскому ограничился лишь констатацией самого факта своего знаком-

* Смертельным ударом (фр.).

ства с Белинским (письмо № 148). Это знакомство было закреплено встречами Фролова с великим критиком в Петербурге. Старательно осведомляя Грановского обо всем виденном и слышанном им в столичных литературных кругах, Фролов раньше других информировал москвичей о последнем обострении смертельной болезни Белинского: «Здесь совершается (если не на глазах моих, то слышу об этом), печальная драма с больным Белинским, — писал Фролов 29 января 1848 г. — Человек обессилен, изнурен, бьется еще; хочет еще делать что-нибудь, а сил физических более нет, и начинает уже жить иллюзиями, самообольщением, откладываниями». Но самым страшным в этом письме была деловая приписка Фролова о том, что В. П. Боткин, не дожидаясь смерти Белинского, спешил связать Фролова с «Отеч. записками»: «Василий Петрович (дипломат) зовет меня знакомиться с Краевским» (письмо № 154). Так реагировали на агонию Белинского некоторые из его бывших друзей, которым претил демократизм «Современника» и с которыми давно великому критику было уже не по пути.

Богатство и разнообразие новых свидетельств о Белинском и его окружении, извлеченных из неизданной переписки его современников, так велико, что без самого внимательного их учета уже сейчас не сможет обойтись ни один биограф Белинского, ни один исследователь русской журналистики 1830—1840-х годов. Разумеется, не весь этот материал имеет одинаково большой историко-литературный или общественно-бытовой интерес. Значение некоторых из вновь установленных фактов биографии критика исчерпывается уточнением тех или иных второстепенных эпизодов. Некоторые новые документы повторяют ранее известные, дополняя или варьируя их лишь в деталях; некоторые другие ценны не сами по себе, а лишь в сопоставлении с тем, что опубликовано было раньше; иные требуют для своего уяснения дополнительных разысканий.

Целесообразность подобных разысканий подтверждается не только такими примерами, как расшифровка на основании некоторых не известных ранее дат и справок

ДОМ № 12 ПО БОЛЬШОМУ АФАНАСЬЕВСКОМУ ПЕРЕУЛКУ В МОСКВЕ (БЫВШИЙ ДОМ СЛЕПЦОВА), В КОТОРОМ В 1832—1833 гг. ЖИЛИ АКСАКОВЫ. ЗДЕСЬ У НИХ БЫВАЛИ БЕЛИНСКИЙ, ГОГОЛЬ И МНОГИЕ ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

одной из страниц «Былого и дум» или генезиса «Пятидесятилетнего дядюшки». Публикуемые материалы позволяют по-новому документировать и историю поездки Белинского из Петербурга в Москву зимой 1841/42 г. (письма №№ 99 и 102), его остановки в пути у Герцена в Новгороде и в Премухине у Бакуниных, дату тайного свидания критика (у Боткина или у Щепкиных) с Гоголем, передавшим ему рукопись «Мертвых душ». Одно из писем П. В. Анненкова позволяет установить, что Белинский еще в 1847 г. принял ближайшее участие в обсуждении плана нового издания сочинений Пушкина. Таким образом, материалы архива великого поэта, переданные П. П. Ланским, вторым мужем Н. Н. Пушкиной, в распоряжение братьев П. В. Анненкова, в какой-то части стали известны Белинскому задолго до того, как они были опубликованы (письмо № 145). Весьма знаменателен, наконец, и раскрываемый на основании новых материалов факт давнего знакомства Белинского с И. И. Введенским, в кружке которого, идеологически очень близком кружку Петрашевского, получил свое начальное политическое воспитание молодой Чернышевский (письмо № 64).

* * *

Публикуемые выдержки из неизданных писем современников о Белинском приводятся в хронологическом порядке и сопровождаются исследовательским комментарием непосредственно за каждым письмом.

Публикаторами и авторами комментариев являются:

М. Ю. Барановская — к письмам К. П. Барсова (№ 138); К. И. Кестнера (№№ 97, 99); А. В. Станкевича (№№ 86, 117, 155).

Н. Л. Бродский — к письму А. В. Станкевича (№ 9).

Ю. А. Красовский — к письму П. А. Корсакова (№ 43).

Л. Р. Ланский — к письмам И. С. Аксакова (№№ 37, 66); К. С. Аксакова (№№ 8, 17, 32, 36, 41, 67, 122); С. Т. Аксакова (№№ 20, 21, 22, 24, 25, 27, 28); В. С. Аксаковой (№№ 40, 56, 61, 107, 110); О. С. Аксаковой (№№ 23, 29, 39, 46); Н. А. Беер (№ 143); Н. Г. Белинского (№ 102); В. П. Боткина (№№ 34, 38, 104); И. И. Введенского (№ 64); И. П. Галахова (№ 108); Г. А. Гурцова (№ 93); М. А. Дмитриева (№№ 90, 103); А. Г. Карташевского (№ 42); И. П. Клюшникова (№№ 33, 35); М. Ф. Корш (№ 111); А. А. Краевского (№№ 65, 81, 85); И. И. Панаева (№№ 60, 134, 136, 152); Н. М. Сатина (№№ 26, 91, 94); А. В. Станкевич (№ 123); А. В. Станкевича (№№ 125, 131, 149); И. В. Станкевича (№№ 31, 124); Н. В. Станкевича (№№ 4, 44); Н. Г. Фролова (№№ 109, 148, 151, 154); М. С. Щепкина (№№ 114, 157); П. М. Щепкина (№№ 128, 137); Е. Д. Щепкиной (№№ 127, 129, 140); М. А. Языкова (№ 87); Н. М. Языкова (№ 89).

Н. Г. Розенблюм — к письмам К. С. Аксакова (№№ 14, 16, 47, 50, 51, 74, 77, 82, 106); С. Т. Аксакова (№№ 49, 55, 57, 59, 69, 71, 73, 75, 76); В. С. Аксаковой (№№ 52, 58); О. С. Аксаковой (№ 45); А. А. Бакунина (№№ 5, 139); Ал. А. Бакунина (№ 12); П. А. Бакунина (№ 13); Н. А. Беер (№ 7); В. П. Боткина (№№ 15, 18, 19, 30, 48, 63); А. П. Ефремова (№ 10); А. А. Краевского (№ 68); П. А. Плетнева (№ 126).

Н. А. Соколов — к письмам В. П. Андросова (№№ 1, 2, 3, 6); А. Д. Галахова (№№ 70, 92, 101, 113, 118, 133); К. Д. Кавелина (№ 135); М. Н. Каткова (№№ 83, 105); П. Н. Кудрявцева (№№ 62, 98); И. И. Лажечникова (№№ 79, 100); А. Лысцова (№ 119); П. И. Мельникова (Печерского) (№ 96); М. П. Погодина (№№ 72, 80); Н. А. Полевого (№ 116).

В. С. Спиридонов — к письму А. П. Тютчевой (№ 158).

Я. З. Черняк — к письмам А. И. Герцена (№ 53); Н. Х. Кетчера (№ 112); Н. П. Огарева (№№ 105, 141).

Наталья Эфрос — к письмам С. И. Барановского (№ 115); В. П. Боткина (№№ 78, 84, 88); И. П. Галахова (№ 95); А. И. Герцена (№ 120); Д. П. Голохвастова (№ 121); Т. Н. Грановского (№ 54); В. В. Григорьева (№ 11); неизвестного (№ 132).

Комментарии к остальным письмам (№№ 130, 142, 144, 145, 146, 147, 150, 153, 156, 159, 160) принадлежат редакции «Литературного наследства».

1. В. П. АНДРОСОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 17 сентября 1834

...Мне следует еще поговорить с Вами и о нашей московской литературе... Что у нас?— Засуха конечная. «Телескоп» заржавел, кажется, невозвратно. Издатель нисколько не заботится, и журнал наполняется бог весть как и чем. Пишущая молодежь с досадою почесывает руки и кусает перья: некуда деться, если бы кто и написал что-нибудь[1] ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «А», лл. 242 об. — 243).

Василий Петрович Андросов (1803—1841) — московский литератор и общественный деятель либерального лагеря, экономист, автор книг «Хозяйственная статистика России» (1827) и «Статистическая записка о Москве» (1832), организатор и издатель «Московского наблюдателя» (1835—1837), с 1838 г. редактировавшегося Белинским.

[1] Письмо В. П. Андросова, написанное за несколько дней до опубликования в «Молве» (газете, издававшейся при «Телескопе») первой главки «Литературных мечтаний», свидетельствует о глубоком кризисе, переживавшемся редакцией «Телескопа» накануне литературного дебюта Белинского.

Блестящее выступление Белинского как критика и теоретика, явившееся полной неожиданностью для московских литературных кругов, спасло журнал Надеждина от полного упадка.

2. В. П. АНДРОСОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 19 февраля ⟨1835 г.⟩

...Николай Иванович ⟨Надеждин⟩ вельми сетует на начало «Наблюдателя». Его все оставили, и в этом он должен упрекать только себя: не было ни приветливости, ни рачительности журнальной[1] ⟨...⟩ «Молву» у него снял Межевич. Вы читали в последних №№ прошлогодней «Молвы» «Литературные мечтания»?— статья не без замашек. Автор (выгнанный студент) не без дарований. Вот его ⟨Надеждина⟩ два сотрудника, не включая Морошкина, который подвизается за египетское дворянство. Читали? Вещь преутешная[2].

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «А», лл. 273—275).

[1] Письмо характеризует начальную стадию взаимоотношений Н. И. Надеждина как редактора «Телескопа» с группой организаторов «Московского наблюдателя». Первая книжка «Московского наблюдателя» с программной статьей Шевырева «Словесность и торговля» вышла в свет 15 марта 1835 г. («Московские ведомости» от 16 марта 1835 г., № 22).

В. П. Андросов сильно ошибался, полагая, что «Телескоп» в начале 1835 г. «все оставили». Эти «все», т. е. группа Погодина, Шевырева и Мельгунова, получившая вскоре разрешение на издание собственного органа — журнала «Московский наблюдатель», были легко заменены в «Телескопе» молодыми литераторами — Белинским и др.

Сведения Андросова о переходе «Молвы» под редакцию В. С. Межевича (см. о нем ниже, в письме № 70) не оправдались, но самый слух этот очень характерен и свидетельствует о том, что Надеждин за несколько месяцев до соглашения с Белинским вел переговоры с Межевичем о передаче последнему «Молвы».

В отзыве В. П. Андросова о молодом Белинском явственно выразилось отношение ведущих литературных кругов Москвы к автору «Литературных мечтаний». Непосредственных откликов на «Литературные мечтания» в печати 1834—1835 гг. было очень немного.

[2] В. П. Андросов, называя в числе сотрудников «Телескопа» Ф. Л. Морошкина (1804—1857), профессора истории права в Московском университете, имел в виду его статьи «Исторические розыскания о дворянском сословии» («Телескоп», 1835, кн. I и II). Белинский в письме к Д. П. Иванову от 31 августа 1834 г. писал: «Судьба столкнула меня немножко с Морошкиным, и я теперь нахожусь с ним в некоторых сношениях по „Телескопу“» (см. «Лит. наследство», т. 57, стр. 166).

3. В. П. АНДРОСОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 16 марта ⟨1835 г.⟩

...Надеждин поехал к вам: он выходит в отставку и едет за границу. «Телескоп» до времени поступает в распоряжение Аксакова [1] ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «А», л. 253).

[1] Была ли в действительности осуществлена намечавшаяся передача функций редактора «Телескопа» на время пребывания Н. И. Надеждина весною 1835 г. в Петербурге С. Т. Аксакову — неизвестно. Принадлежа к числу ближайших друзей Надеждина, С. Т. Аксаков всячески уклонялся, однако, от участия в «Телескопе» (см. книгу Н. К. Козмина «Н. И. Надеждин», СПб., 1912, стр. 467—495). Возможно, что благодаря именно его инициативе был положительно разрешен вопрос о передаче «Телескопа» на время пребывания Надеждина за границей членам кружка Станкевича с Белинским во главе.

22 апреля 1835 г. Станкевич писал Неверову: «Надеждин, отъезжая за границу, отдает н а м „Телескоп"; постараемся из него сделать полезный журнал, хотя для иногородних. По крайней мере будет отпор „Библиотеке" и странным критикам Шевырева!» («Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 319). В письме к Бакунину от 22 апреля Станкевич упоминал и о Белинском как об основном работнике реорганизуемого «Телескопа»: «Мы намерены сделать его чисто переводным, за исключением библиографии, которая требует у нас прямого человека, с образованием и добрыми намерениями: таков Белинский, которого Вы, кажется, у меня видели — он ею заведует» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 572).

4. Н. В. СТАНКЕВИЧ — М. А. БАКУНИНУ

7 июня 1835. Москва

...В «Телескопе» я принимаю более душевное, нежели действительное участие. Отношения мои с Белинским такого рода, что я все его труды, какие бы они ни были, стану разделять больше или меньше [1]. Я не способен к журнальному мастерству и имею много своих занятий: мне нужно еще приобрести такие сведения, каких стыдно не иметь, и поэтому я охотно отлагаю мою поездку за границу, где я в езде потратил бы 2, 3 драгоценные года, одни, в которые можно еще узнать что-нибудь. Там начинается деятельность, там начинается знание другого рода. Папинька предлагает мне путешествие по России, и я охотно принимаю его предложение. Думаю, что зиму я проживу в Москве. А на весну отправлюсь в Крым. Надеюсь, почтеннейший Михаил Александрович, что Вы хоть изредка будете сообщать мне известия о себе: Вы этим меня одолжите ⟨...⟩

Красов уезжает сегодня и свидетельствует Вам почтение, Ефремов будет верно у Вас в начале июля; Белинский, он тоже свидетельствует Вам почтение — тоже он рад, что статьи его внушили Вам доброе об нем мнение[2] ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, ед. хр. 55, лл. 82—83).

[1] Характеризуя свое участие в «Телескопе» как «более душевное, нежели действительное», Н. В. Станкевич очень точно определял свою роль в журнале, реорганизованном Белинским. Как вспоминал последний, Станкевич «готов был всегда и написать и перевести статью для журнала, но не терпел, чтобы его и в шутку называли л и т е р а т о р о м» («Письма», I, 241. Ср. «Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 321 и 325).

К истории знакомства Белинского со Станкевичем относятся неизданные мемуарные заметки Я. М. Неверова, вызванные появлением в 1857 г. книги П. В. Анненкова «Николай Владимирович Станкевич, его жизнь и переписка». В одной из них он писал: «Белинский, будучи студентом, написал драму, сюжетом которой было злоупотребление [крепостного пра] владетельного права над крестьянами. [Драм] Этот труд, плод юношеской восторженности, он [имел необду] представил в цензуру и за это лишен был права посещать Университет. Станкевич, услыхавши об этой истории от общего нашего товарища Клюш⟨нико⟩ва, пожелал прочесть драму и ознакомиться с автором» ⟨...⟩ (ГИМ. Ф. 372, ед. хр. 22, л. 30).

[2] Белинский не был еще, в эту пору, знаком с Бакуниным. Помимо двух крупных статей Белинского, опубликованных к середине 1835 г. — «Литературные мечтания» и «И мое мнение об игре г. Каратыгина», Бакунину могли быть известны многочисленные рецензии Белинского в «Телескопе» и «Молве».

5. А. А. БАКУНИН — М. А. БАКУНИНУ

〈Тверь. Сентябрь — октябрь 1836 г.〉[1]

Милый брат Миша, сейчас лишь прочитали статью Белинского о стихотворениях Бенедиктова, помещенную в «Телескопе», она мне очень понравилась. В ней так много прекрасных мыслей и в ней тотчас можно видеть

С. Т. АКСАКОВ
Акварель неизвестного художника, 1835 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Белинского [2]. Как бы мне хотелось слышать, как он читает, сестры так много нам говорили о его новой статье [3], что мне бы непременно хотелось ее прочитать, но мы скоро будем в Премухине, и там мы ее прочитаем вместе 〈...〉 Миша, напиши нам, пожалуйста, отвык ли Иля совершенно от прежних его глупостей,— нам сестры говорили, что ты с Ефремовым [4] и Белинским согласились мешать ему делать их [5], я же решился отстать от всего ребяческого, в чем, как кажется, я уже и успел 〈...〉

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 4, ед. хр. 103, лл. 1—2).

Александр Александрович Бакунин (1821—1908) — младший брат М. А. Бакунина, в это время тверской гимназист. С Белинским он познакомился во время пребывания критика в Премухине (в конце августа 1836 г.).

[1] Датировка определяется содержанием письма.

[2] Статья Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова», опубликованная в конце ноября 1835 г. («Телескоп», 1835, XI), в это время уже не являлась

литературной новинкой. К. С. Аксаков еще в марте 1836 г. писал брату в Петербург: «С Павловым (написавшим хорошую повесть) спорить я продолжаю, только не о Бенедиктове; кажется, этот спор уже всем надоел. „Наблюдатели" его не превозносят, и поэтому противная партия молчит» (ЛБ. Фонд Аксаковых, ГАИС, II/III, 150-в, л. 3).

[3] «Новая статья» Белинского — о книге А. В. Дроздова «Опыт системы нравственной философии». Т. А. Бакунина подробно писала об этой рецензии братьям в Тверь 26 сентября 1836 г. (А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 245, где письмо датировано «от сентября»).

[4] Александр Павлович Ефремов — см. о нем прим. к письму № 9.

[5] Илья Александрович Бакунин (1819 — 1901), перевоспитанием которого предполагали заняться в Премухине Белинский и Ефремов, в это время самовольно покинул Тверскую гимназию и хотел поступить в полк.

6. В. П. АНДРОСОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 3 февраля 1837 г.

...К вам поступил, как дошли до меня слухи, наш Белинский. Человек он с способностями, но не давайте ему заговариваться: этого человека надули, и он воображает себя провидением журналов à la Balzac. Не испортьте его, а скорее обуздывайте благоразумно; таким образом из него можно выделать что-нибудь[1] ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «А», л. 293 об.).

[1] Предполагавшийся весной 1837 г. переезд Белинского в Петербург для работы в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду"», издававшихся Краевским, не состоялся, так как Краевский отказался обеспечить критику свободу общественно-литературных суждений, на которой твердо настаивал Белинский. Ср. письма А. А. Краевского к Белинскому от 19 января и 10 февраля 1837 г. в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 91—95. Об Андросове см. выше в письмах №№ 1, 2, 3.

7. Н. А. БЕЕР — А. А., Л. А. и Т. А. БАКУНИНЫМ

Le 5 février 1837. Moscou

...Что ни говори Бел⟨инский⟩ — мы с ним вчера очень долго, очень сериозно говорили,— а я чувствую, что женщина, это существо отдельное — условия ее жизни совсем другие, чем их!— Братства человечества, как гов⟨орит⟩ он — его развитие, его жизнь — они доступны ей только через одного из братьев — она сестра ему только по тому брату, с которым жизнь ее, душа слились в одно ⟨...⟩

Да, мои ангелы, быть может, это эгоизм, как доказывал мне вчера Бел⟨инский⟩, но я тогда только дышу свободно — меня тогда только ничто не тяготит, когда я чувствую себя необходимой ⟨...⟩

Я не могу жить в себе одной — себе, быть самой себе целью, как гов⟨орит⟩ Бел⟨инский⟩, мне кажется холодно убийственно: моя жизнь необходимо должна перелиться в другую, чтоб я могла жить полной пламенной жизнью любви! ⟨...⟩

Я чувствую себя слишком далеко от холодности бездушного эгоизма, как гов⟨орит⟩ Б⟨елинский⟩, моя душа слишком полна любви и огня, быть может и бесполезного, но не я же сделала это! Но я буду одна против всего мира, а никогда не соглашусь— что эти страдания, что это благородное стремление стать выше людей, чтоб дать им то, чего не могли мы дать, быв между ними,— что эта пламенная любовь к ним — независимая нисколько от нас— что все, что чувствую я так мучительно и так глубоко — чтоб это все было холодный эгоизм ⟨...⟩ Да, я жестоко упрекаю себя, что могла так увлечься против воли — это в последний раз — о! уже верно будет в последний[1].

Вы знаете красноречие Бел⟨инского⟩ — у меня так было что-то тяжело на сердце — тут была Люб⟨инька Станкевич?⟩ с вечной невинной своей

веселостью.— Ефр‹емов› с любезностями неистощимыми. Вас. Ст. ‹!› Крас‹ов›, Саша Ста‹нкевич› и Мишель, которые уехали скоро [2].

Я играла почти целый вечер с Бел‹инским› в свои козыри — это его новая страсть.— Наконец бросила карты и села усмирить несколько душу за фор‹тепиано›. Он в ту же минуту поставил себе стул возле — и как будто по какой-то симпатии начал говорить о том, что точило так сильно, волновало душу. Вы знаете, с каким жаром говорит он всегда. Я невольно увлеклась — и не могши сказать всего или лучше одним словом всего, что на душе — я тем больше горячилась. Он доказывал мне толь ясно, так логически то, в чем одно с е р д ц е мне противоречит, но рассудок соглашается.— Я говорила, что, удалясь вовсе от людей, можно любить их и делать им добро — он уверял — что кто любит людей, тот не может от них удалиться и удалясь сделается один. Саша[3] дала мне почувствовать, что он, догадываясь, быть может, о причине и с л е д с т в и я х этих мыслей, оспаривает их не от того, что они ложны, но что они могут быть вредны только для нас. Он еще больше разгорячился. Я видела, как от души он говорил и сама против себя высказывала все, что было на душе — у меня так разболелась голова — что я всю ночь не могла спать покойно — я так уважаю Бел‹инского›, так уверена, что он способен понять и никогда не оскорбить никакой мысли или чувства — но к чему эти разговоры! — Может ли он и х о ч у л и я особливо, чтоб он понял все, что в душе у меня! ‹...›

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 8, ед. хр. 90, лл. 140—142).

Наталия Андреевна Б е е р (р. 1809) — приятельница Бакунина и Белинского. См. о ней и ее сестре в книге А. Корнилова «Молодые годы М. Бакунина», цит. изд., а также ниже ее письмо к Е. Б. Грановской (№ 143).

Значительно позднее, 5 августа 1838 г., Н. А. Беер записала в своем дневнике: «Белин‹ский› твердил мне вчера, что любить — значит понимать...» (ИРЛИ. Фонд Бакуниных, № 16, оп. 10, ед. хр. 6, л. 7 об.). Ср. эту запись с высказыванием Белинского в письме к М. А. Бакунину от 20 июня 1838 г. («Письма», I, 190).

[1] Письмо Н. А. Беер, в котором излагаются ее беседы с Белинским, полно намеков на ее сложные отношения с М. А. Бакуниным.

[2] О вечере у Бееров Н. В. Станкевич писал 6 февраля 1837 г. Л. А. Бакуниной: «Сестра Любинька осталась здесь пировать. Мы с нею очень часто бываем у Беерових, где она целые вечера проводит в игре в свои козыри с Белинским и Ефремовым» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 511).

[3] Александра Андреевна Б е е р, сестра Н. А. Беер.

8. К. С. АКСАКОВ — Г. С. АКСАКОВУ

‹Москва. Около 15 марта 1837 г.›

...Ты знал мои отношения с Станкевичем и его кругом, милый брат[1], ты знал, что я держал себя далеко от них, говорил всем: в ы; я не любил и с к а т ь дружбы или приязни. Но теперь дело переменилось: они сами сблизились со мною, просили меня говорить им т ы, говорили, что ошибались прежде. Первый сблизился Бакунин; такой славный малой! Я теперь говорю т ы ему, Станкевичу, Белинскому. Мне, разумеется, было это приятно. С Бакуниным я часто видаюсь. Я помогаю ему теперь в одном деле; он переводит, или, лучше, перевел Историю Шмита; на этом основывает он свои денежные надежды, а на денежных надеждах поездку за границу [2]. Теперь он поправляет свой перевод и отдает переписывать. Мы вместе хлопочем с ним за этим делом. Но теперь недавно был диспут Шевырева, который всех нас занял и на котором, между тем, никому из наших не удалось поспорить; но на него явятся брошюрки. Держись, Степан Петрович...[3]

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, II/III, 150-в).

[1] Письмо это характеризует своеобразное положение К. С. Аксакова в кружке Станкевича. Как свидетельствуют его воспоминания, он, «еще многого не передумавший, еще

со многим не уравнявшийся», был «поражен» неприятием официальной крепостнической России некоторыми главными членами кружка (см. К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов, СПб., 1911, стр. 18. См. также №№ 32 и 41 наст. публикации). Внутренняя отчужденность прорывалась, видимо, и в столкновениях девятнадцатилетнего К. С. Аксакова с окружающими; это заставляло Н. В. Станкевича предупреждать Белинского (11 августа 1836 г.), что с К. С. Аксаковым «надобно быть поделикатнее...» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 414). Не лишена интереса следующая строка в неизд. письме К. С. Аксакова к брату Григорию (от конца апреля 1836 г.): «Павлов Н. Ф. хочет всё, чтоб я поссорился с кругом Станкевича...» (ЛВ. ГАИС III/II/150-б).

[2] Перевод «Всеобщей истории» Шмита, над которым работал М. А. Бакунин, закончен им, повидимому, не был. Именно об этом переводе, заказанном ему попечителем Московского учебного округа гр. С. Г. Строгановым, Белинский писал Бакунину 6 августа 1837 г.: «Ты знал, что такого рода труды не твое дело — и взялся за них. Взялся же ты из расчета, хотя и очень благородного. Потом ты роздал эту книгу своим друзьям, сестрам, братьям, из чего должен был выйти перевод самый разнохарактерный, и потому самый бесхарактерный: благородно ли это?» («Письма», I, 117). В письме от 14 января 1838 г. Белинский извещал Бакунина о получении им от Лангера одной «тетрадки Шмита», сообщая, однако, что не знает, где взять ему «другую»: «У Аксакова цела книга, которую он отдал переплесть» («Письма», I, 181—182).

[3] Защита Шевыревым докторской диссертации на тему «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов» состоялась 9 марта 1837 г. Этот диспут имел в виду М. А. Бакунин, сообщая в письме к В. А. Дьяковой от 26 марта 1837 г.: «Я написал небольшую брошюрку против глупостей г. Шевырева» (Соч. и письма М. А. Бакунина, т. I, стр. 418). Сам же Белинский, предполагавший составить обзор «всех литературных произведений за 1837 г.», в письме к Бакунину от 1 ноября 1837 г. радовался поводу «поговорить... о диссертации Шевырева» («Письма», I, 138). Намерение это критиком не было осуществлено.

9. А. В. СТАНКЕВИЧ — А. П. ЕФРЕМОВУ

〈Москва. 20-е числа июня 1837 г.〉[1]

Herr von Александр Павлович!

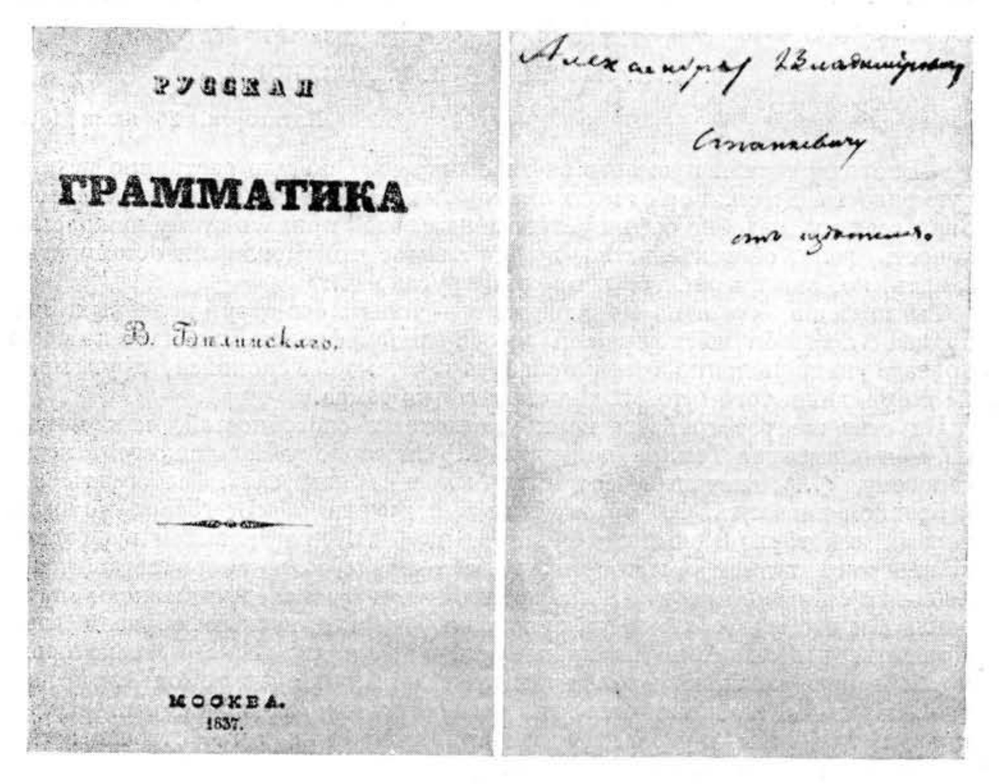
Вчера я был в Останкине у Келлера [2], который сказал мне, что вы уже давно прибыли на Кавказ и писали к нему, а посему я взял на себя смелость письменно вести с вами материю, или иначе — говорить. Каково вы поживаете на Кавказе? Когда я был там, мне казался он очень скучным, а теперь я с большим бы удовольствием побывал еще раз там. Скажите, пожалуйста, нравится ли Кавказ нашему почтеннейшему Виссариону Григорьевичу? Здесь пронесся странный слух, будто бы во время вашего путешествия Виссарион Григорьевич три раза сваливался с вашей колесницы; если это правда, то изъясните Виссариону Григорьевичу, что я всем сердцем жалел и скорбел о том. Келлер мне говорил, что вы покушались взойти на Машуку, но не взошли; с нами было то же самое, когда мы были в Пятигорске, и шли на гору прямо, но там есть всход на нее разными извилинами, по которому мы и достигли вершины 〈...〉

В Москве стало теперь очень скучно. Николинька уехал в деревню и, до сих пор не получая еще отпуска, живет там, Ваня также там, и они охотятся вместе [3]. Мишеля с Лангером и Полем, вот уже три дня, как я проводил в Премухино [4]. Беэровы также несколько дней тому назад, как уехали в Шашкино. Красов отправился в Чернигов служить. Остались в Москве только я да Иван Петрович 〈Клюшников〉 〈...〉

Вчера принесли ко мне письмо, адресованное на имя Ванички для передачи Мишелю; это письмо было с Кавказа, вероятно от Вис〈сариона〉 Григ〈орьевича〉 [5], а так как Мишеля здесь нет, то я переслал оное в Премухино. Впрочем, пускай Белинский и вперед адресует письма к Мишелю на мое имя, потому что Мишель не знает, долго ли ему будет должно пробыть там 〈...〉

Если полковник Быков в Пятигорске и вы знакомы с ним, то скажите ему от меня мое глубочайшее почтение; он в прошедшем году стоял вместе

с нами и со мной был большой приятель. Каково на вас действуют воды? В чьем доме и где вы остановились? Большой ли съезд в Пятигорске? Много ли дам вообще, много ли красавиц и много ли красавиц из красавиц, и какие именно слывут за таковых? Отвечайте мне на все это, Александр Павлович. Да напишите, пожалуйста, трусили ли вы во время своего вояжа? Я думаю, что вы нет, а Белинский, чай, зуб на зуб не попадал и не раз молил бога спасти его от опасности и читал Отче наш...

ОБЛОЖКА КНИГИ БЕЛИНСКОГО «ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» С ЕГО ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. В. СТАНКЕВИЧУ

Литературный музей, Москва

Засвидетельствуйте мой поклон Виссариону Григорьевичу и поблагодарите его от меня и от всех за его грамматики, которые мы все получили. Славные грамматики! Рассуждения все такие, видно, что наукам учился![6]

Автограф. Частное собрание (Москва).

Александр Владимирович Станкевич (1821—1912), несмотря на свой юный возраст, был хорошо знаком со всеми членами кружка, возглавлявшегося его братом — Николаем. См. о нем подробнее в настоящем томе, стр. 282—290.

Александр Павлович Ефремов (1815—1876) — один из старейших членов кружка Станкевича, приятель Белинского, «добрый и веселый малый», впоследствии преподаватель географии в Московском университете. Летом 1837 г. он жил и лечился вместе с Белинским в Пятигорске. См. ниже письмо его к К. С. Аксакову, а также ряд писем его к Белинскому в сб. *«В. Г. Белинский и его корреспонденты»*, М., 1948, стр. 48—53.

1 Дата письма определяется его содержанием — временем отъезда М. А. Бакунина в Премухино.

2 Келлер — приятель Белинского, А. П. Ефремова, И. П. Клюшникова, В. И. Красова, С. М. Строева, Я. И. Почека и др. См. о нем упоминание в записке Белинского к Ефремову («Письма», I, 378).

3 Н. В. Станкевич 7 мая 1837 г. уехал в свое имение Удеревка (Воронежской губернии); Ваня — *его младший брат*.

[4] М. А. Бакунин выехал в Премухино около 24 июня 1837 г. вместе с пианистом и композитором Л. Ф. Лангером (см. прим. к письму № 21) и пианистом Полем, о котором см. Соч. и письма М. А. Бакунина, т. II, М., 1934, стр. 32.

[5] Белинский послал Бакунину из Пятигорска два письма: от 26 июня и 28 июля 1837 г. Первое из них не сохранилось, и о его содержании можно судить лишь по письму Бакунина к Константину Андреевичу Бееру от 19 июля 1837 г. (Соч. и письма М. А. Бакунина, т. II, М., 1934, стр. 42). Второе — см. «Письма», I, 77—80.

[6] Книга Белинского «Основания русской грамматики для первоначального обучения, ч. 1. Грамматика аналитическая (этимология)» вышла в свет в начале июня 1837 г. См. о ней далее в письмах №№ 11, 12 и 13.

10. А. П. ЕФРЕМОВ — К. С. АКСАКОВУ

Пятигорск. 26 июля 1837

...Благодарю тебя премного за твое письмо. Оно мне доставило истинную радость. До сих пор от моих знакомых я не получил ни одного письма. Зная всех их, надобно быть пустым малым, чтоб придать этому важность; леность, дела, обстоятельства, ну чорт знает что, могли их остановить, занять, но, знаешь ли, все немножко грустно ⟨...⟩

Ты пишешь, что я на Кавказе гора — только без струй целебных. Это правда ⟨...⟩ Ты боишься перемены в моей важной физиономии и что по моем приезде увидишь дрянь, стыдно сказать что такое. Успокойся, друг мой, ты не увидишь того, что стыдно сказать что такое.

На счет же расстройства моих умственных способностей, как могла ты, моя пламенная Темира, поверить ⟨...⟩ Виссариону Белинскому, такому человеку ⟨...⟩, который рад бы был в грязь меня затоптать да и бревном навалить. Но чорт с ним и с друзьями его, господами офицерами, с которыми он живет душа в душу ⟨...⟩, рассказывая им содержание разных книг,— которые он читал (запас очень скоро истощится), и толкуя с ними о превосходстве военной службы перед штатскою, прибавляя к этому все такие рассуждения, где деликатным образом дает заметить, что он все науки произошел.— Я смотрю на него с некоторою ироническою улыбкою, и когда фактами докажу ему, что он глуп как твой мерин, он начинает отделываться остротами, бесконечными вариациями: т ы с а м д у р а к, или с привычною гордостию отвечает: так что ж, что я такой, а ты сам каков? ты в бога не веруешь, в церковь никогда не ходишь.— Одним словом, Виссарион стал самым жалким и пустым малым ⟨...⟩ Если есть что съесть или выпить, Белинский наверно найдет и ни крошечки не оставит. Таков уж у него обычай. Он ест по четыре и по шести раз в день, так что во все разы съедает не меньше твоего за обедом, приписывает это действию вод и говорит, что если этот аппетит продолжится, то это одно наслаждение уж слишком достаточно вознаграждает его за поездку на Кавказ [1] ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 19, лл. 46—47).

[1] Претензии Ефремова на остроумие были объектом постоянных шуток со стороны Белинского в письмах к их общим друзьям. Ефремов, конечно, знал об этом — и, как свидетельствует настоящее письмо, не прочь был даже переадресовать Белинскому строки, в которых речь шла о нем самом. «Он тебе кланяется, — писал, например, Белинский о Ефремове К. С. Аксакову. — Ты не поверишь, как он успел в такое короткое время поглупеть» («Письма», I, 74). «Ефремов поправляется в здоровье видимо, но только жаль, что это на счет ума: его узнать нельзя — дурак дураком, — в том же тоне сообщал Белинский М. А. Бакунину. — Страсть к остроумию у него та же, но силы острить решительно нет. С господами офицерами он вошел в самые тесные отношения, но и между ними считается последним остряком» («Письма», I, 78—79). Защищаясь от шуток Белинского и обращая против него самого обвинения в близости с «господами офицерами», А. П. Ефремов, к сожалению, не назвал в своем письме фамилий тех военных и штатских представителей «водяного общества», с которыми Белинский и он поддерживали общение в Пятигорске. Известно, однако, что среди них были Лермонтов, Н. М. Сатин, Н. В. Майер и некоторые декабристы (см. «Лит. наследство», т. 45—46, стр. 730—740).

11. В. В. ГРИГОРЬЕВ — Я. М. НЕВЕРОВУ

С. Петербург, 13 декабря 1837 г.

...Новости литературные. Погодину и Шевыреву позволено издавать новый журнал «Москвич»[1]. «Северную пчелу» и «Сын отечества» будет делать Н⟨иколай⟩ Полевой. На помощь к нему едет в Питер Белинский [2]. Русская грамматика Белинского очень умна [3]. Владиславлев издает красивенький альманах [4].— Прочее можете узнать из «Б⟨иблиотеки⟩ д⟨ля⟩ ч⟨тения»⟩ ⟨...⟩

М. А. БАКУНИН
Акварель неизвестного художника, 1838 г.
Местонахождение оригинала неизвестно

Автограф. ГИМ. Фонд Я. М. Неверова (№ 372, ед. хр. 3, л. 185 об.).

Василий Васильевич Григорьев (1816—1881) — близкий друг Я. М. Неверова и Т. Н. Грановского, с которыми вместе учился в Петербургском университете, впоследствии известный ориенталист. В 1870-х годах — начальник Главного управления по делам печати, проводивший крайне реакционную политику. Приехав 18 июня 1837 г. на некоторое время в Москву, Григорьев сообщал Неверову: «Очень хотелось бы повидаться с Белинским, но не знаю, где его найти. Думаю, что общество его облегчило бы хотя несколько тяжесть, которая свинцом лежит у меня на душе» (Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев по его письмам и трудам, СПб., 1887, стр. 25). По свидетельству Веселовского, это был первый приезд Григорьева в Москву; вероятно, личное знакомство В. В. Григорьева с Белинским не состоялось. По возвращении в Петербург Григорьев в неизданном письме к Неверову от 23 июля 1837 г., отмечая свое знакомство в Москве с В. К. Ржевским, И. П. Клюшниковым, М. Н. Лихониным

и А. В. Станкевичем, сообщал: «Белинский уехал на Кавказ лечиться. Первая часть его русской грамматики вышла из печати...» (ГИМ. Ф. № 372, ед. хр. 3, л. 202).

[1] «Москвич» — одно из предполагавшихся названий «Москвитянина». По крайней мере так называет этот журнал и П. С. Савельев, постоянно информировавший своих друзей о событиях в русском ученом и литературном мире. В неизданном письме его к Т. Н. Грановскому от 25 февраля 1839 г. имеются следующие строки: «Вы спрашиваете о судьбе „Москвича". Вам известно, вероятно, что позволение издавать журнал этого имени выхлопотано было Погодиным и Шевыревым еще в 1837 году через московского генерал-губернатора. Уваров не посмел бы доложить о том государю. Но, к сожалению, оба редактора или не имели средств на издание, или не сошлись, — только журнал не состоялся. Они оба теперь в Германии» (ГИМ. Фонд Грановского, № 345, д. 5, л. 1). Судя по письмам Белинского к К. С. Аксакову и М. А. Бакунину от 16—21 ноября 1837 г., Погодин предполагал и его привлечь к участию в новом журнале («Письма», I, 64 и 178)

[2] В октябре 1837 г. Н. А. Полевой, получивший приглашение редактировать «Северную пчелу» и «Сын отечества», переехал в Петербург. Он намерен был привлечь Белинского к деятельному участию в обоих изданиях (см. «Письма», I, 131). Белинский в течение трех месяцев с нетерпением ждал вызова в Петербург. Однако Полевой счел неудобным «даже по политическим отношениям» использование такого сотрудника, как Белинский (см. «Записки» Кс. Полевого, СПб., 1888, стр. 404). Поместив в № 4 «Северной пчелы» за 1838 г. начало известной статьи Белинского «„Гамлет", драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета», Полевой наотрез отказался от дальнейшего ее печатания. См. подробнее об этом эпизоде в книге В. Н. Орлова «Николай Полевой. Материалы для истории русской журналистики», М., 1934, стр. 492—496.

[3] См. прим. к письмам №№ 9, 17, 21, 22, 60.

[4] «Альманах на 1838 год», изданный В. А. Владиславлевым, встречен был благожелательной рецензией Белинского в «Московском наблюдателе» 1838 г.

12. Ал. А. БАКУНИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Тверь.⟩ 22 января ⟨1838 г.⟩[1]

У нас важный вчера был в гимназии разговор между Кир⟨иллом⟩ В⟨асильевичем⟩[2] и еще двумя учителями, насчет грамматики Белинского. Право смешно, этакие человечки хочут судить об такой грамматике, которая основана на чистой логике, и особливо Кир⟨илл⟩ В⟨асильевич⟩, который говорит, что начало этой грамматики очень свысока; ему, верно, не понравилось то, что Белинский употребил слово акт разума, которое для него вовсе непонятно. Федор Иванович[3] понял там в половину, что-то такое про составление понятий, которые К⟨ирилл⟩ В⟨асильевич⟩ весьма осуждает, и начал говорить про грам⟨матику⟩ Бел⟨инского⟩ весьма непочтительно. Мы и вступились и показали ему, что не Кириле Васильевичу рассуждать об этой грамматике; мне в Федоре Ивановиче то не нравится, что он обо всем говорит как-то выспренно, называет русский язык самым худым, из которого ничего порядочного сделать нельзя, хоть совсем об нем понятия не имеет[4]. Скажи Белинскому, чтоб он приготовился возражать трем страшным его критикам; что̀ он, если они в самом деле вздумают написать критику? Ведь тогда Белинский уж пропал, у нас учителя все такие умные, что от них не скоро отделается. Ну, да уж как-нибудь справится ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 4, ед. хр. 161, лл. 1—2).

[1] Письмо Алексея Александровича Бакунина (1823—1882), в это время ученика Тверской губернской гимназии, интересно как свидетельство враждебного отношения преподавателей гимназии, скованных рутинными традициями казенной школы, к незадолго до того вышедшей грамматике Белинского. Именно это отношение к новому учебнику и определило, в значительной мере, его материальный неуспех. См. ниже письмо № 13.

[2] Кирилл Васильевич Смирнов — преподаватель российской словесности и логики в Тверской гимназии.

[3] Федор Иванович Шиллинг — немец, преподаватель греческого языка в той же гимназии.

[4] Тупое высокомерие, с которым Ф. Шиллинг смотрел на русский язык, вполне объясняет и его отношение к грамматике Белинского.

13. П. А. БАКУНИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Тверь.⟩ 23 января ⟨1838 г.⟩[1]

...Вот недавно еще, инспектор[2] взял у меня грамм⟨атику⟩ Бел⟨инского⟩ и вздумал он, Кир⟨илл⟩ В⟨асильевич⟩, да еще другой маленький учителенок[3] находить в ней недостатки — я знаю, что Грамм⟨атика⟩ эта еще не совершенна — и еще знаю — что то, что им не понравилось — именно и есть хорошо — им, верно, не понравилось, что Белинск⟨ий⟩ вводит новое слово: вместо — одушевленный — обусловленный (эва!) — и потом Кир⟨иллу⟩ В⟨асильевичу⟩ там не нравилось, где Бел⟨инский⟩ говорил о Разуме — знаешь, так хотелось быть с ними, когда они критиковали эту Грамм⟨атику⟩.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 4, ед. хр. 306, л. 1—1 об.).

[1] Письмо Павла Александровича Бакунина (1820—1900), в это время ученика Тверской гимназии, существенно дополняет рассказ его брата об откликах учителей гимназии на грамматику Белинского. См. предыдущее письмо.

[2] Яков Сергеевич Флоренсов — инспектор Тверской гимназии.

[3] Ф. И. Шиллинг — см. предыдущее письмо.

14. К. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ Вторник ⟨26 апреля 1838 г.⟩[1]

...Вот вам маленький отчет о происшествиях, случившихся без вас.— В продолжении этого времени, я виделся, разумеется, с своими знакомыми, с Бел⟨инским⟩, Бот⟨киным⟩ и Ключн⟨иковым⟩. Дела журнала идут прекрасно в отношении к статьям и к цензору, но худо в отношении к типографии. Первый номер еще не вышел; [хотя] второго уже сложено листов 5, если не больше ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 17, л. 57—57 об.).

[1] Дата определяется содержанием письма — сведениями о печатании первых номеров «Московского наблюдателя»: «Первый № „Наблюдателя" позамедлился от разных обстоятельств ⟨...⟩, — писал Белинский 26 апреля 1838 г. И. И. Панаеву, — но он выйдет в Москве, когда вы будете читать мое письмо; второй уже печатается, третий начнется печатанием завтра» («Письма», I, 184). В этот же день (вторник приходился на 26 апреля) отправлено было и публикуемое нами письмо К. С. Аксакова.

15. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

Москва, 9 мая 1838

Напрасно ты просишь прощения. Это так глупо, что из рук вон. Когда Белинский получил твое письмо, в котором ты жестоко ругался надо мною, я дня два спустя написал было к тебе письмо. Но мне отсоветовали[1] ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 60 об.).

[1] Письмо характеризует кризис личных отношений внутри редакции «Московского наблюдателя», сперва приведший к уходу Бакунина из журнала, а затем к разрыву Бакунина не только с Белинским и К. С. Аксаковым, но и с Боткиным, его недолгим союзником и единомышленником. Письма Бакунина к Боткину и Белинскому, о которых упоминает Боткин, не сохранились, но в письме к Бакунину от середины 1838 г. Белинский следующим образом подытожил результаты этого конфликта: «Наша ссора для всех нас имела благодетельные последствия: мы теперь можем жить вместе, не мешая друг другу, мы оглянулись на себя, много с себя свергли дрянного, лучше поняли и себя и жизнь» («Письма», I, 186).

16. К. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Москва. Конец апреля 1838 г.⟩[1]

...В воскресенье маменька поехала в Кунцово; но у меня так болели зубы, что я остался дома и обедал один с Белин⟨ским⟩, Ключн⟨иковым⟩ и Алек⟨сандром⟩ Станкевичем. Вечером Боткин и Бел⟨инский⟩ отправились за город ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 3, л. 36).

[1] Датировка определяется на основании содержания опущенной части письма.

17. К. С. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва. Май 1838 г.⟩[1]

...Я написал статью в «Моск⟨овский⟩ наблюдатель»: «Отрывок из семейственной хроники» и подписался Варанг (Варан по иностранному произношению)[2]. Еще пишу довольно большую статью на грамматику Белинского [3]. Эта статья очень важна для меня: сколько новых мыслей пришло мне в голову, сколько еще законов увидел я в жизни слова человеческого ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 154-р).

[1] Письмо написано незадолго до отъезда К. С. Аксакова за границу, чем и устанавливается приблизительная датировка.

[2] Варан — крупная ящерица-хищник.

[3] «Отрывок из семейственной хроники» в «Московском наблюдателе» помещен не был. Статья К. С. Аксакова — «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского)», прерванная отъездом Аксакова за границу, была напечатана лишь в 1-й части журнала за 1839 г. См. о ней ниже, письма №№ 21, 22 и 60.

18. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Москва. 20 июня 1838 г.⟩[1]

...Что бы ни было, Мишель, а мое состояние прекрасно. Ты спрашиваешь, чтоб я тебе сказал, что бывает внутри меня. Я не могу теперь этого сказать. Право, мне необходимо надо быть одному,— а часто Виссарион бывает мне в тягость ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 44).

[1] Дата письма устанавливается дальнейшими строками: «Сегодня Т. А., А. А. и Варвара Александровна осматривали Кремль. Я не пошел с ними» Осмотр Кремля, о котором упоминает Боткин, происходил утром 20 июня 1838 г. («Письма», 1, 190). Намек Боткина на особое состояние его духа был вызван началом его романа с А. А. Бакуниной, в которую был влюблен и Белинский. См. следующее письмо.

19. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Москва.⟩ 21 июня ⟨1838 г.⟩[1]

Если бы ты взглянул на нас, когда мы с Виссарионом,— несмотря на твой важный и грозный вид (ведь ты давно, надеюсь, сердит), ты расхохотался бы. Ах, брат, какое смешное творение человек! Что это за чудак! Виссарион пишет тебе огромное письмо, которого я еще не читал. Тяжело положение Виссариона [2]. Что касается до меня — я так счастлив, как никогда не был в жизнь свою. У меня праздник жизни ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 12).

[1] Датировано только числом и месяцем. Год устанавливается содержанием письма. Огромное письмо Белинского к М. А. Бакунину, законченное 21 июня 1838 г., на которое ссылается Боткин, см. «Письма», I, 188—201.

[2] Боткин имеет в виду увлечение Белинского А. А. Бакуниной, начавшееся еще летом 1836 г. в Премухине и с новой силой вспыхнувшее после приезда сестер Бакуниных 15 июня 1838 г. в Москву. Чувство Белинского осталось, как известно, неразделенным. О романе А. А. Бакуниной с Боткиным, начавшемся в эти дни, Белинский узнал только недели две спустя.

Литературная Хроника.

=

УГОЛИНО. *Драматическое представленіе. Сочиненіе Николая Полеваго.* 1838. *Санктпетербургъ. Въ типографіи Сахарова.* 204. (8).

«Всеприсутствіе духа еще другимъ образомъ является вамъ. Во всякомъ естественномъ произведеніи организація простирается въ безконечность. Она не снаружи его только: она проникаетъ всю его внутренность. Возмите кристаллъ и разбейте его въ маленькіе кусочки, въ такіе, чтобъ разсмотрѣть ихъ можно было только въ самые сильные микроскопы, и вы снова въ этихъ мельчайшихъ кусочкахъ найдете образъ кристалла. Или посмотрите на древесный листокъ въ постепенно *болѣе и болѣе увеличивающія стекла*, и вы увидите, какъ организація простирается въ немъ въ безконечность. И чѣмъ внимательнѣе станете вы наблюдать произведенія природы, тѣмъ болѣе очевиднѣе откроется вамъ, до какихъ неуловимыхъ тонкихъ нитей простирается его организація. Этимъ-то различаются произведенія природы отъ произведенія ремесла. Самая тончайшая ткань является грубыми, перепутанными веревками, какъ скоро посмотрите на нее въ микроскопъ.»

Слушай, другъ!
За что со мной ты смѣешь поступать такъ?
Тебя всегда любилъ я, но что нужды?
Пусть все творитъ, что можетъ, Геркулесъ —
Но кошка кошкой, псомъ пребудетъ песъ.

Это монологъ совсѣмъ выпущенъ въ переводѣ г. Полеваго: видно, что почтенный переводчикъ спѣшилъ окончаніемъ.

Что касается до пѣсенъ Офеліи и вообще всѣхъ лирическихъ мѣстъ, то – повторяемъ—г. Врончено передалъ ихъ не только поэтически, но и художественно.

Заключаемъ: переводъ «Гамлета» есть одна изъ самыхъ блестящихъ заслугъ г. Полеваго русской литературѣ. Дѣло сдѣлано — дорога арена открыта, бойцы не замедлятъ. Что нужды, что онъ въ нихъ найдетъ, можетъ быть, опасныхъ соперниковъ, кипящихъ свѣжею силою юности, не гостей, но уже хозяевъ на свѣтломъ пиру современности! Мы увѣрены, что онъ первый и отъ всего сердца пожелаетъ имъ побѣды!

В. Бѣлинскій.

СТРАНИЦЫ ВЕРСТКИ РЕЦЕНЗИЙ БЕЛИНСКОГО НА ДРАМУ «УГОЛИНО» Н. А. ПОЛЕВОГО И ЕГО ПЕРЕВОД «ГАМЛЕТА» ШЕКСПИРА («МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ», 1838, ч. XVII)

Начало первой и конец второй статьи

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

20. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 25 июня 1838 г.

...На сих днях вышел 3-й нумер «Наблюдателя»[1]. Огромная статья о Гамлете, наконец, кончилась: много хорошего, но длинна, и похвала Мочалову как художнику противоречит самому разбору его игры. Белин⟨ский⟩ везде хвалит его как великой талант, а не как артиста — это две вещи разные. Одно скажу, что, прочитав статью Бел⟨инского⟩, я совершенно убедился в превосходном исполнении роли Гамлета: ибо считаю невозможным, чтобы Белин⟨ский⟩ описал выдуманное им, а не виденное. Впрочем, весь нумер плох: не разнообразен, да и «Жизнь Гофмана» старая и давно известная пиеса [2] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-б).

[1] Третий номер «Московского наблюдателя» вышел в свет 18 июня 1838 г. («Московские ведомости», 1838, № 49). В нем закончено было печатание статьи Белинского «„Гамлет", драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета».

[2] «Жизнь Гофмана» — переводная биография Э.-Т.-А. Гофмана («Московский наблюдатель», 1838, III, стр. 345—384).

21. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

Пятница, 1838 года, 1 июля. Петровское [1]

...Спешу тебя уведомить, что Белинск⟨ий⟩, ⟨В. П.⟩ Боткин, Лангер [2] и маленький живописец [3] все отправились в гости в деревню к Бакунину... Это для меня было неожиданно! Лангер с семейством уехал на целый месяц. Белинский сердится, что ты не оставил статьи на его грамматику [4]. Стихи я ему отдал[5]. «Идеалы» твои напечатаны в 4 нумере «Наблюд⟨ателя⟩»[6]. Говорят, уже и 6 нум⟨ер⟩ готов. Булгарин обругал первые книжки и, к сожалению, сами дали ему орудие: выставили несколько слов и фраз, истинно смешных, которые всем кинутся в глаза, да и врет, что хочет[7] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-б).

[1] Письмо это позволяет уточнить дату выезда Белинского из Москвы через Венев в Премухино (см. недатированную записку Белинского к А. П. Ефремову: «Письма», I, 378). О пребывании Белинского в имении Бакуниных с 5 по 15 июля 1838 г. см. «Письма», I, 105, 258, 297—298.

[2] Пианист и композитор Леопольд Федорович Лангер (1802—1885)—автор множества музыкальных произведений, в том числе «Похоронной песни» («С богом в дальнюю дорогу») на слова Пушкина. Имя его часто встречается на страницах переписки Белинского и его друзей. В комментариях Е. А. Ляцкого к письмам Белинского и в ряде других изданий Л. Ф. Лангер смешивается с Федором (Фердинандом) Федоровичем Лангером (1815—1895), учителем музыки и также композитором, младшим братом Леопольда.

[3] «Маленький живописец» — Кирилл Антонович Горбунов (1822—1893). См. о нем публикацию Натальи Эфрос «К. А. Горбунов — портретист Белинского» в т. 57 «Лит. наследства».

[4] См. письма №№ 17 и 22.

[5] «Тайна (из Шиллера)», перевод К. С. Аксакова, помещенный в «Московском наблюдателе», 1838, IX, стр. 542—545.

[6] Стихотворение Шиллера «Идеалы» в переводе К. С. Аксакова опубликовано в «Московском наблюдателе», 1838, IV, вышедшем в свет 29 июня 1838 г. («Московские ведомости», 1838, № 52).

[7] Фельетон Булгарина с нападками на первые книжки «Московского наблюдателя» опубликован в «Северной пчеле», № 140, от 23 июня 1838 г. Выписывая из статей Бакунина и Белинского такие слова и выражения, как «призрачность», «конечный рассудок», «конкретность», «вещь сама по себе», «субстанция», «просветленный», «близорукое прекраснодушие», «ограниченная субъективность», Булгарин резюмировал: «Ей-богу, это субъективная и объективная галиматья, отрицательный абсолют — ноль!» Белинский откликнулся на этот фельетон резкой «Журнальной заметкой», в которой уличал Булгарина в невежестве и передержках («Московский наблюдатель», 1838, V).

ЗДАНИЕ КОНСТАНТИНОВСКОГО МЕЖЕВОГО ИНСТИТУТА НА СТАРОЙ БАСМАННОЙ (НЫНЕ УЛИЦА КАРЛА МАРКСА) В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ В 1838 г. ПРЕПОДАВАЛ И ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель 1949 г.

Собрание художника, Москва

22. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 1838 года, июля 12. Вторник

...О приятелях твоих ничего не знаю. Старшая Бакунина сделалась очень больна, и Белинский сам ездил за ⟨П. П.⟩ Ключниковым, который, как говорят, и прежде помог ей в такой же болезни [1]. 4 нум⟨ер⟩ «Наблюдателя» вышел: в нем напечатан перевод твой Шиллеровых «Идеалов». Белинс⟨кий⟩ очень сердит за недоставление ему твоих замечаний на его грамматику, но я не знал, что начало статьи твоей (кажется, даже переписанное набело) лежит между твоей портфелью и чехлом... Прочту сегодня же хорошенько, покажу Белин⟨скому⟩, может быть, мы решимся напечатать начало твоей статьи, если она так прервана, что будет возможность ее напечатать [2].

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-б).

[1] О поездке Белинского в Премухино см. предыдущее письмо.

[2] См письма №№ 17 и 60.

23. О. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

⟨Около 15 июля 1838 г.⟩[1]

...Князь [2], бывший у меня, сказал, что журнал приостановился от того, что Бел⟨инского⟩ нет ⟨...⟩

...На прошедшей неделе я была в Москве и заезжала к Глинкам и Павловой [3]. Федор с таким участием расспрашивал о тебе и Авд⟨отья⟩ П⟨авловна⟩ также, несмотря на то, что со слезами говорила и жаловалась Павл⟨овой⟩ на выходку Белинс⟨кого⟩ [4], почитая и тебя тут же участником, но Кар⟨олина⟩ Кар⟨ловна⟩ разуверила ее на щет твой ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 185-б).

[1] Дата письма определяется его содержанием: Белинский выехал в Премухино в ночь с 30 июня на 1 июля, а в Москву возвратился 15 июля («Письма», I, 258). Об отчаянии издателя «Московского наблюдателя», вызванном затянувшимся пребыванием Белинского у Бакуниных, см. в следующем письме.

[2] Князь Павел Дмитриевич Козловский — приятель Белинского, инспектор Межевого института, в котором преподавал Белинский. О нем см. письмо № 28, а также его письма к Белинскому в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 80—89 и сообщение Т. Ухмыловой: «Материалы к биографии Белинского из архива А. Н. Пыпина» — «Лит. наследство», т. 57.

[3] Поэт Федор Николаевич Глинка (1786—1880), его жена — поэтесса Авдотья Павловна (1795—1863) и поэтесса Каролина Карловна Павлова (1810—1893).

[4] «Выходка Белинского» — возможно, отзыв критика о стихотворении Ф. Н. Глинки «Погоня» («Альманах на 1838 год»), в котором Белинский отмечал «воду рифмованной прозы и изысканную затейливость вымысла» («Московский наблюдатель», 1838, I. — Ср. III, 298).

24. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

〈Москва.〉 Июля 18-го 〈1838 г.〉[1]

...Белинского нет в Москве [2], и журнал остановился. Степанов, говорят, в отчаяньи [3]〈...〉

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-б).

[1] Год устанавливается по содержанию письма. См. предыдущее письмо.

[2] Это утверждение С. Т. Аксакова, вероятно, ошибочно, так как противоречит сообщению Белинского в письме к Н. В. Станкевичу о том, что он возвратился из Премухина еще 15 июля («Письма», I, 258).

[3] Николай Степанович Степанов — издатель «Московского наблюдателя» и собственник типографии, в которой печатался журнал.

25. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

1838 год. Августа 2 дн〈я.〉 Сел〈о〉 Петровск〈ое〉

...Я совершенно понимаю и разделяю твои чувства и мысли у гробов Шиллера и Гете. Признаюсь, несмотря на Белинского, который в 5 нум〈ере〉 «Наблюдателя» ставит Шиллера гораздо ниже Гете (хотя мы с ним плохо знаем их, особливо последнего), называя первого только поэтом, а последнего поэтом-художником, у меня сердце лежит гораздо больше к первому. Я даже думаю, что последний был гораздо менее поэтом [1].

Несмотря на то, что Белинский завирается и что журнал односторонен, я нахожу в нем очень много хорошего; только сомневаюсь, чтоб большинство было согласно со мною [2]. Я ничего не могу сообщить тебе о твоих приятелях: Белинского не видал еще (завтра увижу). Знаю только, что Лангер еще не возвращался и что сестре Бакунина лучше [3]. В 5 нумере «Наблюдателя» меня поразила своим достоинством статья Серебрянского о музыке [4]. Я отыщу его и помогу ему, если это нужно, как говорит Вера. Я совершенно не помню, чтобы ты, милый, дражайший мой Костинька, говорил мне о нем и его положении [5]〈...〉

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-б).

[1] С. Т. Аксаков имеет в виду рецензию Белинского на «Уголино» Н. А. Полевого, в которой критик утверждал: «Шиллер, в котором философский элемент беспрестанно боролся с художественным элементом и часто побеждал его, Шиллер едва ли не в большей части своих произведений принадлежит к числу полупоэтов. Гете и наш Пушкин — вот чисто поэтические натуры» («Московский наблюдатель», 1838, V, стр. 108).

[2] Письмо С. Т. Аксакова отражает отношение к журналу Белинского той части его читателей, которая смущена была «не для всех понятным языком» программных статей «Московского наблюдателя». И. И. Панаев в письме к Белинскому от 16 июля 1838 г. обращал его внимание на отрыв «Московского наблюдателя» от «массы, с которой должно говорить непременно. Зачем пугать ее языком кабинетным». Панаев предупреждал, что близорукая посредственность не преминет издеваться надо всем, что чуть-чуть ей покажется непонятным» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 197).

[3] Некоторое улучшение в состоянии здоровья Л. А. Бакуниной оказалось недолговременным: она умерла 6 августа 1838 г.

[4] «Мысли о музыке» А. П. Серебрянского (1808—1838), друга и земляка Кольцова, находившегося в это время в Москве и вскоре умершего, опубликованы в «Московском наблюдателе», 1838, V, стр. 5—15.

[5] В одном из неизданных писем И. С. Аксакова к отцу — С. Т. Аксакову, от 25 сентября 1838 г., сохранилось ценное свидетельство о сильном интересе, проявлявшемся петербургской учащейся молодежью к обновленному «Московскому наблюдателю» и к статьям Белинского. «...Как я рад тому, что будем получать „Московского наблюдателя“...— писал пятнадцатилетний И. С. Аксаков, учившийся в это время в Петербургском училище правоведения.— Здесь он редкость, и все с жадностью читают его. У нас в классе человек, который больше всех других способен понимать все эти мысли, эти философические статьи, — это Пейкер. Ему очень понравилась статья о музыке и перевод Костеньки. Он просил привезти остальные номера (т. е. первые 4), которые у нас дома, в училище. Кто этот Серебрянский? Критики [даже] тоже нравятся. Впрочем, прежняя худая слава „Наблюдателя“ много вредит ему, но, разумеется, люди умные, прочтя его, в этом разуверяются. Вообще я рад, что он, как бы сказать, восстановляет хорошее мнение о Москве. Сделайте милость, не забудьте с первой оказией прислать следующие номера» 〈...〉 (Автограф. ЛБ. ГАИС III/III,15-в).

26. Н. М. САТИН — Н. Х. КЕТЧЕРУ

10 августа 〈1838 г.〉[1]

...Я хотел послать кой-что для «Наблюдателя», но остановился за леностию переписывать и еще потому, что я совершенно не знаю этого журнала.— Еще с начала года послал в Мос〈ковскую〉 газ〈етную〉 эксп〈едицию〉 деньги и до сих пор не получил ни одной книжки. Здесь его никто не получает. Да уж [выходит] жив ли он? — Что фанатик Белинский?— За что он на меня дуется и перестал писать ко мне?[2]

Не осуществятся ли наши журнальные мечты или нельзя ли присообщиться к «Наблюдателю» и издавать его общими силами? Напиши, и я пришлю всё, что у меня есть готового[3] 〈...〉

Автограф ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (М. 5185/34).

Николай Михайлович Сатин (1814—1873) — поэт и переводчик, член кружка Герцена и Огарева; вместе с ними был арестован летом 1834 г. и после десятимесячного тюремного заключения сослан в Симбирскую губ. В 1837 г. Сатину была разрешена поездка с лечебной целью в Пятигорск, где он и познакомился с Белинским. Характеризуя это знакомство в письме к Кетчеру, Сатин отмечал: «Мы подружились с ним, хотя не совершенно сошлись в наших понятиях» (А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1908, стр. 179). О переписке Белинского с Сатиным и о их позднейших отношениях см. в наст. томе обзор Ю. Оксмана «Переписка Белинского», стр. 222—225.

[1] На первом листе неустановленным почерком проставлена ошибочная дата: «1839».

[2] Белинский, вероятно, не ответил на письмо от 27 декабря 1837 г., в котором Сатин его укорял за то, что он «Марат философии»: «Да, Белинский, „фанатизм всегда дурен“, а ты немножко фанатик — покайся» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 269). Слова, взятые Сатиным в кавычки, принадлежали самому Белинскому.

[3] Говоря об «общих силах», Сатин имел в виду создание журнала, в котором члены кружка Белинского могли бы объединиться с Герценом, Огаревым, Кетчером и их единомышленниками.

27. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

〈Москва.〉 15-го авг〈уста〉 1838.
Понедельник. Вечер.

...10-го числа я вступил в должность мою и уже сделал приемный экзамен, на котором подвизался со мною Виссарион[1]. Я им очень остался доволен; он может быть весьма не рядовым преподавателем. Он кланяется тебе; спросил об адресе твоем и хотел писать. Ему дали другого цензора — Совестдрала...[2] Вероятно с приказанием давить медленностью и всякими прижимками. От того книжки выходят медленно, и подписка почти не прибавилась. Метода графа несправедлива и убийственна[3]. На будущий год Николай Степаныч 〈Степанов〉 объявит себя издателем, и книжки будут

выходить большие ежемесячно: это единственное средство выдавать исправно [4]. Теперь хорошо, а каково-то будет бедному Виссариону, когда я выду! Не имею духу сказать об этом князю, да и боюсь, что он не выдержит и что Петр Петр⟨ович⟩ [5] догадается, а мне до времени не хочется ему сказывать. Я опасаюсь, чтоб он не ввернул какого-нибудь крючка, который мог бы задержать меня [6]. После 1-го сентября скажу⟨сь⟩ болен непременно ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-б).

[1] С. Т. Аксаков, еще с 1835 г. состоявший в должности директора Константиновского межевого института, в марте 1838 г. привлек Белинского к преподавательской работе. Хлопоты, предпринятые Аксаковым о включении Белинского в штат института, не увенчались успехом, и Белинский до самого своего ухода из института считался нештатным преподавателем. См. об этом подробнее в статье Н. Волкова «В. Г. Белинский как преподаватель Межевого института» («Памятная книжка Константиновского межевого института за 1901—1902 гг.», стр. 117—122), а также «Русская старина», 1900, V, стр. 417—422.

[2] Аксаков имеет в виду профессора Московского университета и цензора—Ивана Михайловича Снегирева (1793—1868).

[3] Упоминание С. Т. Аксакова об особом нерасположении к «Московскому наблюдателю» со стороны графа С. Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа и председателя Московского цензурного комитета, объясняет причину необычайно тяжелых условий, в которые был поставлен Белинский, редактируя «Московский наблюдатель». О задержке ряда номеров журнала цензором Снегиревым см. письмо Белинского к И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г. («Письма», I, 211).

[4] О реорганизации «Московского наблюдателя» см. ниже письмо № 31.

[5] Петр Петрович Андреев — эконом Констатиновского межевого института.

[6] С. Т. Аксаков, скрывая свое решение уйти в отставку, справедливо предполагал, что после его ухода из Межевого института ни Белинский, ни князь Козловский не сочтут возможным в нем оставаться. См. об этом в следующем письме.

28. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ Сентябр⟨я⟩ 9 дня ⟨1838 г.⟩[1]

...Вчера Пейкер у нас ночевал и сегодня поутру уехал в Петербург [2]. Несмотря на наружную ласковость, внутреннее нерасположение проглядывало с обеих сторон; тем более, что я принуждал себя менее прежнего. Он уговаривал меня остаться в службе, но и то по приказанию министра, и довольно слабо. Князь[3] тоже не остается, да и Белинский (с ним Пейкер был очень хорош) ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-б).

[1] Год в датировке устанавливается по содержанию письма.

[2] Иван Устинович Пейкер (1801—1844) — главный директор Межевого корпуса и попечитель Констатиновского межевого института, сенатор. О приезде его в Москву Белинский сообщил 10 сентября 1838 г. М. А. Бакунину: «К нам приехал попечитель, назначил у себя в комнатах экзамены выпускаемым ученикам; я ожидал своего экзамена без робости, без беспокойства, сделал его со всем присутствием духа, смело, хорошо; попечитель меня обласкал» («Письма», I, 230). В этом письме Белинский ни словом не упомянул о своем намерении оставить службу в институте. Он был освобожден от обязанностей преподавателя русского языка лишь 1 ноября 1838 г. («Русская старина», 1900, V, стр. 422).

[3] Князь П. Д. Козловский. См. о нем в письме № 23.

29. О. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

Москва, 12 сентября 1838

...Говорят, Белинс⟨кий⟩ очень обрадовался, когда сказали ему, что ты скоро приедешь [1] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых. (ГАИС, III/IV, 188-в).

Ольга Семеновна Аксакова (1792—1878) — жена С. Т. Аксакова. Об отношении О. С. Аксаковой к Белинскому см. ниже письма №№ 39, 40, 45.

[1] В письме к И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г. Белинский писал о К. С. Аксакове: «Это душа чистая, девственная, и человек с дарованием» («Письма», I, 212). Более

сдержанно Белинский характеризовал К. С. Аксакова после возвращения последнего из-за границы: «В нем есть и сила, и глубокость, и энергия, он человек даровитый, теплый, в высшей степени благородный, но, благодаря своему китайскому элементу, лишающему его движения вперед путем отрицаний, он все еще обретается в мире призраков и фантазий, и даже и не понюхал до сих пор действительности» («Письма», I, 357). Об отношениях Белинского и К. С. Аксакова впоследствии см. ниже, письма №№ 32, 41, 51, 74, 106, 122).

30. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

〈Москва. Около 15 октября 1838 г.〉[1]

Вот еще тебе, Мишель, скверное лекарство, съешь его. У меня теперь прошла вся враждебность к тебе и снова воскресают те святые минуты, в которых ты был для меня благовестителем тайн высшей жизни. Передумай хорошенько о себе, теперь для тебя настала пора, а я считаю наши возмутительные к тебе письма для тебя возможно очень во многом спасительными. Дай бог тебе сил в теперешних твоих обстоятельствах, больше веры и любви к истине. Мое письмо к тебе написалось в минуты бешенства против тебя, а в такие минуты иногда увлекаются и заблуждаются. Но я не раскаиваюсь. Мое письмо — доказательство того положения, в каком я находился. Письмо Виссариона даст тебе яснее взглянуть на себя [2]— прощай.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 54).

[1] Письмо не датировано, без подписи и представляет собой, вероятно, приписку к большому письму Боткина от 15 октября 1838 г., адресованному Бакунину (см. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 515—516).

[2] Белинский в письме к Бакунину от 12—24 октября 1838 г. отмечал: «Боткин послал к тебе свое желчное письмо, в котором довольно удачно и верно объектировал для тебя некоторые твои стороны. Я послал комментарии к этому письму» («Письма», I, 295).

О. С. и К. С. АКСАКОВЫ

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

31. И. В. СТАНКЕВИЧ — Н. В. СТАНКЕВИЧУ

⟨Москва. Конец ноября 1838 г.⟩[1]

...⟨И. П.⟩ Клюшников поручил переслать тебе маленькую записочку ⟨...⟩ Он сознал, наконец, что его призвание поэтическое; ты согласился бы с этим, если б прочел его послед⟨ние⟩ стихотвор⟨ения⟩. Может быть, Белинский сообщ⟨ил⟩ тебе несколько в своем письме [2]. На-днях должна быть напечатана программа «Наблюд⟨ателя»⟩ на тот год; не знаю, пропустила ли москов⟨ская⟩ цензура, а в Петербурге позволили [3]. Сам Белинский написал драму для бенефиса Щепкина; впрочем, не пиши ему об этом — если он сам ничего не пишет тебе. Я ее не слыхал и не читал; Боткин говорит, что есть недурные сцены для театра, но произведение не художественное [4].

Сделай одолжение, Николенька, нельзя ли тебе прислать нам «Vorstudien», изд., кажется, Готто; здесь никак нельзя достать[5]. Ты не можешь себе представить, как ты обяжешь этим меня да и всю честную компанию, потому что там можно выбрать прекрасные статьи для журнала. Может, и твои финансы не совсем хороши, в таком случае напиши с первою почтою, а если можно — присылай книгу: если пошлешь пропустя почту, все она еще застанет меня в Москве. Если же пошлешь позднее, посылай на имя Ефремова с передачею мне, а то журналисты отжилят, мне и понюхать не дадут.— Василий Бот⟨кин⟩ присоединяет также свою просьбу об высылке этой книги. Говор⟨ят⟩, она вся разошлась, но в Берлине, верно, можно достать ее ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Бумаги Станкевичей (М. 8421/I/21).

Иван Владимирович Станкевич (1820—1907) — младший брат Николая Владимировича. См. ниже еще одно его письмо (№ 124).

[1] Письмо датируется нами концом ноября 1838 г., так как оно является ответом на письмо Н. В. Станкевича от 20 октября 1838 г. Указанные в нем факты относятся ко второй половине ноября.

[2] И. П. Клюшников в течение почти двух лет находился в крайне тяжелом физическом и моральном состоянии. В письме от 12 октября 1838 г. к Бакунину Белинский отмечал как новость, что «теперь Иван Петрович олицетворенная гармония, благодать, святость» («Письма», I, 276). См. ниже письмо № 33.

[3] Реорганизация «Московского наблюдателя» утверждена была Главным управлением цензуры 7 ноября 1838 г. Новая программа «Московского наблюдателя», составленная самим Белинским, была опубликована вместе с объявлением о подписке на 1839 г. в «Московских ведомостях» от 3 декабря 1838 г. и повторена 7 и 17 декабря того же года. См. ее перепечатку в нашем сообщении «Программа „Московского наблюдателя“» — «Лит. наследство», т. 57.

[4] Драма Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь», сданная в контору Московских императорских театров 2 декабря 1838 г., поставлена была в бенефис Щепкина 27 января 1839 г. См. о ней в предисловии к настоящей публикации, а также в изд.: В. Г. Белинский. Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь. Драма в пяти действиях. Неизданный текст с предисловием и примечаниями А. С. Полякова, Пг., 1923.

[5] Генрих-Густав Гото (Hotho, 1802—1873) — профессор Берлинского университета, ученик Гегеля, автор книги «Vorstudien für Leben und Kunst» (1835). Об этой книге Н. В. Станкевич писал 25 января 1839 г. Боткину: «В ней много интересного, прекрасного, но столько рефлексий, записанных так, как они проходили во время его молодости по его голове, рефлексий, имеющих только относительное значение и иногда утомительных» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 493).

32. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 5 декабря ⟨1838 г.⟩

...Вот вам, милые братья, одно довольно важное известие: с Бакуниным я совершенно расстался и уверился, что этот человек сто̀ит только презрения; словом сказать, человек гадкий, даже подлый. Еще до моего путешествия много находил я в нем гадкого. Бел⟨инский⟩ и Бот⟨кин⟩ тоже, и

мы все завели с ним переписку, в которой решились сказать ему правду. Он изволил обидеться, отвечал в длиннейших письмах,— в которых еще больше выказались его дурные стороны. Через несколько времени он приехал в Москву; я увидал его еще с некоторым волнением, потому что привык любить в нем прекрасного человека. Он делал штуки старые, отдалял объяснение, и потом вдруг, как бы проникнувшись чувством, отвел меня в сторону, просил оставить наши споры и просто быть друзьями; то же сказал он Бел⟨инскому⟩ и Бот⟨кину⟩. Но странно, что с той-то самой минуты у меня и отпало к нему всякое чувство дружбы; он для меня ⟨потерял⟩ всякой интерес, влиянье и значение. Я видался, говорил с ним, но он для меня решительно перестал существовать. Я уехал за границу; в письмах моих к Бот⟨кину⟩ и Бел⟨инскому⟩ я ни разу не упомянул об нем. Приехав в Москву, я узнал от них, что они были близки с ним несколько времени, что потом опять начались у них споры, наконец переписка (Бакунин опять уехал в деревню).— Я застал конец этой переписки, но уже не впутывался в нее и недавно написал огромное письмо к Бакун⟨ину⟩ о том, чтобы он возвратил мне мои книги. Письмо мое начинается: «Мил⟨остивый⟩ госуд⟨арь⟩, М. А., прошу вас» и проч. и потом: «ваш покорный слуга К. А...» — Итак, мы совсем с ним расстались, чем я очень доволен. Бот⟨кин⟩ и Бел⟨инский⟩, кажется, также скоро оставят его [1] ⟨...⟩ «Наблюдатель» будет выходить большими книжками, как «Библиотека», и в первом номере будет моя философическая статья, которая вам известна, только не знаю, всю ли я вам читал ее. Я начал еще одну, не знаю, как-то она в ы т а н ц у е т с я, говоря выражением нашего великого Гоголя [2] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III,127-а).

[1] В начале октября 1838 г. Белинский писал Н. В. Станкевичу о Бакунине: «С Мишелем я совершенно разошелся. Уважаю его, — но любить не могу... Много пользы сделало мне его знакомство, но дружба наша была призрак, потому что не выработалась из жизни, а вышла из отвлеченных понятий об о б щ е м» («Письма», I, 258). Письма Белинского к Бакунину за этот период, в которых он подвергает подробному анализу их взаимоотношения,— см. «Письма», I, 185—187, 188—207, 213—255, 259—307. Ср. также А. К о р н и л о в. Молодые годы Михаила Бакунина, цит. изд.

В архиве Аксаковых (ЛБ. ГАИС, III/II/24) сохранился отклик на это письмо двоюродного брата К. С. Аксакова — А. Г. Карташевского. «... Я читал о твоих теперешних отношениях к нашим знакомым,— писал Карташевский,— и мне очень жаль, что весь круг распался, хотя причина этого довольно хороша. Помнишь ли, какими приятными вечерами, вечерами увлечения, как ты сам сознавался, были мы обязаны кругу Станкевича. Ах, я вспоминаю об этом всякую весну; а в тебе неужели это воспоминание производит один только смех? Я слышал о Бакунине, но с мыслию об нем я так привык соединять мысль о всем благородном, что до сих пор не могу поверить этому. В самом деле, не ошибаетесь ли вы и не прав ли был ты, когда сначала ни с кем не соглашался на счет его. Еще теперь бы я, кажется, так желал бы его видеть» ⟨...⟩

Об А. Г. Карташевском см. ниже прим. к письмам №№ 42 и 49.

[2] Статья, о которой говорит К. Аксаков, в «Московском наблюдателе» помещена не была. В первой части журнала за 1839 г. была напечатана статья К. Аксакова о грамматике Белинского. См. письма №№ 17, 21, 22 и 60.

33. И. П. КЛЮШНИКОВ — Н. В. СТАНКЕВИЧУ

⟨Москва.⟩ 12 декабря ⟨1838 г.⟩

Читай один.

Любезный Николай Владимирович! В последнем письме своем к Неистовому Орланду [1] — ты говоришь обо мне, как о человеке, кот⟨орый⟩ совершенно забыл тебя. Не писать еще не значит забыть. Я помню, я думаю о тебе больше всех твоих знакомых; даже (жаль, если я ошибаюсь) и понимаю тебя лучше всех твоих знакомых — и при всем том, я не писал к тебе — не мог писать к тебе. Что ж это значит? А вот что:

ты часто пророчил мне передрягу; она случилась со мной — и была ужаснее, нежели я мог вообразить себе, смотря на твои страдания: два или три месяца я был сумасшедший, потом медленно (почти год) оправл⟨ялся⟩, и теперь уже в дверях, уже в передней новой жизни [2]⟨...⟩

Я хорошо сделал, что отметил ⟨свои страдания⟩ стихами. У меня пиес 100, и я их издам в хронологическом порядке,— может быть он⟨и⟩ найдут отголосок в чьем-нибудь сердце. Друзья мои (j'en ai beaucoup*) хвалят их очень — и многие знают наизусть — но понимает их, как мне кажется, только Боткин: это акты сознания и рессонанс всех звуков души моей, которую также не все понимают. Вот шуточка:

Друзья мне скучны: — прихожу в их круг
И говорят с участьем: «Здравствуй, друг!»
«Здоров ли?» — и протягивают руки.—
«Ну, как дела?» — и прочее.— От скуки
За трубку, развалюсь, болтаю вздор,
А мне кругом рукоплескает хор:
«Вот мило! Вот забавно! Молодец!
Скажи еще!» Не в мочь мне наконец:
Не с тем я шел, не то сказать хотел.
Я не сказал — за чем же? — так, не смел...
Друзья мне скучны; не пойду в их круг —
Не дружный сам с собой — кому я друг?..
⟨. . . . .⟩

Дело в том, что переворот никем (кроме Боткина) не замечен и не понят ⟨...⟩

Перпендикулярно стихам: Наш круг действительно немного поразошелся. Нет центра — или центр внешний, например, «Наблюдатель».

Автограф. ЛБ. Бумаги Станкевичей (М. 8421/I/9).

[1] «Неистовым Орландом» был прозван Белинский. Письмо к нему Станкевича, о котором упоминает И. П. Клюшников, не сохранилось.

[2] В письме к В. П. Боткину от 25 января (6 февраля) 1839 г. Станкевич писал: «Благодарю тебя и Клюшникова за ваши письма. Я буду отвечать ему через несколько времени особо, а теперь поделитесь этими строками; его положение мне так знакомо, так внутренне понятно, а между тем я с трудом или вовсе не объясню его словами; я с ним согласен, что это момент выздоровления, в котором есть еще б о л е з н ь, составляющая его существенную часть — и отчасти его прелесть, минута первого свидания с благами жизни!» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. издание, стр. 491).

34. В. П. БОТКИН — Н. В. СТАНКЕВИЧУ

Москва, 13 декаб⟨ря⟩ 1838

...Что за народ эти молодые гегелисты!— а Лео просто сошел с ума [1]. А твой Вердер, что за человек твой Вердер! Ты написал только две мысли его (одну прежде, касавшуюся чувства твоей вины, а другую в послед⟨нем⟩ письме к Вис⟨сариону⟩), но эти две мысли сделали то, что Вис⟨сарион⟩ и я горячо и глубоко любим Вердера и понимаем твою привязанность к нему [2].

Вис⟨сарион⟩ пишет к тебе большое письмо ⟨...⟩ «Наблюд⟨атель»⟩ что-то [беде] сух. Вис⟨сарион⟩, отделавшись от старого, опять пошел в службу по части сильных ощущений. Беда с ним! Он с жизнью хочет обращаться, как с своим Иваном, и сердится, что она не слушается его.

* У меня их много (фр.).

Мишель хотел услужить «Наблюд⟨ателю»⟩ и написал для 1 № прошл⟨ого⟩ года введение к Гимназ⟨ическим⟩ речам Гегеля [3]. Да и удружил как медведь пустыннику. Нет, такие вводители в философ⟨ию⟩ Гегеля хуже врагов его! ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Грановского (№ 345, ед. хр. 2, л. 46—46 об.).

[1] Генрих Лео (1799—1878) — немецкий историк и публицист, автор брошюры «Hegelingen», вышедшей в свет в 1838 г. Этот памфлет против младогегелианцев, как свидетельствует Ф. Энгельс, «оказал своим противникам величайшую услугу», дав им возможность уяснить «самих себя» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, 1931, стр. 118).

А. П. ЕФРЕМОВ

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг.

Третьяковская галлерея, Москва

[2] Карл Вердер (1806—1893) — профессор Берлинского университета, ученик и популяризатор Гегеля, приятель Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского. Первая из «мыслей Вердера», о которых говорит Боткин, отмечена была в письме Станкевича и Грановского к Белинскому от 20 октября 1838 г.: «Наш добрый друг Вердер говорит мне: «если разум оправдает вас, сердце не может расстаться с сознанием вины — иначе в нем нет любви» («Лит. наследство», т. 55, стр. 421). Вторая сентенция Вердера, вероятно, была цитирована впоследствии Белинским в письме к Станкевичу от 2 октября 1839 г.: «Когда человек делает себе вопрос, значит — он созрел для ответа» («Письма», I, 352).

8 ноября 1838 г. Белинский писал Станкевичу: «Слова Вердера ⟨...⟩ еще более утвердили мою веру в философию. Какой это должен быть человек! И как много должно значить его участие к тебе! ⟨...⟩ Вердер для меня теперь не понятие, но живой образ ⟨...⟩ Чудный, святой человек!» («Письма», I, 307—308).

[3] Предисловие Бакунина к переводу «Гимназических речей» Гегеля было воспринято читателями как программа «Московского наблюдателя». Вредные последствия для журнала от этой статьи отмечались и Белинским: «Статья Бакунина погубила „Наблюдатель“ не тем, что она была слишком дурна, а тем, что увлекла нас (особенно меня, за что я и зол на нее), дала дурное направление журналу и на первых порах оттолкнула от него публику и погубила его безвозвратно в ее мнении ⟨...⟩ Вместо

представлений в статье одни понятия, вместо живого изложения одна *сухая и крикливая* отвлеченность. Вот почему эта статья возбудила в публике не холодность, а ненависть и презрение, как будто бы она была личным оскорблением каждому читателю» («Письма», I, 346).

35. И. П. КЛЮШНИКОВ — Н. В. СТАНКЕВИЧУ

⟨Москва. Конец 1838 г.⟩ [1]

Не думай, чтоб тебя забыли, чтоб от тебя отвратились (твои слова в письме к брат⟨ьям⟩). Мы об тебе с Бел⟨инским⟩ и Ботк⟨иным⟩ по целым вечерам говорим [2].

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, ед. хр. 57, л. 13).

[1] Приблизительная датировка письма определяется сообщением о встречах Клюшникова с Белинским и Боткиным и жалобами Станкевича на то, что он забыт московскими друзьями.

[2] 29 декабря 1838 г. Боткин писал Бакунину о перемене, происшедшей в Клюшникове: «Ты теперь едва ли узнаешь его — так он переменился. Нет уже прежних скептических, неисчерпаемых фантазий — этой часто горькой эпиграммы на бога и человечество, — все это разрешилось в глубокое, просветленное религиозное чувство, от него веет мне благоуханием вечной жизни, чем-то таинственно-святым. Он поэт примирения. И вот почему Вис⟨сарион⟩ как-то неясно понимает его стихи» (Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных, № 9, ед. хр. 23, л. 36). Однако в оценке стихов Клюшникова прав был Белинский, с негодованием писавший 2 октября 1839 г. Станкевичу, что Клюшников, «прийдя в религиозный экстаз», стал «очень откровенно поговаривать, что он выше Пушкина (sic!..), ибо-де Пушкин поэт *распадения*, а он (Клюшников!) поэт примирения. Я молчал, но делал страшные гримасы, которых он не мог не заметить» («Письма», I, 359).

36. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва. Январь 1839 г.⟩[1]

...Цензура делает у нас неимоверные вещи и отнимает возможность издавать не только журнал, но какую-нибудь книгу. Не распространяясь о причинах нелепых ее действий, я скажу только, что статья Варнгагена о Пушкине, пропущенная и напечатанная в «Сыне отечества», у нас в журнале (несмотря на то, что уже тогда «Сын отечества», в котором помещена статья Вар⟨нгагена⟩, вышел), у нас ⟨!⟩ запрещена и выкинута [2].

Я сердит на Бел⟨инского⟩ за то, что он небрежно держит коррект⟨уру⟩ моих переводов, в которых бездна ошибок, а потому вы должны погодить бранить мои переводы ⟨...⟩ Нельзя нападать на «Наблюдатель» за то, что он выходит медленно и что статьи его могли бы быть лучше. Цензура делает это невозможным.[3] Из последнего номера, кроме вычеркнутых строк и страниц, выброшено целых две статьи [4] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/II, 127).

[1] Приблизительная датировка письма устанавливается на основании сообщаемых Аксаковым сведений о статье Варнгагена фон-Энзе о Пушкине, помещенной в первой книжке «Сына отечества» за 1839 г. (ценз. разр. 14 января 1839 г.).

[2] 2 октября 1839 г. Белинский писал Н. В. Станкевичу: «Цензура теснила. Во 2 № запретили статью Варнгагена о Пушкине и еще одну оригинальную статью». Запрещенный в «Московском наблюдателе» перевод статьи Варнгагена, вероятно, был выполнен М. Н. Катковым, так как позднее в «Отеч. записках» (1839, V) был помещен перевод этой статьи, принадлежавший именно Каткову.

[3] См. предисловие к настоящей публикации.

[4] В одном из писем К. С. Аксакова к матери, от 6 февраля 1839 г., сохранились след. строки с упоминанием Белинского:

«...Мы с Митей ⟨Щепкиным⟩ вздумали вспомнить старину, и вчера у нас было сражение снежками и брание снеговой крепости приступом. В этом сражении участвовали: я, Митя, Катков, Ефремов, Белинский и проч. Михаил С⟨еменович⟩ со всем семейством смотрел с балкона» ⟨...⟩ (Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, оп. II, ед. хр. 19, л. 25 об.).

ДОМ БЛИЗ ПРЕСНЕНСКИХ ПРУДОВ В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ (ТЕПЕРЬ ДРУЖИННИКОВСКАЯ УЛИЦА, № 11). ЗДЕСЬ В 1830-х гг. БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1950 г.

37. И. С. АКСАКОВ — К. С. и С. Т. АКСАКОВЫМ

С. Петербург 1839
2-го февраля. Четверг, 10 ч.

...Вот новость, которая мне и во сне пригрезиться не могла. Белинский написал драму![1] Сначала мне это было ужасно смешно. Хороша ли она, я Веру и не спрашивал. Знаю, что Костя находит ее хорошей, и довольно. Первой книжки «Наблюдателя» не получили ⟨...⟩

Пожалуйста, когда будешь писать, так напиши что-нибудь о литературных новостях: Белинский и драму написал, и ее играли, а мы там ничего не знаем. А журнал... Что̀, Белинский остается при училище? ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых. (ГАИС, III/III, 15-б).

[1] О драме Белинского «Пятидесятилетний дядюшка» см. предисловие к наст. публикации и письмо № 31.

38. В. П. БОТКИН — М. Н. КАТКОВУ

⟨Москва.⟩ 10 февр⟨аля 1839 г.⟩

Случай, введший меня в твое положение, был послан добрым гением [1]. Да, странную роль начал играть я,— и если результат и развязка вышли так неожиданны, — то в этом не моя вина и заслуга. Заслуга моя состоит только в том, что я [приступил] вошел в твое положение с глубоким сердечным участием и стал действовать открыто, смело и решительно. Драма, запутанная, но в то же время страшная и раздражающая душу,— совершилась между всеми вами. Благодарение богу, что мое вмешательство послужило к неожиданной развязке.— Ты уже знаешь, что Д⟨митрий⟩

Щ⟨епкин⟩ не взял на себя решительного ответа, потому что я ошибся, сказав тогда тебе, что Д. Щ⟨епкин⟩ все знает относительно В⟨иссариона⟩ и А⟨лександры⟩ М⟨ихайловны⟩.— Еще в объяснении моем,— первом,— удивил меня вопрос Д. Щ⟨епкина⟩, когда я сказал ему о взаимной любви их.— А почему он в этом уверен?— Слова эти поразили меня и совершенно сбили с толку. Как! Этот брат, о котором В⟨иссарион⟩ говорил, что он знает все, что он радуется любви их,— делает мне такой странный вопрос?

Вчерашнее объяснение доконало меня так, что я одурел: нет, Миша, все вздор и ложь,— *она не любила и не любит В⟨иссариона⟩*,— но в то же время в ней совершалось странное и загадочное, — теперь это сделалось уже не странным и не загадочным. И в то же время убеждение В⟨иссариона⟩, его доверие мне не были претензиями. В нем игралась драма своего рода — [и муки так] и ужасны муки, какие он вытерпел.

[Вчераш] Нынешнюю ночь я проговорил с В⟨иссарионом⟩. Братцы! Я после долгого времени почувствовал, что с меня упала кора и чувство не замирало к нему, а живо и свободно стремилось к нему. Он прав, благороден, чист,— братцы, не бросайте камня в человека,— и особенно не осуждайте, не выслушав оправдания. Не могу тебе теперь всего писать, это было бы ужасно много — я потрясен различными и в то же время неожиданными и противоположными ощущениями. О ней относительно тебя сказать ничего не могу. Приезжай теперь в Москву,— и поскорей.— Смотри сам, и твое чувство скажет вернее.— Прощайте, други! Жму вам руки с самым радостным и светлым чувством. Прости меня, Катков, что я так ужасно истерзал тебя,— я думал делать лучше, и теперь ясно, что без решительных действий драма не разыгралась бы так счастливо, как разыгралась теперь.

Пожалуйста приезжайте скорее в Москву — поскорее, хочется обнять тебя, прижать к сердцу [2] ⟨...⟩

Приезжайте все вместе.

Автограф. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 1—44, л. 3—3 об.).

[1] Публикуемое письмо Боткина в значительной степени разъясняет последнюю стадию романа Белинского и А. М. Щепкиной, дочери знаменитого актера. Этот роман, или «гистория с барышней», как назвал свое увлечение сам Белинский, начался осенью 1838 г.

В одном из позднейших писем к Боткину Белинский следующим образом описывал свои настроения той поры: «Мое прекраснодушие попало в западню, самим же себе устроенную. Я разделился: во мне было два убеждения, *совершенно равносильные* — люблю и не люблю. Теперь бы я сказал, что-нибудь одно, а оба вместе равны плюсу с минусом; но для того-то и должен я был так жестоко срезаться, чтобы так дельно рассуждать теперь. Надежды было мало — это подстрекало. Наконец, мне сказали несколько слов, на меня бросили несколько взглядов, которых я не смел еще решительно растолковать в свою пользу, но от которых я ощутил в душе бесконечное блаженство» («Письма», I, 330). У А. М. Щепкиной незадолго до того был роман с М. Н. Катковым. Как рассказывал об этом впоследствии сам Белинский в письме к Станкевичу от 2 октября 1839 г., А. М. Щепкина «любила другого, а этот другой любил ее, но вел себя так *действительно*, что она, думая, что он ее не любит, и, заключая по моим дикостям, что я ее *обожаю*, решилась полюбить меня, в той мысли, что если я женюсь на ней, то со мною, как с человеком благородным и любящим ее, она может быть счастлива в браке без любви» («Письма», I, 353). Белинский был старше Щепкиной на семь лет и не имел с ней общих интересов. М. Н. Катков был ровесником «барышни» и имел все основания считать свой разрыв с ней случайным недоразумением, использованным Белинским. Выпроводив Каткова на некоторое время в Премухино, Боткин через Д. М. Щепкина добился выяснения всех обстоятельств дела и установил, что А. М. Щепкина любит не Белинского, а Каткова. После объяснения по этому поводу с Белинским Боткин вызвал Каткова в Москву. Дальнейшие отношения Белинского, Боткина, Каткова и А. М. Щепкиной освещаются письмами Белинского— см. «Письма» I, 330, 352—356, 361—363, 370.

[2] Здесь тщательно зачеркнуто полторы строки.

39. О. С. АКСАКОВА — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 21-е февраля 1839-го года

...Бел⟨инский⟩ уезжает в Петерб⟨ург⟩: журнал прекращается, и всё рушится [1]— вы догадаетесь, как приняла я эту новость; терпение и выжидание всюду надобны [2] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 189).

[1] «Еще в посту, — писал Белинский Н. В. Станкевичу 2 октября 1839 г. —я вздумал бросить „Наблюдатель", который давал мне слишком мало выгод, брал все мое время и был причиною ужаснейших огорчений ⟨...⟩ Владелец его, Степанов, хотел угодить и нашим и вашим, т. е. получать прибыль журнала и не лишить свою типографию других работ, дававших ему верную выгоду, — и погубил то и другое. Поэтому журнал тянулся медленно, отставал книжками ⟨...⟩ Участие приятелей моих прекратилось — я остался один; цензура теснила» ⟨...⟩ («Письма», I, 362). Решив переехать в Петербург, Белинский в письмах к И. И. Панаеву от 18 и 22 февраля 1839 г. поручил последнему ведение переговоров с Краевским о постоянной работе в «Отеч. записках» и в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» («Письма», I, 311, 314).

[2] О. С. Аксакова недоброжелательно относилась к Белинскому. «Белинский говорил мне, — вспоминал позднее И. И. Панаев, — что его не совсем жалует г-жа Аксакова и не очень приятно смотрит на его дружбу с Константином. Константин Аксаков отстаивал, однако, Белинского долго от нападков своей матушки» («Воспоминания И. И. Панаева», Л., «Academia», 1928, стр. 244). См. выше письмо № 29.

40. В. С. АКСАКОВА — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 12 марта 1839 г.

...«Наблюдатель» ожил — Андросов дал свою тысячу, чтобы была возможность его продолжать[1]; стало и Белинский остался, но вред его исчезает сам собою [2] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 188-в).

[1] Письмо Веры Сергеевны Аксаковой (1819—1864) к братьям точно определяет факт соглашения Белинского с Андросовым и Степановым, в результате которого переезд критика в Петербург был на некоторое время отсрочен. Получив от издателей «Московского наблюдателя» тысячу рублей для расплаты с долгами, Белинский писал 25 февраля 1839 г. Панаеву: «Я остаюсь в Москве ⟨...⟩ и потому прошу вас оставить хлопоты обо мне и извинить меня за ложную тревогу. Различные затруднения до такой степени взбесили меня, что я твердо решился перебраться в Питер; но дело кое-как переделалось — и я опять москвич» («Письма», I, 314). Однако материальная база для журнала и на этот раз обеспечена не была, «Московский наблюдатель» выходил редко и нерегулярно (всего в 1839 г. вышло четыре книжки), подписчиков не стало, сотрудники не получали гонорара, и уже через три месяца после февральского соглашения с Н. С. Степановым Белинскому пришлось возобновить переговоры с Краевским о переезде в Петербург.

[2] Повидимому, «вредом», с точки зрения патриархально-помещичьей семьи Аксаковых, считалось влияние Белинского на К. С. Аксакова.

41. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва. Февраль — март 1839 г.⟩ [1]

...Что сказать вам про мои отношения с приятелями, милые друзья? Я расстался со всем их кружком, без ссоры, без вражды, отдавая им полную справедливость в том, что в них есть хорошего, расстался *сам*, по истинному своему влечению и чувствую себя теперь совершенно под вольным небом, и дышу свободно.— Белинский лучше всех моих приятелей; в нем есть истинное достоинство, но и с ним я уже не в прежних отношениях, хотя люблю его больше всех остальных. У меня теперь один истинный приятель — это Дмитрий Щепкин, которого я исключаю из известного кружка, в котором, впрочем, никогда не был, хотя все его уважают теперь чрезвычайно. Бакунин здесь. Я с ним не видался и не увижусь ⟨...⟩

Вы браните стихи в «Наблюдателе» и не правы. Мои переводы, помещенные в первом номере, считаю я одними из лучших. «Вечер» Шиллера — чудное стихотворение, в котором много заключается.— «Флейта» — повесть прекрасная, произведение истинно художественное. А статья моя разве вам не нравится? Здесь об ней со всех сторон слышу я хорошие отзывы[2].— В третьем номере будет помещен мой перевод главы из жизни Шиллера с маленьким предисловием. Признаюсь, даже я жалею, что «Наблюдатель» не прекратился. Что делает сейчас цензура — просто невыносимо. В статьях нет недостатка, но в срок выходить книжки не могут [3] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/II,127-д).

[1] Приблизительная датировка устанавливается связью этого письма с предыдущим.

[2] В письме к Н. В. Станкевичу от 29 сентября 1839 г. Белинский писал: «Аксаковские переводы из Гете („Бог и Баядера", „Утренние жалобы", „Перемена" — „Лежу я в потоке на камнях", „Тишина на море") — больше, нежели хороши — превосходны; но из Шиллера — дрянь, кроме одного — „Вечер", художественного в оригинале и художественно переведенного» («Письма», I, 341). В том же письме Белинский дает восторженную оценку повести П. Н. Кудрявцева «Флейта», которую называет дивно-художественным произведением, в котором вполне исчерпана вся его идея и воспроизведена в таких чудных, грациозных формах...». «Статья» К. Аксакова — «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского)», помещенная в 1-й книжке «Московского наблюдателя» за 1839 г.

[3] См. предисловие к настоящей публикации.

42. А. Г. КАРТАШЕВСКИЙ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург. Начало 1839 г.⟩[1]

... Я начинаю узнавать на деле то, об чем прежде говорили в кругу Станкевича. Верочка[2] сказала, что вы все переменили ваши политические мнения; я начинаю утверждаться в них[3]. Я имел уже неприятность от ⟨вел. кн.⟩ Михаила Павловича и вижу, что правду говорят про него, что он человек грубый. Но как, неужели я, утвердившись в своих мнениях и приехавши в Москву, увижу, что все, которые были на этот счет одного мнения, хвалили меня за то, переменились? Прошу тебя, скажи мне что-нибудь о всех наших знакомых. Что делается с Белинским? Неужели он изменился и неужели выражения его потеряли всю энергию? Что делает Ключников? Попрежнему благословляет всех? Что делает Кетчер? Скажи что-нибудь о ⟨А. В. Сухово-⟩Кобылине. Я слышал, что он все гуляет и уехал в свою деревню; как жаль! ⟨...⟩

Я читал твою брошюрку о грамматике Белинского, и она мне очень понравилась, особенно те мысли, о которых ты говорил будучи еще здесь ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/II, 24).

Александр Григорьевич Карташевский (1817—1894) — двоюродный брат и ровесник К. С. Аксакова, в это время — офицер-артиллерист (см. о нем в настоящей публикации письма №№ 32 и 49). Как устанавливается неизданными его письмами к К. С. Аксакову, хранящимися в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, А. Г. Карташевский во время пребывания своего в Москве (он в 1835—36 гг. был студентом физико-математического факультета Московского университета) поддерживал приятельские отношения со многими членами кружка Станкевича. «Вот уже нам 22 года,— писал Карташевский в одном из своих писем к К. С. Аксакову (1839 г.), — как скоро идет время! Давно ли, кажется, я был в Москве, рассуждал с тобою, с Бакуниным, с Белинским, с Катковым, с Ефремовым, и вот уже этому скоро два года. Так все проходит и пройдет наша молодость ⟨...⟩ Скажи мне, как ты проводишь ⟨дни праздника⟩ и у кого чаще бываешь. Видишься ли ты с Белинским, с Катковым, с Ключниковым?..» (Автограф. ЛБ. ГАИС, III/II, 24).

В письмах Белинского об А. Г. Карташевском сохранилось только одно, весьма нелестное упоминание («Письма», II, 35).

[1] Приблизительная датировка определяется содержанием письма.
[2] Вера Сергеевна Аксакова.
[3] Карташевский имеет в виду временный переход Бакунина, Белинского и других членов кружка Станкевича на позиции «примирения с действительностью», сильно противоречившие прежним оппозиционным настроениям кружка.

43. П. А. КОРСАКОВ — В. И. КАРЛГОФУ

СПБ. Май 20 дня 1839 г.

...В «Отечественных записках» напали на перевод твой для «Военной библиотеки», хотя и с умеренностью, ибо цензор вымарал все излишние

НА ЛЕКЦИИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО
Рисунок студента Н. И. Тихомирова, 1845 г.
Литературный музей, Москва

шуточки [1]. Со смертью Свиньина журнал сей перешел к Краевскому [2], который сказал мне, что у них не более 1500 подписчиков, не покрывающих издержки издания. Московские журналы перестают едва ли не вовсе — как мельницы, перестающие молоть за недостатком воды. Краевский, как говорят, нанял одного из редакторов, Белынского, за 3000 рублей для «Отечественных записок», а Межакова для «Литературных прибавлений», предоставляя себе высшее право суда и расправы [3]. Так и следует главному редактору! ⟨...⟩

Автограф (черновой) ЦГЛА. Фонд Белинского (№ 52).

Фамилия адресата устанавливается по упоминанию в письме о «Военной библиотеке», переводчиком и издателем которой был В. И. Карлгоф.

Петр Александрович Корсаков (1790—1844) — мелкий литературный делец, с 1835 г. — цензор, впоследствии редактировал, совместно с В. Бурачком, реакционно-клерикальный журнал «Маяк» (1840—1845 гг.). В дневнике А. В. Никитенко Корсакову дана следующая характеристика: «Корсаков пробовал когда-то свои силы в литературе, писал забытые трагедии, издавал забытый уже журнал, потом долго жил в деревне, служил по полицейской части и, наконец, сделан цензором против штата, по ходатайству попечителя. Это совершенный хамелеон. Его цвет — цвет последнего, с кем он встретился» («Записки и дневник А. В. Никитенко», т. I, СПб., 1905, стр. 279).

Вильгельм Иванович Карлгоф (1796—1841) — беллетрист и переводчик, с апреля 1839 г. помощник попечителя Киевского учебного округа.

[1] Третий том перевода, сделанного Карлгофом, — «История войн в Европе с 1792 г. вследствие перемены правления во Франции», СПб., 1838 — рецензирован был в «Отеч. записках» 1839 г., т. III, стр. 165—167.

[2] Смерть П. П. Свиньина (9 апреля 1839 г.) превратила Краевского из арендатора «Отеч. записок» в их полноправного редактора-издателя. Судя по позднейшим письмам Краевского к Г. Ф. Квитко-Основьяненко, журнал имел в 1839 г. всего 1250 подписчиков, в 1840 г. — «1400 с небольшим» («Русская старина», 1900, № 5, стр. 297—298). Участие Белинского в журнале явилось спасением для «Отеч. записок».

[3] П. А. Корсаков имеет в виду прекращение «Московского наблюдателя» и «Галатеи». Первый редактировался Белинским, вдохновителем второй был В. С. Межевич, которого Корсаков смешал с П. А. Межаковым — третьестепенным поэтом 1820-х годов. О В. С. Межевиче и приглашении его на работу в «Отеч. записки» см. далее письмо А. Д. Галахова от 22 сентября 1840 г. (№ 70).

44. Н. В. СТАНКЕВИЧ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

25 июня 1839. Берлин

...Я получил письмо от Белинского. Он выслал мне многие статьи из «Наблюдателя»[1]. Привезу их с собою. Они, отчасти, срамятся[2]. Мне очень будет отрадно о многом еще побеседовать с тобою ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Грановских (М. 5184/39, л. 1 об.).

[1] Станкевич имеет в виду письмо Белинского от 19 апреля 1839 г., к которому приложены были статьи его из «Московского наблюдателя», стихи и повесть П. Н. Кудрявцева «Флейта» («Письма», I, 319).

[2] Отрицательное отношение Станкевича к статьям «Московского наблюдателя» с наибольшей ясностью определилось в его письме к Грановскому от 1 февраля 1840 г.: «Известия о литературных трудах и понятиях наших знакомых неутешительны. Что им дался Шиллер? Что за ненависть? Нелепые люди! ⟨...⟩ А если авторитет ⟨Гегеля⟩ силен у них, то пусть прочтут, что он говорит о Шиллере в „Эстетике“ ⟨...⟩ А о действительности пусть прочтут в „Логике“, что действительность, в смысле непосредственности, внешнего бытия, — есть случайность; что действительность, в ее истине, есть разум, дух» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 486).

45. О. С. АКСАКОВА — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Аксиньино?⟩ 1839-го года 25-го июля 12-й час ночи

...Щепкины совсем не бывают у Константина, верно заняты, и он не ходит к ним; сокрушает его положение Белинск⟨ого⟩; но какая возможность ему помочь? и рада бы очень, да где взять 500 руб., которые, по его словам, его воскрешают, и потому Константин решился написать к Павлову Мих⟨аилу⟩ Гр⟨игорьевичу⟩[1], чтобы тот Кузина попросил ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 20, л. 67).

[1] Михаил Григорьевич Павлов (1795—1840) — профессор физики, минералогии и сельского хозяйства в Московском университете. Был связан с Кузиным, богатым рязанским откупщиком.

На следующий день шестнадцатилетний И. С. Аксаков писал отцу: «Я заеду также к Мих⟨аилу⟩Григ⟨орьевичу⟩, к которому Костя написал записку, где он просит, чтоб он выхлопотал бы как-нибудь денег Белинскому у Кузина. Белинский в отчаянном положении: денег ни гроша...» (ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, ед. хр. 20, л. 74).

46. О. С. АКСАКОВА — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

Аксиньино, 1839-го года, 4-е августа
10 ч⟨асов⟩ вечера

...Костенька был у Бел⟨инского⟩, который лежит болен кровавым пон⟨осом⟩, и, разумеется, 2 синие ушли на лекарство, что̀ делать, нельзя же не помочь,— то только неприятно, что он был у больного, а нынче в Москве это повальная и опасная болезнь, и нынче Костенька сам не очень здоров, хотя ходил вечером к Щепк⟨иным⟩ [1].

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 188-в).

[1] Белинский отметил помощь, оказанную ему К. С. Аксаковым, в письме к И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г.: «Константин Аксаков дал 10 р., а то бы лекарства не на что было взять, а еще нужны были пьявки и другие подобные мерзости, требующие денег» («Письма», I, 332).

47. К. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Аксиньино. Середина августа 1839 г.⟩[1]

...В воскресенье был у нас и ночевал И. Е. ⟨Великопольский⟩ с своим семейством; он дал Бел⟨инскому⟩, который болен, еще 100 руб.[2]— Он не на шутку хлопочет о своем альманахе; писал к Н. Ф. ⟨Павлову⟩ с нарочным в деревню и получил очень милый ответ, в котором тот изъявляет согласие ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 20, л. 127).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] Иван Ермолаевич Великопольский (1797—1868), печатавшийся под псевдонимом Ивельев, — богатый помещик и литератор. См. отзыв Белинского о его драме «Любовь и честь» — V, 158—159.

Визит И. Е. Великопольского отмечен был Белинским в письме к И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г.: «Я было и нос повесил, но вдруг является И. Е. Великопольский, осведомляется о здоровье и просит меня быть с ним без церемоний и сказать, нужны ли мне деньги. Я попросил 50 р., но он заставил меня взять 100. Вот так благодетельный помещик! На другой день, перед самым отъездом своим в деревню, опять навестил меня» («Письма», I, 332). Письмо Аксакова позволяет предположить, что визит Великопольского к Белинскому обусловлен был его хлопотами по изданию альманаха, который, однако, в свет не вышел.

48. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Москва.⟩ 14 октября 1839 г.

...Белинс⟨кий⟩ теперь живет у меня,— обстоятельства его были так плохи, что из рук вон,— вражда моя пожрала саму себя [1]. Мы с ним в самых простых отношениях. Вижу его дурные стороны, но они уже не затемняют более его хороших сторон. Через неделю он едет в СПБ с Панаевым. Катков здоров и прекрасен. Вообще наш маленький кружок (теперь из 3-х) ясен [2] ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, лл. 49—50).

[1] Белинский восстановил дружеские отношения с Боткиным около 18 июля 1839 г. (А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина, стр. 527 и 531). 19 августа 1839 г. Белинский писал Панаеву: «Я помирился с Боткиным и Катковым. Между нами все опять попрежнему, как будто ничего не было. Да, все попрежнему, кроме прежних пошлостей» («Письма», I, 332). Об этом же писал Белинский 8 октября 1839 г. Н. В. Станкевичу: «Вражда пожрала самое себя — и кончилась...» («Письма», I, 369).

[2] Боткин имел в виду себя самого, Белинского и М. Н. Каткова.

49. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

⟨Петербург.⟩ 12 час⟨ов⟩ ночи 31 октября ⟨1839 г.⟩[1]

...Вообрази, Саша [2] ходит к Бакунину и вчера встретил у него Белинского: он попрежнему очень хорош с Бакуниным, который живет у какого-то артиллерийского Раевского[3] ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, л. 21 об.).

[1] Дата письма уточняется его содержанием: С. Т. Аксаков выехал с Гоголем из Москвы в Петербург 26 октября 1839 г. Письмо написано через день после приезда.

[2] Александр Григорьевич Карташевский. См. о нем выше письма №№ 32 и 42.

[3] Артемий Дмитриевич Раевский — подпоручик 1-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады, старый приятель М. А. Бакунина.

50. К. С. АКСАКОВ — С. Т. и В. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва. Начало ноября 1839 г.⟩[1]

...Неужто вы еще не видали Панаева, т. е. он вас не отыскал; я удивляюсь, что ⟨ни⟩ он, ни Белинский не дают о себе вести [2] ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 23, л. 11 об.).

[1] Дата письма определяется его содержанием. См. след. письма.

[2] См. ниже письмо С. Т. Аксакова от 16 ноября 1839 г. (№ 55).

51. К. С. АКСАКОВ — В. С. АКСАКОВОЙ

⟨Москва. Около 9 ноября 1839 г.⟩[1]

Я получил от тебя два письма, милая сестра Вера, благодарю тебя.— Ты между тем верно уже получила и от меня письмо.— Много приятного услыхал я от тебя, но обстоятельства так печальны, так печальны. Есть впрочем и в твоем письме вещи, которые несколько тяжелое, неприятное впечатление на меня сделали. Между прочим то, что М⟨аша⟩ читала статьи Бел⟨инского⟩ и они ей нравятся [2].— Я знаю, что̀ ты думаешь. Сначала мне просто неприятно — потом я думаю, что как Бел⟨инский⟩ ни хорошо пишет, но все-таки тут много искаженного, много отрывочно-заимствованного, хотя и усвоенного, и перемешано суждениями, некоторыми напряженными его суждениями; что все не может представлять целую, полную, ясную картину; но потом мне истинно грустно то, что и ты пишешь, что М⟨аша⟩ устранена от этого развития мыслей, которое совершается у нас в Москве, в нашем доме; устранена от сокровищ, которыми так богато знание человеческое ⟨...⟩

Автограф ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 3, л. 20).

[1] Дата письма определяется как его содержанием, так и ответом на него В. С. Аксаковой от 14 ноября 1839 г. См. следующее письмо.

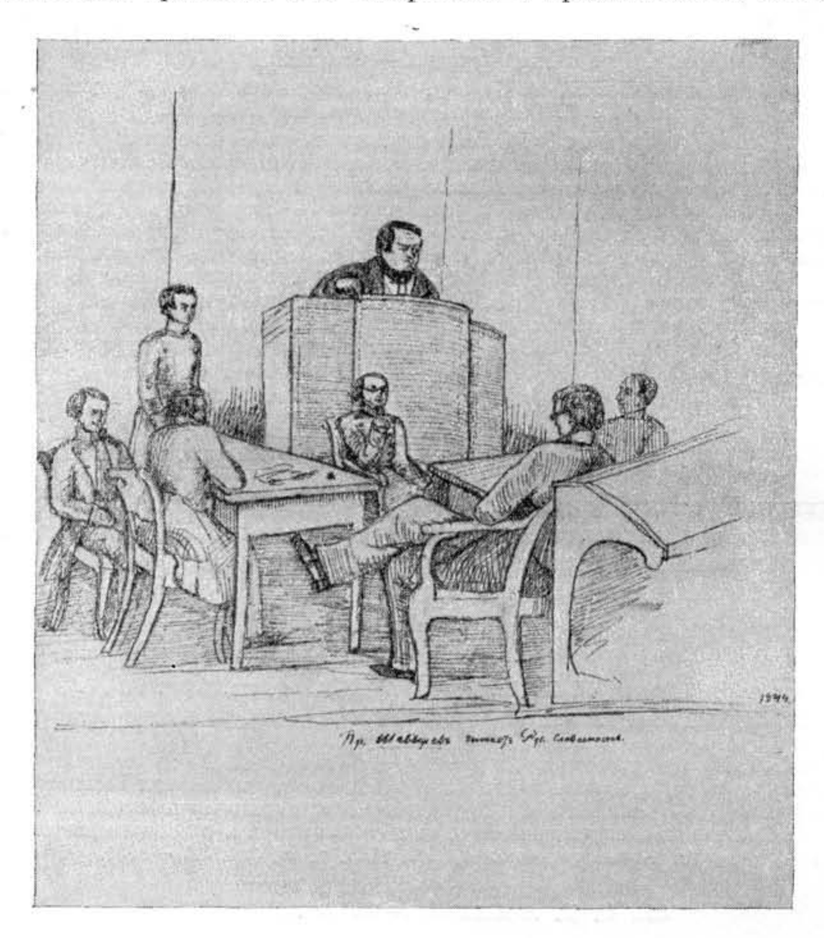
[2] Мария Григорьевна Карташевская — двоюродная сестра К. С. Аксакова, в которую он был влюблен. О чтении в присутствии М. Г. Карташевской одной из статей Белинского см. ниже письмо № 56. К. С. Аксаков совершенно основательно отказывался верить в прочность «примирения с действительностью», провозглашавшегося в эту пору Белинским.

52. В. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург.⟩ 14 нояб⟨ря⟩ ⟨1839 г.⟩[1]

...Что же касается до Белинского и его статей, то это очень естественно, что мы, которые слышали и сами говорили и повторяли эти истинные мысли

[может быть] даже в более стройном порядке [2], можем находить недостатки в том, как их представил Белинский, но для того, кто их слышит в первый раз почти и в ком они в то же время могут возбудить и определить свои собственные, до тех пор не сознаваемые мысли, тому, конечно, его статья должна понравиться; впрочем даже [и у него дол] и Бел⟨инский⟩ отдельные мысли мог присвоить себе совершенно и представить их живо ⟨...⟩

НА ЛЕКЦИИ С. П. ШЕВЫРЕВА
Рисунок студента Н. И. Тихомирова, 1844 г.
Литературный музей, Москва

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, лл. 119—120).

[1] Дата письма уточняется его содержанием. См. предыдущее письмо.

[2] «Истинные мысли» Белинского, о которых идет речь в письме, — это, очевидно, основные положения «Бородинской годовщины» — статьи, опубликованной в октябрьской книжке «Отеч. записок». Солидарность В. С. Аксаковой с ошибочными «мыслями» Белинского периода его недолгого примирения с «расейской действительностью» очень характерна.

53. А. И. ГЕРЦЕН — Н. П. ОГАРЕВУ

15 ноября 1839 г. Владимир

...Кончились тюрьмой годы ученья, кончились ссылкой годы искуса, пора наступить времени науки в высшем смысле и действовании практическом. Между прочим меня навело на эти мысли письмо Белинского

к Сатину, с которым однако я не вовсе согласен, Белинский до односторонности многосторонен 〈...〉

Белинский во многом не прав относительно его 〈Сатина〉, но во многом и прав [1] 〈...〉

Не верю, чтобы воля не могла победить; ежели про тебя Белинский скажет так решительно, как про Сатина, что ты не поэт, не художник, он соврет [2] 〈...〉

Автограф. ЦГАОР. Коллекция Герцена — Огарева (№ 5770/141).

[1] Письмо Белинского к Н. М. Сатину, на которое ссылается Герцен, до нас не дошло. См. далее обзор Ю. Г. Оксмана «Переписка Белинского».

[2] Предположение Герцена, что Белинский столь же сурово, как и произведения Сатина, осудит стихи Огарева, отчасти оправдалось. В письме к Боткину от 16 апреля 1840 г. Белинский возмущенно спрашивал: «Что это делается с Катковым? Он в восторге от „Одесского альманаха", стихов Огарева и Сатина — недостает ему приходить в восторг от повестей Н. Ф. Павлова» («Письма», II, 109). Однако уже 16 мая 1840 г. Белинский признавался в том, что «Старый дом» Огарева ему «очень понравился», а 25 октября 1840 г., под впечатлением «Ночного сторожа» Огарева, отмечал: «В душе этого человека есть поэзия» («Письма», II, 127 и 173). Об отношении Белинского к более поздним произведениям Огарева см. в наст. публикации письмо № 141. См. также ниже письмо Огарева к Е. В. Салиас о пребывании его в 1842 г. у Белинского (№ 105).

54. Т. Н. ГРАНОВСКИЙ — В. В. ГРИГОРЬЕВУ

Москва, 15 ноября 〈1839 г.〉[1]

Белинский уехал с Панаевым в Петербург для более деятельного сотрудничества в «Отеч. записках». Я раза два порядком с ним поругался. Однако не поссорились. Я высказал ему правду, но правду довольно горькую. Что за обычай судить и рядить обо всем по-диктаторски, не зная вовсе, в чем дело. Это, впрочем, здесь в большой моде, равно и квасной патриотизм[2] 〈...〉

Автограф. ГИМ. Фонд Я. М. Неверова (№ 372, ед. хр. 3, л. 92 об.).

[1] Дата письма определяется его содержанием. О В. В. Григорьеве см. прим. к письму № 11.

[2] В письмах к Станкевичу от 20 октября и 25 ноября 1839 г. Грановский отмечал, что, несмотря на то, что «поклонение действительности» в статьях Белинского вызывает возмущение в самых широких кругах передовой общественности, сам Белинский «видит в общем мнении ограниченность, себя считает героем и проповедником истины» («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 363—365).

55. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

〈Петербург.〉 16 ноября, утро 10 час〈ов, 1839 г.〉[1]

... Говорят, Белинский обезумлен бетизмом Петербурга[2] 〈...〉

11 часов

Сей час ушли от меня Панаев и Белинский: поговорили по-московски [3]. Чудные стихи читали мне Красова, которые здесь не пропускаются и которые дают мне, чтобы послать в Одессу[4] 〈...〉

Белинский нравится Машеньке [5] гораздо больше Панаева: в последнем она не видит ничего собственного 〈...〉

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, лл. 142 об.— 143 об.).

[1] Дата письма уточняется пребыванием С. Т. Аксакова в Петербурге.

[2] Действительно, Белинский писал в это время о Петербурге В. П. Боткину: «Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в человеке все святое и заставить в нем выйти наружу все сокровенное. Только в Питере человек может узнать себя — человек он, получеловек или скотина: если будет страдать в нем — человек; если Питер полюбится ему — будет или богат или действительным статским советником»

(«Письма», II, 7). «Бетизм» — от фр. «bête» — скот, зверь. Ср. замечание Белинского о публике Александринского театра: «Публика — господа офицеры и чиновники — зверинец из орангутангов и мартышек — позор и оскорбление человечества и общества» («Письма», II, 7).

[3] 17 ноября 1839 г. В. С. Аксакова сообщала матери: «Вчера поутру был Панаев, мать его была очень больна, и потому он не мог быть до сих пор у отесеньки, вечером

М. С. ЩЕПКИН

Акварель А. С. Добровольского, 1839 г.

Исторический музей, Москва

он пришел с Белинским, которого созвали вниз ⟨к Карташевским⟩, и отесенька читал вслух» (ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, ед. хр. 22, л. 147).

[4] Стихи В. И. Красова, о которых идет речь, нам неизвестны. Их нет и в «Одесском альманахе на 1840 год», в издании которого ближайшее участие принимал Н. И. Надеждин, приятель С. Т. Аксакова.

[5] Мария Григорьевна Карташевская — племянница С. Т. Аксакова, о которой см. письма №№ 51 и 56.

56. В. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург.⟩ Суббота ⟨18 ноября 1839 г.⟩[1]

...Я не знаю, приятно ли тебе будет то, что Белинский был у нас внизу и видел М⟨ашу⟩, но этого избежать нельзя было, мы даже должны были,

если б и не хотели, просидеть с ними довольно долго. Отесенька читал вслух стихи Павловой [русские] ее собствен⟨ные⟩, в которых особенно некоторые стихи очень понравились М⟨аше⟩ и стихи «Молитва» Лермонтова прекрасные [2]. Отесенька также читал разбор повестей Павлова, писанный должно быть Краевским, это такая путаница разных истинных мыслей, которых он нахватался из других статей, и такое злоупотребление их, что, конечно, скорее можно подумать, что это насмешка, а не похвала; именно чего вы не находите в Н. Ф. ⟨Павлове⟩, то тут и превозносят [3]. Потом читали отчасти критику Белинского на роман «Тоска по от⟨чизне⟩» Загоскина, где он старается скрасить по возможности свою брань.

Панаев не нравится М⟨аше⟩, она с первого раза поняла его, и эта манерность, эта несамостоятельность в мыслях, это ненатуральное одушевление, маленькая ручка в прекрасной перчатке сделали на нее неприятное впечатление, она удивлялась, что он может вам нравиться, впрочем, она заметила очень верно, что то, что в Панаеве есть женского (и что в мужчине не может нравиться женщине) может понравиться мужчине, именно как что-то женственное. Белинского неблагородная наружность тоже не могла сделать на нее приятного впечатления, но она нашла его выше Панаева, разумеется, умом [4] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 196-а).

[1] Дата письма определяется его содержанием — впечатлениями В. С. Аксаковой от посещения Белинского и Панаева, состоявшегося 16 ноября 1839 г. (см. предыдущее письмо). В это же время вышла и 11-я книжка «Отеч. записок», содержание которой читалось и обсуждалось во время этого визита. Суббота приходилась во второй половине ноября 1839 г. на 18 и 25 числа.

[2] Стихотворения «Молитва» Лермонтова и «Шопот грустный, говор тайный» К. К. Павловой помещены были в 11-й книжке «Отеч. записок» 1839 г.

[3] Рецензия на «Новые повести» Н. Ф. Павлова в «Отеч. записках», 1839, XI, принадлежала А. А. Краевскому. Отмечая в повестях Павлова «глубокое знание души человеческой, увлекающий, живой и быстрый ход действия, образы, которые врезываются в ваше воображение, обилие новых оригинальных идей» и т. п., Краевский возбудил всеобщие насмешки в литературных кругах. Белинский писал об этом критическом опусе Краевского:

«Не то дурно, что он наврал о... повестях Павлова, а то дурно, что он взялся писать о том, о чем не следовало бы ему писать. Это человек дела, а не мысли» («Письма», II, 91).

[4] Предубежденность В. С. Аксаковой против Белинского сказалась даже в определении его наружности как якобы «неблагородной». По свидетельству А. В. Щепкиной, «Белинский был невысок ростом, немного выше среднего, худощав и бледен; черты лица его казались резкими от худощавости. У него был открытый, выпуклый лоб, прямой нос, тонкие губы и умные серые глаза, небольшие, но с пылким взглядом. Хотя никто не назвал бы его красивым, но лицо его было значительно и интересно выражением ума и внутренней силы» («Воспоминания А. В. Щепкиной», 1915, стр. 128).

57. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург.⟩ 24 ноября, 11 часов утра ⟨1839 г.⟩[1]

...Ну, мой дражайший Константин, видел я, хотя в малом числе, литературный зверинец у любезнейшего из смертных, которого и в шутку грешно называть, как ты назвал, Хлестаковым [2]. У него были: Краевский, Каменский, Гребенка, Владиславлев (альманах его — пустяки), Плетнев, ⟨М. А.⟩ Языков и Белинский. Подробности до свидания ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, лл. 194 об.—195).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] Литературный вечер у Панаева, которого К. С. Аксаков, вероятно в письме к отцу, характеризовал как Хлестакова, был устроен специально для московского гостя.

58. В. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

〈Петербург. 26 ноября 1839 г.〉[1]

...Вчера Панаев[2] и Белинский [были] заходили, не застали отесеньки дома, принесли по письму к тебе и жалеют, что мы не сейчас можем их тебе доставить 〈...〉[3]

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, л. 212).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] В тексте письма, вероятно, описка: «Панаева».

[3] Письмо Белинского к К. С. Аксакову от 25 ноября 1839 г., о котором идет речь, не сохранилось, но о содержании его, вызвавшем глубокое возмущение адресата, мы можем судить по письму Белинского к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. («Письма», II, 22) и по ответу последнего Белинскому от 11 января 1840 г. («Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. IV, М., 1939, стр. 205).

59. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

〈Петербург.〉 2 декабря. Утро 11.
Суббота 〈1839 г.〉[1]

...Панаев (И. И.) болеет, а я обвинял его, что он забыл меня. Вчера заходил ко мне Белинский, но не застал дома. Очень хочется с ним отвесть душу[2] и поговорить языком, понятным для нас! Я не могу выучиться здешнему пошлому разговору, особливо относительно искусства 〈...〉

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, л. 254 об.).

[1] Дата уточняется содержанием письма.

[2] Признание С. Т. Аксакова подкрепляется письмом Белинского к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.: «Верь, Константин, что я уважаю твоего отца искренно, хотя он, как мне кажется, и предубежден против меня. Что нужды! Я рад, что мои предубеждения против него кончились. Наши лета и понятия разнят и рознят нас, но я тем не менее уважаю его за верное чувство поэзии и за добрый и благородный характер» («Письма», II, 25).

60. И. И. ПАНАЕВ — К. С. АКСАКОВУ

С.-Петербург 8 декаб〈ря〉 1839

...Титир Иванович (дядинька)[1] говорит такие прелести, что и пересказать невозможно. Между прочим, изъявляет свое удивление, как Сергей Тимофеевич не обратит внимание на то, что Вы губите себя, занимаясь немецкой философией, а то, что Вы занимаетесь таким непотребством, он заметил из статьи Вашей о грамматике Белинского, которую он прочел!![2]

Белинский здесь в сильном ходу. Краевский от него в восторге. Кн. Одоев〈ский〉 за ним ухаживает... Я вожу его всем показывать — и беру со всех за это п о п о л т и н н и к у, чем и хочу составить себе состояние. В 12 кн〈ижке〉 его статья о Ф. Н. Глинке — прелесть! Уведомьте, какое она произведет впечатление на Вас. Да пишите нам чаще, подувайте на нас Москвой, а то мы совсем здесь сделаемся действительными статскими советниками.

Гоголя, хоть и редко, но я видел. Один раз мы втроем (я, Белинский и он) обедали у князя 〈В. Ф. Одоевского〉. Князь совсем из ума выживает и пишет такую гадость, что читать тошно (зри Альм〈анах〉 В〈ладиславлева〉 на 1840 г. и «О〈теч.〉 з〈аписки〉» 10 №) 〈...〉 Ради бога, чуть было не забыл, пришлите мне «О ноздренном дыхании господа нашего И〈исуса〉

Х⟨риста⟩».[3] Белинский сказал, что эта книга у Вас, и князь Од⟨оевский⟩ теперь с ума сходит и умоляет меня просить Вас о присылке ему этой книги[4] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/1, 25). Напечатано с грубыми искажениями в «Трудах Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 4, М. 1939, стр. 210—211.

[1] «Титиром Ивановичем» И. И. Панаев иронически называет здесь своего дядю — Владимира Ивановича Панаева (1792—1859) — крупного чиновника, автора буколических стихотворений. О Белинском, как сообщает А. Я. Панаева, В. И. Панаев «не мог иначе говорить, как с пеной у рта ⟨...⟩ Авторское самолюбие В. И. Панаева было страшно оскорблено: как осмелился какой-то недоучившийся разночинец смеяться над его литературными заслугами» (А. Я. Панаева. Воспоминания, М. 1948, стр. 173).

[2] См. прим. к письмам №№ 17, 21 и 22.

[3] Имеется в виду сборник «Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения от писаний святых и богодухновенных отец», 20-я глава которого называется «О естественном через вдыхание ноздренное художестве и с ним господа нашего Иисуса Христа призывании» (см. «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. IV, стр. 218). См. также письмо Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. («Письма» II, 25), в котором критик сообщает, что В. Ф. Одоевский уже приобрел эту книгу.

[4] В этом же письме Панаев посылает привет Н. Ф. Павлову, А. Н. Верстовскому, М. Н. Загоскину и др. К имени последнего он сделал следующее ироническое примечание: «Досадно мне, что в „О⟨теч.⟩ з⟨аписках⟩“ напечатано об его романе ⟨„Тоска по родине“⟩ с такою усмешкою. Уж я кричал и с редактором и с сочинителем статьи, — да с этими упрямыми и тупыми башками нечего делать». К этому месту Белинским приписано: *«Я говорю тебе, что Панаев глуп, как сивой мерин»*. Печатая это письмо в сб. «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», публикатор надпись Белинского: «Панаев глуп, как сивой мерин» приписал самому Панаеву, в результате чего получилась полная бессмыслица. Прибегнув к натяжке и объясняя в примечании, что эта реплика относится... к В. И. Панаеву, тот же публикатор впал в еще бо́льшую ошибку: приписал В. И. Панаеву анонимную рецензию на «Тоску по родине» из ноябрьской книжки «Отеч. записок» 1839 г., в то время как она принадлежит не кому иному как Белинскому и включена в его собрание сочинений (V, 1—11. См. в наст. публикации письмо № 56).

В самом начале публикуемого письма, в котором резко осуждаются «Три повести» Н. Ф. Павлова, надпись рукою Белинского: *«Не вслух»*.

61. В. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург. Начало декабря 1839 г.⟩[1]

... Панаев был у нас, они хотели сделать обед для Гоголя у одного итальянца, чтобы подчивать его макаронами, но это не состоялось. Как-то Белинского представляли княгине Адоевской — ты можешь себе вообразить его на раутах у Адоев⟨ских⟩[2] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 196-а).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] Встречи с Гоголем в Петербурге отмечены в письме Белинского к В. П. Боткину от 22 ноября 1839 г.: «Гоголя видел два раза, во второй обедал с ним у Одоевского. Хандрит, да есть от чего, и все с ироническою улыбкою спрашивает меня, как мне понравился Петербург» («Письма», II, 9). Во время этого «обеда» Белинский и был представлен кн. О. С. Одоевской, о чем с такой иронией сообщила В. С. Аксакова. В том же письме Белинский замечал: «Князь Одоевский принял и обласкал меня, как нельзя лучше. Он очень добрый и простой человек, но повытерся светом и жизнью...» («Письма», II, 7). Однако в письме к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. Белинский признался, что в ту субботу, когда он не увидел Гоголя у Одоевского (Гоголь уехал в Москву 17 декабря), ему сделалось «душно среди этих лиц и пустынно среди множества» («Письма», II, 25). По поводу своих встреч на «субботах» кн. Одоевского «с посланниками» Белинский сам иронизировал в письме своем к В. П. Боткину от 16 декабря 1839 г., а Герцен в «Былом и думах» свидетельствовал, что «Белинский был совершенно потерян на этих вечерах между каким-нибудь саксонским посланником, не понимавшим ни слова по-русски, и каким-нибудь чиновником III Отделения, понимавшим даже те слова, которые умалчивались» (А. И. Герцен. «Былое и думы», М. 1937, т. II, стр. 213).

62. П. Н. КУДРЯВЦЕВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

〈Москва.〉 17 декабря 1839 г.

...Я рад, что мне удалось моими библиографическими работами хотя отчасти оправдать вашу доверенность: впрочем вы уж слишком снисходительны ко мне. Признаюсь — я никак не считал себя способным к занятиям такого рода: во всем виноват Виссарион Григорьевич — так пусть он и отвечает за меня. Я же с своей стороны готов служить вам, чем могу.

КРАЕВСКИЙ И ТЕНЬ БЕЛИНСКОГО
Карикатура
Под рисунком подпись:
«*Стремление журналиста*
Тень труженика-критика: Ты строишь дом?
Журналист: Благодаря тебе и литераторам, на каменном фундаменте.
Тень: Так помни это».
А. М. Хлещенко (Хохол-карикатурист). «Очерки замечательных литературных деятелей по секрету для публики с натуры» СПб. 1860 г.

На вопрос ваш — согласен ли я на напечатание в «Записках» статьи, сообщенной вам Белинским,— я, к сожалению, не могу отвечать утвердительно; статья тогда же отдана была мною в полное распоряжение Виссариону Григорьевичу, и если он дает вам свое согласие, то и я не могу противоречить. В название также не вступаюсь: будет ли статья названа «Не вытанцовывается», или «Блудящие огни», или как иначе, для меня все равно [1]. С моей стороны только одно условие: я прошу вас не печатать под статьею моей фамилии; взамен ее могут остаться литеры *А. Н.*, которые, как, может быть, вам известно, я и прежде употреблял под моими статьями.

Автограф. ГПБ. Фонд Краевского («Письма»: «Д — К», л. 713—714).

Петр Николаевич Кудрявцев (1816—1858) — член кружка Белинского, сотрудник «Московского наблюдателя» и «Отеч. записок», ученик Грановского, впоследствии профессор всеобщей истории в Московском университете. Белинский высоко ценил Кудрявцева как беллетриста и критика и, уезжая осенью 1839 г. в Петербург, рекомендовал его Краевскому в качестве рецензента московских литературных новинок в «Отеч. записках» и «Лит. прибавл.». Однако Кудряцев очень скоро стал тяготиться обязанностями рецензента: «Право не знаю, насколько станет у меня терпения, — писал он 7 января 1840 г. Белинскому. — Нет, по совести, плохого нашли вы сотрудника Краевскому, и я, право, не знаю, с чего он взял писать ко мне такие комплименты, что я сгорел бы от стыда, если б мне пришлось читать это письмо при ком-нибудь другом. Чувствую, очень чувствую, что я вовсе не способен к этому делу и оправдываю себя только тем, что вы виноваты во всем — именно вы, потому что без вас никому бы и не пришло в голову употребить меня на такие вещи: так вы и отвечайте за меня Краевскому» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 37).

[1] Повесть Кудрявцева, названная им в рукописи «Блудящие огни», подарена была Белинскому для задуманного им летом 1839 г. альманаха. Опубликована она была в «Отеч. записках» в 1840 г. под названием «Недоумение».

63. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

Харьков, 16 января ⟨18⟩40

...Белинский крепко ошибается, смотря на Беттину только с литературной точки; в некотором отношении эта книга есть книга жизни[1] ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 71 об.).

[1] «Беттина» — Елизавета фон-Арним (1785—1859), немецкая писательница, книга которой «Переписка Гете с ребенком» (1835) приобрела мировую известность. В числе русских почитателей Беттины были Бакунин и Боткин (см. в настоящем томе, стр. 82—84). Оживлению интереса к Беттине очень содействовала книга Г. Маркграфа «Новейшая литература и культура в Германии», в которой дана была остроумная характеристика Беттины как типичной представительницы отживающего романтизма. Белинский весьма положительно оценил эту статью Маркграфа, реферированную Я. М. Неверовым во 2-й книжке «Отеч. записок» 1840 г. («Письма», II, 51).

64. И. И. ВВЕДЕНСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

Петербург, 2 марта 1840 г.

...Все добрые люди, к кому я ни относился с своею персоною, только лишь дивились моей безрассудности и легкомыслию, нисколько не облегчив моей участи. Нашелся только один, весьма бедный и недавно бывший в моем положении поставленный человек, который принял во мне живейшее, какое только мог, участие [1]. Ему-то обязан я тем, что могу дней пять не умереть с голоду, и тем, что имею возможность писать к Вам ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/6/48).

Напечатано с искажениями в книге Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. V, 1892, стр. 29.

Иринарх Иванович Введенский (1813—1855) — педагог, журналист и переводчик, глава литературно-политического кружка, близкого петрашевцам. Перейдя в начале 1840 г. из Московского университета в Петербургский, Введенский оказался в столице без всяких средств и обратился к Белинскому, оказавшему ему материальную поддержку (см. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 40).

[1] «Весьма бедный и недавно бывший в моем положении поставленный человек», о котором упоминает Введенский, — это, как нами устанавливается, Белинский. Зная резко отрицательное отношение Погодина к критику, Введенский намеренно не сообщил своему корреспонденту имени того, кто пришел ему на помощь в Петербурге.

Знакомство Белинского с Введенским оборвалось, вероятно, вследствие участия последнего в «Библиотеке для чтения» — органе, с которым Белинский вел борьбу на страницах «Отеч. записок» и «Лит. газеты». Возобновились их отношения не раньше осени 1847 г., в связи с участием Введенского в «Современнике» (переводы Диккенса, высоко оцененные Белинским).

65. А. А. КРАЕВСКИЙ — М. Н. КАТКОВУ

СПБ. 12 апр⟨еля⟩ 1840

...Стихов мне нужно — ваших, Красова, Ключникова и пр. и пр.; шлите больше и предоставляйте выбирать или себе, или мне. А Красову скажите, что стихотворения его получил я от Белинского, и, мне кажется, он напрасно так пренебрегает некоторыми из них: они всем нравятся [1]. Получает ли он «Отеч. записки»? Если нет, я приготовлю ему экземпляр, только куда адресовать — не знаю. Попросите его не сердиться на меня за то, что я без его позволения печатал его пьески; право, я считал их одним из лучших украшений моего журнала. А вы также не сердитесь на меня за то, что я похозяйничал в вашей статье об «Одес⟨ском⟩ альманахе», напечатанной в «Литерат⟨урной⟩ газете». Видите: у меня была напечатана уже статья об Альманахе в «Отеч. записках»; ваша пришла уже тогда, как книжка вышла, или готова уже была в типографии. Статью надо было напечатать в «Литер⟨атурной⟩ газете», а для сего нужно было, чтоб она не пошла врознь со статьею «Отеч. зап⟨исок⟩», выходящих из-под одной редакции с «Литературной газетой» [2]. Да притом же мне показалось, что вы немножко увлеклись доброжелательством в этой книжке. Чего щадить их? Душа моя не терпит этих нищих альманачников, которые ходят по дорогам, поют Лазаря и собирают статьи, а после печатают их — чорт знает для чего: книга не книга, журнал не журнал, а так что-то — пуф! Одну «Утреннюю зарю» должно хвалить, потому что, если не похвалишь, то после придется разделываться чуть-чуть не спиною [3] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 40/5). Конец письма утрачен.

[1] В. И. Красов в письме к Белинскому от конца марта 1840 г. просил не публиковать его старые стихи, а о новых, отправленных им в начале года Белинскому, но не дошедших до адресата, замечал: «Ты потерял мои стишонки — очень рад; почти что благодарю тебя за это; у меня самого не поднялась бы рука на свои собственные детища. И лучше, право, если бы и вовсе их не было — они были выражением жизни слишком ненормальной, идеально-плаксивой» и т. д. («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 113).

[2] Рецензия Каткова на «Одесский альманах» была опубликована в № 23 «Лит. газеты» от 20 марта 1840 г. и значительно переделана редакцией с целью сблизить ее с рецензией Белинского на этот же альманах, помещенной почти одновременно — в мартовской книжке «Отеч. записок» 1840 г. Вероятно, Катков заподозрел, что рецензия изменена была самим Белинским. См. письмо Белинского к Боткину от 15 апреля 1840 г. о «горьких жалобах» Каткова на «чью-то руку, исказившую его экстатическую статейку» («Письма», II, 114). См. также в настоящем томе сообщение «О рецензии на „Одесский альманах“», стр. 69—72.

[3] Альманах «Утренняя заря» издавался В. А. Владиславлевым, штаб-офицером корпуса жандармов.

66. И. С. АКСАКОВ — С. Т. и О. С. АКСАКОВЫМ

⟨Петербург.⟩ Воскресенье 28 апр⟨еля⟩ 1840

...Нынче, милые родители, получив ваши письма, я отправился к ⟨И. И.⟩ Панаеву — проведать о Кирше Данилове и, к счастью, наконец, получил его. Там застал я Белинского. Мы долго с ним разговаривали: он бранит себя, и свое поколение, сравнивая с следующим и нашим. Говорит, что признаки [этого] их поколения — непривычка к труду, малое знание, неполное образование, недоконченное [воспитание]; что сознание этого тяготит его, особливо когда он видит кого-нибудь из моложайшего поколения (если так можно сказать), бодрого, трудящегося, не столь безнравственного, как было их поколение в былые годы. Кажется, это сознание очень тяготит его, и он очень недоволен собою; но он очень рад, что в Петербурге, именно у нас в училище, это молодое поколение проявляется в своем настоящем виде, и пр.[1] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III,15-в).

[1] Горькие сентенции Белинского о трагической судьбе первого поколения последекабристской интеллигенции очень характерны для его переписки 1840—41 гг. 24 апреля 1840 г. Белинский писал П. Н. Кудрявцеву: «Я принадлежу к несчастному поколению, на котором отяжелело проклятие времени, дурного времени! Жалки все переходные поколения — они отдуваются не за себя, а за общество...» («Письма», II, 121).

Именно таково содержание скорбной и негодующей «Думы» Лермонтова, в которой поэт заклеймил свое «бесстыдно-малодушное» и «состарившееся в бездействии» *поколение*. Склонность к абстрактному «рефлектированию», аполитизм, апатическое примирение с существующим порядком вещей, столь типичное для идеалистического кружка, с которым незадолго до того порвал Белинский, были ему теперь глубоко ненавистны. «Реалистическое, т. е. положительно научное», по словам Герцена, направление петербургской учащейся молодежи возбуждало у Белинского живые надежды на лучшее будущее для молодого поколения.

67. К. С. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

〈Москва. Около 10 августа 1840 г.〉[1]

Станкевич умер [2]. Ты можешь представить себе, как это меня поразило 〈...〉 Если Виссарион не знает об этом, ты скажи ему, милый Иван. Скажи ему, что Ефремов с Станкевичем спали в одной комнате — поутру Ефремов встал будить его ехать, а он уже умер. Ефремов в волнении ужасном: письмо его от 14 июля нашего стиля. Он отправляет Станкевича в Россию 〈...〉 Я воображаю, что̀ будет смерть для Виссариона, для Виссариона особенно, и для Ключникова и Грановского 〈...〉

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III,127-д).

[1] Дата письма определяется временем получения Белинским извещения А. П. Ефремова о смерти Станкевича («Письма», II, 141).

[2] Н. В. Станкевич умер в Нови (Италия) в ночь с 24 на 25 июня 1840 г. А. П. Ефремов сообщил об этом Белинскому из Берлина в подробном письме от 21 июля 1840 г. («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 48—51). Сведения об обстоятельствах смерти Н. В. Станкевича К. С. Аксаков заимствовал из не дошедшего до нас письма А. П. Ефремова в Москву об этом же событии.

68. А. А. КРАЕВСКИЙ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

2 сент〈ября〉 1840. С. Петербург

...Слухи о моем отречении от журналистики распущены в Москве, вероятно, Смирдиным, недавно бывшим там и распускающим здесь точно такие же вести, хотя и безуспешно [1]. Нет, теперь-то именно я и не брошу журнала! «Отеч. записки», сколько слышно, расшевелили читающий люд, и уже образовалась сторона, воюющая за них против брамбеистов, гречистов и полевистов: теперь-то и действовать. Что «Отеч. записки» нравятся — это я вижу из того, что в нынешнем году подписка увеличилась 700 лицами, несмотря на голод и всеобщую нужду в деньгах; след〈овательно〉 есть люди, которые хотят читать их и которые дадут деньги на то, чтоб издавать их 〈...〉

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

[1] Слухи о предстоящем крахе «Отеч. записок» не прекращались в течение всего 1840 г. Эти слухи были особенно близки к истине весной 1840 г., когда Белинский писал Боткину: «Прошлого года „Отечественные записки“ имели о к о л о 1200 подписчиков, нынешний — 1375; за прошлый год на них долгу слишком 50 000, за нынешний будет около 40 000, итак к декабрю будет на них 90 тысяч долгу, да в придачу плохая надежда на 2250 подписчиков. Между тем, сделано все, что̀ можно, даже больше, что̀ можно было сделать: почти без денег основан был журнал, Краевский трудился и трудится до кровавого поту, аранжировано у него все необыкновенно хорошо, наконец, порядочные люди пристали к нему, дали ему направление, характер и единство (которые есть только в одной похабной «Библиотеке для чтения»), мысль, жизнь, одушевление (которых нет ни в одном журнале); повестей и стихов таких тоже нигде нет, отделения разнообразны — чего бы еще? А между тем хоть тресни!» Ср. его же письмо от 16 апреля 1840 г. («Письма», II, 90 и 102—103). Очень характерно замечание В. А. Солоницына, помощника редактора «Библиотеки для чтения», в письме к Е. Ф. Коршу от 20 мая 1841 г.:

«Город беспрестанно твердит, что „Отеч. записки“ прекратятся от денежной несостоятельности, но журнал выходит себе очень исправно, на зло крикунам» («Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 373—374 и 386). О тяжелом положении «Отеч. записок» в начале 1841 г. см. далее в письмах №№ 81 и 85.

69. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

〈Петербург.〉 14 сентября, суббота 〈1840 г.〉[1]

...У меня вчера был Белинский. Говорит, что слишком тяжело жить. Кланяется Косте и желает, чтоб он прожил полгода в Петербурге!. В этом есть правда[2].

ЦГИАЛ. Фонд Аксаковых (№ 884, ед. хр. 27, л. 201 об.).

[1] Дата уточняется содержанием опускаемой части письма: сообщением о предстоящей женитьбе В. А. Жуковского, состоявшейся в апреле 1841 г.

[2] Незадолго до того, 23 августа 1840 г., Белинский писал К. С. Аксакову: «У нас нет ни политической, ни религиозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатия, томление в бесплодных порывах — вот наша жизнь 〈...〉 Гадко, гнусно, ужасно! Нет больше сил, нет терпенья» («Письма», II, 154).

70. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

1840. Сентябрь 22. Москва

...Сей час только получил письмо ваше, которое тут же, в один глоток, прочел. Я всегда пожираю с жадностью каждую вашу строку, каждую

Изъ книгъ Михайлы Щепкина

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ.

ПЕРЕПИСКА ЕГО И БІОГРАФІЯ

НАПИСАННАЯ

П. В. АННЕНКОВЫМЪ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1857.

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ П. В. АННЕНКОВА «НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СТАНКЕВИЧ» ИЗ БИБЛИОТЕКИ М. С. ЩЕПКИНА С АВТОГРАФИЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ АКТЕРА

Библиотека Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского

новость о литературе Петербурга вообще и об «Отечественных записках» с «Литературной газетой» в особенности ⟨...⟩

Так как вы откровенно объяснили отношения ваши к Межевичу [1], то позвольте и мне заплатить вам тою же откровенностью. Давно собирался я поговорить с вами об этом, но удерживала меня боязнь показаться в глазах ваших или завистливым, или несправедливым, или тем и другим вместе. Теперь вижу, что время оправдывает меня, и беру смело перо в руки. В. С. Межевич, несмотря на многие из его достоинств, заставляющие быть с ним знакомым, если не дружным нараспашку, принадлежит к числу тех людей, которых обыкновенно называют людьми себе на уме [2]. Другими словами: он будет с вами состоять в приязни, но при первой невзгоде, угрожающей его карману, оставит вас, не с тем, разумеется, чтоб повредить вам (нет, до такого предела он не дойдет), но с тем, чтоб не повредить своим выгодам вещественным — оставит без сожаления, прикрыв свой переход на другую сторону благовидным предлогом. У меня лежали на душе два или три обстоятельства, которые скрывал я от вас и которые теперь время открыть (да будет это, ради бога, между нами!).

1) Вы знаете, каким образом вступил Межевич в сотрудники «Литературных прибавлений» и — бог видит, я обрадовался его сотовариществу искренно, без малейшей тени зависти или состязания. Статьи его о театре пленили вас: они действительно очень хороши. Вы пригласили его в Петербург для переговоров. По возвращении его из Петербурга, поведение его со мною так было двусмысленно, так противно правилу товарищества, что я некоторое время считал себя как бы устраненным от дел по «Отечественным запискам». Начать с того, что он, увидевшись со мной, говорит, что он взял на себя обязанность написать для «Отечественных записок» такие-то и такие-то статьи (в том числе о словаре Рейфа, о Грамматике вообще, о Риторике и проч. и проч.). Истинный товарищ поступил бы иначе; он сказал бы: Алексей Дмитриевич! я хочу писать о том-то и том-то; не столкнемся ли мы с вами в выборе предметов? тем более, что мы, некоторым образом, занимаемся одним и тем же.— Далее: на вызов П. И. Артемова [3] работать в «Отечественных записках» он отвечает при моих глазах: извольте, я напишу об этом к Краевскому. Опять он должен бы сказать: вот мы с Алексеем Дмитриевичем напишем к Краевскому. И кому же говорит он? Сплетнику Артемову, который при нем неоднократно ругал и вас, и «Отеч. записки», и все, что принадлежит к ним.

В-третьих, уезжая окончательно в Петербург, он не только не посоветовался со мной о передаче своего сотрудничества по театральной критике, но даже и не заблагорассудил сказать мне, кому он передал свою обязанность, тогда как, вы сами знаете, эту обязанность препоручили вы ему с общего, так сказать, согласия. Не так бы поступил я; не так бы, мне кажется, должен поступить и всякий, у кого в голове и сердце, кроме денег, денег и денег, есть кое-какие думы и желания повыше, почище, поблагороднее. Сначала, признаюсь вам, такая поведенция товарища смутила и раздражила меня; но потом, прочтя систему философии Спинозы, перестал сердиться, ибо уверился, что человек не может и не должен итти против своей натуры ⟨...⟩ В припадке моей горячности и видя себя как бы уклоняемым от «Отечественных записок», я возымел было мысль перейти к «Сыну отечества» ⟨...⟩ К счастию, у меня не было сильного желания поступить под знамя «Сына отечества», а у «Сына отечества» не было возможности набирать сотрудников — и все компанство кончилось одной статейкой. Что ж потом вышло? Вас⟨илий⟩ Степ⟨анович⟩, столько вами обласканный, взял на свои руки «Галатею» и вовсе не радел о библиографии «Отечественных записок». Вы знаете число и качество статей, посланных им в то время. Что ж вышло еще позднее? Вас⟨илий⟩ Степ⟨анович⟩, выписанный вами, переходит к Булгарину и Гречу... От чего? От того, что там

более денег и вернее может быть получение. Конечно, эгоизм извинит его, но едва ли он *оправдается в глазах истинного* чувства. *Воля* ваша, это не хорошо. И *я вижу так же* ясно, как вы, что вам, с вашим образом мыслей, не должно было с ним сходиться. Вы не понимаете, как можно работать для «Северной пчелы» и не разделять с ней мнений... Я этого также не понимаю: нельзя работать богу и мамоне. Здесь одно средство спасения: можно не иметь никакого образа мыслей, и это так же постыдно, как обниматься с Булгариным. Примирить «Отечественные записки» с «Северной пчелой»—

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ
Портрет маслом А. В. Тыранова, 1837 г.
Третьяковская галлерея, Москва

это просто химера, и кто имеет хоть малейшее понятие об этих двух изданиях и об их издателях, тот ясно увидит, что эти слова: помирить «Отечественные записки» с «Северной пчелой» — составляют дырявую покрышку двусмысленного поведения, извинение своего уклонения — не более ⟨...⟩ Я остаюсь при следующем мнении: с Вас⟨илием⟩ Степ⟨ановичем⟩ *надобно знакомиться, но не дружиться*, давать руку, но не жать ее, кланяться, но не обниматься. Вот вам моя чистосердечная исповедь. Ради бога, пусть останется это навсегда между нами, и письмо мое сожгите тотчас по прочтении ⟨...⟩

Каткову, Белинскому и Панаеву мои нижайшие поклоны и дружеское рукопожатие.

Автограф. ГПБ. Фонд Краевского («Письма»: «Г», лл. 21—28).

Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892) — журналист, историк литературы, педагог и беллетрист, товарищ Белинского по работе в изданиях Краевского, в которых в течение многих лет рецензировал книги, выходившие в Москве; автор воспоминаний о Белинском («Исторический вестник», 1892, I, стр. 128—144). Краткий обзор писем А. Д. Галахова к А. А. Краевскому опубликован М. К. Клеманом в сб. «Венок Белинскому», М., 1924, стр. 141—151. Об отношениях Галахова и Краевского после основания «Современника» см. далее — письмо № 133.

[1] Василий Степанович Межевич (1814—1849) — журналист, товарищ Белинского по Московскому университету и по работе в «Телескопе» и «Молве», впоследствии ближайший сотрудник «Галатеи» (1839), «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» (1839) и «Отеч. записок», редактор «Лит. газеты» (1840), «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» (1839—1849), «Репертуара и пантеона» (1843—1846), литературный и театральный критик «Северной пчелы» (1840—1848). Яркая памфлетная характеристика Межевича дана была в очерках Панаева «Литературная тля» («Отеч. записки», 1843, II) и «Петербургский фельетонист» («Физиология Петербурга», ч. II, 1845, стр. 235—276). Ср. данные о нем же в «Воспоминаниях И. И. Панаева», М.—Л., 1928, стр. 225, в «Воспоминаниях А. Я. Панаевой-Головачевой», М., 1948, стр. 114—119, а также в библиографической сводке А. С. Полякова в комментариях к изданию «В. Г. Белинский. Пятидесятилетний дядюшка. Неизданный текст», П., 1923, стр. 156—157.

[2] Письмо Краевского к Галахову о В. С. Межевиче, ответом на которое является публикуемое выше письмо, неизвестно. Белинский в письме к Н. Х. Кетчеру от 16 августа 1840 г. восклицал по поводу Межевича, отдыхавшего в Москве: «Экая апатическая, чуждая всякого интереса натура! 〈...〉 Изленился, стал барином. „Полицейскую газету“ и „Литературную газету“ у него издает наборщик Анемподист, который в образованности, уме и талантах не уступит не только Межевичу, но и самому коту Мурру, но который все-таки — наборщик...» («Письма», II, 150). Однако уже 31 октября 1840 г., в письме к В. П. Боткину, Белинский выдвигает против Межевича, перешедшего в «Северную пчелу», более серьезные обвинения: «Скажи Кетчеру, что способности сего кроткого юноши быстро развились. Греч говорит, что никто так хорошо не понимал его и не действовал в его духе, как Межевич; а Булгарин говорит: не умру, но жив буду в Межевиче. В самом деле, он подозревается в таких поступках, которым позавидовали бы и Греч с Булгариным» («Письма», II, 177).

[3] Петр Иванович Артемов — московский литератор, редактор «Листка», в котором дебютировал Белинский в 1831 г. См. о нем в сообщении «Белинский и „Листок“»—«Лит. наследство», т. 57, стр. 236—238.

71. С. Т. АКСАКОВ — О. С. и К. С. АКСАКОВЫМ

〈Петербург.〉 1840, октября 3

...Вчера целый вечер сидели у меня И. Панаев и Белинский: я с удовольствием поговорил с ними. Часто разговор обращался на тебя, мой дражайший Константин 〈...〉[1]

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 238 об.).

[1] В письме к К. С. Аксакову от 23 августа 1840 г. Белинский писал: «Я слышал, что Сергей Тимофеевич скоро будет в Питере — очень приятно будет мне увидеться с ним» («Письма», II, 154).

72. М. П. ПОГОДИН — А. А. КРАЕВСКОМУ

〈Москва.〉 30 октября 1840 г.

...Я всегда отдавал справедливость «Отечественным запискам» за их благонамеренность и добросовестность — но, ради создателя, остерегайтесь печатать такие нелепости, какие указал Полевой, например [1]. Не принимайте всякого вздору от москов〈ских〉 юношей и мальчишек, которые, не понимая дела, мелют всякий вздор, что придет в голову [2]. Можно ли соглашаться с ними! 〈...〉

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Н — П», л. 479).

[1] Погодин имеет в виду резкий выпад Н. А. Полевого против Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1838—1839 гг.»: «Критики, у которых в иной фразе смысла не добьетесь, толкуют с важностью о слоге, и, забывши прекрасные начала трудов наших филологов, забывая язык наших Жуковских, Батюшковых, Пушкиных, мы пишем варварским наречием, какое выдумывают недоученные юноши, гегелисты, с чу-

жого голоса передающие, что слышали и не поняли» («Сын отечества», 1840, I, стр. 438—439). Статьи Белинского подвергались нападкам Полевого и в «Лит. известиях» апрельской книжки «Сына отечества», что вызвало резкую отповедь Белинского в «Лит. газете» от 6 июля 1840 г.

[2] В ноябре 1840 г. Н. Ф. Павлов имел личное объяснение с Краевским, которого он также обвинял в потворстве «московским юношам», т. е. молодым рецензентам «Отеч. записок» (см. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, стр. 501. См. ниже письмо № 80).

73. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

⟨Петербург.⟩ 1840, ноября 18 понедельн⟨ик⟩

...В наше несчастное, позорное в литературе время, благородным людям осталось одно — молчание... И ничего нет выше как священное молчание Москвы. В субботу просидели вечер у меня И. И. Панаев и Белинский и рассказывали мне разные события и обстоятельства. Это просто...— да нет — не нахожу слов, чтоб определить состояние нашей литературы [1]... Но всего хуже, что я ни малейшей надежды к улучшению не вижу ⟨...⟩ Костю обнимаю особенно: Пан⟨аев⟩ и Бел⟨инский⟩ ему очень кланяются [2] ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 119—119 об.).

[1] Писано под впечатлением беседы с Белинским и Панаевым о петербургской литературно-общественной жизни. Именно в эту пору определился отказ Белинского от «примирения с гнусною расейскою действительностию», как с «китайским царством материальной животной жизни, чинолюбия, крестолюбия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торжества бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности,— где все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах, где свобода мыслей истреблена ⟨...⟩, где Пушкин жил в нищенстве и погиб жертвою подлости, а Гречи и Булгарины заправляют всею литературою, помощию доносов и живут припеваючи...» («Письма», II, 186—187). Характерно, что если Белинский звал к борьбе с «действительностью», которая обеспечивала торжество реакции, то С. Т. Аксаков наивно рекомендовал всем «благородным людям» в литературе только «молчание». Это «священное молчание Москвы» как форма бойкота николаевской России обусловило на некоторое время отказ С. Т. Аксакова от поддержки «Москвитянина».

[2] В тот же день В. С. Аксакова сообщала своей матери: «Недавно был у отесеньки Панаев с Белинским, он и прежде рассказывал отесеньке про все отвратительные проделки здешних литераторов, трудно поверить, невольно приходят на память все определения Константина и находишь их не преувеличенными, как, наприм⟨ер⟩: что это труп безжизненный, [гниение] и т. п. Но придет время, когда Петербург с своей литературой займет ему должное место» ⟨...⟩ (ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, ед. хр. 14, л. 54 об.).

74. К. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Конец ноября 1840 г.⟩[1]

...Я не читал статьи Белинского о Ломоносове, потому что не получил «О⟨теч.⟩ записок» этого номера [2]. Я воображаю, что наврано о Ломоносове; на это точно надо отвечать диссертацией [3]. Я очень хорошо понимаю таких людей, как Белинский; мне теперь ясно довольно (кажется) стало, какой смысл имеет этот кружок, в чем его временная польза, достоинство и в чем нелепость и ложь [кажется прошло время] теперь уже Белинского и пр. толки и часто вранье становится не ко времю; теперь оно делает уже вред с некоторым ограничением. Но об этом я теперь не стану распространяться, а предвижу, что мы с Белинским так схватимся литературно, как еще никто с ним не схватывался; надо Б⟨елинского⟩ определить и поставить на его место, какое он занимает. Или мы с Белинским навсегда разделимся или он уступит мне; а я уж ему не уступлю. Но это мне никогда не будет мешать отдавать ему должное достоинство ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 3, л. 4—4 об.).

[1] Дата письма определяется его содержанием — откликом на слухи о статье Белинского в 11-й книжке «Отеч. записок», вышедшей в свет около 15 ноября 1840 г.

[2] Под «Статьей о Ломоносове», воспринятой К. С. Аксаковым как литературно-политический вызов, он имел в виду рецензию Белинского на трехтомное собрание сочинений М. В. Ломоносова, вышедшее в свет в 1840 г. Основные положения Белинского сводились к тому, что «в трудах и жизни Ломоносова гораздо больше поэзии, чем в его вдохновениях, принявших на себя форму тяжелых стихов» (V, 430—433). Противопоставляя Ломоносова — гениального русского ученого Ломоносову-одописцу, Белинский давал бой официозной историографии, канонизировавшей Ломоносова-поэта и замалчивавшей Ломоносова — основоположника русской национально-демократической культуры.

Пламенный пропагандист творческих достижений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Белинский утверждал, что оды Ломоносова — не вершина русской поэзии, а давно пройденный ее этап. Эти высказывания Белинского вызвали в реакционных литературных кругах настоящую бурю. А. В. Кольцов, бывший в это время в Москве, писал Белинскому 15 декабря 1840 г.: «За критику о Ломоносове в Москве все люди старого времени вас бранят на чем свет стоит, и даже Константин Аксаков пишет об нем диссертацию в опровержение вашего мнения».

[3] Диссертация, которой К. С. Аксаков собирался ответить Белинскому, вышла в свет только через шесть лет («Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», М., 1846).

75. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

〈Петербург.〉 30 ноября 〈1840〉[1]

...Обнимаю лишний раз Михаила Семеновича за то, что он не стал петь куплеты на Белинского [2] 〈...〉

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 158).

[1] Дата письма (год) определяется его содержанием.

[2] «Куплеты на Белинского» — памфлетные стишки П. А. Каратыгина в его водевиле «Авось, или сцены в книжной лавке» («Репертуар русского театра на 1841 г.», I, стр. 1—16). Премьера этого водевиля в Петербурге состоялась в бенефис автора 7 ноября 1840 г. Белинский был задет в двух строфах о статьях критика Крапивина:

Читать нет средства этих вздоров!
Крапивина прошу понять:
Его критических разборов
Сам чорт не мог бы разобрать.

Весь образом каким-то дивным
Он бесконечно просветлел;
И субъективно-объективным
Всем абсолютно надоел.

В Москве водевиль П. А. Каратыгина шел в ноябре 1840 г. Отказ М. С. Щепкина исполнять куплеты, оскорбительные для Белинского, являлся открытой демонстрацией дружеского отношения великого артиста к критику.

76. С. Т. АКСАКОВ — О. С. и К. С. АКСАКОВЫМ

〈Петербург. 1—2 декабря 1840 г.〉

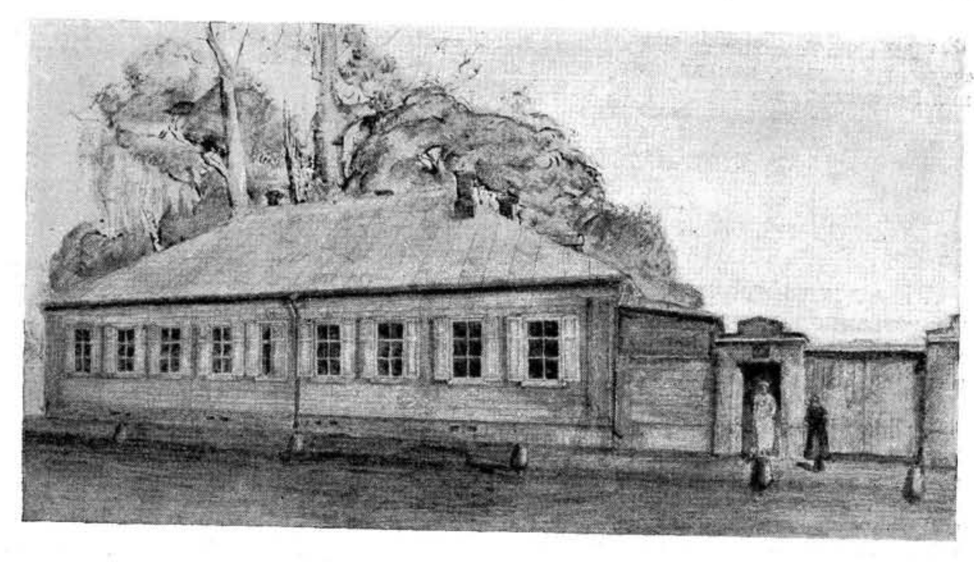
...Вообрази, мой милый Костя, что над флигелем, где живет Белинский, развевается красный флаг!.. Причины не могу добиться [1] 〈...〉

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 154).

[1] Дата письма, на котором сохранилась позднейшая отметка: «Из пачки 2 октября — 1 декабря 1840 г.», уточняется содержанием опускаемой части письма.

С 7 ноября 1840 г. Белинский жил во флигеле дома Бема, против Академии художеств («Письма», II, 177).

Не исключена возможность, что упоминание о «красном флаге» следует понимать как свидетельство о революционных настроениях Белинского, поразивших Аксакова.

ДОМ Н. Х. КЕТЧЕРА У ПОКРОВСКОГО МОСТА В МОСКВЕ
Рисунок неизвестного художника, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

77. К. С. АКСАКОВ — Г. С. АКСАКОВУ

〈Москва. Около 10 декабря 1840 г.〉[1]

Прошу тебя, милый брат и друг Гриша, доставить это письмо немедленно Белинскому, это нужно. Я отдал один перевод свой в «Москвитянин», а этот перевод у них: хотя я и уверен почти, что они не поместят его, но все боюсь, чтобы этого не вышло и чтоб перевод не был напечатан в двух журналах, тогда это будет очень неприятно [2] 〈...〉

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 3, л. 23).

[1] Писано на конверте, в котором находилось не дошедшее до нас письмо К. С. Аксакова к Белинскому. Дата определяется ответом С. Т. Аксакова от 15 декабря 1840 г.: «Письмо Белинскому доставлено» (Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 16 об.).

[2] Перевод «Из Фауста» опубликован был К. С. Аксаковым в «Москвитянине», 1841, I. Об этом переводе см. далее письмо № 81.

78. В. П. БОТКИН — К. А. ГОРБУНОВУ

Москва. 20 дек〈абря〉 1840

Если можно, обнимите за меня Виссариона — крепко, крепко и пожмите его руку так, как Вы бы пожали руку самого лучшего и дорогого Вам человека — это от меня. Скоро буду писать к нему. Вчера я получил его письмо [1]. Кольцов еще в Москве [2]. Спешу переписать и послать Джемсон, ко 2-му № поспеет [3]. Это время я был нездоров недели 2 — и делать ничего не мог. Отвечайте скорее. Никольского еще не видал — он прислал письмо, а сам не так здоров [4].

Автограф. ИРЛИ. Фонд К. А. Горбунова (9183/LII-б, 56).

[1] Письмо от 10—11 декабря 1840 г., первая часть которого, анализировавшая причины разрыва Белинского с А. А. Бакуниной, являлась, по словам самого Белинского, «целой диссертацией о любви и женщине» («Письма», II, 178—194).

[2] Кольцов пробыл в Москве с 27 ноября 1840 до 4 февраля 1841 г.

[3] Во 2-й книжке «Отеч. записок» 1841 г. помещена статья Анны Джемсон (1797—1860) «Женщины, созданные Шекспиром», в переводе и с предисловием В. П. Боткина. См. отклик Белинского на эту статью («Письма», II, 217).

[4] Алексей Тимофеевич Никольский — художник, приятель К. А. Горбунова, «чудесный малый», как характеризовал его Белинский. Именно с Никольским отправил Белинский свое письмо к В. П. Боткину от 10—11 декабря 1840 г.

79. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

6 января 1841 г., с. Коноплино
⟨Тверской губ.⟩

...Продолжайте ратовать за все истинное и прекрасное в литературном и нравственном мире и верьте, что вашего полку день ото дня прибывает. И в нашей глуши начинают уж ценить вас ⟨...⟩ Благородному сподвижнику Виссариону Григорьевичу мой сердечный поклон [1] ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд Краевского («Письма»: «Л — М», л. 15).

[1] Личные и литературные отношения И. И. Лажечникова с Краевским и редакцией «Отеч. записок» были закреплены, вероятно, при содействии Белинского, во время пребывания автора «Ледяного дома» в Петербурге в январе 1840 г. («Письма», II, 25 и «Воспоминания А. Я. Панаевой-Головачевой», гл. V). В обзоре «Русская литература в 1840 г.» («Отеч. записки», 1841, II) Лажечников был охарактеризован Белинским как «богатый талант», «горячее сердце», «благородная, возвышенная душа» (см. «Заметки для биографии Белинского», напечатанные Лажечниковым в «Московских ведомостях», 1859, №№ 17 и 31). Письма Лажечникова к Белинскому опубликованы в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 174—190. Ответные письма Белинского не сохранились.

80. М. П. ПОГОДИН — А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨Москва.⟩ 7 января 1841 г.

...Вот вам и «Москвитянин»! Честь имеем рекомендоваться.

В благонамеренности и добросовестности вашей мы убеждены и надеемся жить ладно,— но ваши сотрудники! Они несут иногда такую околесную, что, право, читать совестно. Пав⟨лов⟩ не сказал мне ничего в объяснение [1]. Да что вы их не удерживаете? Не давайте им разбирать ничего важного — вот и вся история. Пусть они тешатся над мелочью. Философию я уважаю, но толки об ней и толки людей, которые в глаза ее не видали, возбуждают негодование.

Хотя услуга нам при нужде дорога[2],

но и проч.

Я буду стараться, чтобы уклониться от состязания, с кем бы то ни было, и делать спокойно свое дело, но, может быть, меня вызовут, против воли. Вообще — я хотел завести журнал, но я не останусь при нем долго. История меня призывает.

Уведомь⟨те⟩ меня, если достанет время, о разных толках, кои будут о журнале ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Н — П», л. 480).

[1] Желая поддерживать «дипломатические» отношения с «Москвитянином», начавшим выходить с января 1841 г., Краевский писал Погодину по прочтении объявления об издании московского журнала: «От всего сердца приветствую „Москвитянин“. Прошу его любить меня да жаловать. Пора, давно пора было вам приняться за это доброе дело!.. О прочих вещах, как, например, о статьях московских юношей и пр., я говорил много с Н. Ф. Павловым, который передаст вам все» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, стр. 501). Что именно говорил Краевский Павлову о «московских юношах» — точно не известно; Белинский в письме к В. П. Боткину от 14 марта 1840 г. писал, что «на письмо Павлова о вредности моего влияния на журнал он ⟨Краевский⟩ отвечал коротко и ясно: за дружеские советы благодарю, а намеков не понимаю» («Письма», II, 92).

[2] Первая строка из басни Крылова «Пустынник и медведь».

81. А. А. КРАЕВСКИЙ — М. Н. КАТКОВУ

С.-Петербург $\frac{\text{9 января}}{\text{21 января}}$ 1841

Бог с вами, милейший Михаил Никифорович! Вы на нас такую взвели вину, от которой свет солнечный мог бы померкнуть, камни распасться и тела умерших восстать. Мы вас забыли! да как это могло прийти вам в голову? Напротив, если б вы невидимкой могли присутствовать на наших беседах, как часто слышали бы вы свое имя при воспоминаниях о вас и при вопросах: что-то вы теперь поделываете, с кем вы и как вы?.. Не писали мы или, лучше, не писал я, право, от угрызений совести: перо выпадало из рук, когда я собирался было писать к вам и послать письмо без переводного векселя. А где было взять денег? Мошенник Поляков мошенничал по обыкновению и по натуре своей водил всех за нос, обещал все нынче да завтра; голодные подписчики не являлись до половины декабря. Но как только я собрал первые деньги, тотчас и отправил вам вексель на 500 р. (300 за Полякова, который все-таки не приносил денег) и 200 в уплату за «Отеч. зап‹иски›»; с сим векселем отправил я вам счет долга, лежащего на «О‹теч.› з‹аписках›» относительно вас, и это, по совету Языкова, адресовано в наше посольство, в Берлин[1], отправлено же в двадцатых числах декабря, хорошенько не помню, когда именно. А в посольство решились мы адресовать потому, что в первом письме вы не написали своего адреса. Паки и паки прошу у вас прощения, что ввел вас в неприятное положение, которое вполне понимаю и, ей-богу, душевно сочувствую вам. Но что же было делать? Мерзость несказанная — жить без денег да еще вводить в хлопоты такого милого и доброго приятеля, как вы. Ну, полноте же сердиться! Поцелуемтесь. Получили ли вы вексель и наше соборное послание?

«Ромео и Юлия» поступила в Пантеон и напечатается в первой его книжке. Театральная цензура пропустила ее, и она на-днях играется, если уж и не игралась ли в Москве. Об успехе уведомлю, когда узнаю. «Отеч. записки» нынешнего года будут доставляться вашему братцу с тем, чтобы он пересылал их вам. Если же ему этого сделать нельзя будет, то он будет пересылаться вам от меня через Ригу. Теперь здесь Неверов, инспектор Рижской гимназии; он берется доставлять аккуратно экземпляр «От‹еч.› записок» Варнгагену, с которым знаком, и к вам [2]. Делайте же из них доброе употребление для немецких журналов, говорите о честных русских литераторах и журналах с подобающей честию, а о мошенниках яко о мошенниках.

У нас, в так называемой литературе, тихо и глухо, как никогда не бывало. Лермонтов прислал мне одно чудесное стихотворение[3], он жив и здоров. Кольцов выехал из Москвы, в Москве написал он множество. Красов отдумал печатать собрание стихотворений своих до осени. Кудрявцеву попечитель предложил кафедру истории, и он готовится к ней. Сатин напечатал свою «Бурю» — перевод, местами прекрасный, но большею частию жидкий; предисловие стихами прелестное. Кетчер как блины печет переводы драм Шекспира: «Генрих IV», обе части, «Король Иоанн» уж в цензуре; собирается печатать всего Шекспира. Панаев чуть не попал на гауптвахту за свою повесть «Прекрасный человек», напечатанную в ноябрьской книжке «От‹еч.› записок», где он подсмеивается над офицером [4]. Теперь пишет новую повесть, руками он махает попрежнему и беспрестанно твердит наизусть первую пошлость, какая ему попадется. Белинский свирепствует и ярится, как и при вас: он наконец совсем рассорился с русской действительностью; был болен, теперь выздоровел. ‹М. А.› Языков все так же мил, как и прежде; рассказывает, прихрамывая, ежедневные свои похождения и кладет всех нас в лоск от смеху‹...› Появились новые и обновленные журналы: «Русский вестник», апатическая вещь, сбор общих мест,

громких фраз и нелепостей первой величины. Публика, приманенная дешевою ценою, бросилась на него ужасно, но как увидела первую книжку (дураки-то поторопились издать ее) отпрянула, и теперь повсюду слышны ругательства на шарлатанов-редакторов [5]. «Москвитянин» в Москве вышел, но сюда не приезжал еще. Судя по оглавлению, напечатанному в «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩», первая книжка его разнообразна и интересна. Только там, говорят, статья Шевырева о Европе ученой и литературной — больно плоховата [6]. Аксаков также со своим отрывком из «Фауста», забракованным мною [7], там же Языков, Хомяков, Вельтман. «Сын отечества» переменил формат и сделался красив, но пуст и глуп попрежнему. «Библиотека для чтения» ударилась в такие похабные статьи и матерные фразы, что, наконец, цензурное начальство хочет формально судить редакцию и цензоров. В «Сев⟨ерной⟩ пчеле» только одна новость: Межевич открыто начинает ругать «От⟨еч.⟩ зап⟨иски⟩» и «Лит. газету», подписываясь Л. Л. Маска, т. е. снята уже [8].

«Отеч. записки», говорят, весьма похваляются всеми вообще; они, видимо, взяли корень и сделались нужны публике. Подписка на них в Петербурге идет хорошо; в Москве плохо, как и на все журналы! Причиною этого неурожай и голод. Подождем, что будет в январе, феврале и марте. Труден был прошлый год, не тем покойник будь помянут. Авось не легче ли будет нынешний. Теперь стараюсь уплачивать должишки, хоть понемногу.

А вы, что вы? Что с вами? Жду от вас преподробного и преогромного письма. Описывайте все, что с вами делалось и делается. Пишите ко мне, а читать мы будем все купно, собравшись в кружок. Да, господа ради, собирайте как можно больше новостей о германской литературе и искусстве вообще; указывайте нам, что̀ переводить, откуда взять и пр. ⟨...⟩ Получил я роман Тика «Vittoria Accorombona», который, говорят, наделал много шума в Германии, хочу перевести в «Отеч. записки»[9].

Подбивайте и г. ⟨А. П.⟩ Ефремова (которому мой поклон) работать для «Отеч. записок», за все, за все вам будет от нас низкое спасибо. Да пишите больше и чаще. Спрашивайте меня о чем хотите, на все буду отвечать вам полностию ⟨...⟩

Рукописная копия. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 40/5, лл. 3 об. — 8 об.).

[1] Книготорговец В. Поляков, издатель журнала «Пантеон», приобрел право на помещение в своем журнале трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводе Каткова. Деньги должны были быть выплачены немедленно по напечатании пьесы, на что и рассчитывал переводчик, выехавший 19 октября 1840 г. в Берлин «с пустым карманом и, что еще хуже, с головой, полною фантазерства и пьяных надежд» (см. С. Неведенский. М. Н. Катков и его время, СПб., 1888, стр. 68). Эпизод этот описан в «Воспоминаниях И. И. Панаева», «Academia», 1928, стр. 380—383.

[2] О Я. М. Неверове см. в предисловии к наст. публ. и на стр. 291—300. См. также ниже адресованные ему письма (№№ 97 и 99).

[3] Стихотворение Лермонтова «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), напечатанное в «Отеч. записках», 1841, I.

[4] Повесть Панаева «Прекрасный человек» («Отеч. записки», 1840, XI). Автор чуть не попал на гауптвахту из-за того, что в ней упоминался «измайловский офицер, пропахнувший Жуковым», т. е. известным «жуковым» табаком. Эта строчка признана была оскорбительной для чести лейб-гвардии Измайловского полка (см. «Письма», II, 187).

[5] «Русский вестник»— ежемесячный журнал, реорганизованный в 1841 г. Н. И. Гречем, Н. А. Полевым и Н. В. Кукольником.

[6] Статья Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы». См. далее отклик К. С. Аксакова на эту статью в письме № 82.

[7] О переводе К. С. Аксакова «Из Фауста» см. выше письмо № 77.

[8] О переходе В. С. Межевича в «Северную пчелу» см. письмо № 70 и прим. к нему.

[9] «Витториа Аккоромбона» — роман Людвига Тика, перевод которого напечатан был в «Отеч. записках», 1841, III—IV. В этом романе трактовался вопрос об эмансипации женщин. «Ныне, вероятно, никто не в состоянии был бы осилить „Витторию Аккоромбону“, — писал Н. Г. Чернышевский в 1856 г., — а пятнадцать лет тому назад и этот роман казался живым и интересным чтением» (Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, т. III, СПб., 1906, стр. 211).

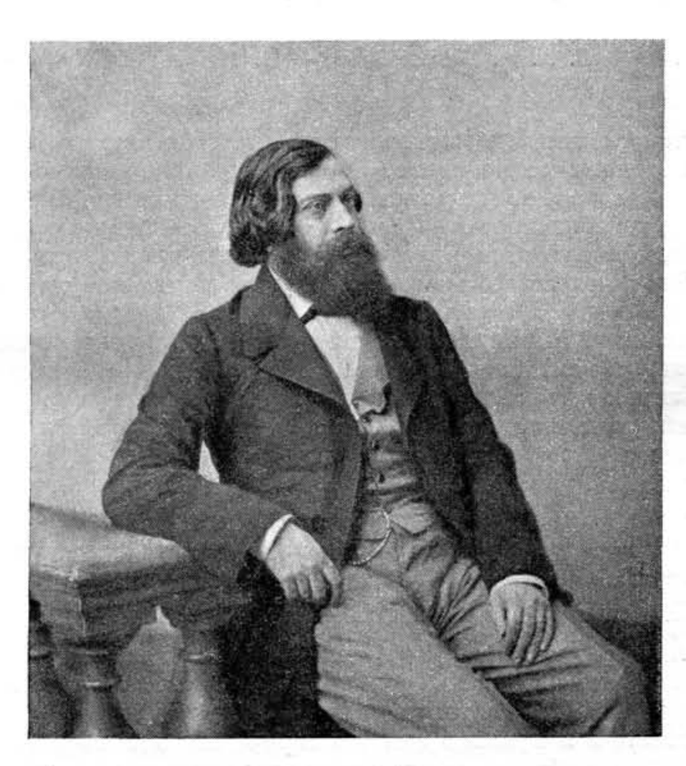
82. К. С. АКСАКОВ — В. А. ПАНОВУ

⟨Москва. 17—23 января 1841 г.⟩

...Есть у нас теперь журнал: «Москвитянин»; но он не представитель Москвы. Шевырев врет ужасно против философии[1]. Белинский врет еще больше о философии. Наружность не завидна ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд Аксаковых (№ 883, ед. хр. 17, л. 45 об.). Приписка к письму С. Т. Аксакова от 17—23 января 1841 г.

Василий Алексеевич Панов (1819—1849) — писатель-славянофил, автор брошюры «Путешествие по землям западных и южных славян».

Н. М. САТИН

Фотография 1850-х гг.

Исторический музей, Москва

[1] Отрицательная характеристика программной статьи Шевырева в первом номере «Москвитянина» (см. выше письмо № 81) свидетельствует о том, что группа Погодина, Шевырева, М. А. Дмитриева, Ф. Н. Глинки и др. еще не установила общего языка с К. С. Аксаковым.

83. М. Н. КАТКОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Берлин. 1841 февр⟨аля⟩ $\frac{7}{19}$

...Скажите всем моим приятелям, что я очень часто об них вспоминаю, и просите их писать ко мне как можно больше[1] ⟨...⟩

Что Белинский — здоров ли? Как чувствует себя внутри? Скоро я напишу к нему[2].

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Д — К», л. 491 об.).

[1] Ответ Краевского Каткову см. ниже письмо № 85.

[2] Письмо, о котором упоминает Катков, до нас не дошло, но об ответе на него Белинский упоминал в своем письме к В. П. Боткину от 9 апреля 1841 г. («Письма», II, 238).

84. В. П. БОТКИН — К. А. ГОРБУНОВУ

Москва, 22 февр⟨аля⟩ 1841

...Буду в Питере [1], увижу Белинского, Вас, Языкова [2]— увижу много хорошего, чего прежде не понимал — и на что не умел смотреть ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд К. А. Горбунова (9183/LII-6, 56).

[1] Боткин приехал в Петербург 17 марта 1841 г., но уже через десять дней, вследствие неожиданной смерти матери, должен был выехать в Москву. См. об этом письмо Белинского от 6 апреля 1841 г. к Н. А. Бакунину («Письма», II, 235).

[2] Михаил Александрович Языков. См. ниже его письмо к М. Н. Каткову, № 87.

85. А. А. КРАЕВСКИЙ — М. Н. КАТКОВУ

Санктпетербург, 11 марта 1841

Вы, я думаю, опять задавали мне страшные ругательства, любезный Михаил Никифорович, за молчание? Вы были правы и неправы: посадил бы я вас на свое место и поставил в такую же невозможность исполнять свои совестливейшие обязанности — увидел бы, как поспешно вы стали бы отвечать людям, нуждающимся в том, чтобы вы были правы перед ними в отношении к делам денежного долга, когда у вас каких-нибудь 50 р., а надо послать 500!

Более десяти раз принимался я писать к вам, а рука не поднималась. Что я напишу к вам? Еще бы если бы я не знал ваших нужд; а то письма ваши доказывают, что вы нуждаетесь — и у меня нет возможности помочь вам, когда я не только хотел бы, но и обязан бы был это сделать [1]. Подписка идет скверно; в нынешнем году подписчиков меньше, нежели в прошлом было: два сряду голодные годы, говорят, причиною этого. Как бы то ни было, я знаю только одно, что нет денег, и если б я не обеспечил печатание журнала, как вам известно, тем, что дал в уплату 1000 экземпляров, «Отеч. записки» решительно приказали бы кланяться в нынешнем году, прекратились бы. Теперь ищу занять денег на вексель за большие проценты, мечусь во все стороны и до сих пор не мог еще найти и сотни рублей. Меня все манили надеждою на улучшение подписки или на получение денег взаймы, и я, надеясь хоть сколько-нибудь послать вам, все откладывал день за день. Теперь я должен просить вас подождать немного. Скоро мне достанут денег, и я пришлю вам так много, как только возможно будет. Ради бога, не сетуйте на меня! Виноват, чорт знает кто, только не я [2].

Статья ваша о германской литературе напечатана в 3-й книжке «От⟨еч.⟩ зап⟨исок⟩» с поправками, которые вы после прислали и которые чуть-чуть поспели. Отложить же статью до другого нумера было невозможно; она вся была набрана, и заменить ее чем-нибудь было уже некогда, ибо письмо ваше пришло почти перед самым выходом книжки. Итак, присылайте скорее вторую статью о германской литературе, пожалуйста скорее.

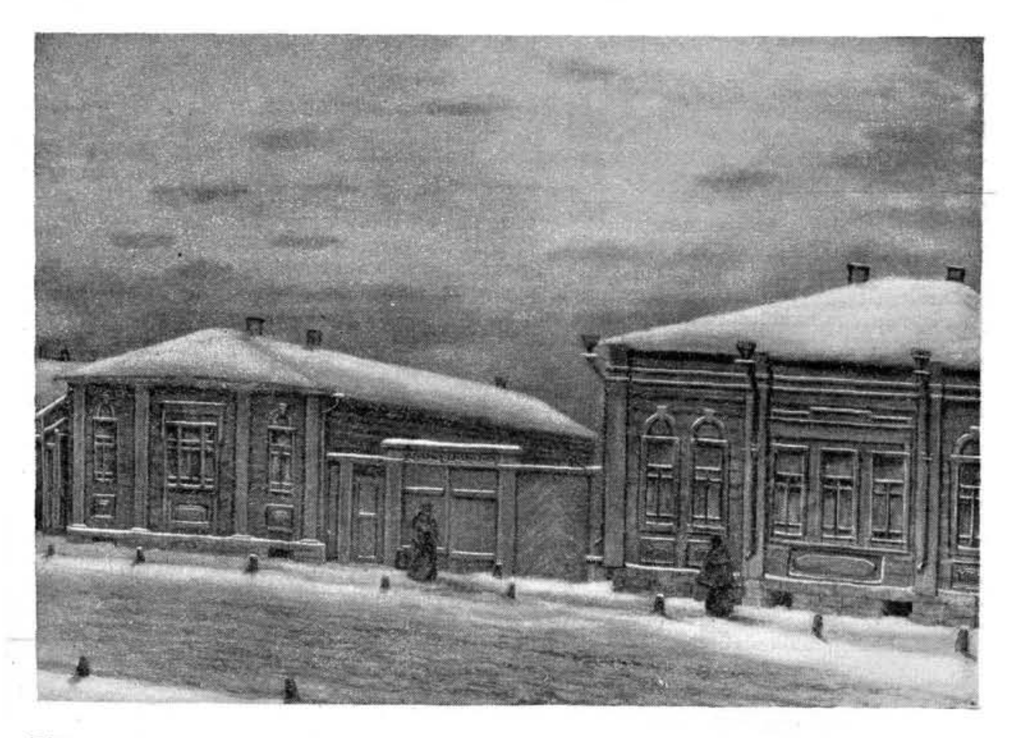
«Отечеств. записки» к вам и Варнгагену взялся отправлять Неверов, живущий в Риге и, яко цензор иностранных книг, имеющий беспрестанные сношения с немецкими книгопродавцами. Весною, летом и осенью вы будете получать книжки аккуратно каждый месяц,— три книжки уже отправлены к Неверову, для вас. Статью о Сарре Толстой пришлю с 4-ю книжкой [3].

Об Афганистане статья, конечно, должна быть добрая, но у нас запрещаются в литературных журналах статьи мало-мало политические; современные события в Афганистане, того и гляди, причислят к политическим, и статья пропадет [4]. Великое, важное дело сделали бы вы с г. Ефремовым, если бы, например, к 15-му числу каждого месяца присылали разной заграничной смеси, всякой всячины, это чрезвычайно оживляло бы «От⟨еч.⟩ записки», но вы при этом предположении спрашиваете о доходах — и я просто немею. Могу сказать только, что труды для «Отеч. записок»

никогда не пропадут (в денежном отношении), но скоро ли вознаградятся — это такой вопрос, на который теперь, менее нежели когда-нибудь, я отвечать в состоянии.

В статьях о германской литературе и других, ради бога, не забывайте, что вы пишете для русской публики, которая плохо переваривает все серьезное и мало-мальски веское. Жду, однакож, с нетерпением статью из «Эстетики» Гегеля [5], зная наперед, что это будет лучшая статья в «Отеч. зап⟨исках⟩».

У меня мало новостей. Важнейшая состоит в том, что у меня родился еще сын, Евгений, которого я имею честь рекомендовать. Здесь теперь Лермонтов в отпуску, и через две недели опять едет на Кавказ. Я заказал списать с него портрет Горбунову: вышел похож. Он поздоровел, целый год провел в драках и потому писал мало, но замыслил очень много. Видал я вашего Липперта, который здесь теперь. Он перевел «Дары Терека» и перевел славно. В русских газетах напечатано известие, что наше министерство финансов будет издавать в Берлине, на немецком языке, журнал, которого назначение знакомить Европу с Россиею. Носятся слухи, что будто Греч будет заправлять этим [6]. Хорошо же представлена будет там наша литература! Все благонамеренные русские, живущие в Германии, должны будут поправлять ошибки его. Что Кёниг? Греч опять выпустил на него матерную книжку. Ваше дело было бы принять участие в споре — подкрепить Кёнига и защитить русскую литературу от бесславия, наносимого Гречем, этим незванным ее представителем [7]. Пишите и об этой битве в статьях о герм⟨анской⟩ литературе да собирайте как можно более литературных новостей в этих статьях. Это заохотит публику читать в них и серьезные вещи, от которых она морщится. Новые журналы у нас,

ДОМ СУХАНЕК В ПОЛУЭКТОВОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, В КОТОРОМ В 1830-х гг. ЖИЛ А. Д. ГАЛАХОВ. ЗДЕСЬ У НЕГО ЧАСТО БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ

Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1949 г.

Собрание художника, Москва

«Москвитянин» и «Рус⟨ский⟩ вестник», тихо склоняются к упадку и едва ли переживут нынешний год. «Герой нашего времени» печатается вторым изданием. Скоро выйдут последние томы Пушкина. «Виттория Аккоромбона» переведена в «От⟨еч.⟩ зап⟨исках⟩»; цензура обошлась с нею милостиво[8]. Белинский работает попрежнему, плохо ему, бедному, приходится от моего безденежья: глаза у меня на него не смотрят. В последнее время он сильно было захандрил, но теперь поправился. Кирюша Горбунов кажется скоро будет свободен[9]. Сюда приехал брат его барыни по делу и нуждается в связях Горбунова с знатью. Письмо Жуковского сильно подействовало на его барыню. Панаев бьет наповал чиновников и офицеров и в 3-й книжке «От⟨еч.⟩ з⟨аписок⟩» написал статью «Русский фёльетонист», в которой выставил Межевича, да так ловко, что тому долго не оправиться. Межевич пьет и играет в карты напропалую. Гениальный остряк Кони аккуратно издает «Лит. газету» и рассыпается в остротах, перед которыми и Жанен passe: вы знаете ведь его искусство; «Маяк» присмирел и оглупел еще больше; о нем уж не говорят. В ⟨М. А.⟩ Языкове нет ни на волос перемены: все такой же; теперь ждет скачек в Царском Селе; его кто-то уверил, что он лошадиный охотник. Кольцов в Воронеже, хандрит, и мы все тащим его в Петербург на житье.

«Ромео и Юлия» играна в Москве. Мочалов местами был хорош, Орлова очень хороша, и пьеса имела успех. И она напечатана в «Пантеоне», и в «О⟨теч.⟩ з⟨аписках⟩» будет ей разбор. Ее ставят в Петербурге и будут давать после святой недели. Больше писать негде. Целую вас от всего сердца и жду статей, статей и еще статей ⟨...⟩

Рукописная копия. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 40/5, лл. 9—14). Частично опубликовано в «Лит. газете», 1941, № 25.

[1] Письмо Краевского является ответом на письмо Каткова от 7/19 февраля 1841 г. См. выше письмо № 83.

[2] О материальных затруднениях Краевского, едва не вызвавших прекращение «Отеч. записок», см. в письме № 81.

[3] Статья Каткова о стихотворениях Сарры Толстой опубликована была в «Отеч. записках», 1840, X.

[4] Краевский имеет в виду захват английскими войсками территории Афганистана.

[5] О намерении Каткова перевести «Введение» к «Эстетике» Гегеля Белинский сообщал М. А. Бакунину еще 1 сентября 1837 г. («Письма», I, 139). В «Отеч. записках», 1842, IV была помещена глава «О художнике» из «Эстетики» Гегеля — возможно, в переводе Каткова.

[6] Опасения Краевского не оправдались. Первая книга журнала «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», издававшегося в Берлине под редакцией проф. А. Эрмана, вышла в свет около 15 июня 1841 г. Статья Варнгагена фон-Энзе «Новейшая русская литература» отмечала в этом издании успехи в России «высокой, ученой и прозорливой критики, какой она является под пером благороднейшей и самостоятельнейшей части русских писателей — Белинского, Неверова и Каткова». Перевод этой статьи опубликован был в «Отеч. записках», 1841, VIII, «Смесь», стр. 83—86. См. о ней также в настоящем томе, стр. 472.

[7] Полемика, вызванная книгой Кенига и Мельгунова «Literarische Bilder aus Russland», освещена в книге А. И. Кирпичникова «Очерки по истории русской литературы», т. II, М., 1903, стр. 172—190.

[8] См. выше прим. 9 к письму № 81.

[9] Художник Кирилл Антонович Горбунов был крепостным. Его отпускная подписана была 31 марта 1841 г. См. статью И. Бекера «К. А. Горбунов и его портрет Лермонтова» («Лит. наследство», т. 45—46, стр. 776—781) и сообщение Натальи Эфрос («Лит. наследство», т. 57).

86. А. В. СТАНКЕВИЧ — А. В. и М. В. СТАНКЕВИЧ

Харьков. ⟨Около 5 апреля 1841⟩[1]

...Я очень рано получил 3 № «Отечественных записок». Читал статью Белинского. Конечно, статья далеко не удовлетворяющая, но для нас хороши и такие[2]. Явление порождает другое. Скажут, что эстетика Белинского недостаточна, неполна и неопределительна и захотят сказать пол-

нее и определительнее. Вот и благо. Конечно, многие, может быть, и не согласились бы писать так, как Белинский, но это может быть излишнее самолюбие. Всякий дает лепту по своим силам и кто не может даровать много, должен ли удержать у себя малое?..

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, ед. хр. 67, л. 99).

[1] Дата письма, адресованного сестрам А. В. Станкевича, определяется его содержанием.

[2] А. В. Станкевич имеет в виду статью «Разделение поэзии на роды и виды». Сам Белинский был очень неудовлетворен этой статьей и писал о ней 1 марта 1841 г. В. П. Боткину: «В 3 № „Отечественных записок" ты найдешь мою статью — истинное чудовище!

М. А. ЯЗЫКОВ

Акварель К. А. Горбунова, 1848 г.

Третьяковская галлерея, Москва

пожалуйста, не брани, — сам знаю, что дрянь 〈...〉 Катков оставил мне свои тетрадки — я из них целиком брал места и вставлял в свою статью. О лирической поэзии почти все его слово в слово. Вышло что-то неуклюжее и пестрое. Впрочем, — что же! Если я не дам теории поэзии, то убью старые, убью наповал наши риторики, пиитики и эстетики, — а это разве шутка?» («Письма», II, 215).

87. М. А. ЯЗЫКОВ — М. Н. КАТКОВУ

16 апреля 〈1841 г.〉 СПб[1]

...Посылаю вам 500 р. с. Знаю, что мало, но больше не дал медведь Краевский[2]. По его счету за ним остается выплатить вам 900 р. еще, но, говорит, ранее осени исполнить не может. Он поручил мне просить вас, чтобы вы занялись составлением ученых статей и преимущественно исторических; ибо обзором литературы немецкой отныне занимается Л и п п е р т, тот самый, который переводит Пушкина 〈...〉 [3] Читал ваши письма к Белинскому и к Боткину и радовался за вас. Боткин приезжал к нам и располагал

пожить месяц, и мы бы славно зажили, но вдруг он получил известие о смерти матери своей и ускакал, оставив после себя самые нежные и отрадные воспоминания. В Петербурге я еще более с ним сблизился. Сюда приехал Огарев с женой, просится за границу и, если не пустят, поедет на Кавказ лечиться. Здесь был Лермонтов и отправился опять на Кавказ, оставил большую тетрадь стихов, которые будут напечатаны в «О⟨теч.⟩ з⟨аписках⟩». Сегодня видел брата Константина Аксакова, который написал грамматику и скоро издаст. Боткин говорит про него, что он пошел в драконы. Прощайте, будьте здоровы, учитесь хорошенько, а я за вас поленюсь ⟨...⟩

Рукописная копия. ЛБ. Фонд Каткова (Кат. 40/5, лл. 15—16 об.).

Михаил Александрович Языков (1811—1885) — член кружка Белинского. В 1840 г. вместе с Катковым и Панаевым перевел роман Купера «Путеводитель в пустыне», опубликованный в «Отеч. записках».

3 февраля 1840 г. Белинский писал о М. А. Языкове: «Дивная натура, каких мало не только в Питере, но и в божьем мире. По развитию он решительный нуль передо мною, но перед его натурою я уничтожаюсь меньше, чем до нуля ⟨...⟩ Чудак единственный, один из тех людей, которые и в глупостях велики, сами того не зная» («Письма», II, 29).

[1] Дата устанавливается описанием, в опущенной нами части письма, свадьбы великого князя Александра Николаевича, происходившей в этот день, т. е. 16 апреля 1841 г.

[2] О денежных расчетах Краевского с Катковым см. выше письмо № 85.

[3] Карл Липперт, заменивший Каткова в «Отеч. записках», кроме обзоров иностранных литератур, напечатал в 1842 г. четыре статьи о Гете. Упоминания о Липперте встречаются в письмах Белинского (II, 251, 311) и в дневнике Герцена (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 422). См. о нем подробнее в настоящем томе, стр. 479—481.

88. В. П. БОТКИН — К. А. ГОРБУНОВУ

Москва 17 мая 1841

...Но жаль мне, что Вы попали на руки к плохому медику. Посоветуйтесь-ка с Dr. Никитиным,— Белинский знает его — он, кажется, человек дельный ⟨...⟩ Я не знаю, здесь кто-то (не помню) говорил, что Белинский и Вы хотите сделать на Москву набег — в июне — скажите, правда ли? Дайте, по крайней мере, принять нужные меры к отражению [1]. Я все это время был в таком тяжелом состоянии духа, что ни к кому не мог писать писем и ничем не занимался, давно хочется сказать несколько слов Виссариону — да не говорится. Да и здесь все так по-старому и во мне и вокруг меня, что и сказать нечего. Скажите, пожалуйста, ему, чтоб он отослал мне моего Кошихина [2] ⟨...⟩ Пока прощайте — пожмите за меня поискреннее руку Виссариону.

Автограф. ИРЛИ. Фонд К. А. Горбунова (9183/LII-б, 56).

[1] Белинский выехал в Москву лишь около 25 декабря 1841 г. См. далее письма №№ 97, 99 и 102.

[2] Книга «О России в царствование Алексия Михайловича. Современное сочинение Григория Кошихина», СПб., 1840, рецензирована была Белинским в «Отеч. записках», 1841, IV.

89. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Июня 16 ⟨1842 г.⟩ Вильбад-Гаштейн [1]

... Бел⟨инский⟩ едва ли не прав, в рассуждении меня! Я сам чувствую, что я уже далеко не тот, каков был прежде некогда — и еще дальше не тот, каким бы я должен быть в мои теперешние года: а ты пристрастен ко мне — я это давно знаю и вижу, и видел [2]. Будь— что надобно судьбе! ⟨...⟩[3]

Рукописная копия. ЛБ. Фонд Чижова (Чиж. 66/1—6).

[1] В опускаемой части письма Н. М. Языков резко осуждает памфлет Белинского «Педант», выражая мнение, что «Москвитянин» должен воздержаться от дальнейшей полемики. «Вообще пора бы Ш⟨евыреву⟩ и П⟨огодину⟩ сделаться степеннее и перестать перебраниваться вообще, повторяя зады и давно забытые публикою личности и

ссоры — все это не ведет к добру, а между тем время проходит в пустяках, которые уже всем надоели. Юноше позволительно резвиться и даже дурачиться, но мужу ребячиться нейдет».

[2] В статье «Русская литература в 1841 году» («Отеч. записки», 1842, I), на которую откликается Н. М. Языков, Белинский писал: «Стих Языкова громок, звучен, ярок: но в нем это чисто внешние достоинства, без всякого отношения к содержанию ⟨...⟩ Поэзия, чуждая всякого содержания, всегда стоит на одном месте, поет одно и то же, одним и тем же голосом ⟨...⟩ Проходит пыл, остается дым и чад; поэт начинает писать вялые, холодные и вообще плохие стихи, которых уже никто не почитает сто̀ящими даже порицаний...» (VII, 37). Далее, сравнивая Языкова с Хомяковым, Белинский отмечает, что Языков «утратил даже свой звонкий и разгульный стих...»

[3] В письмах Н. М. Языкова к братьям (рукописные копии. ЛБ. Фонд Чижова.— Чиж. 66/1—6) сохранилось еще несколько упоминаний о Белинском. Приводим их:

«⟨Москва.⟩ 11 августа ⟨1843 г.⟩

... Говорят, что Белинский сильно разбранил Хом⟨якова⟩ и всех нас — сей критик теперь здесь ⟨...⟩

⟨Москва.⟩ 11 сентября ⟨1843 г.⟩

...Бел⟨инский⟩ сердит на Хом⟨якова⟩ за то, что Ал⟨ексей⟩ Степ⟨анович⟩ отверг знакомство его, которое оный Б⟨елинский⟩ предлагал ему через одного из своих приятелей ⟨...⟩

⟨Москва.⟩ 4 октября ⟨1843 г.⟩

... Между тем Бел⟨инский⟩ и П⟨етра⟩ В⟨асильевич⟩а задел бранью в „Отеч. записках“. Хомяк⟨ова⟩и меня он решительно в каждой книге поругивает: уж это бы пусть: и Хом⟨яков⟩ и я писали стихи, и наши имена печатались; а ведь П. В. Кир⟨еевский⟩ никогда не выходил на сцену, а собирал песни келейно, следств⟨енно⟩ имя его не подлежит публичному нареканию ⟨...⟩

⟨Москва.⟩ 4 июня ⟨1844 г.⟩

...⟨М. А.⟩ Дмитриев написал новую балладу под заглавием „Петербургская Людмила, Московская баллада“. Слово идет о Краевском и Белинском. Зло, очень зло и метко. Жаль только, что эту балладу нельзя читать в дамском порядочном обществе: в ней играет одну из главных ролей мать Краевского⟨...⟩»

90. М. А. ДМИТРИЕВ — М. П. ПОГОДИНУ

⟨Июнь 1841 г.⟩[1]

...А в «Отечественных записках» нападки на нравственность опять повторяются и очень резко: тем нужнее ошибить им крылья [2].

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (Пог. II/11/3).

Михаил Александрович Дмитриев (1796—1866) — бездарный стихотворец, постоянный сотрудник «Москвитянина» и ожесточенный противник Белинского. В одной из своих рецензий Белинский писал о нем: «Сей поэт пишет стихи уже больше двадцати лет, но славою поэта никогда не пользовался, даже в кругу московских своих приятелей, где так легко дается слава поэта даже людям, не написавшим ни одного стиха. Чтоб добиться этой постоянно убегающей его славы, г-н Михайло Дмитриев, вместо дидактического рода, в бесполезном упражнении которым он убедился, изобрел теперь новый, небывалый род поэзии, произведения которого можно было бы назвать «рифмованными денонциациями» на безнравственность критиков, не признающих в их сочинителе ни искры поэтического таланта. В руках человека талантливого и острого такие стихотворения были бы по крайней мере опасны для его врагов; но г. Михайло Дмитриев доставляет своим врагам только одно невинное удовольствие — смеяться над беззубою злостью его странных стихотворений» (V, 295).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] Дмитриев имеет, вероятно, в виду рецензию Белинского на листовку Ф. Глинки «Москве благотворительной» («Отеч. записки», VII, отд. VI, стр. 3—7.— См. «Лит. наследство», т. 55, стр. 315—321), в которой дана была резкая отповедь Шевыреву за статью его «К „Отечественным запискам“». См. далее письмо № 103.

91. Н. М. САТИН — Н. Х. КЕТЧЕРУ

СПб, июля 5-е ⟨1841 г.⟩[1]

...Отъехав 50 верст от Новгорода, я встретил Герцена [2]. Не более двух минут пробыл я с ними середи большой дороги и дал им слово приехать в Новгород. Послезавтра отправлюсь к ним. Не приехать ли из Нов⟨города⟩ в Москву? Сам же Гер⟨цен⟩ успел сказать мне, дела его идут довольно хорошо. Об Ог⟨ареве⟩ нет никаких известий [3].

Вчера обедал у Краевского на даче. Все они обвиняют тебя, что ты издал первые книжки Шек⟨спира⟩ не во-время и тихомолком [4]. До моего приезда они и не слыхали о их выходе. Вчера только была первая публикация в «С⟨еверной⟩ пч⟨еле⟩»[5], и в тот же день у Полевого подписывалось трое. Краевский советует тебе открыть еще подписку у Юнгмейстера, новый книгопродавец, весьма честный, и который публикует о своих книгах почти во всех журналах. Пришли ему через Краевского экземп⟨ляров⟩ 20, из которых Краев⟨ский⟩ и Панаев берутся раздать несколько своим знакомым. Да не забудь выслать немедля в ред⟨акцию⟩ «От⟨еч.⟩ зап⟨исок⟩» и в другие места билеты на Шек⟨спира⟩. Краевск⟨ий⟩ советует тебе задержать до осени выдачу следующих выпусков.—Процензурованные драмы высланы тебе с Горбуновым. Следующие прислать в ред⟨акцию⟩ «От⟨еч.⟩ зап⟨исок⟩» на имя Краевского. Повесть Гофмана цензура остановила, но они надеются на Волконского[6]. Эпилог у Краевского, и он обещал его доставить тебе. Скажи Клюшникову, что Краев⟨ский⟩ очень рад статье на «Москвитянина», но, впрочем, говорит он, я бы желал лучше, чтоб Клюш⟨ников⟩ подписал под статьей свое имя [7] ⟨...⟩

Я не успел быть перед отъездом у Н. Ф. Павлова, пошли ему экзем⟨пляров⟩ 10 и билеты, он обещал мне раздать их непременно [8] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (М. 5185/35).

[1] Письмо Н. М. Сатина позволяет точно установить время его встреч с Белинским. В течение 1841 г. Сатин был в Петербурге дважды. Пребывание его в столице с середины января по 4 марта содействовало закреплению дружеских отношений Белинского с Герценом (см. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 415 и 427). О Сатине Белинский писал В. П. Боткину 1 марта 1841 г.: «А какой славный малый Сатин! Теплое сердце, благородная душа!» («Письма», II, 220). После двухнедельного пребывания в Новгороде у Герцена Сатин выехал за границу 2 августа 1841 г. См. письмо № 94.

[2] Герцен выехал из Петербурга в Новгород 2 июля 1841 г. (см. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. XXII, стр. 221).

[3] Н. П. Огарев находился в это время за границей, выехав из Петербурга около 1 июня 1841 г. («Звенья», I, М., 1932, стр. 101. Ср. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 431—432).

[4] «Все они»—Белинский, Панаев и Краевский. Еще 28 июня 1841 г. Белинский, по поводу кетчеровского перевода Шекспира, писал Боткину: «Спасибо Кетчерушке — умник, погладь его по головке» («Письма», II, 249). Недовольство Белинского и Краевского издательской непрактичностью Кетчера ярко отражено в письме Белинского к Кетчеру от 3 августа 1841 г. («Письма», II, 255).

[5] Информационная заметка об издании Кетчера появилась в № 145 «Северной пчелы» от 3 июля 1841 г.

[6] Князь Григорий Петрович Волконский — председатель Санктпетербургского цензурного комитета и помощник попечителя Санктпетербургского учебного округа. Белинский писал о нем Боткину: «Князь Волконский (сын министра) — помощник Дундука, приятель Одоевского, — и только благодаря этому обстоятельству цензура еще наполовину пропускает наши выходки» («Письма», II, 104).

[7] Статья о «Москвитянине» за подписью И. П. Клюшникова в «Отеч. записках» не появилась.

[8] 14 июля 1841 г. Сатин писал Кетчеру из Новгорода по поводу издания Шекспира в переводе Кетчера: «...Белинский велел тебе сказать, чтобы ты присылал побольше экземпляров и билетов: Панаев, Краев⟨ский⟩, Языков ⟨...⟩ берутся раздать своим знакомым билетов по 10».— Автограф. ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (ГО/XI/81).

92. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

10 июля 1841 г. Москва

...Выходку против «Отечественных записок» сделал Шевырев нелепый [1]. Он думал, что статейка об «Малолетке» принадлежит Белинскому, пришел однажды в Университетский совет очень раздосадованный. Его встречает Грановский, профессор истории, и говорит: «Что вы, Степан Петрович, вы как будто сердиты?» — «Да как же, помилуйте,— отвечает он:— иди в Совет толковать бог знает о чем, а там еще отвечай пьяному Белинскому». ⟨...⟩

Н. Г. ФРОЛОВ
Фотография 1850-х гг.
Исторический музей, Москва

Да, отзыв о Загоскине в критике «Ста литераторов» многим не понравился [2]. Вы напрасно так резко отозвались. О Шишкове прекрасно [3], за что, равно за разбор книжки «Москве благотворительной»[4], заочно — я и Кудрявцев — кланяемся Белинскому...

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», лл. 29 об. — 30).

[1] Полемическое обращение «К „Отечественным запискам"», опубликованное Шевыревым в «Москвитянине», 1841, VI, стр. 509—510, за подписью NN, имело целью политически дискредитировать Белинского как критика, якобы позволяющего себе «всенародно глумиться над поэзией и нравственностию». Поводом для этого выступления явилась ошибочно приписанная Шевыревым Белинскому рецензия А. Д. Галахова на брошюру «Малолеток» А. Орлова, в которой попутно был задет и поэт Ф. Н. Глинка, один из ближайших сотрудников «Москвитянина» («Отеч. записки», 1841, IV). Вызов, брошенный Шевыревым редакции «Отеч. записок», был немедленно подхвачен Белинским, который с исключительным остроумием вскрыл фактическую несостоятельность нападок Шевырева и клеветнический характер всех его обвинений (об этой полемике см.: VI, 236—241 и 593—596).

[2] В основе статьи Белинского о сборнике «Сто русских литераторов» («Отеч. записки», 1841, VII) лежал резко отрицательный разбор романов Булгарина и Загоскина. Памфлетный характер имело самое объединение этих имен, которые Белинский связал не как равнозначные литературные величины, а как носителей одних и тех же официозно-апологетических традиций в обрисовке русской крепостнической действительности (VI, 207—236). Этим самым объясняется и некоторая неудовлетворенность Галахова статьей Белинского, умеренно-либеральные позиции которого далеко не совпадали с настроениями широкой демократической аудитории «Отеч. записок».

[3] Резко отрицательная характеристика только что умершего президента Российской Академии, адмирала А. С. Шишкова являлась как бы введением к разбору произведений других авторов в статье Белинского о сборнике «Сто русских литераторов».

[4] Принадлежность Белинскому рецензии на стихотворную брошюру Ф. Н. Глинки «Москве благотворительной» («Отеч. записки», 1841, VII) установлена нами на основании этого письма Галахова (см. «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 315—321).

93. Г. А. ГУРЦОВ — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

⟨Петербург. Около 15 июля 1841 г.⟩[1]

Милостивый государь
князь Владимир Федорович!

Свидетельствуя Вашему сиятельству мою чувствительную благодарность как за оказанный Вами мне, во время моего пребывания здесь, ласковый

прием, так и за готовность Вашу сделать все, что от Вас зависеть будет, чтоб оставшаяся у Вас в рукописи книга моя могла достигнуть ту цель, которую Вы и князь Г. П. Волконский [2] назначить изволили; покорнейше прошу Ваше сиятельство передать г-ну Белинскому приложенные при сем ассигнациями сто рублей в добавок 350 которых ⟨!⟩ он уже получил.— Если когда-нибудь воспоследует разрешение Министерства народного просвещения, дабы оная моя книга могла быть перепечатана для чтения в учебных заведениях, тогда я с большим удовольствием вышлю Вашему сиятельству из Одессы для г-на Белинского еще четыреста рублей ассигнациями, если же это не состоится, то благоволите, Ваше сиятельство, внушить г-ну Белинскому удовольствоваться скудною суммою, которую он получил за свои труды, и не гневаться на меня за то, что я ему больше дать не могу [3].

Остаюсь по жизни ⟨!⟩ с истинным почтением и с совершенною преданностию Вашего сиятельства покорнейший слуга

Георгий Гурцов

Надпись В. Ф. Одоевского на полях:

Вот что получил я от Гурцева — сообщите сие Белинскому, очень жалко, что не знал ранее их условий — тогда я бы удобнее уговорил Гурцева.

Автограф. ЛБ. Бумаги В. Ф. Одоевского (*М. 1077.9*).

Георгий Александрович Гурцов — педагог, автор первого учебника для глухонемых на русском языке; до 1838 г. — директор Петербургского училища глухонемых; в 1841 г. основал училище глухонемых в Одессе. В том же 1841 г. Г. А. Гурцов привез в Петербург новое учебное пособие, которое, повидимому, по предложению В. Ф. Одоевского, было передано для обработки Белинскому. Судя по сохранившемуся письму кн. Г. П. Волконского к В. Ф. Одоевскому, книга Гурцова не получила одобрения Министерства народного просвещения (фонд кн. В. Ф. Одоевского в ГПБ). Рукопись этой книги до сих пор не обнаружена.

19 июля 1841 г. А. А. Краевский писал кн. В. Ф. Одоевскому: «Вот что пишет ко мне Белинский, в ответ на вашу записку. Извольте читать и решать.

Хлопочу о деньгах ежеминутно. Трое обещали наверно, и — двое обманули: авось бог даст у третьего занять! Меня измучили деньги Врасского и Свиньиной.

В субботу я приеду к вам часу в 5-м. (Может быть, с Липпертом.) Будете ли вы дома? ⟨...⟩» (Автограф. ГПБ. Фонд кн. В. Ф. Одоевского).

Дата этой записки позволяет уточнить датировку приложенного к ней письма Белинского к Краевскому, отнесенного в издании Е. А. Ляцкого к «лету 1841 г.»: «Нет ничего тяжелее, Краевский, как назначать цену своему труду, когда он уже кончен. В первый раз я получил от г.Гурцева 300 руб. асс.,но вторую мою работу я без преувеличения считаю втрое тяжелее первой, почему и думаю, что 500 руб. асс. не были б вознаграждением, превышающим труд. Впрочем, если г. Гурцев уехал, то, разумеется, кн. Одоевский тут ничем не виноват, и я нисколько не почитаю его обязанным принимать в чужом пиру похмелье — мне бы давно следовало уведомить его о деле» («Письма», II, 254). Сумма аванса, полученного Белинским от Гурцева, остается неуточненной, так как, по утверждению Гурцева, она была равна не 300, а 350 рублям.

[1] Приблизительная датировка письма устанавливается его содержанием.

[2] Князь Григорий Петрович Волконский—см. о нем прим. 6 к письму № 91.

[3] В бумагах Одоевского сохранилась следующая расписка Белинского (автограф): «*Сто рублей ассигнациями получил от Г. Гурцева. В. Белинский*».

В записке к Одоевскому от 22 июля ⟨1841 г.⟩ А. Краевский писал: «Вот расписка Белинского в получении денег. Он просит сказать Вам, что нисколько не в претензии на Гурцева и доволен этими 100 рублями» (ГПБ, ф. Одоевского, папка V).

94. Н. М. САТИН — Н. Х. КЕТЧЕРУ

$\frac{28}{16}$ авг⟨уста 1841 г.⟩ Тёплиц [1]

...Из Пет⟨ербурга⟩ до парохода проводили меня Носков [2], Белинский и брат. У Носкова были на глазах слезы, у меня тоже ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Кетчера (М. 185/35).

[1] Дата письма уточняется его содержанием: Сатин выехал из Петербурга за границу 2 августа 1841 г.

[2] Михаил Павлович Носков — член кружка Герцена, приятель Сатина, служивший в Петербурге помощником контролера в артиллерийском департаменте Военного министерства. Носков привлекался в 1834 г. по тому же делу, что Герцен и Огарев, но так как прямых улик против него не было, а начальство отлично его аттестовало, Носков был освобожден тотчас же после допроса. Герцен называл его «милым, благородным Носковым» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 433; т. XII, стр. 327).

95. И. П. ГАЛАХОВ — М. Л. ОГАРЕВОЙ

Петербург. ⟨20-е числа августа 1841 г.⟩[1]

...Самая приятная новинка — 3 т⟨ома⟩ Пушкина [2]. Несколько помещенных в них прозаических и стихотворных произведений еще не были опубликованы, в том числе романтическая, причудливая ⟨grotesque⟩ повесть «Дубровский», взятая из провинциального быта недавнего прошлого. В области поэзии и романа — и в стихах и в прозе — мне все у Пушкина в высшей степени нравится, в области же критики, анализа, рассуждений, систематизации многое у него — и в стихах и в прозе — мне зачастую представляется не столько провидением гения, сколько, вероятно, искренним, но банальным взглядом века.

Лермонтов убит на Кавказе на дуэли — я читал рукопись его стихотворения на погребение Наполеона. Оно мне не нравится в своей основе, это снова сплошной апофеоз великого человека в ущерб европейскому обществу, вопреки логике событий и истории [3].

Больше ничего нового в литературе нет, так заверил меня г. Бел⟨инский⟩, которому я передал письмо и стихотворение Николая — он напечатает его в журнале [4]. Я представлял себе его другим, не таким, каким нашел — худой, скромный.

Г⟨ерцен⟩ в Новгороде. Я отвезу ему туда письмо по дороге в Москву. Г-на Куторги я еще не видел [5]. Бедный Сат⟨ин⟩ проезжал через Любек, когда и я там находился. Я узнал об этом только после его отъезда в Гамбург ⟨...⟩

Автограф. ЦГЛА. Фонд Н. П. Огарева (№ 173, лл. 12—13). Подлинник на французском языке.

Иван Павлович Галахов (1809—1849) — член кружка Герцена и Огарева, один из первых русских фурьеристов. Письма его к М. Л. Огаревой — первой жене Н. П. Огарева, в которую он был влюблен, частично использованы в книге М. О. Гершензона «История молодой России» (М., 1923).

[1] Дата письма определяется его содержанием, а также на основании свидетельства Белинского от 25 августа 1841 г. о получении им «письма от Огарева из-за границы» («Письма», II, 259).

[2] Выход в свет трех последних томов посмертного издания «Сочинений Александра Пушкина» отмечен был в «Отеч. записках», 1841, VIII, отд. VI, стр. 33—41. Отрицательная оценка Галаховым некоторых критических рассуждений Пушкина прежде всего имела в виду полемическую статью Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург», отрывки из которой («Москва», «О цензуре», «Ломоносов», «Русская изба» и др.) впервые появились в печати в этом издании.

[3] Стихотворение Лермонтова «Последнее новоселье», не понравившееся Галахову, еще более резко принято было Белинским: «Какую гадость написал Лермонтов о французах и Наполеоне, — писал он Боткину 28 июня 1841 г., — то ли дело Пушкина „Наполеон“» («Письма», II, 249). Столь же отрицательный отзыв об этих стихах в письме Белинского к Кудрявцеву: «Жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков» («Письма», II, 252).

[4] Письмо Н. П. Огарева к Белинскому до нас не дошло. Стихотворение, приложенное к письму, — вероятно, «Прометей» Огарева, опубликованный в «Отеч. записках», 1841, X, стр. 161—162.

[5] Михаил Семенович Куторга (1809—1886) — историк, профессор Петербургского университета, о знакомстве которого с Белинским см. «Лит. наследство», т. 55, стр. 424—425.

96. П. И. МЕЛЬНИКОВ⟨-ПЕЧЕРСКИЙ⟩ — А. А. КРАЕВСКОМУ

2 ноября 1841 г.
Нижний-Новгород

...Ну-с, с новым годом гражданским и журнальным честь имеем. Пишите, как вы поживаете, как поживает ваш журнал, в настоящем и будущем. Кстати, вы говорите, чтобы я сказал вам об нем свое мнение. Извольте⟨...⟩ Нравятся мне в вашем журнале отделы Наук, Смеси и Словесности (Промышленность я мало читаю: я плохой промышленник),— они прекрасны вообще, есть исключения, но ведь совершенного в мире нет. Теперь главное — о критике и библ⟨иографической⟩ хронике, «где выражается ваша личность»,— как сказали мне однажды в письме [1]. Любезный Андрей Александрович, мы, кажется, друг друга понимаем, друг другу добра желаем,— этому я верю и видел из ваших замечаний на статьи мои и пр. т. п. Следов⟨ательно⟩, вы должны помнить, что вам будет говорить об «Отечественных записках» такой человек, который принимает в них большое участие. «Отечественные записки», если вы хотите знать, каждый день занимают мои мысли (право, это не фразы пустые — верьте мне). Итак, вот что скажу я вам как другу, как брату: вы слишком пространны. Скажите пожалуйста, на что мне знать подробное содержание какого-нибудь «Перстня», «Гусара» и т. п.; скажите мне, что это не стоит чтения, во-первых, по глупости содержания, во-вторых, по неестественностям, несообразностям, по дурному языку; пожалуй, покажите мне примеры — и довольно с меня [2]. Попробуйте писать лаконическим слогом свои рецензии — ей-богу, будет лучше. Это вам не мой голос, прибавлю я, но голос многих, очень многих читателей. Критики у вас прекрасны, но опять тот же недостаток: широко шагаете, как говаривал Суровцев, бывший проф⟨ессор⟩ словесности в Казан⟨ском⟩ унив⟨ерситете⟩. Право, иногда утомительно читать критики ваши, бывает утомительно мне, человеку кабинетному, можно сказать, а каково бывает человеку паркетному? Читает ли этот сорт людей ваши критики? Ведь нет, я думаю, что бо̀льшая часть ваших подписчиков народ паркетный.

О науках — одно замечание. «Отечественные записки» должны бы были побольше говорить об отечестве.

Над выходками некиих особ на щет нравственности и поэзии [3]— субъективности и объективности и др.— я смеюсь от души. Подражайте и вы мне в этом отношении ⟨...⟩ Право, сто̀ит ли сердиться?

Вот вам моя отповедь, которой вы хотели. Простите меня за прямоту — она от сердца ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Л — М», лл. 416 об.—417).

Павел Иванович Мельников (1819—1883), известный под псевдонимом Андрей Печерский, начал свою литературную работу в «Отеч. записках» в 1839 г. и был деятельным участником изданий Краевского до 1842 г. (см. Полн. собр. соч. П. И. Мельникова-Печерского, т. I, 1888, стр. 74).

[1] Письмо Краевского, на которое отвечает П. И. Мельников, до нас не дошло. Однако выписка из него, цитируемая Мельниковым, не оставляет никаких сомнений в том, что редактор «Отеч. записок», для поднятия своего престижа, приписывал себе критические статьи и рецензии Белинского, печатавшиеся анонимно. Именно эта «анонимность» и позволяла Краевскому очень долго щеголять в чужих перьях.

Как засвидетельствовано Добролюбовым, статьи Белинского «читались с жадностью, с восторгом, его мнения находили себе жарких защитников и последователей, хотя бо̀льшая часть читателей и не знала, кто именно высказывает в журнале эти мнения» (Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова, т. I, 1934, стр. 141). Насколько прочно в широких читательских кругах держалась легенда о Краевском-критике, свидетельствуют и дневники молодого Чернышевского (Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, т. I, 1939, стр. 66). В архиве Краевского, как указано нам Э. Найдичем, хранится письмо некоего А. И. Артемова от 13 декабря 1840 г. также с обращением к Краевскому как к автору критических статей, на самом деле принадлежавших Белинскому.

СЕНКОВСКИЙ, ГРЕЧ И БУЛГАРИН В ВИДЕ ГРОМИЛ
Карикатура Н. А. Степанова, Акварель, 1840-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

КАРИКАТУРА НА БУЛГАРИНА
Акварель Н. А. Степанова, 1840-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[2] Мельников имеет здесь в виду разбор романа Ф. Г. К...рина «Гусар, или каких дивных приключений не бывает на свете», помещенный в «Отеч. записках», 1841, II, отд. VI, стр. 42—48. Автором этого разбора был Белинский. Рецензия на «Перстень» опубликована в «Отеч. записках», 1841, VI. Автор ее не установлен.

[3] Мельников намекает на статью Шевырева в «Москвитянине», о которой см. выше письмо № 92, прим. 1.

97. К. И. КЕСТНЕР — Я. М. НЕВЕРОВУ

С.-Петербург, ноября 9-го 1841

...Я еще не имел случая познакомиться с Белинским. Если я еще не воспользовался Вашею рекомендациею, то единственно потому, что я не имел еще времени. Впрочем, не скрою от Вас, что я имею какую-то Scheu* сблизиться с человеком, с которым Вы так расходитесь в мнениях. Это разногласие внушает мне неблагоприятное предубеждение касательно Белинского [1].

Автограф. ГИМ. Фонд Я. М. Неверова (№ 372, д. 8, л. 129—129 об.).

Карл Иванович Кестнер — профессор юридических наук в Александровском лицее (с 1841 г.). До переезда в Петербург Кестнер в течение двух лет преподавал историю в Митавской гимназии. С 1844 г. совмещал свою преподавательскую деятельность с должностью младшего библиотекаря Румянцевского музея. Выбыл из лицея в 1851 г. на должность цензора Рижского отделения Комитета иностранной цензуры. Кестнеру принадлежит книга «Российские положительные законы о финансах». См. «Исторический очерк бывш. Царскосельского ныне Александровского лицея», СПб., 1861, стр. 262, 319 и 343.

[1] Свидетельство об отрицательном отношении умеренного либерала Я. М. Неверова к «мнениям» Белинского 1841 г. очень характерно. Тем не менее Кестнер все же получил от Неверова рекомендательное письмо к Белинскому. Этим письмом он воспользовался в феврале 1842 г. См. далее письмо № 99.

98. П. Н. КУДРЯВЦЕВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨Москва.⟩ 15 декабря 1841 г.

...Прошу вас передать при случае мой усердный поклон Белинскому и Боткину, если он еще у вас, в Петербурге [1]. Любезному Белинскому я бы иногда готов был писнуть строку-другую, но, право, не знаю его адреса. Василия же Петровича мы давно уже ждем к себе в Москву. Гоните его бога ради от себя — ну, что он там делает?⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Д — К», л. 716 об.).

[1] В. П. Боткин, вероятно, выехал из Петербурга в Москву вместе с Белинским около 25 декабря 1841 г.

99. К. И. КЕСТНЕР — Я. М. НЕВЕРОВУ

С. П⟨етер⟩бург, 7 февраля 1842 г.[1]

...⟨В начале января⟩ я поехал к нему ⟨к Белинскому⟩. Но он уехал в Москву, и мне сказали у него на квартире, что приедет только в конце января [2]. Третьего дня я был у него — и застал его дома. Ваше письмо послужило мне хорошею рекомендациею. Он принял меня очень ласково и довольно откровенно высказал мне свои мысли о некоторых предметах. Судя по первой встрече, мы сблизимся и, может быть, сойдемся во многом; и я Вам очень благодарен, что Вы мне доставили случай познакомиться с столь интересным человеком [3].

Автограф. ГИМ. Фонд Я. М. Неверова (№ 372, ед. хр. 8, л. 130).

[1] См. выше первое письмо К. И. Кестнера к Я. М. Неверову (№ 97).

[2] Белинский возвратился из Москвы в Петербург 17 января 1842 г. (см. далее письмо № 102).

[3] Ни в переписке Белинского, ни в других источниках мы не нашли упоминаний о встречах критика с К. И. Кестнером.

---

* Scheu — робость (нем.).

100. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

4 марта 1842 г., с. Коноплино

...Прочел я разговор А. и Б. Зачем это делается, карамзинская форма изложения? Разговор не существует там, где нет борьбы мнений; он прекратился, когда лица согласились. А в разговоре А. и Б. одно лицо только и делает, что спрашивает и т ы к а е т[1]. Зачем восстановлять этот битый и перебитый вопрос о существовании нашей литературы? Зачем поднимать из гроба давно умерших для того, чтобы положить их опять в гроб (оставьте это Сент-Бёфам...) — да и с поруганием? Это конек моего прекрасного, умного, чудного Виссариона Григорьевича. У него и без того есть обширное поле, на котором он может подвизаться — и рыцарски подвизаться. Не сердитесь на меня, милые друзья мои!⟨...⟩ так говорит сердце мое, желая вам добра и успеха в вашем деле ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Л — М», лл. 17 об.—18).

[1] Статья Белинского «Русская литература в 1841 г.» написана была в форме разговора двух собеседников «А» и «Б». Протест Лажечникова против самой формы этой статьи совпал с мнением о ней Герцена, который в одной из позднейших бесед с Достоевским вспоминал, как на просьбу Белинского высказаться об этом диалоге «А» и «Б» он заметил: «Да хорошо-то хорошо, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе была с таким дураком свое время терять» («Дневник писателя», 1873, гл. I). Характерно, что недовольство диалогической формой статьи получило отражение и в отклике на нее Кольцова (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, СПб., 1909, стр. 269).

101. А. Д. ГАЛАХОВ — А. И. ИВАНОВУ

1842, марта 13, Москва

...Доведите поскорей до сведения Андрея Александровича, что статья в «Отечественных записках» «Педант» наделала гул и шум и раздражила до того, что хотят жаловаться Б⟨енкендорфу⟩, указав на выписанные места[1]. Дурно то, что в их возгласах принял участие кн. Д. В. Г⟨олицын⟩, который, говорят, скоро поедет в Петербург. Пусть Андр⟨ей⟩ Ал⟨ександрович⟩ возьмет меры поскорее.

По ошибке, ваше имя выставлено в объявлении и под Московской конторой. В середовых газетах будет поправка[2]⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», л. 32).

[1] Письмо адресовано Андрею Ивановичу И в а н о в у, комиссионеру и управляющему конторой «Отеч. записок» в Петербурге. Не ограничившись отправлением этого тревожного письма к Иванову, А. Д. Галахов в тот же день писал о том же и самому Краевскому. См. сб. «Венок Белинскому», М., 1924, стр. 143.

[2] Памфлет Белинского «Педант, литературный тип», направленный против Шевырева, появился в 3-й книжке «Отеч. записок» 1842 г. и произвел в Москве потрясающий эффект. «Выписанные места», о которых упоминал Галахов, — цитаты из подлинных статей Шевырева, включенные Белинским в памфлет. «Криминальность» именно этих цитат подчеркивал и В. П. Боткин в письме к Белинскому от 23 марта 1842 г. Отвечая Боткину, Белинский 31 марта писал: «Спасибо тебе за вести об эффекте „Педанта": от них мне некоторое время стало жить легче. Чувствую теперь вполне и живо, что я рожден для печатных битв и что мое призвание, жизнь, счастие, воздух, пища — п о л е м и к а» («Письма», II, 289). Об откликах на «Педанта» см. VII, 574—579.

102. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — Д. П. ИВАНОВУ

Петербург, 1842 года. Марта 17

...Вот уже два месяца, как я в Петербурге, но и не заметил, когда они прошли. Ехал я в Петербург, как тебе известно, один; отправились из Москвы 10 генваря, по утру в 10 часов, я прибыл в Петербург 13-го в 12 часов ночи. Дорога, как вообще зимою, довольно скучная, но в дилижансе ехать спокойно и тепло, только на станциях за обед и чай берут

неимоверную цену. По приезде, на другой день, я отправился смотреть Петербург. Его великолепие и красота поразительны, так что Москва кажется после него большим губернским городом. Через два дня после меня приехал брат ⟨Виссарион⟩. Он ехал 6 дней, выехав из Москвы на другой день после меня ⟨...⟩ [1]

Автограф. ЛБ. Фонд Белинского (М. 5184/30, л. 1).

Никанор Григорьевич Белинский—младший брат критика; после неудавшейся попытки поступить в Московский университет приехал к брату в Петербург, где прожил до 26 августа 1842 г., успев перепортить Белинскому «немало желчи и крови» («Письма», II, 312—313). См. его письма к Белинскому в «Лит. наследстве», т. 57. Там же см. письма и Д. П. Иванова — друга и родственника Белинского.

[1] Свидетельство это позволяет установить не известную до сих пор точную дату возвращения Белинского в Петербург —15 января 1842 г. Пребывание Белинского в пути в течение шести дней вместо обычных трех-четырех объясняется, вероятно, его остановкой в Новгороде у Герцена или в Премухине у Бакуниных.

103. М. А. ДМИТРИЕВ — М. П. ПОГОДИНУ

⟨Москва.⟩ 31 марта 1842 г.[1]

...Читал я их «Педанта» [2]:—вот я им приготовил стишки для 5-й книжки, коли цензура пропустит [3] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (Пог. II/11/3, л. 67).

[1] Дата письма проставлена неустановленной рукой.

[2] О памфлете Белинского «Педант» см. выше письмо № 101.

[3] «Стишки» М. А. Дмитриева — бездарное послание «К безымянному критику», опубликованное в десятой книжке «Москвитянина»,— вызвало резкий протест в самых широких кругах литературной общественности как явный политический донос на Белинского.

104. В. П. БОТКИН — А. И. ГЕРЦЕНУ

28 мая 1842. Павловск

...Теперь меня занимает одна мысль: увижу ли я вас в Москве? Мой отъезд отсюда будет зависеть от продолжительности вашего пребывания в Москве ⟨...⟩ Я бы пожалуй и раньше приехал — да при моем положении я не могу наверное рассчитывать, но надеюсь, что чрез две недели буду совсем здоров и след⟨овательно⟩ могу выехать. А? Как вы думаете, Александр Иванович? Знаю, как вам хочется в деревню, знаю, как душно и скучно в Москве — все знаю — и однакож все-таки хочется увидеть вас в Москве и пожить с вами хоть недельку в окрестностях. Пожалуйста отвечайте мне поскорее на это, адресуйте попрежнему на имя Белинского, а он мне перешлет сюда [1].

Автограф. ЛБ. Из бумаг А. И. Герцена (М. 5184/31).

[1] Приехав в Петербург в первых числах мая 1842 г. («Лит. мысль», 1923, II, стр. 181), Боткин в течение двух месяцев отдыхал и лечился в Павловске, где и навещал его Белинский. Герцен доживал в это время последние месяцы своей новгородской ссылки. Проездом из Петербурга в Москву Боткин навестил его в Новгороде 10 июля 1842 г. (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. III, стр. 83).

105. Н. П. ОГАРЕВ — Е. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ

17 июня ⟨1842 г.⟩ Петербург[1]

... Я здесь веду жизнь тихо и мудро. Живу я у Бел⟨инского⟩[2]. Вот мы вечер проболтали очень разумно. А теперь 3-й час. Он спит. А мне не спится. Куда ни обернусь, об чем ни подумаю, от всего так тяжело становится, что глаз не затворишь ⟨...⟩

Автограф. Институт мировой литературы им. А. М. Горького (1—19—22/1822).

[1] Письмо адресовано Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной, в замужестве Петрово-Солововo, сестре писательницы Евг. Тур (Салиас де Турнемир).

[2] В марте 1842 г., в письме к В. П. Боткину, Белинский выразил сожаление, что во время своего пребывания в Москве не встретился с Огаревым: «Мне очень жаль, что я не увиделся, разъехавшись, с этим милым Огаревым. Жму ему руку и даю братское лобзание» («Письма», II, 282). Вероятно эти строки вскоре стали известны Огареву. Самый факт приезда Огарева к Белинскому в июне 1842 г. до сих пор оставался неизвестным.

106. К. С. АКСАКОВ — Ю. Ф. САМАРИНУ

〈Москва. Начало августа 1842 г.〉[1]

Ты прав, прав совершенно во всем, что говоришь ты касательно моей брошюрки [2]. Но ты, как кажется, не знаешь, какую подлую статью об ней напечатали «О〈течественные〉 з〈аписки〉». Я поручил Калайд〈овичу〉 отдать Краевс〈кому〉 экземпляр, но он уже имел его.— Как?— признаюсь не умею и придумать.— Ты соглашаешься в том, что̀ я часто повторял тебе: т. е. что особенно я возбуждаю к себе недоверчивость и сомнение.— Я узнал, что Кетчер (след〈овательно〉 и Гранов〈ский〉 и др.) против меня и даже согласен с статьею Белинс〈кого〉. Мне было это неприятно, но это уясняет мои с ними отношения — и тем я доволен.— Видел я

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

ПОЛЕВОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

В. БѢЛИНСКАГО.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1846.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ БЕЛИНСКОГО «НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОЛЕВОЙ», 1846 г.

Павлова; ему ужасно хочется отделить тебя и Хомякова от меня во мнении о Гоголе; он все мне доказывал, что ты и он не согласны со мною. — Жаль, очень жаль, что тебя нет в Москве; мне нужен был бы совет твой вот в чем: я написал ответ на подлую рецензию на меня и отдал в «Москв⟨итянин⟩»[3] — но помещать ли ответ вообще, и именно этот?— Вот о чем я у тебя спрашиваю; посылаю тебе черновой мой ответ. Скажи мне, мой любезный Самарин, как мне делать, отвечать ли? и если отвечать, хорош ли этот ответ? (Что касается до слога, то он будет, разумеется, исправлен.) Я еще успею взять у Шевырева свой ответ.— Павл⟨ов⟩ советует напечатать; ему нравится мое объяснение, но я все еще колеблюсь. Итак, я жду твоего ответа; не замедли, если можно ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 17, л. 19—19 об.).

[1] Дата письма определяется его содержанием — откликом на статью Белинского, опубликованную в августовской книжке «Отеч. записок» 1842 г.

[2] К. С. Аксаков имеет в виду свою брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“», вышедшую в свет в июле 1842 г. Эта брошюра была рецензирована Белинским («Отеч. записки», 1842, VIII, отд. VI, стр. 46—51), закончившим свой разбор протестом против «ребяческих фраз» и антиисторических абстракций К. С. Аксакова, затемняющих понимание произведений Гоголя. Уничтожающие отзывы Белинского еще более усилили озлобление Аксакова против критика.

[3] Ответ К. С. Аксакова на рецензию Белинского был помещен в «Москвитянине», 1842, IX, под заглавием «Объяснение». Ответ датирован 17 августа 1842 г. См. следующее письмо.

107. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

24 августа ⟨1842 г.⟩

...Статья в «Отеч. записках» писана Белин⟨ским⟩, и это не странно. Бел⟨инский⟩ был недавно в Москве и был недоволен приемом, ему сделанным. К тому же он изменяет свое направление [1] ⟨...⟩

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV, 343).

[1] См. примечания к предыдущему письму.

Враждебно-предубежденное отношение всей семьи Аксаковых к Белинскому заставляло их видеть в выступлениях критика, направленных против его идейных противников, какие-то личные мотивы. 17 августа 1842 г. В. С. Аксакова писала той же корреспондентке: «В „От⟨еч.⟩ записках“ помещена самая недобросовестная статья о ней ⟨брошюре К. С. Аксакова⟩, но на такую статью, где видна больше личность, не стоит возражать» (ЛБ. Фонд Аксаковых, ГАИС, III/XV, 343). Ср. также в наст. публикации подобные же высказывания Н. М. Языкова (прим. к письму № 89).

108. И. П. ГАЛАХОВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ

⟨Пензенская губ.?⟩ 17 ноября ⟨1842 г.⟩[1]

...Я что делал? мало дела — поглощаю разные книги — легкие и совсем мудреные вполовину, большей частию немецкие — читаю везде с приятельским удовольствием похвалу твоему переводу [2], утешаюсь торжеством Белинск⟨ого⟩ и славянским энтузиазмом Аксакова [3] — это все по теоретическому отделению — по практическому же во 1-х часто скучаю, кроме того вожусь с хозяйством и крестьянами ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Бумаги И. П. Галахова (М. 5185/4, л. 2).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] Рецензии на переводы Шекспира (см. выше письмо № 91) появлялись в «Отеч. записках» по мере выхода в свет каждого очередного выпуска. Некоторые из них были написаны В. П. Боткиным.

[3] Галахов имеет, вероятно, в виду полемику Белинского с К. С. Аксаковым по поводу «Мертвых душ» Гоголя. См. «Москвитянин», 1842, IX и «Отеч. записки», 1842, XI. См. выше письма №№ 106 и 107.

109. Н. Г. ФРОЛОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Bagni di Lucca. 17 июня 1843

...Сожалею, что в последний приезд в Россию не познакомился с Белин⟨ским⟩.

Копия рукой Е. К. Станкевич. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 276, ед. хр. 108, л. 45).

Николай Григорьевич Фролов (1812—1855) — отставной поручик, проживавший в 1830—40-х годах за границей, где сблизился с Грановским, Станкевичем и Бакуниным.

Белинский, зная его по рассказам Грановского, сочувственно упоминал о нем 22 сент. 1839 г. в письме к Боткину («Письма», II, 91). В первой половине 1842 г. Фролов был в России. Он вызвался написать биографию Станкевича, друзья которого охотно предоставили ему для этого свои материалы. 20 апреля 1842 г. Белинский писал Боткину:

«Интересно, как напишет Фролов биографию Станкевича, которой, по моему мнению, *невозможно написать*» («Письма», II, 307).

Как нами установлено, работа о Станкевиче доведена была Фроловым до конца. В его бумагах, хранящихся в Отделе письменных источников Гос. исторического музея (Москва), сохранились не только черновые материалы для этой книги, но и цензурованный наборный оригинал, датированный началом 1849 г., с многочисленными цензорскими купюрами.

Об отношениях Белинского и Фролова см. далее письма №№ 148, 151 и 154.

110. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

3 декабря ⟨1843 г.⟩

...Замечания на Белинского не будут печататься в «М⟨осквитянине⟩», хотя Шевыре⟨в⟩ и написал уже, не надобно связываться с ними [1] ⟨...⟩

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV, 343).

[1] Вероятно Шевырев пытался отвечать на обвинения Белинского, заклеймившего Шевырева как доносчика и клеветника: «Г. Шевырев, — писал Белинский,—давно хлопочет об истреблении в русской литературе вредного духа неуважения к писателям, с которыми он, г. Шевырев, находится в приятельских отношениях; для этого он решился твердо, какими бы то ни было способами, заставить замолчать литературных бобылей и безыменных критиков, которые, кроме критик и рецензий, иногда пишут и типические очерки... Не знаем, удастся ли г. Шевыреву его истинно благонамеренное литературное предприятие; но знаем, что он не отстанет от него, не употребив всех усилий, не испробовав всех средств» (VIII, 294).

111. М. Ф. КОРШ — Н. Х. КЕТЧЕРУ

⟨Москва.⟩ 13 дек⟨абря⟩ ⟨1843 г.⟩ [1]

...Что ужо вы все нападаете на «Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩»? Я подозреваю, что вы их не читаете; иначе по свойственной вам справедливости вы бы согласились, что это лучшая русская газета. Не я одна говорю это, и Авдотья Петровна так же о ней относится [2]. Пожалу⟨й⟩ста, возьмите на себя труд просматривать всякий номер, и вы увидите, что я сужу без всякого пристрастия.

От газеты перехожу к Белинскому, который также моя слабость. Пожалу⟨й⟩ста передайте ему мой душевный поклон и желания ему семейного счастия — это говорится без всякой иронии [3]. Как хотелось бы мне посмотреть на него с женою!

Автограф. ЛБ. Фонд Грановских (М. 5185/9, л. 2 об.).

Мария Федоровна Корш (1809—1883) — приятельница Герцена и Грановского, «умная и многосторонне образованная женщина», как характеризует ее П. В. Анненков.

[1] Строки эти являются припиской М. Ф. Корш к письму Е. Б. Грановской.

[2] Авдотья Петровна Елагина (1789—1877) — мать И. В. и П. В. Киреевских. В начале 1840-х гг. ее салон был центром дискуссий славянофилов и «западников».

[3] Белинский женился незадолго до получения настоящего письма. В письме к невесте от 3 ноября 1843 г. он рассказывал, как подтрунивала над ним М. Ф. Корш, узнав о его предстоящем браке («Письма», II, 1—2).

112. Н. Х. КЕТЧЕР — А. И. ГЕРЦЕНУ

〈Петербург. Около 12 июня 1844 г.〉[1]

...Виссарион переехал на дачу, т. е. в лачугу, полуразвалившуюся, две стороны которой выходят на двор, третья на огород, а четвертая в так называемый садик, в котором к стене приделан парусиновый навес, три сирени, две паршивых березы, лоза и всякая дрянь и сор, а он очень доволен [2] 〈...〉

Автограф. ЦГАОР. Коллекция Герцена — Огарева (№ 5770/85).

[1] Дата определяется на основании письма Герцена от 6 июня 1844 г., ответом на которое и является настоящее письмо.

[2] А. В. Орлова, сестра жены Белинского, так описывала эту дачу, находившуюся в Лесном: «Дача у нас была омерзительная, построенная из барочного леса и оклеенная самыми жалкими обоями. Ветер гудел беспрепятственно под полуотклеившимися обоями; в комнатах было так холодно, что мы все трое с ногами усаживались на диван и с нами две молодые собачонки, чтобы лучше согреться, и со стола не снимали самовара» («В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 399). Такое же описание см. в воспоминаниях А. Я. Панаевой, цит. изд., стр. 183).

113. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва. 14 октября 1844 г.

Известие ваше, любезнейший друг, об «Отечественных записках» потревожило меня и Кудрявцева сильно [1]. Чего доброго! Эти друзья на все готовы. Если, для сохранения «Москвитянина», Увар〈ов〉 не пустит нового журнала, то, для сохранения же, он может вредить и старому журналу [2]. При том обиженное самолюбие Погод〈ина〉 и Шев〈ырева〉, которому «Отечественные записки» нанесли чуть не смертельные удары, вероятно, вопияло об отмщении. В бытность свою в Москве, они часто бывали у Сер〈гея〉 Сем〈еновича〉, проводя у него целые вечера; он сам навестил Погодина, который по болезни не мог к нему явиться. В эти или другие времена, только вероятно, что они напевали ему об «Отечественных записках», которые не дают житья «Москвитянину», теряющему более и более подписчиков. В Поречье [3] гостили трое: Шевыр〈ев〉, Давыд〈ов〉[4] и Перевощиков [5]. При Перевощикове вслух говорить было нельзя: он бы прямо вооружился и откровенно сказал бы: неправда, «Отечественные записки» не только хороший, но и единственный журнал. След〈овательно〉, наветы делались втайне. Давыдову нет причины вооружаться против «Отечественных записок», потому и не думаю, чтоб он оказал свое содействие. Разве Шевырев просил его сильно? Впрочем, здесь нет никаких слухов; послушаю и поразведаю — тогда уведомлю. Мне кажется, любезный друг, вам надобно действовать единственно через связи, которые внушили бы министру, что причиною всех наветов — личности и что не должно обращать внимание на оскорбленное самолюбие издат〈еля〉 «Москвитянина» и его критика. Вам не привыкать действовать благоразумно 〈...〉

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», л. 42).

[1] Письмо Галахова является ответом на информацию Краевского о выступлении министра народного просвещения С. С. Уварова против «Отеч. записок». Об этом выступлении, равно как и о том, что оно было инспирировано Шевыревым и Погодиным, Краевский мог узнать от А. В. Никитенко, который 1 сентября 1844 г. отметил в своем дневнике: «Поутру был у нашего министра. Кажется, на него порядочно подействовал прием лести, поднесенный ему москвичами. Слабые нервы этого живого, но нетвердого ума не выносят этого рода щекотания. Он ужасно вооружен против „Отеч. записок", говорит, что у них дурное направление—социализм, коммунизм и т. д. Очевидно, что это навеяно москвичами-патриотами, которым во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министр желает не щадить „Отечественных записок"» (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, изд. 2-е, 1905, стр. 355).

[2] Погодин и Шевырев во время пребывания С. С. Уварова в Москве использовали свои связи, чтобы добиться отрицательного ответа на просьбу Т. Н. Грановского о разрешении ему издания журнала «Московское обозрение». В письме от 13 октября 1844 г.

Галахов извещал Краевского: «Журнала Грановского не будет, министр щадит „Москвитянина“ и потому не дает разрешения, — это мне сказывал сам Давыдов» (ГПБ. Ф. Краевского, «Письма»: «Г»). Характерен отклик Грановского на эти события в письме к Кетчеру от начала 1845 г.: «Поклонись Белинскому. Мы его часто и любовно поминаем. Я помирился даже с его невоздержными речами. Понимаю, как они сходят с благородного языка. Но что за подлая дрянь бóльшая часть наших противников! Напрасно мы начали войну с ними. Это заставило их подумать, что они действительно важны» (ГИМ. Ф. 345, ед. хр. 1, лл. 43—44). В издании «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 464 — письмо это искажено.

[3] Поречье — имение С. С. Уварова, в 35 км от Можайска (см. подобострастное описание этого имения в большой статье проф. И. И. Давыдова в «Москвитянине», 1841, IX, стр. 156—190).

Н. А. ПОЛЕВОЙ

Шарж Н. А. Степанова (?), 1830-е гг.

Третьяковская галлерея, Москва

[4] Иван Иванович Давыдов (1794—1863)—профессор Московского университета, впоследствии директор Главн. педагогич. института, известный своей беспринципностью и рутинерством. Белинский относился к нему резко отрицательно (см. «Письма», I, 322).

[5] Дмитрий Матвеевич Перевощиков (1788—1880)—профессор Московского университета, астроном. О его роли в исключении Белинского из университета см. в настоящем томе, стр. 400.

114. М. С. ЩЕПКИН — Н. Х. КЕТЧЕРУ

⟨Москва. Начало ноября 1844 г.⟩[1]

...Гг. Языковым мое почтение и скажи, что цветы довезены благополучно[2]. Поклонись Белинскому с женой.

Автограф. ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (М. 5185/43, л. 3 об.).

[1] Дата письма определяется его содержанием — сообщением о возвращении Щепкина в Москву после гастрольной поездки в Петербург, закончившейся 31 октября 1844 г.

[2] Белинский характеризовал гастроли Щепкина как «событие весьма важное и в области искусства, и в сфере общественного понятия об искусстве» (IX, 70. Ср. XIII, 175—178).

115. С. И. БАРАНОВСКИЙ — В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

⟨Гельсингфорс. 16/28 ноября 1844 г.⟩

...Начнем обозрение наших литераторов! — Сперва я охарактеризую тебе тех, кого я знаю лично. Издатель «Современника» Плетнев — ректор петербургского университета, сын дьячка, воспитатель наследника, стоящий теперь в кругу аристократов, человек благородного сердца, постоянный в своих суждениях и поступках, с прекрасными стремлениями, но лишенный ученого образования (хоть и кончил курс в университете и профессорствует) и оттого поневоле односторонний. Его литературное поприще должно быть тебе известно; как профессор он любим за свое уменье обходиться и искусство говорить. Быть в его обществе приятно; у него на вечерах встречал я многих из наших литераторов. Графиня Ростопчина — очаровательна во всех отношениях. Представь себе молодую женщину с формами совершенно правильными, с черными, ясными глазами, с умным очаровательным лицом, грациозную в движениях, которая своим серебристым голосом выражает мысли, рождающиеся в поэтической, чистой и благородной душе, такою показалась мне поэт-графиня. Князь Одоевский — с виду и по голосу немножко женоподобный и сладенький — обладает всеми достоинствами и недостатками светского человека, впрочем, я его мало знаю ⟨...⟩ Земляк наш Гребенка человек простой и добрый, привез себе в этом году из Киева жену премиленькую, он в союзе со всеми главными литературными партиями, и оттого его сочинения являются в разных журналах: в «Б⟨иблиотеке⟩ для ч⟨тения⟩», в «От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩», в «Соврем⟨еннике⟩» и «Звездочке».— Последний журнал издает пожилая девица Ишимова, для дамы очень хорошо образованная; вот уже вторая писательница, которая опровергает мысль, кем-то распущенную про дам-писательниц, будто они тяжелы и сухи в обществе.— Ее журнал, так же как и «Современник», существует на том основании, что кто хочет помещать свои статьи в их журналах, не должен за то ожидать себе денег. Прочие журналы следуют другому правилу, и дороже всех платит «Б⟨иблиотека⟩ для чтен⟨ия⟩», издаваемая Сенковским, моим бывшим профессором арабской словесности; по своему характеру он настоящий поляк — смесь надменности и низости; его эгоизм равняется его многообъятной учености; хитрый, изворотливый и острый до колкости ⟨...⟩ Его сотрудник ⟨А. И.⟩ Очкин (сосед моего брата) — издатель «Академических ведомостей» много трудится собственно ради денег и с успехом. Кто вздумает печатать первые свои опыты, тому трудно получить за них деньги, к какому бы журналу он ни обратился. «Отечеств. записки», также «Литературную газету» и «Инвалид» издает Краевский, незаконнорожденный сын кого-то из вельмож.— Он работает единственно для денег и для них не пощадит никого и ничего; кажется, этим свойством довольно очерчивается его характер; он очень ловок и хитер и обладает искусством загребать жар чужими руками да пускать пыль в глаза. Главный помощник его Белинский, человек, говорят, умный (я его лично не знаю), работает и бранится тоже все ради денег. Он будет сильно участвовать и в «Финском вестнике», журнале, который с 1845 года будет издаваться молодым отставным моряком Дершау, сыном абского коменданта, большим говоруном и фанфароном. Наш земляк Бурачек издает плохой журнал «Маяк» и пользуется славою полоумного; я видал его только мельком. Другой наш земляк профессор Никитенко (он был цензором) принадлежит к числу моих

близких знакомых; он из вольноотпущенных крестьян Шереметьева, человек с благороднейшим образом мыслей и с большим природным умом, да и ему как-то недохватило солидного образования, и оттого он как писатель и как профессор является по преимуществу фразеологом — делает гоголь-моголь из каждой мысли; впрочем, это не мешает ему быть прекрасным человеком. У него я встречал иногда Врончéнка — настоящего малоросса — и стихотворца Сорокина, побиваемого по временам своею женою. Вот и весь круг писателей, знакомых мне; да еще позабыл было Устрялова и Шульгина и Постельса, людей, трудящихся более на ученом поприще и еще более на учительском; все они люди достойные уважения. Из незнакомых мне — Кукольник славится как кутила, а Греч и Булгарин (особенно последний) как подлецы. Действительно ли они заслуживают этого названия предпочтительно перед другими — не могу решить потому, что не видел их никогда. Надеждин теперь тоже в Петербурге учительствует и пишет для журналов, платящих: нужны деньги. Николай Полевой страдает гемороем, бедностью и большим семейством; это объясняет его многостороннюю деятельность; Ксенофонт Полевой тоже, бедняга, обанкрутился; у него был магазин на Невском; он честный малый ⟨...⟩ Позабыл еще журнал: незáконный «Сын отечества»; издатель его Масальский обладает чудною способностью — постоянно опаздывать; когда он служил в Государственном совете, обыкновенно прибегал на службу, когда другие уже собирались уходить, да и сидел один иногда до позднего вечера; он большой хлопотун и любит бросаться, суетиться, менять планы. Такой же кунктатор, но впрочем совсем несходный — Сербинович — ханжа и тихоня — номинальный издатель «Ж⟨урнала⟩ м⟨инистерства⟩ н⟨ародного⟩ п⟨росвещения⟩»⟩. NB: это министерство — притон ханжей, князь Ширинский-Шихматов подает тому пример; он же и председатель Русского отделения Академии, которое черпает воду решетом, собираясь издать лексикон, да еще грозит изданием преплохой грамматики; превосходительных в ней много, да в превосходных недочет. Еще приходят в голову кой-какие писатели — мой товарищ по университету Тургенев, поэты Некрасов, молодой Аполлон Майков, недавно воротившийся из-за границы, и др., да боюсь и так наскучил тебе своими короткими характеристиками; так кончу эту статью сегодня полученным известием о смерти нашего славного баснописца Крылова, который в молодости хорошо играл в карты, а в старости съедал между прочим по поросенку и всю жизнь отличался необыкновенным неряшеством: и квартира и платье — все было грязно до гадости: теперь он и сам становится грязью, а когда-то среди этой грязи блистали светлый ум и благородное сердце ⟨...⟩[1]

Автограф. ЦГЛА. Фонд В. М. Лазаревского (1913/31, лл. 5—6 об.).

Степан Иванович Барановский (1817—1899) — педагог, товарищ И. С. Тургенева по Петербургскому университету, с 1843 г. профессор русского языка в Гельсингфорсском университете. Впоследствии известный изобретатель, Белинский дважды сочувственно откликался на изданные Барановским учебные пособия («Краткий географический атлас», 1845 и «Изображение климатов земного шара», 1847). Адресат письма— Василий Матвеевич Лазаревский (1817—1890) — тогда начинающий литератор, автор повестей из народного быта, позднее — член совета Главного управления по делам печати. См. о нем «Лит. наследство», т. 49—50, стр. 488—506.

[1] Характеристика основных деятелей русской журналистики 1840-х годов, представленная Барановским, отличается меткостью и остроумием. Многие его зарисовки являются результатом личного знакомства с оригиналами (Плетнев, Никитенко, Масальский, Ишимова, Сенковский); лишь о сотрудниках «Отеч. записок» судит он только по слухам. Явно ошибочны представления Барановского о Белинском, о котором он повторяет толки многочисленных противников критика. Информация о предстоящем участии Белинского в журнале «Финский вестник» подтверждается появлением имени Белинского как сотрудника в объявлениях о подписке на этот журнал. О предполагаемом сотрудничестве Белинского в «Финском вестнике» передает и хорошо осведомленный П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, стр. 297).

116. Н. А. ПОЛЕВОЙ — А. А. КРАЕВСКОМУ

〈С.-Петербург. 9 декабря 1844 г.〉

Посылаю вам, милостивый государь Андрей Александрович, редкость: оду И. А. Крылова. Она была издана в СПБ, в 1790 году (в 4°, 10 стр., без обозначения типографии). Теперь ее не сыщете нигде. Напечатайте ее в «Отечественных записках», ибо она составляет любопытную черту к характеристике века, к жизни дедушки Крылова, а для журнала драгоценность [1]. Тут можно прибавить и от себя несколько строк о Крылове etc. У меня есть много таких вещей, и я охотно передам их вам, ибо без того могут они потеряться. Посылка моя, надеюсь, не удивит вас. Можно быть различных мнений в том или другом, и взаимно уважать друг друга, и желать друг другу добра, предоставляя мелкую личную злость людям ниже названия человека. Осмеливаюсь думать, что мы находимся в таком положении. Об этом надобно бы когда-нибудь поговорить откровенно, и переговор привел бы ко взаимной пользе, и к пользе общего дела [2]. Верьте почтению и преданности того, кто есть и будет ваш,

милостивый государь,
покорнейший слуга
Н. Полевой

Дек〈абря〉 9 1844 г.
СПБ

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»; «Н — П», л. 542).

[1] Ода Крылова «На заключение мира России со Швецией» была включена в статью Белинского «Иван Андреевич Крылов» («Отеч. записки», 1845, II, отд. II, стр. 62—84), с отметкой: «Один литератор доставил нам опыт Крылова, который для редкости и как живой памятник духа того времени предлагаем здесь любопытству читателей».

[2] Этим письмом Н. А. Полевой сделал попытку сблизиться с «Отеч. записками», позиция которых по отношению к нему до этого времени была чрезвычайно враждебна.

117. А. В. СТАНКЕВИЧ — И. В. СТАНКЕВИЧУ

Петербург, 21 февраля 1845 г.

...Ты хочешь, Ваня, поболе услышать о Белинском и о прочих. Многого сказать нечего. Труды Белинского ты видишь в «Отечественных». Положение его скверное. Можно утвердительно сказать: «Отечественные» поднял Белинский. Краевский получает теперь чистого барыша в год сто тысяч. Белинскому дает только шесть. Кроме того, без разбора присылает ему для рецензии глупейшие книжонки и утомляет его глупою работою. Белинский человек семейный и не может довольствоваться плохим жалованьем. Не могу не удивляться силе и энергии, которую до сих пор сохраняет Белинский, несмотря на все обстоятельства. Я бываю у него. В нем много перемены. Прежняя дикость и необузданность редко являются в нем. Он стал умерен и тих. Жена его мне не нравится. И едва ли семейная жизнь отрадна для него [1] 〈...〉

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, ед. хр. 67, л. 106).

[1] А. В. Станкевич характеризует положение Белинского в «Отеч. записках», вероятно, повторяя слова самого критика. Ср. известные признания Белинского о его отношениях с Краевским в письмах к Герцену от 26 января 1845 г. и 2 января 1846 г. («Письма», III, 87 и 89). В то же, примерно, время, что и А. В. Станкевич, Белинского часто посещал Кетчер. К середине февраля 1845 г. относится его план организации в Петербурге нового журнала, с Белинским во главе. «Вы хлопотали о журнале в Москве,— писал Кетчер Герцену, — хлопоты не удались; но они могут удасться в Петербурге. Можно купить который-нибудь из здешних журналов, а купить и иметь журнал необходимо. Надобно сшибить подлеца Краежского, необходима и война беспощадная с юродивыми честно-подлыми славянами. Редактором должен быть Виссарион; ему нужно прямое получение тех же шести тысяч в год, которые он получал у Краевского; все прочие могут работать в чаянии будущих благ. Сверх того, я пишу к Николаю 〈Огареву〉.

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА К Н. М. ЩЕПКИНУ ОТ 10–12 МАРТА 1846 г. С УПОМИНАНИЕМ О БЕЛИНСКОМ

Исторический музей, Москва

Как Николай, так и ты с ума сошли углублением в естественные науки, когда так животрепещуще теперь изучение наук социальных, политической экономии и истории с тех же точек» («Русская мысль», 1892, IX, стр. 10—11).

Об отношении А. В. Станкевича к Белинскому см. в настоящем томе стр. 281—290.

118. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

1845, октября 5, Москва

...С большим удовольствием прочитал я в вашем письме строки: «Вспомните, что мы вместе вбивали „Отечественные записки" в массу читающей публики». Да, это так, я это помню очень твердо, потому что никогда не забывал этого. Горжусь тем, что в итоге вашего успеха есть и моя лепта, замечательная своею искренностию ⟨...⟩ Вы спрашиваете у меня: какое мое мнение о журнале? что говорят о нем в публике? Но на что вам голос мой и публики, когда вам ясно указывают истину цифры — управляющие миром?

Теперь уж нет разноголосицы, как прежде. Все отзывы сливаются в один. Журнал ваш первый и по внутреннему достоинству и по числу подписчиков.

Его читают все, его хвалят люди, понимающие дело, его бранят невежды — эти три пункта, кажется, ручаются твердо за его славу. Слава, разумеется, вам, претерпевшим все возможные невзгоды журналиста, и поставившим на своем [1]. Здесь мало одного ума, расчетов, соображений, здесь нужна твердость характера — да еще какая! Иногда, перевертывая страницы старых номеров, я с приятностию вижу, как многое незрелое сделалось зрелым и как журнал ваш с каждым годом более и более совершенствовался [2] ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», л. 33 об.).

[1] Письмо Галахова об «Отеч. записках» очень характерно не только как авторитетное свидетельство об успехе журнала в самых широких кругах русской общественности, но и как показатель исключительного малодушия его автора, не рискнувшего напомнить Краевскому о Белинском, подлинном вдохновителе «Отеч. записок». В позднейших своих воспоминаниях Галахов исправил эту ошибку, откровенно заявив, что «критика в „Отеч. записках" в первый год их существования не имела строгой определенности и единства направления. От редакции мы не получали на этот счет никаких положительных указаний. Характер этой „безыменной" критики установился лишь в то время, когда Белинский стал главным распорядителем критического отдела» («Исторический вестник», 1886, XI, стр. 335).

[2] О трудностях, которые приходилось преодолевать Белинскому и Краевскому в первые годы издания «Отеч. записок», см. выше письма №№ 81 и 85.

119. А. ЛЫСЦОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨1840—1845 гг.⟩

...Осмеливаюсь и надумываюсь предложить «Отечественным запискам» мои небольшие сведения и мои ослабевшие руки: авось вы не бросите камнем в лоб за то, что вам кланяются...

Посылаю статейку, которую начал было сам (о, бедный!) переписывать и все и все для «Отечественных записок», все для Белинского, который неподдельно желал мне добра — я это знаю,— не слеп ⟨...⟩ [1]

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Л—М», л. 143).

[1] В письмах Аполлона Лысцова, хранящихся в архиве Краевского, упоминается какая-то его работа о боярине Матвееве. Возможно, что о ней идет речь и в следующем письме Лысцова в редакцию «Отеч. записок»: «Ответьте: рискнете ли вы исполнить написанному? Если нет, согласитесь, я все сделал, чтобы поблагодарить и вас, и Виссариона Григорьевича за мои у вас похождения».

120. А. И. ГЕРЦЕН — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва. 10—12 марта 1846 г.⟩

Я хочу завтра или послезавтра отсылать Белинскому статьи. А потому о журнале Мих⟨аила⟩ Сем⟨еновича⟩.

1-е. Желает ли М⟨ихаил⟩ С⟨еменович⟩, чтоб напечатать его фамилью или только первую букву.

Е. Д. и Н. М. ЩЕПКИНЫ
Раскрашенная фотография 1850-х гг.
Исторический музей, Москва

2-е. Само собою разумеется, что статья эта очень хороша — надобно местами сделать легкие поправки в слоге, это вздор.

3-е. Необходимо одно дополнение, хоть одну страничку о впечатлении первого представления, что давали и пр.

Напишите пожалу⟨й⟩ста мне обо всем этом. Я вам буду п о г р о п благодарен.

Сверх того, надобно предоставить Белинскому право выбросить кой-какие подробности.

Да только я на это даю сроку т р и д н я — не более [1].

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, д. 98, л. 41—41 об.). Без подписи и даты. В описях ошибочно значится как письмо Н. Г. Фролова.

[1] Авторство Герцена неоспоримо устанавливается почерком и самым содержанием письма. Содержание определяет и точную датировку.

Приняв окончательное решение об уходе из «Отеч. записок», Белинский в письме к Герцену от 14 января 1846 г. «кликнул клич» московским друзьям о доставлении ему материалов для задуманного им общественно-литературного альманаха «Левиафан».

В числе откликнувшихся на этот призыв был и М. С. Щепкин, предложивший для альманаха отрывки из своих воспоминаний. Белинский был чрезвычайно обрадован обещанием Щепкина, о чем 26 января писал Герцену: «Вещь драгоценная; я вспрыгнул, как прочел, что он хочет дать. Это будет один из перлов альманаха» («Письма», III, 97; см. также III, 100). 20 марта 1846 г. Белинский уже благодарил Герцена за полученные материалы: «Отрывок Михаила Семеновича — прелесть. Читая его, я будто слушал автора...» («Письма», III, 104). Дата цитируемого письма Белинского позволяет довольно точно установить и время написания печатаемого выше письма Герцена к Н. М. Щепкину.

Переход «Современника» в руки Некрасова и Панаева заставил Белинского передать весь полученный им для «Левиафана» материал в редакцию нового журнала. Воспоминания Щепкина были опубликованы в первом номере «Современника» 1847 г.

121. Д. П. ГОЛОХВАСТОВ — С. Г. СТРОГАНОВУ

〈Москва.〉 16 апреля 1846 г.

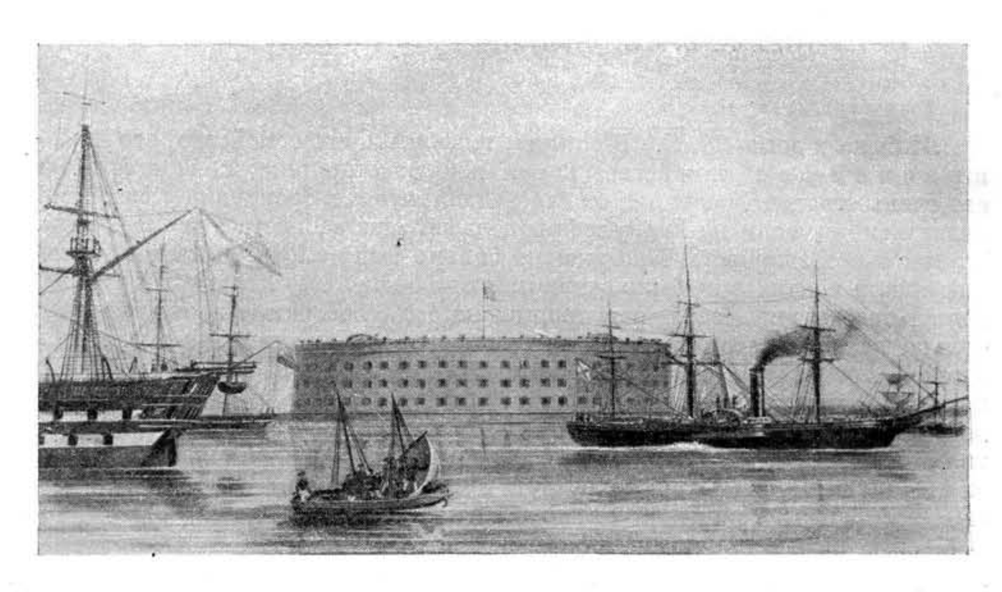
...Я был крайне изумлен прочтя полностью в № 4 «Отечественных записок» за подписью Л. статью г. Мельгунова, которую Вы запретили печатать в «Москвитянине». Что же станут говорить после этого о нашей цензуре, если то, что запрещается ею к печатанию в Москве, в журнале, не имеющем и 600 подписчиков, оказывается тотчас напечатанным в Петербурге в количестве 4000 экземпляров? [1]

Равным образом любопытна в Библиографической хронике того же номера публикация об альманахе «Первое апреля», вышедшем в свет в Петербурге 1 апреля и объявление о котором помещено в номере 4-м «Отечественных записок», появившемся в тот же день с цензурным разрешением от 31 марта. Журнал постарался напечатать в 4000 своих экземплярах выдержки из этого альманаха и среди прочих пасквиль на Шевырева («Пушкин и ящерицы»), пасквиль на Погодина под именем Ведрина; будто бы он заплатил 5000 руб. управляющему какого-то русского князя (Тюфякина), живущего в Париже, чтобы приобрести за 35 000 руб. дом, стоящий 150 000 руб., и оскорбительного содержания стихи на Булгарина. Возможно, что все они и очень плохие люди, но хороша же и петербургская цензура, разрешающая пасквили и порочащие человека анекдоты, без обиняков рассказывающие о его личной жизни? Хорош же и журнал, который, разоблачая эту цензуру, сам пользуется ею для того, чтобы в тот же день поместить в 4000 своих экземплярах перепечатку этих пасквилей?[2] 〈...〉

Автограф (отпуск). Подлинник на французском языке. ГИМ. Фонд Голохвастовых (№ 404, ед. хр. 2, л. 24).

[1] Д. П. Голохвастов имеет в виду небольшую статью Н. А. Мельгунова: «Об искусстве жить (посвящается Юноше)», помещенную в отделе «Смесь» апрельского номера «Отеч. записок» и сопровождавшуюся следующим примечанием от редакции: «Поводом к этой статье, сколько нам кажется, послужила статья г. Погодина, помещенная во 2-м номере „Москвитянина“ нынешнего года и называющаяся „К Юноше“. По крайней мере эти слова утешения и надежды, доставленные нам неизвестным автором (которому приносим за них искреннюю благодарность), могут служить прекрасным ответом на мрачный, проникнутый горьким разочарованием дифирамб г. Погодина».

Повидимому, «криминальными» Голохвастову показались следующие высказывания Мельгунова в этой статье: «Жизнь в полноте своей, в высшем своем развитии, должна быть торжеством, обладанием, разумной и любовной свободой 〈...〉 Что значит быть властителем? Не тот властитель, который вокруг себя все подавляет, который для того, чтоб жить самому, не дозволяет жить другим. Нет, истинный властитель тот, кто, стоя выше всего, вступил со всем ему низшим в прямой, законный, естественный союз, кто не похитил насилием свою высшую ступень, занял ее по праву натуры своей, по

КРОНШТАДТ. ФОРТ АЛЕКСАНДРА I СО СТОРОНЫ РЕЙДА

Акварель неизвестного художника, 1850 г.

Военно-морской музей, Ленинград

непреложному закону первенства 〈...〉 К чему 〈...〉 стремятся люди? К торжеству свободы над произволом...» и т. д.

О Д. П. Голохвастове см. ниже письмо № 132.

[2] Речь идет о небольшом отзыве Белинского на изданный Некрасовым сборник «Первое апреля». Белинский писал в этом отзыве: «Вся эта книжка не больше как болтовня, но болтовня живая и веселая, местами даже лукавая и злая. Вот для образчика прозы два анекдота из „Первого апреля"». Далее Белинский привел полностью анекдоты Некрасова: «Пушкин и ящерицы» (направленный против С. П. Шевырева); «Как один господин приобрел себе за бесценок дом в полтораста тысяч» (о М. П. Погодине); «Славянофил» (о К. С. Аксакове) и стихотворный портрет Булгарина («Он у нас восьмое чудо») (X, 305—309).

Д. П. Голохвастов своим опытным глазом сразу же разгадал остроумный маневр Белинского, воспользовавшегося трибуной «Отеч. записок» для широкого распространения памфлетов, дискредитировавших его политических врагов (см. XIII, 337).

122. К. С. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

〈Москва. 16—18 мая 1846 г.〉[1]

...Бел〈инский〉 и др. оставили Москву: я не встречался с ними и, чтобы избежать встречи, я не ездил ни к Коршу, ни к Чаадаеву[2]. Бел〈инский〉 был у Ефр〈емова〉, успел наговорить гнусностей и выругать меня, чем последним я очень доволен [3] 〈...〉

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 54-ж).

[1] Письмо датируется на основании сообщения об отъезде Белинского из Москвы, где он останавливался проездом, отправляясь с М. С. Щепкиным в путешествие на юг России.

Белинский выехал из Москвы 16 мая 1846 г.

[2] О посещении Белинским Чаадаева в 1846 г., во время пребывания критика в Москве, до сих пор известно не было.

[3] Борьба Белинского против реакционного славянофильства, возглавлявшегося К. С. Аксаковым, в это время приняла особенно острые формы. В письмах этого периода Белинский называл К. С. Аксакова «жалко ограниченным человеком» и «шутом» («Письма», II, 88, 98).

123. А. В. СТАНКЕВИЧ — М. В. СТАНКЕВИЧ

19 мая ⟨1846 г.⟩[1]

...Я была в доме ⟨М. С.⟩ Щепкина, видела все его семейство, это прекраснейшее семейство, какая добрая старушка жена его! Дочь его очень страдает, бедная [2], она так слаба, что я в сравнении с нею могу назваться, ну если не Геркулесом (ведь вы еще засмеетесь из всех сил), ну так очень здоровою. Мне ужасно больно было смотреть на нее, и как она проста и умна, мне было очень приятно с нею ⟨...⟩ Кстати, мы уже видели Константина Беера, расспрашивала его о сестрах его, они здоровы, больше почти ничего не узнала о них нового; сам он довольно худ, хоть и здоров, прекрасный молодой человек [3] ⟨...⟩ Алексей же Рж⟨евский⟩, кажется, совершенно возлюбил покой, был у нас только раз, перед выездом нашим в театр, на четверть часа и не показался более. Хорошо встретил его у нас Белинский, долго не видавший его, первый его вопрос был: «а что, вы женились — и тысячу душ приданого взяли?» В самом деле, он еще располнел, вероятно, от того, что, как сказал мне Грановский, в Москве любят покушать, как в деревнях ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, д. 90, лл. 62 об.—63 об.).

Александра Владимировна Станкевич — сестра А. В. Станкевича, впоследствии жена Н. М. Щепкина. Встречи в Москве с Белинским в 1846 г. описаны в ее воспоминаниях («Воспоминания А. В. Щепкиной», Сергиев-Посад, 1915, стр. 127—130).

[1] Дата определяется содержанием письма.

[2] Фекла Михайловна Щепкина (1816—1852) — старшая дочь актера.

[3] Константин Андреевич Беер (ум. в 1847) — член кружка Станкевича, младший брат А. А. и Н. А. Беер. Белинский упоминает о нем неоднократно как о «добром малом, чуждом всяких претензий» («Письма», II, 9).

124. И. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

Острогожск. 23 мая ⟨1846 г.⟩

...Брат писал, что Белинский и Михаил Семенович едут в Крым чрез Воронеж и, может быть, пробудут в нем несколько дней — жаль, что не знаю, когда они приедут,— я постарался бы приехать [1] ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 32, л. 140 об.).

[1] Белинский приехал с М. С. Щепкиным в Воронеж 1 июня, а выехал 4 июня 1846 г. Николай Михайлович Щепкин — второй сын артиста, служил в это время в Воронеже в кавалерийском полку. См. ниже адресованные ему письма матери и брата.

Как можно предположить на основании неопубликованного письма К. П. Барсова к Н. М. Щепкину, Белинский на обратном пути с юга снова посетил Н. М. Щепкина в Воронеже («Вы хандрите в Воронеже, как сказывал нам Белинский». — ГИМ, ф. 276, ед. хр. 31).

125. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

1 июня 1846 г

...Если Михаил Семенович ⟨Щепкин⟩ еще не проехал Воронеж, крепко обнимите его за меня да кланяйтесь Белинскому [1]. О его проводах из Москвы я читал в письме Панаева к Маслову, с которым и вижусь здесь[2] ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 98, лл. 164 об.—165).

[1] Белинский пробыл в Воронеже с 1 по 4 июня 1846 г.

[2] Письмо Панаева к И. И. Маслову о проводах Белинского из Москвы до нас не дошло. Герцен в письме к Краевскому от 20 мая 1846 г. отметил исключительное внимание, оказанное Белинскому в Москве: «Огромный обед у Шевалье и дюжина обедов дружеских, потом проводы за 18 верст» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. IV, стр. 413. Ср. «Письма», III, 119).

126. П. А. ПЛЕТНЕВ — И. С. АКСАКОВУ

15 июля 1846 г. — Санкт-Петербург

...Само собой разумеется, что рукопись Ваша, когда я получу ее, не пойдет к Никитенко, так как он открыто вовлечен в интересы Краевского, Белинского и Некрасова [1]. По Вашему указанию, я передам рукопись Очкину [2]. Хотя и он, будучи соучастником интересов Сенковского, у которого Никитенко нанят для критики, не чужд преследования противников вышеупомянутой тройки литературных кляч, но по уменью скрытничать еще не обнаруживал этого перед публикой ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд Аксаковых (№ 884, оп. 6, ед. хр. 136, л. 3).

[1] Письмо Плетнева является ответом на просьбу И. С. Аксакова о содействии при рассмотрении в Петербургском цензурном комитете проектировавшегося им сборника стихотворений. Наружно сохраняя корректные отношения с А. В. Никитенко, Плетнев дискредитировал его за связи с «Отеч. записками» и за поддержку «натуральной школы». В письме от 20 июля 1846 г. Плетнев уверял Грота, что «у Никитенки тон, выражения и содержание — все как будто целиком схвачено из „Отеч. записок" или „Библиотеки для чтения"» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, стр. 809). Эти обвинения основывались на положительных высказываниях А. В. Никитенко о «Петербургском сборнике» Некрасова («Библиотека для чтения», 1846, III и IV). Именно эти статьи обеспечили впоследствии согласие Белинского и Некрасова на приглашение А. В. Никитенко в качестве официального ответственного редактора в «Современник».

[2] Амплий Николаевич О ч к и н (1791—1865)— цензор, журналист, впоследствии редактор «С.-Петербургских ведомостей».

127. Е. Д. ЩЕПКИНА — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва.⟩ 14 августа 1846

...Отец теперь в Севастополе. Он договорился за 40 спектаклей 8 тысяч ру⟨блей⟩. И слава богу здоров. И Белинской тоже поправился, пишет отец, только жары им доедают [1] ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 96, л. 71 об.).

Елена Дмитриевна Щ е п к и н а (1789—1859)— жена М. С. Щепкина. См. о ней в «Воспоминаниях А. В. Щепкиной», М., 1915, стр. 238—239, а также ниже ее письма №№ 129 и 140.

[1] 14 августа 1846 г. Белинский и Щепкин были не в Севастополе, а в Херсоне. О поездке их в Севастополь см. следующие письма.

128. П. М. ЩЕПКИН — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва.⟩ 18 сент⟨ября 1846⟩

От отца недавно получил письмо — он едет в Симферополь, а оттуда 10-го или 15-го сентября отправляется в Севастополь — где пробудет такое количество времени, которое не помешает ему вернуться в Москву к 15-му октября. Жалуется сильно на тоску и скуку, о Белинском пишет, что поправляется.

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 97, л. 60—60 об.).

Петр Михайлович Щ е п к и н (1824—1877) — младший сын артиста, в это время студент Московского университета. См. ниже его письмо № 137.

129. Е. Д. ЩЕПКИНА — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва.⟩ 1846. Сентября 27

...Ты удивляешься, что отец не получил твоего письма. Кажется, и моих он не все получил. Ибо я писала все в Севастополь, а он очутился в Симферополе, и много моих писем не получит. Я недавно получила письмо, пишет, что он отправляется в Севастополь, а первого октября выедет домой. А вчерась нам сказывали, что Герцен получил письмо от Белинского. Пишет Белинский, что они после письма сами скоро будут [1]. И не знаю, что это значит. Стало быть отец виноград не будет есть ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 96, лл. 77—78).

[1] «Когда ты будешь читать это письмо, я уже, вероятно, буду на пути в Москву», — писал 6 сентября 1846 г. Белинский Герцену из Симферополя («Письма», III, 159). Белинский и Щепкин прибыли в Москву около 13 октября 1846 г.

130. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

⟨Париж.⟩ 1 октября ⟨н. ст.?⟩ ⟨1846 г.⟩[1]

Известие о твоей истории, Ванюша, приятно чрезвычайно, но печатать ее я решительно не знаю для кого ты будешь и как ты будешь [2]. Белинский сам не печатал, а всегда продавал книгопродавцам для печатаний [3], да его же и нет в Петербурге, кажется.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] П. В. Анненков имеет в виду «Историю лейб-гвардии Конного полка от 1731 до 1848 г.», над которой работал его брат, полковник И. В. Анненков (1812—1887). Труд этот выпущен был в свет в 1849 г.

[3] Белинский выпустил в 1846 г. в свет книжку «Стихотворения А. В. Кольцова» со своей вступительной статьей и брошюру «Николай Алексеевич Полевой».

131. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

Удеревка, 14 окт⟨ября⟩ 1846

...Очень интересно мне знать, что сказал Белинский о Беккере [1]. Знаю их обоих, и не думаю, чтобы они могли понравиться друг другу. От Беккера я на-днях получил письмо, которое меня рассердило. Есть в нем иногда дикости, но когда подумаю, сколько есть благородного и прекрасного в существе этого человека, прощаю их и люблю опять его ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 98, л. 105).

[1] Беккер — товарищ А. В. Станкевича по Харьковскому университету, готовившийся к магистерскому экзамену. В переписке Белинского и в мемуарной литературе имя Беккера не встречается. См. о нем в кн. «Историко-филологический факультет Харьковского университета», Харьков, 1908, стр. 67 и 95.

132. НЕИЗВЕСТНЫЙ — Д. П. ГОЛОХВАСТОВУ

⟨Около 1 ноября 1846 г.⟩[1]

Я совсем было завернул ассигнации для подписки на «Современника». Но вдруг, как бомба, упала в меня прилагаемая афиша. Вот в чьи руки переходит благонамереннейший из журналов! Вот кто будут направителями наших мнений! (Я приложил афишу с подлиновками, чтобы не распространяться об этом в письме). Больно, грустно, гадко! И вот он новый comes![2] Не проник ли я его уже давно? Не прав ли я?

Издание этого (возобновленного) журнала будет последним coup de grâce нашей нравственности и нашему монархизму. Увидят это: иные к

ПАРИЖ. ТЮИЛЬРИЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Автолитография Ф. Бенуа, 1840-е гг.

«Тюльерийский дворец, с его площадью, обсаженною каштанами, с его террасою, с которой смотришь на place de la Concorde (что̀ прежде была площадь Революции), с ее обелиском, великолепными фонтанами — это просто... Шехеразада» (из письма Белинского к жене от 22 июля/3 августа 1847 г.)

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

своей адской радости, другие к скорби неутешной. Я не теряю из памяти 1788, 1789 и 1790 годов фр⟨анцузского⟩ переворота. Не так ли фр⟨анцузская⟩ литература переходила в руки Бомарше и Мирабо?

У добрых людей останется одна надежда, хотя и макиавелистская: видеть столкновение Белинского и Некрасова с Краевским.

Греч и Булгарин устарели; но неужели не могут они восставить своих прозелитов, молодежь благонравную, благонамеренную, чтобы изобличить новых издателей «Современника»? Все это есть у них под руками, но... comes!![2].

О, Русь! —остается плакать о тебе и над тобою! Бог, однакоже, хранивший тебя, сохранит тебя еще надолго [3].

Автограф. ГИМ. Фонд Д. П. Голохвастова (№ 404, ед. хр. 28, л. 141—141 об.).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] Comes (лат.) имеет несколько значений: спутник, провожатый, товарищ, единомышленник, наставник и пр. Автор письма намекает, повидимому, на закулисное влияние, оказывавшееся каким-то высокопоставленным лицом на политику правительства в области печати.

[3] Письмо неизвестного реакционера к Д. П. Голохвастову (1796—1849), председателю Московского цензурного комитета и помощнику попечителя Московского учебного округа, ярко характеризует возмущение реакционных помещичьих и бюрократических кругов после появления информации о переходе «Современника» в руки Белинского и Некрасова. Прежний издатель «Современника» П. А. Плетнев 26 октября 1846 г. писал об этом Я. К. Гроту: «Объявление о новом „Современнике“, где буквы в аршин на зеленом огромном листе, уже разослано по городу и в города провинциальные» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, стр. 845). В письме от 27 октября 1846 г. Н. М. Языков сообщал Гоголю: «„Современник“ купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием щелкоперов» («Русская старина», 1896, XII, стр. 645).

133. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

1847, января 10. Москва

...Не прислав мне дарового экзем⟨пляра⟩ «Отечественных записок», вы сделали меня на нынешний год без «Отечественных записок» ⟨...⟩ Мне, как мнительнейшему на свете человеку, пришла в голову мысль: не показалось ли вам странным видеть мое имя два раза напечатанное у Современникистов: однажды в московских газетах, другой раз — в 1-м № «Современника»? Когда я это подумал, то, приписав вам некоторое на меня неудовольствие, я заключил, что вы не только меня обидите этим, но даже покажете свою ко мне неблагодарность — именно неблагодарность. Ибо есть большое различие между отношениями только что дружескими и отношениями, которые к дружбе присоединяют служение. Я не только друг вам, но в некотором роде и слуга — разумеется, слуга из дружбы. Малейшая тень с вашей стороны будет знаком, что вы не только нарушаете дружбу, но что вы и неблагодарны. Я дал Б⟨елинско⟩му повесть, давно обещанную и вам известную: вот та статья, о которой говорит «Современник», и вот почему вписан я в сотрудники «Современника» [1]. Мне самому смешно, что я распространяюсь там, где говорит за меня десятилетнее сотрудничество, которое не только не ослабевало, но с каждым годом возрастало более и более. Но — как я уже сказал вам — я мнительнейший москвич ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», лл. 53—54).

[1] Повесть А. Д. Галахова «Превращение», предоставленная автором Белинскому для альманаха «Левиафан», была напечатана в «Современнике», 1847, IV. Характеризуя Галахова как «половинчатого человека», Белинский писал о нем 14 января 1846 г. Герцену: «В нем много хорошего, но это хорошее на откупу у Давыдова и Кузьмы Рощина» («Кузьма Рощин» — прозвище Краевского). О позиции Галахова в «Отеч. записках» см. в прим. к письму № 70.

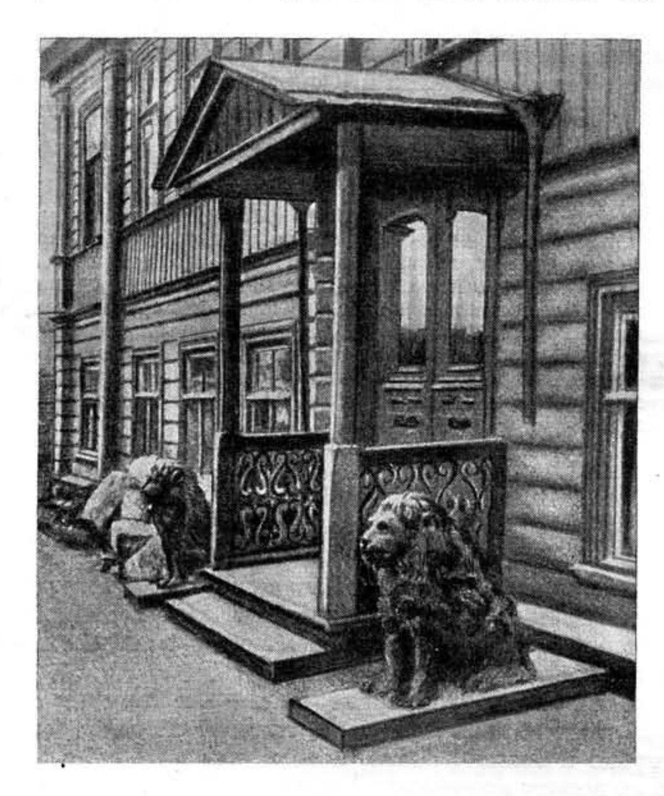
134. И. И. ПАНАЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ, Т. Н. ГРАНОВСКОМУ, А. И. ГЕРЦЕНУ и др.

⟨Петербург.⟩ 11 января 1847

...Белинский вам всем кланяется. Его здоровье получше — и вообще он сильно одушевлен ко 2 №. — Следствие этого одушевления вы прочтете [1] ⟨...⟩.

Автограф. ЛБ. Бумаги И. И. Панаева (М. 5185/27, л. 3).

[1] Информация Панаева должна была парализовать слухи о разладе в редакции «Современника» (см. об этом далее письма №№ 136 и 137). В № 2 «Современника», материалом которого Белинский был, действительно, доволен, ему принадлежали

ПОСЛЕДНЯЯ КВАРТИРА БЕЛИНСКОГО

Флигель дома И. Ф. Галченкова на Лиговском канале в Петербурге. Здесь жил (с октября 1847 г.) и умер великий критик

«Солнце России», 1910, № 28

общественно-политический фельетон «Современные заметки» и четыре критических разбора («Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» Даля, «Воспоминания Фаддея Булгарина», ч. III, «Очерки Рима», А. Майкова).

135. К. Д. КАВЕЛИН — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 12 января 1847 г.

...А. Д. Галахов передал мне и записку о деньгах к Базунову и ваши лестные для меня отзывы о моих статьях. Это удовольствие было, однако, несколько нарушено небольшим недоразумением, которое вкралось в нашу переписку с вами через г. Галахова, по всем вероятиям — по моей же ошибке. Из ваших слов я заключаю, что вы думаете, будто я совершенно отказался от всякого участия в «Отечественных записках» и что статьи о

Несторе будут последние. Позвольте мне уверить вас, что этого я не говорил и не думал. Вы поймете меня, если я вам скажу, со всей откровенностью, необходимою в таких случаях, что мои симпатии и приязни весьма естественно влекут меня к «Современнику»; что мои труды будут преимущественно посвящены этому журналу — выходит уже само собою. Но так как я не думаю, чтоб в этот журнал могли поместить и так скоро все те статьи, которые я задумываю и пишу,— как бы мне хотелось, то я с величайшим удовольствием готов пересылать их вам. Конечно, мое участие в вашем журнале не может быть так деятельно, как до сих пор, но я не считаю себя в праве от него отказываться. Смею поручиться вам за то, что различия между статьями, помещенными у вас и в «Современнике», я не буду делать; и те и другие будут писаны равно добросовестно и по крайнему моему разумению. Наконец, я считаю себя обязанным засвидетельствовать вам, что, при всей моей симпатии к «Современнику», я очень высоко ценю журнал, издаваемый вами, ценил его так и прежде и до сих пор не имею никаких причин изменить моего мнения [1] ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Д — К», л. 407).

[1] Письмо отражает двойственную позицию К. Д. Кавелина в момент реорганизации «Современника». Всячески подчеркивая свои симпатии к «Современнику» и заверяя Белинского в активной поддержке нового журнала, Кавелин за спиной великого критика уже спешит наладить контакт с Краевским. Свою беспринципную сделку с «Отеч. записками» Кавелин пытался впоследствии мотивировать тем, что для него, равно как и для всей группы буржуазных либералов, в том числе Грановского, Боткина и Корша, не было якобы никакой разницы между Некрасовым и Краевским как литературными «промышленниками». Эта «мотивировка» была, как известно, сразу и очень резко опровергнута Белинским («Письма», III, 178), но позиция Кавелина и после этого не изменилась.

136. И. И. ПАНАЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ

7 февр⟨аля⟩ 1847. СПБ[1]

...Я понимаю важность журнала. Я знаю, что в делах журнальных нельзя полагаться на один собственный ум и вкус. Некрасов понимает это также очень хорошо, и потому мы все делаем с общего согласия, и состав каждой книжки апробируется Белинским ⟨...⟩

Что за пошлый и глупый вопрос: не б а т р а к ли у нас Белинский? — За кого же ты считаешь, наконец, меня, Кетчер? И после всего, что я писал вам!.. Это горько и больно!.. Мне, кстати, хотелось бы о многом поговорить с тобою по поводу кое-каких странностей в твоем письмеце, да в письме как-то неловко да... и скучно...[2] И без того неприятностей много! ⟨...⟩

По делам журнальным Белинский писал с этою почтою к Кавелину [3] ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (М. 5185/27, л. 4).

[1] Письмо является ответом на не дошедшее до нас «ругательное письмо» Кетчера, о котором упоминал Белинский в письме к Тургеневу от 19 февраля 1847 г. («Письма», III, 179).

[2] Вопрос о включении Белинского в число пайщиков «Современника» оставался открытым до начала февраля 1847 г., когда критик окончательно принял условия Некрасова, определявшие его вознаграждение за работу в журнале в размере 8000 р. ас. в 1847 г. и 12 000 в 1848 г. Белинский сам отверг другие формы оплаты его труда (процентное отчисление с подписных сумм, специальное соглашение об обеспечении на случай болезни или смерти и т. п.), предпочитая «брать плату, как обыкновенный сотрудник и работник» («Письма», III, 178). Материально этот договор достаточно обеспечивал Белинского, но морально критик считал себя не совсем удовлетворенным, так как не подозревал, что уклонение Некрасова и Панаева от включения его в число пайщиков «Современника» объяснялось не какими-либо корыстными соображениями, а лишь боязнью его друзей, в случае его «неминуемо близкой смерти», связать себя и судьбу журнала с претензиями наследников Белинского (см. об этом в «Автобиографиях» Некрасова — «Лит. наследство», т. 49—50, стр. 154—158).

[3] Это письмо Белинского к Кавелину до нас не дошло.

137. П. М. ЩЕПКИН — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва. Около 15 февраля 1847 г.⟩[1]

Кстати, или, лучше, некстати — ты прав относительно того, что писал о Белинском,— с ним поступили отвратительно — подло — гнусно [2]. Здешние же наши все, как мне кажется, гораздо более любят и в состоянии говорить, нежели делать. Конечно, это люди хорошие, имеют прекрасные убеждения, красноречиво высказывают их,— да не всегда поступают согласно этим убеждениям. Впрочем, сию минуту во время моего писания Бабст [3] сообщил совершенно обратное известие, заимствованное из письма Белинского к Боткину, приехавшему недавно из-за границы, в котором Белинский просит никому не говорить о том, как с ним было поступили [4], и потому ты сам знаешь, говорить ли кому об этом или нет ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 97, л. 63—63 об.).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] П. М. Щепкин (см. о нем выше письмо № 128) имеет в виду положение Белинского в редакции «Современника», о чем см. выше письмо № 136. Несправедливые обвинения против Некрасова, исходившие от московских друзей Белинского, были в значительной степени инспирированы В. П. Боткиным, ведшим в это время двойную игру и пытавшимся совместить личную близость с Белинским с ориентацией на «Отеч. записки» — оплот буржуазного либерализма.

[3] Иван Кондратьевич Бабст (1824—1881) — см. о нем в настоящем томе, стр. 270. О его участии в «Современнике» 1847 г. см. «Лит. наследство», т. 51—52, стр. 166—167.

[4] Письмо Белинского к В. П. Боткину, в котором якобы заключалась его просьба «не говорить о том, как с ним было поступили», нам не известно, но в письме к И. С. Тургеневу от 19 февраля 1847 г. Белинский отмечал, что на эту же тему у него было письменное объяснение с Кавелиным, которого он умолял не подрывать успеха «Современника» и не ссорить его, Белинского, с Некрасовым и Панаевым. Об этом же критик просил Тургенева: «если вы не хотите поступить со мною, как враг, ни слова об этом никому ⟨...⟩. Подобное дело и лично распутать нельзя ⟨...⟩, а переписка только еще более запутает его, и всех больше потерплю тут я, разумеется» («Письма», III, 179—180).

138. К. П. БАРСОВ — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва.⟩ 17 февраля ⟨1847 г.⟩

...По субботам наши знакомые собираются у кого-нибудь одного, прошлую субботу были все у Боткина, где прямо мне бросилась в глаза на столе кружка жестяная с прорезом. К концу вечера Боткин прочел по его обыкновению за тайну при всех письмо от Белинского, в котором он пишет о своем страшном положении, о своей болезни и о том, что ему надо ехать за границу, а денег ни гроша, что он задолжал уже «Современнику», стало быть, с этой стороны вспоможения нет [1]. Герцен, уезжая за границу, хотел излить свою щедрость над Белинским, а вышло, что он только хотел; у него взял на заведение лавки г-н Некрасов 5 тысяч (как вам, я думаю, известно) и потом писал, что он истратил эти деньги на издание того-то и того-то. Александр Иванович распорядился так, как бы не распорядились мы с вами, если бы у нас было столько, сколько у него. Он предоставил Белинскому получить с Некрасова 1000, т. е. предоставил больному человеку хлопотать о невозможном, да если бы даже и мог он получить с Некрасова, то все-таки получил бы только 1000 асс., что же это для больного Белинского за границей?

Он прибегнул к Боткину с просьбой, вследствие чего и явилась, вероятно, эта кружка с прорезом и вследствие чего и явилась подписка к концу вечера, самый большой куш пал на отсутствующего Огарева, куш этот в 600 р. Некто Мельгунов с 25-ю тысячами дохода не мог больше дать как 500 асс., а Корш с отрицательным доходом дал 30 серебром [2].

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 37, л. 96).

Константин Петрович Барсов (1821—1888) — воспитанник, а впоследствии зять М. С. Щепкина, почитатель Белинского; в дальнейшем — московский нотариус и общественный деятель либерального лагеря. См. о нем упоминания Белинского в «Письмах», I, 332; III, 170.

[1] Вечер, на котором Боткин организовал сбор денег для отправки больного Белинского за границу, приходился на 15 февраля 1847 г. В письме Белинского, прочитанном Боткиным на вечере, отмечалось: «Поездка моя на воды — миф. Некрасов не в состоянии дать мне 300 руб. серебром, которые он должен Герцену ⟨...⟩ Скажу тебе откровенно: эта жизнь на подаяниях становится мне невыносимою ⟨...⟩ Да что говорить об этом! Конечно, на этот раз дело идет о спасении жизни. На всякий случай напиши мне, в чем должен состоять мой maximum, чтобы съездить на 3 месяца только на воды в Силезию, и больше никуда. А поездка эта не только облегчила бы — излечила бы меня» («Письма», III, 162).

[2] 3 апреля 1847 г. В. П. Боткин писал из Москвы Краевскому: «Белинский едет на воды. Я рад, что мне удалось собрать ему тысячи две на эту поездку ⟨...⟩ Доктор его Тильман сказал, что если можно еще ждать ему какого-нибудь облегчения, так это от поездки на воды в Силезию. Но как ехать и с чем? Даже говорить было смешно. Но, приехав в Москву, я предложил приятелям сделать подписку; таким образом мы здесь собрали две тысячи асс., да и Анненков прислал 400 фр. Таким образом, с 2700 р. авось можно будет прожить 6 месяцев» («Отчет Публичной библиотеки за 1889 г.», прилож., стр. 78—79). Подробности подписки, отмечаемые в письме К. П. Барсова, до сих пор известны не были.

139. А. А. БАКУНИН — П. А. БАКУНИНУ

⟨Петербург.⟩ 3 марта ⟨1847 г.⟩[1]

...Все общество пропитано каким-то ребячески циническим взглядом на семью и на отношения к женщине — которым хвастают, в главе стоит Белинский, но в нем цинизм уж не ребячество и имеет глубокий смысл. Это общество издает «Современник» [2] ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 4, ед. хр. 110, л. 49—49 об.).

Александр Александрович Бакунин (см. о нем выше прим. к письму № 5) — в это время преподаватель Ришельевского лицея в Одессе, приехал в Петербург в конце февраля 1847 г. Он хлопотал о получении заграничного паспорта для свидания с братом-эмигрантом, но безрезультатно (см. А. Корнилов. Молодые годы М. Бакунина, М., 1915, стр. 333).

[1] Дата определяется содержанием письма.

[2] Позиции Белинского как воинствующего материалиста и революционного демократа были совершенно неприемлемы для А. А. Бакунина и для его брата, П. А. Бакунина, эпигонов субъективного идеализма и мистиков: «Для нас не существует ничего, кроме любви и веры,— писал П. А. Бакунин 3 марта 1845 г.— Все, что не освящено ими, каким бы благом оно ни казалось,— есть зло, абсолютное зло. К черту действительность! Только в одном идеале наше спасение, и не только одних нас, но и всего мира» (А. Корнилов. Годы странствий Михаила Бакунина, цит. изд., стр. 308—309). Эта идеологическая установка братьев Бакуниных исключала возможность какого-либо контакта между Белинским и ими в 1847 г.

140. Е. Д. ЩЕПКИНА — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва.⟩ 1847, 10 марта

...Милый мой Коля ⟨...⟩ Очень рада, что мы скоро увидим тебя. Каков добрый Белинской, все тебе сделал, давно бы его попросил [1] ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, д. 96, л. 5).

[1] 4 марта 1847 г. Белинский писал Боткину: «Я получил письмо из Воронежа от Н. М. Щепкина: просит справиться в инспекторском департаменте военного министерства, почему нет резолюции на его прошение об отставке. Справщики нашлись, и дело будет сделано...» («Письма», III, 195). В письме от 5 марта 1847 г. Белинский упрекал Н. М. Щепкина за то, что тот медлил обратиться к нему с этим поручением: «Я действительно за подобное дело не взялся бы сам собою по решительной неспособности к делам такого рода; но у меня есть знакомые, а у моих знакомых тоже есть знакомые — люди разных сортов и служб ⟨...⟩ Приказ о вашей отставке подписан Е. И. В⟨еличеством⟩ 28 февраля, и я его прилагаю при письме» («Три письма Белинского к Н. М. Щепкину», М., 1915, стр. 7—8).

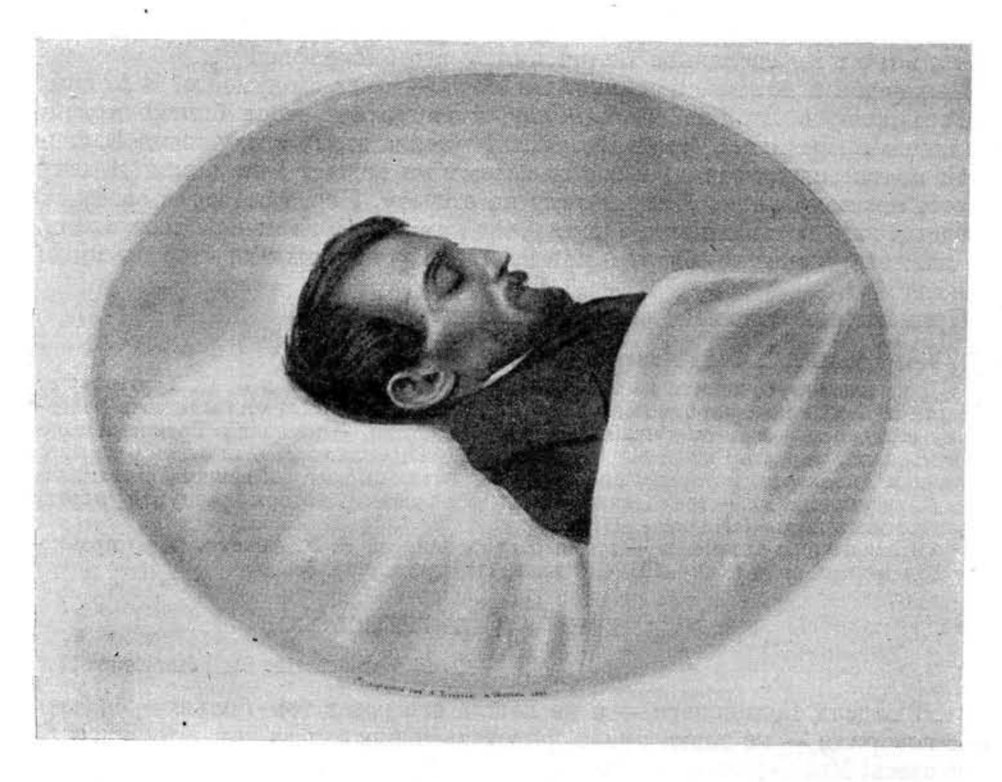
141. Н. П. ОГАРЕВ — А. И. ГЕРЦЕНУ

13 марта ⟨1847 г.⟩

...В «Современнике», наконец, поместили «Отъезд», чего мне столько не хотелось, и по этому случаю я заслужил олимпический гнев Виссариона [1] ⟨...⟩

Говорят, Виссарион сбирается попутешествовать, потому что болезнь его усиливается [2]. Журнал нуждается в критике. Жаль, если он как-нибудь ослабнет, а я не знаю, кто без Виссариона его поддержит ⟨...⟩

Статья Белинского о Гоголе состоит из выписок, за себя говорящих; но — или он много выпустил — чувствуется надобность в голосе критика [3] ⟨...⟩

БЕЛИНСКИЙ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Раскрашенная фотография 1856 г. с картины маслом, писанной К. А. Горбуновым 27 мая 1848 г.

Местонахождение картины и фотографии неизвестно

Автограф. ЦГАОР. Коллекция Герцена — Огарева (№ 5770/95).

[1] Стихотворение Н. П. Огарева «Отъезд» опубликовано было в февральской книжке «Современника» 1847 г. О серьезных разногласиях в редакции нового журнала из-за стихов Огарева («Монологи» и др.) свидетельствует письмо Белинского к Боткину от 29 января 1847 г.:

«На счет стихов Огарева ты меня не совсем понял: кроме гамлетовского *направления, давно сделавшегося пошлым, оно бесцветно* и вяло в эстетическом отношении. Это набор общих мест и избитых слов, а главное — тут нет стиха, без которого поэзия есть навоз, а не искусство. Ты говоришь, что стихи не обязаны выражать дух журнала, а я говорю: в таком случае и журнал не обязан печатать стихов» («Письма», III, 161—162). Огарев и сам был недоволен этим стихотворением и называл его в письме к Грановскому от 25 апреля 1847 г. «тем несчастным „Отъездом", который Панаеву с Некрасовым чорт знает зачем хотелось напечатать» («Звенья», т. I, 1932, стр. 125).

[2] См. выше письмо № 138.

[3] Статья Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями» («Современник», 1847, II) показалась его друзьям и единомышленникам недостаточно резкой. Отвечая на их замечания, Белинский 28 февраля 1847 г. писал Боткину: «Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошею, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству 〈...〉 Вы живете в деревне и ничего не знаете. Эффект этой книги был таков, что Никитенко, ее пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего он и цензорà вычеркнули целую треть» («Письма», III, 185).

142. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

〈Париж.〉 〈15/〉27 марта 〈1847 г.〉[1]

Вот что: если вы будете посылать 3-й № «Современника», или 4-й, или оба вместе, как я писал, прикиньте к нему новое издание стихотворений Кольцова, сделанное Белинским, с его биографией 〈...〉

Между тем в мае месяце я решился ехать — куда вы думаете? В Афины, в Германию, в Италию? Совсем нет, а напротив, очень близко к вам, а именно в Бреславль, что в Силезии. Причина этому следующая. Белинский почти совсем зачах, и его посылают на воды в Бреславль. Я хочу видеть его непременно и еду к нему на встречу. Перед отъездом своим он зайдет к вам, возьмет какие будут у вас коммиссии до меня и доставит их ко мне: это, вероятно, будет в мае месяце. Предупреждаю, чтоб вы знали это 〈...〉

Приложенное письмецо сообщите Белинскому [2].

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Дата письма уточняется на основании письма Белинского к И. С. Тургеневу от 1 марта 1847 г., в котором отмечалось, что Анненков, для того, чтобы помочь Белинскому за границей, изменил «план своего путешествия, — не едет в Грецию и Константинополь, а едет в Силезию» («Письма», III, 91). Белинский был очень растроган решением Анненкова, которому писал: «Перед отъездом заеду к вашим братьям, заранее предупредив их — все сделаю, как следует человеку, который раздумал умирать и разохотился жить» («Письма», III, 188).

[2] «Приложенное письмецо» — это, вероятно, записка П. В. Анненкова, датированная 25 марта (н. ст.?) 1847 г. См. «Письма», III, прим., стр. 368.

143. Н. А. БЕЕР — Е. Б. ГРАНОВСКОЙ

Ce 16 Mars, matin. St. Pétersbourg 1847

...Я видела Белинского — и не нашла его вовсе так больным, как вы мне говорили — не знаю, право, радоваться или нет за тех, кто остается еще здесь! Мне кажется теперь, что одно единственное благо этой жизни — это смерть — и самому умереть, без сомнения, всегда высшее благо перед ужасным испытанием видеть смерть любимого человека 〈...〉

Автограф. ЛБ. Фонд Грановских (М. 8421/2, л. 2 об.).

Наталия Андреевна Беер — старая приятельница Белинского. См. выше ее письмо (№ 7). 28 ноября 1842 г. Белинский писал о ней Н. А. Бакунину: «Память обо мне баронессы Н. А. Бейер-фон-Вейсенфельд так дорога, и я за нее так благодарен, что даже прощаю Наталии Андреевне ее баронство и ее фон — непростительнейшие в глазах моих преступления» («Письма», II, 324). О встречах Белинского с Н. А. Беер весной 1847 г. в Петербурге, куда она привезла своего умирающего брата, свидетельствует письмо Белинского к жене из Зальцбрунна от 16 июня 1847 г. («Письма», III, 224).

144. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

〈Париж.〉 〈10/〉22 апреля 〈1847 г.〉

...Летом я очень близко буду к вам, может быть, именно в Пруссии — там заведена теперь также система парламентской болтовни, то мне любопытно будет послушать, как немцы разглагольствуют [1]. Туда же приедет и Белинский, как я вам писал 〈...〉

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Вопрос о путях и формах борьбы с абсолютизмом накануне революции 1848 г. принадлежал к числу наиболее актуальных. Иронизируя по поводу новой «системы парламентской болтовни в Пруссии», Анненков считал, однако, что прусский опыт может быть с пользой учтен и русской либерально-дворянской оппозицией. Гораздо трезвее расценивал политическую ситуацию в юнкерской Пруссии Белинский, рассказывая 17 ноября 1847 г. Анненкову о своих берлинских впечатлениях: «Сначала штанды ⟨*собрание сословных представителей*⟩ повели себя хорошо, так что король почувствовал себя в неловком положении; но началось гладью, а кончилось гадью. Началось тем, что Финке предлагал собранию объявить себя палатою и захватить диктатурою конституцию, а кончилось тем, что король распустил их с полным к ним презрением, и теперь держит себя восторжествовавшим деспотом.— Да отчего же это? — Оттого, что в народе есть потребность на картофель, но на конституцию ни малейшей; ее желают образованные городские сословия, которые ничего не могут сделать» («Письма», III, 264—265).

145. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

Зальцбрун ⟨9/⟩21 июня ⟨1847 г.⟩[1]

Я получил ваше письмо, любезные братия, от 30-го мая уже здесь в Зальцбруне, на водах, где живем вместе с Белинским, который вам, Фединька, кланяется [2]. Он вас очень жалует. С нами живет также молодой Тургенев, которого рассказы напечатаны в последней книжке «Современника» ⟨...⟩

Ванюша теперь в хлопотах, но я рад, что пушкинские рукописи им не пренебрежены. Белинский мне говорил, что вы за них взялись весьма дельно, и я думаю, что к его возвращению в Россию, что случится в ноябре месяце, уже у вас будет готово что-нибудь весьма интересное показать ему [3]. Между прочим сказать, воды ему помогают видимо ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Дата письма уточняется его содержанием.

[2] П. В. Анненков приехал в Зальцбрунн 29 мая 1847 г. Белинский и Тургенев жили там уже с 22 мая.

[3] И. В. Анненков, приятель и однополчанин командира лейб-гвардии конного полка генерал-майора П. П. Ланского, женатого на вдове Пушкина, подписал с ним в апреле 1852 г. контракт на новое издание сочинений Пушкина. В это же время И. В. Анненков привлек к работе над новым изданием своего брата — П. В. Анненкова (Б. Л. Модзалевский. Пушкин, Л., 1929, стр. 381—396). Печатаемое нами письмо П. В. Анненкова от 9 июня 1847 г. позволяет установить, во-первых, факт начала работы над подготовкой нового издания Пушкина не в 1852, а еще в 1847 г., во-вторых, ближайшее участие Белинского в обсуждении планов разработки литературного архива Пушкина.

146. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

Зальцбрун. 28 июня ⟨ст. ст.⟩ ⟨1847 г⟩. [1]

На счет твоих рисовальных изданий [2] мы поговорим, когда я буду в Париже, а буду я там, вероятно, в августе месяце. А здесь жду, во-первых, от вас письма, а во-вторых, книжки «Современника», по получении коих и отъеду отсюда в Дрезден; вам же приказывается, вероятно, к великому вашему удовольствию, ко мне более не писать и книг не высылать —впредь до разрешения. Причина сему та, что я намерен с Белинским целый месяц шляться по Европе, останавливаясь в городах только, чтоб переночевать[3] ⟨...⟩ Свое рождение я отпраздную единолик: ни Белинский, ни Тургенев не пьют вина, зато уж накачусь же я.— Adieu!

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Дата письма уточняется содержанием письма Белинского к жене от 25 июня 1847 г. Именно в эти дни определялся маршрут путешествия Белинского и Анненкова по Западной Европе.

[2] «Рисовальные издания» — вероятно, альбом рисунков и чертежей, которые И. В. Анненков хотел приложить к своей «Истории л.-гв. конного полка». См. выше письмо № 130.

[3] Намерение Анненкова «целый месяц шляться по Европе» не осуществилось: Белинский спешил в Париж.

147. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

Франкфурт, 12/24 июля ⟨1847 г.⟩[1]

...Пишу к вам из Франкфурта-на-Майне, куда прибыл с больным Белинским ⟨...⟩ Из Дрездена выехали мы в Лейпциг, оттуда в Веймар ⟨?⟩, где железная дорога кончается, и клочок до Франкфурта оттуда проехали мы в дилижансе. И теперь вспомнить ужасно. Нас поместилось в карете 6 человек, из которых все 6 закурили сигары по одному четвертаку сотня да потом заперли окна. Я стал кричать что есть мочи: выпустите и готов был тут же на дороге лечь. К счастью, место с кучером было, да я уж предлагал, чтоб запрягли меня вместо пристяжки — только чтобы не сажали в карету [2].

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Дата письма уточняется его содержанием.

[2] Поездка Белинского с Анненковым из Эйзенаха до Франкфурта описана самим Белинским 22 июля 1847 г.: «Ехать в дилижансе после железной дороги — пытка: тесно, душно, да еще проклятые немцы курят сигары — тоска, смерть, да и только» («Письма», III, 247).

148. Н. Г. ФРОЛОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

СПб. 21 июля 1847

...От Некр⟨асова⟩ узнал твой адрес. Что делается с Вас⟨илием⟩ Петр⟨овичем Боткиным⟩? Ог⟨аревым⟩? С Сат⟨иным⟩? Больного Белинского видел в Залцбрунне [1].

Копия рукой Е. К. Станкевич. ГИМ. Фонд Грановского (№ 276, д. 108, лл. 58—59).

[1] Встреча Н. Г. Фролова с Белинским в Зальцбрунне до сих пор известна не была. О их заочном знакомстве см. выше письмо № 109. Возвратившись в Россию, Н. Г. Фролов поселился в Москве, где женился на сестре Н. В. Станкевича и примкнул к кружку Грановского; перевел «Космос» Гумбольдта, а впоследствии издавал «Магазин землеведения и путешествий». В. Н. Щепкин характеризовал Фролова, по семейным преданиям, как «холодного, настойчивого, скрытно-корыстного и рассудочного человека» (ГИМ. Фонд Щепкиных, № 276, ед. хр. 98, л. 41). Памфлетная характеристика Фролова дана была Тургеневым в «Гамлете Щигровского уезда», в портрете некоего «отставного поручика, удрученного жаждой знания, весьма, впрочем, тупого на понимание и не одаренного даром слова». См. «Воспоминания» Е. М. Феоктистова, Л., 1929, стр. 3 и 37. Об участии Фролова в «Современнике» см. ниже письма №№ 151 и 154.

149. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

7 августа 1847 г. с. Удеревка

...Ты порадовал меня вестию, что Белинскому лучше, а также и тем, что он ругает Германию [1] ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (ф. 276, ед. хр. 98, л. 144).

[1] Н. М. Щепкин, по всей вероятности, сообщил Станкевичу содержание письма Белинского к В. П. Боткину от 7 июля 1847 г. В этом письме Белинский, делясь своими личными впечатлениями от политической жизни Германии, где буржуазия («штанды») пыталась в это время вести, весьма нерешительно и робко, борьбу за либеральные реформы, с гневным раздражением писал о немецких либералах: «У них в жилах течет не кровь, а густой осадок скверного напитка, известного под именем пива, которое они лупят и наяривают без меры. Однажды за столом был у них разговор о штандах. Один и говорит: „я люблю прогресс, но прогресс умеренный, да и в нем больше люблю умеренность, чем прогресс“... Этот же юный немец, желая похвалить одного оратора, сказал о нем: „он умеренно пари́т“» («Письма», III, 243—244). В этом же письме Белинский сообщал, что «кончил курс вод и немного поправился».

150. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

Париж ⟨16/⟩28 августа ⟨1847 г.⟩

...Около конца сентября приедет к вам Белинский, который теперь со мной и несколько поправился. От него вы узнаете, как я живу[1] ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Белинский, выехав из Парижа 11 сентября (ст. ст.), высадился в Кронштадте 24 сентября 1847 г. О визите к Анненковым см. далее прим. к письму № 153.

151. Н. Г. ФРОЛОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

1847. Царское Село. (София)
10 сен⟨тября⟩

...И Пана⟨ев⟩ и Некр⟨асов⟩ любезны со мной: вести журнал— дело не легкое — требует уменья, ловкости, деятельности, точности — нужно желать успеха нашим патронам; они прибегают к новым, свежим силам ⟨...⟩ Бел⟨инский⟩ к концу этого месяца верно будет уже в Спб — рвется домой, едва только оправившись... чтобы истребить здесь остаток собравшихся сил... не может уже иначе[1] ⟨...⟩

Копия рукой Е. К. Станкевич. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 108, лл. 61—62). Ответ Грановского на это письмо см. в издании: «Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 423.

[1] Вернувшись из-за границы, Белинский был возмущен печатанием в «Современнике» серии статей Н. Г. Фролова под названием «Александр фон-Гумбольдт и его „Космос“». Замечая, что Некрасов и Панаев приняли этот материал только потому, что Фролов «явился в редакцию с толками о Грановском, как о своем друге», Белинский писал Боткину: «Фролов бесспорно человек хороший, но литератор он плохой. Он холоден, сух, пишет сонно, нескладно и варварским языком. Будь его статья для одного *номера — еще куда ни шло, а то ведь, кажется, номеров на десять пойдет пугать читателей* и подписчиков „Современника“. Ужас!» («Письма», III, 285). См. резко отрицательную характеристику Фролова в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева, «Academia», Л., 1928, стр. 349—362, а также в примечании к письму № 148.

152. И. И. ПАНАЕВ — В. П. БОТКИНУ

Петерб⟨ург.⟩ 1847. Сентябрь [1]

От Искандера получены письма из Avenue Marigny и будут напечатаны в X книжке; — Белинс⟨кого⟩ ждем в Пет⟨ербурге⟩ в исходе этого месяца...[2] Ему лучше[3].

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (П. 20/86, л. 195).

[1] Публикуемые строки являются припиской на полях разорванного пополам письма Панаева. Имя адресата определяется на основании глухого упоминания в этом же письме о «Письмах из Испании» В. П. Боткина.

[2] Белинский возвратился из-за границы в Петербург 24 сентября 1847 г.

[3] В неизданном письме к К. А. Горбунову от 15 ноября 1847 г. Боткин писал: «Белинский воротился из-за границы в Петербург гораздо здоровее, нежели прежде был» (ИРЛИ. 9191 Пб 62, л. 27).

153. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

⟨Париж.⟩ ⟨17/⟩ 29 декабря ⟨1847 г.⟩ [1]

Мне и Белинский написал, что у вас отличная квартира и что вы хорошие люди [2] ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] 20 ноября 1847 г. Белинский писал Анненкову: «Через неделю по приезде был я у ваших братьев. Что это за добрые души! Они обрадовались мне, словно родному, как говорится. Что у них теперь за квартира!» («Письма», III, 292). Через Белинского Анненков послал братьям какие-то «посылочки», о которых упоминается в одном из его неизданных писем.

154. Н. Г. ФРОЛОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Царское Село, 29 генваря 1848 [1]

...Гг. Современники весьма внимательны к тебе и дорого ценят твое сотрудничество — если тебе нужно, то к твоему отъезду готовы вручить тебе деньги за целый год вперед — словом, черпай, сколько хочешь, но, разумеется, не ленись. Здесь совершается (если не на глазах моих, то слышу об этом) печальная драма с больным Белинским [2] — человек обессилен, изнурен, бьется еще; хочет еще делать что-нибудь, а сил физических более нет, и начинает уже жить иллюзиями, самообольщением, откладываниями... все это страшно печально. Вдобавок, тут много вещей спутанных и неразрешимых... Но все это верно тебе хорошо известно. Вас‹илий› Петр‹ович› (дипломат) зовет меня знакомиться с Краевским!!.

Впрочем, ты дельно сказал: «Гг. Соврем‹енники›, монополия у нас не должна быть»[3] ‹...›

Копия рукой Е. К. Станкевич. ГИМ. Фонд Грановского (№ 276, ед. хр. 108, лл. 36—38).

[1] В копии явная ошибка: «1842» вместе правильного: «1848».

[2] Письмо характеризует положение Белинского в момент обострения его болезни в январе 1848 г., когда выяснилось, что он не сможет сдать во второй номер «Современника» окончание своей программной статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 г.». В письме от 6 февраля 1848 г. Панаев сообщил Огареву, что «Белинский плоховат и писать совсем почти не может» («Новые Пропилеи», I, стр. 19).

[3] Группа либералов, во главе с В. П. Боткиным, стремилась противопоставить революционно-демократической платформе «Современника», идейно возглавлявшегося Белинским, свою собственную журнальную трибуну — «Отечественные записки» Краевского, которые Боткин предполагал «усилить» сотрудничеством человека своего лагеря — Н. Г. Фролова. Идейно-политический смысл замышлявшегося предательского удара по умиравшему критику уясняется из письма В. П. Боткина к А. А. Краевскому от 3 апреля 1847 г. Боткин писал в нем: «Скажу вам по секрету: я считаю литературное поприще Бел‹инского› поконченным. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта, и больше знания. Еще о рус‹ской› литературе он может говорить (да и она у него, увы, сделалась рутиною), а чуть немного выходит из нее, из рук вон плохо» (И. А. Бычков. Бумаги А. А. Краевского, СПб., 1893, стр. 139).

155. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

‹С. Удеревка, около 8 февраля 1848 г.›[1]

...Второй номер «Современника» получен. В нем много русских повествований. Туда же попали и мои «Барышни»[2] ‹...›

Известие о Белинском навело на меня грусть[3]. Очень, можно сказать, грустно, когда подумаешь об этом человеке. Я просил Некрасова уведомить меня о его здоровье ‹...›

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 98, лл. 179—180).

[1] Дата письма определяется его содержанием.

[2] Повесть А. В. Станкевича «Из записок двух барышень».

[3] О резком ухудшении здоровья Белинского см. пред. письмо.

156. П. В. АННЕНКОВ — И. В. АННЕНКОВУ

⟨Париж.⟩ 2 мая ⟨н. ст.?⟩ ⟨1848 г.⟩[1]

Дурное известие о Белинском меня глубоко огорчает: это был единственный умный человек с сердцем и душой, с которым я в Петербурге мог проводить время в искреннем разговоре [2]. Если он умрет, [я и не знаю] у меня остается одно поверхностное и шапочное знакомство, которым мало дорожу ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] Дата письма уточняется его содержанием.

[2] Последнее письмо Белинского к Анненкову отправлено было в Париж с оказией (вероятно, через И. В. Селиванова) около 17 февраля 1848 г. («Письма», III, 335—339. Ср. «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 554—555).

«К весне, — отмечал в своих воспоминаниях И. И. Панаев, — болезнь начала действовать быстро и разрушительно. Щеки его ⟨Белинского⟩ провалились, глаза потухали, изредка только горя лихорадочным огнем, грудь впала, он еле передвигал ноги и начинал дышать страшно. Даже присутствие друзей уже было ему в тягость» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, М. — Л., «Academia», 1928, стр. 512).

См. также ниже подробное описание предсмертной болезни Белинского, сделанное А. П. Тютчевой в письме к И. С. Тургеневу (письмо № 158).

АВТОГРАФ ПИСЬМА М. С. ЩЕПКИНА К СЫНУ — Н. М. ЩЕПКИНУ ОТ 15 ИЮНЯ 1848 г. С СООБЩЕНИЕМ О СМЕРТИ БЕЛИНСКОГО

Лист первый письма

Исторический музей, Москва

157. М. С. ЩЕПКИН — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва.⟩ 15 июня 1848

...Белинской умер, жена и дочь без куска хлеба, и им собрали кое-что на первое время, а что будет дальше, бог знает. Это известие одно тоже из радостей нашей жизни, нет, прощай, гадко писать об этом, невыносимо обидно [1]⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 96, л. 16—16 об.).

[1] Белинский умер 26 мая 1848 г., в пять часов утра. Подробности о его смерти Щепкин узнал, вероятно, от жены Т. Н. Грановского (Елизаветы Богдановны), который писал ей 27 мая 1848 г. из Петербурга: «Белинский умер вчера, сейчас отправляюсь к Тютчеву, где сговоримся, как похоронить его и что на первый случай сделать для его семейства. Он не оставил по себе ни гроша буквально. Горько и страшно подумать об этой участи. Мы дали свои деньги на погребение. Скажи московским друзьям, чтоб и они готовили деньги. Вдове и детям Белинского нельзя же просить подаяния» («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 274. В печатном тексте этого письма отметка о времени его получения Е. Б. Грановской в Москве («29 мая») ошибочно принята была за дату его написания. Ср. «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 318—321. См. также след. письмо).

158. А. П. ТЮТЧЕВА — И. С. ТУРГЕНЕВУ

⟨Петербург.⟩ 23 июня ⟨1848 г.⟩

Третьего дня Николай Николаевич привез мне из конторы вашу записочку, Тургенев, которая в первую минуту, признаюсь, несколько меня удивила;— я не могла придумать, как вздумалось вам, довольно-таки ленивому человеку на переписку, написать мне так много строк. Вы хотите знать что-нибудь о Белинском и вероятно ждете от меня, как от человека, ничем не занятого, много подробностей, а мне, право, так жалко, que vous avez si mal placé ваше ожидание и что я так мало в состоянии удовлетворить ваше любопытство [1],— не умею порядочно рассказывать, да и нечего почти говорить об человеке, который все последнее время весь поглощен был [2] физическими страданиями. Не могу выразить вам, как тяжело, как больно было смотреть на медленное разрушение этого бедного страдальца.— Воротился он из Парижа в таком хорошем состоянии духа и здоровья, что все мы, не исключая даже доктора, получили надежду на его выздоровление; тут провел он у нас несколько утров и вечеров в непрерывном, живом, энергичном разговоре, и все с радостью узнавали в нем прежнего, довольно еще здорового Белинского; но странно, что с самого его возвращения из чужих краев нрав его чрезвычайно изменился: он стал мягче, кротче, и в нем стало гораздо более терпимости, нежели прежде; даже в семейной жизни его нельзя было узнать, так он спокойно и, повидимому, без борьбы, мирился со всем тем, что прежде его так сильно возмущало [3].— Здоровое состояние его продолжалось недолго— он в Петербурге скоро простудился, и тут с каждым днем положение его становилось безнадежнее, при каждом свидании с ним мы находили его страшно изменившимся, и казалось, что более похудеть ему уж нельзя, но, увидав его опять, находили еще страшнее. В последний раз я была у него за неделю до его смерти; застали мы его полулежащим в кресле, лицо у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящие; всякое дыхание его было стон, и встретил он нас словами: «умираю, совсем умираю», но это слово было выговорено не с убеждением, не с уверенностью, а скорее с желанием, чтоб его опровергли*.

---

* *Приписка Н. Н. Тютчева*: До сознательного убеждения н е и з б е ж н о й близости смерти он не дошел, а умер почти как Кульчицкий, только что страдание его было продолжительнее и живее. Впрочем, он умер во-время[4].

Нечего вам говорить, какие тяжелые два часа провели мы тогда у него; говорить он, разумеется, не мог, но его даже уж и не занимали и не могли расшевелить рассказы о тех предметах, которыми он прежде жил. Слег он в постель дня за три до смерти и, кажется, надеялся до тех пор, пока жива была в нем память; накануне он стал заговариваться, однако узнал Грановского, приехавшего в тот день из Москвы. Перед самой смертию он говорил два часа, не переставая, как будто к русскому народу, и, часто обращаясь к жене, просил ее все хорошенько запомнить и верно передать эти слова кому следует; но из этой длинной речи ничего уже нельзя было разобрать; потом он вдруг замолк и через полчаса мучительной агонии умер [5]. Бедная жена его, оставшаяся, как вы, верно, знаете, беременною, не отходила от него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и подымала его с постели. Эта женщина, так всеми нетерпимая, право заслуживает всеобщее уважение, так усердно, с таким

23-го Мая, въ 5-ть часовъ утра, скончался въ С. Петербургѣ извѣстный литераторъ и критикъ Виссаріонъ Григорьевичъ *Бѣлинскій*. (П. В.)

ИЗВЕЩЕНИЕ О СМЕРТИ БЕЛИНСКОГО, ПОМЕЩЕННОЕ
В «САНКТПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» № 119 ОТ 29 МАЯ 1848 г.
Дата смерти критика указана неверно

терпением, так безропотно ухаживала она за больным мужем всю зиму [6] и сама она, бедная, вся насквозь больна [7]. Участь семьи была устроена в день похорон Белинского, на которые были собраны все близкие ему люди, тут сделали подписку на единовременную помощь и на пожизненный пенсион [8]. — Вот все, что я могу вам передать, от души желаю вас удовлетворить, но не знаю, удастся ли ⟨...⟩

Рукою Н. Н. Тютчева:

У В. П. ⟨Боткина⟩ в Москве, а у меня в Петербурге принимаются деньги для семейства покойного В⟨иссариона⟩ Г⟨ригорьевича⟩.— Жму вам крепко руку ⟨...⟩

Рукописная копия. ИРЛИ, фонд А. Н. Пыпина.

Александра Петровна Тютчева — жена Николая Николаевича Тютчева, близкого приятеля Белинского. В своих позднейших воспоминаниях «Мое знакомство с Белинским» Н. Н. Тютчев писал: «В конце 1844 г. я женился ⟨...⟩, а в конце 1845 г. переехало к нам и семейство моей жены, состоявшее из ее матери и сестры ⟨...⟩ Белинский очень полюбил мою жену и родных ее и часто проводил у нас свободные часы» («Письма», III, 444—451).

Публикуемое письмо является ответом на не дошедшую до нас записку И. С. Тургенева к А. П. Тютчевой (из Парижа), в которой он просил сообщить ему подробности о кончине Белинского. С некоторыми купюрами и изменениями Тургенев впоследствии воспроизвел это письмо в заключительной части своих «Воспоминаний о Белинском». Имя А. П. Тютчевой Тургенев не назвал. Он опубликовал документ в качестве письма «одной близкой Белинскому дамы».

[1] За исключением слов: «вы хотите знать что-нибудь о Белинском» все начало письма в публикации Тургенева опущено.

[2] У Тургенева: «был истощен».

[3] В тексте Тургенева: «волновало». В неизданном письме от 31 августа (12 сентября) 1848 г. В. П. Боткин писал Герцену (из Москвы): «Странно, брат, весть о смерти Виссариона сначала нисколько не поразила меня: я ждал ее; видел, как этот в высшей степени страстный человек стал ко всему равнодушен, его ничто не занимало, он примирился вполне с своим женатым положением, жаловался только на свое здоровье и

видимо гас. Последние месяцы тяжко было быть с ним. А теперь мысль, что уже ⟨его⟩ нет, вдруг обдает душу таким жгучим чувством, что задыхаешься⟨...⟩» (ЦГАОР. Коллекция Герцена — Огарева, № 73).

[4] Эта приписка Тургеневым не воспроизведена. В воспоминаниях о Белинском Тургенев писал: «Не раз приходится слышать слова: такой-то во-время, кстати умер... Но ни к кому они так несомненно не применяются, как к Белинскому. Да! он умер кстати и во-время. Перед смертью (Белинский скончался в мае месяце 1848 года) он еще успел быть свидетелем торжества своих любимых, задушевных надежд и не видел их окончательного крушения... А какие беды ожидали его, если б он остался жив! Известно, что полиция ежедневно справлялась о состоянии его здоровья, о ходе его агонии. От тяжких испытаний избавила его смерть...» («В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 371).

[5] Сестра жены Белинского А. В. Орлова в своих воспоминаниях также сообщает о предсмертном обращении Белинского к народу. См. цит. изд., стр. 404—405. См. об этом и в воспоминаниях К. Д. Кавелина и И. И. Панаева. См. также сообщение Т. Ухмыловой: «Материалы к биографии Белинского из архива А. Н. Пыпина».— «Лит. наследство», т. 57.

[6] На этом месте прерывается публикация Тургенева, опустившего весь конец письма, а также сообщение о беременности Белинской и о том, что она была «всеми нетерпима».

[7] О М. В. Белинской см. сообщение Р. Заборовой: «Новые материалы о М. В. Белинской».—«Лит. наследство», т. 57.

[8] См. прим. к предыдущему письму. 31 мая 1848 г. Т. Н. Грановский писал из Петербурга жене: «Несчастная его ⟨Белинского⟩ жена достойна сожаления. У нас уже есть 500 р. серебром для передачи ей» («Т. Н. Грановский и его переписка», цит. изд., т. II, стр. 274).

В некрологах, напечатанных в «Отеч. записках» и «Современнике», указывалось, что Белинский скончался 26-го и был погребен 28 мая 1848 г. Этим датам противоречил печатный текст письма Грановского, на основании которого в «Летописи жизни Белинского» (М., 1924, стр. 244) отмечалось, что критик скончался 28-го и похоронен 30 мая 1848 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 274). Отсюда пошла путаница в указании дат смерти и погребения Белинского.

В поисках точных дат этих событий нам удалось, лет десять назад, найти в архиве церкви на Волковом кладбище приходо-расходную книгу, в которой под 28 мая 1848 г. имеется такая запись:

«Виссарион Григорьев Белинский
За копку могилы 1 руб.
За катафал 2 руб.
На храм 50 коп.
За место по 5 разряду 5 руб.»

Из этой записи ясно, что похороны Белинского были 28 мая 1848 г., так как расходы по похоронам уплачивались и вносились в приходо-расходную книгу церкви в день захоронения покойника.

Невозможно предположить, что друзья Белинского — Грановский, Некрасов, Панаев, Тютчев — сочли возможным по своей воле похоронить великого критика по 5-му разряду, в части кладбища, предназначенной для бедняков. Таково было, несомненно, желание М. В. Белинской, возможно имевшее основанием когда-либо выраженную волю самого Белинского. Во всяком случае, когда в 1883 г., в связи со смертью Тургенева, возник проект перенесения праха великого критика на «парадную», привилегированную часть Волкова кладбища, М. В. Белинская в резкой и категорической форме отклонила этот проект.

См. об этом в сообщении Р. Заборовой: «Новые материалы о М. В. Белинской»—«Лит. наследство», т. 57.

159. П. В. АННЕНКОВ — И. В. АННЕНКОВУ

Париж, 4 июля 1848 г.

Я уже знал, что Белинский умер, совершенно замученный жизнью. Он много унес у меня[1] ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

[1] См. выше письмо № 156.

АВТОГРАФ ПИСЬМА М. Л. МИХАЙЛОВА К В. Р. ЗОТОВУ ОТ 11 ИЮЛЯ 1848 г. С СООБЩЕНИЕМ О СМЕРТИ БЕЛИНСКОГО

Листы второй и последний письма

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

160. М. Л. МИХАЙЛОВ — В. Р. ЗОТОВУ

Нижний-Новгород. 11 июля 1848

Мне горько и больно было прочесть о смерти бедного Белинского. Мир ему в стране мертвых! И что за равнодушие, за холодность наших журналов? Ни один (кроме СПб Ведомостей) не поместил никакого биографического известия об этом в высшей степени замечательном человеке. Хорошо теперь, после Белинского, являться критическим талантам, но каково было ему бороться с старыми понятиями, а он вышел победителем. В «От⟨еч.⟩ зап⟨исках⟩» и «Совр⟨еменнике⟩» тоже в двух-трех словах говорится о его смерти. Или не очень приятно разоблачить читающей России, что человек, который 7 лет держал своею головой первый из этих журналов, который неутомимо работал и для второго, не мог даже ⟨до⟩ последнего времени быть обеспечен, а должен был опять-таки работать, работать и умереть над работою [1]. Господи боже мой! Неужто все так рано гибнут у нас талантливые люди...[2]

Автограф. ИРЛИ. Собрание В. И. Яковлева (№ 357, оп. 3, ед. хр. 51).

Михаил Ларионович Михайлов (1829—1865) — поэт, беллетрист, публицист и переводчик, товарищ Чернышевского по Петербургскому университету, впоследствии соратник его по революционной работе, вместе с Н. В. Шелгуновым составивший знаменитую прокламацию 1861 г.—«К молодому поколению». В начале 1848 г. Михайлов оставил университет и уехал на службу в Нижний-Новгород. Письмо его к редактору «Лит. газеты» В. Р. Зотову писано под впечатлением двух кратких информационных заметок о смерти Белинского в «Современнике» (1848, VI, «Смесь», стр. 173) и «Отеч. записках» (1848, VI, «Внутренние известия», стр. 157—158) и материала некролога «Виссарион Григорьевич Белинский», опубликованного К. А. Полевым в газете «Санктпетербургские ведомости» от 5 июня 1848 г., № 124. Сурово осуждая авторов первых двух некрологов за их «холодность и равнодушие», Михайлов не учитывал того, что в условиях цензурно-полицейского террора 1848 г. не могло быть и речи о развернутой характеристике Белинского в легальной печати. Ср. перечень печатных откликов на смерть Белинского в справке Ю. Г. Оксмана «Дата смерти Белинского» («Ученые записки Саратовск. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 318—321).

[1] М. Л. Михайлов, вероятно, заимствовал эти сведения из некролога Белинского в «Современнике»: «Литература составляла исключительное его занятие и была для него единственным средством к существованию. Плоды его непрерывной осьмнадцатилетней деятельности весьма многочисленны. Без сомнения, невозможность прекратить занятия, при упадке сил, была одною из главных причин пагубного действия чахотки, которая при условиях более благоприятных, может быть, и не обнаружила бы столь решительного и быстрого влияния, если взять в соображение лета покойного» («Современник», 1848, VI, «Смесь», стр. 173).

[2] 5 июля 1848 г. В. Р. Зотов писал Михайлову из Петербурга: «Умирают люди бедные, которые никому не мешают, которые не могут никому делать зла, а подлецы здравствуют себе на-славу. Само собою разумеется, что и литературные геростраты живы да здоровы, а бедный Белинский отъиде ad patres» (ЦГЛА. Фонд М. Л. Михайлова).

ПЕРЕПИСКА БЕЛИНСКОГО

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Статья Ю. Оксмана

1. ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО

I

Большое историческое значение эпистолярного наследия Белинского общеизвестно. Письма великого критика, нередко превращавшиеся, по его собственной формулировке, в «целые диссертации», представляют собой совершенно необходимое дополнение к его печатным журнальным высказываниям, раскрывая более полно все то, что в них оставалось по цензурно-полицейским условиям недоговоренным и затушеванным. Именно поэтому одно из писем Белинского — его знаменитый ответ Гоголю — переросло значение частного письма и, распространяясь по всей стране в многочисленных копиях, стало одним из самых замечательных документов русской революционно-демократической публицистики.

Неизмеримо велико значение переписки Белинского и как основного источника для его политической биографии. «Письма,— проникновенно отмечал Герцен в «Былом и думах»,— больше, чем воспоминания: на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».

Издание первого полного собрания сочинений Белинского, работа над которым началась еще в 1898 г., затянулось на полвека. Публикация переписки Белинского, хотя и продолжается уже свыше ста лет, еще далеко не закончена.

Советский читатель давно уже ждет критического издания переписки Белинского, именно «переписки», форма публикации которой блестяще оправдала себя в двух академических изданиях сочинений Пушкина. Переписка Белинского, подготовка к печати которой является сейчас первоочередной задачей, обеспечит создание базы для научной разработки политической и литературной биографии Белинского, как издание переписки Пушкина сделало это для нашего пушкиноведения.

Впервые письма Белинского были объединены с максимальной для своего времени полнотой (свыше трехсот) в трехтомнике, вышедшем в свет в 1914 г. под редакцией и с примечаниями Е. А. Ляцкого *. В основу этого издания положен был фонд писем великого критика, собранных (в оригиналах и копиях) А. Н. Пыпиным в процессе его работы над монографией «Белинский, его жизнь и переписка» в 1874—1876 гг.[1] Отказавшись от специальных архивных разысканий, Е. А. Ляцкий дополнил коллекцию Пыпина всеми публикациями писем Белинского в периодике и в основных историко-литературных изданиях с 1855 по 1914 г. Весь этот круг печатных источников был обследован им настолько внимательно, что пропусков в трехтомнике почти не оказалось. Те немногие публикации писем Белинского, отсутствие которых в трехтомнике мы считаем сейчас пробелом, самим Ляцким не учитывались, возможно, по принципиальным соображениям. Так, например, письма Белинского к С. Т. Аксакову от 10 марта и от 22 октября 1838 г., опубликованные В. Е. Якушкиным в 1900 г.[2], Ляцкий, видимо, рассматривал не как письма обычного типа, а как официальные документы. Так, цитаты из писем Белинского к Герцену, известные нам по «Былому и думам», или строки

* Ссылки на это издание в настоящем обзоре условно обозначаются буквой П.

о Лермонтове в письме Белинского к Сатину, отмеченные в воспоминаниях последнего, Ляцкий мог рассматривать не как точные выписки из автографов, а как записи, сделанные по памяти, а потому и не очень авторитетные[3].

Со времени издания Ляцкого в научный оборот вошло очень мало не известных ранее писем Белинского. В этом отношении не оправдались надежды исследователей и на архивы, открывшиеся после Великой Октябрьской социалистической революции. Политическая репутация великого критика и самый характер его корреспонденции обусловили, видимо, необходимость уничтожения писем Белинского их получателями еще при жизни самого отправителя или сразу же после его смерти, в условиях цензурно-полицейского террора между революцией 1848 г. и Крымской войной.

Мы совершенно не располагаем письмами Белинского к его ближайшим друзьям за время становления кружка Станкевича, за годы его работы в «Телескопе» и «Молве». Письма эти были уничтожены еще осенью 1836 г. в пору привлечения Белинского к дознанию об обстоятельствах появления в журнале Надеждина знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. В это же время друзьями критика был уничтожен в его московской квартире почти весь его личный архив. Из корреспонденции Белинского за этот период уцелело только несколько писем, полученных им в Премухине и оставленных в семье Бакуниных[4], да те письма, которые не имели общественно-политического значения, — письма родных критика и его школьных товарищей.

Вызов Белинского 20 февраля 1848 г. в III Отделение прозвучал и для него самого и для его друзей предостережением еще более грозного порядка, чем паника в Москве в момент ликвидации «Телескопа».

«Стоит только вспомнить начало 1848 года и репрессивные меры, принятые у нас вслед за февральской революцией в Париже,— отмечал в своих воспоминаниях Н. Н. Тютчев,— чтобы понять, какое впечатление должно было произвести неожиданное и загадочное появление жандарма в квартире Белинского»[5].

Этот переполох имел в виду и Некрасов, рассказывая в письме к Н. X. Кетчеру о том, как «беспощадно, но весьма основательно» Белинский «жег перед смертию своею все, что казалось ему делом молодости и вертопрашества»[6].

Новая «чистка» обусловила гибель важнейших фондов переписки Белинского петербургской поры. Все то, что могло уцелеть после этих двух пересмотров бумаг и писем великого критика, его корреспондентам пришлось спешно уничтожать в 1849 г., когда на процессе петрашевцев неожиданно всплыло, как основной документ обвинения, зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю, когда стало известно, что за распространение этого письма выносились смертные приговоры, что за недонесение о знакомстве с ним угрожали каторжные работы[7]. Полностью уничтожены были именно в это время письма Белинского к Грановскому, Коршу, Огареву, Некрасову, Межевичу, Красову, Лангеру, Петрову, Прокоповичу, Лажечникову, Кронебергу, А. А. Комарову, И. И. Маслову, Н. Н. Тютчеву, А. В. Никитенко, М. А. Языкову, большая часть писем к Герцену (они хранились в Москве), Анненкову, Кетчеру, Кавелину, Сатину, Тургеневу, Панаеву, Щепкину. При не известных на́м обстоятельствах исчезли в Воронеже и письма Белинского к Кольцову, хранившиеся у родных поэта.

Политически компрометировал, с точки зрения органов полицейской охраны, уже самый факт знакомства с Белинским, даже в пору его молодости. Не случайно, когда в бумагах Н. М. Сатина, арестованного в феврале 1850 г., обнаружены были два старых письма Белинского, ему предложен был на следствии специальный «вопросный пункт»: «Объясните подробно, по какому случаю вы были знакомы со столь безнравственным человеком, каким был Белинский, который во всю жизнь свою действовал и рассуждал вопреки правительству, вере и совести»[8].

II

Выдержки из письма Белинского к Н. М. Сатину от 15 октября 1837 г., цитированные на одном из допросов Сатина и опубликованные впервые в 1917 г., дополняют корпус «полного собрания писем Белинского», установленный Ляцким, в его наиболее слабой части. Вот эти случайно дошедшие до нас строки, видимо, очень большого и значительного письма:

«Отчаянный развратник и даже злодей,— писал Белинский,— лучше доброго человека, который из своего поведения, или своей пошлости, или своих тугих обстоятельств, сделал себе правила жизни. Дай бог, чтобы тебе не довелось быть ни тем, ни другим, но если надо быть чем-нибудь из этого, будь первым; по крайней мере толпа будет тебя ненавидеть, а не хвалить; а похвала толпы, которая кричит: он остепенился, он стал солиден, он перестал заноситься и почитать себя умнее всех, ты сам знаешь, что такое подобная похвала»[9].

Как пояснял Н. М. Сатин на следствии, переписка его с Белинским продолжалась недолго: «После двух или трех писем, видя, что мы совершенно не сходимся, переписка наша прекратилась и более никогда не возобновлялась».

Сам Белинский хорошо помнил о своих письмах к Сатину и даже был заинтересован в их изъятии у адресата: «Ты познакомился с С.,— писал он 3 февраля 1840 г. Боткину,— кланяйся ему, да выпроси у него мои глупые письма» (П, II, 28)[10].

Это желание отобрать у Сатина свои старые письма родилось у Белинского, как мы полагаем, не только из-за несоответствия их тем новым «правилам жизни», которыми вдохновлялся он в эту пору, но и из-за резких и несправедливых отзывов в этих письмах о Лермонтове. Из воспоминаний Н. М. Сатина мы знаем о столкновении Белинского с Лермонтовым при первой встрече их в 1837 г. на Кавказе, после чего Белинский и в разговорах и в письмах, вспоминая бравады Лермонтова, утверждал: «Вот важность, написать несколько удачных стихов! От этого еще не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком»[11]. Н. Л. Бродский, комментируя рассказ Сатина, очень правильно напомнил о том, что в фразеологии Белинского слово «пошлость» было очень далеко от нашего нынешнего его понимания[12]. При учете же того, что с точки зрения Белинского в эту пору «всякая форма, поражающая людей своей резкостью и странностью и пробуждающая о себе толки и пересуды,— п о ш л а», мы уточняем причины отталкивания Белинского и Лермонтова друг от друга в 1837 г. Но в начале 1840 г. Белинский был уже во власти образов и настроений поэзии Лермонтова. Такие произведения, как «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевского», «Казачья колыбельная песня», «1 января 1840 г.», «И скучно, и грустно», заставляют Белинского в том самом письме к Боткину, в котором упоминался им Сатин, решительно утверждать, что в Лермонтове «готовится т р е т и й русский поэт и что Пушкин умер не без наследника» (П, II, 31). В этих строках усматриваем мы ключ к переоценке самим Белинским своих старых писем к Сатину, подлежавших скорейшему изъятию у адресата.

Три не известных прежде приписки Белинского к письму М. А. Бакунина к сестрам от 3 декабря 1837 г. (письмо не датировано, но время его написания устанавливается совершенно точно) опубликованы были во втором томе «Собрания сочинений и писем М. А. Бакунина». Эти шуточные приписки очень характерны для Белинского, особенно, если учесть их повод — патетическую декларацию Бакунина в строках: «Друзья, не будем жаловаться на жизнь, это было бы богохульство. Жизнь дана нам для счастья, для наслаждения. Но тот не может быть счастлив, кто не страдал. Истинная гармония есть разрешение дисгармонии борьбы, примирение с самим собою».

Приписка Белинского: «В. Г. Белинский, пользуясь случаем, спешит засвидетельствовать премухинским жителям свое почтение и просит их, веря во все, что пишет к ним Мишель, не относить этого к нему: все эти прекрасные мысли он ворует у меня, не говоря уже о буквах *е* и *ять*. С тех пор, как он начинает жить со мной, я чувствую большое оскудение в моих мыслях, а Мишель, напротив, богатеет ими, разумеется, на мой счет». На реплику Бакунина: «Виссарион Григорьевич собрал все свои силы, для того, чтоб сделать глубокомысленную критику, и что же, весьма ясно доказал, что он глуп», Белинский тут же отвечал: «Ей-богу лжет: такой лгун, что ему у нас в Москве даже маленькие дети не верят, да и в голове только ⟨ветер⟩ посвистывает, т. е. у Мишеля, а не у меня». Бакунинское разъяснение («Последняя оговорка доказывает, что он, зная вашу проницательность, боится, чтоб, несмотря на все его старание, вы не увидели истины») вызывает последнюю приписку Белинского: «На это не стоит и отвечать: выходка грубая и не приправленная цветами остроумия»[13].

Хронологически вслед за этими «приписками» должны быть учтены не известные прежде начальные страницы письма Белинского к В. П. Боткину от 12 августа 1838 г.

Эти страницы, впервые опубликованные в сборнике «Венок Белинскому» в 1924 г. (по автографу, сохранившемуся в архиве П. Н. Кудрявцева), позволяют восстановить полностью очень ценное по своим идеологическим формулировкам, литературным приговорам и автопризнаниям письмо Белинского, известное прежде только по окончанию, условно датированному «осенью 1838 г.» (П, I, 255—257).

Особенно ценны в этих страницах высказывания Белинского о симптомах развала прежнего кружка Станкевича, сравнительные характеристики Бакунина, Боткина, Клюшникова («Каждый из нас есть своего рода самобытное явление, и нам не должно делать себя аршином другого, и другим мерять себя: это фальшивая мера»), суждения об индивидуальной «действительности», на которую Белинский хочет смотреть чисто «практически, как на твердость духа, вследствие равенства самому себе», отрицание всяческой «абстрактности» («Все дело в том, чтобы уловить истину в ее целости, в конкретном единстве всех ее сторон»). Из произведений мировой литературы он говорит здесь о «Клавиго» Гете, о «Майорате» Гофмана; из русских—о «Флейте» Кудрявцева, которая «вырвала несколько слез и расшевелила змею воспоминания»[14].

Менее значительны по своему содержанию последние страницы письма Белинского к М. А. Бакунину от 13—15 августа 1838 г., обнаруженные в 1915 г. в Премухинском архиве [15]. Прежде известно было только начало этого большого письма, обрывавшегося в издании Ляцкого на полуслове. Вновь найденные листы посвящены воспоминаниям Белинского о Л. А. Бакуниной (невесте Станкевича) и его раздумьям под впечатлением известия о ее смерти.

Разборка архива М. Н. Каткова, поступившего после Великой Октябрьской социалистической революции в Румянцевский музей, ныне Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, обогатила известную нам переписку Белинского еще одним документом — его запиской к Каткову, опубликованной в 1948 г. в сборнике под редакцией Н. Л. Бродского «В. Г. Белинский и его корреспонденты» (стр. 27).

В этой записке, датированной январем 1840 г. и относящейся, видимо, к истории увлечения Каткова М. Л. Огаревой, Белинский отмечал, что признания Каткова «тронули его до слез», что ни «обвинить», ни «утешить» его он не может, ибо в подобных «переходных моментах духа» все «советы и утешения — резонерство». Признавая Каткова «натурой глубокой, но пока еще и дикой и кипучей», Белинский заключал: «Причина твоего страшного состояния в твоей сущности, в ней же и возможность и средства к выходу из него». Для уточнения даты этой записки Белинского у нас нет данных. Возможно, что самая краткость записки объясняется ее назначением лишь предварить большое письмо— то письмо, о котором Белинский упоминал Боткину 3 февраля 1840 г.: «Объективный мир страшен, и мы с тобою скоренько порешили важный вопрос. Но об этом зри письмо к Каткову, которое сей странно аттестующий себя юноша получит вскоре после сего послания к тебе» (П, II, 30—31)[16]. Другое письмо Белинского — к Каткову и Ефремову от 6 апреля 1842 г. — обнаружено было недавно в бумагах А. Ф. Кони в Пушкинском Доме[17]. Писем Белинского к Каткову было немало, но ни они, ни ответы на них до нас не дошли. Вновь найденные два письма спаслись от уничтожения только потому, что во всех отношениях они были совершенно нейтральны, ничем не компрометируя ни автора, ни адресата.

В том же сборнике, в котором Н. Л. Бродский опубликовал записку Белинского к Каткову, напечатаны Р. П. Маториной два письма Белинского к К. С. Аксакову с опущенными в прежних публикациях строками о встречах Белинского в Петербурге с семнадцатилетним Иваном Аксаковым. В письме от 14 июня 1840 г. Белинский отмечал: «Познакомился я с твоим братом, Иваном Сергеевичем. Славный юноша! В нем много идеальных элементов, которые делают человека человеком, но натура у него здоровая, а направление действительное, крепкое и мужественное. Я очень полюбил его. Молодое поколение лучше нас, оно много обещает». Во втором письме от 23 августа 1840 г. Белинский повторял, что «все больше и больше любит его ⟨И. С. Аксакова⟩. В нем так много внутренней жизни, что даже жаль его, ибо на Руси пока еще только практическим людям хорошо, особенно, если они при этом и мерзавцы»[18].

Весьма интересной, если не по содержанию, то по имени адресата, надлежит признать записку Белинского от 30 декабря 1840 г. к М. С. Куторге, опубликованную

Н. И. Мордовченко на страницах «Литературного наследства» в 1948 г. (т. 55, стр. 424). Самый факт знакомства Белинского с Куторгой (и притом довольно близкого, судя по этой записке) до сих пор документировался только упоминанием о нем в письме критика от 22 ноября 1839 г. к Боткину, как о «молодом профессоре, товарище Редкина, гегелианце и умном человеке» (П, II, 8). М. С. Куторга привлечен был к участию в «Отеч. записках» сразу же после их перехода в распоряжение Краевского. Утверждение Н. И. Мордовченко о том, что «никаких работ М. С. Куторги после 1839 г. на страницах „Отеч. зап.“ не появлялось», нуждается в некотором ограничении. Можно предполагать, что М. С. Куторга (историк, один из талантливейших профессоров Петербургского университета) все же принимал участие в «Отечественных записках», в первой половине 40-х годов, рецензируя книги по всеобщей истории. Все публикации в библиографическом отделе «Отечественных записок» печатались анонимно, почему мы и не располагаем точными данными о товарищах Белинского по работе в этом журнале. Очень характерны начальные строки новой записки Белинского: «Виноват перед вами — без вины виноват, как говорит многознаменательная русская поговорка». Об этой самой поговорке Белинский упоминал и в знаменитом письме к Гоголю.

Тексты многих писем Белинского в издании Ляцкого были, как известно, обескровлены и по цензурным соображениям. Из этих многочисленных строк и слов, замененных в трехтомнике досадным для читателя многоточием, Н. К. Пиксанов восстановил в 1924 г. страницу известного письма Белинского к Боткину от 28 июня 1841 г. с яркими тираноборческими формулировками:

«Какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровою мантиею, на которой, как сказал Тиберий Гракх нашего века, Шиллер, видна кровь первого человекоубийцы» и «Царем мог бы быть только бог бесстрастный, всеведающий. Посмотри на лучших из них,— какие сквернавцы... Нет, не должно быть монархов, ибо монарх не есть брат людям,— он всегда отделится от них хоть пустым этикетом, ему всегда будут кланяться хоть для формы»[19].

Две строки из письма Белинского к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г., исключенные из издания Ляцкого по тем же цензурным соображениям, восстановил в 1941 г. В. С. Спиридонов в «Избранных философских сочинениях В. Г. Белинского». Выделяем эти строки из контекста разрядкой:

«Я ругал тебя за Кульчицкого, что ты оставил его в теплой вере в мужичка с бородкою, который, сидя на мягком облачке, б.... под себя, окруженный сонмами серафимов и херувимов, свою силу считает правом, а свои громы и молнии — разумными доказательствами»[20].

Записка Белинского к Достоевскому, случайная и забытая самим адресатом (вероятно, единственный документ их переписки) обнаружена была в 1915 г. В. И. Семевским в материалах, приобщенных к секретному дознанию о Достоевском в 1849 г.[21] Она была писана наспех, карандашом, без даты и, как показал сам Достоевский, могла относиться только к «первым дням» их знакомства, т. е. к началу июня 1845 г., когда автор «Бедных людей» еще не успел войти в круг Белинского, еще никогда не бывал и в том доме, в который Белинский запросто его приглашал:

«Достоевский, душа моя (бессмертная) жаждет видеть вас. Приходите, пожалуйста, к нам, вас проводит человек, от которого вы получите эту записку. Вы увидите всё наших, а хозяина не дичитесь, он рад вас видеть у себя. В. Белинский».

Подчеркнуто-ироническое замечание Белинского о «бессмертной душе» имеет в виду его споры с Достоевским, о которых последний вспоминал в «Дневнике писателя»: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма»[22]. Круг знакомых, к которым Белинский мог приглашать в эту пору Достоевского как «к нашим», был очень ограничен — это или М. А. Языков, или Н. Н. Тютчев. Напомним, кстати, объяснения, которые дал Достоевский по поводу этого письма следственным органам в мае 1849 г.:

«О записке Белинского решительно ничего не могу припомнить, не знаю какого она содержания, и теперь только в первый раз узнаю, что у меня была записка

от Белинского. Но этими словами я вовсе не хочу отречься от моего знакомства с Белинским. Я был с ним знаком в первый год знакомства довольно коротко, во второй год очень отдаленно, а в третий год был с ним я в ссоре и не виделся с ним ни разу. Если записка эта пригласительная, то, вероятно, она была написана еще в первые дни нашего знакомства, и если он куда-нибудь приглашал меня, то просто в гости, а не в собрание. Круг знакомства Белинского, сколько я знаю, был очень тесен и ограничивался литературным кружком. В собрания большие он не ходил и терпеть их не мог, потому что был нелюдим, хвор и сидень. Вероятно, он хотел познакомить меня с кем-нибудь из литераторов»[23].

Очень ценным пополнением группы ранее известных писем Белинского к П. Н. Кудрявцеву явилось письмо от 26 марта 1846 г., опубликованное В. Сорокиным в «Литературном наследстве» в 1948 г. (т. 55, стр. 427—428). Письмо адресовано в Берлин. Благодаря Кудрявцева за готовность прислать повесть для альманаха «Левиафан», изданием которого критик предполагал обеспечить себе некоторую свободу действий после ухода из «Отечественных записок», Белинский предупреждал приятеля, что альманах приходится отложить на осень. В этом же письме Белинский горячо убеждал Кудрявцева беречься «от сифилитического влияния шеллингианизма, пиэтиститизма и неметчины».

К последнему периоду жизни Белинского относятся и три ранее не известных письма к Н. М. Щепкину, сыну знаменитого артиста, опубликованных в 1914 г., сразу же после выхода в свет трехтомника Ляцкого. Первые два — от 30 июля и 9 сентября 1846 г. — писаны были из Николаева и Симферополя, во время путешествия Белинского по Украине и Крыму, третье — от 5 марта 1847 г. — связано с хлопотами Белинского в Петербурге по служебным делам адресата[24].

К числу материалов, дополняющих или корректирующих издание Ляцкого, относятся и справки о некоторых мелких неисправностях, вкравшихся в печатный текст писем Белинского и обнаруженных Р. П. Маториной при составлении в 1948 г. каталога «Рукописей и переписки Белинского» в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Всего в фондах Библиотеки выявлено было 105 писем Белинского—цифра весьма значительная, особенно, если учесть, что в рукописном отделе Пушкинского Дома К. Н. Григорьян зарегистрировал всего 59 автографов писем великого критика (см. «Институт русской литературы Академии Наук СССР. Бюллетени рукописного отдела», II, М.—Л., 1950, стр. 26—29), а во всех прочих архивохранилищах СССР их может быть еще не более десятка. Тем досаднее, что многие спорные даты и неточные чтения тех или иных строк в письмах Белинского, хранящихся в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, вовсе не привлекли внимания ни составителя каталога, ни его редактора. Так, например, одиннадцать недатированных записок Белинского к А. П. Ефремову, произвольно отнесенных Ляцким к 1837—1839 гг., несмотря на явное несоответствие этой хронологизации фактам биографии Белинского (см. далее стр. 211), в каталоге Р. П. Маториной все обозначены теми же годами (стр. 16—17). Мы вправе усомниться и в ответственном заключении Р. П. Маториной о том, что текст записок в издании Ляцкого не имеет разночтений с автографами. Так, например, Ляцкий печатает: «Пошли своего человека к Келлеру» (П, I, 378), а в примечании оговаривает, что, не располагая автографом этой записки, пользуется копией А. Н. Пыпина, в которой последним отмечено: «Неразборчиво: Кетчеру?» В распоряжении Р. П. Маториной автограф этой записки не только был, но даже описан ею (стр. 17). Спрашивается: каков же результат произведенной сверки? Как надо читать: «Келлеру» или «Кетчеру»? Точно такой же казус встречается в заключительной строке другого письма: «Я уж стал откровенно под....м» (П, I, 379, с пояснением: «нельзя разобрать»). В первопечатном тексте этого письма слова, не разобранные Пыпиным и Ляцким, читались: «подл и нагл» (сб. «Памяти В. Г. Белинского», М., 1899, стр. 115). К сожалению, описание Р. П. Маториной и в этом случае нам не помогает*.

---

* Обращение к автографам подтверждает чтение: «Келлеру» и «подл и нагл». — Ред.

Систематическая выверка писем Белинского по автографам — очередная задача исследователей и публикаторов литературного наследия великого критика.

Подведем итоги: за тридцать шесть лет (1914—1950) общеизвестный фонд писем Белинского почти не обновился. В научный оборот вошло за это время десять его писем, ранее вовсе не известных исследователям; в двух письмах восстановлены их начальные или заключительные страницы и, наконец, еще в четырех реставрировано несколько строк, изъятых из прежних изданий по цензурным или редакционно-тактическим соображениям.

III

Как редактор и комментатор первого полного собрания писем Белинского, Ляцкий должен был разрешить и проблему установления возможно более точной редакции знаменитого зальцбруннского письма Белинского к Гоголю от 3 (15) июля 1847 г.

Документ этот, который В. И. Ленин еще в 1914 г. признал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»[25], дошел до нас, как известно, не в оригинале, а в виде случайных позднейших копий, искаженных переписчиками в ряде ответственных мест. Был ли автограф письма уничтожен Гоголем или утерян им во время переездов, исчез ли он при посмертном разборе бумаг писателя или задолго до его кончины — сказать трудно. Несомненным является только то, что ни одна из известных нам копий письма Белинского не восходила к автографу, бывшему в распоряжении адресата.

Не задумываясь ни о генеалогии этих списков, ни о степени их достоверности, Ляцкий, вместо того чтобы критически установить текст письма Белинского к Гоголю, предложил читателям перепечатку первого русского массового издания этого документа, выпущенного в свет в дни революции 1905 г. С. А. Венгеровым[26].

По непонятной оплошности Ляцкий воспользовался изданием, от которого его редактор уже успел отказаться. В специальной работе 1913 г. «Письмо В. Г. Белинского к Гоголю» Венгеров подверг критическому пересмотру основные материалы о знаменитом зальцбруннском письме, установил многочисленные пропуски и опечатки в том его тексте, который впервые был опубликован А. И. Герценом в лондонской «Полярной звезде» 1855 г., и предложил, наконец, вниманию исследователей и читателей сводную редакцию письма с учетом важнейших его вариантов[27].

Эта работа Венгерова осталась неизвестной Ляцкому. Между тем, несмотря на все свои неточности и цензурные купюры, текст письма Белинского к Гоголю в венгеровской редакции 1913 г. гораздо полнее и авторитетнее, чем его воспроизведение в трехтомнике Ляцкого. Венгеров в основу своего опыта реконструкции текста зальцбруннского письма положил список, сохранившийся в архиве А. А. Краевского, выправив явные описки на основании публикации «Полярной звезды»[28]. Ляцкий же, перепечатывая текст венгеровского издания 1905 г., невольно популяризировал тем самым все искажения оригинала, характерные для его первой публикации.

Мы вынуждены подчеркнуть эту ошибку Ляцкого не только потому, что она и сама по себе очень значительна, но и потому, что точно так же поступил Иванов-Разумник, перепечатав искаженную зарубежную редакцию письма в своем трехтомном Собрании сочинений Белинского не только в 1911, но и в 1913 и 1919 гг. Характерно, что ошибка эта осталась неотмеченной ни в критической литературе, вызванной «Письмами Белинского» в 1914—1915 гг.[29], ни в позднейших специальных трудах о литературном наследии Белинского.

Многих из своих ошибок и Иванов-Разумник и Ляцкий могли бы избежать, если бы они, даже не зная исследования Венгерова, обратились к наиболее полному из известных в то время списков письма Белинского к Гоголю, опубликованному Н. П. Барсуковым в восьмой книге «Жизни и трудов М. П. Погодина» (в 1894 г.)[30]. Мы имеем в виду тот самый «список А. А. Краевского», который и положен был в основание текстологической работы Венгерова в 1913 г. Однако, сославшись на публикацию Барсукова в своих библиографических примечаниях к зальцбруннскому письму, Ляцкий или зарегистрировал ее, не читая, или просто не понял ее значения.

Примитивность редакционных приемов Ляцкого, его беспомощность как текстолога и источниковеда, с особенной выразительностью была запечатлена популяризацией в его издании всех искажений случайной первопечатной публикации письма Белинского к Гоголю[31], без указания хотя бы важнейших его разночтений, без элементарно-необходимых расшифровок всех его политических и литературно-бытовых намеков, формул и ассоциаций.

IV

Критически устанавливая текст письма Белинского к Гоголю, Венгеров опирался в 1913 г. лишь на два его списка, один из которых представлен был копией Краевского, а другой — публикацией «Полярной звезды».

В работе Венгерова осталась не учтенной еще одна копия этого документа, бывшая в распоряжении В. П. Чижова и частично использованная в его статье «Последние годы Гоголя», напечатанной в седьмой книжке «Вестника Европы» за 1872 г.

Стесненный цензурными условиями, Чижов должен был, правда, воздержаться от публикации строк, наиболее актуальных в политико-просветительном отношении, наиболее острых по своей антиклерикальной направленности. Однако даже в том обескровленном варианте, в котором письмо Белинского введено было Чижовым в массовый литературный оборот (это была первая русская легальная публикация письма), оно имело ряд признаков, резко отличающих его от текста первопечатного, с одной стороны, и от списка Краевского — с другой[32].

Благодаря копии Чижова (к сожалению, происхождение и местонахождение ее исследователем указано не было), впервые была выправлена искаженная в «Полярной звезде» полемическая сентенция Белинского о «национальном русском суде». В издании Герцена эти строки были явно обессмыслены: «А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в глупой поговорке, что должно пороть и правого и виноватого». Публикация Чижова позволила сразу же восстановить подлинное чтение: «А ваше понятие о национальном русском суде, расправе, идеал которого вы нашли в словах глупой бабы, в повести Пушкина, и по разуму которого должно пороть и правого и виноватого»[33].

Вместо первопечатного варианта «И старая школа, действительно, сердилась на вас до бешенства» в копии Чижова, как и в списке Краевского, стояло: «И она, действительно, сердилась на вас до бешенства», причем слово «она», т. е. читающая публика, в этом контексте было гораздо более уместно, чем произвольный домысел о «старой школе». Вместо первопечатного «выгоднее для них» в списке Чижова было «льготнее для них», вместо первопечатного «высокого духовного просветления» в списке Чижова было «высокого духовного просвещения». Эти два лексических варианта Чижова так же совпадали с вариантами Краевского, как и явная описка при дате обеих копий: «Зальцбург» вместо «Зальцбрунн».

Повторение одних и тех же ошибок, да еще столь характерных, как «просвещение», не оставляют сомнений, что обе копии — и Краевского и Чижова — сделаны были с одного и того же, не очень исправного, оригинала. При этом у нас есть основания утверждать, что копия Чижова сделана была гораздо тщательнее, чем список Краевского. Именно в последнем сентенция Белинского — «Смирение, проповедуемое вами, во-первых не ново» — обезображена была опиской в последнем слове («Смирение, проповедуемое вами, во-первых, не любовь»). Но еще более досадно, особенно по своим последствиям, было вольное или невольное извращение в копии Краевского одной из ответственнейших формулировок письма, именно строки о «самых живых, современных национальных вопросах в России». Вместо «отменение телесных наказаний» в копии Краевского, по произволу переписчика, оказалось: «ослабление телесных наказаний». Несмотря на то, что «вариант» этот был явной текстологической фикцией и явился результатом сознательного подлога или позднейшей описки невежественного писца, он был широко использован идеологами контрреволюционной буржуазии в 1912—1914 гг. в их попытках политической дискредитации Белинского как автора письма к Гоголю[34], в их борьбе с ленинским пониманием «одного из лучших произведений бесцензурной демократической печати».

V

Полагаясь, как правило, на публикации своих предшественников, Ляцкий обычно не корректировал даже явных несообразностей первопечатных текстов. В этом отношении особенно досадно, что в его распоряжении отсутствовали автографы тех 42 писем Белинского к отцу, матери и брату, отрывки из которых были опубликованы в «Русской старине» 1876 г.[35]

Последняя публикация представляла собой свод цитат, обескровленный изъятием наиболее ярких в идейно-политическом плане высказываний, переходящий нередко в монтаж строк, заимствованных из писем разных лет или, наоборот, расчленяющий одно письмо на несколько отрывков.

Этот случайный набор отрывков целиком перешел и в издание Ляцкого. Так, например, письмо Белинского к родителям, приуроченное к «концу 1829 г.» (П, I, 5—6), представляло собой контаминацию письма от 9 октября 1829 г. («Я был в музеуме Московского университета...») с письмом от начала января 1830 г. (расчеты на какое-то литературное «предприятие», в котором Белинский участвовал с Н. Л. Григорьевым). Так, например, «отрывок из письма к матери. Январь 1830 г.» (П, I, 19—20) и «Отрывки из писем к родителям. Начало 1830 г.» (П, I, 20—21) являлись нераздельными частями одного письма от начала января 1830 г. Такому же объединению подлежат отрывки от «4 июня 1830 г.» и от «лета 1830 г.» (П, I, 24). К письму от 24 мая 1831 г. («Невзгода моя, кажется, проходит») должна быть отнесена выдержка из письма, датируемого «концом мая» об участии в газете «Листок» (П, I, 34).

Некритическое отношение к произвольным датировкам некоторых писем Белинского в «Русской старине» привело Ляцкого к таким промахам, как датировка «началом 1833 года» (П, I, 48) письма об издевательствах над студентами графа Панина после *маловской и сунгуровской истории: «у нас есть некто граф Панин, служащий при Университете* в качестве помощника попечителя. Эта глупая и долговязая орясина — он ростом выше трех аршин — вздумал насильственным образом стричь на солдатский манер своекоштных студентов» и пр. Между тем письмо это точно датировано в автографе «21 ноября 1831 г.».

Тесно связанное с этим письмом следующее обращение Белинского к отцу от 20 апреля 1832 г. («Университет наш переворотился вверх дном» и пр.) Ляцкий произвольно переносит на 1833 г. (П, I, 48 и 387), несмотря на то, что в «Русской старине» дата поставлена была на этот раз правильно. Никаких не было оснований у Ляцкого и для датировки письма Белинского к брату от 21 июня 1832 г. условными рамками «1832 или 1833 г.» (П, I, 40 и 386), ибо письмо это тесно связано с предыдущим письмом от 21 мая 1832 г. (П, I, 39), да и в «Русской старине» печаталось точно по автографу.

Таким образом, даже редкие попытки Ляцкого уточнить или исправить датировку некоторых из ранних писем Белинского, автографами которых он не располагал, вели к еще большей порче их неисправного текста.

VI

Переписка Белинского особенно скудно документирует период его деятельности в «Телескопе» и «Молве». Если не считать нескольких писем к родным, то всего за эту пору в издании Ляцкого мы найдем два небольших письма к Н. А. Полевому и записочку к Н. С. Селивановскому. Мы не располагаем ни одним письмом Белинского за это время ни к Надеждину, ни к Станкевичу, ни к Неверову, ни к Петрову, ни к Бакунину, ни к Клюшникову, ни к Красову, ни к Лажечникову (отмечаем имена тех его корреспондентов, с которыми он был в эту пору особенно тесно связан).

К «концу 1836 или началу 1837 г.» Ляцкий относит самое раннее из известных нам писем Белинского к К. С. Аксакову (П, I, 64). Это письмо, дающее исключительно ценный материал о настроениях и интересах «безработного» Белинского после закрытия «Телескопа», может быть датировано, однако, гораздо точнее. В самом деле, Белинский в нем информирует приятеля о «новости»: «Погодин затевает журнал и

предлагает мне участие. Это пока тайна. Если не состоится то, известное тебе, журнальное дело, то, чорт возьми, может быть я и решусь. Но в таком случае выторгую себе полную конституцию».

Ключ к этой информации дает письмо Белинского к Бакунину от 21 ноября 1837 г.: «Жду ответа от Полевого. Этот ответ решит мою участь. Впрочем, едва ли состоится это дело ⟨...⟩ О программах „Северной пчелы“ и „Сына отечества“ и не слышно⟨...⟩В Москве затевается новый журнал „Москвитянин“, редакторы—Шевырев и Погодин ⟨...⟩ Мне стороною предлагалось сотрудничество, но чорт возьми этих подлецов и идиотов» П, I, 177—178).

Записка к К. С. Аксакову явно предшествует письму к Бакунину. В ней нет еще ни названия журнала, организуемого Погодиным, ни данных об участии в последнем Шевырева. Самый же вопрос о своем сотрудничестве в новом издании Белинский склонен рассматривать скорее положительно, но он ждет вестей о другом «журнальном деле», которое его, видимо, более устраивает.

Как известно, именно в ноябре 1837 г. К. А. Полевой безрезультатно хлопотал о получении разрешения на аренду «Московского наблюдателя», а Н. А. Полевой занят был реорганизацией «Сына отечества». Белинский в эту пору был лично близок с обоими Полевыми и имел все основания рассчитывать на ближайшее участие в их журналах. Эти литературные «дела» имел он в виду в своих письмах и к К. Аксакову и к М. Бакунину. Судя по тому, что в письме к последнему от 15 ноября (П, I, 154—156) нет еще никаких упоминаний о переговорах с Погодиным, а в письме от 21 ноября будущие издатели «Москвитянина» трактуются как «подлецы и идиоты», записку к К. С. Аксакову о приглашении Белинского в новый журнал надлежит датировать временем между 16 и 20 ноября 1837 г.[36]

Ошибочны соображения Ляцкого и о «первом из сохранившихся писем Белинского к М. А. Бакунину» — записочке от 3 января 1837 г. (П, I, 64 и 392). Белинский упоминает в ней о своей работе над статьей о первом представлении «Гамлета», с Мочаловым в главной роли. Однако этот спектакль состоялся только 22 января 1837 г. Разумеется, заканчивать 3 января статью о премьере, которая состоялась лишь 22 января, Белинский никак не мог. В дату автографа его записки («1837. Понедельник, 3 генваря») вкралась явная описка — год только что закончившийся, вместо текущего: «1837» вместо 1838. Наличие описки подтверждается и тем, что «3 генваря» совпадало с «понедельником» именно в 1838 г. (в 1837 г. на 3 января приходилось воскресенье). Новая датировка подтверждается и датой публикации статьи, о которой упоминал Белинский в своей записке: «Мочалов в роли Гамлета» (первая редакция будущей большой статьи на эту же тему в «Московском наблюдателе») появилась в «Северной пчеле» от 4 января 1838 г.

Такой же опиской является обозначение «4 марта 1842 г.» вместо «4 апреля 1842 г.» в дате первого письма Белинского к его будущей жене — М. В. Орловой (П, II, 278—279). Поводом для этого письма является приложенная к нему тетрадка, в которую Белинский переписал для М. В. Орловой недавно запрещенного лермонтовского «Демона». В письме к Боткину от 17 марта 1842 г. Белинский эту посылку еще только проектирует, в письме к нему же от 31 марта обещает закончить приготовление «заветной тетрадки» на «этой неделе» и, наконец, 4 апреля посылает ее на адрес Боткина вместе с письмом к М. В. Орловой с просьбой лично проследить за передачей (П, II, 293).

Приписка Белинского к недатированному письму Бакунина к сестрам из Москвы в Премухино («Да, в самом деле, вы поступаете нехорошо...»), отнесенная Ляцким к «концу 1837 г.» (П, I, 179), должна быть перенесена на конец января 1838 г.[37]

Письмо Белинского к Бакунину, напечатанное с гипотетической датой: «вероятно, середина 1838 г.» (П, I, 185), может быть точно приурочено к первой декаде мая 1838 г., ибо именно в это время Бакунин выехал из Москвы[38], а Белинский в своем письме, писанном в разгар их первого большого конфликта, форсирует свидание и объяснение с ним, явно опасаясь, что Бакунин повезет в Премухино информацию о разрыве, не успев с ним до конца договориться («Жду тебя часов в 7 утра, и уверен, что ты прийдешь»).

К середине декабря 1838 г. должна быть отнесена записка Белинского к Боткину, ошибочно приуроченная Ляцким к «весне 1839 г.» (П, I, 315—316). В этой записке шла речь об отъезде Каткова в Премухино, что произошло в середине декабря 1838 г., когда Бакунин приезжал на несколько дней в Москву (см. «Соч. и письма Бакунина», 1934. Т. II, стр. 459) и, по просьбе Боткина, увез с собой в деревню Каткова (см. в настоящем томе, стр. 123—124).

Первый том «Писем Белинского» в издании Ляцкого заканчивается подборкой «Записок к А. П. Ефремову» (стр. 377—379). Все эти одиннадцать записок, впервые опубликованные по автографам в сборнике «Памяти В. Г. Белинского» (М., 1899, стр. 113—115), в подлиннике не имели никаких хронологических обозначений и приурочены были к «1838—1839 гг.»[39] Пыпиным, который снял копии с них еще в 1875 г. Перепечатывая копии Пыпина, Ляцкий отказался от уточнения их датировки, хотя последняя была очень обща, а в некоторых случаях и явно неправильна. Так, например, никак не вмещалась в период «1838—1839 гг.» записочка Белинского к Ефремову, в которой отмечалось ожидание каких-то «важных новостей» из Премухина, имеющих отношение к Станкевичу и даже как-то связанных с приездом его отца. Как известно, Н. В. Станкевич с осени 1837 г. до самой смерти жил за границей, Белинский же в обществе Станкевича, Ефремова и Бакунина в последний раз был в начале мая 1837 г. Итак, записка Белинского («Ефремов! Я занят, бога ради, забеги ко мне...») должна быть датирована временем не позже мая 1837 г. Эту дату можно уточнить еще более, если учесть, что отец Станкевича, о предстоящем приезде которого свидетельствовала записка, прибыл в Москву в конце декабря 1836 г.[40] Приезд отца должен был разрубить очень запутавшийся узел отношений Н. В. Станкевича с Л. А. Бакуниной, родные которой очень нервно переживали задержку формального обручения, а Станкевич не мог удовлетворить их требований до получения согласия своего отца на брак. Такова была ситуация, объясняющая содержание записки Белинского к Ефремову. Ее дата — вторая половина декабря 1836 г.

К еще более раннему времени относится другая из недатированных записок Белинского: «Душенька Ефремов.— Ж⟨ан-⟩ П⟨оля⟩ теперь никак не могу достать. Полевой на даче...» (П, I, 377).

К «1838—1839 гг.» эта записка не может относиться потому, что Н. А. Полевого в это время в Москве уже не было, а с К. А. Полевым Белинский с начала 1838 г. не общался. Нельзя датировать эту записку и 1837 г., когда Белинский ни в одном журнале не работал. Выбирая же между 1835 и 1836 гг., мы считаем более вероятным 1835 г., когда Белинский временно стал единоличным редактором «Телескопа» и «Молвы», нуждался в материале для очередных номеров, а потому мог заказывать переводы тех статей, которые считал интересными.

Письмо Белинского к Боткину, «без даты и без окончания», отнесенное в издании Ляцкого «к концу лета 1839 г.» (П, I, 323—331), мы предлагаем датировать двадцатыми числами (21—26) июля 1839 г. Поводом для этого объяснительного письма Белинского явилось какое-то недоразумение на обеде у Боткина, в первые же дни восстановления их прежних дружеских отношений (П, I, 326), происшедшее через несколько дней после отъезда из Москвы А. Я. и И. И. Панаевых (П, I, 368), т. е. не раньше начала 20-х чисел июля[41]. А 28 июля 1839 г. Боткин уже выехал из Москвы в Нижний-Новгород, где оставался целый месяц[42]. О предстоящем отъезде Боткина в анализируемом нами письме нет еще ни слова, что и позволяет с полной уверенностью отнести его к началу 20-х чисел июля.

Не менее точно можно датировать приписку Белинского к письму Н. А. Бакунина сестрам, относимую Ляцким к «концу 1839 или началу 1840 г.» (П, II, 11). Приписка начинается словами: «Позвольте, при сей верной оказии, напомнить вам...» Этой «верной оказией» зимой 1839—1840 г. мог быть только М. А. Бакунин, выехавший в Премухино 15—16 ноября 1839 г. (дату эту мы устанавливаем на основании упоминания в письме Белинского к Боткину от 30 ноября 1839 г. о том, что Мишель выехал из Петербурга уже ровно две недели.— П, II, 10). Не случайно поэтому, что и отзыв Белинского о Николае Бакунине в интересующей нас приписке почти дословно совпадает с отзывом о нем в письме к Боткину от 22 ноября 1839 г. (П, II, 6 и 10).

К «февралю 1840 г.» Ляцкий относит заключительные страницы интереснейшего письма Белинского к В. П. Боткину, начало которого до нас не дошло (II, II, 56—57). В пользу этой датировки, предложенной еще Пыпиным («Белинский, его жизнь и переписка», изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 295), свидетельствовала связь запроса о стихах Лермонтова во фрагменте («Что ж ни слова не написал мне о стихах Лермонтова — „Дары Терека" и „На смерть Одоевского"?») с полемикой об этих же произведениях в письме Белинского от 1 марта, когда он уже располагал мнением Боткина, не известным ему прежде. Датировка этого эпистолярного отрывка может быть, однако, определена еще точнее, на основании первых же его строк: «Чудак Станкевич— сердится за Шиллера. Не понимаю, как можно сердиться за убеждения ⟨...⟩ Что же вы с Грановским не переслали ко мне его письма?⟨...⟩ Право, у меня даже нет охоты и спорить с Станкевичем о Шиллере, не только сердиться».

Выступление Станкевича против Белинского в защиту Шиллера, оставшееся неизвестным как Пыпину, так и Ляцкому, имело место в его письме из Флоренции к Грановскому от 1 февраля 1840 г. Станкевич писал: «Известия о литературных трудах и понятиях наших знакомых не утешительны. Что им дался Шиллер? Что за ненависть?.. Нелепые люди!.. А если авторитет его ⟨Гегеля⟩ силен у них, то пусть прочтут, что он говорит о *Шиллере* в *Эстетике*, в разных местах, *также* о „*Валленштейне*" в мелких сочинениях. А о действительности пусть прочтут в Логике, что действительность, в смысле непосредственности, внешнего бытия,— есть случайность; что действительность, в ее истине, есть разум, дух... Но можешь сказать им только аргументы без яда насмешки — это только ожесточает, а они люди хорошие, и я с ними ссориться не хочу» («Переписка Станкевича», М., 1914, стр. 486).

Строки эти не только мотивируют отповедь Белинского Станкевичу, но и точно ее датируют. Письмо из Флоренции в Москву шло в ту пору не менее двух недель. Судя по письму Белинского к Боткину от 18—20 февраля 1840 г., он еще и 20 февраля ничего не знал о вестях от Станкевича. Письмо же Белинского, начатое 24 февраля и законченное 1 марта, как свидетельствуют его строки о Лермонтове, отправлено было Боткину уже явно после интересующего нас фрагмента. Таким образом приблизительно определяется и дата последнего — около 22 февраля 1840 г. Высказывания Станкевича, взволновавшие Белинского, имели в виду позицию критика в его знаменитых статьях об «Очерках Бородинского сражения», о «Горе от ума», «Менцель — критик Гете». Защите основных положений этих статей посвящены были, вероятно, и не дошедшие до нас начальные страницы письма Белинского.

Весьма важное письмо Белинского к Бакунину, посвященное публикации статьи последнего «О философии», в апрельской книжке «Отечественных записок» 1840 г. в издании Ляцкого датировано только — «1840 г.» (П, II, 95). Между тем Белинский пишет его под свежим впечатлением от только что просмотренных листов журнала: «Твоя статья уже напечатана ⟨...⟩ Вышло $1^{1}/_{2}$ листа с небольшим». Судя по тому, что четвертая книжка журнала была подписана цензурой к выходу в свет 14 апреля, этим же временем, т. е. серединой апреля, следует датировать и письмо Белинского[43].

Из писем Белинского к М. А. Бакунину за границу не дошло до нас ни одного. Но, видимо, их было не так много. Получив письмо Бакунина от 4 сентября 1840 г., Белинский решил на него не отвечать (П, II, 230—231), после чего переписка их года на два совсем оборвалась. Инициатива ее возобновления принадлежала Боткину. Отвечая на не известные нам доводы последнего, Белинский писал ему 20 апреля 1842 г.: «К Бакунину напишу» (П, II, 306). Между тем в октябрьских номерах «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» 1842 г. появилась знаменитая статья Бакунина (под псевдонимом: «Жюль Элизар») «Die Reaction in Deutschland» с блестящим анализом определяющейся революционной ситуации в Европе. Именно в этой статье Бакунина был брошен знаменитый лозунг: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть».

Явно откликаясь на эту политическую эволюцию Бакунина, Белинский писал 7 ноября 1842 г. его брату: «До меня дошли хорошие слухи о Мишеле,— и я написал к нему письмо ⟨...⟩ я и Мишель искали бога по разным путям—и сошлись в одном храме. Я знаю, что он разошелся с Вердером, знаю, что он принадлежит к левой стороне

гегелианизма, знаком с R⟨uge⟩ и понимает жалкого, заживо умершего романтика Шеллинга. Мишель во многом виноват и грешен; но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки: это — вечно движущееся начало, лежащее в глубине его духа. При том же дорога, на которую он вышел теперь, должна привести его ко всяческому возрождению» (П, II, 317).

Эти строки определяли, конечно, и лейтмотив того большого письма Белинского за границу к Бакунину, потеря которого — особенно чувствительный пробел в его эпистолярном наследии.

В этом письме, кстати сказать, была и сентенция, о которой Белинский упоминал в письме к Н. А. Бакунину от 23 февраля 1843 г.: «Я недавно писал к Мишелю (в Берлин), что я представляю собою маленького Прометея в карикатуре: толстые „Отечественные записки" — моя скала, к которой я прикован, Краевский — мой коршун, который терзает мою грудь, как скоро она немного подживет» (П, II, 338)[44].

Весной 1843 г. М. А. Бакунин сообщал из Цюриха брату Павлу: «Я, кажется, писал тебе, что самым неожиданным образом получил письмо от Белинского и Боткина, я отвечал им и, позабыв все старое, с радостью подал им руку». Это ответное письмо Бакунина, посланное, конечно, с верной оказией (мы полагаем, через М. Н. Каткова, возвращавшегося в это время из Берлина в Москву), также неизвестно исследователям[45].

Записка Белинского к А. Н. Струговщикову, без даты, впервые опубликованная Ляцким, с отметкой: «вероятно, 1841 г.» (П, II, 212), может быть совершенно точно приурочена к двадцатым числам января 1841 г. Содержание этой записки сводится к просьбе Белинского указать то место из «Фауста», где последний замечает Мефистофелю, что он «хочет и страдания, и горя, и радости, и наслаждений, всего что сродно человеческой натуре, чем живет все человечество».

Цитата эта понадобилась Белинскому во время работы его над статьей о «Стихотворениях М. Лермонтова»[46]. Именно в этой статье, в вводных ее страницах, Белинский вспоминал: «Когда Мефистофель предлагает Фаусту все блага, все наслаждения, столь высоко-ценимые толпою, — Фауст отвечает ему:

. . . .
Всем горестям отныне грудь открыта,
И всем, что человечеству дано,
В самом себе хочу я насладиться
И в ад, и в небо погрузиться,
И грусть людей, и радость их испить,
С их бытием свое совокупить
И с ними наконец в уничтоженьи слиться» (VI, 9).

Эти строки взяты были Белинским из перевода Э. Губера, так как интересовавший его монолог Фауста не был еще переведен А. Н. Струговщиковым. Судя по тому, что книжка «Отечественных записок» со статьей о стихотворениях Лермонтова разрешена была цензурой около 1 февраля 1841 г., время работы Белинского над нею (а следовательно, и дата записки, с этой статьей связанной) определяется двадцатыми числами января того же года.

Две записки Белинского к Краевскому, из которых одну Ляцкий датирует «мартом 1841 г.» (П, II, 227), а другую «мартом или апрелем 1841 г.» (П, II, 409), можно довольно точно отнести к 9—10 апреля 1841 г., причем самое содержание записок свидетельствует, что они разъединены одна от другой только часами, самое большее — одним днем. Первая записка кончается строкой: «Посылаю вам рецензию на „Душеньку". Все остальное нынче пришлю», а вторая говорит об исполнении этого обещания: «Посылаю последние рецензии и книги».

Рецензия на «Душеньку», которую посылал Белинский, напечатана была в пятой книжке «Отеч. записок» 1841 г. (разрешена цензурой 30 апреля 1841 г.). Эта дата точно фиксирует месяц, к которому приурочиваются записки. Числа же месяца, к которым относился отраженный в них инцидент из-за переживаемого Белинским по вине

Краевского острого денежного кризиса, устанавливаются датой письма критика к Д. П. Иванову о благополучной ликвидации конфликта: «Я не имел до сей минуты никаких средств, но, слава богу, теперь могу несколько поправить мои московские дела. Нынче или завтра ты получишь от Краевского записку на получение 700 р. ассигн.» (П, II, 239). Это письмо, самим Белинским датированное 11 апреля 1841 г., позволяет установить и время двух его записок к Краевскому[47].

Не менее точно могут быть датированы и две записки Белинского к Тургеневу, одну из которых Ляцкий условно относит к «весне 1843 г.» (П, II, 362), а другую — к «осени 1844 г.» (П, III, 83—84). Первая записка («Прощайте, любезнейший Иван Сергеевич! Очень жалею, что не удалось в последний раз побеседовать с вами...») писана около 20 апреля 1843 г., перед отъездом адресата в Москву. Об этой поездке мы знаем из письма Н. А. Беер к Бакуниным от 29 апреля 1843 г.: «Тургенев 〈...〉 в Москве. Он здесь на несколько дней — приезжал взять благословение матери, чтобы начать служить»[48]. Вторая записка Белинского набросана на обороте письма Тургенева и является ответом на просьбу последнего срочно просмотреть корректуру поэмы «Разговор». Так как цензурное разрешение «Разговора» подписано 13 декабря 1844 г., то к этому времени и надо отнести записку Белинского.

Письмо Белинского к Боткину от 14 марта 1842 г. разъединено в издании Ляцкого на две части, причем окончание напечатано как особый «Отрывок» с датой «март 1842 г.» (П, II, 282), а начало — с отметкой «конца нет» (П, II, 281). Между тем связь обоих фрагментов настолько тесна тематически (в них идет речь о впечатлениях от только что вышедшей третьей книжки «Отечественных записок») и бесспорна археографически (тем более, что все письма Белинского к Боткину за этот отрезок времени дошли до нас полностью), что еще Пыпин считал возможным объединить их. Не возражает против этого в своих комментариях и сам Ляцкий[49], но в качестве редактора предпочел все же произвольно напечатать в своем издании «разрозненные листы» письма вместо полностью сохранившегося документа.

VII

Правильная расшифровка тех или иных имен и фамилий, обозначенных в подлинниках только инициалами, иногда одной лишь буквой, прозвищами или псевдонимами, принадлежит к числу первоочередных задач публикатора и комментатора любых эпистолярных текстов. Мы полагаем, что Ляцкий и с этой частью своих редакторских обязанностей справился далеко не в полной мере, оставив целый ряд имен, встречающихся в письмах Белинского, вовсе не раскрытыми или расшифровав их явно ошибочно. Так, например, в одном из ранних писем Белинского к А. П. Ефремову он не раскрыл инициалов «Ж. П.» (П, II, 377), в письме к Герцену — инициалов «А. А. Т.» (П, III, 107, 354); в письмах к Кетчеру, Боткину и Щепкину фамилий «Авдотьи Павловны», якобы перекладывавшей на музыку статьи «Москвитянина» и «Маяка» (П, II, 257; III, 453), и «Феклы Михайловны», которой пересылались в подарок какие-то литографии (П, II, 293, 304; III, 474). Между тем в первом письме имелся в виду Жан-Поль Рихтер; во втором — А. А. Тучков, член Северного общества декабристов, друг Герцена и Огарева, а через них и Белинского; в третьем речь шла об А. П. Глинке, известной реакционной поэтессе, а в четвертом — о Ф. М. Щепкиной, дочери великого артиста.

В письме Белинского к И. И. Ханенко остались без расшифровки строки: «К. и В. тебе кланяются» (П, II, 278), хотя из контекста видно, что речь здесь шла о членах кружка М. А. Языкова—инженерах А. С. Комарове и П. В. Вержбицком. В письме к Боткину от 5 ноября 1847 г. находится очень резкий отзыв Белинского о повести «Противоречия» (П, III, 286). Ляцкий приходит на помощь читателю и дважды разъясняет, что автором этой повести является некий М. Непанов (П, III, 384 и 467). Однако сам комментатор и не подозревает, что «М. Непанов» — псевдоним М. Е. Салтыкова. В письме к Панаеву от 10 августа 1838 г. Ляцкий «затрудняется указать», кого имеет в виду Белинский под инициалами «Ф. К.» (П, I, 409 и 412). Речь же здесь шла, конечно, о Ф. А. Кони, товарище Белинского по работе в «Телескопе»[50]. Впоследствии

Ф. А. Кони был в течение нескольких лет редактором «Литературной газеты», которую Белинский в письме к Кудрявцеву от 28 июня 1841 г. назвал «гнусной Коневской газетишкой» (П, II, 252). Отмечаем и этот факт потому, что последние строки Ляцкий без всяких оснований отнес не к «Литературной газете», а к театральному ежемесячнику «Пантеон» (П, II, 411). В письме Белинского к Боткину от 3 февраля 1840 г. отмечалось: «Ты познакомился с С.— Кланяйся ему, да выпроси у него мои глупые письма» (П, II, 28). Ляцкий разъясняет: «С.— вероятно, Н. С. Селивановский» (П, II, 382). Несостоятельность этой расшифровки определяется прежде всего тем, что Н. С. Селивановский — старый приятель Боткина, о чем Белинский не может не знать, ибо у Селивановского он и сам познакомился с Боткиным еще в 1835 г.[51] «С.» в письме Белинского — это Н. М. Сатин, знакомство с которым Боткина произошло именно в январе 1840 г., когда Сатин вернулся в Москву после нескольких лет пребывания в ссылке по делу Герцена и Огарева. Смешав в одном случае Сатина с Селивановским, Ляцкий в другом оказывается не в состоянии объяснить, что именно Селивановского следует разуметь в строке письма Белинского: «За что же ты ругал С—го» (П, II, 203 и 406). Но Сатину все же особенно не повезло в издании писем Белинского. Ляцкий не догадался, что Белинский имел в виду Сатина не только в отмеченном выше обращении к Боткину, но и в письме к К. С. Аксакову от 28 июня 1837 г.: «Кланяйся Николаю Христофоровичу ⟨Кетчеру⟩ и скажи ему, что его знакомый на Кавказе, но я еще не успел выполнить моего поручения» (П, I, 80). Фамилию этого кавказского «знакомого» давно раскрыли воспоминания самого Сатина о его первой встрече с Белинским в Пятигорске в 1837 г. Дважды не признав Сатина в тех случаях, когда речь шла именно о нем, Ляцкий в третьем случае отнес к Сатину строки, не имеющие к нему никакого отношения. В письме Белинского к Боткину от 9 апреля 1841 г. отмечалось: «Все наши тобою интересуются — разумеется всех больше Гефест хромоногий». На том основании, что у Сатина «постоянно болела нога», Ляцкий решил, что прозвище «Гефест хромоногий» относилось к нему (П, II, 409). Однако если мы обратимся к материалам о Белинском и его окружении этой поры, то установим, что весной 1841 г. Сатина в Петербурге не было (см. запись в дневнике Герцена о проводах Сатина 3 марта 1841 г. в Москву, откуда он вернулся лишь в июле)[52]. Следовательно, ни общаться с Белинским, ни передавать привет Боткину Сатин в апреле 1841 г. никак не мог. Письмо же Белинского от 13 марта 1841 г. позволяет точно установить, что хромоногим Гефестом он за десять дней перед тем назвал не Сатина, а М. А. Языкова, о котором писал Боткину: «Языков все бегает от самого себя, но как у него ноги кривы и плохи,— не может убежать» (П, III, 227).

Не отличив в этом случае Сатина от Языкова, Ляцкий в другом безоговорочно заменил председателя Московского цензурного комитета Д. П. Голохвастова самим царем. Мы имеем в виду расшифровку буквы «Г.» в письме Белинского к Панаеву от 10 августа 1838 г. по поводу цензурных злоключений журнала «Московский наблюдатель»: «Номер мог бы выйти назад тому две недели, но 5 листов пролежали больше недели в кабинете Государя» (П, I, 211). Разумеется, эта расшифровка инициала «Г.» лишена всякого основания: в круг чтения Николая I журнал Белинского не входил, но Д. П. Голохвастов относился к «Московскому наблюдателю» с исключительным недоверием и всячески тормозил цензурное рассмотрение его очередных номеров[53].

В письме к Боткину от 1 марта 1841 г. Белинский писал: «У меня теперь в комнате сидит ч и н о в н и к, мой родственник, человек предания и субстанциальных стихий общества» (П, II, 218). Ляцкий почему-то не учитывает, что имя, отчество и фамилия этого родственника Белинского раскрыты самим критиком в письме к Д. П. Иванову от 7 ноября 1842 г.: «Дмитрий Капитонович Исаев умер» (П, II, 314). А тождество Д. К. Исаева с петербургским чиновником, о котором упоминал Белинский в начале 1841 г., удостоверяется, во-первых, воспоминаниями В. А. Инсарского о Белинском и Исаеве[54], а во-вторых, письмом Белинского к Боткину 1842 г.: «Помнишь ли, Боткин, моего родственника, Капитоныча? — Умер, бедняга!» (П, II, 312).

Более сложен вопрос о раскрытии инициалов «Г. М.» и «К.—Левиафан» в письме Белинского к Боткину от 9 декабря 1842 г.: «Г. М. дал мне хороший урок — он гаже и плюгавее, чем о нем думает К.— Левиафан» (П, II, 331). Ляцкий вовсе отказывается

от расшифровки этих строк (П, II, 429). Однако если мы их сопоставим с рассказом К. Д. Кавелина о том, как в 1842 г. Белинский был потрясен историей с некиим Милановским (воспитанником Московского университета), в котором друзья великого критика заподозрили тайного полицейского агента, то нити, ведущие к раскрытию инициалов «Г. М.», окажутся в полном нашем распоряжении. «С обыкновенным своим младенческим добродушием и доверчивостью,— пишет Кавелин,— Белинский всучил им ⟨своим приятелям — Н. Н. Тютчеву и А. Я. Кульчицкому⟩ в сожители некоего Милановского». Милановский «подкупил Белинского либеральными фразами, но оказался проходимцем и эксплоататором чужих карманов ⟨...⟩, бессовестно употребил во зло добросердечие Н. Н. Тютчева и т. д. Белинский приходил в ужас от того, что пускался в либеральные откровенности с таким господином, трусил, что он на него и на весь кружок донесет. Это не помешало ему выгнать Милановского из своей квартиры с скандалом»[55]. Рассказ К. Д. Кавелина очень авторитетен, ибо именно он занял место в квартире Тютчева после изгнания из нее Милановского. Естественно предположить, что именно Кавелин явился и информатором московских друзей Белинского о случае с Милановским, а маленький рост Кавелина объясняет ироническое величание его Левиафаном. Таким образом, строки «Г. М.» в письме Белинского к Боткину следует читать, как «Господин Милановский», а «К.— Левиафан» — «Кавелин».

В письме к Н. А. Бакунину от 23 февраля 1843 г. Белинский рассказывает о своем знакомстве с И. С. Тургеневым: «Недавно познакомился я с Тургеневым. Нас свел Зиновьев, которого знает Варвара Александровна. А какой чудесный человек этот Зиновьев! Вот истинно крепкая, здоровая, действительная натура» (П, II, 343). Об этом же Зиновьеве (он же «З.») Белинский упоминал и в других своих письмах (П, II, 356—358). Как ни мало знаем мы об этом знакомце Белинского, комментатор все же обязан был точно указать, о каком именно Зиновьеве шла речь, тем более, что Петр Васильевич Зиновьев (1812—1868) связан был с Герценом и ярко охарактеризован со слов Тургенева в известных воспоминаниях Н. А. Островской[56].

В письме Белинского к Герцену от 14 января 1846 г. печатается строка: «Портрет Грановского вышел у Борб.— чудо из чудес» (П, III, 95). Ляцкий не замечает здесь явной описки («Борб.» вместо правильного «Горб.») и потому не может объяснить, что речь идет о К. А. Горбунове, известном портретисте 40-х годов, друге и земляке Белинского. Этот загадочный «Борб.» переходит и в именной указатель к письмам Белинского (П, III, 455).

В своем именном указателе к «Письмам Белинского» Ляцкий произвольно объединяет в справке об А. А. Комарове данные о двух Комаровых, один из которых — А. А. Комаров, преподаватель кадетского копуса, друг и единомышленник Белинского (П, II, 133, 200, 358, 374; III, 10—39, 124, 141), а другой — А. С. Комаров («Комаришка», «капиташка», «дурак положительный», «препустейший человек»), инженер путей сообщения, окололитературный обыватель, втершийся в кружок Панаева (П, II, 319, 358, 361; III, 172, 192). Не учел Ляцкий, равно как и все прочие комментаторы переписки Белинского, очень ценных данных об А. С. Комарове, включенных в «Мои воспоминания» А. И. Дельвига. На «вторниках» А. С. Комарова встречался А. И. Дельвиг и с другим приятелем Белинского, о котором также нет сведений в примечаниях Ляцкого (П, III, 345, 455). Мы имеем в виду А. И. Баландина (о нем Белинский упоминает в письме к М. В. Орловой от 10 октября 1843 г.), преподавателя Института инженеров путей сообщения, статистика и экономиста[57]. Приятелем А. И. Баландина был, по свидетельству А. И. Дельвига, инспектор Института инженеров путей сообщения полковник Петр Александрович Языков, один из шаферов и свидетелей Белинского на его свадьбе в 1843 г. Белинский характеризовал П. А. Языкова, как «чудеснейшего человека», как «московскую душу» (П, II, 7; III, 45). С тем большим вниманием мы должны учесть свидетельство о нем А. И. Дельвига, который также определяет П. А. Языкова, как человека «честного, благородного, образованного и рассудительного», но не забывает отметить, что этот самый Языков очень близко стоял к знаменитому николаевскому временщику генерал-адъютанту графу П. А. Клейнмихелю[58].

К авторитетнейшим свидетельствам П. А. Языкова (непосредственно или через его брата М. А. Языкова) восходила, вероятно, и большая часть тех «новостей» о Николае I

и его окружении (слухи об опале гр. Л. А. Перовского, о фаворе гр. П. Д. Киселева, о предстоящей отставке гр. М. С. Воронцова, о назначении на его место кн. А. С. Меншикова, о роли гр. С. С. Уварова в увольнении гр. С. Г. Строганова), которые передавались Белинским в письме, адресованном в начале декабря 1847 г. на имя П. В. Анненкова (П, III, 313—321). Это письмо послано было за границу с верной оказией и предназначалось, судя по его содержанию, не столько для Анненкова, сколько для актива русской революционной эмиграции — Герцена, Бакунина, Сазонова. В этом же письме Белинский детально информировал своих зарубежных друзей о приеме Николаем I Смоленской дворянской делегации, в беседе с которой царь вынужден был остро поставить вопрос о необходимости скорейшей ликвидации крепостных отношений[59]. Подробности этой аудиенции и сведения об оживлении деятельности в министерских канцеляриях, занятых крестьянским вопросом, передавались Белинским с такой точностью, что позднейшая публикация в «Русской старине» 1873 г. и в книге А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время» (1882 г.) подлинных документов об этом эпизоде могла только полностью подтвердить исключительную близость данных Белинского к их официальным первоисточникам[60]. Возможно, что в этой части письмо Белинского базировалось на информации А. П. Заблоцкого-Десятовского, ближайшего сотрудника гр. П. Д. Киселева, автора известной секретной записки «О крепостном состоянии в России» (1841 г.). С ним Белинский познакомился у Краевского, но деловые и литературные отношения сохранил и после своего ухода из «Отеч. записок» (П, III, 293). Но еще более вероятно, что информатором Белинского явился на этот раз С. А. Маслов, фактический руководитель Московского общества сельского хозяйства, редактор «Земледельческого журнала», тесно связанный с министром внутренних дел Л. А. Перовским и специально вызванный последним осенью 1847 г. в Петербург для консультации по крестьянским делам[61]. Белинский хорошо знал С. А. Маслова, которого аттестовал как «человека неглупого, даже очень неглупого, но пустого и ничтожного, болтуна на все руки, либерала на словах и ничто на деле» (П, III, 314).

Вопрос о служебном положении и личных связях в высших административных кругах тех или иных знакомцев Белинского получает значение во всех случаях, когда приходится определять степень политической осведомленности Белинского, широту и точность его информации. Между тем именно этих справок Ляцкий не дает даже тогда, когда необходимые для его комментариев данные давно бытуют в литературе. Так, например, об И. И. Маслове, с которым Белинский общался в последние годы своей жизни, Ляцкий сообщает только то, что Некрасов посвятил ему в 1847 г. свою «Тройку» (П, III, 354). А ведь еще К. Д. Кавелин отмечал в своих воспоминаниях, что «Маслов служил секретарем коменданта Петропавловской крепости ген. Скобелева, был у него другом дома и сообщал вести и рассказы о том, что говорилось и делалось в крепости. При Николае Павловиче это было и интересно, и очень небесполезно знать»[62].

VIII

Ограниченность политического и литературно-исторического багажа первого редактора и комментатора писем Белинского особенно резко обнаружилась в его отказе от объяснений известного письма Белинского к Герцену от 26 января 1845 г.: «Кетчер писал тебе о Парижском Ярбухере, и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе, — и в словах б о г и р е л и г и я вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» (П, III, 87)[63]. Очень смутно представляя себе, что такое «Парижский Ярбухер» (он как-то вскользь отметил, что это якобы «орган Арнольда Руге»), Ляцкий не мог, конечно, установить и того, что статья, от которой Белинский стал «бодр и весел», в которой он нашел «истину» и взял ее себе, — это была знаменитая статья К. Маркса «К критике гегелевской философии права». Именно в этой статье Маркс формулировал свое понимание религии как «души бессердечного мира», как «вздоха угнетенной твари».

как «духа бездушного безвременья». «Религия,— заключал Маркс,— опиум народа. Упразднение религии как призрачного счастья народа есть требование его действительного счастья»[64].

Не разъяснив читателю, что в письме Белинского к Герцену от 26 января 1845 г. речь шла о перекличке критика с Марксом, формулировки которого в эту пору впервые входили в круг философских и исторических представлений Белинского, Ляцкий не понял и того, что в письме Белинского к Боткину от 6 февраля 1843 г. был отклик Белинского на одну из работ Ф. Энгельса. Мы имеем в виду перевод основных положений брошюры Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение» (1842 г.), который Боткин включил, без указания источника, в предисловие к своему критическому обзору «Германская литература в 1843 г.» («Отеч. записки», 1843, № 1, отд. VII, стр. 1—15). Именно об этом обзоре Белинский и писал Боткину 6 февраля 1843 г.: «Твоя статья о немецкой литературе в 1 № мне чрезвычайно понравилась — умно, дельно и ловко» (П, II, 334). О том же, что этот отзыв имел в виду прежде всего страницы Энгельса, а не статью Боткина в целом, свидетельствует пересказ нескольких суждений Энгельса (правда, без упоминания имени последнего) в статье Белинского об «Истории Малороссии» Н. Маркевича («Отеч. записки», 1843, № 5, отд. V, стр. 1—18). Вот эти суждения: «В лице Гегеля философия достигла высшего своего развития, но вместе с ним же она и кончилась, как знание таинственное и чуждое жизни; возмужавшая и окрепшая, отныне философия возвращается в жизнь, от докучного шума которой некогда принуждена была удалиться, чтоб наедине и в тиши познать самое себя. Начало этого благодатного примирения философии с практикою совершилось в левой стороне нынешнего гегелианизма. Примирение это обнаружилось и жизненностью вопросов, которые занимают теперь философию, и тем, что она оставляет понемногу свой тяжелый схоластический язык, доступный одним адептам ее, и тем, что она возбудила против себя ожесточенных врагов уже не в одних школах и книгах» (XII, 398—399)[65].

Библиографический багаж Ляцкого был столь же скуден, как и историко-философский и политический. Отметим, например, справку его по поводу признания Белинского в письме к жене от 4 сентября 1846 г.: «Теперь читаю „Les Confessions“ — не много книг в жизни действовали на меня так сильно, как эта» (П, III, 158). В примечаниях эта ответственная строка объяснена «„Les Confessions“ — вероятно, Прудона» (П, III, 358). В этой справке Ляцкий точно повторил слова Пыпина о книгах, читанных Белинским в 1846 г.: «Во время путешествия он прочел несколько французских книг, между прочим „Les Confessions“, вероятно, Прудона»[66]. Если признать эту расшифровку правильной, то в политической биографии Белинского пришлось бы учитывать признание самого критика о сильном воздействии на него в 1846 г. книги Прудона. Это автопризнание было бы тем более значимо, что ни в сочинениях Белинского, ни в его переписке имя Прудона более не встречается ни разу[67]. Между тем Прудон принадлежал к числу наиболее крупных идеологов мелкой буржуазии. Именно его политико-экономические установки подверглись специальному рассмотрению и уничтожающей критике в письме К. Маркса к П. В. Анненкову от 28 (16) декабря 1846 г. Не может быть никаких сомнений в том, что это письмо, предвосхищавшее основные тезисы «Нищеты философии», стало известно Белинскому тотчас после его встречи с Анненковым в Зальцбрунне летом 1847 г. Однако, даже если мы признаем, что Белинский был не только хорошо осведомлен о работах Прудона, но успел познакомиться и с сокрушительной их критикой в письме Маркса к Анненкову, строки о впечатлениях Белинского от «Les Confessions» никакого отношения к Прудону все-таки не имеют. В числе печатных работ Прудона, действительно, значится книга «Les Confessions d'un révolutionnaire», но Белинский не мог читать ее в 1846 г. по той простой причине, что она вышла в свет лишь три года спустя, т. е. в 1849 г. В письме же к жене Белинский имел в виду «Les Confessions» («Исповедь») Руссо. 3 мая 1846 г. Белинский получил в подарок от Герцена четырехтомное французское издание Руссо. В первый том этого издания, который Белинский взял, видимо, с собой в дорогу, выехав на юг, входили «Les Confessions»[68].

Плохо знаком был Ляцкий и с журналами, в которых сотрудничал Белинский. Из-за этого остался неразъясненным в комментариях к письмам Белинского интерес-

нейший эпизод, характеризующий нелегальное сотрудничество в «Телескопе» Н. А. Полевого. Именно ему Белинский писал 19 сентября 1835 г.: «Благоволите уведомить меня касательно вашего намерения на счет Чаттертона,— я бы и распорядился сообразно с вашим решением» (П, I, 62—63). Сохранился и ответ Полевого на этот запрос: «Беда не велика, только бы годилось вам. Касательно двух других предметов,— приятель мой оба начал их, но повремените немного. Столько хлопот и занятий» (П, I, 391).

Если мы обратимся к книжкам «Телескопа» периода редактуры Белинского, то в одной из них, разрешенной цензурой за две с половиной недели до отмеченной выше переписки, находим большую критическую статью, посвященную разбору драмы А. де Виньи «Чаттертон» («Телескоп», 1835, № 7, стр. 418—440). Статья анонимна, но принадлежность ее Н. А. Полевому не вызывает никаких сомнений. В борьбе с официозно-патетической драматургией он продолжал в ней именно ту литературно-политическую линию, за которую полтора года назад был закрыт «Московский телеграф»: «Для честного успеха драмы на нынешней сцене,— писал Полевой, демонстративно подчеркивая слово «честный»,— она должна быть взята из нашего, из близкого или хорошо знакомого нам общества, должна иметь народный, современный или общий человеческий интерес, должна быть обработана свободно, поэтически, не подчинена чуждым формам и не обвешена без внутренней необходимости сценическими побрякушками». Статья Полевого в «Телескопе» — это, сколько нам известно, первая попытка его вернуться к литературно-критической работе после закрытия «Московского телеграфа». Самое имя его в 1835 г. было еще запретным. Поэтому он не только не мог подписать его под статьей, но даже в переписке о последней с Белинским не выходил из рамок самой строгой конспирации.

С именем Полевого связан был еще один эпизод, о котором Белинский дважды упоминал 21 июня 1837 г. в письмах к К. С. Аксакову и Д. П. Иванову, волнуясь из-за отсутствия отзывов в печати о только что выпущенных им в свет «Основаниях русской грамматики»: «Я знаю, что Полевой напишет в „Библиотеке", и напишет очень скоро, если уже не написал» (П, I, 75 и 72). Ляцкий не знал, что этот отзыв Полевого (очень, кстати сказать, осторожный — рецензент выражал сомнение в том, что «труд г. Белинского окажется пригодным для первоначального обучения») действительно был напечатан в «Библиотеке для чтения» 1837 г. (№ 7, отд. VI, стр. 18). Однако из-за того, что он был анонимен, С. А. Венгеров ошибочно приписал его О. И. Сенковскому[69].

10 января 1840 г. Белинский писал К. С. Аксакову: «Портрет кн. Одоевского во „Сто литераторов" еще под сомнением. По крайней мере, он отрекся при мне от согласия. Чуть ли это не штучка подлеца Полевого. Успокой Николая Филипповича» (П, II, 25). Строки эти, оставленные Ляцким без всяких пояснений, расшифровываются письмами Н. Ф. Павлова к В. Ф. Одоевскому от 8 и 29 января 1840 г., в которых речь шла о возмущении московских литературных кругов согласием кн. Одоевского на помещение его портрета в одном из очередных томов издания «Сто русских литераторов». Представители передовой литературы бойкотировали этот сборник. Возмущение же Белинского Полевым в данном случае объясняется тем, что ложная информация о портрете В. Ф. Одоевского появилась в «Сыне отечества», редактором которого в эту пору был Полевой[70].

В письме Белинского от 16 апреля 1840 г. к Боткину мы читаем: «Кто-то писал ко мне (уж не ты ли?) или от кого-то слышал я, что „Наблюдатель" воскресает и хочет блистать ученостию московских профессоров, а Огарев будто бы дает деньги Степанову на печатание. Вздорное предприятие! Толку не будет никакого!» (П, II, 105). В издании Ляцкого эти строки никак не комментируются, а между тем они связаны с попыткой группы московских либералов с Грановским во главе организовать отпор Белинскому, автору статей о «Бородинской годовщине», о «Горе от ума», «Менцель — критик Гете» и др. Борясь с примиренческой платформой «Отеч. записок», Грановский в то же время решительно отмежевывался от группы Герцена, Огарева, Сазонова, Сатина и других демократов. План организации этого «нового ученого журнала» изложен был в письме Грановского от 4 марта 1840 г. к Станкевичу.

В числе ближайших участников издания назывались им Корш, Крюков, Редкин. Полагая, что в новом журнале «должны принять участие все порядочные люди в России из нового поколения», Грановский отмечал: «Распространение Humanität — вот цель. Дрянной публике мы угождать не станем». От денег, предложенных Огаревым, Грановский отказался, опасаясь «приятелей Огарева» и «постороннего влияния» на направление журнала [71]. Скептическая оценка Белинским перспектив этого начинания оказалась совершенно правильной: проект возрождения «Московского наблюдателя» под редакцией Грановского остался неосуществленным.

Никакого освещения не получило в комментариях Ляцкого и интереснейшее письмо Белинского к Кетчеру от 3 августа 1841 г., посвященное планам организации Краевским в Петербурге большой общественно-политической и литературной газеты при ближайшем участии Белинского и его единомышленников (П, II, 255—256). Эта газета должна была строиться на базе «Сына отечества», журнала, официальная программа которого предусматривала общественно-политическую хронику, что и облегчало превращение именно этого органа печати в ежедневную газету. Несмотря на то, что эта попытка выхода Белинского из журнала в большую газету не увенчалась успехом, следовало бы учесть те скудные материалы, которые дошли до нас об этом проекте в письме Краевского от 4 августа 1841 г. к В. Ф. Одоевскому и в записях дневника А. В. Никитенко от 15 сентября 1841 г.[72]

20 февраля 1840 г. Белинский отмечал в письме к Боткину: «Суждение Марграффа о Беттине — превосходно, я совершенно с ним согласен» (П, II, 51). Строки эти Ляцкий пояснял: «Марграф — немецкий писатель» (П, II, 386). Разумеется, эта справка никак не может удовлетворить читателя, заинтересованного в уяснении отклика Белинского на книгу Марграфа (комментатор ее даже не называет). Между тем на все недоуменные вопросы по поводу строк Белинского отвечает февральская книжка «Отечественных записок» за 1840 г. Именно в этом номере журнала читатель найдет статью Я. М. Неверова о книге Маркграфа «Новейшая эпоха литературы и просвещения в Германии». Страницы этого «первоклассного критика», посвященные «мастерской» характеристике Беттины, Я. М. Неверов перевел полностью. Их и имел в виду Белинский: «Остатком романтического направления,— говорит Маркграф,— его последним, столь же странным как и поэтическим, столь же ребяческим, как и глубокомысленным произведением, была переписка Гете с дитятею⟨...⟩ Я люблю дитя Беттину, это наивное, непринужденное, смело смотрящее в глаза дитя; люблю также в дитяти Беттину — девушку, пламенную, гордо кипящую, настойчивую, люблю эту первобытную, насмешливую южно-немецкую натуру; но я ненавижу это почти преступно-изнеженное любовное бешенство⟨...⟩ Время, в которое Беттина может так чувствовать и так выражать свои чувства,— больное время» (отд. IV, стр. 21—29).

В письме Белинского к Боткину от 23 ноября 1842 г. мы читаем: «„Culte“ к тебе послать не могу — капиташка и Панаев обомлели от ужаса и удивления, услышав от меня, что ты хотел увезти „Culte“, а я хочу послать к тебе» (П, II, 319). Эти строки, смысл которых отказался объяснить Ляцкий (П, II, 428), очень тонко расшифровал в 1924 г. В. Л. Комарович, выдвинув предположение, что в письме Белинского речь шла о статье Пьера Леру «Culte» в «Новой энциклопедии». Именно об этой «Энциклопедии» писал Белинскому летом 1842 г. Грановский: «Читай французских историков и достань себе Encyclopédie Nouvelle; она познакомит тебя с Леру. Один из самых умных и благородных людей в Европе»[73].

Статья «Culte» входила в четвертый том «Encyclopédie nouvelle», редактированной П. Леру и Ж. Рейно. Этот том («Constant.— Culture». Paris, 1837) находился под строжайшим запрещением в России[74], чем и объясняется «ужас» Панаева и Комарова при известии о желании Белинского переслать его (или вырезку из него) Боткину.

Белинский, как известно, очень восторженно реагировал на стихи «Петр Великий», опубликованные в «Отеч. записках» 1842 г. (№ 7): «Славные стихи „Петр Великий“ — читаю и перечитываю их с наслаждением,— писал он в июле 1842 г. Боткину и Панаеву,— спросите у Краевского, где он их взял» (П, II, 312). Мы не знаем, что ответил на этот запрос Краевский (стихи были снабжены в журнале подписью: «Л. П.»), но Ляцкий мог бы отметить, что именно об этих стихах писал в своих воспоминаниях о Бе-

линском не кто иной, как Тургенев: «Белинский часто читал между друзьями стихотворение Льва Пушкина, брата поэта, „Петр Великий“ и с особенным чувством произносил стихи, в которых преобразователь представлен был влачащим — „Ряд изумленных поколений | Рукой могучей за собой“»[75].

Без всяких объяснений оставил Ляцкий и отклик Белинского на стихотворный ответ московских студентов мракобесу М. А. Дмитриеву. Мы имеем в виду письмо Белинского к Боткину от 9 декабря 1842 г.: «Спасибо за вести о славянофилах и за стихи на Дмитриева — не могу сказать, как то и другое порадовало меня» (П, II, 327). Памфлетное послание М. А. Дмитриева «К безимянному критику», опубликованное в «Москвитянине» 1841 г., квалифицировалось Белинским как явный полицейский донос (VII, 510—512). Ответ на эти стихи, столь обрадовавший Белинского, являлся плодом коллективного творчества (А. Фета, Я. Полонского, А. Григорьева) и дошел до нас далеко не полностью. Наиболее авторитетный список этих стихов («Как тебе достало духу Руси подличать в глаза...») опубликован недавно В. Евгеньевым-Максимовым («Ленинград», 1940, № 21—22, стр. 34).

3 апреля 1843 г. Белинский писал Боткину: «Сейчас кончил 1-ю часть истории Louis Blanc. Превосходное творение! Для меня оно было откровением...» (П, II, 360).

Как и все комментаторы Белинского, Ляцкий упустил из вида, что именно эта оценка Луи Блана (речь шла об «Histoire de dix ans»), углубленная летом 1843 г. в беседах великого критика с Герценом в Москве об этой же книге, получила отражение в страницах об уроках французской революции 1830 г. в знаменитой статье Белинского о «Парижских тайнах» Евгения Сю[76]. Но ни в своем учете материалов «Histoire de dix ans», ни в своей полемике с ошибочными обобщениями автора этой книги, Белинский не рискнул назвать самого имени Луи Блана, запретного для русской легальной печати. Однако уже через три-четыре года Белинский отзывался о трудах Луи Блана только иронически, предвосхищая критику «Истории десяти лет» в письме Ф. Энгельса от 1851 г. к Марксу: «Эти „Dix ans“ все еще не подвергнуты критике с более радикальной точки зрения и являются как в Германии, так и во Франции серьезнейшим пособием для всей революционной партии. Полагаю, что было бы весьма не вредно ограничить влияние этой книги надлежащими рамками; до сих пор ее авторитет не подвергался никаким сомнениям»[77].

Письма Белинского к Анненкову от 17 сентября и 2 декабря 1847 г. позволяют установить любопытный факт — приглашение к участию в «Современнике» политэмигранта Н. И. Сазонова, друга Герцена и Огарева, считавшего себя в это время учеником Маркса. В самом деле, в первом из этих писем Белинский отмечал: «Поклонитесь от меня Н. И. Сазонову и напомните ему о его обещании написать статью» (П, III, 266). А во втором письме Белинский раскрывал и название заказанной Н. И. Сазонову работы: «А что же статья об „Эстетике“ Гегеля?» (П, III, 297). Однако Ляцкий никак не связал последние строки ни с Н. И. Сазоновым, ни с порученной ему для «Современника» статьей.

IX

А. Я. Головачева-Панаева, публикуя на страницах «Исторического вестника» в 1889 г. свои известные воспоминания, остановилась в одной из последних глав на истории реорганизации «Современника» Белинским, Некрасовым и Панаевым в 1846—1847 гг. Не в пример прочим местам своего повествования, А. Я. Панаева сочла нужным именно эти страницы подкрепить и какою-то видимостью документальности. Мы имеем в виду тот отрывок из письма Белинского к Панаеву, который был вмонтирован ею, якобы как цитата, в рассказ о событиях осени 1846 г.[78]

Эта «цитата», безоговорочно включенная Ляцким в корпус писем Белинского (П, III, 160), представляла собой довольно примитивную имитацию живого говора и эпистолярного стиля Белинского и как всякая фальшивка могла бытовать лишь при условии некритического к ней отношения. Характерная для А. Я. Панаевой путаница в датах и именах наложила свою печать и на материал сочиненного ею документа.

Напомним начало этого письма: «Скорей, скорей приезжайте в Петербург и сейчас же поезжайте к Плетневу. Так и знайте, Панаев, что, если вы, по своей ветренности,

не приобретете от Плетнева „Современника“, я вас прокляну! Я почти не сплю от страха, ну, если кто-нибудь уже купил у Плетнева право на „Современник“ <...> Я так напуган всякими скверностями, какие проделывает со мной моя мачеха-судьба, что мне все кажется какая-нибудь каверза подвернется и все дело пропадет».

Независимо от того, что Белинский этих строк оказывается в плену беллетристического стиля самой мемуаристки, он никак не мог обращаться в 1846 г. к ее мужу с призывом скорее возвращаться в Петербург и форсировать окончание переговоров с Плетневым. Сам Белинский возвратился в Петербург из своей поездки на юг не раньше 18—20 октября, т. е. много позже самого Панаева[79]. За месяц до своего возвращения, еще в пути, Белинский был уже осведомлен специальным деловым письмом Некрасова о всех событиях, связанных с неожиданным для него взятием в аренду «Современника»[80]. Из этого письма Белинский точно знал, что Панаев давно уже в Петербурге и что торопить его с окончанием дела не приходится («В июне я отправился в Петербург,— писал ему Некрасов в этом письме,— в августе прибыл и Панаев и, наконец, мы на днях кончили с Плетневым и взяли у него „Современник“»).

Фальсификация выдает себя и при рассмотрении «письма к Панаеву», как ответа на сентябрьское письмо Некрасова, и при толковании его данных, как отклика на промедление с нотариальным оформлением договора, который подписан был 23 октября 1846 г.: Панаев и в том и в другом случае был в Петербурге[81].

В дополнениях к трехтомнику Ляцкий опубликовал письмо за подписью «Б.», включенное в роман В. П. Клюшникова «Марево» («Русский вестник», 1864, кн. II, февраль, стр. 694). Это письмо, как утверждал Ляцкий, учитывая возможность знакомства В. П. Клюшникова с не известными нам письмами Белинского к его дяде, «по своему стилю и внутреннему характеру принадлежит несомненно Белинскому, хотя и носит следы переделки и искажений <...> Нам кажется, что упомянутые переделки и искажения сравнительно ничтожны и что основная часть текста является подлинным письмом Белинского к И. П. Клюшникову» (II, III, 394)[82].

Это предположение не выдерживает, однако, никакой критики, ибо самая существенная часть письма (упоминания о встрече с генералом Скобелевым, об эксплоатации Белинского Краевским и сентенция о «крови горлом» в «довершение удовольствия») полностью восходит не к гипотетическому архиву Клюшникова, а, как мы устанавливаем, к XXV гл. «Былого и дум»[83]. То же, что прямо не заимствовано романистом из книги Герцена, исключительно наивно и никак не вяжется ни с хорошо известными отношениями Белинского к Клюшникову, ни с лексикой писем Белинского, ни с фразеологией 40-х годов (например: «я тебя люблю и уважаю, как бывшего учителя» или «Это ты мог проделать в Петербурге, не покидая общего дела и не изменяя современному движению» и т. п.).

Если даже у В. П. Клюшникова и были какие-то подлинные письма Белинского к И. П. Клюшникову,— он в своем романе ими никак не воспользовался.

X

С гораздо бо́льшим основанием, чем фальшивки А. Панаевой и В. Клюшникова в приложениях к «Письмам Белинского» могли бы получить место сведения о тех его письмах, которые до нас не дошли, но содержание которых в той или иной мере может быть восстановлено по ответам на них его друзей или по их дневникам и мемуарам.

Так, например, в воспоминаниях Н. М. Сатина передавалась выписка из письма к нему Белинского:

«Поверь, что пошлость заразительна, и поэтому, пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов»[84].

Это письмо, погибшее, видимо, вместе с прочими бумагами Сатина, относилось, как мы полагаем, к 15 октября 1837 г., т. е. являлось частью того именно письма Белинского, которое фигурировало в 1850 г. в следственном деле Сатина. Мы можем сейчас реконструировать содержание этого письма почти полностью, ибо один фрагмент его дошел до нас в протоколах допроса Сатина (см. стр. 202—203), другой сохранился в его воспоминаниях, а о письме в целом дает отчетливое представление ответ Сатина

Белинскому от 7 ноября 1837 г. Этот ответ начинался замечанием Сатина: «Наконец, я получил твое первое послание». Таким образом, не трудно установить, что письмо Белинского от 15 октября было первым его обращением к Сатину после отъезда из Пятигорска, а развернутое именно в этом письме понимание «пошлости», как формы «прекраснодушия», объясняет и неожиданную резкость той строки Белинского о Лермонтове, которую цитировал Сатин в своих мемуарах.

Письма Сатина к Белинскому от 7 ноября и 27 декабря 1837 г., опубликованные в 1948 г. Н. Л. Бродским в сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты», дают *исключительно ценный материал о настроениях Белинского периода его вынужденного* молчания в печати. Этот материал тем значительнее, что Сатин в своей полемике с Белинским опирался на точные цитаты из впоследствии утраченных его писем, тщательно отделяя в каждом отдельном случае формулировки критика от своего толкования и пересказа их. Особенно богато в этом отношении письмо Сатина от 7 ноября 1837 г.: «Ты самолюбив, Б<елинский>. — Ты позабыл „грязную дорогу и ее мучения, Кавказ и скучное лечение“, а вместе с этим забыл, кажется, и то, что слышал от меня. Ты обвиняешь меня в желании делать пользу, в самом пошлом значении этого слова <...> Я не понимаю, о чем ты хлопочешь: доказать, что „благо в явлении не должно быть точкою отправления, а результатом блага в идее“. Да это такая банальная истина, о которой и говорить не стоит; нет положительного блага без любви, а для того, чтоб любовь перешла в явление, необходимо, чтоб она прежде оплодотворилась в идее <...> Далее ты говоришь, что единственная достойная человека жизнь есть жизнь внутренняя, жизнь созерцания и спокойствия. — Несмотря на любовь и уважение мое к внутренней жизни, я не согласен с твоими понятиями. Пока на земле существует зло <...> до тех пор невозможно совершенное спокойствие и торжественное созерцание, до тех пор, говорю я, внутренняя жизнь (любовь в идее?) должна проявляться во внешности (любовь в явлении?)<...> К чему устремлена любовь твоего исключительно внутреннего человека?.. „К истине, к богу!“— отвечаешь ты <...> Ты жалеешь обо мне, как о человеке готовом пасть.— Спасибо, Б<елинский>, это доказывает, что ты принял во мне участие и что у тебя не только прекрасная душа, но вместе и добрая <...> Но я не могу простить тебя за то, что ты осмелился жалеть об О<гареве>. Меня ругай, я сознаюсь, что я имею иногда минуты слабости и делаю глупости, но тот человек, о котором ты пожалел вместе со мною, выше меня, выше тебя, и будь уверен, выше тех, которых ты знаешь.— Я сильно, очень сильно раскаиваюсь, что показал тебе письмо, ты не понял его, потому что принял буквально несколько аллегорических слов...— Но забудем об этом <...> Ты почитаешь меня погибающим, падающим, и что страннее всего, причину моей гибели ты находишь в том, что я будто вообразил себя великим поэтом <...> Писать стихи жалко и унизительно, говоришь ты <...> ты делаешь довольно жалкое сравнение между собою прошедшим и мною настоящим <...> „Кто не дурачился на свою долю!“, восклицаешь ты. Разумеется, всякий, только всякий дурачится своим образом: ты дурачился, писавши трагедию, я дурачился,— игравши в карты <...> Напрасно ты извиняешься в своей откровенности, это лишнее <...> Я люблю тебя и с удовольствием выслушаю все твои откровенности <...> Кстати о резкости <...> Твои суждения вообще слишком резки и вместе с этим им недостает прочного основания. Примеры: Шатобриан — идиот; Ламартин — пошляк и прочая и прочая <...> Односторонность — качество наших московских профессоров,— есть твой недостаток, порок.— Твоя сторона прекрасна, благородна; но зачем же пренебрегать другими сторонами, зачем бросать на них незаслуженное проклятие?»[85]

Окончанием этого своеобразного эпистолярного диалога являлось письмо Сатина от 27 декабря 1837 г. В этом письме использован был ответ Белинского на предыдущие полемические страницы Сатина, а поскольку этот ответ до нас не дошел, то мы и его формулировки можем частично реконструировать, опираясь на передачу Сатина:

«Нет, Б<елинский>, можно не понять человека, но так превратно понять его, как ты понял меня,— и смешно, и грустно.

С чего взял ты, например, что я удовлетворен французскою литературою? ⟨...⟩ С чего взял ты, что я хвалю Шиллера, не читав его, что я ставлю Шатобриана и Ламартина выше всех человеческих умов, что я не уважаю философии, не стремлюсь к лучшей жизни и проч... и проч.? ⟨...⟩ Я убежден, мы верим в одну истину, мы стремимся к одной цели, но ты, Б⟨елинский⟩, извини, ты — *Марат* философии. Вот отчего мы так дурно понимаем друг друга, служа одному делу.— Возьмем сравнительно несколько примеров:

1) Ты говоришь: „Кто не живет беспрерывно в Духе, в Абсолюте, тот живет в *падении*, тот призрак! ⟨...⟩ У тебя *все* (да, все, и немецкие философы включительно) — *призраки*, у меня — *есть избранные*. Ты не подозреваешь, может быть, что ты своею маратовскою фразою уравнял всех, всех послал на гильотину падения. — Мудрено ли после этого, что тебе всюду мечтаются *призраки*, говорят, это случалось иногда и с Маратом ⟨...⟩

2) Ты говоришь: что тебе *известен путь к абсолютной истине, что нужно только некоторое усилие*(?!), *чтобы переселиться в жизнь абсолютную и вполне познать бога*. Я говорю: что *совершенное знание бога, как предела истины, недоступно человеку* ⟨...⟩

3) Ты говоришь: „Существует только одно Бесконечное, а все конечное — *призрак*“ ⟨...⟩

4) Ты говоришь, что *человек может и должен быть духом*. Я говорю, что человек может *жить в духе*, но не может и не должен быть духом. *Человек — дух*,— бессмыслица ⟨...⟩

Я бы мог умножить примеры твоей необычайной гиперболичности, которую не оправдает никакая философия, но пока — довольно»[86].

Переписка Белинского с Сатиным для нас особенно интересна сейчас потому, что даже случайно сохранившиеся ее фрагменты позволяют установить содержание задуманного критиком в 1837 г. большого литературно-философского трактата, о котором он писал М. А. Бакунину 6 августа 1837 г. из Пятигорска: «Я составил план хорошего сочинения, где в форме писем или переписки друзей хочу изложить все истины, как постиг я их, *о цели человеческого бытия или счастии*. Я дам этим истинам практический характер, доступный всякому, у кого есть в груди простое и живое чувство бытия; обе мои статьи, написанные в Премухине, войдут сюда, переделанные в своей форме, очищенные от многословия и противоречий. Здесь я разовью, как можно подробнее и картиннее, идею творчества, которая у нас так мало понята; словом, здесь я надеюсь выразить всю основу нашей внутренней жизни» (II, I, 129). Если эти строки можно еще только гипотетически связать с дискуссиями Белинского с Сатиным в пору их почти ежедневных встреч в Пятигорске, то теснейшая связь известного нам материала о «Переписке двух друзей» с обрывками переписки Белинского с Сатиным не оставляет уже никаких сомнений в том, что именно эти письма критика являлись своеобразными заготовками для задуманного им трактата. 1 ноября 1837 г. Белинский писал Бакунину: «Я начал „Переписку двух друзей“, большое сочинение, где в форме переписки и в форме какого-то полуромана будут высказаны все те идеи о жизни, которые дают жизнь, и которые, без полемики, должны разоблачить Шевыревых и подобных ему. Это будет, собственно, переписка прекрасной души: с духом; первое лицо, как разумеется, будет моим субъективным произведением, а второе — чисто объективным. В лице первого я поражу прекраснодушие так, что оно устыдится самого себя; впрочем, в представителе прекраснодушия я выведу лицо не пошлое, но полное жизни истинной, кипучей, придам ему не фразы и возгласы, но слово живое, увлекательное, картинное и поэтическое; словом, я изображу в нем одного из тех людей, доступных всему истинному, но лишенных силы воли для полного достижения высшей истины, одного из тех людей, которые понимают истину, но хотят, чтобы она досталась им без труда, без пожертвований, без борьбы и страдания».

Несмотря на дальнейшие уверения Белинского в том, что в «этой прекрасной душе» он «изобразит себя, наплюет на самого себя и оплачет самого себя» (II, I, 137—138), сейчас мы можем установить, что автобиографический замысел задуманного им трактата отнюдь не исключал и таких конкретных прототипов «прекрасной души», как

молодой Сатин. В полемике именно с ним, предваряющей «Переписку двух друзей», кристаллизовались мысли Белинского о людях, «не желающих пожертвовать частию своей дикой свободы гражданскому порядку», о людях, предпочитающих «всю жизнь свою жить редкими и немногими минутами восторга», чем «путем труда и усилия перейти в полную жизнь». Сочетание в письмах Белинского к Сатину элементов как подлинной полемики с последним, так и ударов по тому «воображаемому собеседнику», который нужен был Белинскому, но с реальным Сатиным далеко не всегда совпадал, объясняет, на наш взгляд, недоумение и возмущение Сатина тем, что Белинский приписывал иногда ему в своих письмах мнения, которых он никогда не высказывал и не разделял («Нет, Белинский, можно не понять человека, но так превратно понять его, как ты понял меня, — и смешно, и грустно»)[87].

XI

В самом начале 1837 г. Белинский написал, для «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», статью о «Повестях Александра Мухина». Содержание и судьба этой статьи уясняются в свете недавно опубликованного письма А. А. Краевского к Белинскому от 19 января 1837 г.:

«Благодарю вас за разбор повестей Мухина. Я не могу только согласиться с мнением о повестях Павлова, в нем вставленным, и намеком на щегольские издания, выходящие из типографии Семена в желтых обертках: это может почесться намеком на Наблюдатель, который считаю единственно честным, благонамеренным и добрым русским журналом, хотя и не столь живым и разнообразным, как бы должен быть журнал. По всему этому я удержался печатанием вашей статьи и буду ожидать вашего ответа»[88].

Письмо Краевского позволяет окончательно установить, что, вопреки общепринятому мнению Венгерова, никакой особой статьи о повестях Н. Ф. Павлова Белинский в 1837 г. не писал[89]. Отзыв же о них вкраплен был в разбор повестей А. Мухина, политические и литературные установки которых, видимо, противопоставлялись «Трем повестям» Павлова, вышедшим в свет еще в 1835 г. Мы имеем возможность с большой долей вероятия объяснить и причины сочувственного обращения Белинского к повестям Мухина, статьей о которых Белинский хотел дебютировать в Петербурге после закрытия «Телескопа». В самом деле, ровно за месяц до обращения Белинского к Краевскому со статьей о повестях Мухина, о последнем писал Пушкину около 16 декабря 1836 г. П. В. Нащокин: «Посылаю тебе повести Мухина — от самого автора.— Я их читал — они мне очень понравились — в них много чувства,— а автора в них совсем нет. Сделай милость — к собственным их достоинствам прибавь словечко. Ему нужно, он человек не богатый — семейный — ему нужны деньги,— а повести, право, очень хороши»[90].

Как известно, Белинский в 1836—1837 гг. часто встречался с Нащокиным, пользуясь его моральной и материальной поддержкой. Через Нащокина велись Пушкиным осенью 1836 г. переговоры и о переходе Белинского на работу в «Современник». Горячее сочувствие Мухину, получившее выражение в письме Нащокина к Пушкину, объясняет внимание к этому писателю и со стороны Белинского. Статья его о повестях А. Мухина осталась, однако, ненапечатанной. Не дошла до нас и рукопись этой статьи, а последним упоминанием о ней Белинского явился его ответ Краевскому 4 февраля 1837 г.: «Теперь о моей рецензии на книгу Мухина. Говоря о том, что посредственность печатается у Семена, я не думал этим сделать ни малейшего намека на „Наблюдателя“; впрочем, это выражение — такая малость, что я не был бы на вас в претензии и тогда, если бы вы вычеркнули его без моего ведома 〈...〉 Что же касается до моего мнения насчет повестей Н. Ф. Павлова — это другое дело. Я могу смягчить выражение: „самые проблески чувства замирают под лоском щегольской отделки, а блестящая фраза отзывается трудом и изысканностию“, так: „самые проблески чувства как будто ослаблены излишним старанием об изящной отделке, а блестящий слог отзывается как-то трудом и изысканностию“; остальное же все должно остаться без перемены,— или бросьте всю статью в огонь. Впрочем я не понимаю, почему вам не поместить ее; ведь вы допускаете же чужие мнения, противоречащие вашим 〈...〉 Кроме того, вы можете сделать

примечание, выноску, где скажете, что вы не согласны с этим мнением. Во всяком случае, я нисколько не почту себя обиженным, если моя статья будет брошена под стол: дорожа своими мнениями, я умею уважать и чужие» (П, I, 70).

В интереснейшем письме Н. А. Полевого к Боткину от 20 марта 1838 г. сохранились строки, позволяющие установить тематику и настроение неизвестного нам письма Белинского к бывшему редактору «Московского телеграфа»: «Письмо это покажите Белинскому, потому что не успеваю написать ему ничего отдельно. Предубеждение его против Петербурга сущее ребячество. Города и люди везде одни».

В этом же письме Н. А. Полевой, возражая на обвинения своих московских приятелей, резко отвергал их упреки за свою солидарность с какой-то статьей Н. С. Селивановского: «За что вы все рассердились на статью Селивановского? Опять я утверждаю, что истинно он не м е р з а в е ц, но только ч е л о в е к — просто, а статья его что же содержала? Е г о мнение и довольно справедливое, и неужели журнал должен быть монополиею мнений? Это-то и губит нас, что мы монопольны и односторонни. Белинский, например, уничтожает классицизм и Державина — несправедливо и ложно. Он не терпит Каратыгина, а я теперь узнал его как артиста, как человека, и беру прежнее о нем мнение обратно»[91].

Н. М. Мендельсон, публикуя это письмо, недоуменно замечал: «О какой статье Селивановского говорит Полевой, выяснить не удалось». Между тем, если мы обратимся к книжкам «Сына отечества», редактируемого в это время Полевым, то легко обнаружим, что в эпистолярной полемике его с Белинским и Боткиным речь шла об известном «Письме из Москвы», опубликованном за подписью «А. М.» во второй книге «Сына отечества» 1838 г.

Вопрос об авторе «Письма из Москвы» в течение ста с лишним лет оставался открытым. Сам Белинский, отвечая А. М. в своем «Литературном объяснении» («Моск. наблюдатель», 1838, кн. 2 — III, 318—322), не раскрыл этих инициалов, хотя, конечно, уже хорошо знал имя автора. Ни С. А. Венгеров (Полн. собр. соч. Белинского, т. III, СПб., 1901, стр. 531), ни В. С. Спиридонов (Полн. собр. соч. Белинского, т. XIII, М.— Л., 1948, стр. 589), ни И. Ф. Масанов («Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», т. I. М., 1941) не расшифровали этот псевдоним, принадлежавший Н. С. Селивановскому, тому самому Селивановскому, который поместил (за подписью «А. Б. В.») в «Молве» 1836 г. знаменитую статью о московской премьере «Ревизора», очень близкую по своим установкам Белинскому. Роль Н. С. Селивановского как литературного и театрального критика, близкого Белинскому и Полевому, определяется не только принадлежностью ему известных статей «А. Б. В.» и «А. М.».

В письме к К. С. Аксакову от 14 августа 1837 г. Белинский рассказал о своем неприятном объяснении в Пятигорске с И. Н. Скобелевым, который считал Белинского автором резкой статьи о нем в «Молве» 1835 г. Между тем, как замечал Белинский, автором рецензии на книжку Скобелева был вовсе не он, а Селивановский «в безымянной статейке, как он это всегда делает п о с в о й с т в е н н о м у е м у б л а г о р а з у м и ю» (П, I, 103).

Весьма ценный литературно-бытовой материал о Белинском и его окружении дают письма Кольцова, сохраненные великим критиком почти полностью. Письма эти перепечатывались много раз, но ни один из исследователей Белинского и Кольцова не обратил внимания на несогласованность некоторых свидетельств Белинского о его встречах с Кольцовым в 1838 г. с общепринятой датировкой писем поэта. Мимо этого факта прошел и Ляцкий, печатавший без всяких пояснений строки Белинского о Кольцове в письме его к Бакунину от 20 июня 1838 г.: «Кольцов вчера познакомился с твоими. Варвара Александровна осыпала его комплиментами и ласками, была с ним любезна, как нельзя больше» (П, I, 201). Датировка Белинского совершенно точна, ибо подтверждается рядом других свидетельств о времени пребывания матери и сестер Бакунина в Москве.

Однако если мы обратимся к письмам Кольцова этой поры, то окажется, что из Москвы в Воронеж он выехал еще в первых числах июня 1838 г., а 15 июня уже делился в письмах к Белинскому и Краевскому своими впечатлениями от возвра-

щения в родной город («Я в Воронеже — неделя, как приехал из Москвы...»). Мы полагаем, что разительное несоответствие между хронологией писем Кольцова и свидетельствами Белинского о встрече с Кольцовым у Бакуниных может быть объяснено или явной опиской Кольцова, поставившего «15 июня» вместо «15 июля», или неправильным прочтением этих дат первым публикатором писем[92].

28 июня 1841 г. Белинский переслал Боткину свое письмо к К. С. Аксакову, вероятно, то именно письмо, которым окончательно ликвидировались его дружеские отношения с Аксаковым. О содержании этого письма, затерянного или уничтоженного, мы можем судить по впечатлению Боткина, выраженному в письме к Белинскому от 18 июля 1841 г.: «Прочел твое письмо к Аксакову. Ну, ну! Вот до чего дошло! Но меня это нисколько не удивило. В Аксакове лежала всегда возможность того, чем он теперь стал»[93].

Из исключительно важной по своему общественно-политическому значению и интересу переписки Белинского с Герценом до нас дошло только десять писем Белинского — одно 1845 г. и девять 1846 г.[94] Но дневники, переписка и воспоминания Герцена сохранили немало свидетельств, проливающих свет и на содержание утраченных (или, точнее, уничтоженных) писем Белинского.

В «Былом и думах» закреплен, например, письменный отклик великого критика на драматические сцены Герцена «Лициний» и «Вильям Пенн». «Я эти сцены, не понимая почему, вздумал написать стихами,— рассказывает Герцен.— В 1839 или 1840 г. я дал обе тетрадки Белинскому и спокойно ждал похвал. Но Белинский на другой день прислал мне их с запиской, в которой писал: „вели, пожалуйста, переписать сплошь, не отмечая стихов; я тогда с охотой прочту, а теперь мне все мешает мысль, что это стихи“. Убил Белинский обе попытки драматических сцен». В этом рассказе вызывает сомнение прежде всего его датировка. Как известно, свои драматические сцены Герцен впервые предложил «Московскому наблюдателю» через Кетчера еще осенью 1838 г. Ответ Белинского на это предложение нам неизвестен, но возможно, что Кетчер не исполнил поручения Герцена, ибо последний 21 марта 1839 г. вновь, через того же Кетчера, предложил для «Московского наблюдателя» сцены из «Лициния» и «отрывки из своей биографии»[95]. По всей вероятности, ответ Белинского, цитируемый в «Былом и думах», связан был именно с этим обращением Герцена в «Московский наблюдатель». Однако самая редакция этого ответа, приводимая Герценом, вызывает большое сомнение. Белинский познакомился с Герценом не раньше осени 1838 г., но и после этого знакомства они долго оставались друг с другом в отношениях, достаточно далеких и исключавших обращение на «ты».

Итак, если и признать, что поводом для переписки Белинского с Герценом явились весной 1839 г. драматические сцены последнего (в 1840 г. Герцен, конечно, не стал бы домогаться напечатания своих юношеских стихотворных опытов), то самая записка Белинского, отмечаемая в «Былом и думах», являлась не точной цитацией первоисточника, а воспроизведением его по памяти.

С 14 по 24 декабря 1839 г. Герцен пробыл в Петербурге. К этому времени относилась и та встреча его с Белинским, под впечатлением которой последний писал Боткину 30 декабря 1839 г.: «Умный, добрый, прекрасный человек, но если б бог привел больше не видеться — хорошо бы. Обыкновенная терпимость разумна только в отношении к низшей действительности, а не к высшей призрачности» (П, II, 18). Для Е. А. Ляцкого очень характерно, что в комментариях к этому письму (П, II, 381) он не признал Герцена в этом «умном, добром и прекрасном человеке», которого Белинский по конспиративным соображениям не захотел назвать по фамилии. В середине января 1840 г. Герцен вновь появился в Петербурге. Свиданий с Белинским некоторое время он, видимо, избегал, несмотря на то, что московские их друзья с нетерпением ждали вестей об этой «встрече Наполеона с Суворовым», как иронизировал Н. П. Огарев в письме от 6 марта 1840 г.[96] Борясь с влиянием «примиренческих» статей Белинского на передовую общественность, Герцен с большим удовлетворением отмечал в письме от 6 апреля 1840 г. к М. Н. Похвисневу, что ему удалось «подбить против Белинского» всех тех, кто

«еще не был против него». Статью Белинского «О сказках дедушки Иринея» Герцен в этом же своем письме резко квалифицировал как «оплеуху für sich und an sich»[97]. Борьба с Белинским приняла такой характер, что в начале июля 1840 г. Кетчер счел необходимым письменно указать Герцену: «Несмотря на все уродливости, я все-таки советовал бы не расходиться совершенно с Белинским и не слушать всех вздоров даже из уст Михайлы Александровича ⟨Бакунина⟩»[98]. Страницы «Былого и дум» с исключительной яркостью свидетельствуют о том, как эта «вражда» к концу года перешла в самый тесный политический контакт и большую личную дружбу.

Постоянное общение Белинского с Герценом в Петербурге исключало необходимость переписки, вопрос о которой возник лишь после высылки Герцена из Петербурга в Новгород в 1841 г. и после переселения Герцена летом 1842 г. в Москву.

Ни одного письма Белинского к Герцену за период 1841—1845 гг. до нас не дошло, несмотря на то, что переписка эта поддерживалась весьма интенсивно. Под впечатлением одного из не дошедших до нас писем Белинского в дневнике Герцена появились 14 ноября 1842 г. его известные строки о великом критике: «Фанатик, человек экстремы ⟨...⟩ Тип этой породы людей — Робеспьер». Вероятно, к концу этого же года можно отнести строки письма Белинского о Пьере Леру, вкрапленные Герценом в одну из глав «Былого и дум»: «„Петр Рыжий становится моим Христом“,— писал мне всегда увлекавшийся через край Белинский»[99].

Об интеллектуальном одиночестве Белинского в Петербурге и безденежье, видимо, шла речь в его письме, полученном Герценом 15 февраля 1843 г., что видно из записи в дневнике Герцена от этого числа. Следующее письмо Белинского Герцен получает 15 апреля 1843 г., а о содержании его передает 22 апреля Н. П. Огареву: «От его юмору горло захватывает, в слезе его злая ирония и в иронии горькие слезы; он беснуется озлобленный, желчный». В этом же письме Герцен сообщает об отклике Белинского на его очерки «Дилетантизм в науке»: «Виссарион говорит, что я на стали гравирую свои статьи, и в восхищеньи»[100].

Борьба Белинского с тенденциями Грановского и Герцена к политическому соглашению с левыми славянофилами была отражена в его письмах 1844 г. О первом из этих писем Герцен сообщал Н. Х. Кетчеру 15 марта 1844 г.: «Все, что Виссарион пишет по этой части ⟨...⟩ не выдерживает никакой критики». В дневнике Герцена от 17 мая 1844 г. отмечено было получение «огромного, в роде диссертации» письма Белинского на эту же тему. Здесь Герцен ограничился выпиской из этого письма только одной строки: «Я жид по натуре и с филистимлянами за одним столом есть не могу»[101], но в «Былом и думах» (гл. XIX) он привел из этого же письма еще несколько слов: «Грановский хочет знать, читал ли я его статью в „Москвитянине“. Нет, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видеться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания»[102].

14 августа 1844 г. Герцен отмечает получение еще одного письма Белинского, «писанного с желчью и досадой». Под впечатлением этого письма Герцен резюмирует в дневнике свое отношение ко всем письмам Белинского этого года: «Я знаю Белинского и люблю, но иной мог бы отвечать в квадрате колко; Белинский не остался бы назади,— и прекрасные отношения лопнули бы»[103].

Мы ни в какой мере не рассчитывали исчерпать в своем общем обзоре все известные в печати материалы о не дошедших до нас письмах Белинского. Данных об этом очень много в письмах к нему и Бакунина, и Кольцова, и Станкевича, и Кавелина. Ценные сведения о не известных нам письмах Белинского к Боткину за время пребывания последнего за границей в 1844—1846 гг. сохранились в письмах Боткина, опубликованных в «Литературной мысли» 1923 г.[104] Немало свидетельств об утраченных частях корреспонденции великого критика зарегистрировано и в «Летописи жизни В. Г. Белинского» в 1924 г., а также в публикуемых в следующем томе «Лит. наследства» письмах родных к Белинскому. Однако все эти случайные и фрагментарные данные должны быть не только систематически и до конца выявлены, но и объединены в специальной критической сводке, — необходимом дополнении к будущему переизданию «Писем Белинского».

2. ПИСЬМА К БЕЛИНСКОМУ

XII

Белинский, как известно, сам положил начало публикации материалов своей переписки. Так, в статье «О жизни и сочинениях Кольцова» (приложенной к изданию сборника стихотворений последнего в 1846 г.) Белинский довольно широко использовал выписки из писем к нему Кольцова за время с 1836 по 1842 гг.[105] При жизни Белинского должны были появиться в печати и некоторые письма к нему Н. В. Станкевича. Отвечая на просьбу московских друзей о предоставлении Н. Г. Фролову материалов для задуманной им биографии Станкевича, Белинский 20 апреля 1842 г. писал: «Интересно, как напишет Фролов биографию Станкевича, которой, по моему мнению, невозможно написать. Письма его соберу, разберу и пришлю» (П, II, 307).

Труд Н. Г. Фролова, хотя и был доведен до конца, в свет не вышел, но два письма Станкевича к Белинскому (от 30 октября 1834 г. и от 30 мая 1836 г.) напечатаны были в 1857 г. в книге «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым»[106]. Незадолго до «Переписки Станкевича» Герцен опубликовал в первой книжке «Полярной звезды на 1855 год» знаменитое письмо Белинского к Гоголю, вместе с двумя письмами последнего от 8(?) июня и 10 августа 1847 г.[107] Черновые наброски ранней редакции второго из этих писем, вместе с письмом Гоголя к Белинскому от 8(?) июня 1847 г., русский читатель нашел в первом своде материалов для биографии Гоголя, изданном П. А. Кулишом в 1856 г. под названием «Записки о жизни Гоголя»[108]. Таким образом, к началу первого десятилетия со дня смерти Белинского огромный фонд писем к великому критику уже представлен был в печати несколькими ценными документами, опубликованными, правда, или в выдержках, или по случайным спискам.

Начало систематическому изучению переписки Белинского положил Пыпин в 1874—1876 гг. Именно в его монографии «Белинский, его жизнь и переписка», помимо большого числа писем самого Белинского, широко использованы были и письма корреспондентов великого критика.

Всего в книге Пыпина введено было в научный оборот около пятидесяти писем к Белинскому, в ряду которых особый интерес представляли не известные ранее письма Боткина, Станкевича, Кольцова, Грановского, Лажечникова, Кронеберга, Панаева, Д. П. и Е. П. Ивановых. Письма эти приводились Пыпиным обычно без комментариев, лишь в виде цитат, приспособленных, к тому же, к жестким цензурным условиям, но и в этом виде они значительно обогащали скудную документацию жизни и деятельности Белинского[109].

В предпоследней главе своего труда Пыпин очень осторожно пересказал и содержание двух записок М. М. Попова к Белинскому, в которых великому критику предлагалось явиться для личных объяснений в III Отделение. Пыпин не мог прямо назвать ни учреждения, в которое дважды вызывался Белинский в 1848 г., ни служебного положения М. М. Попова, превратившегося из скромного преподавателя Пензенской гимназии в 1820-х годах в одного из ближайших сотрудников главного начальника III Отделения. Письма М. М. Попова полностью напечатаны были, по копиям Пыпина, в «Русской старине» 1882 г., но причины, обусловившие вызов умирающего Белинского к руководителям охранительного аппарата самодержавия, не могли быть полностью раскрыты до опубликования некоторых секретных материалов архива III Отделения[110].

Разумеется, самый факт вызова Белинского в III Отделение 20 февраля 1848 г., т. е. в тот день, когда в Петербурге получены были первые официальные сведения о «низвержении Орлеанской династии и о третьей революции во Франции», необычайно симптоматичен. Но конкретным поводом для этого вызова явились все же не вести о победе революции во Франции, а материалы секретной информации о вредном, революционизирующем влиянии журналов «Современник» и «Отеч. записки» на передовую русскую общественность. Анонимая докладная записка об этом (опубликована впервые в книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.» в 1908 г.) поступила в III Отделение около 11 февраля 1848 г. В условиях паники

охватившей петербургские официальные круги после провозглашения республики во Франции, секретная информация о подрывной работе ведущих органов русской печати не могла не произвести сильнейшего впечатления. По-новому зазвучали и строки, посвященные в этой записке последним статьям Белинского: «Нет сомнения, что Белинский и его последователи <...> нисколько не имеют в виду коммунизма, но в их сочинениях есть что-то похожее на коммунизм, а молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим»[111].

Мы полагаем, что необходимость проверки этих данных и обусловила вызов Белинского к Дубельту. Тяжелое физическое состояние Белинского заставило руководителей III Отделения отсрочить его явку. Но они полностью солидаризировались с той политической оценкой деятельности Белинского, которая дана была в отмеченном нами выше секретном донесении о передовой русской печати. Данные этого донесения о Белинском дословно перенесены были 23 февраля 1848 г. в специальную докладную записку шефа жандармов на имя Николая I об «особенном характере новой нашей журналистики», с заключением о необходимости обращения особого внимания органов надзора на статьи Белинского.

Вторая записка М. М. Попова к Белинскому датируется 27 марта 1848 г. Поводом для нового вызова Белинского к Дубельту (как это установлено было П. Е. Щеголевым в 1906 г. на основании материалов архива III Отделения) явилось подозрение о причастности критика к составлению подметного письма на имя шефа жандармов, в котором заключались «возмутительные предсказания на счет будущего в России»[112]. Ответное письмо Белинского с просьбой и на этот раз отложить его явку учтено было чиновниками III Отделения как документальное подтверждение того, что почерк Белинского решительно не схож с почерком автора «возмутительного письма».

Письмо Белинского к Попову от 27 марта 1848 г., приобщенное к «делу» как вещественное доказательство, является последним из дошедших до нас автографов великого критика и каждой строчкой своей как бы подтверждает известные слова Грановского: «Благо Белинскому, умершему во-время».

Пыпин продолжал собирать материалы о Белинском и после выпуска в свет своей монографии. В пыпинском архиве объединился в частности (в оригиналах и копиях) ряд писем, адресованных Белинскому. Эти материалы впервые были опубликованы в 1914 г. Ляцким. В примечаниях к своему изданию писем Белинского Ляцкий полностью напечатал письма к великому критику: Н. А. Полевого (от 19 сентября 1835 г. и от 25 января 1837 г.), И. Я. Кронеберга (от 25 мая 1838 г. и 20 августа 1838 г.), В. П. Боткина (от 9—12 февраля 1840 г., 17 августа 1840 г., 22 октября 1840 г., 29 октября 1840 г., 22—23 марта 1842 г.), А. И. Баландина (от 8 октября 1843 г.), И. С. Тургенева (от 13 декабря 1844 г., 28 марта 1845 г., 3 мая 1847 г., 10 мая 1847 г., 17 сентября 1847 г. и 14 ноября 1847 г.), Н. А. Некрасова (от 20 сентября 1846 г. и 24 июня 1847 г., с приписками Щепкина, Панаева, Гончарова и Кронеберга), П. В. Анненкова (от 25 марта 1847 г.). В выдержках Ляцкий привел письма к Белинскому его брата — К. Г. Белинского (от 12 и 16 июня 1831 г. и от 17 ноября 1831 г.) и матери (от 6 сентября 1831 г., 10 декабря 1832 г., 1 июля 1833 г. и 5 июня 1834 г.), а также несколько строк из письма А. Я. Кульчицкого от 27 января 1840 г. Сверх того, Ляцкий перепечатал три записки А. П. Ефремова к Белинскому (1836—1838 гг., опубликованные в 1899 г. в сборнике «Памяти В. Г. Белинского») и ответ Грановского на известное письмо критика о том, что «царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (П, II, 305).

Письмо это, концовка которого была опубликована еще Пыпиным (изд. 2-е, стр. 409—410), полностью появилось в издании А. В. Станкевича «Т. Н. Грановский и его переписка» (т. II, М., 1897, стр. 439—440).

Как и почти все дошедшие до нас письма Грановского, его письмо к Белинскому датировано не было. А. В. Станкевич отнес его «к началу 40-х годов», Ляцкий же правильно приурочил его к письму Белинского от 20 апреля 1842 г. Однако дата ответа Грановского может быть определена еще более точно — на основании того, что письмо это было послано Белинскому через

В. П. Боткина (П, II, 425), который выехал из Москвы в Петербург 1 мая 1842 г. («Лит. мысль», 1923, кн. II, стр. 181).

Все письма к Белинскому, включенные в издание Ляцкого, печатались им без необходимых биографических справок, без дополнительных библиографических ссылок, без уточнения даже дат старого и нового стиля. Так, например, письмо П. В. Анненкова от «25 марта» 1847 г. (П, III, стр. 368) осталось непонятым из-за того, что редактор не перенес его дату на старый стиль (т. е. на 13 марта), а данные письма И. С. Тургенева от 21 апреля (3 мая) 1847 г. (П, III, стр. 370) не были уточнены сопоставлением их с письмом Тургенева к Белинскому от 5 апреля 1847 г. Последнее письмо, опубликованное в 1892 г. в брошюре «В пользу голодающих. Лепта Белинского», отсутствовало в копиях Пыпина, а потому и не попало в издание Ляцкого.

Ляцкий не пояснял и более существенных особенностей печатаемых им документов. Так, например, публикуя письмо Боткина к Белинскому от 23 марта 1842 г., Ляцкий не учел, что письмо это является самым ранним опытом популяризации на русском языке основных положений книги Фейербаха «Сущность христианства», первые экземпляры которой привезены были Н. П. Огаревым из-за границы в Москву в середине января 1842 г. Это письмо тем более интересно, что оно вносит существенные коррективы в историю перехода Белинского на рельсы материалистической философии, рассказанную в воспоминаниях П. В. Анненкова[113]. Не уяснил далее Ляцкий исключительного значения письма Боткина к Белинскому от 22 марта 1842 г. о Пушкине. Как свидетельствует это письмо, именно Боткину принадлежала ложная концепция творчества Пушкина, как апологии «предания и авторитета» — концепция, не подтверждаемая ни одним фактом политической и литературной биографии поэта[114].

Трудно сказать, почему Ляцкий, публикуя пять писем Боткина к Белинскому, оставил без внимания остальные девятнадцать, хранившиеся в автографах в том же собрании Пыпина, которым он столь широко воспользовался в своем издании. Эти девятнадцать писем, очень важных для уяснения петербургского периода жизни Белинского с 1840 по 1847 г., напечатаны были в 1923 г. в альманахе «Лит. мысль», кн. II[115].

Если прибавить к этой серии писем Боткина, во-первых, две записки 1838 г., печатающиеся в настоящем издании, во-вторых, его же письма к Белинскому от 4 октября 1840 г. и от 22 апреля 1842 г. (из которых первое опубликовано было в 1948 г. в сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты», а второе — в 1892 г. в брошюре «В пользу голодающих»), то общее число дошедших до нас писем Боткина к Белинскому определится 28 письмами (писем же Белинского к нему сохранилось 68).

XIII

Одновременно с трехтомником писем Белинского вышло в свет в 1914 г. монументальное издание «Переписки Н. В. Станкевича», над подготовкой которого в течение многих десятков лет работал А. В. Станкевич. В этом издании опубликовано было двенадцать писем Станкевича к Белинскому, причем три из них, наиболее значительных, имели двойной адрес — Белинского и Бакунина. Все письма относятся ко времени между 1834 и 1839 гг. Две записки, даты которых точно не были определены редакцией, легко нами приурочиваются сейчас к определенным событиям — первая («Висяша! Распорядись переслать это письмо в Премухино») к апрелю — маю 1838 г., вторая («Знает ли все Варвара Александровна Дьякова?») к концу января 1839 г.[116]

Материал переписки Н. В. Станкевича, несмотря на всю свою значительность и, казалось бы, общеизвестность, в специальной литературе о Белинском до сих пор почти не учитывался. А между тем именно в этой переписке заключено немало данных о таких, например, переломных моментах биографии Белинского, как период «Литературных мечтаний» или как последние месяцы работы его в «Телескопе». По-новому освещается письмами Станкевича и такой момент политической биографии Белинского, как его привлечение к дознанию об обстоятельствах появления «Философического письма» Чаадаева в «Телескопе». Правда, по вполне понятным причинам, письма Станкевича этой поры носят явно конспиративный характер, полны намеков, не сразу поддающихся

расшифровке. Однако трудности комментирования писем Станкевича вовсе не так велики, чтобы из-за них отказаться от осмысления интересующего нас материала.

Еще в 1911 г. в Премухинском архиве Бакуниных А. А. Корнилов обнаружил письмо Н. И. Надеждина к Белинскому от 12 октября 1836 г., в котором редактор «Телескопа» информировал своего ближайшего сотрудника о грозовых тучах, нависших над журналом в связи с публикацией «Философического письма»: «Я нахожусь в большом страхе. Письмо Ч<аадаева>, помещенное в 15 книжке, возбудило ужасный гвалт в Москве, благодаря подлецам-наблюдателям. Эти добрые люди с первого раза затрубили об нем, как о неслыханном преступлении, и все гостиные им завторили. Ужас, что говорят. Андросов бился об заклад, что к 20 октября „Телескоп" будет запрещен, я посажен в крепость, а цензор отставлен: и все „светские" повторяют: „Да! Это должно быть так непременно!"»[117]

С конца августа 1836 г. Белинский отдыхал в Премухине у Бакуниных, в архиве которых и сохранилось поэтому письмо Надеждина. Опасения Надеждина, как известно, оправдались. «Телескоп» был закрыт повелением Николая I от 22 октября, а уже на пятый день после этого министр народного просвещения С. С. Уваров в специальном письме к А. Х. Бенкендорфу обращал внимание шефа жандармов на то, что «некий Билинский» является «самым доверенным лицом» только что репрессированного редактора «Телескопа» и что именно в его руках могут находиться бумаги Надеждина, представляющие интерес для следственных органов. 31 октября 1836 г. шеф жандармов предложил московскому генерал-губернатору произвести обыск в квартире Белинского и доставить все обнаруженные у него бумаги в III Отделение.

Весть о запрещении «Телескопа» дошла до Белинского очень быстро. Об этом свидетельствует прежде всего письмо Станкевича, адресованное 3 ноября 1836 г. на имя Бакунина, но имеющее в виду не столько адресата, сколько его гостя. Основная политическая информация и инструктивные указания о линии поведения Белинского в эти тревожные дни искусно вкраплены были в письме Станкевича в совершенно, казалось бы, нейтральный обмен мнений о повседневных мелочах бытового порядка. Письмо это являлось ответом на не дошедшее до нас обращение Бакунина к Станкевичу от 27 октября. Именно Бакунин выдвинул план конкретных мероприятий, имевших целью спасение Белинского от грозивших ему, по общему мнению, тюрьмы и ссылки. Как же реагировал Станкевич на эти решения своих премухинских друзей?

«Твои планы так же хороши, как твои убеждения,— писал Станкевич 3 ноября Бакунину,— и я сильно надеюсь, что найду легкое средство содействовать им. Не думай, пожалуйста, что отец мой с неудовольствием дал деньги Б.; напротив, он не сказал ни полслова. Об этих делах переговорим в Москве. Я придумал довольно хорошо штуку. Вчера я получил письмо от Генваря <...>, он пишет, что уведомил Белинского о разных речах людских насчет его таланта... Это — не безделица. Ржевский сегодня мне все расскажет; Клюшников виделся с ним и вчера едва успел сказать мне кой-что <...> Ты, думаю, слышал о запрещении Телескопа. Издатель и цензор поехали в Петербург. Чадаева я не знаю и никого из его знакомых, говорят, он едет зачем-то в Вологду»[118].

Эти строки, нарочито бессвязные, выхолощенные и упрощенные, но вполне понятные адресатам, позволяют и нам установить: во-первых, то, что Я. М. Неверов («Генварь»), работавший в аппарате министерства народного просвещения и поэтому, вероятно, осведомленный о письме Уварова к Бенкендорфу, своевременно предупредил Белинского о грозящей ему опасности; во-вторых, что Н. В. Станкевич, осведомленный Неверовым об этом же через В. К. Ржевского, приехавшего 2 ноября («вчера») из Петербурга, немедленно должен был принять меры к уничтожению в московской квартире Белинского всех бумаг, могущих его компрометировать (и прежде всего переписки), наконец, в-третьих, что Бакунин, узнав об опасности, грозящей Белинскому, пытался организовать выезд его за границу и деньги для этой цели рассчитывал получить при помощи Станкевича.

Приписка к письму от 3 ноября 1836 г., обращенная непосредственно к Белинскому, позволяет уяснить еще более существенные подробности плана выезда Белинского за границу:

«Любезный друг Виссарион!— писал Станкевич.— Ты знаешь о всех неприятностях с Телескопом; но вы с ним чужие — ты едешь в качестве учителя. Но, пожалуйста, разузнай о людях, у которых ты будешь жить, и способен ли ты к той роли, которую, может быть, принужден будешь играть у них. По крайней мере, вперед решись терпеть, во что бы то ни стало, но эта поездка не стоит труда, если ты думаешь только взглянуть на все. В этом есть поэзия, но чтобы пребывание за морем имело какое-нибудь долговременное влияние на твою душу, для этого мало ограничиться глазеньем. Ты узнаешь хорошо языки — это для тебя чрезвычайно важно».

Мы опускаем детали этой инструкции, связанные с мотивировкой необходимости для Белинского заняться за границей философией и историей. Станкевич сам собирался с Бакуниным в Берлин и обещал Белинскому свою помощь в будущих его занятиях. Однако весь план этой полулегальной отправки Белинского за границу построен был на весьма шатком основании, а именно — на возможности для Белинского как-то отмежеваться от «Телескопа» («Вы с ним чужие») и на правах якобы профессионального педагога получить от гр. С. Г. Строганова, попечителя московского учебного округа, разрешение на выезд за границу в качестве воспитателя в каком-то дворянском семействе. Бакунин и Станкевич рассчитывали, видимо, на помощь В. К. Ржевского, состоявшего чиновником особых поручений при гр. Строганове, но совершенно не учли того обстоятельства, что Строганов был уже хорошо осведомлен о привлечении Белинского к секретному дознанию о «Философическом письме». Письмо Станкевича к Бакунину от 7 ноября 1836 г. свидетельствовало уже о крахе проекта: Белинского «Строганов ни за что не хочет отправить,— писал он.— Скажи это ему, но поосторожнее, может быть он слишком надеяп»[119].

Около 10 ноября в московской квартире Белинского произведен был тщательный обыск, в результате которого, однако, благодаря своевременно принятым мерам, никаких бумаг, могущих компрометировать хозяина, обнаружено не было. Тотчас же после обыска друзья Белинского письменно информировали его обо всем происшедшем и о возможности ареста его самого в Премухине. Письмо это (без подписи) обнаружено было в Премухинском архиве и опубликовано А. А. Корниловым в 1911 г. вместе с отмеченным выше письмом Надеждина к Белинскому[120].

15 ноября 1836 г. Белинский при въезде в Москву был задержан на заставе и препровожден к обер-полицмейстеру. Однако, ввиду того что «в имуществе его ничего сумнительного не оказалось», он в тот же день был освобожден.

Слухи о привлечении Белинского к дознанию по делу о «Философическом письме» остановили и переговоры Пушкина с П. В. Нащокиным о переезде Белинского в Петербург для работы в «Современнике». Эти переговоры начаты были, вероятно, в середине октября, после выхода в свет третьей книжки «Современника», когда окончательно определилась необходимость реорганизации журнала именно в том направлении, на котором настаивал в своих печатных высказываниях о «Современнике» Белинский. Мостом, облегчающим переход Белинского в «Современник», явилась высоко-положительная характеристика молодого критика, данная Пушкиным в его программном «Письме к издателю»: «Жалею,— писал он, отвечая на статью Гоголя «О движении журнальной литературы»,— что вы, говоря о „Телескопе", не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостию мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности,— словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного»[121].

Эти ответственные строки подкреплялись Пушкиным, в том же номере журнала, энергичной защитой Белинского от нападок на него охранительной печати. Самое имя Белинского Пушкиным на этот раз прямо названо не было, но поскольку вся статья «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» отражала пункт за пунктом нападки лидера реакционной Российской Академии на совершенно конкретные высказывания именно Белинского, политический смысл выступления Пушкина не вызывает никаких сомнений[122].

Приглашение Белинского в «Современник» форсировалось и разногласиями внутри редакционного аппарата журнала. В августе 1836 г. два ближайших сотрудника

Пушкина—кн. В. Ф. Одоевский и А. А. Краевский—противопоставляют «Современнику», при молчаливом сочувствии большинства других литераторов, участвовавших в издании, план нового журнала, который они предполагают организовать к 1837 г. под названием «Русский сборник». Еще раньше определилась невозможность сотрудничества Пушкина с группой московских писателей (Шевырев, Погодин, Баратынский, Андросов, Киреевский, Хомяков, Мельгунов и др.), которых он некоторое время ошибочно склонен был рассматривать как своих союзников. При ненадежности той поддержки, которую могли оказать «Современнику» личные друзья великого поэта — Жуковский, Вяземский, Плетнев, Денис Давыдов — Пушкину угрожала опасность полной литературной изоляции. Его журнал замалчивался или дискредитировался. Литературные враги Пушкина, широко используя вынужденное его молчание в печати о наиболее актуальных проблемах русской крепостнической действительности и невозможность публикации таких его произведений, как «История села Горюхина», «Дубровский», «Медный всадник», «Сцены из рыцарских времен», «Александр Радищев», «Рославлев», задержку издания «Капитанской дочки» и «Истории Петра Великого», клеветнически писали об отрыве поэта от передовой общественности, об упадке его таланта, и злорадно противопоставляли Пушкину новых «властителей дум» — Бенедиктова как лирика, Кукольника как драматурга, Марлинского и Павлова как прозаиков, Сенковского как литературного критика и журналиста.

Журнал, задуманный Краевским и Одоевским, однако, не осуществился. 16 сентября 1836 г. Николай I неожиданно отклонил представление об издании «Русского сборника» и своей резолюцией («и без того много») на долгое время остановил возможность расширения числа периодических изданий. Хорошо понимая, какое значение получает в этих условиях такая журнальная трибуна как «Современник» и трезво учитывая при этом крайние полицейско-цензурные и материальные затруднения Пушкина, Краевский и Одоевский выдвигают план реорганизации «Современника» в ежемесячник типа «Библиотеки для чтения», с тем, однако, чтобы Пушкин разделил с ними редакторские права и полностью передал им политическую и финансово-техническую часть издания. Отказ Пушкина принять этот «ультиматум» вызывает уход Краевского и Одоевского из «Современника» и попытку их договориться с вдохновителями «Московского наблюдателя» о совместной работе в этом журнале после проектируемого ими перевода его в Петербург. Таким образом, решение Пушкина именно в этот момент опереться на Белинского, борьба которого с антидемократической и эстетско-формалистической платформой «Московского наблюдателя» была в центре литературной полемики 1835 — 1836 гг., получает значение не случайного, а глубоко принципиального факта политической и литературной биографии великого поэта[123].

До нас не дошло октябрьское письмо Пушкина к Нащокину, в котором он уполномочивал последнего на переговоры с автором «Литературных мечтаний» о переезде его в Петербург. Но ответ Нащокина на это письмо красноречиво свидетельствует о том, что друзья Белинского не сомневались в принятии им приглашения Пушкина: «Белинский получал от Надеждина, чей журнал уже запрещен, 3 т⟨ысячи руб. асс.⟩. Наблюдатель предлагал ему 5.— Греч тоже его звал.— Теперь коли хочешь, он к твоим услугам — я его не видал, но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если прийдется ему на тебя работать. Ты мне отпиши,— и я его к тебе пришлю»[124].

Письмо Нащокина не имеет даты, но упоминание о запрещении «Телескопа» как о новости и вопрос в конце письма о том, как распределить присланные Пушкиным для раздачи в Москве экземпляры третьей книги «Современника», позволяют отнести его к последним числам октября 1836 г. Сопоставляя письмо Нащокина с письмом Станкевича, мы уясняем причины, во-первых, молчания самого Белинского о его приглашении в «Современник» (он задержался в Премухине до середины ноября и ничего конкретного о предложениях Пушкина не знал) и, во-вторых, мотивы, обусловившие срыв этих переговоров. Пушкин не ответил на письмо Нащокина о Белинском в силу тех же соображений, которые заставили его воздержаться от отправки в Москву уже написанного ответа Чаадаеву на «Философическое письмо». Закрытие «Телескопа» и слухи о предстоящей жесткой расправе со всеми его сотрудниками заставляли Пушкина быть

сугубо осторожным, тем более, что у него не было уже никаких оснований рассчитывать на возможность переезда Белинского в ближайшем будущем в Петербург. Когда же гроза прошла (а это определилось не раньше первых чисел декабря 1836 г.), вопросы реорганизации «Современника» уже были сняты бурным течением событий последних двух месяцев жизни Пушкина.

XIV

Вместе с отмеченными выше двумя письмами — Надеждина и анонимного «друга» о тревоге, вызванной в Москве публикацией «Философического письма», в архиве Бакуниных обнаружены были еще три неизвестных письма к Белинскому — Н. В. Станкевича (от 11 августа 1836 г.), А. В. Кольцова (от 12 сентября 1836 г.) и И. П. Клюшникова (от 12 сентября 1836 г.). Четыре из этих документов опубликованы были А. А. Корниловым к столетию со дня рождения Белинского в «Русской мысли» 1911 г., а письмо Кольцова им же за год перед тем в «Юбилейном сборнике» Литературного фонда[125]. Два письма — Кольцова и Станкевича — перепечатаны были в третьем издании Полного собрания сочинений Кольцова и в «Переписке Н. В. Станкевича». Прочие же три документа из этой исключительно ценной коллекции, затерявшись на страницах «Русской мысли», почти на полвека выпали из поля зрения как биографов Белинского, так и исследователей русской журналистики 1830-х годов[126].

Одним из самых активных корреспондентов Белинского периода 1836—1839 гг. был М. А. Бакунин. Однако, если не считать наброска неотправленного письма его от 12 августа 1836 г., сохранившегося в Премухинском архиве[127], ни одно письмо Бакунина к Белинскому до нас не дошло. Эти письма уничтожены были, конечно, самим критиком после вызова его в III Отделение в феврале 1848 г. Тогда же, вероятно, были уничтожены Белинским и письма к нему Герцена[128], из которых случайно сохранилось только два — от 26 ноября 1841 г., опубликованное М. К. Лемке в 1915 г., и от конца апреля 1842 г., впервые публикуемое Л. Р. Капланом в настоящем издании. Из многочисленных писем К. С. Аксакова к Белинскому также известны всего два: одно из Люцерна (от конца сентября 1838 г.) с отчетом о заграничных впечатлениях Аксакова, горящего желанием скорее начать работу в «Московском наблюдателе» и познакомить друзей с новыми мыслями о России и Европе, которые созрели в нем во время пребывания за границей; другое (без даты, приурочиваемое нами к первым числам января 1840 г.) заключало в себе резкие возражения на пессимистические суждения Белинского о «народности» и «действительности» в одном из не дошедших до нас его писем. Мы точно не знаем содержания письма Белинского, вызвавшего негодование Аксакова. Нам известна только его дата — 25 ноября 1839 г. Но ровно за три дня до этого Белинский писал Боткину: «Скажи Грановскому, что чем больше живу и думаю, тем больше, кровнее люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциональной стороны, но ее определение, ее действительность настоящая, начинают приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески» (П, II, 9). Разумеется, эти же настроения должны были получить отражение и в письме Белинского к Аксакову, раздраженный ответ которого может быть объяснен поэтому с исчерпывающей полнотою. Именно этот ответ позволяет утверждать, что даже в пору статей Белинского о «Бородинской годовщине», об «Очерках Бородинского сражения», о «Горе от ума», о «Менцеле—критике Гете» Белинский и К. С. Аксаков ощущали случайность связывавшего их блока и не верили в его прочность. В специальной литературе о Белинском письма К. С. Аксакова до сих пор остаются не использованными, хотя они опубликованы были Е. Н. Коншиной еще в 1939 г.[129]

В 1913 г. напечатано было письмо А. А. Бакуниной к Белинскому от 11 сентября 1838 г. Письмо это, представлявшее собой протест против якобы недооценки Белинским высокого «назначения женщины», не было отправлено адресату и осталось в Премухинском архиве[130]. В 1924 г. опубликован набросок чернового письма Я. П. Полонского к Белинскому от 11 мая 1842 г. Молодой поэт благодарил критика за публикацию в «Отеч. записках» стихотворения «Маска» и просил задержать печатание стихов «Пришли и стали тени ночи». Возможно, что письмо это не было отправлено по назначению, как и письмо А. А. Бакуниной[131].

К столетию со дня смерти Белинского на страницах «Лит. наследства» появилось еще три письма к Белинскому — письмо Грановского и Станкевича от 20 октября 1838 г. из Берлина, записка Грановского от начала мая 1841 г. и черновик записки Станкевича (оставшейся, может быть, не переписанной) от середины апреля 1837 г.[132]

Автографы Грановского, опубликованные в «Лит. наследстве», изъяты были из архива Белинского сразу же после его смерти, когда М. В. Белинская стала возвращать ближайшим друзьям великого критика их письма. Та же часть переписки Белинского, которая осталась невостребованной, вместе с рукописями его статей, перешла в распоряжение Н. Х. Кетчера. С его разрешения этот фонд бумаг Белинского получил возможность в 1874—1875 гг. в некоторой мере учесть в своей монографии Пыпин[133]. После смерти Н. Х. Кетчера местонахождение его архива в течение многих лет оставалось неизвестным. Лишь около 1920 г. Е. В. Герье, племянница А. В. Станкевича, сдала большую часть материалов Н. Х. Кетчера в Отдел рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, куда в 1940 г. поступили из одного частного собрания и остатки этого фонда[134]. К столетию со дня смерти Белинского 126 писем к нему, входивших в состав собрания Кетчера, опубликованы были в сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты» (под редакцией проф. Н. Л. Бродского); письма же к Белинскому его родных (всего 127 документов из этого же фонда) впервые печатаются в следующем томе «Лит. наследства».

В сборник «В. Г. Белинский и его корреспонденты» вошли письма к великому критику его друзей, знакомых и товарищей по литературной работе за время с 1829 по 1848 гг. Из 44 корреспондентов Белинского семь являлись его пензенскими приятелями конца 1820-х годов (В. Ф. Востоков, А. Иванисов, А. С. Голубинский, М. С. Меридианов, А. Ф. Максимов, М. М. Попов, Н. Г. Соколов), все же прочие были его московскими и петербургскими знакомцами (П. И. Артемов, А. И. Баландин, В. П. Боткин, И. И. Введенский, А. Д. Галахов, А. П. Ефремов, П. Ф. Заикин, И. П. Клюшников, П. П. Клюшников, П. Д. Козловский, В. А. Косиковский, А. А. Краевский, В. И. Красов, А. И. Кронеберг, П. Н. Кудрявцев, А. Я. Кульчицкий, И. И. Лажечников, И. И. Панаев, А. Я. Панаева, А. М., Н. Я. и П. Я. Петровы, К. А. Полевой, Н. А. Полевой, А. М. Полторацкий, В. К. Ржевский, Н. М. Сатин, А. И. Соколов, П. П. Сумароков, Н. Н. Тютчев, И. И. Ханенко, Н. М. Щепкин, Н. Н. Щетинина и четыре лица, фамилии которых редакции сборника установить не удалось).

За исключением двух-трех десятков строк из писем Краевского, Полевого, Панаева, Лажечникова и Кульчицкого, опубликованных Пыпиным и Ляцким, все материалы сборника «В. Г. Белинский и его корреспонденты» до 1948 г. оставались неизвестными не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Несмотря на то, что большой биографический и историко-литературный интерес представляют в этом издании только немногие документы (письма Н. М. Сатина, А. А. Краевского, И. И. Введенского, В. И. Красова, И. И. и А. Я. Панаевых), едва ли не в каждом из неизвестных до сих пор обращений к Белинскому оказываются материалы, так или иначе расширяющие и уточняющие наши представления об окружении великого критика на всем протяжении его жизненного пути.

В комментировании документов сборника «В. Г. Белинский и его корреспонденты» принял участие почти весь коллектив сотрудников Отдела рукописей Библиотеки. Впервые переписка Белинского, хотя бы в одной из своих частей, стала объектом систематического исследования, результаты которого получили отражение в кратких, но весьма содержательных примечаниях Н. Л. Бродского, А. В. Аскарянц, Т. Н. Каменевой, Е. Н. Коншиной, Р. П. Маториной, Е. Н. Ошаниной, А. А. Ромодановской, В. М. Федоровой и Н. К. Швабе. Однако необходимость обеспечить выпуск сборника в свет к юбилейной дате не позволила редактору и комментаторам довести работу над этим изданием до конца, чем и объясняются некоторые его досадные недочеты. Так, например, несмотря на то, что центральной частью сборника являлись материалы а р х и в а Б е л и н с к о г о, именно эта особенность издания нигде оговорена не была. Наоборот, и редактор и комментаторы исходили из явно ошибочных положений об известной случайности того подбора «писем разных лиц к Белинскому», которые оказались в фондах Библиотеки. Этой основной археографической ошибкой объясняем

мы и отсутствие в предисловии каких бы то ни было ссылок на то, что эпистолярная часть архива Белинского, находящаяся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, печатается далеко не полностью, что из сборника «В. Г. Белинский и его корреспонденты» оказались исключенными, во-первых, все те письма к Белинскому, которые разновременно опубликованы были по копиям Пыпина и, во-вторых, письма, публикацию которых осуществляет сейчас «Лит. наследство».

При определении авторов тех писем к Белинскому, подписи которых или вовсе отсутствовали или не поддавались прочтению, при уточнении непроставленных дат и при объяснении некоторых недостаточно освещенных фактов биографии Белинского, составители сборника не всегда смогли обеспечить необходимую в таких случаях тщательность и широту предварительных источниковедческих разысканий. Особенно показателен в этом отношении комментарий к анонимному письму от 17 января 1842 г. из Москвы (стр. 287—289). Письмо это является откликом на первую книжку «Отеч. записок» 1842 г. Выразив свое восхищение повестью Панаева «Актеон», критическим обзором Белинского «Русская литература в 1841 г.» и статьей И. В. Сабурова «Записки пензенского земледельца», автор письма отмечал полное удовлетворение по поводу того, что Белинский изменил свое отношение к «молодому поколению»: критик сейчас возлагает на последнее «большие надежды», а «прежде против этого спорил». Вспоминая об этих спорах, анонимный корреспондент Белинского явно имел в виду какие-то устные высказывания Белинского, ибо мечтает о «бутылке лафита», за которой он вновь хотел бы послушать критика. Кто же был этот аноним, которого комментатор почему-то характеризует как «одного из безвестных читателей „Отеч. записок“»? Прямой ответ на интересующий нас вопрос мы находим в одном из писем Белинского к Боткину: «Кланяюсь Кольчугину,— писал Белинский около 14 марта 1842 г.,— спасибо ему за письмо его, умное и интересное. Читал я его Панаеву. Статьи Сабурова прочту: коли Кольчугин хвалит, видно, хороши» (П, II, 283). Об этом же своем корреспонденте Белинский писал Боткину 1 марта 1841 г.: «С Кольчугиным я провел — поверишь ли — несколько счастливых и прекрасных минут. Я знаю, что он из тех людей, у которых истина и поэзия сами по себе, а жизнь сама по себе; знаю, что в нем нет субъективности, елейности, безумия любви и шипучей пены фантазии,— но вместе с тем, какая здоровая натура, какой крепкий практический ум!» (П, II, 220).

Еще более неудовлетворительна публикация письма Н. М. Щепкина к Белинскому от 10 апреля 1840 г. В сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты» письмо это безоговорочно приписано Надежде Михайловне Щепкиной — дочери М. С. Щепкина, «героине романической истории» Белинского (стр. 282—283). Однако ни одна строка этого объяснения не выдерживает критики, так как, во-первых, героиней романа Белинского была не Надежда Михайловна, а Александра Михайловна Щепкина; во-вторых, дочери Надежды, как свидетельствуют документальные данные о семье М. С. Щепкина в его формулярах и во всех других материалах о великом артисте, у него никогда не было; наконец, в-третьих, письмо писано не женщиной, а мужчиной. Об этом свидетельствует с начала до конца самый текст письма, автор которого, кстати сказать, именует себя «верным и храбрым капитаном», а в концовке отмечает: «За сим остаюсь вашим покорнейшим слугою. Н. Щепкин». Как устанавливается почерком этого письма, его автором был Николай Михайлович Щепкин, младший сын актера, в молодости кавалерийский офицер, а впоследствии известный московский издатель и общественный деятель.

Как письмо «неустановленного лица», с условной датировкой «1832—1834 гг.», Н. Л. Бродский печатает (стр. 284—285) очень интересное обращение к Белинскому одного из его чембарских земляков, с которым будущий критик встречался в эту пору в Москве. Мы полагаем, что как автор письма, так и дата последнего могут быть расшифрованы с исчерпывающей точностью, если мы обратимся к некоторым фактам биографии Белинского 1833 г.

В самом деле, письмо «неустановленного лица» начинается строками: «Я исполнил ваше поручение: был у вас. Маменька мне несказанно обрадовалась и плакала при моем рассказе о вас; я описал ей все подробно и так красноречиво, как только мог». Кто же был этот чембарский земляк Белинского, дружески встречавшийся

с последним в Москве и возвращение которого в Чембар Виссарион Григорьевич постарался использовать для информации родных о своем житье-бытье? Ответ на этот вопрос дает письмо Белинского к матери от 20 февраля 1833 г. «Я очень доволен доставителями сего письма: Авениром Ивановичем, Александрою Николаевною и Раисою Николаевною. Я часто посещал их и всегда был принимаем и ласкаем ими, как их родной. Часы же, проведенные мною собственно ⟨с⟩ Авениром Ивановичем, причисляю к лучшим в моей жизни. Этот человек, хотя и медик, но имеет душу и сердце эстетически образованное и не чужд ничего, что почитается достоянием только одних избранных» (см. «Лит. наследство», т. 57, стр. 115—116). М. И. Белинская подтвердила получение этого письма 6 марта 1833 г., отметив, что «Авенир Иванович» приехал в Чембар «первого марта» (см. там же, стр. 117). Дальнейшая переписка Белинского с родными позволяет установить, что фамилия «Авенира Ивановича» была Красовский (см. там же). Врач по образованию, А. И. Красовский близок был с Полевыми и сотрудничал в «Моск. телеграфе».

Судя по тому, что А. И. Красовский приехал в Чембар 1 марта и писал Белинскому под свежим впечатлением от свидания с его матерью,— письмо его можно датировать первыми числами марта 1833 г. Датировку эту подтверждает и просьба о высылке в Чембар «Madeleine». Разумеется, в этих строках, оставшихся в комментариях Н. Л. Бродского необъясненными, речь шла о романе Поль-де-Кока «Madeleine», перевод которого на русский язык (под названием «Магдалина») Белинский закончил к концу декабря 1832 г. Перевод этот должен был выйти в свет весной 1833 г., но задержался в типографии до конца июля. Не зная об этой задержке, А. И. Красовский от имени своих сестер просил Белинского выслать перевод в Чембар возможно скорее. В письме к родным от 20 сентября 1833 г. Белинский просил не ждать от него «Магдалины», ибо все три полученных им экземпляра он «по крайней нужде» уже продал вместе с французским подлинником.

Мы отметили выше (см. стр. 222 — 225), какой исключительный интерес для политической и литературной биографии Белинского представляют новые письма Н. М. Сатина, посвященные его дискуссиям с Белинским в 1837 г. В этих спорах наметились, однако, и пункты известного взаимопонимания. Так, например, у Белинского не было никаких разногласий с Сатиным по вопросу об отношении к «культуре» американской псевдодемократии.

«Я на-днях читал превосходное сочинение Токевилля о демократии в Америке, — писал Н. М. Сатин 27 декабря 1837 г.— Какое грустное впечатление произвела на меня эта книга. Да, польза, понимаемая так пошло, как понимают ее многие, разумеется нелепа, преступна. Либеральные американцы угнетают до невероятности целое поколение (негров), потому что это полезно. Человеколюбивые американцы истребляют целое другое поколение (индейцев), потому что это полезно; и все это тихо, законно, филантропически, не проливая крови, не нарушая правил и нравственности!— Они любят науку, потому что она полезна, любят детей, жену, потому что они полезны. Они любят деньги, не стыдятся быть шпионами, лишают людей вечной свободы и проч.⟨...⟩ Но к чему доведет их такое стремление к ощутительно полезному? — Не прекратит ли оно лучших порывов души человеческой, не окует ли самого совершенствования?» (стр. 269—270). Комментатор этих замечательных строк, к сожалению, не указывает, что книга, явившаяся для Сатина новостью, Белинскому была известна еще в марте 1836 г. Именно знакомство с этой книгой внушило великому критику его протест против американской «цивилизации» в статье «Ничто о ничем»: «Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие, пусть цивилизация дошла до последней степени ⟨...⟩ Я презираю это благоденствие, я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна ⟨...⟩ Цивилизация тогда только имеет цену, когда помогает просвещению, а, следовательно, и добру — единственной цели бытия человека, жизни народа, существования человечества»[135] (II, 380). Материалы Токвилля позволили Белинскому глубже вдуматься в романы Купера, как «зеркало северо-американского быта», и задолго до известных страниц Диккенса о сущности растленной культуры «долларо-

поклонников» в «Американских заметках» и в «Мартине Чезльвите» формулировать свой резкий протест против диктатуры «чистогана»: «Моя <...> кровь кипела от негодования на это гнусно-добродетельное и честное общество торгашей <...>— писал Белинский 16 августа 1837 г. Бакунину.—Нет, лучше Турция, нежели Америка <...> Лучше вечно валяться в грязи и болоте, нежели опрятно одеться, причесаться и думать, что в этом-то состоит все совершенство человеческое» (I, 114).

Био-библиографическая часть примечаний к изданию «В. Г. Белинский и его корреспонденты» не вызывает возражений, хотя при характеристике взаимоотношений Белинского с тем или иным из его корреспондентов комментаторы не всегда критически относились к их письмам и мемуарам. Так, например, лишь на основании воспоминаний самого Лажечникова определялась (на стр. 184—190) вся история его знакомства с Белинским. Между тем Лажечников тенденциозно замалчивает, что его отношения с Белинским, очень близкие в первые годы литературной работы критика, резко оборвались после перехода Белинского на революционно-демократические позиции. Этот разрыв получил выражение в отрипательной рецензии Белинского в восьмой книге «Отеч. записок» 1842 г. на драму Лажечникова «Христиерн II и Густав Ваза». В этой же рецензии, явно намекая на литературно-политическую бесхребетность Лажечникова, пытавшегося совместить участие в «Отеч. записках» с работой в «Библиотеке для чтения» и в низкопробном альманахе «Дагерротип», Белинский писал: «Всякая муза, если она уважает сама себя и хочет, чтобы ее уважали другие, должна вести себя с крайнею осторожностию и не заходить всюду, куда зовут ее; иначе она рискует лишиться своей репутации, которая для женщины всего дороже» (VII, 638. Ср. VII, 313). Эти строки являлись, как мы полагаем, прямым ответом на письмо Лажечникова к Белинскому от 12 апреля 1842 г. (стр. 183) и в свою очередь обусловили записку Лажечникова от 10 ноября 1842 г. (стр. 184), после которой отношения их навсегда оборвались. На той же почве, что и с Лажечниковым, произошел у Белинского разрыв в 1840 г. с И. И. Введенским, который, несмотря на поддержку, оказанную ему критиком в Петербурге, пошел на работу в «Библиотеку для чтения» и только после реорганизации «Современника» в 1847 г. возобновил связи с передовой литературной общественностью. Письмо И. И. Введенского к Белинскому, опубликованное в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», особенно интересно для нас потому, что именно Введенский являлся одним из важнейших соединительных звеньев между Белинским и Чернышевским. К сожалению, комментатору этого письма осталось неизвестным ни время приезда Введенского из Москвы в Петербург, ни даже письмо Введенского о Белинском к Погодину[136].

Более сложной для расшифровки была личность Ильина, одного из одесских знакомых Белинского, о котором критику писал 12 августа 1846 г. А. И. Соколов (стр. 274—275). Это «лицо», оставшееся в сборнике «неустановленным», известно, однако, в литературе о старой Одессе. Именно этого знакомца Белинского мемуаристы характеризуют как одного из самых ярких представителей одесской передовой общественности 1840-х годов, как человека «образованного, начитанного, живого, хотя подчас и парадоксального». О близости Николая Петровича Ильина (182?—1857) к литературно-театральным кругам свидетельствует и такой эпизод, как чтение им в присутствии Гоголя (во время пребывания писателя в 1851 г. в Одессе) рукописи запрещенной комедии Тургенева «Завтрак у предводителя»[137].

Гораздо меньше у нас сведений о другом случайном знакомце Белинского — И. И. Ханенко, с которым критик общался в начале 1840-х годов. Тем досаднее, однако, что в комментариях к не известному ранее письму И. И. Ханенко к Белинскому от 10 марта 1842 г. (ответ на письмо критика от 8 февраля 1842 г.) осталось неучтенным то обстоятельство, что этот самый Ханенко был свидетелем и участником знаменитых субботних собраний у Панаева, посвященных изучению и обсуждению материалов о французской революции. Именно об этом писал Белинский 8 сентября 1841 г. Боткину, делясь своими впечатлениями от труда А. Тьера и Ф. Бодена «Histoire de la Révolution Française»: «Я читаю Тьера — как — узнаешь от Ханенки. Новый мир открылся предо мною. Я все думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают» (П, II, 269).

Мы охарактеризовали лишь наиболее значительные в том или ином отношении пробелы и ошибки примечаний к новейшему изданию материалов переписки Белинского[138]. Этих недочетов не так уж много, особенно если учесть, что сборник «В. Г. Белинский и его корреспонденты» ввел в научный оборот к столетию со дня смерти великого критика более трети (126 из 370) всех вообще известных нам писем к Белинскому.

Пробелы в основных частях дошедшей до нас переписки Белинского обязывают исследователей к особенно тщательному учету всего, что может облегчить документально-точное установление ее исторического содержания. Недаром и сам Белинский, характеризуя эту часть своих писаний (П, II, 237), признавался в 1840 г. Н. А. Бакунину: «Вся жизнь моя — в письмах».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Копии с писем Белинского в собрании А. Н. Пыпина, положенные в основу издания Е. А. Ляцкого, хранятся ныне в ИРЛИ Академии Наук СССР (четыре рукописных тома, в общей сложности 1793 страницы). См. К. Н. Григорьян. Рукописи В. Г. Белинского в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (Пушкинский Дом. Бюллетени Рукописного отдела, т. II, М. — Л., 1950, стр. 23—29).

[2] Письма эти, связанные с поступлением Белинского на службу в Межевой институт в качестве преподавателя русского языка, опубликованы были В. Е. Якушкиным в «Русской старине», 1900, № 5, стр. 417 и 422.

[3] А. И. Герцен. Былое и думы. Ч. II, гл. XVI, прим. («Вели, пожалуйста, переписать сплошь, не отмечая стихов...») — Полн. собр. соч. и писем Герцена. Под ред. М. К. Лемке, т. XIII, Пб., 1919, стр. 305; ч. IV, гл. XXX («Я жид по натуре...») — т. XIII, Пб., 1919, стр. 149; ч. VIII, гл. LXXIV («Петр Рыжий становится моим Христом») — т. XIV, Пб., 1920, стр. 751.

Цитата из письма Белинского (вероятно, от 15 октября 1837 г.) к Н. М. Сатину вошла в «Отрывок из воспоминаний» последнего. — Сб. «Почин», М., 1895, стр. 240. См. об этих строках далее, гл. II и X настоящего обзора, а также прим. 12.

[4] А. Корнилов. К биографии Белинского. Новые данные. — Русская мысль, 1911, № 6, отд. II, стр. 18—45. Подробнее об этом эпизоде см. далее, стр. 231—233 и прим. 120.

[5] Н. Н. Тютчев. Мое знакомство с В. Г. Белинским. — «Письма Белинского», СПб., 1914, т. III, стр. 450.

[6] «Записки Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 9, М., 1940, стр. 11. Строки Некрасова о следах «молодости и вертопрашества» в переписке Белинского — это, конечно, одна из условных формул «эзоповского языка» 40-х гг.

В этом же издании опубликован впервые «Реестр бумаг, оставшихся после Белинского». Несмотря на то, что реестр с начала и до конца написан рукою Некрасова, в статье В. С. Спиридонова «Первое издание сочинений В. Г. Белинского» автором этого интереснейшего документа ошибочно назван не Некрасов, а П. В. Анненков («Учен. зап. Ленингр. гос. педагогич. института им. А. И. Герцена», т. 81, 1949, стр. 83—85).

[7] Об этом см. статью «Письмо Белинского к Гоголю» в настоящем томе, стр. 535.

[8] «Красная новь», 1935, № 7, стр. 231. Публикация Я. З. Черняка. См. там же и ответ Н. М. Сатина.

[9] Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена. Под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пг., 1917, стр. 166. О других фрагментах этого письма Белинского см. в гл. X настоящего обзора.

[10] Не поняв, что речь идет здесь о Н. М. Сатине, Ляцкий выразил предположение, что под литерой «С» следует разуметь Н. С. Селивановского (П, II, 382). См. далее, гл. VII.

[11] Н. М. Сатин. Отрывок из воспоминаний. — Сб. «Почин», М., 1895, стр. 240.

[12] Н. Л. Бродский. Лермонтов и Белинский на Кавказе в 1837 г. — «Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 738. В этой же статье Н. Л. Бродский дает критический разбор мемуарных высказываний Н. М. Сатина о Белинском и Лермонтове. Однако выводы, к которым приходит исследователь, далеко не всегда представляются нам убедительными. Особенно большие сомнения вызывает предложение Н. Л. Бродского «перевернуть» передаваемые Н. М. Сатиным суждения Белинского и Лермонтова о Вольтере, т. е. «защиту просветителей передать Лермонтову, а реплику по адресу Вольтера („Если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры“) — Белинскому» (стр. 738). Мобилизуемые для этого свидетельства о положительном отношении Лермонтова к «идеям просве-

щения» XVIII в. и об отрицании Белинским в 30-х годах французских просветителей вообще, а Вольтера — философа и литератора в частности, на наш взгляд, никак достоверности рассказа Н. М. Сатина об этом споре не подрывают. Как мы полагаем, предметом спора в Пятигорске был не Вольтер — великий просветитель или Вольтер-поэт, а Вольтер — политический делец, апологет «просвещенного абсолютизма», Вольтер, как человек очень невысоких моральных качеств, Вольтер — камергер Фридриха II и пенсионер Екатерины II. Вопрос именно об этом Вольтере с исключительной резкостью поставлен был в 1836 г., т. е. за несколько месяцев до спора о Вольтере между Белинским и Лермонтовым, в одной из статей Пушкина: «Вольтер во все течение долгой своей жизни,— писал Пушкин,— никогда не умел сохранить своего собственного достоинства 〈...〉 Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей».

Статья Пушкина «Вольтер», опубликованная в «Современнике» 1836 г. (кн. III, стр. 158—169), была последним словом о Вольтере, еще не утратившим своей злободневности и остроты, особенно для Лермонтова, отвергавшего, не в пример Вольтеру, ориентацию на милости двора и бросившего в стихах «На смерть поэта» вызов всей своре палачей «свободы, гения и славы», стоявшей у трона Николая I. Политические компромиссы Вольтера, его моральная нечистоплотность, его гимны просвещенным деспотам были так же неприемлемы для Лермонтова, как и для Пушкина. Вот чем объясняется и его презрительная реплика, записанная Н. М. Сатиным и столь смутившая Н. Л. Бродского. Если же мы обратимся к общественно-политическим высказываниям Белинского этой же поры, то без особого труда обнаружим в них основания его полемики с Лермонтовым. Вольтер как идеолог просвещенного абсолютизма особенно должен был занимать Белинского в ту пору, когда он, под воздействием либеральных иллюзий Станкевича и Бакунина, полагал, что «вся же надежда России на просвещение, а не на перевороты» (письмо Белинского от 7 августа 1837 г.— П, I, 91—93). Эти идеологические ошибки Белинского и обострили его защиту исторических позиций Вольтера, дискредитируемых Лермонтовым. Таким образом, гипотеза Н. Л. Бродского не подтверждается фактами. Правота Н. М. Сатина как мемуариста в этой части его рассказов о Белинском и Лермонтове остается непоколебленной.

[13] Собр. соч. и писем М. А. Бакунина, т. II, М., 1934, стр. 76—77.

[14] Неизвестные страницы письма Белинского к В. П. Боткину от 12 августа 1838 г. опубликованы с комментариями И. Л. Поливанова в сб. «Венок Белинскому», под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 51—57. Здесь же факсимиле первого листа письма. Факсимиле заключительной страницы этого же письма см. в приложениях к Соч. В. Белинского, ч. XII, М., 1862.

[15] Страницы эти опубликованы А. А. Корниловым в кн. «Молодые годы М. А. Бакунина», М., 1915, приложения, стр. 693—695. Ср. начало этого же письма в издании Ляцкого, т. I, стр. 213—221.

[16] В письме Белинского к Боткину от 24 февраля 1840 г. сохранилось упоминание о письмах, полученных им в начале года от Каткова: «Я получил от него два письма, в которых видны грусть и страдание» (П, II, стр. 64).

[17] Публикацию текста письма Белинского к Каткову и Ефремову от 6 апреля 1842 г. см. в настоящем томе, стр. 75—76.

[18] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 25—26. В комментариях к этим письмам не отмечено, что новые их строки полностью подтверждают данные воспоминаний А. Я. Панаевой о встречах Белинского с И. С. Аксаковым в доме Панаевых в 1840—1841 гг. Одной из этих встреч посвящено только что обнаруженное письмо И. С. Аксакова к родным от 28 апреля 1840 г. См. наст. том, стр. 139.

[19] Н. Пиксанов. Из письма Белинского к В. П. Боткину 1841 г. («Венок Белинскому», М., 1924, стр. 58—59).

[20] В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, под общ. ред. М. Т. Иовчука, ред. текста и комментарии В. С. Спиридонова, М., 1941, стр. 176.

[21] Записка Белинского к Достоевскому впервые опубликована В. И. Семевским в статье «Петрашевцы С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев» — «Голос минувшего», 1915, № 11, стр. 21—22. Дата знакомства Белинского с Достоевским уточняется свидетельством последнего в письме к Погодину от 26 февраля 1873 г.: «С Белинским я познакомился в июне 45-го года» («Звенья», VI, 1936, стр. 447). Письма эти остались неучтенными в последней сводке материалов о Достоевском и Белинском в книге В. Я. Кирпотина «Молодой Достоевский», М., 1947, стр. 132—162.

[22] «Дневник писателя» 1873 г.— Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. XI, М.—Л., 1929, стр. 8.

[23] Это показание печатаем полностью, по тексту, опубликованному в книге Н. Ф. Бельчикова «Достоевский в процессе петрашевцев», М.— Л., 1936, стр. 144. Выдержки из него вошли и в общий доклад генерал-аудиториата о деле петрашевцев. См. «Петрашевцы», ред. П. Е. Щеголева, т. III, М.— Л., 1928, стр. 206.

[24] «Три письма В. Г. Белинского к Н. М. Щепкину (с портретом Белинского)». М., изд. Л. Бухгейма, 1914, стр. 10. Конспекты этих писем см. в «Летописи жизни Белинского», ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 211, 214, 223. См. также настоящий том, стр. 180—182 и 188.

[25] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России (1914).— Соч., изд. 4-е, т. XX, М., 1948, стр. 223—224.

[26] В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. С пред. С. А. Венгерова, СПб., кн-во «Светоч», 1905 (серия «Избранные произведения полит. литературы», № 2), 24 стр.

[27] Собр. соч. С. А. Венгерова, т. II, Писатель-гражданин. Гоголь. СПб., кн-во «Прометей», 1913, стр. 206—217.

[28] С. А. Венгеров предпочел редакцию «Полярной звезды» и в двух принципиальных случаях. Так, например, формулировку «ослабление телесных наказаний» (список Краевского) он решительно заменил «отменением телесных наказаний» (текст «Полярной звезды»). Однако С. А. Венгеров принял наряду с этим и произвольную расшифровку в «Полярной звезде» строки «старая школа действительно сердилась на вас до бешенства», в то время как во всех дошедших до нас списках письма Белинского это место читается: «И она действительно осердилась на вас», причем «она» обозначало вовсе не «старую школу», а читающую массу, «публику», по терминологии Белинского. В одном случае С. А. Венгеров дал произвольный компромиссный текст: вм. *«ругая их неумытыми рылами»* (список Краевского) и *«учит их ругать побольше»* (текст «Полярной звезды»)—*«ругая их неумытыми рылами побольше»*. Вместо *«когда ими будет доволен царь»* (текст «Полярной звезды») и *«когда тот, который»* (список Краевского) С. А. Венгеров напечатал: *«когда ими будет доволен тот, который»*.

[29] Промах Ляцкого и Иванова-Разумника, своевременно не отмеченный и не разоблаченный, через четверть века был повторен еще в двух массовых изданиях Белинского: В. Г. Белинский. Литературно-критические статьи (избранные). Вступ. статья Вал. Полянского, комментарии С. Л. Белевицкого, М., 1936, стр. 266—267; В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения. Под общ. ред. и со вступ. статьей М. Т. Иовчука, ред. текста и комментарии В. С. Спиридонова, М., 1941, стр. 467—474. Этот же сокращенный и искаженный текст письма Белинского к Гоголю был переиздан с несущественными дополнениями в юбилейной брошюре: В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. Ред., послесловие и прим. Ф. М. Головенченко, М., 1947, откуда перешел в Собрание сочинений В. Г. Белинского, т. III, ред. В. И. Кулешова, М. 1948, стр. 707—715.

[30] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 8, СПб., 1894, стр. 596—617. Эта первая публикация списка Краевского не утратила своего значения и сейчас, ибо в ней, несмотря на некоторые редакционные сокращения, сохранились слова и строки, которые были устранены цензурой из венгеровского издания 1913 г. Отметим, например, строку в абзаце пятом о патриархах «восточных и западных», усеченную в перепечатке С. А. Венгерова (стр. 210), как и в тексте «Полярной звезды». Список Краевского в издании Н. П. Барсукова положен был в основание текста письма Белинского к Гоголю в однотомнике: В. Г. Белинский. Избранные сочинения. Вступ. статья и прим. Ф. М. Головенченко, М., 1947, стр. 615—619.

[31] Важнейшие из искажений текста зальцбруннского письма в издании Ляцкого сводятся к следующим: вместо «в грязи и навозе» он печатает: «в грязи и соре» (П, III, 231); вместо «в ее апатическом полусне» — «в ее апатическом сне» (П, III, 231); вместо «совсем не то написали бы вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему» — «совсем не то написали бы в вашей новой книге. Вы сказали бы помещику» (П, III, 232); вместо «пользоваться трудами крестьян как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном, в отношении к ним, положении» напечатано: «пользоваться их трудами, как можно выгоднее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном положении в отношении к ним» (П, III, 232); вместо «идеал которого нашли вы в словах глупой бабы в повести Пушкина и по разуму которой должно пороть и правого и виноватого» напечатано: «идеал которого нашли вы в глупой поговорке, что должно пороть и правого и виноватого» (П, III, 232); вместо «патриархи, восточные и западные» Ляцкий печатал «патриархи» (П, III, 233); вместо «оно покойно, да, говорят, и выгодно для вас» Ляцкий печатал: «оно покойно, да и выгодно» (П, III, 234); вместо «тот, который и т. д.» печатал: «царь» (П, III, 235); вместо «*И она*» — «И старая школа» (П, III, 236). Вовсе отсутствовали в тексте Ляцкого строки: «И будь из нее выключены те места, где вы говорите о себе, как писатель» (П, III, 237) и «Кого русский народ называет: дурья порода, колыханы, жеребцы?— Попов» (П, III, 233). Менее существенных промахов публикации Ляцкого, равно как и тех ошибок его, которые установлены были лишь в результате новых авторитетных списков письма к Гоголю, мы здесь не отмечаем.

[32] «Вестник Европы», 1872, № 7, стр. 439—443. В книге С. А. Венгерова публикация В. П. Чижова ошибочно приписана была А. Н. Пыпину («Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов») и определена как перепечатка из «Полярной звезды» (Собр. соч. С. А. Венгерова, т. II, стр. 202). Эта вдвойне ошибочная справка, данная, видимо, по памяти, очень подвела Д. Благого и А. Лаврецкого, в примечаниях которых к тексту письма Белинского к Гоголю было отмечено: «В России письмо

впервые могло появиться (по тексту „Полярной звезды", но с весьма значительными купюрами) только в 1872 г. в работе А. Н. Пыпина „Характеристики литературных мнений", „Вестник Европы", 1872, № 7» (Избр. соч. В. Г. Белинского, т. III, М., 1941, стр. 804). В работе А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений» («Вестник Европы», 1873, № 3, стр. 524—526) письмо Белинского дано было в самом кратком пересказе, почти без цитат, с ссылкой на публикацию В. П. Чижова. Выписки же из письма, приведенные в исследовании Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка», СПб., 1876, т. II, стр. 289—293, являлись перепечаткой той же публикации В. П. Чижова, а не «Полярной звезды». В журнальной редакции этой главы вовсе не было цитат из зальцбруннского письма («Вестник Европы», 1875, № 5, стр. 170). На публикации В. П. Чижова базировались страницы о Белинском и в работе В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в.», СПб., 1888, стр. 310—311.

[33] «Вестник Европы», 1872, № 7, стр. 441. В списке Краевского: «суде и расправе» и «идеал которой».

[34] П. И. Вишневский в книге «Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский» (Нижний-Новгород, 1912, стр. 144) клеветнически утверждал, что «не только в копии Краевского, но и в самой ранней редакции письма, как оно напечатано в „Полярной звезде" Герцена, который непосредственно от Белинского выслушал черновик зальцбруннского послания, значилось „ослабление". Уничтожением или „отменением" впервые заменил эту формулировку лишь А. Н. Пыпин в 1876 г.». Несмотря на то, что П. И. Вишневский понятия не имел о подлинной истории текста письма и все утверждения его были совершенно голословны (см., например, формулировку «отменение телесных наказаний» в «Полярной звезде», 1855, кн. I, стр. 68; там же, изд. 2-е, 1858, стр. 68), с ним поспешил полностью солидаризироваться Ю. И. Айхенвальд в «Споре о Белинском», М., 1914, стр. 26—27.

[35] «Русская старина», 1876, № 1, стр. 46—87; № 2, стр. 324—347. Несколько выдержек из этих писем см. в «Московских ведомостях», 1859, № 293. Все письма Белинского к родным, обнаруженные в архиве «Русской старины», печатаются в 57-м томе «Лит. наследства».

[36] Эта датировка подтверждается разбором и всего интимно-бытового содержания письма. См. заметку Ю. Г. Оксмана в «Учен. записках Саратовского гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 315—316. О планах организации в Москве нового общественно-литературного журнала — см. записи в дневнике М. П. Погодина (М. Поляков. Белинский в Москве, М., 1948, стр. 312).

[37] См. об этом — Соч. и письма М. А. Бакунина, М., 1934, т. II, стр. 132.

[38] Там же, стр. 416.

[39] О неточностях текста записок Белинского к А. П. Ефремову в издании Ляцкого см. выше, стр. 211. Из одиннадцати записок Белинского, отнесенных А. Н. Пыпиным и Е. А. Ляцким к 1838—1839 гг., только одна («Выезжаем в три часа ночи...») была более или менее точно приурочена к поездке Белинского «к доктору Клюшникову, в Венев, т. е. к лету 1838 г.». Эта дата может быть сейчас уточнена: 30 июня 1838 г.

[40] «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 503—524 и 497—498. Ср. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 294—296.

[41] Труды Всесоюзной библиотеки им. Ленина, сб. IV, М., 1939, стр. 209—210.

[42] А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 527, 531.

[43] Иванов-Разумник, введенный, видимо, в заблуждение опечаткой в дате цензурного разрешения четвертой книжки «Отеч. записок» (14 марта 1840 г.), отнес это письмо Белинского к «марту 1840 г.». А. А. Корнилов, оспаривая предположение Иванова-Разумника, относил отклик Белинского на статью Бакунина «О философии» к «апрелю, или, может быть, маю 1840 г.» («Молодые годы Михаила Бакунина», М., 1915, стр. 581—582). Между тем наша датировка подтверждается еще и письмом Белинского к Боткину от 16 апреля: «Статья Бакунина прекрасна ⟨...⟩ Этот человек может и должен писать — он много сделает для успехов мысли в своем отечестве» (П, II, 109).

[44] В письме Белинского от 6 февраля 1843 г. повторяется эта же формула: «Я — Прометей в карикатуре: „Отечественные записки" — моя скала, Краевский — мой коршун» (П, II, 332).

[45] А. Корнилов. Годы странствий Михаила Бакунина, Л., 1925, стр. 266. Письмо Белинского и Боткина к Бакунину написано было, вероятно, во время пребывания Боткина в Петербурге в октябре — ноябре 1842 г. (П, II, 315). Ответ Бакунина написан был, очевидно, около 12 февраля 1843 г. (Соч. и письма М. А. Бакунина, М., 1934, т. III, стр. 184). М. Н. Катков приехал из Берлина в Петербург около 22 февраля (П, II, 344).

[46] Ко времени работы над этой статьей относятся и те встречи Белинского с А. Н. Струговщиковым, Н. М. Сатиным и Я. М. Неверовым, о которых упоминается в одном из писем Герцена (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, Пг., 1915, стр. 415). О Неверове, как прототипе «магистра в синих очках», увековеченного в рассказе Герцена о политических и философских дискуссиях в квартире Панаева в 1840—1841 гг., см. в настоящем томе на стр. 92—94.

[47] Инцидент, отраженный в этих двух записках Белинского, впервые, видимо, открыл ему глаза на Краевского. Об этом свидетельствует и письмо Герцена к Кетчеру от 26 мая 1841 г.: «Краевский дурно платит Белинскому и вообще немножко schmutzig<грязноват>»(Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II,Пг., 1915,стр. 433).

[48] А. Корнилов. Годы странствий Михаила Бакунина, Л., 1925, стр. 247—248. Уточнение датировок первых писем Белинского к Тургеневу позволяет уточнить и даты писем Тургенева к великому критику. Так, например, обращение Тургенева к Белинскому с просьбой прочитать корректуру «Разговора», отнесенное Н. Л. Бродским в последнем сборнике писем Тургенева «к осени 1844 г.» (Собр. соч. И. С. Тургенева, Библиотека «Огонек», т. XI, М., 1949, стр. 63), следует датировать серединою декабря 1844 г.

[49] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 396. Ср. комментарии Ляцкого (П, II, 415).

[50] Иванов-Разумник, комментируя в 1928 г. воспоминания И. И. Панаева, в текст которых включено было это письмо, произвольно расшифровал инициалы «Ф. К.» как «Федор Корш» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, М.— Л., «Academia», 1928, стр. 456). Если иметь здесь в виду отца Е. Ф. Корша, то Белинский с ним вовсе не был знаком; если Ф. Е. Корша, то в 1838 г. он еще не родился. Принадлежность же инициалов «Ф. К.» журналисту Ф. А. Кони (1809—1879), переводчику, водевилисту и театральному критику, бывшему сотруднику «Телескопа» переселившемуся в 1836 г. в Петербург, подтверждается еще и письмом И. И. Панаева к Белинскому от 11 октября 1838 г.: «Кони говорит, что вам отослали одну статью вашу процензурованную, а другие еще в цензуре» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 200). О встречах с Белинским и Кони в Москве в июне 1838 г. вспоминает и Кольцов в письме к А. В. Никитенко (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, СПб., 1909, стр. 86). На кончину Белинского Ф. А. Кони откликнулся статьей, которая в условиях цензурно-полицейского террора 1848 г. оказалась единственной развернутой характеристикой великого критика. На страницах журнала «Пантеон» Ф. А. Кони сказал о Белинском то, что не осмелились отметить ни «Современник», ни «Отеч. записки»: «Постоянно был он проникнут духом пользы отечественной литературы, желал ей преуспеяния и очищения от обветшалых понятий и от чужеземного влияния, старался обратить ее творчество к самородным, национальным источникам, и потому нередко разбивал критическим жезлом старые кумиры, которые, держа ее в оковах, совращали с пути оригинального и самостоятельного развития. В этом стремлении, возвышенном и сознательном, состоит главная заслуга покойного. Он был если не представителем, так основателем того направления в нашей литературе, которое бог весть почему назвали „натуральною школою" неразумеющие его важного, народного значения» («Пантеон», 1848, № 6, стр. 52—53).

[51] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд 2-е, СПб., 1908, стр. 113. Ср. воспоминания А. Д. Галахова о знакомстве его с Белинским и Боткиным на одном из литературных вечеров у Н. С. Селивановского в 1835 г. («Исторический вестник», 1892, № 1, стр. 135—136).

[52] Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, Пг., 1915, стр. 427. Н. М. Сатин. Отрывок из воспоминаний.— Сб. «Почин», М., 1895, стр. 238. См. также в настоящем томе письмо Н. М. Сатина к Кетчеру от 5 июля 1841 г.

[53] В воспоминаниях И. И. Панаева и в книге А. Н. Пыпина (стр. 222) инициал «Г.» оставался нераскрытым. В примечаниях Иванова-Разумника к воспоминаниям Панаева предложена была расшифровка «Г.», как «Голицыну или Голохвастову» (стр. 456). Первый вариант должен, однако, отпасть, ибо кн. С. М. Голицын был освобожден от обязанностей председателя Московского цензурного комитета еще в 1835 г.

[54] Записки В. А. Инсарского, СПб., 1898, стр. 11.

[55] К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском. — «Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 87. Об этом самом Милановском, полностью раскрывая его фамилию, Белинский иронически упоминал в письме к Боткину от 7 ноября 1842 г. (П, II, 316). См. материалы о Константине <Соломоновиче> Милановском, товарище А. Григорьева, Я. Полонского и А. Фета по Моск. университету, в кн. Г. П. Блока «Рождение поэта», Л., 1924, стр. 104—105.

[56] Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе.— «Тургеневский сборник», ред. Н. К. Пиксанова. Пг., 1916, стр. 83—84. Об этом же П. В. Зиновьеве шла речь в письме А. И. Герцена к Белинскому от 26 ноября 1841 г. См. далее прим. 128.

[57] А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, М., 1912—1913, т. I, стр. 68—69, 151; т. II, стр. 243—244; т. IV стр. 500—501. Этих данных об А. И. Баландине нет и в новейшей справке о нем в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 34—35. Следует отметить, что А. И. Баландину подарил Белинский рукопись своей второй статьи о «Деяниях Петра Великого», бо́льшая часть которой была запрещена цензурой в 1841 г. (Полн. собр. соч. Белинского, т. XII, Л., 1926, стр. 531).

[58] Там же, М., 1913, т. II, стр. 18—19.

[59] «Тотчас же по приезде,— писал Белинский в начале декабря 1847 г. П. В. Анненкову,— услышал я, что в правительстве нашем происходит большое движение по

вопросу об уничтожении крепостного права<...> Вы помните, что несколько назад тому лет движение тульского дворянства в пользу этого вопроса было остановлено правительством с высокомерным презрением. Теперь, напротив, послан был тульскому дворянству запрос: *так ли же расположено оно теперь в отношении к вопросу?»* (П, III, 314). Это место письма Белинского в примечаниях Ляцкого осталось без всяких разъяснений. Между тем Белинский имел в виду совершенно конкретные факты — официальную записку, поданную в начале 1844 г. тульскому губернатору группой дворян во главе с П. Н. Мясновым, М. П. Болотовым и Н. Н. Татищевым о желании их освободить принадлежащих им крестьян с наделом по одной десятине на ревизскую душу с тем, чтобы особое налоговое обложение с крестьян по 3 руб. сереб. с каждой десятины обращено было на погашение дворянской задолженности в кредитных учреждениях. Проект этот был отвергнут, но в середине 1847 г. тульский губернатор обратился по повелению Николая I к предводителю дворянства Тульской губ. с предложением тульским дворянам конкретизировать проекты освобождения их крестьян (В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России, СПб., 1888, т. II, стр. 238—254).

[60] История приема Николаем I делегации смоленского дворянства 17 мая 1847 г. освещена в официальном письме участника делегации Фонтон-де-Верайона к кн. Друцкому-Соколинскому («Русская старина», 1873, № 10, стр. 910—914). С некоторыми отличиями этот же эпизод освещен на основании других документальных данных в книге А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время», т. II, СПб., 1882, стр. 276—280. Версия Белинского более близка к материалам А. П. Заблоцкого-Десятовского.

В этом же письме Белинский делился с друзьями теми «справками» о деле Шевченко, которые ему удалось добыть в Петербурге (П, III, 318—320). Справки, полученные Белинским, носили сугубо официальный характер и даже в своей эмоциональной окраске почти полностью восходили к секретной докладной записке гр. А. Ф. Орлова, представленной Николаю I после окончания дознания по делу «тайного Украино-Славянского общества св. Кирилла и Мефодия» («Рус. архив», 1892, № 7, стр. 341—342). Как мы полагаем, составителем этой записки был М. М. Попов, об активном участии которого в деле Шевченко свидетельствуют и другие документы III Отделения («Былое», 1906, № 8, стр. 6. Ср. «Україна», 1925, № 1—2, стр. 51—99). Перу этого самого М. М. Попова, которого Белинский знал еще в пору своего пребывания в Пензенской гимназии, принадлежали не только важнейшие докладные записки, выходившие из недр III Отделения, но и такие ценные сводки, как первый обзор материалов III Отделения о Пушкине («Рус. старина», 1874, № 8, стр. 691—694), публикация документов о тайной политической агентуре 1821—1826 гг. («Рус. архив», 1875, № 12, стр. 423—438), а также свод секретных документальных и мемуарных данных — «Конец и последствия бунта 14-го декабря 1825 г.» (сб. «О минувшем», СПб., 1909, стр. 110—121). Биографические сведения о М. М. Попове см. в его некрологе («Голос», 1871, № 11), а также в «Полн. собр. соч. И. И. Лажечникова», т. XII, СПб, 1900, стр. 258—259; в воспоминаниях М. И. Семевского («Рус. старина», 1882, № 11, стр. 435) и в записках К. Н. Лебедева («Рус. архив», 1910, т. III, стр. 354). О нем же см. «Рус. биограф. словарь», том «Плавильщиков — Прима», СПб., 1915, стр. 553. Данные, извлеченные из «Формулярного списка о службе тайного советника Попова», см. далее, прим. 110.

[61] Степан Алексеевич Маслов (1793—1879) — доктор этико-политических наук Московского университета, автор многочисленных статей по вопросам агрономии, животноводства, свекло-сахарной промышленности, шелководства и пр. Статья С. А. Маслова «Жар и жатва хлеба» («Моск. ведомости», 1846, № 103, от 27 августа), характеризовавшая изнурительные условия труда женщины-крестьянки, очень сочувственно отмечена была Белинским во «Взгляде на русскую литературу 1846 г.», как произведение, за которое «почтенного автора благословит всякий друг человечества». О давнем личном знакомстве Белинского с С. А. Масловым свидетельствует фамильярная реплика последнего о «Виссарионе» в его беседе с М. А. Языковым (П, III, 314—315). Апологетическая характеристика С. А. Маслова дана в брошюре Д. Н. Толстого «С. А. Маслов», М., 1879.

[62] К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.— «Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 88. Со слов И. И. Маслова, умирающий Белинский услыхал, вероятно, о работах по укреплению Петропавловской крепости, что дало ему повод очень зло сострить: «Это из боязни, чтобы я ее не взял» (там же, стр. 95).

[63] Письмо Белинского к Герцену от 26 января 1845 г., документально устанавливавшее факт непосредственного воздействия статьи Маркса «К критике гегелевской философии права» на Белинского, впервые дало материал для утверждения (правда, в самой общей форме) о знакомстве Белинского с идеями Маркса еще в «Истории русской критики» И. И. Иванова, ч. III, СПб., 1900, стр. 325—326. В библиотеке Белинского сохранился и тот самый экземпляр «Немецко-французского ежегодника» («Deutsch-Französische Jahrbücher, herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx», Paris, 1844), которым пользовался великий критик, изучая статью Маркса

(см. Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 569). Развитием положений этой же статьи Маркса явилась характеристика церкви как «опоры кнута и угодницы деспотизма» в знаменитом письме Белинского к Гоголю.

[64] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, М.— Л., 1938, стр. 385.

[65] Связь статьи В. П. Боткина «Германская литература в 1843 г.» (Соч. В. П. Боткина, т. II, СПб., 1891, стр. 255—259) с брошюрой Энгельса «Шеллинг и откровение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. II, М., 1931, стр. 114—116) впервые была отмечена в «Летописях марксизма», 1928, № 6, стр. 47. Ср. В. Шульгин. О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса.— «Историк-марксист», 1940, № 7, стр. 82—92.

[66] «В. Г. Белинский, его жизнь и переписка», изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 507.

[67] Именно Прудона имел в виду Белинский, когда характеризовал некоторые первоисточники известной статьи В. А. Милютина «Мальтус и его противники» («Современник», 1847, №№ 8 и 9). Мы имеем в виду его отзыв о В. А. Милютине в письме к Боткину от 5 ноября 1847 г.: «Из его статьи о Мальтусе ты мог видеть, что он следит за наукою, и что его направление дельное и совершенно гуманное, без прекраснодушия» (П, III, 272). Правильность нашей расшифровки этих строк Белинского подтверждается только что опубликованным С. А. Макашиным письмом Боткина от 22 августа 1847 г. к Некрасову: «Статью ⟨Милютина⟩ о Мальтусе я не успел прочесть, но слышал от людей знающих, что она не дурно составлена; большая часть ее переведена из книги Прудона „Contradictions économiques ou la Philosophie de la misère", и выписки сделаны удачно» (С. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография. I, М., 1949, стр. 461). Однако самая постановка вопроса об отношении Белинского к автору «Философии нищеты» требует учета очень близких Белинскому положений о Прудоне как идеологе мелкой буржуазии, развитых в письме К. Маркса к П. В. Анненкову от 28 (16) декабря 1846 г. Отмечая, что единственным пунктом, в котором он может как-то солидаризироваться с Прудоном, является отвращение последнего «к социалистической сентиментальности», К. Маркс с еще большей резкостью далее утверждал, что, подобно Прудону, и он сам «вызвал много неприязни к себе тем, что высмеивал социализм овечий, сентиментальный, утопический» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. V, М., 1929, стр. 293). Эти признания К. Маркса в письме к Анненкову являлись для Белинского лучшим подтверждением правильности той политической линии, которая определилась и в его борьбе с абстракциями французского и русского утопического социализма. В полемике с В. Н. Майковым, Луи Бланом и Пьером Леру особенно обострилось неприятие Белинским антинародных концепций «безродных космополитов», «добродетельных ослов», «этих насекомых, вылупившихся из навозу, которым завален задний двор гения Руссо» (III, 165). Имя Прудона в связи с Белинским в мемуарной литературе о критике сочетается только однажды. Так, Достоевский, вспоминая вечера у Белинского в 1846—1847 гг., отмечал, что очень много тогда «толковалось» о писаниях Жорж-Занд, Кабе, Пьера Леру и Прудона: «Этих четырех, сколько припомню, всего более уважал тогда Белинский» (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. XI, М.— Л., 1929, стр. 8). Статья Н. К. Михайловского «Прудон и Белинский» («Отеч. записки», 1875, № 11; перепеч. в Полн. собр. соч. Н. К. Михайловского, т. III, изд. 4-е, СПб., 1909, стр. 639—685) механически объединяла отклики критика на два новых издания — письма Прудона и труд А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка». Ни о каких конкретных исторических связях Белинского и Прудона в статье Н. К. Михайловского не было и речи.

[68] Л. Р. Ланский. Библиотека Белинского.—«Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 562—564. Попутное упоминание о «литературных признаниях» вроде «Confessions» Руссо см. в рецензии Белинского на сборник «Сто русских литераторов» (VI, 234).

[69] Полн. собр. соч. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1901, стр. 514.

[70] См. «Русская старина», 1904, № 4, стр. 196—197.

[71] «Т. Н. Грановский и его переписка». М., 1897, т. II, стр. 386.

[72] «Русская старина», 1904, № 6, стр. 582; А. В. Никитенко. Записки и дневник. т. I, СПб., 1904, стр. 317.

[73] В. Л. Комарович. Идеи французских социальных утопий в мировоззрении Белинского.— Сб. «Венок В. Г. Белинскому», М., 1924, стр. 263. В своей характеристике Леру и его эпигонов В. Л. Комарович, к сожалению, не учитывает известного письма К. Маркса к Фейербаху от 20 октября 1843 г. о непонимании «гениальным Леру» борьбы левых гегелианцев с «философией откровения» Шеллинга (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, М., 1938, стр. 511). На эти же ошибки «Леру и ему подобных» Белинский впоследствии реагировал очень резко: «Я имел случай,— писал он Боткину 17 февраля 1847 г.,— вновь полюбоваться нахальною недобросовестностию, свойственною французам, и вспомнил Пьера Леру, который, обругав Гегеля, восхвалил Шеллинга, предполагая в последнем своего союзника» (П, III, 173—174).

[74] «Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною ценсурою с 1815 по 1853 г. включительно», СПб., 1855, стр. 108.

[75] «Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 361.

Автором стихотворения «Петр Великий» («Отеч. записки», 1842, № 7, стр. 152—154), подписанного инициалами «Л. П.», был, возможно, не Л. С. Пушкин, как предполагал Тургенев, а М. В. Юзефович, знакомец обоих Пушкиных по Кавказу. См. данные об автографе этого стихотворения в статье М. В. Нечкиной «Лев Пушкин в восстании 14-го декабря 1825 г.».— «Историк-марксист», 1936, № 3, стр. 85—100.

[76] Пятитомная работа Луи Блана «Histoire de dix ans» (1841—1844 гг.), воспринятая читателями как самый грозный обвинительный акт против Орлеанской монархии и диктатуры буржуазии во Франции, вызвала горячий отклик в дневнике Герцена как раз в пору пребывания Белинского летом 1843 г. в Москве, что и дает нам право предполагать о беседах их об этой книге (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. III, СПб., 1915, стр. 113—114 и 117—118). Очень характерны и свидетельства воспоминаний П. В. Анненкова об увлечении Белинского писаниями Луи Блана в 1843 г. (П. В. Анненков. «Литературные воспоминания», Л., 1928, стр. 304).

[77] Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXI, М., 1932, стр. 143.

[78] Воспоминания А. Я. Головачевой-Панаевой, гл. VIII («Исторический вестник», 1889, № 4, стр. 38—39). Перепечатано без оговорок в пяти новейших изданиях «Воспоминаний Авдотьи Панаевой (Е. Я. Головачевой)», вступ. статья, ред. текста и прим. К. Чуковского (изд. 1-е — Л., «Academia», 1927; изд. 5-е— М., ОГИЗ, 1948).

[79] «Летопись жизни Белинского», М., 1924, стр. 214—215.

[80] Там же, стр. 215. Письмо Некрасова к Белинскому мы относим к 15—20 сентября 1846 г. потому, что оно, во-первых, лишь на несколько дней могло предшествовать письму Панаева к Кетчеру от 26 сентября (П, III, 360), и, во-вторых, потому, что возможность соглашения Некрасова и Панаева с Плетневым определилась не раньше 10 сентября. Традиционная датировка анализированного нами письма Некрасова к Белинскому «концом октября» (Собр. соч. Н. А. Некрасова, т. V, М.— Л., 1930, стр. 68. Ср. Н. С. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М., 1935, стр. 73) не выдерживает никакой критики. Отметим, кстати, что все исследователи «Современника» упускают из виду, что план организации нового большого общественно-политического и литературного журнала во главе с Белинским определился в кружке не позже октября 1845 г., когда Некрасов вынужден был разорвать свои отношения с Краевским и уйти из обеспечивавшей его «Литературной газеты». Передача газеты в конце 1845 г. в руки Полевого — литературного врага Белинского и всей натуральной школы — не могла не форсировать и давно принципиально решенного ухода великого критика из изданий Краевского, тем более, что Некрасов сразу же взял на себя создание материальной базы для Белинского на весь переходный период (издание альманаха «Левиафан», затеянного Белинским, и «Стихотворений Кольцова» под редакцией Белинского). Инициативная роль Некрасова в создании новой журнальной трибуны для Белинского определилась, таким образом, задолго до взятия в аренду «Современника».

[81] Вопрос об апокрифичности письма Белинского, включенного в воспоминания А. Я. Панаевой, в самой общей форме впервые был поставлен в книге В. Е. Евгеньева-Максимова «Современник в 40—50-х годах», Л., 1934, стр. 35. Догадка В. Е. Максимова была, однако, настолько поверхностно аргументирована, что В. С. Спиридонов счел возможным с ней не считаться и включил это мнимое письмо Белинского к Панаеву в свою сводку «Главнейшие даты жизни и творчества В. Г. Белинского» (В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, под общ. ред. М. Т. Иовчука, ред. текста и комментарии В. С. Спиридонова, М., 1941, стр. 481).

[82] Аргументация Ляцкого, несмотря на всю свою примитивность, принята была и Н. Л. Бродским, который счел фальшивку из «Марева» подлинным письмом Белинского (сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 75). Справка Н. Л. Бродского о том, что Ляцкий «обосновал» в данном случае предположение Пыпина, несколько неточна, ибо Пыпин, регистрируя письмо «Б.» в «Мареве», снабдил это указание в библиографическом приложении к своей книге двумя вопросительными знаками («Белинский, его жизнь и переписка», СПб., 1876, т. I, стр. XI).

[83] Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. XIII, Пг., 1919, стр. 22—24.

[84] Н. М. Сатин. Отрывок из воспоминаний.— Сб. «Почин», М., 1895, стр. 240.

[85] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 261—267.

[86] Там же, стр. 267—270. Разрядка Сатина. Для уяснения всех формулировок этого письма необходимо сопоставить их с тем пересказом «Переписки двух друзей», который Белинский дает в письме к М. А. Бакунину от 1 ноября 1837 г. Планируя эту статью, Белинский между прочим отмечал: «Что же касается до представителя жизни духа, то это не будет ничей портрет: это будут мои премухинские статьи, но только глубже перечувствованные и лучше понятые» (П, I, 138).

[87] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 267.

[88] Там же, стр. 92—93.

[89] «Разбор повестей Н. Ф. Павлова» как особая статья Белинского, посланная в редакцию «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», но в последнем не напечатанная, отмечен Венгеровым в специальном перечне не дошедших до нас произведений Белинского (III, 186). Ошибку Венгерова повторила А. А. Ромодановская, произвольно отделившая в своих примечаниях к письму Краевского от 19 января 1837 г. «отзыв Белинского о повестях А. Мухина» от «рецензии Белинского о Павлове» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 103). Для статьи о Павлове в 1837 г. не было и внешнего повода. Его первая книга повестей вышла в свет в 1835 г., а вторая — в 1839 г. Сам Белинский был не очень удовлетворен своей статьей о Мухине. Посылая ее 14 января 1837 г. Краевскому, он писал: «Посылаю вам статейку — не знаю, как вам покажется: писал кое-как, наскоро» (П, I, 66).

[90] Полн. собр. соч. А. С. Пушкина, изд. АН СССР, т. XVI, М.— Л., 1949, стр. 212. Ср. Б. Л. Модзалевский. *Библиотека А. С. Пушкина* (Библиографическое описание), СПб., 1910, стр. 66: «Повести Александра Мухина. Молитвенник. Графиня Зиновия. Танцовщица. Москва. В типографии Авг. Семена. 1836. В 8-ую д. л. (всего 318 страниц)».

Произвольное утверждение, что «Александр Мухин есть только псевдоним», вкраплено в резко отрицательный отзыв о его повестях в «Библ. для чтения», 1837, кн. 2 (февраль), отд. VI, стр. 42—44. До публикации «Повестей» А. Мухин выпустил в свет брошюру «Мысли о причинах упадка кредита в дворянском сословии», М., 1831. Об отношениях Белинского и Нащокина см. П, II, стр. 42, 51—52, 201 и «Переписка Пушкина», СПб., 1911, т. III, стр. 325 и 396.

[91] «Звенья», III—IV, 1934, стр. 879—884. Н. С. Селивановский (род. 25 ноября 1806, ум. 15 марта 1852) был владельцем типографии, в которой печатался «Телескоп», и ведал рассылкой журнала подписчикам. В одном доме с ним (против Страстного монастыря, д. Римского-Корсакова) некоторое время жил Н. И. Надеждин, поселивший у себя в августе 1834 г. Белинского (П, I, 59). Как ближайший сотрудник «Телескопа» и «Молвы», как секретарь и заместитель Надеждина, Белинский сразу же, вероятно, установил деловые отношения с Селивановским, перешедшие в 1835 г. и в более близкое личное знакомство. На литературных вечерах Н. С. Селивановского Белинский познакомился с Н. А. и К. А. Полевыми, В. П. Боткиным, А. Д. Галаховым, а несколько позднее — с М. С. Щепкиным и П. С. Мочаловым («Исторический вестник», 1892, № 1, стр. 135—136; «Русская старина», 1894, № 1, стр. 9—10; П, I, 63, 103, 118, 138—139; II, 208; А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 113 и 125—126).

[92] Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, под ред. и с прим. А. И. Лященко, СПб., 1909, стр. 182—185. Время выезда Кольцова из Москвы, таким образом, должно быть определено первыми числами июля, а не июня 1838 г. Правильность этой передатировки письма его к Белинскому подтверждается и тесной связью письма Кольцова от 15 июля со следующим письмом его к Белинскому от 27 июля 1838 г. Предположение, что между этими письмами возможен полуторамесячный интервал, мало правдоподобно.

[93] «Литературная мысль», кн. II, Пг., 1923, стр. 180. В архиве Аксаковых должны храниться материалы, о которых в начале 1873 г. шла переписка между И. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариным, К. Д. Кавелиным и А. Н. Пыпиным. Отвечая отказом на просьбу Пыпина о предоставлении ему для работы о Белинском переписки К. С. Аксакова, И. С. Аксаков сообщал, что в его распоряжении находится черновик письма, в котором «очень колко и метко определялся характер деятельности Белинского. Белинский отвечал с пеною у рта. Сколько помнится, брат не остался в долгу. Его писем у меня нет, кроме чернового, с характеристикою Белинского; но точно ли в таком виде оно было послано — не знаю; вероятно, оно было распространено и дополнено» («Из переписки деятелей Академии Наук», Л., 1925, стр. 74). Не идет ли здесь речь о недавно опубликованном письме К. С. Аксакова к Белинскому от 12 января 1840 г.? («Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. IV, М., 1939, стр. 205).

[94] Именно эти письма имел в виду Герцен, извещая М. Ф. Корш 22 июля 1858 г. о получении им из Москвы части своих бумаг: «Между ними есть десяток от Белинского» («А. И. Герцен. Новые материалы», М., 1927, стр. 83).

[95] Полн. собр. соч. А. И. Герцена, т. XII, Пг., 1919, стр. 305; т. II, Пг., 1915, стр. 205, 255—256.

[96] «Русская мысль», 1889, № 1, стр. 9.

[97] «Звенья», II, 1933, стр. 364.

[98] «Русская мысль», 1889, № 1, стр. 12.

[99] Полн. собр. соч. А. И. Герцена, т. XIV, Пг., 1920, стр. 751.

[100] Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. III, Пг., 1915, стр. 55, 96, 106, 238.

[101] Там же, стр. 389, 327—328. М. К. Лемке, упустив из виду, что письмо Белинского, которое Герцен цитирует в своем дневнике от 17 мая 1844 г., отмечается и в «Былом и думах», ошибочно полагал, что первые биографы Белинского пользовались этим источником лишь «со слов» кого-либо из друзей Герцена (там же, стр. 373).

[102] Там же, т. XIII, Пг., 1919, стр. 149.

[103] Там же, т. III, Пг., 1915, стр. 344—345. Очень характерны в этом отношении строки письма А. Я. Панаевой к Белинскому от 6 августа 1845 г. из Москвы:

«Герцен вам очень кланяется. У вас с ним, говорят, была переписка на счет К. Серг. ⟨Аксакова⟩ несколько щекотливая. Не знаю, как вы, — но у Герцена не осталось ни малейшей горечи к вам. Он любит вас крепко» («Белинский и его корреспонденты», М., 1948, с. 219).

[104] Белинский писал в эти годы В. П. Боткину очень редко. Содержание этих писем (особенно точно — письма от 17/29 июня 1844 г.) позволяет отчасти установить ответные письма Боткина — от 6 июня и 6 августа 1844 г. и от 6 июля 1845 г. («Литературная мысль», кн. II, Пг., 1923, стр. 185—188). В письме В. П. Боткина к Белинскому от 31 октября 1840 г. сохранилась приписка В. И. Красова с горячей благодарностью за его «милое, доброе, элегическое послание» (стр. 176). Однако это «послание», как, впрочем, и все письма Белинского к Красову, до нас не дошло.

[105] «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским». СПб., 1846. Изд. Н. Некрасова и Н. Прокоповича. (X, 262—263, 265—272, 274—276. Ср. примечания к этой статье — XIII, 328—330). Все разновременно опубликованные письма Кольцова к Белинскому (числом 32) объединены в третьем изд. академического Полн. собр. соч. А. В. Кольцова. Под ред. и с прим. А. И. Лященко. СПб., 1911.

[106] Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857, стр. 106—107 и 174—176 (второй пагинации).

[107] «Полярная звезда на 1855 г.», кн. I, стр. 65—75; там же, изд. 2-е, 1858, стр. 66—76. По автографу, отобранному при аресте у Н. Ф. Павлова и сохранившемуся в архиве III Отделения, письмо Гоголя к Белинскому от 10 августа 1847 г. опубликовано было впервые, с приложением факсимиле, в «Красном архиве», т. III, 1923, стр. 309—312.

[108] «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем». Т. II, СПб., 1856, стр. 106—113. Письма Гоголя к Белинскому, имя которого находилось еще под запретом, определялись в этом издании, как письма к «критику».

[109] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 30—31, 48, 51, 103—104, 121, 122, 124, 126—128, 181—186, 209, 216, 220—221, 225. 239—241, 328—336, 399—404, 409—410, 413, 568—569.

[110] «Русская старина», 1882, № 11, стр. 434—435. Как свидетельствует формулярный список тайного советника М. М. Попова (1800—1871), он оставил преподавание в Пензенской гимназии 7 апреля 1831 г., после чего определен был на службу в Департамент внешней торговли по судному отделению. 16 декабря 1833 г. Попов переведен был обер-аудитором в штаб отдельного корпуса внутренней стражи, а 11 февраля 1835 г. — на ту же должность в штаб корпуса жандармов. 14 ноября 1839 г. Попов причислен был к III Отделению на правах старшего чиновника особых поручений, и в этой должности оставался до выхода в отставку 10 февраля 1865 г. (ЦГИА, фонд III Отд., 2-я эксп., 1865, д. № 76, лл. 8—21). О М. М. Попове как авторе важнейших секретных сводок III Отделения см. выше прим. 60. Очень характерна докладная записка М. М. Попова от 24 марта 1857 г. на имя шефа жандармов о беседе его с министром юстиции графом В. Н. Паниным по поводу мероприятий, которые могли бы лучше обеспечить борьбу с нелегальным распространением в России лондонских изданий Герцена.

Поводом для этого совещания являлась публикация в «Полярной звезде на 1855 г.» письма Белинского к Гоголю и статьи В. А. Энгельсона «Что такое государство» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 236—237).

[111] М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 174—176.

[112] П. Щ⟨еголев⟩. Эпизод из жизни В. Г. Белинского. — «Былое», 1906, № 10, стр. 280—287.

[113] В начале июня 1842 г. Н. П. Огарев, приехав в Новгород к Герцену, познакомил его с Фейербахом. Прочитав первые страницы «Сущности христианства», Герцен, по его собственным словам, «вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказания, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в мифы!» («Былое и думы», ч. IV, гл. 25. — Полн. собр. соч. и писем, т. XIII, Пб., 1919, стр. 20). Рассказ П. В. Анненкова о том, как Герцен пропагандировал в Москве свое толкование книги Фейербаха, смело связывая «открытый ею переворот в области метафизических идей с политическим переворотом, который возвещали социалисты» («Лит. воспоминания», Л., 1928, стр. 431), может быть датирован временем не ранее июля — августа 1842 г., ибо Герцен возвратился в Москву из новгородской ссылки лишь в середине июля 1842 г. 15 августа 1842 г. Герцен отмечал в своем дневнике: «Философия германская выступает из аудитории в жизнь, становится социальна, революционна, получает плоть и кровь и след. прямое действие в мире событий. Тут видны, ясны большие шаги в политическом воспитании» (Полн. собр. соч. и писем, т. III, Пг., 1915, стр. 38—39). Об отношении к Герцену в эту пору Боткина свидетельствует письмо последнего к Белинскому от 17 сентября 1842 г.: «С Г⟨ерценом⟩ вижусь часто и все больше и больше учусь любить этого человека. Мое прежнее понятие о нем лежало лишь в моей ограниченности и в гнилом остатке бессознательной

романтики. Авось убежду его дать в „О. З.“ статью „О дилетантах философии“. Превосходная штука — словно самая свежая, ароматная устрица» («Лит. мысль», 1923, кн. II, стр. 182).

О неослабевающем интересе членов кружка Белинского к писаниям Фейербаха (Белинский произносил: «Фиербах») свидетельствуют и воспоминания Достоевского, наблюдения которого относились к 1845—1846 гг. (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. XI, М.—Л., 1929, стр. 8—9). В своей остро критической интерпретации механистического материализма Фейербаха Белинский полностью солидаризировался с Герценом.

114 Вопрос о Белинском и Боткине в специальной литературе до сих пор глубоко не рассматривался. Исследователи останавливались лишь на интимно-бытовых подробностях, без учета необычайно сложных политических и философско-литературных взаимоотношений Белинского с Боткиным. Краткая сводка основных мемуарных и эпистолярных данных о Белинском и Боткине дана в книге С. Ашевского «Белинский в оценке его современников», СПб., 1911, стр. 228—231. Несмотря на то, что эта сводка давно устарела, она гораздо более удовлетворительна, чем наивный пересказ случайных данных о Боткине и Белинском в статье Н. И. Пруцкова «В. П. Боткин и литературно-общественное движение 40—60-х годов XIX ст.» («Уч. записки Грозненского педагогического института», Филологическая серия, № 3, 1947, стр. 58—89).

115 «Лит. мысль», 1923, кн. II, стр. 173—191. Все 19 писем Боткина к Белинскому, опубликованные в этом издании, в отличие от публикаций Ляцкого, были снабжены специальными примечаниями. К сожалению, в последние вкралось немало погрешностей. Так, например, в библиографический перечень дошедших до нас писем Боткина к Белинскому (стр. 173) ошибочно включено было, во-первых, письмо Белинского к Боткину от 16 апреля 1840 г. (П, II, 102—103; первоначально в книге Пыпина, стр. 299) и, во-вторых, письмо Боткина к Краевскому от 14 марта 1842 г. («Отчет Публичной библиотеки за 1889 г.», прилож., стр. 45). Письмо же Боткина к Белинскому от 22—23 марта 1842 г. (частично опубликовано Пыпиным, стр. 400—404, а полностью Ляцким) учтено было как два письма.

116 «Переписка Н. В. Станкевича. 1837—1840». Ред. и изд. А. Станкевича, М., 1914, стр. 408—418, 616—617, 620, 622—623. Записка Станкевича к Белинскому, относимая нами к концу января 1839 г., тематически совпадает с письмом Станкевича к Боткину от 25 января 1839 г. (там же, стр. 494).

117 «Русская мысль», 1911, № 6, отд. II, стр. 42 (цитируем не полностью). Это письмо Надеждина (единственное из дошедших до нас его писем к Белинскому) выпало из поля зрения биографов как Белинского, так и Надеждина. О нем нет упоминаний ни в книге Н. К. Козмина «Н. И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность», СПб., 1912, ни в библиографической сводке материалов о «Телескопе» в справочнике А. В. Мезьер «Словарный указатель по книговедению», Л., 1924, стр. 319—320 и 841. Оно не учтено и в новейшей монографии М. Я. Полякова «Белинский в Москве» (М., 1948), несмотря на то, что специальная глава этой монографии (четвертая) посвящена вопросу «Телескоп в борьбе с Московским наблюдателем» (стр. 177—208), а в специальном разделе следующей главы (пятой) рассматриваются отношения Белинского и Надеждина к Чаадаеву и история публикации «Философического письма» (стр. 247—254). См. далее прим. 126.

118 «Переписка Н. В. Станкевича». М., 1914, стр. 621. «Письмо Генваря» ⟨т. е. Януария Неверова⟩, отмечаемое Станкевичем, до нас не дошло. О своевременном получении в Премухине письма Неверова (с предупреждением Белинского о возможности привлечения его к дознанию о «Философическом письме») свидетельствует прежде всего письмо Бакунина к Неверову от 4 ноября 1836 г.: «Белинскому я передал Ваше письмо, он Вам будет отвечать» (Собр. соч. и писем М. А. Бакунина, М., 1934, т. I, стр. 357). В письме Станкевича к Бакунину от 7 ноября 1836 г. об этом же отмечалось: «Дурак Ржевский! ⟨...⟩ Представь: приехавши ⟨из Петербурга⟩, он обещался быть у меня, но явился на 3-й день по моей просьбе, ибо мне хотелось узнать о письме Генваря к Белинскому» («Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 623). Письмо С. С. Уварова к Бенкендорфу от 27 октября 1836 г. о Белинском опубликовано в книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 415—416.

119 «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 624.

120 Письмо Белинскому от неизвестного «друга», опубликованное А. А. Корниловым («Русская мысль», 1911, № 6, отд. II, стр. 43), тесно связано с письмом Н. В. Станкевича к Белинскому и Бакунину, отмеченным нами выше. Судя по точным данным о «посылке с одеждою и книгами» и о состоянии квартиры Белинского после обыска в ней, автор письма принадлежал к ближайшему окружению Белинского. Это скорее был Д. П. Иванов, чем Кетчер, гипотезу о принадлежности которому письма «друга» высказал А. А. Корнилов и неосторожно популяризировали составители «Летописи жизни Белинского» в 1924 г. (стр. 249). Ввиду большого интереса этого конспиративного письма, местонахождение автографа которого в настоящее время неизвестно, перепечатываем его полностью:

«Любезный Виссарион! Посылка с одеждою и книгами, посланная к тебе уже с месяц назад тому, находится в Торжке: в Гостином ряду, в овощной лавке у купца Алексея Васильевича Зайцева.

Писем к тебе послано много, но из твоего видно, что ты не получал их. Причина этого для тебя разрешится скоро, по получении другой посланной уже посылки и писем.

Нужно знать содержание писем, посылаемых к тебе, а потому они и не отсылаются к тебе; бумаг твоих нет дома: нужно знать их содержание...

Думаем, что если ты не приедешь скоро сам, то тебе необходимо будет ехать по требованию...

За большое событие сочтем, если дойдет до тебя и это письмо.

Мы все здоровы и благополучны. Прощай! Желаем тебе всякого благополучия и счастья, если несчастье какое-нибудь не постигло тебя.

Друг.

№ 26».

Под впечатлением этого анонимного письма Белинский выехал в Москву один, а не вместе с Бакуниным, как это ими предполагалось прежде (см. Соч. Бакунина, 1934, т. I, стр. 358). Бакунин же прибыл в Москву не раньше первых чисел декабря, так как его письмо к сестрам с отчетом о поездке и о первых впечатлениях в Москве (очень многозначительны в нем успокоительные строки: «Белинский здоров») датировано 8 декабря 1836 г. (там же, стр. 361—362). К 11 декабря 1836 г. должно быть отнесено письмо Бакунина к А. А. Беер, ошибочно приуроченное в последнем издании сочинений Бакунина к 11 ноября 1836 г. (т. I, стр. 358—360). Эта ошибка, судя по самому содержанию письма, объясняется опиской в его автографе.

[121] А. Б. «Письмо к издателю» («Современник», 1836, т. III, стр. 327—328). Белинский, зная эти строки, не подозревал о принадлежности их самому Пушкину. Тождество Пушкина и «А. Б.» установлено было лишь в работах В. П. Красногорского «Новая статья Пушкина» (сб. «Наш труд», 1924, № 2) и Ю. Г. Оксмана «„Письмо к издателю“ в „Современнике“ 1836 г.» («Атеней», 1924, кн. I—II). Однако какие-то устные положительные отзывы Пушкина о Белинском до последнего все-таки дошли. Так, например, в письме от 20 апреля 1842 г. к Гоголю Белинский отмечал: «Меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастию, дошедших до меня из верных источников» (П, II, 310). Этим «верным источником» был прежде всего П. В. Нащокин, через которого Пушкин 27 мая 1836 г. распорядился передать Белинскому экземпляр первой книжки «Современника» с просьбой «сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться». В октябре 1836 г. Пушкин вновь писал Нащокину о Белинском. Это письмо до нас не дошло, но о содержании его мы можем судить по ответу Нащокина. См. выше, стр. 234, а также прим. 124.

[122] Статья Пушкина «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» («Современник», 1836, т. III, стр. 94—106) представляла собою резкую отповедь на выступление М. Е. Лобанова 18 января 1836 г. в торжественном заседании Российской Академии. В своей речи М. Е. Лобанов, останавливаясь на «духе и направлении нашей словесности», обращал внимание на «совершенную безотчетность, бессовестность, наглость и даже буйство» тех литературно-критических приговоров, которые с некоторого времени стали отличительными чертами русской журнальной критики. Не называя прямо имени Белинского, М. Е. Лобанов так прозрачно апеллировал к общеизвестным идеологическим установкам, к репутации и к самой манере письма молодого критика, что персональная направленность основных частей его статьи не вызывала никаких сомнений: «Приличие, уважение, здравый смысл отвергнуты, забыты, уничтожены,— вещал Лобанов.— Романтизм, слово до сих пор не определенное, но слово магическое, сделался для многих эгидою совершенной безотчетливости и литературного сумасбродства. Критика, сия кроткая наставница и добросовестная подруга словесности, ныне обратилась в площадное гаерство, в литературное пиратство, в способ добывать себе поживу из кармана слабоумия дерзкими и буйными выходками, нередко даже против мужей государственных, знаменитых и гражданскими и литературными заслугами. Ни сан, ни ум, ни талант, ни лета, ничто не уважается». М. Е. Лобанов прежде всего здесь имел, конечно, в виду тот принципиальный протест против «детского благоговения к авторитетам», который был прокламирован в «Литературных мечтаниях»: «У нас еще и по сию пору царствует в литературе какое-то жалкое детское благоговение к автор<итет>ам,— писал Белинский,— мы и в литературе высоко чтим табель о рангах и боимся говорить вслух правду о высоких персонах. Говоря о знаменитом писателе, мы всегда ограничиваемся одними простыми возгласами и надутыми похвалами; сказать о нем резкую правду у нас святотатство. И добро бы еще это было вследствие убеждения! Нет, это просто из нелепого и вредного приличия или из боязни прослыть выскочкою, романтиком» («Молва», 1834, № 45). А между тем, продолжал Белинский, «что за блаженство, что за сладострастие души, сказать какому-нибудь гению в отставке без мундира, что он смешон и жалок со своими детскими претензиями; сказать какому-нибудь ветерану, что он пользуется своим авторитетом в кредит, по старым воспоминаниям или

по старой привычке; доказать какому-нибудь литературному учителю, что он близорук, что он отстал от века и что ему надо переучиваться с азбуки» («Молва», 1834, № 50).

М. Е. Лобанов и лично не раз был больно задет Белинским. Напомним хотя бы рецензию последнего на трагедию Лобанова «Борис Годунов»: «Грустно видеть человека, может быть, с умом, с образованием, но заматеревшего в устаревших понятиях и застигнутого потоком новых мнений! Он трудится честно, добросовестно, а над ним смеются; он никого не понимает и его никто не понимает. Не могу представить себе ужаснейшего положения!» («Молва», 1835, № 23). А незадолго до этого разбора имя того же Лобанова было включено Белинским в синодик имен, одни из которых известны якобы «только по преданиям о их существовании, а другие потому только, что они еще живы, как *люди, если не как поэты*» («*Молва*», *1835*, *№ 13*).

Персональная направленность против Белинского основных положений «мнения» М. Е. Лобанова в специальной литературе отмечалась не раз, но активная поддержка, оказанная автору «Литературных мечтаний» на страницах «Современника» самим Пушкиным, прошла мимо внимания исследователей. В разборе «мнения» М. Е. Лобанова их, видимо, смутило отсутствие как имени Белинского, так и точных цитат из его статей. Они не учли того, что Пушкин не имел права на расшифровку имени анонимного объекта нападок академического референта не только потому, что сам Лобанов прямо нигде его не называл, но и оттого, что эта расшифровка политически была бы для Белинского очень опасна. По условиям места и времени имя молодого критика осталось завуалированным. Спор приходилось вести без точных цитат и прямых сопоставлений имен. В полемику Лобанова с Белинским о роли «предания» и об отношении к литературным авторитетам, о путях современной поэзии и о задачах академической критики, Пушкин вторгался не просто как поэт и литератор, соратник или даже единомышленник Белинского, а как член Российской Академии, по самому своему положению обязанный быть блюстителем традиций высокой литературы. Этот официальный, сугубо академический тон предопределял несколько архаический дидактизм статьи, ее ораторскую интонацию, имитирующую (а может быть, и пародирующую) самого Лобанова. Именно этот тон, характерный в той или иной степени не только для статьи о Лобанове, но и для всех передовиц Пушкина в «Современнике», должен внимательно учитываться при анализе всех вольных и невольных противоречий печатных и предназначавшихся для печати суждений Пушкина этой поры о Радищеве, о декабристах, о Вольтере и французской революции, о московских шеллингианцах, о Полевом и, наконец, о Белинском.

Сводку материалов о М. Е. Лобанове см. в комментариях Венгерова к «Полн. собр. соч. Белинского», т. II, 1900, стр. 538—540. Неудачную борьбу Лобанова с Пушкиным и Белинским имел в виду автор анонимной некрологической заметки о нем в «Иллюстрации» от 27 июля 1846 г., где прямо было сказано, что покойный академик «не любил, что таить, нынешней русской литературы» («Иллюстрация», 1846, № 27, стр. 432).

[123] Вопрос о литературных и личных взаимоотношениях Пушкина и Белинского, впервые поставленный еще в книге А. Н. Пыпина («Белинский, его жизнь и переписка», СПб., 1876. Ср. изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 100—102), вступил в новую фазу после установления принадлежности Пушкину «письма» А. Б. и изучения материалов о кризисе в редакции «Современника» в связи с отъездом за границу Гоголя и предстоявшим уходом большей части сотрудников издания в «Русский сборник» (Ю. Г. Оксман.— «Атеней», 1924, кн. I—II, стр. 16—22). Материалы, послужившие основанием оценки журнальных отношений Пушкина в этом плане, частично опубликованы были впоследствии в статьях В. Н. Орлова «Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского» («Уч. записки ЛГУ», вып. XI, 1941, стр. 28—34) и А. П. Могилянского «А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский» («Известия АН СССР, серия философии», 1949, № 3, стр. 214—218). Обе эти публикации остались, к сожалению, не учтенными в новейшей сводке данных о «Современнике» Пушкина в «Очерках по истории русской журналистики и критики», т. I, Л., 1950, стр. 402—414 (статья Н. Л. Степанова). Характерно, что в попытке взорвать «Современник» изнутри ближайшее участие принимал один из самых ожесточенных идейных и личных врагов Пушкина — С. С. Уваров, министр народного просвещения и начальник Главного управления цензуры. С самого начала «Русский сборник» заручился поддержкой и со стороны всесильного III Отделения, ибо один из чиновников последнего, Б. А. Врасский, совмещавший работу в аппарате Бенкендорфа с издательскими операциями (он был владельцем большой типографии, в которой, кстати сказать, печатался и «Современник» Пушкина), принадлежал к числу пайщиков и организаторов нового журнала. Не имея формального права, как сотрудник III Отделения, быть редактором литературно-политического издания, Б. А. Врасский ввел в «Русский сборник», в качестве своего заместителя, на правах соредактора Краевского и Одоевского, дальнего своего родственника А. В. Врасского, отставного чиновника 8-го класса, не имевшего никакого отношения ни к политике, ни к литературе. Характеристику «подлеца» Б. А. Врасского, бывшего впоследствии одним из акционеров «Отеч. записок», см. в «Письмах Белинского», т. II, стр. 103—104.

[124] Полн. собр. соч. Пушкина. Изд. АН СССР, т. XVI. Переписка 1835—1837. М., 1949, стр. 181. Пушкин не ответил на эту информацию о Белинском, что может быть подтверждено письмом П. В. Нащокина, относящимся к середине декабря 1836 г.: «Отпиши мне хоть строчку, жив ли ты и каковы твои делишки〈...〉 Не знаю, получил ли ты мое письмо или нет. Ждал я тебя в Москву по твоему обещанию; не знаю, почему ты не приехал» (т. XVI, стр. 212). Поездка в Москву, отложенная из-за истории с «Философическим письмом», не осуществилась и позже, хотя сам Пушкин считал ее, как свидетельствует его письмо к отцу от конца декабря 1836 г., совершенно необходимой.

В самом конце 1836 г. Белинский получил через Я. М. Неверова предложение о переходе на работу в «Лит. прибавления к Русскому инвалиду», реорганизованные Краевским на средства типографа Плюшара. Судя по ответу Краевского на письмо Белинского от 14 января 1837 г., материальные условия Белинского были несколько скромнее тех, о которых писал П. В. Нащокин. Белинский рассчитывал на годовой оклад в размере двух тысяч руб. асс., при готовой квартире; дополнительный заработок он надеялся обеспечить себе статьями в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 92). Переговоры с Краевским не привели, как известно, к положительным результатам, так как Белинский в самом начале заявил о своем несочувствии ориентации Краевского на петербургских литературных аристократов (Вяземского, Жуковского, Одоевского и др.) и на их московских союзников (Шевырева и его группу) и отказался печатать свои статьи и рецензии без подписи, как этого требовал от него Краевский. 11 февраля 1837 г. Станкевич писал Неверову: «Белинский, кажется, не сойдется с Краевским. И что за журнал! Что за критики! за язык!» («Переписка Станкевича», М., 1914, стр. 371). Прекращение переговоров с Краевским отражено в письме М. А. Бакунина от 2 марта 1837 г. к родным: «Белинский в Петербург не едет; несмотря на то, что он здесь лишен почти всех внешних удобств, он отвергнул выгодные предложения петербургских журналистов; он не смотрит на литературу как на игрушку и скорее бы согласился умереть с голоду, чем торговать своими мнениями и своей совестью» (Собр. соч. и писем М. А. Бакунина, М., 1934, т. I, стр. 413). Об этом же см. выше гл. XI и прим. 89.

[125] А. Корнилов. К биографии Белинского. Новые данные.— «Русская мысль», 1911, № 6, отд. II, стр. 18—45. Ср. «Юбилейный сборник Литературного фонда», СПб., 1910, стр. 140.

[126] Письма Н. И. Надеждина, анонимного «друга» и И. П. Клющникова не учтены ни в справочнике Библиотеки СССР им. В. И. Ленина «В. Г. Белинский. Рекомендательный указатель литературы», под общ. ред. Н. Л. Бродского, М., 1948, ни в специальном, но крайне неполном и неточном разделе «Писем к Белинскому» в указателе В. Э. Бограда «В. Г. Белинский. Рекомендательный указатель литературы», Л., Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1950, стр. 51—56. Об этом же см. выше прим. 117.

[127] Письмо М. А. Бакунина к Белинскому опубликовано впервые (частично) в «Русской мысли», 1911, № 6, отд. II, стр. 36. Перепечатано в книге А. А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина», М., 1915, стр. 237. Полностью в Собр. соч. и писем М. А. Бакунина, т. I, М., 1934, стр. 332—333.

[128] Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена. Под ред. М. К. Лемке, т. II, Пг., 1915, стр. 469—470. Письмо это переслано было Белинскому из Новгорода с «оказией», через П. В. Зиновьева, только что возвратившегося в Россию из-за границы. Об отзывах Белинского о П. В. Зиновьеве см. выше, стр. 216.

[129] «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. IV, М., 1939, стр. 202—207. Об этих письмах см. выше, стр. 204.

[130] А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, стр. 466—468. Первоначально в «Русской мысли», 1913, № 8, стр. 12—13.

[131] «Венок Белинскому», М., 1924, стр. 236—242. В транскрипции этого письма оставался пробел, обусловленный «двумя недописанными и неразборчивыми словами». Факсимиле черновика позволяет, однако, раскрыть эти слова совершенно точно: «Г〈отовый〉 к 〈услугам〉 Я. Полонский».

[132] «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 418, 420—421, 425—426. Черновая записка Н. В. Станкевича комментирована Н. Д. Эфрос; прочие письма — М. Ю. Барановской.

[133] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2-е, СПб., 1908, стр. VII. В воспоминаниях А. В. Орловой, свояченицы Белинского, сохранилось свидетельство о том, что «все письма Белинского к жене и ее к нему», находившиеся у Кетчера, не были возвращены родным Белинского, несмотря на их многократные требования («Лепта Белинского». М., 1892, стр. 28). Письма Белинского к жене (всего 48), действительно, сохранились в архиве Н. Х. Кетчера (впервые опубликованы они были по копиям Пыпина в 1895—1899 гг.), но об обратных письмах М. В. Белинской к мужу до сих пор в печати никаких сведений не появлялось. Мы полагаем, что письма эти никогда в распоряжении Кетчера не были. Трудно думать, чтобы М. В. Белинская могла передать в чужие руки такие интимные документы; скорее всего она сама их уничтожила перед смертью.

[134] Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописи и переписка В. Г. Белинского. Каталог. Сост. Р. П. Маторина. М., 1948, стр. 3.

[135] «Телескоп», 1836, № 4 (ценз. разр. 17 марта 1836 г.). К осени 1836 г. относится статья Пушкина «Джон Теннер», в предисловии к которой великий поэт полностью солидаризировался с заключениями Токвилля о разложении американской буржуазной демократии («Современник», 1836, т. III, стр. 205—207). Ввиду того, что знакомство Пушкина с статьей Белинского «Ничто о ничем» является бесспорным, никаких сомнений не вызывает его солидаризация не только с Токвиллем, но и с Белинским. 20 августа 1838 г. на книгу Токвилля горячо откликнулся Герцен в письме к Кетчеру из Вятки (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, Пг., 1915, стр. 203). Ограничиваясь в своих примечаниях к высказываниям Сатина об «американской цивилизации» только этим письмом, Н. Л. Бродский предполагает, что «книгу Токвилля ссыльному Герцену могли послать в Вятку по совету Сатина» (стр. 274). Предположение это приходится, однако, отвести, так как сам Герцен отметил в «Былом и думах», что книгу Токвилля «О демократии в Америке» он получил от вятского губернатора А. А. Корнилова, любившего потолковать о «предметах важных» («Былое и думы», ч. II, гл. XVII.— Полн. собр. соч. и писем Герцена, т. XII, Пб., 1919, стр. 312).

[136] См. об этом же в настоящем томе «Лит. наследства», стр. 138, а также: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 5, 1892, стр. 29; Г. П. Блок. Рождение поэта, Пг., 1924.

[137] «Русский архив», 1902, т. I, стр. 544—552. Ср. Л. М. Де-Рибас. Из прошлого Одессы. Одесса, 1894, стр. 116. В комментариях к письму А. И. Соколова к Белинскому от 2 августа 1846 г. об их общих одесских знакомых («В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 275) не учтены материалы об А. И. и Г. И. Соколовых, опубликованные Н. М. Мендельсоном («Звенья», I, 1932, стр. 149).

[138] В комментариях к сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», помимо ошибок, отмеченных выше, внимательный читатель найдет немало и других неточностей. Так, например, А. И. Иванов, управляющий конторой «Отеч. записок», смешивается с Д. П. Ивановым, другом и родственником Белинского (стр. 280—281); строки о «капитане, платонике и скептике», имеющие в виду ротмистра А. И. Клыкова, увековеченного в воспоминаниях И. И. Панаева («некий капитан Клыков») и в письмах Н. П. Огарева к Герцену («капитан, т. е. Клыков»), ошибочно отнесены к В. П. Боткину (стр. 281—282); письмо Лажечникова от 18 июня 1836 г., с откликом на только что прочтенного «Ревизора» Гоголя, произвольно ассоциируется со статьей «А. Б. В.» в «Молве» о московской постановке «Ревизора» (стр. 183, 189), а самая статья «А. Б. В.» без всяких оснований приписывается Белинскому (стр. 189). Явно ошибочна и справка о том, что 500 руб., выплаченные К. А. Полевым в ноябре 1837 г. Белинскому, являлись «денежным одолжением» (стр. 253). Деньги эти причитались Белинскому за чтение корректур «Деяний Петра Великого», издававшихся Полевым («Записки К. А. Полевого», СПб., 1887, ч. III, гл. 2. Ср. «Письма», I, стр. 359—360). Справка о принадлежности П. Н. Кудрявцеву анонимной рецензии в «Отеч. записках» 1841 г. (т. XIV, отд. VI, стр. 58) на книгу Ф. Морошкина «О значении имени руссов» (стр. 150) не выдерживает критики, так как 28 июня 1841 г. сам Белинский извещал Кудрявцева о том, что рецензия последнего на Морошкина помещена не в «Отеч. записках», а в «Лит. газете» (П, II, стр. 252). При характеристике отношений Белинского и П. Я. Петрова (стр. 247—248) следовало бы учесть печатные данные о Петрове в статье М. П. Погодина «Месяц в Париже» («Москвитянин», 1841, № 2, стр. 452). Эти данные, свидетельствующие о близости Погодина с другом юности великого критика, позволяют объяснить, с одной стороны, участие П. Я. Петрова в «Москвитянине», а, с другой, отход Белинского от Петрова в начале 1840-х годов и прекращение их переписки.

МЕМУАРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И. А. ГОНЧАРОВА О БЕЛИНСКОМ

ПИСЬМА ГОНЧАРОВА К К. Д. КАВЕЛИНУ И А. Н. ПЫПИНУ

Публикация М. Маловой

В 1873 г. А. Н. Пыпин обратился ко всем лицам, близко знавшим Белинского, с просьбой предоставить ему свои воспоминания о жизни и деятельности великого критика. В предисловии к своей книге «Белинский, его жизнь и переписка» (СПб., 1876, стр. VII) Пыпин назвал всех современников Белинского, которые «содействовали» его труду сообщением своих воспоминаний. В числе этих лиц имя И. А. Гончарова не было названо.

Между тем Гончаров одним из первых откликнулся на просьбу Пыпина. 29 апреля 1873 г. он послал ему в форме письма статью под названием «Как я понимаю личность Белинского» [1]. При этом Гончаров писал своему корреспонденту: «По обещанию, на которое я вызвался после случайного разговора с Вами о Белинском, многоуважаемый Александр Николаевич, я набросал на бумаге все, что упомнил о нем и как я понимал его лично. Полагаю, что по скудости фактов и по поверхностности моих замечаний о нем, листки эти самостоятельного значения не имеют — и разве только могут служить материалом для биографии Белинского (в числе других) и для поверки моего мнения о нем с мнением других».

В мае того же года Гончаров читал свою статью у М. М. Стасюлевича в присутствии Пыпина, который высоко оценил ее и выразил желание использовать в своей монографии о Белинском. Однако Пыпин не получил этой возможности, так как Гончаров, относясь сочувственно к самой идее использования своих заметок в печати, медлил с окончательным согласием. Между Гончаровым и Пыпиным завязалась деятельная переписка, продолжавшаяся три года (с 29 апреля 1873 г. по 5 апреля 1876 г.) [2]. С присущими ему болезненной нерешительностью и мнительностью Гончаров все время сомневался в пригодности своих воспоминаний для опубликования. Сначала ему казалось, что они литературно недоработаны, затем — что они не представляют интереса для характеристики Белинского, так как якобы не содержат ничего нового в сравнении с воспоминаниями других лиц. Несмотря на энергичные уговоры Пыпина, дело не двигалось с места.

«Отказаться от них ⟨заметок Гончарова⟩ мне жаль, — конечно, всего больше за Белинского — я к нему привязан долгими занятиями и жалею, что о нем останется несказанным хорошее слово», — писал Пыпин Гончарову 29 апреля 1875 г.

«Что касается до меня, — отвечал Гончаров 1 мая 1875 г., — то я пожалею, пожалею, да потом и забуду. А пожалею о том, собственно, что я, в свою очередь, наравне с другими, более или менее близко знавшими Белинского, не скажу и своего живого и доброго слова об этой замечательной и симпатичной личности и не расквитаюсь, таким образом, благодарным воспоминанием за его многие, добрые и живые слова, сказанные им, и изустно, и печатно, обо мне».

«Поддавшись нерешительности, Вы, право, возьмете на себя грех против памяти одного из лучших людей всей русской литературы», — продолжал свои уговоры Пыпин 9 мая 1875 г.

Гончарову представлялись по крайней мере три возможности опубликовать свои заметки. Во-первых, в работе Пыпина, печатавшейся в «Вестнике Европы», во-вторых, самостоятельной статьей в том же журнале и, наконец,— в отдельном издании книги Пыпина 1876 г. Ни одной из этих возможностей он так и не воспользовался.

В 1875 г. Гончаров читал свою статью о Белинском М. Е. Салтыкову-Щедрину и Н. А. Некрасову. По словам Гончарова, Некрасов «находил ее очень живою и верною, но только несколько длинною», и предложил напечатать в подготовлявшемся альманахе Литературного фонда. Но и это предложение тоже не осуществилось [3].

В 1876 г. Гончаров оставил свои заметки «втуне», сомневаясь, что у него «достанет охоты и терпения» привести их в настоящий вид. Но через пять лет, в 1881 г., он поместил их в своей книге «Четыре очерка» под заглавием «Заметки о личности Белинского».

Публикуемые нами два мемуарных, по своему содержанию, письма Гончарова дополняют его воспоминания о Белинском.

Первое письмо — к К. Д. Кавелину. Оно написано по поводу воспоминаний последнего о Белинском. В марте 1874 г. Гончаров присутствовал при чтении этих воспоминаний автором на вечере у М. М. Стасюлевича [4]. В них Кавелин, наряду с высокой оценкой общественного значения личности Белинского, пренебрежительно и высокомерно говорил о якобы недостаточном уровне образованности и объеме знаний великого критика. Гончаров, придерживавшийся противоположного взгляда, высказал свое несогласие с точкой зрения Кавелина в большом письме к нему от 25 марта 1874 г., которое мы и публикуем. Письмо это легло, местами почти дословно, в основу последних страниц окончательной редакции очерка Гончарова «Заметки о личности Белинского».

Легенда о Белинском как «недоучившемся студенте» довольно прочно закрепилась в реакционной журналистике 1830—40-х годов и была широко использована идейными противниками великого критика (Булгариным, Сенковским, Шевыревым, Погодиным и др.). Об этом вспоминал Некрасов в стихотворении 1855 г. «В. Г. Белинский», говоря о его исключении из университета:

И оставался целый век
Недоучившимся студентом
(Один ученый человек
Колол его неоднократно
Таким прозванием печатно...)[5]

Этот ложный взгляд нашел, как известно, свое выражение и в оценках Белинского, принадлежащих его бывшим друзьям из либерального лагеря — Анненкову, Тургеневу, Кавелину, Боткину. Именно к ним относятся слова Плеханова, выразившего в свое время удивление: «Почему большинство людей, писавших свои воспоминания» о Белинском, «обнаруживают так мало истинного понимания совершавшейся в его голове колоссальной умственной работы»[6]. В заслугу А. Н. Пыпину следует поставить, что в своей монографии он не принял этого ложного взгляда, а обосновал и развил противостоящую ему точку зрения Гончарова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В основу этой статьи Гончаров положил черновик своего предисловия к *«Обрыву», датированный ноябрем 1869 г.*

[2] Девять неопубликованных писем Гончарова к Пыпину и четыре приложенных к ним черновика ответов Пыпина хранятся в архиве последнего (ИРЛИ АН СССР). Мы цитируем из них наиболее интересные места.

[3] См. письма Гончарова к Пыпину от 29 апреля и 15 мая 1875 г.

[4] Воспоминания Кавелина, датированные 6 февраля 1874 г., впервые опубликованы в Собр. соч. Кавелина (СПб., ‹1899›, т. III, стб. 1081—1098). А. Н. Пыпин использовал их в биографии Белинского (СПб., 1876, т. I, стр. 140—142; т. II, стр. 202—211, 331—332). Ср. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 84—97.

[5] Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, М., Гослитиздат, 1948, т. I, стр. 142.

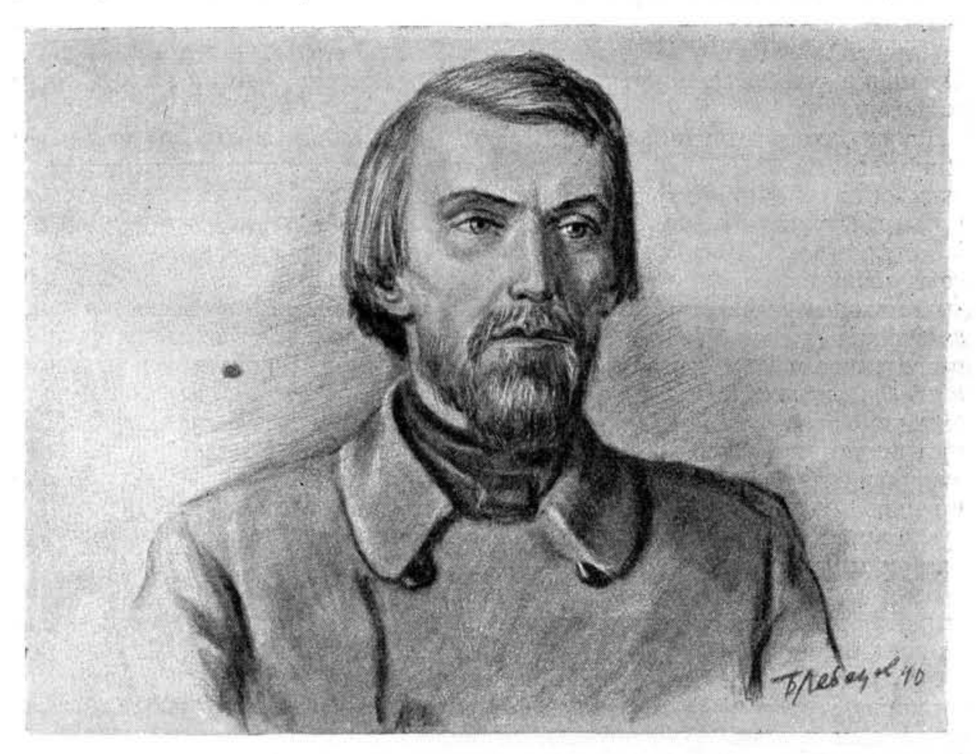
[6] Г. В. Плеханов. Собр. соч., т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 220.

1. ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА — К. Д. КАВЕЛИНУ

25 марта 1874 г. С.-Петербург
Моховая, дом № 3

Многоуважаемый Константин Дмитрич!

То, что Вы прочитали нам у М⟨ихаила⟩ М⟨атвеевича⟩[1] о Белинском, сделало на меня в целом самое благоприятное впечатление, разделенное, конечно, всеми слушателями: так много хорошего и так хорошо сказали Вы, что Ваши замечания сами по себе составляют миниатюрную характеристику известных периодов в жизни этой замечательной личности.

БЕЛИНСКИЙ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1946 г.
Собрание художника, Пенза

Все, что сообщаем мы, близко знавшие и любившие Белинского, его биографу, А. Н. П⟨ыпину⟩, имеет один общий недостаток, или, пожалуй, достоинство: мы пишем панегирики. Но иначе, я полагаю, и быть не может. Сам Б⟨елинский⟩ относился к одним людям симпатично, иногда до слабости, до пристрастия, даже нередко в ущерб некоторым своим взглядам на то или другое,— к другим, напротив, антипатично, и тоже до крайности. Точно так же все относятся, даже и до сих пор, и к нему: одни — крайне симпатично, как будто умышленно закрывая глаза на его слабые стороны. Другие же (я говорю про его современников) отзываются о нем враждебно, тоже закрывая глаза на его достоинства. Средины ни у тех, ни у других нет, как не было ее и у Белинского в его отношениях к людям, и не к одним, впрочем, людям. Может быть, еще и не наступило время для этой «средины», не устоялась ни вражда, ни привязанность к нему до той степени хладнокровия, которое необходимо для правого суда и оценки.

Все мы, знавшие его, конечно, принадлежим к первой категории — и в наших отзывах платим ему горячею защитою его против враждебной ему стороны за его горячие пристрастия к друзьям — и немудрено, что впадаем в пристрастие. Вы не избегли этого и являетесь панегиристом, оставаясь при том верны Вашим наблюдениям и заметкам о нем.

Но между тем у Вас проскользнуло одно замечание, которое задело мое внимание [2] — и я хотел поговорить с Вами, даже написать Вам, не для того, чтобы полемизировать с Вами, хоть это само по себе большое удовольствие для меня, а чтобы постараться уяснить этот пункт в характеристике Белинского, с Вашею помощью и с помощью других, более близких к нему, нежели я — и установиться на чем-нибудь прочном и определенном. Это необходимо всего более для биографа. Я говорил об этом с А. Н. П⟨ыпиным⟩ — и он утверждает меня в мысли поговорить с Вами, даже письменно, чтобы затронуть этот вопрос — и потом, что окажется, сообщить ему.

Вопрос этот довольно важный: именно, об образованности или необразованности, или вернее, об учености и неучености Белинского. Я не помню в точности редакции Вашего отзыва об этом пункте, но помню только, что и Вы упоминаете о недостатке подготовки, или знания, или учености у Б⟨елинского⟩. У Вас это приводится, как простое свидетельство, в руках же противников его, как Вам известно, это был упрек, которым они, как Архимедовым рычагом, старались столкнуть его с места, и стараются даже до сих пор (недавно, кажется, Погодин) [3]. Мне кажется, если это мнение, приведенное у Вас, например, с Вашим авторитетом, повторится еще раз-другой, в виде ли простого показания, как у Вас — с примесью даже сожаления о недостатке «учености» у Б⟨елинского⟩, у некоторых других, то противники его уже смело составят Б⟨елинскому⟩ репутацию «неуча», «недоучки» и т. д.— и с этим паспортом передадут его внукам нашего поколения. А враги его, особенно в свое время, не скупились на эти клички: журналисты, профессоры, разные ученые по профессии, с патентами, дипломами и проч.

Всем этим я хочу сказать, что отзывы о «неучености» Б⟨елинского⟩ должны быть также строго обусловлены и определены, как и нравственная сторона его характера.

Сколько я наблюдал его (не надо забывать, что я знал его в конце его поприща, года за два или за три до кончины),— я нередко удивлялся голословным отзывам о его неучености, недостатке подготовки. Может быть, в начале своей деятельности, он, по застенчивости и нервозности характера, полнотой еще неполной зрелости (которая, как Вы приводите его слова, позднее приготовила его для философии) [4], или, наконец, потому, что он не заглянул еще в ту или другую область знания — он и казался недостаточно подготовленным. Но когда я знал его — и видел, рядом с тогдашними передовыми, самыми образованными и, наконец, учеными (и официальными и неофициальными) людьми, и в изустных беседах, и в журнальных схватках, и, наконец, в непрестанном и бесконечно-плодовитом развитии на каждом шагу его идей, взглядов, убеждений — я видел массу знаний: и фактических положительных сведений, по части множества даже посторонних его деятельности предметов, а понятий, идей — решительно обо всем, что только входит в круг знания. Часто он не знал, но как-то непостижимо для простого наблюдателя постигал самые процессы какого-нибудь специального дела.

«Не учен», «не приготовлен» — слышал я и удивлялся. Как — не учен и для чего не подготовлен: чтоб быть профессором, академиком? Читать публичные лекции? Или излагать по тому или другому методу, по той или другой системе, ту или другую науку, писать трактат? Конечно — не приготовлен для этого. Профессия ученого была не его профессия: да он ни-

когда и не брал ее на себя. Отчего же его называют неученым, а массу других, у которых сотой доли не было его знаний (не говоря о развитии, об идеях, понятиях), никто и не трогает и не говорит об их образовании?

А если б он был и учен по-ихнему, как они, его противники, офиц‹иальные› ученые и другие, годился ли бы он для ученой деятельности, на кафедре или в сочинениях, т. е. мог ли бы спокойно относиться к науке, углубляться, зарываться в архивах, обдумывать, соображать, строить систему и т. п.? Конечно, нет. Не усидел бы он ни в академии, ни на кафедре, ни даже у себя в кабинете, если бы туда не врывалась к нему свежая струя текущей жизни и шумная толпа симпатичных ему людей. Он жил учась, за пером и в живых схватках с противниками, или разливаясь в импровизациях и печатно и изустно,— и туда уходили его силы.

Следовательно, говоря о его знаниях, необходимо обусловливать в точности: какой учености недоставало ему — и за этим ставить вопрос: «довольно ли было у него подготовки для той роли, какая выпала ему на долю?», т. е. для роли не эстетического критика собственно, не для публициста только, а для того и другого вместе, и еще для чего-то третьего тогда, чего-то в роде трибуна.

Разбирая строго, ведь и от Гумбольдта, от Гете или Вольтера — и от прочих можно пожелать большей подготовки, нежели какую они имели. Следовательно, от Белинского можно пожелать ее и подавно. Но тут опять надо спросить — отвечала ли эта степень подготовки эпохе и моменту его деятельности и его среде и много ли он сделал для своего времени и современного ему поколения? И вот только в совокупности на все эти вопросы и следует и можно давать по возможности покойный, т. е. отрешенный и от вражды и от пристрастия к нему, ответ.

Сначала надо спрашивать, что сделал Б‹елинский›, потом уже, пожалуй, как он сделал?

Тут же кстати можно бы спросить, много ли сделали те «ученые», которые громили его за неученость, и назвать их по именам?

Вы помните, Конст‹антин› Дмитр‹иевич›, как искренен и нехвастлив был Белинский. С посторонним, мало знакомым лицом,— он почти совсем не говорил или говорил мало, несвязно и, конечно, не блистал ни умом, ни знанием. Только с близкими, он распоясывался, так сказать, не остерегался ошибок и давал волю всем своим силам. И вот, в таких именно импровизациях, спорах, против воли, как-то ненарочно и нечаянно, он обнаруживал массу сведений, которых нельзя было подозревать в нем, если бы речь прямо зашла об них. Но он ронял и сыпал их нечаянно, как часто нечаянно в печатных статьях сверкал остроумием, удачными сравнениями, ссылками на те или другие авторитеты и т. д. Следовательно, знания, собранные им медленно, иногда по клочкам, служили его прямой цели, его делу, т. е. его перу. Он не держал на ученой конюшне оседланного, готового коня, с серебряной сбруей, не выезжал в цирк показывать езду haute école*, а ловил из табуна любую лошадь и мчался куда нужно, перескакавши ученых коней. Это ему и было нужно, и строгая, глубокая или систематическая ученость сделала бы из него, конечно, другую, все крупную же фигуру, но не такую, может быть, какая нужна была именно для той публики и для того момента, когда пришлось ему действовать, как партизану. И выходит, что он «неученый», потому что не окончил курса, не получил патента. А вот нас, сотни полторы, в одно время с ним было в университете,— никто не называет неучеными, а из нас ученый вышел, кажется, один Бодянский[5]. А прочие — так себе, ничего. Но нас неучами

* Высшей школы (фр.).

не разумеют, потому что у нас есть патент. А много ли мы сделали? Например, называют ученым Строева (Скромненко) [6], Станкевича, юношу, только подававшего еще надежды,— и что же сделали все современники Белинского сравнительно с ним?

Ученостью могли подавлять его, например, Герцен: это так. Но ведь и он не ученостью сделал все в литературе и жизни, что сделал, хотя ученость или лучше всестороннее образование было только подспорьем его таланту и блестящему остроумию. Вот Сенковский был и настоящий ученый: и тот, если произвел какое-нибудь движение (новизны, некоторой смелости), то ведь тоже не ученостью, а кое-каким талантом. А ведь и Греч, и Булгарин обзывали Б⟨елинского⟩ неученым: хороши ученые!

Но Белинский никогда не влезал в кожу Хлестакова и никогда не сказал —«знаю то или другое», даже когда и знал что-нибудь. И эта искренность и скромность принималась за незнание. Тогда как кругом его никто, я думаю, ни один не отрешался от самолюбия, чтобы сознаться в неведении чего-нибудь.

Общество кишело невеждами, всезнайками около него. Сколько академиков, профессоров, литераторов притворялись и притворяется ежедневно классиками, знатоками древних и новых языков, химиками, математиками и т. д. и т. д.!

Он — никогда, а посмотришь, знает или имеет понятие, наконец, живое и верное представление о предмете. Я помню, в спорах, бывало, вдруг окажется, что он имеет довольно основательные понятия о небесной механике или, вдруг, в разговоре с медиком, откуда-то являются у него сведения о некоторых процессах химических, или заговорит о физиологических функциях (в то время, когда ⟨нрзб⟩ книг и публичных лекций не было). Сами Вы сказали в Вашей статье, что он верно определил некоторые положения Гегеля — вперед и т. д.[7]

Как назовешь такого человека «неученым» без строгой оговорки, не обусловив этого приговора множеством разных определений и отношений — времени, среды, роли, не сравнив со всем прочим и прочими? Вспомним то, что мы все, учившиеся в университетах, получаем там только, так сказать, напутственную программу для учения и развития, но программу более или менее правильную, систематическую, полную, чем так и дорого университетское образование, которое охотнику учиться помогает только не сбиваться с прямой дороги, не терять нити, а которая сама не учит.

А собственно, как еще все кандидаты прав, математики etc — далеки от учености! И сколько их, бросив эту нить и вообразив, что они с наукой кончили, гуляют по белу свету без всякого клейма науки, которое стирается бесследно. Или же, напротив, сама жизнь для таких умов, как Б⟨елинский⟩, становится настоящей школой и академией. А у него еще была и академия в его деятельности, открывшаяся ему со школьной скамьи: это редакционная работа и непрестанное чтение десятки лет — и серьезного, путного, и хламу.

Следовательно, забыть ничего было нельзя, а набрать и усвоить своему уму ⟨Белинского⟩ в океане книг, журналов, во встречах с лучшими людьми, умами — можно было много.

Извините, Константин Дмитрич, что я пишу это беспорядочное письмо. Непростительно его отдавать Вам и я бы не отдал, еслиб только дело шло о желании моем поговорить с Вами. Можно ведь и не поговорить: Вы бы ничего от этого не потеряли, а я не писал бы этих страниц. Но я думаю, что в этом вопросе, касающемся Белинского, есть неясность, и что эту неясность, гораздо лучше меня, проясните Вы, с помощью некоторых других. А такое прояснение Ваше послужит А. Н. Пыпину и поможет оговорить или обусловить и в самой биографии Белинского вопрос неучености

последнего так, что следующие поколения будут знать, на сколько он был выше в этом отношении множества современных ему присяжных ученых, умея служить клочками учености живому делу, тогда как их «учёность» лежала мертвым капиталом.

Мне кажется, мы с Вами оба правы: Вы, находя также пробелы в подготовке Белинского, а я, не находя почти никаких, именно по той причине, о которой я упомянул выше: Вы знали его в начале, а я в конце его деятельности[8].

При Вас он расцветал, при мне разрушался — пережив даже пору зрелости. Следовательно, мы, относительно степени подготовки, видели

И. А. ГОНЧАРОВ
Фотография 1850-х гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

почти двух разных людей, и между той или другой порой — большой промежуток и большая разница, хотя мне кажется, что в последний период его деятельности в нем уже печатно и заметно проявляется и начитанность и некоторая уверенность в достаточности своей подготовки.

О недостатках Белинского, я знаю, будет большая речь впереди. Ему не простят так же снисходительно, как прощаем мы, его почитатели, пристрастие его к друзьям, где у него строгость сознания и суда уступала сердцу (он хвалил преувеличенно Панаева, Брянского[9] и почти всех, кто был ему близок), ибо мы знаем, что это были уступки, мягкость сердца, и что других уступок он не сделал бы за миллионы — и подкупить или обмануть его можно было только симпатией: более ничем он не подкупался.

Если уже этой слабости нельзя скрыть (и не надо) или защищать от следующих поколений, то нужно, по крайней мере, нам не давать его в обиду там, где он гораздо меньше виноват своих quasi-ученых противников, и стараться прояснить всякие по этому поводу недоразумения, чтобы после

не было поздно, когда нас не будет, и чтобы кличка неуча не осталась за ним.

Простите и примите мой глубокий поклон с уважением

И. Гончаров

P. S. Письмо это, как и все, что написано и отдано мною А. Н. Пыпину о Белинском,—отнюдь для печати целиком не предназначается. А если бы оказалось нужным, можно приводить цитаты или давать ссылки и т. п.

И. Гончаров

Копия, переданная К. Д. Кавелиным А. Н. Пыпину. ИРЛИ АН СССР. Архив А. Н. Пыпина.

[1] Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) — редактор-издатель «Вестника Европы». Гончаров был с ним довольно близок и напечатал в его журнале: «Обрыв», «Миллион терзаний», «Из университетских воспоминаний», «Воспоминания и очерки», «На родине» и «Нарушение воли» (см. переписку Гончарова со Стасюлевичем — «Стасюлевич и его современники», СПб., 1911, т. IV).

[2] Очевидно, Гончаров имеет в виду следующие слова Кавелина: «...представьте же себе рядом с Грановским Белинского, страстного, нервного, вечно переходившего из одной крайности в другую, необузданного и мало образованного», и его дальнейшие неверные сообщения о незнании Белинским иностранных языков (Собр. соч. К. Д. Кавелина, СПб., [1899], т. III, стб. 1097—1098).

[3] М. П. Погодин в статье «К характеристике Белинского» («Гражданин», 1873, № 9, стр. 272—275) говорит о «поверхностности» Белинского и «отсутствии у него своего мнения», но не об его «необразованности».

[4] Кавелин цитировал слова Белинского, относящиеся к 1842—1844 гг.: «Философия молодому уму не дается, а дается зрелому возрасту. Теперь я,— прибавлял он,— только созрел достаточно для занятия философией» (Собр. соч. К. Д. Кавелина, т. III, стб. 1098).

[5] Осип Максимович Бодянский. См. о нем в настоящем томе, стр. 424—425.

[6] Сергей Михайлович Строев. См. о нем в настоящем томе, стр. 435.

[7] Кавелин привел свидетельство Герцена о том, что «Белинский не знал по-немецки и, только из отрывочных разговоров друзей познакомившись с системой Гегеля, тотчас же сообразил в чем дело и суть его, и — сам, без чьей-либо помощи, вывел все последствия из Гегельянской философии, которые выведены из нее позднее либеральной и радикальной фракцией гегелевских последователей» (Собр. соч. К. Д. Кавелина, т. III, стб. 1097).

[8] Здесь Гончаров допускает явную неточность, объясняющуюся стремлением его сгладить полемический характер письма. Кавелин пишет о недостатке образования у Белинского не только в 1834 г., но и вообще: «Мы знали, что сведения его (кроме русской литературы и ее истории) были не очень-то густы» (Собр. соч. К. Д. Кавелина, т. III, стб. 1086). В цитации Пыпина слова «не очень-то густы» заменены словом: «недостаточны» (СПб., 1876, т. II, стр. 203).

[9] Иван Иванович Панаев (1812—1862). Об отношении Белинского к творчеству Панаева см. в его отзывах о повестях последнего (IV, 277; V, 251—252; VIII, 23 и др.). В своих «Заметках о личности Белинского» Гончаров вспоминал: «Он хвалил повести Панаева, и однажды только как-то нехотя, почти шопотом, сказал мне уныло: „творчества у него ни капли нет“» (Полн. собр. соч. И. А. Гончарова, т. XI. СПб., 1899, стр. 178).

Яков Григорьевич Брянский (1790—1853)— известный артист, отец А. Я. Панаевой-Головачевой. Белинский хвалил его игру в своих обзорах «Александринский театр» (IV, 398—399 и 447).

2. ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА — А. Н. ПЫПИНУ

⟨Петербург.⟩ 10 мая 1874 г.

Я получил через Мих⟨аила⟩ Матв⟨еевича⟩ отдельный оттиск II-й главы биографии Белинского, под заглавием Университетская жизнь [1], и, пробегая эту главу, вспомнил Ваше желание, многоуважаемый Александр Николаевич, чтобы все современники, и вообще знавшие лично Белинского, сообщали Вам о нем или о его времени свои замечания. Вследствие этого, я отметил кое-какие, впрочем мелкие, неточности, о которых, однако, считаю не лишним сообщить Вам, на случай, если б Вы захотели принять их в соображение при отдельном издании биографии.

Конечно, Вы дорожите более всего верностью,— а в серьезном и строгом труде, как Ваш, было бы жаль видеть искажение даже пустых иногда деталей. Но ведь детали тут есть не что иное, как мелкие штрихи того же большого рисунка эпохи, которую Вы изображаете.

Я, кажется, говорил Вам, что я вступил в университет в 1831-м году (тотчас после холерного года) на первый курс, но ни Белинского, ни Герцена, ни Чистякова там никогда не видал, хотя, как вижу из Вашей биографии, Белинский и прочие были еще там [2]. Этому — простая причина та, что эти господа были вероятно на втором курсе, а я вступил в первый, называвшийся тогда приуготовительным. Курс был три года: у нас, т. е. у первого курса, аудитория была небольшая, обращенная окнами на малый двор [во двор], откуда, сбоку, в углу — был и вход в нее. Аудитория же второго и третьего курсов была огромная зала в бельэтаже, окнами и входом обращенная на большой двор и улицу. Таким образом, студенты 1-го не сходились никогда с студентами 2-го и 3-го курсов. От этого я, перейдя в 1832 году на второй курс, не застал там ни Белинского, ни Герцена, ни Чистякова, но застал, однако, Станкевича, Ефремова, Строева, Аксакова (Конст<антина>) — и теперь не помню, кончил ли с ними вместе курс или они вышли годом раньше меня. Но с нами их на первом курсе не было, а были там Бодянский, Лермонтов (не перешедший на второй курс, а уехавший в Петербург) и т. д. [3]

Во всем том, что я Вам здесь сообщаю, о Белинском нет ничего, потому что я не только не видал его, но и не слыхал о нем в Москве ничего до приезда в Петербург. Но, как я выше сказал, я полагаю, что Вы дорожите верностью и мелочей, относящихся вообще до той эпохи, и потому скажу, что̀ заметил — и что̀ мне кажется неверно.

Неточности или неверности эти, впрочем, касаются больше анекдотической стороны в характеристике некоторых профессоров, особенно Победоносцева, и потому упомяну о них после всего. А теперь замечу по поводу оценки лекций Надеждина, что его никак нельзя упрекнуть в безучастии к собственному предмету, в сухости слов, и в недостатке серьезных занятий, как сказано в биографии [4].

Сухость неизбежна во всяком предмете, где есть какаянибудь догматика: конечно, ее меньше, нежели где-нибудь, в Теории изящных искусств и археологии,— но в последней нельзя было избежать сухости в истории египетских, римских и прочих древностей, в истории школ искусств — наконец, в философском воззрении на искусство и проч. и проч.

И в этом во всем, т. е. в неизбежной сухости, сквозило почти никогда не остывавшее собственное постоянное увлечение профессора к предмету, поддерживавшее и постоянное увлечение в слушателях. Надеждину можно сделать другой упрек: не в недостатке серьезных занятий, как сказано в биографии. Занятия у него были: одна эта кафедра требовала постоянных занятий и огромной подготовки,— и она у него была, серьезная и глубокая. Это был строгий и основательный ученый по части гуманитарных наук. Древние языки и вообще древность дались ему в духовной академии и были подкладкою всего того, что потом нужно было приобрести ему по изучению новейших языков и литературы, философии и т. п. Все это тогда было серьезными занятиями — особенно при кафедре. Он потом, говорят, пристрастился к светской рассеянной жизни, но связь с университетом и издание журналов и сношения с ученым кругом того времени не давало ему опуститься и заглохнуть совсем. А упрекать его можно было в том, в чем он почти не был виноват, именно: он читал и всегда с увлечением, например, о скульптуре, архитектуре у древних, о школах живописи, о знаменитых произведениях всех трех искусств, — сам

никогда не видав ни одного здания, ни одной знаменитой статуи, ни одной порядочной картины. Сколько помню, он, до профессуры своей, едва ли был даже в Петербурге и, следоват⟨ельно⟩, не видал музеев. Отсутствие живого, личного впечатления, наглядности было заметно в его лекциях — и это могло быть принято за сухость. Он прочитал и изучил все, что есть у других по этой части и передавал это всегда с увлечением,— но и сам должен был довольствоваться тем, что воображением создавал идеалы знаменитых произведений и предлагал их слушателям. А слушатели, большей частию, и в произведениях слова должны были полагаться на слова профессора, вооружаться готовым анализом и критикою на произведения, о которых имели понятие понаслышке.

Например, тот же Надеждин, потом Шевырев и Давыдов — да еще Ивашковский со Снегиревым в пять труб трубили и о Гомере, о Гезиоде (а Шевырев даже о Саади, Гафице — и об индийских поэмах и очень пространно), о Горации, потом о Данте, Виргилии (даже Камоэнсе) и т. д., до Хераскова включительно. Между тем из 150 студентов сто двадцать наверное ничего этого не читали. Одни по молодости и ветренности, другим негде было взять, третьи не могли прочесть не только в подлинниках, но и во франц⟨узском⟩ или немецк⟨ом⟩ переводах. А все более или менее уж судили и рядили, что именно в Гомере прекрасно и что в Тассе не прекрасно, и делали заключения о той или другой эпохе, литературе и т. д. Те немногие, кто хотел заниматься, конечно, тогда уж старались ознакомиться с тем, чего не знали, а другие прошли мимо, не заботясь о многом. Иное, когда уж юноши посозрели — и вкусили, кто Вальтер-Скотта, кто Жорж-Занд и т. п., потом и в горло не пошло. После же Пушкина отослали к чорту всякого Гезиода и Горация. Я помню, что я (я много читал еще с детства и по-русски и по-франц⟨узски⟩, а позднее по-немецки, по-английски) все хотел добыть поэму Камоэнса ⟨«Лузиаду»⟩— и не добыл, а в Петербурге, когда было возможно, никак не мог одолеть,— и до сих пор не знаю, что там такое. Об истории и философии — еще хуже. Книг по этим предметам вовсе не было — немногие были запрещены.

Вот в чем был главный недостаток Надеждина — это недостаток в личном, так сказать, знакомстве с знаменитыми произведениями пластических искусств, о которых он подробно читал.

Зато как богато вознаграждался этот недостаток в истории и анализе литератур, русской и иностранных. Здесь два профессора наперерыв Шевырев и Надеждин,— как справедливо сказано у Вас в биографии и как засвидетельствуют, конечно, все тогдашние студенты,— оказали громадное и благодетельное влияние на всех юношей,— и это влияние ярче всего отразилось на Белинском. Про себя я могу сказать, что развитием моим и моего дарования я обязан прежде всего влиянию Карамзина, которого тогда только еще начинали переставать читать, но я и сверстники мои успели еще попасть под этот конец, но, конечно, с появлением Пушкина, скоро отрезвлялись от манерности и сентиментальности франц⟨узской⟩ школы (я говорю об искусстве), которой Карамзин был представителем. Но тем не менее, моральное влияние Карамзина было огромно и благодетельно на все юношество, затем началось влияние Пушкина,— а потом мы, студенты, обязаны уж Пушкину, а потом этим вышесказанным профессорам — и отчасти Давыдову, который впрочем оказывал услугу только тем, что знакомил нас так же (как и те двое) с историею философии — в кратких, сжатых очерках. Что касается собственно до Теории словесности и Истории литературы (его кафедра), то никакой теории у него, конечно, не вышло (так как ее не существует); помню только, что он все ссылался на Баттё и Блэра[5] и разводил глубокомысленно руками. Дар слова у него был скудный: вот

он был действительно безучастен и холоден к своему предмету — и сух, крайне сух. Но зато величав, церемонен и педантлив.

Все трое еще приносили пользу тем, что читали не по готовым тетрадям, а наизусть. Давыдов задавал даже двоим студентам по очереди составлять из каждой его лекции так назыв⟨аемый⟩ перечень, т. е. написать и обработать ее, а у Надеждина и Шевырева (у Каченовского тоже) неизбежно было записывать, когда они читали: иначе не по чем было готовиться к экзаменам и вообще следить за лекциями. Этот способ записывать чрезвычайно помогал свыкаться с изложением и практически учил хорошему русскому языку. Тогда как в юридическом

ДОМ № 12 В ВОРОТНИКОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, ГДЕ ЖИЛ П. В. НАЩОКИН. ЗДЕСЬ У НЕГО ЧАСТО БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ И В 1836 г. ОСТАНАВЛИВАЛСЯ ПУШКИН

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

факультете все профессора давали студентам готовые лекции — и оттого там лучшие студенты были те, у кого память была хороша — и случалось так, что выпущенные оттуда кандидаты иногда на письме плохо ладили с грамматикой.

Оба первые, т. е. Надеждин и Шевырев, первый в горячей, всегда вдохновенной речи, второй — в методическом, искусном, обдуманном изложении,— оба твердили об идеалах красоты, изящества, правды, добра, совершенства и т. д.— оба держали юношество на известной высоте умственного и нравственного настроения. Это главная их заслуга, как Станкевич это оригинально выразил (у Вас в биографии Белинского) [6]. Потом оба, а с Давыдовым и все трое, пожалуй — первые нарушили рутинный ход официальной критики и внесли в последнюю разум, свежесть, чистый воздух, простоту и т. д.

До тех пор в училищах, а потом на первом курсе, у Победоносцева — всех классиков ставили в одну шеренгу — с Гомера до Хераскова и читали им нечто вроде литературного надгробного похвального слова.

Все это, конечно, ниспровергнуто новыми профессорами, после Мерзлякова, которого кафедра только что закрылась в 1830 году. Гомер остался на своем месте с Дантом и Шекспиром, с Тасса отчасти сбили венок, а Хераскова отправили с Клопштоком и с кое-кем еще на литературный чердак. Имя Пушкина, которого запрещали в школах, засияло первой звездой на кафедре и т. д. Словом, совершился критический поворот, явилась новая школа, во главе которой и стал Надеждин, Полевой, а после Белинский [7].

Все, что следует за тем, у Вас сказано и вы знаете все лучше меня. Я только по поводу Надеждина и Шевырева хотел высказать свое о них воспоминание, в дополнение к сказанному в Биографии.

Теперь обращаюсь к анекдотам о профессорах и т. п.

На стр. 607 Биографии Белинского говорится, что студенты встречали Победоносцева вечером с пением: се жених грядет в полунощи. Это было, но отнюдь не с Победоносцевым, а с Гавриловым, профессором славянского языка [8]. Победоносцев по вечерам никогда не читал лекций. Я не застал его: кафедру эту закрыли, но студенты, по свежему преданию, рассказывали мне, что они неоднократно встречали его таким образом, т. е. славянскою песнию. Он был тоже чудак: не любил, например, чтоб на его лекции приходили студенты других факультетов — и когда это случалось — студенты ему скажут: «чужак есть!» — «Где, где?» — он вскакивал с кафедры и выгонял вон.

Потом, на той же 607 стр. приводится, что будто едва ли не на каждой лекции Победоносцева раздавался свист.

Это положительно неправда. Это случилось всего один раз: я был тут и помню, как будто вчера случилось. Было тихо — вдруг за дверями аудитории раздается тихий свист на голос: Милый друг, сердечный друг. Профессор остановился в изумлении, и мы все были озадачены (из этого видно, что это было в первый раз). «Господа, это недостойно, — сказал Победоносцев, — я на вашем месте сам выгнал бы такого товарища из аудитории!». Мы все закричали, что это не в аудитории, а за дверями, в коридоре. Профессор зазвонил в колокольчик и закричал: «сто̀рожа!» Бросились за сторожем, но его не было. Наконец, минут через пять прибегает маленький старенький сторож (как теперь его помню) в поношенном до белых ниток синем форменном сюртуке. «Кто свистал в коридоре?» — спрашивает Победоносцев. «Не могу знать, Ваше высокор⟨одие⟩». «Как не можешь знать — ты тут был!» «Никак нет, Ваше высокородие — я отлучился помочиться!»...

Взрыв хохота, рукоплесканий — словом невообразимое ликованье охватило всю аудиторию при этих последних словах. «Господа! Господа!» пытался умилостивить профессор слушателей, но не мог, и лекция кончилась под этим впечатлением. После того ни разу это не повторилось, да и не могло: аудитория была мала и видно бы было сейчас, кто свищет, а сторож, конечно, смотрел в оба.

Петр Вас⟨ильевич⟩ Победоносцев не был ни грубоват, ни злопамятен, как у Вас выходит в биографии. Это был кроткий, благодушный человек, но старого века. Сам он страх как боялся начальства, чтил его беспрекословно, и когда, бывало, входил в аудиторию ректор Двигубский, такой же профессор, как и он [9] — Победоносцев стоял перед ним, как солдат перед генералом, руки по швам, с робостью в голосе. И сам требовал себе почтения от студентов, как должного. Студенты отвечали профессорам сидя (тогда это стало уже входить), но он этого не терпел. И только тогда (помню даже имя студента Цвецинского) скажет: «встань, братец, встань!» А обыкновенно он из Вы не выходил в обращениях к студентам.

Поэтому я никак не могу допустить, чтобы он способствовал удалению Белинского из университета за слова: «сидишь точно на шиле»[10]. Не в характере это было такого человека: помню, что при начале второго курса, когда нас собрали всех в ту же аудиторию, Победоносцев пришел объявить нам, кого перевели на второй курс, кого нет. Между прочим, не перевели одного студента Иванова. Вдруг этот Иванов при всех нас залился слезами. Победоносцев был и озадачен и тронут. У него упал голос, и он с добротой стал утешать Иванова.

Нет,— я поручусь, что он не повинен в удалении Белинского.

На стр. 621— в выноске 2-й у Вас замечено, что «нехождение на лекции и неудовлетворительные экзамены были небольшой бедой для студентов и что один студент пробыл в университете 9 лет».

Это было так до 1831 года, до моего вступления, но с тех пор стало строго. Некоторые профессора завели даже перекличку, и у кого накапливалось известное число abs⟨ens⟩, то это имело влияние на перевод из курса в курс и на выпуск. Был и в нашем словесном факультете такой студент Аршеневский, который пробыл 9 лет, но когда я перешел на второй курс и когда начались строгости — его не стало[11].

Вот все, что я заметил во II главе Биографии — и рад буду, если что-нибудь пригодится в моих летучих заметках.

Искренно Вам преданный
И. Гончаров

10 мая 1874

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Архив А. Н. Пыпина.

[1] О Стасюлевиче см. прим. 1 к предыдущему письму. 2-я глава биографии Белинского была напечатана в «Вестнике Европы», 1874, № 4, стр. 602–629.

[2] Белинский и Герцен поступили в университет осенью 1829 г. Белинский был исключен из университета 27 сентября 1832 г., а Герцен окончил университет летом 1833 г. М. Б. Чистяков (см. о нем в наст. томе, стр. 436) окончил университет в 1833 г.

[3] Н. В. Станкевич, А. П. Ефремов, С. М. Строев, О. М. Бодянский окончили курс в 1834 г., т. е. одновременно с Гончаровым. К. С. Аксаков окончил в 1835 г. Лермонтов поступил в университет в 1830 г., а вышел из него в 1832 г.

[4] Н. И. Надеждин читал в университете с января 1832 г. теорию изящных искусств и археологию. Пыпин цитирует воспоминания о нем К. С. Аксакова: «Надеждин не удовлетворил серьезным требованиям юношей: скоро заметили сухость его слов, собственное безучастие к предмету и недостаток серьезных знаний» (изд. 1876 г., стр. 67). В своих *«Университетских воспоминаниях»* Гончаров *пишет о Н. И.* Надеждине: «Это был человек с многостороннею, всем известною ученостью по части философии, филологии» (Полн. собр. соч., СПб., 1899, т. XII, стр. 27—28).

[5] Шарль Батте (1713—1780) — французский теоретик искусства. Гуг Блэр (1718—1800)— автор двухтомного курса риторики и изящной словесности.

[6] Имеется в виду цитата Пыпина из воспоминаний К. С. Аксакова: «Помню, что Станкевич, говоря о недостатках Надеждина, прибавлял, что Надеждин много пробудил в нем своими лекциями, и что если он (Станкевич) будет в раю, то Надеждину за то обязан» (изд. 1876 г., т. I, стр. 68).

[7] Надеждин, Полевой и Белинский представляются Гончаровым лишь как противники литературного классицизма. Он рассматривает их только с точки зрения того, что их объединяет, не касаясь глубоких принципиальных различий их мировоззрений.

[8] Александр Матвеевич Гаврилов (1795—1867)—адъюнкт по кафедре славянского языка, теории изящных искусств, археологии и словесности. Это замечание Гончарова Пыпин использовал в издании 1876 г. в сноске на стр. 63.

[9] Иван Алексеевич Двигубский (1771—1839)—ботаник, ректор университета в 1826—1833 гг.

[10] Здесь Гончаров имеет в виду цитированный Пыпиным отрывок из воспоминаний П. Прозорова: «Победоносцев, в самом азарте объяснения хрий, вдруг остановился и, обратившись к Белинскому, сказал: „Что ты, Белинский, сидишь так беспокойно, как будто на шиле, и ничего не слушаешь? Повтори-ка мне последние слова, на чем я остановился?“—„Вы остановились на словах, что я сижу на шиле“,—отвечал спокойно и не задумавшись Белинский... Горько потом пришлось Белинскому за его убийственно-едкий ответ» (изд. 1876 г., т. I, стр. 65). В издании 1876 г. (т. I, в сноске на стр. 65) Пыпин, со слов Гончарова («нам замечали»), упомянул о добродушии Победоносцева.

[11] В изд. 1876 г. (т. I, стр. 71) Пыпин внес изменение в эту «выноску».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Х. КЕТЧЕРА О БЕЛИНСКОМ

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА И. К. БАБСТА

Публикация Н. Бродского

Иван Кондратьевич Бабст (1823—1881) — профессор политической экономии и статистики Казанского (1851—1857) и Московского (1857—1863) университетов, получивший популярность в передовых читательских кругах благодаря положительной рецензии Чернышевского на его речь «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» («Современник», 1856, № 8). Бабст вел с 3 февраля 1855 г. по 2 декабря 1857 г. дневник, в котором упоминается ряд литературных и общественных деятелей того времени (И. С. Тургенев, вернувшиеся из сибирской ссылки декабристы — И. И. Пущин, Матвей Муравьев-Апостол и др.). Бабст считал себя учеником и другом Грановского.

Приводимый в дневнике Бабста рассказ Кетчера о Белинском интересен несколькими подробностями, которые тот мог узнать от самого критика. По письмам Белинского и по воспоминаниям о нем современников мы знали, как невероятно-тяжело складывалась его жизнь не только в студенческие годы. Новым подтверждением этому является указание Кетчера, что Белинскому после закрытия московских журналов, в которых он участвовал, «приходилось итти хоть в тюрьму». Сообщение Кетчера о том, что поводом для исключения Белинского из университета послужила якобы продажа казенного мундира, не соответствует истине.

В указаниях Кетчера имеется и ряд других неточностей и ошибок. Так, он приводит неверные данные о составе кружка Станкевича, в котором в эти годы уже не было Я. М. Неверова, жившего в Петербурге; не В. П. Боткин, а И. И. Панаев был посредником между Белинским и А. А. Краевским и т. д. Тем не менее, публикуемая ниже запись не лишена интереса, как свидетельство современника, близко стоявшего к Белинскому, о первом периоде творческой деятельности критика.

Дневник И. К. Бабста был указан мне А. А. Ромодановской, которой я выражаю свою признательность.

⟨Москва.⟩ Июня 16 ⟨1857 г.⟩

Вечер провел с Евгением [1] у Кетчера, где почти целый вечер слушал его рассказы о Белинском. Белинский действительно учился в университете плохо, т. е. мало занимался лекциями и ходил больше все читать русские журналы в Железный ⟨трактир⟩, который был тогда напротив университета. Живя в крайней бедности и имея нужду платить за посещения в трактире, он продал свой казенный студенческий мундир, за что и был исключен. Положение его было очень плохое. Он жил уроками и наконец начал писать в «Телескопе» у Надеждина. Первая его статья была «Литературные мечтания» [2]. Так говорит и автор очерков Литерат⟨уры⟩ гоголевского периода — см. «Совр⟨еменник⟩», 1856, июль [3]. Два кружка в то время ⟨было⟩ в Москве. Один состоял из Н. Ф. Павлова, Писарева, Андросова, Шевырева, Мельгунова [4]. Второй группировался около Станкевича, куда примы-

кали Бакунин, Белинский, Неверов, Ефремов, Боткин. Оба кружка враждовали. Первый был не иначе известен, как под именем желтоперчаточников. Во втором, судя уже по лицам, группировалась, конечно, молодежь с крайними убеждениями. Здесь-то образовались под влиянием мало понятой философии Гегеля эти крайние и нелепые статьи, о которых впоследствии Белинский слышать не м⟨ог⟩, так, напр⟨имер⟩, о Бородинской годовщине. К этому же кружку принадлежали Клюшников (Θ), лучшие стихотворения которого рукописные, но, к несчастью, и они почти неизвестны («Поэма

Н. Х. КЕТЧЕР

Автолитография К. А. Горбунова 1845 г. Внизу на листе дарственная надпись Кетчера М. С. Щепкину

Исторический музей, Москва

о революции»)[5]. Кетчер замечает, что около Станкевича группировалось, впрочем, чрезвычайно много дряни, и это совершенно справедливо, ежели принять в расчет, что здесь же был и Красов[6] и братья Байеры[7]. Белинский долго б⟨ыл⟩ главным сотрудником Надеждина по «Молве» и «Телескопу». Потом вместе с Андросовым издавали они «Московский наблюдатель», куда перешла и часть кружка Станкевича[8]. Когда лопнули оба журнала, Белинский был в крайней нужде. Он давал уроки в Межевом институте, но и оттуда д⟨олжен⟩ б⟨ыл⟩ выйти. Он написал грамматику, которая не разошлась. Наконец, ему приходилось итти хоть в тюрьму, но предприятие Краевского выручило его, и по рекомендации Боткина он

отправился в Петербург за 1500 асс⟨игнаций⟩. Успех «Отечеств⟨енных⟩ записок» зависит бесспорно от Белинского. Довольно уже указать на литератури⟨ые⟩ статьи, кот⟨орые⟩ друзья Белинского посылали даром ради его. Герцен не принадлежал к этому кружку, но б⟨ыл⟩ по крайней мере с ним близок.

Автограф. Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.

[1] Е. Ф. Корш, журналист; покинув «Русский вестник», с 1858 г. стал издавать журнал «Атеней», в котором участвовали, главным образом, профессора Московского университета, в их числе И. К. Бабст.

[2] «Литературные мечтания» можно назвать «первым» печатным произведением Белинского лишь в том смысле, что они принесли «первую славу» молодому критику.

[3] Имеются в виду статьи Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы».

[4] Перечислены сотрудники «Московского наблюдателя» периода редактуры В. П. Андросова.

[5] Стихотворения И. П. Клюшникова, подписанные буквой Θ, печатались преимущественно в «Отечественных записках». «Поэма о революции» в полном виде неизвестна, отрывок из нее Клюшников привел в своем письме к Белинскому от 12 сентября 1836 г. (см. «Русская мысль», 1911, № 6, отд. II, стр. 39—40).

[6] В. И. Красов умер от чахотки, в крайней бедности в Москве в июне 1854 г. Чем вызван этот отзыв о поэте и педагоге, работавшем до конца своей жизни, затрудняемся сказать. Может быть, Кетчер встречался с Красовым, когда характер бывшего друга Белинского и Станкевича, вследствие разных неудач, стал раздражительным и вспыльчивым.

[7] Константин и Андрей Бееры.

[8] В «Московском наблюдателе», выходившем под редакцией Белинского, участвовали: К. С. Аксаков, И. П. Клюшников, М. Н. Катков, П. Я. Петров, В. И. Красов, В. П. Боткин, М. А. Бакунин.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. В. БЕКЛЕМИШЕВА О МОЧАЛОВЕ И БЕЛИНСКОМ

Публикация М. Барановской

Автор публикуемого письма — Николай Васильевич Беклемишев (1817—1866) был близким другом гениального русского актера-трагика Павла Степановича Мочалова (1800—1848). Именно Беклемишеву посвятил Мочалов свое стихотворение «Русское спасибо», в котором писал:

Полюбил я тебя, добра молодца,—
Отвечал ты мне на любовь мою
Чистым сердцем — речью сладкою..
Мы ответами поменялися,—
Не стаканами, не бокалами,
А сердцами крепко чокнулись,
И душа душе аукнулась...
Ну, пойдем же, друг, рука об руку
Искать радости, не бывалой здесь,
А встречать одну долю горькую...

(Альманах «Литературный кабинет. Труды артистов имп. Московских театров», М., 1842, ч. II, стр. 11—12).

Второстепенный драматург и театральный критик, сотрудник «Литературной газеты» и «Пантеона» 1840-х годов, Беклемишев не оставил сколько-нибудь заметного следа в истории русского театра. Его две драмы — «Жизнь за жизнь» и «Майко», промелькнувшие в репертуаре Малого театра, не могли удержаться на сцене, несмотря на исполнение главных ролей самим Мочаловым. Известно, что Беклемишев вел дневник, в который заносил сведения о жизни Малого театра 1830—1840-х гг. Дневник этот до сих пор не разыскан, и, если не считать процитированного в книге Ю. Соболева «Павел Мочалов» (М., 1937, стр. 141—142) письма Беклемишева к Ф. А. Кони, свидетельства Беклемишева о Мочалове и театральной жизни Москвы до сих пор оставались неизвестными.

Публикуемое ниже письмо Беклемишева к некоему Василию Павловичу (лицу, нам не известному), повидимому, предназначалось автором для печати и фактически является не чем иным, как мемуарами о Мочалове. Не отличаясь особой глубиной, воспоминания Беклемишева, тем не менее, представляют несомненный интерес как для биографии Мочалова, до сих пор мало изученной, так и для биографии Белинского, обогащая последнюю не известными до сих пор данными о взаимоотношениях критика с великим актером. Как явствует из воспоминаний Беклемишева, отношения Белинского и Мочалова не ограничивались редкими и случайными встречами, как можно было судить по односторонним и отрывочным сведениям, имевшимся до сих пор в распоряжении исследователей. Не было известно также и о переписке Мочалова

с Белинским. Особый интерес представляет краткое изложение Беклемишевым содержания не дошедших до нас писем Белинского о лермонтовском «Маскараде».

Набросанное Беклемишевым описание театральной и литературной жизни Москвы 1830-х годов, любопытные подробности о вечерах Н. С. Селивановского, посещавшихся Мочаловым и Белинским, сведения о близком знакомстве Белинского с профессором И. Е. Дядьковским — все это также придает публикуемому письму значение ценного мемуарного источника.

ПИСЬМО Н. В. БЕКЛЕМИШЕВА — НЕИЗВЕСТНОМУ

〈Москва, 23—25 марта 1852 г.〉[1]

Вы желали, почтенный Василий Павлович, узнать от меня о друге моем незабвенном и горячо любимом и любимом после смерти Павле Степановиче 〈Мочалове〉. Слеза пробивает глаза и мешает писать, так он дорог был всегда моему сердцу. Мы были с ним всегда вместе и в радости и в горе. Это был настоящий друг и более познавался в горе, в горе помнящий о друзьях своих. Этим он всегда и был дорог друзьям своим.

Я с ним встретился в театре, и тотчас мы стали своими.

Приезжая из полка домой, я часто с ним видался у общих друзей наших Селивановских.

Мы с ним любили незабвенного Николая Семеновича, которого неделю назад похоронили, доброго, гостеприимного, оказывавшего и добрым знакомым и мало знакомым идущую от сердца хлеб-соль [2]. Такова супруга его [3], которая безутешна в горе своем.

У Селивановского всегда подавались гостям два напитка: домашний квас и красное вино. Летом мы ездили к нему в Симоновскую слободу, и там я встречал у него за столом и больших и малых людей.

Часто там бывали Щепкин [4], Дядьковский [5], И. и П. Клюшниковы [6], Иноземцев [7], Крюков [8], Степанов [9] и Мочалов. Там же я встречал Белинского [10], раза два Кольцова [11], сидевшего рядом с Мочаловым, и однажды, это было зимою, когда Селивановский жил в своем доме на Дмитровке. Многих литераторов и музыкантов видал я там, и особенно часто бывал там Варламов [12], которого все любили. Всех их привечал Николай Семенович. Хорошо нам бывало у Селивановских. Много здесь бывало рассуждений о том, о сем и о прочем. Лилось вино, велись беседы, читали повести и стихи. Мочалов с Щепкиным читали монологи.

Большого собрания Мочалов не любил и даже не входил в дом, когда видел большой прием. А когда бывало мало людей и особенно ему приятных, то он сидел подолгу, его дивный голос ласково звучал. И что за голос был у него — звучащий из души — такой же прекрасной, как и голос его.

У него часто бывала черная немочь-тоска, что продолжалось несколько дней.

В эти дни он ничего не пил и не ел, а тосковал, лежал, отвернувшись к стене. Но как только тяжесть болезни проходила, он становился бодр, весел, радовался жизни, много читал и днем и ночью, беседовал с нами — любящими его и играл в театре, как бог. По воскресеньям ездил на Воробьевы горы, и сколько он там делал добра, скажет вам доктор Гааз [13].

Если бы вы знали, как Павел Степанович был добр, хорош с людьми: бедному неимущему он отдавал последнюю рубашку, последний грош, и все это он делал от сердца — ничего не жалея. Он искал на чердаках бедных студентов, находил их и давал что мог. И его все любили.

Бывало читает он у Селивановских Козлова, Баратынского и под конец — последнее опять Козлова, которого любил всей душой, его стихотворение «На погребение генерала сира Джона Мура». А как он его читал — словно музыка печальная звучал его голос, и как я любил его в эти минуты!

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

Эти строфы он читал спокойно всегда, берясь за душу. Когда же он доходил до места:

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали —

П. С. МОЧАЛОВ В РОЛИ ЧАЦКОГО
Миниатюра неизвестного художника, 1830-е гг.
Государственный музей ТАССР, Казань

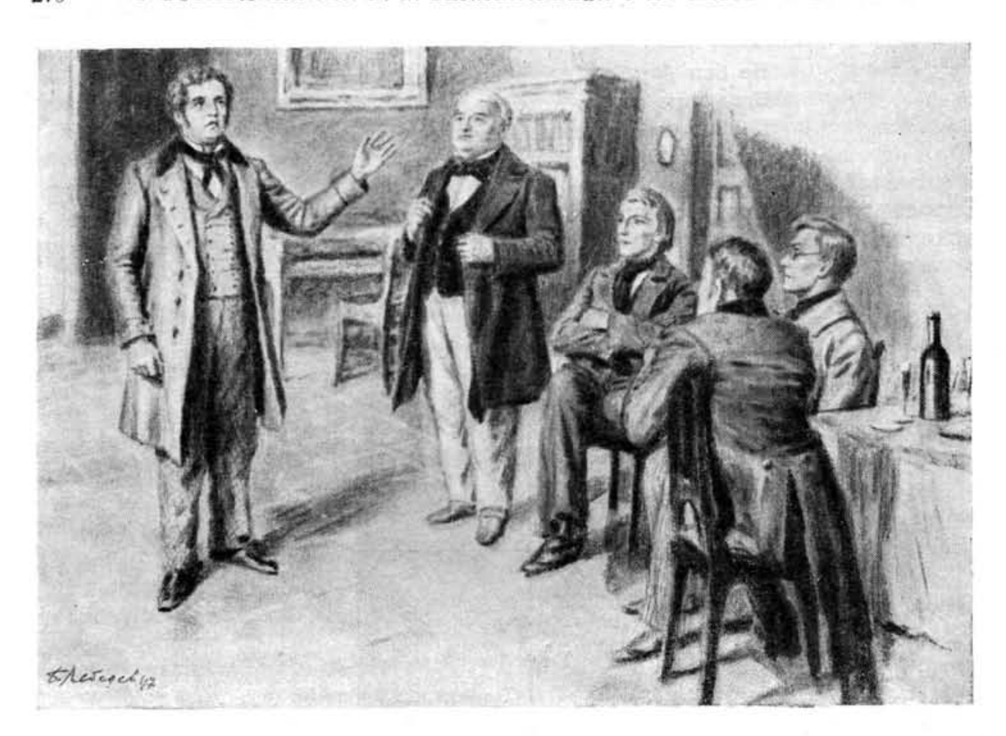
здесь его голос звучал скорбью, в нем слышались рыдания. И как изменялось его лицо при чтении этих строф! Казалось, он стоит у родной могилы. Я смотрел на него и видел печальное лицо, глаза, полные слез, и какой скорбный излом появлялся у его бровей!

Всех слушающих его пронимал холод, все поеживались.

Любил он читать стихи Пушкина. Я был на обеде у Селивановского. Там были: Щепкин, Крюков, Иноземцев, Павел Степанович, Клюшниковы. За десертом Крюков попросил Павла Степановича почитать Пушкина. Это была вдохновенная минута, когда Крюков обратился к нему. Павел Степанович читал одно за другим стихи Пушкина. Он стоял у стола, скрестив руки, немного склонив голову, и как читал! Как звучали они, я воспринимал их по-новому. Павел Степанович давал им смысл жизни.

В это время пришли Дядьковский с Белинским. Это все трудно забыть, да и не забуду я всего, что связано с Павлом Степановичем, никогда, до конца дней.

До чаю Дядьковский с Крюковым играли в шахматы, Белинский и Павел Степанович сидели рядом. Дядьковский с Белинским заговорил о Шолье[14]

МОЧАЛОВ ЧИТАЕТ БЕЛИНСКОМУ МОНОЛОГ ГАМЛЕТА
Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.
Собрание художника, Пенза

Павел Степанович внимал им, боясь проронить одно слово, и любовно глядел на них обоих. Кто-то к нему зачем-то обратился, он недовольно отмахнулся и отвернулся. Он мне сказывал, как он, Клюшниковы, Белинский и Дядьковский ходили обедать к Печкину [15] и сколько хорошего он черпал из бесед с ними!

Однажды он был больным и лежал в простуде. У него сидели мы с Дядьковским и Петром Клюшниковым. Он говорил, что любит нас, что мы все ему словно кровные — родные, и говорил, как он любит Ивана Клюшникова и Белинского.

Очень много для Павла Степановича делал Иван Клюшников. Он его любил и жалел, когда тот запивал и бушевал. Павел Степанович благоговел перед Дядьковским, Белинским и Крюковым и перед последним ко всему еще и робел. Как-то, это было зимним вечером, мы все сидели у него, еще с нами был Ленский[16]. Дядьковский жаловался на болезнь глаз и ног и сказывал, что собирается в Пятигорск.

Белинский добавил, что и он совсем оставляет Москву и переселяется в Петербург. Павел Степанович схватил его за руку и проговорил: «Как же вы уедете, так и уедете совсем, а я как же без вас-то здесь буду?» И словно облако набежало на его до того оживленное лицо [17].

У Павла Степановича на столе справа лежали в сафьяне книжки «Московского наблюдателя» с разбором Гамлета, сделанным Белинским [18], и сверху стихи Ивана Клюшникова, который, так любя и ценя Павла Степановича, написал их, полный горечи, увидя его после первого представления Гамлета, поутру в трактире и буянившего с половым [19].

Не один раз он при мне читал эти стихи, прижимал их к груди и плакал. Когда он готовил новую роль, он вникал в нее, рассуждал о ней с нами, и переживал ее. Он жил чувствами того, кого представлял, постигая харак-

тер его. Прежде всего он разбирал все, что представил сочинитель, а уж потом брался за роль.

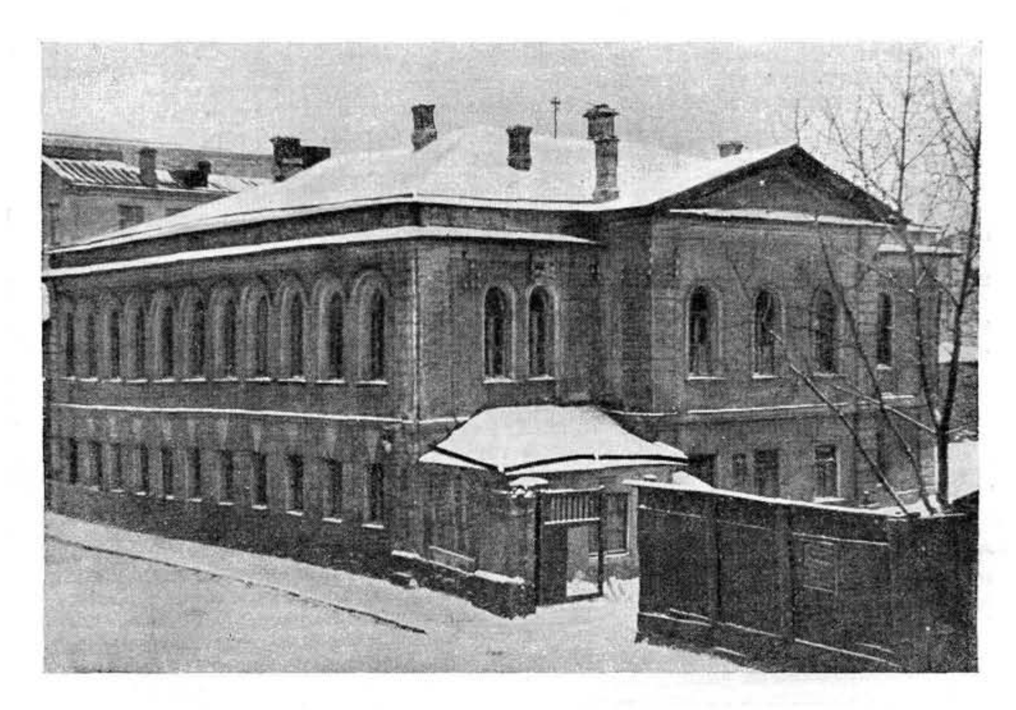
Он любил обо всем этом беседовать с Крюковым, Белинским и Дядьковским. Он прислушивался всегда к словам их, вникал в них и со мной подолгу говорил о беседах с ними.

Павел Степанович не раз жалел, отчего у нас нет русских трагедий и драм. Он вспоминал, когда еще мы не знали друг друга, как он по совету Щепкина хотел поставить в свой бенефис трагедию «Ермак» Хомякова, но ничего не мог сделать, хоть и хлопотал много [20]. После смерти Лермонтова он захотел поставить опять-таки в свой бенефис — его «Маскарад» [21]. Эту драму всё запрещали. Павел Степанович писал Белинскому: разъяснял ему, как он понимает Арбенина, его характер, все оттенки его существа, и считал, что зловещий образ Арбенина он даст верно, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ постиг его. Белинский благословил его на это, но как в воду посмотрел, написав, что не дозволят, так оно и вышло. А Мочалов хлопотал три раза и без успеха. «Маскарад» заменил он «Лиром» и как радовался, словно малое дитя, когда получил похвалу от Белинского, поставившего его в «Лире» выше Каратыгина! [22]

Однажды мы сидели с Павлом Степановичем в «Британии». Туда зашел Кетчер. Павел Степанович, разговорившись с ним, пожалел, что у нас нет русской трагедии — «Иван Грозный». Я бы сыграл Грозного — говорил он, я бы весь театр потряс, уж как мне хочется Грозного сыграть! Степанов меня загримировал ⟨бы⟩ как надо.

Не дожил наш Мочалов до русских драм и трагедий, а он бы мог еще долго жить.

В последние месяцы жизни Павел Степанович все вспоминал Кольцова. Он сказывал мне, как они любили друг друга и какой отзвук находили в душе один у другого.

ДОМ № 7 В КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ ЖИЛ В 1830-х гг. П. С. МОЧАЛОВ, И ЗДЕСЬ У НЕГО БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1950 г.

Письма Кольцова, Белинского и Сосницкого он бережно хранил в своем ларчике и не раз при мне перечитывал их. Когда он ходил по улицам — все извозчики, дворники и прохожие узнавали его. Как-то мы с ним шли по Ордынке, он был навеселе, два извозчика узнали его и предлагали подвезти. Он остановился перед ними и стал им читать «Чернеца» Козлова. Два раза прочел посвящение, собрались многие и слушали его. Голос у него дрожал, махнув рукой, он тихо пошел со мной.

И в театре все служители его любили. Он делал им что мог и помогал в нужде.

Мочалов любил чтобы перед началом представления играли увертюры к «Норме» и «Фрейшицу». Он стоял на сцене, слушал, опустив голову, словно что-то думал.

Любил он весной, когда уже все было зелено, бродить по Москве, словно изучал ее. Ходил в Кремль, заходил в соборы, смотрел все в них, будто никогда их не видал.

Иногда к обедне и ко всенощной ходил к Николе Большой крест, подолгу стоял на его крыльце и ходил вокруг него, рассматривая его. В этом же храме его и отпели.

Я еще Вам, почтеннейший Василий Павлович, не все сказал о Мочалове. Это часть только о незабвенном и вечно мною любимом до конца дней моей жизни — дорогом Павле Степановиче.

Ваш Николай Беклемишев

Автограф: МОГИА, ф. попечителя Моск. учебн. округа.

[1] Датируется на основании упоминания Беклемишева о Н. С. Селивановском, «которого неделю назад похоронили». Селивановский умер 15 марта 1852 г. в Москве (см. «Московский некрополь», т. III, СПб., 1908, стр. 88).

[2] Николай Семенович Селивановский (1806—1852) — сын известного издателя, владелец типографии в Москве. В 1834—1835 гг. сотрудничал в «Молве». В это время он, вероятно, и познакомился с Белинским. См. еще прим. 10.

[3] Екатерина Федоровна Селивановская (ум. в 1860 г.).

[4] Михаил Семенович Щепкин (1788—1863).

[5] Иустин Евдокимович Дядьковский (1784—1841) — врач-диагност, в 1831—1836 гг. профессор медицинского факультета Московского университета. Один из первых русских материалистов-биологов, был близок к литературным кругам. См. о нем в заметке В. Смотрова в «Лит. наследстве», т. 45—46, 1948, стр. 715—718.

[6] Иван Петрович Клюшников (1811—1895) — поэт и его брат Петр Петрович Клюшников (род. в 1812 г.) — врач. См. о них в настоящем томе, стр. 113, 119—120, 122 и др.

[7] Федор Иванович Иноземцев (1802—1869) — знаменитый врач. С 1835 г. — профессор практической хирургии в Московском университете.

[8] Дмитрий Львович Крюков (1809—1845). С 1835 г. — профессор римской словесности и древностей в Московском университете.

[9] Петр Гаврилович Степанов (1800—1861) — артист Малого театра, художник-гример. Белинский упоминает о его «божественном» передразнивании Каратыгина в письме к М. А. Бакунину в июле 1838 г. («Письма», I, 203).

[10] Белинский бывал иногда на вечерах у Селивановского, где и познакомился с П. С. Мочаловым, а также с А. Д. Галаховым и В. П. Боткиным.

1 ноября 1837 г. Белинский писал М. А. Бакунину: «Я познакомился с Мочаловым на вечере у Селивановского, где Полевой читал два акта своей оригинальной драмы „Граф Уголино"; за ужином Мочалов и Щепкин, по просьбе Полевого, говорили последние монологи из „Горе от ума" — славный был вечер, хотя и у Селивановского!» («Письма», I, 138—139).

16 января 1841 г. Белинский в письме к В. П. Боткину дал резкую характеристику Селивановскому, но с благодарностью отозвался о его вечерах: «Я вспомнил о моей ни на чем не основанной ненависти к С — му (протоканалье). Из чего мы все вдруг взбеленились на него — разве и прежде мы знали его не таким, каким увидели его после? В нем много эгоизму, бездна самолюбия, маловато чести, нисколько благородства, он мелочен, сплетник, не может быть ничьим другом, а тем менее кого-нибудь из нас, но в нем много доброты природной, он умен, даже не без чувства, не без способности увлекаться (хоть на минуту) мыслию, а главное — он удивительно грациозен и достолюбезен во всех своих мерзостях〈...〉 Не его вина, если мы хотели видеть в нем для себя то, чем он ни для кого быть не может. Я бы теперь с удовольствием опять сошелся с ним. Я бы уж держал с ним ухо востро и не позволял бы ему забываться со мною — и мы были бы

довольны друг другом. Знаешь ли, что я иногда с умилением вспоминаю о его субботах, куда, вместе с порядочными людьми, наползали Воскресенские и прочие? Знаешь ли ты, что от одного такого вечера в Питере я бы целую неделю был счастлив?» («Письма», II, 208).

[11] Кольцов, очевидно, познакомился с Мочаловым в свой второй приезд в Москву в январе 1836 г. На вечерах у Селивановского он мог бывать и во время пребывания своего в Москве в январе 1838 г. Кольцов писал Белинскому 28 апреля 1840 г. о посещении его Мочаловым, бывшим на гастролях в Воронеже: «Он так же ко мне добр, хорош и ласков, каков был прежде, даже лучше» (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, под ред. А. И. Лященко, СПб., 1911, стр. 214).

[12] Александр Егорович Варламов (1801—1851)— известный композитор. Им написана музыка к песне Офелии для постановки «Гамлета».

[13] Федор Петрович Гааз (1780—1853) — московский врач, известный своей общественно-филантропической деятельностью.

[14] Гильом-Амфри Шолье (1636—1720)— французский поэт-эпикуреец. Высказывания о нем Белинского до нас не дошли.

[15] Печкин — владелец одного из московских трактиров.

[16] Дмитрий Тимофеевич Ленский (Воробьев) (1805—1860)— известный водевилист и актер Малого театра, друг Мочалова.

[17] Эпизод этот происходил, повидимому, весной или осенью 1837 г., когда Белинский вел переговоры с Краевским о переезде в Петербург для постоянного сотрудничества в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду».

[18] Статья Белинского «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» была напечатана в «Московском наблюдателе», 1838 г. (март, кн. 1 и 2; апрель, кн. 1).

[19] Стихотворение И. П. Клюшникова «Katzenjammer» 〈Похмелье〉 («С мучительной, убийственной тоской...») было написано, по словам автора, «в раздумьи после вечера, где пьяный Мочалов говорил бессвязно дичь о своей собственной игре в „Гамлете“, которым упоил меня в тот же вечер 〈...〉 Когда Мочалов прочитал эти стихи, он до слез был тронут и потом всегда носил их с собою» (письмо И. П. Клюшникова к Я. П. Полонскому.— «Лит. вестник», 1881, февраль, стр. 81—82).

[20] «Ермак»— трагедия А. С. Хомякова. Написана в 1825 г. Впервые поставлена на петербургской сцене в 1829 г. По совету Щепкина, Мочалов обратился в 1830 г. к М. П. Погодину с просьбой достать у Хомякова его трагедию для своего бенефиса (ЛБ. Архив Погодина, Пог. 11/47—48).

[21] Имеется в виду бенефис Мочалова 21 января 1844 г., в Большом театре, в Москве. 29 марта 1843 г. В. П. Боткин писал А. А. Краевскому: «Мочалову очень хочется дать в свой бенефис, будущею зимою, драму Лермонтова „Маскарад“». Далее он просил Краевского получить разрешение у владельца рукописи драмы Киреева на ее постановку и добавлял: «Мочалов надоедает мне об этом целый месяц; отделаться я никак не мог и лучше решился принять от Вас „изрядное“ ругательство, нежели отказать Мочалову. Он говорит, что он воскреснет в этой драме» (И. А. Бычков. Бумаги А. А. Краевского, СПб., 1893, стр. 126—127). Но николаевская цензура, видя в драме Лермонтова резкую критику «на современные нравы», упорно не пропускала ее на сцену, несмотря на возобновлявшиеся дважды хлопоты (с 1835 по 1843 г.). 6 мая 1843 г. «Маскарад» был представлен, очевидно, Краевским на рассмотрение в III Отделение, откуда рукопись не возвратилась (см. статью К. Ломунова «„Маскарад“ Лермонтова как социальная трагедия» в сб. «„Маскарад“ Лермонтова», М.—Л., ВТО, 1941, стр. 54—55).

Впервые «Маскарад» увидел сцену в 1852 г. в бенефис М. И. Валберховой. Мочалову же пришлось заменить его переводной французской пьесой «Мономан, или помешанный» (см. «Московские ведомости», 1844, № 8 от 8 января).

[22] Беклемишев здесь спутал даты событий (см. предыдущее прим.). «Король Лир» Шекспира шел в бенефис Мочалова 4 января 1839 г. В заметке «Театральная хроника» («Московский наблюдатель», 1839, ч. I, кн. 2) Белинский писал о Мочалове в роли короля Лира на повторном спектакле: «Самые пламенные почитатели таланта г. Каратыгина и противники таланта Мочалова единодушно отдали преимущество последнему перед первым в роли Лира. Рукоплесканиям и вызовам не было конца» (IV, 119).

БЕЛИНСКИЙ И КОЛЬЦОВ В ПЕРЕПИСКЕ А. В. СТАНКЕВИЧА И Я. М. НЕВЕРОВА С М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Публикация М. Барановской и Е. Хмелевской

Предисловие и примечания Б. Белова

В 1878 г. вышла в свет книга М. Ф. Де-Пуле «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке».

Земляк поэта, М. Ф. Де-Пуле в течение шестнадцати лет собирал материалы для его биографии. Не ограничиваясь богатыми местными источниками, он письменно обращался за сведениями и документами к современникам Кольцова — А. А. Краевскому, И. С. Тургеневу, В. И. Аскоченскому, М. И. Юдину и др. Благодаря этим материалам книга Де-Пуле долгое время оставалась самым полным сводом всего известного о Кольцове, что и обусловило постоянные ссылки на нее позднейших исследователей.

Однако при всей ценности собранных Де-Пуле материалов, схема политической и литературной биографии поэта, выдвинутая в его труде, не выдерживала никакой критики. Новая биография Кольцова полемически заострена была против концепции его жизни и деятельности, созданной Белинским.

Как известно, статью о Кольцове Белинский писал весной 1846 г., т. е. за год до «Письма к Гоголю». Критик-демократ убедительно изобразил народного поэта жертвой «тяжелой борьбы между его призванием и его суровою судьбою», порожденной «грязной ⟨читай: николаевской.— *Б. Б.*⟩ действительностью». В преждевременной гибели Кольцова Белинский обвинял те общественные условия и, в частности, семейное окружение, в котором пришлось жить поэту: «Общество виновато в том, что, едва родившись, он ⟨Кольцов⟩ с собою должен брать даже самый воздух, чтоб ему можно было дышать ⟨...⟩ В своем семействе прежде всего встречает он, с ужасом и отвращением, чудовищный образ общества, которое в человеке не хочет признавать человека, но ⟨...⟩ смотрит на него только как на работника, как на живой капитал, с которого некогда можно будет брать проценты ⟨...⟩ Семейство, узы крови: что вы, если не бичи и цепи там, где полудикое и невежественное общество еще в колыбели встречает человека в виде патриархального логовища, глава которого есть степной деспот с нагайкой в руке?» (X, 274).

Де-Пуле в своей биографии Кольцова выступал как эпигон реакционного славянофильства, как историк и критик, идейно близкий Аполлону Григорьеву и Достоевскому. Его работа строилась на положениях, прямо противоположных тем, на которых когда-то стоял Валериан Майков, первый оппонент Белинского в вопросе о Кольцове (В. Н. Майков. О стихотворениях Кольцова.— «Отеч. записки», 1846, №№ 11—12. Перепечатано в его «Критических опытах», 1889, стр. 1—116).

Если космополит В. Майков призывал отказываться от всякой национальной самобытности во имя абстрактного «человечества», то Де-Пуле выступал защитником и идеализатором традиций того «патриархального логовища», о котором писал Белинский. Эта «защита» у него нередко перерастала в самый злостный памфлет против Белинского и Кольцова. Критик радикально-демократического журнала «Дело» имел

основание писать по поводу книги Де-Пуле: «Воронежский француз, или французский воронежец, г. Де-Пуле сделал своею специальностью — розыски о поведении и благонадежности некоторых писателей. Так, напр., в свое время он составил подробные кондуитные аттестаты проф. ⟨Д. И.⟩ Кочановского и ⟨поэта⟩ Никитина, а недавно занялся розыском о том, чье тлетворное влияние испортило Некрасова, и нашел, что то было влияние матери поэта, польки ⟨...⟩ Что же касается Кольцова, то г. Де-Пуле принимается за него уже не в первый раз и еще в «Воронежской беседе» 1861 г. сделал ему самые дурные отметки в поведении за гордость, самомнение, строптивость, непочтительность к старшим и т. д.» (С. Шашков. Кольцов и новый розыск о его поведении.— «Дело», 1878, № 9, «Современное обозрение», стр. 1).

О том, что важнейшей целью его работы была дискредитация биографии, созданной Белинским, признается и сам Де-Пуле в публикуемом ниже письме к Я. М. Неверову: «Я давно убедился, что Белинский ⟨...⟩ представил Кольцова в ложном свете. Эта ложь поддерживается в литературе более 30 лет ⟨...⟩ вот мой взгляд! Высказываю Вам его для того, чтобы Вы знали, с каким биографом Кольцова Вы имеете дело» (письмо от 6 июня 1877 г.).

Свою политическую и исследовательскую позицию Де-Пуле откровенно охарактеризовал в письме к Я. М. Неверову: «Друг Станкевича, приятель Грановского, Вы (мне думается), теперь, в настоящую пору, не горячий западник, вроде Кетчера, Е. Корша и Александра Станкевича. Вы, мне кажется, не подпишетесь теперь под статьею Белинского о Кольцове и под книгами Анненкова (о Станкевиче) и Пыпина (о Белинском).

Если это так, то, кажется мне, кое-что надумать о Кольцове Вы могли бы. Не забывайте, что закоренелые западники, несмотря на приязнь мою с А. В. Станкевичем, не дали мне писем Кольцова к Белинскому. Они держат их под спудом, боясь разоблачения семейных дел Кольцова, в общем мне известных, — дел весьма пакостного свойства, в которых поэт играл далеко не чистую и не честную роль. Белинский испортил жизнь Кольцова и сгубил его своим влиянием,—для меня это аксиома» (письмо от 4 августа 1877 г. Не опубликовано. ГИМ. Ф. № 372, ед. хр. 7, лл. 36—37 об.).

А. В. и Е. К. СТАНКЕВИЧИ
Дагерротип, 1840-е гг.
Собрание М. Ю. Барановской, Москва

Для доказательства этих фантастических положений Де-Пуле не останавливался перед прямым искажением фактов. Понятна поэтому важность опубликования подлинных документов переписки Де-Пуле, до сих пор не входивших в научно-исследовательский оборот. Как первоисточник, печатаемые ниже письма А. В. Станкевича и Я. М. Неверова к Де-Пуле существенно подрывают доверие к книге воронежского биографа Кольцова даже в тех ее частях, которые производили впечатление строгой «документальности». В то же время (что нам представляется не менее существенным) эта переписка дает интереснейший материал и для понимания борьбы, с новой силой вспыхнувшей вокруг идейного наследия Белинского в 1870-х годах и с тех пор уже не замиравшей до самой Великой Октябрьской социалистической революции.

I. ПИСЬМА А. В. СТАНКЕВИЧА К М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Об А. В. Станкевиче (1821—1912) известно немного. Член литературно-философского кружка своего брата, автор двух-трех повестей, опубликованных в «Современнике» 1840-х годов, впоследствии автор книги о Грановском и издатель его переписки — А. В. Станкевич с юношеских лет был связан с Белинским и его окружением. Это подтверждается и одним из шуточных обращений к нему в письме Н. В. Станкевича от 17 октября 1837 г. из Берлина: «Слушай и ты, юноша с кудрявою головою, амур-ревматик, достойный воспитанник Бодянского, истинный член компании братьев-Станкевичей, любезнейший Александр Владимирович.— Внимайте все, некогда собиравшиеся к круглому столу в доме Лаптевой, за самоваром высказывать все события прекрасных душ Ваших — Иван Осторожный ⟨поэт И. П. Клюшников⟩, опускавший гардины, Виссарион Неистовый, посмевавшийся этим мудрым мерам; ты, Михаил — подражатель архангела ⟨М. А. Бакунин⟩, горько плачущий, что чорт перестал странствовать по земле» и т. д. («Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 158—159. Характерно в этом письме свидетельство о некоторых конспиративных мерах во время собраний кружка).

Белинский очень любил «Саничку Станкевича» и всегда считал его человеком, «близким и родным себе» («Письма», III, 97). Неудивительно, что и А. В. Станкевич с передовых демократических позиций ученика и друга Белинского разоблачал реакционность книги Де-Пуле через тридцать лет после смерти великого критика.

М. Ф. Де-Пуле писал 6 июня 1877 г. Я. М. Неверову: «Я по воронежской жизни (1862—1864), был очень близко знаком с ⟨...⟩ Александром Влад⟨имировичем Станкевичем⟩. А теперь мы с ним чуть не рассорились (говорю в шутку) из-за Кольцова или, точнее, из-за Белинского».

«Нет такой правды, которая могла бы умалить достоинства, личность и деятельность Белинского,— возражал А. В. Станкевич Де-Пуле в черновике письма 12 декабря 1876 г.— Односторонние суждения и предубеждения для них безопасны — в этом я совершенно убежден». Еще более резко противостояли Де-Пуле формулировки А. В. Станкевича в последнем варианте этого же письма: «Счастливы мы фактом и сознанием, что в среде русского народа живут сильные и глубокие мотивы поэзии, что им несомненно присущи широкие стремления, служащие нам залогами его значения в будущем, вселяющие в нас надежды. Таким сознанием и фактом, между прочим, обязаны мы Кольцову и людям, умевшим ценить его и поддерживать в нем веру в самого себя, в свой талант ⟨...⟩ Среди последних главное место принадлежит Белинскому».

Первое письмо Де-Пуле получено было А. В. Станкевичем около 5 апреля 1876 г. В нем между прочим содержалась просьба прислать письма Кольцова к В. П. Боткину, находившиеся у К. Т. Солдатенкова. Однако эта просьба встретила решительный протест со стороны Н. Х. Кетчера, не симпатизировавшего Де-Пуле и боявшегося превратного истолкования им этих писем. А. В. Станкевич в ответе от 8 апреля 1876 г. соглашался сообщить Де-Пуле все лично ему известное о Кольцове, но, сославшись на занятость, просил повременить до мая. (Не опубликовано. ИРЛИ. Ф. № 569, № 575а). Следующие письма его к М. Ф. Де-Пуле публикуются ниже.

Д-20

Народныя песни.(а)

№ 1

1.

Какъ у князя, было, князя,
У князя ~~Волконскаго~~ В—го,
Собиралася банда,
Банда веселая;
Они пили и гуляли,
Прохлаждалися,
Молодыми винами
Княгиня похвалялася.
Похвалялся князь В—ской
Молодой княгинею.
„Не хвалишь, В—ской князь,
Ты своей княгинею:
Как тая-ли по ночамъ
Спитъ съ Ваней ключникомъ,
Спитъ съ молодцомъ
Ровно три годочка."
Какъ узналъ В—ской князь
Про свой великой бесчестье;
Закричалъ В—ской князь
Своимъ грознымъ голосомъ:
„Гей вы слуги мои слуги,
Слуги мои верные,
Вы пойдите мои посланцы,
Посланцы мои верные!
Вы подите приведите
Ко мне Ваню ключника."
Гей как стали и Ваню
Ванюшу допрашивать,
Ты скажи, скажи Ванюша,
Скажи, другъ мой,
Ох и сколько ночей-темныихъ
Ты спалъ ли съ княгинею!"
— „Гей я знать того не знаю,
Ведать, князь, не ведаю,
Ох и сколько ночей-темныихъ
Спалъ я съ княгинею." —
Закричалъ В—ской князь
Своимъ грознымъ голосомъ:
„Гей вы слуги, мои слуги,
Слуги мои верные,
Вы пойдите мои, посланцы,
Посланцы мои верные!
Вы берите лопатки,
Лопатки железные;
Ройте вы, копайте
Ямочки глубокія;
Ставьте столбики,
Столбики точеные,
Вы кладите перекладинку,
Перекладинку дубовую;

(а) Изъ сборника русскихъ народныхъ песенъ, собранныхъ А. В. Кольцовымъ.

СПИСОК НАРОДНОЙ ПЕСНИ О ВАНЬКЕ КЛЮЧНИКЕ, СОБСТВЕННОРУЧНО СДЕЛАННЫЙ БЕЛИНСКИМ ПО ТЕКСТУ, ЗАПИСАННОМУ А. В. КОЛЬЦОВЫМ
1839—1840 гг.

Песня предназначалась для печати, но не была пропущена цензурой
Перечеркнуто цензором

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

1. А. В. СТАНКЕВИЧ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Москва, Большой Чернышевский переулок, собственный дом
Ноября 22 1876

Многоуважаемый Михаил Федорович! Не знаю, как извиняться перед Вами, что до сих пор не исполнил данного Вам обещания сообщить все известное мне о Кольцове и отношениях его к покойному брату.

⟨...⟩ Брат мой Николай до поступления в университет воспитывался в Воронеже, в пансионе Павла Кондратьевича Федорова. Еще во время своего последнего пребывания там он познакомился с молодым Кольцовым. Поэзия тогда сильно занимала брата, а о молодом поэте он мог узнать у воронежского книгопродавца (Кашкина, если не ошибаюсь) [1], да Кольцов и сам бывал в пансионе иногда, так как, помнится, он ставил Федорову дрова. Будучи студентом Москов⟨ского⟩ университета, брат видался с Кольцовым, когда бывал в Воронеже проездом в отцовскую деревню. Приезжая в Москву между 1831—1836 годами, Кольцов иногда останавливался в квартире брата моего. Через последнего он познакомился с кругом его друзей и с Белинским. Сведения об этом сообщались мною Анненкову, и в биографии Ник⟨олая⟩ Станкевича, им написанной [2], Вы их найдете.

Знакомство Кольцова с Белинским могло состояться, думаю, не ранее 1831 года. Я. М. Неверов, старший товарищ брата по университету, служил в Петербурге с 1833 года и участвовал в «Журнале министерства просвещения». Кольцов, рекомендованный Неверову братом, был лично знаком с Неверовым, а через него познакомился и с некоторыми из петербургских литераторов. В 1835 году брат издал маленькое собрание избранных стихотворений Кольцова (18 стихотворений). В 1836 и ⟨18⟩37 годах Кольцов провел по своим делам много времени в Москве. Весною последнего года я часто видал Кольцова у Василия Петровича Боткина, где нередко читались только что написанные Кольцовым стихотворения и где Белинский бывал постоянным гостем. Здесь же бывали Констант⟨ин⟩ Сергеевич Аксаков, И. П. Ключников (стихотворения которого являлись в печати с подписью буквы Θ), Н. Х. Кетчер, М. Н. Катков. В эту весну я нередко гулял с Кольцовым в окрестностях Москвы. Он уже тогда выражал, что его занятия в Воронеже и необходимость жить там тяготят его.

После я видал Кольцова только проездом в Воронеже [3]. В последний раз я его видел в 1842 г. летом. Он уже был болен, желт, осунулся, согнулся; он говорил, что его лечит Малышев [4], о котором отзывался с благодарностью. Умер он, кажется, осенью того же года [5]. Во время моих посещений Кольцова к нему иногда входил отец его, походивший на очень грубого мужика. Появление этого батиньки (так называл его Кольцов) как-то действовало очень неприятно на меня и прерывало беседу с Кольцовым так, что она не тотчас могла продолжаться между нами. При свидании с Кольцовым чаще всего говорили мы о стихах и современных литературных явлениях, иногда он давал прочитывать мне свои новые стихи. Я был тогда еще очень молод и теперь не могу припомнить подробностей наших бесед. Помню сильный энтузиазм Кольцова к поэзии Пушкина и отзывы его о Жуковском, как о прекрасном человеке, а в поэте Жуковском он уже видел недостаток оригинальной силы и самобытного творчества. Появлявшиеся стихотворения Лермонтова читал Кольцов с жадностью и рассказывал как-то мне с грустною задумчивостию, что Лермонтов проезжал Воронеж и будто бы кутил там с какими-то офицерами, закуривая трубку ассигнацией [6].

Раз зашел у нас разговор о дурном глазе, в который верит народ. Кольцов был того мнения, что в основе этой веры есть что-то истинное. В гуртах ему приходилось встречаться с явлениями, которые, будто, указывали на недоброе личное влияние иных людей, приближавшихся к скоту. «Что-то, как будто, есть,— заключил он,— е ф т о м у (так он произносил) можно верить».

У Кольцова был природный светлый и крепкий ум, и его поэтическая натура и фантазия нисколько не мешали ему ясно понимать людей и практические отношения жизни. Суровая и тяжелая действительность, среди которой рос он с детства, воспитали в нем эту способность, как необходимость.

Я привел Вам мнение Кольцова о дурном глазе не для того, чтобы показать, что он разделял предрассудки народной среды, а для того, что, как думаю, в нем выражалась способность самостоятельного отношения к явлениям, не имеющим положительного объяснения, которых он, однако, не отрицал из страха только прослыть за необразованного человека. К предрассудкам же он вовсе не был наклонен.

Разговор Кольцов вел тихо, несколько глухим голосом, немного понурив голову. Способ его выражения отличался тою оригинальностью, которою часто отличаются люди, не испытавшие школьного влияния и вращавшиеся в низменных слоях общества.

Кольцов был человек страстного и нежного сердца, выражения которого, однако, носили характер сдержанности. Характеристика Кольцова, написанная Белинским в предисловии к стихотворениям Кольцова, по-моему, совершенно верна истине.

У Кольцова заметна была сильная сердечная привязанность к Белинскому.

Это все, что мне известно о Кольцове 〈...〉

О письмах Кольцова Белинскому я сообщал Вам, что Кетчер их не дает. Он, впрочем, действительно имеет на то важные причины.

Влияние брата Николая на поэта Кольцова могло выказываться в сообщаемых ему замечаниях на его стихотворения (первоначальные), так как брат был человек с большим поэтическим пониманием. Из многих стихов Кольцова для первого издания он избрал весьма немногие. Брат уехал из России в 1837 году; тогда уже прекращаются его отношения к Кольцову 〈...〉

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 575.

[1] Обстоятельства первой встречи Кольцова с Н. В. Станкевичем рассказаны в публикуемом ниже письме Я. М. Неверова к М. Ф. Де-Пуле от 24 мая 1877 г.

[2] П. В. А н н е н к о в. Биография Н. В. Станкевича.— В кн.: «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография», СПб., 1857.

[3] Во время предпоследней встречи А. В. Станкевича с Кольцовым, происшедшей, очевидно, в начале 1840 г., он произвел на поэта неблагоприятное впечатление. В письме к Белинскому от 20 февраля 1840 г. Кольцов, между прочим, писал: «Был у меня третий Станкевич. Он как-то странно переменился, зарылся в науку, в формальность, математически сурьезно. Оно хорошо с молодых лет поучиться хорошенько, а все-таки странно видеть человека ученого, сухого, без огня в душе и без фантазий жизни» (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, под ред. А. И. Лященко, СПб., 1909, стр. 206—207).

Поэт, несомненно, ошибся в своем заключении. Как видно из писем А. В. Станкевича, это был человек с «огнем в душе», который при случае проявлялся у него прямо и резко.

[4] Иван Андреевич М а л ы ш е в — врач, пользовавшийся громадной популярностью во всей Воронежской губ. Лечил Кольцова до конца его дней. О Малышеве см. статью М. Ф. Де-Пуле «А. В. Кольцов».— «Воронежская беседа на 1861-й год», СПб., 1861, стр. 419—420.

[5] Кольцов умер 29 октября 1842 г.

[6] Рассказ Кольцова о пребывании в Воронеже Лермонтова был использован в монографии М. Ф. Де-Пуле (стр. 86—87).

2. А. В. СТАНКЕВИЧ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ*

〈Москва. 12 декабря 1876 г.〉

Многоуважаемый Михаил Федорович!

Постараюсь ответить на Ваше письмо с возможною полнотою.

«Итак, — пишете Вы, — Ник〈олай〉 Вл〈адимирович〉 никаких особенно интимных и дружественных отношений к Кольцову не имел, а за границей совсем им не интересовался».**

В письмах своих в нашу семью из Берлина брат просил вестей о Кольцове, поручал передать ему его поклоны. Он также письменно спрашивал о нем друзей, которые нередко присылали ему стихи Кольцова. Дружественные отношения бывают разные.— Уважение, участие, сочувствие со стороны брата к Кольцову были полные. Кольцов платил ему тем же. К покровительственным отношениям с лицами, для него почему-либо привлекательными, брат не был способен. Кольцов, человек и поэт, были предметом его любви.

Письма брата к Кольцову не сохранились.

«Слышал я, что брат Ваш не одобрял того влияния, какое старался иметь на Кол〈ьцов〉а Белинский». Это совершенно несправедливо. Да Белинский никогда и не старался иметь влияния на Кольцова, а просто имел его, как человек ума, таланта, идей и характера, сочувственных Кольцову. Кольцов же был не такой человек, который безразлично поддавался бы всякому встречному влиянию.

1. Русскому языку и словесности в пансионе Федорова из преподавателей семинарии никто не учил. Помнится, преподавателем их там был*** Алексей Иванов〈ич〉 Сухомлинов [1].

2. Брат семью свою посещал в деревне большею частию летом, а эта пора проводилась Кольцовым в разъездах и хлопотах по делам промысла, а потому брат видал Кольцова в Воронеже, если заставал его в городе, а более в Москве, где Кольцов проводил у него дни, а иногда недели, приезжая в Москву по делам. В деревне у нас я Кольцова не видал. Если он бывал там, то это могло быть в моем отсутствии.

3. Кому принадлежит оригинал портрета Кольцова и где он находится — не знаю. Портрет весьма схож с Кольцовым [2].

4. У Кольцова я бывал в доме на дворе, в последний раз был у него в **** доме по Дворянской улице, еще не совсем достроенном. Сидели мы там и здесь в какой-то проходной комнате. Появлением отца Кольцов не смущался, а представил меня ему очень просто: Батинька, вот г. Станкевич, а мне сказал: батинька мой. Батинькой смущался я, как чем-то очень грубым, связанным с Кольцовым. Кольцов никогда не говорил мне о батиньке ни слова, но мне казалось, что сношения с ним д〈олж〉ны быть не легки для сына, а эта мысль смущала меня при виде батиньки. Кольцов же был человек чуткий и, вероятно, замечал мое смущение. Обстановка комнаты, помню, была очень скромная, крашеные стол и стулья с кожаными подушками. Кольцов всегда угощал меня чаем, даже в июльский день с 30 град〈усами〉 жары.

5. Лично с Лермонтовым К〈ольцо〉в не был знаком. О Дельвиге от Кольцова я ничего не слыхал. В Вашем письме:

«Кольцов был мученик, потому что отец его был мужик — говорят нам». Кто же говорит такую бессмыслицу? Можно быть мучеником и сыну ко-

---

* В сносках даны разночтения чернового автографа этого письма, хранящегося в ГИМе (ф. 351, ед. хр. 67, лл. 138—141 об.).

** Брат очень интересовался Кольцовым до самого отъезда за границу.

*** Н. М. Савостьянов и

**** новом

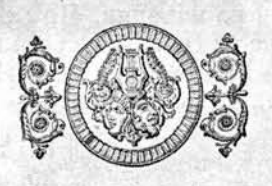
ИЗДАНИЕ «СТИХОТВОРЕНИЙ» КОЛЬЦОВА 1835 г., ВЫШЕДШЕЕ В СВЕТ ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ БЕЛИНСКОГО

Титульный лист книги

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСѢЯ КОЛЬЦОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1835.

роля. Не знаю, кто называл Кольцова мучеником, но он несомненно страдал от грубой среды, от неделикатности к нему близких людей, которые иногда и не могли сами понимать этой неделикатности. Если же человек почему бы ни было уже не довольствуется средою, в которой поставлен, и однако же должен в ней оставаться — страдание тут является необходимо. Это испытал не один Кольцов.

Все, что Вы говорите о Белинском, как характере, и о влиянии Белинского на Кольцова, совершенно мне непонятно.

Я имел счастье знать Белинского. Его нравственная страстная энергия никогда не казалась мне нелепостью и бешенством*. Вы цените, говорите Вы, высоко талант Белинского и его литературные заслуги. Я должен сказать, что его талант и заслуги были из тех, которые невозможно отделять от лица.

Все, что он писал, говорил — все то он чувствовал, во все то он верил, всем тем он жил. Есть деятели в науке и литературе, у которых работает только голова. Белинский был не такого разряда человек. Говорить об этом пришлось бы мне очень долго.

Пыпин в общих чертах и во многих частностях понял лицо Белинского верно [3]. Слабая сторона его книги, я думаю, не здесь**.

* Даже самые его увлечения и ошибки всегда коренились в настойчивых и неколебимых требованиях нравственного чувства и крепкого ума. Такие ошибки бывали временными и сознавались им самим. Никого и никогда не встречал я, кто бы так карал собственные ошибки, как Белинский.

**—в недостаточной оценке его литературной деятельности, в недостаточной характеристике последней и не вполне верном, одностороннем выводе заключения книги.

Вы думаете, что иные называемые Вами лица «не взбудоражили бы, а успокоили бы натуру Кольцова, научили б его какому-нибудь умственному труду».

Какой умственный труд был возможен для человека, лишенного всякого элементарного знания? Кольцову оставалось читать и питаться чтением, насколько оно могло быть для него плодотворно, и он запасался книгами, радовался этим своим богатствам. Белинский снабжал его ими, сколько мог. Призвание Кольцова было ясно, выдумывать для него дело было незачем: он был поэт. Все воспринимаемое его душою могло проявиться в его поэзии. Ранняя смерть положила этому предел. Недоумение, сомнение, внутренний разлад в известные периоды жизни — удел разумного, развивающегося человека. Их не избежал и Кольцов, когда пробуждались в нем вопросы для него неразрешимые или стремления, удовлетворения которых он не находил. Но самое это отрицательное содержание мысли и чувства еще не гибель, не бесплодно для поэта; оно может вдохновлять его творчество (примеров много). Жизнь не в одних радостях и довольстве, а и сильная душа это знает—

Без любви и с горем
Жизнью наживемся,

поется в одной из песен Кольцова[4].

Верно только, что одни страдания, лишения, муки и жалобы еще не порождают поэта. Немало стихов, вызванных страданием и лишенных поэзии. Стоны больного или голодного, плач страдающего или крики отчаяния сами по себе еще не поэзия. «На что нам знать, страдал ты или нет?». Страдания Кольцова можно понять и из его стихов, но важно то, что можно наслаждаться ими. Страдания его не были бесплодны, так же как и сильная его способность любить, радоваться, широкая русская способность откликаться на впечатления жизни, все это есть в его поэзии. Он умер рано, не бегая ни от горькой, ни от сладкой чаши, подносимой ему жизнью. Можно ли назвать его счастливым человеком,— не знаю, но знаю, что счастливы мы фактом и сознанием, что в среде русского народа живут сильные и глубокие мотивы поэзии, что им несомненно присущи широкие стремления, служащие нам залогами его значения в будущем, вселяющие в нас надежды. Таким сознанием и фактом, между прочим, обязаны мы Кольцову и людям, умевшим ценить его и поддерживать в нем веру в самого себя, в свой талант. Нельзя не заметить, что среди последних главное место принадлежит Белинскому. На это есть доказательства, но прошу извинить, если не распространяюсь в этом отношении.

⟨...⟩ Прибавлю только, что правда, которой Вы ищете, никогда не умалит достоинство лица и деятельности Белинского. Такой правды не может быть*.

⟨...⟩ Забыл сказать о Сребрянском. Я его не знал, а видел раз в постели недвижимого. Не помню, в каком году это было. Кольцов тогда провозил его через Москву и ухаживал за больным. Был ли Белинский знаком с Сребрянским — мне неизвестно [5] ⟨...⟩

12 декабря 1876 Москва

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 575.

[1] В пансионе П. К. Федорова учился Н. В. Станкевич. В семинарии — друг Кольцова, А. П. Серебрянский.

[2] М. Ф. Де-Пуле, очевидно, спрашивал о портрете Кольцова работы К. А. Горбунова, приложенном к «Стихотворениям Кольцова» (1846). Белинский в своем предисло-

* Это я твердо знаю. Еще менее могут это сделать односторонние суждения или предубеждения, или мелочи, анекдоты, которыми с любовию занимаются любители так называемых биографических заметок.

вии отмечал большое сходство портрета с оригиналом (X, 291). Сам Де-Пуле располагал в это время (1876 г.) еще не известным тогда портретом поэта, писанным А. М. Мокрицким. По рисунку на камне Д. Трунова он был опубликован вместе с одним из отрывков работы Де-Пуле в «Древней и новой России», 1878, № 4, стр. 329.

[3] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, ⟨изд. 1-е⟩, СПб., 1876.

[4] Строки стихотворения Кольцова «Песня» («В непогоду ветер...») (5 августа 1839 г.).

[5] Андрей Порфирьевич Серебрянский (1808—1838), земляк и друг Кольцова. Его статья «Мысли о музыке» опубликована была Белинским в «Московском наблюдателе» 1838 г. (кн. 5) и получила очень высокую оценку в передовых литературных кругах. Сам Белинский полагал, что «таких статей немного в европейских, не только русских журналах» («Письма», I, 212). Несмотря на то, что летом 1838 г. Серебрянский лечился в Москве, Белинский с ним, видимо, не успел познакомиться.

3. А. В. СТАНКЕВИЧ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

22 декабря 1876. Москва

Многоуважаемый Михаил Федорович!

Спешу ответить на Ваше последнее письмо — Вы не посетуете на меня за краткость моего ответа. Другого быть не может уже потому, что для меня неясен самый предмет нашей переписки. Вы, очевидно, говорите не о Кольцове, а о ком-то мне незнакомом. Ограничусь краткими замечаниями.

Раздвоение, о котором Вы говорите, было не в натуре, не в характере Кольцова. Ищите корня в его положении, в его стремлениях и желаниях, сталкивающихся с необходимостию, гнувшею его не туда, куда бы он направлялся сам.

Не рисовался он никогда, да и не имел в этом надобности. Двоедушие видите Вы в его сознании, что стену лбом не прошибешь. Оберегая свой лоб, он только довольствовался тем, что стену называл стеною.

Отношение воронежских современников Кольцова к последнему мне памятно. «Не за свое дело берется», «в чужие сани садится», «не на свое место лезет» и т. под. слышал я от многих и многих о нем в Воронеже. Это было, да тогда иначе и не могло быть! Недоброжелательства к нему было довольно, а внимательны к нему сделались многие вследствие внимания к нему высокопоставленных лиц, особенно со времени посещения Жуковским Воронежа. Жуковский, если не ошибаюсь, сопровождал туда наследника, нынешнего государя.

В словах Кольцова о знакомых Вы видите фатовство или шутовство[1], а они просто признание стены, с которой нечего делать. В Воронеже, как всюду, были добрые люди, да Кольцову по мелким практическим делам приходилось много возиться не с ними, а с теми, кого он называл: жид на жиде, татарин на татарине[2]. Между тем, подумывая покинуть Воронеж, он пишет (предисловие Белинского): «у меня много здесь людей хороших, которым я еще ни слова. Про это знает лекарь и тот, у кого я жил на даче. Скажи я им, они помогут»[3]. Кольцов, как видите, различал людей, его окружавших. Письма пишутся в разные минуты и под разными впечатлениями. Делать из них решительные выводы надо осторожно. Вы не верите, чтобы Кольцов иногда не имел сахару и чаю, а когда он пишет: обед готовят порядочный, чай есть, сахар тоже[4]... Этому верите или нет? Да и нашел же Кольцов чем рисоваться перед Белинским, у которого, могу это засвидетельствовать, нередко не только чая, а и хлеба не было.

Хорошую историю сообщили Вы мне о соборовании Кольцова. Если бы кто-нибудь вздумал произвести надо мною это таинство не спросясь меня,— я бы встал из мертвых и отколотил бы его палкою. Вот она — та грубость, которая далека, кажется Вам, от злодейства. А насилия Вы тут не видите? Благонамеренность! Как правдиво говорится, что ад устлан добрыми намерениями. Не одному человеку от последних приходилось узнавать ад и в жизни!

В благодарность за историю о соборовании я Вам тоже сообщу анекдотец. Кольцов уже был изнурен болезнию, сведшей его в могилу. В это время сестра его (когда-то нежно им любимая и предмет его забот) сделала куклу, положила ее на стол в соседней Кольцову комнате и пела над нею, как над покойником. Кольцов слышал это пение, а сестра говорила: вот так мы братца будем отпевать. Больному эта затейливая шутка могла показаться злодейством, но мы с Вами скажем, что грубость не злодейство. Этот анекдот [5] не дает ли права сказать, что Кольцова хоронили заживо, или ужас здесь неуместен?

Случалось ли Вам видеть, как иногда крестьяне, очерствелые от забот и нужды, относятся к больным в своей семье, надоевшим им долгой болезнию? Они бранят их за то, что даром хлеб едят, что валяются без работы, с бранью бросают им кусок хлеба и т. д. Войдите в избу к тем же крестьянам, когда больной умер, Вы услышите вопли, плач, причитание, увидите неподдельное горе. Крестьяне искренни и в своем озлоблении и в своей печали, да только грубы. Все это можно понять и даже извинить, но как возмутительно, отвратительно все подобное там, где нужда не достигает размеров, подавляющих человеческое чувство. А, пожалуй, и тут вина без вины, дело невежества. Камень не виноват, что он в грязи и никто его не шлифовал. Вот, признаюсь Вам, почему я не охотно припоминаю скверное о людях, в которых, вероятно, рядом было что-нибудь и доброе. Не радуюсь, что Вы вызвали во мне необходимость говорить о таких предметах.

Бесполезность Кольцова мне неизвестна. Он был очень полезен семье и отцу. С этой стороны им дорожили до поры до времени. Он имел связи, которые были полезны для общих дел. Кольцов же и в делах был смышленее старика, который их путал.

Подлинных писем Кольцова к Белинскому я не читал, не знаю их. Достать их совсем не так легко, как Вам кажется*. Если бы сохранилась переписка Кольцова с братом моим — я бы Вам ее доставил, но от нее не уцелело ничего. Я, кажется, писал Вам об этом.

Сказал Вам все, что умел и могу сказать.

Преданный Вам

А. Станкевич ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Ф. № 351, ед. хр. 67, лл. 131—134 об. Письмо сохранилось и в черновике (там же, лл. 135—136). Внешний вид документа дает основание предполагать, что это текст письма, предназначавшегося к отправке, но неотправленного. Он был использован А. В. Станкевичем в письме от 28 декабря 1876 г., в несколько смягченном тоне. (Автограф. ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 575.)

[1] Может быть, речь идет о письме Кольцова к Белинскому от 15 июня 1838 г.: «С моими знакомыми расхожусь по-маленьку... Наскучили все они,— разговоры пошлые ⟨...⟩ Они надо мной смеются, думают, что я несу им вздор ⟨...⟩ Я ⟨...⟩ вот как с ними поладил: все их слушаю, думая сам про себя о другом; всех их хвалю во всю мочь; все они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты ⟨...⟩ образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я сам про себя смеюсь над ними от души. Таким образом, все идет ладно; а то что в самом деле из ничего наживать себе дураков-врагов» (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, СПб., 1909, стр. 185).

[2] В письме к Белинскому от 15 августа 1840 г. (там же, стр. 219).

[3] В письме к В. П. Боткину от 27 февраля 1842 г. (там же, стр. 273).

[4] Там же.

[5] В передаче этого страшного эпизода надругательства над умирающим поэтом в статье Белинского мы читаем: «Раз в соседней комнате, у сестры его было много гостей, и они затеяли игру: поставили на середину комнаты стол, положили на него девушку, накрыли ее простынею и начали хором петь вечную память рабу божию Алексею» (X, 271).

---

* *Вариант в отправленном письме от 28 декабря 1876 г.:*

Подлинных писем Кольцова к Б⟨елинско⟩му я не читал, не знаю их. Теперь только *я должен признать, что Кетчер был прав, отказавшись выдать их мне для Вас. Если* знаешь, что человек относится к делу с предубеждением — нельзя его звать в судьи и поручать ему дело о людях, памятью которых дорожишь.

II. ПЕРЕПИСКА Я. М. НЕВЕРОВА С М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Януарий Михайлович Неверов (1810—1893), один из ближайших друзей Н. В. Станкевича, давний знакомый Белинского и Кольцова, впоследствии сотрудник «Отеч. записок» и видный педагог — является первым биографом Кольцова, автором первых специальных статей о нем в столичной прессе («Сын отечества», 1836, кн. XI—XIII; «Журнал министерства народного просвещения», 1836, № 3, отд. VI, стр. 653—658).

Я. М. НЕВЕРОВ
Фотография 1863 г.
Исторический музей, Москва

Работа Я. М. Неверова «Поэт-прасол», опубликованная в «Сыне отечества» 1836 г., была учтена Белинским в его статье о Кольцове 1846 г. Однако в период переписки с Де-Пуле Я. М. Неверов был уже 67-летним больным стариком, забывшим многое из того, что им самим было в свое время сделано. И тем не менее он оказался гораздо ближе к Де-Пуле, чем сторонник идей Белинского — А. В. Станкевич. В письмах к Неверову Де-Пуле был гораздо откровеннее, чем в своих обращениях к Станкевичу (см. его письмо от 4 августа 1877 г. в предисловии к настоящей работе).

Более подробные данные о Неверове см. в его автобиографии, опубликованной Н. Л. Бродским («Вестник воспитания», 1915, № 6, стр. 73—136) и в настоящем томе, стр. 92—94.

1. Я. М. НЕВЕРОВ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Тифлис, 24 мая 1877 г.

Милостивый государь
Михаил Федорович!

Возвратившись на-днях из поездки в Кутаис, я нашел письмо Ваше от 6 мая, на которое спешу отвечать Вашему превосходительству.

Мое личное знакомство с Кольцовым было слишком кратковременно, а потому я ничего не могу сказать о нем, т. е. о его характере, положительного, а тем менее заподозрить его в двоедушии или лживости. Окончив курс в Московском университете в 1833 году, я поступил на службу в редакцию «Журнала министерства просвещения» и, живя в Петербурге, конечно, вел деятельную переписку с покойным моим другом Станкевичем, который, по выходе из университета, жил в имении отца своего в селе Удеревке Воронежской губернии Острогорского уезда.— Не помню точно в ⟨18⟩35 или 1836 году, Станкевич сообщил мне о своем знакомстве с Кольцовым, которое произошло следующим образом: отец Станкевича имел винокуренный завод, куда местные торговцы скотом (прасолы) пригоняли свой скот для корма бардою. Разумеется, молодой Станкевич не имел никаких сношений с этими лицами. Однажды, ложась спать, он долго не мог найти своего камердинера, и когда последний явился, то, на замечание Станкевича, привел такое оправдание, что вновь прибывший прасол Кольцов за ужином читал им такие песни, что они все заслушались и не могли от него отстать, и при этом сказал несколько оставшихся у него в памяти куплетов, которые и на Станкевича произвели такое впечатление, что он пожелал лично узнать от Кольцова, откуда он достал такие прекрасные стихи. На другой день он пригласил его к себе и, к удивлению своему, узнал, что автор этих стихов сам Кольцов. Разумеется, Станкевич тотчас же попросил его передать ему все его стихотворения[1] и, напечатав их отдельною брошюрою, прислал ко мне в Петербург, сообщив некоторые данные о личности автора, что и послужило материалом для моей статьи, которая, не помню даже где была напечатана, потому что тогда я участвовал в нескольких периодических изданиях. Полагаю, впрочем, что она появилась в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», так как в этом издании я принимал самое деятельное участие ввиду моих близких отношений к А. А. Краевскому[2].

⟨...⟩ Письмо Станкевича, в котором он сообщил мне первое известие о Кольцове, также у меня не сохранилось. Вскоре по получении мною сведений о Кольцове, он сам приехал в Петербург по своим коммерческим делам, и тут-то я познакомился с ним лично[3]. В Петербурге он жил месяца два или три, но не у меня, а на квартире[4], и так как в это время у меня были назначены вечера, на которые собиралась тогдашняя литературная молодежь, то, конечно, я познакомил с нею Кольцова, представив его ⟨В. Ф.⟩ Одоевскому, Плетневу, Жуковскому,— а последний представил Кольцова и государю[5], то очень естественно, что Кольцов был очень ко мне близок и, помню даже, перед выездом из Петербурга устроил пир для меня и друзей моих, но этим и кончились мои с ним сношения, а потому я могу сказать только, что личное впечатление, им на меня произведенное, было весьма приятное, и в наше кратковременное знакомство я не мог заметить в нем лукавства и двоедушия — мы видели в нем простоту, а неловкость его в обращении, конечно, извиняли той средою, в которой он до того времени постоянно находился. Возвратившись из Петербурга в Воронеж, он написал ко мне благодарственное письмо, которое я, конечно, не сохранил, и так как вскоре после того я вышел в отставку и уехал в Берлин, где два года слушал лекции в университете, а в 1839 году, возвратившись в Петербург, тотчас же назначен был инспектором Рижской гимназии, то все све-

дения мои о Кольцове ограничиваются только нашим коротким знакомством в Петербурге, и между нами не было никакой переписки.

Вот все, что я могу сообщить Вам о Кольцове 〈...〉

P. S. 27 май 〈...〉 в статье моей о Кольцове и даже в этом письме к Вам, написанном по воспоминаниям, я сделал ошибку, сказавши, что стихотворения Кольцова изданы Станкевичем, тогда как он принимал только нравственное в том влияние один исключительно: издание же произведено по собранной им подписке 〈...〉

ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 358. Письмо (за исключением концовки — автографа) написано рукой домашнего писца Неверова.

[1] Это ценное свидетельство Я. М. Неверова использовано М. Ф. Де-Пуле (см. стр. 23—24 его книги) до слов: «все свои стихотворения». Как известно, Де-Пуле стремился принизить заслуги Н. В. Станкевича в издании сборника стихотворений Кольцова.

[2] Первая статья Неверова о Кольцове была помещена в «Сыне отечества», 1836, №№ 11, 12 и 13.

[3] Таким образом, знакомство Неверова с Кольцовым произошло в начале 1836 г.

[4] По приезде в Петербург Кольцов поселился где-то на Владимирском проспекте.

[5] Сообщение Неверова о представлении Кольцова царю не подтверждается другими материалами.

2. М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ — Я. М. НЕВЕРОВУ

〈Тамбов. 6 июня 1877 г.〉

Милостивый государь
Януарий Михайлович!

〈...〉 Возвращаю Вам письма Н. В. Станкевича. Печатной Вашей статьей о Кольцове я не пользовался, но имею из нее выписки, которые при сем прилагаю 〈...〉 Прочтя эти выписки, кажется, исчерпывающие всю Вашу статью, сделайте одолжение, дополните их, если что подскажет Ваша память. Напр. об «С...». Это был Сухачев, и «Листки» его я знаю. Что это был за господин? «Листки» — тощая брошюрка таких же стихотворений, между которыми два кольцовских. Но неужели Сухачев эти стихотворения напечатал украдкою от Кольцова?[1] Статья Ваша заставляет меня просить Ваше превосходительство просмотреть «Отечеств. записки» 1867 г., № 2, статью Малыхина. В этой статье приводятся (стр. 495) выдержки из другой, называющейся «Воронежская новость». Не знаете ли, кто был автором этой «Новости» и где она была напечатана? Мои разыскания на этот счет ни к чему не привели [2]. По миновании надобности выдержки из Вашей статьи потрудитесь мне возвратить.

Перехожу к ответу на Ваше письмо. Чрезвычайно любопытно начало знакомства Станкевича с Кольцовым; но скажите, кàк согласить его с показанием Анненкова, который предполагает, что это знакомство состоялось или в книжной лавке (Кашкина) в Воронеже, или в пансионе Федорова, где бывал Кольцов по торговым делам? Не припомните ли, какие именно песни читал Кольцов людям Станкевича? Любопытны сообщаемые Вами подробности о приезде Кольцова в Петербург и о знакомстве его, через Ваше посредство, с тогдашними литераторами. Вы крайне бы обязали меня, если бы сообщили мне подробности о тогдашних Ваших литературных вечерах с поименованием постоянных их посетителей. А. А. Краевский также сообщает мне подробности о знакомстве Кольцова с литераторами, но иначе. Он говорит, что это знакомство состоялось через него и происходило на литературном вечере у Жуковского, в Шепелевском доме [3], где Кольцов был представлен, между прочими, и Пушкину. Но память нам страшно изменяет; так и Краевский сообщил мне один факт, который ничем не подтверждается. По его словам, 2-я книжка «Современника» 1836 г., за отсутствием Пушкина, издавалась им, Краевским, и Плетневым. В этой книжке Краевский напечатал «несколько» стихотворений Кольцова,

которых Пушкин, по возвращении в Петербург, не одобрил. А между тем оказывается в этой 2⟨-й⟩ книжке напечатано только о д н о стихотворение «Урожай», которое едва ли мог не одобрить Пушкин, а в остальных книжках «Современника» за тот же год нет ни одного стихотворения Кольцова. Не припомните ли подробностей о представлении Кольцова покойному государю? Не один ли это слух? Кто Вам сообщил этот факт? Здесь будет кстати привести рассказы, которые и теперь еще ходят по Воронежу и которые приписываются отцу Кольцова. Отец хвастался, что сына «призывали ко двору», что к нему присылали «курьеров», что ему заказывали «песни», сулили «подарки» и т. п. Эти рассказы я отношу к легендам, но в основе их может лежать какой-нибудь факт; что Вы на это скажете? Не припомните ли подробности «пира», устроенного Кольцовым в Петербурге для Вас и друзей Ваших? Не припомните ли, в общем, мнения Кольцова о приеме, какой он встретил в кругу петербургских литераторов?

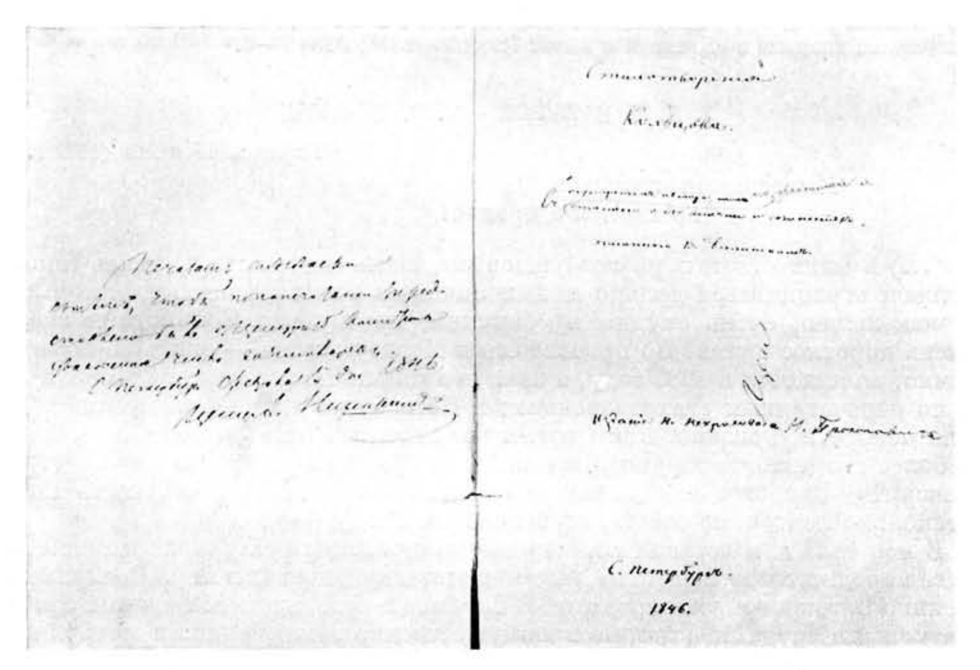
Ваше двухгодичное пребывание в Берлине совпадает с жизнию в этом городе Н. В. Станкевича. Станкевич вел переписку с родными, знакомыми, вспоминал, конечно, все прежнее, оставшееся на родине; могли быть и речи о Кольцове. Скажите, что̀ это были за речи? Мне было бы крайне любопытно знать последнее (предсмертное) мнение Станкевича о Кольцове. Не высказывался ли Станкевич по поводу отношений Белинского к Кольцову, установившихся окончательно в 1838 г.? Биографию Кольцова вчерне я кончил. По исправлении, она предназначается для «Древ. и нов. России», где едва ли появится раньше конца этого или начала будущего года [4]. Кажется, я писал Вам, что лично Кольцова я не знал, но видал его гимназистом (1836—1842) множество раз, а затем, во время моей 17-летней службы в Воронежском кадетском корпусе (1848—1865), я имел возможность познакомиться с его домашней и общественной обстановкой. Я давно убедился, что Белинский не имел о ней надлежащего понятия, а потому и представил Кольцова в ложном свете. Эта ложь поддерживается в литературе более 30 лет. Ложь заключается в том, что Кольцов был совсем не литератор, не поэт-литератор, как все понимают эти два слова, а поэт-песельник народный. Все беды и напасти Кольцова оттого и происходили, что он смутно понимал свое значение и из всех сил рвался быть первым, т. е. литературным поэтом: вот мой взгляд! Высказываю Вам его для того, чтобы Вы знали, с каким биографом Кольцова Вы имеете дело. Есть у меня и еще одна причина высказаться. Вы — всем известный друг Н. В. Станкевича, который очень любил и Белинского. Я, по воронежской жизни (1862—1864), был очень близко знаком с его братом Александром Влад. А теперь мы с ним чуть не рассорились (говорю в шутку) из-за Кольцова, или точнее, из-за Белинского. Он, А. В. Станкевич, считает все показания Белинского непогрешимыми, особенно семейные отношения Кольцова; я же их отвергаю (конечно, фактами) и самую биографию поэта, составленную Белинским, признаю̀, в литературном отношении, крайне слабою. Знаю, что не один Станкевич, но и большинство еще живущих друзей Белинского и те из его почитателей, которые не допускают к нему критического отношения, поднимут против меня вопль. Я не знаю Вашего взгляда на этот счет; но позволяю себе надеяться, что Вы отнесетесь объективнее к моему мнению и поверите мне на̀-слово, что задачею моего труда было лишь искание истины, а никак не желание полемизировать с Белинским. Эта надежда соединяется с уверенностью, что Вы откровенно выскажете мне Ваше собственное мнение о Кольцове, каким он изображается Белинским, о чем усерднейше прошу Вас ⟨...⟩

Тамбов. 6-го июня 1877 года.

Автограф. ГИМ. Ф. № 372, ед. хр. 7, лл. 38—39 об.

[1] Де-Пуле имел все основания поставить этот вопрос. Не только Неверову, но и всем прочим биографам Кольцова до самого последнего времени оставалась неизвестной личность Сухачева (см. обзор Я. А. Ротковича «Основные этапы изучения творчества А. В. Кольцова».— «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та», кн. VI, 1942, стр. 65—107). Между тем, мещанин В. И. Сухачев, связь с которым Кольцов установил в 1829 г. через воронежского книгопродавца Д. А. Кашкина, являлся, как сейчас установлено, главой и организатором тайного «Общества независимых».

Программа этой революционно-демократической организации выражалась в очень четких формулировках: «Общество независимых. Закон его — следовать природе. Монаршей власти не признавать, а быть всем равными, признавать натуру творцом всего» (Ю. Г. Оксман. А. В. Кольцов и тайное «Общество независимых».— «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 50—91). Для политической

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ НАБОРНОЙ РУКОПИСИ «СТИХОТВОРЕНИЙ» КОЛЬЦОВА ИЗДАНИЯ 1846 г. И ОБОРОТ ЛИСТА

Заполнен рукою Белинского. На обороте цензурное разрешение, подписанное А. В. Никитенко

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

биографии молодого Кольцова необычайно существенно, что еще до знакомства с Белинским он оказался связанным в Воронеже с революционно-демократической организацией, в агитационно-пропагандистской работе которой широко были использованы «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, ода «Вольность» Пушкина и «*Декларация прав человека и гражданина*».

Будучи проездом в 1829 г. в Воронеже, Сухачев познакомился с Кольцовым, передавшим ему три своих стихотворения: «Приди ко мне», «Не мне внимать напев волшебный» и «Мщение», которые тот напечатал под своим именем в брошюре «Листки из записной книжки Василия Сухачева», М., 1830.

[2] Вопрос об авторе статьи «Воронежская новость» интересен, во-первых, тем, что это была одна из самых ранних статей о Кольцове, а во-вторых, тем, что она явно была связана с изданием «Стихотворений А. Кольцова», которым занимались Белинский и Станкевич в 1835 г. П. В. Малыхин нашел «*Воронежскую новость*» в бумагах Кольцова, переписанную рукой самого поэта. Особенности ее текста заставляют предполагать, что она напечатана Малыхиным полностью. Поиски газеты, журнала или альманаха, где эта статья могла быть опубликована, оказались безрезультатными. В «Воронежской новости» речь шла о первой книжке стихотворений Кольцова. Но рецензией статья эта быть не могла, так как датирована она 1834 г., а книжка Кольцова вышла в 1835 г. Следовательно, статью писал человек, располагавший рукописью или корректурными листами сборника.

«Воронежская новость», как свидетельствует самый материал этой статьи, похожа на проект предисловия к первому сборнику стихотворений Кольцова. Судя по фразеологии этой заметки, она написана даже не в 1834 г., а гораздо раньше. Сошлемся хотя бы на следующие строки: «Согласитесь сами, любезные читатели, что такого рода обстоятельства жизни ⟨как у Кольцова⟩ ⟨...⟩ почти решительно уничтожают права души человеческой созреть для понятий высоких, благороднейших! Дивитесь же: пред вами целая книжка стихотворений этого мещанина» («Отеч. записки», 1867, № 1, стр. 495).

Мы предполагаем, не был ли Н. В. Станкевич автором «Воронежской новости», поскольку он был непосредственно связан с изданием стихотворений Кольцова и предисловием к нему.

[3] «Шепелевский дом»— часть Зимнего дворца, для лиц царской свиты. В «Шепелевском доме» находилась и квартира В. А. Жуковского.

[4] Работа Де-Пуле, вышедшая в свет в 1878 г., вчерне оконченная в июне 1877 г., напечатана впервые в «Древней и новой России», 1878, №№ 3—6.

3. Я. М. НЕВЕРОВ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

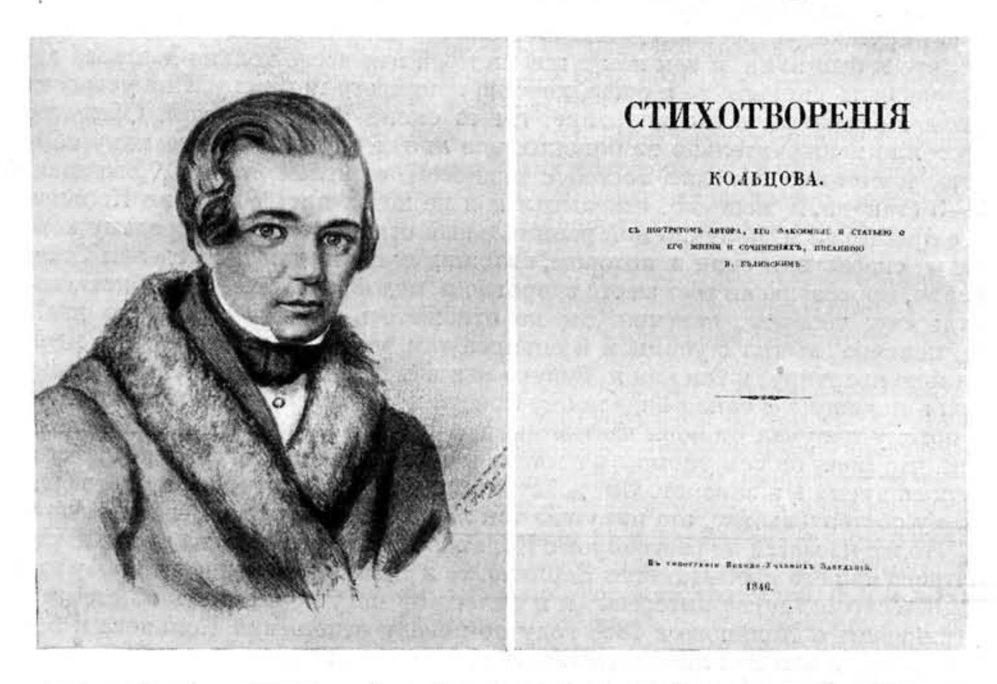
Тифлис, 19 июня ⟨1877 г.⟩

Милостивый государь
Михаил Федорович!

⟨...⟩ в моих ответах на возбужденные Вами вопросы, я, опять-таки, должен ограничиться только моими личными воспоминаниями, которые, к сожалению, очень скудны и сбивчивы, потому что Кольцова я знал очень короткое время. До приезда его в Москву зимою — опять не помню точно, но кажется в 1836 году, я знал его только по рассказам Станкевича и по напечатанным стихотворениям; в Петербурге он пробыл месяца три или четыре и, конечно, в это время мы виделись очень часто [1], но затем я более его никогда не видал и никакой переписки с ним не имел. Чтоб пояснить Вам это последнее обстоятельство, я должен сообщить Вам несколько фактов из собственной моей жизни.

В мае 1837 г. я оставил мою службу при редакции «Журнала министерства народного просвещения», вышел в отставку и поехал в Берлин слушать лекции в тамошнем университете. В Берлине я содержал себя своими литературными трудами, которые преимущественно заключались в сотрудничестве по изданию Энциклопедического лексикона Плюшара, а потому не имел времени не только на литературную, но даже и интимную переписку, и так как в Берлине я жил вместе со Станкевичем и Грановским, то, естественно, мне не представлялось надобности заводить переписку с Кольцовым уже потому, что все сведения о нем я мог иметь от Станкевича. Не знаю даже, была ли между ним и Кольцовым переписка, потому что наши интересы в Берлине исключительно сосредоточены были на науке и на предметах, нас непосредственно окружавших, так что я не припомню даже, беседовали мы там хоть изредка о Кольцове или нет.—Возвратившись в 1839 г. в Петербург, я предполагал посвятить себя исключительно литературе, но граф Уваров — министр, знавший меня еще студентом и занятый тогда мыслию о преобразовании учебных заведений Остзейского края, убедил меня занять место инспектора рижской гимназии, и я, пробыв всего 2 или 3 недели в Петербурге, должен был тотчас же отправиться в Ригу и там заняться подготовкою себя к новому для меня педагогическому поприщу, которое не дозволяло уже посвящать много времени литературной деятельности. Притом в Риге я сблизился с девушкою немецкого происхождения, быв объявлен женихом ее, как вдруг, вследствие влияния лютеранского духовенства, брак мой с горячо любимой мною девушкою был расторгнут, т. е. не состоялся по тому случаю, что родители взяли свое слово назад, вследствие чего у меня, конечно, было очень крупное объяснение с виновником моего несчастья, пастором Таубэ, и на другой же день после этого я страшно заболел и лишился употребления моего единствен-

ного глаза (я от природы имею один глаз). Проведя целую зиму в темной комнате, я весной поехал за границу лечиться и, возвратившись через полгода в Ригу с восстановленным зрением, уже не мог долее там оставаться и назначен был директором в Чернигов. Оставшаяся на всю жизнь слабость зрения вскоре потребовала опять лечения за границей, а так как графа Уварова уже не было и пособий на поездку я не мог получить, то и перешел на службу на Кавказ — директором в Ставрополь, чтоб пользоваться кавказскими минеральными водами для поддержания моего зрения. Во все это время я ни разу не был ни в Петербурге, ни в Москве. Должен был отказаться от всякого литературного труда потому, что моего глаза едва хватало на официальную отписку, а потому не только с Кольцовым, но и более близкими мне лицами, как Белинский и другие, я не вел

СТИХОТВОРЕНІЯ

КОЛЬЦОВА.

1846.

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «СТИХОТВОРЕНИЙ» КОЛЬЦОВА ИЗДАНИЯ 1846 г. КНИГА ВЫШЛА В СВЕТ ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ БЕЛИНСКОГО И С ЕГО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

переписки, а потому все мои сношения с Кольцовым окончились в ⟨18⟩36-ом году и я помню его только по приезду его в Петербург в 1836 году, и все мое знакомство с ним продолжалось от 3-х до 4-х месяцев.

Теперь буду отвечать Вам по порядку на Ваши вопросы; ничего не умею сказать Вам о Сухачеве [2] и листках его, которых вовсе не помню и не знаю, как попали туда «Стихи Кольцова» ⟨...⟩

Точно так же ничего не могу сказать Вам о статье Малыхина в «Отечественных записках» 1867 года, их я также не нашел здесь, могу только сказать положительно, что автор цитуемой Малыхиным статьи «Воронежская новость» мне вовсе не известен [3]. Анненков положительно ошибается, говоря, что Станкевич познакомился с Кольцовым в книжной лавке или в пансионе; знакомство могло поддерживаться там, но началось именно так, как я писал Вам. Рассказ Станкевича у меня живо сохранился в памяти, я не могу только сказать, когда именно состоялось это знакомство, и, конечно, не помню, какие именно песни читал Кольцов людям Станкевича.

Я употребил неточное выражение сказавши, что в ⟨18⟩35-м или 1836 годах у меня были литературные вечера: название слишком претенциозное! У меня просто собирались в известные дни мои приятели, в числе коих я означу здесь только тех, кои более или менее известны в литературном мире: В. В. Григорьев, ориенталист, теперь начальник печати, Грановский, Тимофеев — поэт, Панаев, Строев Сергей (Скромненко), Петров, впоследствии профессор санскритского языка, Гребенка и другие.

Я познакомил Краевского с Кольцовым, и, действительно, он, а не я представил его Жуковскому, а так как с Плетневым я был хорошо знаком и наши квартиры были рядом, то мне кажется, что я представил Кольцова и Плетневу, а может быть — Краевский, не помню *. Подробности представления Кольцова государю также не помню, но в нашем кругу это был общеизвестный факт.

О пирушке, устроенной для меня Кольцовым, у меня осталось в памяти, то, что я был пьян, а так как в жизни моей мне всего только два раза довелось быть пьяным, то я очень хорошо помню эту пирушку. Она устроена была Кольцовым в его квартире, где-то около Владимирской. Общество состояло исключительно из близких мне лиц, и хозяин, по русскому обычаю, постоянно обходил гостей с подносом, приглашая пить. Выпивши 2—3 стакана, я, конечно, отказывался и не хотел пить более, но Кольцов все приставал и, получив мой решительный отказ, отошел на средину комнаты, сказал нам спич, в котором, изложив все, что для него сделал Станкевич, провозгласил тост за его здоровие и, подойдя ко мне, с улыбкою сказал: «ну, теперчи, конечно, вы не откажетесь выпить стакан до дна!» Я, конечно, выпил с усилием и опьянел так, что Кольцов сам отвез меня на мою квартиру, и так как я, будучи пьяным, все-таки беспокоился о том, как я покажусь в таком виде моему лакею, который сильно любил выпить, а потому получал от меня частые выговоры, то Кольцов меня успокаивал тем, что меня он сам уложит в постель и скажет моему лакею, что мне сделалось дурно и я занемог. Он, действительно, так и поступил, и благодаря этому обстоятельству, эта пирушка так живо сохранилась в моей памяти [4].

Что же касается до разговоров о Кольцове со Станкевичем во время двухлетнего нашего пребывания в Берлине, то я сказал уже выше, что там у нас были совсем другие интересы, и я ничего не могу припомнить об отзывах Станкевича о Кольцове в 1838 году по поводу отношений Кольцова к Белинскому, и так как личное мое знакомство с Кольцовым всего только продолжалось 3 или 4 месяца, то я не могу ничего сказать ни за, ни против Вашего мнения о его характере, но согласен с Вашею мыслью, что Кольцов не был поэт-литератор, как понимают эти слова, и что характеристика его как поэта-песельника народного ближе к истине, если к ней добавить то, что этот песельник способен был вдохновляться идеями высшими чем обыкновенное народное мировоззрение, и что в этом отношении на него влияла та среда, в которую он попал благодаря Станкевичу. Отношения его к Белинскому мне вовсе неизвестны, и я даже не читал статей последнего и вообще, живя в Берлине, не имел возможности следить за русскою литературою того времени ⟨...⟩

ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 358. Написано рукой писца.

[1] Встречи с Неверовым в Берлине в 1838—1839 гг. дали материал Тургеневу для набросков юмористической поэмы, опубликованной М. К. Клеманом в «Литературно-библиологическом сборнике», Пг., 1918, стр. 11—15.

[2] О В. И. Сухачеве см. прим. 1 к предыдущему письму.

[3] О заметке «Воронежская новость» см. прим. 2 к предыдущему письму.

[4] Рассказ о пирушке у Кольцова вошел в автобиографию Неверова («Вестник воспитания», 1915, № 6, стр. 131—133).

---

* *Вставка рукой Неверова*: Я не представлял Кольцова кн⟨язю⟩ Одоевскому.

4. Я. М. НЕВЕРОВ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Железноводск. 10 июля 1877 г.

Милостивый государь
Михаил Федорович!

⟨...⟩ Буду отвечать в порядке на поставленные в письме Вашем вопросы:
Письмо № 2 от 22 мая 1836.

Кольцов пишет Краевскому, что послал мне свое стихотворение «Молодая женщина»[1] и просит поместить его в «Современнике». Решительно не помню, что это за стихотворение, и даже не знаю, напечатано оно или нет. Если оно не напечатано, то, вероятно, не по моей вине: думаю, что я тотчас же передал его Краевскому.

Письмо № 4 от 2 июля 1836 [2].

Упоминаемый в нем Василий Васильевич есть мой искренний друг Григорьев, профессор восточн⟨ых⟩ языков в Петербургском университете, теперь начальник печати, в то время мы были неразлучны, и Кольцов сошелся с ним у меня. О каких подарках идет речь — не припоминаю. Единственный подарок Кольцова — его портрет сохранился у меня до сего времени; ничего более я от него не получал, Григорьев также.

Письмо № 5 от 27 ноября 1836 года.

Кольцов жалуется, что я что-то замолчал: зиму 36-го года я очень занят был приготовлением к поездке за границу, куда отправился я весной 1837-го года — да вообще я с ним не вел деятельной переписки.

Письмо № 8 от 16 июля 1837.

«о Я. М — че и слух совсем застыл» — не мудрено, я в это время был уже в Берлине. Повторяю, что я положительно не помню о переписке моей с Кольцовым. Легко может быть, что он просил меня хлопотать о напечатании некоторых из его стихотворений, как то упоминается в письме № 2 и, конечно, я старался исполнить его поручения и отвечал ему о результатах моих хлопот, но это не такого рода переписка, чтобы о ней можно было вспомнить по истечении 40 лет, а потому я решительно ничего не могу припомнить, какие тетради стихотворений присылал он мне или Краевскому и какая судьба их постигла. Об издании стихотворений Кольцова я мог только просить Краевского, сам же не имел никакой возможности и средств взять это дело на себя [3].

О Губере также ничего не могу Вам сказать и даже не помню его: вероятно, он в числе прочей молодежи бывал у Краевского и у меня, но между нами, т. е. Губером и мной, не было никаких интимных отношений [4]; Григорьев же Василий Васильевич по сие время остался в близких дружеских ко мне отношениях ⟨...⟩

Автограф: ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 358.

[1] Правильно — «Молодая жница». В «Современнике» это стихотворение напечатано не было. (Впервые в изд. 1846 г. с датой 1836 г.)

[2] Здесь и ниже имеются в виду письма Кольцова к Краевскому.

[3] Первое издание «Стихотворений А. Кольцова» (ц. р. 24 марта 1835 г.), видимо, имело успех, ибо уже в 1836 г. друзьями поэта был поставлен вопрос о новом сборнике его произведений. Это издание предполагалось поручить А. А. Краевскому, но оно не осуществилось. Об этом проекте сохранилось несколько строк в неизданном письме Я. М. Неверова к Н. В. Станкевичу от 23 апреля ⟨1836 г.⟩: «Кольцов еще здесь. Его стихотворения готовятся к печати вторым изданием, к которому прибавится несколько пиес и портрет его, сделанный Венециановым» (ГИМ. Ф. № 351, ед. хр. 57, л. 19). В академическом издании стихотворений А. В. Кольцова (1909 г.) проект этот ошибочно отнесен к 1837 г.

Портрет Кольцова работы А. Г. Венецианова неизвестен. Возможно, что он остался ненаписанным, но сообщение о замысле этого портрета очень интересно. Кольцов был близок с А. Г. Венециановым и неоднократно бывал у него в доме вместе с Неверовым.

Об этом свидетельствует и неизданная записка художника от 17 апреля 1836 г. с приглашением Неверова и Кольцова «на пироги» (ГИМ. Архив Я. М. Неверова, ф. № 372, п. 5, лл. 145—146).

[4] Поэт Эдуард Иванович Губер (1814—1847) бывал на вечерах Краевского в марте 1838 г. (см. письмо Кольцова к Белинскому от 14 марта 1838 г.— Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, СПб., 1909, стр. 179). В 1839 г. Губер послал Кольцову в Воронеж свой перевод «Фауста» (там же, стр. 194).

5. Я. М. НЕВЕРОВ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Железноводск, 15 июля ⟨1877 г.⟩

Милостивый государь
Михаил Федорович!

⟨...⟩ Какие из найденных г. Малыхиным ранних стихотворений Кольцова принадлежат собственно ему и какие друзьям его в Воронеже, а равно и о причинах возникших впоследствии натянутых между ними отношений, я по причинам, известным Вам из прежних моих писем, решительно ничего не могу сказать, так как с 1837 года, т. е. со времени моей поездки за границу, я не только не переписывался с Кольцовым, но не имел никаких о нем известий. Мнение же Малыхина, что размолвка с прежними друзьями произошла вследствие того, что Кольцов в кружке Станкевича и в Петербурге нахватался, как говорится, новых идей, которые хотел навязать старым своим друзьям, — весьма правдоподобно, но эти идеи поэт-прасол только понимал своим поэтическим чувством, а не мог усвоить их себе настолько сознательно, чтоб передавать их другим, а это, конечно, могли заметить его друзья, получившие более основательную научную подготовку, и приписали его желанию пускать им пыль в глаза, оттуда и неприязнь. Так мне кажется! — Положительного же я ничего не могу сказать именно потому, что сам не имел ни времени, ни возможности в наше короткое знакомство изучить основательно характер Кольцова ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 358.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ БЕЛИНСКОГО

Исследование М. Полякова *

Введение

Начиная со второй половины прошлого века, студенческие годы Белинского неоднократно служили предметом внимания как исследователей, так и мемуаристов [1]. Однако было бы напрасным трудом искать в старой литературе сколько-нибудь объективное и полное освещение этого периода биографии критика. Здесь, как и на других участках изучения Белинского, подлинная картина его жизни и деятельности либо отсутствовала вследствие недостаточности документальных материалов, либо была грубо фальсифицирована, искажена политическими противниками критика.

«Целая легенда тотчас сложилась ⟨...⟩ о Белинском,— писал И. С. Тургенев.— Говорили, что он недоучившийся казенный студент, выгнанный из университета тогдашним попечителем Голохвастовым за развратное поведение (Белинский — и развратное поведение!..)» [2]

Политические враги Белинского охотно распространяли эти клеветнические измышления, укрепляя их свидетельскими показаниями Ксенофонта Полевого [3], Шевырева [4], Погодина. Последний прямо заявлял, что Белинский «лишен был всякого образования, не. занимался никогда ни одною наукою, не имел понятия и ни об одной литературе...»[5] и т. д.

На рубеже XX в., накануне революции 1905 г., эту злостную клевету подхватили «веховские» публицисты и другие представители реакции и контрреволюции (А. Волынский, М. Филиппов, несколько позже Радлов), тщившиеся доказать «невежественность» Белинского. Своеобразным итогом реакционного понимания студенческого периода жизни Белинского явилась пресловутая книга Ю. Айхенвальда «Спор о Белинском» (1914). Для обоснования своей злонамеренной фальсификации идейного облика критика Айхенвальд пытался утвердить представление, что Белинский был якобы ленивый и малоспособный студент. Он заявлял, что «мы не имеем права подозревать в недобросовестности» инспектора казеннокоштных студентов Щепкина, прославившегося своей чудовищной аттестацией умственных способностей Белинского. Затем он пытался превратить «Дмитрия Калинина» в цинически-безнравственное произведение, которое к тому же свидетельствовало якобы, что «политически студент-трагик был „ультра благонамерен“». Далее Айхенвальд «реабилитировал» профессоров-цензоров, запретивших издание «Дмитрия Калинина». Нет никаких «объективных оснований»,— заключал Айхенвальд,— утверждать, что Белинский был «уволен из университета за свою пьесу»[6].

Клеветнические измышления Айхенвальда характерны в том отношении, что они «опирались» не только на высказывания прямых политических врагов Белинского из консервативно-реакционного лагеря, но в равной мере и на буржуазно-либеральную литературу. Айхенвальд ссылался,

---

* В разыскании архивных материалов, использованных в настоящей статье, принимали участие В. Гурьянов и В. Сорокин.

в частности, на Венгерова, специально изучавшего студенческие годы Белинского. Венгеров же в работе «Великое сердце» — своего рода классическом образце либеральной фальсификации, и в своих комментариях к сочинениям Белинского, рассматривал этот период жизни критика под знаком его якобы полного идейно-политического единения с николаевским самодержавием[7].

Скудость приведенных в известность документальных материалов ограничивала возможности и тех исследователей и литераторов, которые, как, например, А. Н. Пыпин и И. А. Гончаров, пытались протестовать, хотя и не всегда последовательно и энергично, против реакционных искажений юношеского периода жизни Белинского[8]. Дореволюционное литературоведение не поставило и не могло поставить и решить основной проблемы этого периода — проблемы идейного развития Белинского.

В поисках путей и средств к разрешению этой проблемы мы обратились к первоисточникам, изучение которых позволило выявить довольно обширную и ценную архивную документацию, ранее не вводившуюся в биографические исследования о Белинском. Укажем прежде всего на источники, разысканные (совместно с В. П. Гурьяновым и В. В. Сорокиным) в архивном фонде Московского университета. Первые сообщения об университетской жизни Белинского появились в печати в конце 1850-х годов, когда царское правительство решилось снять запрет с имени критика. В декабре 1859 г. были опубликованы три произведения, посвященных студенческим годам Белинского. Одно из них — воспоминания университетского товарища Белинского П. И. Прозорова, второе — воспоминания И. И. Лажечникова, охватывающие обширный период с 1823 до 1848 г., третье, наиболее ценное,— статья Ив. Островидова «Несколько слов о г. Белинском»[9]. Автор последней статьи пытался дать, на основе неизданных писем критика к родным и, возможно, рассказов К. Г. Белинского, документированную хронологию университетского периода жизни Белинского. В частности, он первый сообщил о существовании пьесы «Дмитрий Калинин» и об отношении к ней университетской профессуры. Однако, пользуясь материалами, извлеченными только из писем, и пользуясь недостаточно критически, Островидов допустил в своей статье ряд фактических ошибок, которые затем прочно вошли в биографическую литературу о Белинском (например, утверждение, что Белинский был зачислен на казенный кошт только в декабре 1829 г., тогда как на самом деле он был принят в число казеннокоштных студентов 17 октября 1829 г.).

На протяжении 1861—1876 гг., до появления первой значительной публикации писем Белинского университетского периода (Н. Н. Енгалычева), печатается серия воспоминаний, непосредственно или косвенно связанных с именем Белинского. В некоторых из этих воспоминаний — Н. Иванисова (1861 г.), К. Аксакова (1862 г.), Г. Г⟨оловачева⟩ (1863 г.), Н. Щ⟨етининой⟩ (1868 г.) и др.— содержались ценные сведения о Московском университете 1830-х годов и пребывании в нем Белинского. Так, например, Иванисов сообщил о недоброжелательном отношении к Белинскому профессоров, Головачев — о связи между исключением Белинского и решением Цензурного комитета по поводу «Дмитрия Калинина» и т. д. [10]

В 1874—1875 гг. в «Вестнике Европы» был опубликован известный труд А. Н. Пыпина «В. Г. Белинский. Опыт биографии». Для этого первого биографического исследования о критике автор широко привлек не только все ранее известные эпистолярные и мемуарные материалы, но и впервые собранные им многочисленные свидетельства современников, лично знавших Белинского (например, М. Б. Чистякова). Также были использованы Пыпиным и некоторые, ранее не известные, документы биографического характера. Среди последних было и несколько документов из архива Мо-

сковского университета [11]. Однако, несмотря на обращение Пыпина к этому архиву, он остался им полностью не изученным и еще менее использованным. Главу об университетских годах Белинского Пыпин построил на основании сведений, содержащихся в упомянутой выше статье Ив. Островидова 1859 г. На это указал впервые редактор «Русской старины», В. И. Семевский, публикуя в 1876 г. сообщение Н. Н. Енгалычева «В. Г. Белинский. Новые данные для его биографии»[12].

Н. Н. Енгалычев, пользовавшийся теми же документальными источниками, что и Островидов, в отличие от последнего, опубликовал пространные извлечения из них. В его статье были использованы письма Белинского

БЕЛИНСКИЙ — СТУДЕНТ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1946 г.
Собрание художника, Пенза

к родным, автографы студенческого сочинения «Рассуждение ⟨о воспитании⟩» и нескольких сцен первой редакции «Дмитрия Калинина», наконец, некоторые письма родственников к Белинскому. Всеми этими материалами А. Н. Пыпин не располагал и поэтому вынужден был о многом говорить предположительно. Но и Енгалычев не использовал их в полной мере. Только в наши дни эти материалы были вновь разысканы и публикуются полностью в «Литературном наследстве»[13]. Они также исследовательски учтены в нашей работе.

Работая над своим «Опытом биографии» Белинского, Пыпин получил, при посредстве К. Д. Кавелина, от тогдашнего ректора Московского университета историка С. М. Соловьева копии некоторых документов [14]. Однако, печатая в 1874 г. свой труд, Пыпин, по каким-то причинам, ограничился лишь кратким пересказом содержания полученных материалов. Опубликовал же он документы по копиям лишь 15 лет спустя, в сборнике 1899 г. «Памяти Белинского» («Материалы для биографии Белинского.

Пребывание в Московском университете»). В эту публикацию вошли: два документа из дела «о принятии в студенты Виссариона Белинского», четыре документа из дела о переходе Белинского в канцелярские служители и один документ из дел правления университета, связанный с оставлением Белинского «на прежних лекциях». Первые два документа относятся к 1829 г., остальные пять — к 1831 г. Как будет показано ниже, сличение текста пыпинской публикации с подлинниками обнаруживает в ней ряд существенных погрешностей в воспроизведении текста документов.

Пыпину оказалась известной лишь ничтожная часть материалов о Белинском, имеющихся в архиве Московского университета. Между тем его сообщением 1899 г. и предшествовавшей публикацией еще одного документа (черновика представления инспектора П. С. Щепкина об исключении Белинского) исчерпывался до сих пор фонд введенных в исследование первоисточников по теме «Белинский в Московском университете». Таким образом, архивные материалы Московского университета оставались до последнего времени, по существу, неизученными. Биографы критика вынуждены были ограничиваться предположительными датировками различных эпизодов из студенческой жизни Белинского. Ниже мы впервые вводим в научный оборот разнообразные документы, извлеченные из «докладного реестра», в который вносились все бумаги, предназначенные для рассмотрения в совете и правлении университета (причем на бумагах этих всюду имеются отметки об исполнении). Наряду с «докладным реестром» большое значение имеют протоколы заседаний («журналы») совета и правления университета. В делах совета, состоявшего из ректора и профессоров, и правления, состоявшего из ректора и деканов, нашла отражение научно-учебная и хозяйственно-административная жизнь университета. Здесь, а также в делах словесного отделения, к сожалению, дошедших до нас далеко не полностью, мы находим ряд документов, непосредственно относящихся к Белинскому. Широко использованы нами фонды личных дел архива, особенно по «1 столу». С 1827 г. в делах «1 стола» сосредоточивались документы о поступлении и увольнении студентов. Здесь хранилось, в частности, и представляющее особый интерес для нашей темы «дело № 9» по 1 столу 1829 г. «О принятии в студенты Виссариона Белинского», на 6 листах. Из этого дела Пыпин напечатал только два документа: прошение Белинского и донесение экзаминаторов. Что касается имеющегося в деле «свидетельства» о рождении, то текст его был опубликован в 1900 г. В. Якушкиным и в 1902 г. Н. Волковым по копии из архива Константиновского межевого института [15]. Остальные документы «дела № 9» печатаются в настоящей работе впервые.

Вновь найденные материалы в архивном фонде Московского университета являются в целом незаменимым источником для характеристики общественно-политических и учебно-административных условий, в которых протекали студенческие годы Белинского. Эти материалы дают вместе с тем возможность, в сущности впервые, изложить с достаточной полнотой и чисто фактическую историю пребывания Белинского в университете.

Для воссоздания и характеристики идейной атмосферы, окружавшей Белинского в университетские годы, существенное значение имеет публикуемая в следующем томе «Литературного наследства» (т. 57) переписка Белинского с родными за 1829—1834 гг. Сведения из этой переписки, с которой мы имели возможность ознакомиться с разрешения редакции «Лит. наследства» до появления ее в печати, также использованы в нашей работе.

Обращение к фондам Центрального государственного исторического архива, а также Областного исторического архива в Москве позволило обнаружить и ввести в нашу работу ряд документов, приоткрывающих новые страницы в политической биографии молодого Белинского. Такие материалы содержатся, в первую очередь, в «деле» III Отделения,

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

№ 56.

Суббота, Іюля 13го дня, 1829 года.

Изъ САНКТПЕТЕРБУРГА, Іюня 29.

I. Высочайшіе Указы

за собственноручнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ:

Данные Правительствующему Сенату, 1829 года (въ Варшавѣ).

1й. Іюня 6го числа: „Исправляющаго должность Кавказскаго Вице-Губернатора Надворнаго Совѣтника Егора Мечникова, согласно поднесенному НАМЪ отъ Правительствующаго Сената докладу, Всемилостивѣйше жалуемъ, за пріѣздъ на службу въ Кавказскую Область, на основаніи Указа 29го Октября 1809 года, въ Коллежскіе Совѣтники, съ обязанностію прослужить въ той Области не менѣе трехъ лѣтъ, повелѣвая имѣть ему въ семъ чинѣ старшинство со времени опредѣленія его къ исправленію настоящей должности."

Іюня 8 го числа:

2й. „Предсѣдателя Таврической Палаты Гражданскаго Суда Статскаго Совѣтника Щербачева, согласно прошенію его, по болѣзненному состоянію, Всемилостивѣйше повелѣваемъ уволить отъ службы."

3й. „Старшаго Лѣкаря Херсонскаго гренадерскаго полку Штабъ-Лѣкаря Ялевскаго, въ награду отлично-усердной службы, Начальствомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше жалуемъ въ Коллежскіе Асессоры."

4й. Іюня 15го числа *(въ крѣпости Замосцѣ)*. „Въ награду отлично-усердной службы, Начальствомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше жалуемъ: старшихъ Лѣкарей, Штабъ-Лѣкарей: Невскаго пѣхотнаго полку Кричевскаго, и Софійскаго пѣхотнаго Воронича; Штабъ-Лѣкарей: конно-Артиллерійской No 3го роты Сорокина и 3го Піонернаго баталіона Сонцева въ Коллежскіе Асессоры."

II. Высочайшія повелѣнія.

Объявленныя Правительствующему Сенату, 1829 года:

а) Въ вѣдѣніяхъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.

1е. Іюня 13го числа: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по представленію Г-на Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ Генерала Графа Паскевича-Эриванскаго, Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ Серпуховскаго уланскаго полку Священнику Іакову Новолетскому, за отличное усердіе въ службѣ, оказанное въ продолженіи минувшей съ Персіянами войны, *Наперсный крестъ.*

Ф ф

2605

и нѣсколько бѣднѣйшихъ Турковъ. Всѣ Армяне ходятъ въ Турецкомъ платьѣ. Три моста по рѣкѣ Карсъ-чай соединяютъ Армянское предмѣстіе съ крѣпостью; по симъ-то мостамъ Русскіе ворвались. — Рѣка быстро прорѣзывается между крутыми берегами, образуя ущелья. Карсъ лежитъ по правую сторону; на картахъ нашихъ онъ ошибочно показывается на лѣвой сторонѣ рѣки. Окрестности города по правую сторону являютъ небольшую долину, по лѣвую горы; лѣса нигдѣ ни пруточка; въ Карсѣ нѣтъ садовъ. Поля обнажены, или покрыты безплодною зеленью; земля каменистая. — Въ лагерѣ весело. Весна освѣжаетъ силы; недостатка ни въ чемъ нѣтъ. Грузинскіе и Армянскіе духанщики, или маркитанты, снабжаютъ всѣмъ для продовольствія за сходную цѣну, которая, *благодаря попеченіямъ Правительства*, не перестаетъ звенѣть у насъ. *Ил. Ржецкій.*

Письмо къ Издателямъ Сѣверной Пчелы.

Долго служилъ я по гражданской части; наконецъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ и обремененъ будучи многочисленнымъ семействомъ, хотѣлъ успокоиться послѣ трудовъ службы и провести остатокъ дней моей жизни на своей родинѣ. Я переѣхалъ на жительство въ г. Брацлавъ, гдѣ, на пріобрѣтенныя мною въ потѣ лица деньги, купилъ небольшой домикъ, который составлялъ все мое имущество, и былъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ единственнымъ пріютомъ для меня и для моего семейства. Но Богъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Своихъ положилъ иначе. 24го Мая сего года нужно мнѣ было отлучиться на нѣсколько часовъ изъ города. Возвратясь обратно, чтожъ я увидѣлъ? вмѣсто дому и небольшаго хозяйственнаго моего заведенія, одинъ только дымящійся пепелъ, надъ которымъ сидѣло въ отчаяніи рыдающее *мое семейство!* — Неосторожность одного шляхтича, въ томъ городѣ живущаго, была причиною пожара. Не могу описать тогдашней своей горести! Я видѣлъ, что на старости принужденъ буду идти съ многочисленнымъ семействомъ по міру! Но Богъ и въ самыхъ наказаніяхъ Своихъ милосердъ — Онъ послалъ мнѣ благодѣтелей: чрезъ нѣсколько часовъ я былъ вознагражденъ за всю мою потерю.

Всѣмъ этимъ обязанъ я обществу Г-дъ офицеровъ квартирующаго здѣсь Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку. Они, движимы будучи *состраданіемъ*, всѣ единушно старались мнѣ помочь. Нижніе же чины онаго полку, подвергая опасности собственную жизнь, успѣли выхватить изъ пламени часть моего имущества и спасти отъ пожара сосѣдственные домы. Прошу покорнѣйше дать мѣстечко въ вашемъ журналѣ изъявленію чувствительнѣйшей моей благодарности обществу Г-дъ Офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку за ихъ великодушный поступокъ. Богъ не оставитъ ихъ безъ награды.

Имѣю честь быть и пр.

Губернскій Секретарь Юсифъ Фомичъ-Боруньскій, отставной Засѣдатель Брацлавскаго Нижняго Земскаго Суда.

(Изъ Св. Пч.)

Императорскій Московскій Университетъ *симъ объявляетъ*, что желающіе для усовершенствованія себя въ наукахъ вступить въ Университетъ, должны являться въ Правленіе онаго не позже 1го Сентября, представивши о себѣ законный видъ, что они свободнаго состоянія; находящіеся же въ окладномъ состояніи должны представить увольнительные документы отъ своихъ обществъ. Вступающіе въ Университетъ должны имѣть отъ роду не менѣе 16 лѣтъ, и, на основаніи §§ 109 и 110 Университетскаго Устава, обязаны подвергнуться испытанію по всѣмъ предметамъ, составляющимъ курсъ наукъ Губернскихъ Гимназій; кончившіе ученіе въ сихъ Гимназіяхъ должны представить отъ нихъ свидѣтельства о своемъ поведеніи, прилѣжаніи и успѣхахъ; а учившіеся внѣ Гимназій обязаны представить свидѣтельства отъ тѣхъ мѣстъ и лицъ, у кого обучались, хотя бы и въ домахъ своихъ родителей. Обучавшіеся въ Гимназіяхъ и не окончившіе курса оныхъ, съ неполными свидѣтельствами Гимназій, какъ и прежде, не будутъ допускаемы къ слушанію Университетскихъ курсовъ.

Правленіе Университета, по внесеніи просящихся въ списокъ Студентовъ, или Слушателей, прежде допущенія ихъ къ слушанію курса наукъ, потребуетъ отъ

Ф ф 6

ОБЪЯВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА О ПРИЕМЕ СТУДЕНТОВ В 1829–1830 УЧЕБНОМ ГОДУ. БЫЛО ПОМЕЩЕНО В ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ», № 56 ОТ 13 ИЮЛЯ 1829 г.

Первая страница газеты и страница с текстом объявления (правый столбец)

1 экспедиции, № 183 за 1833 г. следственного процесса над казеннокоштными студентами Московского университета Ф. Заблоцким и другими участниками «тайного польского литературного общества» в Москве — И. Савиничем, К. Коссовичем, Л. Макса и А. Белецким. Дополнением к «делу» III Отделения служат документы из секретного фонда Канцелярии московского военного генерал-губернатора за тот же 1833 г. (№№ 53, 65 и 69), непосредственно относящиеся к Белинскому.

Изучение следственного дела Ф. Заблоцкого и связанных с ним других дел и материалов позволяет ввести в биографию критика документы, являющиеся совершенно новыми источниками для характеристики политических настроений и связей не только московского студенчества 1830-х годов, но и непосредственно Белинского-студента.

Задачей настоящей работы является изучение студенческого периода жизни Белинского на основе всех приведенных в известность первоисточников. Такое изучение, осуществленное в органической связи с анализом общественного движения того времени, поможет, мы надеемся, полнее и конкретнее воссоздать историю идейного развития молодого Белинского. А это, в свою очередь, должно содействовать окончательному разрушению уже разоблаченных советской литературной наукой измышлений реакционной критики о якобы первенствующей роли и значении дворянского либерализма в идейном формировании Белинского, о его политической благонамеренности» в юные годы и «невежественности» «недоучившегося студента».

Глава I

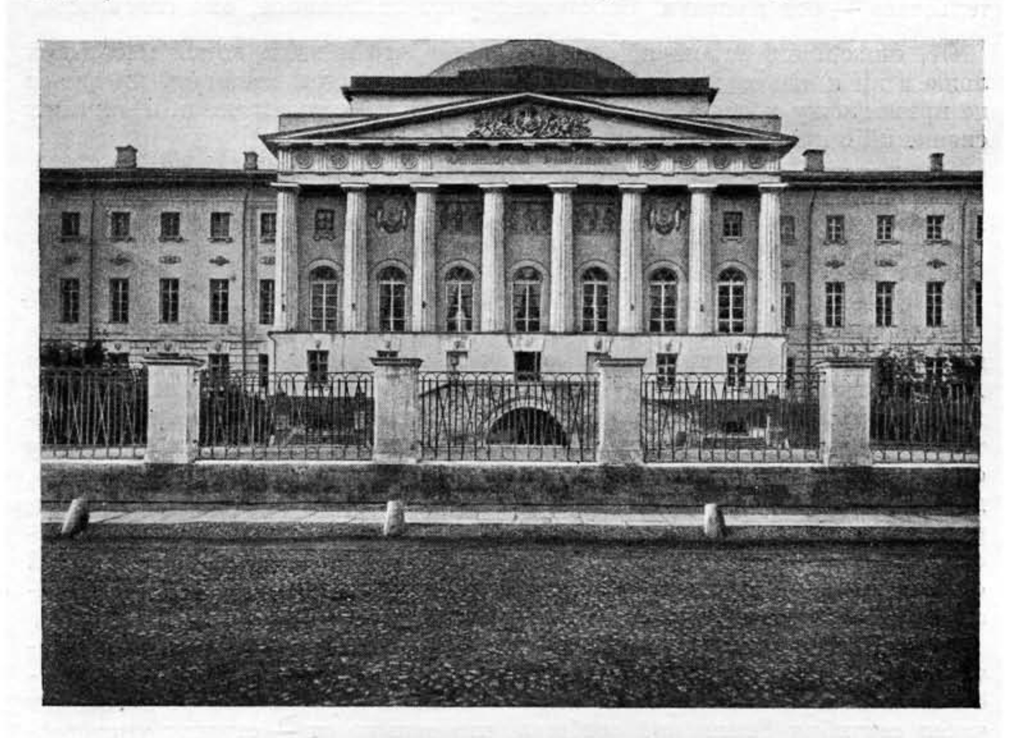
ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ БЕЛИНСКОГО В МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.—УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА КОНЦА 20-х—НАЧАЛА 30-х гг. — ОТНОШЕНИЕ БЕЛИНСКОГО К УНИВЕРСИТЕТСКИМ КУРСАМ.—КОНФЛИКТ МЕЖДУ БЕЛИНСКИМ И УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ

Летом 1829 г., по совету своих пензенских друзей, Белинский решил, не кончая гимназии, держать экзамены в Московский университет. Выбор его был не случаен. Казанский университет, и ближе находившийся и более доступный, казалось бы, скорее должен был привлечь внимание Белинского. Но Казанский университет к этому времени пользовался дурной славой в результате «деятельности» пресловутого «гасителя просвещения» Магницкого. Хотя положение Московского университета было немногим лучше, давление николаевской реакции и здесь лежало тяжелым прессом на университетской науке, тем не менее, вопреки всему, именно Московский университет стал центром организации сил молодой демократической России. Вот почему, по словам друга Герцена, Н. И. Сазонова, «почитание цивилизации, привязанность к истинно-народным традициям и современные свободолюбивые идеи нашли себе в этом учреждении последнее пристанище» [16].

4 июля 1829 г. пензенский знакомый Белинского Н. Иванисов, находившийся в Москве, извещал, со слов Григорьева, в ответ на не дошедший до нас запрос Белинского, что «для поступления в университет ничего почти не нужно, кроме хороших познаний во французском языке» [17]. 13 июля «Московские ведомости» известили в специальном объявлении, что Московский университет открыл прием прошений от лиц, желающих «для усовершенствования себя в науках вступить в университет». Будущие студенты должны были представлять при прошении, кроме других бумаг, «законный вид, что они свободного состояния»[18].

Через месяц после появления этого объявления, а именно около 12 августа [19], Белинский выехал из Чембара через Владыкино в Москву. Он при-

был в Москву 22 августа, когда приемные экзамены в университет у чались. Белинский, по его собственному рассказу, не мог сразу подать заявление — он не привез с собой необходимого документа — «свидетельства о рождении». Гимназический учитель Белинского М. М. Попов дал ему рекомендательное письмо к И. И. Лажечникову, а последний, в свою очередь, рекомендовал будущего критика профессорам Победоносцеву и Снегиреву. Заручившись этими рекомендациями, Белинский сделал попытку 31 августа подать прошение ректору Двигубскому. Последний без свидетельства о рождении просьбы не принял и к экзамену Белинского не допустил [20]. Оставалось только ждать присылки документа.

СТАРОЕ ЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Фотография 1884 г.

Свидетельство, которое с таким нетерпением ожидал Белинский, было получено лишь 11 сентября. На следующий день Белинский вторично подал прошение в правление университета. В тот же день состоялось решение о допущении его к экзаменам. Об этом свидетельствуют записи в «журнале» правления и «докладном реестре». В «журнале» заседания правления от 12 сентября 1829 г. записано, что в присутствии И. А. Двигубского, Е. О. Мухина, А. В. Болдырева и Ф. И. Чумакова были рассмотрены:

«Прошения о принятии в число студентов сего университета:

69. Виссариона Белинского

70. Николая Кафторадзева

Приказали: Предоставить господину ректору и кавалеру для испытания означенных просителей назначить экзаминаторов».

В измененном виде это внесено в «докладный реестр» и в выписку из общего «журнала», вшитую в личное дело Белинского («дело № 9») [21].

Приведенному документу соответствует помета на «прошении» Белинского: «Сл⟨ушали⟩ 12 сент⟨ября⟩» [22].

19 сентября Белинский в присутствии ординарных профессоров Перевощикова, Ивашковского, Терновского, адъюнктов Гаврилова, Погодина, лекторов Кистера и Генекена держал экзамены.

«Вступительные экзамены,— по словам Головачева,— производились кое-как ⟨...⟩ Поступавшие в университет подавали прошение ректору и затем, в назначенный день, являлись в правление, где в присутствии, за стеклянными дверями, собирались по вечерам экзаминаторы ⟨...⟩ к ним пускали экзаменующихся (по одному или по два), которые подходили поочередно к каждому профессору и отвечали на его вопросы» [23]. Белинский выдержал экзамены без труда [24]. На другой день, 20 сентября, он дал «обязательство» — род присяги. Собственноручно написанное, оно гласило:

«Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу, ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу и обязуюсь впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь.

Своекоштный студент Словесного отделения
Виссарион Григорьев сын *Белинский*

1829 года, сентября 20 дня»[25].

Представление таких обязательств было введено для студентов (так же, как и для лиц, поступающих на государственную службу) после восстания декабристов. Одновременно было заведено представление специальных поручительств от родных или знакомых. Белинский обратился за поручительством — «распиской» к генерал-майору А. З. Дурасову, которому он был рекомендован своей родственницей Л. С. Владыкиной. В «расписке», датированной тем же 20 сентября и написанной, за исключением подписи, рукой самого Белинского, генерал заявлял, что доверенный его поручительству юноша, определившись в университет, будет ходить в форменной одежде и «своим поведением не нанесет начальству никакого беспокойства» [26].

21 сентября Белинский получил университетскую «табель». Первоначально он этот день и считал, повидимому, днем своего *фактического* поступления в университет. В письме к родителям от последних чисел сентября Белинский сообщал, что отныне он — студент университета. Эта дата и вошла в биографию критика (Островидов, Пыпин, Енгалычев и др.) [27]. Однако она нуждается в некоторой оговорке. Обращение к подлинным документам заставляет передвинуть официальную дату на 10 дней. «Донесение» о результатах вступительных экзаменов для Белинского было рассмотрено правлением университета только 30 сентября. Об этом свидетельствуют оставшиеся не известными Пыпину и другим биографам делопроизводственные пометы, имеющиеся на донесении: наверху — «30 сентября 1829» и внизу — «сл⟨ушали⟩ 30 сентября» и «Журнал под № 126-м». Экзаминаторы доносили правлению, что они нашли «Виссариона Белинского, сына штаб-лекаря Григория Белинского» «достойным к слушанию профессорских лекций в сем звании» [28].

Окончательное зачисление студентов зависело от решения правления университета. В «Журнале» правления и «докладном реестре» под датой того же 30 сентября записано решение о принятии в университет Белинского и двух других, сдававших в одно время с ним экзамены юношей.

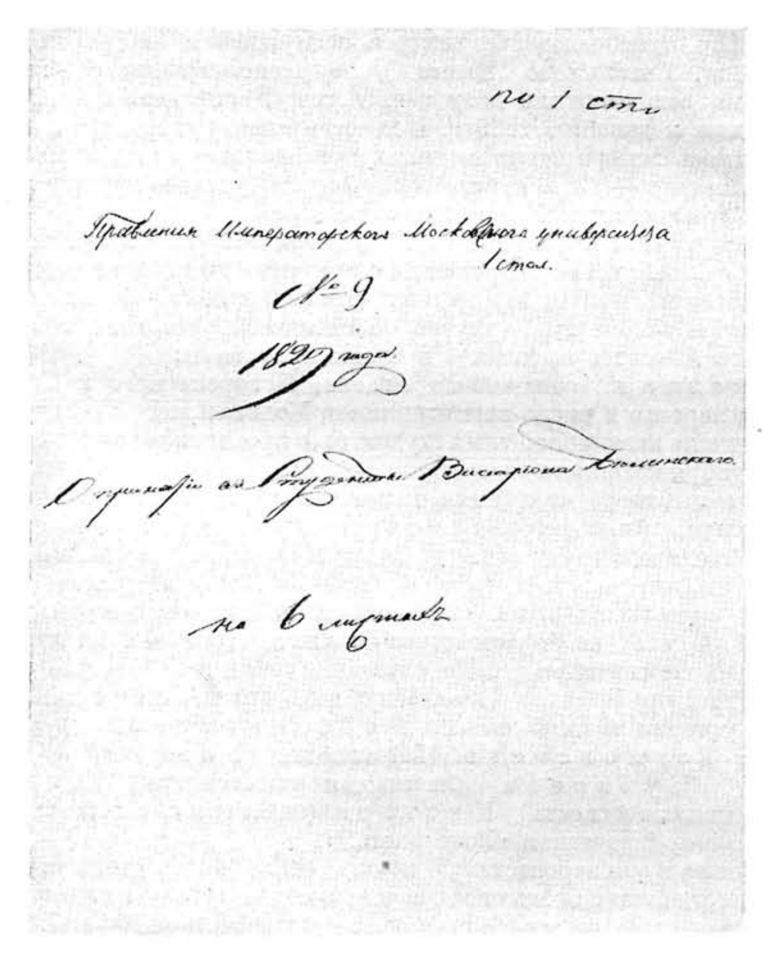
В этот день рассматривались, по записи в «Докладном реестре»:

«Донесения гг. Экзаминаторов, что испытанные ими оказались способными к слушанию лекций

⟨. . . . .⟩

Трех прочих ⟨помимо медицинского⟩ отделений:
4469 Николай Кафторадзев
4470 Николай Покотилло
4471 Виссарион Белинский

Решение: По удостоению ⟨профессоров⟩, испытывавших в знаниях означенных Кафторадзева, Покотилло и Белинского,— первого включить в список вольных слушателей, а последних в число своекоштных

Правления Императорского Московского университета
1 стол.
№ 9
1829 года
О принятии в студенты Виссариона Белинского
на 6 листах

ОБЛОЖКА ДЕЛА О ПРИЕМЕ БЕЛИНСКОГО В УНИВЕРСИТЕТ, 1829 г.

Центральный литературный архив, Москва

студентов, взяв с них подписки о непринадлежности к тайным обществам' о хождении в форменной одежде и поручительство за благонадежность поведения их» [29].

Таким образом, датой официального вступления Белинского в число студентов Московского университета является не 21, а 30 сентября 1829 г. Эта дата подтверждается, сверх приведенных источников, одним документом, исходящим от самого Белинского. Подавая в 1834 г. просьбу об определении на место корректора университетской типографии, Белинский указал: «1829 г. сентября 30 дня поступил я в Императорский Московский университет» [30].

Еще до заседания правления университета, а именно 25 сентября, Белинский, не рассчитывавший на получение из дома сколько-нибудь достаточных средств и с первых же дней жизни в Москве оказавшийся в тисках нужды, подал прошение с ходатайством о переводе его из своекоштных в число казеннокоштных студентов. 9 октября он сообщал родителям, что «вследствие сего прошения был освидетельствован университетским доктором П. А. Страховым» и включен в предварительный список «поступающих на казенный кошт». Сам Белинский предполагал, что «разрешение на сию просьбу последует не прежде, как около праздника рождества»[31]. Это предположение ввело в заблуждение биографов критика (Островидова, Енгалычева, Пыпина), не располагавших официальными источниками: они относили дату зачисления Белинского в казеннокоштные студенты к декабрю 1829 г. В действительности официальное решение состоялось вскоре после медицинского освидетельствования Белинского, а именно — 17 октября. Эту дату фиксируют записи в «журнале» правления и в «докладном реестре».

Запись «журнала» правления от 17 октября 1829 г., более полная, гласит, что при рассмотрении «прошений о принятии на казенное содержание» Аваева, Погорельского и Белинского «господин ректор предложил донесение доктора медицины Страхова об освидетельствовании им здоровья означенного Аваева и пр⟨очих⟩» и члены правления:

«Приказали: означенных Аваева, Погорельского и Белинского включить: первого в число воспитанников Медицинского института, а последних в число казеннокоштных студентов, о произвождении же им с 17 числа сего октября казенного содержания кассиру, эконому и 10 класса Андрееву дать указы, известив о сем выпискою из журнала и директора врачебного института и инспектора казенных студентов Перевощикова»[32].

Все необходимые формальности были выполнены. Белинский стал «казенным студентом» словесного отделения Московского университета.

Занятия в университете в первый семестр 1829 г., как и всегда, начались 17 августа. Однако на первом курсе бо̀льшая часть занятий проводилась с первых чисел сентября [33]. На слушание лекций Белинский записался у следующих профессоров словесного отделения: Каченовского (русская история и статистика), Победоносцева (русская словесность), Терновского (богословие), Ульрихса (всеобщая история), Кубарева (латинская словесность), Еннекена (французская словесность), Кистера (немецкая словесность) и Оболенского (греческая словесность)[34].

Вступление в университетскую жизнь, еще недавно столь страстно манившую Белинского, очень скоро привело его не только к глубокому разочарованию, но и к прямому конфликту с официальной наукой. В 1837 г., вспоминая свои студенческие годы, он писал Д. П. Иванову, что никогда не понимал его почтения «к рутине, школьному порядку», к «глупым лекциям московских профессоров». В этих лекциях, — писал Белинский, — «невежество, запоздалость, мелкость, недобросовестность, явное искажение истины так ярко бросались в глаза ⟨...⟩ Не слишком много ума и проницательности нужно для того, чтобы знать, что ни в одном русском университете нельзя положить молодому человеку прочного основания для будущих его занятий наукою, и что для человека, посвящающего всю жизнь свою знанию, время, проведенное в университете, есть потерянное, погубленное время...» («Письма», I, 85—86).

Для того чтобы правильно понять этот суровый приговор критика, необходимо вспомнить, что̀ представляла собой так называемая университетская наука в России в период последекабристской реакции 1830-х годов и в какие условия была поставлена самодержавием деятельность русских университетов в это время.

Подавив восстание на Сенатской площади и жестоко расправившись с декабристами, Николай I, не оправившийся еще от испуга, пережитого им 14 декабря 1825 г.,— поставил перед собой и своим правительством задачу организации широкой борьбы против возможности возникновения и развития в русском образованном обществе какой-либо новой антиправительственной идеологии. Университет и школа, наука и литература были взяты царем и его жандармами под усиленный политический контроль и полицейское наблюдение. В мае 1826 г. всем профессорам Московского университета было предложено представить начальству «обязательства», аналогичные тому, которое дал при вступлении в университет Белинский. В этих декларациях профессора собственноручно писали, что они не принадлежали и не принадлежат ни к каким тайным обществам и обязывались «впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с оными не иметь» [35].

Наряду с прямым полицейским нажимом на ученых и науку, правительством Николая I была разработана целая система практических мероприятий, имевшая своей конечной целью «оказенить» науку и ее деятелей, с тем чтобы полностью подчинить их своему политическому контролю и поставить на службу монархии. При подобной установке задача университетского образования сводилась к созданию чиновников от этой «казенной науки», послушных исполнителей «предначертаний» самодержавной власти и «ученых» толкователей казенной, официальной идеологии. Цель воспитания,— «поучал» Пушкина Бенкендорф, со слов Николая I,

№ 4095.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета отъ Виссаріона Бѣлинскаго

Прошеніе.

Родомъ я Штабъ-Лекарскій сынъ, отъ роду имѣю 18 лѣтъ, обучался въ домѣ моихъ родителей, я нынѣ, желая продолжать курсъ наукъ, для большаго моего образованія, въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, прошу Правленіе онаго, по надлежащемъ меня испытаніи, принять меня въ число Студентовъ онаго Университета и допустить къ слушанію лекцій по Словесному Отдѣленію. При семъ представляю данное мнѣ отъ благородныхъ Депутатовъ Свидѣтельство о моемъ рожденіи. Къ сему прошенію руку приложилъ Виссаріонъ Григорьевъ сынъ Бѣлинскій 1829 года Сентября 12 дня.

С. 12. Сен.

ПРОШЕНИЕ БЕЛИНСКОГО ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1829 г. О ПРИЕМЕ ЕГО В ЧИСЛО СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Центральный литературный архив, Москва

в 1826 г., — заключается вовсе не в просвещении, а в прилежном служении, в нравственности, т. е., в понимании царя и шефа жандармов, — в полной политической благонамеренности. «Нравственность, — писал Бенкендорф Пушкину, — прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному» [36]. Инструкция министерства просвещения, данная в июне 1825 г. генерал-майору А. А. Писареву, при назначении его попечителем Московского учебного округа, требовала, чтобы он в первую очередь обращал внимание «на нравственное направление преподаваний, наблюдая строго, чтобы в уроках профессоров и учителей ничего колеблющего или ослабляющего учение нашей веры не укрывалось». При этом он должен был требовать, чтобы в книгохранилищах «не было книг, противных вере, правительству и нравственности» [37].

Салтыков-Щедрин гневно и уничтожающе охарактеризовал эту сторону николаевской высшей школы. В «Письмах к тетеньке» он писал, вспоминая о своем обучении в Царскосельском лицее конца 1830-х — начала 1840-х годов: «Вральманы пичкали нас коротенькими знаниями ⟨...⟩, а холоп высшей школы внушал, что цель знания есть исполнение начальственных предначертаний. Сведения доходили до нас коротенькие, бессвязные, почти бессмысленные. Они не ассимилировались, а механически зазубривались, так что будущая их судьба вполне зависела от богатства или бедности памяти учащегося. Ни о каком фонде, могущем послужить отправным пунктом для будущего, и речи быть не могло» [38].

Таково было официальное направление университетского образования в империи Николая I, и, разумеется, вполне закономерно, что Белинский не мог увлечься обязательной стороной университетских занятий, поскольку видел их резкое расхождение с передовой общественной и научной мыслью.

В 1832 г. инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин доносил помощнику попечителя Московского университета об отсутствии надежды на то, что из Белинского может «образоваться полезный чиновник по учебной службе». Действительно, находясь в университете, Белинский готовился совсем к другому роду деятельности. В упомянутом письме 1837 г. к Д. П. Иванову он недаром противопоставлял «занятиям в аудитории» — свободные от казенной опеки и надзора «домашние, кабинетные занятия» («Письма», I, 86).

На рубеже 1820-х и 1830-х годов профессора Московского университета были большей частью типичными чиновниками от науки, послушными исполнителями правительственной политики в области просвещения. Характерными фигурами являлись в этом отношении такие наставники Белинского, как Победоносцев (отец К. П. Победоносцева), Ульрихс, Терновский и некоторые другие. Как мы увидим ниже, Белинский весьма скоро понял, что заниматься наукой под руководством этих профессоров нельзя, и он почти прекратил посещение лекций.

В. Ф. Одоевский писал: «У нас Белинскому учиться было н е г д е; рутинизм наших университетов не мог удовлетворить его логического в высшей степени ума; пошлость большей части наших профессоров порождала в нем лишь презрение». Одоевский много общался с Белинским, и его свидетельство передает, вероятно, мнение самого критика. Одоевский прибавлял затем, что в университете Белинского донимали «нелепые преследования» [39].

Презрение и ненависть к «холопам высшей школы», испытанные Белинским в годы студенчества, определили суровость его позднейших оценок университетской «науки». Но в Московском университете 1830-х годов, как и в каждой высшей школе того времени, существовал резкий разрыв между официальной постановкой и «казенным» направлением научно-образовательного дела, с одной стороны, и умственно-идейной жизнью студентов, с другой стороны.

И. А. ДВИГУБСКИЙ
Литография конца 1820-х гг.
Местонахождение оригинала неизвестно

К. Аксаков следующими словами определил общее значение университетского периода в идейной биографии людей, прошедших университет в одно время с ним, а среди них были Белинский, Герцен, Лермонтов, Станкевич, Гончаров: «В наше время профессорское слово было часто бедно, но студентская жизнь и умственная деятельность, неразрывно с нею связанная, не были подавлены форменностью и приносили добрые плоды»[40].

К этим словам мог бы вполне присоединиться и Белинский. Идейная жизнь московского студенчества и для него являлась той политической школой, в которой складывались познания и убеждения будущего критика. Ниже мы посвятим вторую часть нашей работы исследованию общественно-политических связей Белинского в университетские годы, анализу становления его мировоззрения и значения неофициальной студенческой жизни для идейного развития критика. Теперь же нам необходимо воссоздать картину официальных университетских занятий Белинского. Это важно прежде всего для определения удельного веса университетского образования в развитии Белинского. Мы увидим, что наряду с резким неприятием схоластических и лженаучных курсов «чиновников от науки» (Ульрихса, Победоносцева, Терновского) Белинский внимательно прислушивался к каждому живому слову в лекциях других профессоров (Каченовского, Надеждина и др.).

Воссоздание конкретной и, по возможности, полной картины университетских занятий Белинского важно также и потому, что оно способствует расширению наших сведений о студенческой жизни критика; оно помогает, наконец, уяснить обоснованность суровых ретроспективных приговоров Белинского по отношению к университетской науке, через которую он прошел.

В научной литературе до сих пор нет ясности относительно того, какие именно курсы, каких профессоров и когда слушал Белинский. Исключая И. Островидова, сообщившего, на основании письма Белинского, точный

перечень профессоров, у которых записался будущий критик, остальные исследователи и биографы бездоказательно вводят в круг прослушанных им лекций не только все лекции второго и третьего курсов словесного отделения философского факультета, но также и лекции физико-математического факультета. Так, в единственном монографическом исследовании о юношеском периоде биографии Белинского — в работе С. А. Венгерова «Великое сердце», в качестве его профессоров фигурируют Победоносцев, Каченовский, Ивашковский, Давыдов, Погодин, Надеждин, Шевырев, Павлов. Между тем, ни Давыдова, ни Шевырева Белинский слушать не мог, так как они начали свои курсы после его фактического ухода из университета. Нет никаких достоверных данных о посещении Белинским лекций Павлова [41]. Что касается лекций Надеждина и Погодина, привлекших внимание Белинского, то слушание этих лекций следует ограничить последними днями пребывания Белинского в университете.

По университетскому уставу 1804 г. было четыре отделения (или факультета), из них два—гуманитарных: нравственно-политическое и словесных наук. Первое отделение давало юридическое образование, и основными предметами здесь являлись право, судопроизводство, российское законоискусство и его история. На словесном отделении главными предметами были языки (древние и новые), российская история и статистика и начала теории словесности. Словесное отделение готовило преподавателей российской словесности, истории и географии для гимназий и училищ.

Первый курс имел подготовительный характер. По свидетельству официального университетского отчета за 1834 г., преподавание научных дисциплин на первом курсе, на котором Белинский пробыл три года, вплоть до своего исключения, «по содержанию и объему не восходило за пределы гимназического учения» [42].

В свой первый академический год, а затем и во второй, Белинский был обречен, таким образом, на скучное повторение школьной программы. Он вновь слушал схоластические рассуждения о «хриях», нравоучительные рассказы из всеобщей истории, занимался переводами давно известных ему отрывков из школьных хрестоматий и т. д. «Ведомости» профессоров показывают, что Белинский в первый и следующие годы слушал лекции Каченовского, Победоносцева, Ульрихса, Кистера, Декампа, Кубарева, Гарве, Терновского. Лекций по греческому языку, на которые он записался, Белинский так и не посещал во все время своего пребывания в университете. С другой стороны, он слушал в 1829/30 учебном году чтения Мерзлякова, на которые записан не был, а в 1831/32 году — курс Надеждина. Кроме того, его внимание привлекли лекции по русской истории Погодина. Таков круг лекций, посещение которых Белинским устанавливается документально. Итак, из указанных им в письме к родителям курсов, на которые он записался при поступлении в университет, Белинский не посещал только занятия по греческому языку (в экзаменационной ведомости Оболенского отмечено: «не ходил») [43].

Русскую словесность на первом курсе преподавал, начиная с 1814 г., профессор П. В. Победоносцев (1771—1843). Белинский познакомился с ним еще до того, как стал слушателем его лекций. Именно Победоносцеву, а также профессору Снегиреву, были адресованы упомянутые выше рекомендательные письма И. И. Лажечникова с просьбой оказать содействие Белинскому при поступлении в университет. Белинский нанес визит обоим профессорам, чтобы вручить им эти письма в первые же дни по приезде в Москву.

В 1829 г. Победоносцев начал чтение лекций 9 сентября, а закончил курс 13 июня 1830 г. Читал он по понедельникам, средам и пятницам в «малой аудитории», где его и слушал Белинский. В 1829/30 учебном году на его курс записалось 153 студента (включая второгодичных).

Схоласт и педант «старой школы», чуждый литературной современности и вопросам нового историко-литературного изучения, Победоносцев наполнял свои лекции исключительно изложением риторики и практическими занятиями по русской грамматике и стилистике. Воспитанник московской Заиконоспасской духовной академии, он до конца жизни сохранил преклонение перед авторитетами классицизма. Следует отметить вместе с тем, что литературные вкусы и принципы Победоносцева складывались также под сильным влиянием сентиментальной школы. Одна из первых его книг — «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1829 г. О ДОПУЩЕНИИ БЕЛИНСКОГО К ВСТУПИТЕЛЬНЫМ ИСПЫТАНИЯМ

Выписка из протокола

Центральный литературный архив, Москва

сердца» (М., 1796, ч. 1—2) проникнута характерными для сентиментализма культом печали, покорностью провидению, готовностью нести тяжкий крест страданий. Чувствительная повесть о разбитом сердце супруга, потерявшего жену, посвящена прославлению меланхолии и смерти. Такой же характер носят переведенные Победоносцевым сочинения Юнга, Руссо, Бернардена де-Сен-Пьера и выбранные им для перевода повести Авг. Лафонтена, Дюкре-Дюмениля, Коцебу, Геллерта и др. (в журнале «Новости русской литературы»)[44].

Бурное развитие русской литературы в первой четверти XIX в., появление Пушкина, Грибоедова, Баратынского, Рылеева, Веневитинова и других не оказало никакого влияния на эстетические позиции и лекции Победоносцева. Д. П. Иванов вспоминал, что никакой разницы между пензенским гимназическим учителем словесности Яблонским и профессором университета Победоносцевым он не заметил. По его словам, Победоносцев толковал «не лучше Яблонского и об источниках изобретения, о хриях

ординарных и превращенных, припомнить надобно, что пресловутая реторика Кошанского, по которой учил Яблонский в Пензенской гимназии, красовалась в программах, изданных для поступления в Московский университет, едва ли не до пятидесятых годов» [45]. И. С. Тургенев, поступивший в Московский университет в 1833 г., писал в своей автобиографии, что он слушал «старика Победоносцева, державшего студентов на Ломоносовских похвальных Речах и задававшего им „хрию“» [46].

В 1827 г. Победоносцев напечатал конспект своих лекций и с тех пор читал их по этому конспекту без каких-либо изменений. В «Ведомости из класса российской словесности» за 1829/30 учебный год он указывал, что им прочитаны следующие разделы: «О распространении предложений; о периодической и отрывистой, стихотворной и прозаической речи; об источниках изобретений; о хриях, письмах и силлогизмах; о слоге и его украшениях; об истории красноречия. Учащиеся занимались легкими сочинениями, кои при сем и представляются» [47]. Таким образом, судя по этой записи, Победоносцевым был прочитан полный курс риторики, обычно состоявший из четырех частей. Первая часть заключала в себе рассуждения о слове и предложении; вторая — правила об «изобретении мыслей» (показывающих, по выражению известного составителя учебника по риторике Рижского, «истинный путь воображению»); третья — правила о расположении материала (композиции) и различных родах прозаических сочинений; четвертая посвящена была слогу. Запись Победоносцева показывает, что он полностью следовал порядку изложения риторики, установившемуся в учебниках Кошанского, Никольского и Рижского [48].

О схоластическом, рутинном, оторванном от живой литературной современности характере курса Победоносцева дает представление упомянутый выше печатный «конспект» его лекций. Он начинал курс с этимологии и синтаксиса, а затем читал «введение в риторику». Здесь он говорил о соединении слов в предложения, предложений — в периоды. После различных замечаний о периодах он переходил к речи периодической и отрывистой. «Полнота, круглость, связь и постепенность составляют отличительные свойства первой. Краткость, живость и быстрота относятся к последней» [49].

Затем Победоносцев излагал «теорию красноречия или действий оратора». Принципы стилистики излагались Победоносцевым в духе сентиментализма. «Существенные принадлежности слога,— заявлял он в конспекте:— а) откровенность, б) легкость и в) натуральная простота...»[50]. В другом месте он писал, что «достоинства слога: а) ясность, б) чистота, в) приличность, г) точность и д) благозвучие»[51]. Подобное понимание вопросов стиля полностью совпадало со стилистическими нормами салонно-литературной речи сентименталистов, протестовавших против «нагой простоты» и «непристойности» низких выражений и одновременно отрицавших торжественные архаические элементы «высокого» стиля [52]. Однако вслед за требованиями «легкого» и «благозвучного» слога Победоносцев весьма непоследовательно выдвигал идущее от Ломоносова «разделение слога на а) простой, б) средний и в) высокий» [53]. Курс Победоносцева заканчивался краткой историей красноречия. По существу это была не столько история ораторского искусства, сколько отдельные образцы античного красноречия и «взгляд на отечественных витий, духовных и светских».

«Неотъемлемой частью» курса Победоносцева являлись практические занятия, состоявшие в выборе «лучших примеров из отечественных прозаиков и стихотворцев, которые профессор предполагает читать в классе с разбором касательно мыслей и выражений, связи, порядка и отделки оных». С другой стороны, слушатели занимались «сочинениями из тем», предложенных профессором. Приведем относящуюся к этим практическим

занятиям запись из отчета Победоносцева за 1832/33 г.: «Для подкрепления правил,— писал Победоносцев,— избираемы были образцы из Ломоносова, Шишкова, Карамзина, Мерзлякова и прочих. — Сверх легких сочинений, коими занимались слушатели, представляемы от них были и

В Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета

отъ Ординарныхъ Профессоровъ

ДОНЕСЕНІЕ.

По назначенію Господина Ректора Университета, мы испытывали Виссариона Белинского,

въ языкахъ и Наукахъ, требуемыхъ отъ вступающихъ въ Университетъ въ званіи Студента, и нашли его Достойным къ слушанію Профессорскихъ лекцій въ семъ званіи. О чемъ имѣемъ честь донести Правленію Университета.

Сентября дня 1829. года

ДОНЕСЕНИЕ ПРОФЕССОРОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ЭКЗАМЕНОВАВШИХ БЕЛИНСКОГО, О СДАЧЕ ИМ 19 СЕНТЯБРЯ 1829 г. ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ИСПЫТАНИЙ

Центральный литературный архив, Москва

переводы с латинского из Цицероновых писем и с французского из „Leçons de Littérature et de Morale, par Noël et Delaplace“. И те и другие были разбираемы по правилам критики. Темы, предложенные для сочинений, были следующие:

1. Просвещение должно быть соединено с чистотою нравственности.

2. Разбор синоним: Величие и слава — невинность и непорочность — изобилие и довольство — подобие и сходство — тьма и мрак — кроткий, тихий, смирный, смиренный — описать, изобразить, определить — предпочтение, преимущество, превосходство — блуждать, скитаться.
3. Доброе воспитание служит основанием нашего счастья.
4. Может ли несчастье быть полезно человеку?
5. Олег — победитель.
6. Лучший спутник в жизни — вера в Провидение.
7. Мысли старца при взгляде на заходящее солнце.
8. Отличительные свойства благовоспитанного молодого человека.
9. Полезные книги — лучшие друзья наши»[54].

Перечень тем, предлагавшихся Победоносцевым для учебных сочинений, выразительно определяя общий характер его преподавания, представляет для нас и специальный интерес. Мы обнаруживаем в списке тему о «добром воспитании», на которую писал свое сочинение у Победоносцева Белинский. Сочинение это, под названием «Рассуждение П. Л. ⟨?⟩. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей», полностью опубликовано лишь в 1948 г., в 55-м томе «Лит. наследства». Автор публикации Н. И. Мордовченко высказал предположение, что «Рассуждение» было написано Белинским в качестве учебной работы по курсу Победоносцева. Приведя ряд соображений в пользу такого взгляда, Н. И. Мордовченко заключал: «Учебный характер „Рассуждения" не подлежит, кажется, сомнению». Однако В. С. Нечаева в своей книге 1949 г. «В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности», не полемизируя прямо с Н. И. Мордовченко, по существу не только выразила сомнение в правильности высказанного им предположения, но и в категорической, хотя и бездоказательной форме попыталась отвергнуть его. «„Рассуждение",— по мнению В. С. Нечаевой,— является оригинальным литературным произведением Белинского, одним из опытов его ранней прозы, в которой он в это время искал жанр, соответствовавший его литературному дарованию». Самую т е м у «Рассуждения»— о «добром воспитании» — В. С. Нечаева считает «чрезвычайно органичной» для Белинского и зарождение ее связывает с его впечатлениями от «длительного пребывания в родной семье в 1829 г.»[55].

Все эти соображения В. С. Нечаевой о «Рассуждении» приходится ныне *признать неосновательными. Опубликованный нами список тем практических* занятий по курсу Победоносцева документально подтверждает правильность гипотезы, высказанной Н. И. Мордовченко о том, что «Рассуждение» было написано Белинским в качестве учебной работы. То обстоятельство, что «Рассуждение» датируется декабрем 1829 г., а опубликованный нами список тем по курсу Победоносцева взят из его отчета за 1832/33 г., вряд ли может поколебать правильность наших выводов. Выше уже указывалось, что Победоносцев читал свой курс из года в год без каких-либо изменений. Не приходится сомневаться, что без изменений оставались и сформулированные им темы для практических занятий по курсу. Тема о «добром воспитании», ставшая известной нам по сохранившемуся отчету за 1832/33 г., несомненно, имелась и в не дошедшем до нас или еще не разысканном отчете за 1829/30 г. Таким образом, разноречие мнений, возникшее по вопросу о том, считать ли «Рассуждение» учебным сочинением на заданную тему или вполне «оригинальным литературным произведением Белинского», можно считать устраненным. Само собой разумеется при этом, что в разработке данной ему темы Белинский весьма ярко проявил свое индивидуальное своеобразие. Как правильно указывает Н. И. Мордовченко, «особенности разработки этой темы остаются необыкновенно примечательными для идейного облика Белинского в его молодые годы».

Для характеристики курса Победоносцева показательны не только темы практических занятий, но и пособия, которые он рекомендовал слушателям. В своем конспекте профессор указывает, что «при объяснении правил ⟨...⟩ руководствуется краткою риторикою, изданною профессором Мерзляковым» [56]. Риторика Мерзлякова составляла основной теоретический базис чтений Победоносцева, и о ней мы скажем ниже. Помимо этого, он рекомендовал разнообразные учебники риторики конца XVIII и начала XIX в. Так, Н. Станкевич, готовясь в 1831 г. к экзамену, просит Я. Неверова прислать учебники Могилевского, Никольского, а «когда есть, то *и Рижского*»[57]. Впоследствии, в рецензии на пособия Кошанского и Глаголева, Белинский дал уничтожающую оценку представителям этой школьной литературной теории. «Г. Глаголев,— писал он,— под словесностью, как наукою, разумеет грамматику, риторику и пиитику: так думали люди только во времена варварской схоластики, рабски подражая во всем древним, которых они не понимали ⟨...⟩ В самом деле, из всех наших схоластов, учивших в школе писать так, как никто не пишет в свете, самые замечательные, бесспорно, суть гг. Тредьяковский, Рижский, Толмачев, Кошанский, Плаксин и — Глаголев...» (X, 44—45). Из перечня составителей риторик, данного Глаголевым, Белинский не случайно исключил Ломоносова и Борна. Ниже мы вернемся к этой оценке Белинского, теперь же следует рассмотреть еще один университетский курс теории поэзии, который привлек усиленное внимание Белинского. Это были лекции теоретического вдохновителя и руководителя Победоносцева, наиболее выдающегося лектора Московского университета той поры — профессора А. Ф. Мерзлякова.

В период последекабристской реакции, полицейского надзора за наукой и высшей школой появился особый тип профессоров-эклектиков, легко приспосабливающихся к новым условиям. Характерным представителем этой эклектической науки являлся Мерзляков. Защитник классической

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

Гравюра К. Я. Афанасьева, 1820-е гг.

Исторический музей, Москва

эстетики, во многом использовавший труды Батте, Эшенбурга, Лагарпа, он вместе с тем находился под сильным влиянием новой эстетики. «Чувство, а не разум основа творчества»,— провозглашал в своих статьях Мерзляков.

Университетский курс Мерзлякова именовался «Российское красноречие и поэзия»; читался он для слушателей старших курсов. Белинский не обязан был, будучи на подготовительном курсе, слушать лекции Мерзлякова. Естественно, что мы не располагаем никакими официальными документами, подтверждающими факт посещения Белинским чтений Мерзлякова. Но сам критик неоднократно вспоминал его лекции в своих статьях. Он не раз писал, что сам слышал то или другое мнение Мерзлякова, заявленное с университетской кафедры.

Так, например, в статье о Пушкине Белинский вспоминал: «Мы сами слышали однажды, как глава классических критиков, почтенный, умный и даровитый Мерзляков, сказал с кафедры: „Пушкин пишет хорошо, но, бога ради, не называйте его сочинений поэмами!“ Под словом поэма классики привыкли видеть что-то чрезвычайно важное» (XII, 12).

В «Литературных мечтаниях» Белинский дал следующую характеристику лекций Мерзлякова, основанную на личных впечатлениях: «Он преподавал Теорию Изящного, и между тем эта теория оставалась для него неразгаданною загадкою во все продолжение его жизни; он считался у нас оракулом критики и не знал, на чем основывается критика ⟨...⟩ И этот человек, который был знаком с немецким языком и литературою, этот человек, с душою поэтическою, с чувством глубоким — писал торжественные оды, перевел „Тасса“, говорил с кафедры, что „только чудотворный гений немцев любит выставлять на сцене виселицы“, находил гений в Сумарокове и был увлечен, очарован поддельною и нарумяненною поэзиею французов в то время как читал Гете и Шиллера!.. Он рожден был практиком поэзии, а судьба сделала его теоретиком; пламенное чувство влекло его к песням, а система заставила писать оды и переводить „Тасса“!» (I, 353—354).

В статье «Горе от ума» Белинский снова припомнил, как Мерзляков «разбирал с кафедры» красоты Сумарокова и подсмеивался над Шиллером, Гете и Шекспиром (V, 75).

Эти и другие мемуарные места в критических статьях Белинского не оставляют сомнений в том, что в свои студенческие годы он был одним из внимательнейших слушателей Мерзлякова. При этом следует отметить, что интерес к лекциям Мерзлякова был общим для всех членов ближайшего окружения Белинского-студента. Эти лекции аккуратно посещали учившиеся на II курсе М. Чистяков, И. Нечай, П. Матюшенко и Н. Аргилландер — товарищи Белинского и его сожители по 11 нумеру казеннокоштного общежития[58]. Посещали в этот год лекции Мерзлякова и два приятеля Белинского из числа своекоштных студентов: Н. Григорьев и П. Петров[59].

Первый год университетской жизни Белинского был последним годом деятельности Мерзлякова (1788—1830). Теоретик позднего классицизма в России, автор широко распространенного в то время кодекса «науки вкуса» — «Краткого начертания теории изящной словесности» (М., 1822), переводчик, поэт и критик Мерзляков не являлся представителем целостной и последовательной теории искусства. По словам Надеждина, он заявлял, что всякая эстетическая система губит дарование поэта. «„Вот где система“,— говаривал, бывало, он своим слушателям, указывая на сердце: и никто не требовал от него более: ибо в этом сердце кипела пучина жизни»[60].

В своем университетском курсе «российского красноречия и поэзии» Мерзляков строго придерживался теории непереходимых границ жанров,

КРАТКОЕ

НАЧЕРТАНІЕ

ТЕОРІИ

ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНО

Профессоромъ А. Мерзляковымъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1822.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ А. Ф. МЕРЗЛЯКОВА «КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ ТЕОРИИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ», 1822 г.

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

отрицательно относился к романтической поэме и роману, в стилистике следовал учению о «трех штилях». Мерзляков давал «практические разборы знаменитейших российских стихотворцев во всех родах сочинений, в которых наиболее наша поэзия успела»[61]. «Новшества» русской поэзии приводили его часто в недоумение. «Что это за дух ⟨романтической поэзии⟩, который разрушает все правила пиитики,— спрашивал он,— смешивает вместе все роды, комедию с трагедией, песни с сатирой, балладу с одой? и пр., и пр.»[62]. Классицистические основы его взглядов мешали ему видеть и понимать закономерность развития новой русской литературы.

В 1829/30 академическом году лекции по курсу Мерзлякова «Российское красноречие и поэзия» начались в сентябре и закончились в июне. Мерзляков читал вторую часть своего курса. «Пройдена вторая часть курса красноречия, — читаем в отчетной ведомости Мерзлякова за 1829/30 г.,— предназначенная для нынешнего учебного года.—Слушатели занимаемы были часто разбором критическим как своих, так и чужих сочинений»[63]. Чтения происходили три раза в неделю: две лекции Мерзляков посвящал истолкованию теории, а третью — исключительно разбору «сочинений знаменитейших российских писателей во всех родах и потом критике собственных переводов и сочинений слушателей»[64]. Лекции Мерзлякова пользовались большой популярностью и часто приводили в восторг слушателей. О манере, в которой Мерзляков вел свой курс, дает представление следующее свидетельство современника: последние лекции (1829/30 г.) Мерзлякова «состояли, по большей части, в критических импровизациях. Он к ним не готовился. Приносил на кафедру Ломоносова или Державина, развертывал. Случай открывал оду. Речь свободно и роскошно лилась

из уст импровизатора. Все зависело от настроения минуты 〈...〉 Светлая мысль, искра чувства электрически оживляли всю аудиторию»[65].

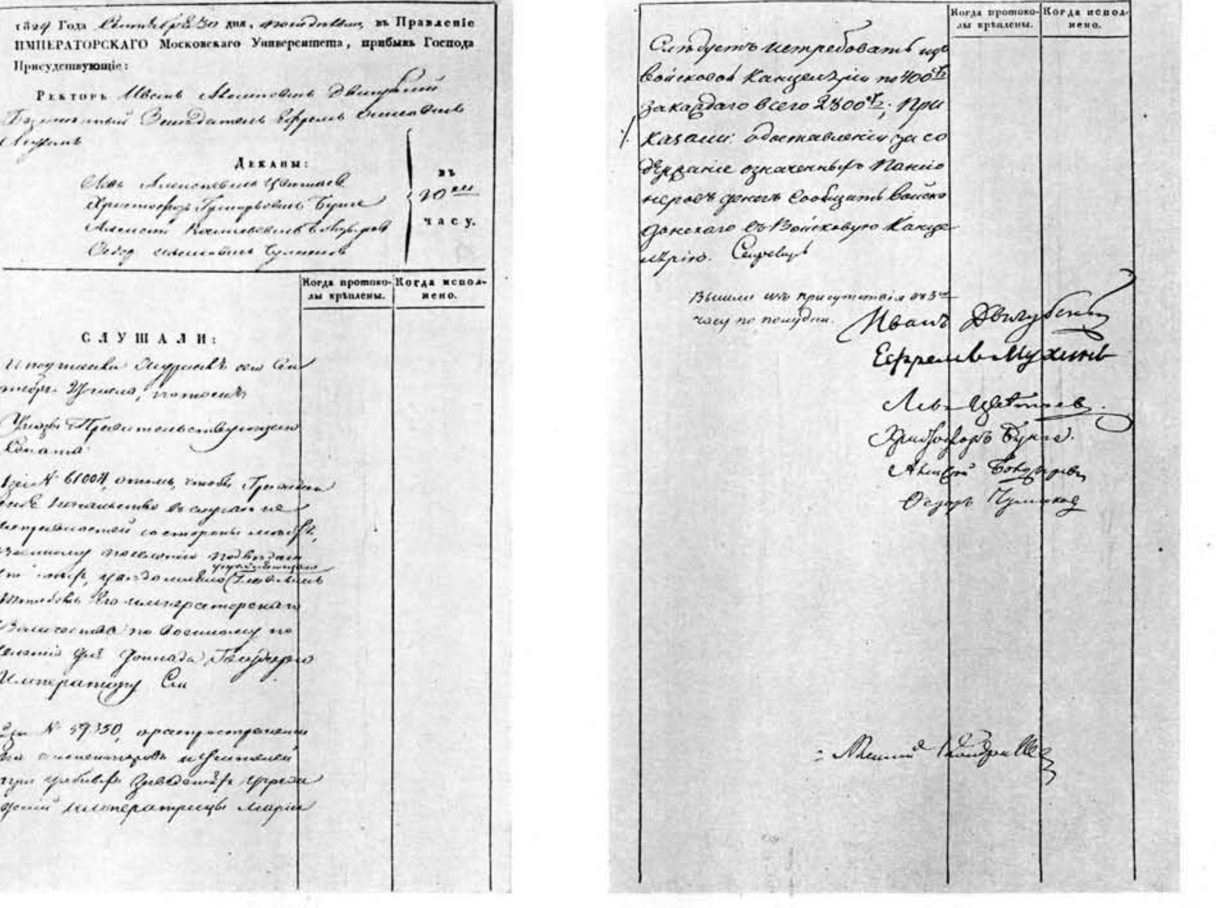
Теоретическое содержание курса Мерзлякова изложено в его «Конспекте лекций российского красноречия и поэзии». В духе поздне-классицистической теории Мерзляков прежде всего устанавливает «сколько возможно точнейшие границы изящной природы, из коей почерпают свои материалы все искусства». «Сия область изящной природы,— указывает автор «Конспекта»,— может быть разделена на три главных предела: прекрасное, высокое или великое, полезное или благое». Дав затем определение науки и поэзии и охарактеризовав последнюю, как «язык богов», Мерзляков делит все формы на два главных рода: эпический и драматический. Далее следует разбор отдельных жанров, весьма показательный для эклектической и весьма противоречивой литературной позиции Мерзлякова. Сатира, указывает он, например, врачует пороки, но она должна делать это не только «без оскорбления, но даже с приятностью».

С другой стороны, «лирическая поэзия вообще состоит в полном излиянии чувствований». Поэма, по определению Мерзлякова, «есть повествование, украшенное всеми прелестями живописующей и изобразительной поэзии 〈...〉, имеющее целью поучение или возбуждение удивления и удовольствия». Ясно, что в это определение никак не укладывалась поэма Пушкина и его последователей. Свои теоретические размышления о жанре поэмы Мерзляков строил целиком на «критическом анализе» «Илиады», «Одиссеи», «Энеиды» — «поэм образцовых», а затем и «Освобожденного Иерусалима», «Потерянного Рая», «Мессиады», «Лузиады», «Генриады», «Россиады» и пр.[66]

Впоследствии Белинский неоднократно будет говорить об этих поэмах и об отношении к ним теории классицизма. «Перевод этот,— писал Белинский о переведенном Мерзляковым «Освобожденном Иерусалиме»,— тяжел и дубоват, без всяких достоинств. Причина этому опять двоякая: Мерзляков не владел стихом и на эпические поэмы смотрел с херасковской точки зрения, как на что-то натянуто-высокое, надуто-великолепное и дубовато-тяжелое» 〈Разрядка моя.— *М. П.*〉 (XI, 327).

Каково же было отношение Белинского к прослушанным им университетским курсам русской словесности и красноречия, к курсам Победоносцева и Мерзлякова? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить направление литературных интересов Белинского-студента. Еще в гимназические годы Белинский пристально следил за литературной жизнью России. Он был страстным поклонником Пушкина, увлеченным читателем Бестужева, Рылеева, Грибоедова и поэтов «пушкинской плеяды». Его особенное внимание привлекала происходившая в литературе битва классицизма и романтизма. После переезда в Москву и начала студенческой жизни этот интерес Белинского к борьбе новых передовых течений русской литературы с консервативными, отживающими, непрерывно возрастал, становясь все более активным и осознанным. Одно из первых свидетельств враждебности Белинского-студента к классицизму находим в его письме к родителям, конца 1829 г., в котором он пишет о «площадном Сумарокове» и «напыщенном» Хераскове («Письма», I, 6).

Д. П. Иванов указывал по поводу отношения Белинского к гимназическому курсу риторики, что это «схоластическое, мертвящее учение не оставило на нем 〈Белинском〉 никакого следа, или он не вынес ничего из этого учения, кроме отвращения к риторике вообще и риторике Кошанского в особенности, которое не раз высказывал впоследствии во многих статьях, когда приводилось заводить речь о ней»[67]. Это «отвращение» к риторике и классицизму усилилось в студенческие годы, чему способствовало, в частности, ознакомление Белинского с соответствующей учебной литературой.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1829 г. О ПРИЕМЕ БЕЛИНСКОГО В ЧИСЛО СТУДЕНТОВ

Первый и последний листы протокола с подписями участников заседания

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

	Когда протоколы крѣплены.	Когда исполнено.

	Когда протоколы крѣплены.	Когда исполнено.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1829 г. О ПРИЕМЕ БЕЛИНСКОГО В ЧИСЛО СТУДЕНТОВ

Третий и четвертый листы протокола с текстом постановления (параграфы 18—20)

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

Именно к этим годам, вероятно, относится знакомство критика с книгой Аполлоса «Правила пиитические», о которой он с иронией говорит в «Литературных мечтаниях», Мейнерса «Главное начертание теории и истории изящных наук» и, наконец, с известным учебником Мерзлякова — «Краткое начертание теории изящной словесности». В библиотеке Белинского сохранились все три названных пособия, причем в последнем мы находим пометки, имеющие несомненно учебный характер. Владелец книги отчеркнул в «Кратком начертании» Мерзлякова разделы о стихосложении, о видах пастушеских стихотворений, о действующих лицах эклоги [68]. Так как в статьях Белинского мы не находим использования этих мест из учебника Мерзлякова, вполне допустимо предположить, что они относятся к его студенческим занятиям. Такой же характер имеют выписки об «эпопее» и «драматической поэзии» в конце рукописи учебного сочинения Белинского «Рассуждение ⟨о воспитании⟩»[69].

Как сказано выше, Белинский посещал необязательные для него лекции Мерзлякова. «Некоторые из старших студентов,— вспоминает Прозоров,— слушавшие теорию красноречия и поэзии Мерзлякова и напитанные его переводами из греческих и римских поэтов, были в восторге от его перевода Тассова „Иерусалима“ и очень неблагосклонно отзывались о „Борисе Годунове“ Пушкина, только что появившемся в печати, с торжеством указывая на глумливые об нем отзывы в „Вестнике Европы“. Первогодичные студенты, воспитанные в школе Жуковского и Пушкина ⟨...⟩, беспрестанно декламировали целые сцены из комедии Грибоедова, которая тогда еще не была напечатана; Пушкин приводил нас в неописанный восторг. Между младшими студентами самым ревностным поборником романтизма был Белинский, который отличался необыкновенной горячностью в спорах и, казалось, готов был вызвать на битву всех, кто противоречил его убеждениям. Увлекаясь пылкостью, он едко и беспощадно преследовал все пошлое и фальшивое, был жестоким гонителем всего, что отзывалось риторикою и литературным староверством»[70].

Материалы лекций Белинский дополнял чтением последней литературы по эстетике. Он изучал теоретические статьи в «Московском вестнике», «Атенее», «Мнемозине», «Телескопе», труды Галича, лекции Надеждина, эстетику Бахмана и Аста. Для своей библиотеки он приобрел сохранившиеся в ней диссертацию Камашева «О различных мнениях об изящном» и брошюрки по эстетике Кронеберга [71]. О последних он писал впоследствии, что «юношество, стремящееся к мысли и знанию, в брошюрках и разных статьях Кронеберга всегда найдет для себя о чем подумать, чему поучиться» (IV, 112).

Общее направление развития эстетических взглядов Белинского, резко отчуждавшее его от литературных вкусов и принципов Победоносцева и Мерзлякова, определяется все более углубляющимся движением его мысли в сторону историзма и реализма в восприятии явлений литературы. Эти реалистические устремления Белинского бросались в глаза его современникам. М. М. Попов рассказывал, что по приезде в Москву в начале 1831 г. он был поражен переменой в литературных понятиях Белинского; в качестве иллюстрации им приводилась проницательная характеристика Белинским «верности изображений времени, жизни и людей» в «Борисе Годунове» Пушкина[72].

В 1839 г. Белинский писал, что «все учебники русской словесности или неполны и недостаточны, или основаны на ложных началах и близоруких взглядах; там вы иногда найдете и учение о хриях, и способы изобретения мыслей, и мнимые правила, как писать речи и письма, историю и путешествия — все поверья Лагарпа, Гензия и товарищей» (XIII, 26). Белинский резко критикует хаотическое смешение в учебных книгах по теории поэзии различных наук — от грамматики до эстетики, от стилистики

до логики (VII, 457); он требует новых философских оснований для теории поэзии (VI, 63).

Несомненно, что ненависть к схоластической риторике и поэтике классицизма зародилась у Белинского еще в гимназии и укрепилась в университете. П. Прозоров сообщает, что чтения о хриях, инверсах и автониях возбуждали резко отрицательное отношение Белинского. «Вследствие особенной настроенности своего духа,— писал Прозоров,— он никак не мог равнодушно слушать бургиевские лекции первого курса»[73]. Отрицательное отношение к школьной риторике разделяли многие студенты Московского университета. К. Аксаков, рассказывая о крайней скудости и непривлекательности лекций Победоносцева, говорит об общей неприязни к нему слушателей, усиливаемой его грубым обращением с ними[74].

В воспоминаниях Г. Головачева, поступившего в университет двумя годами позже Белинского, рассказывается о постоянных насмешках студентов над Победоносцевым[75]. Показательно, что Н. Станкевич, готовясь в 1831 г. к экзамену у Победоносцева, замечает в этой связи в записке к Неверову: «Пропасть глупостей надо делать сегодня»[76]. Таким образом, в своем резко отрицательном отношении к лекциям Победоносцева Белинский не был одинок. Поэтому нет ничего удивительного, что он не принадлежал к числу аккуратных посетителей лекций Победоносцева. В «ведомости» за 1829/30 учебный год отмечено, что Белинский пропустил 15 занятий по курсу «российской словесности». Тем не менее на экзамене 13 июня 1830 г. Белинский получил «тройку», то-есть сравнительно высокую оценку (поскольку отметки ставились по четырехбалльной системе). Летом 1831 г. Белинский, в качестве второгодника, вновь держал экзамен у Победоносцева и на этот раз получил «двойку», т. е. средний балл. Из 87-ми аттестованных за 1830/31 учебный год Победоносцев поставил «двойки» сорока одному студенту и «единицы» — двум[77].

Иным было отношение Белинского к лекциям Мерзлякова, хотя теоретические установки курса последнего были столь же неприемлемы для него, как и курс Победоносцева. Как сказано выше, Белинский-студент не раз вступал в борьбу и спор со своими университетскими товарищами — поклонниками Мерзлякова, а впоследствии не раз подвергал сокрушительной критике эстетические начала его курса в своих статьях. Но при всей своей принципиальной враждебности по отношению к пропагандировавшейся Мерзляковым теоретической схоластике классицизма, Белинский с уважением относился к самой личности профессора и признавал его одаренность в качестве литературного критика. «Как эстетик и критик,— писал Белинский впоследствии,— Мерзляков заслуживает особенное внимание и уважение. Ученик Буало, Баттё и Лагарпа, он следовал теории, которая теперь уже вне спора и даже насмешек; но он следовал ей и проповедывал ее, как умный и красноречивый человек. Ложны были его основания, но он был им везде верен и развивал их последовательно и живо. Словом, в этом отношении на Мерзлякова можно смотреть как на умного представителя литературных понятий целой эпохи. В ошибках его виновато его время; достоинства его принадлежат ему самому» (XI, 327)[78].

К числу не любимых студентами профессоров принадлежали преподаватели иностранных языков. Г. Головачев писал: «За Победоносцевым следовал преподаватель латинского языка Кубарев; его окружало несколько латинистов, с которыми он переводил Цицеронову „De Amicitia“ ⟨О дружбе⟩ и Овидиевы превращения; остальная масса слушателей мало участвовала в преподавании и занималась чем-нибудь посторонним или прогуливала его лекции. Преподаватель греческого языка Оболенский начал⟨...⟩ с азбуки, потом проходил склонения и спряжения да переводил какую-то хрестоматию»[79].

Преподавание древних и новых иностранных языков было поставлено плохо. По свидетельству того же Головачева: «Выучиться какому-нибудь из этих языков при таком преподавании не было никакой возможности; что же касается до истории литературы как немецкой, так и французской, то она состояла из перечня авторов и их сочинений»[80].

Сохранившиеся «конспекты» учебных курсов Геннекена, Кистера, Декампа и других лекторов подтверждают это свидетельство мемуариста. Судя по «конспектам», изучение языка сводилось, в основном, к заучиванию правил грамматики и слов, а изучение словесности — к разбору отдельных произведений иностранных писателей по формально-стилистическому методу Победоносцева и к ознакомлению с краткими биографиями писателей. Для выходцев из семей мелких чиновников и разночинцев изучить какой-нибудь иностранный язык «не было никакой возможности». В этом отношении они резко отличались от студентов из дворянских семей, уже поступавших в университет, как правило, с хорошими знаниями одного или нескольких иностранных языков. Характерным в этом отношении являются муки вольноотпущенника А. В. Никитенко, старательного слушателя Петербургского университета. Его «сокрушали» французский и латинский языки, усвоить которые ему так и не удалось[81]. Вот почему можно утверждать, что Белинский в знании языков ничего или почти ничего не получил от университета. Латинский и французский языки, которые он знал в такой мере, что мог довольно свободно переводить с них, были усвоены им преимущественно путем самостоятельного домашнего

1829го года Сентября 20го Дня Я нижеподписавшійся далъ сію росписку въ томъ что, принятый въ Московскій Университетъ Студентомъ Виссаріонъ Бѣлинскій во все время своего нахожденія въ Университетѣ будетъ являться въ предписанной отъ Начальства форменной одеждѣ и своимъ поведеніемъ не нанесетъ Начальству никакого безпокойства, въ чемъ и подписуюсь.

Генерал маиор и кавалер Андрей Дурасов

«ПОРУЧИТЕЛЬСТВО», ПРЕДСТАВЛЕННОЕ БЕЛИНСКИМ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В УНИВЕРСИТЕТ

Было дано Белинскому А. З. Дурасовым 20 сентября 1829 г. Написано рукою Белинского, поручителю принадлежит только поднись

Центральный литературный архив, Москва

изучения, начатого еще в Чембаре и Пензе. Сохранившиеся в библиотеке Белинского в большом числе латинские и французские книги, словари и самоучители английского и немецкого языков [82] свидетельствуют, как широко мог пользоваться Белинский иноязычной литературой.

Первоначально Белинский записался на лекции Кубарева, Оболенского, Геннекена и Кистера (см. выше). Фактически, как явствует из записей преподавателей, он посещал лекции Кубарева, Кистера и слушал французский язык у Декампа, который с декабря 1829 г. вел занятия вместо Геннекена [83]. В «ведомости» Оболенского, читавшего греческий язык, как сказано выше, было отмечено: «не ходит»[84].

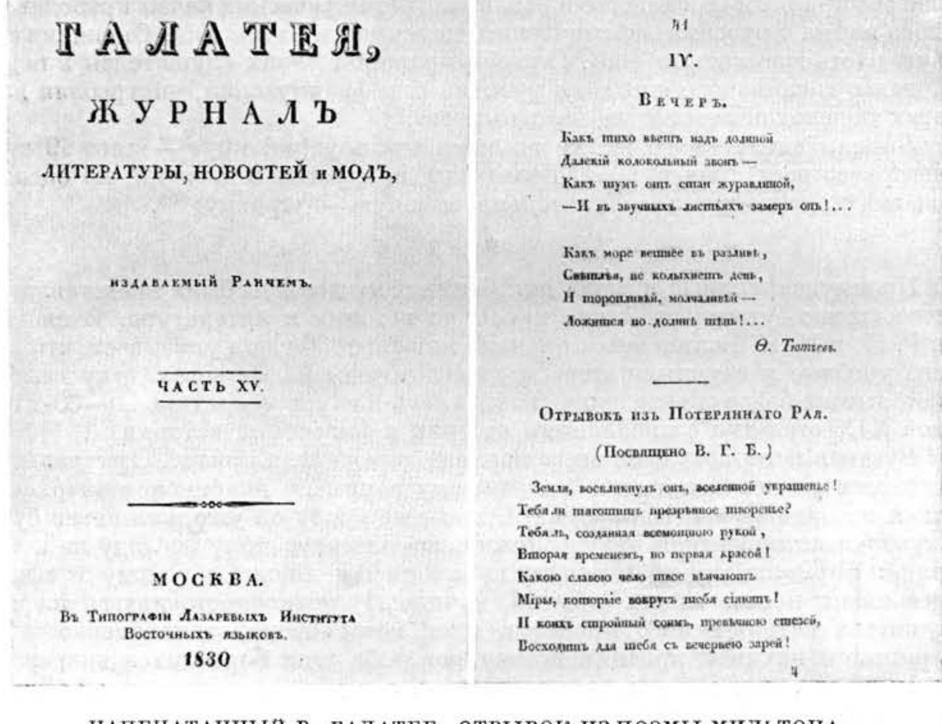
Лекции Кубарева по латинскому языку немного могли прибавить к знаниям Белинского; латынью он усердно занимался еще в гимназии[85]. Лекции Кубарева начались во втором семестре в январе 1830 г. и закончились в июле. В течение курса было пройдено, по записи лектора: «Синтаксис согласования и управления. Также объясняемо было Цицероново сочинение „De Amicitia"» [86]. В «ведомости» Кубарева отмечено, что Белинский пропустил 13 занятий[87]. Говоря иначе, Белинский находился в числе тех слушателей, которые, по приведенному выше свидетельству Головачева, «мало участвовали в преподавании» и занимались «чем-нибудь посторонним». Это не означает, однако, что Белинский пренебрегал изучением латинского языка. В его библиотеке сохранилось довольно много учебных и других книг по латыни, приобретенных в большинстве своем, несомненно, в студенческие годы. Среди этих книг мы находим Саллюстия, Теренция (оба издания с параллельными латинским и русским текстами), Цицерона и др. Особенно интересно сохранившееся в библиотеке парижское издание сочинений Горация 1828 г., испещренное многочисленными пометками Белинского. Последние отражают процесс вдумчивого чтения и определенного отбора стихотворений из книги од Горация. На ряде страниц имеются переводы латинских слов и выражений, а также схемы стихотворных размеров[88]. Самостоятельная работа над изучением латинских классиков не отразилась, впрочем, на академической оценке знаний Белинского. Он получил на экзамене у Кубарева в июне 1830 г. «двойку». Следует, однако, иметь в виду, что одновременно с ним из 133 слушателей Кубарева «двойку» получили 46 человек, «единицу» — 39. На подобном фоне «двойка» Белинского означала удовлетворительную оценку[89].

Хуже обстояло дело с новыми языками. Если латинский язык Белинский, как сказано, изучал еще дома вначале под руководством отца, то французский и немецкий языки он впервые начал изучать в Пензенской гимназии, где преподавание этих предметов шло из рук вон плохо. Следствием этого и были малые успехи Белинского в усвоении этих языков в университете. Лекции французского языка А. Декампа начались во втором семестре и длились с февраля по июнь 1830 г. По записи Декампа, в классе «занимались переводами с латинского на французский язык, историею французской литературы и изложили правила оной. В низшем же классе прошли синтаксис причастия»[90]. Архивные источники не дают возможности установить, слушал ли Белинский только начальные правила или посещал лекции по истории французской литературы. Во всяком случае в графе «отсутствие» против имени Белинского отмечено: «болен», а в графе «успехи» — «единица»[91].

Несколько лучше были успехи Белинского в изучении немецкого языка. Лектор Ф. Кистер вел занятия для I и II курсов по немецкому языку с января по июнь 1830 г. Объем пройденного указан лектором в следующей записи: «Из литературы кончили историю поэзии и прозы; из синтаксиса прошли все правила синтаксиса, из грамматики занимались переводами с русского на немецкий и наоборот» [92]. Историю немецкой литературы и языка Кистер читал только до Клопштока. Собственно говоря, это была не

история литературы, а краткий пересказ биографий и сочинений «образцовых писателей»[93]. Белинский пропустил восемь лекций по немецкому языку и на экзамене у Кистера в 1830 г. получил «двойку»[94].

Встречающееся в литературе утверждение, что изучение Белинским языков ограничилось университетскими занятиями, ошибочно. Белинский придавал большое значение вопросу практического овладения иностранными языками (см. письмо к Ивановым от 13 января 1831 г.— «Письма», I, 27). Но он предпочитал изучать их самостоятельно и вкладывал в свои занятия много труда и увлечения. В письме к Ивановым от 10 сентября 1832 г. Белинский сообщал, что основательно усвоил французский язык и занимается немецким. «Особенно займу его ⟨сына Ивановых⟩,—

ГАЛАТЕЯ,

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

издаваемый Раичемъ.

ЧАСТЬ XV.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ.

1830

41

IV.

Вечеръ.

Какъ тихо вѣетъ надъ долиной
Далекій колокольный звонъ —
Какъ шумъ отъ стаи журавлиной,
—И въ звучныхъ листьяхъ замеръ онъ!...

Какъ море вешнее въ разливѣ,
Свѣтлѣя, не колыхнетъ день,
И торопливѣй, молчаливѣй —
Ложится по долинѣ тѣнь!...

Ѳ. Тютчевъ.

Отрывокъ изъ Потеряннаго Рая.

(Посвящено В. Г. Б.)

Земля, воскликнулъ онъ, вселенной украшенье!
Тебя ли тяготитъ презрѣнное творенье?
Тебя ль, созданная всемощною рукой,
Вторая временемъ, но первая красой!
Какою славою чело твое вѣнчаютъ
Міры, которые вокругъ тебя сіяютъ!
И коихъ стройный сонмъ, превѣчною стезей,
Восходитъ для тебя съ вечернею зарей!

4

НАПЕЧАТАННЫЙ В «ГАЛАТЕЕ» ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ МИЛЬТОНА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» В ПЕРЕВОДЕ П. Я. ПЕТРОВА, С ПОСВЯЩЕНИЕМ БЕЛИНСКОМУ, 1830 г.

Титульный лист и страница журнала с началом текста перевода и посвящением

писал он,— изучением французского языка, в котором я приобрел довольно достаточные сведения, и немецким, который теперь занимает все мои досуги» («Письма», I, 42). Основательность приобретенных познаний во французском языке Белинский обнаружил скоро в своих переводах для «Молвы» (с марта 1833 г.). Так резко разошлись, и в данной области, фактические знания Белинского и официальная «академическая» их оценка.

В первый же год пребывания в университете Белинский, вероятно, под влиянием П. Я. Петрова, начал посещать курс английского языка. Петров превосходно владел английским. Белинский сообщал в январе 1831 г., что «Петров занимается переводом „Потерянного Рая“ на русский, стихами — и переводит лихо!» («Письма», I, 27). Отрывок из этого перевода был напечатан в «Галатее» 1830 г. (ч. XV, № 22) с посвящением Белинскому. В классе Гарвея, читавшего по понедельникам, средам и пятницам

с 13 января по июнь 1830 г., были пройдены «с толкованием и критическим разбором» знаменитая «Дунсиада» («Поэма о дурачье») Попа, «Ночные думы» Юнга, «Времена года» Томсона, Оссиан, а по языку — этимология с «упражнениями в переводах с английского на французский или русский и обратно». Эдуард Васильевич Гарвей читал курс в Московском университете с 1828 г. Он был автором хрестоматии и краткой грамматики английского языка, увлекался русской литературой и переводил на английский язык статьи о ней. По словам автобиографической заметки Гарвея, написанной в третьем лице, преподавание свое он делил «на два курса: на первом, на младшем, курсе он главное свое старание прилагает к тому, чтобы своим слушателям дать верное и чистое произношение, занимает их чтением и объясняет им основные правила английской грамматики, указывая им при этом на сходство и различие грамматических начал преподаваемого языка с русским, французским, немецким и латинским. Окончив первую часть грамматики ⟨...⟩, Гарвей упражняет своих слушателей в переводах с английского языка на русский или французский, употребляя для этих переводов легчайшие из отрывков».[95]

Лекции английского языка посещал очень узкий круг — всего 19 студентов со всех трех курсов. Белинский пропустил 8 занятий, но оценку на экзамене получил сравнительно высокую — «тройку» [96].

* * *

Преимущественный интерес для Белинского должны были представлять, естественно, университетские курсы по истории и литературе. В письме к Г. Н. и М. И. Белинским от начала января 1830 г. он указывает, что все его учебные и научные интересы сосредоточены на вопросах искусства[97], которые все более определенно связывались в науке и критике 20—30-х годов XIX столетия с проблемами истории и философии истории.

Русская историография этого периода переживала кризис. Официально-господствующее положение попрежнему занимала дворянско-монархическая историография Карамзина. Однако на смену ей уже шла новая буржуазная историческая наука. Летописно-эмпирическому взгляду на историю и формальному прагматизму карамзинской школы, идущему от внешней смены политических событий, начинают противопоставляться теории единства исторического процесса, идеи исторической закономерности и принципы научной критики источников. Оба этих борющихся направления нашли, как мы увидим, отражение и в университетских курсах по истории, которые слушал Белинский.

По словам историка Московского университета, в начале 1830-х годов русскую историю в университете продолжали читать по Карамзину, а средние века всеобщей истории — по Рюсу[98]. Типичным представителем казенно-официальной исторической науки в Московском университете был профессор Ю. П. Ульрихс. В 1829/30 академическом году он читал во втором семестре на словесном отделении всеобщую историю и статистику По окончании истории средних веков он успел пройти, как явствует из его отчета, историю новейших времен до Венского конгресса, введение в статистику и статистическое описание Австрийской империи[99].

Я. Неверов, вспоминая, что студенты первого года слушали Победоносцева, Мерзлякова, Каченовского, Снегирева, Ивашковского («осел, навьюченный книгами») и Ульрихса, говорит о последнем, что он читал по программе любого учебника [100]. По собственному заявлению проф. Ульрихса, он соблюдал «прагматический образ изложения», но по существу излагал всемирную историю в чисто формальной, хронологической последовательности внешних событий. Основная идея курса Ульрихса сводилась к внушению слушателям преданности самодержавию и покорности властям. В официальном конспекте своих лекций он формулирует эту задачу в сле-

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ
Рисунок неизвестного художника, 1820-е гг.
Исторический музей, Москва

дующих словах: «всегда будет указываемо на ту всеобщую истину, что польза всех сведений и познаний зависит от употребления их соответственно нравоучению и гражданским законоположениям». Как проявлялись эти реакционно-охранительные установки Ульрихса в его изложении событий всеобщей истории, видно, например, из того, что французскую буржуазную революцию конца XVIII в. он характеризовал в своих лекциях как беззаконную и исторически не оправданную [101]. Основным пособием по курсу Ульрихса была совершенно устаревшая, даже для первого десятилетия века, книга Иоганна-Матиаса Шрекка (1733—1808), историка церкви, принадлежавшего к так называемой супронатуральной школе. Богословско-теологический характер учебника Шрекка по всеобщей истории и обусловил выбор его книги в качестве пособия в николаевской высшей школе. Отметим кстати, что книга эта сохранилась в библиотеке Белинского. Титул ее русского издания гласит: «Древняя и новая всеобщая история, или руководство к преподаванию оной при публичном и приватном обучении юношества в округе Императорского Московского Университета. Сочинение И. М. Шрекка» (М., 1814) [102].

Засвидетельствованное в мемуарной литературе отрицательное отношение передового студенчества к Ульрихсу объяснялось не только обветшалостью, антинаучностью методологических начал его лекций, но и откровенной охранительно-реакционной тенденцией их. Белинский в своем студенческом сочинении «Рассуждение ⟨о воспитании⟩» рассматривал историю персов и греков с точки зрения положительного влияния свободы и отрицательного — рабства на их национальный характер [103]. Такое осмысление всеобщей истории резко расходилось с тем, что он слышал на лекциях Ульрихса и читал в учебнике Шрекка. Несколько позже, а именно в 1835 г., обобщая свои студенческие воспоминания, Белинский писал: «Наша литература очень бедна учебными книгами и преимущественно

по части истории. Причина этого заключается сколько в трудности составления хорошей учебной книги, столько и в ложном понятии, какое вообще имеют у нас касательно этого предмета» (II, 183).

Очевидно, что эти «ложные понятия» усматривались Белинским также и в лекциях Ульрихса и в тех рекомендованных им пособиях, знания которых тот требовал от студентов на экзаменах. Нет ничего удивительного, что на экзамене 1830 г. Белинский получил от Ульрихса «двойку» [104].

В противоположность лекциям Ульрихса, курс русской истории, читавшийся Каченовским, вызывал глубокий интерес университетской молодежи и пользовался большой популярностью. Об этом свидетельствуют в своих высказываниях и воспоминаниях и Белинский (I, 380), и Гончаров[105], и К. Аксаков [106], и другие.

Учившийся вместе с Белинским С. Строев (Скромненко) даже видел в Каченовском основателя новой школы, совершившего «переворот» в изучении истории [107]. Созданная Каченовским «скептическая школа», поднявшая знамя исторической критики, действительно, расчищала пути для новой исторической науки. Острие критики Каченовского было направлено против антиисторизма Карамзина и его школы. Карамзин был типичным представителем историографии XVIII в., о которой Энгельс писал: «В области истории — то же отсутствие исторического взгляда на вещи ⟨...⟩ Вследствие этого становился невозможным правильный взгляд на связь исторических событий, а история, в лучшем случае, являлась не более, как готовым к услугам философа сборником иллюстраций и примеров» [108]. Сборником иллюстраций и примеров во многом была и «История государства российского» Карамзина. Белинский впоследствии не раз критиковал историков карамзинской школы за то, что они сводили историю к сообщению голых фактов, не проникнутых идеей закономерностей исторического процесса. Так, в статье об «Истории Малороссии» Н. Маркевича Белинский писал: «И вот об этой-то перспективе ⟨исторического развития⟩, по крайней мере, до сих пор, мало думали наши историки: оттого у них блистательный двор Ярослава, как две капли воды, похож на блистательный двор Людовика XIV, а времена полубаснословных Олегов, Игорей и Святославов они описывают с такою же полнотою, надгробностью и достоверностью, как будто бы они, добрые историки, сами недавно были современниками и очевидцами всех этих исторических теней» (XII, 408).

Эта критика летописно-эмпирического метода карамзинской школы близка методологическим установкам Каченовского, заявлявшего: «Требую от историка, чтобы он показывал мне людей такими точно, какими они действительно были». Выдвигая этот замечательный для своего времени принцип воссоздания реальной исторической жизни, а не «исторических теней», Каченовский первый в русской историографии попытался, хотя и неудачно, провести идею закономерного развития через всю историю России [109].

По словам С. Строева (Скромненко), Каченовский стремился в своих лекциях «найти общие законы, по которым развивалось человечество», показать, что история должна быть «представлением жизни всего человечества в ее действительности» [110]. «В истории,— заявлял Каченовский в своем «Конспекте»,— обращается внимание слушателей на источники повествований, на причины происшествий важных и на их отношения к ходу Всемирной истории; в своем месте замечаются: перемены в нравах, обычаях, законах, в образованности умственной и гражданской, в промышленности и во всем том, чем один и тот же народ отличается от самого себя в две данные эпохи» [111].

Однако крайности скептических воззрений, приводившие Каченовского к отрицанию целых исторических эпох и периодов в жизни страны, помешали ему построить схему прагматической истории России.

Белинский слушал лекции Каченовского с сентября 1829 г. по июнь 1830 г. и вторично в 1830/31 академическом году. Они оставили глубокий след в памяти Белинского. О Каченовском он нередко и всегда с уважением и благодарностью говорил впоследствии в своих статьях. Одно из ранних упоминаний находим в «Литературных мечтаниях»:

«Я не ученый, и в истории смыслю весьма немного 〈...〉 Теперь у нас две исторические школы: Шлецера и г. Каченовского. Одна опирается на давности привычки, уважении к авторитету ее основателя, другая, сколько я понимаю, на здравом смысле и глубокой учености 〈...〉 Вследствие чего мне кажется очень естественным, что настоящее поколение, чуждое воспоминаний старины и предубеждений авторитетов, горячо приняло исторические мнения г. Каченовского» (I, 380).

В этих словах Белинского ясно указано, что̀ именно привлекало его в лекциях Каченовского. Борьба с идеологическими основами аристократического и монархического понимания истории, с «воспоминаниями старины», с авторитетами дворянской историографии. Снижение и дискредитация этих авторитетов были важны для Белинского, уже в студенческие годы вступившего на путь отрицания идеологии самодержавно-крепостнического государства.

Показательно, что поднятое Каченовским и созданной им скептической школой знамя исторической критики воспринималось как враждебное главным идеологом теории официальной или казенной народности — С. С. Уваровым. Он требовал начать борьбу против Каченовского «в защиту исторического православия» [112]. Для Белинского же критика и разоблачение легендарности преданий, призванных укреплять авторитет «исторического православия» и вместе с тем самодержавия, составляли важнейшую сторону лекций Каченовского. Следует, однако, подчеркнуть, что, восприняв от Каченовского его наиболее прогрессивные в научном отношении методологические указания, Белинский остался, вместе с тем, чужд крайностям скептических воззрений своего университетского учителя (отрицание подлинности и достоверности таких источников по древнерусской истории, как летописи, договоры с греками и т. п.). В лекциях Каченовского Белинский в первую очередь ценил и усваивал проникавшую их идею единства исторического процесса, непрерывности и перспективности исторического развития. Эту идею, первоначально усвоенную на лекциях Каченовского, а затем самостоятельно углубленную и развитую Белинским, можно проследить во многих его статьях. В 1843 г. он писал: «Всякая история должна отличаться перспективою, так что, если смотреть от конца к началу, все видно у̀же и темнее, по мере отдаления. Вот об этой-то исторической перспективе говорил покойный профессор Каченовский, которого здравым и основательным идеям и умному скептицизму в деле русской истории доселе еще не отдано должной справедливости» (XII, 408).

В 1828/29 академическом году на нравственно-политическом отделении университета начал преподавание всеобщей истории XVI—XVIII столетий, а также русской истории, молодой адъюнкт М. П. Погодин [113]. По свидетельству Я. Костенецкого, учившегося в то время на этом отделении, лекции Погодина пользовались большим успехом; на них собирались слушатели самых различных факультетов [114].

Погодин в своей автобиографии вспоминал: «Лекции о русской истории 〈Погодина〉 получали случайную занимательность вследствие противоположности учению профессора Каченовского в словесном отделении, так что студенты ходили часто от одного профессора к другому, сверху вниз, чтобы слышать обе стороны, нападение на Нестора и защиту его, происхождение Руси с Юга и с Севера, и проч.»[115].

Популярность Погодина среди студенчества 1830-х годов частично объясняется его рано начавшейся литературной деятельностью, близостью к Пушкину и другим писателям 1820-х годов. Журнал Погодина «Московский вестник» Белинский читал еще в Пензе [116]. Повести Погодина, сыгравшие, хотя и скромную, роль в развитии русской прозы, были предметом внимательного изучения Белинского. Они начали появляться в печати с 1825 г., а в 1832 г. вышли отдельным изданием в трех частях. «Повести Михаила Погодина» по жанровым особенностям распадаются на два цикла: романтический с яркой автобиографической окраской и «народный», бытоописательный — из жизни купечества и крестьянства. В повестях романтических («Русая коса», «Адель» и др.) Погодин рассказывает «историю сердца». Но характерно, что даже в эти романтические повести он вносит элементы нового, пытаясь, хотя и робко, поставить проблему разночинца и стремясь к снижению романтической патетики (герой-студент, несложная и неэффектная развязка). Еще больший интерес представляли повести второго цикла — «Нищий», «Черная немочь», замечательные не столько изображением крестьянского и купеческого быта, сколько протестом против крепостного права и темноты купечества. Идейная проблематика этих повестей имела демократическую окраску. Погодин изображал гибель маленького и незаурядного человека в условиях «подлой, гадкой, грязной, дикой жизни». В повести «Нищий», появившейся накануне декабрьского восстания (в ноябре 1825 г.), герой — крепостной крестьянин — мстит своему барину за поруганную невесту. Весьма показательно, что первая редакция повести в «Урании» имела существенные отличия от текста в «Повестях Михаила Погодина». В «Урании» герой (Егор) изображен менее пассивным, он энергичен, страстен, полон бешеной ненависти к барину. Здесь повесть заканчивалась многозначительным намеком на крестьянское мщение: «Какие грозные сны виделись мне, друзья мои! Я вам расскажу их после» [117]. Последние слова недаром были опущены в издании 1832 г. После разгрома декабристов так писать было уже невозможно. Естественно, что повести Погодина обратили на себя внимание. Надеждин в рецензии на издание 1832 г. отмечал, что Погодин в своих «народных» рассказах пытается «решить важнейшие задачи умственного и нравственного человеческого организма» [118], т. е. намекал на осуждение Погодиным крепостной действительности.

Впоследствии, давая высокую оценку повестям Погодина именно за эту попытку поставить проблемы общественной жизни, Белинский отмечал их идейную ограниченность (II, 204—205). Но в студенческие годы Белинский по-юношески восторженно воспринимал прогрессивную сторону творчества Погодина. В архиве последнего сохранилось письмо земляка и университетского товарища Белинского Дм. Фед. Каширина (о нем см. в Биографическом словаре в настоящем томе). В 1863 г., вспоминая молодость, Каширин писал Погодину: «Портреты ⟨Погодина и Белинского⟩ припомнили мне и то время, когда Белинский пребывал в университете — и во сне и наяву весь проникнутый Пушкиным и всегда⟨?⟩ вне себя от Ваших: „Русой косы“, „Невеста на ярмарке“ и т. д. Видеть Вас немедленно — было его задушевным желанием. Живо в моей памяти то время, когда он прибежал запыхавшись в нашу квартиру (он был казеннокоштным, а мы жили около Тверского бульвара) с криком: Видал! видал! Долго мы не могли добиться: кого? Но, наконец, рассказал он, как встретил Вас в Александровском саду, в коричневом Вашем сюртуке, как он сидел против Вас, ловил Ваши взоры, Ваши движения ⟨...⟩ Да, Михаил Петрович, было время, когда ⟨слово⟩ Ваше звучало чем-то электрическим в устах молодого поколения и даже Белинского» [119].

Сопоставляя это письмо с мемуарами современников (Костенецкого и др.) и ранними статьями Белинского, можно с полным основанием утверж-

дать, что Белинскому Погодин в эти годы (1829—1832) представлялся передовым и талантливым писателем. Исходя из этого положения, естественно предполагать, что Белинский посещал лекции Погодина по русской, а может быть и по всеобщей истории, или, по крайней мере, интересовался ими. О последнем свидетельствует сохранившийся в архиве Забелина собственноручно переписанный Белинским конспект лекций Погодина. Конспект озаглавлен: «Русская история, лекции, читанные адъюнктом Московского университета Михаилом Погодиным. 1833 г.», а внизу надпись: «Принадлежащие Виссариону Белинскому» [120]. Этот конспект лекций Погодина состоит из двух разделов: «Введение» и «Материалы исторические». Последний раздел не закончен и обрывается на анализе «Истории государства российского» Карамзина. Судя по всему, до нас дошла только часть конспекта.

Остается, однако, нерешенным вопрос, к какому году относятся записи Белинского. Дата конспекта — 1833 г.— может относиться только ко времени переписки им своих старых или чьих-то новых записей. Сам Белинский мог слушать Погодина либо в первый, либо во второй год своего пребывания в университете, т. е. в 1829/30 или в 1830/31 академическом году.

Костенецкий, слушавший Погодина между 1828 и 1832 гг., вспоминал: «Он первый дал нам понятие о критической стороне истории» [121]. Сам

ВѢДОМОСТЬ
изъ класса Россійской Словесности
отъ Э. Профессора Петра Побѣдоносцева
съ 9-го Сентября мѣсяца 1829-го по 13-е Іюня мѣсяца 1830 года.

Пройдено въ классѣ: О распространеніи предложеній, о періодической и отрывистой, стихотворной и прозаической рѣчи, [illegible]

№	Имя и фамилія учащихся.	Отсутствіе Студентовъ	Успѣхи.
	Студенты		
	Казенные.		
1.	Виссаріонъ Бѣлинскій.	15.	3
2.	Александръ Виноградовъ.	21	2
3.	Егоръ Величковскій.	28.	2
4.	Александръ Еслановъ.	20.	3
5.	Василій Ивановъ.	12	3
6.	Сергій Ивановъ.	24	2
7.	Иванъ Михайловъ 2й.	16.	3
8.	Арсеній Пенскій.	7.	3
9.	Василій Погорѣловскій.		4
10.	Владиміръ Померанцевъ.	3.	2
11.	Семенъ Протопоповъ.		3
12.	Иванъ Савиновъ.	8.	4
13.	Евграфъ Святиловъ.	13.	2
14.	Николай Ситовъ.	8.	3

ВЕДОМОСТЬ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО КАФЕДРЕ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В 1829/30 УЧЕБНОМ ГОДУ С ОЦЕНКОЙ УСПЕХОВ БЕЛИНСКОГО

Отметки по четырехбалльной системе

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

Погодин сообщал Шевыреву 20 октября 1829 г.: «Я читаю теперь там ⟨в университете⟩ Российскую историю преимущественно в критическом отношении и излагаю все изыскания до 1-го периода, все мнения в подробностях» [122]. Бросается в глаза, что конспект Белинского является полным и точным воспроизведением материала согласно программе, намеченной в письме Погодина. С другой стороны, в 1832/33 академическом году Погодин читал «Историю государства Российского по Карамзину» [123], что противоречит содержанию конспекта. Таким образом, конспект Белинского является записью лекций Погодина периода 1829—1831 гг. Является ли он результатом его собственного посещения этих лекций или нет — определить невозможно. Но в том и в другом случае интерес Белинского к лекциям Погодина безусловен, и обойти его нельзя.

В начале 1830-х годов Погодин еще не был, как впоследствии, откровенным защитником реакции. К этому времени относятся его непродолжительный либерализм и близость к «скептической школе». Так, например, в 1828 г. в «Московском вестнике» Погодин выступил со статьей «Нечто против мнения Н. М. Карамзина о начале Российского государства» [124]. В том же году он поместил в своем журнале известные замечания на «Историю государства Российского» Н. С. Арцыбашева [125]. Хотя Погодин не являлся крупным передовым ученым, но для своего времени он был незаурядной величиной и далеко опередил большинство профессоров Московского университета. Если он не мог делать серьезных научных обобщений, то в постановке вопроса об исторической закономерности и в разработке отдельных исторических проблем Погодин был вооружен всеми достижениями современной исторической мысли, философской критики и превосходным знанием мировой литературы предмета. Если на лекциях Ульрихса Белинский слышал глубоко устаревшие морализаторские рассуждения об исторических событиях, если в учебнике Шрекка он читал определение всеобщей истории, данное в духе богословско-исторической науки XVIII в.[126], то на лекциях Погодина ему открывались новые перспективы в изучении истории, звучали имена Ломоносова, Карамзина, Шеллинга, Шиллера, Гердера, Нибура, Гизо и других представителей отечественной и иностранной науки. Этими качествами лекции Погодина, конечно, и привлекали Белинского.

Современный исследователь справедливо охарактеризовал Погодина: «Он стоит между Каченовским и Полевым, с одной стороны, Кавелиным, Соловьевым, с другой. Его преимущество перед Каченовским и Полевым заключалось в том, что для своего времени он был все-таки историком-специалистом, который шел так или иначе от конкретного исторического материала ⟨...⟩ Но идеологическая реакционность его научной мысли в конечном итоге лишила эти выводы принципиальной обоснованности, исключила возможность синтеза, единства системы» [127].

Противоречивым характером отличаются лекции Погодина и в записях Белинского. Выдвигая идею исторической закономерности, критикуя методологию Карамзина, Погодин вместе с тем развивает реакционные стороны немецкой идеалистической философии и критикует, хотя и умеренно, исторический скептицизм. Идея исторической необходимости в немецкой идеалистической философии сводилась к слепо-фаталистическому пониманию исторического процесса. Подобное провиденциальное понимание исторической закономерности было присуще и Погодину. «Введение» к его лекциям начинается знаменитой фразой: «Все, что есть,— должно быть, и все должно быть так, как есть. Человек живет— следовательно он должен жить» [128].

Указывая в дальнейшем «условия исторической жизни», Погодин делит их на всеобщие, принадлежащие всем народам, и частные, свойственные только данному народу. К первым относятся «психологиче-

ские условия», ко вторым — физико-географические: положение и почва страны, климат и т. д.

«„Всеобщая история“,— читаем мы в записях Белинского,— должна изображать жизнь человека и постоянное развитие оной; следовательно, частная история должна изобразить жизнь и постоянное развитие оной частного какого-нибудь народа. Необходимые законы чувствования и действования народов изменяются по климату, месту и пр., подобно как солнце изображается в различных местах, и сие различие происходит от обстоятельств того места, на которое упадают лучи его. Долг частного историка показать, почему все сие происходит так, а не иначе; он должен показать

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД В МОСКВЕ
Литография неизвестного художника, 1830-е гг.
Исторический музей, Москва

те происшествия, которые служили ступенями сего народа; должен показать меру высоты сих ступеней, крепость и пр. Вторая задача частного историка состоит в том, что он должен показать отношения того народа, который он рассматривает, к другим, т. е. указать то место, которое он должен занимать между другими народами и как он может подвинуться вперед».

Во II разделе конспекта Белинского «Материалы исторические» записан критический разбор исторических материалов по русской истории. Эта часть лекций Погодина полна выпадов против Каченовского. Уже здесь он выступает на защиту летописей и других памятников древней истории. В основном этот раздел построен на результатах докторской диссертации Погодина «О летописи Нестора» (вышла в свет в 1834 г.). Кончается конспект на резкой критике Погодиным методологии Карамзина.

В 1834 г. Белинский познакомился с Погодиным. Сохранились воспоминания Погодина 1869 г., вызванные воспоминаниями о Белинском И. С. Тургенева. Белинского Погодин «узнал в 1834 году. Надеждин, отправясь за границу, поручил ему издание „Молвы“ и велел в нужных случаях

спрашивать у меня решение. Не помню зачем, он явился вскоре ко мне, и я в первый раз тогда увидел его и поговорил с ним, на прощанье присоветовал шесть недель окачиваться утром и вечером холодною водою под колодцем. Кажется, совета моего он не употребил в дело» [129].

Через три года после выхода из университета Белинский, отрицательно оценив «Начертание русской истории для училищ» Погодина (М., 1835), тем не менее все еще уважительно отзывался о нем. «Г. Погодин,— писал он,— предприняв вознаградить недостаток учебных книг по части отечественной истории. Нельзя выразить того восхищения, с каким мы узнали об этом намерении, того нетерпения, с каким мы ожидали появления этой книги, за прекрасное исполнение которой ручалось имя г. Погодина. Но при всем нашем уважении к г. Погодину, как к человеку и писателю, мы поставляем себе непременным долгом сказать во всеуслышание, что никогда не испытывали мы такого жестокого разочарования, никогда не обманывались так ужасно в своих надеждах и ожиданиях ⟨...⟩ Эта книга решительно недостойна имени своего автора, от которого публика всегда была вправе ожидать чего-нибудь дельного и даже прекрасного» (II, 184). Отрицательную оценку Белинского вызывало отклонение Погодина в этом учебнике от исторической схемы критической школы.

Около 1835 г. Погодин вступил в открытую борьбу с Каченовским. Позиция, занятая им в этом споре, была поддержана С. С. Уваровым, который в 1835 г., при введении нового устава, отобрал у Каченовского кафедру русской истории и передал ее Погодину [130]. С этих пор Погодин стал официальным защитником «исторического православия» и призывал студентов учиться у Нестора любви к царям и «смиренномудрию». Для Белинского, конечно, не могли остаться тайной взгляды Погодина, осуществлявшего указание Уварова, чтобы «был показан весь вред безверия в наши летописи» [131].

Эти причины и определили, вероятно, резкость выступления Белинского (II, 135). Лекции Погодина, привлекавшие критика попыткой философского осмысления истории, одновременно должны были вызвать резкое отрицание их в той части, где профессор сходился с «официальной народностью» Уварова.

* * *

Вопросы истории и эстетики заняли главнейшее место в научных интересах не только Белинского, но и его друзей по кружку. И. Савинич много и специально занимался польским языком и литературой. М. Чистяков переводил эстетику Бахмана. П. Прозоров готовил лекции по одному из вопросов эстетики. Литература и философия, эстетика и история воспринимались при этом в органическом единстве.

В письме к родителям от начала января 1830 г. Белинский писал: «Театр мне необходимо должно посещать для образования своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великих артистов, иметь толк в этом божественном искусстве. Я пошел по такому отделению, которое требует, что⟨бы⟩ иметь познание и толк во всех изящных искусствах». [132] В этом же письме он сообщал, что прежде всего поторопился приобрести «некоторые необходимые и касающиеся до литературы книги».

Лекции по «эстетике и археологии изящных искусств», которые, в соответствии с поставленной Белинским перед собой целью, должны были в первую очередь занять его время, читались во втором семестре 1829/30 и 1830/31 учебных годов адъюнкт-профессором Гавриловым. Научный уровень его лекций был крайне низок. Но с 18 января 1832 г. курс эстетики и теории искусства стал читать молодой профессор университета Н. И. Надеждин.

М. П. ПОГОДИН
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1848 г.
Третьяковская галлерея, Москва

В своей автобиографии Надеждин указывает, что его курс начался в 1831/32 академическом году чтением лекций по истории искусства древних народов, и только в следующем 1832/33 г. он приступил к изложению теории искусства. Надеждин добавляет, при этом, что чтение курса он начал с середины учебного года, т. е. с января 1832 г. [133].

Надеждин читал свои лекции для II курса. Белинский же был попрежнему студентом I курса. Тем не менее он стал слушателем лекций Надеждина. Этот факт засвидетельствован Прозоровым, писавшим, что Белинский «перестал посещать бургиевские лекции первого курса ⟨т. е. лекции Победоносцева⟩ и вместо их в эти часы, как и многие из нас, стал посещать лекции Н. И. Надеждина». Так как Прозоров с июня 1831 г. до января — февраля 1832 г., по его собственным словам,[134] не посещал университетских занятий, то его мемуарное свидетельство может относиться только ко второму полугодию 1831/32 учебного года. Следовательно, Пыпин был прав, утверждая, что Белинский «успел слышать» Надеждина [135]. Исключение Белинского в сентябре 1832 г. из числа студентов не прервало его связей с университетом. По свидетельству современников, он продолжал посещать товарищей по 11 нумеру общежития. Надеждина же в 1832/33 академическом году слушали из числа ближайших товарищей Белинского — И. Савинич, Н. Григорьев, П. Прозоров, Ф. Заблоцкий и во втором полугодии (1833 г.), кроме упомянутых, К. Коссович, Л. Макса, А. Белецкий, П. Матюшенко, И. Нечай. По воспоминаниям П. Прозорова, «его ⟨Надеждина⟩ обширная аудитория, кроме студентов словесного отделения, наполнялась студентами других факультетов и сторонними слушателями». ⟨Разрядка моя. — *М. П.*⟩[136] В числе сторонних слушателей был, по всей вероятности, и Белинский.

Личное знакомство Белинского с Надеждиным состоялось, по свидетельству первого, в середине февраля 1833 г. (письмо к М. И. Белинской от 21 мая 1833 г.) [137]. С 18 марта этого года он стал сотрудником изданий Надеждина. В мае 1834 г. Белинский сообщал матери: Надеждин «очень

ласкает меня, и я надеюсь на него, как на каменную гору»[138]. Трудно предположить, что, находясь в столь близких отношениях с Надеждиным, Белинский в 1832/33 академическом году, т. е. уже не будучи студентом университета, не посещал второй части его курса — наиболее интересной для начинающего критика — теории изящных искусств. Белинский имел, кроме того, полную возможность ознакомления с конспектами этих лекций, составлявшимися близкими ему студентами (Чистяковым, Прозоровым). Наконец, Белинский был внимательным читателем статей Надеждина, которые во многом повторяли содержание его университетского курса.

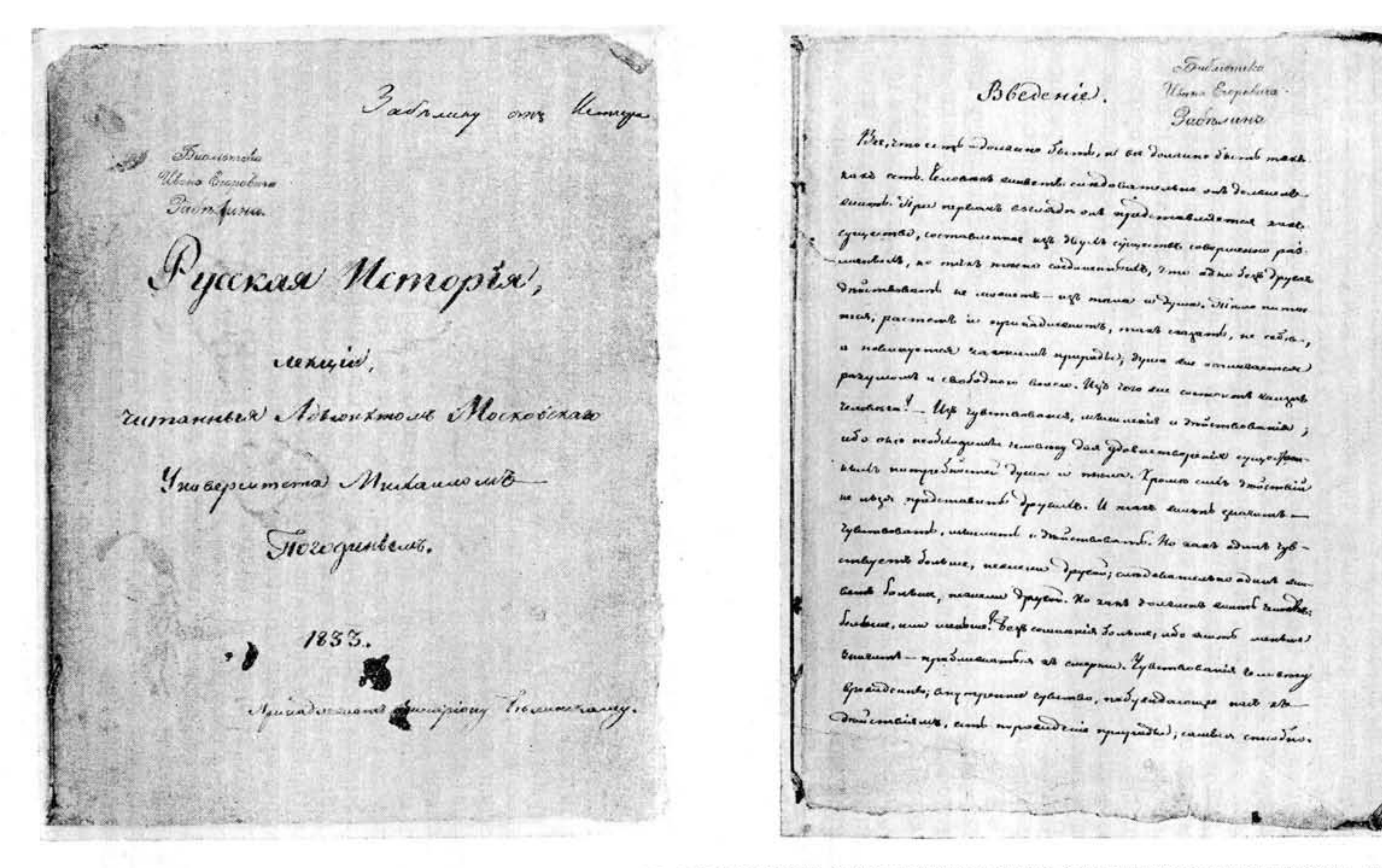
Имя Надеждина приобрело среди студентов Московского университета широкую популярность задолго до его появления на университетской кафедре. В 1830 г., по свидетельству Прозорова, диспут вокруг его диссертации, журнальная полемика, возбужденная еще раньше его статьями, были предметом оживленного обсуждения в студенческом кружке Белинского[139].

Белинский не сразу признал основные положения нового критика. Статьи Надеждина начали появляться в 1828 г. в «Вестнике Европы», когда Белинский еще находился в пензенской гимназии. В ту пору он еще слабо разбирался в обилии новых литературных фактов и направлений, которыми ему приходилось овладевать. Белинский вспоминал позднее, что увлекался не только созданиями Пушкина и Жуковского, но и всеми этими «киргизскими» и другими «пленниками», всем этим множеством романтических поэм, потянувшихся за «Кавказским пленником» и «Чернецом» (VIII, 310).

Все это представлялось юному Белинскому и его современникам «избытком литературных сокровищ». Между тем Надеждин выступил в конце 1820-х годов со статьями, показывавшими ограниченность романтической эстетики, шаблонность массовой романтической поэмы, и неоднократно доказывал, что эти многочисленные «пленники» весьма далеки от реальной действительности.

Следует учесть, что Надеждин «снижал» романтическую поэму в период последекабристской реакции, когда школа прогрессивного романтизма, возглавлявшаяся декабристами, была рассеяна. Господствующее положение между 1825 и 1829 гг. занимал реакционный романтизм и эпигонство раннего русского романтизма. Надеждин во многом продолжал традиции декабристской критики (Кюхельбекера), выдвигавшей необходимость создания поэзии в ы с о к о й мысли и глубокого гражданского содержания [140]. Вслед за Пушкиным и Кюхельбекером Надеждин разоблачал последовательно и убедительно «элегическую» тематику консервативного романтизма. Несколько позже, в своей диссертации, он писал: «Сии тоскливые жалобы и грустные томления безутешной мечтательности скорее сами нагонят тоску, чем вымолят приветный отзыв из оглушаемого ими сердца...»; «Даже самые нежные вздыхания Ламартина, растворенные сладкою чувствительностью, скоро наскучивают и утомляют». Поэзия, по представлению Надеждина, должна воспитывать высокий строй гуманистических чувств, быть «училищем людскости и зеркалом развития внутренней человеческой жизни» [141].

В своих статьях, а особенно отчетливо в диссертации о романтической и классической поэзии (1830 г.), отрывки из которой печатались в журналах, Надеждин постарался показать, что обе эти школы устарели, и перед русской литературой стоит задача создания н о в о й п о э з и и, отвечающей потребностям русской жизни. Выясняя исторические корни романтической и классической поэзии, Надеждин доказывал, что «искусство должно быть живым зеркалом природы». «Где жизнь — там поэзия» — таков лозунг «новой поэзии», выдвинутый Надеждиным. Он указывал, что почвой поэзии является общественная жизнь, и романтические декорации только снижают значение художественного произведения. «Как будто

СПИСОК КОНСПЕКТА ЛЕКЦИЙ М. П. ПОГОДИНА ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ, СОБСТВЕННОРУЧНО СДЕЛАННЫЙ БЕЛИНСКИМ, 1833 г.

Обложка и первый лист списка

Рукопись была подарена Н. Х. Кетчером И. Е. Забелину, в библиотеке которого находилась

Исторический музей, Москва

общественная жизнь,— восклицает он,— не есть состояние, единственно достойное высокого бытия человеческого»[142].

Впоследствии Белинский писал об исторических заслугах Надеждина: «Г. Надеждин начал свое литературное поприще в „Вестнике Европы", и начал его борьбою против романтизма ⟨...⟩ Как в них ⟨в статьях⟩, так и в диссертации, можно было заметить, что противник романтизма понимал романтизм лучше его защитников и был не совсем искренним поборником классицизма так же, как и не совсем искренним врагом романтизма. Г. Надеждин первый сказал и развил истину, что поэзия нашего времени не должна быть ни классическою (ибо мы не греки и не римляне), ни романтическою (ибо мы не паладины средних веков); но что в поэзии нашего времени должны примириться обе эти стороны и произвести новую поэзию. Мысль справедливая и глубокая;— г. Надеждин даже хорошо и развил ее» (VI, 232).

Далее Белинский указывал на «явное противоречие между воззрениями г. Надеждина и их приложением». Особенно ярко проявлялось это противоречие «в ратовании против Пушкина» (VI, 233).

В студенческие годы, как уже сказано выше, Белинский не сразу признал критические положения Надеждина. Его отталкивали насмешки над романтической поэмой и особенно выпады против Пушкина в статьях Надеждина. До появления диссертации Надеждина основные начала его критики были не ясны не только Белинскому-юноше, но и многим опытным и искушенным литераторам. Даже Пушкин воспринимал его первое время как классика. Сам Белинский запечатлел в своих воспоминаниях тот значительный перелом, который произвели статьи Надеждина в его литературных представлениях, и те трудности, которые он преодолевал, вступая на путь критики романтизма. «Кто явился сильною, грозною реакциею и гораздо поохладил наши восторги?—вспоминал он в «Литературных мечтаниях».— Помните ли вы Никодима Аристарховича Надоумку; помните ли, как, выступив на сцену, на своих скудельных ножках, он рассеял наши сладкие мечты своим добродушно-лукавым: Хе! хе! хе! Помните ли, как мы все уцепились за наши авторитеты и авторитетики, и руками и ногами отстаивали их от нападений грозного аристарха? Не знаю, как вы, а я очень хорошо помню, как все сердились на него; помню, как я сам сердился на него. И что же? Уже сбылась большая часть его зловещих предсказаний и теперь уже никто не сердится на покойника!.. Да! Никодим Аристархович был замечательное лицо в нашей литературе...» (I, 377—378).

По всей вероятности, перелом в отношении Белинского к Надеждину совершился после опубликования отрывков из диссертации последнего (1830 г.) и начала издания «Телескопа» (1831 г.). Статьи Надеждина в «Телескопе» в более ясной и отчетливой форме развили принцип связи поэзии с жизнью. Особенное значение имело для Белинского появление в первом номере журнала статьи Надеждина с высокой оценкой «Бориса Годунова». 10 июня 1831 г. Белинский отметил в своей первой опубликованной рецензии значение отзыва Надеждина о трагедии Пушкина. «В одном только „Телескопе" „Борис Годунов" был оценен по достоинству»,—писал он (I, 149).

Таким образом, всё — и круг литературных интересов Белинского, и серьезное идейное отношение к литературе и ее назначению, и место, занятое Надеждиным в борьбе классицизма и романтизма,— должно было возбудить особое внимание Белинского к лекциям Надеждина.

Надеждин оказался замечательным профессором, создателем одного из первых русских курсов теории и истории искусства. Широта научных интересов, новизна и глубина мысли, богатство материала в лекциях Надеждина поражали всех слушателей его курса. Об этом вспоминали и Гончаров [143], и К. Аксаков [144], и многие другие современники Белинского.

Неизданное «Предначертание» — учебное изложение курса наук, относящихся к кафедре «Теории изящных наук и археологии», представленное Надеждиным на соискание должности профессора 21 июня 1830 г., дает нам полное и точное представление об основных принципах и объеме этого замечательного курса, на котором воспитывалось молодое поколение 1830-х годов, а также об эстетических принципах и искусствоведческом учении Надеждина. Его курс — не только первая в русском университете философски обоснованная теория искусства, но и первая история искусства, данная на необычайно широкой общеисторической основе. Сам Надеждин в своей «Автобиографии» указывал, что он поставил перед собой

Н. И. НАДЕЖДИН

Литография П. Бореля 1859 г. с гравюры 1841 г.

Исторический музей, Москва

труднейшую задачу — органического соединения теории и истории изящных искусств. «Цель моего преподавания археологии,— вспоминал он,— есть историческое оправдание той теории изящных искусств, которую я должен был читать моим слушателям, а потому буду излагать 〈...〉 археологию, как историю искусств по памятникам 〈...〉 Это было одобрено, и оттого моя археология распространилась в объеме значительно против прежних пределов. До тех пор, в круг ее допускались только памятники двух классических народов: Греков и Римлян. Я предположил касаться памятников искусств у всех древних народов...» [145]. Но Надеждин не остановился на этом. Он анализировал не только памятники искусств древних народов, но и новейшего времени. Кроме того, он впервые ввел в этот круг историю музыки и театра. Надеждин создал, таким образом, своеобразную энциклопедию искусствознания. Больше того, он намеревался

включить в свой курс эстетики также историю словесности, которую до него нигде не читали. В примечании к своему «Предначертанию» Надеждин предлагал Совету университета ввести в состав истории изящных искусств «археологию изящной словесности, возведенную на степень полной истории литературы». Он был готов присоединить «систематически-историческое изложение судьбы и хода изящной словесности» по «идее, плану и методе» его докторской диссертации о романтизме. Но это предложение не нашло отклика и сочувствия среди членов Совета. И только в 1834 г. Шевырев начал лекции по всеобщей литературе, о которых мечтал Надеждин.

Рукопись Надеждина начинается разделом «Общие понятия о систематическом совмещении теории изящных искусств и археологии». В этом разделе Надеждин развивает методологические основы своего курса [146].

Надеждин являлся представителем идеалистической эстетики. Однако его эстетической концепции было присуще противоречие, заключающее в себе зерно отрицания идеалистической формулы: искусство — воплощение вечной, абсолютной идеи. Основа искусства,— утверждает Надеждин,— не только идея — «стихия жизни духовной», но в равной мере реальность, «вещественная жизнь». В дальнейшем, в изложении истории эстетических учений, Надеждин с особым пристрастием разоблачает у Канта и ряда других представителей идеалистической философии пренебрежение к «вещественности», к реально-чувственному миру.

В своих лекциях Надеждин еще более отчетливо, нежели в своих ранних статьях, развил отрицание теоретических понятий об искусстве, лежавших в основе поэтики классицизма, в частности отрицание принципа приукрашивания действительности, «приятности» художественного произведения. С другой стороны, Надеждин выступил в своих лекциях и против тех принципов романтической эстетики, которые, требуя от художника изображения прекрасного, запрещали для него критическое отношение к изображаемым явлениям.

«Изучать изящные искусства,— пишет Надеждин,— значит постигать и определять их настоящее значение в органической системе бытия человеческого. Нельзя не признаться, что многочисленные и многоразличные злоупотребления, коим они так часто подвергаются в неумовенных руках непризванного своеволия, заставляют простые души изуверяться в их существенном достоинстве. Многие не видят в них ничего более, кроме игрушек, вымышляемых досужею шаловливостью на забаву ветреной чувственности: и тогда много если оставляют им служебное преимущество — усыпать цветами скорбный путь человеческой жизни: осиявать отрадным веселием чело, осененное мрачными думами, и навевать освежающее умиление сердцу, изнуренному тяжкими заботами».

На первый план Надеждин выдвигает воспитательную, гуманистическую роль искусства. В своей «программе» он указывает: «Идеал эстетического образования человеческого — поэзия жизни». Распространенный взгляд на художественное творчество как на «забаву ветреной чувственности», «вымышление игрушек», по его мнению, не выдерживает критики.

Подчеркивание воспитательной роли искусства имело немалое значение в демократизации эстетических принципов, в приближении литературы к действительности. По существу Надеждин боролся за освобождение искусства от служения трансцендентным целям. Требуя гармонического взаимопроникновения «материи» и «духа», Надеждин рассматривал это взаимопроникновение как действительность. Идеал «творческого духа» — «сама действительность».

Постановка вопроса о связи поэзии с жизнью («где жизнь — там и поэзия»), о гуманистическом и воспитательном значении художественного

Общія Понятія
о систематическомъ совмѣщеніи
Теоріи Изящныхъ Искусствъ
и Археологіи.

Alterius sic
Altera poscit opem res et conjurat amice.
HORAT. de Art. Poët.

РУКОПИСЬ КРАТКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ ЛЕКЦИЙ ПО ЭСТЕТИКЕ И ИСТОРИИ ИСКУССТВ, ЧИТАННЫХ Н. И. НАДЕЖДИНЫМ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1831/32 УЧЕБНОМ ГОДУ. ЭТИ ЛЕКЦИИ СЛУШАЛ БЕЛИНСКИЙ

Автограф Надеждина. Листы первый и последний

Рукопись представлялась на соискание профессорской кафедры и скреплена подписями профессоров словесного отделения университета

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

произведения помогла Надеждину в критике теоретических основ учения о «чистом искусстве» немецкой романтической эстетики. Он указывает, что шеллингианцы полностью разрывают с реальными фактами жизни и искусства: «Ничто не может быть для нее ‹эстетики› опаснее метафизического исступления. Увлекаясь им, она подвергается опасности упустить из виду вещественность, которая должна составлять главнейший предмет ее изысканий, и затеряться в беспредельных пустынях бесплодного умозрения».

Рассматривая эстетические труды школы Шеллинга, Надеждин указывает, что главенствующими качествами этих шеллингианских эстетик являются отвлеченность, умозрительно-схоластический характер, интуитивность и иррациональная окраска теории. Он заявляет, что «мечтательность» употребляет «умозрение в пагубу». Отчуждение от «вещественности», т. е. отрыв искусства от жизни, лишает всякого смысла эстетические разыскания шеллингианцев. Он приводит пример из Аста, который в своей эстетике дошел до геометрического изображения сущности искусства. «Чем страннее, необычайнее, ярче и заястнее,— пишет Надеждин,— были подобные выходки, тем большее возбуждали они удивление». Он приводит поразительные примеры, когда поваренное искусство именовалось «пластикою текучего», а парфюмерия — «музыкою запахов». «Сия мания увиваться фантастическими образами,— замечает он по поводу мистически-метафорической оболочки шеллингианской эстетики,— продолжается и поныне, служа для иных благовидною личиною философического шарлатанизма».

Однако Надеждин не смог притти к последовательным реалистическим и демократическим выводам из правильного представления о гуманистической и воспитательной роли искусства. Говоря об единстве поэзии и жизни, он значительно сужает, вместе с тем, границы искусства. Понятие «безобразного» остается за пределами его эстетической концепции. И хотя в рецензиях 1831—1832 гг. Надеждин утверждает, что «существенное назначение всякого изящного творения» — «воспроизведение действительной жизни», он тут же оговаривает, что искусству необходима эстетическая «светотень», что оно должно охранять гармонию мира, примирять нас с безобразным. «Еще безумнее поэт,— пишет он,— истощающий свою творческую деятельность на представление пороков и преступлений...» [147].

Выход из этих противоречий Надеждин не смог найти. Он найден был позже молодым Белинским, впервые утвердившим право художника на изображение всех сторон действительности: прекрасного и безобразного, и тем создавшим прочную основу для художественного реализма.

Лекции Надеждина содержали также историю эстетики от древних греков до 30-х годов XIX в., а также историю искусства. В своем «Предначертании» Надеждин указывал, что история искусства должна быть конкретным историческим раскрытием законов эстетики. В разделе, озаглавленном «История изящных искусств по памятникам...», Надеждин пишет: «Представить в непрерывной цепи действительных событий степени, по которым многохудожная сила творящего духа развивалась в различные времена, под различными поясами, для проявления единой непреложной идеи изящного в различных искусственных ‹т. е. художественных› образах — есть задача истории изящных искусств, как аналитической прикладной части их изучения, коей решение должно служить поверкою и оправданием умозрительному их исследованию».

Как уже сказано выше, Белинский-студент слушал не весь курс Надеждина, а именно ту часть его, которая была посвящена истории искусства древних народов. Позже, в 1839 г., Белинский писал, что если перебрать страницы «Телескопа», там найдется немало работ Надеждина, в которых

говорилось о теории искусства «довольно пространно, и, что главное, говорилось с увлекательным одушевлением, живым участием и логическою отчетливостью...» (XIII, 29).

Казеннаго Студента Виссаріона Бѣлинскаго, оказавшагося неспособнымъ къ слушанію Ординарныхъ лекцій, согласно его прошенію принять въ число Канцелярскихъ служителей сего Правленія съ жалованьемъ по Двѣсти рублей въ годъ изъ Хозяйственной Университетской суммы, изъ числа же казенныхъ Студентовъ исключить, о чемъ и имѣетъ честь представить Вашему Сіятельству на утвержденіе. —

[illegible]

ОТПУСК ОТНОШЕНИЯ РЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА
ПОПЕЧИТЕЛЮ УЧЕБНОГО ОКРУГА С ХОДАТАЙСТВОМ
О НАЗНАЧЕНИИ БЕЛИНСКОГО «КАНЦЕЛЯРСКИМ СЛУЖИТЕЛЕМ»,
1831 г.

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

Эту характеристику можно применить и к лекциям Надеждина. Бо̀льшая часть теоретических работ в «Тѐлескопе», как это видно из сравнения с конспектом Надеждина, являлась отрывками из его курса. Во II разделе своего «конспекта», посвященном истории изобразительного искусства,

Надеждин указывал, что он ставит целью «определить и представить в непрерывной лествице степени изящного образования человеческого; изъясняя их происхождение и непреложную необходимость частию психологически — из внутренних постоянных условий творческой силы или случайного образования самих художников; частию физиологически — из естественных действий климата и образа жизни; частию же собственно исторически — из внешнего влияния политических обстоятельств, гражданской жизни, веры и народной организации». В связи с этим в «программе» Надеждин указывал следующие основания истории искусств: «Отношение истории изящных искусств к общей истории человечества. Распределение главных эпох творческой деятельности по возрастам жизни рода человеческого». И далее делил эту историю на четыре периода: 1) история изящных искусств во времена первобытные с «религиозно-политическим назначением» и «физическим преобладанием природы над свободою творящего»; 2) история изящных искусств во времена греко-римские с их «искренним и постоянным содружеством с внешнею природою»; 3) история изящных искусств во времена средние с типичным для этого периода «удалением от природы и возвращением в самого себя» и 4) история искусства во времена новейшие со всем разнообразием художественных направлений и исканий, свойственных искусству этого периода.

Следы критического восприятия надеждинской концепции развития мирового искусства обнаруживаются во многих статьях Белинского. В своих обзорах истории искусства (например, в статьях «Горе от ума», «Сочинения Державина») он не раз давал конспективное изложение истории «классического» и «романтического» этапов мирового искусства. Он доказывал здесь, что человек проходит периоды младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости и что тот же закон существует для общества и для искусства. Белинский утверждал при этом, что историческое развитие художественного творчества народов всегда следует рассматривать в непосредственной связи с характером общественной жизни, нравственности, религии этих народов. Как бы обобщая суждения Надеждина, он писал: «В эпоху младенчества и юношества народов—искусство всегда, более или менее,— выражение религиозных идей, а в эпоху возмужалости — философских понятий» (VIII, 62). Именно с этой точки зрения рассматривает Белинский индийское, египетское, греческое искусство. Наконец, он заявляет о влиянии на характер искусства «природы и местности страны, климата и проч.» (VIII, 63).

Таким образом, Белинского привлекало в конкретной истории искусства в лекциях Надеждина — единство теории и истории, интерес к современности, отрицание чисто-формального подхода к теории и истории искусства, в отличие от классицистической эстетики, в которой все «вертится на отвлеченных, внешних формах» (V, 32). Лекции Надеждина служили для Белинского также богатым источником для усвоения фактических сведений из истории мирового искусства (живописи, архитектуры, скульптуры, музыки) [148].

В заключение нашего обзора университетских курсов, которые слушал Белинский, необходимо упомянуть лекции протоиерея П. М. Терновского (1797—1874) — профессора по кафедре богословия и церковной истории. Университетское начальство придавало особое значение отношению студентов к лекциям Терновского; отметками по его курсу определялись не только академическая успешность усвоения слушателями богословских «наук», но также политическая «благонамеренность» и «нравственность» студентов. Соученик Белинского по второму году, Гончаров писал о Терновском в своих воспоминаниях: «Слушание его лекций ⟨...⟩ было обязательно для студентов юридического факультета во весь трехгодичный курс. Для прочих факультетов положено было слушать его только первый год.

⟨...⟩ Отметкам его придавался особый вес. Получивший у него единицу не переводился на следующий курс» [149]. Другой мемуарист прямо говорит, что «в том же году панический страх навел почти на всех студентов 3 отделений (кроме медицинского) назначенный профессором богословия протоиерей П. Терновский». Белинский, разумеется, все это знал, что не

СПИСОКЪ

Казеннокоштныхъ Студентовъ и воспитанниковъ |Медицинскаго Института| ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета словеснаго Отдѣленія.

1832. года.

СПИСОК КАЗЕННОКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, В ЧИСЛЕ КОТОРЫХ УКАЗАН БЕЛИНСКИЙ, 1832 г.

Обложка

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

помешало ему на протяжении всего периода пребывания в университете манкировать посещением нимало не интересовавших его лекций Терновского. Религиозные настроения были чужды юноше Белинскому, богословские «науки» находились совершенно вне круга его интересов.

В первый год пребывания Белинского в университете лекции Терновского начались во втором семестре, а именно 7 января 1830 г. И как раз в первой половине января этого года Белинский писал матери, что ему

некогда «шататься» по московским церквам, а необходимо ходить в театр [150]. Человек грубый и мстительный, соглядатай в рясе на университетской кафедре, Терновский пристально следил за «нерадивыми» студентами, не останавливаясь перед доносами на них начальству. Так, в 1828 г., по его доносу, был исключен из университета сын известного русского актера и драматурга Николай Плавильщиков, «неприлично отвечавший священнику»[151].

Итоговым баллом (в 1831/32 учебном году) по курсу Терновского у Белинского была «двойка» [152].

* * *

После всего сказанного вернемся к изложению фактов, характеризующих внешнюю, официальную сторону биографии Белинского-студента.

Первый же год университетской жизни Белинского закончился неудачно для него. На годовых экзаменах, происходивших с 9 по 21 июня 1830 г., он получил по большинству предметов — «двойки» и был оставлен на первом курсе.

Второй год своей университетской жизни (1830/31) Белинский начинал, чуждый иллюзий и радостных надежд первого года. «Ведомости» посещения лекций отражают картину дальнейшего роста равнодушия Белинского к «казенной науке» и ее представителям — профессорам-рутинерам, механически из года в год повторявшим свои курсы по устаревшим конспектам, утвержденным начальством. Дошедшие до нас документы свидетельствуют, в частности, что особенно неохотно Белинский посещал лекции Победоносцева. В ведомости последнего указано, что с января по июнь 1831 г. Белинский пропустил 8 занятий. Несмотря на то, что Победоносцев в точности повторял лекции, Белинский получил у него в итоговой отметке по курсу «двойку».

Низкие экзаменационные баллы Белинского на всем протяжении его университетского обучения отнюдь не отражают, разумеется, подлинного уровня его знаний и его интеллектуального развития. Они свидетельствуют, с одной стороны, о равнодушии Белинского к «казенным наукам» и, с другой стороны, о его неумении и нежелании приспосабливаться к тем рутинно-школярским методам и формам внедрения и проверки знаний, которые практиковались большинством педагогов высшей школы той эпохи. «От студентов,— вспоминает современник,— требовалось заучивание тех учебников и лекций, которые были признаны руководящими. Свободомыслием признавалось, если ответ давался „своими словами“» [153]. Столь отличавшая юного Белинского самостоятельность в идейном развитии и накоплении научных знаний позволяет предполагать, что он чаще других студентов должен был давать повод для раздражения этим «свободомыслием» своих профессоров-чиновников, что и отразилось на его экзаменационных отметках.

В 1830/31 академическом году занятия в Московском университете прерывались из-за распространения холеры. В конце ноября — начале декабря эпидемия затихла, и 12 января 1831 г. занятия возобновились, но Министерство народного просвещения распорядилось оставить всех студентов на повторительный курс [154]. В отношении же студентов-второгодников, в их числе и Белинского, правление университета приняло 15 сентября 1831 г. решение подвергнуть их внеочередному экзамену в отделении словесных наук с целью определить: «окажутся ли они по знаниям своим достойными к слушанию ординарных профессорских лекций» [155].

Экзамен состоялся 19 сентября. Результаты его зафиксированы в документе под названием «Одобрение экзаменуемых на ординарные лекции

№	Фамилія и имена	Изъ какого званія	Время вступленія въ Университетъ	Когда принятъ на казенное содержаніе	Рекомендація г.г. профессоровъ	Отмѣтка
	Титовъ Николай	Сынъ Титул. Совѣтника	1829.	1829. Октяб. 7	4. 4 3. 2 3. 4 4. 5 4 2. 9 2. 6	перевод[illegible]
	Первогодичные:					
	Бѣлинскій Виссаріонъ. За неуспѣшностію не переведенъ на 2-е отдѣленіе.	Сынъ Штабъ-лекаря	1829.		[illegible] 1. [illegible]	исключ[illegible]
	Востоковъ Владиміръ	сынъ лекаря	1831	1831 Ноября 17	2 4. 6 4 4. 4. 4. 4.	пере-
	Величковскій Аркадій	сынъ Коллеж. ассесора	„	Октяб. 30.	2. 14. 3. 10. 4. 4. 3 2 3. 10.	оставл.
	Головинъ Андрей	Изъ оберъ-офицерск. дѣтей	1830.	1831. Февраля 23	[illegible]	[illegible]
	Заблоцкій-Ѳаддей. На счетъ Бѣлорусскаго учебнаго Округа.	документы не представлено	1831		[illegible] 2. 5. 4. 4. 2 1. 2. 2.	переве-
	Лавдовскій Александръ	Изъ духовн.	1830.	Февраля 22	2. 4. 7. 4 4. 2. 4. 4.	[illegible]

СПИСОК КАЗЕННОКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СВЕДЕНИЯ ОБ УСПЕВАЕМОСТИ БЕЛИНСКОГО И ПОМЕТКА О ЕГО ИСКЛЮЧЕНИИ ИЗ УНИВЕРСИТЕТА, 1832 г.

Разворот третьего и четвертого листов

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

студентов и слушателей университета 1831 года сентября 19 дня» (приложение к протоколам словесного отделения)[156].

Белинский получил, в общей сумме, 9 баллов и, таким образом, вновь, т. е. на третий год, был оставлен на первом курсе, о чем отделение словесных наук сообщило правлению университета 24 сентября.

Белинский принял решение о прекращении университетских занятий и о поступлении на службу. 15 октября он подал в правление прошение о своем переводе в училищный комитет Московского университета «в число канцелярских служителей». В мотивировочной части прошения Белинский заявлял: «теперь ⟨...⟩ по особым обстоятельствам, не могу продолжать курса наук» ⟨Разрядка моя.— *М. П.*⟩.

Какие конкретные факты и причины имел здесь в виду Белинский, мы в точности не знаем. Но можно предполагать, что эти «особые обстоятельства» заключались, прежде всего, в том откровенно враждебном отношении администрации и реакционной части профессуры университета к Белинскому, которое весьма реально препятствовало его академическим занятиям.

О наличии этой враждебности свидетельствуют показания ряда осведомленных современников. Головачев пишет о «разных притеснениях» Белинского университетским начальством [157], Одоевский говорит о «нелепых преследованиях», «ожесточивших Белинского»[158], Иванисов, вспоминая, что Белинский «посещал лекции только тех профессоров, которые ему нравились», употребляет в этой связи выражение: «Он не ужился в университете...» [159].

Белинский должен был задуматься над причинами, по которым он, несмотря на свои способности и усиленные самостоятельные занятия, не был в состоянии добиться в течение двух лет минимума баллов, необходимого для перевода на следующий курс.

Но вернемся к судьбе поданного Белинским прошения. 19 октября правление рассматривало просьбу Белинского [160] и выразило согласие удовлетворить ее, а 26 октября послало свое решение на утверждение попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына [161]. Последний, однако, не санкционировал решения правления, в результате чего Белинский остался студентом университета [162].

Так закончился второй и начался третий (1831/32) год студенческой жизни Белинского. Он фактически отошел от университетских занятий. Этому в сильнейшей мере способствовали также болезнь, трижды на протяжении только первого семестра укладывавшая его в больницу [163], и цензурная катастрофа с «Дмитрием Калининым» в январе 1831 г. По свидетельству Лажечникова, Белинский «стал ⟨...⟩ нерадиво посещать лекции и вскоре перестал ходить на них...» [164], именно после тяжело пережитого им цензурного запрещения его пьесы. Об этом самоустранении от университетских занятий выразительно свидетельствуют и официальные данные (точнее сказать, отсутствие их) против имени Белинского в «Списке казеннокоштных студентов и воспитанников ⟨...⟩ словесного отделения» за 1832 г. (см. воспроизведение списка на стр. 353).

Отметка «исключить» в последней графе документа являлась для университетского начальства, желавшего избавиться от Белинского, формально обоснованным и потому удобным выходом из фактического положения вещей: в 1831/32 академическом году Белинский лишь номинально был студентом университета. Официально он был исключен 27 сентября 1832 г. Ниже мы специально вернемся к вопросу об исключении Белинского и к выяснению подлинных, а не формальных причин этого исключения, а теперь подведем некоторые итоги предшествующему изложению.

Что же мог дать Московский университет начала 1830-х годов гениальному юноше? Принес ли он ему какую-либо пользу в отношении общего ин-

МОСКВА. ВИД НА КРЕМЛЬ
Литография К. Брауна, 1825 г.
Исторический музей, Москва

теллектуального развития, накопления запаса фактических знаний, овладения научными методами и навыками?

Сам Белинский порой был склонен впоследствии вспоминать только темные стороны университетской жизни — чуждые научного содержания и связи с живой действительностью лекции таких профессоров-схоластов, как Победоносцев, Ульрихс, Кубарев, Терновский, которые не могли ничему научить. В этих ретроспективных отзывах Белинского не было преувеличений.

По словам историка университетского образования в России, «многих тогдашних профессоров, отчасти даже знаменитостей, не сделали бы теперь учителями в порядочных гимназиях. На три-четыре человека даровитых и знающих приходилось 20, 30 преподавателей не имеющих ни знания, ни призвания к профессуре ⟨...⟩ Оставляя университет, студенты и кандидаты выходили с самым ничтожным запасом сведений; об источниках и литературе предмета не было и помину; преподавание не шло далее элементарных фактов» [165].

Следует, однако, принять во внимание и другое суждение, исходящее от такого авторитетного современника, как Герцен. Дав на страницах «Былого и дум» ряд беспощадных отрицательных характеристик «допожарных профессоров» Московского университета 1830-х годов, Герцен тем не менее на вопрос: «Учились ли мы при всем этом чему-нибудь? Могли ли научиться?» — отвечал: «Полагаю, что „да"... Московский университет свое дело делал; профессора, способствовавшие своими лекциями развитию Лермонтова, Белинского, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могут спокойно играть в бостон и еще спокойнее лежать под землею» [166].

И как ни скудны внешние «академические» итоги «годов учения» Белинского, проведенных в сугубо усиленной обстановке полицейско-николаевского режима, крайне снизившего уровень научной подготовки, все же

здесь, в Московском университете, почерпнул великий критик богатый материал для своего идейного развития. Но этим он был обязан не только и не столько тем немногим даровитым профессорам — Каченовскому, Надеждину, отчасти Погодину,— чьи лекции имели большое образовательное и общественно-прогрессивное значение, сколько всей умственной жизни, которой жило большинство студентов Московского университета 1830-х годов.

К характеристике этой неофициальной идейной стороны студенческой жизни Белинского мы и переходим.

Глава II

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.— РОСТ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.— «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО 11 НУМЕРА» И ЕГО СОСТАВ. — ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КРУЖКА. — ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ «ДМИТРИЯ КАЛИНИНА».— ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БЕЛИНСКОГО-СТУДЕНТА.— БЕЛИНСКИЙ И «ТАЙНОЕ ПОЛЬСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО» САВИНИЧА — ЗАБЛОЦКОГО. — СЕКРЕТНЫЙ ОТЗЫВ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТИ БЕЛИНСКОГО

Все мемуаристы сходятся на признании высокого уровня и выдающегося значения неофициальной умственной жизни студенчества в Московском университете 1830-х годов. Герцен, Пирогов, Гончаров, К. Аксаков, Костенецкий, Прозоров в один голос говорят об «образовательном влиянии» различных студенческих кружков и объединений[167].

Прогрессивные тенденции в идейной жизни воспитанников Московского университета 1830-х годов определялись, в первую очередь, разносословным составом студенчества. «До 1848 года,— писал Герцен в «Былом и думах»,— устройство наших университетов было чисто демократическое. Двери их были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен» [168]. Социальный состав студентов был поэтому чрезвычайно пестрым, явно преобладали дети чиновников и притом главным образом чиновничьей мелкоты — сыновья коллежских и губернских регистраторов, секретарей, ассесоров, титулярных советников.

Так, из 194 студентов, учившихся одновременно с Белинским в 1829—1832 гг. на словесном отделении, 16 были детьми титулярных советников, тогда как дворян, большей частью мелкопоместных (не считая чиновников), училось 19 человек. 86 студентов происходили из семей мелких чиновников, из детей же тайных, статских и действительных статских советников в университете было только 8 человек. Белинский, сын штаб-лекаря, поступал в университет как разночинец, потому что его отец, Григорий Никифорович, получил чин коллежского ассесора лишь 7 августа 1830 г.[169] (потомственное дворянство приобреталось чиновниками из разночинцев только по получении звания коллежского ассесора). По данным архива Московского университета, вместе с Белинским учились 25 человек из духовного звания, 20 — из купцов, 12 мещан и 2 вольноотпущенника [170].

Еще в пору своего студенчества, в пьесе «Дмитрий Калинин», Белинский объяснял злобное отношение дворянских реакционных кругов к Московскому университету именно тем, что тот являлся своеобразной «ученой республикой», в которой уничтожались границы между сословиями. «Прилично ли дворянину,— восклицает одно из действующих лиц пьесы, гостья Лесинской,— учиться в этих школах, которые набиты и разночинцами, и семинаристами, и мещанами, и отпущенниками, и всяким сбродом и всякой сволочью?» — «Да и не низость ли,— отвечает другая,— учиться дворянину в каком-нибудь университетишке, где какой-нибудь

профессор мещанского происхождения будет обходиться с ним без должного уважения?» (I, 94).

Впоследствии, говоря о Московском университете 1830-х годов, Белинский продолжал подчеркивать его роль в демократизации научного образования русской молодежи, его значение как воспитательного центра для всех сословий. «Самое главнейшее улучшение,— писал он об университете эпохи своего пребывания в нем,— состоит в том, что студент, с именем которого прежде соединялось понятие о чем-то антиобщественном и беспорядочном, получил среди общества свое настоящее место и значение, всеми

ЛЕВОЕ КРЫЛО СТАРОГО ЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЗДЕСЬ НА 4-м ЭТАЖЕ НАХОДИЛСЯ «11-й НУМЕР» ОБЩЕЖИТИЯ КАЗЕННОКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ, В КОТОРОМ ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1950 г.

признаваемое и уважаемое, а университет сделался воспитателем молодых людей всех классов и сословий общества — от самых низших до самых высших» (XIII, 8).

В другой статье (1839 г.) Белинский писал о Московском университете — как «единственном высшем учебном заведении в России», не знающем «себе соперников» (IV, 324).

Студенческая разносословная «шумная семья в семьсот голов» (Герцен) была уже в значительной мере проникнута духом критического отношения к окружающей действительности. Первым шагом этой молодежи, по словам Огарева, было «столкновение с действительным обществом».

Не искание «абстракта», а необходимость «пальцем дотронуться до действительного общества и указать ложь, указать рану, указать страдание» [171]— таковы побудительные мотивы идейно-общественных исканий поколения Белинского, Герцена, Огарева, знаменовавших мощный подъем русской демократической мысли и определявшихся всем ходом исторического развития страны.

М. В. Нечкина пишет: «Вокруг была уже не старая декабристская Россия. Когда Белинскому было три года, в России насчитывалось 3371 фабрика, а через несколько лет после его смерти, в начале 50-х годов, их было уже 9994. В 1804 г. в России 27,5 проц. рабочих были вольноотпущенниками, а к половине XIX века их было уже свыше 80 процентов. ⟨...⟩ Судьба многих сыновей перестала повторять судьбу отцов: разрывался круг патриархальной сословной замкнутости, происходили глубокие подспудные перемены, сын не хотел пахать то же самое поле, которое пахали на барина под крепостным бичом его отцы, деды и прадеды. Немало крестьянских сыновей, не желая повторять в своей биографии отцовскую и дедовскую жизнь, законно иль незаконно, с паспортом или без паспорта, стремились в город на заработки. Возрастало число вольнонаемных людей, пробивавшихся к новой жизни через щели трещавшего крепостнического здания ⟨...⟩ Разночинцы вступали в историю. Они численно возрастали, множились, вызванные к жизни развитием капиталистических форм хозяйства, разлагавших феодально-крепостнический строй сословной России» [172].

Вот в каких исторических условиях формировалось мировоззрение молодых разночинцев, заполнявших аудитории университетов, технологических институтов и медико-хирургических академий. Среди этого поколения «молодой России» особая и огромная роль выпала на долю гениального разночинца Белинского. Ленин писал о нем: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский» [173].

Идейная жизнь московского студенчества находила, естественно, прямое и непосредственное отражение в деятельности Белинского и его студенческого кружка. Нарастание антикрепостнического протеста в массах русского народа, живые следы только что разгромленного декабристского движения, усиление правительственного гнета способствовали развитию политических интересов в студенческой среде. Особое развитие получают многочисленные неофициальные студенческие кружки. «Возбужденная мысль,— писала двоюродная сестра Герцена, Т. Пассек,— требовала исхода, пробудившиеся вопросы — разрешения. Разрешение разнообразных вопросов мучило молодое поколение, и оно распадалось на кружки, соответственно своему направлению» [174]. По рассказу Я. Костенецкого, в кружке студентов университета — сунгуровцев часто заводили «разговоры о деспотизме, о взяточничестве нашего чиновничества, о казнокрадстве наших министров, их глупости и подлости, о бедствиях народа, несправедливости судей и прочих возмутительных предметах» [175].

Оппозиционно-критические настроения в идейной жизни студенчества 1830-х годов не составляли, разумеется, тайны для властей. Официальный наблюдатель М. фон-Фок писал Бенкендорфу: «Я напал на след нескольких дурных сборищ ⟨...⟩ Молодежь ужасно дурно воспитана и заражена идеями новаторов нынешнего века...» И добавлял: «Воспитание юношества направлено ложно: молодежь *рассуждает*, тогда как могла бы гораздо полезнее употреблять свое время» [176].

Для восприимчивого гениального юноши эта среда, насыщенная духом протеста против гнета и насилия самодержавно-крепостнического общества, являлась подлинной школой идейного развития. Герцен рассказывал, что он вошел в аудиторию с намерением возродить традиции декабристов и основать в студенческой среде общество по их «образу и подобию». Среди учащейся в Московском университете молодежи, по свидетельству Герцена, распространены были «ненависть ко всякому насилию, ко всякому правительственному произволу» [177].

Общественно-политическая атмосфера 1830—1831 гг., университетская жизнь, товарищеское окружение способствовали бурному развитию поли-

тического свободомыслия и антикрепостнических устремлений в идейной жизни Белинского-студента.

Известно, что 1830 г. ознаменовался рядом событий, глубоко взволновавших русское общество и нашедших прямое отражение в нашей литературе. «Холерные бунты», восстания на Кавказе, в Севастополе, июльская революция во Франции, восстание в Польше не только произвели сильнейшее впечатление на передовых представителей общества, но и вызвали серию правительственных мер, направленных на пресечение «вольномыслия» в литературе и, особенно, в университетах. Даже Погодин с горечью записал в дневнике 12 марта 1830 г. о посещении Москвы Николаем I: «Университет назвал он хаосом. Господи боже, когда прекратится эта незаслуженная опала»[178].

Немалую роль в росте оппозиционных настроений студенческой молодежи играли и события в самом университете. Влияние последних почти не учтено в идейном росте Белинского. Между тем, летопись развития освободительных идей в стенах университета необычайно ярка, и она в первую очередь останавливала внимание демократически настроенного студента.

Сведения о жизни университета Белинский получал, надо думать, еще в Пензе. По свидетельству Д. П. Иванова, пензенские знакомые—студенты университета рассказывали о нем Белинскому. Среди этих знакомых отметим людей, поступивших в университет еще в 1826 г. (Каширин, Шагаров,— см. Биографический словарь — приложение к настоящей статье). Таким образом, еще задолго до своего приезда в Москву Белинский мог слышать о двух наиболее громких университетских «историях» — о расправе, учиненной Николаем I с Полежаевым, и о «деле» братьев Критских. Став студентом Московского университета, Белинский оказался в среде, где живо помнили и горячо обсуждали эти события недавнего прошлого. Так, по показаниям участника сунгуровского кружка — Гурова, он получил в 1824 г. от Полежаева «стихи содержания самого отвратительного и богохульного» и переписывал их для студентов[179]. Об интересе студентов к стихам Полежаева, послужившим причиной разразившейся над ним катастрофы, свидетельствует, в частности, одна из записей в неизданном дневнике Я. М. Неверова, учившегося в одно время с Белинским. Отметив в записи от 10 марта 1831 г. о только что состоявшемся знакомстве с бывшим студентом Н. С. Селивановским, Неверов следующим образом определил ценность этого знакомства: оно «выгодно еще и тем, что от него ⟨Селивановского⟩ можно доставать запрещенные стихи Полежаева»[180]. О популярности запрещенных стихотворений Полежаева в 1830-х годах свидетельствовал впоследствии по личным воспоминаниям и сам Белинский. В статье «Стихотворения Полежаева» 1842 г. критик писал: «Стихи Полежаева ходили по рукам в тетрадках, журналисты печатали их без спросу у автора, который был далеко ⟨...⟩ Еще в Москве Полежаев пользовался громкою известностью; там и доселе не забыт он» (VII, 169). Приводя в этой статье перечень стихотворений Полежаева, которые должны, по мнению критика, войти в будущее «дельное издание» сочинений поэта, Белинский, между прочим, указывал, вспоминая свои студенческие годы: «Сверх того, в одном московском журнале, чуть ли не в „Галатее" 1830 года, был напечатан замечательный по своему поэтическому достоинству отрывок из какого-то большого стихотворения Полежаева; мы не помним его названия, но помним стихи, которыми он начинается:

... И я в тюрьме...
Передо мной едва горит
Фитиль в разбитом черепке,
С ружьем в ослабленной руке,
У двери дремлет часовой...»

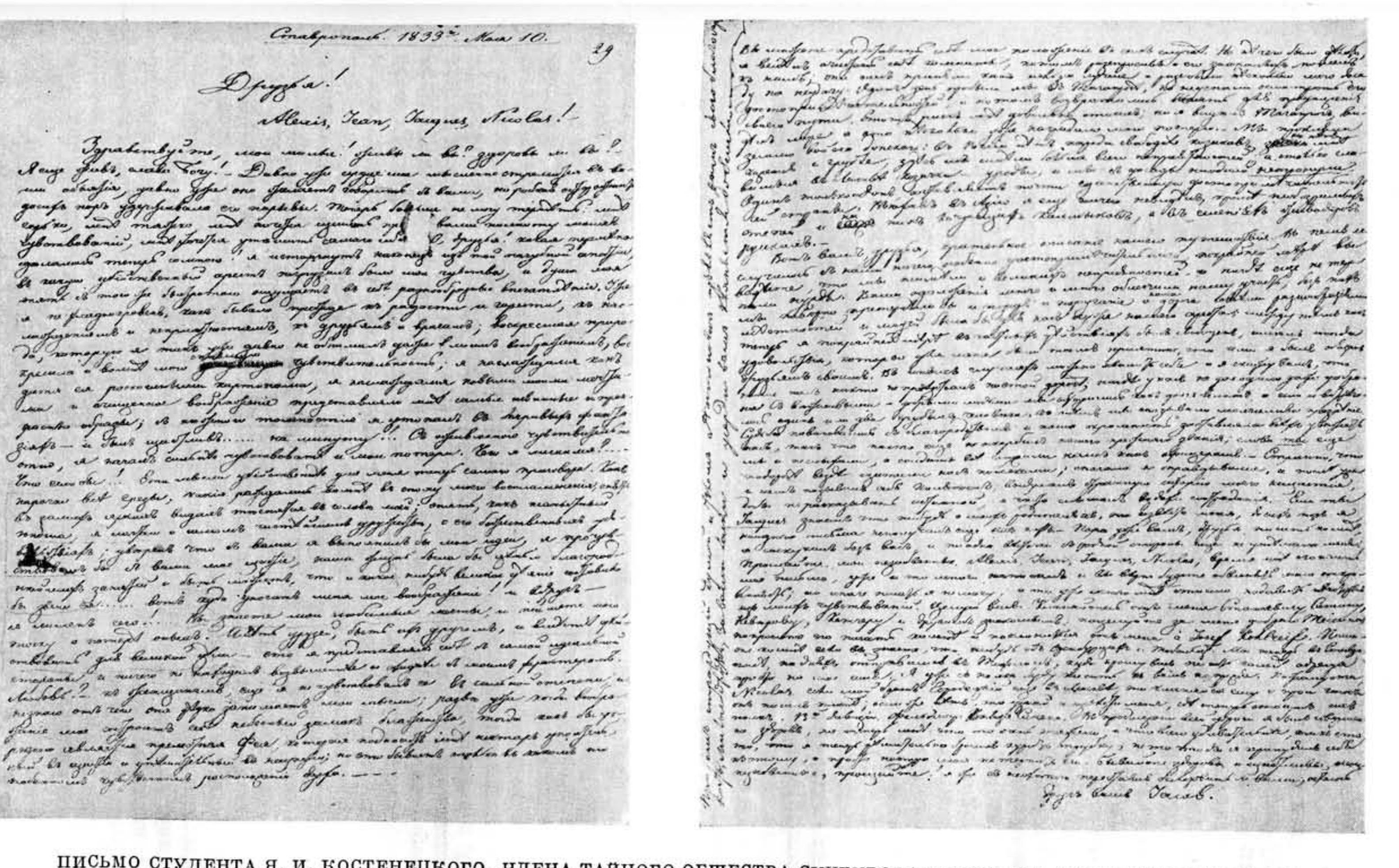
Действительно, эти стихи из поэмы 1828 г. «Узник» (в новейших изданиях «Арестант») были помещены в 1830 г. в «Галатее» (ч. XII, № 11) и не перепечатывались в изданиях 1840-х годов. Стихи запомнились Белинскому со времени его студенчества.

С неменьшей политической остротой воспринимались в студенческой среде рассказы и воспоминания о деятельности возникшего в стенах университета кружка братьев Критских и о суровой судьбе, постигшей участников этого «тайного общества», задумавших через год после разгрома декабристов продолжить их борьбу за освобождение народа и преобразование социального и политического строя в России [181]. Расправа, учиненная Николаем I в 1827 г. над участниками кружка братьев Критских, не была единичным фактом проявления особого внимания политической полиции самодержавия к идейной жизни студентов Московского университета. Почти в то же время, когда началось «дело о тайном обществе братьев Критских», возникло следствие над юнкером Зубовым, сочинявшим противоправительственные стихи, поэтом Шишковым и другими. Шишков, посылая свои антиправительственные стихи студенту А. Г. Ротчеву, тем самым содействовал распространению декабристских идей. Ротчев читал своим друзьям-студентам эти стихи, и они вскоре распространились по Москве. По словам жандармского доклада,— Ротчев и сам «навлекает на себя большое подозрение в сочинении стихотворений преступного содержания на 14 декабря 1825 года» [182].

Осенью 1827 г. началось следствие над А. А. Шишковым. Особое внимание было уделено его «пасквильным стихам», и в частности стихотворению «Когда мятежные народы...». 24 января 1828 г., по высочайшему повелению, Шишков был предан суду, но приговор над ним был конфирмован только 15 декабря 1829 г., когда Белинский уже находился в Москве. Разумеется, и этот приговор вызвал толки среди москвичей [183].

Творчество Шишкова привлекало внимание Белинского в первые годы его критической деятельности. Он называл его «талантливым переводчиком Шиллера» (III, 320). В 1840 г., вспоминая начало 1830-х годов, Белинский упоминал, что в то время «беспрестанно появлялись лирические произведения Козлова, Баратынского, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинского, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ф. Н.), Тепловой, Теплякова, Ознобишина, Туманского, Шевырева〈...〉, Шишкова 2-го...» А в примечании он указывал, кроме того, что «достойны внимания переводы и некоторые оригинальные произведения г. Ротчева» (VII, 516). Интерес Белинского к литературной деятельности упомянутых в приведенном перечне второстепенных поэтов — Шишкова, Ротчева, Тепловой, бесспорно, связан с антиправительственными настроениями названных поэтов. Именно поэтому Белинский переписал в свою тетрадь стихотворение Тепловой «К ***», принятое жандармами за послание к Рылееву и наделавшее много шуму [184]. С Тепловой Белинский был связан и личным знакомством [185].

В июне 1830 г. возникло следственное дело по поводу надписей на дверях заезжего дома по пути в Троицкую Лавру. Надписи громили «гнусных сластолюбцев» и «тиранов», напоминали имя Рылеева. Производивший следствие чиновник пришел к выводу: «Так как оные 〈надписи〉, судя по смыслу их, должны быть сочинены человеком не неученым и к классу дворян не принадлежащим, то, по мнению моему, не написаны ли оные кем-либо из студентов духовной академии или университета, из коих многие, особенно во время вакаций, ездят из Москвы в Сергиевский монастырь...»[186] Приведенные факты и мемуарные показания современников свидетельствуют об устойчивости оппозиционных настроений среди передовой части студентов Московского университета конца 1820-х — начала 1830-х годов и о том, что эти настроения политического протеста

Ставрополь. 1833 г. Мая 10.

Друзья!

ПИСЬМО СТУДЕНТА Я. И. КОСТЕНЕЦКОГО—ЧЛЕНА ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА СУНГУРОВА К ДРУЗЬЯМ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕЕ О БЛИЗОСТИ СУНГУРОВЦЕВ К КРУГУ БЕЛИНСКОГО

Автограф. Листы первый и последний

Послано Костенецким с дороги в ссылку на Кавказ, 10 мая 1833 г.

Центральный исторический архив, Москва

опирались на живую преемственность с декабристским движением, питались традициями декабристской революционной пропаганды.

Политическое свободомыслие, ненависть к самодержавно-бюрократическому гнету, в том числе и к правительственной политике университетского образования, проявлялись и в действиях студентов, занимавших скамьи лекционных аудиторий в одно время с Белинским. Последний с восторгом сообщал родителям о демонстрации студентов против грубого и бездарного профессора Малова. Эта демонстрация красочно описана Герценом в «Былом и думах»[187]. 16 марта 1831 г. студенты словесного, этико-политического и физико-математического отделений (Герцен, Я. Почека, И. Оболенский, Лермонтов, Я. Костенецкий и др.) с шумом и скандалом выгнали профессора Малова из аудитории и университета [188]. Попечитель учебного округа кн. С. М. Голицын постарался замять историю и добился исключения Малова. Студенты восприняли это как одну из немногих своих побед. «Разные несправедливости и нелепости собственного нашего учебного начальства мы приписывали тоже деспотизму» [189],— вспоминал Костенецкий. «Маловская история» вызвала возбужденную реакцию Белинского. Но вскоре в стенах университета разыгралось более драматическое происшествие.

27 мая 1831 г. за ужином, в столовой общежития, произошла ссора между группой студентов и поляком Г. Шанявским. Последний при многих слушателях (в том числе и Белинском) произнес хвалу восставшему польскому народу. Во время своей речи Шанявский, по словам официально-следственного документа, все более «входил в ожесточение» и «с дерзостью поносил священнейших особ России» [190]. 4 июня исправляющий должность начальника II округа корпуса жандармов Шубинский донес об этом Бенкендорфу. 16 июня была арестована группа польских офицеров, связанных с университетом, а 17 июня последовал донос студента Полоника на Сунгурова и его товарищей [191].

Дело, разбиравшееся сразу после июльской революции во Франции, польского восстания, начавшихся холерных бунтов, вызвало особую тревогу властей. Участники «тайного общества Сунгурова» принадлежали к студентам университета, социальный состав его был преимущественно разночинным. Многие из арестованных находились в связи со служившими в Москве польскими офицерами, которые готовились к побегу в восставшую Польшу. С другой стороны, идейное ядро кружка — Костенецкий, Антонович, Кноблох — хотели быть продолжателями дела декабристов, мечтали о введении в России конституции, решили организовать среди студентов пропагандистский философский кружок. Полоник доносил властям и о других, далеко идущих планах сунгуровцев: походе на Тулу, овладении арсеналом, вооруженном восстании [192].

О настроениях и планах участников «тайного общества» были осведомлены и многие студенты, не принадлежавшие к их числу. О тесной товарищеской связи сунгуровцев с другими студентами, в том числе из ближайшего окружения Белинского, свидетельствует, в частности, одно из писем Я. Костенецкого (перехваченное III Отделением), в котором он обращается, как к близким друзьям, к А. Топорнину, И. Оболенскому, Н. Огареву, Н. Станкевичу, И. Колрейфу, Н. Кетчеру, Н. Сатину и Я. Неверову [193].

В июне 1832 г. военный суд приговорил двоих из сунгуровцев к четвертованию, девятерых (в их числе и Костенецкого) — к повешению, одного — к расстрелу. Более полугода пробыли они под страхом смертной казни. Только 6 февраля 1833 г. Николай I изменил этот чудовищный приговор, несомненно, глубоко потрясший студенческую массу.

В мае 1833 г. Белинский писал матери по поводу своего исключения из университета: «Я видел людей в тысячу тысяч раз несчастнее себя, и потому смеюсь над своим несчастием»[194].

В словах этих следует видеть обобщенное отражение впечатлений Белинского от тех суровых расправ, которые обрушивало самодержавие на студентов Московского университета, так или иначе причастных к настроениям политического протеста и борьбы.

Говоря о революционизирующих факторах в идейной жизни московского студенчества начала 1830-х годов, следует учитывать и другие события того времени в социально-политической жизни страны, в которых ярко отражался стихийный протест народа против самодержавно-крепостнического строя. 3 июня 1830 г. в Севастополе вспыхнуло восстание матросов, солдат и «прочих гражданского звания людей». О севастопольском «возмущении» писалось в «Северной пчеле», и оно не могло остаться неизвестным Белинскому. В середине августа 1830 г. в Москву стали доходить слухи о волнениях в городах и селах Саратовской и Тамбовской губерний. Форму вооруженного восстания приобрели «холерные бунты» военных поселян в 1830—1832 гг. [195]. Летом 1830 г. Белинский ездил домой — и дорогой мог наблюдать все усиливающиеся волнения крестьян и холерные восстания, потрясавшие внутренние губернии России.

Сильное впечатление производили на московских студентов и события на Западе. Вслед за июльской революцией 1830 г. во Франции последовали революционные события в Бельгии, Ирландии, Швейцарии, Италии, Испании. Из газет Белинский мог узнать также о восстании негров в штате Виргиния в 1831 г.

Первое известие об июльской революции в Париже дошло до Москвы 2 августа (по старому стилю); первые французские газеты с описанием событий пришли 11 августа [196]. Несколькими днями раньше в русских газетах были напечатаны официальные информации. Как ни тенденциозны были эти правительственные информации, все же в них говорилось о восстании народа, о его вооруженной борьбе против королевской гвардии, которая «принуждена была оставить Париж»[197]. С какой силой воспринимались события июльской революции в среде русского студенчества, свидетельствует известное мемуарное признание В. С. Печерина: «Разразилась гроза июльской революции ⟨...⟩ Воздух освежел, все проснулись, даже и казенные студенты. Да и как еще проснулись!..» [198] В этом пробуждении политического сознания не последнюю роль играли также события польского восстания 1830 г., о чем мы ниже будем говорить подробнее. Но главное, определяющее значение в формировании оппозиционных антикрепостнических и антиправительственных настроений среди передового студенчества Московского университета имела сама русская действительность.

Герцен, подводя итоги своим студенческим впечатлениям, писал: «Но что же это была бы за молодежь, которая могла бы в ожидании теоретических решений спокойно смотреть на то, что делалось вокруг, на сотни поляков, гремевших цепями по владимирской дороге, на крепостное состояние, на солдат, засекаемых на Ходынском поле каким-нибудь генералом Лашкевичем, на студентов-товарищей, пропадавших без вести? В нравственную очистку поколения, в залог будущего они должны были негодовать до безумных опытов, до презрения опасности. Свирепые наказания мальчиков 16—17 лет служили грозным уроком и своего рода закалом...». Определяя роль Московского университета 1830-х годов в общественно-политической жизни страны, Герцен писал: «Опальный университет рос влиянием, в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее»[199].

Лабораториями этой стремительно растущей демократической оппозиционной мысли являлись неофициальные студенческие объединения,

начиная с литературного «дружеского общества» Неверова и кончая политическим кружком Сунгурова. Между членами различных объединений и кружков существовали самые тесные идейные и дружеские связи. Так, например, участник сунгуровского кружка Костенецкий был близок, с одной стороны, с Герценом и Огаревым, с другой — с Неверовым и Станкевичем. Романтической приподнятостью, культом дружбы, стремлением к самоотверженному служению истине проникнуто письмо Костенецкого к членам обоих этих кружков, написанное им по дороге на Кавказ, после решения суда над сунгуровцами. «Опять, как неопытный юноша,— пишет здесь Костенецкий,— я мечтаю о самом чистейшем дружестве, о его божественных удовольствиях; уверен, что с вами я выполнил бы мои идеи, я прочувствовал бы с вами мое счастие, наша жизнь была бы цепью благороднейших занятий, и быть может, что и какое-нибудь великое деяние составило бы звено ее ... вот куда уносит меня мое воображение! и вдруг — я лишен сего!.. Вы знаете мои любимые мечты и поймете мою тоску о потере оных. Иметь друзей, быть их другом и вместе действовать для великой цели — это я представлял себе с самой идеальной стороны и ничего не находил возвышеннее и сходнее с моим характером...»[200]. «Особенные мечты», «великая цель», о которых, по словам Костенецкого, хорошо знали адресаты его письма — Огарев и Станкевич, Неверов и Сатин,— это были мысли о продолжении дела декабристов. «Я знал историю декабристов,— вспоминал впоследствии Костенецкий,— и участь их не только меня не пугала, но я всегда подобно им рад был пострадать за великое дело»[201].

О том, как и в какой атмосфере высоких и по-юношески восторженных идейных устремлений происходил самый процесс зарождения и оформления студенческих кружков, дают представление некоторые записи из неизданного дневника Я. Неверова. В 1831 г. студент И. Оболенский высказал Неверову мысль о желательности основания «дружеского общества». Мысль эта,— записал после разговора с Оболенским Неверов,— «открыла любовь к наукам, стремление к самообразованию и чувство дружеского товарищества в сем молодом человеке». Идея Оболенского пала на подготовленную почву. «Все это,— записал вслед за тем Неверов,— составляло и составляет предмет моих занятий и помышлений»[202]. Неверов действительно организовал «дружеское общество», в которое вошли, помимо его самого и Оболенского, Клюшников и несколько позже — Станкевич, Почека и др. Однако кружок Неверова, еще окончательно не сложившийся, очень скоро попал под полицейский надзор. В ноябре 1831 г., во время пребывания Николая I в Москве, по доносу студента Петрова, были арестованы Оболенский и преподаватель Декамп. Оболенскому и группе товарищей было предъявлено обвинение в «составлении злонамеренного общества». Расследование, правда, не смогло подтвердить обоснованность такого обвинения, содержащегося в доносе. Тем не менее упомянутые в доносе студенты были взяты под полицейский надзор. В феврале 1832 г. Бенкендорф указал, что им «дозволено продолжать учение, с тем, однако, дабы их иметь под надзором» [203].

В том же дневнике Неверова мы находим упоминание о кружке бывшего студента Н. С. Селивановского. Неверов сообщает, что Селивановский распространял «запрещенные стихи» и что у него собиралось «довольно хорошее общество из молодых людей нового поколения»[204].

Общее представление об идейной жизни студенческих кружков Московского университета 1830-х годов дают воспоминания Н. Сазонова. По его словам, в круг бесед и размышлений «мыслящего меньшинства» молодежи входило чтение «запрещенных стихов Рылеева, Пушкина», «книг о французской революции и натурфилософских сочинений Шеллинга». Этих молодых людей, по словам Сазонова, «воодушевляли любовь к родине и свободе» и неутолимое рвение, с каким они «искали выхода, который примирил бы»,

то есть сблизил бы их с народом [205]. «Наука,— свидетельствовал Герцен,— не отвлекала от вмешательства в жизнь, страдавшую вокруг. Это сочувствие с нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентов»[206].

С первых дней своего вступления в Московский университет Белинский стал активным участником его неофициальной идейной жизни и явился, вместе со своим товарищем Чистяковым, создателем передового кружка студенческой молодежи, получившего наименование «Литературное общество 11 нумера». В общество это входили, однако, не только обитатели той комнаты, под № 11, в общежитии для казеннокоштных студентов, в которой жили Белинский и его товарищи. Состав общества был шире. Главными членами его являлись, кроме самого Белинского, М. Чистяков, Н. Григорьев, И. Савинич, П. Петров, П. Прозоров, Н. Аргилландер, П. Нечай, Н. Матюшенко, а несколько позже — Ф. Заблоцкий, о котором ниже мы будем говорить особо. Характерную черту «Литературного общества 11 нумера» составляет разночинный состав его участников. Все они выходцы из семей мелких чиновников, сельского духовенства, врачей, учителей. Так, Чистяков, Савинич, Прозоров были родом из духовного звания, Аргилландер — сын коллежского советника, Нечай — коллежского секретаря, Матюшенко — титулярного советника, Петров — учителя [207].

Всех их объединяли — употребляя несколько более поздние слова Белинского — страстные поиски путей служения «для блага ближнего, родины, для пользы человечества» (I, 319) и горячая любовь к родной литературе. Пафос идейных исканий Белинского и его товарищей по «Литературному обществу 11 нумера» был глубоко национален и патриотичен. Любовь к родине, занимавшая важнейшее место в раздумьях Белинского и его студенческих друзей, резко отличалась от казенного, официального

Н. С. СЕЛИВАНОВСКИЙ

Литография А. Скино 1850-х гг. с портрета маслом В. А. Тропинина 1843 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

патриотизма. Белинский писал о своих впечатлениях от памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве в «Журнале моей поездки в Москву» в конце 1829 г.: «Вот, думаю я, вот два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенною любовию к милой родине. Они всем жертвовали ей: именем, жизнию, кровию ⟨...⟩ Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности ⟨...⟩ Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!» («Письма», I, 19).

Уже в самом раннем студенческом сочинении будущего критика, в «Рассуждении ⟨о воспитании⟩», тема любви к родине наполняется Белинским свободолюбивым, подлинно демократическим содержанием. В названном сочинении Белинский развивает мысль о том, что «истинные верные сыны отечества» могут развиться только в свободной стране. Любовь к родине он связывает с борьбой против рабства. Древних греков, для которых «с самых юных дней дыханием была свобода; душою — любовь к родине; мыслию — слава», он противопоставляет «подлым, низким рабам своих деспотов» — персам [208].

То же чувство глубокого патриотизма было присуще и другим членам «Литературного общества 11 нумера». Чистяков в предисловии к своему переводу эстетики Бахмана (1830—1832 гг.) восторженно говорил о «святом союзе братства» московского студенчества, который одушевлен «пламенной любовью к своему отечеству» [209].

Среди источников, питавших гражданский, демократический патриотизм молодого Белинского и его друзей, в первую очередь следует назвать великий национальный подъем 1812 г. и события 14 декабря 1825 г. Молодое поколение передовых людей конца 1820-х — начала 1830-х годов хорошо помнило и развивало дальше революционно-патриотические идеи декабристов, поднявших знамя восстания против самовластия [210]. О значении событий Отечественной войны 1812 г. для воспитания чувства патриотизма в людях своего поколения Белинский писал впоследствии неоднократно. Он свидетельствовал, в частности: «Мы — юноши нынешнего века, мы, бывши младенцами, слышали от матерей наших ⟨...⟩ об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа. Эти события и ближе к нам по времени и поважнее прежних в своей сущности». И добавлял затем: «Поэзия всех этих великих происшествий сама по себе так необъятна, что ее трудно уловить, увековечить в звуках» (II, 339—340).

От темы «России», «Родины» Белинский подошел к важнейшему для его идейного самоопределения вопросу — о трагической судьбе человека в крепостническом обществе. Этой проблеме он посвятил свое первое литературное произведение «Дмитрий Калинин». Студенческая пьеса молодого Белинского с большой силой выразила юношеский революционный, демократический протест не только самого автора, но и антикрепостническую идеологию всего группировавшегося вокруг него кружка передовой разночинной молодежи — членов «Литературного общества 11 нумера».

Белинский сам указывал на острую антикрепостническую направленность своей пьесы. В письме к отцу от 17 февраля 1831 г. он писал: «в этом сочинении, со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, я в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных. Герой моей драмы есть человек пылкий, с страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бешены,—и следствием их была его гибель» («Письма», I,31).

Как уже сказано выше, чувство ненависти к самодержавно-крепостническому строю и сословным предрассудкам, пронизывающее «Дмитрия Калинина», было характерно не только для автора трагедии, но и для идейных

позиций его товарищей по университетскому общежитию. Сам Белинский указывал, что его драма была доведена до конца благодаря «литературным вечерам» в «11 нумере», на которых она читалась и горячо обсуждалась. П. Прозоров вспоминал, что чтение Белинским драмы увлекало «слушателей страстным изложением предмета ⟨трагедии крепостного⟩ и либеральными по-тогдашнему идеями...»[211] Воспоминания Прозорова печатались в 1859 г., и определить точнее характер «смелости мыслей» произведения (по его же выражению) было невозможно. Другой член «Литературного общества 11 нумера» —Н. Аргилландер, более определенно свидетельствуя о сочувствии слушателей-студентов к революционным идеям пьесы, писал: «всем, по тому времени весьма резким, монологам мы страшно аплодировали»[212].

В воспоминаниях знаменитого хирурга Н. И. Пирогова, окончившего Московский университет незадолго до поступления в него Белинского и посещавшего «10-й нумер» университетского общежития, содержится весьма примечательная характеристика идейной жизни и политических настроений казеннокоштных студентов-разночинцев, в среду которых вступил будущий критик и в которой вызревал и оформлялся замысел «Дмитрия Калинина». По свидетельству Пирогова, жители «10-го нумера» отличались политическим свободомыслием и превосходным знанием запрещенной литературы. Они вели разговоры о революции, и притом такой «как французская — с гильотиною». «За исключением одного или двух.— вспоминал Пирогов,— обитатели „10-го нумера" были все из духовного звания, и от них-то, именно, я наслышался таких вещей о попах, богослужении, обрядах, таинствах и вообще о религии, что меня на первых порах, с непривычки, мороз по коже подирал ⟨...⟩ Все запрещенные стихи, вроде „Оды на вольность", „К временщику" Рылеева, „Где те, братцы, острова" и т. п., ходили по рукам, читались с жадностию, переписывались и перечитывались сообща при каждом удобном случае...»[213]

Уже приведенные выше факты обосновывают возможность распространения характеристики, данной Пироговым, за пределы «10-го нумера». Аналогия между идейной жизнью и политическими настроениями обитателей «10-го нумера», описанного Пироговым, и «11-го нумера», в котором жил Белинский и его товарищи, косвенно подкрепляется и некоторыми новыми архивными данными.

Настроения молодых людей, входивших в организованный Белинским студенческий кружок, не ускользнули от внимания университетского начальства. Инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин называл «11 нумер» «зверинцем», в котором собрались наиболее дерзкие и неблагонадежные студенты. Преемник Щепкина, инспектор П. С. Нахимов, составляя в 1833/34 учебном году отчет о поведении студентов на основании собственных наблюдений и предшествующих характеристик Щепкина (они неизвестны нам), указывал в числе наиболее сомнительных и опасных студентов Савинича и Прозорова, то есть бывших членов «Литературного общества 11 нумера». При этом они выделены в списке скобками и пометками «NB». Вряд ли приходится сомневаться в том, что если бы в пору составления этого отчета в стенах университета находились и другие участники студенческого кружка Белинского, они оказались бы в этом списке. Приведем в интересующем нас извлечении текст документа:

«Отчет о студентах и слушателях университета за 1834 г.

Г-ну Секретарю совета Имп. Московского университета ординарному профессору Надеждину от инспектора к годовому отчету за 1833—1834 учебный год и 1834 г. гражданский

⟨. . . . .⟩

Учащиеся дурного поведения

Дать точной и полной отчет по сему вопросу по краткости времени управления моего и по важности самого вопроса, требующего всей справедливости, не могу. Впрочем, сколько мне могло быть известным по отчетам моих предшественников и по моему наблюдению и розысканию, посредственного и довольно сомнительного поведения замечены мною из казенных студентов*:

NB (Савинич Иван)
Леонтьевский Алексей
Боровиков Иван
NB (Величковский Аркадий)
NB (Прозоров Павел)
Евланов Федор
Дмитриев Петр
NB (Дурылин Михаил)
Григорьев Николай
Новак Петр
Шереметьевский Федор.

Из коих многие более или менее исправляются».

Однако в университетский отчет эти материалы не попали. Этому воспрепятствовал Надеждин, зачеркнувший фамилии студентов и пометивший: «Сего не писать»[214].

* * *

Закончив в ноябре — декабре 1830 г. работу над «Дмитрием Калининым»[215], Белинский решил представить пьесу в цензурный комитет. Рискованность этого шага была очевидна и самому Белинскому и его товарищам, в частности Аргилландеру[216]. Об опасности, угрожавшей автору, предостерегал его И. И. Лажечников. В своих «Заметках для биографии Белинского» он так вспоминал об этом: «В 1832 ⟨следует: 1830⟩ году, бывши уже на втором университетском курсе ⟨следует: второй год на первом курсе⟩, он ⟨Белинский⟩ написал драму, в которой живо затронул крепостной вопрос. Я предсказал ему судьбу его: действительность оправдала мое предсказание»[217]. Тем не менее Белинский не побоялся добиваться обнародования своей опасной пьесы. При помощи товарищей и писаря он переписал «Дмитрия Калинина» и представил рукопись в Цензурный комитет[218].

Цензурный комитет в заседании от 23 января 1831 г. постановил поручить рассмотрение представленного произведения члену Комитета профессору Л. А. Цветаеву, автору ряда учебников по праву. Цветаев самым внимательным образом изучил пьесу Белинского. Своими карандашными пометками на рукописи он выделил в ее тексте все наиболее одиозные, с его точки зрения, места: рассуждения Дмитрия Калинина о правах человека, о боге, о браке, о рабстве и т. п., а также сцены, реалистически изображающие быт крепостной деревни. Отмечен цензором и ряд мест из бесед Лесинской с лицемером и ханжей Сидором Андреевичем, оправдывающим крепостной строй цитатами из Евангелия[219].

В письме к родителям от 17 февраля 1831 г. Белинский так рассказывает историю цензурования его пьесы: «Подаю его ⟨«Дмитрия Калинина»⟩ в цензуру и что же вышло?.. Прихожу через неделю в цензурный кабинет и узнаю, что мое сочинение цензоровал Л. А. Цветаев (заслуженный профессор, статский советник и кавалер). Прошу секретаря, чтобы он

* *Далее текст зачеркнут и написано*: «в дурном поведении замечены из казенных студентов сверх поступивших в военную службу по распоряжению начальства:».

ЦЕНЗУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР РУКОПИСИ «ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ» БЕЛИНСКОГО «ДМИТРИЙ КАЛИНИН», 1831 г.

Титульный лист и шмуцтитул

Автограф Белинского. На шмуцтитуле пометы секретаря Цензурного комитета И. А. Щедритского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

выдал мне мою тетрадь, и секретарь, вместо ответа, побежал к ректору ‹И. А. Двигубскому›, сидевшему на другом конце стола, и вскричал: „Иван Алексеевич! Вот он! Вот г. Белинский!“ Не буду много распространяться; скажу только, что несмотря на то, что мой цензор, в присутствии всех членов комитета, расхвалил мое сочинение и мои таланты как нельзя лучше, оно признано было безнравственным, бесчестящим университет, и о нем составили журнал!.. Но после — это дело уничтожено, и ректор сказал мне, что обо мне ежемесячно будут ему подаваться особые донесения...»[220]

Изложение цензурной истории «Дмитрия Калинина» исчерпывалось до сих пор пересказом этого письма Белинского. Обращение к архивному фонду Московского цензурного комитета дает возможность существенно дополнить фактическую историю данного эпизода.

Рассмотрение пьесы Белинского Московский цензурный комитет провел в своем заседании от 30 января 1831 г. Председательствовал глава комитета, попечитель Московского учебного округа князь С. М. Голицын, присутствовали члены комитета — цензоры от университета: ректор И. А. Двигубский, профессор Л. А. Цветаев и осторожный, благонамеренный профессор И. М. Снегирев, впоследствии примыкавший к славянофилам, известный издатель сборников русских пословиц. На заседании присутствовал также «сторонний цензор» С. Т. Аксаков. Секретарем был адъюнкт И. А. Щедритский. Судьбу «Дмитрия Калинина» решили, таким образом, люди, с которыми Белинскому приходилось сталкиваться ежедневно в университете, а с некоторыми и после исключения из него.

На заседании было заслушано следующее донесение цензора профессора Л. А. Цветаева:

«В Московский Цензурный Комитет

от цензора профессора Льва Цветаева.

По назначению Комитета читал я рукопись под заглавием «Дмитрий Калинин, драматическая повесть», и нашел в ней множество противного религии, нравственности и Российским законам, в ней представлен незаконнорожденной сын одного барина от крепостной женщины; воспитан будучи с законными его детьми, обращаясь с ними всегда, он находил возможность соблазнить сестру свою по отцу, — не зная впрочем, что он сын барина и ей брат; когда друг его, которому он в непозволенной любви своей открывается, упрекает его в оной, он, защищаясь, представляет ее невинною и позволенною, напротив, учрежденные законные браки и обряды называет предрассудками нелепыми. Отец умирает; жена его и сыновья, ненавидевшие его за ласки отца, уничтожают отпускную его; здесь он декламирует против рабства возмутительным образом для существующего в России крепостного состояния и в ярости мщения убивает брата своего по отце — за то, что он в глаза назвал его рабом; потом оправдывает самоубийство, умерщвляет любовницу свою по ее просьбе и, наконец, узнавши, что он побочный сын умершего своего барина и брат убитой им любовницы, изрыгает хулы на бога, ругательства против отца и закалывается.

Правда, друг его опровергает его некоторые заблуждения, но весьма слабо в сравнении с дерзостью его выражений, которые большей частью остаются без опровержений, а потому полагаю запретить печатание сей рукописи на основании § 3 пунктов: 1, 2 и 3, а притом по силе § 45 оставить оную при делах Комитета.

Января 30 дня 1831 года.

Лев Цветаев»[221].

Выслушав отзыв Цветаева и рассмотрев рукопись произведения, Цензурный комитет постановил: пьесу запретить и рукопись ее удержать в делах комитета.

Соответствующая запись в «журнале» гласила:

⟨С л у ш а л и:⟩ «... 3) Донесение г. Цензора Цветаева, в коем прописывает, что по назначению Комитета рассматривал он рукопись, под заглавием Д м и т р и й К а л и н и н драматическая повесть, и нашел, что в ней заключаются многие места, противные религии, нравственности и Российским законам, а потому полагает печатание сей рукописи запретить на основании § 3-го, пунктов 1-го, 2-го и 3-го устава о Цензуре; причем рассматриваема была и сама рукопись.

О п р е д е л е н о: Согласно с донесениями г. Цензора Цветаева и на основании § 45-го устава о Цензуре, сочинение Д м и т р и й К а л и н и н романтическая повесть удержана при делах Комитета, а представившему оное выдать узаконенное свидетельство...»[222]

Разбирательство антикрепостнической пьесы Белинского в Цензурном комитете и те политические обвинения, которые были предъявлены ее содержанию, не сулили ничего хорошего автору.

В соответствии с «высочайше» утвержденным 25 апреля 1828 г. мнением Государственного совета цензоры в своей практике должны были руководствоваться следующим правилом: «когда бы представлены были кем-либо на рассмотрение цензуры книги или художественное произведение, клонящиеся к распространению безбожия или обнаруживающие в сочинителе или художнике нарушителя обязанностей верноподданного, т о о с е м н е м е д л е н н о и з в е щ а т ь в ы с ш е е н а ч а л ь с т в о д л я у ч р е ж д е н и я з а в и н о в н ы м н а д з о р а, и л и ж е п р е д а н и я е г о с у д у п о з а к о н а м»[223]. «Дмитрий Калинин» давал цензорам основание для приведения в действие этой инструкции, поскольку в пьесе были усмотрены «многие места, противные религии, нравственности и Российским законам».

Тем не менее вопрос о Белинском как авторе запрещенной пьесы не был перенесен Цензурным комитетом ни в политическую полицию, ни в судебную инстанцию. Произошло это, вероятно, по следующим причинам. Николай I и без того ненавидел Московский университет. Он называл его, по воспоминаниям Ф. Буслаева, «волчьим гнездом», и, когда ему случалось проезжать мимо него, «долго оставался в дурном расположении духа»[224].

Назначая весной 1830 г. кн. С. М. Голицына попечителем Московского учебного округа, Николай I и его правительство надеялись найти в нем человека, способного положить предел росту общественного возбуждения и свободомыслия в Московском университете. Дело Сунгурова, также связанное с московским студенчеством, весьма встревожившее Николая I, показало, что эти возлагавшиеся на Голицына надежды он не оправдывает. В этих условиях Голицын, более всего дороживший своей служебной карьерой, не был заинтересован в том, чтобы привлекать внимание высших властей к новым политическим «историям» в подведомственном ему Московском университете. Видимо, теми же соображениями руководилась и университетская администрация, когда она решила «сор из избы не выносить». Но в глазах самого университетского начальства Белинский, заявивший себя в своей пьесе резким противником самодержавно-крепостнического строя, был серьезно скомпрометирован в политическом отношении. Не возбуждая перед высшими властями вопроса об «учреждении за виновным надзора», университетская администрация решила сама установить за Белинским особый надзор. Об этом свидетельствуют приводимые в письме Белинского к родным от 17 февраля 1831 г. слова Двигубского, сказавшего, что о нем, Белинском, «ежемесячно будут ему

⟨ректору⟩ подаваться особые донесения...» Спустя несколько месяцев, 24 мая 1831 г., т. е. перед самыми экзаменами, Белинский заявлял родным: «Начальство обо мне забыло и думать», но тут же многозначительно добавлял: «правда при первом же случае оно не умедлит напомнить мне, что знает меня. Но и этого я скоро не буду опасаться: ректор и Щепкин подали в отставку» ⟨подчеркнуто Белинским.— *М. П.*⟩[225]

Надежды Белинского, однако, не оправдались: Двигубский и Щепкин не ушли в отставку, и ему во все время пребывания в университете пришлось ощущать тяжелый гнет особого надзора, как это будет показано ниже.

* * *

Вопрос о политических связях Белинского-студента еще не ставился в литературе. Это объясняется, в первую очередь, малой изученностью биографии Белинского рассматриваемого периода (1829—1832 гг.). Опираясь на скудные свидетельства современников, которые, к тому же, не могли, по цензурным условиям, в своих воспоминаниях, предназначенных для печати, раскрыть все стороны студенческой общественной жизни, основываясь на отрывках из юношеских писем Белинского, биографы изображали первый период его московской жизни, в лучшем случае, эпохой «ученичества» у богатых друзей из среды либерального дворянства, типа Станкевича, увлекавшихся чисто умозрительными, оторванными от действительности идеями. Буржуазно-либеральное литературоведение не раскрыло и не могло раскрыть всего многообразия связей Белинского с жизнью и оторвало его политические убеждения от философских, тогда как на самом деле характернейшая черта первого периода московской жизни Белинского — преимущественный интерес к общественно-политическим вопросам. «Дмитрий Калинин» и сам по себе свидетельствует о таком именно направлении в идейном развитии молодого Белинского.

Обращение к архивным материалам, еще не привлекавшимся к изучению, позволяет, хотя бы частично, осветить следующие вопросы биографии молодого Белинского: 1) каковы были его политические связи в университетский период и 2) каково было его отношение к польскому восстанию 1830—1831 гг., игравшему роль своеобразного «катализатора» революционных настроений среди передовых русских людей.

Материалы, о которых идет речь, извлечены нами из «дела № 183» I экспедиции III Отделения, 1833 г., под названием: «О песне возмутительного содержания, найденной в доме Чаусовского городничего Силина, и известной оной гимназисту Гирш Браму, помещику Пржесицкому и другим». Содержание этого обширного дела, занимающего 266 лл., образуют, в основном, документы, связанные с казеннокоштным студентом Московского университета Ф. Заблоцким и участниками «тайного польского литературного общества» — И. Савиничем, К. Коссовичем, Л. Макса и А. Белецким. Дополнением к «делу № 183» являются материалы за 1833 г. из секретного фонда канцелярии московского военного генерал-губернатора (дела №№ 53, 65 и 69), представляющие для нашей темы особенный интерес, поскольку они относятся непосредственно к Белинскому. В нашем изложении использованы, кроме того, дела архива Московского университета, комментирующие документы следствия над Заблоцким.

* * *

В июне 1833 г. в Витебске началось следствие по политическому делу «О песне возмутительного содержания, найденной в доме Чаусовского городничего Силина...» В донесении шефу жандармов и начальнику

К. А. КОССОВИЧ
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг.
Третьяковская галлерея, Москва

III Отделения графу А. Х. Бенкендорфу от 27 июня 1833 г. генерал-губернатор Смоленской, Витебской и Могилевской губерний, князь Н. Н. Хованский сообщал, что найденная песня — «самое возмутительное воззвание поляков против государя-императора и России». Расследование установило, что текст песни известен воспитаннику Витебской гимназии Гирш Браму, учителю Шепелевичу и дворянину Михаловскому. Привлеченный к допросу Михаловский показал, что он получил список песни «от студента Московского университета Ф. Заблоцкого».

Так, в поле зрения сначала провинциальной администрации, а затем и высшей политической полиции империи попал казеннокоштный студент второго курса словесного отделения Московского университета Ф. Заблоцкий. Следствие началось в тревожное для польских подданных российского императора время.

Обвинение было серьезно. Заблоцкий уличался в распространении повстанческо-революционной песни, призывавшей к борьбе с царизмом. О содержании песни дает представление ее заключительное четверостишие [226]:

Piekłem dla nas carów tron,
Na nim dzisiaj siedzi czart,
Szubienicy ledwie wart.
Zemsta, bracie, albo zgon! *

---

* *Перевод*:

Адом для нас является царский трон,
На нем нынче восседает чорт,
Едва ли не заслуживающий виселицы.
Месть, братья, либо смерть!

Производство следствия генерал-губернатор Н. Н. Хованский поручил специально учрежденной им 27 июня 1833 г. Комиссии «для открытия возмутительных сочинений и возмутителей» под председательством витебского гражданского губернатора Шредера. Кроме него, в комиссию входили главные губернские чиновники, директор витебских училищ и адъютант генерал-губернатора[227].

Еще до учреждения следственной комиссии, а именно 19 июня 1833 г., кн. Н. Н. Хованский отправил московскому военному генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну секретное отношение, содержавшее указание на необходимость произвести арест Ф. Заблоцкого и осмотреть его бумаги. Резолюция Д. В. Голицына от 29 июня гласила: «Сие исполнить вместе гг. оберполицеймейстеру и кн. Голицыну ⟨полковнику, адъютанту губернатора⟩. Вечером с бумагами ко мне доставить». В тот же день Заблоцкий и его бумаги были «взяты из университета»[228]. Арест произошел в казеннокоштных номерах и, разумеется, не остался тайной для студентов и породил разговоры не только в стенах университета, но и в более широких кругах московского общества. В деле 1839 г. секретной части Канцелярии московского военного генерал-губернатора «Об учреждении по высочайшему повелению за Мазуром, Коллантаем и Заблоцким секретного надзора» (№ 65) хранится расписка Павла Парфеновича Заблоцкого-Десятовского (известного врача и брата государственного деятеля и писателя А. П. Заблоцкого-Десятовского), что он не является родственником студента Ф. Заблоцкого и не знает «никого из прикосновенных» к нему. «Но,— добавляет автор расписки,— по слухам известно мне, что около времени польской кампании, был взят полициею в университете Фадей Заблоцкий и исключен из университета»[229].

Таким образом, арест 1833 г. в университете не изгладился из памяти московского общества и через шесть лет. А еще позже, в середине 1850-х годов, об этом же событии вспомнил Герцен и занес его на страницы «Былого и дум», хотя и без имени Заблоцкого и с некоторыми неточностями: «Сеть шпионства, обведенная около университета с начала царствования, стала затягиваться. В 1832 году п р о п а л поляк, студент нашего отделения. Присланный на казенный счет, не по своей воле, он был помещен в наш курс; мы познакомились с ним; он вел себя скромно и печально; никогда мы не слыхали от него ни одного резкого слова; но никогда не слыхали и ни одного слабого. Одним утром его не было на лекциях, на другой день тоже нет. Мы стали спрашивать; казеннокоштные студенты сказали нам по секрету, что за ним приходили ночью, что его позвали в правление, потом являлись какие-то люди за его бумагами и пожитками и не велели об этом говорить. Так и кончилось, м ы н и к о г д а н е с л ы х а л и н и ч е г о о с у д ь б е э т о г о н е с ч а с т н о г о м о л о д о г о ч е л о в е к а»[230].

Рассказ Герцена, несомненно, имеет в виду историю Заблоцкого. Герцен ошибся только в датировке событий и в обозначении отделения, на котором учился Заблоцкий. Характерно, что приведенная выше расписка П. П. Заблоцкого-Десятовского также относит арест Заблоцкого ко времени польских событий 1831—1832 гг.

Какова же была судьба «этого несчастного молодого человека», вызвавшего сочувствие Герцена?

4 июля Заблоцкий был допрошен в Москве. Он признал, что вместе с Зеноном Михаловским принимал «участие в судьбе Польши и находился в связи с различными лицами», в том числе и «неблагомыслящими против России». Особое внимание властей привлекло его знакомство с военнопленными польскими офицерами, возвращенными из Сибири и находившимися проездом в Москве. «...Поляки ему сказывали, — доносил оберполицеймейстер,— что у них в Сибири были все запрещенные журналы

и газеты, что особенно им благодетельствовал Александр Муравьев и что в Сибири дух очень хорош и все готовы к восстанию против правительства»[231].

13 июля 1833 г. Д. В. Голицын распорядился отправить Заблоцкого в Витебск и в тот же день сообщил об этом Бенкендорфу и другим заинтересованным официальным лицам. 14 июля Заблоцкий был увезен «надежным жандармским офицером» и доставлен в Витебск 19 июля [232]. Там продолжением следствия по делу Заблоцкого занялась упомянутая выше «комиссия» под председательством Шредера. В рапорте на имя Н. Н. Хованского от 24 июля 1833 г. за № 42 Комиссия, излагая показания Заблоцкого, сообщала, в частности, о знакомстве его по приезде в Москву в 1831 г. с казеннокоштными студентами университета: Михайлою Чистяковым, Иваном Савиничем и Виссарионом Белинским. Таким образом, уже в первом показании Заблоцкий назвал в числе своих знакомых главных членов «Литературного общества 11 нумера». Соответствующее место показаний Заблоцкого изложено в рапорте следующим образом: «по прибытии его ⟨Заблоцкого⟩ в Москву сделал знакомство с казенными студентами Московского университета Михайлою Чистяковым, Иваном Савиничем и Виссарионом Белинским, а через сего последнего с повивальною бабкою Бордеглио, у которой бывал вместе с кандидатами университета Гомалицким и Зенкевичем, видел там ⟨у Бордеглио⟩ иногда поляков, бывших удаленными за возмущение ⟨и⟩ возвращающихся на свою родину...»

У Бордеглио,— показывал далее Заблоцкий,— ему доводилось слышать рассказы очевидцев о польском восстании 1830—1831 гг. и о «сражениях, бывших противу российских войск»; здесь обсуждались судьбы Польши в связи с политическими событиями во Франции, говорилось также и о настроениях русского народа. Заблоцкий запомнил, в частности, слова возвращавшихся из ссылки поляков о том, что жители Сибири имеют хороший «дух», то есть, что они «при удобном случае готовы к возмущению»[233].

Отсылая 31 июля рапорт Комиссии в Москву, Хованский обратился к Д. В. Голицыну с просьбой произвести полицейский розыск о названных Заблоцким его московских знакомых. На копии рапорта Д. В. Голицын написал: «Справиться через Голохвастова, находятся ли еще в Москве здесь упомянутые студенты и кандидаты, и какого поведения. Буде они жительствуют в университете, рассмотреть их сундуки, дабы открыть непозволительные бумаги»[234]. Но в университете в 1833 г. уже не было ни Белинского, ни Чистякова, у которых должен был быть в первую очередь произведен обыск. Оставался Савинич, который, как увидим, действительно был подвергнут обыску, хотя и не полицейскому, но он имел возможность в течение месяца после ареста Заблоцкого уничтожить свои бумаги.

Между тем, Комиссия в рапорте Хованскому от 29 июля 1833 г. за № 56 сообщила о новых показаниях Заблоцкого. Из них выяснилось, что Савинич познакомил Заблоцкого с Шанявским, Ежовским, Звержановским и другими поляками, находящимися в Москве. Но наиболее важным результатом допроса Заблоцкого от 29 июля 1833 г. было открытие существования в Москве «Тайного польского литературного общества», основанного Савиничем.

Дело приобретало все более серьезный характер. Только что, в феврале 1833 г., был утвержден Николаем I окончательный приговор по делу «тайного общества Сунгурова», как через несколько месяцев было открыто существование нового «тайного общества». 23 августа 1833 г. Д. В. Голицын получил отношение Хованского за № 235 и копию рапорта Комиссии от 29 июля за № 56. В своем отношении Хованский указывал

на серьезность вновь обнаруженных обстоятельств и просил произвести розыски в отношении московских друзей Заблоцкого. Интерес Хованского к расследованию московских связей Заблоцкого был понятен. Но тем удивительнее отношение московского военного генерал-губернатора к этому политическому следствию. Как только стало ясным, что следствие расширяет круг привлеченных к делу лиц, вовлекая московских студентов, Голицын «потерял» к нему интерес. На упомянутом выше отношении Хованского за № 235 он написал: «М⟨осква⟩ 23 авгу⟨ста⟩ 1833. В сем новом показании ⟨Заблоцкого⟩ я ничего не вижу — это пустословие и что поляки, когда они между собою поговорят о России не похвально, то проследить и запретить трудно»[235].

2 сентября 1833 г. Голицын направляет Хованскому отношение за № 397, в котором почти открыто говорит об отсутствии серьезных фактов и оснований для преследования Заблоцкого. «Рассмотрев присланные ко мне при отзыве Вашего сиятельства от 31 июля за № 221 и сего августа за № 235 донесение Комиссии, учрежденной в Витебске для открытия возмутительных сочинений и возмутителей, я нахожу в них изложение показанных студентом Заблоцким разговоров, происходящих между разными лицами. Хотя мнения людей сих о России вольны и неблаговидны, но не открыто еще в них таких замыслов, которые надлежало бы предупредить строгими мерами, и притом действуя по рассказам совершенно неясным и неопределенным, особенно тогда, когда некоторые из поименованных Заблоцким лиц в Москве уже не находятся...»

Д. В. Голицын заканчивал свой ответ категорическим отказом от продолжения следствия в Москве[236]. Тем не менее, отправив 2 сентября свое отношение, он через два дня, 4 сентября, затребовал от попечителя Московского учебного округа С. М. Голицына сведений о всех лицах, причастных к производимому следствию[237]. В ответном отношении, датированном 11 сентября, С. М. Голицын сообщил отзыв о студентах, упомянутых в запросе губернатора (ниже мы публикуем текст документа полностью).

13 октября Хованский и витебская комиссия вновь обратились к Д. В. Голицыну с просьбой доставить сведения о Савиниче и прочих лицах. Ответ Д. В. Голицына, известный нам по черновому «отпуску», содержал на этот раз совершенно недвусмысленный отказ в дальнейшей помощи следственной комиссии в Витебске. Д. В. Голицын писал Н. Н. Хованскому:

Секретно

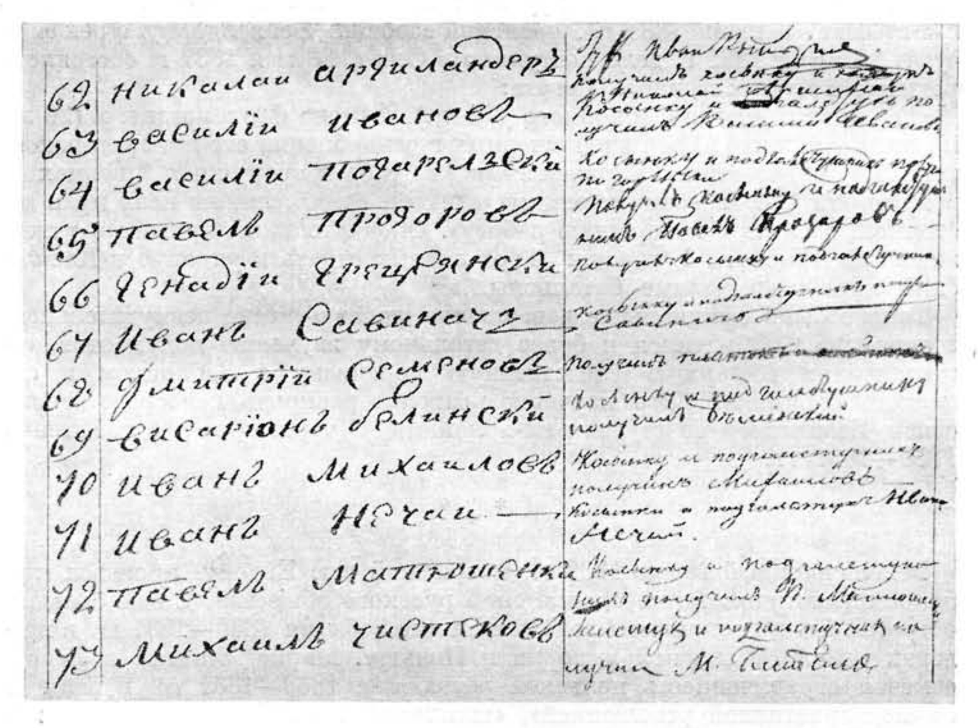
Милостивый государь князь Ник⟨олай⟩ Ник⟨олаевич⟩. Вследствие отношения Вашего сиятельства от 13 сего октября № 345-й честь имею препроводить при сем список с отзыва ко мне попечителя московского университета о студентах [Савиниче, как равно и других], прикосновенных к следствию Витебской комиссии. Из коего Ваше с⟨иятельст⟩во усмотреть изволите [усмотреть, что Савинич был уже осматриван инспектором, но ничего предосудительного у него не оказалось. Следовательно] как о поведении сих студентов, так равно и об образе их мыслей. Причем имею честь Вас, милостивый государь, уведомить, что таковые сведения, как сообщенные важнейшим над сими лицами начальником, по мнению моему должны быть достаточны к удовлетворению требований следственной комиссии и повторение ⟨требования⟩ собирать вновь таковые будет излишним.

С совершенным почтением ⟨...⟩

№ 472
Октября 22 дня
1833[238].

Как видим, Д. В. Голицын счел нужным энергично подчеркнуть, что сведений, доставленных попечителем, достаточно для следствия и что собирать их вновь излишний труд. Тем самым он лишал витебскую следственную комиссию возможности сколько-нибудь полно расследовать все «корни и нити» «тайного польского литературного общества» Савинича, да и многие другие связи Заблоцкого, в том числе и отношения с Белинским. Хованский вынужден был ответить (8 ноября 1833 г.), что Комиссия согласна прекратить дело о московских студентах [239].

С этой минуты ход следствия упростился, и расследование касалось только Заблоцкого и его витебских друзей. Все следствие было проведено

62	Никалаи	Арциландеръ
63	Василiи	Ивановъ
64	Василiи	Почарелзскiи
65	Павелъ	Прозоровъ
66	Геннадiи	Грецянскiи
67	Иванъ	Савиничъ
68	Дмитрiи	Смирновъ
69	Висарiонъ	Бѣлинскiи
70	Иванъ	Михаиловъ
71	Иванъ	Нечаи
72	Павелъ	Матюшенко
73	Михаилъ	Чистяковъ

РАСПИСКА БЕЛИНСКОГО И ДРУГИХ СТУДЕНТОВ «11 НУМЕРА» В ПОЛУЧЕНИИ КАЗЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ, 1830 г.

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

и закончено в кратчайший срок, заочно, только на основании донесений университетских властей, без уточнения и проверки, без привлечения к допросам Белинского, Чистякова, Бордеглио и других причастных к следствию лиц. Голицын вполне удовлетворился отпиской, что ряд студентов выбыл из университета, и никаких мер к розыску их не предпринял.

Позиция Д. В. Голицына объясняется, нужно думать, не тем, что он действительно убедился в необоснованности обвинений. Повидимому, она была вызвана (как и у его однофамильца С. М. Голицына, в случае с цензурным рассмотрением «Дмитрия Калинина») желанием скрыть от Николая I, и без того раздраженного на Москву и ее университет, новое политическое дело, к тому же раскрытое не московскими властями, а витебским генерал-губернатором.

27 ноября 1833 г. в рапорте под № 157 витебская комиссия известила Хованского об окончании порученного ей следствия. 24 декабря 1833 г. Хованский отправил Бенкендорфу свое заключительное донесение по

делу и обширную записку Комиссии. Хованский запрашивал, в частности, о «высочайших» указаниях в отношении дальнейшей судьбы лиц, привлеченных к дознанию. 14 января 1834 г. Бенкендорф сообщил министру юстиции Дашкову повеление царя доложить соображения о мерах наказания виновных. 26 февраля Дашков представил эти соображения. Наконец, 20 мая 1834 г. состоялся «всеподданнейший доклад» Бенкендорфа «о лицах, прикосновенных к делу о возмутительных сочинениях»[240]. Затем дело было передано Санкт-Петербургскому комитету, учрежденному для рассмотрения дел западных губерний. 4 октября 1834 г. последовало решение этого комитета об отдаче под суд Заблоцкого, Михаловского, Верниковского и некоторых других причастных лиц. Суд происходил в Витебске. 6 июня 1835 г. Хованский сообщил Бенкендорфу о решении суда. 22 июня 1835 г. дело поступило в Сенат. 28 мая 1837 г. состоялось решение государственного Совета:

«1) Дворян: Фадея Заблоцкого (24 л.), Зенона Михаловского (26 л.) и Егора Смолича (20 л.), изобличенных в оскорблении его императорского величества дерзкими выражениями в собственноручных письмах и в хранении у себя возмутительных стихотворений, лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу». Окончательный приговор, утвержденный Николаем I, гласил: «Трех первых отдать в рядовые в Кавказский корпус, в разные батальоны...»[241]

Таково было официальное завершение «дела» о «песне возмутительного содержания». Обратимся к более детальному изучению документов, составляющих обширную следственную переписку о Заблоцком и его единомышленниках. Это изучение позволит раскрыть непосредственные связи Белинского со студентами-поляками, а через них и с событиями 1830—1831 гг.

* * *

Революционный взрыв 1830 г., потрясший всю Европу, произвел глубокое впечатление на передовые слои русского общества. С еще большей остротой были восприняты революционные события 1830—1831 гг. в пределах самой Российской империи и Польши. Маркс, Энгельс и Ленин, отмечая ограниченность польской революции 1830—1831 гг. и называя ее «консервативной революцией», «шляхетским освободительным движением», вместе с тем неоднократно признавали большое историческое значение польского восстания для пробуждения и укрепления демократически-оппозиционных сил в России и особенно в западных славянских странах, томившихся под чужеземным феодальным игом.

«...Клич: „Да здравствует Польша!“, — писал К. Маркс, — означает сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии...»[242]

«Известно,— писал Ленин,— что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи „крестьянской реформы“ в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных массовых демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»[243].

В результате ленинской оценки становятся ясны роль и значение польского восстания в процессе формирования политической идеологии Белинского, Герцена и их современников. Первое же печатное известие о восстании, появившееся 28 ноября 1830 г. в официальных газетах, произвело ошеломляющее впечатление на общество. Значительность и важность происшедших событий признавались, хотя и с различных позиций, как реакционными, так и прогрессивными кругами русского общества. Николай I и Бенкендорф недаром видели в польском восстании прежде всего выступление против самодержавия. Бенкендорф говорил Ф. Вылежинскому, что это попытка «уничтожить монархический принцип» и «война негодяев против честных людей: всякие оборванцы, завидующие богатым, желают сесть на их место»[244].

С другой стороны, декабристы, томившиеся в крепостных казематах Сибири, справедливо отмечали, когда до них дошли вести о событиях в Польше, что восстание направлено не против русского народа, а против русского царя.

Декабрист М. С. Лунин указывал, что «варшавские высшие общества, увлекая массы, неспособные рассуждать, восстали не против народа ⟨русского⟩, но против русского правительства»[245]. Сами повстанцы обращались к русским солдатам и русскому народу с листовками, в которых писали, что «вооружаются не против России, которая происходит от одного племени ⟨...⟩, но против строгого угнетения, которое ⟨...⟩ наравне к вам и нам относится»[246].

Представители передовых демократических кружков московского студенчества отнеслись к известиям о польском восстании с юношеским восторгом и энтузиазмом. В их восприятии польские повстанцы выступали в одном ряду с декабристами. О повышенном интересе московских студентов к польской революции подробно рассказал Герцен[247]. Я. Костенецкий вспоминал: «студенты ⟨...⟩ руководясь то состраданием к угнетенным, то внушениями товарищей поляков и немцев, считали войну эту ⟨Николая I с Польшей⟩ несправедливою, варварскою и жестокою: в поляках видели страдальцев за родину, а в правительстве нашем — жестоких тиранов, деспотов» [248].

Польские события внушили чрезвычайную тревогу университетской администрации. Когда Погодин предложил чтение курса истории Польши, это вызвало, по рассказу Костенецкого, восторг студенчества и резкое недовольство властей. Погодин записал в дневнике 31 марта 1831 г.: «Писал статью о Польше ⟨...⟩ Снегирев называет меня революционером и говорит, что студенты почитают меня Лелевелем, и это написано в коридорах...» [249]

Конечно, вскоре после выхода статьи Погодина о Польше для студентов стала ясной охранительная позиция профессора, но в разгар событий они восприняли его намерение прочесть курс истории Польши как смелый и дерзкий шаг. Герцен писал неизвестному польскому публицисту о глубоком волнении, охватившем московское студенчество, и вспоминал о тесном общении с поляками-студентами: «Представьте себе то чувство, с которым иногда в аудитории Московского университета мы слушали рассказы ваших соотечественников и видели затаенный упрек, а иногда хуже — снисходительное сожаление, и мы молчали, как дети какого-нибудь злодея, стыдясь имени своего отца» [250].

Н. Сазонов, учившийся в одно время с Белинским, в письме к участнику революции 1830—1831 гг., Кристину Островскому, также выражал свое искреннее сочувствие польскому революционно-освободительному движению: «Я помню, что в 1830 г. ваши знамена имели девиз: za waszą i naszą wolnošč,* я помню, что в том же году, едва выйдя из детского

* За вашу и нашу свободу.

возраста, я хотел научиться говорить по-польски, чтобы знать язык этого героического народа, энергичные сыны которого открывали нам будущее, призывая революцию, столь же необходимую для рабской России, сколько и для порабощенной Польши»[251].

Приведенные высказывания современников свидетельствуют о глубоком следе, оставленном польским восстанием в сознании демократически настроенных студентов Московского университета. Особенно нужно отметить указания Костенецкого, Сазонова и Герцена на то, что известия о восстании доходили до них не только из официальных источников, но в первую очередь от студентов-поляков. Нет сомнений, что современник этих событий, Белинский, переживал их не менее остро и ярко, чем его товарищи. Знаменательно, что кровавую историю подавления восстания он хорошо помнил много лет спустя. При этом он вспоминал не официальную историю польской революции, а р а с с к а з ы о ч е в и д ц е в. 10—11 декабря 1840 г. он писал Боткину: «Более всего печалит меня теперь выходка против Мицкевича, в гадкой статье о Менцеле: как! отнимать у великого поэта священное право оплакивать падение того, что дороже ему всего в мире и в вечности — его родины, его отечества, и проклинать палачей, и каких же палачей?» И далее, рассказав о жестокостях усмирения восстания, с горечью восклицал: «Это факты европейской войны нашей с Польшею, факты, о которых я слышал от очевидцев» («Письма», II, 185—186). Таким образом, десятимесячная эпопея восстания польских патриотов против николаевского самодержавия оставила глубокий след в душе Белинского.

Изучение следственных показаний Ф. Заблоцкого и других относящихся к его делу материалов позволяет не просто расширить существующее представление о студенческом окружении Белинского, но вскрыть его связи с группой революционно-настроенных польских студентов Московского университета. Материалы «дела № 183», в первую очередь, устанавливают факт дружеского общения Белинского с самим Заблоцким. Об этом знакомом Белинского мы до сих пор ничего не знали.

Фаддей (или Тадеуш-Лада) Заблоцкий был незаурядным человеком, выделявшимся серьезностью своих духовных запросов. Он обладал, к тому же, поэтическим талантом.

Заблоцкий родился в 1813 г., в семье обедневших шляхтичей. По окончании Витебской гимназии он был отправлен в Московский университет. О его принятии (как поляку ему нужно было получить разрешение министра просвещения) хлопотал сам попечитель Белорусского учебного округа Г. И. Карташевский, родственник Аксаковых. Этот факт, так же как и дружественная связь с лучшими учителями Витебской гимназии, свидетельствует о том, что Заблоцкий заметно выделялся уже в школе. Г. И. Карташевский просил разрешения послать его учиться на счет Белорусского учебного округа, указывая, что по окончании университета Заблоцкий прослужит шесть лет в Белоруссии. Разрешение было дано, и попечитель Московского учебного округа кн. С. М. Голицын предложил ректору Двигубскому принять его на казенный кошт Витебской гимназии. В студенческом общежитии университета Фаддей Заблоцкий поселился 20 октября 1831 г. Через несколько дней, а именно 26 октября, он был зачислен на первый курс словесного отделения казеннокоштным студентом[252]. В это время и состоялось, несомненно, знакомство Заблоцкого с Белинским и другими членами «Литературного общества 11 нумера». В 1831/32 учебном году Белинский посещал одновременно с Заблоцким первогодичные лекции Победоносцева[253], занятия по латинскому языку Кубарева[254] и др.

Напомним, что в своем первом показании, данном 4 июля 1833 г., Заблоцкий назвал из многочисленного круга московских знакомых в первую

1 экспедиции № 183

АРХИВЪ

III

III-го ОТДѢЛЕНІЯ

СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ

1833 ГОДА.

ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ: «О ПЕСНЕ ВОЗМУТИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ . . .» И ЛИСТ ТОГО ЖЕ ДЕЛА С УПОМИНАНИЕМ О БЕЛИНСКОМ В ПОКАЗАНИЯХ ТАДЕУША-ЛАДА ЗАБЛОЦКОГО, 1833 г.

Центральный исторический архив, Москва

очередь Чистякова, Савинича и Белинского, т. е. главных членов «Литературного общества 11 нумера». Показание Заблоцкого документально подтверждает мемуарное свидетельство Прозорова о том, что участие в литературно-общественных интересах обитателей «11 нумера» принимали «и некоторые студенты из других нумеров, находившиеся с нашим обществом в сношениях» [255].

Вероятно, при посредстве членов кружка Белинского Заблоцкий скоро установил связь с более широкими передовыми кругами студенчества и московского общества. В своих показаниях он свидетельствовал, что общение с демократически-разночинной средой студенчества ускорило рост его оппозиционных и антиправительственных настроений. В бумагах Заблоцкого, взятых при его аресте жандармами, находился альбом с запрещенными антиправительственными стихотворениями. Были обнаружены и сочинения, непосредственно относящиеся к восстанию 1830—1831 гг. Как доносил Д. В. Голицыну исполняющий должность московского обер-полицеймейстера Муханов, в числе этих последних находилась тетрадь со списками «речей возмутительных, говоренных в Париже Лелевелем, Платером, Лафайетом и другими по случаю годовщины польской революции». Как уточнено в донесении витебской комиссии, тетрадь заключала речи, произнесенные в Париже 29 ноября 1831 г. [256] Напомним, что выступления И. Лелевеля — главы демократической партии в польском освободительном движении — имели революционный характер. «...в недрах этой консервативной революции ⟨...⟩ нашелся человек,— говорил Энгельс о Лелевеле,— который резко нападал на узость взглядов господствующего класса» [257]. Небезинтересно указать, что идейный соратник и товарищ Заблоцкого, витебский дворянин Зенон Михаловский, в своем показании следственной комиссии говорил, что антиправительственные взгляды сложились у него под влиянием «Всеобщей истории» Лелевеля [258]. «Речи» Лелевеля, Лафайета и других Заблоцкий не только читал сам, но и давал читать другим студентам, в том числе К. Коссовичу [259].

Значительный интерес для нашей темы представляет показание Заблоцкого на первом допросе о том, что именно Белинский ввел его в один из центров оппозиционной польской общественности в Москве — в дом акушерки Бордеглио. Однако в дальнейших своих показаниях, при последующих допросах, Заблоцкий уже называл в данной связи имя Савинича, а не Белинского и добавлял, что Савинич «после этого прервал с нею всякие сношения и рассорился».

Мы не располагаем никакими документальными материалами для того, чтобы разъяснить причину этого противоречия в следственных показаниях Заблоцкого. Была ли допущена вольная или невольная ошибка в первом показании или замена имени Белинского именем Савинича при последующих допросах явилась следствием того, что Заблоцкий стал более осмотрительным в своих ответах, а так как Савинич все равно был вовлечен в дело взятыми бумагами, то на него можно было переложить и ответственность за знакомство с Бордеглио? На эти вопросы имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают ответа. Это обстоятельство ограничивает, разумеется, возможность ответственных выводов из показания Заблоцкого о том, что в дом Бордеглио он был введен Белинским. Но поскольку такое показание существует, хотя и не поддается пока проверке, следует выяснить, что же за общество собиралось в доме Бордеглио.

Заблоцкий показывал, что в этом доме он бывал вместе с кандидатами Московского университета Гомалицким и Зенкевичем и встречался там с военнопленными польскими повстанцами—Краушом, Льоренсом, Пораскою, Фишером и офицерами-поляками расквартированной в Москве пехотной дивизии — Скульским и Дворжецким [260]. В секретной части Канцелярии

московского генерал-губернатора сохранилось следующее донесение секретного агента о Бордеглио и посетителях ее дома в 1831—1832 гг. «29 ноября 1832 г. № 316. Повивальная бабка из полячек Франциска Иванова Бордеглио приехала в Москву в самом бедном состоянии и, не имея особенной выгоды по званию акушерки, вдруг приобрела себе значительный капитал (заметно вскоре после польского возмущения), купила дом в Садовой улице у г⟨оспож⟩и Плоховой, в котором живет в любовной связи с отставным майором Гавилием, к ней съезжаются по вечерам все живущие в Москве поляки, особенно офицеры, посредством которых ⟨она⟩ щедро награждает и проходящих пленных своих соотечественников» [261].

Беседы в доме Бордеглио, несомненно, выходили за рамки обсуждения собственно польских революционных событий. Напомним показание Заблоцкого о том, что именно здесь он услышал от возвращающихся из ссылки поляков о «хорошем духе» жителей Сибири и разъяснил, по требованию следственной комиссии, что эти слова «относились к тому, что жители Сибири при удобном случае готовы к возмущению» [262]. Отметим в этой связи, что и участники общества Сунгурова возлагали надежды на возможность революционного восстания именно в Сибири. Не исключено, что эти надежды сунгуровцев восходили, как к своему источнику, к той же информации возвращавшихся из сибирской ссылки поляков.

Следственные показания Заблоцкого документально устанавливают наличие связей Белинского со студентами-поляками. Эти показания вводят, прежде всего, в ближайшее окружение молодого Белинского самого Заблоцкого. Необходимо дополнить сведения о нем, сообщенные выше, чтобы общий облик этого не известного ранее товарища студенческих лет Белинского стал яснее [263].

Заблоцкий с юных лет отличался горячей любовью к литературе и был одаренным польским поэтом. Сосланный в 1837 г. Николаем I в рядовые на Кавказ, Заблоцкий и там, в суровых условиях солдатской службы, участвуя в боевых походах, сумел продолжить свои занятия литературой и поэтическое творчество. В эту пору он печатал свои стихотворения в «Atheneum» Крашевского, в «Литературной хронике» («Rocznik literacki») Подберезского (1844 г.) и в других польских журналах. В 1845 г. Подберезский, издатель польской газеты в Петербурге, выпустил книгу стихов Заблоцкого («Poezje T. Ł. Zabłockiego, wydaw Podbereski»).

Около 1846—1847 гг. Заблоцкий был освобожден из армии и стал управляющим Кульпинскими соляными промыслами в Грузии. Вероятно, именно в это время он работал над своими сочинениями, оставшимися в рукописях: «Опыты поэтические», «Материалы к истории славянской цивилизации и литературы» и «Взгляд на историю грузинской литературы» [264]. Таким образом, круг интересов Заблоцкого был обширен и разнообразен. Умер он во время холеры в Кульпах в первой половине августа 1847 г. [265]

Несмотря на суровую жизненную судьбу и раннюю смерть, Заблоцкий сумел занять заметное место в польской поэзии. По словам Юлиана Бартошевича, «между молодежью польскою, живущею на Кавказе, выросло определенное литературное движение. В особенности процветала поэзия, а среди молодежи кратковременно выделился Тадеуш-Лада Заблоцкий, родом из Белоруссии» [266]. Собещанский писал в польской «Всеобщей энциклопедии», что Заблоцкий «отличался поэтическим талантом, выделяясь среди поэтов, так называемой, „белорусской школы". Замечательные его стихи исполнены страсти и воображения» [267]. Даже в скупой заметке о смерти Заблоцкого в газете «Кавказ» отмечено, что он обладал «замечательным поэтическим талантом» [268]. Книга стихов Заблоцкого подтверждает эти отзывы. В ней помещено 74 оригинальных стихотворения и 21 переведенное с английского, немецкого, грузинского и других языков.

Особенно интересны для нашей темы стихотворения первого студенческого периода (1831—1833 гг.). Они показывают, что в формировании Заблоцкого как поэта большое значение имели традиции русского революционного романтизма, близкие и членам «Литературного общества 11 нумера». Особо следует отметить характерные для юношеской лирики Заблоцкого мотивы богоборчества. Так, в стихотворении «К богу», написанном уже в витебской тюрьме, Заблоцкий со своей «невольничьей постели» обращается к богу со следующими знаменательными словами, напоминающими размышления Дмитрия Калинина:

О я, что ежеминутно возрождаюсь и погибаю,
Я жаждал тебя увидеть земными очами,
И, поняв пустых софизмов сферы,
В бешенстве я восклицал: нет тебя, боже![269]

Ознакомление с поэтической деятельностью Заблоцкого периода его пребывания в Московском университете позволяет констатировать общность литературных и общественно-политических интересов между ним и Белинским, что и послужило поводом для их сближения. Оно произошло, повидимому, при посредстве участника «Литературного общества 11 нумера» — Савинича, другого студента-поляка, чье место и роль в биографии Белинского университетского периода устанавливаются с большей определенностью.

Иван (Ян) Савинич был ровесником Белинского [270]. Происходил он из духовного звания. Отец его, Симон Савинич, родом из мелких шляхтичей, служил вначале прелатом униатской церкви в Петербурге, где прошли детские годы Ивана Савинича [271]. Впоследствии отец его перешел на должность преподавателя Полоцкой греко-униатской семинарии. 17 августа 1819 г. Савинич был отдан в эту семинарию и пробыл в ней до 13 сентября 1828 г. 14 августа 1829 г. он подал прошение о принятии его на словесное отделение Московского университета и 26 августа экзаменовался и был признан «способным к слушанию профессорских лекций» [272].

Подобно Белинскому, Савинич не отличался блестящими академическими успехами в первый год своего пребывания в университете [273]. Но уже в то время он выступает сотрудником различных московских журналов. Он печатается в тех же изданиях, что и Белинский: в «Листке», «Молве» и «Телескопе». Здесь он помещает заметки о польской литературе и переводы с польского [274]. Собещанский, со слов самого Савинича, сообщает, что последний «много сотрудничал в журналах русских, в которых поместил, кроме беллетристических статей, „Письма“ профессора Ю. Ковалевского („Телескоп“ и „Молва“, 1832—1833), „Обычаи сербов“ („Телескоп“, 1832), „Обзор трудов Мацеевского“ („Журнал министерства народного просвещения“, 1834), „Дневник Сапеги“ („Сын отечества“)»[275]. Для литературных и политических интересов Савинича характерны также переводы им трудов Лелевеля и Мацеевского, которые остались в рукописи [276]. Не исключена возможность, что Савиничу принадлежит заметка в «Галатее» о переводах Мицкевича, в период редактирования этого журнала П. И. Артемовым [277].

В студенческие годы Савинич много работает над популяризацией польского языка и литературы. В 1833 г. он издает в Петербурге «Польскую грамматику» для русских [278]. В предисловии к своему труду Савинич писал: «Не нужно доказывать пользы и необходимости взаимного сближения русской литературы с польскою: довольно указать на сродство обоих языков, взаимно объясняющих друг друга, и на важность польской литературы, богатой произведениями собственно изящными и отличными сочинениями по части наук. Необходимость этого сближения особенно

проявилась в наше время, что видно из усилий многих русских литераторов знакомить русскую публику с произведениями польской словесности и из общего явственно обнаруживающегося стремления изучать оную». «Я решился,— продолжает автор,— вследствие современных требований и всеобщей наклонности составить польскую грамматику, надеясь этим облегчить труд учащихся» [279]. Это предисловие весьма показательно для направления литературных занятий Савинича, которые он энергично и с увлечением посвящал практической разработке воодушевлявшей его идеи. Примечательно, что предисловие к «Польской грамматике» Савинича писалось в период самого близкого общения автора с членами «Литературного общества 11 нумера», почти одновременно с предисловием Чистякова к теории искусства Бахмана. Возможно даже, что издание грамматики Савинича было осуществлено при некотором содействии членов литературного кружка Белинского. Основанием для такого предположения служат следующие факты. В предисловии к «грамматике» Савинич извещал читателей о предстоящем завершении им своего нового труда — «Карманного польско-русского словаря», с напечатанием которого он обещал не замедлить, если у него найдутся для этого средства [280]. Этот словарь не вышел в свет. В начале июля 1834 г., в не дошедшем до нас письме к Петрову, Белинский просил его вернуть Савиничу рукопись словаря. 12 июля ⟨1834 г.⟩ Петров отвечал Белинскому: «Словарь Савинича не пришлю до случая — дорогà пересылка, а я стал рассчетлив». По мнению комментаторов, речь идет о грамматике Савинича [281], между тем, грамматика вышла из печати в 1833 г., в ней нет никакого словаря, и назвать ее «словарем» Петров, сам лингвист, разумеется, не мог. Речь шла бесспорно о рукописи словаря Савинича, которая была послана либо с Петровым, либо к Петрову в Петербург и, вероятно, именно для устройства ее напечатания в одной из петербургских типографий. Это предположение можно распространить и на историю издания грамматики. Она вышла в начале 1833 г., как раз во время пребывания в Петербурге Петрова.

Впоследствии Савинич много работал над популяризацией польской литературы в России и русской литературы в Польше. Ему принадлежат заметки о русских писателях во «Всеобщей энциклопедии», статьи о русских писателях, в том числе о Пушкине и Гоголе, в различных журналах [282].

Несмотря на свою одаренность, Савинич, как и Белинский, был на плохом счету у администрации университета. В опубликованном выше отчете инспектора казеннокоштных студентов Савинич отнесен к числу лиц, замеченных в «дурном поведении». Среди провинностей, которые числило за Савиничем университетское начальство, имелась одна, связанная с именем Белинского. В 1830 г., во время холерной эпидемии, Савинич совершил самовольную отлучку из университетского общежития, за что был посажен в карцер. На выручку Савинича пришли товарищи. «Чистяков и Белинский,— рассказывает П. Прозоров,— собрали бòльшую часть студентов в круглую залу и потребовали инспектора. Инспектор, извещенный о волнении студентов, признал за лучшее прийти ⟨...⟩ Опальный студент ⟨Савинич⟩ был освобожден из карцера. Студенты успокоились» [283].

Как и Белинскому, Савиничу не удалось закончить университетского курса. В 1835 г. он покинул университет, якобы по своему желанию, но в действительности, вероятно, вынужденно, вследствие своего открывшегося властям руководящего участия в организации «тайного польского литературного общества» (см. ниже). О характере и разнообразии связей Савинича в период его пребывания в университете дают представление следственные показания Заблоцкого. Савинич был дружен со студентом-медиком Гаспаром Шанявским. Шанявский открыто пропагандировал идеи польского революционно-освободительного движения [284]. Он был

арестован, и ему было предъявлено обвинение «в намерении учинить побег в Польшу для присоединения к мятежникам и в подговоре к тому офицеров». «Дело» о Шанявском было начато 19 июня 1831 г. и окончено 13 июня 1832 г. Вместе с ним к суду был привлечен библиотекарь Петрашкевич, бывший член виленского «общества филаретов», как явствует из данных следствия, также близкий Савиничу.

На одном из допросов Заблоцкий показал, что был знаком с Шанявским и что знакомство это произошло при посредничестве Савинича. «Сей Шанявский,— показывал Заблоцкий,— неизвестно мне за какое политическое дело, содержался тогда на гауптвахте и однажды прислал к Савиничу записку, чтобы ему принесть что-то, но Савинич, находившийся тогда у Кигна, человека порочных правил, как после оказалось, где и я тогда был, по недостатку времени просил меня, чтобы я потрудился сходить к Шанявскому на гауптвахту и отнести ему прошенные им вещи». Далее Заблоцкий рассказал о том, что Шанявский, к которому он стал часто ходить, воспитывал в нем ненависть к самодержавию, полицейскому произволу и насилию: «Сей-то Шанявский более всего возбудил во мне противные ‹т. е. антиправительственные› чувства, представляя жестокость правительства в наказании возмутившихся поляков» [285].

Был, вероятно, знаком с Шанявским и Белинский. Познакомить их мог тот же Савинич, столь охотно, как это видно из показаний Заблоцкого, сводивший между собой своих друзей и знакомых. Независимо от того Белинский не мог не встречаться с Шанявским и в столовой казеннокоштных студентов и в общежитии. Следует при этом иметь в виду, что Шанявский учился на одном курсе с некоторыми земляками Белинского, в том числе с В. И. Терентьевым, с которым Белинский часто встречался [286]. Во время холерной эпидемии 1830 г. Шанявский и Терентьев были назначены в особо устроенную холерную больницу в Ботаническом саду [287]. Из воспоминаний Н. Аргилландера известно, что он и Белинский «от нечего делать ходили неоднократно ‹...› по этим холерным больницам к студентам-медикам и пили с ними постоянно прямо из бочек чуть ли не ковшами больничное красное вино...» [288] Вполне естественно предположить, что Белинский посещал прежде всего людей, так или иначе ему знакомых. Терентьев же, по свидетельству Д. П. Иванова, принадлежал к числу еще пензенских друзей Белинского [289]. Но, бывая у Терентьева, нельзя было не встретиться с Шанявским. Таким образом, вероятность знакомства Белинского с этим польским революционером весьма велика.

Материалы следствия по делу Сунгурова, Заблоцкого и самого Шанявского рисуют последнего человеком, безгранично преданным делу польского революционно-освободительного движения. Его убеждения и страстная пропаганда лозунгов этого движения, в частности лозунга свержения царского самодержавия, подвергавшего Польшу тяжелому национальному гнету, равно увлекала польских и русских студентов Московского университета Шанявский не ограничивался только пропагандой. Как упоминалось выше, он готовил побег из Москвы группы военнопленных польских офицеров. Вместе с бывшим «филаретом» Петрашкевичем он собирал для них деньги и оружие и добывал подложные документы.

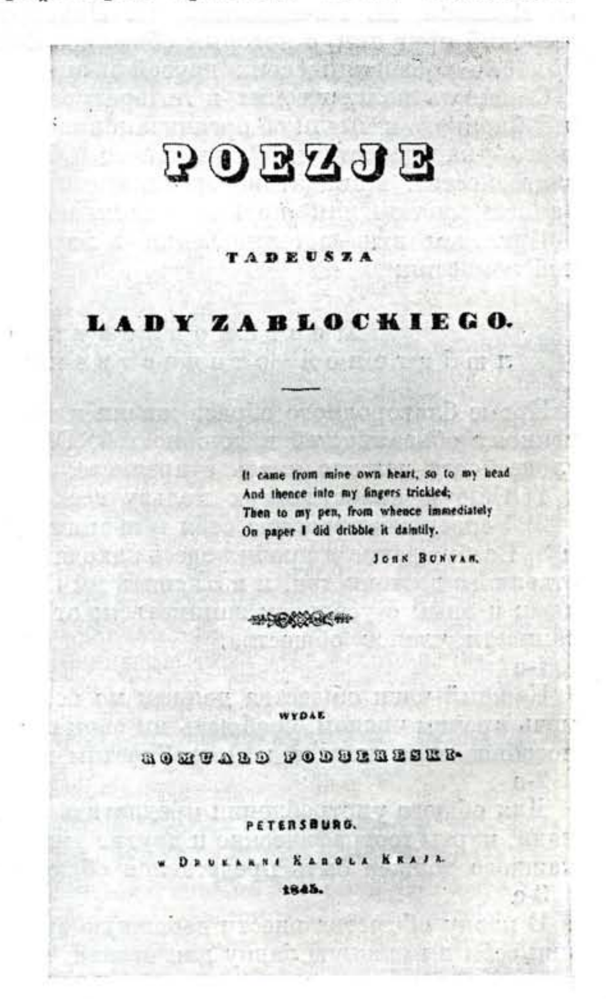
Шанявский был связан с кружком Сунгурова. Один из членов этого кружка, студент П. А. Кашевский, человек «замечательного ума» (по характеристике Костенецкого), показал, отвечая на соответствующий вопрос следственной комиссии, что именно Шанявский толкнул его на путь революционного протеста. Побочный брат Сунгурова, студент Ф. Гуров, в своей «исповеди» «следственной комиссии» писал, что Петрашкевич с Седлецким намечали план восстания, а «Шанявский говорил, что русские им ‹полякам-заговорщикам в Москве› оказывают помощь денежную и они собрали до сколько-то тысяч, хотя каждый жертвовал мало» [290]. По-

казания самого Сунгурова также свидетельствовали, хотя и косвенно, о роли Шанявского в распространении революционных идей в среде московского студенчества [291].

Таков был человек, весьма близко стоявший к друзьям Белинского — Савиничу и Заблоцкому — и имевший на них большое влияние. Мы можем поэтому утверждать, что если даже между Шанявским и Белинским не возникли личные отношения, то все же Белинский был осведомлен об идейно-политических взглядах и деятельности польского революционера.

Уже в студенческие годы Савинич был вхож не только в центры польской общественности в Москве, но и в разнообразные литературные объединения. Так, Заблоцкий показывал, что Савинич познакомил его с профессором Ежевским и кандидатом Московского университета Звержановским и «прочими поляками, бывшими тогда в Москве». Ежевский, в свою очередь, ввел Заблоцкого к Н. А. Полевому, который поручил тому ряд переводов [292]. В другом месте Заблоцкий утверждал, что Савинич «был знаком со всеми почти русскими литераторами, а следовательно мог иметь всегда новейшие русские книги» [293]. Знакомства Савинича, действительно, были разнообразны и в высшей степени любопытны.

Среди других литературно-научных связей Савинича и Заблоцкого отметим их знакомство с профессором арабского языка Казанского

POEZJE

TADEUSZA

LADY ZABLOCKIEGO.

It came from mine own heart, so to my head
And thence into my fingers trickled;
Then to my pen, from whence immediately
On paper I did dribble it daintily.

JOHN BUNYAN.

WYDAŁ

ROMUALD PODBERESKI.

PETERSBURG.

w Drukarni Karola Kraja.

1845.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ ТАДЕУША-ЛАДА ЗАБЛОЦКОГО, ИЗДАННОЙ В ПЕТЕРБУРГЕ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ, 1845 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ленинград

университе́та, польским поэтом и членом общества «филаретов» Яном Верниковским (1800—1877)[294]. Познакомил их казеннокоштный студент словесного отделения Павел Гостев, перешедший в мае 1832 г. из Казанского в Московский университет[295]. Следовательно, знакомство Савинича и Заблоцкого с Верниковским следует отнести к концу 1832 г. «Так как г. Верниковский,— показывал Заблоцкий,— известен в польской литературе как ученый ориенталист, эллинист и прекрасный поэт, то я его просил о стихотворении для альманаха ⟨задуманного Савиничем и Заблоцким⟩ и по этому-то случаю завел с ним переписку»[296]. Верниковский в своих показаниях рисует Заблоцкого обаятельным и благородным юношей, отличающимся «пылкостью, горячностью, живостью темперамента». «Знакомство мое,— пишет он,— с Заблоцким было кратковременно: признаюсь чистосердечно, я любил этого человека: кроме его услужливости быть мне предводителем в Москве, а именно в различные книжные лавки ⟨...⟩ во время моего переезда через оную, я в нем видел молодого человека, преданного наукам: он мне доставил драгоценное знакомство со знаменитым российским археологом и литератором проф. Каченовским, снабдил меня в Казань новейшими сочинениями ⟨...⟩ Это привязало меня к Заблоцкому...»[297]

Итак, с одной стороны, участники польского восстания 1830—1831 гг., польские офицеры, студенты, с другой,— русские ученые и литераторы— Н. Полевой, М. Каченовский, Н. Надеждин, М. Погодин — входят в широкий круг лиц, с которым общались Заблоцкий и Савинич и в который они вовлекали своих друзей и знакомых.

Общность политических и литературных интересов привела Савинича и Заблоцкого к мысли об организации в среде польских студентов Московского университета неофициального «Общества любителей отечественной словесности». Инициатива организации принадлежала Савиничу. Им же написан «устав» или «постановления» общества.

Приведем эти «постановления» в переводе, сделанном для следственной комиссии:

Постановления общества любителей отечественной словесности

Кроме благородного образа жизни и точного исполнения свойственных всякому обязанностей и должностей, Общество любителей отечественной словесности должно иметь в предмете:

1) Общую нравственную пользу всех членов общества;

2) Усовершенствование себя в знании польского языка;

и 3) Возбуждение в прочих здесь находящихся единоземцах чувства нравственного достоинства, и изъяснять им необходимость полюбить польский язык и оным с усердием заниматься; от сего происходят следующие обязанности членов общества.

1-е

Каждый член общества должен по возможности и обстоятельствам помочь прочим членам, сообщать им свои советы, предостережения и делать пособия, относящиеся к потребностям нравственным и физическим.

2-е

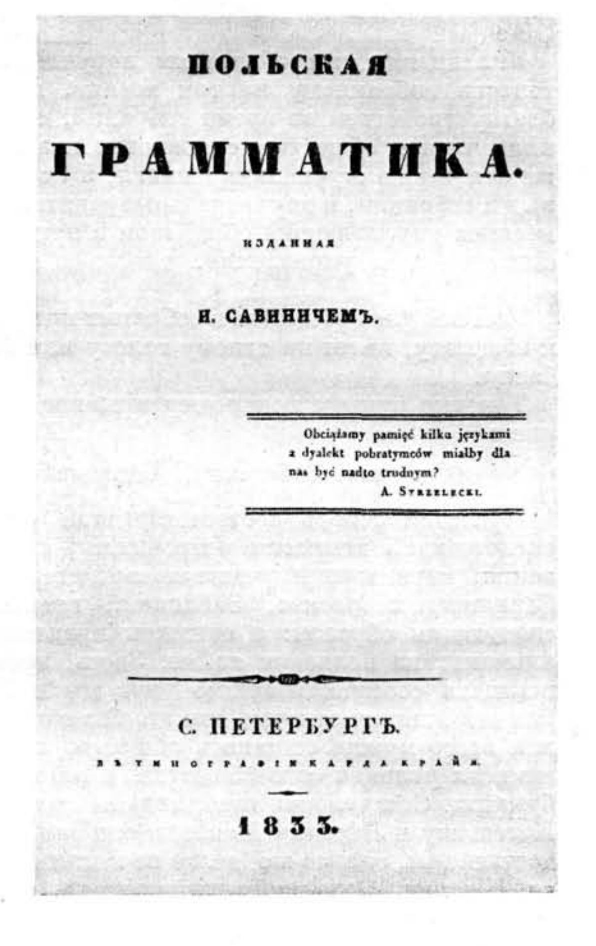
Для общего употребления предлагать находящиеся у себя книжки, тетради, карты географические и другие училищные пособия, коих список от каждого должен быть представлен обществу.

3-е

В казну общества внести денежную сумму, по возможности для вписания себя в книжную лавку для чтения, и увеличивать сию казну согласно издержкам общества.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «ПОЛЬСКОЙ ГРАММАТИКИ» И. А. САВИНИЧА, ИЗДАННОЙ ИМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, 1833 г.

Библиотека при Московском университете им. М. В. Ломоносова

ПОЛЬСКАЯ

ГРАММАТИКА.

ИЗДАННАЯ

И. САВИНИЧЕМЪ.

Obciążamy pamięć kilku językami a dyalekt pobratymców miałby dla nas być nadto trudnym?

A. Strzelecki.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1833.

4-е

Для упражнения и усовершенствования в отечественном языке назначается один раз в две недели собрание, на коем каждый из членов общества обязан дать отчет: чем в продолжение сего времени занимался; что именно написал на польском языке или перевел из иностранных языков на польский.

5-е

Предметы упражнения могут быть по склонности каждого из членов: учебные, изящных наук и словесности, не касаясь, однако (под опасением выключки из общества), политики, правления и мнений, противных христианской религии,— в переводах из всех иностранных языков (кроме известного каждому русского) надлежит больше обращать внимания на важнейшие предметы, каковые между прочим суть: История, Филология, Эстетика, Естествознание и прочие.

6-е

Каждый член общества обязан хранить в тайне как то, что делается в собрании, так и само общество.

7-е

Число членов общества не имеет настоящего определения. оно зависит от выбора определяющихся в общество, какой делается тщательно и требует от определяющихся: 1) дабы он всем вообще или большей части членов был известен по своему примерному поведению и 2) по хорошему образу мыслей — не обладающий сими качествами не может быть принят в общество.

8-е

Управление сим обществом поручается председателю, большинством голосов избранному на три месяца, коего обязанностью смотреть за благоустройством во время собраний; предназначение рецензий о сочинениях членов общества, сохранение казны и записывание из оной издержек, а также журнальные книги, в коих вписываются предметы, читанные в собрании, и двухнедельные занятия общества. После окончания трех месяцев управляющий обществом в присутствии всех членов должен дать отчет в своем управлении.

9-е

Каждый член общества в собрании при рассмотрении дела, относящегося к обществу, имеет по одному голосу или баллу, а предводитель имеет три балла.

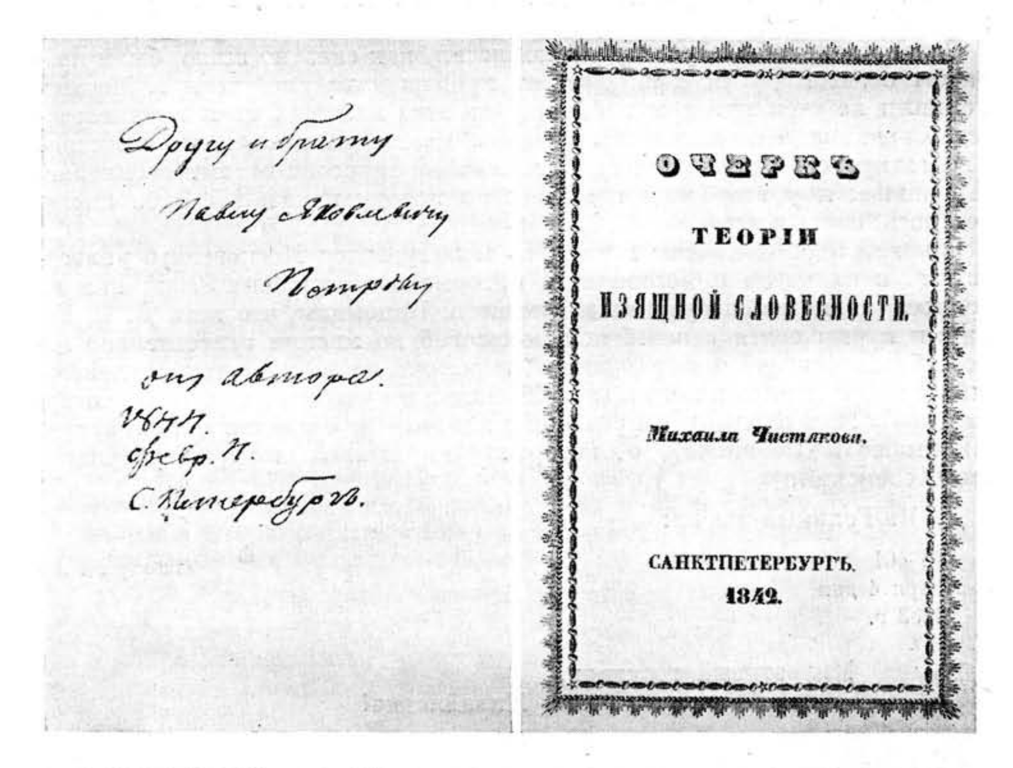
Таковые пункты подписаны и за исполнение оных поручились сотоварищи

〈Савинич, Заблоцкий, Белецкий, Макса, Коссович〉. [298]

Приведем теперь соответствующий раздел из показаний Заблоцкого следственной комиссии. Спрошенный по вопросу об истории возникновения, характере и участниках Литературного общества, основанного Савиничем в Москве, Заблоцкий показал: «Сие общество составилось следующим образом: я однажды предложил Савиничу издать в Москве альманах на польском языке. Здесь, кроме спекуляции, была еще цель показать соотечественникам, что мы в Москве не забываем польского языка. Савинич отвечал, что это без общих усилий нельзя исполнить, что для этого нужно составить общество литературное. Я сказал, чтобы он написал условия сего общества, и он это сделал; они находятся в моих бумагах. Сии условия предъявлены были Савиничем Белецкому, Каетану Коссовичу и Людвигу Максе, и они все согласились на них с большой радостью. Мы, однако же, долго не могли найти места, где бы могли собраться. Наконец, Белецкий уступил нам свою комнату, и мы в первый и в последний раз собрались 8 или 9 апреля сего года. Савинич, избранный нами предводителем (presus), во-первых, потому, что он долго жил в Москве и был более нас опытен, и во-вторых, что был знаком почти со всеми русскими литераторами, а следовательно, мог иметь всегда новейшие русские книги, прочел вступительную речь, в которой говорил о любви к отечественному языку и о том, что нужно, по возможности, каждому принесть какую-нибудь пользу своей литературе. Белецкий читал отрывок из Гетева Фауста, Макса — следствие царствования Сигизмунда III, а я — стихотворение, находящееся в моих бумагах под заглавием „Мечта“ („Mara“). Это только было одно собрание у нас, и после единодушно мы оставили его, во-первых, потому, что не надеялись в таком малом числе издать что-нибудь хорошее, во-вторых, потому, что каждое тайное общество, хотя самое невинное, строго запрещено правительством. Кроме условий выраженных мы еще обязывались по возможности знакомить русских с польскою литературою, а это произошло оттого, что студенты Московского университета, не зная польской литературы, худо о ней отзывались. А вследствие того Савинич издал польскую грамматику и приготовил к печати польско-российский карманный словарь, кроме сего перевел сочинение Мациевского о законодательстве славянском. Этот последний перевод он предпринял по просьбе Погодина, профессора университета, а я помещал разные извлечения из польских журналов в „Телескопе“ и „Телеграфе“»[299].

Изучение документальных данных, которыми мы располагаем, не дает повода для возможного при анализе следственных показаний предположения, будто Заблоцкий на допросе и Савинич в написанном им уставе,

говоря о литературно-самообразовательном характере созданного ими студенческого кружка, искусно маскировали его подлинные утаенные цели. Ни подпольной организацией польских революционеров, ни тайным политическим обществом созданный Савиничем и Заблоцким студенческий кружок не являлся. При всем том оппозиционные настроения организаторов и участников «Общества любителей отечественной словесности», их личные связи с польскими революционерами таили в себе возможности определенного политического развития кружка, а самый факт его неофициального возникновения воспринимался участниками как нечто такое, что требовало конспирации от властей.

ФОРЗАЦ И ОБЛОЖКА КНИГИ М. Б. ЧИСТЯКОВА «ОЧЕРК ТЕОРИИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА П. Я. ПЕТРОВУ

Историческая библиотека, Москва

Естественно, что в своих следственных показаниях Заблоцкий избегал говорить о политических настроениях участников общества и ограничился характеристикой их вполне легальных литературных планов и намерений. Характерно, что Заблоцкий уклонялся и от разъяснения следствию единственно уязвимого пункта в тексте устава общества — требования хранить его существование в тайне, что резко противоречило невинности изложенных задач кружка и специально прокламированному отказу в его деятельности от политики.

В своем «рапорте» кн. Хованскому следственная комиссия отметила это противоречие в уставе общества и выразила сомнение в искренности и полноте показаний Заблоцкого. «К сему Комиссия долгом считает присовокупить, что хотя в одном из пунктов вышеупомянутого Литературного общества сказано, что всякий член оного, коснувшийся предметов политики, должен быть удален из общества, и хотя сам Заблоцкий утверждает, что целию упомянутого общества было единственно поддержание

польской литературы и издание альманаха, но поелику существование сего общества сохранялось в тайне и сам Заблоцкий сознался, что он питал неблагорасположение к Русскому Правительству, имел связи с людьми неблагонадежными, в бумагах, у него отобранных, встречаются разные таинственные выражения, которые говорят о жребии поляков, о каком-то тайном предприятии, которое должно скрывать, и собственно его Заблоцкого сочинения стихи и известные уже Вашему сиятельству письма его содержат политические, до Польши относящиеся предметы; то Комиссия по сим причинам и продолжает расспрашивать его Заблоцкого: не было ли тогда целию сказанного Польского литературного общества распространение каких-либо возмутительных мнений и составление заговора против правительства»[300].

Однако дальнейшие расспросы комиссии, как сказано выше, были прерваны отказом Д. В. Голицына от производства следствия в Москве. Голицын не счел нужным ни допросить еще находившихся в университете Савинича, Коссовича, Белецкого и Максы, ни произвести следствие с целью проверки и уточнения показаний Заблоцкого. Тем самым сомнение, зародившееся у витебской комиссии по поводу показаний Заблоцкого, осталось неразрешенным.

В какой мере следствие коснулось тех студентов Московского университета, в их числе и Белинского, которые были названы Заблоцким на допросе, видно из следующих документов. Напомним, что хотя Д. В. Голицын и разошелся с витебской комиссией во мнении относительно целесообразности распространения следствия на московских студентов, он все же обратился к попечителю Московского учебного округа и университета С. М. Голицыну с просьбой доставить те сведения о Белинском, Чистякове и Савиниче, о которых запрашивал генерал-губернатор кн. Хованский.

Д. В. Голицын писал:

№ 401 Секретно
Сентября 4 дня
1833 г.

Милостивый государь,
князь Сергий Михайлович!

По производству следствия, учрежденного в Витебске комиссиею для открытия возмутительных сочинений и возмутителей, обнаруживается, что доставленный туда студент Московского университета Ф. Заблоцкий имел знакомства с казенными студентами: Михайлою Чистяковым, Иваном Савиничем и Виссарионом Белинским; кандидатами Ежевским, Гомалицким и Зенкевичем.

К удовлетворению требования тамошнего генерал-губернатора нужно дознать образ мыслей и поведение сих лиц. Посему обращаюсь к Вашему с‹иятельств›у с покорнейшею просьбою сообщить мне об них таковые сведения, и ежели они имеют помещение в самом университете, приказать пересмотреть бумаги их, буде можно, и если окажутся в числе их подозрительные и неприличные, то доставить оные ко мне.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть Вашего сиятельства‹...› ‹кн. Д. В. Голицын›[301].

С. М. Голицын, собрав необходимые сведения, ответил через неделю, 11 сентября 1833 г. Ответ его сообщал, в частности, отрицательный отзыв университетского начальства о поведении Белинского, которое квалифицировалось как «неодобрительное».

С. М. Голицын писал Московскому генерал-губернатору:

Секретно

№ 510-й
⟨11 сентября 1833 г.⟩

Милостивый государь,
князь Дмитрий Владимирович!

На секретное отношение Вашего сиятельства от 4-го сего сентября за № 410 о доставлении сведения об образе мыслей и поведении студентов: Михаила Чистякова, Ивана Савинича, Виссариона Белинского и кандидатов: Ежевского, Гомалицкого и Зенкевича, имею честь ответствовать, что ректор здешнего университета донес мне, что Михаил Чистяков, сделавшись кандидатом в 1832 году, поступил вскоре в старшие учителя в Белорусский учебный округ; во время пребывания своего в университете, по свидетельству инспектора, был весьма хорошего поведения и отличных успехов; Виссарион Белинский в сентябре 1832 года уволен с казенного кошта по причине болезни и безуспешности в науках, поведения был неодобрительного; Иван Савинич посредственных успехов, в рассуждении поведения значительным взысканиям не подвергался, но ведет себя, впрочем, рассеянно, он был осматриваем инспектором, причем не нашлось никаких книг, ни бумаг; кандидат Ежевский никогда не жил в университете, и потому ничего нельзя сказать об образе его мыслей и о поведении, находится ныне в отпуску; из справок касательно Гомалицкого и Зенкевича оказывается, что они были примерного поведения, успели превосходно в науках, которыми занимались в университете, и по окончании курса в июле месяце сего года отправились в Белоруссию: Гомалицкий в Слоним, а Зенкевич в Полоцк, и уже не возвратятся в Университет.

Доводя о сем до сведения Вашего, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего сиятельства покорнейшим слугою
№ 7 князь Сергей Голицын
11 сентября 1833 г.
Его сиятельству князю Д. В. Голицыну [302].

Содержание этого документа было сообщено Н. Н. Хованскому. Что касается остальных членов кружка Савинича, т. е. Белецкого, Коссовича и Максы, то Д. В. Голицын, как сказано выше, не счел нужным удовлетворить просьбу витебской комиссии о расширении и углублении следствия и никаких новых сведений о причастных к делу студентов Московского университета не сообщил. По прошествии года, а именно 15 сентября 1834 г., ректор Московского университета получил отношение попечителя Московского учебного округа, в котором сообщалось: «Ныне г. действительный тайный советник князь Голицын ⟨генерал-губернатор⟩ по отношению г. Министра просвещения уведомил, что означенное дело ⟨Заблоцкого⟩ Комитетом окончательно уже разрешено и журналом оного, Высочайше утвержденным, между прочим велено: студента Заблоцкого предать суду, для поступления с ним по законам, а прочих, участвовавших в вышесказанном существовавшем при университете тайном литературном обществе, освободить от всякого преследования, со внушением об осмотрительности на будущее время». Это было объявлено студентам Савиничу, Белецкому, Макса и Коссовичу, расписавшимся на отношении [303].

Таков был официальный финал истории тайного литературного общества. Близость Белинского к членам общества определила интерес его к польскому языку и литературе, которыми он специально занимался,

как это явствует из следующего места письма Станкевича к Красову от 21 августа 1834 г.: «Во-первых, попроси Белинского вручить тебе Мицкевича 3 тома и Слов⟨арь⟩ 2 тома — кажется я отдал их ему»[304]. Отметим и следующий факт. Около сентября 1833 г. Белинский входит в кружок Станкевича. А в ноябре 1833 г. Станкевич знакомится с Савиничем и усиленно занимается польским языком. «Я не писал тебе,—рассказывает он в письме к Я. Неверову от 12 ноября 1833 г.,— что я вздумал учиться по-польски, случайно познакомившись с нашим Савиничем, и уже довольно понимаю. Язык так же хорош и литература так же прекрасна...»[305]

Если сопоставить этот факт с перепиской Белинского и Петрова по поводу словаря Савинича [306], то можно предположить, что именно Белинский познакомил Савинича со Станкевичем. Еще более показательно, что в эту же пору в состав кружка Станкевича вошел и Коссович. Во всяком случае, в 1836 г. Станкевич осведомляется о нем как о человеке, близком кружку. «Что Виссарион?..,— запрашивает он из Воронежа,— что Красов?.. Ефремов?.. Что Коссович и Бодянский?»[307] В связи с этим получает разъяснение и сообщение Собещанского о том, что Савинич оставил свой «польско-русский словарь» у Бодянского [308].

Таким образом, связь Белинского с членами польского литературного общества Савинича не прекращалась и после исключения его из университета.

* * *

Изучение «Литературного общества 11 нумера», «дела» Заблоцкого, «тайного польского литературного общества» Савинича и других привлеченных нами материалов раскрывает идейно-политическую атмосферу, в которой жило московское студенчество и в которой складывалось мировоззрение молодого Белинского. Мы видим, что Белинский развивался среди оппозиционно настроенной, демократически-разночинной и прогрессивной дворянской молодежи, ненавидящей крепостное право и самодержавие. Подавление польской революции 1830—1831 гг. показало молодым людям наиболее жестокие и откровенные формы самодержавного гнета и насилия. В кругах московского демократически настроенного студенчества, и прежде всего в кружке Белинского, складывается собственное мнение о философии, эстетике, истории и других науках, отличное от казенного направления в преподавании этих предметов. Все это приводит их к конфликту с официальной наукой, к столкновениям с учебным начальством и даже с представителями власти. В страстных спорах ищут они путей к «истине», к справедливому общественному устройству. В этих спорах у них беспрестанно возникает тема нравственного достоинства человека. В этой идейной среде, где были живы традиции декабристов и звучало эхо крестьянских бунтов, рождались страстные думы Белинского о величайшем зле крепостного права, запечатленные в речах героев «Дмитрия Калинина».

Глава III

ОТНОШЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО НАЧАЛЬСТВА К БЕЛИНСКОМУ.— НАЗНАЧЕНИЕ Д. П. ГОЛОХВАСТОВА И РАСПРАВА НИКОЛАЯ I С УНИВЕРСИТЕТОМ. — РЕВИЗИЯ С. С. УВАРОВА.— ИСКЛЮЧЕНИЕ БЕЛИНСКОГО.— ИТОГИ

В свете приведенных выше фактов становятся более ясными причины, обусловившие настороженно-враждебное отношение университетского начальства к Белинскому. Напомним, что решающее значение имело здесь цензурное рассмотрение «Дмитрия Калинина», вскрывшее перед адми-

нистрацией университета политически-оппозиционные настроения автора пьесы.

Однако в изгнании Белинского из Московского университета сыграли свою роль и другие, также политические, причины и обстоятельства, как это будет видно из материалов, к изложению которых мы и переходим.

Исследователи жизни Белинского неоднократно отмечали крайнюю скудость документальных данных, относящихся к последнему периоду студенческой биографии будущего критика.

«История Белинского за это время очень темна и хронологически спутана,— констатировал А. Н. Пыпин,— не знаем, как проводил он 1831—1832 годы, когда именно и как расстался с университетом; верно одно, что это время было для него очень тяжкое». Он же указывал, что «обстоятельства исключения Белинского из университета остаются еще не вполне известны» и что в архиве университета он не нашел бумаг, которые бы разъяснили эти обстоятельства [309]. Даже точной даты исключения Белинского не знали его биографы и вели спор о том, произошло ли оно в 1831 или в 1832 г. [310]

Восстановить полностью и документально историю исключения Белинского невозможно, поскольку «дело» об исключении уничтожено как в университетском архиве, так и в архиве Совета университета [311]. Таким образом, мы, повидимому, навсегда лишены возможности ознакомиться с перепиской по делу Белинского между Д. П. Голохвастовым и правлением университета, с аттестатом, выданным Белинскому при увольнении, и другими важными документами. Тем не менее мы полагаем, что изучение собранных нами официальных и мемуарно-эпистолярных материалов позволяет с достаточной полнотой и авторитетностью

ЗДАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЫ НА БОЛЬШОЙ НИКИТСКОЙ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА ГЕРЦЕНА) В МОСКВЕ

Фотография 1890-х гг.

В годы студенчества Белинский несколько раз лежал в этой больнице. Здание не сохранилось

восстановить содержание этой важной заключительной главы в студенческой жизни критика.

Исключение Белинского произошло при весьма тяжелой и тревожной для Московского университета ситуации, сложившейся в 1831—1832 гг. в результате жандармского разгрома революционного студенческого кружка Сунгурова и политического следствия по делу Шанявского и Петрашкевича.

Широкое развитие оппозиционных настроений среди московского студенчества вызывало в эти трудные для царизма годы польской революции, крестьянских восстаний и холерных бунтов не только весьма настороженное отношение высших властей к Московскому университету, но и личную ненависть к нему Николая I.

21 ноября 1831 г. Белинский писал родным: «Теперь в Москве гостит государь император с государынею императрицею⟨...⟩ Государь был везде, кроме университета⟨...⟩ Даже гимназия удостоилась высокого посещения, а мы его уже и не ждем». Рассказав затем о помощнике попечителя Панине и приказе Николая основать общежитие также и для своекоштных студентов, Белинский заключает: «По всему видно, что Московскому университету настает кончина»[312].

Николай I, хотя и не посетил университета, тем не менее принял по отношению к нему ряд срочных мер административного и идеологического порядка. Сюда относилось и создание общежития для своекоштных студентов (чтоб они состояли «под надзором особого начальника»)[313], и назначение помощником попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова. Это назначение, состоявшееся 16 ноября 1831 г., преследовало вполне определенную цель — резкое усиление политического контроля самодержавия над университетом и его студенческой «вольницей»[314].

Дмитрий Павлович Голохвастов имел, по словам Герцена, все достоинства, которые высшее бюрократическое начальство ищет в человеке. Он отличался не только отсутствием «завиральных идей», но и вообще всяких «происшествий» в жизни. Холодный формалист, педантически аккуратный чиновник, он ввел в университете множество стеснительных мер, мелочное наблюдение за аудиторией и наглое вмешательство в жизнь студентов. Герцен, бывший в ту пору студентом, почувствовал острую ненависть к этому «усердному слуге Николая»[315].

Голохвастов завел в университете порядки, вызвавшие протест не только со стороны студентов, но и профессоров. Даже благонамереный Погодин оскорбился сановным обращением Голохвастова с профессорами и грубостью его со студентами. В январе 1832 г. он внес в свой дневник запись о возмутившей его сцене, когда Голохвастов в оскорбительной форме потребовал «репетиции», произнося «обидные слова для студентов»[316]. Белинский писал родным: «Московский университет скоро уподобится Казанскому. Чтобы жить безопасно, надобно даже уряднику унтеру льстить, надеть на себя постную харю, скорчиться в три погибели, беспрестанно творить молитвы и всем и каждому кланяться и перед каждым подличать. Нет ничего подлее обхождения Голохвастова со студентами; ругается, как извозчик, обходится с ними хуже, нежели со своими лакеями. Беда, да и только»[317]. П. Вистенгоф, учившийся в то же время, отмечал, что попечитель «почти всецело передал власть свою двум помощникам, графу Панину и Голохвастову⟨...⟩ Как один, так и другой, необузданные деспоты, видели в каждом студенте как бы своего личного врага, считая нас всех опасною толпою как для них самих, так и для целого общества. Они все добивались что-то сломить, искоренить, дать всем внушительную острастку»[318].

Строгости возрастали с каждым месяцем. В письме к родным от 27 января 1832 г. Белинский писал, что казенное «житье-бытье» стало «настоя-

щей каторгой». За малейший проступок студентов вносили в «черную книгу» и причисляли «к числу государственных бунтовщиков». «Можно, — добавлял он,— безо всякой вины, иногда за проступок другого, улететь в солдаты. Прелесть, да и только!»[319]

В этом письме Белинского примечательны два факта: политическая квалификация провинностей студентов («государственные бунтовщики») и политический характер репрессий. Угроза солдатчиной стала реальностью. По отчету инспектора за 1833/34 академический год мы можем судить о порядках, заведенных Голохвастовым. В отчете перечисляются такие новые мероприятия, как введение института «камерных студентов» (т. е. старост), учреждение строгого наблюдения за тем, чтобы студенты «не имели при себе и не читали никаких запрещенных и непозволительных сочинений», а также, чтобы они неукоснительно соблюдали молитвы. В отчете перечисляются затем следующие, находящиеся в употреблении «обыкновенные в университете исправительные меры»: «замечания, выговоры, замечания письменные на табели, голодный стол, арест, содержание в карцере, исключение из университета за неуспешность или дурное поведение»[320].

Нетрудно представить, какой суровый гнет реакции установился в университете. Даже благонамеренный и скромный Буслаев на всю жизнь сохранил ощущение ужаса, который в его студенческие годы вызывали порядки, введенные Голохвастовым. Он вспоминал:

«За большие проступки наказывали тогда студентов солдатчиною. На первый раз, в виде угрозы и для острастки другим виновный только облекался вместо вицмундира в солдатскую сермягу и как бы выставлялся на позор; если же потом снова провинится, ему брили лоб. Само собою разумеется, рассказанный случай мог произойти только в первый год моего пребывания в университете при князе Сергие Михайловиче Голицыне, который был попечителем только для парада; всеми же делами по управлению округа заведывал Д. П. Голохвастов. Тогда зачастую слышалась угроза солдатчиною, и спустя много лет после того мерещилось мне иногда во сне, что мне бреют лоб и я надеваю на себя солдатскую амуницию»[321].

Приведенные факты получают полное подтверждение и в письме Белинского к родителям от 20 апреля 1832 г.: «Университет наш переворотился вверх дном: князь Голицын уезжает за границу; государь император дал его помощнику Голохвастову〈...〉 неограниченную власть〈...〉 за одно слово, за один малейший поступок Голохвастов выключает из Университета и казенных и своекоштных студентов; казенных же имеет право без всякого суда отдавать в солдаты за всякий сколько-нибудь предосудительный поступок, за который прежде посадили бы дня на три в карцер. Уже многие из казенных выключены; одного он принудил поступить в полк».

Белинский заканчивал описание мрачных новшеств, введенных помощником попечителя, следующими словами: «Если выключат меня, что очень может случиться, ибо выключение для него 〈Голохвастова〉 составляет приятнейшее наслаждение, что тогда делать? Куда сунуться?»[322]

Мысль о возможности исключения, разумеется, не случайно пришла в голову Белинскому. Реакционный натиск Николая I против Московского университета, предпринятый в августе — декабре 1832 г., начался прежде всего с чистки студенческого состава. Об этом говорят и цитированные письма Белинского, и воспоминания современников, и данные университетского архива. Савинич в заметке о Лермонтове в польской «Всеобщей энциклопедии» (в 1864 г.), задолго до всяких высказываний на эту тему в русской печати, писал: «В 1832 г. он 〈Лермонтов〉 вместе с другими соучениками за нарушение университетского устава был выгнан из

университета...»[323] Из документальных материалов, приведенных в новейшем исследовании Н. Л. Бродского, известно, что Лермонтов действительно ушел из университета не по своей воле [324].

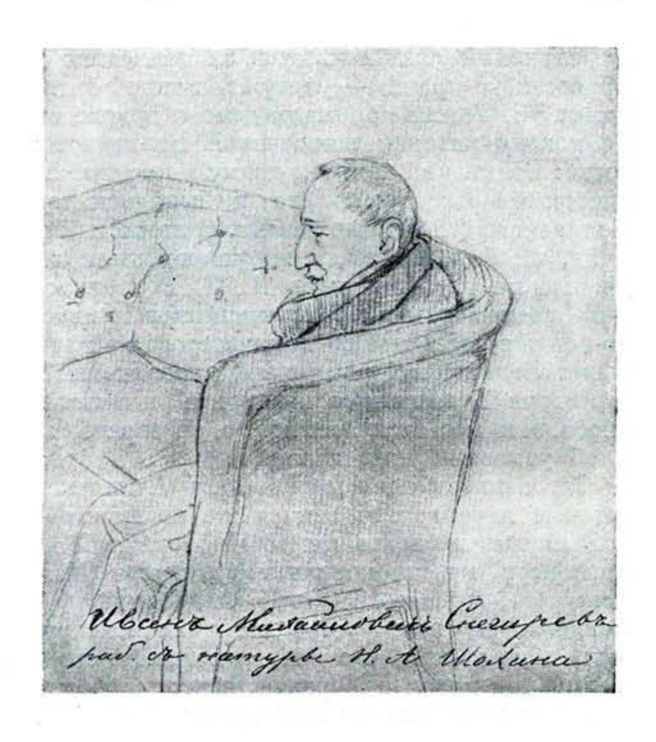
Все эти факты имеют между собой глубокую внутреннюю связь. Начался новый период в истории Московского университета — период крайнего давления на него со стороны самодержавного правительства и реакции. Внесем, прежде всего, в развертывающиеся события некоторые хронологические уточнения. В середине ноября 1831 г. прибыл в Москву Николай I, и сразу же (18 ноября) С. М. Голицын поспешил исключить из университета, под благовидным предлогом, сунгуровцев. 30 ноября назначен Голохвастов, резко изменивший порядки в университете. К апрелю 1832 г. С. М. Голицын, признанный недостаточно решительным и даже заподозренный в либерализме, по существу вообще был отстранен от университета, и Голохвастов получил «неограниченную власть». Наконец, важнейшим событием в истории университета явилась инспекционная поездка С. С. Уварова (тогда еще товарища министра просвещения) в Москву со специальной инструкцией Николая I: «обратить особое внимание на Московский университет и гимназии». 9 августа Уваров выехал из Петербурга, а 15 августа он уже принимал профессоров Московского университета. К концу ноября он закончил ревизию и 4 декабря 1832 г. представил Николаю I свой отчет [325].

В нем он отметил благополучное состояние университета и даже «сунгуровскую историю» приписал коварству «посторонних лиц». Тем самым деятельность Голохвастова с ноября 1831 г. по ноябрь 1832 г. была одобрена и высоко оценена высшими властями.

В этот краткий период в университете произошел ряд событий, важных для изучения поставленной нами темы, хотя, следует оговориться, и в этой области материал дошел до нас не во всей полноте.

Прежде всего бросается в глаза, что увольнения студентов приобрели со времени приезда Уварова массовый характер. Среди других документов сохранилась «Перечневая ведомость о числе учащихся, выбывших из университета до окончания курса в 1832/33 году». Она имеет характерную датировку: «С 17 августа 1832 г. по 1 ноября 1833 г.». Таким образом, исключения начались через несколько дней после приезда Уварова в Москву. Всего исключено, по данным этой ведомости, 53 человека. Наибольшее число исключенных приходилось на словесное (20 чел.) и нравственно-политическое отделения (15 чел.)[326]. Однако это далеко не полные данные. Сюда не вошли все студенты, уволенные до приезда Уварова, с ноября 1831 г., то есть со времени назначения Голохвастова. Нет здесь также полного учета тех, кто уволен «по собственному желанию» с резолюцией: «consilium abeundi» (т. е. посоветовано уйти). А таких было (включая Лермонтова) в 1832 г.—13 человек. Цифры свидетельствуют, что назначение Голохвастова и приезд Уварова имели своей целью политическую чистку университета от «неблагонадежных» лиц. В их число попал и Белинский. К тому же исключение его непосредственно произошло в период осуществления Уваровым ревизии Московского университета.

Это находит полное подтверждение в письме Уварова к Бенкендорфу от 14 октября 1832 г., в котором он говорит, что каждое утро бывает в университете и распоряжается. И далее следует: «Покуда я могу с удовольствием уверить Вас, что самое полное спокойствие не перестает господствовать среди молодежи и что я могу лишь похвалить те чувства, в которых я ее оставлю при моем отъезде. Мне только что подтвердили это местные власти, а под именем местных властей я разумею генерал-губернатора и полицию. Я сочту себя очень счастливым, если результатом моего здесь пребывания будет восстановление в среде молодежи порядка и возможность успокоить в этом отношении нашего августейшего государя»[327].

И. М. СНЕГИРЕВ
Рисунок Н. А. Шохина, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

5 января 1832 г. Белинский тяжело заболел. Из университетской больницы он вышел только 6 мая. «Находясь целые четыре месяца в больнице, я сделал столько упущений по части лекций, а особливо языков, что, для вознаграждения потерянного, должен заниматься день и ночь в продолжении целой вакации»,— сообщал Белинский 20 апреля 1832 г. родителям [328]. Сухой беспрерывный кашель, боли в боку и печени, жестокая одышка мучили его, когда он взбирался по железным ступеням крутых лестниц, ведущих в казеннокоштные номера. Для полного выздоровления, писал он родным 21 июня 1832 г., ему «нужно бы было пролежать в больнице еще месяца четыре», но он знал, что за это время его исключили бы из университета «как такого человека, которого расстроенное здоровье не подавало никакой надежды на успехи» [329].

Выйдя из больницы, Белинский обратился к Голохвастову с просьбой позволить ему «из уважения» к долговременной болезни держать «особенный» экзамен. Помощник попечителя, хотя и не обещал исполнить его просьбу, но и не отказал в ней. Голохвастов «удостоил» Белинского краткого ответа: «хорошо,— посмотрим» [330].

Белинский, обнадеженный репликой Голохвастова, с половины мая до самого сентября 1832 г. «работал и трудился,— говоря его словами,— как чорт, готовясь к экзамену».

«Но экзамена,— рассказывает он далее в письме к родным от 21 мая 1833 г., — не дали, а вместо него уведомили меня о всемилостивейшем увольнении от университета» [331].

Все предшествующее наше изложение и те факты, которые будут сообщены ниже, позволяют сделать вывод, что действительные причины исключения Белинского из университета носили политический характер. Начальство университета использовало подходящий предлог для того, чтобы освободиться от студента, за которым оно числило не только «неодобрительное поведение» и участие в неофициальных студенческих объединениях, но и такое политическое преступление, как пьесу «Дмитрий Калинин».

Белинский «был исключен за написание драмы, трактующей вопросы крепостного права»,— утверждал такой авторитетный свидетель, как Савинич [332]. Также понимали дело и другие студенты. Г. Головачев писал по поводу истории исключения Белинского: «Вот как ее рассказывали тогда: Белинский написал драму и представил ее на рассмотрение университетского совета ⟨...⟩ Это и было началом гонений, воздвигнутых на Белинского ⟨...⟩ После разных притеснений и долгого пребывания в больнице, он был исключен из университета за неспособность к ученью по распоряжению Д. П. Г⟨олохвастова⟩»[333].

В воспоминаниях современников привлекают внимание два факта: во-первых, указание на Голохвастова как на истинного виновника исключения Белинского; во-вторых, указание на то, что после представления «Дмитрия Калинина» в цензурный комитет начались гонения на Белинского. Что касается последнего, то вернее было бы говорить не о начале, а об усилении этих гонений.

«Строптивость» и независимость Белинского были замечены университетским начальством вскоре же после его поступления в университет. В письме к родителям от 17 февраля 1831 г. Белинский сообщал, что инспектор казеннокоштных студентов Перевощиков, передавая свою должность в июне 1830 г. П. С. Щепкину [334], «особенным образом» рекомендовал его ректору и новому инспектору. Именно Перевощикову он был «обязан» тем, что ректор встретил его в августе 1830 г. с бранью. Белинский писал о Перевощикове: «⟨он⟩ тогда очень помнил меня и отрекомендовал ректору и Щепкину. Когда ректор говорил со мною, то он (Перевощиков) беспрестанно кричал, что меня надобно выгнать из Университета. Наконец, ректор в заключение спектакля сказал: „Заметьте этого молодца; при первом случае его надобно выгнать“». За двухдневную отлучку из общежития Щепкин грубо кричал на Белинского и угрожал отдать его «как какого-нибудь каналью в солдаты»[335].

По словам А. Н. Пыпина, пользовавшегося устными рассказами современников, Белинский раньше «чем-то навлек на себя неудовольствие начальства»[336].

Инспектор казенных студентов П. С. Щепкин (1793—1836) был типичным представителем реакционной профессуры. По словам его биографа и родственника, он отличался искренней преданностью самодержавию («чувством благоговения к нашим монархам») и религиозностью («Очень часто на раннюю лекцию он являлся прямо из церкви»). Составителю благочестивых молитв и высокопарных славословий царствующему дому, «университетскому Талейрану», как его называл Герцен, П. С. Щепкину ненавистны были студенты типа Белинского [337].

Участие Белинского в кружковой студенческой жизни, о которой говорилось в предыдущей главе, и его отрицательное отношение к цензовой науке делают понятной не объяснимую иначе ненависть администрации к юноше-студенту.

После решения цензурного комитета (состоявшего из представителей высшей администрации и профессоров университета) относительно «Дмитрия Калинина» эта враждебность должна была приобрести еще бо́льшую остроту. В деле с пьесой Белинского несомненно сказалось нежелание университетской администрации предать огласке высших властей еще одну «политическую историю» в стенах университета. В этом отношении вполне допустима аналогия с знаменитой «маловской историей» (о ней см. выше), разыгравшейся 16 марта 1831 г. Университетское правление изобразило последнее невинной шалостью, лишенной политического характера [338]. Точно так же, вероятно, келейным способом решено было расправиться и с автором «Дмитрия Калинина».

Время исключения Белинского из университета определяется обычно сентябрем 1832 г.[339] Теперь мы можем уточнить дату исключения — 27 сентября — и документально установить, что непосредственным инициатором изгнания Белинского из Московского университета был Д. П. Голохвастов.

27 сентября 1832 г., в ответ на запрос Д. П. Голохвастова, инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин донес ему, что не имеет надежды на то, что из Белинского может «образоваться полезный чиновник по учебной службе».

Голохвастов на основе отзыва Щепкина сразу же, не медля ни дня, ни часу, составил и отправил ректору университета официальное предложение, в котором писал: «Не имея надежды, чтобы Сомов и Белинский: первый по совершенно расстроенному здоровью, а второй — тоже по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей, могли образоваться полезными чиновниками по учебной службе, долгом почитаю представить о сем во внимание вашего превосходительства и просить об увольнении их из университета»[340].

В тот же день, 27 сентября 1832 г., правление рассмотрело представление Голохвастова и постановило уволить Белинского из университета. В «журнале правления» это постановление, или «определение» было записано следующим образом: «Согласно предложению г-на помощника попечителя ⟨Голохвастова⟩ означенных в оном, находящихся на казенном содержании, слушателя Сомова и студента Белинского, уволить от университета и снабдить о учении их свидетельствами, с возвращением и представленных ими при поступлении в университет документов. О прекращении же им, Сомову и Белинскому, с 27 числа сентября казенного содержания—кассиру и економу дать указы»[341]. Постановление было принято в присутствии Двигубского, Давыдова, Ульрихса и Щепкина.

Зачем нужна была такая поспешность, совершенно необычная в делопроизводстве того времени? В один и тот же день инспектор составляет донесение помощнику попечителя, последний тут же пишет и посылает свое предложение ректору, которое немедленно и рассматривается правлением университета.

Эта поспешность может быть объяснена только одним: желанием очистить университет от неблагонадежного элемента в связи с приездом Уварова.

Политическая подоплека исключения косвенно подтверждается и позднейшей характеристикой Белинского, данной ректором в ответ на запрос московского генерал-губернатора: «Виссарион Белинский в сентябре 1832 г. уволен с казенного кошта по причине болезни и безуспешности в науках, поведения был неодобрительного». Акцент в этой характеристике, составленной, как мы знаем, для нужд полицейского дознания по политическому делу, стоял на ее заключительных словах. «Неодобрительное поведение» на языке николаевских чиновников являлось синонимом для обозначения политической неблагонадежности.

Сам Белинский считал днем своего выхода из университета 14 сентября 1832 г.[342] В действительности в этот день он, по всей вероятности, был лишь поставлен в известность, что разрешения на экзамен не получит и будет уволен. Свидетельство же об увольнении, состоявшемся, как сказано, 27 сентября, Белинский получил только 3 октября[343]. Документ этот не дошел до нас. О содержании его существует позднейшее показание К. Д. Кавелина в неизданном письме его 1874 г. к историку С. М. Соловьеву (в то время ректору Московского университета), к которому он обратился, по просьбе А. Н. Пыпина, с запросом о документах для биографии Белинского из университетского архива. В показание Кавелина, хотя и приведенное якобы со слов самого Белинского, следует, однако

внести существенный коррректив. Но прежде надо опубликовать текс письма, предоставленного в распоряжение редакции «Лит. наследства Н. Г. Розенблюмом. Кавелин писал Соловьеву:

⟨10 февраля 1874 г.

Милостивый государь,
многоуважаемый Сергей Михайлович!

Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой и надеяться что Вы не откажете ее исполнить, насколько исполнение окажетс возможным.

А. Н. Пыпин собирает отовсюду материалы для биографии Виссарион Григорьевича Белинского, которую собирается писать. Много данны у него уже собрано. Каждый из нас, ближайших друзей и знаксмы Белинского, делаем, с своей стороны, что можем, чтобы помочь А. Н. Пы пину в его благом намерении. Но при всех стараниях остается в жизн Белинского обстоятельство, которое может быть выяснено не иначе, ка при помощи архива Московского университета. В конце 1832 года ил в начале 1833-го Белинский был исключен из университета с таким атте статом, [с] при котором, как он мне сам говорил, все пути были ему за казаны. За что, почему — это в точности неизвестно. Говорят, что он будт бы продал казенный мундир, (Бел⟨инский⟩ был казеннокоштный сту дент по словесному факультету). Другие рассказывают, что он представи в университетскую цензуру какую-то неистовую драму с враждебным выходками против крепостного права, и это было поводом к его исключе нию. Сделайте великое одолжение, велите навести справку в архив университета, и какие окажутся сведения соблаговолите сообщить мн в засвидетельствованной копии. Если драма сохранилась, то не откажит доставить и с нее копию. Издержки переписки я вышлю немедленнс с величайшею благодарностью. Вступил Бел⟨инский⟩ в Московский уни верситет в 1829 году, и если бы за время его учения нашлись об нем какие нибудь сведения, Вы бы меня глубоко обязали, сообщив их. Позвольт надеяться, что Вы примете эту просьбу благосклонно и примите выражени моего отличного уважения и совершенной преданности.

К. Кавелин

С. Петербург
10 февраля 1874 года
Васильевск⟨ий⟩ Остр⟨ов⟩
7 лин⟨ия⟩ д. № 60[344].

Соловьев ничего не смог ответить на вопросы Кавелина, что и отмети Пыпин в своей биографии[345]. Но для нас важно сообщение Кавелин о том, что Белинский «сам говорил» ему о своем исключении с таким атте статом, «при котором ⟨...⟩ все пути были ему заказаны».

Несомненно, однако, что мы имеем здесь дело с ошибкой памяти Кавели на. Белинский говорил ему, конечно, не об «аттестате», который по своем содержанию не мог ничем отличаться от известного нам постановле ния правления университета, а о неофициальной внутриведомственно неблагоприятной характеристике Белинского.

Подтверждением этого является другое дошедшее до нас свидетельств Белинского. Н. Г. Чернышевский, со слов Некрасова, сообщал А. С. Зе леному: «Как студента неблагонамеренного ⟨...⟩ его ⟨Белинского⟩ исклк чили (исключил Голохвастов, помощник попечителя, тогда управлявши округом), сообщив во все университеты, чтобы это го неблагонамеренного студента никуда не при нимали»[346].

1832го Года Сентября 27го дня, Понедельника, въ Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, прибывъ Господа Присудствующіе:

Ректоръ Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій.

Непремѣнный Засѣдатель Иванъ Ивановичъ Давыдовъ

Деканы:

Юлій Петровичъ Ульрихсъ. } въ 11 час.
Павелъ Степановичъ Щепкинъ.

№	Апробовали и подписали Журналъ отъ 22 сего Сентября — потомъ: СЛУШАЛИ:	Когда исполнено.
	Указы Правительствующаго Сената:	
1.	1. за № 9084 по вопросу: могутъ ли личные Дворяне, получившіе при отставкѣ чинъ Коллежскаго Асессора и пріобрѣтшіе покупкою крестьянъ, владѣть оными, поступивъ снова на службу съ чиномъ титулярнаго Совѣтника. Хр.	
2.	2 за № 6757 объ отпускѣ свыше 28 дней чиновниковъ, опредѣлившихся на службу въ Грузію, Кавказскую область, За Кавказскія провинціи, Сибирь и Олонецкую Губернію. Хр.	
3.	3 за № 5991 по вопросу; слѣдуетъ ли	

№		Когда исполнено.
	Экономическимъ образомъ Экзекутору Ильину, а потому возложить на него исполненіе и по настоящему предложенію Гн Помощника Попечителя, съ тѣмъ, чтобъ о послѣдующемъ донесъ Правленію. Хр	
18.	3 за № 1126, объ увольненіи изъ Университета, находящихся на Казенномъ содержаніи: Слушателя Василія Сомова и Виссаріона Бѣлинскаго, перваго, по совершенно разстроенному здоровью, а послѣдняго также по слабому здоровью и по ограниченности его способностей. Приказали: Согласно предложенію Гна помощника Попечителя значащихся въ ономъ, находящихся на Казенномъ содержаніи слушателей Сомова и Виссаріона Бѣлинскаго, уволить отъ Университета и снабдить о ученіи ихъ свидѣтельствами, съ возвращеніемъ и представленныхъ ими при вступленіи въ Университетъ документовъ, о прекращеніи же [illegible] Сомову и Бѣлинскому съ 1го числа Октября Казеннаго содержанія Казначею и Эконому дать Указы, увѣдомить о семъ [illegible] и Директора Медицинскаго Института, а Инспектора Казенныхъ Студентовъ Профессора Щепкина. Хр.	

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 1832 г. О ИСКЛЮЧЕНИИ БЕЛИНСКОГО

Листы протокола первый и третий с текстом постановления (параграф 18)

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

Это очень ценное свидетельство, восходящее, несомненно, к самом Белинскому, независимо от того, слышал ли его Некрасов непосред ственно из уст критика или от кого-либо из его ближайших друзей.

Необходимо остановиться еще на том месте письма Кавелина, где о передает слух («говорят») о том, что Белинский был исключен якоб за то, что он «продал казенный мундир». Эту версию Кавелин мог слышать например, от Н. Х. Кетчера. В неизданном дневнике профессора И. К. Баб ста записана под датой от 16 июня 1857 г. его беседа с Н. Х. Кетчеро о Белинском (публикуется в настоящем томе Н. Л. Бродским). Расска зывая об университетской жизни критика, Кетчер сообщал, в частности «Живя в крайней бедности ⟨...⟩, он ⟨Белинский⟩ продал свой казенны студенческий мундир, за что и был исключен». Действительно ли име место случай, когда суровая нужда заставила Белинского продать выдан ный ему как казеннокоштному студенту форменный мундир или, что ве роятнее, Кетчер и Кавелин передавали слухи, не соответствовавши истине,— мы не знаем. Очевидно, однако, что факт продажи мундира если он вообще имел место, не мог быть сам по себе причиной исключени Белинского. За этот, вероятно, нередкий в неимущей среде казеннокошт ных студентов проступок он нес бы лишь материальную ответственность Во всяком случае в изученных нами архивных официальных материала об исключении Белинского мы не нашли никакого намека на этот гипо тетический эпизод.

Белинский очень долго не сообщал о происшедшем с ним несчасть домой. Вероятно, его молчание объяснялось не только боязнью огорчит родителей. Рассказать подлинные причины в письме было трудно и не безопасно. Многочисленные «шпекины» просматривали частную переписку «Я не буду, — пишет Белинский 21 мая 1833 г., — говорить вам о причи нах моего выключения из университета: отчасти собственные промах и нерадение, а более всего долговременная болезнь и подлость одного тол стого превосходительства. Ныне времена мудреные и тяжелые: подобны происшествия очень нередки»[347].

В период реакционного гонения на Московский университет, посл разгрома революционного кружка сунгуровцев, подобные происшествия как мы видели, действительно, были нередки. Белинский знал, что роко вую роль в его студенческой жизни сыграла «подлость одного толстог превосходительства», т. е. Д. П. Голохвастова, который, по рассказ Герцена, со времени своего назначения на пост помощника попечител «начал приметно толстеть, наружность его выражала еще больше важности он стал как-то больше говорить в нос, чем прежде, и фрак стал носит как-то пошире, без звезды, но, видимо, предчувствуя ее»[348].

Исключение Белинского вызвало большое возмущение среди студентов которым был очевиден злонамеренный произвол этого решения универ ситетской администрации.

«История Белинского, — вспоминает Головачев,— сильно взволновал студентов, и долго толковали о ней товарищи; на втором курсе мы с изум лением услыхали, что он исключен из университета за неспособностью конечно, никто из нас не подозревал в нем знаменитого критика, каки он явился впоследствии, но все же мы почитали его одним из самых умны и даровитых студентов и в исключении его видели вопиющую несправед ливость»[349].

В высшей степени показательно, что члены кружка Станкевича заин тересовались Белинским именно в связи с его исключением. Я. Неверо в неизданных заметках на книгу П. В. Анненкова о Станкевиче (1857 г. сообщает: «Белинский, будучи студентом, написал драму, сюжето которой было злоупотребление владетельного права над крестьянами Этот труд, плод юношеской восторженности, он [имел неоду⟨манность⟩

представил в цензуру и за это лишен был права посещать университет. Станкевич, услыхавши об этой истории от общего нашего товарища Клюш⟨нико⟩ва, пожелал прочесть драму и ознакомиться с автором»[350]. Сообщение Неверова полностью соответствует тому, что мы знаем о начальном периоде отношений Станкевича и Белинского. Недаром, Станкевич впоследствии писал критику: «Ты должен выменять образ Цветаева, который погубил твою Сироту» ⟨т. е. «Дмитрия Калинина»⟩[351].

Обскуранты и мракобесы, изгнавшие Белинского из стен Московского университета с чудовищной мотивировкой —«за неспособность»,— воздвигли себе тем самым подлинный «monumentum odiosum» — «памятник позора» в потомстве. «Collegium obscurorum virorum ⟨совет темных людей⟩ Московского университета, исключивший студента Белинского „за отсутствием способностей", сделал себя смешным на всю Россию»,— писал, еще при жизни великого критика, обозреватель русской жизни прогрессивного журнала «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft»[352].

Исключение Белинского из Московского университета — один из ярких фактов политического преследования передовых демократических сил молодой России николаевской реакцией 1830-х годов.

* * *

Мы рассмотрели первый период московской жизни Белинского (от 22 августа 1829 г.— до 27 сентября 1832 г.) с точки зрения его идейного развития и связей с передовой общественной мыслью 1830-х годов. После всего изложенного нельзя не признать, что представления биографов Белинского об этом периоде его жизни были до сих пор крайне неточны и упрощены. Факты говорят, что с самых первых дней пребывания в университете Белинский оказался в оппозиции к официальной науке и чиновничьему режиму, с одной стороны, и в самой гуще идейной и политической жизни «молодой России»,—с другой. Зрелища крепостнического рабства родной страны, зверств помещиков и беззакония властей усиливали и обостряли настроения антикрепостнического протеста и стремление Белинского к революционно-освободительным идеям.

Развитию и укреплению демократической идеологии Белинского способствовали также события польского восстания 1830—1831 гг. и непосредственное общение с передовыми студентами-поляками в Московском университете — носителями и пропагандистами революционных идей.

Истоки того миропонимания, которое определило деятельность Белинского в «Телескопе» и «Молве», — становятся теперь для нас яснее. Эти истоки берут свое начало в той почве национальной исторической действительности и в тех изученных нами конкретных условиях ее развития, которые всего лишь через несколько лет после поражения декабристского восстания обусловили в 1830-е годы начало нового подъема русской революционно-демократической мысли. Во главе этого движения суждено было стать в недалеком будущем Белинскому.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АМГУ — Архив Московского государственного университета.

Арг — Н. А. Аргилландер. Виссарион Григорьевич Белинский. (Из моей студенческой с ним жизни).— Впервые: «Русская старина», 1880, № 5, стр. 140—143.

БВС — В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1948.

БКр — В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948.

БСб — В. Г. Белинский. 1848—1948. Сборник статей и документов. Пенза, 1948.
ГИМ — Гос. исторический музей.
ДР — Докладный реестр.
ЖП — Журнал правления.
ЖС — Журнал совета.
ЖСО — Журнал словесного отделения.
ЛБ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.
МОГИА — Моск. областной гос. исторический архив.
МФ — Медицинский факультет.
П — Правление.
РД — Ректорские дела.
РМС — Российские медицинские списки.
с — Стол.
СУ — Списки об успехах с 1829 по 1832 гг.
ФС— Формулярные списки чиновников Московского учебного округа.
ЦГИА — Центр. гос. исторический архив.
ЦГЛА — Центр. гос. литературный архив.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— «Библиотека для чтения», 1859, № 12; Н. Иванисов. Воспоминания о Белинском.— «Московские ведомости», 1861, № 135, 21 июня; К. Аксаков. Воспоминание студентства 1833—1835 гг.— «День», 1862, № 39—40; Г. Г‹оловачев›. Университетские воспоминания. — «День», 1863, № 42; Н. Аргилландер. В. Г. Белинский.— «Русская старина», 1880, № 4; «Белинский. Новые данные для его биографии». Сообщ. кн. Енгалычевым. — «Русская старина», 1876, № 1—2; С. Щепкин. Увольнение Белинского из Московского университета.— «Русская старина», 1876, № 3; А. Н. Пыпин. Материалы для биографии Белинского.— Сб. «Памяти Белинского», М., 1899 и др.

Из работ на эту тему см.: С. Венгеров. Великое сердце.— «Очерки русской литературы», изд. 2-е, СПб., 1907 и М. Поляков. Белинский в Московском университете, М., изд. МГУ, 1947. Последняя работа ставила своей задачей раскрытие только одной стороны этого периода жизни Белинского, забытой в научной литературе. Поэтому книжка имела подзаголовок: «Литературное общество 11 нумера».

[2] И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— БВС, стр. 347. О причинах исключения Белинского из университета см. в III гл. настоящей работы.

[3] Кс. Полевой. Сочинения В. Белинского.— «Северная пчела», 1859, № 229, стр. 917.

[4] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6, СПб., 1892, стр. 81 — 82.

[5] Там же, кн. 9, СПб., 1895, стр. 347 («Некролог Белинскому»).

[6] Ю. Айхенвальд. Спор о Белинском, М., 1914, стр. 19—23.

[7] С. А. Венгеров. Очерки русской литературы, 2-е изд., СПб., 1907, стр. 337; Полн. собр. соч. Белинского, т. I, СПб., 1900, стр. 129.

[8] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 73—74; И. А. Гончаров. Заметки о личности Белинского.— Полн. собр. соч., т. XI, СПб., 1912, стр. 183—187; см. еще в настоящем томе письмо И. А. Гончарова к К. Д. Кавелину, стр. 259—264.

[9] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— «Библиотека для чтения», 1859, № 12, стр. 1—14; И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— «Московский вестник», 1859, № 17, стр. 203—212; Ив. Остров‹ид›ов. Несколько слов о г. Белинском. — «Московские ведомости», 1859, № 293, 10 декабря, стр. 2070.

[10] Н. Иванисов. Воспоминания о Белинском.— «Московские ведомости», 1861, № 135, 21 июня, стр. 1089; Г. Г‹оловачев›. Университетские воспоминания.— «День», 1863, № 42, 19 октября, стр. 7.

[11] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1876, т. I, стр. 72, прим. 2; А. Н. Пыпин. Материалы для биографии Белинского. Пребывание в Московском университете.— Сб. «Памяти Белинского», М., 1899, стр. 107.

[12] Н. Енгалычев. В. Г. Белинский. Новые данные для его биографии.— «Русская старина», 1876, № 1, стр. 53.

[13] Н. Мордовченко. Неизданная рукопись студенческого сочинения Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 291—296; «Переписка Белинского с родными» — «Лит. наследство», т. 57.

[14] См. в гл. III настоящей работы впервые публикуемый текст письма К. Д. Кавелина к С. М. Соловьеву от 10 февраля 1874 г.

[15] В. Якушкин. Новые материалы для биографии В. Г. Белинского.— «Русская старина», 1900, № 5, стр. 419; «Памятная книжка Константиновского межевого института за 1901—1902 гг.» М., 1902, стр. 117. В обеих публикациях текст воспроизведен по копии. В третий раз документ был опубликован в кн. «В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии великого критика», Пенза, 1948, стр. 241—243.

[16] Н. И. Сазонов. Литература и писатели в России.— «Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 196.

[17] БКр, стр. 68. Белинский в это время усиленно занимался греческим и французским языками, которых в гимназии он не изучал. (Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского ‹Пыпина›. — Белинский. «Письма», т. III, СПб., 1914, стр. 417, 433).

[18] «Московские ведомости», 1829, № 56, 13 июля, стр. 2605—2606.

[19] В письме к Г. Н. и М. И. Белинским от 20 апреля 1832 г. Белинский указывает, что на проезд от Чембара до Москвы нужно 10 дней (см. «Лит. наследство», т. 57, стр. 85). Отсюда, в сопоставлении с известной датой приезда Белинского в Москву, определяется время его отъезда из Чембара.

[20] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 7.

[21] АМГУ, ЖП, 1829, т. 3, протокол от 12 сентября; ф. ДР, т. 6 — 1829 г., л. 59 об.

[22] АМГУ, ф. П,1 с., д. № 9 «О принятии в студенты Виссариона Белинского», 1829 г. (Ср. А. Н. Пыпин. Материалы для биографии Белинского.— Сб. «Памяти Белинского», М., 1899, стр. 107). См. письма Белинского к родным от первых чисел октября 1829 г. («Лит. наследство», т. 57, стр. 13—18).

[23] Г. Г‹оловачев›. Университетские воспоминания.— «День», 1863, № 42, 19 октября, стр. 7.

[24] Белинский писал Ивановым 13 января 1831 г.: «Чтобы приобрест такие познания, с какими поступил в университет я, ваш брат, и поступают множество других, потребно не более трех месяцев посредственного прилежания» («Письма», I, 26.— Подчеркнуто Белинским).

[25] АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 9 «О принятии в студенты Виссариона Белинского» 1829 г., л. 5 (ныне находится в ЦГЛА).

[26] Там же, л. 6. Подписки были введены еще в 1822 г., но применяться в обязательном порядке стали только после 14 декабря 1825 г.

[27] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 13; «Московские ведомости», 1859, № 293, 10 декабря, стр. 2070; «Русская старина», 1876, № 1, стр. 53; А. Н. Пыпин Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 35. Ср. «Летопись жизни Белинского». Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 13.

[28] АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 9—1829 г.

[29] АМГУ, ЖП, 1829, т. 3. Протокол от 30 сентября; ф. ДР, т. 6—1829 г., л. 104—104 об.

[30] АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 188—1834 г., л. 1. См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 16.

[31] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 16.

[32] АМГУ, ЖП, 1829, т. 3, протокол от 17 октября, пп. 51 — 54; ф. ДР, т. 7— 1829 г., л. 39—39 об.

[33] «Обозрение публичного преподавания наук в имп. Московском университете», М., 1830, стр. 1. Из «ведомостей» профессоров за этот год явствует, что фактически занятия начались: у Победоносцева — 9 сентября, у Каченовского — с сентября, у Терновского — 7 января, по языкам — с января (АМГУ — СУ).

[34] «Лит. наследство», т. 57, стр. 13. Письмо без даты. Написано между 25 сентября (когда Белинский подал прошение об определении на казенный кошт) и 30 сентября (когда он получил письмо от отца).

[35] АМГУ, ф. Совета, д. № 405—1826 г. Отношение правления Моск. университета от 18 мая 1826 г. за № 1846.

[36] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. XIII, М.—Л., 1937, стр. 315.

[37] И. М. Соловьев. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников, вып. I, Университеты до эпохи 60-х гг., СПб., 1914, стр. 52.

[38] Н. Щедрин. Письма к тетеньке. Письмо пятнадцатое.— Полн. собр. соч., т. XIV, Л., 1936, стр. 514.

[39] «Из бумаг князя В. Ф. Одоевского».— «Русский архив», 1874, кн. 1, № 2, стб. 341.

[40] К. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 гг.— «День», 1862, № 40, стр. 3. Отд. изд.— СПб., 1911, стр. 39.

[41] На посещение Белинским лекций Павлова первым указал Пыпин, но указал голословно, не приведя никаких доказательств (А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1876, т. I, стр. 66). Между тем в позднейшей литературе это произвольное указание было воспринято в качестве бесспорного, установленного факта. Так, Н. Л. Бродский, утверждая, что «Теория природы ‹...› усваивалась им ‹Белинским›

на лекциях Павлова», не считает необходимым чем-либо подтвердить это положение, полностью доверяя, видимо, сообщению Пыпина (Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 95).

Конечно, статьи Павлова не прошли мимо Белинского, но речь здесь идет не о статьях, а о слушании лекций.

42 «Отчет о состоянии и действии Моск. имп. университета» 1834 г. Н. С. Тихонравов. Соч., М., 1898, т. III, ч. 1, стр. 595.

43 АМГУ — СУ.

44 «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца», М., 1796, ч. I, стр. 19, 69, 70—71. Ср. хрестоматию Победоносцева «Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста», М., 1816, ч. 1 и 2.

45 Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского ‹Пыпина›. —Белинский, «Письма», т. III, стр. 410.

46 И. С. Тургенев. Соч., т. XII, М.—Л., 1933, стр. 5—6.

47 АМГУ — СУ, л. 23.

48 Н. Ф. Кошанский. Общая реторика, СПб., 1818 и Частная реторика, СПб., 1832; Опыт риторики, сочиненный... Иваном Рижским, Харьков, 1805; А. С. Никольский. Логика и риторика, СПб., 1790 (изд. 5-е).

49 «Конспекты отделения словесных наук при имп. Московском университете», М., 1827, стр. 100, 106.

50 Там же, стр. 108, 110.

51 Там же, стр. 110.

52 «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб., 1866, стр. 39; П. Макаров. Сочинения и переводы, т. I, ч. II, М., 1817, стр. 24—27.

53 «Конспекты отделения...», М., 1827, стр. 110.

54 АМГУ — ЖСО—1833 г., л. 78.

55 В. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности, М., 1949, стр. 299 и 301. Отметим попутно, что нам кажется совершенно необоснованным предположение В. С. Нечаевой о том, что две нерасшифрованные Н. И. Мордовченко заглавные буквы — «П. Л.», стоящие в подзаголовке «Рассуждения», означают «Посвящено Лажечникову» (стр. 431—432). Странно, зачем бы стал Белинский посвящать Лажечникову учебное сочинение и для чего бы понадобилось ему при этом зашифровывать и в столь необычном виде это посвящение?

56 «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 111.

57 Н. В. Станкевич. Переписка, М., 1914, стр. 209.

58 АМГУ — СУ, л. 2.

59 Там же, л. 3.

60 «Телескоп», 1831, № 5, стр. 87.

61 «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. II, стр. 63.

62 «Письмо из Сибири».— «Труды Общества любителей российской словесности», ч. XI, М., 1818, стр. 68—69.

63 АМГУ — СУ, л. 1.

64 «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 33—34, 36.

65 «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. II, стр. 96.

66 «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 8, 10, 13, 17.

67 Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского ‹Пыпина›—Белинский, «Письма», т. III, стр. 419.

68 Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 442, 479—480.

69 «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 294.

70 П. Прозоров. Белинский и Московский университет...— БВС, стр. 73.

71 Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 459, 467.

72 И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— БВС, стр. 19.

73 БВС, стр. 75.

74 К. Аксаков. Воспоминание студентства 1833—1835 гг., СПб., 1911, стр. 12.

75 Г. Г‹оловачев›. Университетские воспоминания.— «День», 1863, № 42, 19 октября, стр. 8.

76 Н. Станкевич. Переписка, М., 1914, стр. 209.

77 АМГУ — СУ, лл. 23, 69.

78 Новейшую сводку данных о Мерзлякове см. Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 74—81.

79 «День», 1863, № 42, стр. 8.

80 Там же, стр. 8.

81 А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе, СПб., 1905, т. I, стр. 134, 147.

82 Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 481, 483 и др.

[83] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. I, стр. 294.
[84] АМГУ — СУ, л. 45 об.
[85] Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского <Пыпина>.— Белинский, «Письма», т. III, стр. 421.
[86] АМГУ — СУ, л. 49.
[87] Там же, л. 49 об.
[88] Л. Ланский. Библиотека Белинского.—«Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 494, 501, 551—552, 556—557.
[89] АМГУ — СУ, л. 49 об.
[90] Там же, л. 42.
[91] Там же, л. 43.
[92] Там же, л. 36.
[93] «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 121—122.
[94] АМГУ — СУ, л. 37.
[95] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. I, стр. 176.
[96] АМГУ — СУ, л. 53.
[97] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 21.
[98] С. Шевырев. История имп. Московского университета, М., 1855, стр. 350.
[99] АМГУ — СУ, л. 9.
[100] Н. Бродский. Я. М. Неверов и его автобиография.—«Вестник воспитания», 1915, № 6, стр. 103. Конспект лекций Ульрихса опубликован в 1827 г. («Конспекты отделения словесных наук...», стр. 71—97).
[101] «Конспекты отделения...», М., 1827, стр. 71, 74.
[102] Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 514.
[103] «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 294.
[104] АМГУ — СУ, л. 10.
[105] И. А. Гончаров. Полн. собр. соч., СПб., 1899, т. XII, стр. 21—24. Ср. в настоящем томе, стр. 267.
[106] К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1833—1835 гг., СПб., 1911, стр. 24—25. В архиве МГУ сохранилось его сочинение «О состоянии отечественной словесности древней и средней», написанное в духе скептической теории Каченовского.
[107] С. Скромненко. О недостоверности древней русской истории и сложности мнения касательно древности русских летописей, М., 1834, стр. 1—3, 5.
[108] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, М.—Л., 1931, стр. 648—649.
[109] См. В. Баскаков. Социологические воззрения В. Г. Белинского, М., 1948, стр. 72—73.
[110] С. Скромненко. Критический взгляд на статью под заглавием: Скандинавские саги, помещенную в первом томе «Библиотеки для чтения», М., 1834, стр. 14—15.
[111] «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 45. Центр тяжести конкретного изложения Каченовского падал на историю послепетровской России. Главным руководством для этого являлись записки самого преподавателя (там же, стр. 47).
[112] Цит. по книге П. Н. Милюкова. Главные течения русской исторической мысли, М., 1898, т. I, стр. 285.
[113] АМГУ — «Журнал этико-политического отделения» 1829/30 уч. г.; «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. II, стр. 243.
[114] Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 1, стр. 230—231.
[115] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. II, стр. 244.
[116] БКр, стр. 64, 67.
[117] «*Урания. Карманная книжка на 1826 г.*», М., 1826, стр. 39; Ср. «Повести Михаила Погодина», М., 1832, ч. I, стр. 77.
[118] «Телескоп», 1832, № 17, стр. 107.
[119] ЛБ, архив М. П. Погодина. Сообщено В. П. Гурьяновым.
[120] ГИМ, ф. Забелина. «Русская история, лекции, читанные Адъюнктом Московского университета Михаилом Погодиным. 1833. Принадлежит Виссариону Белинскому». Последние слова: «Сколько было возможно по его обстоятельствам и самым вер...». В правом верхнем углу титульного листа рукой Н. Х. Кетчера (чернилами): «Забелину от Кетчера». В левом углу штемпель: «Библиотека Ивана Егоровича Забелина». Тот же штемпель на л. 1. Пагинация автора (постраничная, чернилами): 1—94. Две самодельные тетрадки из грубой серой и синеватой бумаги (вперемежку). Шифр: ф. 440, ед. хр. 1059.

121 «Русский архив», 1887, № 1, стр. 230.

122 Н. Барсуков. Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву.— «Русский архив», 1882, № 5, стр. 117.

123 Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4, СПб., 1891, стр. 60. Кроме того, следует отметить, что адъюнктом Погодин был с 1828 г. до 28 марта 1833 г. С этого времени он утвержден ординарным профессором всеобщей истории (АМГУ — ФС).

124 «Московский вестник», 1828, № 4, стр. 482—490.

125 «Московский вестник», 1828, № 19—20, стр. 285—318; № 23—24, стр. 254—285.

126 «Древняя и новая всеобщая история Шрекка», ч. I, СПб., 1827, стр. VIII, IX.

127 Н. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941, стр. 258.

128 Здесь и ниже цитаты даны по конспекту Белинского, хранящемуся в ГИМ, ф. Забелина (см. прим. 120).

129 Погодин в этих воспоминаниях дал резкую и несправедливую оценку Белинского с позиций сторонника самодержавного строя: «В статьях его не примечалось никакого таланта, одни общие места. Первая статья его „Литературные мечтания“ показалась нам докучною сказкой, повторявшею старые зады и не заключавшею ничего нового. Но Пушкин, долг справедливости требует сказать, обратил на нее внимание и прислал, кажется, экземпляр только что напечатанного „Бориса“ ⟨номер „Современника“. Погодин ошибся.— *М. П.*⟩ Белинскому чрез Соболевского, „потихоньку“, писал он, „от наблюдателей“, то есть от издателей „Московского наблюдателя“, в котором заведывал литературною частью Шевырев, уже выразивший свое нерасположение к Белинскому. Тогда же прислал он ко мне экземпляр „Бориса“ и для Надеждина, который в „Вестнике Европы“ Каченовского начал свое литературное поприще бранными выходками против Пушкина и долго ратовал против него. Должен заметить, что Пушкин, так как и Гоголь, имели малодушие смущаться журнальною бранью и газетными отзывами, несмотря на все к ним презрение. И Пушкин и Гоголь видели в Белинском выгодного глашатая, содействующего в необразованной публике к выгоднейшему сбыту.

„Телескоп“ и „Молва“ после известной катастрофы из-за письма Чаадаева погибли, Андросов едва мог тянуть „Наблюдатель“ и решился передать его компании тогдашних прогрессистов, в коей участвовал Бакунин, Белинский, Кудрявцев. Андросов был очень резок и остер. Я помню, как он смеялся над первыми книжками. „Прежних сотрудников,— говорил он,— я едва мог с места двигать, а с новыми удержу нет“» (ЛБ, архив Погодина).

Извлекая из этих воспоминаний крупицы фактических данных для биографии Белинского, нет нужды опровергать явные клеветнические измышления Погодина об отношении к критику Пушкина и Гоголя. Следует, кроме того, отметить, что в «Дневнике» Погодина указано несколько встреч с Белинским:

⟨27 января 1835 г.⟩ «Был у меня Белинс⟨кий⟩. Мал⟨ый⟩ с чувством, какие попадаются редко. Обращал его к умеренности» (л. 125).

⟨31 мая 1835 г.⟩ «У Белинс⟨кого⟩.— Встрет⟨ился⟩ с Станк⟨евичем⟩, Бодян⟨ским⟩ и проч.— С Бел⟨инским⟩ о Б⟨неразобрано⟩ переводе» (л. 128).

⟨19 июня 1835 г.⟩ «Со Станк⟨евичем⟩ и Белинс⟨ким⟩ о литературе» (л. 128 об.).

(ЛБ. Арх. Погодина. М. 3492).

130 Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4, СПб., 1891, стр. 208—212, 309—311, 347.

131 Там же, стр. 218—219.

132 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 21.

133 Н. Надеждин. Автобиография.— «Русский вестник», 1856, т. II, кн. 1, март, стр. 63. Запись в ЖП от 14 января 1832 г. указывает, что Надеждин вступил в должность 18 января 1832 г. (АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 5, л. 2). В дневнике Погодина отмечено под 25 января 1832 г.: «С Надеждиным на лекции. Он имеет дар слова удивит⟨ельный⟩. Есть и одушевление» (ЛБ. Архив Погодина. М. 3492, л. 76 об.).

134 БВС, стр. 78, 80.

135 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1876, т. I, стр. 67.

136 П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС, стр. 79.

137 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 123.

138 Там же, стр. 150.

139 П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС, стр. 75. Ср. Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 3, стр. 346.

140 Ср. Б. Мейлах. Пушкин и русский романтизм, Л., 1937, стр. 43—44.

141 Полн. собр. соч. В. Г. Белинского. Под ред. С. А. Венгерова. Т. I, СПб., 1900, стр. 501—502, 508.

142 Там же, стр. 506—507.

143 См. письмо И. А. Гончарова к А. Н. Пыпину в настоящем томе, стр. 264—269.

144 К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов, СПб., 1911, стр. 22.

145 «Русский вестник», 1856, т. II, кн. 1, март, стр. 61—63.

[146] Здесь и далее цитаты приводятся по неизданной рукописи Надеждина, хранящейся в АМГУ в делах Совета 1831 г., д. № 97, лл. 5, 23, 27 об., 32 об., 35, 44 об., 45, 46, 47.

[147] «Телескоп», 1831, ч. III, стр. 233, 234, 236.

[148] Подробнее см. М. Поляков. Белинский в Москве, М., 1948, стр. 91—119.

[149] И. А. Гончаров. Полн. собр. соч., СПб., 1899, т. XII, стр. 39; Н. Н. Мурзакевич. Автобиография. М., 1886, стр. 55.

[150] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 21.

[151] АМГУ, ф. II, 1 с., д. № 202—1828 г.

[152] АМГУ — СУ, «Журнал этико-политического отделения».

[153] В. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования.— «Вестник Европы», 1876, № 11, стр. 85.

[154] П. Вистенгоф писал: «Хотя в январе месяце университет и был открыт, но лекции, как самими профессорами, так и студентами посещались неаккуратно, надлежащий порядок еще не был восстановлен...» («Исторический вестник», 1884, № 5, стр. 331).

[155] АМГУ — ЖП, 1831, т. 3, протокол от 15 сентября, п. 62.

[156] АМГУ — ЖСО. Прилож. к д. № 19.

[157] Г. Г⟨оловачев⟩. Университетские воспоминания.— «День», 1863, № 42, стр. 7.

[158] «Из бумаг князя В. Ф. Одоевского». — «Русский архив», 1874, кн. I, № 2, стб. 341.

[159] Н. Иванисов. Воспоминания о Белинском.— «Московские ведомости», 1861, № 135, 21 июня, стр. 1089. См. отзыв о них Достоевского (сб. «Творчество Достоевского». Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921, стр. 111—121).

[160] «Памяти Белинского», М., 1899, стр. 108, 109.

[161] АМГУ — ЖП, 1831, т. 3, протокол от 19 октября, пункты 41—42. Приводим этот неизданный документ:

«41. Отношение отделения словесных наук о том, что по учиненному экзамену оказались способными к переводу на ординарные лекции словесного отделения студенты казенные: Евланов и Померанцев, своекоштный слушатель Петров, неспособными: казенный студент Белинский и своекоштный Заборовский.

42. Прошение означенного студента Белинского об определении его в число канцелярских служителей училищного комитета. По справке же оказалось, что он, Белинский, и в прошлом 1830 году за малоуспешность в науках не был удостоен переводом на ординарные лекции.

Приказали: Казенного студента Виссариона Белинского, оказавшегося неспособным к слушанию ординарных лекций, согласно его прошению принять в число канцелярских служителей сего правления с жалованием по 200 руб. в год, из числа же казенных студентов исключить, о чем и представить его сиятельству г-ну попечителю на утверждение».

То же и в ДР, т. 7, 1831 г., лл. 26 об.—27.

[162] «Памяти Белинского», М., 1899, стр. 109—111.

[163] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 84—86 и сл.

[164] И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— БВС, стр. 20.

[165] В. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования.— «Вестник Европы», 1876, № 11, стр. 85.

[166] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 1919, стр. 114.

[167] К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов.— «День», 1862, № 39, стр. 3; Отд. изд.— СПб., 1911, стр. 10.

[168] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 1919, стр. 99.

[169] «Документы к биографии ⟨Белинского⟩». — «В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии великого критика», Пенза, 1948, стр. 138—139 (данные формулярного списка Г. Н. Белинского за 1834 г.). Непонятна ошибка В. С. Нечаевой, указывающей, что чин коллежского асессора был получен Г. Н. Белинским в 1831 г. («В. Г. Белинский», М., 1949, стр. 411).

[170] Все данные о социальном составе студентов словесного отделения за 1829—1832 гг. извлечены из «Списка казеннокоштных студентов и воспитанников имп. Московского университета словесного отделения. 1832» и «Списка своекоштных студентов и слушателей Московского имп. университета словесного отделения. 1832» (АМГУ), публикуемых в приложении к настоящей работе. Очень показательны данные о социальном составе студентов за 1832/33 академический год. В «Отчете о студентах и слушателях университета за 1833 г. и проч.» мы находим следующую таблицу:

«Итого:

из дворян	263 чел.
из духовного звания	98 чел.
из купечества	56 чел.
из мещан	54 чел.
из азночинцев	70 чел.»

Таким образом, если даже не дифференцировать группу «дворян», состоящую и разнообразных слоев, то в этом случае все прочие сословия — разночинцы — состаı ляют 278 чел. Демократический характер состава учащихся из этой официальной таб лицы совершенно ясен (АМГУ, ф. РД, д. № 57—1833 г. «Отчет о студентах и слушате лях», л. 54 об.).

171 «Лит. наследство», т. 39—40, 1941, стр. 358.

172 М. В. Нечкина. Неистовый Виссарион и его эпоха.— «Лит. газета», 194 № 45, 5 июня.

173 В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. XX, М., 1948, стр. 224.

174 Т. П. Пассек. Воспоминания («Из дальних лет»), изд. 2-е, СПб., 190 т. III, стр. 232.

175 «Русский архив», 1887, № 5, стр. 74—75.

176 «Петербургское общество при восшествии на престол имп. Николая I. По дс несениям М. М. Фон-Фока А. Х. Бенкендорфу».— «Русская старина», 1881, № стр. 185; № 10, стр. 304, 316—317.

177 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 191 стр. 575.

178 ЛБ, архив М. П. Погодина. «Дневник Погодина за 1829—1842 гг.» (М., 349 л. 22 об.).

179 МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1831 г., оп. 31, д. № 6 л. 359 об.

180 ГИМ, ф. 372/25, ед. хр. 48235, «Дневник Неверова», лл. 4—5.

181 М. Лемке. Тайное общество братьев Критских. — «Былое», 1906, № стр. 41—57.

182 В. Ганцова-Берникова. Отголоски декабрьского восстания 1825 г.- «Красный архив», 1926, № 16, стр. 159—204; М. И. Мальцев. А. А. Шишков А. С. Пушкин.— «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 109—110.

183 «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 110—113.

184 М. Поляков. Белинский в Москве, М., 1948, стр. 33.

185 Белинский посылал брату автографы Тепловой (см. «Лит. наследство», т. 5 стр. 68).

186 «Каторга и ссылка», 1925, № 8 (21), стр. 259—260.

187 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг 1919, стр. 109—111.

188 Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Ру ский архив», 1887, № 4, стр. 336—340. Дополнения см. в статье Н. Н. Калугин «Студенты Московского университета в былое время». — «Русский архив», 190 № 11, стр. 422—427.

189 Там же, № 5, стр. 75.

190 МОГИА, Дела попечителя Моск. учебн. округа, 1831, ф. 459, св. 152, № 406

191 «Заветы», 1913, № 3, стр. 18.

192 Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Ру ский архив», 1887, № 5, стр. 76; «Заветы», 1913, № 3, стр. 18—20.

193 ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 150, 1833 г., л. 13.

194 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 122.

195 А. Полканов. Севастопольское восстание 1830 г., Симферополь, 193 стр. 73—74; С. Гессен. Холерные бунты, М., 1932, стр. 13—14; ср. такж Н. Варадинов. История министерства внутренних дел, СПб., 1862, ч. III, кн. 1 стр. 314 и 436. У него отмечены массовые восстания крестьян в 1830—1832 г в Пензенской, Саратовской, Тамбовской и других губерниях.

196 «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л., 1927, стр 304.

197 «С.-Петербургские ведомости», 1830, № 94—95, 8 августа, стр. 620—621; № 9 11 августа, стр. 625—626. То же «Северная пчела», 1830, № 94, 7 августа.

198 В. С. Печерин. Замогильные записки, М., 1932, стр. 38.

199 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 191 стр. 135 и 99.

200 ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 150, 1833 г., л. 13.

201 «Русский архив», 1887, № 5, стр. 76.

202 ГИМ, ф. 372/25, ед. хр. 48235, «Дневник Неверова», л. 7.

203 ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 150, 1833 г., лл. 19—20.

204 ГИМ, ф. 372/25, ед. хр. 48235, «Дневник Неверова», л. 4 об.

205 «Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 196.

206 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 191 стр. 109.

207 Данные извлекаем из списков казеннокоштных и своекоштных студенто (АМГУ—СУ).

208 «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 291—294.

209 Бахман. Всеобщее начертание теории искусств, ч. 1, М., 1832, «От перево чика», стр. V.

210 В драме «Пятидесятилетний дядюшка» Белинский вывел декабриста Думског

который «в Сибирь пошел» и которого, по словам старого слуги, «сгубили его злодеи. А барин-то какой, чтоб им — собакам — ни дна, ни покрышки на том свете». Это было настолько прозрачным осуждением Николая I, что цензор вычеркнул эту тираду (В. Г. Белинский. Пятидесятилетний дядюшка, Пг., 1924, стр. 122).

[211] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.—БВС, стр. 77.

[212] Арг — БВС, стр. 69.

[213] «Русская старина», 1885, № 1, стр. 16—17.

[214] АМГУ, ф. Инспект. дела, 1834, № 12 «Отчет за 1834 г.», л. 5—5 об.

[215] В. С. Нечаева, ссылаясь на установленную нами дату окончания «Дмитрия Калинина» (см. М. Поляков. Белинский в Московском университете, М., 1947, стр. 17—18), возражает на наше утверждение, что трагедия задумана «во время летнего пребывания в Чембарах в 1830 году». Она пишет: «Вторую половину лета и часть осени 1830 г. Белинский провел в Чембаре, приехав туда на вакации. Следовательно, незадолго до окончания драмы старые чембарские впечатления еще освежились этим посещением, хотя, конечно, нет никаких оснований категорически утверждать, что именно в это летнее пребывание в Чембаре драма и была им задумана. Может быть, она была задумана еще в 1829 г., до отъезда в Москву (судя по использованному в ней материалу), может быть и позднее» (В. Нечаева. «В. Г. Белинский», М., 1949, стр. 309).

Стараясь доказать, что и «Рассуждение», и «Дмитрий Калинин» принадлежат к «чембарско-пензенскому» периоду, В. С. Нечаева не останавливается перед самыми несостоятельными заключениями.

[216] Арг—БВС, стр. 70.

[217] И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— БВС, стр. 20.

[218] МОГИА, ф. 31 (Моск. ценз. комитета), оп. 1, св. 3, д. № 13, «Книга для записи рукописей за 1831 г.», л. 10 об.

[219] БКр, стр. 3—20.

[220] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 40.

[221] МОГИА, ф. 31, оп. 5, св. 366, д. 70, л. 22—22 об. Подлинник написан рукой цензора Цветаева. На документе вверху помета: «Получено генваря 30 дня 1831 года» и входящий номер (25) Моск. ценз. комитета. Все документы цензурной истории «Дмитрия Калинина» сообщены редакции «Лит. наследства» Е. Барштейн и В. Гусаровой.

В последнее время Н. Л. Бродский попытался проанализировать отношение цензора к пьесе, основываясь на пометках последнего на рукописи (БКр, стр. 3—20).

[222] МОГИА, ф. 31, оп. 3, св. 201, д. 2165, лл. 11—12. После каждого абзаца «журнала» следует скрепа, которая в целом читается: «Секретарь Московского цензурного комитета Адъюнкт Измаил Щедритский».

[223] М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 39—40.

[224] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, М., 1897, стр. 110—111.

[225] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 45.

[226] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, лл. 1—2.

[227] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1833 г., д. № 53 «Об открытой в Витебске переписке, вредной правительству, с студентом Московского университета Заблоцким и прочими», лл. 2—3.

[228] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1839 г., д. № 65 «Об учреждении по высочайшему повелению за Мазуром, Коллонтаем и Заблоцким секретного надзора», л. 6. Отношение попечителя Моск. учебн. округа от 27 мая 1839 г.

[229] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1839 г., д. № 65.

[230] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 1919, стр. 126—127.

ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, «Записка московского обер-полицеймейстера Муханова».

[231] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183, лл. 19 об.— 20 об.

[232] МОГИА, 1833 г., д. № 53, лл. 5—12.

[233] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, лл. 22—23; МОГИА, д. № 53, л. 14.

[234] МОГИА, 1833 г., д. № 53, л. 14.

[235] Там же, л. 14.

[236] Там же, лл. 32—33.

[237] Там же, л. 34—34 об.

[238] Там же, л. 38—38 об.

[239] Там же, л. 39.

[240] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183, л. 55; ЦГИА, Собрание всеподданнейших докладов, № 46, к. 1, стр. 149.

[241] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183.

[242] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, М., 1935, стр. 548; ср. т. V, М., 1929, стр. 265.

[243] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. XX, М., 1948, стр. 403; ср. т. VI, М., 1946, стр. 415—416.

[244] К. Военский. Император Николай и Польша в 1830 году, СПб., 1905, стр. 48.

[245] Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма. Ред. и прим. С. Я. Штрайха. Пг., 1923, стр. 52.

[246] И. Беккер. Декабристы и польский вопрос.— Вопросы истории, 1948, № 3, стр. 73.

[247] А. И. Герцен. Былое и думы.— Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 1919, стр. 125.

[248] Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 5, стр. 75.

[249] ЛБ, Архив М. П. Погодина. «Дневник Погодина за 1829—1842 гг.», л. 48 об.

[250] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. X, Пг., 1919, стр. 249.

[251] Б. П. Козьмин. Из литературного наследства Н. И. Сазонова.— «Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 251.

[252] АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 225, 1831 г.; МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1839 г., д. № 65 «Об учреждении по высочайшему повелению за Мазуром, Коллонтаем и Заблоцким секретного надзора», л. 6.

[253] АМГУ, «Ведомость из класса российской словесности Петра Победоносцева с сентября по январь месяц 1832 года». Здесь указано, что одновременно с Белинским лекции слушали А. Ефремов, В. Красов, М. Лермонтов, Я. Почека, С. Строев, И. Бодянский, Ф. Заблоцкий, И. Гончаров и будущие мемуаристы П. Прозоров и П. Вистенгоф. Ф. Заблоцкий посещал лекции очень аккуратно и получил «тройку».

[254] АМГУ, «Ведомость из класса латинского языка от магистра Кубарева с августа месяца по январь месяц 1832 г.». Здесь значатся все те же лица, что и в первой ведомости.

[255] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС, стр. 72—73.

[256] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183 «Записка московского обер-полицеймейстера Муханова» и «Рапорт Комиссии», л. 19 об.

[257] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, М., 1929, стр. 265.

[258] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183, л. 2 об. Донесение Хованского.

[259] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1831 г., д. № 53, лл. 14—15.

[260] Там же, лл. 14, 26. Скульский — революционер и участник восстания, описан в «Воспоминаниях А. Л. Зеланда» («Русская старина», 1892, № 9, стр. 522).

[261] Там же, 1832 г., д. № 69, л. 1.

[262] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183, лл. 19 — 21; МОГИА — там же, д. № 53, лл. 14—15. «Рапорт генерал-губернатору Смоленскому, Витебскому, Могилевскому Комиссии, учрежденной для открытия возмутительных сочинений...» от 24 июля 1833 г., № 42.

[263] В 1837 г., когда определилась судьба Заблоцкого, он оказался сначала в Таганроге, затем в станице Безопасная. В 1838 г. он находился в Царских колодцах в Тифлисе. В 1839 г. участвовал в походе против лезгин и вместе с полком был в Шемахе, Кубе, Хазре. В 1842 г. с Нейшальской инвалидной командой жил то в Тифлисе, то во Владикавказе, то в Кайшауре (хронологию жизни Заблоцкого на Кавказе мы выводим из подписей под его стихами). В январе 1847 г. канцелярия наместника изъявила ему благодарность за подаренные им в публичную библиотеку «разные книги» (газ. «Кавказ», 1847, № 1, 4 января, стр. 4).

[264] «Encykłopedija powszechna», 1868, т. XXVIII, стр. 160. Заметка Собещанского (возможно, написана со слов Савинича).

[265] «Кавказ», 1847, № 33, 16 августа, стр. 130.

[266] I. Bartoszewicz. Historija literatury polskiej. Warszawa, 1861, стр. 561.

[267] «Encykłopedja powszechna», S. Orgelbranda, 1868, т. XXVIII, стр. 160.

[268] «Кавказ», 1847, № 33, 16 августа, стр. 130.

[269] Poezija T. Ł. Zabłockiego, СПб., 1845, стр. 67.

[270] По данным польской «Всеобщей энциклопедии», Савинич родился в 1811 г. в Велиже, Витебской губернии («Encykłopedja powszechna», изд. 2-е, 1884, т. X, стр. 348).

[271] В первом издании «Всеобщей энциклопедии» помещена более подробная биография Савинича, написанная Собещанским. Извлекаем оттуда данные о детских годах Савинича («Encykłopedja powszechna», 1868, т. XXIII, стр. 35).

[272] АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 51, 1829 г.

[273] АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 247, 1830 г. В списке помечено, что он оставлен на второй год.

[274] «Листок», 1831, № 39 и др.

[275] «Encykłopedja powszechna», т. XXIII, стр. 35.

[276] «Bibliografija polska XIX stolecia, przez K. Estreichera» Kraków, 1878, т. IV, стр. 187; Эстрейхер указывает, что в рукописи остался перевод «Истории польской для детей» Лелевеля и недоконченный перевод труда Мацеевского.

[277] См. «Галатея», 1830, ч. XI, № 2, стр. 108—113; № 3, стр. 167—174. Рецензия на «Крымские сонеты» и др.

[278] СПб., 1833, 56+VI стр. Ценз. разр. 3 февраля 1833 г.

[279] «Польская грамматика», изд. Савиничем, СПб., 1833, стр. V—VI (экземпляр библиотеки МГУ).

[280] Там же, стр. VI.

[281] БКр, стр. 230, 250. Комментатору, вероятно, осталось неизвестным, что грамматика Савинича издана на русском языке.

[282] Показательна в этом отношении обширная статья Савинича о Гоголе в журнале «Книга мира» («Księga swiata», 1860, ч. 1, стр. 216—225). Кроме того, он выпустил большой «Słownik russko-polski, podług Dahla i innych zródeł wypracowany, Warszawa, 1870, т. I—IV. См. еще «Encykłopedija powszechna», т. XXIII, стр. 35. Здесь библиография работ Савинича.

[283] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС, стр. 73.

[284] «Заветы», 1913, № 3, стр. 17.

[285] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, оп. 31, д. № 62, 1831 г. «Дело о намерении польских офицеров уехать в Литву и присоединиться к тамошним мятежникам», т. I, л. 244 и д. № 53, «Список с рапорта <...> комиссии для открытия возмутительных сочинений и возмутителей от 29 июля 1833 года, № 56», л. 25.

[286] БКр, стр. 259.

[287] «Московские ведомости», 1831, № 57, 18 июля, стр. 2474.

[288] Арг — БВС, стр. 68.

[289] Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского <Пыпина>. — «Письма», III, стр. 423.

[290] «Заветы», 1913, № 3, стр. 36.

[291] Там же, стр. 22, 28, 31.

[292] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, л. 28.

[293] Там же, л. 31 об.

[294] Korbut. Literatura polska od poczatków do wojny swiatowej. Warszawa, 1930, т. III, стр. 75—76.

[295] АМГУ, ф. Инспект. дела, 1834 г. «Отчет о студентах». По данным отчета за 1834 г. был сдан в солдаты.

[296] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, л. 30—30 об.

[297] Там же, л. 115—115 об. «Ответы, данные подсудимым секретарем Иваном Верниковским...»

[298] Там же, лл. 24—25 об. Поскольку под уставом стоят подписи Белецкого, и Максы Коссовича (см. о них в «Биогр. словаре...» в настоящем томе, стр. 424, 429, 430), из которых первый поступил в университет в октябре, а последние два — в ноябре 1832 г., то временем возникновения общества следует считать конец 1832— начало 1833 г. Заблоцкий в своих показаниях сообщил только о первом и единственном собрании членов общества «8—9 апреля сего года» (т. е. 1833 г.), но что возникло оно раньше.

[299] Там же, л. 31 об.

[300] Там же, л. 32.

[301] МОГИА, ф. Канц. воен. ген.-губернатора, 1833 г., д. № 53, л. 34—34 об. Черновой отпуск отношения Голицына.

[302] Там же, л. 35.

[303] АМГУ, ф. РД, 1834 г., д. № 73 «О предании студента Заблоцкого суду за тайное общество».

[304] Н. В. Станкевич. Переписка, М., 1914, стр. 401, 420.

[305] Там же, стр. 262.

[306] См. БКр, стр. 230.

[307] Там же, стр. 157.

[308] «Encykłopedja powszechna», т. XXIII, стр. 35.

[309] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 58—59, 61.

[310] С. Венгеров. Очерки по истории русской литературы, изд. 2-е, СПб., 1907, стр. 361.

[311] МОГИА, ф. 459—1—20, д. № 129 на 25 лл. (уничтожено). В «Алфавите и описи делам типографии, медицинского факультета <...> по 3-му столу с 1813 г. по 1833 г.» мы нашли следующую запись: «<1832> Дело № 216 об увольнении от университета, находящихся на казенном содержании слушателя Сомова и студента Белинского. Дело из 9 листов». (Опись № 216). Уничтожено при разборе архива МГУ.

[312] См. «Лит. наследство», т .57, стр. 68. В самом деле, Николай I до 1837 г. ни разу не посетил университет (см. С. Шевырев. История Московского университета, М., 1855, стр. 504—505).

[313] С. Шевырев. Указ. соч., стр. 482.

[314] 30 ноября 1831 г. в правлении сообщили указ правительствующего сената о назначении Голохвастова помощником попечителя (АМГУ—ЖП, 1831 г., т. 3, пункт 1;

А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 1919, стр. 174). Шевырев в своей истории университета неверно датирует вступление Голохвастова на службу в округ в 1832 г. (см. указ. соч., стр. 473). Герцен правильно указывает, что это произошло во время пребывания Николая I в Москве в 1831 г. В дневнике Погодина отмечены первые посещения Голохвастовым лекций под 15 и 17 декабря 1831 г. (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 3, СПб., 1890, стр. 306).

315 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 1919, стр. 176.

316 ЛБ, архив М. П. Погодина, № 3492, л. 75 об.

317 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 86.

318 «Исторический вестник», 1884, № 5, стр. 335. Ср. И. А. Гончаров. Полн. собр. соч., СПб., 1889, т. XII, стр. 41.

319 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 73.

320 АМГУ, ф. Инспект. дела, 1834 г., № 12 «Отчет за 1834 г.», лл. 5—6 об.

321 Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, М., 1897, стр. 11.

322 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 86.

323 «Encykłopedija powszechna», 1864, т. XVI, стр. 902.

324 Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 245—246. См. приложение к настоящей работе.

325 С. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, СПб., 1902, стр. 222.

326 АМГУ, ф. РД, д. № 57 — 1833 г. «Отчет о студентах и слушателях университета за 1833 г. и прочее. Перечневая ведомость», лл. 5—6.

327 «Русский архив», 1885, № 3, стр. 367—368.

328 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 84.

329 Там же, стр. 90.

330 Там же, стр. 123.

331 Там же.

332 «Encykłopedja powszechna», 1883, изд. 2-е, т. II, стр. 177.

333 Г. Г⟨оловачев⟩. Университетские воспоминания.—«День», 1863, № 42, стр. 7.

334 П. С. Щепкин был назначен инспектором казенных студентов 2 июня 1830 г., а вступил в должность 9 июня (АМГУ, ф. ФС, 1833 г.).

335 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 41.

336 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1876, т. I, стр. 71.

337 «Биографический словарь профессоров и преподавателей...» М., 1855, т. II, стр. 646—647; А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Т. I. Пб., 1915, стр. 115; ср. апологетическую заметку Д. Щепкина «П. С. Щепкин и В. Г. Белинский» —«Русский архив», 1900, № 4, стр. 652—654.

338 См. Д. Щепкин. Из хроники Московского университета. История с профессором Маловым.— «Русский архив», 1901, № 2, стр. 316—324. Ср. Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов, М., 1945, т. I, стр. 250—251.

339 «Русская старина», 1876, № 2, стр. 678; «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского», изд. 2-е, М., 1898, стр. 55; С. А. Венгеров. Очерки по истории русской литературы, изд. 2-е, СПб., 1907, стр. 361. Ср. «Летопись жизни Белинского». Ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 19. В последнее время Ю. Г. Оксман высказал предположение, что исключение Белинского было оформлено «не раньше первых чисел октября 1832 г.» (Ю. Оксман. Из разысканий в области биографии Белинского.— «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 310—312).

340 АМГУ — ЖП, 1832 г., т. 3, заседание 27 сентября, л. 254.

341 АМГУ, ф. ДР, 1832 г., кн. V, № 3437 от 27 сентября 1832 г., лл. 74 об.—75.

342 «Заявление» Белинского в университет при поступлении в корректоры.— АМГУ, ф. П., 3 с., д. № 188, 1834 г., л. 1. См. в «Лит. наследстве», т. 57 сообщение «Эпизод из биографии Белинского».

343 «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского», М., 1898, стр. 54. Фото прописки в домовой книге.

344 ЦГИАЛ, ф. 1120 (Соловьевых), ед. хр. 7, лл. 48—49.

345 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 61.

346 «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым». Введение, ред. и прим. Н. К. Пиксанова. М.— Л., 1925, стр. 120—121.

347 «Лит. наследство», т. 57, стр. 124.

348 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII. Пг., 1919 стр. 174.

349 «День», 1863, № 42, стр. 7.

350 ГИМ, ф. 272, ед. хр. 22, л. 30. Сообщено Л. Р. Ланским.

351 Н. В. Станкевич. Переписка. М., 1914, стр. 415.

352 См. статью М. П. Алексеева «Белинский и славянский литератор Я.-П. Иордан» в настоящем томе, стр. 460—461.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СПИСОК СТУДЕНТОВ СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА 1832 г.

Составила К. Петрова

Публикуемый ниже полный список студентов Словесного отделения Московского университета за 1832 г. является дополнением к «Биографическому словарю университетских товарищей Белинского». Список этот, включающий в себя двести студентов, значительно обогащает существующее представление об университетском окружении Белинского. Как видно из графы о происхождении студентов, половина из них были сыновьями мещан, купцов, духовенства, мелких чиновников и даже ремесленников, т. е. типичными представителями разночинной интеллигенции.

В подлинных списках фамилии студентов расположены по разделам: «Список казеннокоштных студентов и воспитанников», «Список своекоштных студентов», «Слушатели» и «Чиновники». Мы сохраняем в нашей публикации это деление. Кроме того, в подлиннике внутри разделов существует еще деление студентов: «Действительные студенты» (4 человека), «6-тигодичные», «5-тигодичные», «4-хгодичные», «3-хгодичные», «2-хгодичные» и «первогодичные». Мы располагаем фамилии студентов для удобства пользования внутри каждого раздела в общем алфавитном порядке, так как количество лет пребывания студентов в университете всегда можно вывести из года его поступления.

Список казеннокоштных студентов в подлиннике делится на следующие графы: 1) Фамилии и имена; 2) Из какого звания; 3) Время вступления в университет; 4) Когда принят на казенное содержание; 5) Рекомендация гг. профессоров; 6) Отметка.

Пятая графа делится на девятнадцать фамилий профессоров: Каченовский, Болдырев, Давыдов, Ульрихс, Ивашковский, Снегирев, Надеждин, Кистер, Декамп, Гарве, Рубини, Петр Терновский, Победоносцев, Оболенский, Куртенер, Геринг, Кубарев, Гастев, Коркунов. Под фамилией профессора стоят отметки студента по четырехбалльной системе или указание на отсутствие его на экзамене («abs.», «по болезни», «не ходил» и т. п.).

В шестой графе «Отметка» помещаются записи о переводе студентов с курса на курс и об увольнении и исключении их из университета («остается», «перевести», «не переводить», «лишается года», «не считать года по болезни», «действительный студент», «кандидат», «уволен», «исключить» и др.).

Форма списков своекоштных студентов и слушателей отличается от списка казеннокоштных студентов отсутствием графы «Когда принят на казенное содержание» и добавлением трех незаполненных граф (перед «отметкой»): 1) «Представленные документы о происхождении»; 2) «На чьем поручительстве находится» и 3) «Означение места жительства».

Запись «уволен» означает окончание университета студентом. Запись «исключить» всегда совпадает с неудовлетворительными отметками студента или непосещаемостью им лекций (например, «не ходил весь год», «не подал табеля» и т. п.). Часто вместо слова «исключить» встречается более мягкая формулировка по-латыни: «Consilium abeundi»*. Эта формулировка применялась в тех случаях, когда университетское начальство считалось с родными студента (как, например, с Лермонтовым).

В разделе «Чиновники» находится всего 7 человек и 3 из них, получившие уже звание при окончании других университетов (магистр, кандидат).

В нашей публикации списка студентов приведены сведения об их происхождении, год поступления в университет и отметки об увольнении и исключении из университета. Для казеннокоштных студентов приводится еще дата поступления на казенное содержание.

Звездочкой отмечены студенты, вошедшие в «Биографический словарь университетских товарищей Белинского».

---

* Посоветовано уйти.

СПИСОК КАЗЕННОКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ И ВОСПИТАННИКОВ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ 1832 года

* Аргеландер Николай.— Сын коллеж. сов. 1828.— На казенном содержании с 17 окт. 1828.— Действительный студент.

Белинский Виссарион.— Сын штаб-лекаря. 1829.— На казенном содержании с 17 окт. 1829.— За неуспешность не переведен на ординарные лекции.— Исключить.

Величковский Аркадий.— Сын коллеж. секр. 1831.— На казенном содержании с 30 сент. 1831.

* Востоков Владимир.— Сын свящ. 1831.— На казенном содержании с 19 нояб. 1831.

Головин Андрей.— Из обер-офицерских детей. 1830.— На казенном содержании с 23 февр. 1831.

Гостев Павел.— Сын губ. секр. 1832.— На казенном содержании с 5 мая 1832.— С 1 сент. 1829 по 20 янв. 1832 обучался в Казанском университете.

Евланов Александр.— Сын чиновника 12-го класса. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

* Заблоцкий Фаддей.— Документов не доставлено. 1831.— На счет Белорусского учебного округа.

Иванов Василий.— Сын губ. секр. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

Лавдовский Александр.— Из дух. звания. 1830.— На казенном содержании с 23 февр. 1831.

Лебедев Иван.— Из дух. звания. 1830.— На казенном содержании с 26 марта 1831.

* Максимов Константин.—Из дворян. 1830.—На казенном содержании с 23 февр. 1831.

* Матюшенков Павел.— Сын тит. сов. 1828.— На казенном содержании с 17 окт. 1828.

Михайлов Иван.— Сын губ. секр. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

* Нечай Иван.— Сын коллеж. секр. 1828.— На казенном содержании с 17 окт. 1828.

* Никольский Алексей.— Из дух. звания. 1829.— На казенном содержании с 30 сент. 1829.— Перемещен в октябре 1831 из воспитанников Медицинского института.

Патрикеев Петр.— Из дворян. 1830.— На казенном содержании с 23 февр. 1831.

Погорельский Василий.— Сын коллеж. секр. 1829.— На казенном содержании с 17 окт. 1829.

Померанцев Владимир.— Сын коллеж. регистратора. 1829.— На казенном содержании с 24 янв. 1830.

* Попов Михаил.— Сын тит. сов. 1831.— На казенном содержании с 19 нояб. 1831.

* Попов Павел.— Сын коллеж. асесс. 1830.— На казенном содержании с 23 февр. 1831.

* Прозоров Павел.— Из дух. звания. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

Протопопов Семен.— Сын коллеж. регистр. 1829.— На казенном содержании с 15 сент. 1829.

* Савинич Иван.— Из дворян. Сын прелата. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

Смирнов Михаил.— Сын свящ. 1830.— На казенном содержании с 19 нояб. 1831.

Титов Николай.— Сын тит. сов. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

Троицкий Михаил.— Из дух. звания. 1830.— На казенном содержании с 26 марта 1831.

Троицкий Федот.— Из дух. звания. 1831.— Окончивший курс в Ярославском Демидовском высших наук училище.

* Чистяков Михаил.— Из дух. звания. 1828.— На казенном содержании с 17 окт. 1828.— Кандидат.

СПИСОК СВОЕКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ 1832 года

Студенты:

Агарков Григорий.— Сын коллеж. сов. 1828.— Уволен.
Алачев Федор.— Из армян. 1829.— Уволен 23 нояб. 1831.
Албини Николай.— Сын действ. стат. сов. 1828.— Уволен.
Арапетов Яков — Из дворян. 1828.— Уволен.
Аршеневский Петр.— Сын прапорщика. 1830.— Вышел??
Атарбеков Григорий.— Из армян. 1830.— Уволен 31 дек. 1831.
Ауербах Александр.— Сын провизора. 1831.
Ауербах Герман.— Сын провизора. 1831.
* Беер Алексей.— Из дворян. 1831.
Беликов Иван.— Сын свящ. 1831.
Беринг Алексей.— Сын статс. сов. 1830.
Бернард Егор.— Из иностранцев. 1825.— С 1824 по ноябрь 1828. Вторично 22 янв. 1831.— Исключить.
Бибиков Матвей.— Сын коллеж. асесс. 1830.
Бобриков Николай.— Сын губ. секр. 1829.
Богословский Василий.— Сын свящ. 1829.— Чиновник 12-го кл. Действительный студент.
* Бодянский Иосиф.— Из дух. звания. 1831.
Боргман Эдуард.— Сын садовника универс. ботанич. сада. 1830.— На демидовск. содерж.— 200 р.
Будрин Александр.— Сын свящ. 1829.— С сент. 1827 по сент. 1829 обучался в Казанском университете.
Ваграмов Григорий.— Сын армянина. 1830.
Вартанов Вартан.— Сын армянина. 1830.
Вистенгоф Иван.— Сын архивариуса. 1831.
Вистенгоф Павел.— Сын архивариуса. 1831.
Витман Александр.— Сын лекаря. 1832.— Consilium abeundi.
Гагарин кн. Валериан.— Сын тайн. сов. 1828.— Вышел.
Головачев Григорий.— Сын коллеж. асесс. 1831.
Головкин Иван.— Сын тит. сов. 1828.— Кандидат. Уволен.
* Григорьев Николай.— Сын поручика. 1828.
Добровольский Семен.— Из дворян. Сын корнета. 1826.— Кандидат. Уволен.
Дубровин Павел.— Из штаб-офицерск. детей. 1829.— Исключить.
Дурнов Владимир.— Сын майора. 1828.
Евреинов Алексей.— Из купцов. 1825.— Уволен.
Едильханов Никита.— Из армян. 1831.
Епанчин Александр.— Сын подпоручика. 1829.— Consilium abeundi.
Еринцев Григорий.— Сын тифлис. урож. 1828.
* Ефремов Александр.— Из дворян. 1829.
Заборовский Алексей.— Сын губ. секр. 1829.
* Заикин Александр.— Из дворян. 1828.— Исключить.
* Заикин Павел.— Из дворян. 1828.— Исключить. С 1 сент. 1827 по сент. 1829 обучались в Харьковск. университете, а с сего времени по 29 мая 1831 — в сем университете. Вторично приняты 1832 февр. 15.
Закревский Андрей.— Сын ген.-майора. 1828.— Кандидат. Уволен.
Зилов Дмитрий.— Сын майора. 1831.
Иванов Александр.— Сын тит. сов. 1831.— Поступил на кав. содерж. 19 окт. 1831 по Мед. отделению.
Иванов Александр.— Сын тит. сов. 1829.
Иванов Владимир.— Сын губ. секр. 1828.— Исключить.
Иванов Иван.— Сын губ. секр. 1828.— Уволен.
Иванов Николай.— Не представил документов о происхождении. С 1830 слушал лекции. По экзам.
Ирицпухов Гавриил.— Сын моздокск. урож. 1831.
Казаринов Виктор.— Из дворян. 1831.
Калантаров Никита.— Сын груз. дворянина. 1831.
Карпов Дмитрий.— Сын прапорщика. 1830.
Келер Александр.— Сын коллеж. асесс. 1831.
Киндяков Николай.— Сын тит. сов. 1829.
Кистов Рафаил.— Из армян. 1828.
Клементьев Михаил.— Сын коллеж. асесс. 1829.
* Клюшников Иван.— Сын чиновника 5-го класса. 1828.— Кандидат. Уволен.
Копытов Яков.— Сын коллеж. регистр. 1829.

Кочнев Михаил.— Сын губ. секр. 1827.— Исключить.
* Красов Василий.— Из дух. звания. 1830.
Куняев Николай.— Сын свящ. 1827.
Курка Сергей.— Из польск. дворян. 1830.
* Лебедев Кастор.— Сын губ. секр. 1828.— Кандидат. Уволен.
Левашев Василий.— Сын поручика. 1830.— Уволен 31 мая 1831.
Лепешев Петр.— Сын тит. сов. 1829.
Лермонтов Михаил.— Сын капитана. 1830.— Уволен.— Consilium abeundi.
Логинов Александр.— Из обер-офицерск. детей. 1829.
Ломанов Павел.— Сын стат. сов. 1829.
Ломидзе Мельком.— Сын тит. сов. 1830.
Лопухин Алексей.— Из дворян. 1831.— Исключить.
Львов Александр.— Сын подпоруч. 1829.
Макеровский Петр.— Сын обер-берг-гауптмана 5-го класса. 1830.
* Максимов Алексей.— Сын тит. сов. 1829.— Уволен 21 янв. 1832.
Марков Петр.— Сын свящ. 1831.
* Межевич Василий.— Сын тит. сов. 1828.— На содерж. из суммы Общ. люб. рос словесн.— 200 р.— Кандидат. Уволен.
Мин Георг.— Великобрит. подданный. 1831.
Миндерер Александр.— Сын подполковника. 1829.
Морев Арсений.— Сын тит. сов. 1830.— Исключить.
Налетов Николай.— Сын тит. сов. 1828.
Неверов Ианнуарий.— Сын губ. секр. 1828.— Кандидат. Уволен.
Нежданов Александр.— Из цеховых. 1827.— Исключен из оклада Правительств сенатом. 1827.— Уволен.
Нечаев Александр.— Сын коллеж. секр. 1831.
Никитин Евгений.— Сын тит. сов. 1831.— Consilium abeundi.
* Оболенский Иван.— Сын коллеж. сов. 1829.
Озеров Николай.— Сын поручика. 1829.
Оппель Сергей.— Сын действ. стат. сов. 1831.
* Павлюков Николай.— Сын кап.-лейт. 1831.
Панченко Василий.— Сын губ. секр. 1829.
* Петров Павел.— Сын коллеж. регистр. 1828.— Кандидат. Уволен.
Плетнев Александр.— Сын коллеж. асесс. 1831.
Покатило Николай.— Сын губ. секр. 1829.— Уволен 12 нояб. 1831.
Покровский Никита.— Из дух. звания. 1831.
Померанцев Дмитрий.— Сын коллеж. регистр. 1826.— Вышел. Исключить.
Рагузин Сергей.— Сын магазейн-вахмистра Егерск. ведомства. 1831.
Рейнгард Александр.— Сын зубного лекаря. 1831.
Рыков Александр.— Сын коллеж. секр. 1825.
Сарри Константин.— Из греков. 1829.— Consilium abeundi.
Сихель Павел.— Из иностр. Немец. нац. 1828.— Уволился. Исключить.
* Слепцов Петр.— Сын надвор. сов. 1829.— Уволен 3 мая 1832.
Смирнов Ефим.— Из дух. звания. 1829.
Смирнов Кирилл.— Из дух. звания. 1829.
Соколов Николай.— Из дух. звания. 1829.
Спасский Евгений.— Из дух. звания. 1830.— На демидовск. содерж.— 200 р.
Спекторский Александр.— Сын тит. сов. 1829.— На соколовск. содерж.— 140 р.
Сперанский Петр.— Из дух. звания. 1829.
* Станкевич Николай.— Сын поручика. 1830.
Старчиков Эраст.— Сын чиновника 9-го класса. 1830.
Стрекалов Николай.— Из дворян. 1830.
* Строев Сергей.— Сын коллеж. сов. 1831.
Сухотин Дмитрий.— Из дворян. 1831.
Тигранов Сергей.— Из армян. 1829.
Тиличеев Дмитрий.— Сын подпоручика. 1828.— Кандидат. Уволен.
Толмачев Василий.— Из дворян. 1831.
Тонкачеев Александр.— Сын поручика. 1831.
Топорнин Владимир.— Сын штабс-кап. 1830.
Топорнин Дмитрий.— Сын гвардии кап. 1831.
Убини Николай.— Из греков. 1830.
Федулов Петр.— Сын губ. секр. 1829.
Филиппов Михаил.— Из дух. звания. 1828.
Хазисов Иван.— Сын нахичеванск. урож. 1830.
Хитров Николай.— Из дворян. 1829.— На кочубеевск. содерж.— 200 р.
Ходжаев Адам.— Сын кизлярск. урож. 1830.
Ходжаев Исаак.— Сын кизлярск. дворянина. 1828.
Цветаев Сергей.— Сын стат. сов. 1828.
Цвецинский Степан.— Из дворян. 1831.— Исключить.
Челищев Михаил.— Из дворян. 1831.

Черепанов Андрей.— Сын стат. сов. 1828.— На демидовск. содерж.— 200 р.— Кандидат. Уволен.

Черепанов Матвей.— Сын стат. сов. 1828.— На демидовск. содерж.— 200 р.— Уволен.

Черкезов Иосиф.— Сын астраханск. армян. протоиерея. 1831.

Шеншин Василий.— Сын камер-юнкера. 1829.

Шошин Дмитрий.— Сын коллеж. секр. 1831.

Якубовский Николай.— Сын кап. 1831.

Ямщиков Александр.— Сын тит. сов. 1829.— Consilium abeundi.

Слушатели:

Алабов Михаил.— Уволенный из мещан. 1831.

Александров Василий.— Из вольноотпущ. 1829.— Consilium abeundi (по уставу).

Барышев Ефрем.— Уволенный из купечества. 1831.

Беляев Федор.— Из мещан. 1829.

Бредихин Александр.— Из вольноотпущ. 1830.

Бродников Геннадий.— Уволенный из купечества. 1829.

Бродников Никанор.— Уволенный из купечества. 1829.

Будь-добрый Николай.— Уволенный из купечества. 1831.

Васильев Иван.— Из мещан. 1830.— Consilium abeundi.

Гончаров Иван.
Гончаров Николай. } Уволенные из купечества. 1831.

Засыпкин Александр.— Из купечества. 1829.— Consilium abeundi.

Иванов Никанор.— Из мещан. 1830.— Consilium abeundi.

Кони Федор.— Уволенный из мещан. 1829.— С 1827 по март 1831 слушал медицинские лекции.

Кошелев Валериан.— Из купечества. 1831.

Красовский Иван.— Из купечества. 1829.

Крылов Николай.— Из купечества. 1831.

Любомирский Николай.— Из купечества. 1830.

Молчанов Александр.— Из цеховых. 1830.

Мошковцев Егор.— Из купечества. 1830.

Осипов Гавриил.— Из мещан. 1830.

Перемышлевский Михаил.— Из мещан. 1828.

Петров Василий.— Из мещан. 1829.— Consilium abeundi.

Петров Петр — Из купечества. 1829. — Исключить.

Писщальников Николай.— Из купечества. 1830.

Попов-Раненбургский Алексей.— Из купечества. 1828.

Пуговошников Иван.— Из купечества. 1827.

Пуговошников Николай.— Из купечества. 1828.

Серчевский Евграф.— Из мещан. 1829.

Стародубский Николай.— Из купечества. 1829.

Суровцев Федор.— Из мещан. 1831.

Турунов Михаил.— Из купечества. 1829.— Уволен 22 апр. 1832.

Чернецкий Лев.— Из мещан. 1830.

Якоби Павел.— Из мещан. 1826.— Исключить.

Чиновники:

Бернгард Николай.— Губ⟨ернский⟩ регистр⟨атор⟩. 1831.

Волков Александр.— Губ⟨ернский⟩ регистр⟨атор⟩. 1831.

Шильдбах Александр.— Канцеляр. 1831.

Штейнберг Дмитрий.— Губ⟨ернский⟩ регистр⟨атор⟩. 1831.

Сверх того лекции посещали присланные из Белорусской и Литовской Греко-Униатских епархий:

Магистры:

Гомалецкий Николай.— Канцел. 1831.

Копецкий Венедикт.— Канцел. 1831.

Кандидат:

Малевич Александр.— Канцел. 1831.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТОВАРИЩЕЙ БЕЛИНСКОГО

Составили В. Гурьянов и В. Сорокин

Задача настоящей работы, на основании не тронутых ранее исследователями архивных материалов, дать представление об университетских товарищах великого критика, об их идейных интересах, вкусах, характерах и по возможности осветить их взаимоотношения с Белинским.

Большинство этих студентов — сыновья мещан, купцов, священников, будущие педагоги и врачи — являлись представителями молодой разночинной интеллигенции. Поэтому они имеют для нас особенный интерес как непосредственное окружение молодого Белинского.

В основу этой работы положено более 150-ти дел (хранящихся в архиве Московского университета) о 54-х студентах. В настоящий словарь включены все студенты, знакомство с которыми Белинского в университете нам удалось установить. Они могут быть разделены на несколько групп.

В первую и самую большую группу входят студенты, которые были знакомы с Белинским еще в Пензе и учились с ним в гимназии. Она состоит из 23 студентов. Из них шесть (Н. Григорьев, Д. Каширин, К. Лебедев, В. Терентьев, Ф. Шагаров и Ю. Ягн) поступили в университет раньше Белинского, шесть (П. Архипов, А. Максимов, А. Протопопов, А. Слепцов, Н. Слепцов и П. Слепцов) — одновременно с ним, шесть (М. Борщов, Д. Иванов, П. Казицын, К. Максимов, П. Попов, К. Цветков) — в 1830 г. и пять (В. Востоков, К. Гвоздев, Н. Павлюков, М. Попов, А. Федосеев) — в 1831 г. Из этой группы только шесть (Н. Григорьев, Д. Каширин, К. Лебедев, В. Терентьев, Ю. Ягн и Д. Иванов) были до сих пор известны как университетские товарищи Белинского.

Вторая группа — «литературное общество 11 нумера», организованное Белинским и М. Б. Чистяковым. В нее входят: Н. Аргилландер, Н. Григорьев (которого мы упомянули в первой группе), П. Матюшенко, И. Нечай, П. Петров и М. Чистяков, поступившие в университет в 1828 г., а также П. Прозоров, В. Саренко и И. Савинич — в 1829 г. Первую попытку раскрыть всех членов «11 нумера» на основании архивных материалов предпринял М. Поляков в работе «Белинский в Московском университете» (М., 1947). Им раскрыты Н. Григорьев и М. Чистяков (Д. С. Протопопов им приводится ошибочно вместо А. А. Протопопова). Сведения об этих девяти студентах (включая и Н. Григорьева) дают новый материал для исследователей кружка «11 нумера».

Третья группа состоит из 11 человек — членов кружка Н. Станкевича: И. Клюшникова и В. Ржевского, поступивших в университет до 1829 г., П. Клюшникова и И. Оболенского — в 1829 г., Н. Станкевича, А. Ефремова, В. Красова, Я. Почека — в 1830 г., И. Бодянского и С. Строева — в 1831 г. и К. С. Аксакова — в 1832 г. Последнего, поступившего в университет уже после исключения оттуда Белинского, мы включили для полноты представления об этом кружке. Однако в эту группу нами не включен Я. М. Неверов, знакомство с которым Белинского до осени 1832 г. не доказано. Весной 1833 г. Неверов уехал в Петербург.

Как известно, с членами кружка Станкевича, в том числе и с Белинским, была в близких отношениях семья Бееров. Это позволило нам ввести в словарь Алексея Беера, который учился в университете с 1831 г.

Четвертая группа состоит из членов «тайного польского литературного общества» — Ф.Заблоцкого, И.Савинича (фигурирующего во второй группе), А. Белецкого, К. Коссовича и Л. Макса. Это тайное общество также связано с Белинским. С двумя его членами (Ф. Заблоцким и И. Савиничем) Белинский был знаком во время пребывания в университете. Остальные трое (А. Белецкий, К. Коссович, Л. Макса), хотя и поступили в университет в 1832 г., т. е. когда Белинского там уже не было, включены нами для полноты представления об этом не известном до настоящего времени обществе.

В последнюю, пятую, группу входят семь человек: П. Каменский, В. Межевич, поступившие в университет в 1828 г., А. Аваев, А. Никольский и братья Заикины — в 1829 г. и Н. Вологжанинов — в 1830 г. Эти студенты не были членами ни одного кружка, но факт знакомства с ними Белинского не лишен интереса. Почти все они до сих пор не были известны как университетские товарищи Белинского.

Кроме перечисленных лиц, как нами установлено по материалам архива Московского университета, в нем учились некоторые пензенцы. Это ученики пензенской духовной семинарии: Григорий Иванович Кологривов (поступил в университет в 1828 г.), Василий Иванович Россонский (учился в 1830—1835 гг.) и Андрей Алексеевич Любимов (поступил в 1831 г.). С осени 1830 г. до сентября 1831 г. на нравственно-политическом отделении учились: сын отставного генерал-майора, пензенского поме-

щика, Лаврентия Афанасьевича Безобразова — Николай Лаврентьевич Безобразов (р. 1814 г.) и пензенец Петр Кудинов (данных о котором разыскать не удалось). Н. Безобразов и П. Кудинов в мае 1831 г. ездили на летние каникулы в Пензу. Все эти студенты не включены нами в словарь за отсутствием доказательств об их знакомстве с Белинским.

Будучи студентом, Белинский был связан в Москве с некоторыми пензенцами, не учившимися в университете. Это — Иван Николаевич Владыкин (учившийся в Университетском благородном пансионе) и Николай Евграфович Иванисов (автор воспоминаний о Белинском). Иванисов дважды пытался поступить в университет: в 1831 и 1832 гг., но не был принят, так как не сдал вступительных экзаменов. Николай Алексеевич Ишутин, соученик Белинского по Пензенской гимназии, также пытался поступить в университет; 17января 1831 г. он подал прошение в правление университета, но не явился сдавать приемные экзамены. Его имя встречается в письме Белинского к брату Константину от 27 января 1832 г.

Белинский мог общаться в Москве также со многими бывшими учениками Пензенской гимназии, поступившими в московское отделение Медико-хирургической академии. В делах канцелярии Академии (хранящихся ныне в МОГИА) встречаются фамилии пензенцев — Коновалова, Иванова, Кашаева, Васильева и Ягна.

Есть основание предполагать, что Белинский, как и П. Я. Петров, был знаком с окончившим в 1829 г. университет, будущим известным славистом и этнографом, Юрием Ивановичем Венелиным. Мы полагаем, что встречающееся в письмах П. Петрова к Белинскому имя Юрия Ивановича относится не к Юлию Ягну, как указывает комментатор этих писем Н. Л. Бродский, а к Венелину.

В круг знакомых Белинского в 1832 г., повидимому, вошел бывший студент Казанского университета (1829—1832), а с мая 1832 г. — словесного отделения Московского университета — Павел Гостев (р. 1810 г.). В октябре 1834 г. по ходатайству Голохвастова он был послан к московскому коменданту для отправки в 4-й пехотный корпус за самовольную отлучку в г. Владимир к родителям (МОГИА, ф. 459, оп. 23, св. 164, д. № 263—1834 г., лл. 1—19). В университете он познакомился с Ф. Заблоцким, И. Савиничем и др. Однако его отношения с Белинским пока неизвестны.

Для удобства пользования словарем фамилии студентов расположены в нем не по указанным выше группам, а в алфавитном порядке.

Составители приносят благодарность М. С. Куликовской (внучке Д. П. Иванова), М. В. Нечкиной и С. С. Дмитриеву за данные ими ценные указания.

А в а е в Арсений Дмитриевич (1810 — после 1875) — врач.

Сын тверского мещанина. Прошение его о приеме на медицинское отделение рассматривалось одновременно с прошением Белинского 17 октября 1829 г. В принадлежавшей Белинскому тетради с копиями стихотворений Аваев написал: «Записная книжка Виссариона Белинского; свидетельствую Арсений Аваев». Окончил университет в июне 1832 г. со званием лекаря 1-го отделения. Впоследствии получил степень доктора медицины. В 1862 г. исполнял должность дивизионного врача 2-й гренадерской дивизии. В 1860—1870-х гг. — дивизионного врача 35-й пехотной дивизии.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 60—1829 г. «О принятии в студенты Арсения Аваева», лл. 1—8; АМГУ, ф. ДР, т. 7—1829 г., л. 39—39 об.; АМГУ, ф. МФ, д. № 45—1830 г. «Третние ведомости об успехах учащихся за 1829 академический год», лл. 1—17; д. № 46—1830 г. «Ведомости об успехах учащихся за 1829 академический год», лл. 1—28; д. № 51—1833 г. «Об экзаменах казенных, своекоштных студентов и слушателей на звание лекаря», л. 21.

См.: Б е л и н с к и й — I, 3; К. Д. Г о л о в щ и к о в. Деятели Ярославского края. Ярославль, 1898, вып. I, стр. 27; «Русский провинциальный некрополь», М., 1914, т. I, стр. 3 (неверно указан год смерти — 1870. Как видно из «Ярослав. губ. вед.», 1875, № 27 от 3 апр., Аваев был членом о-ва врачей Ярослав. губ. в 1875 г.).

А к с а к о в Константин Сергеевич (1817—1860) — известный публицист-славянофил.

В октябре 1832 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 10 октября 1835 г. со степенью кандидата словесных наук. В своих записках «Воспоминание студентства» он писал: «Еще будучи на первом курсе, познакомился я через Дмитрия Топорнина с Станкевичем, бывшим на втором курсе <...> У Станкевича собирались каждый день дружные с ним студенты его курса и, кроме их, вышедшие прежде некоторые его товарищи, из которых замечательнее других Ключников; в первый раз также видел я там Петрова (санскритолога) и Белинского».

См.: К. С. А к с а к о в. Воспоминание студентства 1832—1835 годов, СПб., «Огни», 1911, стр. 9, 17; «Отчет имп. Моск. университета с 1 янв. 1835 по 1 янв. 1836 г.», стр. 44.

А р г и л л а н д е р Николай Андреевич (р. 1812 г.) — автор воспоминаний о Белинском.

Сын коллежского советника, 24 сентября 1828 г. поступил в университет, а 17 октября 1828 г. был принят в число казеннокоштных студентов словесного

отделения. По словам Аргилландера, он жил в студенческом общежитии в одной комнате с Белинским, М. Б. Чистяковым, И. М. Нечаем, П. П. Матюшенко и В. С. Саренко. В 1829/30 учебном году слушал лекции вместе с Белинским. Окончил университет в 1832 г. со званием действительного студента. В 1839 г. был учителем русского языка и чистописания в Везенберге (Дерптск. учебн. округ). Последний раз с Белинским виделся в Петербурге в 1844 г. Возможно, что именно он в 1868—1870 гг. служил почтмейстером в г. Барнауле Томской губ.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 123—1828 г. «О принятии в университет в студенты Николая Аргилландера», лл. 1—7; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 175—1832 г. «Об определении учителем в Бausское или Газеннопское уездное училище действительного студента Николая Аргелландера», лл. 1—2; АМГУ, ф. ЖС — 1832 г., 31 августа, п. 5; АМГУ — ЖСО за 1829—1830 и 1831—1832 гг.

Арг — БВС, стр. 68—71; «Месяцеслов и общие штаты Российской империи на 1839 г.», ч. I, стр. 578; «Адрес-календарь на 1868 г.», ч. II, стр. 388; на 1869 г., ч. II, стр. 400; на 1870 г., ч. II, стр. 436.

Архипов Павел Иванович (1811— после 1860-х гг.) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг.). А. Ф. Максимов сообщал Белинскому в письме от июня — июля 1829 г., что ему придется ехать в Москву вместе с Архиповым. 2 сентября 1829 г. Архипов был принят на нравственно-политическое отделение. Окончил университет 30 июня 1833 г. со званием действительного студента. В 1849 г. был внесен в список дворян Пензенской губ., а в 1887 г. — Московской губ. Впоследствии служил в Москве в должности юриста.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 83—1829 г. «О принятии в студенты Павла Архипова», лл. 1—4; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 246—1833 г. «Об увольнении из университета действительного студента Павла Архипова», лл. 1—6.

БСб, стр. 169, 177—182, 184—190, 196, 228; Белинский. «Письма», III, 422; БКр, стр. 192; «Моск. ведомости», 1830, № 97, от 3 декабря; «Родословная книга дворянства Московской губернии», М., 1910, т. I, стр. 69; М. В. Голицын. Московский университет в 1860-х гг. — «Голос минувшего», 1917, № 11—12, стр. 206—209.

Беер Алексей Андреевич (р. 1815).

Сын статского советника. Друг Н. В. Станкевича, двоюродный брат студента В. К. Ржевского. В сентябре 1831 г. был принят на словесное отделение. В 1833 г. уволился из университета. Белинский часто бывал у Бееров.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 274—1831 г. «О принятии в студенты учеников Московской гимназии Якова Егорова, Александра Беэра, Александра Ефремова, Михаила Саханского и в слушатели Павла Добровольского», лл. 1—19; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 290—1833 г. «Об увольнении из университета студента Александра Беера», лл. 1—5.

См.: «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 445.

Белецкий Александр Павлович (1815— после 1841).

Сын титулярного советника. 10 октября 1832 г. был принят на словесное отделение. Член тайного польского литературного общества, с которым был связан Белинский. Окончил университет в 1835 г. со степенью кандидата словесных наук. Белецкий был дружен с членом «литературного общества 11 нумера» М. Б. Чистяковым. Близко сошелся Белецкий и с К. С. Аксаковым. «Желая поскорее осуществить юношеское товарищество на деле,— вспоминал К. Аксаков,— я выбрал четырех из товарищей, более других имевших умственные интересы, и заключил с ними союз». Первым из этих четырех был Белецкий, которого друзья звали «паном». «Белецкий был человек очень образованный и умный, с глубоким сосредоточенным жаром, читавший с восторгом Мицкевича...», так характеризовал его далее Аксаков. Впоследствии Белецкий занимался педагогической деятельностью в Минске. Находился в длительной переписке с М. П. Погодиным. В письме к Погодину от 1 июля 1841 г., жалуясь на свое незавидное положение, он писал «Уже кончается пятый год, как служу младшим учителем и несмотря на все усилия и многократные просьбы я до сих пор не мог получить места старшего учителя, которое впрочем мне следовало, как кандидату московского университета, пять лет тому назад».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 179—1832 г. «О принятии в университет в студенты Александра Белецкого», лл. 1—5; АМГУ, ф. РД, д. № 35—36 «Об отсылке в Департамент народного просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах Университета», л. 73; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 231—1835 г. «О выдаче аттестата кандидату Александру Белецкому», лл. 1—3.

См.: К. Аксаков. Воспоминание студентства 1833—1835 гг., СПб., 1911, стр. 4. Письма Белецкого хранятся в архиве Погодина (ЛБ). См. его приписку в письме Е. Ф. Вагнер от 18 июля 1835 г. и письма от 28 июля 1835 г., 15 ноября 1839 г., 21 января 1840 г., 1 июля 1841 г.

Бодянский Иосиф (Осип) Максимович (1808—1877) — известный славист.

Из духовного звания. 25 декабря 1831 г. был принят на словесное отделение. В 1831/32 учебном году слушал лекции вместе с Белинским. Познакомился с Белин-

ским и Петровым, повидимому, в кружке Станкевича. Окончил университет 30 июля 1834 г. со степенью кандидата словесных наук. Бодянский сотрудничал одновременно с Белинским в «Телескопе», делая для журнала переводы с немецкого и чешского языков.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 344—1831 г. «О принятии в студенты Иосифа Бодянского, окончившего курс в Полтавской семинарии», лл. 1—12; АМГУ, ЖСО за 1831—1832 гг.; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 81—1834 г. «О представленном свидетельстве студентом Иосифом Бодянским о рождении его»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 292—1834 г. «О неявке к получению благотворительного содержания кандидата Бодянского и действительного студента Иванова»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 221—1835 г. «О выдаче аттестата кандидату Иосифу Бодянскому».

БКр, стр. 230—231; Н. К. Козмин. Николай Иванович Надеждин, СПб., 1912, стр. 364.

Борщев Михаил Иванович (1813—ок. 1900) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1830 гг.). 1 сентября 1830 г. был принят на медицинское отделение. Окончил университет в октябре 1835 г. со званием лекаря 2-го отделения. С 1840 по 1854 г. и с 1858 по 1860 г. числился лекарем в «Российских медицинских списках». С 1871 по 1900 г. был лекарем в Туле. В 1881 г. внесен в список дворян Тульской губ., а в 1889 г.— Московской губ.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 38—1830 г. «О принятии в университет в студенты Михаила Борщова», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 52—1832 г. «О выдаче свидетельства св〈оекоштному〉студенту Михаилу Борщову на получение из Московского уездного казначейства денег 1000 руб.», лл. 1—2; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 268—1835 г. «Об утверждении в звании лекарей: Николая Александровского, 〈...〉 Михаила Борщова 〈... и др.〉», лл. 1—2 и ф. МФ, д. № 59—1835 г. «О лекарском экзамене. Том первый», л. 57.

БСб, стр. 169, 179—190, 195, 201—205, 210, 218, 220 и 226; РМС (указанных годов); «Родословная книга дворянства Московской губернии», М., 1910, т. I, стр. 164.

Вологжанинов Николай Иванович (1811—1838).

Окончил Моск. практическую коммерческую академию 27 августа 1828 г. В августе 1830 г. подал прошение в университет, куда и был принят в сентябре слушателем на нравственно-политическое отделение (которое в 1835 г., по новому уставу университета, было преобразовано в юридический факультет). Окончил университет 9 июня 1836 г. со званием действительного студента. Однако аттестат Н. И. получил не сразу, а после исключения его Правительствующим сенатом из податного состояния. Сенатский указ об этом последовал лишь 14 декабря 1837 г., а получил аттестат Н. И. 18 январ‹я› 1838 г. Знакомство Белинского с Н. И. и его родными произошло, повидимому, через Д. П. Иванова, учившегося вместе с ним на одном курсе. В августе 1836 г., когда Белинский уехал в Премухино к М. А. Бакунину, Н. И. жил у него на квартире и присутствовал при обыске у Белинского, в связи с закрытием «Телескопа». Как указывает Лемке, Н. И. ничего существенного при допросе не сказал. Жил он на квартире Белинского до июля 1837 г. Скончался после продолжительной болезни 30 июля 1838 г.

В дальнейшем упоминания фамилии Вологжанинова в письмах Белинского относятся к его брату Ивану Ивановичу, а не к Н. И., как указано Е. А. Ляцким.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 118—1830 г. «О принятии в слушатели Николая Вологжанина» (фамилия искажена), лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 297—1837 г. «О выдаче аттестата действительному студенту Николаю Вологжанинову», лл. 1—10.

См.: Белинский. «Письма», I, 76, 100; М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., СПб., 1908, стр. 423. Лемке говорит о действительном студенте Вологжинине. В том, что это был Вологжанинов, нет никакого сомнения. Как мы установили на основании архивных данных, в университете в конце 1820-х — начале 1830-х гг. никакого студента Вологжинина не было. В то же время фамилию Н. И. университетские писари неоднократно искажали (например см. выше).

Востоков (Покровский) Владимир Федорович (1807 — после 1839) — земляк Белинского.

Сын священника. Учился первоначально в Пензенской духовной семинарии (1824—1830 гг.). Сохранилось два письма Востокова к Белинскому (от 13 января и 4 марта 1830 г.), в которых он сообщал о поездке пензенских товарищей А. С. Голубинского и М. С. Меридианова в Казань для поступления в университет. Одновременно он просил Белинского рассказать о московском университете, куда сам намеревался поступить. В 1831 г. был принят в число казеннокоштных студентов словесного отделения. В 1831/32 учебном году слушал лекции вместе с Белинским. Окончил университет в 1834 г. со званием действительного студента. С 18 июня 1834 г. был учителем российской грамматики в Рязанском уездном училище. 29 сентября того же года был переведен в Смоленскую гимназию, где служил и в 1839 г. В 1831 г. Московский цензурный комитет разрешил Востокову издать рукопись «Мой цветок на могилу русских, умерших холерою» (на 11 стр.).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 94—1834 г. «Об истребовании из разных консисторий о студентах сведений о рождении», лл. не указаны; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 229—1831 г «О принятии в университет в студенты Владимира Востокова», лл. 1—4; АМГУ, ф. ФС т. 2—1838 г., № 1394 и 1839 г., л. 1508; АМГУ, ЖСО за 1831—1832 гг.; МОГИА ф. 31, оп. 1, д. № 13—1831 г., лл. 102 об.—103.

БКр, стр. 41—44, 47.

Гвоздев Константин Иванович (1812— после 1851) — земляк Белинского.

Сын купца. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1830 гг.). 31 августа 1831 г. был принят в число казеннокоштных студентов медицинского отделения. 10 октября 1835 г. уволен с казенного содержания. Окончил университет в 1838 г. со званием лекаря 3-го отделения. В 1842 г. служил врачом в Инсаре Пенз. губ. С 1840 по 1851 г. числился лекарем в «Российских медицинских списках»

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 105—1831 г. «О принятии в университет в слушатели Константина Гвоздева», лл. не указаны; АМГУ, ф. РД, д. № 57 «Отчет о студентах и слушателях университета за 1833 год и о проч.», л. 36; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 329—1838 г. «О выдаче лекарю Константину Гвоздеву аттестата об учении», лл. 1—8.

БСб, стр. 167, 194, 208, 218, 221, 227; «Месяцеслов и общие штаты Российской империи на 1842 год», ч. II, стр. 141; РМС (указанных годов).

Григорьев Николай Львович (1810—1900) — земляк Белинского.

Сын поручика. Поступил в Пензенскую губернскую гимназию годом раньше Белинского (1824). Окончил ее в 1828 г. 24 сентября 1828 г. был принят на нравственно-политическое отделение. В письме к Белинскому от 4 июля 1829 г. из Пензы А. Иванисов назвал Н. Л. Григорьева «приятелем» Белинского. Вместе с другими студентами-земляками Белинского — Ю. И. Ягном и В. И. Терентьевым, уговорил Белинского поступить в университет. В 1829 г. перешел на словесное отделение, куда поступил и Белинский. В 1831 г. перевел роман итальянского революционера Уго Фосколо «Избранные письма Якова Ортиса» (вышел в свет в ноябре 1831 г.). Окончил университет лишь в 1833 г. со званием действительного студента, так как из-за слабой успеваемости был оставлен на второй год.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 161—1828 г. «О принятии в университет в студенты Николая Григорьева», лл. 1—8; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 254—1829 г. «О переводе студентов в другие отделения», лл. 10—11; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 253—1833 г. «Об увольнении из университета действительного студента Николая Григорьева», лл. 1—6; АМГУ — ЖСО за 1831—1832 гг.

БСб. стр. 170—196, 210; БКр, стр. 68; Белинский. «Письма», I, 9 и III, 423; А. Храбровицкий. Белинский и роман итальянского революционера.— «Огонек», 1948, № 31, стр. 24 (публикатор не заметил посвящения переводчика, а не переводчиков. У нас нет основания считать этот перевод 1831 г. трудом, предпринятым Белинским, Петровым и Григорьевым в 1829 г.); Некролог. Н. Л. Григорьев. — «Правительственный вестник», 1900, № 18, от 23 января, стр. 3.

Ефремов Александр Павлович (1814—1876) — приятель Белинского.

1 сентября 1830 г. был принят на словесное отделение. Курс, на котором он учился, по замечанию К. С. Аксакова, был «богат людьми, более или менее замечательными: Станкевич, Строев, Красов, Бодянский, Ефремов, Толмачев...» Входил в кружок Станкевича, где, повидимому, и познакомился с Белинским. 23 июня 1834 г. окончил университет со степенью кандидата. С 1835 по 1839 гг. служил актуариусом в комиссии печатания государственных грамот и договоров при Моск. главн. архиве Министерства иностранных дел. Летом 1837 г. сопровождал Белинского в поездке на Кавказ. Присутствовал при смерти Станкевича в 1840 г. в Италии. С 1839 г. по 1843 г. изучал географические дисциплины в Берлине. Получил степень доктора философии в Иенском университете. Возвратившись в Россию, получил кафедру всеобщей географии в Московском университете, которую занимал до января 1848 г. Находился в переписке с Белинским.

Ист.: Во всех биографических словарях год рождения А. П. Ефремова — 1815. Мы указываем 1814, основываясь на метрическом свидетельстве Ефремова, хранящемся в его личном деле.

АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 30—1830 г. «О принятии в Университет в студенты Александра Ефремова», лл. 1—7; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 283—1834 г. «Об увольнении из университета кандидата Александра Ефремова», лл. 1—7.

См.: К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов, СПб., 1911, стр. 19; Д. Н. Анучин. География в Московском университете за первое столетие его существования.—«Землеведение», 1917, кн. III—IV, стр. 23—43; БКр, стр. 48—53; Письма Белинского к Ефремову.— Белинский. «Письма», I—II.

Заблоцкий Фаддей (Zabłockij Tedeus Łada) (1811—1847).

Сын польского дворянина. Окончил Витебскую гимназию, после чего стал ходатайствовать о поступлении в университет. Хлопоты перед министром народного просвещения взял на себя Г. И. Карташевский — попечитель Белорусского учебного

округа, к которому впоследствии (в 1833 г.) обратился Белинский с просьбой устроить его учителем в Белоруссии. Карташевский просил разрешения послать Ф. Заблоцкого в университет за счет Белорусского учебного округа с условием, что он после окончания университета прослужит шесть лет учителем в Белоруссии. 26 октября 1831 г. он был зачислен казеннокоштным студентом словесного отделения. В 1831/32 учебном году слушал лекции вместе с Белинским. В университете вошел в польское литературное общество И. С. Савинича. 29 июня 1833 г., по распоряжению моск. военного генерал-губернатора, был арестован, а 29 августа исключен из университета. См. об этом подробно на стр. 373—376 наст. тома.

Ист.: АМГУ, ф. РД, д. № 23—1833 г. «Об отсылке в Департамент народного просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 8; АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 225—1831 г. «О принятии на казенное содержание ученика Витебской гимназии Фадея Заблоцкого», лл. 1—15; АМГУ, ф. РД, д. № 73—1834 г. «О предании суду студента Фадея Заблоцкого за тайное общество», лл. 1 — 2; АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 192—1833 г. «Об исключении из сего университета студента Фадея Заблоцкого, находящегося на иждивении Белорусского учебного округа», лл. 1—4; АМГУ, ЖСО за 1831—1833 гг.

Заикин Александр Федорович (1810-е гг.—после 1885).

9 сентября 1827 г. был принят на словесное отделение Харьковского университета. 21 сентября 1829 г. перевелся на то же отделение Московского университета. В мае 1831 г. подал прошение об увольнении из университета ввиду поступления на службу и 29 мая был отчислен. В феврале 1832 г. подал заявление об обратном приеме в университет, а в мае того же года вновь просил университетское начальство об увольнении. Посещал университетские лекции вместе с Белинским. Белинский упоминает А. Ф. Заикина в письме к Боткину от 30 ноября 1839 г. Старший брат Заикина — Н. Ф. Заикин — декабрист. Другой брат — Павел (см. ниже)—друг Белинского.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 85—1829 г. «О принятии в студенты Якова Долматова, Григория Похвиснева, Павла и Александра Заикиных», лл. 1—18; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 18—1831 г. «О принятии в студенты Александра Заикина и Павла Заикина»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 3—1832 г. «О принятии в студенты вторично Павла и Александра Заикиных по возвращении им свидетельств об учении с увольнением их от Университета».

См.: «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Л., 1925, стр. 22, 85—86, 123—124, 318; Белинский. «Письма», II, 10. В архиве М. Н. Каткова (ЛБ) имеются 4 письма А. Ф. Заикина 1842—1885 гг.

Заикин Павел Федорович (1810-е гг.— после 1846). Друг Белинского.

Учился сначала в Харьковском (1827—1829), а затем в Московском (1829—1832) университетах. Белинский, вероятно, еще в университете познакомился с П. Ф. Заикиным, а сблизился в конце октября 1839 г. С декабря 1839 г. по 11 мая 1840 г. они жили вместе. До нас дошло шесть писем П. Ф. Заикина к Белинскому 1840—1846 гг. Белинский в своих письмах также часто упоминает П. Ф. Заикина.

Ист.: См. Заикин А. Ф.

БКр, стр. 53—63; Белинский. «Письма», II (по указателю). А. Я. Панаева. Воспоминания. М., 1948, стр. 14, 136, 448. В архиве М. Н. Каткова (ЛБ) имеется 6 писем Заикина 1841—1846 гг.

Иванов Дмитрий Петрович (1812—1880-е гг.) — родственник и земляк Белинского, автор известных воспоминаний о юности критика.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1826—1830 гг.). В сентябре 1830 г. был принят на нравственно-политическое отделение, где еще больше сблизился с Белинским. Пензенские товарищи часто посылали Белинскому письма через Иванова. П. Я. Петров — один из близких университетских друзей Белинского, помогал Иванову в изучении французского языка. Окончил университет 30 июля 1834 г. со званием действительного студента. В феврале 1835 г. подал прошение в правление университета с просьбой разрешить ему слушать лекции еще год для получения степени кандидата наук. Разрешение ему было дано, но, пробыв в университете до июля 1837 г., он все же не добился этого звания. Преподавал в Моск. дворянском и Межевом институтах, а также в Институте обер-офицерских детей при Моск. воспитательном доме. Состоял в переписке с Белинским (см. «Лит. наследство», т. 57).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с, д. № 75—1830 г. «О принятии в университет в студенты Дмитрия Иванова», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 9 — 1835 г. «О дозволении действительному студенту Дмитрию Иванову продолжать слушать лекции», лл. 1—5; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 67—1837 г. «О выдаче аттестата действительному студенту Дмитрию Иванову», лл. 1—5; АМГУ, ф. ФС — 1848 г., т. I, л. 460.

См.: Белинский. «Письма», I—III (по указателю); БКр, стр. 230.

Казицын Петр Александрович (1815— ок. 1889) — земляк Белинского.

Сын купца. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1826—1830 гг.). В августе 1830 г. держал вступительные экзамены в университет и был

зачислен на медицинское отделение 27 ноября того же года. Окончил университет 4 сентября 1835 г. со званием лекаря 1-го отделения и как бывший казеннокоштный студент был определен 5 октября 1835 г. на службу батальонным лекарем в Белостокский пехотный полк. В 1840—1889 гг. числился лекарем в «Российских медицинских списках».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 90—1830 г. «О принятии в университет в слушатели Петра Козицына», лл. 1—6; АМГУ, ф. РД, д. № 23—1834 г. «Об отсылке в Департамент нар. просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 16; МОГИА, ф. 31, оп. 1, д. № 13—1831 г., лл. 54 об.—55; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 236—1835 г. «Об утверждении лекарями Козицина... <и др.>», лл. 1—2; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 260—1835 г. «Об определении на службу казенных лекарей Казицына <... и др.>», лл. 2—7.

БСб, стр. 168, 194, 208, 218, 220, 226, 232, 233, 236; РМС (указанных годов).

Каменский Павел Павлович (1812—1870)—писатель-беллетрист.

3 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение. Выбыл из университета 7 августа 1831 г. В университете был знаком с Герценом, Огаревым и Костенецким. Участник «маловской истории». По словам Я. И. Костенецкого, «за какие-то свободные разговоры был удален из университета и послан в военную службу на Кавказ, в Грузинский гренадерский полк», где тот «с ним и встретился в 1838 году, в одной из экспедиций в Чечне». В 1840-х гг. был заместителем цензора драматических сочинений в III Отделении (вместе со школьным учителем Белинского М. М. Поповым, который служил там же чиновником особых поручений). Белинский дал резко отрицательную оценку творчества Каменского.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 149—1828 г. «О принятии в университет в студенты Павла Каменского», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 50—1831 г. «Об увольнении от университета Павла Каменского», лл. 1—3.

См.: «Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1842 г.», ч. I, стр. 19; Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 2, стр. 110. Белинский. Соч. III, 421—423; IV, 232—235; V, 15—21; VII, 399—400; XIII, 36—37; «Письма», I, 213, 215, 321; II, 27.

Каширин Дмитрий Федорович (1810—после 1874)— земляк Белинского.

Сын мещанина. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1826 гг.). В сентябре 1826 г. принят вольнослушателем на нравственно-политическое отделение. В письме к П. П. и Ф. С. Ивановым от 13 января 1831 г. Белинский писал: «Об себе скажу, что я нынешний год живу лучше, нежели прошлый ибо прервал все связи с подлецами, бездельниками и дураками и вообще веду себя благоразумнее. Петровым, Протопоповым, Кашириным и вашими молодцами, с которыми стоит Попов, ограничивается круг моего короткого знакомства». Впоследствии в письме к М. П. Погодину Каширин поделился воспоминаниями о Белинском-студенте (см. стр. 336). Окончил университет в августе 1831 г. со званием действительного студента, после чего служил учителем в Лепельском и Пинском училищах (Белорус. учеб. округ). В 1835 г. выпустил книгу «Грамматические уроки русского языка», на которую Белинский дал неодобрительный отзыв («Молва», 1835 № 41). Имя Каширина неоднократно встречается в переписке П. Я. Петрова с Белинским. В 1874 г. был начальником и преподавателем истории в Ковенской женской гимназии. В 1867—1874 гг. участвовал в издании «Археографического сборника документов, относящихся к истории северо-западной Руси».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 84—1826 г. «О принятии в вольные слушатели Дмитрия Каширина», лл. 1—3; АМГУ, ф. ЖС — 1831 г., заседание 2 сентября, стр. 782 — 783

См.: Белинский. «Письма», I, 27; БКр, стр. 225, 240—241; «Адрес-календарь на 1868 г.», ч. I, стр. 456; на 1874 г., ч. I, стр. 591; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей. Т. III. СПб., 1914, стр. 42. Письма Каширина имеются в архиве М. П. Погодина (ЛБ).

Клюшников Иван Петрович (1811—1895) (псевдоним «Θ») — поэт и философ мистик. Сотрудник «Моск. наблюдателя» и «Отеч. записок». Рано отошел от литературной деятельности.

Сын чиновника 5-го класса. 4 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет в июле 1832 г. со степенью кандидата словесных наук Был членом кружка Станкевича, куда ввел и Белинского. Его имя часто встречается в письмах Белинского и его товарищей. 1 марта 1838 г. определен старшим учителем истории в Моск. дворянский институт. В делах Совета МГУ за 1832 г. хранятся две рукописи Клюшникова. Одна на латинском яз., другая—на русском («О духе римской литературы...»).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 302—1828 г. «О принятии в студенты учеников Московской гимназии: Ивана Клюшникова <... и др.>», лл. 1—58; АМГУ, ф. П, 1 с. д. № 119—1832 г. «Об увольнении от университета кандидата Ивана Клюшникова»

лл. 1—3: АМГУ, ф. ФС —1838 г., л. 397; МОГИА, ф. 418, д. 178—1832 г., лл. 61—68 и 79—84.

БКр, стр. 75.

Клюшников Петр Петрович (1812 — ок. 1861) — врач.

Брат И. П. Клюшникова. В течение нескольких лет переписывался с Белинским. 16 сентября 1829 г. был принят на словесное отделение. В 1832/33 учебном году упоминается в делах архива университета как второгодичный своекоштный студент 2-го курса медицинского отделения. Окончил университет в июне 1835 г. со званием лекаря 1-го отделения. Белинский и его товарищи считали П. Клюшникова прекрасным врачом и содействовали определению его на службу в Межевой институт. С 1838 по 1849 гг. занимался врачебной практикой в провинции, а с 1849 г. — в Москве. В 1840—1861 гг. числился вначале лекарем, а затем доктором в «Российских медицинских списках». В 1845 г. получил степень доктора медицины.

Ист.. АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 77—1829 г. «О принятии в студенты Петра Клюшникова», лл. 1—5; АМГУ, ф. МФ, д. № 40—1833 г. «Ведомости об успехах учащихся за весь 1832-й академический год», л. 6; АМГУ, ф. РД, д. № 1—1834 г. «О доставлении отчета в Совет университета за 1834 год о студентах и слушателях», л. 23; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 306—1835 г. «Об удостоении в звании лекарей Петра Клюшникова ⟨... и др.⟩», лл. 1—2.

См.: Белинский. «Письма», I, 206; БКр, стр. 78; А. В. Змеев. Русские врачи-писатели, СПб., 1896, вып. 1, стр. 147; РМС (указанных годов).

Коссович Каетан Андреевич (1815—1883) — известный профессор-востоковед.

Сын священника. 10 ноября 1832 г. был принят на словесное отделение. Учился за счет Белорус. учебн. округа. В университете вступил в тайное польское литературное общество. Еще в студенческие годы начал печататься в «Молве». Летом 1835 г., вместе с Белинским, подготовлял К. Д. Кавелина к поступлению в университет (Белинский давал уроки русского языка и словесности, истории и географии, а Коссович — греческого языка). Окончил университет в августе 1836 г. со степенью кандидата словесных наук. По окончании университета Коссович обратился в правление с просьбой оставить его при университете для «достижения высшей научной степени». Правление положительно отнеслось к его просьбе, но министерство просвещения резко воспротивилось этому. 23 ноября оно прислало распоряжение назначить Коссовича в могилевскую гимназию. Вошедший позже в кружок Станкевича, Коссович пользовался уважением Белинского, Аксакова и Станкевича. Белинский тепло отозвался о Коссовиче в заметке «Литературные новости» («Моск. наблюдатель», 1839, № 1): «Г. Коссович, молодой человек, недавно окончивший курс в Московском университете, будучи страстным эллинистом, внушил нескольким отличным студентам в Москве полезную мысль составить учебный словарь древнего греческого языка. Словарь этот теперь печатается, и, по отзывам знатоков дела, труд г. Коссовича заслужит полное внимание и благодарность учащегося юношества».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 257—1832 г. «О принятии в университет воспитанников Белорусского учебного округа Ивана Свенторжецкого, Егора Багенского и Каетана Коссовича», лл. 1—67; АМГУ, ф. П, 4 с., д. № 78 — 1835 г.; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 106—1836 г. «Об отправлении кандидата Владислава Классовского ⟨...⟩ и о смещении кандидата Каэтана Коссовича на свой кошт», лл. 1—37; АМГУ, ф. ФС — 1848 г., т. I, л. 802.

См.: Белинский. Соч., IV, 66; К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.—БВС, стр. 85.

Красов Василий Иванович (1810—1855) — поэт. Член кружка Станкевича.

Сын священника. Находился в переписке с Белинским (письма Белинского к нему не сохранились). В декабре 1830 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 30 июня 1835 г. со степенью кандидата. В 1837 г. — адъюнкт по кафедре русской словесности в Киевском университете св. Владимира. В 1839 г., после неудачной защиты докторской диссертации (24 декабря 1838 г.), поселился в Москве, где занимал должности преподавателя в средних учебных заведениях. С 1832 г. помещал свои стихи и переводы в «Телескопе», «Московском наблюдателе», «Отеч. зап.», «Киевлянине», «Галатее», «Библиотеке для чтения», «Репертуаре», «Северной пчеле» и др.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 133—1830 г. «О принятии в студенты Александра Лавдовского и Василия Красова», лл. 1—11; АМГУ, ф. РД, д. №23—1833 г. «Об отсылке в Департамент народного просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 61; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 253—1835 г. «Об увольнении из университета Василия Красова», лл. 1—5.

БКр, стр. 107—123; Белинский. Соч., IV, 123, 213—214; V, 240, 244, 246, 248—250, 293, 424, 426, 495; XII, 229.

Лебедев Кастор Никифорович (1811—1876) — земляк Белинского.

Сын губернского секретаря. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1824—1828 гг.). 3 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение.

Окончил университет 6 июля 1832 г. со степенью кандидата словесных наук. В 1835 г. подавал прошение о допущении его к сдаче экзамена на степень магистра. Впоследствии —сенатор.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 152—1828 г. «О принятии в университет в студенты Кастора Лебедева», лл. 1—5; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 101—1832 г. «Об увольнении от университета Кастора Лебедева».

БСб, стр. 196, 210; «Московские ведомости», 1831, № 57, от 18 июля, стр. 2479.

Макса Людвиг (Людовик) Матвеевич (1816—после 1854).

10 ноября 1832 г. был принят на словесное отделение. В 1833 г.— член студенческого тайного литературного польского общества. Окончил университет в 1835 г. со степенью кандидата словесных наук. Тогда же был послан младшим учителем в Драгичинское дворянское уездное училище (Белорусск. учебн. округ). В 1848—1853 гг. служил учителем русского языка в Гродненской городской гимназии (Виленск. учебн. округ). В 1854 г. был инспектором в той же гимназии.

Макса не чужд был литературных и исторических интересов. В архиве университета сохранилось его студенческое сочинение по древнерусской литературе. В архиве Московского цензурного комитета находится прошение Максы о возвращении ему польской рукописи «Исторические извлечения» («Wypisy polski»).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 89—1835 г. «Об отправлении в Белорусский учебный округ воспитанников оного, определенных учителями, кандидатов Лучковского и Макса», лл. 1—21; МОГИА, ф. 31, св. 392, д № 107, 1835 г., л. 134.

См.: «Адрес-календарь на 1848 г.», ч. I, стр. 205; на 1853 г., ч. I, стр. 201; на 1854 г., ч. I, стр. 204.

Максимов Алексей Федорович (р. 1811) — земляк Белинского.

Сын титулярного советника (из дворян). Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг.). В августе 1829 г. был принят на словесное отделение. 21 января 1832 г. уволился из университета по «встретившимся обстоятельствам». По воспоминаниям Д. П. Иванова, Белинский ходил в дом «Федора Федоровича Максимова, к его сыновьям, нашим товарищам по гимназии, из которых с старшим, Алексеем Федоровичем, был очень дружен, брал у него для прочтения книги, читал с ним вместе или беседовал о литературе». Известны два письма Максимова к Белинскому из Пензы от 12 мая и [июня —июля] 1829 г.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 95—1829 г. «О принятии в студенты Алексея Максимова», лл. 1—9; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 6—1832 г. «Об увольнении от университета студента Алексея Максимова».

БСб, стр. 169, 178, 180—190, 195, 201—205, 210, 229; Белинский. «Письма», III, 428.

Максимов Константин Федорович (1814—после 1841) — земляк Белинского.

Младший брат А. Ф. Максимова. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1830 гг.). В сентябре 1830 г. был принят на словесное отделение. Его поручителем при поступлении был А. П. Иванов — двоюродный племянник Белинского. В 1834 г. Совет университета отметил «достойным одобрения» его сочинение «Сравнение Ломоносова с Державиным». Окончил университет в 1834 г. 18 июня того же года определен учителем российского языка в Костромское уездное училище. С 17 мая 1837 г. по 1841 г. исполнял обязанность старшего учителя латинского языка в той же гимназии.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 7—1830 г. «О принятии в университет в студенты Константина Максимова», лл. 1—7; АМГУ, ф. РД, д. № 35—36—1834 г. «Об отсылке в Департамент народного просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 26; АМГУ, ф. ФС — 1838 г., л. 889; 1840 г., ч. II, л. 988; 1841 г., ч. II, лл. 1078—1079; Отчет имп. Моск. университета с 1 янв. 1834 г. по 1 янв. 1835 г.

БКр, стр. 191; БСб, стр. 179—190, 196, 202—205, 210, 218, 221, 227.

Матюшенко Павел Петрович (1812—после 1846).

Сын титулярного советника. Брат профессора Моск. университета Ив. Петр. Матюшенко. 13 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение. Жил вместе с Белинским в одной комнате общежития казеннокоштных студентов. Окончил университет в августе 1833 г. и тогда же поступил на должность учителя русской грамматики и географии в Тульскую губернскую гимназию. Белинский не потерял связь с Матюшенко и в последующие годы. Так, в 1837 г., он останавливался у Матюшенко, в Туле. В 1846 г. Матюшенко жил в Москве.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 70—1828 г. «О принятии в университет в студенты Павла Матюшенкова», лл. 1—8; АМГУ, ф. РД, д. № 23—1833 г. «Об отсылке в Департамент нар. просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 77; АМГУ, ф. ФС — 1838 г., л. 990.

Арг — БВС, стр. 68; Белинский. «Письма», I, 99.

Межевич Василий Степанович (1814—1849) (псевдонимы: В. М., Л. Л.) — писатель, критик и публицист.

Племянник ректора Моск. университета и цензора А. В. Болдырева. В 1828 г. был принят на словесное отделение. (С 1830 г. находился на содержании Общества любителей российской словесности.) Окончил университет 5 июля 1832 г. со званием кандидата. С 28 сентября 1833 г. до 4 октября 1834 г. служил корректором в университетской типографии. Затем переведен был на должность старшего учителя российской словесности и логики в Моск. дворянский институт. В 1834—1836 гг. сотрудничал в «Телескопе» и «Молве». В начале 1839 г. неудачно дебютировал в качестве «первого критика» «Отечественных записок», где был заменен Белинским. С 1839 г. редактировал «Ведомости СПб. городской полиции». Белинский познакомился с Межевичем, несомненно, еще в университете, но в более близких отношениях, как известно, с ним был до 1840 г.— времени, когда Межевич перешел в реакционный лагерь и стал деятельным сотрудником «Северной пчелы». Белинский выступал против Межевича в печати в 1840—1842 и 1846 гг. и иронически называл его «русским Жюль-Жаненом». Межевич, со своей стороны, выступил против Белинского в статье «Шекспир, русские переводчики и русская критика» («Репертуар русского театра» на 1841 г., № 1). Белинский очень резко отзывался о Межевиче в письмах к В. П. Боткину от 31 октября 1840 г. и к Н. Х. Кетчеру от 3 августа 1841 г. Характеристику Межевича см. еще в очерках И. И. Панаева — «Тля» («Отеч. записки», 1843, № 2) и «Петербургский фельетонист» («Физиология Петербурга», 1845, ч. II); в «Воспоминаниях» А. Я. Панаевой (М., 1948, стр. 114—119) и И. И. Панаева «Лит. воспоминания» (М.—Л., 1928, стр. 225—226). См. о нем еще стр. 142—143 наст. тома.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 203—1830 г. «О принятии на содержание капитала Общества любителей российской словесности студента Василия Межевича», лл. 1—8; АМГУ, ф. ФС — 1835 г., стр. 18; Список своекоштных студентов на 1832 г.

См.: Белинский. Соч., V, 453—454; VI, 210, 222; VII, 458—460; XIII, 71—73; «Письма» (по указателю).

Нечай Иван Маркович (1810—1860).

Сын коллежского секретаря. 3 сентября 1828 г. был принят в число казеннокоштных студентов на этико-политическое отделение. В студенческом общежитии жил вместе с Белинским, М. Б. Чистяковым, П. П. Матюшенко, В. С. Саренко и Н. А. Аргиллацдером. Окончил университет 17 августа 1832 г. и был послан учителем русского языка и географии в Ярославскую гимназию, в которой прослужил до конца жизни.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 22—1828 г. «О принятии в университет в студенты Ивана Нечая», лл. 1—6.

Арг — БВС, стр. 68 (Аргилландер неправильно назвал его П. С. Нечай. На основании списков студентов, живших в общежитии, удалось установить эту ошибку); И. Рогозинников. Воспоминания о бывшем учителе Ярославской гимназии Иване Марковиче Нечае.— «Педагогическое обозрение», 1869, № 8, стр. 33—34.

Никольский Алексей Петрович (р. 1810).

Сын священника. Воспитанник Тверской духовной семинарии. В сентябре 1829 г. «по распоряжению начальства» был прислан в Москву на медицинское отделение, куда и был зачислен казеннокоштным студентом. Осенью 1830 г. подал прошение о переводе его в казеннокоштные студенты словесного отделения. Об этом сообщил директор Медицинского института П. С. Щепкин 18 сентября в правление университета и предложил подвергнуть Никольского строгому испытанию. Однако экзамены в 1830 г. не состоялись из-за холеры, во время которой университет был закрыт (с 27 сентября 1830 г. по 12 января 1831 г.). Весной 1831 г. Никольский ездил домой в Тверскую губернию и вернулся к концу учебного года. 17 сентября правление университета перевело его на словесное отделение, где он учился на одном курсе с Белинским. 17 февраля 1833 г. помощник попечителя Московского учебного округа Голохвастов сообщил министру просвещения «о предосудительных поступках» Никольского. 22 марта управляющий министерством ответил Голохвастову, что «Никольский назначен, по сношению министерства народного просвещения и военного, к поступлению в военное ведомство, почему и предписывает отослать его к г. московскому коменданту». 28 марта Голохвастов отослал предписание министра об отдаче Никольского в солдаты ректору университета. Последний приказал 31 марта исключить Никольского из списков студентов и «сего же числа» отправить его к коменданту генерал-майору Сталю. Как писал Белинский матери 21 мая 1833 г., Никольского отправили к коменданту для отсылки в Грузию, но он заболел и был помещен в Лефортовскую больницу. Поступок, за который он был отдан в солдаты, остался неизвестным. За него, как писал Белинский в том же письме, «трехдневное заключение в карцере было бы достаточным наказанием». Дальнейшая судьба Никольского неизвестна.

Ист.: МОГИА, ф. 459, оп. 18, св. 142, д. 3803 (195) «О присылке в медицинский институт Московского университета воспитанников духовных училищ», лл. 12, 18, 19; АМГУ, ф. МФ, д. № 62—1829 г. «Экзамен семинаристам, присланным в медицинские воспитанники института», лл. 19, 21, 50; АМГУ, ф. МФ, д. № 45—1830 г. «Третные

ведомости об успехах учащихся за 1829 академический год» и д. № 46 «Ведомости об успехах учащихся на 1829 академический год»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 245—1830 г «О перемещении на казенный кошт воспитанника медицинского института Алексе Никольского», лл. 1—2; АМГУ, ф. ЖП, 1831 г., 17 сентября, п. 48; АМГУ, ф. РД д. № 18—1833 г. «Об отсылке казеннокоштного студента Алексея Никольского к московскому коменданту, назначенного в военное ведомство», лл. 1—4.

Оболенский Иван Афанасьевич (1813—1849).

2 сентября 1829 г. был принят на нравственно-политическое отделение, но вскоре перешел на словесное отделение. В июле 1831 г. был признан «достойным похвалы за сочинение. Окончил университет 29 июня 1833 г. со званием действительного студента. 30 июня 1834 г. получил степень кандидата словесных наук. В университете был особенно близок с Я. М. Неверовым, Н. В. Станкевичем, С. М. Строевым В. И. Красовым, П. П. Клюшниковым, П. Я. Петровым и Я. И. Костенецким В 1846 г. числился письмоводителем в Моск. губ. правлении.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 58—1829 г. «О принятии в студенты Ивана Оболенского», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 102—1836 г. «Об отсылке к Пермскому гражданскому губернатору аттестата об учении кандидата Ивана Оболенского», лл. 1—10

См.: «Московские ведомости», 1831, № 57, 18 июля, стр. 2479; «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 211; К. П. Архангельский. Из истории кружка Н. В. Станкевича.— «Воронежский краеведческий сборник», вып. 1, 1924, стр. 13 К. Нистрем. Книга адресов жителей Москвы, 1846, стр. 98.

Павлюков Николай Леонтьевич (р. 1815) — земляк Белинского.

Сын капитан-лейтенанта. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1827—1831 гг.). 7 сентября 1831 г. был принят на словесное отделение 27 июля 1834 г. уволен по собственной просьбе ввиду «ревностного желания вступить в военную службу».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 192—1831 г. «О принятии в университет в студенты Николая Павлюкова»; АМГУ, ф. РД, д. № 23—1833 г., л. 62 и д. № 35—36—1834 г., л. 85; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 86—1834 г. «Об увольнении из университета студента Николая Павлюкова», лл. 1—6.

БСб, стр. 192—206, 225, 231, 232, 236.

Петров Павел Яковлевич (1814—1875) — известный профессор-ориенталист, друг Белинского.

Сын коллежского регистратора. 3 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 31 августа 1832 г. со степенью кандидата словесных наук. С Белинским познакомился в университете через Н. Л. Григорьева и близко с ним сошелся. О дружбе с Петровым Белинский писал Ивановым 20 декабря 1829 г. В библиотеке МГУ хранятся книги Петрова, подаренные ему Белинским (см. статью В. Сорокина «Книги студента В. Г. Белинского» — в газ. «Сталинское знамя» (Пенза), 1948, № 112, 6 июня и публикацию Л. Ланского «Библиотека Белинского»—«Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 551).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 100—1832 г. «Об увольнении от университета Павла Петрова».

Некрологи: «Московские ведомости», 1875, № 242 от 23 сент.; «Иллюстративная неделя», 1875, № 40; «Отчет Моск. университета», 1876, стр. 65—69.

Попов Михаил Степанович (1816—после 1856) — земляк Белинского.

Сын титулярного советника. Племянник гимназического учителя Белинского — М. М. Попова. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1826—1831 гг.). 2 августа 1831 г. поступил на словесное отделение. Окончил университет в 1835 г. и был послан учителем истории и географии в Ефремовское уездное училище (Моск. учебн. округ). 24 марта 1838 г. переведен в Бегичевское училище. С 16 декабря 1856 г. служил в Можайском уездном училище в должности штатного смотрителя.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 205—1831 г. «О принятии в университет в студенты Михаила Попова»; АМГУ, ф. ФС — 1838 г., л. 1050; 1856 г., ч. I, лл. 289—291.

Попов Павел Яковлевич (р. 1815) — земляк Белинского.

Сын коллежского асессора. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1824—1830 гг.). 21 августа 1830 г. был принят на словесное отделение. Поступил на казенное содержание 23 февраля 1831 г. Окончил университет в 1834 г. Белинский познакомил Попова с пензенским товарищем А. Иванисовым, из письма которого видно, что Белинский находился в переписке с Поповым (не сохранилась).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 45—1830 г. «О принятии в университет в студенты Павла Попова», лл. 1—9; АМГУ, ф. РД, д. № 35—36—1834 г., л. 26.

БКр, стр. 71.

Почека Яков Иванович (1813—после 1853) — чиновник.

16 декабря 1830 г. был принят на нравственно-политическое отделение. В январе 1831 г., по его просьбе, переведен на словесное отделение. В университете сблизился

с Н. В. Станкевичем и членами его кружка, в том числе и с Белинским. Его знали Герцен и Огарев. В 1834 г. Герцен прервал с ним сношения из-за его некорректного поступка. 1 ноября 1834 г. подал прошение об увольнении из университета по «семейным обстоятельствам» и был отчислен 5 ноября. В 1835 г. поступил в Харьковский университет. Впоследствии был почетным смотрителем Черниговского уездного училища.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 146—1830 г. «О принятии в студенты Якова Почека», лл. 1—8; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 346—1831 г. «О перемещении в другие отделения студентов»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 274—1834 г. «Об увольнении из университета Якова Почека», лл. 1—5; АМГУ, ф. РД, д. № 54—1835 г. «Об уведомлении правления Харьковского университета о бывшем студенте Якове Почеке», лл. 1—3.

См.: «Адрес-календарь на 1848 г.», ч. I, стр. 191; на 1853 г., ч. I, стр. 189.

Прозоров Павел Иванович (1811—после 1850) — автор воспоминаний о Белинском.

Сын священника. 16 августа 1829 г., по распоряжению министра народного просвещения, был прислан в университет из Ярославской семинарии для образования по медицинской части. 20 сентября 1829 г. зачислен на медицинский факультет. В 1830 г. переведен на словесное отделение. В университете сблизился с Белинским и был одним из активных членов общества «11 нумера». В 1831 г. подал прошение инспектору казеннокоштных студентов, в котором просил «по некоторым семейным обстоятельствам и другим важным причинам» уволить его из университета и направить учителем российского языка в Аренбург. 31 августа 1834 г. попечитель Моск. учебн. округа дал согласие на его увольнение из университета для отправления учителем в Харьковский учебный округ. Будучи студентом, написал сочинение «О разных периодах истории русской словесности», которое, по мнению университетского Совета, оказалось «достойным одобрения». Впоследствии был учителем русского языка в Касимовском, Ряжском, Раненбургском и Верейском уездных училищах. Часто печатался в «Московских ведомостях». В 1832 г. Моск. цензурный комитет разрешил Прозорову издать повесть в стихах «Рекрут» (на 15 стр.).

Ист.: АМГУ, ф. ФС — 1842 г., л. 1487; АМГУ, ф. МФ, д. № 62—1829 г. «Об экзамене семинаристам, присланным в медицинские воспитанники института»; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 239—1830 г. «О перемещении воспитанника Прозорова по словесному отделению и о перемещении на его место Барклай-де-Толли»; АМГУ, нравствен.-полит. отд-ние, д. 1830 / 1831 гг., л. 32; АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 78—1835 г. «С годовым отчетом по университету за 1834 г.»; АМГУ, ф. С, д. № 160—1831 г. и ФЖС—1831 г., стр. 217—219; АМГУ, ф. ЖС—1831 г., стр. 320—321; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 223—1834 г. «Об увольнении с казенного содержания студента Прозорова для поступления в учителя по Харьковскому учебному округу», лл. 1—2; АМГУ, ф. ФС— 1850 г.; МОГИА, ф. 31, оп. 5, д. № 79—1832 г., л. 79.

См.: П. Прозоров. Белинский и московский университет в его время.— «Библиотека для чтения», 1859, т. 157, № 12, стр. 1—13; БВС, стр. 72—83.

Протопопов Аполлон Адрианович (р. 1809) — земляк Белинского.

Сын титулярного советника. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1823—1828 гг.). 14 октября 1829 г. был принят на нравственно-политическое отделение. В письме к Ивановым 13 января 1831 г. Белинский писал, что «Петровым, Протопоповым, Кашириным и вашими молодцами, с которыми стоит Попов, ограничивается круг моего короткого знакомства». Его имя часто встречается в письмах П. Я. Петрова к Белинскому.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 117—1829 г. «О принятии в студенты Аполлона Протопопова», лл. 1—6.

См.: Белинский. «Письма», I, 27; БКр, стр. 224, 225, 240, 245.

Ржевский Владимир Константинович (1811—1885) — чиновник, родственник М. А. Бакунина, близкий к кружку Станкевича.

В 1827 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 21 июня 1831 г. со степенью кандидата словесных наук. Его имя часто встречается в письмах Белинского. До нас дошло письмо его к Белинскому от 22 августа 1840 г. Впоследствии — сотрудник «Русского вестника».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 84—1827 г. «О принятии в университет в студенты Владимира Ржевского», лл. 1—10; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 254—1831 г. «Об увольнении от университета кандидата Владимира Ржевского»; ф. ФС — 1840 г., т. I, л. 463.

БКр, стр. 260—261.

Савинич Иван Семенович (р. 1811 — после 1868).

Сын священника. В сентябре 1829 г. был принят на словесное отделение. В университете сблизился с Белинским и членами литературного общества «11 нумера» — Чистяковым, Петровым, Прозоровым и др. Как вспоминал впоследствии Прозоров, Белинский и Чистяков во время холеры, свирепствовавшей в Москве в 1830 г., спасли Савинича от карцера за самовольную отлучку из университета в город. В 1831 г.

помещал в журнале «Листок», в котором принимал участие и Белинский, перевод с польского языка. В 1831 г. Московским цензурным комитетом Савиничу был разрешено издать комедию в трех действиях «Охота Генриха шестого» (на 44 стр. в 1833 г. — перевод с польского — повесть «Десять дней без мужа, или Рондо, кон церт и увертюра» (опубликованная до этого в «Телескопе», 1831, № 13, стр. 28—5 и «Король охотник, историческая повесть XV века в трех драматических ка тинах» (на 34 стр.). В 1833 г. организовал польское литературное тайное студенческ общество и был его председателем. В том же году познакомился с Н. В. Станкевичем С 1831 г. сотрудничал в «Телескопе» и «Молве», печатая там переводы с польского язык В 1833 г. издал в Петербурге польскую грамматику на русском языке, о котор П. Я. Петров упоминает в письме к Белинскому от 12 июля 1834 г. Университетско курса не окончил и в 1835 г., как бывший казеннокоштный студент, был назнач на должность учителя в одно из уездных училищ Белоруссии. Однако он в Белорусси не поехал. С 14 марта 1835 г. по 10 октября 1841 г. Савинич служил учителем русско языка в Елатомском уездном училище. 30 ноября 1841 г. поступил сверхштатн учителем во 2-ю Моск. гимназию. С марта 1842 г., по разрешению попечител одновременно преподавал в 3-м Моск. уездном училище. В 1843 г. переехал в Польш где был учителем русского языка в различных польских школах. С 1863 г. был лектор филологии и морфологии русского языка на историко-филологическом отделени Варшавской главной школы. В этой должности находился и в 1868 г. В 1866 г. вы пустил польско-русский словарь. Впоследствии был штатным сотрудником русско отдела 28-томного польского энциклопедического словаря Orgelbranda. Состоял переписке с М. П. Погодиным.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 51—1829 г. «О принятии в студенты Ивана Савинича лл. 1 — 10; АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 292 — 1835 г. «О составлении за 1835 г. отчета л. 19; АМГУ, ф. ФС — 1842 г., л. 783; МОГИА, ф. 31, оп. 1, д. № 13 — 1831 г лл. 110—111; оп. 5, д. № 881—1833 г., лл. 85 об.—86, 89 об.—90.

См.: П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС стр. 72—73; «Листок», 1831, № 39, от 20 мая, стр. 66—68 («Древности» и «Жидогро ские моды». С польск. И. С.); «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 262; БКр стр. 230; «Месяцеслов и общие штаты Российской империи на 1842 г.», ч. I, стр. 38 «Адрес-календарь на 1848 г.», ч. I, стр. 213; на 1853 г., ч. I, стр. 207; на 1868 г., ч. стр. 465; «Encyklopedja powszechna S. Orgelbranda», Warszawa, 1884, т. X, стр. 34 Письма Савинича от 23 декабря 1840 г. и 23 декабря 1860 г. имеются в архи Погодина (ЛБ).

Саренко Василий Степанович (1814—1881).

19 сентября 1829 г. был принят на медицинское отделение. Жил в студенческо общежитии в одной комнате с Белинским, Чистяковым, Нечаем, Матюшенко и Аргил ландером. Окончил университет в июне 1833 г. со званием лекаря 1-го отделени В 1842 г. служил в Калинканском морском госпитале. 11 июля 1854 г. получил ст пень доктора медицины в медико-хирургической академии. С 1855 по 1878 гг. был стар шим лекарем 2-го СПб. кадетского корпуса. До 1881 г. числился в «Российских мед цинских списках». Автор ряда научных работ.

Ист.: АМГУ, ф. РД, д. № 23—1833 г., лл. 14 и 117; АМГУ, ф. МФ, д. № 51—1833 г «Об экзаменах казеннокоштных, своекоштных студентов и слушателей на звание л каря», л. 21.

Арг — БВС, стр. 68; Л. Ф. Змеев. Русские врачи-писатели, СПб., 1886, тетр. 2 стр. 94; тетр. 3, стр. 59—60 и 2-е доп. СПб., 1892, стр. 37; РМС 1835—1881 гг «Московский некрополь», т. III, СПб., 1908, стр. 76.

Слепцов Алексей Лаврентьевич (р. 1811) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг. В конце июля 1829 г. А. Ф. Максимов сообщил Белинскому из Пензы о том, что Слеп цов едет учиться в Москву. В сентябре 1829 г. был принят одновременно с Белински на словесное отделение. В декабре 1831 г. в «Московских ведомостях» было объявлен об его отчислении из университета, как не явившегося «с открытия курса учения дл взятия табели на слушание профессорских лекций и не представившего никаких све дений о причинах своего отсутствия».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 115—1829 г. «О принятии в студенты Алексея Слеп цова», лл. 1—6.

БКр, стр. 192; «Московские ведомости», 1831, № 100, 13 дек.

Слепцов Николай Лаврентьевич (р. 1812) — брат А. Л. Слепцова. Земля Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг. В сентябре 1829 г. был принят, одновременно с Белинским, на словесное отделени

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 76—1829 г. «О принятии в студенты Николая Слеп цова», лл. 1—6.

БКр, стр. 192.

Слепцов Петр Николаевич (р. 1812) — земляк Белинского.

Сын надворного советника. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг.). В сентябре 1829 г. был принят на словесное отделение. 4 февраля 1832 г. уволен по собственной просьбе, «по встретившимся обстоятельствам». А. Иванисов в письме Белинскому из Пензы от 18 марта посылал ему поклон.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 14—1829 г. «О принятии в студенты Петра Слепцова», лл. 1—3.

БКр, стр. 72 (опечатка: «Си» вместо «Сл»).

Станкевич Николай Владимирович (1813—1840).

17 июля 1830 г. был принят на словесное отделение. Осенью 1831 г. был исключен, но, по предъявлении справки о болезни, восстановлен 7 декабря. В июле 1833 г. на имя ректора университета Болдырева был доставлен рапорт пристава Пречистенской части «О присылке студента Станкевича в Пречистенскую часть»:

«К производимому мною следственному делу состоит прикосновенным студент здешнего университета по фамилии Станкевич, по чему покорнейше прошу буде таковой действительно имеется в оном, то приказать ему явиться с кем следует во вверенную мне часть для отобрания нужного к делу показания».

24 июля ректор в ответ писал:

«Господину частному приставу Пречистенской части. Вследствие рапорта Вашего от 21 сего июля за № 927 имею честь уведомить, что требуемый к производимому Вами следственному делу, прикосновенный к оному студент сего университета Николай Станкевич, по случаю нынешнего вакантного времени, уволен в отпуск в Воронежскую губернию по 15 число будущего августа месяца, и когда из оного возвратится, то немедленно вышлется в оную часть».

По возвращении в Москву 11 сентября Станкевич был препровожден в Пречистенскую часть. После допроса его отпустили в университет со следующим отношением к ректору: «... хотя оного университета студент Николай Станкевич сего числа и являлся с депутатом Ильиным в вверенную мне часть, к производимому мною следствию, но как из дела видно, что нужен Иван Петров Станкевич, да и московский мещанин Щукин по показании ему Николая Станкевича объявил, что не тот, который с ним был, а посему покорнейше Ваше Высокородие прошу буде есть студент Иван Петров Станкевич, который оканчивая курс перед выходом или вступлением в июле месяце, то оному приказать явиться с кем следует в вверенную мне часть для отобрания нужного к делу показания. 12 сентября 1833 г.». Этот факт фигурировал как анекдот в книге Анненкова.

Окончил университет 30 июля 1834 г. со степенью кандидата словесных наук.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 168—1830 г. «О принятии в студенты Николая Станкевича», лл. 1—9; АМГУ, ф. ДР —1830 г., пункт 2770, от 17 июля; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 183—1831 г. «Об исключении не явившихся для получения табели»; АМГУ, ф. РД, д. № 34—1833 г.; АМГУ, ф. П, д. № 78—1835 г. «О годовом отчете по университету за 1834 год», л. 13, стр. отчета 23; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 217—1834 г. «Об увольнении из университета кандидата Николая Станкевича», лл. 1—7.

См.: П. В. Анненков. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, М., 1857, стр. 48—49; «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 227, 315; Белинский, «Письма», I, 389.

Строев Сергей Михайлович (1814—1840) (псевдоним: Сергей Скромненко) — историк так называемой «скептической школы».

Сын коллежского советника. 5 января 1831 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 30 июня 1834 г. со степенью кандидата словесных наук. Член кружка Станкевича, в котором, повидимому, и познакомился с Белинским. Сотрудничал в «Телескопе». Впоследствии относился к Белинскому враждебно.

Ист.:АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 250—1830 г. «О принятии в студенты Сергея Строева», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 218—1834 г. «Об увольнении из университета кандидата Сергея Строева», лл. 1—6.

Терентьев Виктор Иванович (р. 1812) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1822—1827 гг.). 27 сентября 1827 г. был принят казеннокоштным студентом на медицинский факультет. Белинского знал еще по Пензенской гимназии и вместе с Н. Григорьевым и Ю. Ягном уговорил его ехать учиться в университет. Окончил университет в июне 1831 г. со званием лекаря 3-го отделения.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 138—1827 г. «О принятии в студенты Виктора Терентьева», лл. 1—7; АМГУ, ф. МФ, д. № 129—1830 г.; 1831 г., лл. 34, 49; АМГУ, ф. ДР—1831 г., т. 4, пункт 4085; АМГУ, ф. П, 1 с., 1827 г., д. № 138.

См.: Белинский. «Письма», III, 423; БКр, стр. 259.

Федосеев Ардальон Григорьевич (р. 1815) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1827—1831 гг.). В августе 1831 г. был принят на физико-математическое отделение. Выбыл из универ-

ситета в сентябре 1833 г. для вступления «в действительную службу». В 1839 г. чи лился дворянским заседателем в 1-м департаменте уездного суда в Москве. В том ж году вышла его комедия «Расстроенное сватовство, или горе от ума и горе без ума на которую Белинский дал резко отрицательный отзыв в «Московском наблюдател (1839, № 3).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 162—1831 г. «О принятии в университет студе том Ардальона Федосеева»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 228—1833 г. «Об увольнении свс коштного студента Ардальона Федосеева из университета».

См.: «Книга адресов столицы Москвы», изд. К. Нистремом, М., 1839, стр. 1; Б л и н с к и й. Соч., IV, стр. 210.

Ц в е т к о в Козьма Игнатьевич (1814—после 1848) — земляк Белинского. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1830 гг В сентябре 1830 г. был принят на словесное отделение. 3 декабря 1831 г. за неяві для получения «табели» к слушанию профессорских лекций был из университета искл чен. В 1848 г. служил секретарем уездного суда в Чембаре Пензенской губ.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 8 — 1830 г. «О принятии в университет в студент Козьмы Цветкова», лл. 1—5; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 22—1832 г. «Об увольнени студента Козьмы Цветкова».

БКр, стр. 192; «Адрес-календарь на 1848 г.», ч. II, стр. 127.

Ч и с т я к о в Михаил Борисович (1809—1885) — известный педагог-писател Сын священника. 8 ноября 1828 г. был принят на словесное отделение. Жил с Бели ским в одной комнате университетского общежития казеннокоштных студентов. Од из учредителей литературного общества «11 нумера», где читал свой перевод с неме кого — «Теорию изящных искусств» Бахмана. В студенческие годы печатался в «Т лескопе» и «Молве». Был хорошо знаком со студентами-поляками из тайного литер турного польского общества И. С. Савинича. Окончил университет 6 июля 1832 г. степенью кандидата словесных наук. По окончании университета служил учителем Виленской, Витебской и Петербургской гимназиях. Впоследствии был инспекторо школ Сиротского института в Петербурге.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 109—1828 г. «О принятии в студенты Михайла Чист кова», лл. 1—19; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 135—1832 г. «Об определении казенно кандидата Михаила Чистякова в Оршанское уездное училище учителем».

Арг — БВС, стр. 68—71; П. П р о з о р о в. Белинский и Московский универс тет в его время.— «Библиотека для чтения», 1859, № 12, стр. 1—13 (БВС, стр. 72 83); БКр, стр. 245. Письма Чистякова к Погодину имеются в архиве Погодина (ЛБ

Ш а г а р о в Федор Капитонович (1806—после 1854) — земляк Белинского. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825 — 1826 гг В 1826 г. был принят своекоштным студентом на медицинское отделение. 6 июня 1831 подал прошение о допущении его к экзаменам на степень лекаря. Окончил униве ситет в июне 1832 г. со званием лекаря 1-й степени. С 1835 по 1854 гг. числился лек рем в «Российских медицинских списках».

Ист.: АМГУ, ф. МФ, д. № 43—1831 г. «Об окончательном лекарском экзамене л. 42.

РМС (указанных годов).

Я г н Юлий Иванович (1811 — ок. 1888) — земляк Белинского. Врач. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1823—1827 гг В феврале 1828 г. подал прошение в университет о принятии его в число вольносл шателей. На заседании правления 9 февраля ему было разрешено слушать лекци В сентябре того же года держал экзамены на медицинское отделение, но не выдерж их. В том же году был принят в Московскую медико-хирургическую академию. С Б линским был знаком еще в Пензе. Вместе с Н. Л. Григорьевым и В. И. Терентьев уговорил Белинского ехать учиться в университет. В 1839—1854 гг. он работал в Пен сначала лекарем, а затем губернским врачом в Пензенской палате государственн имуществ. В 1841—1888 гг. числился лекарем в «Российских медицинских списках

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 3—1828 г. «О принятии в университет в слушате Юлия Ягна», лл. 1—3; АМГУ, ф. МФ, д. № 36—1828 г. «О приеме студентов в мед цинский институт»; АМГУ, Алфавит делам конференции Московской медико-хиру гической академии 1828 г., № 199.

См.: Б е л и н с к и й. «Письма», III, 423; БКр, стр. 227—243, 259; «Месяцеслов и о щие штаты Российской империи на 1839 г.», ч. II, стр. 235; «Адрес-календарь н 1848 г.», ч. I, стр. 125; на 1853 г., ч. II, стр. 111; на 1854 г., ч. II, стр. 111; РМС (ук занных годов).

БЕЛИНСКИЙ И СЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТОР Я.-П. ИОРДАН

К ВОПРОСУ ОБ ИЗВЕСТНОСТИ БЕЛИНСКОГО НА ЗАПАДЕ И У СЛАВЯН В 40-е ГОДЫ XIX в.

Статья М. Алексеева

1

В 1843 г., в двух выпусках славянского журнала на немецком языке «Летописи славянской литературы, искусства и науки» («Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft»), незадолго перед тем основанного в Лейпциге, был помещен анонимный «Краткий очерк истории русской литературы»; в подзаголовке его было указано, что он составлен по русскому журналу «Отечественные записки» за тот же 1843 г.; так как статья не имела окончания, то было обещано и ее продолжение [1]. Оно появилось через год, с той же ссылкой на «Отечественные записки» и вновь с пометой, что публикация этой статьи будет продолжаться и далее [2]; однако намерение редакции на этот раз почему-то не осуществилось: изложение «Краткого очерка» оказалось прерванным на характеристике Батюшкова и Жуковского; продолжение не появилось ни в этот, ни в последующие годы издания «Летописей».

Источник «Краткого очерка» раскрывается без труда: это — первая и вторая статьи Белинского о Пушкине, помещенные в шестом и девятом номерах «Отечественных записок» за 1843 г.[3] «Краткий очерк» представляет собой не что иное, как сокращенный немецкий перевод (местами пересказ) этих статей Белинского, сделанный вскоре после появления их в печати. Именно потому, что указанные две статьи Белинского появились в «Отечественных записках» с промежутком в несколько месяцев (июнь — сентябрь), задержалась публикация их перевода и в «Летописях славянской литературы, науки и искусства»; статья переводилась по тексту «Отечественных записок» после получения книжек этого журнала в Лейпциге: первая статья напечатана в четвертом и пятом выпусках «Летописей» за 1843 г., вторая — в третьем и четвертом выпусках за 1844 г. Нас не должно удивлять то обстоятельство, что имя Белинского как действительного автора «Краткого очерка» в «Летописях» не названо. Как известно, статьи и рецензии Белинского (в том числе и интересующая нас, впоследствии столь знаменитая серия его статей о Пушкине) печатались без его подписи, и даже не все русские читатели, а только более осведомленные в литературной жизни, знали, кому принадлежат эти статьи. Переводчик из «Летописей» мог заинтересоваться статьей историко-литературного содержания, встретившейся ему в русском журнале, не зная ее автора. Но и в том случае, если даже имя Белинского было ему известно, он не вправе был раскрыть его своим читателям — этому препятствовала элементарная журнальная этика. Тем не менее факт появления в иностранном журнале начала 40-х гг. статей Белинского — факт, насколько мы знаем, еще не отмечавшийся в литературе — несомненно.

заслуживает внимания: он свидетельствует о том, что статьи Белинског вызывали интерес тотчас же по появлении не только у русских, но и зарубежных читателей. Следует также отметить, что указанный «Кратки очерк истории русской литературы» является, вероятно, первы переводом статей Белинского на иностранны язык: более ранние переводы его статей нам неизвестны.

Внимательное изучение истории этого перевода позволяет сделать весь ма интересные выводы. Оказывается, что перевод не остался в первичной публикации «Летописей»: через несколько лет, в 1846 г., в более полно виде, с прибавлением двух последующих статей Белинского о Пушкин (третьей и четвертой), в дословном и точном переводе и даже с сохра нением большинства русских стихотворных цитат тот же «Краткий очерк под измененным заглавием «История русской литературы» был издан Лейпциге отдельной книгой с именем переводчика. В форме книги он при влек к себе еще большее внимание: книга читалась и продолжала оказы вать влияние еще много десятилетий после своего появления; так, напри мер, она вызвала ряд реплик в литературах славянских стран, а также в Германии и Швеции. Таким образом, этот перевод представляет немалый интерес для изучения истории распространения идей Белинского за рубе жом, для изучения самых истоков этого распространения. Следовательно разыскания о том, как этот перевод возник, кто был переводчиком, почему перевод был выпущен отдельным изданием, кто были его читатели, не являются излишними. При этом следует сразу же указать на одно суще ственное обстоятельство. У нас есть все основания предполагать, что имя Белинского, в конце концов, стало известно переводчику. Перевод двух статей Белинского в «Летописях» за 1843—1844 гг. был напечатан бе имени автора, а в «Летописях» за 1846 г. появилась большая и очень со-держательная характеристика Белинского с его полным именем, пытавшаяся указать на место критика в мировой литературе. Мы придаем этому особое значение потому, что переводчик статей Белинского и редактор «Летописей» был одним и тем же лицом. Это был Ян-Петр Иордан, славянский литератор и лектор славянских языков и литератур в Лейпцигском университете. Необходимо познакомиться с его биографией, чтобы правильно оценить его роль в популяризации русской литературы вообще и Белинского в частности.

2

Ян-Петр Иордан (Jordan, 1818—1891), сербо-лужичанин по национальности, был видным деятелем возрождения этого славянского народа, жившего в пределах тогдашних Пруссии и Саксонии. Уже в первой четверти XIX в., особенно после наполеоновских войн, положение «лужицких сербов» было крайне тяжелым: небольшие островки славянского мира тонули в волнах германизма, и напор этих волн становился все более сильным. По словам современников, этот маленький народ, «окруженный, проникнутый иноплеменниками» насильственными мерами был принужден «отказаться от своей народности, от своего обычая и языка» [4]. «Старые славянские обычаи предавались забвению, народные костюмы заменялись немецкими ⟨...⟩ Сербские славянские имена и фамилии немилосердно коверкались на немецкий лад,— все признаки славянского происхождения стирались с удивительным рвением»[5]. В результате, как свидетельствует А. Гильфердинг, «при каждой народной переписи число людей, объявлявших себя „вендами“ ⟨название славян у германских народов⟩, уменьшалось...»[6]. Основную массу сербо-лужичан составляло сельское население, и в этом заключается главная причина того, что народ не был германизован окончательно: лишь здесь сохранились еще древняя славян-

ская речь, старые обычаи, предания и песни. Интеллигенция была малочисленна, воспитывалась в немецких учебных заведениях и германизировалась быстрее. Однако в 1830—1840-е годы у сербо-лужичан, преимущественно в кружках молодежи, возникло довольно сильное национально-освободительное движение демократического характера. В различных немецких университетских центрах, где немногие лужичане получали образование, одно за другим возникали гимназические и студенческие общества типа «землячеств», ставившие своей задачей «взаимною помощью улучшать в каждом из членов охоту и уменье писать по-лужицки, изучать другие славянские языки», ближе знакомиться с родным народом, вдумываться в его прошлое, собирать его песни, сказки, предания. Такие общества и кружки, в разное время существовавшие в Лейпциге и Бреславле, Праге и Будышине, в 1830—1840-е годы укрепились, искали объединения друг с другом, расширяли и усиливали свою деятельность.

Ян-Петр Иордан был в числе молодых лужичан, всецело захваченных этим движением. Родом из Верхних Лужиц, он получил образование в Пражской семинарии — старом культурно-просветительном центре лужичан[7]. Чешский язык преподавал здесь В. Ганка, имевший на Иордана большое и продолжительное влияние.

Во второй половине 1830-х годов мы застаем Иордана в Праге, страстно мечтающим о деятельности на пользу своего родного края. Подобно многим другим юношам своего поколения, он был в те годы прежде всего пламенным трибуном своего народа и страстным ревнителем родного языка. Сначала его увлекали преимущественно языковедческие занятия: он упорно работал над составлением словаря верхнелужицкого наречия, писал его грамматику, обдумывал его орфографическую реформу. Но круг его интересов быстро расширялся: он мечтал об издании сербо-лужицкой «книги для чтения», в которой были бы собраны наилучшие образцы лужицкой письменности и фольклора и которая могла бы быть интересной не только для его соотечественников, но и для других славян. Публикуя проспект этого издания, Иордан обращался к своим землякам с призывом присылать ему лужицкие песни, легенды и сказки, пословицы и поговорки и заканчивал свое обращение характерными для его патриотического настроения в 1830—1840-х годах словами: «Лишь если мы ⟨сербо-лужичане⟩ будем стоять друг за друга, при наших слабых силах может быть совершено нечто хорошее. Я думаю, что настало время, когда также и серб * должен проснуться от тысячелетней дремоты, в которую повергло его иноземное влияние и собственная вина,— проснуться к ощущению и сознанию своей национальной силы, потому что в противном случае рука судьбы рано или поздно вычеркнет его из рядов народов и истребит его имя в книге жизни». Характерно, однако, что Иордан вынужден был писать эти слова национально-патриотического призыва по-немецки и публиковать их на обложке изданной им в 1841 г. в Праге на немецком же языке «Грамматики верхнелужицкого наречия»[8]. Ввиду ряда известных исторических условий — насильственного внедрения немецкого языка, малой распространенности их родного наречия и т. д. — немецкий язык не так-то легко было устранить из обихода. Вот почему, развертывая свою литературно-научную деятельность, направленную к утверждению собственной национальности, к разработке языка и литературы своего народа и к укреплению международных славянских связей, Иордан основной печатной трибуной для этой

* Лужичане называли себя иногда сербами, или сорбами. Во избежание недоразумения укажем, что сербо-лужичане — народ западнославянской ветви и что их нельзя смешивать с сербами — народом южнославянской ветви. Ближайшие родичи сербо-лужичан — поляки и чехи; в языке лужичан удерживаются, однако, архаические черты, имеющие параллели и в восточноевропейских языках. — *М. А.*

деятельности избирал издания на немецком языке. В эти годы он сотрудничал в пражском немецком журнале Рудольфа Глазера «Ost und West», специально посвященном вопросам славянской литературы и науки [9], затем в «Blätter für literarische Unterhaltung»[10] и в других периодических изданиях на немецком языке.

Этот конфликт между своими яркими славянскими симпатиями и школьной немецкой выучкой, в который Иордан вступил в самом начале своей литературной деятельности, ему так и не удалось разрешить до конца его долгой жизни. В письме к В. Ганке от 6 июня 1846 г. Иордан восклицал: «Только одно не будет возможно — меня онемечить»[11], но продолжал писать преимущественно по-немецки. В этом была его трагедия, и в этом мы усматриваем основную причину конечного краха его кипучей деятельности, начавшейся, казалось, при самых благоприятных обстоятельствах. Иордан не стал, в конце концов, ни таким просветителем своего народа, каким был его сверстник и друг Ян Смоляр, ни ученым-славистом. Для немцев 1840-х годов он был типичным славянином, к тому же опасным по своим политическим симпатиям; его разноплеменным славянским друзьям претили его многочисленные немецкие работы, книги и журналы; в ученых кругах его считали журналистом по преимуществу, в литературных — человеком, слишком приверженным к учено-академической деятельности... Впрочем, все эти противоречия обнаруживались постепенно; в середине 1840-х годов он был еще в расцвете сил и своего влияния на соотечественников и современников.

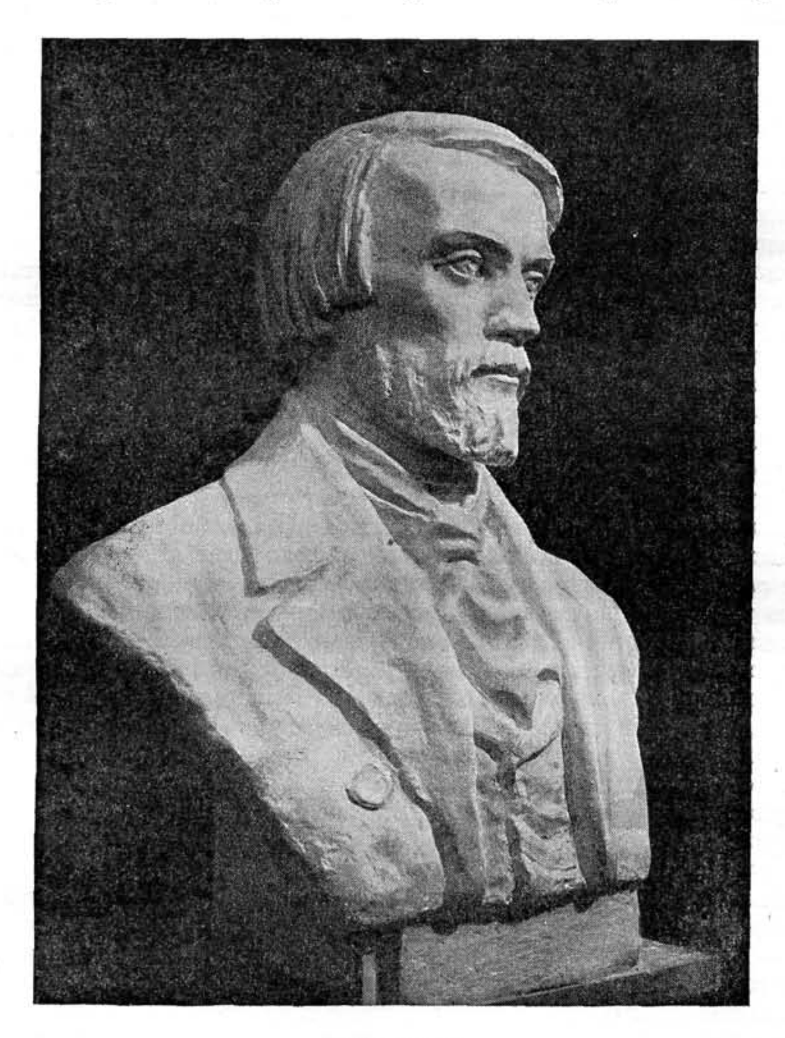
3

Во второй половине 1830-х годов Прага была одним из тех старых славянских городов, где всего чаще слышалась разноплеменная славянская речь. Сам Иордан отмечал, что годы учения в Праге позволили ему овладеть многими славянскими языками: это оказалось не слишком трудным делом на родной языковой сербо-лужицкой основе. Он прежде всего хорошо овладел чешским языком, на котором бегло говорил и писал, а также польским и, наконец, русским. В занятиях русским языком едва ли не решающую помощь оказал ему его учитель — Ганка, который, по свидетельству И. И. Срезневского, «особенно любил нас, русских, любил русский язык, считая его особенно важным, срединным, живительным для всех славян, и всячески старался приохотить к нему не только чехов, но и других славян» [12].

Русский язык Иордан изучил еще до окончания семинарии (т. е. до 1838 г.), а в ближайшие за этим годы он выступил уже и как переводчик с русского. Так, в упомянутом пражском журнале «Ost und West» он помещал свои заметки и рецензии в отделе «Новейшая русская литература» («Neueste russische Literatur»). В 1841 г. в том же журнале напечатал свой перевод повести Гоголя «Майская ночь» и нескольких русских этнографических статей [13]. Интересу Иордана к русскому языку и литературе немало способствовали его многочисленные знакомства с русскими, которых он встречал и в Праге, и у себя на родине, и, наконец, в Лейпциге, куда он переехал в 1843 г.

В начале 1840-х годов Иордан особенно близко сошелся с двумя русскими путешественниками, имевшими на него значительное влияние. Это были И. И. Срезневский и П. И. Прейс — будущие знаменитые русские слависты, посланные на несколько лет в славянские земли и затем занявшие первые кафедры славяноведения в Харьковском и Петербургском университетах. Со Срезневским Иордан познакомился у себя на родине, в сентябре 1840 г., в г. Сгорельце (по-немецки Гёрлиц), откуда Срезневский начинал свое пешеходное странствование по Лужицкому краю в сообществе со Смоляром [14]. Их общение вскоре возобновилось

в Праге, в которой они прожили несколько месяцев (с конца ноября 1840 г. по первую половину января 1841 г.). Здесь к ним вскоре присоединился и П. И. Прейс. По свидетельству самого Срезневского, он в эту пору ежедневно занимался с Иорданом лужицким языком (письмо из Праги от 28 ноября 1840 г.), а Иордан, в свою очередь, пользовался словарными и фольклорными материалами, собранными Срезневским в Лужицах. «Лужичанин

БЕЛИНСКИЙ
Бюст работы Л. Д. Бутович (гипс), 1948 г.
Дом-музей Белинского, г. Белинский

Иордан, составляющий лужицкий словарь, приходит ко мне списывать из моего словаря слова»,—хвастался Срезневский матери в письме из Праги от 15 декабря 1840 г.[15] Через месяц Срезневский уехал в Вену: «Ганка, Прейс и Иордан... провожали меня, как родные»,— писал он матери (Вена, 23 января 1841 г.)[16]. Характерным свидетельством установившейся между ними дружеской близости может служить тот факт, что Иордан хотел примкнуть к Срезневскому и Прейсу в их дальнейших путешествиях по славянскому югу [17]. Но замыслы Иордана не осуществились, скорее всего, из-за денежных затруднений, как ни заманчива была

для него мысль повидать южные славянские края — Черную гору, Адриатический берег... Вскоре Иордан возвращается к себе на родину, имея намерение организовать там издание газеты на лужицком языке.

Для дальнейшей творческой деятельности Иордана его знакомство и дружеские связи с двумя русскими славистами имели большое значение. Любопытно, что в двух своих русских приятелях Иордан нашел весьма не похожих друг на друга людей, которые могли быть источником весьма несходных идейных воздействий. Всех троих объединял общий интерес к разноплеменному славянству, к проблемам славянского возрождения, культурного и политического, но решали они эти проблемы каждый по-своему. Отношение к славянству И. И. Срезневского в эти годы было сугубо-романтическим; его увлекали не только перспективы научного изучения славянской старины, которое «должно было дать известные выводы относительно истории, языка, литературы» славянских племен в различные моменты их истории; его интерес к этому предмету был «так сказать, поэтический,— мечты о прошлых временах, следы которых оставались на земле, теперь уже чужой»; ему было свойственно «немного сентиментальное увлечение патриархальной простотой народного быта, который под политической властью чужого племени хранил язык и предания предков, сочувствие к скромной деятельности патриотов, которые не разрывали связи с народом, заботились о его просвещении, восхищались тою же старой поэзией народной песни и обычая...»[18] П. В. Анненков, встретившийся со Срезневским в Вене в начале 1841 г. (т. е. в то самое время, когда будущий знаменитый славист только что расстался с Иорданом и обдумывал дальнейшее с ним путешествие), писал о нем: «человек этот совершает подвиг европейский: от Балтийского моря и до Адриатического изучает он славянские племена, их наречия, обычаи, песни, предания и большею частью пешком, по деревням и проселочным дорогам ⟨...⟩ Он решительно убежден, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и с восторгом показывал нам карты, говоря, каким образом соотчичи наши разлились от Померании до Венеции»[19].

П. И. Прейс был человек совсем другого склада, трезвее и суше, склонный к методическим занятиям и упорному критическому анализу, органически не способный ни к преувеличениям, ни к поэтическим фантазиям. Он не разделял славянофильских иллюзий и, по возвращении из славянских стран, став профессором Петербургского университета, занял враждебную позицию по отношению к «московской школе», М. П. Погодину и «Москвитянину». Его переписка с М. С. Куторгой и воспоминания о нем В. С. Порошина — ближайшего друга Прейса по Петербургскому университету — рисуют его как человека весьма прогрессивных взглядов[20].

Приглядываясь к обоим своим русским друзьям, Иордан имел возможность воочию наблюдать двух представителей русской науки, имевших также непосредственное отношение и к русской литературе и журналистике, и по ним угадывать и настроения русского общества и различные идейные течения, в нем господствовавшие. То, что Иордан знал о России и русских писателях от учителя своего Ганки, он имел возможность теперь существенно дополнить из устных рассказов Срезневского и Прейса. Шла ли у них речь о русской литературе? В этом не может быть никакого сомнения. Беседы их о славянстве и его будущем неизбежно должны были затрагивать широкий круг всевозможных вопросов, связанных с Россией и русской культурой. К результатам общения со Срезневским (уехавшим в путешествие в качестве профессора Харьковского университета и еще полным украинских впечатлений) следует отнести и возникновение интереса Иордана к Гоголю, и его замысел перевода на немецкий язык «Запорожской старины» самого Срезневского, впрочем, неосуществившийся, и вообще его интерес к Украине и украинскому художественному слову[21].

Но и Срезневский, и Прейс должны были познакомить Иордана с Петербургом и с русским научным и литературным миром, в особенности потому, что как раз в начале 1841 г., когда Иордан решил серьезный вопрос о своей дальнейшей судьбе, у Ганки возникла мысль определить его для научной работы в Петербург, в проектировавшееся славянское отделение Российской Академии. Рекомендацию Иордана как возможного кандидата в сотрудники этого отделения от лужичан Ганка послал министру народного просвещения гр. С. С. Уварову и ряду других лиц вместе со многими экземплярами только что вышедшей в Праге «Грамматики верхне-лужицкого наречия» Иордана [22]. У Иордана были все основания самым серьезным образом интересоваться Россией, которая в недалеком будущем могла стать местом его постоянного жительства. Впрочем, рекомендации Ганки не имели успеха, как и его проект славянского отделения Российской Академии, не получивший осуществления.

В связи с указанными выше соображениями возникает вопрос, не знал ли Иордан уже в эти годы от Срезневского или Прейса о Белинском? Для такого предположения есть все основания. Срезневский был лично знаком с Белинским. Он встретился с ним незадолго до своего путешествия по славянским землям, в Петербурге, куда приехал по делам, связанным с этим путешествием. Но друг о друге они знали уже и раньше. Во второй половине 1830-х годов, в харьковский период своей жизни, Срезневский напечатал несколько повестей в «Московском наблюдателе». Одна из них была опубликована там в период редакторства Белинского. О других его повестях Белинский сочувственно отозвался в сентябрьской книжке «Отечественных записок» за 1839 г.: «Имя Срезневского известно, как имя примечательного литератора, обладающего большим талантом живого и увлекательного рассказа: вспомните его «Барабаша» в «Московском наблюдателе» за 1834 г. и «Палия» в том же журнале 1838 г. и отдельно изданную «Запорожскую старину...» (IV, 327) [23]. Менее сочувственно отнесся Белинский к ученым сочинениям Срезневского в области политической экономии, дав в той же книжке «Отечественных записок» суровый отзыв о его «Опыте о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно» (IV, 327—329).

Личное знакомство Срезневского с Белинским состоялось осенью 1839 г. на квартире А. А. Краевского. Об этом свидании есть несколько свидетельств — самого Белинского, П. В. Анненкова (со слов Белинского) и Н. А. Добролюбова (со слов Срезневского). В большом письме к В. П. Боткину (от 22 ноября 1839 г.), где описаны его петербургские встречи, Белинский отзывается о Срезневском в подчеркнуто ироническом тоне и, передавая содержание своей с ним беседы, высмеивает его на все лады: «У Краевского я встретился с Срезневским — необычайно острый муж: очень хорошо рассуждает о Гоголе и Основьяненке, говорит, что что̀ есть в одном, того недостает другому, что Гоголь берет формою, а Основьяненко изобретением...» и т. д. Белинский приводит далее и следующие слова, будто бы сказанные ему Срезневским: «„Признаюсь вам откровенно, когда другие восхищались вашими статьями, я говорил, что Белинский — ничего, но когда прочел вашу драму, то увидел, что нет — это огромный талант!“ Я его спросил, что̀ выше — „Макбет“ или моя драма,— и он холодно ответил, что не понимает „Макбета“, т. е. что ничего не видит в нем хорошего. Вот этот понял меня — не то, что вы, дураки⟨...⟩ Прощаясь, расцеловался со мною, и вообще он убежден, что мы поняли друг друга!» («Письма», II, 8). Именно об этой же встрече Срезневского с Белинским, которую следует отнести к концу октября 1839 г.[24], мы знаем также и из рассказа П. В. Анненкова, занесенного в его воспоминания со слов Белинского, хотя ни дата, ни место их свидания в этом рассказе не указаны [25].

«Комедия» Белинского (в его собственном рассказе — «драма», как она и названа в печатном тексте), которая вызвала похвалы Срезневского,— это «Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь», напечатанная во второй части «Московского наблюдателя», 1839 г. Срезневский, несомненно, читал ее вскоре по выходе в свет этой книжки журнала. Сам Белинский весьма невысоко ставил свою пьесу, написанную им наспех по просьбе М. С. Щепкина. Поэтому-то он и придал в своей интерпретации восхищенному отзыву Срезневского намеренно карикатурный характер (сопоставление своей пьесы с «Макбетом») и «затем,— по свидетельству П. В. Анненкова,— уже никогда не мог вспомнить об этом отзыве без выражения безмерного удивления»[26]. Но в высокой ее оценке Срезневским, во всяком случае, сквозила симпатия к ее автору; доброжелательное отношение к себе как к беллетристу он мог предполагать со стороны Белинского на основании приведенного выше отзыва последнего в сентябрьской книжке «Отечественных записок»; неудивительно, что они простились вполне дружески.

Существует, как упомянуто выше, еще рассказ Н. А. Добролюбова об этой же встрече, особенно интересный для нас потому, что он записан со слов самого Срезневского: Добролюбов был учеником Срезневского по Главному педагогическому институту и одно время был к нему очень близок.

В свой дневник Добролюбов записал под 7 января 1857 г.: «Припоминал он ⟨Срезневский⟩ также, что в конце 1839 г. Кр⟨аевский⟩ говорил, что у него 39 тысяч асс. долгу на журнале и что вся его надежда на Белинского. Белинский приехал из Москвы и явился к Кр⟨аевскому⟩ при Срезневском. Краевский побежал к нему навстречу с восклицанием: „наконец-то, спаситель!" и при нем опять повторял, что только Белинский может поднять и поддержать его журнал...» «При всем том,— заключает Добролюбов,— зная об исполнении ожиданий Кр⟨аевского⟩ Ср⟨езневский⟩ до сих пор упорно отвергает значение Белинского в истории русск⟨ого⟩ просвещения!»[27] Если отбросить последнее свидетельство, относящееся к 1857 г. и выражающее позднейшее мнение Срезневского о Белинском, и возвратиться к описанной выше встрече его с критиком в октябре 1839 г. у Краевского, то мы увидим, что запись в дневнике Добролюбова несомненно имеет в виду ту же самую встречу, которая была едва ли не единственной. Для нас в особенности существенно то, что Срезневский был свидетелем восторженного приема, который оказал Белинскому Краевский, был свидетелем этой знаменитой сцены, описанной и в других источниках, например в воспоминаниях И. И. Панаева [28]. Таким образом, уезжая в продолжительное путешествие по славянским странам, Срезневский уже знал, какую роль будет играть Белинский в «Отечественных записках». Это для нас тем более интересно, что цель визита к Краевскому самого Срезневского заключалась в том, чтобы договориться о корреспонденциях, которые он намерен был посылать из своих странствий в «Отечественные записки». Журналом Краевского Срезневский очень заинтересовался и за несколько дней до отъезда за границу готовил ряд вырезок из одиннадцати книжек «Отечественных записок» за 1839 г. для того, чтобы взять их с собой [29].

Несомненно, что соглашение с Краевским было достигнуто и что в беседе с Белинским Срезневский не почувствовал никакой иронии или недоброжелательства. Отношения между Срезневским и журналом устанавливались прочные. Вскоре, с 1840 г., в «Отечественных записках» начали появляться его статьи, присылавшиеся в форме писем, о новостях славянской литературы и искусства. Одну из таких статей Срезневский послал в «Отечественные записки» из Праги в начале 1841 г., т. е. именно тогда, когда он ежедневно встречался с Иорданом: это была статья о чеш-

ском театре [30]. Любопытна одна деталь: инициатором этой статьи Срезневского был П. И. Прейс, писавший из Праги в Петербург (12 января 1841 г.) близкому приятелю своему М. С. Куторге (профессору Петербургского университета по кафедре всеобщей истории, сотруднику «Отечественных записок», лично знакомому с Белинским, который высоко оценивал его печатные труды): «Подробности о театре чешском будут сообщены в „Отечественные записки" Срезневским. Я его об этом просил: это по его части»[31]. Со стороны Прейса такая просьба была тем более естественна, что он тогда считал «Отечественные записки» (между прочим, и на основании писем к нему того же М. С. Куторги) единственным русским журналом начала 1840-х годов, достойным внимания и поддержки [32], и безусловно знал, какую роль в этом журнале начал играть Белинский. Незадолго перед тем как отправиться вместе с Срезневским на славянский берег Адриатического моря, Прейс в Вене встретился с близким другом Белинского, П. Ф. Заикиным, у которого Белинский прожил в Петербурге около полугода (с декабря 1839 г. до середины мая 1840 г., когда Заикин уехал за границу). Белинский любил этого «чудеснейшего человека» и имел с ним много общих приятелей. В одном из писем Заикина к Белинскому из-за границы (Вена 28 октября [1840 г.]) есть известие о его знакомстве с В. Ганкой: «Г-ну Ганке, одному из ученых г. Праги, я подарил стих⟨отворения⟩ Кольцова, и он обещал перевести некоторые песни на чешский язык» [33]. Именно об этом приятеле и корреспонденте Белинского Прейс писал Ганке (Вена, 5 апреля 1841 г.): «Я только что пришел от моего доброго земляка и вам хорошо знакомого, от г. Заикина. Вечер прошел в приятном разговоре. Была речь и о Праге и о том, который так дорог для всех русских, посещавших очаровательную столицу чехов» ⟨т. е. о Ганке⟩[34]. Может быть речь у Заикина с Прейсом шла также и о Белинском? Через день Прейс уехал в Триест, где условился встретиться со Срезневским.

Весь вышеприведенный экскурс оказался необходимым для того, чтобы обосновать наше предположение о возможности знакомства Иордана с именем и деятельностью Белинского еще в 1840—1841 гг. при посредстве Срезневского или Прейса. Как видим, это представляется очень вероятным. Добавим, что Ганка мог узнать о Белинском также и от П. Ф. Заикина, как он узнал от него о Кольцове. Во всяком случае, в Праге и в других славянских городах уже следили за «Отечественными записками», превратившимися в эти годы, в значительной степени под воздействием Белинского, в передовой орган русской общественной и литературной мысли [35]. Кое-где журнал уже получался регулярно. Так, М. П. Погодин еще в 1839 г. видел «Отечественные записки» у известного чешского ученого-физиолога Яна Пуркини, профессорствовавшего в Бреславле и собиравшего вокруг себя славянский кружок преимущественно из лужичан [36]. В 1842 г., на обратном пути на родину, в Бреславль заехал Срезневский; он писал оттуда Ганке, в Прагу: «вам напишу несколько слов об „Отечественных записках", которые встретил у почтеннейшего профессора Пуркини между множеством русских книг и журналов. Он уже получил 5 книг этого журнала. В 5-й есть мое письмо о чешской литературе и рукописи реймсской: а в этом письме стоит, между прочим, что хорошо бы сделал издатель, если б прислал в Прагу свой журнал! На это он заметил: с большим удовольствием! Отсюда же буду писать о пути пересылки» [37].

Таким образом, от своих русских или чешских друзей Иордан еще в Праге мог узнать имя Белинского и читать его статьи в «Отечественных записках»; он интересовался русской литературой, к журнальной деятельности чувствовал склонность, переводов с русского языка не прекращал... Тем не менее прямых, документальных свидетельств о том, что он знал о Белинском и тогда, когда уже приступил к компилированию и переводам его статей, у нас не имеется.

4

В конце 1841 г., когда расстроились планы путешествия Иордана со Срезневским и Прейсом по славянскому югу, он вернулся на родину и всецело посвятил себя изданию газеты в Будышине на серболужицком языке. Задача, которую он себе поставил, была прежде всего просветительская: необходимо было содействовать сближению лужицкого народа с его славянскими родичами, распространить национальное самосознание в народной массе, дать ей полезное и занимательное чтение, а вместе с тем и способствовать его образованию. Предприятие казалось новым, невиданным у лужичан, и Иордан горячо взялся за дело. С января 1842 г. эта газета, получившая многозначительное название «Jutnička», т. е. «Денница», «Утренничка» — утренняя звезда, подобно многим другим денницам, заблиставшим в те же годы на небосклонах различных славянских стран, стала еженедельно выходить в г. Будышине. Иордан был ее редактором, издателем и основным сотрудником; он пытался также привлечь к изданию своих немногочисленных друзей, владевших лужицкой речью. «Торговки стали принимать в свои корзины эти невиданные листы,— вспоминал Срезневский о «Ютничке» в 1844 г.,— и народ стал их раскупать, платя за каждый по полуторы копейки, сам не веря, не нарадуясь, что и у него есть своя газета. Идучи раз в неделю с городского базара, как не купить, вместе с пряником для своего дитяти, листок для себя,— листок, в котором найти можно и о старом и о новом, и совет для хозяйства, и удалую песню, и веселый рассказец, и чудную сказку, которая хотя и помнится с детства, а читается все-таки будто что-то не слышанное...» [38] Одновременно с изданием «Ютнички» Иордан развернул также деятельность фольклориста-собирателя, издав, между прочим, под псевдонимом «Вичазец Петр» небольшой популярный песенник для своих соотечественников [39].

В «Ютничке» помещались известия из различных славянских стран, в том числе и из России[40]. Но газета пошла плохо. Высказывалось мнение, что ее неуспех объяснялся в значительной степени непривычной для лужичан новой орфографией (разработанной Иорданом по образцу чешской)[41]. Однако имелась гораздо более важная причина, помешавшая успеху газеты: при всех своих отчетливых демократических симпатиях Иордан, повидимому, плохо знал подлинные интересы и нужды своих читателей из народа, т. е. серболужицких крестьян, и не учитывал их запросов; он тяготел к другому, более «ученому» читателю. Стремление совместить в одном периодическом органе популяризаторские задачи народного листка и общеславянского литературного журнала оказалось невыполнимым.

В середине 1842 г. Иордан, не без хлопот со своей стороны, получил приглашение в Лейпцигский университет на должность лектора славянских языков и литератур [42]. Университетская трибуна открывала, казалось ему, более широкие и заманчивые перспективы для продолжения его национально-просветительной работы. Он попробовал передать газету своему приятелю Я. Смоляру, пытался перенести издание «Ютнички» в Лейпциг, но распространение в Лужицах газеты, печатаемой в Лейпциге, оказалось практически невозможным. В Лейпциге вышло всего два номера «Ютнички» (под названием «Сербская ютничка» [43], уже ежемесячного журнала). Затем издание Иордана прекратилось. Но его идея издания лужицкой газеты была подхвачена другими. Перед самим же Иорданом открылись новые перспективы; встали новые задачи, которые совершенно его увлекли. Вскоре после своего переселения в Лейпциг Иордан взялся за издание нового «общеславянского журнала», но уже не на родном, лужицком, языке, а на немецком.

Лекции Иордана, которыми положено было основание славистики в Лейпцигском университете, начались в 1843 г. и продолжались до зимнего

ЯН-ПЕТР ИОРДАН
Фотография 1870-х гг.

семестра 1847 г. Первыми Иордан объявил два курса: «История русской литературы от ее возникновения до Карамзина» (2 часа) и «О флексии в славянских языках — русском, болгарском, иллиро-сербском, польском, чешском, лужицко-сербском» (1 час) [44]. Литературные и лингвистические курсы различного характера, преимущественно уже на западнославянском материале, Иордан читал здесь и в последующие пять лет [45].

С первых дней своей преподавательской деятельности в Лейпциге Иордан столкнулся со значительными затруднениями: в библиотеке университета не было для преподавателей и студентов ни учебных пособий, ни словарей, ни литературных текстов на славянских языках. Для того, чтобы обеспечить развитие славяноведения как науки, необходимо было создать славянские книжные фонды, обеспечить библиотеки регулярным поступлением славянских изданий. Вокруг Иордана вскоре создался небольшой кружок разноплеменных славянских студентов [46]. Иордан вступил в сношения с различными издательствами и стал выпускать в свет одну за другой разнообразные книги на славянские темы как свои собственные, так и других авторов. Тогда же возникла у него идея журнала, специально посвященного славяноведению. Иордан был более публицистом, чем ученым. Разбор в течение семестра флексий славянских языков не мог исчерпать всех его интересов и творческих стремлений. Обладая темпераментом политика и журналиста, Иордан рвался к широкой литературной деятельности. Ограничить себя одними лишь учено-филологическими занятиями в немецком университете значило для Иордана изменить народному сербо-лужицкому и славянскому делу, которое он представлял себе тогда, в основном, как широкое интеллектуальное общение славянских народов на почве литературы и журналистики. Иордан долго не расставался с мыслью о журнале на немецком языке. Журнал должен был называться «Славянским обозрением»—«Slawische Revue» (об этом проекте Иордан оповестил своих читателей в своей лужицкой газете еще в июньском номере

1842 г.); вскоре, однако, название будущего журнала и программа его изменились [47]. С начала 1843 г. журнал Иордана начал регулярно выходить в свет в Лейпциге. Это были «Славянские летописи» («Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft»).

Задача, которую Иордан поставил теперь перед собой, заключалась в том, чтобы создать орган межславянского литературного общения, журнал, который мог бы выполнять роль посредника между отдельными славянскими литературами. Это было нелегкое дело: книги и журналы, выходившие в отдельных славянских странах, с трудом проникали за пределы этих стран, застревая в таможнях и цензурных инстанциях: русская книга, например, получалась в Праге, Вене или Лейпциге с затруднениями, к турецким же славянам она в ту пору почти и вовсе не имела доступа. Журнал Иордана мог иметь успех, так как он действительно отвечал назревшей потребности не только научного славяноведения, но и более широких читательских интересов в странах Западной Европы. Еще в 1835 г. венский книгопродавец В. Дундер, присылая в Российскую Академию свой проект огромного общеславянского книжного каталога, писал: «Славянская словесность, а особливо русская, польская и богемская, в новейшие времена обратила на себя достодолжное внимание образованной Европы: но до сего времени многие важные вопросы чужеземных любителей словесности об отличнейших творениях славян оставались от книгопродавцев без ответов, по незнанию славянской словесности, по недостатку сведений, откуда получать славянские книги» [48].

Для успешного ведения журнала Иордану необходимо было создать разветвленную сеть корреспондентов в различных славянских странах; старые пражские связи, в частности его непрекращавшаяся переписка с Ганкой, могли обеспечить сотрудничество в журнале многих лиц, но этого было все же недостаточно; необходимо было заручиться поддержкой новых литературных друзей. В частности, чрезвычайно важно было приобрести постоянных сотрудников в России: русской литературе Иордан собирался отвести в своем журнале наиболее почетное место; недаром и свои лекции в Лейпцигском университете он начал с курса истории русской литературы. Первая мысль Иордана была о старых друзьях — Срезневском и Прейсе. Следует, однако, отметить, что хотя их имена попадаются в «Летописи», но официальными сотрудниками они объявлены не были [49]. Зато в качестве постоянного сотрудника и корреспондента из России на первых же страницах журнала появилось имя Куника — будущего петербургского академика. Это было в самом начале его литературной деятельности.

Эрнест-Эдуард, или Арист Аристович Куник (1814—1899), родом из Силезии, интересовался славянством еще в годы учения в Бреславле и Берлине. Окончив Берлинский университет в 1838 г., Куник после непродолжительного пребывания в Варшаве переехал в Москву. Одним из его первых покровителей был М. П. Погодин, который заинтересовался им в особенности потому, что молодой ученый хотел стать посредником между славянской и немецкой наукой. Первые его статьи появились в «Москвитянине» 1841—1842 гг. В 1841 г. Куник вернулся в Германию, жил в Берлине и Лейпциге, безуспешно пытаясь здесь издать свои сочинения и переводы [50]. Осенью 1842 г. в Лейпциге с Куником встретился Погодин и, как он записал в своем дневнике: «услышал от него много любопытного»; здесь же его «окружили сербские студенты и прочие словенские», и Погодин, по свидетельству того же его дневника, «порадовался на их юношеское одушевление. Великое готовится» [51]. Вскоре, однако, Куник вернулся в Россию. В ноябре 1842 г. он приехал в Петербург, где и погрузился в работы по славянским древностям и русской истории.

В Лейпциге Куник познакомился с Иорданом как раз в тот период, когда последний в разноплеменном славянском кружке готовился к изданию

своих «Летописей». Это известно из письма Иордана к В. Ганке от 29 августа 1842 г.[52]; возможно, что Куник принимал близкое участие в организации задуманного журнала. По выходе в свет первой книжки журнала П. Шафарик писал Погодину из Праги (5 февраля 1843 г.): «В Лейпциге появились „Jahrbücher d⟨er⟩ slaw⟨ischen⟩ Lit⟨eratur⟩“ Иордана (и Куника)» (в оригинале: Kunig) и прибавлял: «Я не ожидаю от них много хорошего»[53]. К вопросу о том, почему Шафарик не возлагал больших надежд на этот новый орган, посвященный славяноведению, мы еще вернемся ниже, но нас, естественно, может интересовать вопрос, почему Шафарик считал Куника чуть ли не соиздателем Иордана? Шафарик, скорее всего, основывался на том, что в первом номере «Летописей» была помещена статья Куника «Людевит Гай и иллиризм», за его полной подписью [54]; ряд других статей и корреспонденций Куника появился в «Летописях» в том же 1843 г., но уже лишь с инициалами, а затем и вовсе без подписи[55]. Объясняется это, повидимому, тем, что уже в этом же году журнал Иордана был запрещен к обращению в России, и Куник, добивавшийся в это время академической должности в Петербурге, не хотел компрометировать себя участием в «опасном» журнале. Однако есть все основания предполагать, что и после 1843 г. письменные связи Куника с журналом и его редактором не прекратились[56]. Может быть, этим отчасти и объясняются прекрасная осведомленность «Летописей» в русской литературной жизни середины 1840-х годов и полнота соответствующей библиографической информации в издании. Куник, несомненно, снабжал Иордана вновь выходящими русскими книгами и журналами, а в своих частных письмах сообщал Иордану ряд таких литературных новостей из Петербурга, о которых еще молчала русская пресса. На первых порах, у «Летописей» были и другие сотрудники из России, имена которых перестали упоминаться на страницах журнала одновременно с исчезновением имени Куника[57]. Интересно, что почти одновременно с запрещением распространения «Летописей» в России к ним весьма подозрительно начали приглядываться австрийские власти в Вене. В 1843 г. один из агентов Меттерниха доносил, что журнал Иордана организован будто бы «под русским влиянием и не без намерения оказывать воздействие на соседние славянские страны, особенно на Богемию; по крайней мере, предполагаемый русский агент ⟨?⟩ по имени Куник, незадолго перед тем явившийся в Лейпциг непосредственно из Петербурга, приметным образом интересовался этим предприятием и обещал ему значительную поддержку»[58].

Некоторые славянские деятели были недовольны тем, что Иордан стал издавать свой журнал на немецком языке; для органа общеславянской культурной информации иные предпочитали один из славянских языков, другим (например, представителям польской эмиграции) более подходящим для этой цели представлялся французский язык. Литератор и историк И. Л. Корвин-Ястржембский, член польского «Литературного товарищества» в Париже, еще до выхода в свет первой книжки «Летописей» Иордана, о которой, однако, слухи дошли уже и до французской столицы, писал по этому поводу В. Ганке в Прагу (5 ноября 1842 г.): «здесь, на Западе, немецкий язык очень мало кому известен; едва ли г. Иордан найдет много читателей»[59].

Для недовольства новым журналом, пытавшимся найти точки соприкосновения культурных интересов для разноплеменных славян, разделенных и географически, и политически, и социально, были, разумеется, и более веские основания. Журнал, естественно, не мог отстраниться от обсуждения тех острых социально-политических проблем, которые по-своему, в различных целях и применениях, горячо обсуждались во всех концах славянского мира. Как ни подчеркивал Иордан в программной статье первого номера журнала, с его характерным эпиграфом («Понимание!

Примирение! Объединение!»), сугубо литературные задачи своего органа, но даже в информационно-библиографической части издание не могло остаться в рамках бесстрастного описания разноязычных славянских книжных новинок. Периодический орган, ставивший своей целью не только внимательно следить за литературой и журналистикой во всех странах со славянским населением, но и давать оценку всему тому, что о славянстве писалось на не-славянских языках, неминуемо должен был превратиться в журнал с яркой политической окраской. Так, действительно, и случилось.

Нужно полагать, что именно это обстоятельство заставило П. Шафарика, хорошо знавшего Иордана, заранее усумниться в том, что его журнал будет иметь желательную направленность, и «по секрету» сообщить Погодину, что он «не ждет от него много хорошего». Первые же книжки «Летописей» показали, что славянские проблемы ставились и решались там далеко не в духе реакционно-славянофильских утопий. Вскоре на это же обратила внимание и русская цензура. Сам Иордан сообщил в своем журнале, что «Летописи» были запрещены в России после того, как в них была напечатана статья «Мицкевич о Пушкине»[60]. Эта статья, представлявшая выдержки и пересказы суждений Мицкевича о Пушкине из его парижского курса лекций о славянских литературах, была напечатана в первой книжке «Летописей» за 1843 г.[61] Следовательно, если верить редактору, его журнал был запрещен в России тотчас по основании, а присылавшиеся ему русские статьи и корреспонденции сразу же стали анонимными. Этим, вероятно, и объясняется, что в русских книгохранилищах «Летописи» представляют библиографическую редкость, что, в свою очередь, разъясняет причину, по которой журнал Иордана до сих пор не привлек к себе внимания историков русской литературы. Между тем, в «Летописях» можно найти немало интересных данных как для истории русской литературы, так и, в особенности, для истории русской журналистики, за которой «Летописи» следили очень внимательно.

Позиция, занятая журналом в славянском вопросе, определилась сразу: «Летописи» в первых своих номерах высказали резко отрицательные суждения о русском самодержавии и о политической доктрине правого крыла русских славянофилов, поскольку последние отводили руководящее значение в деле объединения славян монархическому строю России, а также православию и общине.

Вместе с тем, журнал все откровеннее и яснее высказывался за русскую демократическую «партию прогресса», требовавшую обновления государства и внутренних реформ. В 1845 г. Иордан счел необходимым напечатать в «Летописях» резко-полемическую статью против немецкого журнала «Magazin der Literatur des Auslandes», обвинившего «Летописи» в «панславистских стремлениях»: «Если „Magazin“ понимает под этим то, что понимает под этими словами вся немецкая литература, т. е. стремление всех различных славянских племен в Турции, Австрии, Пруссии и Саксонии объединиться сначала в умственном отношении, потом в материальном и политическом под флагом русской державы (то есть самодержавия), и если он имеет в виду н а с под этими словами, то мы называем это обвинение „Magazin“ низкой л о ж ь ю, раз и навсегда. Ложью, так как мы часто высказывали наши взгляды на позиции России по отношению к славянству, начиная с первых выпусков „Летописи“ ⟨...⟩ как с помощью подбора наших статей, так и с помощью убедительных объяснений ⟨...⟩, высказанных открыто...»[62]

Внимательный просмотр «Летописей» за 1843—1846 гг. показывает, что Иордан был прав и что самые сочувственные отзывы о передовой русской литературе, которые помещались в журнале, следившем за ней чрезвычайно внимательно, сочетались здесь с критикой самодержавного строя и

всех порожденных им явлений в государственной, политической и общественной жизни страны. Показательно, что журнал Иордана пристально следил за русской журнальной борьбой. Первоначально «Летописи» отмечая все признаки и фазы этой борьбы, стремились к максимальному объективизму. «Летописи» интересовались всеми русскими журналами, нередко ссылались на «Москвитянина», поместили статью Шевырева о «Современном состоянии русской литературы», упоминали о Погодине и т. д.; вскоре, однако, лучшим русским журналом были объявлены «Отечественные записки», и на них стали делаться все более частые ссылки.

Корреспонденция из Петербурга, помещенная во втором номере «Летописей» за 1843 г. и принадлежащая, как мы уже знаем, А. Кунику (подпись: К.), начинается характеристикой русских журналов «Москвитянина» и «Отечественных записок», противопоставленных друг другу. «Отечественные записки» характеризованы как журнал, «обнимающий всю область человеческого знания», «выделяющийся своей постоянной острой критикой» [63] и т. д. В следующем же номере эти сведения дополняются и уточняются: указано, например, что «Отечественные записки» враждуют с «Москвитянином» из-за «славянизма» (то есть славянофильства) [64]. В третьем же номере «Летописей» за 1843 г. помещен обзор «Русская литература в 1842 г.», представляющий собой пересказ статьи Белинского под таким же заглавием в «Отечественных записках» [65]. Иордан, если именно ему принадлежит этот пересказ (статья помещена без подписи), говорит преимущественно о журналистике: «Русская общественная жизнь сосредоточивается вплоть до настоящего времени в ее литературе, поэтому журналистика обладает здесь могуществом, значение которого признается всеми. Критика имеет важнейшее значение для столь быстро развивающейся литературы...» Далее, в той же статье: «Критика составляет, как это мы уже много раз повторяли, важнейшую часть русской литературы. Политика, в других странах дающая действительно ежедневную пищу для всех образованных людей, в России из-за цензурных условий ⟨...⟩ находится в полном пренебрежении; вместо того научно-беллетристические журналы служат главным и единственным источником для удовлетворения таких потребностей». Но сила русской журналистики, по мнению автора, заключена не в ежедневных газетах, как в Западной Европе, но в «толстых», как их здесь называют, журналах (die «dicken», die «dickleibigen» Journale), среди же последних «настоящим образцом являются „Отечественные записки“, журнал, выходящий двенадцатью выпусками по 25—30 листов каждый, большого формата и убористой печати, что составляет, таким образом, до 800 листов в год...». Автор подробно останавливается на вопросе о популярности «Отечественных записок» среди русских читателей, которых журнал находит и в провинциальных городах и в «сельских местностях», описывает нетерпение, с которым эти читатели ожидают выхода в свет каждой новой книжки «Отечественных записок».

Любопытно, что в этой же статье «Летописей» дается краткая история русской литературной критики от «обозрений» Бестужева-Марлинского до начала 1840-х годов, но имя Белинского не названо. Отметим, что кое-где, приводя не пересказ статьи Белинского, а его подлинный текст в переводе, заключаемый в кавычки, автор предваряет такие цитаты словами: «„Отечественные записки“ полагают, что...» Означало ли это умолчание имени Белинского, что редактор «Летописей» действительно не знал, кому принадлежат неподписанные критические статьи и рецензии в русском журнале,— мы не знаем. Но ссылки на заимствуемый из «Отечественных записок» критический материал в «Летописях» встречаются часто [66]. Весьма полная библиографическая информация «Летописей» о русских книжных новинках в значительной мере составлена также по «Отечественным записках».

Пристрастие «Летописей» к «Отечественным запискам» настолько бросалось в глаза, что на него обратили внимание другие немецкие журналы. В связи с этим Иордан счел нужным выступить со своего рода программным заявлением. В 11 выпуске «Летописей» за 1845 г. появилась интересная статья (без подписи) — «Партии в русских журналах»[67]; автором ее, несомненно, был Иордан. Статья показывает, что Иордан довольно хорошо понимал и русскую литературно-журнальную борьбу, и направлявшие ее общественные силы. Отметив, что русские периодические издания группируются вокруг двух враждующих между собой лагерей: «консервативного» и «прогрессивного», и указав на «промежуточные» прослойки (автор отрицательно отзывается о реакционно-славянофильском «Москвитянине» и в особенности резко о мракобесном «Маяке»; к органам же, тяготеющим к «партии прогресса», но занимающим недостаточно четкую позицию, отнесена «Библиотека для чтения»), автор особенно выделяет «Отечественные записки», как журнал «философский» и наиболее ясно отображающий задачи «партии рационального движения» («der rationalen Bewegung»). «Ряд великолепных (herrliche) статей о русской литературе представляет направление „Отечественных записок“ с такой полнотой, ясностью и отчетливостью, что мы считаем излишним говорить о нем». Указав далее на то, что «участие почти всех лучших русских писателей обеспечивает этому журналу блестящее будущее и длительный успех», Иордан делает одно в высшей степени интересное для нас признание. Он пишет: «Может быть некоторые читатели упрекнут меня в пристрастии к „Отечественным запискам“. На это я отвечу, что я не знаком лично с редактором этого журнала и не принадлежу к его сотрудникам, хотя и причисляю себя к той партии, которая примыкает к их идеям и их поддерживает. Ни один из деятелей этого журнала (keines von den Organen jener Zeitschrift) не знает меня, однако я с радостью повторяю, что его воззрения (Aussichten) я считаю своими. Пусть данная статья явится как бы исповеданием моей веры (Glaubensbekentniss) и укажет на те идеи, с помощью которых я буду высказывать свое мнение о русской литературе и о тех, кто ее создает»[68].

Трудно было бы высказаться яснее. Иордан заявляет о своей солидарности не только с общим направлением «Отечественных записок», но прямо ссылается на ряд «великолепных статей» этого журнала о русской литературе, т. е. на статьи Белинского, и предупреждает, что с их поддержкой он будет и впредь высказывать свои суждения о русских писателях. Существенно его указание на то, что никто из членов редакции «Отечественных записок» не знает его и что он не знаком и с редактором А. А. Краевским. Сказано это с очевидной целью оправдать свое «пристрастие» к «Отечественным запискам» указанием на бескорыстные мотивы той популяризации идей русского журнала (прежде всего в оценках русских писателей), которую Иордан проводил на страницах своих «Летописей». Но это своеобразное «исповедание веры», к сожалению, не решает того вопроса, к которому мы уже возвращались столько раз. Мы так и не узнаем из «декларации» Иордана, было ли известно ему имя того сотрудника «Отечественных записок», чьи статьи определяли направление журнала и оценивались им как «великолепные»—имя Белинского. Иордан глухо упоминает лишь об участии в «Отечественных записках» «почти всех лучших русских писателей». Очевидно, однако, что появление в «Летописях» еще в 1843 г. «Краткого очерка истории русской литературы», скомпилированного и частично переведенного Иорданом из статей Белинского о Пушкине, а также и других явных и скрытых извлечений из статей критика, не являлось случайностью. Острый интерес Иордана к статьям Белинского не ослабевал и в последующие годы. Тем не менее его имя в первый раз было названо в «Летописях» лишь в 1846 г.

JAHRBÜCHER

für

slawische

Literatur, Kunst und Wissenschaft.

„Verständigung! Versöhnung! Vereinigung!“

Herausgegeben

von

J. P. JORDAN,

öffentlichem Lehrer der slawischen Sprache und Literatur an der Universität Leipzig.

Erster Jahrgang.

1843.

Leipzig,

Verlag von Robert Binder.

Sprach- und Geistesverwandten, die vielleicht in weit günstigeren Verhältnissen sind, als wir waren, zum Gedeihen des geistigen Nationallebens hervorzurufen.*) Ferne sei es von uns, uns hier als Muster aufstellen zu wollen; wir alle sind gleiche Diener der hohen, göttlichen Gedanken, welche die Menschheit durch die Zeiten bewegen. Unser grösster Lohn wird sein, wenn wir durch unser Beispiel die Einsicht gefördert haben, dass die Zeit vorüber sei, nach abstrakten Begriffen des Humanismus, *des Staatsmechanismus die Völker modeln zu wollen*, dass die alte Encyclopädistenschule auch hier, wenn auch spät, ihre Endschaft erreicht hat, und dass der schöne Enthusiasmus für das Wohl der Menschheit aus seiner vagen Allgemeinheit herabsteigen und sich in den Enthusiasmus für die geistige Bildung des Volkes, für das wir geboren sind, umwandeln soll; denn dies ist die klare Aufgabe unseres Zeitalters.

J. P.

V.

Literatur und Kritik.

1. *Kurze Skizze der Geschichte der russischen Literatur.*

(Nach den Otecz. Zapiski 1843.)

Die russische Literatur ist zwar ein Gewächs von dieser Erde, aber ein überpflanztes. Dieser Umstand giebt ihrer Geschichte und ihr selber einen eigenthümlichen Charakter; denselben nicht zu verstehen oder auf ihn nicht die ganze Aufmerksamkeit zu verwenden, hiesse die russische Literatur nicht verstehen, noch ihre Geschichte. Einige Gewächse bewahren, wenn sie in ein anderes Klima und in einen neuen Boden verpflanzt werden, ihre frühere Form und ihre früheren Eigenschaften; andere verändern sich in Massgabe des Einflusses des neuen Klimas und der frischen Erde in dem Einen und in dem Andern. Die russische Literatur kann vielleicht mit den Gewächsen der zweiten Art verglichen werden. Die Geschichte derselben, besonders bis zu den Zeiten Puschkins (und zum Theil auch noch bis auf die Gegenwart), besteht in einer fortwährenden heftigen Kraftanstrengung, sich von den Wirkungen der künstlichen Ueberpflanzung loszumachen, Wurzel zu fassen in dem neuen Boden und sich zu kräftigen durch ihre ernährenden Säfte. Die Idee der Poesie wurde für Russland auf der Post aus Europa verschrieben und erschien daselbst wie ein überseeischer Einfuhrartikel. Man fasste sie als die Kunst auf, zu verschiedenen feierlichen Gelegenheiten *Verse zu komponiren. Tredjakowski war der privilegirte Hofpoet und* „besang“ bereits die Bälle und Maskeraden am Hofe wie Staatsereignisse. Lomonosow, der *erste* russische Dichter, fasste die Poesie ebenfalls als das „Besingen“ feierlicher Ereignisse auf, und seine erste Ode (welche zugleich auch das erste russische Gedicht in regelmässigem Metrum war) war ein Lied auf die Einnahme Chotims durch die russischen Krieger. Dies war im Jahre 1739, also vor 104 Jahren. Uebrigens wurde diese Ansicht der Poesie nicht von den russischen Dichtern zuerst gegründet; mit diesen Augen sah man damals die Poesie in dem ganzen gebildeten Europa an. Allgemeine Berühmtheit genossen damals

*) Sie haben es gethan bei der Matica srbska in Pesth und bei der illyrischen Gesellschaft in Agram.

«ЛЕТОПИСИ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА И НАУКИ», ИЗДАВАВШИЕСЯ Я.-П. ИОРДАНОМ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ЛЕЙПЦИГЕ

В этом издании был помещен в 1843 1844 гг. перевод первых двух статей Белинского о Пушкине

Титульный лист первого тома «Летописей» и страница с началом текста перевода статьи Белинского

5

В 1846 г. в Лейпциге Иордан выпустил отдельной книгой «Историю русской литературы», в подзаголовке которой обозначено: «по русским источникам обработал д-р Я.-П. Иордан»[69]. В этой книге 190 страниц. Это те же статьи Белинского о Пушкине, что и напечатанные в «Летописи» 1843—1844 гг. под заглавием «Краткий очерк...», но в более полном виде и в пересмотренном, уточненном переводе; они разделены Иорданом на главы и снабжены заголовками переводчика. Всех глав 13 (гл. 1 — «Происхождение и характер русской литературы»; гл. 2— «Ломоносов и его школа»; гл. 3 — «Державин и его современники»; гл. 4 — «Карамзин и его эпоха»; гл. 5 — «Отношение Карамзина к языку и содержанию литературных произведений»; гл. 6 — «Жуковский и Батюшков против Карамзина»; гл. 7 — «О романтизме вообще»; гл. 8 — «Действие романтизма в России. Жуковский»; гл. 9 — «Батюшков»; гл. 10 — «Гнедич»; гл. 11 — «Мерзляков»; гл. 12 — «Кн. Вяземский»; гл. 13 — «Пушкин»). Кончается книга главой о Пушкине. Иордан остановился на этот раз на четвертой статье Белинского о Пушкине и не пошел далее. Эта четвертая статья, напечатанная в двенадцатой книжке «Отечественных записок» за 1843 г., заканчивалась так: «Предлагаемая статья есть не что иное, как только введение в статьи собственно о Пушкине. Мы имели в виду показать историческую связь пушкинской поэзии с поэзиею предшествовавших ему мастеров; старались охарактеризовать Пушкина как только еще ученика в поэзии ⟨...⟩ Главный труд наш еще впереди, и статьи о Пушкине будут продолжаться в «Отеч. записках» будущего года; за ними последуют, как было обещано, статьи о Гоголе и Лермонтове» (XI, 359). Все это осталось и в переводе Иордана, за исключением упоминания «Отечественных записок» и еще одной фразы Белинского («Многие, может быть, недовольны, что эти статьи долго тянутся и беспрестанно прерываются статьями посторонними» и т. д.), сохранение которой в переводе было бы бессмыслицей. Конец книги у Иордана получил такой вид: «Предлагаемая статья о Пушкине должна была представить лишь только историческую связь пушкинской поэзии с поэзией предшествующих ему мастеров» ... «Главный наш труд еще впереди; в последующей статье мы рассмотрим Пушкина как самобытного поэта, а за этим изложением последуют подобные же статьи о Гоголе и Лермонтове, чтобы таким образом дать читателю представление о развитии новейшей русской литературы в целом»[70].

Таким образом, перед нами четыре статьи Белинского в полном и точном немецком переводе. Некоторые изменения, сделанные переводчиком, совершенно незначительны, как и сознательно допущенные им небольшие пропуски [71]. Стараясь возможно ближе воспроизвести русский текст, Иордан сохранил в своем переводе даже такие места, которые могли иметь значение только для читателей «Отечественных записок». Так, например, Белинский написал в своей первой статье о Пушкине: «Мы здесь только повторяем, для связи настоящей статьи, resumé нашего воззрения на Державина; кто хочет доказательств, тех отсылаем к нашей статье о Державине во второй и третьей книжках „Отеч. записок“ нынешнего года» (XI, 204). Все это место осталось и в немецком переводе, за исключением слов: «нынешнего года», замененных точной датой: 1843 года [72]. В другой раз, говоря о Жуковском и Батюшкове, Белинский написал: «настоящая пора их деятельности началась после знаменитого 1814 года ⟨...⟩. В следующей статье мы поговорим о них подробнее» (XI, 215). Иордан в своем переводе опустил слово «знаменитого» и заменил заключительную фразу собственной переделкой: «поэтому они относятся к следующему периоду» [73]. При переводе второй статьи Белинского о Пушкине, заменив слова «у нас» словами «in Russland», Иордан, однако,

полностью оставил в переводе то место, которое ничего не значило для немецкого читателя, если он не догадывался, что перед ним русский текст, переведенный на немецкий язык. Белинский пишет: «Еще в детстве мы через Жуковского приучаемся понимать и любить Шиллера, как бы своего национального поэта, говорящего нам русскими звуками, русскою речью...» [74] (XI, 294).

Иордана могли спросить: почему немецкие дети должны были изучать Шиллера в мастерском русском переводе? Ведь когда дело дошло до перевода того места статьи Белинского, где речь идет о переведенной Жуковским из Шиллера балладе «Рыцарь Тоггенбург», Иордан, опустив в своем переводе пересказ содержания этой баллады, принужден был ввести в свой текст цитату из немецкого подлинника баллады, а затем напечатать по-русски строки из ее стихотворного перевода Жуковского [75]. Против такого решения, принятого переводчиком, естественно, трудно было бы что-либо возразить. Вообще же Иордану пришлось, с одной стороны, сохранить ряд стихотворных цитат из русских поэтов в оригиналах, обильно приводившихся Белинским (лишь некоторые, более мелкие образцы даны Иорданом в переводах, иногда также стихотворных), а с другой стороны, отказаться от их воспроизведения, если это не нарушало связности рассуждения. Больше всего опущено Иорданом отрывков из стихотворений Жуковского; опущены и некоторые другие цитаты.

Переводя текст Белинского слово в слово, Иордан счел нужным в нескольких местах, вызывавших у него сомнение или возражения, поставить вопросительные знаки. Он сделал также несколько пояснительных замечаний в сносках. Говоря о Крылове, Белинский написал, между прочим: «Крылов вполне народный писатель, и теперь уже воспитатель не менее тридцати поколений» (XI, 215). Иордан перевел это вполне точно, но поставил вопросительный знак против смутившего его слова «поколений»: «Krylow... ist jetzt bereits der Erzieher von nicht weniger als dreissig Geschlechtern (?)» [76]. В самом деле, почему тридцати поколений? Скорее всего, в журнальный текст здесь вкралась опечатка, не устраненная, кстати сказать, и во всех позднейших изданиях [77]. В следующей же фразе Белинского Иордан снова поставил свой недоуменный вопросительный знак после слов: «басня, как род поэзии, довольно ложный род», но не снабдил своих сомнений никакими собственными замечаниями. Внимание Иордана остановили на себе также несколько замечаний Белинского о романтизме. После слов Белинского: «У России не было своих средних веков, и в литературе ее не могло быть самобытного романтизма» (XII, 247), Иордан поставил в скобках вопросительный знак рядом с восклицательным, а к определению Белинским Платона как «величайшего романтика не только древней Греции, но и всего мира» привел в сноске справку из истории европейской средневековой литературы [78]. До какой степени бережно Иордан относился к переводимому им тексту, может показать также и следующий пример. Иордану, очевидно, показалось неудобными для немецкой книги то место рассуждений Белинского о романтизме, где он говорит о Германии; романтизм,— по мнению Белинского,— «воскрес в стране, которой умственную жизнь составляет теория, созерцание, мистицизм и фантазерство и которой действительную жизнь составляет пошлость бюргерства, гофратства и филистерства,— в Германии» (XI, 245). Вся эта фраза вполне точно воспроизведена и в немецком переводе, но в сноске Иордан заменил настоящее время: «составляет» прошедшим: «составляло» (Der Verfasser meint b i l d e t e) [79]. Укажем, в заключение, что на протяжении всех своих 190 страниц перевод Иордана вполне точен в смысловом отношении и что он сделан с отчетливым пониманием оригинала; нам встретилась лишь одна очевидная ошибка: заглавие оды Ломоносова «К Иову» Иордан перевел «An Jupiter» (вместо следуемого

«An Job»), приняв имя героя одной из библейских книг за одно из наименований Юпитера (Jovis).

Замысел Иордана представить немецким читателям первые статьи Белинского о Пушкине в виде очерка истории русской литературы нельзя не признать вполне удачным. О создании труда именно под таким заглавием с начала 40-х гг. мечтал сам Белинский. Назначение, характер, объем задуманной им книги менялись, но он не переставал возвращаться к ней до конца своей жизни. «Я собираюсь писать историю русской литературы с пиитикою для книгопродавца Полякова»,— сообщал Белинский В. П. Боткину еще в августе 1840 г. («Письма», II, 145). В следующем году об этом же проекте, как о близком к осуществлению, «Отечественные записки» сочли возможным довести даже до всеобщего сведения, притом, что для нас особенно существенно, назвав имя автора. В третьем номере журнала за 1841 г., в предисловии к статье Белинского «Разделение поэзии на роды и виды» было указано, что эта статья является отрывком из «задуманной г. Белинским» книги «Теоретический и критический курс русской литературы». Здесь же сообщен был проспект этого будущего объемистого труда («более нежели в тридцать листов»), который предполагалось выпустить в свет в начале 1842 г. В проспекте указывалось, между прочим, что книга эта, «кроме эстетики и теории словесности» и вводного обзора памятников русской письменности, должна была содержать в себе «историю книжной русской литературы от Кантемира и Ломоносова до Карамзина, от Карамзина до Пушкина и от Пушкина до 1841 г. включительно» (VI, 63—64; VII, 335, 411; XII, 520)[80]. В 1843 г., в начале своей первой статьи о Пушкине (опущенном в переводе Иордана), Белинский также предупреждал читателей, что ряд предлагаемых им статей образует в итоге «критическую историю изящной литературы русской»; «...приступая к критическому рассмотрению сочинений Пушкина, мы почли за необходимое сперва обозреть ход и развитие русской поэзии ⟨...⟩ с самого ее начала» (XI, 194). Заканчивая же свою четвертую статью о Пушкине (т. е. ту самую, на которой остановился и перевод Иордана), Белинский вновь напоминал: «задуманный и начатый нами ряд статей ⟨...⟩ это скорее обширная критическая история русской поэзии» (XI, 359)[81]. Следовательно, Иордан, по существу, не погрешил против авторского замысла, дав новое заглавие переведенным им статьям.

При изучении этого перевода наиболее существенными представляются нам два вопроса: почему Иордан ограничился переводом лишь четырех статей Белинского о Пушкине и почему книга напечатана с именем Иордана как автора или компилятора («обработка по русским источникам...»), а имя Белинского не названо в ней и на этот раз.

Ответы на эти вопросы необходимо искать как в биографии Иордана, так и на страницах издававшегося им журнала.

Выше мы уже упомянули о том, что издание 1846 г. по существу повторяло, хотя и в расширенной редакции, публикацию «Краткого очерка» на страницах «Летописей» 1843—1844 гг.

Но есть все основания предполагать, что и эта расширенная редакция перевода четырех статей Белинского о Пушкине представляла старую работу Иордана, выполненную им двумя-тремя годами раньше. В 1843—1844 гг. он напечатал в «Летописях» краткую, облегченную редакцию этого перевода. В 1846 г. он напечатал ее полностью отдельным изданием. Таким образом, перед нами две редакции одного и того же перевода: сокращенная и полная, что обнаруживается из параллельного их сличения.

Косвенным подкреплением высказанного утверждения может служить и то упомянутое нами обстоятельство, что первый курс, читанный Иорданом в Лейпцигском университете, в осеннем семестре 1843 г., назывался «История русской литературы от ее возникновения до Карамзина»: он

читал его в то самое время, когда его журнал печатал краткую редакцию приготовленного им перевода статей Белинского из «Отечественных записок» 1843 г.; существенно поэтому, что в 1843 г. журнал ограничился напечатанием той их части, которая доходит именно до Карамзина. Связь перевода Иордана с читанным им курсом лекций о русской литературе не подлежит никакому сомнению. Осуществив этот перевод, Иордан воспользовался им вдвойне: краткие извлечения из него напечатал в своем журнале, а полную редакцию использовал при чтении первого в летописях Лейпцигского университета курса истории русской литературы. Если ход нашего рассуждения правилен, то он устанавливает новый и заслуживающий внимания факт: первое изложение историко-литературных концепций Белинского с кафедры заграничного университета (хотя, вероятно, опять-таки без ссылки на автора) относится к 1843 году!

В последующие годы своей университетской деятельности Иордан специальных курсов по истории русской литературы более не читал; все его внимание сосредоточивалось на языковедческих занятиях с практическим уклоном, что, между прочим, объясняет и появление в печати многочисленных пособий Иордана по различным славянским языкам. В 1845/46 учебном году Иордан объявил в университете практические занятия по польскому языку с прямой ссылкой на только что изданное им учебное пособие: «по своей хрестоматии». Из перечня лекционных курсов, читанных Иорданом в Лейпцигском университете между 1843 и 1848 гг., видно, что он косвенно касался русской литературы еще (помимо упомянутого выше курса 1843 г.) только один раз, в 1844—1845 гг., в курсе о «социальных и литературных условиях развития славянских народов в настоящее время». Хотя редактирование «Летописей» с их полной и подробной библиографией заставляло Иордана во все эти годы внимательно следить за текущими событиями русской литературы и журналистики, но его специальные научно-литературные интересы явственно отклонились от вопросов русской литературы. По этим вопросам он все чаще предоставлял писать в своем журнале другим авторам. Статей на эти темы, подписанных полным именем Иордана, мы, во всяком случае, почти не находим. Все это вместе с крайне многообразной деятельностью Иордана в 1845—1847 гг. на поприще журналистики, публицистики и книгоиздательства помешало ему заняться переводом новых статей Белинского [82]. Иордан решил, по необходимости, ограничиться изданием своего ранее сделанного и полностью не опубликованного перевода четырех статей Белинского о Пушкине. Он полагал, что эта книга, названная им «Историей русской литературы», «составленной по русским источникам», могла вызвать к себе интерес и рассчитывать на широкое распространение.

В эти годы в Германии был повышенный интерес к русской литературе, а специальных книг, которые могли бы удовлетворить этот интерес, было очень мало. Достаточно напомнить, какую оживленную полемику вызвала книга Кенига «Literarische Bilder aus Russland» (1837), написанная в сотрудничестве с Н. А. Мельгуновым. В самый разгар споров об этой книге Белинский замышлял «написать историю русской литературы для немцев» [83]. Замысел этот не был осуществлен, но зато Греч и Булгарин, которым досталось от Кенига, пытались ослабить направленный против них удар, выпустили сами, а также инспирировали ряд клеветнических статей и брошюр на немецком языке, в которых текущая литература и ее прошлое представлены были в самом искаженном свете и с самых реакционных позиций; в немецких газетах и журналах (в том числе и в «Летописях» Иордана) продолжалась та ожесточенная общественно-литературная борьба, которая начиналась в России [84].

Иордану была очевидна назревшая необходимость противопоставить всей этой информации — враждебно-реакционной, с одной стороны,

односторонней или просто поверхностной, с другой,— подлинно авторитетное освещение вопросов истории русской литературы. Иордан имел все основания думать, что составленная им «по русским источникам» «История русской литературы», то есть фактически перевод статей Белинского, будет иметь успех у немецких читателей. Этот расчет вполне оправдался.

Необходимо, однако, возвратиться к вопросу о том, почему в этой книге *не было названо имя Белинского*.

Выше мы говорили, что первоначально, для 1843 г., это могло быть результатом простой неосведомленности Иордана, поскольку привлекшие его внимание и переведенные им на немецкий язык критические статьи из «Отечественных записок» не были подписаны в журнале именем автора. Однако затем мы привели ряд фактов, свидетельствующих против такого предположения. К этим фактам следует теперь добавить еще один, который, повидимому, совершенно исключает распространение нашего предположения о недостаточном знакомстве Иордана с именем и деятельностью Белинского также и на 1846 г., когда в Лейпциге готовилось и было осуществлено издание перевода четырех статей критика о Пушкине. Как раз в 1846 г., хотя и несколько позднее выхода в свет «Истории русской литературы», на страницах «Летописей» Иордана не только несколько раз было названо имя Белинского, но появилась даже его характеристика.

В последней книжке «Летописей» 1846 г., за подписью W. была напечатана статья «Литературные заметки из России», в которой шла речь о новостях русской литературной жизни. Автор рассказывает, в частности, что, приехав в Петербург в ноябре 1845 г., он нашел весь круг литераторов, группировавшихся около «Отечественных записок», в сильном возбуждении в связи с предстоящим выходом в свет повести (в оригинале: рассказа) «Бедные люди». Ему указали на нее, как на замечательное произведение, «делающее значительный шаг вперед в той области изображения русской жизни, на которую вступил Гоголь». «...Об авторе этой повести писатель Иван Панаев рассказал мне с тем исполненным таинственности выражением лица, которое возбуждает любопытство к каждому слову. Имя молодого писателя — Достоевский; он развился в одиночестве и жестокой нужде. Его талант окреп быстро и сильно, без попечений с чьей-либо стороны, и первый брошенный на него взгляд настоящего ценителя ⟨der erste Kennerblick⟩ нашел его уже в полном цвету. Названная повесть попала в руки издателя альманаха, г. Некрасова, и произвела на него сильное впечатление; он показал ее своим друзьям, и все они, даже те, кто читал из нее лишь отрывки, были сильно растроганы» и т. д. Автор довольно подробно характеризует произведение Достоевского и заканчивает обещанием дать характеристику этой повести в более обширной критической статье или же представить ее полный немецкий перевод, когда для этого ему представится возможность [85].

Это первое в немецкой литературе известие о Достоевском интересно для нас, в данном случае, не само по себе, так как о Достоевском оно не сообщает ничего нового. Для нас имеют значение здесь точные указания автора «Литературных заметок» о месте и времени получения им всех этих сведений о повести Достоевского: Петербург, литературный круг «Отечественных записок», И. И. Панаев, ноябрь 1845 г. Дело в том, что «Петербургский сборник», о котором идет речь в «Литературных заметках», в ноябре 1845 г. еще находился в печати; он вышел в свет лишь в середине января 1846 г. (дата его цензурного разрешения: 12 янв. 1846 г.). Несомненно, что автор «Литературных заметок», получивший от Панаева подробные данные о печатавшейся в этом сборнике повести Достоевского, посвящен был и в другие литературные события, интересовавшие тот же круг. Он должен был, в частности, узнать как о содержании всего альманаха в целом (напомним, что здесь печаталась также статья Белинского

Geschichte

der

russischen Literatur.

Nach russischen Quellen

bearbeitet

von

Dr. J. P. Jordan.

Leipzig, 1846.
Slavische Buchhandlung.
Ernst Keil & Comp.

I.

Historische Entwickelung der russischen Literatur.

(Nach den Oteč. Zapiski, 1843, Bd. III. und V.)

I. Ursprung und Character der russischen Literatur.

Die russische Literatur ist kein inländisches, sondern ein erotisches, aus dem Auslande herüber gepflanztes Gewächs. Dieser Umstand gibt ihr selbst und ihrer Geschichte einen eigenthümlichen Charakter; diesen Umstand nicht aufzufassen, oder auf ihn nicht die ganze Aufmerksamkeit zu verwenden, hieße die russische Literatur nicht verstehen, noch ihre Geschichte. Wir haben die Charakteristik derselben mit einer Vergleichung angefangen: wir fahren mit derselben fort. Einige Gewächse behalten, wenn sie in ein neues Clima und in einen neuen Boden verpflanzt werden, ihre frühere Form und ihre frühern Eigenschaften; andere verändern sich in Form und Eigenschaften, je nach dem Einflusse des neuen Climas und des neuen Bodens. Die russische Literatur nun kann man mit den Gewächsen dieser zweiten Art vergleichen. Die Geschichte derselben, besonders bis auf Puškin (theils auch noch bis auf die Gegenwart) besteht in einer fortwährenden heftigen Anstrengung: sich von den Resultaten der künstlichen Ueberpflanzung loszumachen, Wurzel zu fassen in dem neuen Boden und sich zu kräftigen durch die Nahrungssäfte dieses letzten. Die Idee der Poesie wurde in Rußland mit der Post aus Europa verschrieben und erschien daselbst wie ein neuer, überseeischer Einfuhrartikel. Man faßte sie auf als die Kunst, zu verschiedenen feierlichen Gelegenheiten Verse zu machen. Tredjakovski war der privilegirte „Hofpoet," und „besang" bereits die Bälle

«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», ИЗДАННАЯ Я.-П. ИОРДАНОМ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ. ЛЕЙПЦИГ, 1846 г.

Книга представляет собою перевод первых четырех статей Белинского о Пушкине

Титульный лист и первая страница книги

«Мысли и заметки о русской литературе»), так и о той высокой оценке которую дал Белинский «Бедным людям» и другим произведениям, включенным в альманах Некрасова.

Неудивительно поэтому, что следующее известие в той же статье посвящено именно Белинскому. Оно является одной из самых ранних подробных характеристик Белинского на страницах иностранной печати. Не подлежит сомнению, что и это известие основано на сведениях, которые автор «Литературных заметок» получил в России устным путем от людей, лично знавших Белинского. Сообщение о Белинском начинается с характерной ошибки: «Наряду с альманахом Некрасова ⟨т. е. с «Петербургским сборником»⟩... которому можно пожелать лишь успеха,— пишет автор,— появился и другой, Белинского». Речь здесь может итти только о том «толстом, огромном альманахе», который Белинский предполагал издать к весне 1846 г. и для которого он тогда же придумал и название «Левиафан» («Письма», III, 90, 104—106). Как известно, издание этого альманаха должно было предоставить Белинскому возможность покинуть «Отечественные записки», где он подвергался беспощадной эксплоатации со стороны Краевского. Мысль об этом альманахе долго не покидала Белинского. Предстоящее издание книги живо обсуждалось друзьями критика, но в печати известий об альманахе не появлялось. Однако осенью 1846 г., в связи с переходом «Современника» в руки Панаева и Некрасова, Белинский по просьбе последнего уступил новому журналу, ведущим критиком которого он стал, весь материал, собранный для «Левиафана».

Письмо Некрасова Белинскому, содержащее в себе просьбу о передаче этих материалов, датируется концом октября 1846 г. Содержание письма было, разумеется, известно и Панаеву. Очевидно, таким образом, что информация о предстоящем издании альманаха Белинского не могла быть получена автором от Панаева, с которым, как упомянуто, он виделся в ноябре 1845 г. Она восходила к каким-то другим и более ранним источникам. Уезжая из России, автор был убежден, что альманах готовится к изданию, а позднее, уже за границей, был кем-то введен в заблуждение относительно его выхода в свет.

Впрочем, упоминание об альманахе в немецкой статье понадобилось ее автору только как повод, чтобы указать, что это издание является «новым радостным свидетельством деятельности Белинского, прерванной на некоторое время его телесным изнурением, неизбежным следствием его чрезмерных трудов». «Вообще,— продолжает он далее,— этот талантливый человек, в силу неблагоприятных для него обстоятельств, лишился многого, благодаря чему он, больше чем кто-либо другой, мог способствовать подъему и освежению умственной жизни в России. Если бы ему удалось заложить более прочные основы своим положительным знаниям, особенно историческим, если бы поспешность, с которой он писал, теснимый злосчастной оппозицией, не препятствовала ему развивать и разрабатывать его лучшие идеи и во многих случаях не отнимала определенности и ясности у его наблюдений, если бы конфликт, в который его благородный и свободный ум вступал с высокомерным педантизмом и низменным самовосхвалением, его не раздражал и не ожесточал, а подчас и не лишал искренности его суждения, то Россия получила бы в нем такого эстетика и историка литературы, который мог бы сравниться с самыми превосходными ⟨деятелями на том же поприще⟩ других наций. Его статьи в „Отечественных записках“ нередко слишком односторонни, резки и особенно ошибочны в историческом анализе. И тем не менее ни один русский не говорил о своей отечественной литературе с таким умом и ответственностью, а об отдельных русских поэтах, особенно о Пушкине, конечно, не написано ничего более превосходного, чем большинство замечаний Белинского.

Во всяком случае, Collegium obscurorum virorum ⟨совет темных людей⟩ Московского университета, исключивший студента Белинского „за отсутствием способностей“, сделал себя смешным на всю Россию» [86].

Судя по ряду особенностей в этой характеристике Белинского, трудно предположить, чтобы она базировалась исключительно на сведениях, полученных от друзей Белинского — Панаева и др. Особенно разителен нелепый упрек в «неискренности суждений» Белинского, имеющий явно «московские корни» и доказывающий близость автора к кругу Погодина, Шевырева, Н. Ф. Павлова и особенно Мельгунова.

Первый раздел «Литературных заметок» включает в себя еще известие об издании лекций С. П. Шевырева по древнерусской литературе с критическими замечаниями об авторе и «Русских народных песен» П. Киреевского, а также слухи о новом произведении Гоголя, над которым он работает очень прилежно, но в полной тайне; во втором разделе тех же заметок (с той же подписью: W) приведены новости о русских журналах, сообщенные автору в письме из России: на первом месте стоит здесь известие о реорганизации журнала «Современник»; дана краткая историческая справка об этом журнале и названы члены новой редакции: Белинский, Некрасов, Панаев и Никитенко [87].

Автором «Литературных заметок из России», которому принадлежит приведенная выше характеристика Белинского, был, скрывшийся под буквой W, Вильгельм Вольфзон (1820—1865), выходец из России, учившийся и натурализовавшийся в Германии. В 1840—60-х годах он получил некоторую известность как переводчик, критик, поэт и драматург. В начале 1840-х годов Вольфзон был членом лейпцигского поэтического кружка, именовавшего себя «Клубом имени Гервега» (Herwegh-Club). По словам одного из его друзей, также члена этого кружка — Т. Фонтане, Вольфзон пользовался в кружке некоторым влиянием как человек, уже имевший печатные работы, и как деятельный журналист и критик; его излюбленной темой была русская литература, и он горячо ее пропагандировал. Как и надлежало члену «гервеговского клуба», он придерживался прогрессивных воззрений, впрочем, по замечанию Т. Фонтане, он и в своем радикализме, как и во всем, отличался умеренностью.[88] В 1843 г. Вольфзон издал в Лейпциге первый том своей широко задуманной антологии русской поэзии в стихотворных переводах, снабженных биографическими заметками, комментариями и вступительной статьей. Но это издание прекратилось на первом томе, включившем в себя народную поэзию, «Слово о полку Игореве» и поэтов XVIII в.— Ломоносова и Державина [89]. Сотрудником «Летописей» Иордана по русскому разделу Вольфзон, вероятно, сделался вскоре после основания журнала. Во всяком случае, в первом же номере журнала за 1843 г. Иордан благодарит Вольфзона за доставление ему в рукописи стихотворного перевода стихотворения Пушкина «Птичка» («В чужбине свято наблюдаю...», 1823 г.), здесь же напечатанного [90]. В том же году Иордан не только поместил в своем журнале краткое известие о выходящей в свет русской антологии Вольфзона, но и подробно разобрал ее в большой рецензии [91]. Замечена была эта книга и в России: Ф. Булгарин, которого Вольфзон признал бездарным писателем, пользующимся в Германии незаслуженной известностью, еще до получения книги Вольфзона, поместил о ней известие в «Северной пчеле», задавая ядовитые вопросы: «Где он учился русской литературе, из какого источника почерпал сведения? Спрашивается кругом, и никто о нем не слыхал никто его не видал», а затем в форме «присланного» письма поместил весьма разносную рецензию на эту книгу [92]. «Отечественные записки» и «Литературная газета», напротив того, отозвались о книге Вольфзона благожелательно [93]. О том, что «книга Вольфзона о русской литературе не понравилась г. Ф. Б⟨улгарину⟩», отметил и Белинский в одной из своих статей (VIII, 346).

Вскоре Вольфзон вошел в более тесное общение с русскими литераторами. Он вступил в переписку с Краевским [94], в начале 1845 г. приехал в Москву и довольно близко познакомился с Н. Ф. Павловым, Н. А. Мельгуновым и другими московскими писателями. По рекомендации Павлова, Вольфзон был приглашен в качестве преподавателя к молодому Б. Н. Чичерину, только что приехавшему в Москву и готовившемуся к экзаменам для поступления в университет. В своих позднейших воспоминаниях Б. Н. Чичерин довольно подробно рассказывает о Вольфзоне в этот период жизни последнего [95].

Пребывание Вольфзона в Петербурге в ноябре 1845 г. было, повидимому, кратковременным; он приехал сюда из Москвы перед возвращением в Германию. Знакомство с Павловым, Мельгуновым, довольно лестные отзывы о его трудах в «Отечественных записках», слухи о его дружбе с немецкими прогрессивными писателями,— все это должно было обеспечить ему хороший прием в петербургских литературных кругах. Он возвращался в Лейпциг, полный впечатлений, и, несомненно, оставил в Москве и Петербурге некоторых будущих своих корреспондентов. Впоследствии он приезжал в Россию еще несколько раз [96].

Не подлежит сомнению, что в 1845—46 гг. Вольфзон знал многое о русских журнальных делах и литературной борьбе и мог довольно отчетливо представить себе и роль в ней Белинского; не исключена даже возможность его личной встречи с Белинским, но никаких данных об этом не сохранилось. Равным образом у нас нет никаких свидетельств о том, что Белинский был осведомлен об изданной Иорданом книге «Geschichte der russischen Literatur», хотя вряд ли подобное издание могло пройти незамеченным для редакции «Отечественных записок», получавшей подробную информацию об основных новинках германского книжного рынка.

После всех сделанных разъяснений трудно было бы думать, что Иордан не знал истинного автора переведенных им статей «Отечественных записок». «Летописи» Иордана выходили до начала 1848 г., но имя Белинского здесь более не упоминалось. Впрочем, фактическое руководство журналом вскоре перешло к другому лицу, и журнал резко изменил свой характер [97]. Иордан, горячо сочувствуя революционным событиям 1848 г., вновь отдался политической деятельности и принял близкое участие в знаменитом пражском «славянском съезде» [98]. Это закрыло перед ним двери университета, и ему оставалось лишь журнальное поприще. Покинув Лейпциг, Иордан уехал в Прагу и предпринял здесь (в сотрудничестве с д-ром Каспаром) новое периодическое издание — еженедельные «Славянские листки» («Slawische Centralblätter»), посвященные австрийско-славянским взаимоотношениям [99]. От литературных интересов он все более и более отходил.

Имеется, впрочем, одно не вполне ясное указание на то, что после долгого перерыва Иордан решил продолжать издание «Истории русской литературы». Сохранилось письмо его к В. Ганке, датированное 12 (24) июля 1851 г. Оно написано по-русски и дает некоторое представление о степени активного владения им русской речью в начале 1850-х годов. Иордан писал в этом письме:

«Любезный друг мой,
Вячеслав Вячеславичь!

Докончая изложение свое русской литературы, не могу образ Пушкинской поэзии, яко нужно это, выкреслити без помощи его сочинений. Для того прошу вас усердно о милость послать мени, имеете ли, полное собрания Пушкина или, по крайней мере его поэзие, то ест первые четыры тома издания года 1838.

Усердный вашъ Иорданъ» [100].

Повидимому, Иордан имел здесь в виду переведенную им «Историю русской литературы» (т. е. статьи Белинского), заканчивающуюся на Пушкине. Не хотел ли Иордан продолжить свой перевод статей Белинского о Пушкине и попутно сверять в нем стихотворные цитаты с первым посмертным изданием сочинений Пушкина, считавшимся тогда самым полным и исправным? Однако свое намерение Иордан по каким-то причинам не осуществил.

Издание первой части «Истории русской литературы», фактически являвшейся точным переводом статей Белинского, сыграло значительную и до сих пор еще окончательно не изученную роль в распространении за рубежом идей Белинского. Книга эта читалась на Западе много десятилетий. Из нее черпали сведения о русской литературе многочисленные ученые и компиляторы (см., например, соответствующие разделы общего очерка «Истории литературы» Теодора Мундта).

Плодовитый Иоганн Шерр начинает главу о русской литературе в книге «Allgemeine Geschichte der Literatur» цитатой из «Geschichte der russischen Literatur», называя автором этого труда Иордана[101]; имя Белинского, как отмечалось нами выше, не было обозначено Иорданом в книге и поэтому не упоминается не только здесь, но и в более поздних трудах, где даются ссылки и на Шерра, и на Иордана.

В 1880-х годах в Стокгольме вышла книга А. Анфельта по истории мировой литературы (A. Ahnfelt, Verldsliteraturens historia, I, Stockholm, 1886), в которой весь отдел о русской литературе составлен преимущественно по «Истории русской литературы» Иордана, т. е. Белинского. Вероятно, немецким изданием «Истории русской литературы» часто пользовались и другие авторы.

История этого «скрытого» перевода Иордана представляет немалый интерес при изучении воздействия Белинского на западную литературу, а также того влияния, которое великий русский критик приобрел в Германии и славянских землях еще при жизни.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

«Письма к В. Ганке»—«Письма к В. Ганке из славянских земель». Издал В. А. Францев. Варшава, 1905.

«Jahrbücher»—«Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft».

Šleca.—ČMS — H. Šleca. Dr. Jan Pětr Jordan, jeho žiwjenje a skutkowanje. Prinošk k stawiznam serskeho narodneho wozrodženja, těž wozrodženja slowiaństwa a slowjańskeje wzajomnosce.— «Časopis Macicy Serbskeje», Budyšin, LXXII (1924), LXXVIII (1925).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Kurze Skizze der Geschichte der russischen Literatur».— «Jahrbücher», 1843, 4 H., стр. 265—270; 5 H., стр. 344—350.

2 «Jahrbücher», 1844, 3 H., стр. 91—93; 4 H., стр. 143—147.

3 «Отеч. записки», 1843, т. XXVIII, № 6, стр. 19—42; т. XXIX, № 9, стр. 1—10.

4 П. Шафарик. Славянское народоописание. Пер. О. М. Бодянского. М., 1843, стр. 97—99; И. И. Срезневский. Исторический очерк серболужицкой литературы. «Журн. мин. нар. просв.», 1844, № 7, стр. 26.

5 W. Bogusławski. Rys dziejów serbo-luzickych. Petersburg, 1861, стр. 261; В. Францев. Матица сербская в Будишине.— «Журн. мин. нар. просв.», 1897, № 6, стр. 306.

6 А. Гильфердинг. Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии (1856). Собр. соч. А. Гильфердинга, СПб., 1868, т. II, стр. 20—21.

7 Литература о Я.-П. Иордане невелика: помимо некрологов (наиболее обстоятельный из них написан известным чешским историком лужицкого народа A. Černy в журн. «Zlata Praha», 1891, стр. 415, 427, 435) и заметок в биографических словарях (например, Wurzbach. Biographisches Lexicon des Kaiserstaates Österreich) существует его подробная биография, написанная Германом Шлецом (H. Šleca. Dr Jan Pětr Jordan, jeho žiwjenje a skutkowanje. Prinošk k stawiznam serskeho narodneho wozrodženja, těž wozrodženja slowiaństwa a slowjańskeje wzajomnosce.—«Časopis

Macicy Serbskeje», Budyšin, т. LXXII, 1924, стр. 3—91; т. LXXVIII, 1925, стр. 3—63; отд. изд. 1926 г.), но она доведена только до 1848 г., и русские источники в ней не приняты во внимание. О пражской семинарии для лужичан, в которой учился Иордан, и вообще о значении для него чешской культуры см. также «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества», 1886, № 25; К. Я. Грот, М. Горник. «Славянское обозрение». Сборник статей по славяноведению под ред. И. С. Пальмова, СПб., 1894, стр. 174; Josef Páta. Lušickoserbské národni obrozeni a československa ucast v něm.— «Slavia», II [1923], стр. 344—370.

[8] J. P. Jordan. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz, Prag, 1841.

[9] «Ost und West» являлся предшественником «Jahrbücher» Иордана («Письма к В. Ганке», стр. 252—253, 482; «Русск. филол. вестник», 1914, № 1, стр. 28); об участии в нем Иордана см. H. Šleca — ČMS, т. XXII, стр. 14—18.

[10] Г. Шлеца в своей биографии Иордана ничего не говорит о его участии в журнале «Blätter für literarische Unterhaltung», однако в этом журнале за 1842 г. много статей и заметок Иордана (Bd. I, стр. 124, 163—164, 187—188, 236, 518—520, 643—644, 689—691; Bd. II, стр. 832, 964, 1152), среди них, между прочим, и большая статья о Грибоедове (1842, Bd. II, № 248, 250, 251).

[11] «Письма к В. Ганке», стр. 427.

[12] И. И. Срезневский. Воспоминание о Ганке, СПб., 1861, стр. 20.— М. И. Касторский, будущий профессор всеобщей истории в Петербургском университете, в конце 1830-х годов близкий к Ганке и Иордану, писал из Праги: «Мне, русскому, особенно приятно было слышать и убедиться, что произведения наших писателей, особенно поэтов: Пушкина, Дельвига, кн. Вяземского и других, читаются и изучаются нашими славянскими братьями» («Чешская литература» — «Журн. мин. нар. просв.», 1838, № 6, стр. 632).

[13] H. Šleca — ČMS, т. LXXVII, стр. 17—18.

[14] «Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель», 1839—1842, СПб., 1895, стр. 85: ср. в сборнике: «Памяти И. И. Срезневского», кн. 1, Пг. 1916, стр. 122.

[15] Там же, стр. 180; ср. здесь же, стр. 171 (письмо от 28 ноября 1840 г.).

[16] Там же, стр. 185.

[17] О Иордане как о возможном участнике этой поездки много упоминаний в письмах И. И. Срезневского и П. И. Прейса от марта и апреля 1841 г.— «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 24, 29, 39. См. А. А. Титов. Письма В. Ганки О. М. Бодянскому, М. 1887; стр. 7—8; Письма к В. Ганке, стр. 956, 959.

[18] А. Н. Пыпин. Новые данные о славянских делах.— «Вестник Европы», 1893, № 7, стр. 316—317.

[19] «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 138.

[20] И. И. Срезневский. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. СПб., 1878, стр. 4—14; В. И. Ламанский. Остатки работ П. И. Прейса. «Живая старина», 1898, вып. III и IV, стр. 332, 362—364.

[21] Из письма Иордана к В. Ганке известно, что в конце 1841 г. он работал над книгой «Исторические песни свободного казачества» («Historische Volksdichtungen des freien Kosakenthums»), составлявшейся им по «Запорожской старине» Срезневского (1833—1838 гг.) и другим материалам, сообщенным ему тем же Срезневским («Письма к В. Ганке», стр. 412). Однако это издание не осуществилось. Зато тогда же задуманный Иорданом перевод «украинских» повестей М. Чайковского (там же, стр. 413) вышел в свет два года спустя: Czaykowski's Ausgewählte Romane. Deutsch bearbeitet von J. P. Jordan, Bd. I—IV, Leipzig, 1843.

[22] J. P. Jordan. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz, Prag, 1841; В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX в., Варшава, 1902, стр. XLIV—XLIX, 316; А. А. Титов. Письма В. Ганки к О. М. Бодянскому, М., 1887, стр. 8. «Письма к В. Ганке», стр. 1134—1135. «Живая старина», 1891, вып. IV, стр. 36.

[23] «Палей» Срезневского напечатан в редактированной Белинским XVIII части «Московского наблюдателя» за 1838 г. (стр. 15—18). Повесть «Иван Барабаш» Белинский ранее сочувственно отметил в одной из своих обзорных статей, помещенных в «Телескопе» 1836 г.

[24] В «Летописи жизни Белинского» (сост. Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков и Ю. Г. Оксман, М., 1924, стр. 99) эта встреча отнесена к концу октября; однако, основываясь на том, что Срезневский приехал в Петербург 21 октября 1839 г. и уехал оттуда за границу ровно через месяц, 21 ноября 1839 г. («Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель», СПб., 1895, стр. 22—23, 45), можно было бы отнести эту встречу к началу ноября (до 10 числа этого месяца, которым помечено письмо Белинского к В. П. Боткину).

[25] П. В. Анненков. Литературные воспоминания, М.— Л., 1928, стр. 184.

[26] В. Г. Белинский. Пятидесятилетний дядюшка. Неизданный текст с предисл. и прим. А. С. Полякова, Пг., 1924, стр. 45—47; П. В. Анненков. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 262.

[27] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 483. Об отношениях и переписке Добролюбова со Срезневским см. «Звенья», III—IV, М.— Л., 1934, стр. 520—521.

[28] И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 307—310.

[29] «„Отечественных записок" готовится 12-й номер, первые 11-ть у меня под руками, и я беспощадно рву из них статьи, которые могут быть особенно занимательны за границей»,— писал Срезневский матери из Петербурга 19 ноября 1839 г. («Путевые письма И. И. Срезневского», стр. 43).

[30] И. И. Срезневский. Славянские новости. Чешский театр. «Отеч. записки», 1841, т. XIV, «Смесь», стр. 97—105. Ранее Срезневский напечатал в «Отеч. записках» 1840 г. две статьи, присланные им из-за границы: «Предположения о Реймсском евангелии» (т. X, «Смесь», стр. 1—10) и «Новости литератур славянских» (т. XII, «Смесь», стр. 20—23). См. «Библиографический список сочинений и изданий И. И. Срезневского», СПб., 1879.

[31] «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 11.

[32] Там же, вып. III, стр. 38 (письмо П. И. Прейса к И. И. Срезневскому от 29 сентября 1841 г.).

[33] «В. Г. Белинский и его корреспонденты». Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948, стр. 58.— Тогда же познакомился с Заикиным и И. И. Срезневский («Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель», СПб., 1895, стр. 187—188). Ср. в «Лит. наследстве», т. 57 сводку петербургских адресов Белинского.

[34] «Письма к В. Ганке», стр. 868—869.

[35] В. Орлов. Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского. «Ученые записки Ленингр. ун-та, Серия филол. наук», вып. 11, 1941, стр. 22—56.

[36] «Журнал мин. нар. просв.», 1839, т. XXII, № 5, отд. III, стр. 90. О чешском физиологе Я. Пуркини и его деятельности на поприще славянского единения см. В. А. Францев. К биографии чешского славянофила Я. Е. Пуркини.— «Русск. филол. вестник», 1914, № 1, стр. 29—37.

[37] «Письма к В. Ганке», стр. 1023.— Содержание очередного тома «Отеч. записок» П. П. Дубровский сообщил В. Ганке 24 декабря 1842 г. (там же, стр. 307).

[38] И. И. Срезневский. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы.— «Журн. мин. нар. просв.», 1844, № 7, стр. 63—64. Здесь Срезневский неоднократно говорит об Иордане как об одном из видных (наряду со Смоляром) деятелей сербо-лужицкого возрождения. О газете Иордана среди других «Денниц» славянских стран см. В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения, Варшава, 1902, стр. 274—275.

[39] Serske Pesničžki zezberańe a serbskim hólcam a hólcam kzweselénu čžechězanskich Wiczazec P tra. Budychin, 1842 (т. е. «Сербо-лужицкие песни, собранные и изданные для увеселения сербских юношей и девушек»); ср. «Jahrbücher» 1845, т. III, стр. 211; сюда вошло десять собранных им песен (среди них одна—новая, принадлежащая перу А. Зейлера). Еще в 1836 г., когда «Научное общество» в г. Сгорельце (Görlitzer Gesellschaft der Wissenschaften) объявило премию за собирание лужицких народных песен, Иордан был в числе первых, кто горячо взялся за это дело; часть собранных им фольклорных материалов Иордан впоследствии передал Я. Смоляру.

[40] Jut'niczka. Nowiny za serbow ⟨...⟩ wedženo wot J. P. Jordana. Budychin, 1842 (вышло 26 номеров; 106 стр.). Комплект этой редкой газеты из библиотеки П. И. Прейса хранится в библиотеке Ленинградского университета. В № 2 газеты, в отделе «Юмор», помещен анекдот о казанском купце, заимствованный из какого-то русского источника; в № 11 — «Известие из Петербурга» («Petrohradu»); в № 18 — о награждении В. С. Караджича в России за его «Сербские народные песни»; в № 21 — о варшавской «Деннице», русско-польской газете П. Дубровского; в № 22 — письмо лужичанина Бранцеля Петру Великому. Отметим, кстати, что, повидимому, через Дубровского Иордан с 1842 г. начал печатать свои статьи также в польской печати. В. А. Францев. Библиография польского славяноведения.— «Русск. филол. вестник», 1912, № 1—2, стр. 373, 378, 383; «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 46. Г. Шлеца этот факт остался неизвестным.

[41] А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, изд. 2-е, СПб., 1881, стр. 1082—1083; А. Гильфердинг. Собр. соч., т. II, СПб. 1868, стр. 28—29; Н. А. Янчук. Ян-Эрнест Смоляр.— «Журн. мин. нар. просв.», 1885, № 8, стр. 31.

[42] H. Šleca — ČMS, т. LXXVIII, стр. 3—6.— В том же 1843 г. Иордан получил и докторскую степень от Лейпцигского университета. О преподавательской деятельности Иордана в должности «lectorem publicum slavicae linguae et literaturae» см в «Письмах к В. Ганке», стр. 421 и сл. и M. Murko. Die slawische Philologie in Deutschland.— «Internationale Monatschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», 12 Jahrg., т. II, стр. 239.

[43] «Serbska Jutnička wudawana wot J. P. Jordana», Lipsk, 1842. Это издание является непосредственным предшественником «Jahrbücher» и составлено по тому же

плану. Мы находим в нем статьи на различные славянские темы, переводы и рецензии на славянские книги.

[44] H. Šleca.— ČMS, т. LXXVIII, стр. 4.

[45] Подробный перечень лекционных и семинарских курсов Иордана в Лейпцигском университете за 1843—1848 гг. приводит H. Šleca — ČMS, т. XXVIII, стр. 4—5.

[46] Об этом разноплеменном славянском кружке Иордан сообщает В. Ганке («Письма к В. Ганке», стр. 417 и сл.).— В числе своих русских знакомых он упоминает, кроме Прейса и Срезневского, также Н. Д. Иванишева, уже занявшего в это время кафедру «государственной экономии» в Киевском университете, и А. А. Куника (см. прим. 50—55). В 1842 г. В. Ганка послал рекомендательное письмо к Иордану из Праги через А. Н. Попова, слависта-историка, будущего автора «Путешествия в Черногорию» («Письма к В. Ганке», стр. 863). С Иорданом вошли также в сношения в Лейпциге П. М. Леонтьев и П. Пеховский, «поляк из Москвы» (там же, стр. 423).

[47] Проект «Slawische Revue» Иордана см. в его «Jutnička», 1842, № 23, 4 Junjusa, стр. 94 в объявлении, озаглавленном «Słowiańsstwo»: перечислив здесь все славянские племена, Иордан говорит о все более настоятельно возникающей потребности у славянских народов лучше знать друг друга, с каковой целью он и задумал издавать журнал на немецком языке под названием: «Славянское обозрение». Подробный проспект «Jahrbücher» (датированный июлем 1842 г.) помещен в конце 1-го выпуска журнала «Serbska Jutnička»; интересно, что Иордан ссылается здесь на тех «почтенных славянских ученых», которые «вызывали» его на издание подобного журнала: Шафарика, Ганку, Прейса.

[48] В. Францев, В. Г. Дундер и имп. Российская Академия. (Эпизод из истории наших книжных связей со славянами). «Русск. филол. вестник», 1903, № 3—4, стр. 47. Еще в середине 1820-х годов, предпринимая, по почину П. И. Кеппена, периодическое обозрение новинок славянских литератур, «Московский телеграф» (1826, № 16, стр. 315) отмечал, что «литература богемцев, сербов и других славянских народов... доныне еще не составляет отдела библиографии, и тем менее критики, в журналах немецких, французских и английских и потому, ограничиваясь теми областями, где существует, остается она для других народов неизвестною. В сем случае, приятно было бы видеть, что русские берут на себя труд, о котором другие европейцы еще не подумали».

[49] П. И. Прейса упоминает в «Jahrbücher» (1843, т. I, стр. 158) в своем первом «Письме из Петербурга» А. Куник (см. прим. 57). Большой некролог Прейса [В. С. Порошина] («aus dem Russischen in den Hamburger literarischen und kritischen Blättern mitgeteilt») помещен в «Jahrbücher» Иордана, 1847, H. 12, стр. 412—414; ранее Иордан поместил здесь же (1847, H. 10, стр. 356—357) прочувствованные строки о Прейсе И. И. Срезневского, заимствовав их из «Časopis'a» Чешского музея.— Выдержки из писем Срезневского о славяноведении в России см. «Jahrbücher», 1845, H. 12, стр. 413—414.

[50] А. С. Лаппо-Данилевский высказывает предположение, что целью поездки Куника в Германию в 1841 г. было желание «выступить здесь в роли посредника между славянской и немецкой литературой», но что «по приезде в Берлин он убедился в том, что немецкая и в особенности прусская ученость находятся под сильным влиянием все более возрастающего патриотического настроения, и, ввиду пренебрежения ее к славянской истории, не встретил сочувствия своим планам» (А. А. Куник. Очерк его жизни и трудов. «Известия Академии Наук», 1914, стр. 1460—1461). Э. А. Вольтер в некрологе Куника также пишет, что в 1841 г. Куник «возвратился в Германию, но был встречен там не особенно сочувственно: ни в Берлине, ни в Лейпциге он не мог найти издателя для своих переводов и извлечений из своих сочинений. Главная причина, по его словам, была та, что он хорошо отзывался о России» («Акад. А. А. Куник». — «Русская старина», 1899, май, стр. 367—368).

[51] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 7, СПб., 1893, стр. 31.

[52] «Письма к В. Ганке», стр. 420. Из этого же письма следует, что с Погодиным Иордану в Лейпциге в 1842 г. встретиться не удалось. Отметим, кстати, что сообщаемое Гильфердингом известие, будто бы лужичанам, помышлявшим о литературной связи с Россией, не удалось наладить переписку с Куником, явно основано на недоразумении: «Сочинено и отправлено было письмо в Петербург к академику Кунику, но письмо осталось без ответа» (Гильфердинг. Собр. соч., т. II, стр. 26); через Иордана Куник был связан с жившими в Лейпциге лужичанами еще в 1842 г.; адъюнктом Петербургской Академии Наук он стал в 1844 г.

[53] «Письма к М. П. Погодину из славянских земель». «Чтения в Общ. ист. и древностей росс.», 1879, кн. 4, стр. 322.

[54] «Ljudewit Gai und der Illirismus».— «Jahrbücher», 1843, вып. I, стр. 15—20 (подпись: E. Kunick, т. е. Эрнест; Аристом Аристовичем Куника стали называть в России лишь с 1850-х годов.

[55] Перечень печатных трудов А. А. Куника указывает пять статей его в «Jahrbücher» Иордана (все 1843 г.); 1) названную выше статью о Л. Гае (за полной подписью); 2) о польском историке И. Лукашевиче, т. I, стр. 20—21 (подп.: K.); 3) рецен-

зию на «Petersburger Skizzen» Треймунда Вельпа, т. I, стр. 76—77 (подп.: Kn); 4) корреспонденцию из Петербурга, т. I, стр. 157—158 (подп.: K.); 5) то же: «Из Петербурга», т. I, стр. 239—241 (без подп.). См. «Материалы для биографического словаря действ. членов Имп. Академии Наук», т. I. Пг., 1915, стр. 365.

[56] Подтверждением того, что связи А. А. Куника не прекращались и в последующие годы, может служить, например, следующий факт: когда в 1846 г. вышел в свет немецкий перевод «Мертвых душ», выполненный Лебенштейном, в предисловии к которому переводчик задел Погодина, Шевырев, предлагая «где-нибудь опровергнуть клевету», писал Погодину: «Я советовал бы послать в „Allgemeine Zeitung“, так как она более всех читается, и к Иордану через Куника» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 8, СПб., 1893, стр. 327). Характерно, что Шевырев предлагал воспользоваться посредничеством Куника: прямых связей с Иорданом представители русского славянофильства в это время, несомненно, не имели. В бумагах Куника, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР, никаких писем Иордана не значится.

[57] Анонимные статьи и корреспонденции из Петербурга в «Jahrbücher» за подписью «Ein Leser der Slawischen Jahrbücher» или «Einer ihrer Leser (Petersb.)» принадлежат, повидимому, А. Кунику. В 1845 г. мы встречаем в числе сотрудников «Jahrbücher» Ф. Евецкого — одного из друзей И. Срезневского («Живая старина», 1891, вып. III, стр. 46—47; В. И. Срезневский. Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского.— «Журн. мин. нар. просв.», 1898, № 1, стр. 5). Некий И. Карамовский из Киева напечатал в «Jahrbücher» (1846) статью о Пушкине и русских читателях.

[58] H. Šleca — ČMS, LXXVIII, стр. 19. Как сообщает тот же биограф Иордана, еще в начале 1847 г. агент Меттерниха сообщал из Лейпцига в Вену: «Здесь все убеждены, что Иордан получает русскую субсидию».

[59] «Письма к В. Ганке», стр. 1258—1259.

[60] «Jahrbücher», 1845, H. 3, стр. 119.

[61] «Puschkin und Mickiewicz».— «Jahrbücher», 1843, H. 1, стр. 45—51; в этой статье (Иордана?) даются пересказ и выдержки из лекции о русской литературе из «Двухлетнего курса славянской литературы» («Kurs drugoletni literatury słowianskiéj...», Paryz, 1842), читанного Мицкевичем в Коллеж де Франс. Как известно, Мицкевич давал здесь крайне отрицательную и полную ошибок характеристику русской литературы, делая исключение лишь для Пушкина, которого он представил на фоне русской общественной борьбы с самодержавием. Рецензию на всю книгу в целом Иордан также поместил в своем журнале («Jahrbücher», 1843, 1, стр. 68—69).

[62] «Jahrbücher», 1845, H. 3, стр. 119.

[63] «Jahrbücher», 1843, H. 2, стр. 157.

[64] «Jahrbücher», 1843, H. 3, стр. 240.

[65] «Die russische Literatur im Jahre 1842». — «Jahrbücher», 1843, H. 3, стр. 227—231.— Статья Белинского «Русская литература в 1842 году» помещена в «Отеч. записках», 1843, I.

[66] «Jahrbücher» 1843, H. 2, стр. 144 (русская библиография: «nach den „Отеч. записки“»). В кратком отзыве о книге В. Строева «Париж в 1838 и 1839 гг.» («Jahrbücher», 1843, H. 1, стр. 83) сделана ссылка: «Krajewski sagt darüber...» Значит ли это, что Иордан отождествлял редактора «Отеч. записок» с анонимными авторами библиографического отдела (в данном случае с Белинским)?

[67] «Die Parteien in den russischen Journalen».— «Jahrbücher», 1845, H. 11, стр. 387—391.

[68] Там же, стр. 390—391.

[69] «Geschichte der russischen Literatur. Nach russischen Quellen bearbeitet von Dr J. P. Jordan, Leipzig, Slawische Buchhandlung, Ernst Keil und Comp., 1846».—На стр. 1 другое заглавие: «Historische Entwicklung der russischen Literatur» и в подзаголовке ссылка на «Отеч. записки»: «Nach den Oteč. Zapiski», 1843, Bd. III и V»; указание на тома, однако, неверно.

[70] Jordan. Geschichte der russischen Literatur, Leipzig, 1846, стр. 190.

[71] Наиболее значительный пропуск сделан в начале перевода. В первой статье Белинского о Пушкине («Отеч. записки», 1843, VI) выпущены все вступительные страницы (с 19 по 24), не существенные для очерка «Истории русской литературы». Перевод начинается лишь со стр. 25, от слов: «Русская литература есть не туземное, а пересадное растение...».

[72] Jordan. Geschichte der russischen Literatur, Leipzig, 1846.

[73] Там же, стр. 33.

[74] Там же, стр. 123.

[75] Там же, стр. 84.

[76] Там же, стр. 32; те же вопросительные знаки стоят в переводе указанного места Белинского уже в тексте 1843, H. 5, стр. 350.

[77] См. в «Лит. наследстве», т. 57, сообщение Л. Р. Ланского «К критике первопечатных текстов сочинений Белинского», где приводятся характерные примеры подобных опечаток на страницах «Отеч. записок».

[78] Jordan. Geschichte der russischen Literatur, стр. 75.

[79] Там же, стр. 55. (Примечание: «Der Verfasser vergisst die mittelalterlichen Klosterlieder, von der Seele als der Braut Jesu und dem Bunde derselben»).

[80] Еще в 1840 г. Белинский отмечал, что «любопытно было бы <...> проследить возрастание ее <русской литературы> от Ломоносова до Державина, и от Карамзина до Жуковского и Пушкина» (XII, 223).— О неосуществленной «Критической истории русской литературы» Белинского см. еще в статье А. Г. Дементьева «Борьба Шевырева с Белинским».— «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», Серия филол. наук, вып. 4, 1939, стр. 164—166.

[81] 2 января 1846 г. Белинский писал Герцену: «К пасхе же я кончу 1-ю часть моей „Истории русской литературы“» («Письма», III, 92); А. Д. Галахов 24 июня 1846 г. в письме к А. А. Краевскому сообщал мнение П. В. Анненкова, что Белинский должен бросить работу в «Отечественных записках» и «заняться своей историей литературы» (М. К. Клеман, Белинский в письмах Галахова. — Сб. «Венок Белинскому» под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 146). Н. Х. Кетчер, в свою очередь, свидетельствует: «Незадолго до смерти Белинский начал составлять из прежних статей своих критическую историю русской литературы». Ср. А. Дементьев. Назв. соч., стр. 165—166. В славянофильском лагере, как известно, с резкой враждебностью встречали историко-литературные концепции Белинского. Погодин именно в 1846 г. ставил Белинскому в вину не только оценку русских писателей XVIII в., но и появление исторической хрестоматии Галахова, отражавшей взгляды Белинского, и даже то, что «в Киеве какой-то господин Аскоченский составляет чуть ли не из нее историю русской литературы» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 8, СПб., 1894, стр. 492).

[82] H. Šleca (ČMS, т. XXVIII, стр. 36—38) подробно освещает книгоиздательскую активность Иордана в 1845—1847 гг. и, ссылаясь на секретное донесение австрийского консула в Лейпциге, прямо называет Иордана основным владельцем издательства и книготорговли «Slawische Buchhandlung E. Keil und C°» (S. 38). Эта фирма имела широко разветвленную сеть представительств и корреспондентов среди книготорговцев различных городов: Дрездена, Вены, Брно, Праги и др. Подробный, но все же неполный перечень изданий, выпущенных Иорданом в 1846—1847 гг., приводит H. Šleca (там же, стр. 56—57). Не лишено интереса то обстоятельство, что настоящим автором книги: Die Vorläufer des Hussitenthums in Böhmen. Aus den Quellen bearbeitet und herausgegeben von Dr. J. P. Jordan (Leipzig, 1846) (рец.— «Jahrbücher», 1846, VII, стр. 286) является не Иордан, а чешский историк Ф. Палацкий, и что в тексте этой книги, переведенной Иорданом с чешского оригинала, имя Палацкого не упоминается.

Хотя биограф Иордана и оправдывает его, утверждая, будто в 1846 г. книга не могла выйти в свет под именем Палацкого (H. Šleca, там же, стр. 43—44), все же чешские историки литературы предпочитают говорить, что Иордан издал чужой труд «под своим именем» (Josef Pekař. Fr. Palacky. Praha, 1912, стр. 1025—1026; Arne Novak a Jos. Pekař. Lit. česka 19 stol. 1905, III, стр. 120). В 1869 г. эта же книга вышла уже с именем Ф. Палацкого, в 1872 г.— в чешском оригинале. Еще ранее, в 1845 г., Иордан также под своим именем издал в Лейпциге в чешском подлиннике две книжки чешского писателя Клацеля: сборник сатирико-дидактических стихотворений «Ягодки из славянских лесов» («Jahůdky ze slovanskych lesů», zebral Dr. J. P. Jordan. V. Lipsku, 1845) и его же переработку сатирической поэмы о «Рейнеке Фуксе» (по редакции Гете) с очень отчетливыми применениями к современным ему чешско-словацко-немецким отношениям (Ferina Lisak z Kuliferdy a na klukově cili kratička historye zlopovestnych kousků stareho Reineke jiz vydal dle mnogych rukopisů slovanskych Dr. J. P. Jordan. V. Lipsku, 1845). H. Šleca (там же, стр. 39—40) оправдывает Иордана и на этот раз, объясняя сокрытие им имени подлинного автора этих книг цензурными соображениями; однако он не указывает рецензии на оба эти издания, помещенные Иорданом в «Jahrbücher» (1845, H. 10, стр. 353—356; H. 11, стр. 385), в которых очень двусмысленно звучат следующие слова: «щекотливым делом является указывать собственные произведения, еще более щекотливым — стоять перед необходимостью их хвалить. Если подписавший эту статью и на этот раз находится в таком положении, то он надеется на снисхождение тех, кто знает его отношения к чешской литературе» и т. д. Весьма двусмысленными являются и такие обозначения, которые Иордан присоединяет к своему имени — «собрал» (zebrał), «издал» (vydał), которым в вышеуказанном переводе книги Палацкого вполне соответствует очень неясное «aus den Quellen bearbeitet» (обработано по источникам), близкое, кстати сказать, к обозначению, стоящему в заглавии переведенных Иорданом статей Белинского. H. Šleca несколько раз упоминает последнее издание (там же, стр. 43, 56); излишне, впрочем, подчеркивать, что имя Белинского им здесь не названо; он ссылается лишь на «Отеч. записки» как на источник Иордана и отмечает, что «Geschichte der russischen Literatur» 1846 г. представляет собой «новую, дополненную и законченную» редакцию пересказа статей русского журнала, сделанную Иорданом в его «Jahrbücher» 1843—1844 гг.

[83] Замысел Белинского написать «Историю русской литературы для немцев», о чем он сообщил в письме к И. И. Панаеву (10 августа 1838 г.), возник, очевидно, в связи с хорошо известной ему полемикой по поводу книги Кенига «Literarische Bilder aus Russland» (1837). См. в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 55, 61—62.

[84] Вслед за книгой Кенига 1837 г. из общих обзоров истории русской литературы на немецком языке появились: «Lehrbuch der russischen Literatur» von Dr. Friedrich Otto, Leipzig und Riga, 1837 (в основу этой книги положен «Краткий очерк русской литературы» Н. Греча, 1822 г.); небольшая брошюра Я. Неверова: «Blick auf die Geschichte der russischen Literatur». Abhandlung von J. Newerow. Aus dem Russischen übersetzt von H. von Brackel. Riga und Leipzig, 1840 и краткие обзорные статьи Т. Мундта (первоначально в кн. Friedrich von Schlegel's Geschichte der alten und neuen Literatur. Bis auf neust fortgeführt von Theodor Mundt. 2 Theil: Geschichte der Literatur der Gegenwart. Vorlesungen von Th. Mundt. Berlin, 1842; также в кн. «Allgemeine Literaturgeschichte von Th. Mundt», Bd. 3, Berlin, 1846, стр. 396—397) и ряд статей в журналах. Отметим сбивчивость и противоречивость обзоров русской литературы Т. Грессе, Т. Мундта и др.

[85] «Jahrbücher», 1846, H. 11—12, стр. 443—447. Отметим интересную подробность: в этой же книжке своего журнала Иордан напечатал перевод большой рецензии на повесть Достоевского «Бедные люди» (из «С.-Петербургских ведомостей») («Jahrbücher», 1846, H. 11—12, стр. 434—443), снабдив следующим своим примечанием один из абзацев этой рецензии: «Нам показался несправедливым упрек, будто бы „Отечественные записки" более восхищаются, чем анализируют. В качестве примера укажем хотя бы лишь обширную и основательную рецензию на собрание сочинений Пушкина» (стр. 434), т. е. именно на ту серию статей Белинского, которую Иордан перевел и только что издал отдельной книгой.

[86] Там же, стр. 445.

[87] Там же, стр. 446.

[88] Theodor Fontane. Von zwanzig bis dreißig. Autobiographisches. 3 Aufl., Berlin, 1898, стр. 146—151. О Вольфзоне см. статью: Ludwig Geiger. Wilhelm Wolfsohn, sein Leben und seine Werke.— «Jahrbuch für judische Geschichte und Literatur». Bd. 15, Berlin, 1912, стр. 163—197.

[89] Wilhelm Wolfsohn. Die schön-wissenschaftliche Literatur der Russen. Auserwähltes aus den Werken der vorzüglichsten russischen Poeten und Prosaisten älterer und neuerer Zeit. Leipzig, 1843. Bd. I, Gedichte, I Abteilung (XXIV + 376 стр.).

[90] «Jahrbücher», 1843, Bd. 1, H. 1, стр. 46. Отметим, что, вероятно, Вольфзона имел в виду Иордан, характеризуя в письме к В. Ганке (1842) свой разноплеменный лейпцигский кружок, хотя и не называл его по имени («Письма к В. Ганке», стр. 417).

[91] «Jahrbücher» 1843, стр. 89, 202—203. В книге Вольфзона Иордана не удовлетворила вступительная статья историко-литературного содержания («Historisch-kritischer Uebersicht»); он сделал автору несколько возражений на основе составленного им самим пересказа двух статей Белинского о Пушкине в «Отеч. записках» и подчеркнул, что он попрежнему считает желательным появление «общего обзора развития русской литературы вплоть до настоящего времени».

[92] *«Северная пчела», 1843, № 74 и 80; ср. прим. В. С. Спиридонова (XIII, 250).*

[93] «Германская литература». «Отеч. записки», 1843, т. X, отд. VII, стр. 53—60; «Лит. газета», 1843, № 14, 4 апреля, стр. 284.

[94] В архиве А. А. Краевского хранятся 12 неизданных писем к нему Вольфзона и его стихи к Н. Н. Пушкиной («Ein Hochzeitslied dem Weibe Puschkin's») с пометой: «Astafiewo, bei Moskau, August 1844». См. Бумаги А. А. Краевского. Опись их собрания... сост. И. А. Бычковым, СПб., 1893, стр. 5, 45.

[95] Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, стр. 11—13. Еще в 1846 г. Вольфзон поместил в «Jahrbücher» (1846, H. 9—10, стр. 337—347; H. 11—12, стр. 413—425) свои «Воспоминания о Н. Ф. Павлове» («Nikolaus Pawlow. Erinnerungen»), но они остались неоконченными, а в следующем году, в том же журнале Иордана, Вольфзон напечатал свою статью «К портрету Павлова» («Jahrbücher», 1847, H. 1, стр. 34—40; датирована: Лейпциг, ноябрь, 1846 г.), представляющую не столько пояснение к литографированному портрету Н. Ф. Павлова, действительно приложенному к этой книжке журнала, сколько вынужденное объяснение тем своим читателям, которые отрицательно отнеслись к упомянутым выше его «Воспоминаниям» и заставили его прекратить их дальнейшую публикацию; Вольфзон оправдывался, что он вовсе не хотел «очернить» Павлова, входя в некоторые подробности его биографии, и, между прочим, прямо указывает, что «один из друзей Павлова, Мельгунова и Чичерина и довольно близкий мне человек, по поводу первой части моей статьи, написал мне письмо, полное упреков» и т. д. (стр. 36).

[96] Theodor Fontane. Von zwanzig bis dreißig, Berlin, 1898, стр. 149.

[97] «Jahrbücher» Иордана издавались до 1848 г., однако в последний год своего существования журнал изменил свой характер; в частности, сильно сокращен был критико-библиографический отдел. С конца 1847 г. близкое участие в редактировании «Jahrbücher» принял лужичанин Я. Э. Смоляр (J. E. Schmaler). Из «Объяснения»,

адресованного к читателям журнала («Jahrbücher» 1848, № 9, стр. 97) за полной подписью Иордана и датой 5 апреля 1848 г., видно, что с этого времени руководство журналом принял на себя Смоляр. В революционный 1848 г. журнал изменил название («Slawische Jahrbücher»), характер и внешний вид. Новую серию журнала под тем же заглавием Смоляр издавал в 1852—1856 гг. уже в Будышине. Ср. Н. А. Янчук «Я. Э. Смоляр».—«Журн. мин. нар. просв.», 1885, № 8, стр. 34—55. В краткой характеристике Иордана И. В. Ягич пишет, что он «вел редакцию <«Jahrbücher»> очень бойко, и можно удивляться, что такой полный кипучей жизнью орган не мог долее держаться, если причина прекращения его не кроется в личных качествах бывшего редактора» (История славянской филологии, СПб., 1910, стр. 731); однако уже А. Н. Пыпин более точно определил причины гибели «Jahrbücher»; говоря, что этот журнал заключал в себе «много важных славянских известий», Пыпин добавлял, что славянский патриотизм создал Иордану «много врагов в немецкой журналистике, и когда в 1848 г. Иордан стал открыто за интересы австрийского славянства, его успели вытеснить из университета. Он начал издавать тогда немецкую газету в Праге, был членом „Славянской липы“, но по наступлении реакции покинул литературную деятельность» (А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, СПб., 1881, т. II, стр. 1083).

[98] Об участии Иордана в пражском славянском съезде см., между прочим, в изданной им самим книге: Slawenkongress. Aktenmässiger Bericht über die Verhandlungen des ersten Slawenkongress in Prag. Vorgelegt von Dr. J. P. Jordan, Mitglied des provisorischen Commités und des Kongresses. Prag, 1848. О его антирусской и проавстрийской ориентации дает представление изданная им в следующем году полемическая брошюра: «Nicht Deutsch! Nicht Russisch! Nur Österreichisch! Offenes Sendschreiben an Herrn Franz Schusselka». Von Dr. J. P. Jordan. Prag, 1849.

[99] «Slawische Jahrbücher», 1848, № 20, стр. 144.

[100] «Письма к В. Ганке», стр. 427.

[101] Johannes Scherr. Allgemeine Geschichte der Literatur, 3 Aufl., 2 Bd., Stuttgart, 1869, стр. 389. В помещенном здесь небольшом очерке истории русской литературы кое-где чувствуется влияние изданной Иорданом книги, но имя Белинского не упоминается. См. еще: J. Scherr. Bildersaal der Weltliteratur, 3 Aufl., 3 Bd., Stuttgart, 1885, стр. 280. Иордану и его «Jahrbücher für slawische Literatur» страничку посвятил также F. Dukmeyer в работе: «Die Einführung Lermontovs in Deutschland und des Dichters Persönlichkeit». Berlin, 1925 (Historische Studien, H. 164), стр. 10—11. Он упоминает, в частности, и изданную Иорданом «Историю русской литературы», не догадываясь о ее настоящем авторе, но ссылаясь, правда попутно, на «Отеч. записки».

НОВОЕ О СТАТЬЕ БЕЛИНСКОГО «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ»

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ 1840-х ГОДОВ)

Статья А. Дубовикова

1

Одна из важнейших проблем, выдвинутых, особенно в последние годы, советской наукой о литературе,— это проблема установления и определения всемирно-исторического значения классической русской литературы. В разработке этой проблемы советская научная мысль имеет уже значительные достижения.

Беря за основу гениальные высказывания В. И. Ленина о мировом значении Л. Толстого («Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции»[1]), наша наука выводит мировое значение русской литературы не из тех или иных суждений зарубежных писателей и критиков о ней, а исходя из марксистско-ленинского понимания всемирно-исторического значения русского революционного процесса, приведшего к торжеству социалистической революции, к победоносному строительству коммунизма в нашей стране.

Этот единственно правильный путь исследования позволил исторически правильно уяснить мировое значение гениальных создателей русской реалистической литературы — Пушкина и Гоголя, Тургенева и Щедрина, Толстого и Чехова. Наряду с этим советская исследовательская мысль напряженно работает и над выяснением мирового значения литературно-критического наследства, оставленного вождями русской революционной демократии, выработавшими наиболее передовую в домарксовой литературе систему эстетических взглядов, блестяще развившими учение о реалистическом искусстве и его социальной роли.

Сказанное относится прежде всего к Белинскому. Автор одной из статей, посвященных этой теме, совершенно правильно говорит о необходимости «разработки вопроса о мировом значении русской критики, об объективном мировом смысле ее наследия, независимо от того, успели ли за рубежами нашей страны уяснить себе этот смысл» [2].

Это — главная задача. Но признание справедливости этого положения отнюдь не снимает вопроса о необходимости изучения фактов проникновения идей Белинского в зарубежную печать, исследования путей и способов их распространения среди читателей за пределами России. Традиционные представления о том, что идеи Белинского совсем не были знакомы Западной Европе, и о том, что самое имя его лишь очень поздно стало известно за рубежом, должны быть критически пересмотрены и отброшены как не соответствующие истине.

Достаточно привести для примера один факт, до сих пор не привлекавший внимания исследователей Белинского. В 1841 г. на страницах

издававшегося в Берлине журнала «Архив для научного изучения России» была напечатана статья Фарнгагена фон-Энзе «Новейшая русская литература»[3].

Эта статья критика, который с пристальным вниманием изучал русскую литературу и одним из первых в Западной Европе сумел оценить гений Пушкина, любопытна, в частности, тем, что автор ее защищает русскую литературу, возражая тем русским, которые в слепом преклонении перед чужеземной культурой пренебрежительно судили о современном состоянии отечественной литературы.

Протестуя против мнений о наступившем якобы в последнее время упадке русской литературы, сменившем короткий период ее расцвета при Пушкине, немецкий критик доказывает, что современное состояние русской литературы является блестящим. Он утверждает, что ранняя гибель Пушкина не дает права относить его творчество только к прошлому. Как всякий великий национальный гений, Пушкин надолго определил развитие литературы своего народа, его именем может быть названо целое столетие. Далее Фарнгаген фон-Энзе перечисляет длинный ряд имен замечательных русских писателей, кратко характеризуя каждого из них. Особенно выделяет он Крылова, Гоголя и Лермонтова.

В конце статьи он определяет значение русской критики, ставя на первое место Белинского и журнал «Отечественные записки»:

«Не менее благоприятно должны мы оценить и состояние критики, суждений о литературе в России. Разумеется, мы говорим только о высокой, ученой и прозорливой критике, какою она является под пером благородной и самостоятельной части русских писателей, о Белинском, Неверове, Каткове, о той критике, которая помещается в журналах, издаваемых в здравом и добросовестном духе. Мы назовем из таких журналов только два, ближе нам знакомые: „Отечественные записки“, редактируемые в Петербурге Краевским, и „Москвитянин“, издаваемый в Москве Погодиным. Оба эти журнала делают честь литературе и сильно способствуют ее дальнейшему развитию»[4].

Статья немецкого критика была тогда же, в 1841 г., приведена в «Отечественных записках» частью в переводе, частью в пересказе (см. в настоящем томе, стр. 153—154). Между тем очевидно, что это краткое указание на Белинского как лучшего русского критика основывалось не только на беседах Фарнгагена со своими русскими друзьями — Неверовым и Катковым, но и на непосредственном чтении статей Белинского.

Фарнгаген фон-Энзе владел русским языком и мог читать Белинского в подлиннике. В этом отношении он составлял редкое исключение среди иностранных писателей 1840-х годов. Но возникает вопрос: не было ли уже тогда переводов статей Белинского на немецкий или какой-нибудь другой иностранный язык, не были ли доступны зарубежному читателю хотя бы некоторые работы Белинского? Предпринятые нами разыскания приводят к положительному ответу на этот вопрос.

Значительность обнаруженных нами фактов, изложению которых и посвящена настоящая работа, особенно возрастает в связи с тем, что речь идет о статье, посвященной разбору романа Э. Сю «Парижские тайны». Статья эта является не только блестящим примером критического мастерства Белинского, но и свидетельствует о глубине и проницательности его аналитической мысли, позволившей ему оставить далеко позади западноевропейскую буржуазную критику, безмерно восторгавшуюся сенсационным романом Сю как новым словом в литературе. Значение этой статьи в наследии Белинского подчеркивается еще более тем, что в ней содержатся суровый приговор капиталистической действительности, гневное обличение торжествующей буржуазии и глубоко сочувственный анализ положения французского народа после июльской революции 1830 г.

2

В дневнике Герцена за 1844 г. в записи от 4 сентября находится следующая заметка: «A propos. В „Allgemeine Zeitung“ выписка из статьи Бел⟨инского⟩ о „Парижских тайнах“, и именно они напали на то, что меня остановило; у нас нельзя таким образом хвалить сытость (тем более, что и она апокрифна) и ругать революцию 30 года ... Опять impasse*, опять бросит он на себя подозрение в сервильности»[5].

Это высказывание Герцена уже было использовано в комментарии к статье Белинского о романе Э. Сю для характеристики не преодоленных еще Герценом «буржуазных иллюзий в социализме», что и вызвало его недовольство резкой оценкой Белинским французской революции 1830 г.[6] Однако до сих пор никем не была предпринята попытка использовать это указание Герцена для детального освещения вопроса о появлении выдержки из названной статьи Белинского в зарубежной печати 1840-х годов.

Обращение к комплекту аугсбургской «Allgemeine Zeitung» за 1844 г. позволило обнаружить ту корреспонденцию, которая обратила на себя внимание Герцена. В № 239 от 26 августа среди сообщений из Германии, под рубрикой «*Саксония. Лейпциг, 21 августа*»[7], было напечатано следующее:

«„Газета для элегантного мира“ поместила под заглавием „Эжен Сю в России“ переведенную с русского статью из выходящих в С.-Петербурге „Отечественных записок“. Это периодическое издание дает ежемесячно 26—28 больших листов убористой печати; оно расходится в количестве 3500 экземпляров. Доктор Роберт Липперт доставляет в этот журнал корреспонденции о немецкой литературе. Белинский[8]— имя критика, который в своих размышлениях о „Тайнах“ Сю раскрывает перед нами крайне своеобразное воззрение одного из русских на жизнь. У него очень много природного остроумия, но он использует его лишь для выражения полубюрлескного мнения (einer halbburlesken Auffassung) о состоянии мира. Для того чтобы объяснить французский нравоописательный роман, он излагает свою точку зрения на июльскую революцию в Париже. „Королевские ордонансы,— говорит он,— посягнули в 1830 году на французскую хартию; рабочий класс был искусно приведен буржуазией в возбуждение. Между народом и королевскими войсками завязалась борьба. В слепом и безумном самоотречении народ жертвовал собой и сражался за нарушение прав, которые ни в какой мере не способствовали его счастью и, следовательно, касались его так же мало, как и вопрос о состоянии здоровья тибетского Богдо-Ламы. Народ сражался отдельными отрядами, за баррикадами, без общего плана, без знамени, без предводителя, почти не зная против кого и совершенно не зная за кого и за что. Напрасно народ искал представителей нации, которые еще недавно заседали на абонированных скамьях палаты; этим представителям было не до того: бледные и трепещущие, они предпочитали разыскивать погреба, чтобы укрыться в безопасности. Когда безумной ревностью ослепленного народа дело было закончено, представители, эти фабриканты законов, выползли из своих убежищ и, ловко пробираясь по трупам к власти, всюду оттеснили честных людей; после того как другие вытащили для них жареные каштаны из огня, они преспокойно лакомились ими и рассуждали о нравственности. У доброго, честного короля была как бы во сне «украдена корона», как говорит Гамлет: человек, который тогда находил, что ему вполне подойдет корона его благодетеля и родственника, теперь так же красноречиво рассуждает о добродетели и морали“. Эти сетования о положении Франции русский

* Тупик.

заключает словами: „У нас в России, где выражение «умереть с голода» употребляется только гиперболически, потому что в России не только трудолюбивому пролетарию, но и отъявленному лентяю и нищему невозможно погибнуть от голода, у нас многим покажется едва вероятным, что в Англии и Франции голодная смерть бедняков не только не невозможное, но даже не необыкновенное происшествие“. Я не знаю, доказано ли этим, что в России горшки полны мяса, и если доказано, то вкусно ли оно приготовлено».

«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета»), издававшаяся в Аугсбурге, была основана еще в 1798 г. и в течение долгого времени, до 70-х годов XIX в. была немецкой газетой, наиболее распространенной не только в Германии, но и за границей[9]. Во «Всеобщей газете» широко освещалась политическая, культурная и экономическая жизнь различных стран. Наряду с корреспонденциями по Германии газета систематически печатала сообщения из Франции, Англии, Италии, Соединенных Штатов и т. д. вплоть до мелких придунайских княжеств или скандинавских стран. На страницах газеты часто встречаются также материалы под заголовком «Russland und Polen».

Наиболее обстоятельно газета освещала темы французской жизни, что было связано с давней ее франкофильской политической ориентацией, особенно сильно выраженной в годы наполеоновского господства над Европой. Преимущественный интерес к Франции газета сохранила и после 1837 г., когда ее редактирование перешло к публицисту Густаву-Эдуарду Кольбу, возглавлявшему газету до своей смерти в 1865 г.

Среди парижских корреспондентов «Всеобщей газеты» был одно время Г. Гейне, печатавший там в 1831—1832 гг. свои статьи под общим заголовком «Французские дела». По требованию венского правительства газета прекратила печатание статей Гейне, а когда в 1840 г. его сотрудничество во «Всеобщей газете» возобновилось, его новые статьи появлялись в сильно урезанном трусливо-либеральным редактором виде. Это имел в виду Гейне, когда писал в «Германии»:

Такую-то речь я теперь произнес,
Совсем не готовившись; эти
Слова, изувечив их, Кольб поместил
Потом во «Всеобщей газете»...
(гл. XII, перевод П. Вейнберга)

«Всеобщая газета» постоянно подчеркивала свою «независимость» от борьбы различных общественных групп и политических партий. В действительности же это был типичный орган либерально-буржуазных кругов, который не прочь был щегольнуть прогрессивностью своих взглядов, но вместе с тем с подобострастием писал о деятелях реакционно-монархического толка и с нескрываемой враждой относился ко всякому проявлению революционных или социалистических идей. В этом отношении характерны резкие выпады Аугсбургской газеты в 1842 г. против революционно-демократической «Рейнской газеты», которую тогда редактировал К. Маркс. В 1844 г. «Всеобщая газета» с нескрываемым злорадством писала об органе немецких революционеров-эмигрантов в Париже «Vorwärts», торжествующе оповещала своих читателей о разрыве между Марксом и Руге, о готовящемся памфлете Маркса против Бруно Бауэра («Святое семейство»).

К. Маркс на страницах «Рейнской газеты» вел полемику со «Всеобщей газетой», разоблачая ее филистерские взгляды, ее обывательские суждения о коммунизме. В статье «Коммунизм и Всеобщая аугсбургская газета» Маркс писал, что эта газета «не обладает ни собственным умом, ни собственными взглядами, ни собственной совестью»,

что она способна только на «салонную болтовню»[10]. Значительно позднее, в письме к В. Либкнехту от 17 сентября 1859 г., Маркс как бы подвел итог своему отношению к этой газете: «Что касается аугсбургской „Allgemeine

Allgemeine Zeitung.

Mit allerhöchsten Privilegien.

Montag Nr. 239. 26 August 1844.

Uebersicht.

Spanien. Der ministerielle Bericht über die Kirchengüter. Die Unterhandlungen mit Marocco.

Großbritannien. Der Prinz von Preußen. Tanger. Cairo.

Frankreich. Das Geschwader an der marocanischen Küste. Erklärung des J. des Débats gegen die englische Presse. Die Polemik über Hrn. v. Montalembert. Die Colonie von Sahy.

Niederland.

Italien. Rom (Prinz von Oranien. Statthalter. Die Eisengruben von Terni).

Deutschland. München (Geburts- und Namensfest Sr. M. des Königs), aus Süddeutschland (das Pariser Vorwärts und die deutsche Schnellpost von New-York), Ulm (der Krieg erwartet), Darmstadt (Festvorbereitungen), Mainz (Herbstaussichten. Königin von Württemberg. Graf Münch-Bellinghausen. Dänemark: die niederländischen Protestanten), Leipzig (Gervinus. Eugen Sue in Rußland), Hamburg (Eiserne), Köln (Antwerpen), Trier (das Fest), Berlin (die Manöver. A. Peum. Preuß), von der Donau (Salzburg. Der Kunstverein), Waldhofen (Industrieverein. Kohlenwerke. Liedertafel).

Aegypten. Alexandria, 21 Jul. Mehemed Ali. Die britische Post.

Beilage. Reisebriefe aus Kleinasien. (1. Lycien.) — Der ungarische Reichstag. (Die Zollverhältnisse.)

Spanien.

Großbritannien.

АУГСБУРГСКАЯ «ВСЕОБЩАЯ ГАЗЕТА» (№ 239 ОТ 26 АВГУСТА 1844 г.). ЗДЕСЬ, В КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЛЕЙПЦИГА, БЫЛ НАПЕЧАТАН ПЕРЕВОД ОТРЫВКА ИЗ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О РОМАНЕ ЭЖЕНА СЮ «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ»

В оглавлении номера (левый столбец, 16 строка сверху) эта корреспонденция указана под названием: «Эжен Сю в России»

Zeitung“, то между мной и ей всегда были и есть и по сей день определенно враждебные отношения»[11].

Под углом зрения такой характеристики «Всеобщей газеты» следует рассматривать и ее отношение к России и русской жизни. Наряду с корреспонденцией о статье Белинского в просмотренном нами комплекте

газеты за 1844 г. попадаются изредка и другие заметки о культурной и литературной жизни России: статистические справки о периодических изданиях в России, о количестве гимназий и университетов в ней, сообщение о выходе в свет сочинений Пушкина, Жуковского и Бестужева-Марлинского, краткая заметка о смерти Крылова и некоторые другие. Гораздо чаще и систематичнее помещала газета сообщения иного рода: здесь и хроника русской придворной жизни, и слухи о перемещениях в составе высших чиновников, сообщения о притеснениях поляков и католической церкви в западных губерниях и подробные корреспонденции о ходе военных действий на Кавказе.

Подобострастно-почтительные извещения об очередной поездке кого-либо из членов царской семьи за границу чередовались во «Всеобщей газете» с критической оценкой самодержавно-полицейского режима царской России (например, в статьях о петербургских тюрьмах, о новых арестах поляков в западных губерниях или о бунте крепостных, убивших своего помещика и приговоренных к прогнанию сквозь строй с последующей отправкой на каторжные работы в Сибирь).

Именно поэтому во многих номерах «Всеобщей газеты», попадавших в Россию, значительная часть заметок на русские темы оказывается вырезанной цензурой.

В одной из наиболее серьезных и добросовестных статей по поводу России автор, Александр Гумбольдт (скрывшийся под инициалами A. v. H.), очень верно характеризует повышенный интерес к русским делам, проявлявшийся в тогдашней европейской печати, как выражение ложного и заведомо тенденциозного представления о нависшей над Европой угрозе со стороны «северного колосса», «северных варваров». Автор призывает к беспристрастному, серьезному и глубокому изучению России как одного из влиятельнейших членов европейской семьи народов, указывая, что всякое изменение в социальном и политическом положении России должно будет оказать сильное влияние на все европейские страны [12].

Если эта статья свидетельствовала о попытке трезвого и беспристрастного ознакомления читателей с вопросом о положении крепостных в России, то в большинстве других материалов газеты на русские темы, несомненно, отражалась та враждебная в отношении «северных варваров» тенденция, против которой возражал А. Гумбольдт. Эта тенденция явно звучит и в ироническом комментарии газеты к приведенным ею высказываниям Белинского об июльской революции во Франции и о положении пролетариата под гнетом капиталистической эксплоатации.

Сравнение выдержки, напечатанной во «Всеобщей газете», с текстом перевода статьи Белинского о «Парижских тайнах», помещенного в лейпцигской «Газете для элегантного мира» (о ней ниже), показывает, что даже та часть статьи, которая заинтересовала редакцию «Всеобщей газеты» (высказывания русского критика об июльской революции во Франции), воспроизведена была на ее страницах далеко не полностью. Газета выпустила гневно-обличительные тирады Белинского о положении народа «после июльских происшествий», о господстве торжествующего мещанства, о мнимом равенстве перед законом французского пролетария и богатого собственника, капиталиста. «Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник, с этой платы, берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство! ⟨...⟩ Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода» (VIII, 471).

Именно эта суровая и правдивая характеристика циничной и наглой эксплоатации пролетариата в капиталистических странах и дала основание Белинскому для сопоставления участи «бедного пролетария» во Франции и Англии с положением бедняков в России. Исключив эту характеристику, редакция «Всеобщей газеты» сняла основную аргументацию Белинского, лишила его выводы необходимой обоснованности.

В результате этого облегчена была задача иронической оценки смелых суждений русского критика, оценки, которая выразилась в заключительной фразе, принадлежавшей редакции газеты и давшей Герцену полное основание истолковать корреспонденцию, прочитанную им, как нападение на Белинского. Не будет преувеличением сказать, что, помещая корреспонденцию о статье Белинского, редакция «Всеобщей газеты» преследовала не столько информационные, сколько полемические цели.

В редакционном комментарии к критическим суждениям Белинского о предательской роли буржуазии в отношении народа явственно звучит голос оскорбленного в своем достоинстве «цивилизованного» буржуа, которому далекий критик из «варварской» России осмелился указать на позорные и бесчеловечные черты буржуазной действительности. При этом редакция «Всеобщей газеты» в ее высокомерно-презрительной оценке Белинского как критика обнаружила свое полное невежество. Только этим можно объяснить более чем странный эпитет «полубюрлескный», которым анонимный корреспондент газеты определил «своеобразное воззрение» русского критика на жизнь.

Разумеется, значение корреспонденции во «Всеобщей газете» определяется не содержанием комментария к опубликованному тексту Белинского, а прежде всего самим фактом появления хотя бы и краткой выдержки из столь значительной статьи русского критика в одном из наиболее распространенных органов зарубежной печати 1840-х годов. Этот факт приобретает для нас особый интерес в связи с еще одним обстоятельством.

В литературе о Белинском давно уже было отмечено сходство между его статьей о романе Сю и критическим анализом этого романа в работе Маркса и Энгельса «Святое семейство» (1845). Статья Белинского о «Парижских тайнах» осталась, повидимому, неизвестной Марксу, но обследованный нами материал позволяет поставить вопрос, не был ли прочитан Марксом тот отрывок из Белинского, который был опубликован во «Всеобщей газете». Никаких документальных свидетельств, которые могли бы неопровержимо подтвердить это предположение, в нашем распоряжении нет. Но тем не менее это предположение не лишено известной степени вероятности. Приведенные выше при общей характеристике «Всеобщей газеты» факты показывают, что она, начиная с 1842 г., находилась в поле зрения Маркса, который и позднее неоднократно высказывался о ней (особенно часто в переписке 1859 г.). Внимательно следил за этой газетой также и Энгельс. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо от 16 сентября 1846 г., адресованное Брюссельскому коммунистическому комитету сношений, в котором он сообщает о корреспонденции в номере «Всеобщей газеты» от 21 июля 1846 г., разоблачающей небезизвестного Я. Толстого как шпиона русского правительства [13].

Рассматривая «Всеобщую газету» как орган своих политических противников, Маркс должен был постоянно следить за ней, и уж, конечно, от его внимания не ускользали сообщения по Германии, среди которых была напечатана и выдержка из статьи Белинского. Если эта выдержка была действительно прочитана Марксом, то он мог увидеть в ней выражение зреющей революционно-демократической мысли в России, которая позднее, во времена Чернышевского и Добролюбова, привлекала такой живой и глубокий интерес со стороны великих основоположников научного социализма.

3

Редакция «Всеобщей газеты», как явствует из текста помещенного ею сообщения, заимствовала его из другого немецкого издания — лейпцигской «Zeitung für die elegante Welt» («Газета для элегантного мира»). Обращение к этой газете, комплекты которой нам удалось разыскать в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, позволило обнаружить интересующую нас статью «Eugen Sue in Russland» («Эжен Сю в России»), напечатанную в № 32 от 7 августа 1844 г. (на стр. 497—506).

На десяти страницах обычного журнального формата (in 8°) дан почти полный перевод статьи Белинского о «Парижских тайнах», которому предпослана характеристика «Отечественных записок» и Белинского как критика. В подстрочном примечании редакция указала, в чем, по ее мнению, заключается интерес статьи русского критика о нашумевшем романе Э. Сю, обратив при этом особое внимание читателей на данную Белинским оценку июльской революции:

«То, что может быть сказано в России об исторических событиях, как это сказано и какими выводами сопровождается,— все это представляет пикантный интерес, если оно является перед нами в неприкрытом виде. Поэтому мы помещаем следующие выдержки и обращаем внимание наших читателей особенно на описание июльской революции и на возмущение русского судьбой бедных французов» [14].

Для полноты освещения всех вопросов, связанных со статьей, помещенной в «Элегантной газете», как ее сокращенно называли в кругу ближайших сотрудников, необходимо остановиться на характеристике этого гораздо менее влиятельного и менее распространенного по сравнению со «Всеобщей газетой» издания.

«Газета для элегантного мира» была основана в 1801 г. в Лейпциге Карлом Шпацйром как литературно-художественное издание, ставившее себя «вне борьбы мнений» и не допускавшее никакой полемики на своих страницах. Возбудив некоторый интерес при появлении, газета очень быстро измельчала и не сумела создать себе авторитета в литературном мире. Такое жалкое существование она влачила до 1833 г., когда наступил короткий период ее расцвета, связанного с редакторством молодого писателя Генриха Лаубе, в дальнейшем ставшего известным драматургом, поэтом и критиком.

В это время Лаубе с юношеским пылом увлекался идеями республиканизма и сенсимонизма, понятыми им наивно и поверхностно. Приняв на себя руководство «Элегантной газетой», Лаубе превратил ее в орган «Молодой Германии», литературной группы мелкобуржуазных романтиков, в деятельности которых отразился революционный подъем 1830 г. На некоторое время «Молодая Германия» выдвинулась на первый план немецкой литературной жизни и была предметом оживленного обсуждения на страницах как германской печати, так и печати других стран [15].

Исчерпывающую характеристику «Молодой Германии» дали Маркс и Энгельс в 1851 г. в своей работе «Революция и контрреволюция в Германии»: «Наивный конституционализм или еще более наивный республиканизм проповедывались почти всеми писателями того времени ⟨...⟩ Стихотворения, повести, рецензии, драмы, всякие литературные произведения были преисполнены так называемой „тенденции“, т. е. более или менее робких выражений противоправительственного духа. В довершение путаницы понятий, царившей после 1830 г. в Германии, к этим элементам политической оппозиции примешивались плохо переваренные университетские воспоминания немецкой философии и непонятые крохи французского социализма, особенно сенсимонизма. И клика писателей, преподносивших публике эту мешанину, кичливо называла себя „Молодой Германией“

или „Новой школой". Позднее они раскаялись в своих юношеских грехах, но манера их писания не улучшилась от этого» [16].

Лаубе в позднее написанных «Воспоминаниях» сам рассказывал о наивности своего увлечения сенсимонизмом, в котором он видел религию нового времени, о крайней нечеткости и неясности своих тогдашних романтических порывов. По справедливому замечанию Энгельса, из членов «Молодой Германии» Лаубе «меньше всех» знал, чего он хотел [17].

Тем не менее при всей неопределенности и смутности понятий, характерных для нового редактора газеты, избранное им направление принесло газете крупный успех. Широкий интерес возбудили печатавшиеся на ее страницах «Современные письма» («Moderne Briefe») Лаубе, которые навлекли на него преследования со стороны прусского правительства, обнаружившего в этих «Письмах» крайнюю вольность мнений, защиту июльской революции, прославление Гейне и Берне, утверждение, что демократизм составляет основную идею христианского учения [18].

В результате этих обвинений Лаубе в июле 1834 г. был арестован и заключен в берлинскую тюрьму. При его преемниках, особенно при Кюне, который стал редактором в 1835 г., «Элегантная газета» стала бесцветной и худосочной, авторитет, ею завоеванный, был быстро утрачен. Из боевого органа мелкобуржуазных романтиков она превратилась в чисто развлекательное, салонное издание, рассчитанное на вкусы «избранного» общества.

В 1843 г. в газету вновь пришел в качестве редактора Лаубе, попытавшийся вдохнуть в нее новую жизнь. Но сам он к этому времени уже остыл и смирился, от былого юношеского энтузиазма не осталось и следа. Это о нем (и о Гуцкове) писал значительно позднее Энгельс, характеризуя их политическое ренегатство, называя их людьми «еще задолго до 1848 г. похоронившими остатки своего политического достоинства, если оно у них вообще когда-либо было» [19].

На этот раз Лаубе решительно воздерживался от обсуждения политических проблем, ограничил свой журнал сферой «изящной литературы в точнейшем смысле этого слова», с увлечением пропагандировал немецкий национальный костюм, подвергал критике всеобщее увлечение французскими модами. Неудовлетворенный результатами своей деятельности, он в конце 1844 г. прощается с читателями, чтобы целиком отдаться театру и драматургии. После этого «Газета для элегантного мира» утратила всякое значение и превратилась в ничтожное издание, не игравшее никакой роли в культурной жизни Германии.

Из сказанного понятно, почему редакционное примечание к статье Белинского, несмотря на легкий оттенок иронии, было написано в значительно более сдержанном и объективном тоне, чем уже известный нам комментарий во «Всеобщей газете». Не отличаясь по существу в своих политических взглядах от Кольба (в газете которого Лаубе охотно печатал в дальнейшем свои критические статьи), Лаубе, тем не менее, обнаружил серьезный интерес к высказываниям русского критика, глубину и значительность которых он не мог не почувствовать, тем более что суровая оценка Белинским положения во Франции после 1830 г. не могла не напомнить редактору газеты его собственные юношеские увлечения, связанные с июльской революцией.

Перевод полного текста статьи Белинского о «Парижских тайнах» и сопровождающее его введение, содержащее характеристику «Отечественных записок» и Белинского как ведущего критика этого журнала, были доставлены в «Элегантную газету» Робертом Липпертом. Имя его, не названное здесь, было указано, как мы видели, во «Всеобщей газете».

Р. Липперт был известен как один из переводчиков русских поэтов на немецкий язык. В 1840 г. он издал сборник переведенных им произведений Пушкина («Puschkin's Dichtungen von R. Lippert», 2 тома, 1840 г.),

в который вошли южные поэмы, «Полтава», «Сказка о царе Салтане», отрывки из «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», «Каменный гость» и ряд образцов пушкинской лирики.

Переводы Липперта вызвали сочувственные отклики в немецкой печати; имя его назвал в числе авторов отличных переводов Пушкина Фарнгаген фон-Энзе в статье о Пушкине, напечатанной в 1838 г. в «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik».

Перевод этой статьи, выполненный Катковым, появился в «Отечественных записках» 1839 г. в виде приложения к пятой книжке журнала. Упоминает о переводах Липперта и В. Вольфзон в своей книге «Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen», вышедшей в Лейпциге в 1843 г.

«Отечественные записки» имели полное основание писать в 1841 г.: «В Германии радостно приветствовали великий поэтический талант русского певца, и перевод г. Липперта принят со всеобщею похвалою. Все журналы отозвались о нем благосклонно. Первое издание разошлось уже все в продолжении года; теперь приготовляется второе» [20].

Незадолго до этого «Отечественные записки» извещали своих читателей о приезде Липперта в Петербург, весьма лестно отзывались о его переводах из Пушкина и о новых успехах Липперта в ознакомлении немецких читателей с русской литературой.

«Германский литератор г. Липперт,—писали «Отечественные записки»,— который так успешно перевел на немецкий язык некоторые сочинения Пушкина, что немцы могут читать теперь, как по-русски, лучшие сцены „Бориса Годунова", лучшие места „Онегина", почти непереводимые ни на какой язык,— этот г. Липперт теперь в Петербурге и с каждым днем более и более знакомится с русскою литературою. Способность его переводить удивительна! Он передает подлинник почти слово в слово и нисколько не лишает его поэзии, сохраняя притом все особенности его, всю характеристику. Г. Липперт сверх того одарен в высшей степени поэтическим тактом и потому чрезвычайно верно выбирает в нашей литературе лучшие ее произведения, намереваясь знакомить соотечественников своих не с пустоцветом, как делали некоторые прежде, но с роскошнейшими и благоуханнейшими ее цветами. Так, теперь, будучи в Петербурге, он прочел „Казачью колыбельную песню" и „Дары Терека" Лермонтова, и посмотрите, как мастерски перевел их.

⟨Приводится текст переводов.⟩

Вот истинный переводчик, которого давно ожидала русская литература, чтоб быть представленною Европе. Пожелаем, чтоб г. Липперт не ослабевал в деятельности и в любви своей к русской поэзии и чтоб, не слушая никаких внушений, руководствовался в выборе пьес для перевода своим верным, художественным тактом» [21].

Названные в заметке переводы стихотворений Лермонтова вместе с другими («Когда волнуется желтеющая нива» и стихотворением Подолинского «Могила солдата») появились в 1842 г. на страницах «Газеты для элегантного мира» [22]. Очевидно, связи Липперта с этой газетой были прочными и длительными.

Повидимому, пребывание Липперта в Петербурге было использовано Краевским для привлечения немецкого гостя в число сотрудников «Отечественных записок». В последних книжках журнала за 1841 г. (№№ 11 и 12) была напечатана большая статья Липперта «Греция в нынешнем своем состоянии».

На протяжении всего 1842 г. Липперт деятельно сотрудничает в петербургском журнале. В первых номерах «Отечественных записок» (1—5) печатается его большая статья о Гете; из книжки в книжку отдел «Иностранная литература», который до того заполнялся статьями Каткова, Неверова

и других русских критиков, теперь почти исключительно обслуживается Липпертом; за его подписью печатаются обзоры не только германской, но и французской, и английской, и даже итальянской литературы.

Любопытно, что в одной из этих статей, в обзоре современного состояния периодической печати в Западной Европе и Америке, Липперт, говоря о немецких литературных журналах, в числе лучших на первом месте называет «Газету для элегантного мира» [23].

С конца 1842 г. (№№ 11 и 12) и в 1843—1844 гг. обзоры иностранных литератур печатаются анонимно, и кто был автором их, до сих пор точно неизвестно. Имя Липперта исчезает со страниц журнала. Причину этого надо видеть в том, что статьи Липперта были лишены оригинальности, глубины мысли и резкой определенности суждений. Все это вызывало недовольство в кругу сотрудников и друзей журнала, о чем свидетельствует письмо В. П. Боткина к А. А. Краевскому, посланное из Москвы 29 декабря 1842 г.: «Отчетами Липперта все недовольны, след⟨овательно⟩ надо как-нибудь иначе взяться за дело; а как взяться, ума не приложу» [24].

К сказанному нужно добавить, что не только обзоры Липперта, но и он сам возбуждал неприязненное чувство со стороны близких к журналу людей. По мнению Герцена, жившего в 1841 г. в Петербурге и, следовательно, встречавшего там Липперта, немецкий гость принадлежал к числу литературных дельцов и был в этом отношении едва ли не хуже Краевского: «Краевский дурно платит Белинскому и вообще немного schmutzig. Липперт, переводивший Пушкина (о traduttori-traditori!) noch schmutziger» [25].

Это сопоставление двух имен, повидимому, не было лишено основания. И после прекращения сотрудничества Липперта в «Отечественных записках» Краевский поддерживал с ним связь в течение многих лет. Любопытно, что в 1857 г. в Лондоне Краевский явился с визитом к Герцену в сопровождении Липперта, но Герцен отказался их принять, не желая встречаться с Липпертом. Об этом он писал на следующий день Краевскому [26].

4

Несомненно, что статья Белинского была получена Липпертом непосредственно из редакции «Отечественных записок». Учитывая острый интерес, возбужденный во всей Европе нашумевшим романом Э. Сю, он перевел статью для лейпцигской газеты полностью и сопроводил ее обстоятельной характеристикой русского журнала, его издателя Краевского и оценкой Белинского как критика. В своих суждениях об «Отечественных записках» Липперт, очевидно, основывался на информации, полученной им из первых рук, вернее всего от самого Краевского. Об этом свидетельствуют фактическая точность и обстоятельность излагаемых им данных и тот несколько рекламный тон, который явственно обнаруживается в этой характеристике:

«Мы заимствуем нижеследующую статью из апрельской книги «Отечественных записок», бесспорно самого содержательного и самого интересного из русских журналов и вместе с тем почти единственного, который дает подписчикам то, что он обещает в своей программе. Благодаря этому последнему обстоятельству он, несмотря на постоянное враждебное отношение со стороны других журналов и газет, все больше расширяет круг своих читателей и расходится в количестве почти 3500 экз. Издателю Краевскому, о писательских успехах которого у нас менее известно, чем это нам хотелось бы, нельзя отказать в заслугах как редактору (он редактирует еще еженедельную иллюстрированную «Литературную газету» и официальную политико-административную газету «Русский инвалид»). Названный журнал выходит первого числа каждого месяца, в размере 26—28 больших листов убористой печати, с модными картинками и художественными

приложениями, по беспримерно дешевой цене в 15 руб. серебром (около 16 саксонских талеров); и однако издатель, при упомянутом выше числе подписчиков, несмотря на значительную стоимость печатных работ и бумаги и довольно высокие гонорары (наиболее известные и популярные писатели получают обычно 200 рублей за печатный лист), может наверняка рассчитывать на чистый доход в 25 000 рублей серебром (около 26 000 талеров). В немецких условиях это — неслыханная цифра для ежемесячного литературного журнала» [27].

Далее автор введения переходит к характеристике критики «Отечественных записок», которую он признает «в высшей степени своеобразной и остроумной», хотя и оговаривается тут же с высокомерной самонадеянностью, что она «не стоит на уровне научных и философских воззрений, которых она достигла в остальной Европе». Буржуазная ограниченность и тупая самоуверенность звучат как в этом замечании, так и в последующих фразах, говорящих уже непосредственно о Белинском. Автор пытается сохранить в характеристике Белинского позу объективности, он называет его критиком «полным энергии и оригинальности», но по существу повторяет те враждебные, клеветнические толки о Белинском, которые были распространены в реакционных литературных и журналистских кругах Петербурга и Москвы. По его словам, Белинский «является самоучкой», ему «недостает основательного научного образования, а именно самостоятельного знания европейских литератур». Несостоятельность этого последнего положения очевидна: автор, повидимому знакомый с большинством крупных критических статей Белинского, не мог не знать тех глубоко-оригинальных и проницательных суждений о различных западноевропейских писателях, которыми изобилуют статьи русского критика. Но он не хотел их замечать, как не захотел обратить внимание на те меткие и острые характеристики Э. Сю, В. Гюго, Ж. Санд, Ч. Диккенса, Ж. Жанена и других, которые содержались в переведенной им статье о «Парижских тайнах». Грубая тенденциозность и намеренная предубежденность разбираемой нами характеристики Белинского очевидны. В этой характеристике можно найти также утверждения, которые были распространены не только среди врагов Белинского, но и в кругах его либеральных «друзей» из западнического лагеря. Таково, например, замечание, что критик «не знает ни одного языка, кроме своего родного».

Отказывая Белинскому в глубоком знании и понимании европейских литератур, автор характеристики готов снисходительно признать его заслуги в области истолкования русской литературы: «Зато он оказывается вполне в своей области, когда он судит о русской литературе: в ряде статей, в которых он без всякого пиетета ниспровергает старые авторитеты, он обнаруживает наибольшую меткость и оригинальность, какую только высказывала русская критика о русской литературе» [28].

Для советского читателя и исследователя представляет интерес не эта характеристика Белинского, несостоятельность и тенденциозность которой для нас очевидна, а самый факт появления перевода крупной статьи Белинского в зарубежной печати 1840-х годов и особенно те любопытные данные, которые обнаруживаются при сличении этого перевода с известным нам до сих пор русским текстом статьи о «Парижских тайнах».

Статья эта была напечатана в «Zeitung für die elegante Welt» с некоторыми сокращениями. Полностью была опущена приводимая Белинским цитата из романа Сю — разговор Пик-Винегра с его сестрой Анной в тюрьме (VIII, 474—477). Вся обширная характеристика героев романа и разбор его содержания были даны в кратком изложении. Вот полный текст этого пересказа:

«Затем критик в подробном изложении разъясняет все характеры романа, а именно отмечает доходящее до смешного донкихотство

Zeitung für die elegante Welt.

7. August **№ 32.** **1844.**

Uebersicht: Eugen Sue in Rußland. — Etwas über das französische Theater in Berlin. — Aufforderung an die deutschen Bühnendichter. — Nachrichten.

Eugen Sue in Rußland.*)

Wir *entlehnen* nachfolgenden Aufsatz dem Aprilheft der „Vaterländischen Denkwürdigkeiten", unbestritten der stoffreichsten und interessantesten, zugleich auch der beinahe einzigen Zeitschrift in Rußland, die ihren Abnehmern das hält, was sie in ihrem Programm verspricht. Dem letztern Umstande hat sie es wohl auch wesentlich zu danken, daß sie trotz wiederholter Anfeindungen von Seiten der übrigen Journale und Zeitungen dennoch ihren Leserkreis immer mehr erweitert und sich eines Absatzes von beinahe 3500 Exemplaren zu erfreuen hat. Dem Herausgeber Krajewski, von dessen schriftstellerischen Leistungen uns weniger bekannt ist, darf eine nicht gewöhnliche Gewandheit, ein gewisser Instinkt, wie wir es nennen möchten, als Redakteur nicht abgesprochen werden (er redigirt außerdem noch eine Wochenblatt „die literarische (illustrirte) Zeitung" und ein offiziell politisch-administratives Tagblatt „den russischen Invaliden"). Das genannte Journal erscheint am 1. jedes Monats, 26—28 enggedruckte Großoktavbogen stark, mit Modekupfern und Kunstbeilagen zu dem beispiellos billigen Preise von 15 Rubel Silber (etwa 16 Thlr. sächs.) und dennoch kann bei der vorerwähnten Abonnentenzahl, die bedeutenden Druck- und Papierkosten und ziemlich hohen Honorare (die bekanntern und beliebten Schriftsteller erhalten gewöhnlich 200 Rubel Banco per Druckbogen) abgerechnet, der Herausgeber auf einen Reinertrag von 25000 Silberrubeln (circa 26000 Thaler) mit Bestimmtheit rechnen, eine

*) Was in Rußland gesagt werden darf über historische Ereignisse, wie es gesagt wird, und zu welchen Folgerungen es dienen muß, das hat doch ein pikantes Interesse, wenn es in unverhüllter Gestalt vor uns erscheinen kann. Deshalb theilen wir folgende Auszüge mit, und wir lenken die Aufmerksamkeit unsrer Leser besonders auf die Schilderung der Julirevolution und auf die Entrüstung des Russen über das Schicksal der armen Franzosen.

D. R.

1844. 63

502

in Rußland, wo der Ausdruck „vor Hunger sterben" nur hyperbolisch gebraucht wird, weil in Rußland nicht nur der fleißige Proletarier, sondern der ausgemachte Faullenzer und Bettler sich nie in der Möglichkeit befindet, sein Leben nicht mehr fristen zu können, bei uns wird es Vielen kaum glaublich erscheinen, daß in England und Frankreich der Hungertod des Armen nicht allein kein unmögliches sondern auch gar kein ungewöhnliches Ereigniß ist.

Dies war die Veranlassung, uns ausführlicher über diesen Gegenstand auszulassen, da derselbe mit der Haltung der „Pariser Geheimnisse" in so engem Zusammenhang steht. Die Armuth in Paris ist grenzenlos und übersteigt selbst die ausschweifendste Phantasie des Dichters! Betrachten wir jetzt eine andre Seite des Bildes: Der Mann des Besitzes ist vom bösen Geiste der Gewinnsucht besessen. Sein Leben ist ein ununterbrochnes Hazardspiel, der fortwährende Ruf: *va banque!* Die Agiotage, die Opposition der Kammer, die Bestechung der Wähler, das Patronat der ephemeren Macht, von der die Vergebung einträglicher Aemter abhängt — dies ist der grüne Tisch, wo er sein Vermögen einsetzt. Ein nicht zu stillender Durst nach Besitz, ein unersättlicher Wolfshunger nach Gold machen das einzige Pathos im Leben der Reichen aus, die immer reicher werden wollen, die sogenannten Kapazitäten (Advokaten, Gelehrte, Literaten), welche noch ohne Vermögen sind, haben nur ein Streben — sich zu bereichern, und haben sie sich bereichert, nur das — noch reicher zu werden. Hieraus läßt sich ein Schluß ziehn auf die Moralität einer Gesellschaft. Alles ist dort käuflich von der Stimme bis zum Gewissen, man glaubt an nichts Anderes, als an — die Macht des Geldes. Dieser furchtbare Zustand der französischen Gesellschaft begeisterte den energischen Dichter zu seiner ergreifenden Schilderung der Erde ohne Himmel.

Allein noch sind nicht alle Funken edlerer Regung in Frankreich erloschen, unter der Asche harren sie nur des wohlthätigen Hauchs, der bestimmt ist, sie zur hellen und reinen Flamme anzufachen. Das Volk ist noch — ein Kind, aber dies Kind wächst und trägt in sich den Keim edler Mannheit, voll Kraft und Geist. Das Leid hat seinen Verstand aufgeklärt und ihm das Blendwerk der Konstitution im wahren Lichte gezeigt. Schon versagt es den Schwätzern und Gesetzesfabrikanten sein Vertrauen und wird sein Blut nicht mehr für Worte vergießen, deren Sinn es nicht faßt, noch für Menschen, die seinen Werth nur so lange anerkennen, als das Volk ihm die gebratnen Kastanien aus dem Feuer holt. Schon entwickelt sich mit unglaublicher Schnelle Bildung im Volke, schon zählt es seine Poeten, die ihm die Zukunft enthüllen, Männer, die zugleich seine Leiden theilen und weder durch Kleidung noch durch Lebensweise sich von ihm unterscheiden. Noch ist das Volk schwach, allein nur in ihm glüht noch das Feuer der Nationalität, der belebende Enthusiasmus der Ueberzeugung, der längst in den verpesteten Schichten der „gebildeten Gesellschaft" erloschen ist. Allein das Volk zählt auch seine wahren Freunde, die ihre Wünsche und Hoffnungen mit den seinigen verschmelzen und freiwillig jedes Antheils an der Beute des Goldes und der Macht sich begeben. Viele derselben, europäischen Rufes sich erfreuend als Koryphäen der Literatur und Wissenschaft, mit allen Mitteln versehen, um in die vordersten Reihen des konstitutionellen Marktes treten zu können, leben und wirken in freiwilliger ehrenhafter Armuth. Solche Stimmen, die sich für das arme getäuschte Volk erheben, gellen freilich in die Ohren der Aktionäre, Käufer, Verkäufer und Entrepreneurs der Staatsverwaltung wie die

НЕМЕЦКАЯ «ГАЗЕТА ДЛЯ ЭЛЕГАНТНОГО МИРА», № 32 ОТ 7 АВГУСТА 1844 г. ЗДЕСЬ, ПОД ЗАГЛАВИЕМ «ЭЖЕН СЮ В РОССИИ», БЫЛ НАПЕЧАТАН ПЕРЕВОД СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О РОМАНЕ ЭЖЕНА СЮ «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ»

Страницы газеты с введением к переводу и текстом перевода

и мелодраматический, полный эффектов героизм баснословного принца Герольштейнского, а также резкие противоречия в характере его сверхидеальной дочери, ее светлости принцессы Певуньи, бывшей подруги убийц, мошенников и уличных девок, воспитанницы Сычихи и нахлебницы Яги-Бабы, которая внезапно смывает, как будто под рукомойником, всю грязь своей прежней жизни, чтобы явиться после купели княжеского крещения чище голубки и невиннее младенца. Ее появление в эпилоге в качестве «княжны» он называет верхом безвкусия, ограниченности, ложной сентиментальности и скуки; в сравнении с этим эпилогом невыносимо чувствительный роман Бремер „Семейство" кажется шедевром, несмотря на его пошлость. Он отказывает Сю во всех притязаниях на естественность, поэзию, истинный талант, его дарования может хватить самое большее на ничтожное произведение вроде „Полковника Сюрвиля". Напротив, в его более крупных произведениях критик находит только мелодраматическую ходульность, погоню за избитыми эффектами, соединенную с пристрастием к фразе. Остальные лица оказываются не лучше Родольфа и его дочери: госпожа Жермен и ее бесцветный чувствительный сын кажутся ему совершенно лишними, хотя характер последнего должен служить принцу предлогом для проявления бесчисленных донкихотских выходок, которые иначе совсем бы отпали и вместе с ними отпали бы и три четверти романа. Мастака, Сычиху, Полидори и Сесили он считает не моральными чудовищами, а в лучшем случае фантастическими созданиями, полными неестественности и противоречий. Лучшим кажется ему нотариус Ферран; мысль изобразить его как закоснелого злодея, который пользуется в обществе репутацией добродетельного и достойного уважения человека, кажется критику заслуживающей внимания; напротив, он бичует с горькой иронией крайне растянутые и непристойные отношения его с Сесили. Больше всего одобряет он описание семейства Марсиаль, графини Сарры (ее брата Тома он называет чучелом, которое нужно только для того, чтобы составить компанию графине), Волчиху, Пик-Винегра, Риголетту и доктора Гриффона. В целом же он видит только неопытную руку ученика, который присмотрелся к работам мастеров и умеет скопировать отдельную фигуру или жалкую жанровую сцену, но он полностью отказывает ему в самобытном таланте и прежде всего в чувстве соразмерности, в умении создавать из частей единое целое.

Бросив взгляд на натянутое развитие событий, которое развязывается посредством deus ex machina, критик заключает: «Некоторые смотрят на „Парижские тайны"...» ⟨далее следует текст Белинского⟩[29].

Помимо этого в переводе были произведены и другие, более мелкие сокращения. Приводим их перечень с указанием страниц по VIII тому венгеровского издания.

Стр. 468 — от слов «Мы не будем говорить о том...» до слов «истинного, действительного успеха» (снята характеристика беспримерного успеха романа во Франции и «во всех концах земли»).

Стр. 468—469 — от слов «В наше время тот не гений...» до слов «похвал и браней, продающихся с молотка» (выпущено сравнение судьбы гениев в прежние времена и в настоящую эпоху).

Стр. 469 — весь абзац, начинающийся словами: «Кажется вопрос о „Парижских тайнах" решился бы...» (снято объяснение причин, заставивших критика обратиться к разбору романа).

Стр. 470 — от слов «этого господина, на лице которого...» до слов «и законное наследие сироты» (таким образом, резкая характеристика разжиревшего богача, представляющего «развратное, эгоистическое общество», оказалась значительно ослабленной).

Стр. 470 — снята фраза о людях, называющих Сократа «надувалой, мошенником и опасным для нравственности юношества безумцем» (этот на-

мек на высказывания Сенковского в «Библиотеке для чтения», очевидно, не представлял интереса для немецких читателей).

Стр. 472 — снята фраза о «бедном пролетарии», который «должен умереть с семейством, если не прибегнет к преступлению».

Стр. 472—473 — снята фраза «Стоны народа...» до слов «тревожат спекулянтов власти».

Стр. 473 — от слов «Правда некогда он хотел играть роль Байрона...» до слов «и заставить сойти с ходуль» (выпущено все, что относится к раннему байронизму Э. Сю и к его «сатанинским» романам).

Стр. 483 — снята фраза «Теперь пишутся уже „Лондонские тайны"» и т. д. — с презрительной оценкой бесчисленных подражателей роману Сю.

В некоторых случаях фраза Белинского передается переводчиком сокращенно, что ведет к смягчению ее смысла и изменению эмоционального тона. Сравним, например, страстную, негодующую тираду критика с ее переводом:

«В наше время объем гения, таланта, учености, красоты, добродетели, а следовательно и успеха, который в наш век считается выше гения, таланта, учености, красоты и добродетели,— этот объем легко измеряется одною мерою, которая условливает собой и заключает в себе все другие: это — деньги» (стр. 468).

«Der Umfang des Talentes, der Bildung, Schönheit, Tugend wird nach einem Masse gemessen, welcher Alles vereinigt und in sich begreift — es ist das Geld» (стр. 499).

Сокращая эту фразу, переводчик выхолостил существенное в мыслях критика: сарказм по поводу «успеха», который считается выше «гения», и весьма знаменательное указание на «наше время»,— указание, которое существенно уточняет обвинение, брошенное критиком буржуазному порядку. Интонационно-синтаксический строй фразы, великолепно передающий взволнованность критика, совершенно не чувствуется в переводе.

Мы не считаем нужным отмечать здесь другие малозначительные пропуски в переводе отдельных слов и выражений.

Приведенный материал показывает, что сокращения в большинстве своем не имели целью извратить или исказить статью. Выпущенными оказались преимущественно второстепенные детали статьи и частные замечания критика. Все же его основные, принципиальные суждения, как и весь ход развития его мыслей, были сохранены в немецком переводе. Этот перевод давал, таким образом, читателям журнала достаточно полное и точное представление как об эстетических, так и о социально-политических воззрениях русского критика.

Мало того, этот перевод в ряде существенных моментов давал более полное и точное представление об идеях Белинского, чем искаженная цензурой статья в «Отечественных записках», прочитанная русскими читателями.

Сличение немецкого перевода с известным нам русским текстом статьи (рукопись ее, как известно, не сохранилась, и первоисточником является журнальный текст[30]) с полной неопровержимостью показывает, что перевод был сделан не с печатного текста (хотя ссылка на апрельскую книжку «Отечественных записок» и дана была переводчиком), а с первоначальной рукописи или с корректурного оттиска, еще не прошедшего через руки цензора. Возможно, что именно на это обстоятельство намекала редакция «Элегантной газеты» в своем примечании, приведенном выше, когда она отмечала «пикантный интерес», который представляют мнения русского критика о европейских исторических событиях, если они «являются перед нами в неприкрытом виде» («wenn es in unverhüllter Gestalt vor uns erscheinen kann»).

Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, как это произошло. Возможно, что Липперт получил текст для перевода от самого Краевского, с которым он был достаточно тесно связан; тогда остается гадать, намеренно ли предоставил ему Краевский статью в первоначальном виде или это произошло случайно — был взят с редакционного стола первый попавшийся корректурный оттиск. Быть может, самый факт передачи произошел еще до выхода в свет апрельской книги журнала, когда налицо был только один доцензурный ее текст [31]. Не исключена, наконец, возможность, что статья была передана Липперту самим Белинским, всегда болезненно переживавшим цензурную судьбу своих статей: естественно предположить желание критика, чтобы его статья, которой он придавал большое значение, появилась на немецком языке в ее подлинном, не изуродованном цензурой виде. Известное нам по письмам Белинского его пренебрежительное отношение к Липперту не может полностью опровергнуть вероятность нашего предположения (см. «Письма», II, 251, 311, 411, 426).

Во всяком случае несомненно, что обнаруженные нами расхождения между переводом и журнальным текстом статьи восходят к первоначальному тексту самого Белинского. Их нельзя считать вставками и дополнениями, внесенными переводчиком или редакцией «Элегантной газеты». Приведенные выше данные о Липперте и Лаубе полностью убеждают, что оба они не могли быть заинтересованы в усилении революционного смысла статьи, да и, разумеется, были неспособны дать тот сокрушительный анализ противоречий капиталистического строя и проявить ту боевую страсть и непримиримость в бичевании этого строя, которые содержатся в приведенных ниже, не известных до сих пор текстах из статьи о «Парижских тайнах».

5

Обратимся теперь к выяснению того нового материала в статье о «Парижских тайнах», восстановить который нам помогает немецкий перевод.

Прежде всего надо отметить ряд случаев, когда наличие в немецком переводе отдельных слов и выражений, отсутствующих в русском журнальном тексте, помогает нам вернуть мыслям критика, смягченным и ослабленным цензурой, их первоначальный, более резкий и определенный смысл.

Мы намеренно оставляем в стороне те мелкие расхождения между переводом и русским текстом статьи, которые могут быть истолкованы по-разному: либо как вольное отклонение переводчика от подлинника, либо как следы первоначального текста, позднее слегка измененного при печатании статьи самим Белинским. Таково, например, упоминание о повестях Бальзака «с их тридцатилетними женщинами» (в переводе «с их неувядающими тридцатилетними женщинами»); несколько ниже Белинский говорит: «Мы не хотим этим сказать, чтоб теперь ничего хорошего нельзя было найти в сочинениях Бальзака» (в переводе: «в бесчисленных произведениях Бальзака»).

Но за исключением подобных несущественных по своему содержанию и неясных по происхождению разночтений мы можем указать гораздо более выразительные примеры, когда в переводе, несомненно, сохранился первоначальный текст статьи.

В начале статьи Белинский иронически характеризует «эстетическую критику», для которой решающим в оценке писателя является его успех, измеряемый суммой гонорара: «Кроме большой суммы, полученной за „Парижские тайны“, новый журналист, желающий поднять свой журнал, предлагает автору „Парижских тайн“ сто тысяч франков за его новый роман, который еще не написан... Вот это успех! И кто хочет превзойти Эжена Сю в гениальности, тот должен написать роман, за который журналист дал бы двести тысяч франков: тогда всякий, даже

не умеющий читать, но умеющий считать, поймет, что новый романист ровно вдвое гениальнее Эжена Сю... Эстетическая критика, как видите, очень простая: всякий русский подрядчик с бородкою и счетами в руках может быть величайшим критиком нашего времени...» (стр. 469). В переводе назван «russische Lieferant mit rechtgläubigem Barte und dem Zahlbrett in der Hand» (стр. 499). Эта «православная бородка» делает образ, привлеченный для сравнения, более острым и выразительным, придает ему бытовую характерность.

Вслед за тем Белинский отмечает, что основная мысль романа истинна и благородна: «Автор хотел представить развратному, эгоистическому, обоготворившему златого тельца обществу зрелище несчастных, осужденных на невежество и нищету, а невежеством и нищетою — на порок и преступления» (стр. 469—470). Выделенным нами словам соответствуют в переводе более резкие и точные выражения: «закоснелому в эгоизме» («im Egoismus erstarrten») и «низших классов народа» («der unteren Volksklassen»). Кроме того, перевод дает возможность восстановить явный пропуск в смысловом и ритмико-синтаксическом строении заключительной части фразы: «...осужденных властью богатых («durch die Übermacht der Reichen») на нищету и невежество, а нищетою и невежеством на порок и преступления» (стр. 499). Развивая дальше свою мысль, Белинский говорит об «обществе», содрогнувшемся при виде этой картины, об «обществе», обвинившем автора в безнравственности. В переводе в обоих случаях вместо понятия «общество» находим: «богатые люди» (стр. 500).

Далее Белинский рисует образ человека-собственника, господина с толстым чревом, поглотившим в себя столько слез и крови беззащитной невинности. «Он, этот господин с головою осла на туловище быка, чаще всего и с особенным удовольствием говорит о нравственности» (стр. 470). Этот острый, гротескный образ становится более понятным и мотивированным при ссылке на Гранвиля, которая сохранилась в переводе: «dieses Modell für einen Grandville, mit dem Eselkopfe auf dem Rumpfe eines Stiers...» (стр. 500).

До сих пор нам было известно лишь единственное упоминание Белинского о Гранвиле, а именно о его рисунках к «Робинзону Крузо» (VII, 26). Приведенная выше фраза свидетельствует о том, что Белинский хорошо знал и ценил Гранвиля не только как иллюстратора, но и как карикатуриста, автора острых политических шаржей, созданных в эпоху революции 1830 г.

В русском тексте читаем: «К особенной черте характера нашего времени принадлежит то, что за всякую правду, за всякое благородное движение, за всякий честный поступок ⟨...⟩ вас сейчас назовут безнравственным» (стр. 470). Подчеркнутым нами расплывчатым выражениям в переводе соответствует более энергическое и определенное: «борьба за право и справедливость» («der Kampf für Recht und Wahrheit») (стр. 500).

К выражению «представители повыползли из своих нор» (стр. 471) в немецком тексте дано уточняющее слово: «представители, эти фабриканты законов...» («die Repräsentanten, die Gesetzfabrikanten»). Принадлежность этого острого и выразительного определения Белинскому несомненна. В несколько другом контексте оно дважды употреблено им в этой же статье и в обоих случаях сохранилось в русском тексте («Он [народ] уже не верит говорунам и фабрикантам законов...», стр. 472; «мещане, теперешние фабриканты законов во Франции», стр. 473).

После слов о том, что положение народа после июльских происшествий «значительно ухудшилось против прежнего» (стр. 471), в немецком тексте следует фраза, отсутствующая в русском тексте: «Это была милость

которою он был обязан хартии, за которую он так мужественно боролся» («Dies war der Segen, den es der Charte verdankte, für die es so todesmutig gekämpft hatte», стр. 501).

С болью и гневом пишет Белинский о бедствиях французского народа, которые «выше всякой меры, превосходят самые смелые выдумки фантазии». И вслед за тем он выражает непреклонную веру в неугасимые революционные силы народа, страдающего под пятою капитализма: «Но искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя; но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума» (стр. 472).

Подчеркнутым словам в переводе (стр. 502) соответствуют более определенные выражения, придающие мыслям критика значительно бо́льшую ясность: «Но еще не все искры благородного возбуждения» («nicht alle Funken edler Regung»). «Народ еще дитя...» («Das Volk ist noch ein Kind»).

В выражении «огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях „образованного общества"» (стр. 472) перевод сохранил характерный эпитет, отражающий гневное презрение критика к «зачумленным слоям „образованного общества"» («den verpesteten Schichten der „gebildeten Gesellschaft"», стр. 502). Вспомним, что в известном письме к Боткину, написанном в декабре 1847 г., оценивая «Письма из Avenue Marigny» Герцена, Белинский говорил, что «на больших капиталистов надо нападать, как на чуму и холеру современной Франции» («Письма», III, 328).

Говоря о цели, достигнутой романом, Белинский пишет: «может быть даже, что вследствие его французские законодатели поторопятся подумать о каких-нибудь способах к улучшению участи несчастных бедняков...» (стр. 483). Немецкий текст говорит о «медлительных законодателях» («die säumigen Gesetzgeber») и уточняет определение несчастных бедняков — «этих безвинных галерных рабов общества» («diesen schuldlosen Galeerensklaven der Gesellschaft», стр. 505).

Выражению «неизбежных жертв» (стр. 485) соответствует в переводе «достойных сожаления жертв» («die beklagenswerthen Opfer», стр. 506).

Помимо перечисленных деталей немецкий перевод дает возможность восстановить и более значительные части статьи, исчезнувшие по воле цензуры в журнальном ее тексте.

В самом начале статьи Белинский рисует эволюцию Э. Сю, который когда-то принадлежал к «сатанинской школе», а теперь «принялся за мораль, потому что разбогател...» (стр. 469). Не отмечено ли сознательно этим многоточием в печатном тексте «Отечественных записок» место цензурной купюры, которую мы теперь можем восстановить по переводу, где этот, полный скрытого сарказма, текст читается так: «Тогда он был еще не богат; с тех пор он разбогател и теперь избрал своей темой мораль. Потому что в настоящее время богатство оказывает сильнейшее воздействие на облагораживание человеческого рода и улучшение нравов, так что так называемые „беспокойные" головы находятся только в низших слоях общества, в то время как добродетель и вера растут в денежных мешках и вместе с ними, подобно устрице в ее раковине»*.

---

* «... er war damals noch unbemittelt, er ist seitdem reich geworden und hat jetzt die Moral zum Thema gewählt. Denn der Reichthum hat gegenwärtig die stärkste Einwirkung auf die Veredlung des Menschengeschlechts und die Verbesserung der Sitten, dergestalt, dass die sogenannten «unruhigen» Köpfe nur in den untern Regionen der Gesellschaft gefunden werden, während Tugend und Glaube in und mit den Geldsäcken wächst, wie die Auster in der Schaale» (стр. 499).

Характеристика политического положения во Франции после июльской революции, когда «представители, эти фабриканты законов <...> по трупам ловко дошли до власти», рассуждая при этом о «нравственности», дополняется в переводе следующим многозначительным сравнением: «у доброго честного короля была как бы во сне „украдена корона", как говорит Гамлет: человек, который тогда находил, что ему вполне подойдет корона его благодетеля и родственника, теперь так же красноречиво рассуждает о добродетели и морали»*.

Это сравнение торжествующей буржуазии с преступным королемубийцей из шекспировской трагедии очень резко подчеркивает революционно-демократическую точку зрения великого критика.

Еще более значителен другой пример. В журнальном тексте критическая оценка июльской революции заканчивается словами: «Бедствия народа в Париже выше всякой меры, превосходят самые смелые выдумки фантазии» (стр. 472). В немецком переводе этой фразой (и ей предшествующей) начинается новый абзац, продолжение которого полно глубокого значения:

«Рассмотрим теперь другую сторону картины: человек-собственник одержим злым гением стяжательства. Вся его жизнь — это непрерывная азартная игра, постоянный крик va banque! Ажиотаж, оппозиция в палате, подкуп избирателей, покровительство эфемерной власти, от которой зависит раздача выгодных должностей — все это зеленый стол, на который он ставит свой капитал. Неутолимая жажда собственности, ненасытный волчий голод по золоту составляет единственный пафос в жизни богачей, которые всегда хотят стать еще богаче; так называемые «таланты» (адвокаты, ученые, литераторы), у которых еще нет капитала, стремятся только к одному — обогатиться, а если они уже богаты — стать еще богаче. Отсюда можно сделать заключение о нравственном уровне общества. Там все продажно, от голоса до совести, там нет никакой другой веры кроме веры во власть денег. Это ужасающее состояние французского общества воодушевило энергического поэта на его потрясающее описание земли без небес»**.

В этом замечательном тексте мы действительно ощущаем благородный пафос негодования, который сохраняется даже при обратном переводе с немецкого. Мы слышим гневный голос великого революционно-демократического мыслителя, сурово и беспощадно осудившего буржуазный строй, в котором все подчинено власти чистогана, где в господствующем классе безраздельно царит дух продажности и стяжательства. Эта негодующая тирада, в значительной степени дополняющая наши представления о социологических воззрениях Белинского, свидетельствует об

* «Dem guten, ehrlichen König ward, wie im Schlaf, die Krone „vom Gesims gestohlen" wie Hamlet sagt: ein Mann, der da fand, dass ihm die Krone seines Wohltäters und Verwandten wohl anstände, spricht jetzt ebenfalls schönrednerisch von Tugend und Moral» (стр. 500—501)[32].

** «Betrachten wir jetzt eine andre Seite des Bildes: der Mann des Besitzes ist vom bösen Geiste der Gewinnsucht besessen. Sein Leben ist ein ununterbrochnes Hazardspiel, der fortwährende Ruf: va banque! Die Agiotage, die Opposition der Kammer, die Bestechung der Wähler, das Patronat der ephemeren Macht, von der die Vergebung einträglicher Aemter abhängt, — dies ist der grüne Tisch, wo er sein Vermögen einsetzt. Ein nicht zu stillender Durst nach Besitz, ein unersättlicher Wolfshunger nach Gold machen das einzige Pathos im Leben der Reichen aus, die immer reicher werden wollen, die sogenannten Kapazitäten (Advokaten, Gelehrte, Literaten), welche noch ohne Vermögen sind, haben nur ein Streben — sich zu bereichern, und haben sie sich bereichert, nur das — noch reicher zu werden. Hieraus lässt sich ein Schluss ziehen auf die Moralität einer Gesellschaft. Alles ist dort käuflich von der Stimme bis zum Gewissen, man glaubt an nichts Anderes, als an — die Macht des Geldes. Dieser furchtbare Zustand der französischen Gesellschaft begeisterte den energischen Dichter zu seiner ergreifenden Schilderung der Erde ohne Himmel» (стр. 502).

исключительной прозорливости его мысли, о революционной непримиримости его к господству капиталистического хищничества.

Последние слова из приведенной цитаты требуют дополнительного комментария. Кто этот «энергический поэт», которого вспомнил Белинский? У кого из французских поэтов дано «потрясающее описание земли без небес»? Это — Огюст Барбье с его гневно-обличительными «Ямбами», написанными под непосредственным впечатлением событий июльской революции 1830 г.

В заключающем «Ямбы» цикле из трех сатир, озаглавленном «Desperatio» («Безнадежность»), во второй из них мы находим образ, поразивший Белинского и надолго запомнившийся ему:

Plus de Dieu, rien au ciel! ah! malheur et misère!
Sans les cieux maintenant qu'est-ce donc que la terre? —
La terre! — Ce n'est plus qu'un triste et mauvais lieu,
Un tripot dégoûtant où l'or a tué Dieu,
Où, mourant d'un faim qui n'est point assovie,
L'homme a jauni sa face et décharné sa vie,
Où, vidant là son coeur, liberté, ciel, amour,
L'infâme a tout joué, tout perdu sans retour...
. . . .
Toute la cupidité le travaille et le mange,
Tout l'or, ce Dieu de boue, emplit son coeur de fange,
Tout le souffle de l'or sur son front abattu,
Avant le premier poil fait tomber la vertu! *[33]

Среди известных нам немногих кратких упоминаний Белинского о Барбье укажем одно, в статье «Разделение поэзии на роды и виды», где после оценки Беранже как единственного великого лирика во французской поэзии он пишет: «После его песен, достойны замечания проникнутые духом пластической древности элегии Андрея Шенье и ямбы энергического Барбье» (VI, 104). Примечательно это совпадение эпитета «энергический», которое свидетельствует о прочном, устойчивом восприятии русским критиком «Ямбов» Барбье. Более выразительная и конкретная оценка этого поэта в нашем тексте, по сравнению с ранее известными, придает ему существенное значение, которое, несомненно, оценят исследователи французской поэзии XIX в.[34]

Последний текст связан с характеристикой Диккенса, которого Белинский называет «человеком с огромным поэтическим талантом», противопоставляя его «бездарному» Э. Сю. Но, признавая достоинства Диккенса как художника, Белинский ясно видит и ограниченность его мировоззрения. «Как истинный англичанин, Диккенс исполнен сухого, фарисейского морализма нации, привыкшей подчинять справедливость политике, а нравственность — общественным выгодам. Как истинный художник, Диккенс верно изображает злодеев и извергов жертвами дурного общественного устройства, но как истинный англичанин, он никогда в этом не сознается даже самому себе» (стр. 484).

В журнальном тексте характеристика Диккенса на этом обрывается. В переводе находим продолжение, содержащее еще более решительное осуждение буржуазного лицемерия, свойственного английскому писателю.

---

* «Нет больше бога, пусты небеса! О! горе и бедствие! Что же теперь земля, лишенная небес? Земля! Теперь это только печальное и гнусное место; мерзкий притон, где золото убило бога; где, умирая от неутолимого голода, человек пожелтел и исчах, где, изгнав из сердца своего свободу, небо, любовь, нечестивец все бросил в игру и все безвозвратно потерял... Алчность терзает и гложет его, жажда золота — этого бога грязи — заливает его сердце тиной, и дыхание золота лишает его добродетели еще до того, как первый пушок успеет покрыть удрученное его лицо».

«В его глазах преступник — это враг гражданского порядка и спокойствия, и он с радостным рвением фанатика, который любуется муками инакомыслящего, посылает его через тюрьму и звон кандалов на эшафот. Он не хочет считаться с тем, что преступник такой же человек, как и другие, что многие люди не стали преступниками только потому, что у них не было повода к этому и что многих, одаренных от природы благородными порывами разума и сердца, толкнуло на преступление отчаяние, а на отчаяние — нужда, голод и все муки лишений»*.

6

Приведенный нами материал представляет значительный интерес для изучения истории цензурных притеснений, которым подвергались обычно статьи Белинского. Жалобы на то, что его статьи выходили из цензуры «ошельмованными», «страшно изуродованными», нередко встречаются в письмах Белинского (см. «Письма», III, 165, 185, 287, 297, 298—299). Но только в тех немногих случаях, когда до нас дошли рукописи этих «изуродованных» статей или когда подлинный текст статей был напечатан по утраченным позднее рукописям в Солдатенковском издании сочинений Белинского, мы имеем возможность судить о характере цензурных сокращений и о том, какие жестокие операции совершали цензоры над страстно-негодующими статьями основоположника русской революционно-демократической критики. К этим немногим статьям, цензурная история которых нам известна («Гамлет», «О жизни и сочинениях Кольцова», «Ответ Москвитянину», обзоры за 1846 и 1847 гг. и др.), теперь прибавляется еще одна, и притом такая значительная, как «Парижские тайны».

Сохраненный в немецком переводе доцензурный текст статьи, более ста лет остававшийся неизвестным, позволяет установить, что цензура проводила в отношении этой статьи совершенно определенную линию. Пропуская все самые резкие тирады критика по адресу торжествующей французской буржуазии, самые резкие и прямые оценки положения французского народа, обманутого и ограбленного торгашами и собственниками, цензура последовательно вычеркивала все те высказывания критика, в которых он от характеристики конкретного положения во Франции после июльской революции переходил к широким социологическим обобщениям. Именно эти полные благородного негодования обвинения по адресу собственнического мира, обвинения, которые могли быть легко переадресованы и поняты читателями применительно к русской действительности, дававшей не менее резкие примеры цинизма «богатых» и страданий «несчастных бедняков», были изъяты по воле царской цензуры.

Независимо от того, будут ли опубликованные нами материалы введены при последующих публикациях в основной текст статьи о «Парижских тайнах» (а нам это представляется единственно правильным) или же они будут использованы в комментариях к этой статье, ясно одно: в этих новых текстах содержится такое глубокое и беспощадно суровое осуждение Белинским буржуазного порядка с его безграничной властью денег, с его отвратительным бесстыдством и всеобщей продажностью, которое до сих

* «In seinen Augen ist der Verbrecher ein Feind der bürgerlichen Ordnung und Ruhe, und er führt ihn mit dem freudigen Eifer des Fanatikers, welcher seine Blicke an den Qualen des Andersdenkenden weidet, zum Chaffot durch Kerker und Kettengeklirr. Er will gar nichts davon wissen, dass der Verbrecher ebenso gut ein Mensch ist wie andre Leute, dass viele Menschen blos deshalb keine Verbrecher sind, weil ihnen die Gelegenheit fehlte es zu werden, und dass Viele wiederum, mit den edelsten Anlagen des Geistes und Herzens von der Natur ausgestattet, durch Verzweiflung zum Verbrechen getrieben werden, sowie durch Armuth, Hunger und alle Folterqualen der Entbehrung zur Verzweiflung» (стр. 506).

пор было нам известно только по его письмам к ближайшим друзьям (см., например, письмо к В. П. Боткину, написанное в декабре 1847 г.). Мимо этих новых текстов Белинского не сможет теперь пройти ни один читатель или исследователь, изучающий социально-политические воззрения гениального русского критика.

7

Материалы, положенные в основу настоящей статьи, являются результатом только первоначальных разысканий в области интересующей нас проблемы — Белинский на страницах немецкой печати середины прошлого столетия. Обследованные нами источники ограничены были лишь двумя периодическими изданиями за 1842—44 гг. Можно не сомневаться, что дальнейшие поиски помогут обнаружить еще новые данные для изучения путей распространения идей Белинского за границей для понимания тех оценок деятельности великого критика, которые предлагались зарубежному читателю того времени.

Поиски эти потребуют, несомненно, длительного времени и преодоления значительных трудностей при добывании редких изданий, не всегда наличествующих даже в крупнейших наших книгохранилищах. Имея в виду необходимость предварительного накопления фактов, мы публикуем здесь дополнительно крайне интересную характеристику Белинского, хотя по своему содержанию материал этот и не связан непосредственно со статьей о «Парижских тайнах».

В 1857 г. известная лейпцигская книгоиздательская фирма Ф.-А. Брокгауз начала выпускать серию дополнительных томов к законченному незадолго до того 10-му изданию энциклопедического словаря (Conversations-Lexicon). В первом из этих дополнительных томов, выходивших под названием «Наше время. Ежегодник энциклопедического словаря» («Unsere Zeit. Jahrbuch zum Conversations-Lexicon»), в разделе «Мелкие статьи», была напечатана нижеследующая статья о Белинском:

«Белинский (Виссарион Григорьевич), русский критик, род. в 1812 г., получил образование в Московском университете, где его товарищами были Герцен и Станкевич. Наибольшее влияние на его развитие (Bildung) оказал Надеждин, познакомивший его с Шеллингом, от учения которого он, однако, вскоре отказался, чтобы предаться изучению Гегеля и его последователей. В 1834—1836 гг. он принял деятельное участие в „Московском телескопе“, а с 1838 г., вместе со Станкевичем, Грановским и др., издавал собственный журнал под названием „Московский наблюдатель“, который, однако, уже в следующем году из-за недостатка денежных средств (aus Mangel an pecuniären Mitteln) должен был прекратить свое существование. В 1840 г. Б. переселился в Петербург, где он взял на себя критический отдел во вновь основанных „Отечественных записках“, которые под его руководством (unter seinen Auspicien) стали самым читаемым журналом в России. Несмотря на строгую цензуру, Б., действуя со столь же большой смелостью, как и искусством, способствовал распространению либеральных идей в своем отечестве; он избрал своим предметом (zum Thema nahm) сатирические произведения Гоголя и его школы, чтобы повести ожесточенную борьбу (einen unerbittlichen Krieg) против социального зла, источник которого он указывал скрытым, но все же достаточно понятным для публики образом в деспотической форме правления и в отсутствии гуманных воззрений у правительства и среди народа. На страницах „Отечественных записок“ появились впервые романы Герцена и Достоевского; обнаженным изображением состояния русского общества они возбудили исключительный интерес и послужили практическим комментарием к теоретическим рассуждениям (den theoretischen Expositionen) Б-го. С 1847 г.

Б. продолжал свою деятельность в том же направлении в „Современнике", пока события 1848 г. не обратили внимания правительства на тенденции учения, проповедуемого у него на глазах, и не побудили его принять более строгие меры против печати. Еще в начале этого кризиса, дальнейшее развитие которого привело его единомышленников к тюрьме и изгнанию, Б. умер в Петербурге 26 мая (7 июня) 1848 г. Жизненный путь этого гениального человека, который сочетал обширные знания и редкое мастерство стиля с пламенным стремлением к свободе и справедливости, представляет собой один из привлекательнейших эпизодов в истории русской литературы; однако в России он сможет быть описан только при условии полной свободы печати. Кроме многочисленных статей в названных журналах, Б. опубликовал еще жизнеописание поэта Кольцова (1844) и очерк литературной деятельности Полевого (1846)»[35].

В предыдущем 9-м издании энциклопедического словаря Брокгауза ни в основных томах, ни в дополнениях, выходивших с 1848 по 1856 г.[36], имя Белинского не встречается. Таким образом, приведенную выше статью можно с уверенностью считать первым упоминанием о Белинском на страницах широко распространенного справочника, каким был брокгаузовский словарь.

Но и помимо этого обстоятельства статья представляет для нас существенный интерес по содержанию: относительной точностью излагаемых в ней фактов[37] и, самое главное, точным определением огромного значения Белинского для русской литературы и подчеркиванием противоправительственного, освободительного характера его идей.

Необычность статьи, явно выпадающей из общего тона словаря, становится особенно ясной при сравнении с новой ее редакцией, напечатанной несколькими годами позднее в 11-м издании энциклопедии Брокгауза[38]. Мы уже не находим здесь указания на строгую цензуру, в условиях которой Белинскому приходилось бороться с социальным злом; здесь отсутствует мысль о преимущественном внимании критика к сатирическим произведениям Гоголя и его школы. Вся заключительная часть статьи оказалась снятой, а вместо нее давалась новая, пристрастная и односторонняя оценка Белинского: «Как русский стилист, Б. был превзойден только Герценом; как критик он не всегда был справедлив в своих приговорах, потому что он слишком руководствовался субъективными настроениями и антипатиями, и вообще всегда подчинял литературные цели политическим».

Вопрос о том, кто мог быть автором статьи, позднее так радикально измененной редакцией словаря, в настоящее время не может быть разрешен. Но мы считаем возможным высказать предположение, что автором (или непосредственным вдохновителем) ее мог быть только русский литератор, хорошо осведомленный в русской литературной жизни и, несомненно, принадлежавший к числу убежденных последователей Белинского.

При той напряженности, которой достигла к середине 1850-х годов политическая и литературно-журнальная борьба в России, в условиях той ревизии идей Белинского, которую производили критики либерального лагеря, выступить с безоговорочным утверждением авторитета Белинского, как «гениального человека», мог только писатель, воспитанный на идеях Белинского.

Неизвестный автор статьи поставил поэтому в тесную связь учение Белинского с практикой писателей гоголевской школы, из числа которых он с большим политическим тактом назвал только двоих, и именно тех, кому это упоминание рядом с Белинским не могло принести никаких последствий: один из них находился в ссылке, другой давно стал политическим изгнанником.

Характерно здесь и дважды повторенное указание на близость Белинского к Станкевичу, и упоминание в одном ряду Станкевича и Грановского. Вряд ли мы ошибемся, если будем искать автора статьи среди друзей и единомышленников этих русских деятелей, среди тех людей, для которых и в половине 1850-х годов эти имена сохраняли свое значение.

Не исключена возможность, что статья была непосредственно написана одним из немецких критиков на основе информации, полученной им из русского источника. Таким критиком мог быть, скорее всего, Фарнгаген фон-Энзе, высоко ценивший, как мы уже видели, Белинского, хорошо ориентированный в области русской литературы и обладавший личными связями с целым рядом русских писателей. Это тем более вероятно, что Фарнгаген фон-Энзе был долгие годы связан с издательством Брокгауза, печатавшим его книги, и постоянно сотрудничал в энциклопедическом словаре Брокгауза, о чем сообщается в биографии основателя фирмы, написанной его сыном и преемником[39]. Если наше предположение справедливо, тогда понятным становится, почему текст статьи для нового издания словаря, вышедшего в свет уже после смерти Фарнгагена фон-Энзе (умер в 1858 г.), был подвергнут радикальной переработке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 16, стр. 293. Статья «Л. Н. Толстой».

[2] А. Лаврецкий. О мировом значении критики Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, М., 1948, стр. 17.

[3] «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland». Herausgegeben von A. Erman, 1841, Berlin, Erstes Heft, стр. 231—238. Журнал этот был основан по инициативе министра финансов Канкрина и должен был служить для ознакомления немецкого общества с экономическим состоянием России, с развитием русской науки и культуры.

[4] «Архив для научного изучения России», 1841, т. I, стр. 236.

[5] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, Т. III, Пг., 1919, стр. 351. В дневнике Герцена за 1844 г. находим еще два упоминания о статьях, напечатанных в «Allgemeine Zeitung», которую он, очевидно, регулярно читал в это время (см. записи от 18 января и 17 июля,— там же, стр. 302 и 338).

[6] См. комментарий к статье «Парижские тайны» в трехтомном собрании сочинений Белинского (т. II, М., 1948, стр. 908).

[7] Текст корреспонденции в «Allgemeine Zeitung» был впервые обнаружен С. А. Макашиным, которому автор выражает благодарность за это указание, так же как и за ряд других, использованных в настоящей статье.

[8] В тексте «Всеобщей газеты», как и в «Газете для элегантного мира», откуда была заимствована настоящая заметка, имя критика было напечатано с искажением — Pojelinski вместо Bielinski (ошибка, легко объяснимая смешением при наборе рукописного начертания буквы «В» с буквами «Ро»).

[9] Количество подписчиков «Всеобщей газеты» в середине 1840-х годов достигало 9—11 тыс. См. L. Salomon. Geschichte des deutschen Zeitungswesen, Leipzig, 1906, т. III, стр. 461 и 622.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, М.— Л., 1928, стр. 220. Подчеркнуто Марксом. См. также статью Маркса «Полемическая тактика Аугсбургской газеты» (там же, стр. 261—264).

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIX, М.— Л., 1946, стр. 431. Подчеркнуто Марксом.

[12] Статья «Der neueste keiserlich-russische Ukas über die Freilassung der leibeigenen Hofdiener vom Julius 1844» — «Allgemeine Zeitung», 1844, № 266 и 267 от 22 и 23 сентября. Автор дает в своей статье содержательный исторический очерк происхождения крепостного права в России и подробно анализирует современное ему положение крепостных крестьян и дворовых, обнаруживая при этом хорошее знание русской жизни.

Незадолго до «Всеобщей газеты» и независимо от нее эту же статью опубликовала лейпцигская «Немецкая всеобщая газета». Авторство Александра Гумбольдта было раскрыто во франкфуртской газете «Journal de Francfort», 1844, № 333 от 2 декабря

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, М.— Л., 1929, стр. 34—35.

[14] «Zeitung für die elegante Welt», 1844, № 32 от 7 августа, стр. 497. В дальнейшем при ссылках на эту статью указываются только страницы.

[15] Интересно вспомнить ту характеристику «Юной Германии», которую давал на страницах «Отечественных записок» в 1840 г. Я. Неверов в обзоре «Германская литература в последнее десятилетие»: «„Юная Германия“ есть не что иное, как представительница переворота, совершающегося в нашу эпоху, переворота, состоящего в уничтожении литературно-эстетической отдельности и сближении литературы с жизнию, но представительница заносчивая, крикливая, уклоняющаяся от своей цели и с прямой дороги сбивающаяся в кривые закоулки, в которых она часто сама падает в грязь и нечистоту».

Характеризуя наиболее видных участников этой литературной партии, Неверов посвящает несколько строк и Г. Лаубе, высказывая здесь весьма скептическое мнение о писателе, пользовавшемся у себя на родине шумным успехом: «Генрих Лаубе принадлежит к самым дерзким, поверхностным, пустым, но вместе с тем приятнейшим рассказчикам. Он никогда не занимался серьезно наукой, и, будучи чужд ее интересам, посвятил себя исключительно литературной болтливости ⟨...⟩ В своих критиках и характеристиках он всегда схватывает только внешнюю сторону ⟨...⟩ Но для важного, высокого и истинно изящного у него просто нет чувства...» («Отеч. записки», 1840, т. X, № 5; «Наука и художества», стр. 44 и 47—48).

Это суждение Неверова было не единственным упоминанием «Отечественных записок» о Лаубе. В 1839 г. в статье «Германская литература», написанной берлинским литератором Булем и присланной в редакцию журнала Фарнгагеном фон-Энзе, читаем сообщение о Лаубе: «Лаубе, находящийся теперь в Париже, употребил время своего заточения в Мускау для обработывания истории немецкой литературы, от которой нельзя ожидать ничего глубокого; но во всяком случае это будет труд приятный и остроумный» («Отеч. записки», 1839, т. V, № 8; «Современная библиографическая хроника», стр. 100).

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, М.— Л., 1930, стр. 25.

[17] Ф. Энгельс. Александр Юнг и «Молодая Германия».— Сочинения, т. II, М.— Л., 1929, стр. 252.

[18] L. Salomon. Geschichte des deutschen Zeitungswesens, Leipzig, 1906, т. III, стр. 525. В книге Саломона (тт. II и III) собран обильный фактический материал по истории «Газеты для элегантного мира».

[19] Ф. Энгельс. Письмо к А. Бебелю от 16 декабря 1879 г.— Сочинения, т. XXVII, М.— Л., 1935, стр. 76.

[20] «Отеч. записки», 1841, т. XVI, № 5, «Иностранная литература», стр. 18; статья М. Каткова «Германская литература».

[21] «Отеч. записки», 1841, т. XV, № 4. Смесь. «Разные известия», стр. 122—124.

[22] «Zeitung für die elegante Welt», 1842, № 169. Некоторые сведения о Р. Липперте см. в статье В. Мануйлова «Лермонтов и Краевский» («Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 375 и 387). Два письма Липперта к Краевскому (1843 и 1855 гг.) хранятся в архиве Краевского в рукописном отделе Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. См. также в наст. томе, стр. 153.

[23] «Отеч. записки», 1842, т. XX, № 1; «Иностранная литература», стр. 24.

[24] *Отчет имп. публичной библиотеки за 1889 год. Приложение, стр. 55.*

[25] Герцен. Полн. собр. соч., т. II, стр. 433. Письмо Н. Х. Кетчеру, от 26 мая 1841 г.

[26] Там же, т. VIII, стр. 548. Письмо А. А. Краевскому от 5 июля 1857 г.

[27] «Zeitung für die elegante Welt», 1844, № 32, стр. 497—498.

[28] Характеристика Белинского дана в газете на стр. 498.

[29] См. стр. 478—483 венгеровского издания и стр. 504 немецкого перевода.

[30] «Отеч. записки», 1844, т. XXXIII, № 4, отд. 5, стр. 21—36. Ценз. разр. около 31 марта 1844 г.

[31] Правда, при этих предположениях приходится иметь в виду, что между моментом получения статьи Липпертом и окончанием ее перевода прошло около четырех месяцев — срок, слишком большой для работы, которая была связана с острым злободневным интересом к роману Э. Сю. Хотя не исключена возможность, что перевод, уже доставленный в редакцию «Элегантной газеты», мог там пролежать некоторое время, дожидаясь включения в один из очередных номеров.

[32] Выделенный текст дан разрядкой в немецком переводе. Кому принадлежит это подчеркивание — переводчику или автору статьи, остается неизвестным. В выражении «vom Gesims gestohlen» (буквально: украдена с карниза, с выступа) мы оставляем без перевода слово «Gesims», которого не могло быть в оригинале статьи: это слово, отсутствующее как в английском тексте, так и в известных Белинскому переводах «Гамлета» Н. Полевого и М. Вронченко, было заимствовано переводчиком из немецкого перевода А. В. Шлегеля.

[33] Цитируем по изданию: «Les Feuilles d'automne, par Victor Hugo, suivi de plusieurs pièces nouvelles, et des Jambes, par Auguste Barbier», Bruxelles — Leipzig, 1832, стр. 209.

[34] Любопытно, что Герцен, перед которым в 1847 г. раскрылась вся гнусность и подлость буржуазной Франции, также писал о «Париже, описанном в „Ямбах“

Барбье, в романе Сю» (см. «Письма из Франции и Италии». — Полн. собр. соч. и писем. т., VI, Пг. 1919, стр. 65.

[35] «Unsere Zeit. Jahrbuch zum Conversations-Lexicon», Band I, Leipzig, F.-A. Brockhaus, 1857, стр. 665—666. Указание на эту статью было любезно сообщено редакции «Лит. наследства» М. П. Алексеевым, которому автор выражает свою искреннюю благодарность.

[36] Die Gegenwart. Eine Encyklopädische Darstellung der neuesten Zeitgeschichte für alle Stände, 12 томов, Лейпциг, 1848—1856.

[37] К числу отдельных неточностей относятся: ошибочные даты рождения Белинского, переезда его в Петербург и выхода в свет жизнеописания Кольцова; ошибочно также наименование журнала Надеждина «Московским телескопом».

[38] «Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie für die gebildeten Stände, Conversations-Lexicon». 11-е переработанное, улучшенное и расширенное издание в 15 томах. См. т. III, 1864, стр. 302—303.

[39] См. H.- E. Brockhaus «Friedrich-Arnold Brockhaus», т. II, Лейпциг, 1878, стр. 212. Имя Фарнгагена фон-Энзе указано также в списке сотрудников Энциклопедического словаря Брокгауза, помещенном в т. XV одиннадцатого его издания. Там же в числе сотрудников назван д-р Иоганн-Петер Иордан из Праги. Это дает возможность предположить также авторство Иордана в отношении цитированной нами статьи о Белинском (о связи Иордана с «Отеч. записками» и о его интересе к Белинскому см. выше статью М. П. Алексеева).

ОТЗЫВЫ О БЕЛИНСКОМ В «LA REVUE INDÉPENDANTE»

Статья Л. Ланского

Радикальный французский журнал «La revue indépendante» («Независимое обозрение»), основанный в Париже в 1841 г. Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо, значительной частью успеха, как в самой Франции, так и за границей, был обязан своему критико-библиографическому отделу. Журнал уделял много внимания рецензированию произведений социалистической литературы, а также других книг и статей по вопросам политики, истории и философии. Не ограничиваясь разбором французских изданий, редакция с марта 1847 г. завела раздел — «Перечень основных публикаций на разных европейских языках», в котором освещалась умственная жизнь других европейских народов. В этом разделе время от времени появлялись отчеты о произведениях русской научной мысли и литературы, причем справки об авторах этих произведений ограничивались, как правило, био-библиографическими данными, что не было простой случайностью. В отзыве на «Обыкновенную историю» Гончарова редакция «La revue indépendante» писала: «К сожалению, мы вынуждены ограничиваться лишь сообщением названий работ современных русских авторов. Эти авторы живы, они находятся в России, и было бы неосторожно с нашей стороны подвергать рассмотрению их тенденции» (1847, т. IX, № 2, стр. 317).

Изучение отзывов о русской литературе, опубликованных в «La revue indépendante», дает возможность предположить, что основную информацию об умственной жизни России журнал получал от И. С. Тургенева, тесно связанного с Луи Виардо, и, вероятно, от А. И. Герцена, сразу же по переезде в Париж сблизившегося с французскими радикальными кругами, выразителем которых было «La revue indépendante». Нельзя не отметить, что Герцену посвящено наибольшее число заметок в библиографическом перечне журнала: отчеты о «Письмах об изучении природы» (т. VIII, № 4), «Дилетантизме в науке» (т. IX, № 1) и о повести «Кто виноват?» (т. IX, № 2). В последнем отзыве рецензент писал:

«Мы уже неоднократно имели случай упоминать о произведениях этого остроумного писателя ⟨...⟩ Предшествующие произведения показали нам, что талант автора оказался не ниже его намерений. Нет сомнения, что это направление принесет большую пользу моральному состоянию России».

В том же номере, где редакция оговаривала свою *вынужденную* сдержанность по отношению к политической характеристике русских писателей, находившихся в оппозиции к существовавшему в России режиму, нам удалось обнаружить упоминание о Белинском. Это первое, насколько нам известно, упоминание о великом критике во французской периодической печати [1]. Давая отчет о сборнике стихотворений А. В. Кольцова, вышедшем незадолго до того в Петербурге под редакцией Белинского и с его же биографическим очерком, рецензент «La revue indépendante»

писал: «Со времен Пушкина и Лермонтова*, стихотворения Кольцова, несомненно, являются наивысшим проявлением русского поэтического гения. Кольцов был простым крестьянином, и всем своим воодушевлением он обязан тому естественному вдохновению, которым мы восхищаемся в народных песнях. Он умер в самом цветущем возрасте, и это позволяет нам сказать, нисколько его этим не унижая, что его творения дышат той дикой энергией и мрачной грустью, которые являются следствием сильной и чувствительной натуры, угнетаемой тиранией. Именно личность Кольцова нам показывает, что в России есть народ и что из недр этого народа может выйти в один прекрасный день некий Спартак. Г-н Белинский, русский литератор, сопроводил песни крестьянского поэта биографическим очерком, равно как и оценкой его сочинений» (стр. 285).

Важно отметить, что революционный вывод, сделанный в этом отзыве рецензентом «La revue indépendante», самым естественным образом вытекает из содержания очерка Белинского, не имевшего возможности в условиях подцензурной печати открыто высказать свою мысль.

В первой июньской книжке «La revue indépendante» за 1847 г. мы снова встречаем упоминание о Белинском, на этот раз гораздо более выразительное.

Разбирая помещенную в первом номере «Современника» за 1847 г. известную статью К. Д. Кавелина «Юридический быт древней России», рецензент пишет: «Г-н Кавелин, автор этой книги, принадлежит к той новой исторической школе, которая, в последнее время, стала во главе литературы и прогресса в России. Этот исследовательский труд, выполненный с редкой ясностью, делает честь новой школе, которая насчитывает уже в своих рядах таких выдающихся писателей (des litterateurs aussi distingués), как гг. Белинский и Грановский»[2].

Отзыв этот, как и первый, оставшийся неизвестным исследователям Белинского, не прошел незамеченным в русской печати 1840-х годов и вызвал в ней довольно резкую полемику.

В № 170 «Северной пчелы» от 29 июля 1847 г., в своем фельетоне «Смесь» Ф. Б⟨улгарин⟩ перепечатал этот отзыв, снабдив его издевательским комментарием. «Некоторые иностранные журналы, — писал он, — сообщают всемирную библиографию, не забывая о России. Как верны эти известия, можете судить по прилагаемому образцу. Вот что напечатано в „Revue indépendante", 10 juin, 1847, стр. 349». Приводя далее полностью по-французски и в русском переводе уже цитированный нами отзыв «La revue indépendante» о работе Кавелина, Булгарин продолжает:

«Любопытно было бы знать, кто сообщает эти верные известия во французские журналы! Но если это только мистификация, то должно сознаться, что шутка забавная. Книги под заглавием „Юридический вид древней России" мы до сих пор не видали, хотя она, может быть, и существует, а о новой исторической школе, стоящей во главе русской литературы и прогресса, даже не слыхали, да и сомневаемся, чтоб у нас были люди, почитающие себя предводителями литературы и прогресса. Что же касается до гг. Белинского и Грановского, litterateurs aussi distingués, то вероятно они написали что-либо важное и замечательное по-французски, потому что в русской литературе не существует их трудов, которые бы могли им доставить такое громкое прилагательное. Верьте после этого иностранным известиям о России!»

Наглая выходка Булгарина не осталась без ответа. 1 августа вышла

* В журнале опечатка: «Lemonossoff».

очередная, восьмая книжка «Современника», подготовленная к печати уже в отсутствие Белинского, находившегося на излечении за границей. В отделе «Смесь» (стр. 129) редакция поместила следующую едкую заметку: «В одной книжке „La revue indépendante" (10 juin 1847, стр. 349) напечатано известие о статье г. Кавелина „Юридический быт древней России", где ошибкой сказано, что статья эта напечатана о т д е л ь н о й к н и ж к о й. Далее в известии говорится, что статья эта исполнена с редкой ясностью и что г. Кавелин принадлежит к новой исторической школе; здесь же упомянуты имена гг. Грановского и Белинского, как замечательных деятелей нового литературного движения... Пользуясь ошибкой французского журнала (ошибкой очень невинной — в сравнении с теми нелепостями, которые сплошь и рядом печатаются за границей о России и русской литературе), г. Ф. Б. в 170 № „Сев. пчелы" с торжеством объявляет, что он н е в и д а л статьи под названием „Юридический быт древней России" и что вероятно гг. Белинский и Грановский написали что-либо важное и замечательное на ф р а н ц у з с к о м языке... Если б г. Ф. Б. удостаивал иногда заглядывать в нашу современную литературу, то, поправляя французский журнал, не впал бы сам в грубую и странную, если не произвольную ошибку: по крайней мере не сознался бы что не видал статьи „Юридический быт древней России", потому что статья эта не далее осьми месяцев назад тому напечатана в „Современнике" („Совр.", № 1, отд. II) и не удивился бы, что на нее обращено внимание даже за границей.

Если г. Ф. Б. не замечает, что профессора московского университета гг. Кавелин и Соловьев действительно начинают в русской исторической литературе новую школу, и что статья „Юридический быт" есть именно одна из тех, в которых особенно ярко выразился новый взгляд на события русской истории,— то конечно это уже вина не г. Кавелина. Что же касается до гг. Белинского и Грановского, то мы достоверно знаем, что на французском языке они не писали; но труды их на русском языке известны всей образованной и современной русской публике. Теперь уже не тайна, что̀ написал Белинский в продолжение осьмилетнего сотрудничества в одном известном журнале, которому своими трудами он придал направление и вес в публике и доверие. На публичные лекции г. Грановского стекалась вся образованная московская публика... Если вы не знаете или не хотите знать всего этого,— вам же стыдно! Но мы нисколько не намерены входить в спор с г. Ф. Б. о значительности или незначительности трудов гг. Кавелина, Грановского и Белинского. Мы только указали на выходку Ф. Б. как на замечательный в своем роде факт. Все дело вот в чем: г. Ф. Б. некогда также занимался историческими трудами, но об этих трудах французские журналы ни слова,— между тем один из них отозвался с похвалою о труде г. Кавелина, который несколько лет назад не был еще известен даже и русской публике... Как же не досадовать на французский журнал, не уважающий старых заслуженных русских литераторов и не обращающий внимания на их двадцатипятилетнюю деятельность, ознаменованную примерным бескорыстием, беспредельною любовию к правде?.. Мы совершенно понимаем положение г. Ф. Б. и причину его негодования против французского журнала!»

Автором этой заметки, по всей вероятности, был И. И. Панаев, постоянный фельетонист «Современника», или же Н. А. Некрасов, публицистические работы которого в «Современнике» до сих пор выявлены только частично.

Полемика, однако, на этом не закончилась. Получив энергичную отповедь, сам Булгарин не счел возможным снова выступить от своего имени и препоручил своему подручному фельетонисту Я. Я. Я. (Л. В. Бранту) отшутиться, оставив за «Северной пчелой» последнее слово. В очередном

фельетоне, разбирая содержание августовских номеров петербургских журналов, Брант, как будто между прочим, бросает следующую фразу: «„Современник“ вступается за гг. Грановского и Белинского, именуя их „замечательными деятелями нового литературного движения“, прославившимися за границею, ибо в своем городе, по пословице, „никто пророком не бывает“, новое литературное движение, когда словесность наша давно уже ни с места! Подобными громкими фразами и выходками против авторитетов, всеми признанных, натуральная школа думает прикрыть собственную пустоту и бесталанность своих представителей ⟨...⟩ „Современник“ снял личину и теперь представляет второй экземпляр „Отеч. записок“. Яблоко не далеко падает от яблони, а это все яблоки с одного дерева» («Северная пчела», № 179 от 9 августа 1847 г.). На отзыв о Белинском, как «замечательном деятеле нового литературного движения», иронически ссылается Брант и в другом своем фельетоне — в «Северной пчеле» от 16 августа 1847 г.

Таким образом, справедливая оценка Белинского авторитетным органом европейской революционной и социалистической интеллигенции вызвала нескрываемое озлобление в лагере реакции и явное удовлетворение среди передовой, демократической части русского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Неполную сводку позднейших (уже не прижизненных) упоминаний о Белинском во французской литературе—см. в «Критических заметках» Ф. Я. Прийма: «Белинский во французской литературе».—сб. Ленингр. гос. ун-та «Белинский. Статьи и материалы», Л., 1949, стр. 247—255.

[2] Подобно многим, даже и русским своим современникам, анонимный автор рецензии в «La revue indépendante» «объединяет» в одной группе идейных руководителей «новой школы, вставшей во главе литературы и прогресса в России», революционного демократа Белинского и либерала Грановского (а также Кавелина). Ошибочность такого близорукого, исторически не оправданного освещения русской идейной жизни сороковых годов совершенно очевидна для современного читателя.

БЕЛИНСКИЙ И ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Статья Р. Карлиной

Куда бы ни проникала русская литература, на каких бы языках она ни звучала,— она всегда оставляла глубокий след в творчестве наиболее прогрессивных писателей различных стран.

Плодотворное воздействие русской литературы простирается и на Запад и на Восток, однако значение ее в странах Востока пока еще мало изучено; эта проблема только в наши дни становится предметом подлинной научной разработки.

Исследование влияния русской литературы на японскую еще раз доказывает нам всю силу и значительность ее творческого воздействия; оно сказывается не только на отдельных произведениях разных японских авторов, но, как указывает проф. Н. И. Конрад,— «...русские классики сыграли немалую роль в оформлении целых литературных направлений, и при этом важнейших в истории этой 〈т. е. японской.— *Р. К.*〉 литературы» [1].

Огромное значение русской литературы для литературного развития Японии признается в целом ряде наиболее серьезных работ японских исследователей. Исключительно высоко оценивают это значение прогрессивные общественно-литературные деятели современной Японии. Так, известный писатель и литературный критик Акита Удзяку (в настоящее время вступивший в ряды японской компартии) по поводу иностранных влияний на японскую литературу писал: «...Я считаю, что наиболее сильным было, разумеется, влияние русской литературы»; «...Влияние русской литературы носило совершенно особый характер».

Произведения русских классиков послужили для японских писателей не только образцами художественного мастерства — «...у русской литературы мы учились и учимся жизни, — подчеркивает Акита. — Что такое жизнь? Как нужно правильно жить? — Вот вопросы, которые встали перед нами»[2].

Такое же суждение о роли русской литературы неоднократно высказывал и другой современный писатель-коммунист, виднейший революционно-демократический деятель — Фудзимори Сэйкити [3].

Плодотворность воздействия русской литературы признается и большинством буржуазных японских литературоведов; имеются даже отдельные статьи на эту тему [4].

Особенно значительно было это воздействие при возникновении и становлении японской реалистической литературы в 80-е — 90-е годы прошлого столетия. Произведения русских классиков XIX в., именно в те годы начинавшие проникать в Японию, оказали прямое влияние на этот процесс.

Однако возникновение и формирование реалистического романа, составившие особый и притом важнейший этап в истории японской литературы нового времени, ознаменовано не только влиянием русской художественной литературы XIX в. На формирование этого романа большое влияние

оказала и передовая русская философская и литературно-эстетическая мысль — идеи Белинского, Чернышевского и Добролюбова, в особенности Белинского.

Некоторое раскрытие этого факта, до сих пор еще совершенно не исследованного советским японоведением и не понятого по-настоящему японским литературоведением, и составляет цель настоящей статьи.

Основоположником японского реалистического романа нового времени является писатель Хасэгава Тацуноскэ, более известный под псевдонимом Фтабатэй Симэй (1864—1909). Это был знаток и ценитель русской литературы, глубоко повлиявшей на его собственное творчество, талантливый переводчик с русского, первый в полноценных художественных переводах познакомивший японское общество с произведениями наших классиков. Мы считаем возможным утверждать, что литературные воззрения Фтабатэя непосредственно восходят к идеям великого русского критика-демократа Белинского.

* * *

Хасэгава Тацуноскэ (Фтабатэй Симэй) родился в 1864 г. в городе Эдо (теперешнем Токио), в старой самурайской семье. В этой семье, довольно культурной для своего времени, много читали, хорошо знали и любили японских и китайских классиков. Пристрастие к старой феодальной культуре, присущее семье писателя, не носило, однако, реакционного характера и не помешало проникновению в эту среду либеральных веяний и настроений. Падение феодального режима (1868 — 71 гг.) было здесь встречено с восторгом; отец Фтабатэя сразу же поступил на службу к новому правительству, а сам Фтабатэй рассказывает, что он «с детских лет был пламенным приверженцем реформы Мэйдзи» [5].

Закончив среднюю школу, Фтабатэй решил избрать в дальнейшем дипломатическую карьеру, причем сфера будущей деятельности представлялась ему связанной с Россией, взаимоотношения с которой расценивались тогда как один из наиболее серьезных вопросов международного положения Японии. Для подготовки к этой карьере Фтабатэй в 1881 г. поступил на русское отделение Токийского института иностранных языков. Здесь он проучился почти пять лет, и эти пять лет определили всю его дальнейшую судьбу.

Основным предметом преподавания на русском отделении был русский язык. Однако наряду с ним учащихся знакомили и с русской литературой. Благодаря этому, а также вследствие своего особого интереса к литературе Фтабатэй познакомился с основными работами Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова еще на студенческой скамье. Сочинениями Белинского Фтабатэй, по собственному признанию, в эти годы прямо зачитывался.

Произведения русских писателей привели молодого Фтабатэя к мысли, что художественная литература — не только развлечение; что, будучи неразрывно связана с общественной жизнью, она является путем к познанию окружающего, действенным средством, направляющим сознание людей. Тем самым яснее становились для него задачи, вставшие в те годы перед литературой его собственной страны.

Об этих складывавшихся у него совершенно новых для японского читателя того времени взглядах на литературу Фтабатэй сам говорил в своей «Исповеди»: «У меня возник глубокий интерес к изучению и анализу ⟨...⟩ тех проблем, которыми занимаются русские писатели, иначе говоря, интерес к изучению социальных явлений с литературных позиций,— то, чего совершенно нет в литературе Востока» [6].

Это увлечение по-новому понятой литературой привело к тому, что мысль о дипломатической карьере была отброшена, и по выходе из инсти-

тута все стремления Фтабатэя сосредоточиваются на литературной работе.

Умер Фтабатэй в возрасте сорока пяти лет (30 мая 1909 г.). В различные годы своей жизни он был преподавателем русского языка и литературы, переводчиком в отделе печати при кабинете министров, журналистом, газетным корреспондентом, но главным полем его деятельности была художественная литература, причем весь его творческий путь с начала и до конца оказался связан с русской литературой. Под ее влиянием определилось реалистическое направление его собственного творчества, его тяготение к социальной тематике, к жанру социально-психологического романа. Фтабатэй сам не раз говорил, что как писатель он учился у русских авторов; своими учителями он называл Тургенева и Гончарова [7] и открыто заявлял, что тема его первого большого романа «Плывущее облако» навеяна романом Гончарова «Обрыв»[8]. Его переводческая деятельность, заслуженно получившая общее признание, также связана с русской литературой — с произведениями Тургенева, Гоголя, Горького, Толстого, Гаршина и др.

Всего им сделано свыше 30 литературных переводов с русского, в том числе переводы таких значительных вещей, как «Отцы и дети», «Рудин», «Дым», «Ася» Тургенева, «Старосветские помещики», «Записки сумасшедшего», «Портрет» Гоголя и др. С русской литературой связана и его работа как литературного критика: им опубликован ряд заметок и очерков, где он характеризует произведения Гончарова, Тургенева, Горького и других русских писателей. Наконец, его работа по созданию нового литературного языка и стиля носит отчетливые следы влияния русских классиков. А его суждения о литературе, ее сущности, целях и задачах представляют собой переведенные на японский язык и слегка видоизмененные высказывания Белинского, Добролюбова и Чернышевского.

Но если Фтабатэй прямо указывает, кто из русских авторов и какие их произведения послужили образцами для его собственных романов, то по отношению к русским критикам он ограничивается лишь признанием общего идейного влияния, оказанного на него Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым.

Однако такое, хотя и неоднократно делавшееся, признание не дает даже приблизительного представления о том, что именно и в какой мере почерпнул Фтабатэй в трудах русских критиков-философов, тем более что заимствования делаются им без каких-либо ссылок на источник и, как правило, подаются без кавычек. Таким образом становится необходимым нам самим разобраться в объеме и характере этих заимствований.

В пределах данного сообщения мы ограничимся разбором зависимости литературных воззрений Фтабатэя (Хасэгава) от трудов великого русского мыслителя — Белинского.

В нашем распоряжении в качестве материала имелись переводы двух статей Белинского, сделанные Фтабатэем, его собственная статья «Сёсэцу сорон» («Теория романа») 1886 г., и ряд других статей и отдельных заметок более позднего времени, где он излагает свои взгляды на литературу в виде отдельных суждений.

В 1885 г., еще будучи студентом, Фтабатэй перевел статью Белинского «Идея искусства»; повидимому, к этому же времени относится перевод раздела «Драматическая поэзия» из статьи Белинского «Разделение поэзии на роды и виды». Эти переводы Фтабатэй не опубликовал; после его смерти среди его бумаг была найдена рукопись, озаглавленная «Бидзюцу-но хонги» («Значение искусства»), с пометкой: «12-й том сочинений г-на Б.», содержащая переводы указанных статей Белинского. Впервые эти переводы были напечатаны только в 1928 г., т. е. почти 20 лет спустя после смерти Фтабатэя [9].

Сразу же по выходе из института, в январе 1886 г., Фтабатэй познакомился с одним из наиболее видных литературных деятелей тех лет — писателем Цубоути Сё̄ё̄ (1859—1935), уже завоевавшим известность книгой «Сущность романа» («Сё̄сэцу синдзуй») и романом «Нравы наших школяров». Цубоути покровительствовал Фтабатэю при начале его литературной деятельности и просматривал и исправлял его первый роман «Плывущее облако», первая часть которого даже вышла в печати под именем Цубоути, а не самого Фтабатэя.

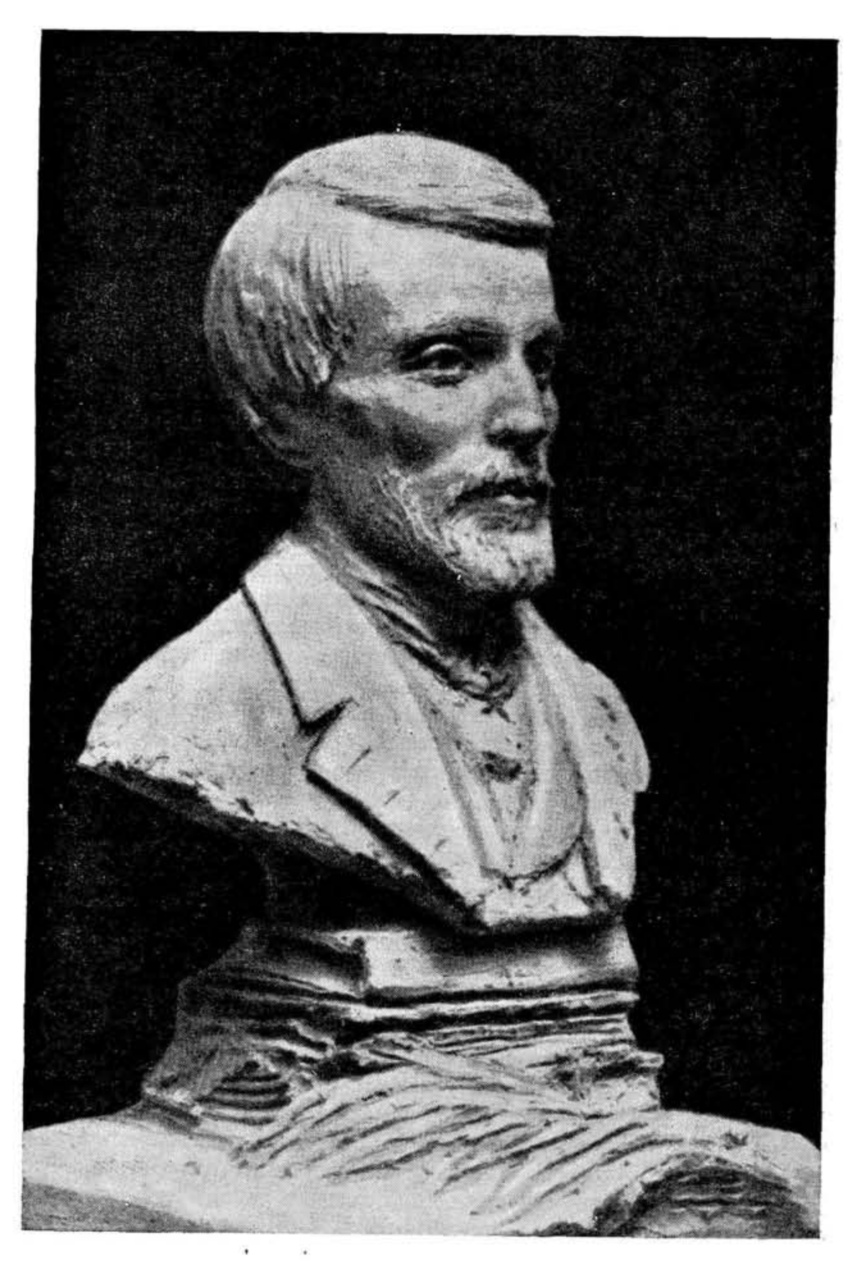
Тесные дружеские отношения, завязавшиеся с самого начала знакомства и продолжавшиеся свыше двадцати лет, вплоть до смерти Фтабатэя, не помешали, однако, их разногласиям во взглядах на литературу. Фтабатэй не только полемизировал с Цубоути в частных беседах; в результате ряда горячих споров он сформулировал свою точку зрения по этому вопросу и изложил ее в статье «Теория романа» («Сё̄сэцу со̄рон»), которую и опубликовал в журнале «Тю̄о̄-гакудзюцу», в апрельском номере за 1886 г.

В японском литературоведении господствует мнение о Фтабатэе как о литературном ученике и идейном последователе Цубоути. Почти все японские исследователи, отмечая в один голос связи Фтабатэя с русской литературой (о чем он сам всегда и везде заявлял), в то же время непосредственные истоки его творчества связывают с именем Цубоути. Что же касается литературных воззрений Фтабатэя, то этот вопрос в Японии еще недостаточно освещен и, видимо, мало исследован, однако и здесь общепринятая точка зрения сводится к тому, что взгляды Фтабатэя на литературу трактуются как развитие и продолжение концепции Цубоути.

Нужно указать, что литературным взглядам Фтабатэя внимание уделяется далеко не во всех исследованиях, посвященных его литературной деятельности. При этом из всех тех японских авторов, работы которых были в нашем распоряжении, вопроса о связях его воззрений с русской литературой касаются главным образом Иваки Дзюнтаро̄[10], Фудзимура Саку[11], Нагаи Икко̄[12]. Однако, разбирая воззрения Фтабатэя, и эти исследователи приходят к выводу, что, в основном, он является продолжателем Цубоути и только в каких-то частях своей теории идет от Белинского. Наиболее серьезная работа принадлежит Иваки, который придает более существенное значение влиянию Белинского на Фтабатэя.

Но и эти авторы не раскрывают должным образом того, что̀ именно Фтабатэй взял у Белинского. В большинстве же написанных о нем статей и в тех разделах многочисленных работ по истории японской литературы, где идет речь о Фтабатэе, его теоретические воззрения, его понимание роли и задач литературы, т. е. идейная основа его творчества, обычно не затрагиваются вовсе.

Общая схема складывается в таком виде: Цубоути признается главой и зачинателем реалистического направления в новой японской литературе, а Фтабатэй — это его талантливый ученик и последователь, который при этом был тесно связан с русской литературой и находился под сильным ее влиянием; считается, что Фтабатэй вполне разделял и несколько развил теорию Цубоути по вопросам литературы и искусства; признано, что романы Фтабатэя значительно более реалистичны, чем произведения Цубоути, что вполне справедливо объясняется его связями с русской литературой; его особыми заслугами считают переводы из русских авторов, создание нового литературного стиля и литературного языка, близкого к живой разговорной речи, и то, что в своих романах он изображает обыденную жизнь обыкновенного человека — явление, до этого в японской литературе небывалое.

БЕЛИНСКИЙ

Бюст работы М. Каплана, гипс, 1890-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

Мы не умаляем значения Цубоути в истории новой японской литературы, но и не присоединяемся к мнению тех японских литературоведов, которые объявляют его главой современного японского реализма, а его «Сущность романа» — «манифестом, провозгласившим реализм в литературе»[13]; мы считаем также совершенно неверной ту сравнительную оценку, которую дают японские исследователи, сопоставляя деятельность Цубоути и Фтабатэя как теоретиков литературы.

Заслуга Цубоути заключалась в его борьбе с носителем старой идеологии — феодальной литературой, влиянию которой он первый нанес решительный удар; этот удар был направлен и против современных ему (80-е годы XIX в.) писателей— апологетов феодального общества, своими произведениями выступавших против капиталистического переустройства Японии. С особой силой Цубоути расправляется в своей книге с дидактическими романами, где в форме фантастических и авантюрных приключений проводились нравственные поучения в духе феодальной морали. Он заявлял, что в центре внимания искусства должна быть действительность, жизнь современного человека. Однако для Цубоути изображение в литературе жизни человека сводилось к психологическому анализу человеческих чувств, показу глубин человеческого сердца и к описанию нравов и быта. «Главное в романе это — чувства людей; второе, это — быт и нравы»[14],— писал он. Цубоути заявлял, что искусство в целом (и литература, в частности) не имеет практического значения; приносить пользу — не его задача; по его мнению, литература не может и не должна служить средством воспитательного и общественно-политического воздействия, ее роль и значение определяются только с точки зрения вызываемых ею эстетических эмоций; при этом писатель не должен ни объяснять изображаемые им явления, ни, тем более, судить о них.

Здесь нет необходимости подвергать развернутой критике взгляды Цубоути и доказывать ложность понятий, почерпнутых им у западноевропейских литературоведов середины и начала второй половины XIX в. На данном этапе общественного развития Японии прогрессивность теории Цубоути заключалась, главным образом, в ее борьбе с реакционным идеологическим воздействием феодальной литературы на сознание людей и в требовании, чтобы искусство изображало современную писателю или художнику реальную жизнь. Но принципы реализма не нашли здесь полного и последовательного развития, ибо Цубоути в этой своей работе не пошел дальше своих западных учителей, что и привело его к непониманию активной роли литературы в формировании общественного сознания, к порочному лозунгу — «искусство для искусства».

Фтабатэй оценивает искусство совсем с иных позиций. В представлении Фтабатэя искусство является не только источником эстетического наслаждения, его роль и значение далеко не исчерпывается тем, что оно «доставляет радость сердцу человека», как это заключает Цубоути. Для Фтабатэя искусство — один из двух возможных путей к познанию окружающего мира. «Человек,— говорит он,— в силу своих природных запросов всегда стремится познать естественное в случайном, познать единое в различном. Для того, чтобы познать, есть два пути: первый путь— это познание научное, посредством логических обобщений (понятий), при помощи разума. Второй — познание через искусство, посредством восприятий, при помощи чувств»[15].

Наука и искусство имеют одно и то же содержание, один и тот же источник — действительность, но они по-разному обрабатывают это содержание и в различных формах воздействуют на сознание человека; поэтому, равно являясь путем к познанию, они друг друга заменить не могут — «...так же, как невозможно все в мире понять только разумом, так и одними чувствами всего нельзя разъяснить»,[16] — указывает Фтабатэй.

Такое понимание значения искусства не имеет никаких параллелей в работе Цубоути; оно идет непосредственно от Белинского, утверждавшего, что искусство способствует развитию общественного сознания наравне с наукой, но что оно действует особыми средствами и в особой, ему присущей форме. «...Искусство,— писал Белинский,— так же как и наука, есть то же сознание бытия, только в другой форме» (X, 132).

«...Видят, что искусство и наука не одно и то же, а не видят, что их различие вовсе не в содержании, а только в способе обрабатывать данное содержание». «Высочайший и священнейший интерес общества есть его собственное благосостояние <...> путь к этому благосостоянию — сознание, а сознанию искусство может способствовать не меньше науки. Тут и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не может заменить искусство, ни искусство науки». «Политико-эконом <...> доказывает, действуя на ум своих читателей <...> Поэт <...> показывает, действуя на фантазию своих читателей, что положение такого-то класса в обществе действительно много улучшилось или много ухудшилось от таких-то и таких-то причин. Один доказывает, другой показывает и оба убеждают, только один логическими выводами, другой картинами» (XI, 105).

«Философия — или мышленье действует прямо через разум и на разум <...> Поэзия рассуждает и мыслит,— это правда, ибо ее содержание есть так же истина, как и содержание мышленья; но поэзия рассуждает и мыслит образами и картинами, а не силлогизмами и дилеммами» (VIII, 69). «...Разум и чувство — две силы, равно нуждающиеся друг в друге» (VII, 481).

Сопоставляя эти мысли Белинского с приведенными высказываниями Фтабатэя, мы явственно видим, что понимание им литературы как орудия познания жизни непосредственно восходит к работам Белинского, к идеям русской революционно-демократической эстетики.

Для Фтабатэя «самое важное <в литературе> — это воспроизведение действительности»[17]. Писатель не должен выдумывать то, чего не бывает. Содержание творчества — жизнь, и литература должна изображать только то, что ей дано в самой жизни. Однако писатель не копирует действительность, механически повторяя то, что видит вокруг себя, но творчески воспроизводит ее при помощи своей фантазии. «Воспроизвести, по определению Фтабатэя, это значит — изобразить творчески созданное, заимствуя у действительности <материалы>» [18].

Эти утверждения Фтабатэя ведут свое начало от того же источника — от идей, неоднократно выраженных Белинским в целом ряде работ: «Действительность — вот пароль и лозунг нашего века, действительность во всем...— и в науке, и в искусстве, и в жизни», писал Белинский (V, 34). «Ее <т. е. реалистической поэзии.— *Р. К.*> отличительный признак состоит в верности действительности; она не пересоздает жизнь, но воспроизводит, воссоздает ее <...> отражает в себе <...> разнообразные ее явления...» (II, 194). «Чтобы списывать верно с натуры, надобно уметь явления действительности провести через свою фантазию, дать им новую жизнь...» (XI, 97). «Искусство есть воспроизведение действительности, повторенный, как бы вновь созданный мир» [19].

Творчески запечатлевая явления окружающей действительности в своем произведении, писатель раскрывает сущность этих явлений, скрытую в случайных оболочках, в которых они проявляются в жизни. Сущность явлений жизни, т. е. природы и человеческого общества, раскрытая в художественном произведении, становится понятной и доступной другим людям. Литература, таким образом, объясняет явления действительности, раскрывает идеи, возникающие в общественной жизни.

Наравне с наукой литература, вместе с другими видами искусства, есть один из путей к познанию жизни. В этом ее «главная заслуга», ее цель и

общественное значение. Таково одно из центральных положений «Теории романа» Фтабатэя. Это положение, которое не только не является развитием теории Цубоути, но направлено против нее, полностью основано на взглядах Белинского. «Ежедневная жизнь 〈...〉 в своем проявлении случайна и подавлена внешностями, лишенными всякой значительности 〈...〉 — писал Белинский.— В проявлении 〈...〉 факты 〈...〉 имеют вид внешних событий 〈...〉 притом они вечно перепутаны и переплетены с случайностями ежедневной жизни. Задача романа как художественного произведения есть совлечь все случайное с ежедневной жизни и с исторических событий, проникнуть до их сокровенного сердца — до животворной идеи...» («Разделение поэзии на роды и виды») (VI, 92). «Искусство есть непосредственное созерцание истины или мышленье в образах» («Идея искусства») (VI, 500).

В своей статье Фтабатэй особо разбирает вопрос о взаимосвязи между формой и содержанием, идеей и ее проявлением; отсюда уже он переходит к объяснению сущности произведения искусства как художественного воплощения той или иной идеи. Здесь он передает целые отрывки из работ Белинского и в одном месте даже ссылается на него.

Приведем некоторые выдержки из этого раздела статьи, с параллелями из Белинского:

Белинский: «Что существует в идее, то выражается в формах» («Стихотворения М. Лермонтова») (VI, 15).

Фтабатэй: «Везде, где есть форма, есть и идея. Идея проявляется благодаря форме, форма существует благодаря идее».

Белинский: «...Всякая оригинальная идея имеет свою, ей присущую, оригинальную форму, всякий самобытный дух является в свойственной ему самобытной личности. Однакож, как форма есть творение явившегося в ней духа, то отправляясь от формы никогда нельзя постичь заключенного в ней духа, наоборот, только отправляясь от духа, можно постичь и самый дух и выразившую его форму» («Соч. Ал. Пушкина») (XI, 227—228).

Фтабатэй: «Если судить с точки зрения бытия вещи, то поскольку форма — есть форма, содержащая идею, а идея — есть идея, обладающая формой, то нельзя решить, что из них является более важным и что менее важным. Но если судить с точки зрения сущности вещи, то именно идея является самым важным».

Белинский: «По философскому определению, идея есть конкретное понятие, которого форма не есть что-нибудь внешнее ему, но форма его развития, его же собственного содержания». «Все существующее 〈...〉 есть не что иное, как формы и факты мышления; следовательно существует одно мышленье и кроме мышленья ничего не существует» («Идея искусства») (VI, 513).

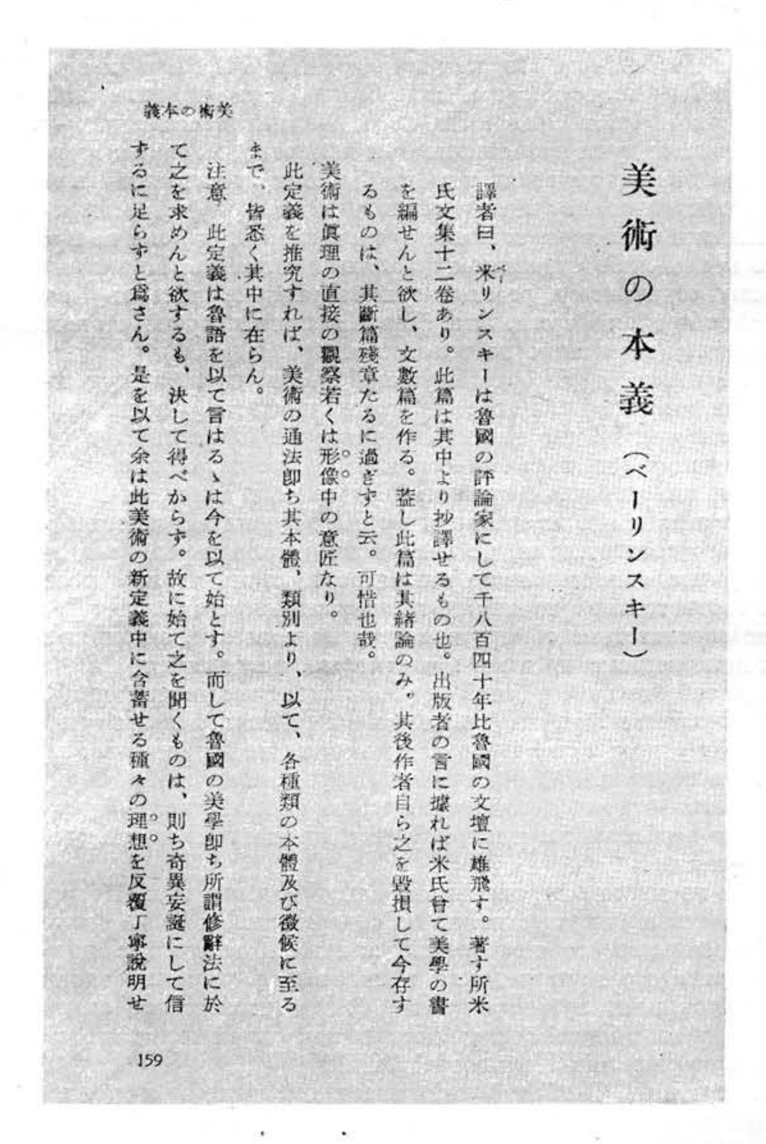
Фтабатэй: «Идея существует благодаря самой себе, поэтому, строго говоря, это не есть идея формы, но должно говорить о форме идеи. Недаром Белинский (русский критик) говорил об этом, что существует одно только мышленье».

Белинский: «В каждом человеке должно различать две стороны: общую, человеческую, и частную, индивидуальную; всякий человек прежде всего человек, и потом уже Иван, Сидор и т. д.» («О русской повести и повестях Гоголя») (II, 218).

«Личность человека есть исключение из других личностей и по тому самому есть ограничение человеческой сущности: ни один человек, как бы ни была велика его гениальность, никогда не исчерпает самим собой не только всех сфер жизни, но даже и одной какой-нибудь ее стороны» («Взгляд на русскую литературу 1846 г.») (X, 408—409). «Человеческое присуще человеку потому, что он человек, но оно проявляется в нем не иначе как,

во-первых, на основании его собственной личности и в той мере, в какой она может его вместить в себе...» (т а м же) (X, 408).

«...Все общее человечеству никогда не является в одном человеке, но каждый человек. в большей или меньшей мере, родится для того, чтобы

美術の本義

美術の本義（ベーリンスキー）

譯者曰、米リンスキーは魯國の評論家にして千八百四十年比魯國の文壇に雄飛す。著す所米氏文集十二巻あり。此篇は其中より抄譯せるもの也。出版者の言に據れば米氏曾て美學の書を編せんと欲し、文數篇を作る。蓋し此篇は其緒論のみ。其後作者自ら之を毀損して今存するものは、其斷篇殘章たるに過ぎずと云。可惜也哉。

美術は眞理の直接の觀察若くは形像中の意匠なり。

此定義を推究すれば、美術の通法即ち其本體、類別より、以て、各種類の本體及び徵候に至るまで、皆悉く其中に在らん。

注意　此定義は魯語を以て言はるゝは今を以て始とす。而して魯國の美學即ち所謂修辭法に於て之を求めんと欲するも、決して得べからず。故に始て之を聞くものは、則ち奇異妄誕にして信するに足らずと爲さん。是を以て余は此美術の新定義中に含蓄せる種々の理想を反復丁寧說明せ

159

СТАТЬЯ БЕЛИНСКОГО «ИДЕЯ ИСКУССТВА» В ПЕРЕВОДЕ НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК ФТАБАТЭЯ СИМЭЙ

Первая страница перевода

Фтабатэй Симэй. Собрание сочинений, т. 5, Токио, 1938 г.

своей личностью осуществить одну из бесконечно разнообразных сторон ⟨...⟩ духа человеческого» («Соч. Ал. Пушкина») (XI, 366).

«Личность одна не может всего обнять, и потому, будучи этим, она уже не есть то или это; представляя собой нечто, она уже есть исключение из всего. Личности бесчисленны и разнообразны, как стороны духа человеческого» (т а м же) (XI, 366).

Ф т а б а т э й: «...Не надо ⟨...⟩ предполагать, что некая идея полностью проявляется в некой вещи или в некоем действии, существующем в действительности ⟨...⟩ Поясним это примером: Чжан-Сань — человек и Ли-Сы — человек. Раз каждый из них человек, то, тем самым, между ними не должно быть разницы. Почему же, однако, глядя на них обоих, мы все-таки чувствуем, что разница есть? Означает ли это, что идея человека целиком проявилась в Чжан-Сане? Но как же тогда Ли-Сы? Если сказать, что она проявилась в Ли-Сы, то как же Чжан-Сань? Таким образом, хотя каждый из них человек, и Чжан-Сань, и Ли-Сы, и оба они, несомненно,— люди, но каждый из них, будучи разновидностью человека, не есть истинный человек и поэтому не подходит для того, чтобы полностью выразить собой идею человека. Действительно, идея человека, хотя и выражается в человеке, существующем в нашем умственном представлении, но она не проявляется целиком в каком-либо отдельном, реальном человеке. Причина этому та, что каждому отдельному, реально-существующему человеку естественно присуща своя особая форма. Эта форма является препятствием для полного проявления идеи некоего человека».

Мысль Белинского об организующей роли идеи в художественном произведении также нашла свое отражение в статье Фтабатэя.

Б е л и н с к и й: «Одно из главнейших условий всякого художественного произведения есть гармоническая соответственность идеи с формой и органическая целостность создания» («Сочинения Державина») (VIII, 70).

Ф т а б а т э й: «Художественная форма должна соответствовать идее. Если нет этого соответствия, то невозможно полное развитие идеи».

Произведенное сопоставление наглядно показывает нам полное почти дословное соответствие суждений Фтабатэя с высказываниями Белинского, причем это соответствие обнаруживается не только в отдельных принципиальных положениях, но даже в частностях и примерах.

В конце своей статьи Фтабатэй устанавливает некий критерий для определения достоинства литературного произведения: «Литературное произведение, отражающее только формы жизни, но не отражающее ее идею, — произведение неудачное. Произведение, отображающее и форму и идею в их цельности,— есть произведение мастерское. Произведение, которое, отображая во всей полноте идею и форму, придает им жизненность,— это творение таланта».

И это тоже несколько переделанные слова Белинского: «Простой талант всегда опирается преимущественно на содержание, и тогда его произведения недолговечны со стороны формы, или же преимущественно блистает формой, и тогда его произведения эфемерны со стороны содержания...»; «...живая связь или, лучше сказать, ⟨...⟩ органическое единство идеи с формой и формы с идеей бывает достоянием одной только гениальности» («О жизни и сочинениях Кольцова») (X, 285).

«Теорию романа» Фтабатэй заключает определением роли критики: «Задача критика состоит в том, чтобы разобрать — содержит ли роман идею или нет, насколько мастерски дано развитие идеи ⟨...⟩ верно ли все это действительности — и, исходя из этого, определить достоинство романа».

К такому определению его привело знакомство с работами и деятельностью Белинского, Добролюбова и других наших великих критиков-философов. А что ознакомился он с этим глубоко и тщательно, об этом лучше всего свидетельствует его собственная статья.

Не будет преувеличением сказать, что «Теория романа» Фтабатэя, по сути дела, почти целиком состоит из заимствований, переделок, пересказов своими словами или прямых цитат из различных работ Белинского, а самому автору здесь принадлежат лишь отдельные связующие фразы, расположение материала по собственному усмотрению и переработка его в соответствии с национальными условиями; так, например, там, где Белин-

ский говорит: «Всякий человек — прежде всего человек, и потом уже Иван, Сидор и т. д.», там Фтабатэй заменяет Ивана и Сидора на Чжан-Саня и Ли-Сы; «чернеющий вдали лес» и «трепет сребристого листа» превращаются в «соловья, поющего на ветках сливы» и в «голоса цикад в осенней траве».

Однако определение степени зависимости литературных воззрений Фтабатэя от работ русского критика-философа Белинского важно для нас не только как констатация наличия заимствований и для точного указания — что̀ именно взято и откуда. Если бы роль этих заимствований оканчивалась пределами «Теории романа» Фтабатэя, то такой факт следовало бы установить, дать ему надлежащую оценку и этим ограничиться. Но смысл этого явления гораздо глубже: Фтабатэй не только изучил эстетику Белинского и через свою статью ознакомил с ней японцев, но он органически воспринял и усвоил те взгляды Белинского, которые излагал в своей статье, он пронес их через всю свою жизнь, эти взгляды определили его собственное отношение к литературе, они составили идейную основу его творчества и помогли созданию реалистического метода Фтабатэя — того метода, которому в дальнейшем учились у него молодые японские писатели.

А это в свою очередь означает, что воззрения великого русского критика Белинского, воспринятые основоположником современного японского реалистического романа, классиком японской литературы — Фтабатэем Симэй, способствовали формированию и развитию реалистического направления в новой японской литературе.

Подтверждением того, что Фтабатэй действительно пронес через весь свой творческий путь некоторые из тех идей, с которыми он познакомился в трудах Белинского, служат те определения реализма в литературе, которые он дал 20 с лишним лет спустя после выхода в свет «Теории романа», в своем последнем большом романе «Обыкновенный человек» («Хэйбон»), напечатанном в 1907 г.

«Реализм,— говорит он здесь,— не есть точное изображение действительности. Если точно изображать — получится фотография. Это есть верное изображение правды ⟨...⟩ действительности или, точнее говоря, есть верное воспроизведение правды действительности, переработанное в воображении ⟨...⟩ писателя» [20].

Ту же мысль он повторяет на последних страницах этого же романа: «Природа и человеческая жизнь, изображаемые в литературном произведении, не таковы, как в действительности, потому что, непосредственно соприкасаясь с человеком и природой и непосредственно воспринимая их, автор затем снова воссоздает это с помощью фантазии»[21]. Или, как сказано у Белинского: «Искусство есть ⟨...⟩ повторенный, как бы вновь созданный мир». Роль и значение творческой фантазии писателя Фтабатэй подчеркивал и в своей статье «Пробудить литературные силы» (1908 г.): «...Накопленные непосредственные восприятия в непереработанном виде никуда не годятся; но то, что не исходит из непосредственного восприятия,— то не имеет жизненной силы» [22].

В полном соответствии с тем, что он излагал в своей первой статье, Фтабатэй 20 с лишним лет спустя, в 1908 г., заявил в статье, озаглавленной «Я — скептик»: «Согласно моим убеждениям — так же, как нет идей для идей, так нет искусства для искусства, нет науки для науки. Идеи для жизни, искусство для жизни и наука для жизни» [23].

Так, видимо, решалась для него проблема общественного значения искусства.

Но помимо таких декларативных заявлений сами произведения Фтабатэя доказывают, насколько глубоко он усвоил те воззрения Белинского, которые излагал в своих теоретических выступлениях, и показывают, что он не отступал от реализма как единого творческого метода в течение всей своей литературной деятельности.

Произведенное нами в другой работе подробное рассмотрение литературных взглядов Фтабатэя, частично изложенное в данном сообщении, дает нам право утверждать, что суждения о литературе, высказанные им как в основной, декларативной статье «Теория романа», так и в других работах, целиком восходят к Белинскому (и отчасти, что здесь не показано,— к Добролюбову и Чернышевскому), а не к Цубоути, как это считают японские литературоведы.

Конечно, революционный демократизм этих передовых деятелей русской литературы и общественной мысли не нашел отчетливого отражения в воззрениях Фтабатэя. В этом сказалось то расстояние, которое отделяет японского ученика от его русских учителей, сказалась разница и в общем уровне общественной мысли в России и Японии того времени. Но все же остается фактом, что именно у Белинского взял Фтабатэй то, что он мог взять при общей буржуазной ограниченности своего общественного мировоззрения, и даже это оказалось наиболее плодотворным для развивающейся новой японской литературы. Таким образом, принципы подлинного реалистического направления в новой японской литературе ведут свое начало от Фтабатэя, а через него, следовательно,— от Белинского.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. И. Конрад. Чехов в Японии. — Известия Академии Наук СССР, Отд. языка и литературы, т. III, вып. 5, М., 1944.

[2] Акита Удзяку. О влиянии русской литературы на молодежь нашей страны. — Сб. «Росиа бунка-но кэнкю» («Изучение русской культуры»), Токио, Иванами сётэн, 1939, стр. 176.

[3] Фудзимори Сэйкити. См. его статьи о Фтабатэе в «Нихон бунгаку кодза», т. I—II (Токио, Синтёся, 1935) и в «Нихон бунгаку кодза», т. 12 (Токио, Кайдзося, 1934).

[4] См., например, статью «Росиа бунгаку-но эйкё» («Влияние русской литературы») в «Большой японской литературной энциклопедии» («Нихон бунгаку дайдзитэн»), т. III, Токио, 1935 и др.

[5] Фтабатэй Симэй. «Ё-га хансэй-но дзанге» («Моя исповедь за полжизни») («Гэндай нихон бунгаку дзэнсю», т. 10, Токио, Кайдзося, 1928, стр. 472).

[6] Там же.

[7] См. «Исповедь».

[8] Фтабатэй Симэй. Беседа с корреспондентом журнала «Синтё гэккан».— Собр. соч., Токио, Иванами Сётэн, 1938, т. 5, стр. 196.

[9] См. «Мейдзи бунка дзэнсю», Токио, 1928, т. 12.

[10] Иваки Дзюнтаро. «Фтабатэй Симэй». — Сб. «Сакухин-оёби сакка кэнкю» («Произведения и их авторы»), Токио, 1931.

[11] Фудзимура Саку и Хисамацу Сэн'ити. «Мейдзи бунгаку дзёсэцу» («Введение в мэйдзийскую литературу»), Токио, 1936.

[12] Нагаи Икко. «Мэйдзи бунгакуси» («История мэйдзийской литературы»), Токио, 1929.

[13] См., например, Кимура Ки. «Цубоути Сёё рон». — Статья в «Нихон бунгаку кодза», т, 12, Токио, 1934, стр. 19.

[14] Цубоути Сёё. «Сёсэцу синдзуй» («Сущность романа»), Токио, 1926, стр. 35.

[15] Фтабатэй Симэй. «Сёсэцу сорон» («Теория романа»). — Собр. соч., т. 5, Токио, Иванами Сётэн, 1938, стр. 5.

[16] Там же.

[17] Там же, стр. 6.

[18] Там же, стр. 7.

[19] Там же, стр. 5, 6, 7.

[20] Фтабатэй Симэй. «Хэйбон» («Обыкновенный человек»). Роман. — Собр. соч., т. I, Токио, Хакубункан, 1910, стр. 754.

[21] Там же, стр. 797.

[22] Фтабатэй Симэй. «Бундан-о кэйсэй-су» («Пробудить литературные силы»). — Собр. соч., т. 5, стр. 281.

[23] Фтабатэй Симэй. «Ватакуси-ва кайгиха-да» («Я — скептик»). — Собр. соч., т. 5, стр. 270.

ПИСЬМО БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ И ЕГО ПЕРВЫЕ СЛУШАТЕЛИ.— ПЕРВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ СПИСКОВ ПИСЬМА В 1848—1849 гг.— ПРОИСХОЖДЕНИЕ СПИСКА ПИСЬМА ИЗ БУМАГ Н. Ф. ПАВЛОВА (1853 г.). — ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ» 1855 г.— ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ ПИСЬМА.— ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНО-ПРОВЕРЕННОГО ТЕКСТА ПИСЬМА

Статья и публикация К. Богаевской

Введение

Знаменитое письмо Белинского к Гоголю принадлежит к числу наиболее выдающихся памятников русской революционно-демократической мысли. С предельной четкостью и остротой Белинский выразил в нем основное требование освободительного движения эпохи — уничтожение крепостного права.

Белинский страстно ненавидел социальный и политический гнет, царивший в николаевской России. Порабощение народа вызывало глубочайшее негодование революционного демократа. Россия, писал Белинский в письме к Гоголю, «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками...» В борьбе за освобождение народа Белинский видел смысл своей жизни. Отрицая социальное рабство, великий критик утверждал идеи крестьянской революции. Он ясно сознавал, что в народе зреет и ширится протест против крепостнического угнетения. «Это чувствует, — указывал Белинский, — даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута трех-хвостою плетью». О том же писал Белинский П. В. Анненкову в декабре 1847 г.: «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение» («Письма», III, 316—317).

Беспощадная критика существовавшего строя, которой насыщено письмо Белинского к Гоголю, была критикой революционного демократа, боровшегося против устоев феодально-крепостнического общества. Именно поэтому с такой непримиримостью Белинский бичевал в письме религию как опору самодержавия и крепостничества, именно поэтому он подверг сокрушительному разгрому религиозно-мистические идеи Гоголя.

«Вы не заметили, — писал ему Белинский, — что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков

потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение».

Письмо Белинского к Гоголю проникнуто глубокой любовью к родине и русскому народу, задыхающемуся под двойным гнетом крепостного права и самодержавия, полно веры в народ, которую великий критик постоянно выражал в своих статьях и письмах.

«Я люблю русского человека и верю великой будущности России»,— заявлял Белинский в письме к К. Д. Кавелину от 22 ноября 1847 г. («Письма», III, 299). «Русский народ — один из способнейших и даровитейших народов в мире ⟨...⟩ Трудно было ему сдвинуться с своей стоячести в первый раз, но, сдвинувшись, он уже не может не итти»,— писал критик в статье 1848 г. (XI, 164). С огромной силой эти идеи Белинского утверждаются в письме к Гоголю: «Приглядитесь пристальнее и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ ⟨...⟩ мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то может быть и заключается огромность исторических судеб его в будущем». «...И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового чутья, и это же показывает, что у него есть будущность. Если Вы любите Россию, порадуйтесь вместе со мною падению вашей книги!..»

Как ни к кому из его современников, подходят к Белинскому стихи Некрасова:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей.[1]

Этой «печалью» за русский народ и «гневом» против его поработителей и продиктовано письмо Белинского к Гоголю, явившееся, по известному определению Ленина, «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»[2]

Имя Белинского тотчас же после его смерти стало опасным и запретным в царской России. Но тем более мощным было влияние его идей, достигших своего полного развития в зальцбруннском письме. Через несколько месяцев после смерти великого демократа письмо его начало распространяться в списках по рукам сначала в десятках, а потом и в сотнях экземпляров.

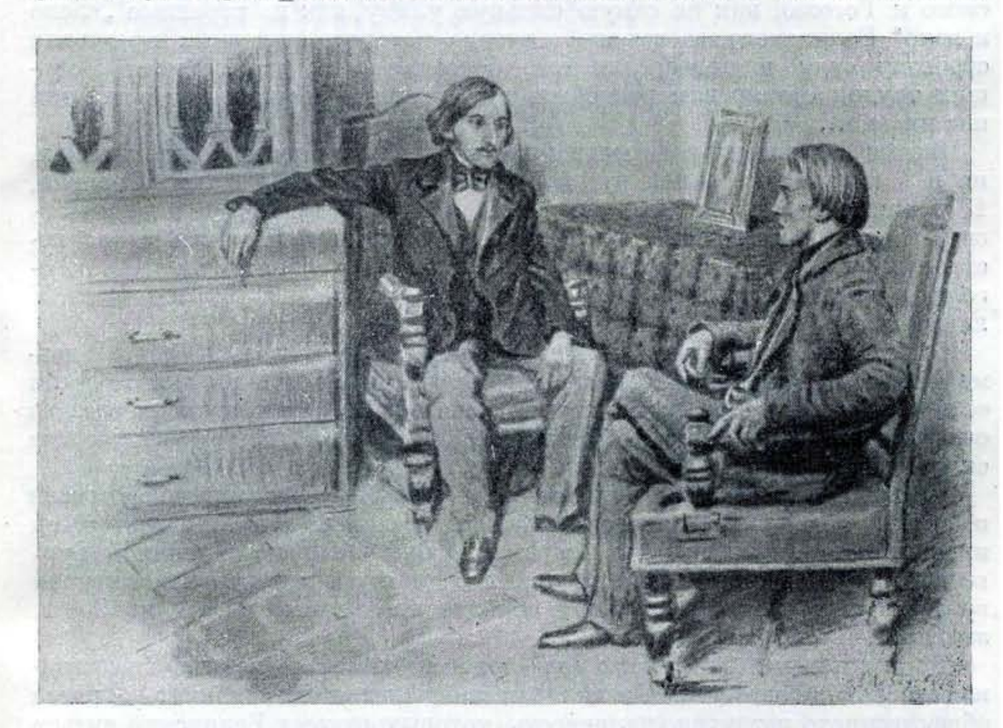
Огромную роль письмо Белинского сыграло в кружке Петрашевского, объединившем молодые силы революционно-освободительного движения сороковых годов. «Петрашевцы,— писал Герцен,— были нашими меньшими братьями, как декабристы — старшими»[3]. Несмотря на то, что кружок петрашевцев был очень скоро разгромлен николаевскими жандармами, он немало сделал для того, чтобы письмо Белинского получило широкую известность. В конце 1840-х и в первой половине 1850-х годов письмо Белинского, распространявшееся нелегально, получило громадную популярность в передовых слоях русского общества.

«Нет ни одного *учителя* гимназии, ни одного уездного учителя ⟨...⟩, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю, и под их руководством воспитываются новые поколения»,— констатировал с огорчением представитель и идеолог славянофильства, И. С. Аксаков, во время своего путешествия по России в 1856 г.[4]

«Самая революционная натура николаевского времени — Белинский»,— с гордостью заявлял представитель лагеря революционных демократов — Герцен [5].

Летом 1854 г. в Нижнем-Новгороде юный Добролюбов читал письмо Белинского к Гоголю (вместе со своим другом, семинаристом Ф. А. Васильковым). Он вспоминает об этом в дневнике 1857 г.: «Читали мы с ним ⟨Васильковым⟩ письмо Белинского и много говорили на эту тему...»[6]

Выдающуюся роль Белинского не только в своем развитии, но и в развитии лучших людей поколения шестидесятников, отметил Добролюбов, приветствуя первое издание сочинений Белинского, в статье 1859 г.:

БЕЛИНСКИЙ И ГОГОЛЬ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1946 г.
Собрание художника, Пенза

«До сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознается, что значительной частью своего развития обязан непосредственно или посредственно Белинскому... [В литературных кружках всех оттенков едва ли найдется пять-шесть грязных и пошлых личностей, которые осмелятся без уважения произнести его имя]. Во всех концах России есть люди, исполненные энтузиазма к этому гениальному человеку, и, конечно, это лучшие люди России»[7].

По поводу разбора Белинским «Выбранных мест из переписки с друзьями» Добролюбов писал, имея, конечно, в виду и письмо к Гоголю: «Критика Белинского не трогала гоголевских теорий, пока он являлся пред нею просто как художник; она ополчилась на него тогда, когда он провозгласил себя нравоучителем и вышел к публике не с живым рассказом, а с книжицею назидательных советов»[8].

Чернышевский не оставил высказываний, непосредственно относящихся к письму Белинского к Гоголю, но он первый высоко поднял знамя Белинского в своих «Очерках русской литературы гоголевского периода» (1856 г.).

«„Современник“ первый заговорил о Белинском после долгого молчания. Идеи гениального критика и самое имя его были всегда святы для нас, и мы считаем себя счастливыми, когда можем говорить о нем»,— заявлял Добролюбов от имени всей редакции «Современника», следовательно, и от имени Чернышевского, в той же статье о Белинском 1859 г.[9]

Сотрудник «Современника», публицист Антонович, впоследствии, в 1909 г., выступивший против «Вех» в защиту идей Белинского и Добролюбова [10], вспоминал в 1898 г. о чтении письма Белинского в его юности в начале 1850-х годов: «...По переселении в Петербург, в духовную академию, нам по секрету указали на зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю, как на самую сильную улику, как на страшное „слово и дело“ Белинского, за имение и чтение которого виновных предавали строгому суду и подвергали еще более строгим наказаниям. Больших трудов стоило нам раздобыть это страшное и многообещавшее для нас письмо...» [11]

Письмо Белинского распространялось не только в рукописных списках, но и в изданиях вольной русской печати («Полярная звезда» Герцена, 1855, кн. I; отд. изд. письма Драгомановым в Женеве 1880 г. и др.). Царские власти до последних дней своего существования боролись с распространением письма Белинского. Тома сочинений критика с письмом к Гоголю и книги с цитатами из него запрещались даже в 1914 г. (см. гл. V нашей статьи).

Но несмотря на меры, принимаемые полицией и цензурой, письмо Белинского проникало в массы и делало свое дело. В дни столетия со дня смерти великого демократа в Пензенской области записан рассказ очевидца о распространении письма Белинского и интересе к нему среди солдат царской армии [12].

Выдающееся значение Белинского в развитии революционной мысли в России подчеркивал в своих статьях Плеханов. В статье 1897 г. он противопоставил либеральной характеристике Белинского, данной Тургеневым, [13] свое понимание: «Белинский является центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли» [14]. А в 1908 г. заявил:

«До сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличность которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской „действительности“» [15]. Развивая вслед за Чернышевским и Добролюбовым тезис о Белинском, как выдающемся революционном мыслителе, Плеханов вместе с тем допустил, как известно, ряд существенных ошибок в своих оценках великого критика, восходящих к его общим философским и политическим ошибкам.

Самую глубокую, самую верную, исчерпывающую характеристику Белинского дал В. И. Ленин. В Белинском Ленин видел великого представителя революционно-демократической мысли, одного из предшественников русской социал-демократии.

Выдвигая в статье «Что делать?» положение о том, что «*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*», Ленин писал: «А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что̀ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...»[16] В статье 1912 г. «Еще один поход на демократию» Ленин с чувством глубокого удовлетворения отмечал, как осуществились в дни первой русской революции мечты Некрасова:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1855

ТРЕТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ОСВОБОЖДАЮЩЕЙСЯ РУСИ.

ИЗДАВАЕМОЕ

ИСКАНДЕРОМЪ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

"... Да здравствуетъ разумъ!.."

А. ПУШКИНЪ.

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ

82 JUDD STREET, BRUNSWICK SQUARE.

—

1855

II.

ОТВѢТЪ В. БѢЛИНСКАГО

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ, о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы все дѣло заключалось въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдаютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйдти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь.—Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большаго числа, и которые въ свою очередь тоже никогда не видали васъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ воплѣхъ дикой радости,

9

75

кромѣ того, что въ ней есть, а то что въ ней есть глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Еслибы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе "Шпекины" распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ мнѣ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому; но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи.—И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напоминали ваши прежнія.

Зальцбрунъ, 15 Іюля 1847 года.

ПЕРВАЯ КНИЖКА «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» НА 1855 г.

Здесь было впервые напечатано письмо Белинского к Гоголю по тексту, сообщенному А. И. Герцену в 1851 г. А. А. Чумиковым

Титульный лист сборника и первая и последняя страницы письма

«Некрасов восклицал в давно-давно прошедшие времена:

...Придет ли времячко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера,
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Желанное для одного из старых русских демократов „времячко" пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала базарным продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси,— была пропитана сплошь эта новая базарная литература...»[17]

Испуг либеральной буржуазии при этих успехах продвижения «демократической книжки» в массы Ленин охарактеризовал так: «...Какое „беспокойство!" — воскликнула мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела на деле этот „народ", несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю» [18].

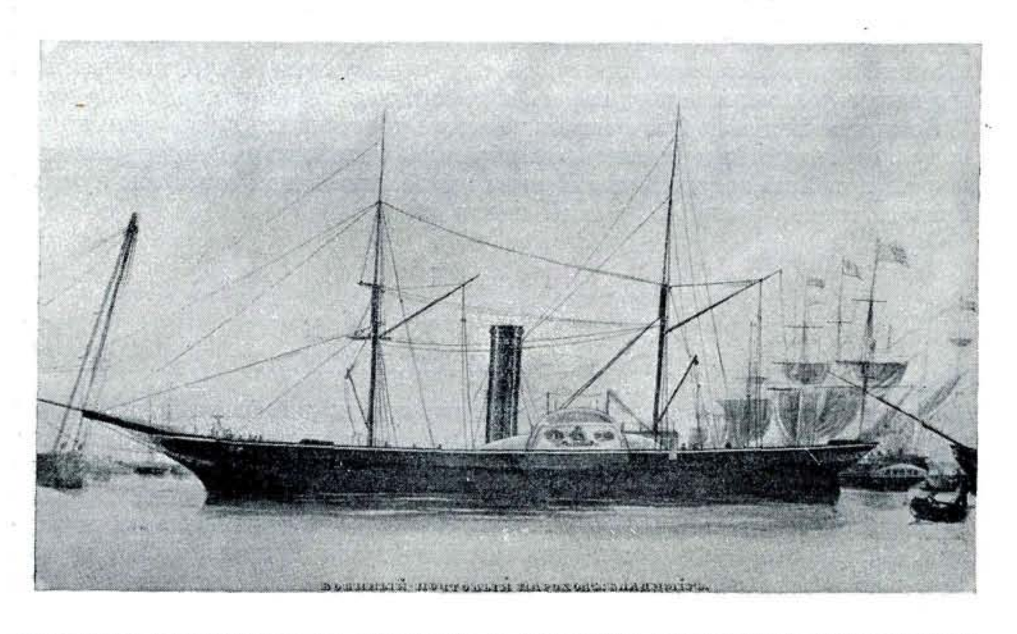
Весной 1909 г. представители контрреволюционной буржуазии, кадетские литераторы — Бердяев, Булгаков, Струве и другие — выпустили сборник «Вехи», на страницах которого начали открытую и ожесточенную борьбу с русской революционно-демократической мыслью. «Вехи» своими мистическими и индивидуалистическими настроениями перекликались с «Перепиской» Гоголя. С особенной яростью веховцы набросились на Белинского как на одного из крупнейших зачинателей революционно-демократического движения в России, человека, страстно боровшегося с реакцией в самых различных ее проявлениях. Ленин (в том же 1909 г.) исчерпывающе и точно охарактеризовал идейно-политические позиции веховцев как «крупнейшие вехи на пути полнейшего разрыва русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями» [19].

«Вехи» поставили своей первоочередной задачей борьбу с Белинским как с автором письма к Гоголю и духовным «отцом русской интеллигенции» [20]. С. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» квалифицировал письмо Белинского к Гоголю как образец «интеллигентского непонимания» высших моральных проблем, как «классическое выражение интеллигентского настроения» [21]. М. Гершензон характеризовал традиции Белинского в истории русской публицистики как «сплошной кошмар» [22]. Итоги этой кампании против Белинского подвел П. Струве в программной статье «Интеллигенция и революция», в которой роль великого демократа в истории русской общественной мысли свел лишь к «истолкованию Пушкина и его национального значения» [23].

Политический смысл дискуссии о Белинском был освещен В. И. Лениным в первых же откликах его на реакционную проповедь «Вех» — в публичной лекции, прочитанной им 13/26 ноября 1909 г. в Париже — «Идеология контрреволюционного либерализма (успех „Вех" и его общественное значение)». Весь «второй раздел» лекции Ленина, озаглавленный «Белинский и Чернышевский, уничтоженные „Вехами"», судя по дошедшей до нас программе, был посвящен исторической части концепции Струве, Булгакова и Гершензона [24]. Текст этой лекции не сохранился, но бесспорно, что к нему должна быть очень близка статья Ленина «О „Вехах"», помещенная в «Новом дне» 13 декабря 1909 г.

В этой статье Ленин раскрыл свои формулировки, определяющие его понимание политической роли Белинского, и характеризовал его как одного из «предшественников русской социал-демократии», обнажив политическую подоплеку всех попыток дискредитации автора письма к Гоголю и ревизии его наследства. Выписывая из статей Булгакова и Гершензона слова о письме Белинского к Гоголю как о «пламенном и классическом выражении интеллигентского настроения», а о его традициях — как о «сплошном кошмаре», Ленин иронически резюмировал:

«Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское" настроение. История протеста и борьбы

ПАРОХОД «ВЛАДИМИР», НА КОТОРОМ В МАЕ 1847 г. БЕЛИНСКИЙ, НАПРАВЛЯЯСЬ ЗА ГРАНИЦУ, СОВЕРШИЛ ПЕРЕЕЗД ИЗ КРОНШТАДТА В ШТЕТТИН

Акварель А. Арефьева, 1846 г.

«Сегодня в 4 часа пополудни отправляюсь в Кронштадт, там пересаживаюсь на большой пароход — и в путь» . . . «Пароход „Владимир" внутри убран великолепно, но удобства никакого и теснота страшная» (из писем Белинского к Д. П. Иванову и к жене от 5 мая и 5 июня — 24 мая 1847 г.)

Военно-морской музей, Ленинград

самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, „сплошной кошмар". *Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов,* настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» [25].

Актуальность и острота письма Белинского в условиях политической борьбы 1909—1912 гг. может быть подтверждена не только идеологической позицией контрреволюционных «Вех». Огромную взрывчатую силу его антимонархических и антиклерикальных лозунгов, не утративших своей значимости в обстановке кануна империалистической войны, и имел в виду Ленин, напоминая в 1914 г. русскому пролетариату об исторической роли Белинского: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое „Письмо к Гоголю", подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших

произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»[26].

Идеи Белинского продолжают жить и оказывать свое огромное влияние и в наше время. Наследие Белинского представляет для нас то боевое оружие, которое служит делу строительства нового коммунистического общества.

В докладе «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» 1946 г. товарищ Жданов ярко охарактеризовал действенное, актуальное значение для нашей литературы и искусства тех идей и принципов, которые утверждал Белинский. Товарищ Жданов подчеркивал боевую непримиримость великого критика, его горячую ненависть к реакции. «Вспомните знаменитое „Письмо к Гоголю“ Белинского,— говорил товарищ Жданов,— в котором великий критик со всей присущей ему страстностью бичевал Гоголя за его попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя»[27].

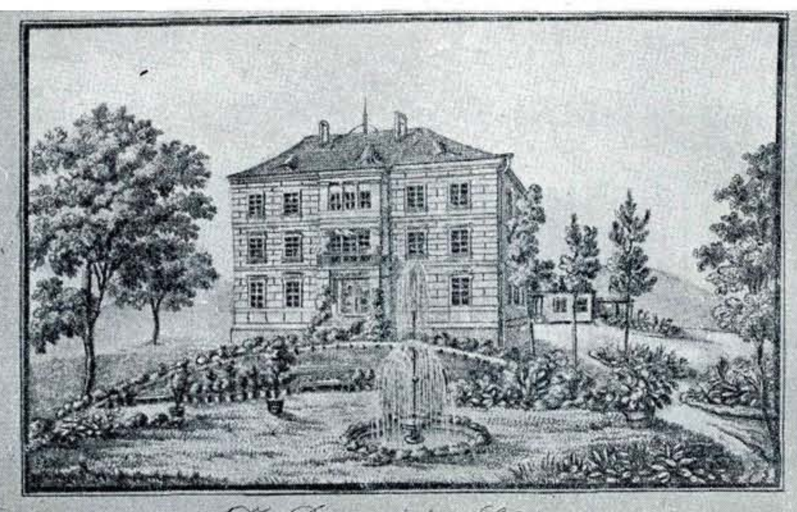
Во время Великой Отечественной войны товарищ Сталин в речи по поводу 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции назвал имя Белинского после Ленина и Плеханова, как одного из лучших представителей великой русской нации[28].

Глава I

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ И ЕГО ПЕРВЫЕ СЛУШАТЕЛИ

Книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшая в свет в самый канун 1847 г.[29], лишила Белинского душевного покоя. В его письмах этого времени к друзьям постоянно встречаются крайне резкие выражения гнева по адресу Гоголя, выступившего в своей печально знаменитой книге защитником крепостничества и николаевской монархии. «Ты решительно не понял этой книги, — писал Белинский 28 февраля 1847 г. В. П. Боткину,— если видишь в ней только заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости. Гоголь совсем не К. С. Аксаков. Это — Талейран, кардинал Феш, который всю жизнь обманывал бога, а при смерти надул сатану» («Письма», III, 185). В рецензии-отповеди на «Выбранные места...» Белинский, стесненный жестокой цензурой, не мог высказать свое мнение полным голосом[30]. «Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошею, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству ⟨...⟩ Эффект этой книги был таков, что Никитенко, ее пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего, он и цензорà, вычеркнули целую треть, а в статье обдуманной помарка слова — важное дело»,— жаловался Белинский в том же письме к Боткину («Письма», III, 185). Великий критик был принужден в своей рецензии итти путем подчеркивания цитатами наиболее вопиющих мест из книги Гоголя (его поучения, как следует обращаться с крестьянами, рассуждения о вреде грамотности, о религии, отречение от своих прежних произведений и др.). Кончает рецензию Белинский следующими словами: «Что касается до нас, мы вывели из этой книги такое следствие, что горе человеку, которого сама природа создала художником, горе ему, если, недовольный своею дорогою, он ринется в чуждый ему путь! На этом новом пути ожидает его неминуемое падение, после которого не всегда бывает возможно возвращение на прежнюю дорогу ⟨...⟩ Приходили нам в голову и другие выводы из книги „Выбранных мест из переписки с друзьями“; но... статья наша и так вышла чересчур длинна» (X, 455).

Эти «другие выводы» Белинский полностью выразил позднее в своем знаменитом письме к Гоголю.

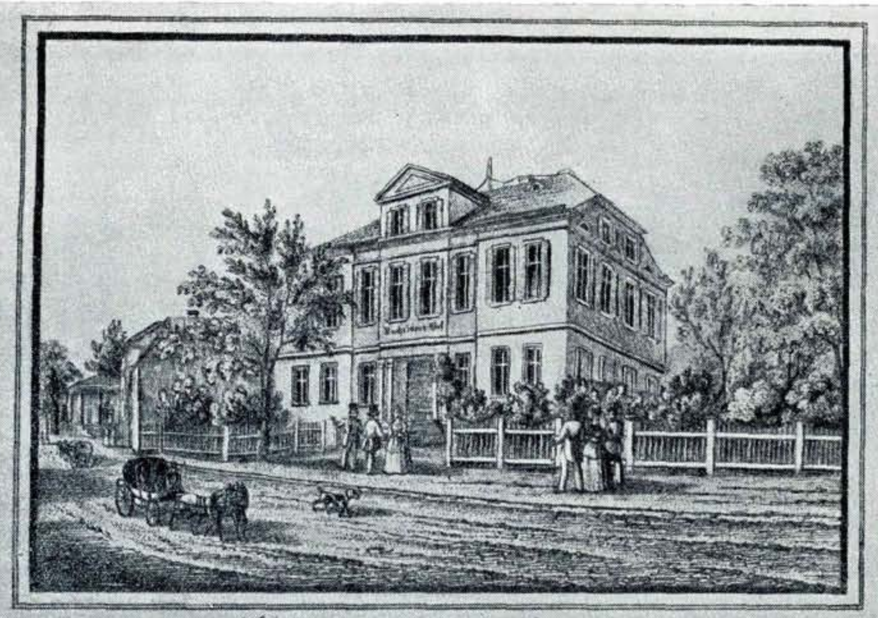
Der Brunnenhof zu Salzbrunn.

7 июля / 25 июня. Спасибо тебе, Мери милая, за твое последнее письмо. Оно очень обрадовало меня, и тем, что я не ожидал его, и потому, что оно утешительнее всех. Итак, ты разделалась наконец с квартирою, ты на даче, ~~при~~ при тебе Агриппина и Олинька, и главное — тебе лучше. Мне почти не о чем писать к тебе, но чтобы ты не была в беспокойстве насчет моего драгоценного здоровья, пишу кое-нибудь о чем-нибудь. Я думаю, что ты ожидала с большим нетерпением и, м. б., ~~даже~~ беспокойством моего письма (не получив от Чейко, вставленного в твое письмо). ~~[illegible]~~ Я действительно задержал с моими ответами, но это не от лени, не от невнимательности: причиною, что, хотя я уже писал тебе об этом

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ЖЕНЕ ОТ 7 ИЮЛЯ / 25 ИЮНЯ 1847 г. ИЗ ЗАЛЬЦБРУННА. НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕ ИЗОБРАЖЕН ВИД ЗАЛЬЦБРУННА

Лист первый

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Dachrödens-Hof in Salzbrunn.

Вотъ думаю, что нечего и не о чемъ писать,
а между-тѣмъ дошло и до второго листа.
Твое предостереженіе насчетъ покупки хорошо
приму къ свѣдѣнію, и поступлю сообразно
съ нимъ: если разница въ цѣнѣ будетъ боль-
шая, то отошлю ихъ водою, а самъ сухимъ путемъ, —
отложимъ на неопредѣленное время. Хотя
морское путешествіе мнѣ и ~~по~~ [illegible] вредно
нежели сухопутное, но скорѣе [illegible], чѣмъ
[illegible] мученій, особенно осенью. До сихъ
поръ отъ ѣзды въ коляскѣ у меня кружилась
голова, а я выдерживалъ на морѣ самую
легкую качку. Тургеневъ и Анненковъ хохо-
тали, когда я имъ сказалъ, что ты сове-

**АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ЖЕНЕ ОТ 7 ИЮЛЯ / 25 ИЮНЯ 1847 г.
ИЗ ЗАЛЬЦБРУННА. НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕ ИЗОБРАЖЕН ВИД ЗАЛЬЦБРУННА**

Лист второй

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Не вылившееся до конца негодование томило великого критика. И когда он получил в июле 1847 г. в Зальцбрунне письмо Гоголя (написанное около 20 июня во Франкфурте) с упреками в том, что он взглянул на его книгу глазами «рассерженного человека», Белинский воспользовался возможностью свободно, без оглядки на цензуру, высказать свои мысли и дал волю накопившимся чувствам. Единственным свидетелем создания знаменитого письма Белинского был живший с ним в Зальцбрунне П. В. Анненков. Вот как характеризует он настроения великого критика в этот период их близкого общения: «Белинский явился мне в эти дни долгих бесед каждочасного обмена мыслей совершенно в новом свете. Страстная его натура, как ни была уже надорвана мучительным недугом, еще далеко не походила на потухший вулкан. Огонь все тлился у Белинского под корой наружного спокойствия и пробегал иногда по всему организму его. Правда, Белинский начинал уже бояться самого себя, бояться тех еще не порабощенных сил, которые в нем жили, и могли при случае, вырвавшись наружу, уничтожить зараз все плоды прилежного лечения. Он принимал меры против своей впечатлительности. Сколько раз случалось мне видеть, как Белинский, молча и с болезненным выражением на лице, опрокидывался на спинку дивана или кресла, когда полученное им ощущение сильно въедалось в его душу, а он считал нужным оторваться или освободиться от него. Минуты эти походили на особый вид душевного страдания, присоединенного к физическому, и не скоро проходили: мучительное выражение довольно долго не покидало его лица после них. Можно было ожидать, что, несмотря на все предосторожности, наступит такое мгновение, когда он не справится с собой — и действительно, такое мгновение наступило для него в конце нашего пребывания в Зальцбрунне».

Анненков изображает далее самый момент создания письма. Напомним его: «Приближалось время окончания лечебного курса и нашего отъезда из Зальцбрунна. Белинский чувствовал себя гораздо лучше, кашель уменьшился, ночи сделались покойнее — он уже поговаривал о скуке житья в захолустьи. Почти накануне нашего выезда из Зальцбрунна в Париж я получил неожиданно письмо от Н. В. Гоголя, извещавшего, что изданная им „Переписка с друзьями“ наделала ему много неприятностей, что он не ожидает от меня благоприятного отзыва о его книге, но все-таки желал бы знать настоящее мое мнение о ней как от человека, кажется, не страдающего заносчивостию и самообожанием 〈...〉 В конце письма Гоголь неожиданно вспоминал о Белинском и кстати посылал ему дружеский поклон, вместе с письмом прямо на его имя, в котором упрекал его за сердитый разбор „Переписки“ во 2-м № „Современника“. 〈Здесь Анненкову изменила память. Письмо Гоголя было переслано Белинскому из Петербурга.— *К. Б.*〉. Когда я стал читать вслух письмо Гоголя, Белинский слушал его совершенно безучастно и рассеянно, но, пробежав строки Гоголя к себе самому, Белинский вспыхнул и промолвил: „А, он не понимает, за что люди на него сердятся,— надо растолковать ему это — я буду ему отвечать“.

Он понял вызов Гоголя.

В тот же день небольшая комната, рядом с спальней Белинского, которая снабжена была диванчиком по одной стене и круглым столом перед ним, на котором мы свершали наши довольно скучные послеобеденные упражнения в пикет, превратилась в письменный кабинет. На круглом столе явилась чернильница, бумага, и Белинский принялся за письмо к Гоголю, как за работу, и с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге. То была именно статья, но писанная под другим небом 〈...〉

Три дня сряду Белинский уже не поднимался, возвращаясь с вод домой, в мезонин моей комнаты, а проходил прямо в свой импровизирован-

ный кабинет. Все это время он был молчалив и сосредоточен. Каждое утро, после обязательной чашки кофе, ждавшей его в кабинете, он надевал летний сюртук, садился на диванчик и наклонялся к столу. Занятия длились до часового нашего обеда, после которого он не работал. Не покажется удивительным, что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею, и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана. При том же и самый процесс составления был довольно сложен. Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно на-бело, и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции. Когда работа была кончена, он посадил меня перед круглым столом своим и прочел свое произведение.

Я испугался и тона, и содержания этого ответа, и, конечно, не за Белинского, потому что особенных последствий заграничной переписки между знакомыми тогда еще нельзя было предвидеть; я испугался за Гоголя, который должен был получить ответ, и живо представил себе его положение в минуту, когда он станет читать это страшное бичевание ⟨...⟩ Я хотел объяснить Белинскому весь объем его страстной речи, но он знал это лучше меня, как оказалось: „А что же делать?“ сказал он. „Надо всеми мерами спасать людей от бешеного человека, хотя бы взбесившийся был сам Гомер. Что же касается до оскорбления Гоголя, я никогда не могу так оскорбить его, как он оскорблял меня в душе моей и в моей вере в него“».

После отправки письма Белинский уехал с Анненковым в Париж, где состоялась его встреча с Герценом. Великий критик не скрыл от последнего свой разрыв с Гоголем и прочел ему зальцбруннское письмо. «Во все время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате,— вспоминал Анненков,— куда, улучив минуту, Г⟨ерцен⟩ шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: „Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его“»[31].

Здесь же, в Париже, Белинский получил ответ на свое письмо от Гоголя (от 10 августа 1847 г. из Остенде). Автор «Выбранных мест...» пытался что-то сказать в свое оправдание: «Душа моя изнемогла, все во мне потрясено. Могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не было бы нанесено поражения⟨...⟩ Бог весть, может быть в словах ваших есть часть правды ⟨...⟩ но мне показалось только непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней был, что ныне нужно почти сызнова узнавать все то, что есть в ней теперь, а вывод из всего этого вывел я для себя тот,— что не следует выдавать в свет ничего, не только никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писания, покуда, проживши в России, не увижу многого собственными глазами и не пощупаю собственными руками»[32]. По словам Анненкова, «Белинский не питал злобы и ненависти лично к автору „Переписки“, прочел с участием его письмо и заметил только: „какая запутанная речь; да, он должен быть очень несчастлив в эту минуту“»[33].

Герцен был глубоко потрясен как письмом Белинского к Гоголю, так и личным впечатлением от последней встречи с великим критиком. В «Былом и думах» он оставил нам незабываемый образ умирающего Белинского: «В последний раз я видел его в Париже осенью 1847 г.; он был очень плох, боялся громко говорить, и лишь минутами воскресала прежняя энергия, и ярко светилась своим догорающим огнем. В такую минуту написал он свое письмо к Гоголю.

Весть о февральской революции еще застала его в живых; он умер, принимая это зарево за занимающееся утро!»

«...Сильный, страстный боец сжег себя, смерть уже вываяла крупными чертами свою близость на исстрадавшемся лице его. Он был в злейшей

чахотке, а все еще полон святой энергии и святого негодования; все еще полон своей мучительной, „злой“ любви к России» [34].

В эти же дни Белинский прочел свое зальцбруннское письмо Н. И. Сазонову и М. А. Бакунину. Впечатлениями их от письма к Гоголю и вызван разговор, после проводов Белинского в Россию, который передает Герцен в «Былом и думах»: «Слезы стояли у меня в горле, и я долго шел молча, когда возобновился несчастный спор ⟨с Бакуниным и Сазоновым⟩, раз

И. С. ТУРГЕНЕВ (?)
Рисунок А. А. Бакунина, 1841 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

десять являвшийся sur le tapis*. „Жаль, — заметил Сазонов, — что Белинскому не было другой деятельности, кроме журнальной работы, да еще работы подцензурной“.

— „Кажется, трудно упрекать именно его, что он мало сделал“,— отвечал я.

— „Ну, с такими силами, как у него, он при других обстоятельствах и на другом поприще побольше сделал бы...“» [35]

Впечатление от письма Белинского к Гоголю осталось у Герцена на всю жизнь. В своей книге «О развитии революционных идей в России» (1851 г.) Герцен развил мысли Белинского о росте протеста в самой глубине народных масс против гнета крепостничества и царизма: «Русский народ дышит более тяжело, чем прежде, взгляд его более печален; несправедливость

* На очереди (франц.).

крепостничества и грабеж чиновников становятся для него все более невыносимыми ⟨...⟩ Дела против поджигателей, убийства помещиков, крестьянские бунты размножились в большой пропорции ⟨...⟩ Недовольство русского народа, о котором мы говорим, совершенно незаметно для поверхностного взгляда ⟨...⟩ Что мы знаем о сибирских поджигателях, о резне помещиков, устроенной одновременно в нескольких деревнях? Что мы знаем об отдельных восстаниях при введении Киселевым нового управления? Что мы знаем о восстаниях в Казани, Вятке, Тамбове, где власти должны были прибегнуть к пушкам?» [36].

Кроме Герцена, Бакунина и Сазонова, одним из первых слушателей письма Белинского в Париже был, очевидно, и молодой Тургенев, приехавший туда 18 (30) июля из Лондона [37]. Тургенев, как известно, находился в это время под сильнейшим непосредственным влиянием Белинского. Он жил с ним до начала июля 1847 г. в Зальцбрунне [38], и здесь это влияние достигло своего апогея. В Зальцбрунне летом 1847 г. Тургенев отходит от спокойного, несколько идиллического тона первых новелл из «Записок охотника» («Хорь и Калиныч», «Льгов», «Касьян с Красивой Мечи», «Бежин луг» и др.) и создает свои самые значительные и острые по силе антикрепостнической критики рассказы этого цикла: «Бурмистр», «Контора» и «Два помещика» [39]. Эти очерки дорабатываются Тургеневым в августе — сентябре 1847 г. в Париже, после того как письмо Белинского к Гоголю стало известно Герцену и его друзьям и было воспринято ими как манифест передовой России. Своей пометой под рассказом «Бурмистр» — «Зальцбрунн, в Силезии, июль, 1847 г.» Тургенев как бы сам указывает на непосредственную связь ярко обличительных политических тенденций этого рассказа с письмом Белинского, имеющим дату: «Зальцбрунн, 15 июля н. с. 1847 г.»[40].

«Бурмистр» и «Контора», напечатанные в 10-й книжке «Современника» 1847 г., явились первыми произведениями в русской литературе, в которых непосредственно отразилась сила огромного революционизирующего воздействия письма Белинского [41].

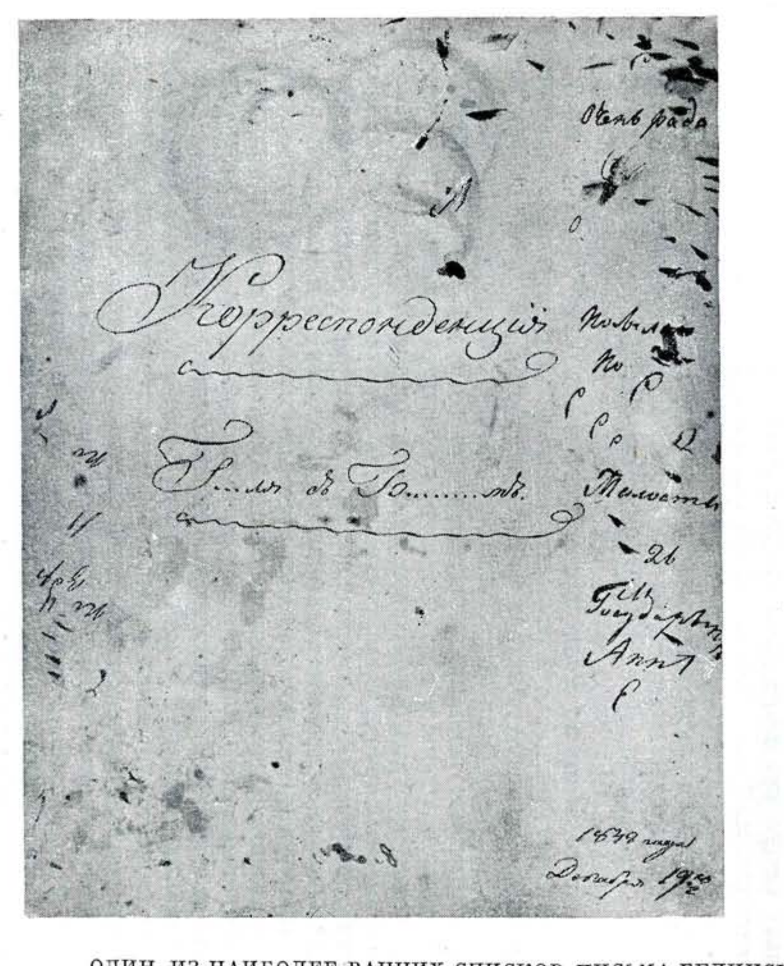
Впоследствии (в январе 1855 г.) сам Тургенев в разговоре с К. С. Аксаковым так охарактеризовал свое отношение к идеям великого демократа: «Белинский и его письмо, это вся моя религия» [42].

Глава II

ПЕРВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ СПИСКОВ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ в 1848—1849 гг.

Итак, при жизни Белинского существовали только слушатели его письма и то среди самых близких ему людей и за пределами царской России. Но слух о существовании этого замечательного документа вызвал к нему повышенный интерес современников уже осенью 1847 г. «Бог знает, как любопытно прочесть письмо Белинского к Гоголю и ответ его ⟨...⟩ Мы с Коршем задумали просить вас: нет ли какой возможности сообщить их нам?» — писал 24—25 августа этого года В. П. Боткин из Москвы Анненкову в Париж [43]. Просьба Боткина, по крайней мере в то время, осталась без ответа.

Повидимому, Белинский также не решился никому читать письма в России после своего возвращения в октябре 1847 г. Во всяком случае о таком чтении не существует никаких свидетельств современников. Белинский знал, что он находится под бдительным надзором николаевских жандармов, и понимал, чем угрожает ему чтение письма. Недаром в 1849 г., когда письмо к Гоголю, в связи с делом петрашевцев, стало известно III Отделению, фактический руководитель политической полиции

Корреспонденция
Б...на съ Го.......мъ

1848 года
Декабря 19го

все слова какие у меня, но то, чтобы унизить челове-
ка, способствуют к осмеянию меня в глазах Ваших
читателей, не познавши самых чувствительнейших
струн, может быть, внимательного сердца, — всё это
выносит душа моя, хотя и не без боли и сокрушительных
потрясений; но мне тяжело, очень тяжело (говорю
Вам это искренно), когда противу меня питает
личное озлобление даже и злой человек, не только добрый,
а Вас я считаю за доброго человека. — Вот Вам
неподдельное изложение чувств моих. —

Го... въ С....

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье
рассерженного человека: этот эпитет слишком
слаб и нежен для выражения того состояния,
в какое привело меня чтение Вашей книги. —
Но Вы вовсе не правы, приписавши это Ва-
шим действительно не совсем лестным отзы-
вам

ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ РАННИХ СПИСКОВ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ. СОХРАНИЛСЯ В БУМАГАХ ДЕКАБРИСТА Е. П. ОБОЛЕНСКОГО

Обложка рукописной тетради, содержащей копию всей корреспонденции Белинского с Гоголем по поводу книги «Выбранные места из переписки с друзьями», и страница с началом текста письма Белинского. На обложке дата: «19 декабря 1848 г.»

Исторический музей, Москва

Николая I, Дубельт, высказал «сожаление» о смерти Белинского, говоря: «*мы бы его сгноили в крепости*»[44].

Судя по тому, что Герцен, публикуя в 1855 г. письмо Белинского, принужден был пользоваться присланным ему из России неисправным списком (см. гл. IV), несомненно, что Белинский не оставил копии письма даже своим русским друзьям, находившимся за границей. Единственный экземпляр собственноручной копии Белинский сохранял у себя, видимо, даже тогда, когда в начале 1848 г., в ожидании возможного обыска и ареста, он сам уничтожил значительную часть своих бумаг.

Белинский прекрасно понимал, что его письмо к Гоголю имеет значение революционного политического документа. Сознавая это, он и оставил себе копию и тщательно хранил ее до последней возможности [45]. Вероятно, только в момент, когда Белинский понял, что дни его уже сочтены, он передал автокопию письма кому-то из московских друзей [46]. Вспомним, что к Белинскому накануне его смерти приезжал Т. Н. Грановский [47], что незадолго до этого его навестил и К. Д. Кавелин, вернувшийся вскоре после посещения в Москву [48]. Последние минуты великого демократа были отравлены откровенным «интересом» к нему III Отделения и осквернены появлением в его квартире жандармов. На похоронах Белинского, по воспоминаниям И. И. Панаева, появилось «три или четыре неизвестных», провожавших гроб и следивших за всем «с величайшим любопытством» [49]. На основании такого поднадзорного состояния умирающего Белинского естественно предположить: не передал ли он сам, или после смерти вдова его, автокопию опасного документа (вместе с подлинниками писем Гоголя) в руки Грановского или Кавелина, в Москву, для хранения подальше от недремлющего ока III Отделения. В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что распространение письма Белинского началось именно в Москве, а не в Петербурге.

Эта не дошедшая до нас автокопия и послужила после смерти великого критика первоисточником для большого числа списков, разошедшихся по России. С этого времени письмо Белинского к Гоголю утратило значение частного письма и превратилось в революционную прокламацию. С этих пор оно зазвучало во всех пределах России как «трубный глас», по определению Анненкова [50]. Это подтверждал в 1856 г. даже представитель враждебного Белинскому лагеря славянофилов, И. С. Аксаков: «Много я ездил по России. Имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивается число прозелитов ⟨...⟩ „Мы Белинскому обязаны своим спасением“,— говорят мне везде молодые честные люди в провинциях. И в самом деле,— в провинции вы можете видеть два класса людей: с одной стороны, взяточников, чиновников в полном смысле этого слова, жаждущих лент, крестов и чинов⟨...⟩ Вы отворачиваетесь от них, обращаетесь к другой стороне, где видите людей молодых, честных, возмущающихся злом и гнетом, поборников эмансипации и всякого простора, с идеями гуманными ⟨...⟩ если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастиям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу,—ищите таковых в провинции между последователями Белинского»[51]. Самым ранним упоминанием о письме Белинского в России являются строки в письме А. А. Григорьева к Гоголю из Москвы во второй половине октября 1848 г.: «Напомню вам о покойном Белинском и о его письмах к вам (непечатных). Этот человек понимал, хотя односторонне, но глубоко, ваше значение в литературе, любил вас с детским обожанием ⟨...⟩

Негодование, злость и грусть, которые дышат в его письме к вам, проистекали не из мутного источника ⟨...⟩ Я не сочувствовал ему никогда; но не осмелюсь вменить ему в вину его неистовых выходок в письме к вам»[52]. Из этих слов ясно, что письмо Белинского было хорошо известно московским литераторам по прошествии всего нескольких месяцев со дня смерти великого критика. Ап. Григорьев был близок с семьей Коршей, а через них с К. Д. Кавелиным, тесно связанным в свою очередь с Грановским. Нитью этих отношений очерчивается первоначальный узкий круг, в котором получило известность зальцбруннское письмо в Москве.

В течение зимы 1848/49 г. распространение письма Белинского приняло широкие размеры. Об этом сообщает петрашевец А. Н. Плещеев из Москвы 20 марта 1849 г. С. Ф. Дурову в Петербург: «Рукописная литература

ДОМ ШИЛЯ НА МАЛОЙ МОРСКОЙ УЛИЦЕ В ПЕТЕРБУРГЕ (НЫНЕ УЛИЦА ГОГОЛЯ). ЗДЕСЬ НА СОБРАНИИ ПЕТРАШЕВЦЕВ 15 АПРЕЛЯ 1849 г. ДОСТОЕВСКИЙ ЧИТАЛ «ПИСЬМО БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ»

Акварель Ф. Баганца, 1851—1852 гг.

Музей истории и развития Ленинграда

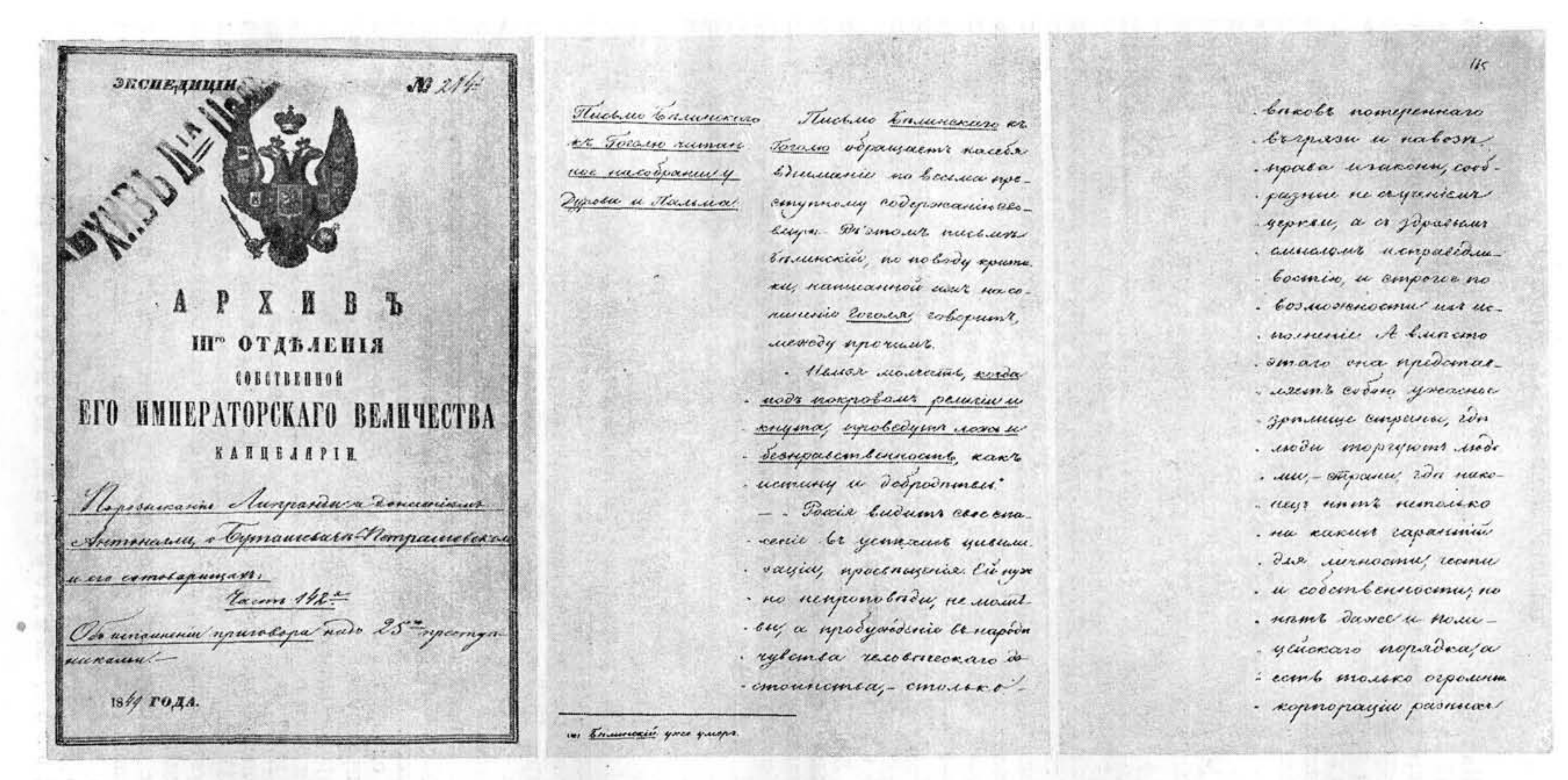
в Москве в большом ходу. Теперь все восхищаются письмом Белинского к Гоголю, пиеской Искандера „Перед грозой“ и комедией Тургенева „Нахлебник“. Все это вы, вероятно, будете читать»[53]. О том же свидетельствует и дата «19 декабря 1848 г.», поставленная на первом дошедшем до нас датированном списке письма из архива Е. П. Оболенского.

В Петербург письмо Белинского было прислано Плещеевым Ф. М. Достоевскому на адрес С. Ф. Дурова. Привез письмо, по свидетельству А. П. Милюкова, один из членов кружка Дурова. Но откуда мог получить Плещеев текст письма Белинского? На этот вопрос отвечают воспоминания историка К. Н. Бестужева-Рюмина о его студенческой жизни в 1848—1849 гг.: «Зимою этого года жил в Москве Плещеев; я встречал его у Кудрявцева и Грановского ⟨...⟩ и мы начали видеться с ним в разных местах. Он говорил нам о возможности получать запрещенные книги и намекал, что в Петербурге есть общество; от Ешевского получил он знаменитое письмо Белинского, которое послужило к обвинению и его

и Достоевского»[54]. Итак, Плещеев получил список письма от С. В. Ешевского, будущего историка, а в это время студента III курса, близкого ученика Кудрявцева, бывавшего, конечно, и у Грановского[55]. Следовательно, нити от плещеевского списка также ведут к ближайшему окружению Грановского, подтверждая предположение о передаче последнему автокопии письма самим Белинским или, после его смерти, его вдовой.

Из рук Ф. М. Достоевского письмо и получило свое первое хождение в столице. Из следственных показаний петрашевцев видно, что переписка Белинского с Гоголем была прислана Плещеевым в Петербург в последних числах марта 1849 г. Получив список, Достоевский немедленно познакомил с ним А. И. Пальма и С. Ф. Дурова. В своем показании Достоевский заявил, что «переписку Белинского с Гоголем сначала прочел он прежде Дурову и Пальму до обеда, а потом вечером на собрании в другой раз, будучи под влиянием первого впечатления»[56]. То же повторил Достоевский и в другом показании: «по получении переписки Белинского с Гоголем, прочитал ее сначала Дурову и Пальму до обеда, а потом оставшись пить чай, по приезде к Дурову Момбелли, Львова и других, прочел ее в другой раз, будучи под влиянием первого впечатления»[57]. В своих «Отдельных показаниях» Достоевский говорит об этом несколько подробнее: «Которого числа и месяца не помню (кажется в марте), я зашел к Дурову в третьем часу по-полудни, и нашел присланную мне переписку Белинского с Гоголем. Я тут же прочел ее Дурову и Пальму. Меня пригласили остаться обедать. Я остался. В шестом часу заехал Петрашевский и просидел четверть часа. Он спросил, „что это за тетрадь?“ Я сказал, что это переписка Белинского с Гоголем, и обещал неосторожным образом прочесть ее у него. Это сделал я под влиянием первого впечатления. Тут, по уходе Петрашевского, пришли еще кто-то, и я остался пить чай. Естественно зашел разговор о статье (Белинского), и я прочел ее в другой раз. Но слушающих, кроме Дурова и Пальма, было не более шести человек; только и было гостей. Помню, что были: Момбелли, Львов, братья Ламанские — кто еще? — позабыл. Все это сделалось в первый же день получения статьи, когда еще я был под влиянием первого впечатления»[58]. На вторичном чтении письма вечером присутствовало, в действительности, не менее девяти человек (сам Ф. М. Достоевский и его брат М. М. Достоевский, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львов, П. Н. Филиппов, братья Е. И. и П. И. Ламанские, а также, возможно, А. П. Милюков и П. И. Головинский). Дуров так показывал об этом вечере: «присутствовавшие пожелали иметь копию с этой переписки ⟨...⟩ Филиппов предложил завести общими средствами домашнюю литографию, но ⟨М. М.⟩ Достоевский убедил всех, что эта мысль безрассудна»[59]. Аналогично показание об этом чтении Пальма: «Почти все говорили, что нельзя ли распространить сии статьи, и Львов предложил устроить литографию, а Филиппов настаивал на том, чтобы эти статьи, если не литографировать, то переписывать и сообщать своим знакомым. Но Михайло Достоевский возразил, что они отступают этим от первоначальной цели вечеров, что такие статьи не литературные, а политические, и распространять их может разве какой-нибудь организованный клуб»[60]. К этому же вечеру, очевидно, относится и показание Львова: «Ф. Достоевский прочел переписку Гоголя с Белинским, и многие хотели ее переписать. Я был в том числе, но она мне в руки не попалась»[61].

Безусловно, дело не кончилось одними разговорами, и копии с письма Белинского начали сниматься еще до известного чтения его на собрании у Петрашевского. Во всяком случае, сам Достоевский, судя по показанию Филиппова, дал последнему скопировать свой экземпляр письма, хотя «впоследствии взял обе рукописи себе»[62]. Можно думать, что письмо Белинского читалось у Дурова не один раз. Читалось оно и в других

ЭКСПЕДИЦІЯ № 214

АРХИВЪ
III-го ОТДѢЛЕНІЯ
СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРІИ.

Переписка Липранди и донесенія Антонелли о Буташевичѣ-Петрашевскомъ и его сотоварищахъ.

Часть 142-я.

Объ исполненіи приговора надъ 25-ю преступниками.

1849 ГОДА.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю читанное на собраніи у Дурова и Пальма.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю обращаетъ на себя вниманіе по весьма преступному содержанію своему. Въ этомъ письмѣ Бѣлинскій, по поводу критики, написанной имъ на сочиненіе Гоголя, говоритъ, между прочимъ.

„Нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и кнута, проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель."

„Россія видитъ свое спасеніе въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія. Ей нужно не проповѣди, не молитвы, а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, — столько*) вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ, права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостію, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, — страны, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ

*) Бѣлинскій уже умеръ.

ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ О ПЕТРАШЕВЦАХ И ЛИСТ ТОГО ЖЕ ДЕЛА С ВЫДЕРЖКАМИ ИЗ «ВЕСЬМА ПРЕСТУПНОГО СОДЕРЖАНИЯ» ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ, 1849 г.

Центральный исторический архив, Москва

местах. Например, у Е. П. Ковалевского, племянник которого, П. М. Ковалевский, вспоминал: «Сколько так называемых „петрашевцев“ собиралось у него по вечерам и какая совершалась тут уголовщина, в роде чтения известного письма Белинского к Гоголю...»[63]. В промежуток от конца марта до ареста петрашевцев 23 апреля 1849 г. письмо Белинского не могло не выйти за пределы их кружка. Это предположение подтверждают и свидетельства современников. Член кружка Дурова, А. П. Милюков, вспоминал впоследствии: «Незадолго перед закрытием кружка один из наших членов ездил в Москву и привез оттуда список известного письма Белинского к Гоголю, писанного по поводу его „Переписки с друзьями“. Ф. М. Достоевский прочел это письмо на вечере и п о т о м, к а к с а м о н г о в о р и л, ч и т а л е г о в р а з н ы х з н а к о м ы х д о м а х и д а в а л с п и с ы в а т ь с н е г о к о п и и ⟨разрядка наша.— *К. Б.*⟩ ⟨...⟩ Письмо это ⟨...⟩ произвело в то время сильное впечатление. У м н о г и х и з н а ш и х з н а к о м ы х о н о о б р а щ а л о с ь в с п и с к а х ⟨разрядка наша.— *К. Б.*⟩ вместе с привезенной также из Москвы юмористической статьею А. Герцена, в которой остроумно и зло сравнивались обе наши столицы. Вероятно, при аресте петрашевцев не мало экземпляров этих сочинений отобрано и передано было в третье отделение»[64]. О популярности письма Белинского за пределами кружка петрашевцев свидетельствует и другой участник кружка П. П. Семенов-Тян-Шанский: «Белинский пользовался высоким уважением во всех кружках сороковых годов, где непропущенные цензурою его сочинения читались с такой жадностью»[65].

Обзор дошедших до нас свидетельств современников о распространении письма Белинского можно закончить воспоминаниями А. Я. Панаевой. Излагая историю письма, Панаева, по обыкновению, все перепутала. По ее рассказу, письмо было написано в Петербурге и читалось на квартире у И. И. Панаева в присутствии нескольких приятелей. Но характерно ее утверждение: «копия с него тут же была списана»[66]. Очевидно, практика снятия копий с письма Белинского настолько прочно вошла в быт, что об этом нельзя было не упомянуть даже самому неточному мемуаристу.

Вскоре, а именно 15 апреля 1849 г., Достоевский прочел, по просьбе самого М. В. Петрашевского, письмо Белинского на общем собрании членов кружка петрашевцев. Об этом чтении сообщает в своем отчете Министерству внутренних дел секретный полицейский агент Антонелли, введенный в марте 1849 г. в кружок Петрашевского и наблюдавший за его «пятницами»: «В собрании 15 апреля Достоевский читал переписку Гоголя с Белинским и в особенности письмо Белинского к Гоголю. В этом письме Белинский, разбирая положение России и народа, сперва говорил о православной религии в неприличных и дерзких выражениях, а потом о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это вызвало множество восторженных одобрений общества, в особенности у Баласогло и Ястржембского, преимущественно там, где Белинский говорит, что у русского народа нет религии. П о л о ж е н о б ы л о р а с п у с т и т ь э т о п и с ь м о в н е с к о л ь к и х э к з е м п л я р а х» ⟨разрядка наша.— *К. Б.*⟩[67]. Первое агентурное донесение Антонелли, приведенное в «совершенно секретной» записке И. П. Липранди (17 апреля 1849 г. за № 31), передает более непосредственно эффект от чтения письма (публикуется впервые, с исправлениями ошибочного написания собственных имен):

«Агент доносит, что в прошедшую пятницу, 15 апреля, на собрании у Петрашевского было 20-ть человек, как-то: А х ш а р у м о в, Б а л а с о г л о, Г о л о в и н с к и й, Ф е д. Д о с т о е в с к и й, Б е р е с т о в, Д у р о в, Д е е в, Д е б у 2-й, К у з ь м и н 1-й, К а й д а н о в, Л ь в о в, М а д е р с к и й, М о м б е л л и, Т и м к о в с к и й,

ТОМЪ I.

ДОНЕСЕНІЯ

Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника

Липранди

Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Съ 10го Марта 1848 по 24е Апрѣля 1849 года.

153

№ 31

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ТОМА ДОНЕСЕНИЙ ЛИПРАНДИ ПО ДЕЛУ ПЕТРАШЕВСКОГО И ЛИСТ ТОГО ЖЕ ДЕЛА С СООБЩЕНИЕМ АНТОНЕЛЛИ О ПРОИСХОДИВШЕМ НА СОБРАНИИ ПЕТРАШЕВЦЕВ 15 АПРЕЛЯ 1849 г. ЧТЕНИИ ДОСТОЕВСКИМ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ

Центральный исторический архив, Москва

Филиппов, Чириков, Щелков, Ястржембский, Пальм, и, наконец, новое лицо — какой-то Ламанский, которого отец служит у гр. Врончeнко в канцелярии по кредитной части.

В это собрание Достоевский читал переписку Гоголя с Белинским по поводу критики, написанной этим последним на последнее сочинение Гоголя: „Письма к моим друзьям из-за границы“. Переписка эта принадлежит Филиппову ⟨...⟩ Письмо же Белинского к Гоголю замечательно как по смелости идей, так и по резкости выражений». Далее следует чрезвычайно подробное изложение содержания письма Белинского. Заканчивается записка словами: «Оно ⟨письмо⟩ произвело общий восторг. Ястржембский, при всех местах, его поражавших, вскрикивал: отто так! отто так! Чириков, хотя не говорил ни слова, но все улыбался и что-то про себя ворчал. Баласогло приходил в исступление, и, одним словом, все общество было как бы наэлектризовано ⟨...⟩ Агент надеется это письмо достать, присовокупив, что оно действительно интересно и прочесть его необходимо, потому что он сознается, что передал его весьма слабо»[68].

Об этом чтении упоминает в своих показаниях Момбелли[69] и вспоминают Ахшарумов и Кузьмин 2-й. Д. Д. Ахшарумов в своих «Записках петрашевца» сообщает только кратко о самом факте чтения письма[70]. Подробнее вспоминает о чтении П. А. Кузьмин: «О вечере, на котором было читано письмо Белинского к Гоголю, меня спрашивали, какое впечатление произвело содержание этого письма на меня и на прочих, и правда ли, что Ястржембский выразился: „о то так и надобно“? ⟨...⟩ Относительно впечатления, произведенного на меня и прочих слушателей чтением письма Белинского к Гоголю, могу сказать, что на меня лично произвело оно впечатление тяжелое, грустное: видно было, что писано оно в желчном, болезненном расположении духа»[71]. Вряд ли, однако, такая оценка точно воспроизводит впечатления Кузьмина 1849 г. В своих воспоминаниях он повторяет показания, данные им на следствии, когда он пытался скрыть свое подлинное отношение к письму Белинского.

Как явствует из донесения Антонелли, вопрос о распространении письма Белинского поднимался снова и на собрании 15 апреля. Практическим результатом этого обсуждения явилось изготовление копии с переписки Белинского с Гоголем. Копия была снята 22 апреля 1849 г. писарем дежурства 3-й гвардейской пехотной бригады Дмитрием Комаровым по заданию Н. А. Момбелли. Об этом последний показал на допросе 10 мая 1849 г.: «Тетрадь, в которой помещены были два письма Гоголя и одно Белинского, я получил на один только день. В такой короткий срок своею рукою я не мог успеть переписать ⟨...⟩ Я потребовал писаря и отдал ему переписать. При этом в комнате был Языков[72], занимавшийся чем-то в стороне; он хотел меня остановить; но писарь, услышав, что ему опасаются доверить, сказал, что при таком скором письме ему некогда будет самому читать, в смысл вникать, тем более, что рукопись не разборчива, и ему придется разбирать слово за словом, каждое слово отдельно. Я требовал, однакож, чтобы писарь переписывал в моей квартире, но он говорил, что ему это неудобно, и обещал никому не показывать. Писарю заказан был, если успеет, и другой экземпляр. Другой экземпляр назначался Языкову, который хотел иметь эту переписку единственно как литературную редкость»[73].

Как явствует из текста приговора над Достоевским, именно он дал список письма Белинского Момбелли: «Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив в марте месяце сего года из Москвы от дворянина Плещеева (подсудимого) копию с преступного письма литератора Белинского, — читал это письмо в собраниях: сначала у под-

судимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского и, наконец, передал его для списания копии подсудимому Момбелли» ⟨разрядка наша.— *К. Б.*⟩[74].

Экземпляр списка письма, полученного Момбелли от Достоевского (вместе со снятой с него Комаровым копией), был доставлен генерал-лейтенантом Витовтовым в III Отделение. Отсюда его препроводили в следственную комиссию, где присоединили к «делу» Момбелли, в котором он и хранится до сих пор[75].

Царское судопроизводство правильно увидело в письме Белинского *революционный документ выдающегося значения*. Тщетно подчеркивал Достоевский свой интерес к письму Белинского как к «замечательному литературному памятнику». Военный суд приговорил его «за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского» к «смертной казни расстрелянием» («милостиво» замененной Николаем I четырьмя годами каторги). Одновременно за распространение письма Белинского были приговорены первоначально к смертной казни — Момбелли, Дуров, Пальм и Филиппов и к четырем годам каторги — Плещеев[76].

Глава III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СПИСКА ПИСЬМА К ГОГОЛЮ ИЗ БУМАГ Н. Ф. ПАВЛОВА (1853 г.)

Первоисточником для списков письма, ходивших по рукам в Москве и в Петербурге весной 1849 г., могла быть лишь автокопия, сделанная для себя Белинским в Зальцбрунне. Это предположение подтверждается не только приведенными выше сведениями о происхождении списков А. А. Григорьева и А. Н. Плещеева, но и материалами секретного дознания о Н. Ф. Павлове. У последнего были обнаружены при обыске в Москве 16 января 1853 г. и список письма Белинского, и подлинник ответа ему Гоголя от 10 августа 1847 г.[77] Павлов в своих показаниях уклонился от ответа на вопрос, от кого он получил письмо Гоголя, прибегнув к обычной в таких случаях формуле — «не помню»; по поводу же происхождения копии письма Белинского сообщил, что знает лишь имя переписчика, уже известное следственным органам[78].

«Копия этого письма,— показывал Н. Ф. Павлов 20 января 1853 г.,— как заметили при разборе моих бумаг и лица, ныне меня спрашивающие, писана рукою Николая Михайловича Горлицына, служащего в Попечительном Совете. Так как я сам напечатал несколько писем о книге Гоголя, то мне любопытно было прочесть это письмо, но ведь этому прошло столько времени и письмо это впало у меня в такое забвение, что я не могу привести на память никаких обстоятельств, откуда и как оно дошло до меня. Списков с него никому я не давал, распространять его не мог, ибо, как всем известно, я был литературный неприятель Белинского и никаких его мыслей не разделял. Письмо это лежало у меня совершенно забытое с семейными письмами, в чем удостоверят лица, производившие обыск. Сохранил я его, вероятно, или по рассеянности, или по негодованию, с каким бросил в ящик, или как любопытный документ, на который у меня находится ответ самого Гоголя».

«С Белинским ни в каких и никогда сношениях я не находился ⟨...⟩ Много лет тому назад я видал его в Москве, но по переезде в Петербург ни здесь, ни там даже и не встречался. Повторяю, он был мой литературный неприятель и даже некогда, заведывая отделом критики в „Отечественных записках", отказался писать статью о моих повестях, ибо должен был хвалить, почему и писал ее сам редактор. Сказать, от кого я получил

письмо к нему Гоголя — я был бы очень рад, ибо ведь это не было бы преступлением, ни со стороны того, кто его мне дал, ни с моей стороны, но истинно, положа руку на сердце — не помню. Вероятно, оно по смерти Белинского привезено было в Москву и случайно попало ко мне. Ведь это для меня не было каким-либо чрезвычайным событием, чтоб тщательно удержать его в памяти»[79].

Таким образом, по вопросу о происхождении найденных у Н. Ф. Павлова документов следствие не получило от него определенного ответа. Не добилось следствие этого ответа и от жены Н. Ф. Павлова, К. К. Павловой, инициативе которой приписал заказ копии зальцбруннского письма его переписчик, титулярный советник Н. М. Горлицын.

Допрошенный 22 января 1853 г. Н. М. Горлицын показал: «Предъявленное мне письмо писано моей рукою, с копии, переданной мне, сколько могу запомнить, братьями Северцовыми, но которым из них, припомнить не могу; копия, с которой писано было предъявленное мне письмо, мною уничтожена; писано мною это письмо в конце 1849-го или начале 1850-го года для г-жи Павловой. Кроме предъявленной мне копии больше мною писано не было, и есть ли еще у кого подобные копии — мне неизвестно. Г-жа Павлова просила меня достать это письмо, сколько я могу заключить из ее слов, из любопытства, и желания прочесть его как литературное произведение. Я не мог ей дать копии, с которой списывал это письмо, потому что копия эта была написана очень дурно и перемарана. Но кому г-жа Павлова передала писанную мною копию и какое сделала из нее употребление — мне решительно неизвестно, потому что около трех лет уже с семейством Павловых я прекратил всякое сношение».

В дополнительных показаниях от 24 января Н. М. Горлицын подтвердил, что копия, с которой он списал письмо Белинского, получена была им, действительно, от братьев Северцовых, а не от самого Гоголя, с которым он, Горлицын, встречался у Павловых: «Что могла г-жа Павлова просить меня взять это письмо у Гоголя и не хотела просить у него сама — это могло быть уже потому, что Гоголь бывал у ее мужа, от которого она желала письмо это скрыть. Это навело меня на сомнение, не взял ли я письмо это у самого Гоголя. Но теперь, припоминая более обстоятельства, я решительно утверждаю, что письмо то взято мною было у братьев Северцовых»[80].

Но К. К. Павлова в своих показаниях продолжала отпираться: «Решительно могу сказать,— заявляла она 26 января,— что предъявленное мне письмо было написано не по моей просьбе и не для меня, что я никогда не поручала г. Горлицыну мне его достать. Слышала я об этом письме от многих, но не могу припомнить, от кого; никогда его не только никому переписывать не давала, но даже сама рукой г. Горлицына переписанного письма и никакой другой копии не читала, и как оно попалось в бумагах мужа, не знаю». На очной ставке с Горлицыным, несмотря на его утверждения, Павлова «ни в чем не созналась и осталась при прежнем своем показании»[81]. Вопрос о первоисточнике копии, найденной в 1853 г. при обыске у Н. Ф. Павлова, остался нерешенным и после допросов братьев Н. А. и А. А. Северцовых[82].

«Письмо г. Белинского к Гоголю в моих и брата моего руках (так как мы жили вместе) действительно находилось,— показывал 23 января 1853 г. младший из братьев Северцовых. — Оно было довольно грязно переписано, в тетрадке в восьмую долю листа, с сокращениями и довольно грязно; в той же тетрадке находились и другие пиесы, которые, вместе с этим письмом, получил от родственника моего, статского советника Александра Петровича Глебова, в настоящее время уже умершего. Оно находилось у меня недель шесть и было потом мной передано тому же Глебову».

ПРОТОКОЛ СЛЕДСТВЕННОГО ДОПРОСА К. К. ПАВЛОВОЙ ОТ 26 ЯНВАРЯ 1853 г. ПО ПОВОДУ НАЙДЕННОГО У ЕЕ МУЖА Н. Ф. ПАВЛОВА СПИСКА ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ

Центральный исторический архив, Москва

«Упоминаемое здесь письмо Белинского к Гоголю,— подтверждал 24 января 1853 г. кандидат Московского университета Н. А. Северцов,— было несколько времени у нас в доме, и действительно написано так, что читать нельзя. Досталось нам от покойного нашего родственника, Александра Петровича Глебова. Было ли ему возвращено, и как от нас перешло к г. Горлицыну, и вообще, что с ним сделалось, не знаю»[83].

Это указание обоих братьев на «покойного» Глебова объяснялось принятым в подобных случаях перенесением политической ответственности с живых на мертвого. Так же поступил и Плещеев, показавший на следствии, что копия переписки Белинского с Гоголем была им «случайно» найдена «вместе с сочинениями Гоголя в библиотеке дяди, недавно умершего в Москве»[84].

Н. М. Горлицын показал, что копия, с которой он делал свой список, «была написана очень дурно и перемарана»,— настолько «дурно», что он не решился передать ее К. К. Павловой без переписки набело. Это же подтверждали и братья Северцовы, подчеркивая, что копия их писана была так, что ее было «читать нельзя», «с сокращениями и довольно грязно».

Эти недочеты оригинала, само собой разумеется, отразились и на копии, породив все ее многочисленные неточности и пробелы. В текстологическом отношении ценность копии Павлова, при всех ее дефектах, заключается для нас в том, что она дает возможность определить м е с т о и в р е м я закрепления текста письма Белинского в редакции, несколько отличающейся от всех известных нам списков.

Список Павлова, уже по самому имени последнего и по положению, занимаемому им в Москве конца 1840-х годов, безусловно является одним из самых ранних.

Будучи активным противником книги Гоголя и одним из немногих лиц, выступавших против нее в печати, Павлов, естественно, был заинтересован в скорейшем ознакомлении с содержанием спора, возникшего между Белинским и Гоголем. Наличие в руках Павлова подлинника ответа Гоголя свидетельствует о его близких связях с лицом, в распоряжении которого находились некоторые из бумаг покойного критика. Но автокопии письма Белинского Павлову все же не удалось получить. Поэтому ему пришлось заказать для себя копию со списка, принадлежавшего братьям Северцовым.

Здесь следует напомнить о близости Павлова к Грановскому. От последнего и мог получить Павлов подлинное письмо Гоголя к Белинскому. Младший же из братьев Северцовых, А. А. Северцов, в это время студент филологического факультета, был учеником Грановского, которого последний хотел оставить при своей кафедре. Таким образом, хотя происхождение списка Павлова не поддается пока полному раскрытию, не подлежит сомнению, что документ, с которого делался список, был получен им от лица, близко связанного с окружением Грановского.

Переписчик копии Павлова, Горлицын, в своем показании датировал ее «концом 1849 или началом 1850 года», что безусловно неверно. Совершенно очевидно, что павловская копия была сделана годом раньше, т. е. до процесса петрашевцев. Это подтверждает и письмо Я. К. Грота к П. А. Плетневу из Москвы от 12 июля 1849 г.: «Здесь ходит по рукам переписка его ⟨Гоголя⟩ с Белинским: она есть и у меня»[85]. А так как в предыдущем письме от 7 июля Грот сообщал Плетневу о своих встречах с Павловым, то можно сделать определенный вывод — Павлов познакомил Грота с перепиской Белинского с Гоголем и, возможно, помог ему получить копию с этих документов. Остальные же московские знакомые Грота были очень далеки от настроений зальцбруннского письма.

Судьба списка Грота осталась неизвестной.

Глава IV

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ» 1855 г.

Письмо Белинского к Гоголю появилось в печати впервые в издании Герцена «Полярная звезда на 1855 год» (кн. I, Лондон). Публикации было предпослано следующее примечание Герцена: «...аноним прислал нам „Переписку Белинского с Гоголем". Переписку эту мы знали прежде от

ГОГОЛЬ

Литография с рисунка Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1852 г.

Исторический музей, Москва

самого Белинского, она наделала некоторый шум в 1847 году. Во всяком случае, нет никакой нескромности ее напечатать; она прошла через столько рук, даже полицейских, что, печатая ее, мы собственно печатаем известное. Белинский и Гоголь принадлежат к русской истории; полемика между ними — слишком важный документ, чтобы не обнародовать его из малодушной деликатности»[86]. Из этого примечания видно, что в распоряжении Герцена оказался позднейший список письма. Но от кого и при каких обстоятельствах получил Герцен этот список и каковы были особенности его текста?

В материалах архива Герцена, еще не вошедших в научный оборот, мы находим ответ на эти вопросы. Здесь оказался документ, разъясняющий происхождение копии Герцена и непосредственно связывающий публикацию «Полярной звезды» с традициями распространения зальцбруннского письма, идущими от петрашевцев. Это — анонимное обращение к Герцену А. А. Чумикова, известного педагога и писателя, впоследствии (1857—1859) редактора-издателя «Журнала для воспитания», в котором участвовали Н. А. Добролюбов и К. Д. Ушинский. Находясь летом 1851 г. в заграничном отпуске, Чумиков во время своего пребывания в Париже и Берлине информировал русских революционеров-эмигрантов о настроениях петербургской интеллигенции после разгрома петрашевцев.

Пламенный пропагандист «идей Белинского о русской литературе», человек, идейно и лично связанный со многими петрашевцами, в частности с Достоевским, Плещеевым и Милюковым, Чумиков в письме к Герцену от 9 августа 1851 г. из Парижа сообщал о своих попытках популяризации письма Белинского в западноевропейской печати: «...известно ли вам письмо сего послед⟨него⟩ к Гоголю? Вероятно оно явится скоро в немецк⟨их⟩ и франц⟨узских⟩ газетах, а если нет (до октября), то не худо бы вам его напечатать где-ниб⟨удь⟩ — оно имеет интерес уже потому, что за него пострадали Достоевский (в каторж⟨ную⟩ работу) и Плещеев (в солдаты). Я вышлю вам его, равно и еще кое-что, указанным вами путем. Что касается до материалов, то я, не ожидая от вас ответа, составил для журнала „Ausland“ маленькую статью, как бы введение к письму Белин⟨ского⟩, и препровождаю вам ее»[87].

Обращение к комплекту штутгартской газеты «Das Ausland» за 1851 г. позволило обнаружить серию статей Чумикова, посланных им в редакцию этого издания. Они были помещены в ряде номеров «Das Ausland» с 4 августа по 18 августа (№№ 185—188, 193—197) под заглавием «Russland und die Gegenwart». Интересующая нас информация о письме Белинского и о роли этого документа в деле петрашевцев содержалась в № 196 от 16 августа («Zweiter Artikel»). Отмечая, что из участников «заговора 1849 г.»: «один ⟨Достоевский⟩ был сослан в сибирские рудники, а другой ⟨Плещеев⟩ сдан в солдаты за распространение „частных писем“», автор статьи, т. е. Чумиков, пояснял:

«Эти частные письма представляют собою не что иное, как распространяемую в многочисленных экземплярах переписку 1847 г. покойного литератора Белинского с известным писателем Гоголем, в которой первый дал отнюдь не прикрашенное изображение русской действительности, в частности быта духовенства. Широкое распространение, которое получили эти письма, и преследование против них правительства свидетельствуют о том, что они произвели глубокое впечатление. Гоголь в одном из своих произведений выступил против всякого прогресса, идущего от „гнилого“ Запада, говорил о высокой миссии России и отказывался от своих прежних сочинений: картина, нарисованная Белинским, явилась ему ответом. Эти факты показывают, что Россия не однообразная пустыня, как ее многие себе обычно представляют, и что правительство не может подавить насилием все проявления самостоятельного духа».

Такова была *первая печатная информация* о письме Белинского к Гоголю.

Герцен неоднократно пытался опубликовать материалы, полученные от Чумикова, во французской печати. В письме к Мишле от 15 ноября 1851 г. он советовал использовать статью Чумикова, хотя бы в отрывках в «какой-нибудь газете», с тем чтобы полностью она появилась в «Liberté de penser». В свою очередь Мишле рекомендовал для напечатания полученную им от Герцена анонимную рукопись Чумикова редакции радикально-демократического органа «National».

Das Ausland.

Ein Tagblatt

für

Kunde des geistigen und sittlichen Lebens der Völker

mit

besonderer Rücksicht auf verwandte Erscheinungen

in

Deutschland.

Vierundzwanzigster Jahrgang.

1851.

Stuttgart und Tübingen.

Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung.

1851

Ursache des raschen Dahinsterbens der einheimischen Bevölkerung Polynesiens.

НЕМЕЦКАЯ ГАЗЕТА «DAS AUSLAND», В КОТОРОЙ ПОЯВИЛАСЬ ПЕРВАЯ В ПЕЧАТИ ИНФОРМАЦИЯ О ПИСЬМЕ БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ И ОТРЫВОК САМОГО ПИСЬМА

Материал был сообщен редакции газеты А. А. Чумиковым

Титульный лист и страница газеты от 16 августа 1851 г. (№ 196) с информацией о письме (правый столбец, сверху)

Нам не удалось установить, была ли и в какой форме использована статья Чумикова во французской прессе, но из письма к Мишле Эрнста Гауга от 21 ноября 1851 г. видно, что Герцен поручил Мишле «переделать, исправить и подписать эти материалы, как он найдет нужным». В этом же письме Гауг разъяснял: «Документы, помещенные в приложении, переведены под наблюдением Герцена; письмо Белинского было даже лично прочитано его автором нашему другу. Поэтому он ⟨Герцен⟩ отвечает за достоверность этих документов»[88].

Между тем сам Чумиков, как оказывается, не ограничился помещением в «Das Ausland» статей «Russland und die Gegenwart». В № 311 той же газеты, от 29 декабря 1851 г., он напечатал, тоже, разумеется, без подписи, еще статью под заглавием «Die unzufriedenen Klassen. — Die Socialisten» (вошла в серию продолжавшихся из номера в номер обозрений — «Rückblicke»). Главный интерес этой статьи для нашего исследования заключается в том, что в ней впервые были обнародованы в печати, хотя и в переводе на немецкий язык, слова запретного в России письма. Доказывая, что православная церковь, ставшая после уничтожения патриаршества «только служанкой светской власти, потеряла всякое уважение у народа», А. Чумиков разъяснял читателям газеты «Das Ausland», ссылаясь на свою предыдущую статью: «Белинский мог в своем известном, нами уже упомянутом выше, послании к Гоголю преувеличивать, но это письмо получило в России слишком большое распространение, чтоб в нем не заключалось много истины. Как высказывается он, однако, о духовенстве?» И дальше следовала обширная цитата из письма от слов: «Неужели же и в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа» до «Религиозность проявилась у нас только в раскольничьих сектах...» Чтобы дать представление о характере перевода Чумикова, приведем цитату:

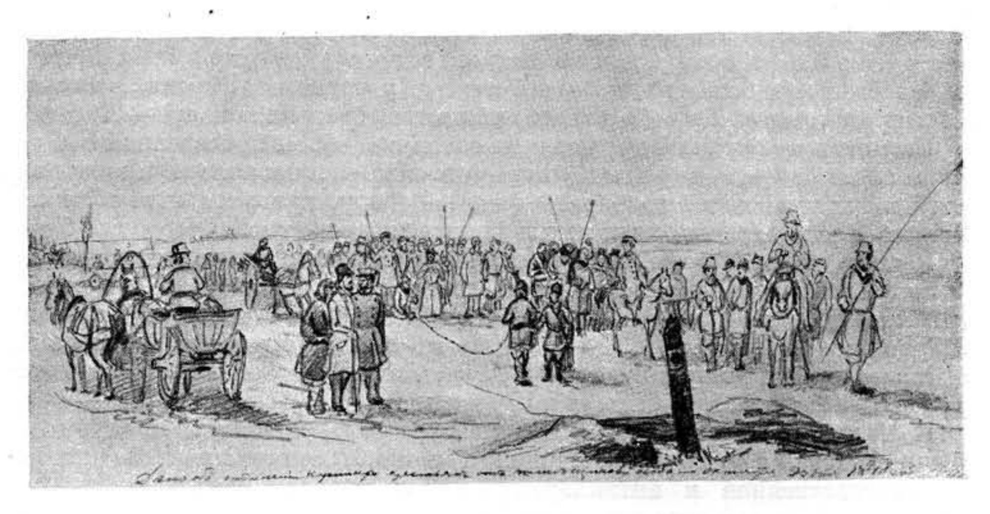
«Ihnen (Gogol) kann nicht unbekannt sein wie sehr die russische Geistlichkeit von der russischen Gesellschaft, von dem russischen Volke verachtet ist. Wen betreffen die meisten obsönen Lieder der russischen Volks? Den Popen, seine Frau, seine Tochter, seine Dinstboten. An wen richten sich die gröbsten Schimpfreden, die schmutzigen Beiworte? An den Popen⟨...⟩ Selbst das religiöse Gefühl hat nicht die Geistlichkeit durchdrungen, und man kann, um diese Behauptung zu wiederstreiten, nicht einige Ausnahmen anführen, die sich durch ihre beschauliche, ruhige, ascetische Frommigkeit auszeichnen. Die Mehrheit unserer Geistlichkeit hat sich nie durch etwas anderes ausgezeichnet, als durch Dickleibigkeit, scholastische Pedantrie und krasse Unwissenheit. Es wäre völlig ungerecht, sie der Intoleranz und des Fanatismus anzuklagen, denn sie war immer und ist noch ein Muster von religiöser Gleichgültigkeit. Das religiöse Gefühl tritt nur in den dissentirenden Sekten auf, welche durch ihren Geist sich wesentlich von der Masse des russischen Volkes unterscheiden vor dem sie jedoch durch ihre numerische Schwäche verschwinden».

Материалы, помещенные Чумиковым в газете «Das Ausland», важны не только как первая информация о письме Белинского в печати и первая частичная публикация документа. Они проливают свет и на происхождение списка того текста письма, который через несколько лет был опубликован Герценом в «Полярной звезде».

Если учесть, что парижский корреспондент Герцена готовил привезенный им из Петербурга список письма Белинского *для перевода*, *а не для издания его на русском языке*, то все основные недочеты этого текста, воспроизведенные в «Полярной звезде», окажутся понятными. Как установлено Ю. Г. Оксманом, Чумиков прислал Герцену не точную копию с того списка письма, которым он располагал, а несколько сокращенный и обработанный текст,

приноровленный для понимания его иностранными читателями. Все места, смущавшие переводчика или требовавшие комментария, были поэтому или совсем изъяты или упрощены. Так, например, была заменена ссылкой на «глупую поговорку» цитата из «Капитанской дочки», подкреплявшая полемику Белинского с Гоголем о «национальном русском суде». Так, была «уточнена» вставкой слова «царь» взамен «тот, кто и т. д.», неясная без объяснений строка Белинского, в которой он, видимо, хотел точно процитировать упоминание Гоголя о Николае I в письме к С. С. Уварову, но не вспомнил его. Так, вместо известной сентенции «ругая их неумытыми рылами» появился вариант: «учит их ругать побольше». Так, была переосмыслена строка о русской читающей публике («И она»), замененная произвольным указанием на «старую школу» («И старая школа действительно сердилась на вас»). Так, из-за непонятого копиистом или самим Чумиковым слова «колуханы» (верхневолжский диалектизм: мошенники, плуты) исчезла из письма целая строка о попах: «Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы?» (Обратим внимание, что эта строка отсутствует как в публикации «Полярной звезды», так и в указанном тексте частичного немецкого перевода письма в «Das Ausland»). Само собой разумеется, что из текста письма были изъяты и попутные упоминания о живых людях. Мы имеем в виду заключительные строки письма: «Некрасов переслал мне ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же еду с Анненковым в Париж через Франкфурт на Майне». Разумеется, эта частная деталь текста письма не могла быть сохранена ни в редакции Чумикова, ни в публикации Герцена.

Привлеченные нами новые материалы из архива Герцена и из газеты «Das Ausland» позволяют с полной уверенностью утверждать, что основные особенности первопечатного текста письма в публикации «Полярной звезды» следует рассматривать не в качестве вариантов какого-то авторитетного списка, которым якобы располагал Герцен (как это предполагали некоторые исследователи), а в качестве результата позднейшей литературной обработки одного из списков, предпринятой Чумиковым в целях подготовки текста письма для публикации в иностранной печати[89]. Все прочие мелкие неточности и пробелы в тексте

КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Рисунок Н. Чернова

Внизу надпись художника: «Дело об отделении казенных крестьян от помещиков особо. — Октября 23 дня 1848 года»

Исторический музей, Москва

публикации письма в «Полярной звезде» легко объясняются небрежностью переписчика той копии, которая была в распоряжении Чумикова, а отчасти, может быть, нечеткостью наборного оригинала и недостаточной тщательностью корректуры. Но все же довольно значительное число этих мелких искажений в тексте публикации «Полярной звезды», независимо от происхождения и целевой установки копии Чумикова, свидетельствует об отдаленности от первоисточника списка, попавшего в руки Герцена. Конечно, Герцен и сам учитывал несовершенство своей первой публикации письма Белинского к Гоголю, но его задачей было не «академическое» издание памятника, а обнародование запрещенного в России документа, имевшего крупнейшее общественное и агитационно-политическое значение. Надежды Герцена оправдались. Эффект первой публикации письма Белинского к Гоголю был так велик, что глава московских либералов этого времени, Грановский, расценивал ее как самые вопиющие строки в «Полярной звезде». Именно этой публикацией, с точки зрения Грановского, и сжигал Герцен все корабли, исключая для себя навсегда возможность возвращения в николаевскую Россию [90].

Проникнувшие в Россию экземпляры «Полярной звезды» с письмом Белинского, безусловно, сильно увеличили его популярность, способствовали распространению новых списков и сделали его доступным более широкому кругу читателей.

Глава V

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ

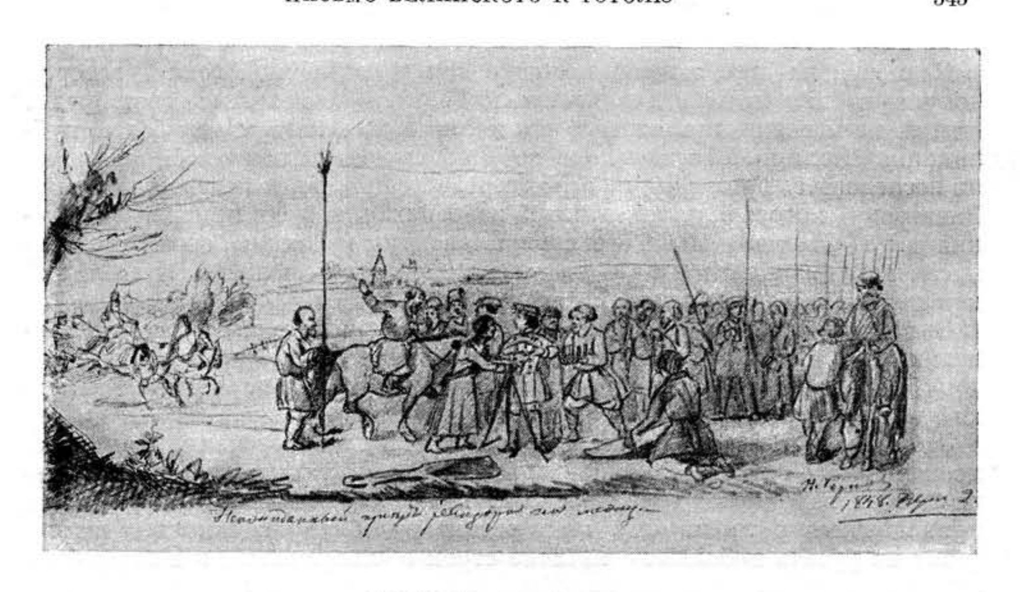
В русской легальной печати письмо Белинского впервые было процитировано в 1860 г. на страницах «Русского слова». В сентябрьской книжке журнала в статье «Сочинения Белинского. Том 7. Москва» Г. Е. Благосветлов писал: «Гоголь изменил знамени, растоптал свою собственную славу, из рабской готовности подкурить через край царю небесному и земному» (отд. II, стр. 30). Эти слова являлись перифразой из письма Белинского: «У нас же, наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем religiosa mania, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим окомпрометировал бы себя в глазах общества» ⟨разрядка наша.— *К. Б.*⟩[91].

Несмотря на скрытый характер и небольшой объем приведенной в «Русском слове» цитаты из письма, она привлекла специальное внимание властей и вызвала целое разбирательство. Цензор, пропустивший в печать статью Благосветлова с крамольной цитатой, был уволен[92].

Первую, хотя и очень неполную, фрагментарную публикацию письма в легальной русской печати удалось осуществить В. П. Чижову в статье «Последние годы Гоголя», напечатанной в июльской книжке «Вестника Европы» за 1872 г. (стр. 439—443). Отсюда текст публикации перепечатал и таким образом популяризировал А. Н. Пыпин в своей известной монографии «Белинский, его жизнь и переписка», 1876 г. (т. *II*, стр. 289—293)[93].

И Чижов, и Пыпин, стесненные цензурными условиями, принуждены были отказаться от воспроизведения мест, наиболее острых по своей антиправительственной и антиклерикальной направленности. Но даже и в той сокращенной редакции, в которой письмо Белинского появилось на страницах «Вестника Европы», оно уже имело признаки, резко отличающие его от первопечатного текста «Полярной звезды».

Так, благодаря публикации В. П. Чижова (к сожалению, происхождение списка письма, которым он располагал, остается неизвестным) ока-

КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ
Рисунок Н. Чернова
Внизу надпись художника: «Неожиданный приезд ревизора на межу. 1848 февраля 2 дня»
Исторический музей, Москва

залось возможным исправить искаженную полемическую сентенцию Белинского о «национальном русском суде». В «Полярной звезде» эти строки читались: «А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в глупой поговорке, что должно пороть и правого и виноватого?» В публикации же Чижова слова эти оказывались связанными с цитатой из «Капитанской дочки» Пушкина, без ссылки на которую они вообще не имели бы никакого смысла: «А ваше понятие о национальном русском суде-расправе, идеал которого вы нашли в словах глупой бабы в повести Пушкина и по разуму которой должно́ пороть и правого и виноватого». Вместо первопечатного варианта «И старая школа, действительно, сердилась на вас до бешенства» в публикации Чижова было: «И она, действительно, сердилась на вас до бешенства», причем слово «она», т. е. читающая публика, в этом контексте гораздо уместнее, чем произвольный домысел о какой-то «старой школе». Вместе первопечатного «выгоднее для них» в списке Чижова было «льготнее для них», вместо первопечатного «высокого духовного просветления» в копии Чижова было «высокого духовного просвещения».

Все эти отличия копии Чижова, так же как и характерная описка при обозначении места написания письма («Зальцбург» вместо «Зальцбрунн»), полностью совпадают со списком, обнаруженным двадцать лет спустя в бумагах Краевского. Изучение этого списка, впервые опубликованного (с некоторыми купюрами) Н. П. Барсуковым в 1894 г.[94] и положенного в основу первой критической редакции письма, установленной в 1913 г. С. А. Венгеровым[95], — не вызывает сомнений в том, что обе копии — и Краевского и Чижова — восходят к одному и тому же оригиналу. Однако можно смело утверждать, что копия Чижова была сделана гораздо тщательнее и в этом смысле стояла несколько ближе к первоисточнику, чем список Краевского. Об этом говорят такие, например, ее варианты, как: «их трудами», вм. «трудами крестьян»; «быть без вины виноватым» вм. «быть без вины виноват»; «падению вашей книги» вм. «порадуйтесь падению вашей книги»; «я читал и перечитывал ее» вм. «я читал ее и перечитывал» и т. п.

Несмотря на свое важное значение как определенной вехи в истории популяризации письма Белинского к Гоголю, несмотря на своеобразие текста, не менее авторитетного, чем копия Краевского и, тем более, публикация «Полярной звезды», список Чижова не привлек к себе внимания ни исследователей письма, ни его издателей. Он остался неизвестным даже Венгерову, который, устанавливая на основании сравнительного изучения двух списков письма его первую сводную редакцию, ошибочно приписал публикацию Чижова — Пыпину и столь же голословно определил ее как перепечатку из «Полярной звезды»[96].

Выше мы доказали, что список письма Белинского к Гоголю, опубликованный в «Полярной звезде», является сокращенной редакцией текста документа, приготовленной Чумиковым в 1851 г. для перевода на немецкий и французский языки.

Этот вывод облегчает задачу установления и первоисточника Чумикова, поскольку его список, опубликованный в «Полярной звезде», за исключением всех вариантов, обусловленных целевой установкой его работы и принадлежащих лично ему как редактору («старая школа», «царь», «учит их ругать побольше», изъятие строк о «колуханах», о Некрасове и Анненкове, замена цитаты из «Капитанской дочки» и пр.), оказывается необычайно близким к списку Краевского. Эта текстологическая близость переходит в прямые совпадения целых страниц, на протяжении которых сохраняются в этих списках одни и те же разночтения с текстами других копий письма*.

Противостоя всем остальным копиям письма Белинского, списки Чумикова («Полярная звезда») и Краевского сохранили чрезвычайно мало особенностей текста, характерных для ранних, наиболее близких к автографу Белинского, его воспроизведений. Объясняется это не только явной небрежностью и некультурностью переписчиков (в списке Краевского отсутствуют, например, такие строки, как «довольно она твердила их», «в глубине своей совести»; вместо «апостол невежества» написано «а потом невежества», вместо «не ново» — «не любовь», вместо «отменение телесных наказаний» — «ослабление телесных наказаний» и пр.). Несомненно неисправен был уже их первоисточник, восходивший к оригиналу письма елинского не по прямой линии, а представлявший собой одну из малограмотных писарских копий, пущенных в оборот петрашевцами весной 1849 г.

Публикация Н. П. Барсуковым списка Краевского не утратила и до сих пор значения как первое в русской легальной печати почти полное воспроизведение текста письма, данное, к тому же, по одной из авторитетных его копий. Текст письма из публикации Барсукова неоднократно цитировался в печати большими кусками[97] и был перепечатан в двух собраниях сочинений Белинского — издания Павленкова в Петербурге, 1900 г., и Иогансона в Харькове, 1902 г. Оба издания вышли в свет без каких-либо цензурных осложнений.[98] Однако по прошествии довольно значительного времени, а именно в октябре 1903 г., Департамент полиции обратил внимание на IV-й том издания Иогансона с письмом Белинского к Гоголю. В Главное управление по делам печати был сделан запрос: действи-

---

* Таковы, например, варианты: «русского самодержавия» (вм. «мрака самодержавия»), «схоластический педантизм» (вм. «теологический педантизм»), «нецеремонную» (вм. «перетоненную»), «великих талантов» (вм. «великих поэтов»), «предосудительный толк» (вм. «превратный толк»), «с отличным умом» (вм. «с отменным умом»), «искренних католиков» (вм. «искренних, фанатических католиков»), «не знали, что говорили» (вм. «не знали, что творили»), «попристальнее» (вм. «пристальнее»), «овладеет» (вм. «овладевает»), «постигает» (вм. «постигнет»), «обличавшим беззакония» (вм. «обличавшим в беззаконии»), «смысл Христова слова» (вм. «смысл учения Христова слова»), «А ведь это теперь не новость» (вм. «А ведь все это теперь вовсе не новость») и т. д.

тельно ли эта книга разрешена к печати, так как в письме Белинского «содержатся чрезвычайно резкие суждения о самодержавии, о православном духовенстве и о политическом строе России вообще, совершенно недопустимые в подцензурной печати»[99].

Рассмотрение публикации письма в издании Иогансона привлекло внимание и к аналогичной публикации в издании Павленкова. Властями было предпринято по этому поводу расследование. Результатом его было не только наказание цензора, пропустившего в печать крамольный документ, но и специальное секретное постановление Главного управления по делам печати от 12 ноября 1903 г., гласившее: «не допускать на будущее время печатания означенного письма как в отдельных изданиях, так и в собраниях сочинений упомянутого автора, а также не дозволять вообще его перепечатки полностью или в извлечениях» [100].

Издание полного текста письма Белинского к Гоголю оказалось возможным в России только после революции 1905 г., в результате временного ослабления царской цензуры. «Свободу печати, обещанную в пределах, дозволенных Треповым, революционный пролетариат раздвигает своей могучей рукой до несколько более широких пределов»,— заявлял Ленин в ноябрьские дни 1905 г. [101]

В числе первых массовых изданий запретных памятников русской литературы было и письмо Белинского к Гоголю [102]. Выпуская письмо в свет отдельным изданием, редактор его, Венгеров, писал в предисловии: «Целиком письмо Белинского делается доступным только в настоящем издании, в медовые дни русской самочинной свободы печати»[103]. Вслед за изданием Венгерова, через несколько недель появилось еще одно издание письма, осуществленное в Петербурге В. Яковенко [104], впоследствии запрещенное цензурой.

Но «медовые дни» свободы печати продолжались в царской России недолго. В 1909 г. письмо Белинского было помещено В. Я. Богучарским в его книге «Три западника сороковых годов» (ч. II). Издание это было немедленно арестовано и уничтожено по постановлению Комитета министров [105]. А 13 декабря 1913 г. Петербургский комитет по делам печати наложил арест и на упомянутое выше издание письма Белинского, В. Яковенко, 1905 г.; самого же издателя постановил предать уголовному суду за нарушение 73 и 128 статей Цензурного уложения [106]. В донесении в Петербургский комитет по делам печати (от 4 января 1914 г.) приведены были наиболее одиозные цитаты из письма Белинского и сделан решительный вывод: «Приведенные выражения, допущенные автором письма к Гоголю по отношению к православной церкви, с одной стороны, и к существующему у нас самодержавию, с другой, являются как поношением церкви православной, так и оказанием дерзостного неуважения к верховной власти и порицанием установленного основными законами образа правления» [107]. Отпечатанное в 1914 г. в московской типографии А. Д. Плещеева [108] отдельное издание письма Белинского также было немедленно арестовано Московским комитетом по делам печати, а лица, виновные в издании брошюры, привлечены к судебной ответственности [109].

Только в советскую эпоху письмо Белинского к Гоголю стало доступно всему народу. За годы советской власти оно вышло в свет двадцать четыре раза, в общей сложности (отдельными изданиями и в собраниях сочинений великого критика) более чем миллионным тиражом [110].

«Политическое завещание» великого революционного демократа было тем самым сделано достоянием широких масс советских читателей.

Однако наше литературоведение еще далеко не до конца выполнило свой исследовательский долг по отношению к одному из наиболее выдающихся памятников русской революционной мысли. Мы до сих пор не располагаем научно-установленным критическим текстом письма, и по существу

в этом направлении исследователи творчества Белинского еще не работали.

В 1936 г., в связи с 125-летием со дня рождения Белинского, Гослитиздат выпустил отдельное издание письма к Гоголю. Редактор его, Н. Ф. Бельчиков, первый из советских литературоведов, сделал попытку подойти критически к первопечатному тексту письма из «Полярной звезды» и ввел в него дополнения из списка Н. Ф. Павлова. Дополнения эти — выделяем их разрядкой — заключались в двух фразах: 1) «А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в словах глупой бабы в повести Пушкина» и 2) «Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы? — Попов»[111].

Но по непонятной причине в это издание вкралась странная ошибка — вместо «колуханы, жеребцы» оказалось напечатанным: «брюхаты жеребцы». Еще более непонятно, что вслед за изданием 1936 г. этот несуществующий и бессмысленный вариант был повторен в восьми изданиях письма к Гоголю. Четыре редактора его (Д. Д. Благой, Ф. М. Головенченко, В. С. Спиридонов и В. И. Кулешов) [112] повторили, ничтоже сумняшеся, эту непостижимую ошибку, и никто из них, ссылаясь непосредственно на список Павлова (а не на издание 1936 г.), не нашел нужным познакомиться с подлинником списка (хранящимся в ЦГИА в Москве) и дать текст по первоисточнику!

Ничего не было сделано для установления критически проверенного текста письма и в довольно обширной литературе, появившейся в связи с исполнившимся в 1948 г. столетием со дня смерти критика. Приходится констатировать, что все редакторы изданий сочинений Белинского, выпущенных к этой памятной дате, как бы сговорившись, пошли по линии наименьшего сопротивления и проявили несвойственную советским текстологам небрежность при подготовке к печати самого ответственного документа из литературного наследия Белинского.

В трехтомнике и отдельном издании письма Гослитиздата текст дан по «Полярной звезде» с введением в него произвольного варианта «брюхаты жеребцы» (из издания 1936 г.), без всякого объяснения[113]. В двухтомнике «Избранные философские произведения» Белинского точно перепечатан текст из издания 1941 г. (с неверным указанием, что он взят из отдельного издания письма 1936 г.)[114]. В «Избранных педагогических сочинениях» Белинского дан контаминированный текст, взятый неизвестно откуда (с указанием, что он взят из XI т. Полн. собр. соч. Белинского под ред. С. А. Венгерова, хотя общеизвестно, что в последнее издание письмо Белинского к Гоголю совсем не вошло)[115]. И, наконец, в книге «Белинский о Гоголе», сост. С. И. Машинским (1949 г.)[116], опубликован текст той же «Полярной звезды» с тремя вставками в него из списка Павлова.

Глава VI

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНО-ПРОВЕРЕННОГО ТЕКСТА ПИСЬМА К ГОГОЛЮ

Проблема критического текста письма Белинского к Гоголю не могла быть разрешена на основании того незначительного документального материала, которым располагали до последнего времени советские текстологи.

Большие возможности в этом отношении открылись лишь в результате разысканий списков письма Белинского во всех архивохранилищах Москвы и Ленинграда, организованных редакцией «Литературного наслед-

ства» в 1947—1950 гг. В результате произведенных поисков в распоряжении редакции оказалось шестнадцать новых, ранее не известных списков письма. Напомним, что до этого времени письмо было известно по текстам, восходящим только к четырем источникам (первопечатная публикация «Полярной звезды», публикация неполного текста В. П. Чижова и списки: А. А. Краевского и Н. Ф. Павлова).

Изучение новых списков и сравнение их с ранее известными позволяет выделить наиболее полные и точные из них и установить критическую

СПИСОК ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Н. Ф. ПАВЛОВУ И ХРАНЯЩИЙСЯ В ЕГО «ДЕЛЕ», 1853 г.

Лист письма с текстом, до последнего времени печатавшимся с искажениями

Центральный исторический архив, Москва

редакцию письма, приближающуюся к утраченному оригиналу. Среди новых списков мы имеем четыре первоклассных: Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (предположительно Н. Х. Кетчера), П. В. Анненкова, декабриста Е. П. Оболенского и петрашевца Н. А. Момбелли; десять списков второстепенного значения (И. Е. Забелина, Н. П. Рогожина, М. И. Пущина, П. И. Щукина, Н. Я. Колобова, Б. Э. Нольде, М. И. Семевского, М. А. Васильева, В. Ф. Груздева, в сборнике 1857—1858 гг.) и два, не имеющих научной ценности (из архива Бакуниных и писарская копия со списка в деле Н. А. Момбелли).

В Рукописном отделении Государственной библиотеки СССР им. Ленина был обнаружен в 1947 г. неизвестный список письма Белинского к Гоголю, условно именуемый нами списком Кетчера. Этот список анонимен. Дата его, видимо, 1848—1849 гг. Он сохранился, вместе с копиями двух писем Гоголя к Белинскому, в тетради из 14 листов, исписанных с обеих сторон, и озаглавлен: «Б........ Г..... ». В инвентарной книге, в которой зарегистрирована эта тетрадь в ряду разных поступлений 1922 г., происхождение ее не указано. Однако факт регистрации тетради одновременно с бумагами Н. Х. Кетчера наводит на мысль о принадлежности ее к фонду последнего. Как будущему издателю сочинений Белинского, Кетчеру передавались и уцелевшие письма Белинского, и материалы для его биографии. Несомненно, что в его руках не могло не быть зальцбруннского письма, и притом, конечно, не какого-нибудь случайного списка, а копии, наиболее близкой к оригиналу [117].

Рядом со списком Кетчера должен быть поставлен, по степени точности и полноты, список, принадлежавший П. В. Анненкову[118]. Уже самое имя последнего как одного из ближайших приятелей Белинского, непосредственного свидетеля его работы над этим письмом в Зальцбрунне, историка и мемуариста, понимавшего громадное общественное значение этого документа, а потому, конечно, позаботившегося о получении авторитетного его текста, определяет и наше внимание к списку Анненкова. Список этот представляет собой писарскую копию, заказанную Анненковым, видимо, во время его пребывания в Москве зимой 1848/49 г. Изучение списка Анненкова устанавливает, что первоисточником для него послужил список Кетчера. Это доказывается не только почти полным тождеством обоих списков от текста до заключительной даты («Зальцбрунн, 15 июля н. с. 1847 г.»), от совпадающих деталей пунктуации до повторения одних и тех же описок, но и тем примечательным обстоятельством, что некоторые особенности текста, имеющиеся в списках Кетчера и Анненкова, отсутствуют во всех прочих копиях письма. Что касается разночтений между списками, то они сводятся лишь к нескольким явным ошибкам копииста Анненкова*.

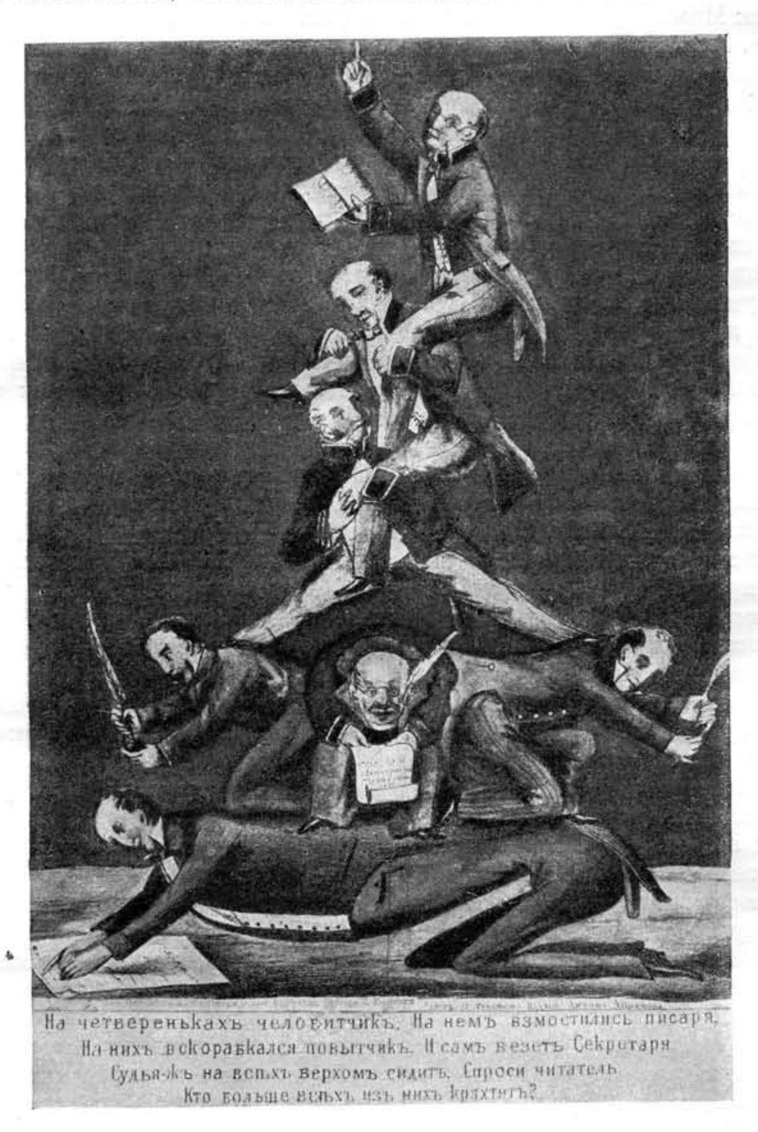
После того, как списки Кетчера и Анненкова были изучены и определены, как самые ранние и авторитетные, в отделе письменных источников Гос. исторического музея, в архиве декабриста Е. П. Оболенского, был обнаружен новый список письма[119]. Список этот, как и список Кетчера, входит в тетрадь вместе с копиями писем Гоголя к Белинскому. Тетрадь озаглавлена: «Корреспонденция Г...ля с Б......м», а внизу той же рукой, которой переписаны все три письма, поставлена дата: «1848 года Декабря 19-го». Таким образом список из архива Оболенского — единственный список 1840-х гг., имеющий точную дату и получающий благодаря этому право на признание его самым старшим из известных нам списков. Дата его — 19 декабря 1848 г. — отделена от смерти Белинского менее, чем полугодом.

По качеству текста список Оболенского близок к списку Кетчера и не имеет с ним ни одного расхождения в ответственных местах. Он отличается от последнего очень небольшим количеством явных описок и пропусков. Приводим их здесь все: «кровью связанный» вм. «кровно

---

* Так, например, строка «надежду, честь, славу» передается в списке Анненкова: «надежду, славу»; «самые живые, современные национальные вопросы» — «самые новые современные национальные вопросы»; «вам надо спешить лечиться» — «вам надобно лечиться»; «здорового чутья»—«здравого чутья»; «в Ревизоре и Мертвых Душах»—«в Мертвых Душах и Ревизоре»; «овладеет» вм. «овладевает»; «утешения» вм. «угнетения»; «поеду» вм. «еду». В строке: «Вы не поняли ни духа, ни формы» в списке Анненкова выпали слова: «христианства нашего времени. Не истиной христианского учения» и пр.

связанный»; «верховного просветления» вм. «духовного просветления»; «положим вы знаете» вм. «положим вы не знаете»; «неужели же» вм. «но неужели же»; «затылок» вм. «задницу»; «у него слишком много бы было» вм. «у него слишком много для этого»; «овладеет» вм. «овладевает»; «постигает» вм. «постигнет»; «писана» вм. «писалась»; «светские силы» вм. «свежие

КАРИКАТУРА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В КРЕПОСТНОЙ РОССИИ

Литография 1858 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

силы»; «два-три верноподданнических стихотворения» вм. «только два-три верноподданнических стихотворения»; «тогда рассказал» вм. «тогда же сказал»; «памятник всем статьям» вм. «памятнее всеми статьями»; «с одной стороны отзывается страшною гордостью» вм. «отзывается с одной стороны страшною гордостью»; «невежество» вм. «невежливо»; «намерениях» вм. «намерении».

На четвертом месте по авторитетности стоит список А. Н. Плещеева, пересланный им из Москвы Ф. М. Достоевскому, и переданный последним для снятия копии петрашевцу Н. А. Момбелли [120] (пока невозможно точно определить — экземпляр ли это, присланный Плещеевым, или уже копия, снятая с него П. Е. Филипповым; см. стр. 530).

Список Момбелли совпадает во всех ответственных местах со списками Кетчера, Анненкова и Оболенского и является первоисточником для всех петербургских копий письма Белинского. До сих пор мы располагали только выписками из списка Плещеева, находящимися в обвинительном заключении по его делу. Выписки эти сделаны крайне небрежно. Помимо пропусков слов и целых фраз, в них много грубых искажений текста, например: «кнутобесия» вместо «мракобесия»; «неимоверно выше» вм. «неизмеримо выше»; «свежие мысли» вм. «свежие силы»; «кулака самодержавия» вм. «мрака самодержавия» и т. п.

Подлинник списка, переданного Достоевским Момбелли, представляет собой рукопись, написанную тремя лицами. Все почерки не писарские. Первым почерком написан текст от начала до слов: «Ах ты неумытое рыло» и от слов «Вы сколько я вижу» до конца; вторым почерком от слов: «Да у какого Ноздрева» до «Ваша книга уронила вас в глазах публики и как писателя и еще более как человека»; третьим — несколько строк в середине письма. В списке подчеркнуты карандашом наиболее одиозные — антиправительственные и антиклерикальные места текста, а именно: «когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность»; «поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности»; далее о торговле людьми, о замене «однохвостого кнута трех-хвостою плетью», все о православной церкви, о «красоте самодержавия», о либеральном направлении и, наконец, слова: «она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности» [121]. Поскольку почти все эти подчеркнутые места, вместе с искажениями «кнутобесия» и «кулака», цитируются в обвинительном заключении по делу Плещеева, а также в сводке донесений Антонелли и Липранди, происхождение подчеркиваний определяется с очевидностью: они были сделаны либо в III Отделении, либо в следственной комиссии, в процессе подготовки материалов для следствия и обвинения.

Рядом со списком Момбелли в деле находится и копия, сделанная с него, по заказу последнего, писарем Д. Комаровым. Копия эта интересна для нас только как документ, иллюстрирующий возникновение ошибок в процессе копирования списков письма. Несмотря на хорошее в целом качество копии Комарова, в ней появляются уже существенные разночтения с подлинником списка Момбелли, как, например: «кровью» вм. «кровно»; «все враги ваши» вм. «враги ваши»; «кнутобесия» вм. «мракобесия» и др.

Списки Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли старше всех известных до сих пор списков письма Белинского, а также полнее и тщательнее их. Переписчики этих списков, избежав в самых ответственных местах ошибок других копиистов письма (и тем самым даже объяснив понимание последних), бережно сохранили все мелкие детали утраченного оригинала, которые или совсем выпали из более поздних, наспех приготовленных, часто под диктовку, копий с копий или оказались затемненными «осмыслениями» случайных переписчиков и толкователей.

Списки Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли дают возможность установить правильное чтение множества слов, пропущенных или искаженных во всех прежних публикациях письма Белинского к Гоголю. Они документируют новое чтение сентенции о русских писателях как «единственных защитниках» от «мрака самодержавия, православия и

заключаете, что критики, говорившiе с достоинствахъ моихъ, несправедливы. Такая мысль могла прiйти развѣ только въ голову раздраженнаго человѣка продолжающаго искать вездѣ уже то, что способно раздражить его, а не обсуживающаго предметъ спокойно со всѣхъ сторонъ. Ну а что если я долго носилъ въ головѣ какъ заговорить о тѣхъ критикахъ, которые по поводу сочиненiй моихъ разнесли много прекрасныхъ мыслей объ искусствѣ и себѣ. Я безпристрастно хотѣлъ опредѣлить достоинство каждаго и тѣмъ менѣе артистически эстетическое чутье своеобразно былъ изъ нихъ одаренъ бытъ которыми изъ нихъ, если я выжидалъ только времени, когда каждый изъ нихъ будетъ сказать объ этомъ, что справедливѣе, то есть мнѣ можно будетъ сказать объ этомъ, чтобы не говорили потомъ, что я руководствовался какой либо своекорыстною цѣлью, а не чувствомъ безпристрастiя и справедливости?

Пишите же критики самыхъ жестокихъ, прибирайте всѣ слова какiя знаете, на то, чтобы унизить человѣка, способствуйте осмѣянiю меня въ глазахъ вашихъ читателей, не пожалѣвъ самыхъ чувствительныхъ можетъ струнъ можетъ быть нѣжнѣйшаго сердца — все это вынесетъ душа моя, хотя и не безъ боли и не безъ скорбныхъ потрясенiй. Но мнѣ тяжело, очень тяжело (говорю вамъ это искренно), когда противъ меня питаетъ личное ожесточенiе даже и злой человѣкъ, не только добрый, а васъ считалъ я за добраго человѣка. Вотъ вамъ искреннее изъявленiе чувствъ моихъ.

Отвѣтъ Бѣлинскаго Гоголю

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка. этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженiя того состоянiя въ которое привело меня чтенiе вашей книги. Но вы вовсе не правы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно не очень лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбiя еще можно перенести и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось только въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства, нельзя молчать когда подъ покровомъ религiи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель. Да, я любилъ васъ со всею страстiю, съ какою человѣкъ, кровно связанный со своею страною можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанiя, развитiя, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянiя духа, потерявши право

СПИСОК ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ПЕТРАШЕВЦУ Н. А. МОМБЕЛЛИ, 1849 г.

Список написан разными почерками. Лист с началом текста письма Белинского

Центральный военно-исторический архив, Ленинград

ні ему вѣчное, такъ называемое, либеральное направленіе
даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ
популярность великихъ талантовъ, искренно или неиск-
ренно отдающихся въ услуженіе Православія, Самодержа-
вія и народности. Разительный примѣръ Пушкинъ, которо-
му стоило написать только два, три вѣрноподданническія
стихотворенія и надѣть камеръюнкерскую ливрею, чтобы
вдругъ лишиться народной любви. И вы сильно ошибаетесь
если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея
дурнаго направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будтобы вами
высказанныхъ всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это
думать о пишущей братіи, но публика то какъ могла
попасть въ эту категорію. ~~Въ Ревизорѣ~~ Неужели въ Ревизорѣ и
Мертвыхъ душахъ вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною
и талантомъ и менѣе горькія правды высказали ей. И
она дѣйствительно осердилась на васъ до бѣшенства, но
Ревизоръ и Мертвыя души отъ этого не пали, тогда
какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь
землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ
писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ
и спасителей отъ мрака самодержавія, православія и
народности и потому всегда готовая простить писа-
телю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной
книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ
обществѣ, хотя еще и въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго
чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность.
Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною
паденію вашей книги!...

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ
что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику.
Ваша книга испугала меня возможностью дурнаго
вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику.
Когда пронесся ~~слухъ~~ въ Петербургѣ слухъ, что прави-
тельство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ
тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣ-
нѣ, — мои друзья приуныли; но я тогда же сказалъ
имъ, что не смотря ни на что, книга не будетъ имѣть
успѣха и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно
она памятнѣе теперь всѣми статьями о ней, не-
жели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубокъ хотя
и неразвитъ еще инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль
довести о немъ ~~[illegible]~~ до свѣдѣнія публики была самая
несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и
для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ

СПИСОК ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ПЕТРАШЕВЦУ Н. А. МОМБЕЛЛИ, 1849 г.

Лист с продолжением текста письма Белинского. (Последние шесть строк снизу написаны другой рукой)

Центральный военно-исторический архив, Ленинград

народности». Вместо «мрака» в публикации «Полярной звезды» и в списке Краевского читалось «русского». Столь же бесспорен вариант этих списков в строке: «и, если ее принимали все за хитрую, но чересчур перетоненную* проделку». Во всех прежних публикациях письма эпитет «перетоненную» был обессмыслен искажением «нецеремонную». Полностью оправдывается новыми списками и чтение строки, отсутствовавшей в тексте «Полярной звезды» и искаженной во всех позднейших публикациях письма: «Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы?— попов». Слово «колуханы» (или «колыханы», как в списке Краевского), оставшись непонятым редакторами текста письма даже в последних изданиях Белинского, или исключалось, или заменялось произвольным чтением: «брюхаты». (Между тем «калухан» — слово, употребленное Белинским, зафиксировано как верхневолжский диалектизм даже в словаре В. И. Даля: «Калыга̀н — конский барышник; в бранном значении — плут, мошенник»)[122].

Не перечисляя всех лексических, морфологических, интонационных поправок, вносимых списками Кетчера, Анненкова и Оболенского в общеизвестный текст письма Белинского к Гоголю, отметим лишь наиболее типические из них. Так, строка «А ведь все это теперь вовсе не новость» передавалась до сих пор без слов «все» и «вовсе»; вместо «русских мужиков» писалось и печаталось — «мужиков»; вм. «нельзя умолчать» — «нельзя молчать»; вм. «их выполнение» — «их исполнение»; вм. «по натуре своей» — «по натуре»; вм. «фанатических католиков» — «католиков»; вм. «вовсе не в его натуре» — «не в его натуре»; вм. «по их направлению» — «по направлению»; вм. «только одно» — «одно»; вм. «вы не знали, что творили» — «вы не знали, что говорили»; вм. «скажете вы мне» — «вы скажете»; вм. «так почтенно» — «так почетно»; вм. «гимны устраивают» — «гимн устраивает»; вм. «выразиться» — «выражаться»; вм. «о самом себе как о писателе» — «о себе как писатель»; вм. «отменным умом» — «отличным умом»; вм. «предосудительный» — «превратный»; вм. «восторженных восклицаний» — «восклицаний» и т. д.

Типичной деталью ранних списков являются и обозначения «N» (вместо «Некрасов») и «Зальцбрунн». Во всех более поздних и отдаленных от первоисточника списках вместо «N» и «Зальцбрунн» фигурируют написания «Современник» и «Зальцбург»**.

Как бесспорное свидетельство близости списков Кетчера, Анненкова и Момбелли к подлиннику Белинского должно быть отмечено и наличие в них точной даты автографа: «15 июля н. с. 1847 г.». Указание нового стиля — неизменная принадлежность всех заграничных писем Белинского — не имело, конечно, никакого значения для переписчиков документа, и естественно, что эта помета («н. с.») оторвалась от остального текста письма в первой же стадии его распространения. Наличие отметки «н. с.» в списках Кетчера, Анненкова и Момбелли — признак не только тщательности копииста, но и его уважения к автографу. В списке Оболенского помета «н. с.» отсутствует, но это не снижает его значения, так как по доброкачественности всего остального текста он стоит в ряду списков, наиболее близких к утраченному оригиналу.

Эта близость к оригиналу Белинского и гарантировала названные списки от тех грубых искажений текста письма, которыми испещрены были все прочие копии.

Итак, в основу предлагаемого нами критического текста письма Белинского к Гоголю положен список Кетчера, как наиболее

* В списке Момбелли описка: «перетонченную».

** В списке Момбелли описка: «Зальцбрук». Отметка «Зальцбрунн» в «Полярной звезде» является, повидимому, поправкой Герцена, а не особенностью списка Чумикова.

авторитетный, с исправлением в нем явных ошибок, описок и пропусков по спискам Оболенского, как одного из самых ранних, и Момбелли, как современного им и достаточно авторитетного.

Исправления эти таковы: «и если ее принимали» (Момбелли; также — Павлов, Щукин) вм. «и если ее приписали»; «со своими крестьянами» (Момбелли) вм. «с своими крестьянами»; «смысл учения Христова» (Момбелли; также — Краевский) вм. «смысл учения Христова слова»; «никогда ничем» (Момбелли; также — Рогожин) вм. «никогда и ничем»; «своими сочинениями» (Момбелли) вм. «своим сочинением»; «когда тот, кто» (Момбелли) вм. «когда тот, который»; «почему у нас так легок литературный успех» (Оболенский, Момбелли; также — Забелин, Рогожин) вм. «почему у нас легок литературный успех»; «их энтузиазм» (Оболенский; также — Забелин) вм. «энтузиазм».

Перечисленные исправления (конъектуры), сделанные нами в восьми местах, внесены в текст списка в результате анализа стиля и содержания письма Белинского к Гоголю. Строка «только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто» ⟨разрядка наша.— *К. Б.*⟩ исправлена нами не потому только, что она такова в списке Момбелли, а потому, что это — перифраза Белинским письма Гоголя к С. С. Уварову от 2 мая 1845 г. и проекта всеподданнейшего письма 1847 г., где сказано именно «своими сочинениями» и «тот, кто» [123].

Незначительность и случайность всех дефектов текста письма Белинского к Гоголю в копиях Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли наглядно подтверждается сравнением с ними даже родственных им списков. Так, например, в копии Н. Ф. Павлова[126], датируемой 1849 г., искажены были, сбиваясь местами на пересказ, даже центральные политические формулировки письма. Строки: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» — в списке Павлова передавались в следующей сокращенной и извращенной редакции: «Национальные вопросы в России: 1) уничтожение крепостного имущества, 2) отменение телесного наказания, 3) введение по возможности строгого выполнения тех законов, которые уже есть».

В списке Павлова отсутствовали такие строки, как: «Но смысл учения Христова слова открыт философским движением прошлого века», «Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику». Вместо «Чичиковы, Ноздревы, Городничие» в списке Павлова читалось: «Ноздрев, Городничий»; вм. «действительно не совсем лестным» — «не совсем лестным»; вм. «под покровом» — «под покровительством»; вм. «самого большего» — «большого»; вм. «только как художника» — «как художника»; вм. «и навозе» — «и неволе»; вм. «права и законы» — «правительство и законы»; вм. «неужели вы искренно» — «вы искренно»; вм. «ясности и положительности» — «яснее и положительнее»; вм. «нетерпимости и фанатизма» — «нетерпимости»; вм. «подобных убеждений» — «ваших убеждений»; вм. «затмили» — «заменили»; вм. «великих поэтов» — «всяких поэтов»; вм. «камер-юнкерскую» — «камергерскую»; вм. «самодержавия, православия и народности» — «православия и народности»; вм. «цинически-грязно» — «ученически грязно»; вм. «сегодня же еду»—«поеду сегодня»; вм. «и Некрасов» — «и „Современник“». Очень характерна для копии Павлова произвольная перестановка слов (вм. «нашли общего» — «общего нашли»; вм. «близких к вам» — «к вам близких»; вм. «вполне исчерпано» — «исчерпано вполне» и т. п.), замена одних глагольных форм другими (вм. «написали бы вы» — «писали бы вы»; вм. «надо спешить» — «надобно поспешить»; вм. «приглядитесь» — «приглянитесь»; вм. «овладевает» — «овладеет»; вм. «передавши» — «передавая»;

1 Остенде 10 Авгус

10

Я не мог отвечать скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, все во мне потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не было бы нанесено поражений, еще прежде чем я получил ваше письмо. Письмо ваше я прочел почти бесчувственно, но тем не менее был не в силах отвечать на него. Да и что мне отвечать? Бог весть, может быть и в ваших словах есть часть правды. Скажу вам только, что я получил около пятидесяти разных писем по поводу моей книги: ни одно из них не похоже на другое, нет двух человек согласных во мнениях об одном и том же предмете, что опровергает один, то утверждает другой. И между тем на всякой стороне есть равно благородные и умные люди. Покуда мне показалось только то неопровержимою истиною, что я не знаю вовсе России, что много изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать все, что ни есть в ней теперь. А вывод из всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писания, по тех пор, покуда приехавши в Россию не увижу многого своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укоривши меня в незнании многих вещей и необразовании многих сторон, обнаружили передо мною собственное незнание многого и собственную необразованность многих сторон. Не все вы вдруг успели, не все стороны выслушали. Мне кажется даже, что не всякий из нас понимает нынешнее время, в котором так явно проявляется дух построения полнейшего более, нежели когда либо прежде, все выходит теперь наружу, всякая вещь просит и ее принять в соображение, старое и новое выходит на борьбу и чуть только на одной стороне перевесит и победит в чем-нибудь, как в стороне

тотчас перевесит и на другой. Наступающий век есть век разумного сознания; не горячится он, взвешивает все, приемлет все стороны к сведению, без чего нельзя узнать разумной середины вещей. Он велит как оглядывать многосторонний взгляд натурального, а не горячую привычку пристрастных прошедших времен. Мы рождены перед этим веком. Поверьте мне, что и вы и я виновны равномерно перед ним. И вы и я перешли в излишества. Я по крайней мере сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы? Точно таким же образом, как я упустил из виду современные дела и множество вещей, которые следовало принять в соображение, точно таким же образом упустили и вы; как я слишком сосредоточился в себе, так вы слишком разбросались. Как мне нужно узнавать многое из того, что знаете вы и чего не знаю я, так и вам тоже следует узнать хотя часть того, что знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете.

Не кстати Я покамест пожелаю прежде всего вашего здоровья. Оставьте на время современные вопросы. Вы потом возвратитесь к ним с большею зрелостью, может быть и с большею пользою как для себя, так и для других. Желаю вам от всего сердца спокойствия душевного, первейшего блага, без которого нельзя действовать и поступать разумно ни на каком поприще.

Н. Гоголь

В одно время с письмом к вам отправил я письмо и к Анненкову. Спросите у него, получил ли он его. Я адресовал в Poste restante

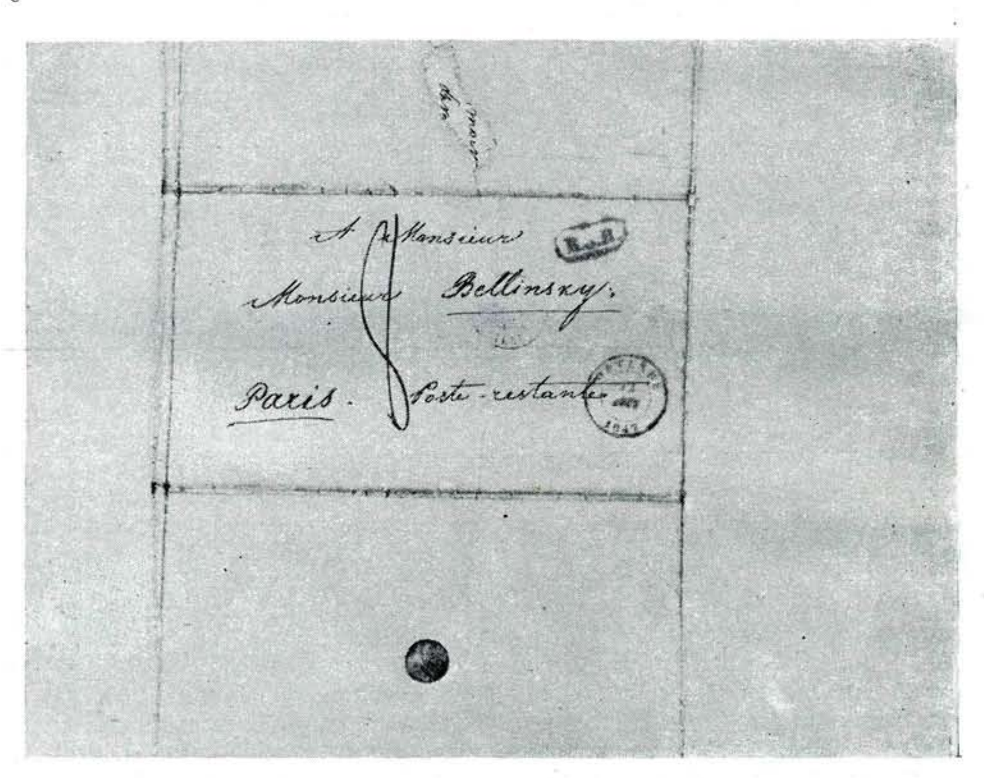
АВТОГРАФ ОТВЕТНОГО ПИСЬМА ГОГОЛЯ БЕЛИНСКОМУ ОТ 10 АВГУСТА 1847 г.

Находится в «деле» Н. Ф. Павлова

Центральный исторический архив, Москва

вм. «не хотят»—«не хотеть»; вм. «ошибался»—«ошибаюсь» и т. п.); произвольная замена союза «и» запятой (вм. «здравым смыслом и справедливостью» — «здравым смыслом, справедливостью»; вм. «чорта и ада» — «чорта, ада» и т. д.).

Список Павлова — один из типичных массовых списков, стоящих на грани полной деформации текста. Мы остановились подробно на особенностях его вариантов только затем, чтобы резче оттенить его отход от текстов Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли, более тесно и непосредственно связанных с первоисточником, восходящим к оригиналу Белинского.

АВТОГРАФ ОТВЕТНОГО ПИСЬМА ГОГОЛЯ БЕЛИНСКОМУ ОТ 10 АВГУСТА 1847 г.
Находится в «деле» Н. Ф. Павлова
Последний лист письма с адресом на французском языке; направлено Белинскому в Париж
Центральный исторический архив, Москва

Все прочие рассматриваемые нами далее списки, независимо от времени их составления, степени авторитетности и характера отступлений от оригинала, объединяются в группу списков смешанного типа, сочетающих в себе особенности копий Кетчера и Момбелли (т. е. московское и петербургское происхождение).

В Гос. историческом музее находятся еще два списка письма Белинского к Гоголю, по своему типу примыкающих к списку Кетчера. В них точно переданы строки о попах и сохранены варианты «перетоненную», «мрака самодержавия», «N.» (т. е. Некрасов, а не «Современник»).

Лучший из них — автограф историка И. Е. Забелина [124], представляющий собою тетрадь (без обложки, на 18 лл.) с копией всей переписки Белинского с Гоголем. В списке Забелина встречается очень небольшое количество описок. Вот наиболее существенные из них: «приписали» вм.

«принимали»; «только нечем откупиться» вм. «нечем откупиться»; «она ведь всегда была» вм. «она всегда была»; «непогрешительную истину» вм. «неоспоримую истину»; «выражаться» вм. «выразиться»; «Зальцбург» вм. «Зальцбрунн» (в обоих случаях) и т. д.

Второй список из собрания купца-коллекционера Н. П. Рогожина [125]. Тетрадь (без обложки, на 6 лл.) с копией также всей переписки Белинского с Гоголем. Список сделан довольно небрежным почерком и обладает значительно бо́льшим количеством пропусков и описок, чем забелинский, хотя в нем и сохранилась пометка «н. с.». Например: «приняли» вм. «принимали»; «она их слышала» вм. «она слышала их»; «она их твердила» вм. «она твердила их»; «императоры» вм. «плантаторы»; «ваньками, васьками, палашками» вм. «Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками»; «всех в негодование» вм. «меня в негодование»; «гонителем» вм. «гонительницею»; «овладеет» вм. «овладевает»; «постигает» вм. «постигнет»; «книга писалась ⟨...⟩ два или три года» вм. «год, два или три»; «смысл» вм. «толк»; «в своих писателях» вм. «русских писателях»; «шпионы» вм. «Шпекины», «Зальцбург» (в обоих случаях) вм. «Зальцбрунн» и «15 июня» вм. «15 июля».

Признаки деформации, резко обнаружившиеся в копии Павлова, характерны и для списка письма Белинского, сохранившегося в архиве М. И. Пущина[127]. Этот список также генетически связан с копией Кетчера. В инвентарных описях список Пущина датируется концом 1840-х годов. Эта датировка, конечно, очень условна и не имеет серьезного значения, ибо исключительная небрежность переписчика очень суживает возможности правильного учета его вариантов. Так, например, бережно сохраняя контуры ранних списков письма, повторяя даже такую характернейшую описку копии Анненкова, как пропуск нескольких слов в сентенции о «духе и форме христианства нашего времени», список Пущина некоторыми своими разночтениями уже близок к копиям Краевского и Чижова («просвещение» вм. «просветление»; «Зальцбург» вм. «Зальцбрунн»). Точная передача деталей списков Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли сочетается в копии Пущина с грубейшими искажениями («Да, я люблю вас» вм. «Да, я любил вас»; «папы, архимандриты» вм. «попы, архиереи»; «непристойную» вм. «похабную»; «заступников» вм. «защитников»; «атеизму» вм. «китаизму»; «рабскими» вм. «робкими»; «я ошибаюсь в моих о вас понятиях» вм. «я ошибался в моих о вас заключениях» и т. д.).

К группе московских списков, близких по типу к списку Кетчера, принадлежит и позднейшая копия, видимо 1860-х годов, из собрания В. Ф. Груздева [128]. О близости этого списка к первым свидетельствуют аналогичные чтения в них ряда мест: «орудием насмешки потушивший»; «по Христу»; «А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста»; «Кого русский народ называет дурья порода, колуханы, жеребцы? — Попов»; «фанатических католиков»; «теологическим педантизмом»; «великих поэтов»; «мрака самодержавия»; «отменным умом»; «восторженных восклицаний»; «N» (а не «Современник»); «Зальцбрунн» (при дате, в тексте письма ошибочное: «Зальцбург») и др. Наряду с достоинствами, указывающими на доброкачественное происхождение списка Груздева, в нем встречается большое число пропусков и искажений текста. Искажения эти таковы: «пересоленную» вм. «перетоненную»; «Пашками» вм. «Палашками»; «агенту из помещиков» вм. «адепту из помещиков»; «мраколюбия» вм. «мракобесия»; «сродницей деспотизма» вм. «угодницей деспотизма»; «ваши папы» вм. «ваши попы»; «то толстыми брюхами, то теологическим педантизмом, то диким невежеством» вм. «толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством»; «великую и непогрешительную истину» вм. «как великую и неоспоримую истину»; «торжественности» вм. «тожественности»; «пассивного благочестия»

вм. «наивного благочестия» и т. д. Пропущены кописистом иногда слова, как: «только как художник», «не в мистицизме», «глубоко-истинными», «принципа ортодоксии», «духовенства всегда», «ваш византийский бог», «чувства самодовольства» и др.

Довольно близок к спискам Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли, несмотря на элементы некоторой деформации, список письма Белинского из собрания П. И. Щукина[129].

Список этот поздний. Его дата — начало 1854 г., но в нем сохранились некоторые характерные черты самых ранних и авторитетных копий (например: «мрака самодержавия», «перетоненную проделку», «по Христе» и т. д.). Наряду с этим в щукинском списке вместо «Зальцбрунн» появляется «Зальцбург», «N» (Некрасов) неправильно расшифровывается как «Современник», а о небрежности кописта свидетельствует обилие таких искажений, как «бедных негров» вм. «белых негров»; «купеческого права» вм. «крепостного права»; «цинически-грозно» вм. «цинически-грязно»; «истинную добродетель» вм. «истину и добродетель»; «затоптанного» вм. «потерянного»; «покорным унижением» вм. «позорным унижением»; «скотам» вм. «сатане» и пр.

Одним из интересных списков является список Н. Я. Колобова[130]. В основу его явно положен текст, совпадающий с копиями Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли. Но текст этот испорчен искажениями, пропусками и произвольными домыслами кописистов (и возможно не в одной стадии копирования). Искажения эти таковы: вм. «чтобы я считал» написано «что я считал бы»; вм. «Чичиковы, Ноздревы, Городничие» — «Ваш Чичиков, Ноздрев, Городничий»; вм. «перетоненную» — «переточеную»; вм. «самосознанию» — «самопознанию»; вм. «высокое» — «всякое»; вм. «не организовалось в церковь и не приняло» — «не организовалась церковь и не приняла»; вм. «потушивший» — «нарушивший»; вм. «светской власти» — «зверской власти»; вм. «смело дошли» — «и если еще не дошли»; вм. «отстаивали» — «оставили»; вм. «Пушкина, литературу» — «русскую литературу»; вм. «смирение» — «служение»; вм. «с Ан⟨нен-ковым⟩» — «в Англию» и т. д.

Наряду с этими искажениями в списке Колобова встречается множество пропусков, сделанных явно по небрежности или непониманию кописта. Например, пропущены слова: «привыкли», «предметы такими, какими нам хочется их видеть», «тревожно», «и мракобесия, панегирист», «Шпекины» и т. д. Но о доброкачественной текстовой основе списка Колобова говорят многократные совпадения его со списками Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли в таких ответственных местах, как: «огромные корпорации», «неумытыми рылами», «неумытое рыло», «и без того потому и не умываются», «колуханы», «превратный толк», «готовая простить», «Ваша книга испугала» и др.

На близость этого списка к копиям Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли указывают и отсутствие в нем неправильной расшифровки «N» как «Современник» и дважды правильно повторенное слово «Зальцбрунн». Ошибка «в Англию» вместо «с Анненковым» делается понятной, если мы сравним это место с копией Оболенского или Забелина, где фамилия Анненкова сокращена—«Ан.», и поэтому осмыслена переписчиком как «в Англию».

Особенно близки к списку Момбелли по своим текстологическим особенностям, хотя и с многочисленными искажениями, копии письма Белинского в собраниях А. А. Краевского, Б. Э. Нольде, М. И. Семевского, в рукописном сборнике 1857—1858 гг. и в публикациях «Полярной звезды» и В. П. Чижова.

Список из собрания Б. Э. Нольде, поступивший в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде)

в 1919 г., не датирован, и происхождение его неизвестно. Бумага калужской фабрики И. Аристархова (та же, что и в списке Кетчера) позволяет отнести его к концу 1840-х — началу 1850-х годов. Как признак более поздних списков в копии Нольде надлежит отметить неполноту датировки (отсутствие отметки «н. с.»), двукратное «Зальцбург» (вместо «Зальцбрунн»), исправление первоначально написанного «N» на «Современник». Список сделан, видимо, с очень неисправного оригинала и сочетает искажения первоисточника с новыми ошибками кописта. Однако он имеет следы позднейших исправлений. Так, произвольная вставка не принадлежащих Белинскому слов о том, что «Пушкин, литература и театры 〈...〉 не только не полезны русскому народу, но даже могут служить к его погибели», выправляется в списке позднейшей карандашной вставкой, точно передающей подлинник: «Нисколько не могут служить к спасению души, но даже могут служить к ее погибели». Домыслы кописта получают здесь отражение и в других отступлениях от оригинала. Так, вместо «она» (т. е. Россия, в известной строке «ей нужны не проповеди, не молитвы») появляется двукратное «мы»: «довольно мы слышали их!», «довольно мы твердили их!» Вместо «Чичиковы, Ноздревы, Городничие» в списке оказываются — «Ваши Чичиковы» и пр.; «неумытое рыло» заменяется «невымытым рылом»; в сентенции «это теперь не новость для всякого гимназиста» вм. «гимназиста» мы читаем «студента»; вм. «колуханы» — «шелыганы» [131]; вм. «похабную сказку» — «соблазнительную сказку»; вм. «в ложном отношении» —«в ложном положении»; вм. «у него есть будущность» — «у нас есть будущность»; вм. «у русского человека» — «у русского общества»;

ПЕРЕДНЯЯ ЧАСТНОГО ПРИСТАВА В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ
Акварель П. А. Федотова, 1837 г.
Третьяковская галлерея, Москва

вм. «тяжко зрелище угнетения» — «тяжело зрелище унижения» и т. д. Несколько десятков пропусков, описок и произвольных перестановок слов свидетельствуют о небрежности кописта списка Нольде в такой же степени, как прямые искажения текста подтверждают неисправность его оригинала [132].

Однако наряду с этим список Нольде дает варианты, характерные как для самых ранних списков письма Белинского, так и для позднейших его искаженных копий. К числу первых относятся такие чтения, как «мрак самодержавия», «перетоненная проделка», «она не так красива и не так безопасна». К числу вторых принадлежат мелкие варианты, роднящие список Нольде с копиями Краевского и публикацией «Полярной звезды» и отсутствующие в более авторитетных списках.

Близок к списку Нольде список из собрания М. А. Васильева, 1850-х годов [133],— одна из типичных копий петербургского происхождения, идущих от списка Момбелли. Текст списка Васильева испорчен явными описками, пропусками, перестановками и домыслами кописта. Так, например, вм. «истину и добродетель» в списке Васильева написано: «истинную добродетель»; вм. «не смею досказать» — «не умею досказать»; вм. «угодницей деспотизма» — «поборницей обскурантизма»; вм. «положительности в уме» — «положительности в душе»; вм. «диким невежеством» — «одним невежеством»; вм. «набожного автора» — «небогатого автора»; вм. «подобных убеждений» — «последних убеждений»; вм. «унижения» — «утеснения»; вм. «вашим сочинениям в России» — «вашим произведениям на Руси»; вм. «мишуру эполет» — «славу эполет»; вм. «тамошние Шпекины» — «там есть люди»; вм. «Зальцбрунн» — «Зальцбург».

Встречаются в списке Васильева и добавления новых, ранее не известных слов. Например: вм. «не в его натуре»— «не в его духе, не в его натуре»; вм. «признаться» — «признаться сказать»; вм. «великий писатель»— «ее великий писатель» и др. Но ряд ответственных мест в тексте письма Белинского в списке Васильева передан, как и в наиболее авторитетных списках: «мрак самодержавия», «перетоненная проделка», «Некрасов» (а не «Современник»). Несколько изменена в списке Васильева строка о попах: «Кого русский народ называет дурьей породой, шалыганами, жеребцами? — попов». Датировка письма совсем выброшена копиистом.

Того же типа, что и последние копии, списки В. П. Чижова и М. И. Семевского. О первом из них (точнее, о тех цитатах, которые только и дошли до нас из этого списка) мы говорили уже в обзоре первопечатных текстов письма Белинского. Список же М. И. Семевского, датированный переписчиком «12 августа 1853 г.», восходит к хорошему оригиналу, но особой тщательностью не отличается [134]. Рукой М. И. Семевского в нем сделано много уточнений, но работа эта не доведена им до конца. В списке сохранилась точная дата оригинала письма «июля 15 (нового стиля)», первоначальное «N» (вместо «Некрасов»), но уже вместо «мрака самодержавия» оказалось «русского самодержавия» (как в списке Краевского и в публикации «Полярной звезды»), вм. «перетоненную» — «нецеремонную» (как в тех же источниках), вм. «Зальцбрунн» — «Зальцбург»; вм. «почесывая себе» — «почесывают у себя»; вм. «никогда не видели» — «не видели»; вм. «о себе как о писателе» — «о себе как писатель» и т. д.

В рукописном сборнике 1857—1858 гг.[135] находятся три выписки, содержащие наиболее острые антиправительственные места из письма Белинского к Гоголю. Выписки эти таковы: 1) с начала письма до слов: «апатическом полусне»; 2) со слов: «Проповедник кнута» до «перед нею числительно» и 3) со слов: «Вы сколько я вижу не совсем хорошо понимаете русскую публику» до «падению Вашей книги». Совершенно очевидно, что владелец сборника пользовался для своих выписок копией письма смешанного типа, совпадающей со списками и Момбелли, и Анненкова, и Пущина.

и Нольде. Со списком Момбелли совпадают следующие варианты: «хорошо вам» вм. «вам хорошо»; «принимали» вм. «приписали» и др. Со списком Анненкова: «любовь мою» вм. «любовь свою»; «выполнение» вм. «исполнение» и др. Со списком Пущина: «она их слышала» вм. «она слышала их»; «сочинения» вм. «стихотворения» и др. Со списком Нольде: «шалыганы» вм. «колуханы». В выписках неизвестного лица встречается порядочное число пропусков (например: «человек», «хоть на минуту», «для всех русских» и т. д.) и изредка явные описки, вызваннные небрежностью переписчика (например: «помолчать» вм. «промолчать»; «барометр» вм. «характер»; «простую книгу» вм. «плохую книгу» и др.). В этих выписках из письма Белинского мы находим и совершенно новые для нас словосочетания, как: «под защитою религии и покровом кнута» вм. «под покровом религии и защитой кнута»; «ни личности, ни чести, ни собственности» вм. «для личности, чести и собственности»; «татарских прав» вм. «татарских нравов»; «Но зачем вы примешиваете тут Христа? Что вы находите» вм. «Но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли»; «Церковь же является» вм. «Церковь же явилась»; «духовенство народное» вм. «духовенство»; «и в уме и воле» вм. «в уме»; «исторической судьбы» вм. «исторических судеб»; «и в духовенстве» вм. «к духовенству»; «грубым невежеством» вм. «диким невежеством»; «проявляется» вм. «проявилась»; «с меньшею резкостью» вм. «менее резко»; «книги вредной» вм. «зловредной книги».

Очень далек от первоисточника список письма Белинского, находившийся в Премухинском архиве Бакуниных [136]. Его неточности и пропуски — результат как неисправности его оригинала, так и малограмотности переписчика. Так, например: вместо «перетоненную проделку» в копии Бакуниных написано «пересоленную проделку»; вм. «апатическом полусне» — «стратегическом полусне»; вм. «теологический педантизм» — «педагогический педантизм»; вм. «неумытые рыла» и «неумытое рыло» — «неумытые рожи» и «неумытая рожа»; вм. «во всеобщем презрении у русского общества и русского народа» — «в презрении общественном у русского народа»; вм. «опорою кнута» — «подпорою кнута»; вм. «адепту из помещиков»— «одному из помещиков»; вм. «приняло за основание принцип ортодоксии» — «приняло за правило ортодоксию церкви».

Некоторые искажения бакунинского списка совпадают с описками в копии Краевского («а потом невежества» вм. «апостол невежества»; «просвещения» вм. «просветления»). В то же время один из вариантов: «ш... жеребцы» явно восходит к списку Нольде («шалыганы, жеребцы» вм. «колуханы, жеребцы»). Список Премухинского архива не имеет двух последних слов письма и даты. Рукой переписчика помечено: «окончания нет».

Мы не вправе считать вопрос о критическом тексте письма Белинского к Гоголю до конца разрешенным в настоящем издании. Конечно, находки еще более авторитетных списков письма могут уточнить некоторые детали текста, но на данном этапе изучения письма разрешить этот вопрос иначе представляется невозможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. А. Некрасов. Газетная.— Полн. собр. соч. и писем. Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. Т. II, М., 1948, стр. 222.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 20, М., 1948, стр. 223—224.

[3] А. И. Герцен. Былое и думы.— «Русские тени. Н. И. Сазонов».— Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 1919, стр. 575.

[4] Письмо к К. С. Аксакову 17 сентября 1856 г.— «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, М., 1892, стр. 281.

[5] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVII, Пг., 1922, стр. 378.

[6] Н. А. Добролюбов. Дневник. Запись 17 января 1857 г.—Полн. собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 456.

[7] Н. А. Добролюбов. «Сочинения В. Белинского».— Там же, т. II, М., 1935, стр. 471.

[8] Н. А. Добролюбов. «Темное царство».— Там же, стр. 84.

[9] Н. А. Добролюбов. «Сочинения В. Белинского».— Там же, стр. 471.

[10] Газ. «Новая Русь» от 17 мая 1909 г.

[11] М. Антонович. Воспоминания по поводу чествования памяти В. Г. Белинского.— «Русская мысль», 1898, № 12, отд. II, стр. 6.

[12] «Дежурный у тумбочки сидит, какую-то книжицу читает. И до того зачитался, что зайди в то время сам генерал, и то б он, видать, не оторвался от чтения <...> Развернул книжицу, а это письмо Белинского к Гоголю.

Я его раз прочитал, два прочитал, три... и так с тем письмом больше не расставался. Вот однажды в походе в седле сижу и „Письмо к Гоголю" читаю. А впереди меня полковник едет. Доехали к речке. Лошадь моя сразу возьми да и остановись. Я из седла прямо в воду бултыхнулся. А гоголевское письмо из рук выпало и вниз поплыло, мимо полковника. Полковник понял, что я зачитался, и спрашивает:

— Что читали, фельдфебель?

— Отче наш, господин полковник,— вытянулся я.

— А ну-ка, дайте, я взгляну.

Я догнал книжицу, поймал и полковнику подал.

Он посмотрел и десять суток гауптвахты мне дал. В те времена письмо это, как бельмо на глазу, у буржуев сидело». (Рассказ фельдфебеля. Записал Н. Химченко в с. Бардинка Бессоновского р-на Пензенской обл. от Ф. К. Федулеева, 60 лет.— «Земля родная». Лит.-худ. альманах, кн. III, Пенза, 1948, стр. 97).

[13] «Белинский был тем, что я позволяю себе назвать центральной натурой; он всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа, воплощал его вполне ...» (И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— Соч., т. XI, Л., 1934, стр. 402).

[14] Г. В. Плеханов. Белинский и разумная действительность.— Соч., изд. 2-е, т. X, М.— Л., 1925, стр. 251.

[15] Г. В. Плеханов. В. Г. Белинский.— Соч., т. XXIII, М.— Л., 1926, стр. 167

[16] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 5, М., 1946, стр. 342.

[17] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 18, М., 1948, стр. 286.

[18] Там же.

[19] «О „Вехах"».—В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 16, М., 1948, стр. 107.

[20] «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», М., 1909, стр. 56.

[21] Там же, стр. 56.

[22] «Творческое самосознание».— Там же, стр. 82.

[23] Там же, стр. 163.

[24] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 16, М., 1948, прим., стр. 421.

[25] Там же, стр. 108.

[26] «Из прошлого рабочей печати в России». Впервые в спец. выпуске «Рабочий», 1914, № 1 от 22 апреля; В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 20, М., 1948, стр. 223—224.

[27] А. А. Жданов. О журналах «Звезда» и «Ленинград», М., 1946, стр. 23.

[28] И. В. Сталин. 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, М., Госполитиздат, 1947, стр. 30.

[29] «Северная пчела», 1846, № 293 от 31 декабря.

[30] «Современник», 1847, № 2; X, 435—455.

[31] П. В. Анненков. Замечательное десятилетие. 1838—1848, гл. XXXV.— В его кн. «Литературные воспоминания», Л., «Academia», 1928, стр. 581—582.

[32] Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., [1902], т. IV, стр. 44—45.

[33] П. В. Анненков. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 598.

[34] А. И. Герцен. Былое и думы.— «Русские тени. Н. И. Сазонов».— Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 1919, стр. 27, 580.

[35] Там же, стр. 580.

[36] А. И. Герцен. Избранные сочинения, М., ГИХЛ, 1937, стр. 398. Ср. кн. Я. Е. Эльсберга. А. И. Герцен. Жизнь и творчество, М., 1948, стр. 291.

[37] См. письмо Белинского к жене от 3—4 августа н. с. 1847 г.— «Письма», III, 249.

[38] См. письмо Белинского к жене от 5 июня/24 мая 1847 г. — «Письма», III, 214.

[39] Ю. Г. Оксман считает, что в «Двух помещиках» Тургенев пародирует некоторые страницы «Выбранных мест из переписки с друзьями» (Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. I, Одесса, 1921, стр. 6).

[40] Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. I, Одесса, 1921, стр. 6. Ср. статью М. К. Клемана «Программы „Записок охотника"».—Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, вып. XI, 1941, стр. 89.

[41] «Два помещика» намечались для публикации Тургеневым в «Иллюстрированном альманахе» Некрасова 1847 г., не вышедшем в свет из-за цензурных условий. Напечатаны они впервые в отдельном издании «Записок охотника» 1852 г.

[42] «Дневник В. С. Аксаковой», СПб., 1913, стр. 42.

[43] «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 548.

[44] К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.— Собр. соч., т. III, СПб., [1899], стб. 1094.

[45] Местонахождение автографа письма Белинского, полученного Гоголем, никогда не было известно. Возможно, что сам Гоголь уничтожил письмо или потерял его во время своих поездок.

[46] Об ощущении Белинским приближающейся смерти говорят очевидцы. См. письмо Т. Н. Грановского к жене от 28 мая 1848 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 273) и «Воспоминание о Белинском» И. И. Панаева (в его кн. «Литературные воспоминания», Л., «Academia», 1928, стр. 511, 513).

[47] Письма Т. Н. Грановского к жене от 28 и 29 мая 1848 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 273 и 274).

[48] К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.— Собр. соч., т. III, СПб., [1899], стб. 1094.

[49] И. И. Панаев. Воспоминание о Белинском.— В его кн. «Литературные воспоминания», Л., «Academia», 1928, стр. 514.

[50] П. В. Анненков. Замечательное десятилетие. 1838—1848, гл. XXXV.— В его кн. «Литературные воспоминания», Л., «Academia», 1928, стр. 552.

[51] «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, М., 1892, стр. 290—291.

[52] А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, стр. 110—111.

Этот факт подтверждает наше предположение о передаче Белинским копии письма в Москву.

[53] «Полярная звезда на 1862 год», кн. VII, вып. 1, стр. 71; «Петрашевцы», М., 1907, стр. 39.

[54] К. Н. Бестужев-Рюмин. Воспоминания.—Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 67, № 4, 1900, стр. 24—25.

О встречах в это время Плещеева с Грановским и П.Н. Кудрявцевым см. его письмо к Ф. М. Достоевскому от 14 марта 1849 г. («Голос минувшего», 1915, № 12, стр. 60—61, 66).

[55] Ешевский Степан Васильевич (1829—1865) — историк. С 1847 г. студент Московского университета. Работать начал под руководством П. Н. Кудрявцева. Кандидатская диссертация его обратила на себя внимание Грановского. Характерно, что и у второго ученика Грановского—И. Е. Забелина был список письма Белинского. См. стр. 558—559.

[56] ЦГИА, ф. III Отд., 1-я эксп., № 214, ч. 14, 1849 г., л. 163 об.

[57] «Петрашевцы». Сборник материалов. Ред. П. Е. Щеголева, т. III, М.— Л., 1928, стр. 205.

[58] Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1936, стр. 136.

[59] «Петрашевцы», т. III, стр. 183.

[60] Там же, стр. 188.

[61] «Дело петрашевцев», т. I, М.— Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 425.

[62] «Петрашевцы», т. III, стр. 201. В «Выписке из списка лиц, посещавших с 11 марта сего года собрания Петрашевского по пятницам», сказано, что письмо Белинского «принадлежит Филиппову» (Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1936, стр. 71).

[63] П. М. Ковалевский. Встречи на жизненном пути. I. Е. П. Ковалевский.— В кн. Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. С прил. полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского, Л., 1928, стр. 319.

[64] А. П. Милюков. Литературные встречи и знакомства, СПб., 1890. Гл. «Федор Михайлович Достоевский», стр. 183—184.

[65] П. П. Семенов-Тян-Шанский. Мемуары, т. I, «Детство и юность (1827—1855 гг.)», Пг., 1917, стр. 206.

[66] А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. Вступ. статья, ред. текста и коммент. К. Чуковского. М., 1948, стр. 189.

[67] Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, М.— Л., 1936, стр. 99. Ср. «Дело петрашевцев», т. II, М. — Л., 1941, стр. 100 и 213.

[68] ЦГИА, 1-й секретный архив, д. № 99 Б. Донесения Липранди, т. I, лл. 153 и 156. Сообщено Я. З. Черняком.

[69] «Дело петрашевцев», т. I, М. — Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 344.

[70] Д. Д. Ахшарумов. Записки петрашевца, М. — Л., 1930, стр. 27.

[71] «Из записок генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Кузмина».— «Русская старина», 1895, № 3, стр. 78 и 83. Ср. «Дело петрашевцев», т. II, М.— Л., 1941, стр. 236.

[72] Н. Д. Языков, поручик Ген. штаба.

[73] «Дело петрашевцев», т. I, М. — Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 230.

[74] «Петрашевцы», т. III, стр. 207—208.

[75] «Дело петрашевцев», т. I, 1937, стр. 332.

[76] «Петрашевцы», т. III, стр. 88, 185, 189, 200, 208; Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, М.— Л., 1936, стр. 173.

[77] ЦГИА, ф. III Отд., 1-я эксп., 1853 г., д. № 75, приложения: «Бумаги, принадлежащие г. Павлову, требующие особенного объяснения» (Шифр 266/47 б). Материалы о распространении письма Белинского к Гоголю, оказавшиеся в этом «деле», впервые введены в научный оборот Я. З. Черняком в статье «Письмо Белинского к Гоголю» («Красная новь», 1936, № 7, стр. 233—234). Приносим глубокую благодарность Я. З. Черняку, предоставившему нам эти материалы. Автограф ответного письма Гоголя к Белинскому, оказавшийся в этом же деле, опубликован Р. Кантором в «Красном архиве», 1923, кн. III, стр. 309—311.

[78] Имя Н. М. Горлицына как переписчика письма Белинского к Гоголю, обнаруженного в бумагах Н. Ф. Павлова, названо в первом же рапорте на имя московского военного генерал-губернатора от 17 января 1853 г. о результатах обыска в квартире Павлова (д. № 75, лл. 13—14).

[79] Д. № 75, приложения, лл. 18 — 19 об. Ср. «Красный архив», 1923, т. III, стр. 311.

[80] Показания Н. М. Горлицына в д. № 75, лл. 28—28 об., 30—30 об.

[81] Показания К. К. Павловой в д. № 75, лл. 36—37.

[82] Николай Алексеевич Северцов (1827—1885), в это время молодой ученый, впоследствии знаменитый зоолог и путешественник; брат его Александр Алексеевич — историк (Материалы об обоих братьях в эпоху 1840-х годов см. в кн. Л. Б. Северцовой «А. Н. Северцов», М.— Л., 1946, стр. 15—21).

[83] Показания Н. А. и А. А. Северцовых в д. № 75, лл. 34 и 35—35 об.

[84] «Петрашевцы», 1928, т. III, стр. 213.

[85] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III. СПб., 1896, стр. 455.

[86] «Полярная звезда» на 1855 год, кн. 1, стр. X; Полн. собр. соч. и писем Герцена. Т. VIII, Пг., 1917, стр. 205—206.

[87] Центральный гос. архив Октябрьской революции. Герцено-Огаревская коллекция, №132. Принадлежность А. А. Чумикову этого анонимного документа, обнаруженного С. А. Макашиным, установлена Я. З. Черняком. Анонимные публикации А. А. Чумикова в газете «Das Ausland» выявлены С. А. Рейсером. Ответные письма Герцена к Чумикову см. в Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. VI, Пг., 1917, стр. 427—432. Для характеристики А. А. Чумикова (1819—1859) интересны записи в дневнике Н. А. Добролюбова. См. также прим. Ю. Г. Оксмана к Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова, т. III, М., 1936, стр. 665—666.

[88] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. VI, Пг., 1917, стр. 466, 522.

[89] Определение списка письма Белинского к Гоголю, опубликованного Герценом в «Полярной звезде» как сокращенного варианта, приготовленного для перевода, а не для издания на русском языке впервые сделано Ю. Г. Оксманом в докладе «Письмо Белинского к Гоголю», прочитанном в Институте истории АН СССР 10 марта 1948 г.

[90] Грановский — Кавелину 2 окт. 1855 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 456).

В архиве Н. И. Сазонова (ЦГЛА, ф. 476, оп. 1, № 7) хранится список переписки Белинского с Гоголем из «Полярной звезды». Первое письмо Гоголя скопировано полностью. Ответ Белинского оборван после слов: «Не есть ли поп на Руси 〈...〉 И будто всего этого вы не знаете? Странно!» На рукописи помета карандашом: «Писано сыном Алексеем под диктовку Н. М. Сатина». Но судя по точности копии, даже в соблюдении расположения строк, из «Полярной звезды», надо думать, что надпись эта ошибочна.

В архиве П. А. Картавова (Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина) также имеется копия переписки Белинского с Гоголем из «Полярной звезды».

Эти примеры подтверждают наше предположение о роли «Полярной звезды» в популяризации письма Белинского к Гоголю в России.

[91] Статья подписана: Р. Р. Псевдоним Благосветлова раскрыт Г. Прохоровым в обзоре «Судьба литературного наследства Благосветлова».— «Лит. наследство», т. 7—8, 1933, стр. 315.

[92] См. «Дело С.-Петербургского цензурного комитета „Об увольнении цензора А. Ярославцева“» (ЦГИАЛ, ф.777, оп. 2, № 103—1860 г.). Опубл. Г. Прохоровым в указанном обзоре.— «Лит. наследство», т. 7—8, 1933, стр. 315—316.

[93] Изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 531—535. В журнальной редакции монографии Пыпина («Вестник Европы», 1875, № 5, стр. 170) письмо Белинского к Гоголю только упоминалось, а не цитировалось. В самом кратком пересказе, почти без цитат, но с точной ссылкой на публикацию В. П. Чижова, А. Н. Пыпин впервые дал письмо Белинского к Гоголю в «Характеристиках литературных мнений от 20-х до 50-х годов» («Вестник Европы», 1873, № 3, стр. 524—526).

[94] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII, СПб., 1894, стр. 596—617. Список Краевского в редакции Н. П. Барсукова положен был в основание публикации письма Белинского к Гоголю в однотомнике «Избранные сочинения В. Г. Белинского». Вступ. статья и прим. Ф. М. Головенченко. М., 1947, стр. 615—619. Ср. переизд. 1948 и 1949 гг.

[95] С. А. Венгеров. Писатель-гражданин. Гоголь.— Собр. соч. С. А. Венгерова, т. II, СПб., 1913, стр. 202—217.

[96] С. А. Венгеров. Собр. соч., т. II, СПб., 1913, стр. 202.

Эта вдвойне ошибочная библиографическая справка, сделанная, очевидно, по памяти, вошла и в новейшие комментарии к письму Белинского к Гоголю. См. «Избранные сочинения В. Г. Белинского». Т. III. Ред. текста Д. Д. Благого, прим. А. Лаврецкого. М., 1941, стр. 805; «Собрание сочинений в трех томах». Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. Т. III. Ред. текста и коммент. В. И. Кулешова и А. Н. Дубовикова. М., 1948, стр. 896.

[97] С. Ашевский. Осужденная книга.— «Мир божий», 1897, № 5, отд. II, стр. 87—91; Г. Джаншиев. Из эпохи великих реформ, изд. 7-е, М., без года, стр. XI; Г. Джаншиев. Белинский и эпоха реформ.— В сб. «Памяти В. Г Белинского», М., 1899, стр. 59, 61.

В 1902 г. П. А. Картавов, издавая сборник «Литературный архив», пытался напечатать в нем (наряду с неизданными произведениями Некрасова и несобранными статьями и стихотворениями И. Аксакова, Растопчиной и др.) письмо Белинского к Гоголю. Об этом доложил в Петербургский цензурный комитет 1 мая 1902 г. цензор Соколов: «распространение этого письма <...> едва ли будет своевременным ввиду резкости его тона и тенденциозности содержания». Комитет определил: «Письмо Белинского к Гоголю не дозволить в сборнике».

В ЦГИА (в Ленинграде) хранится неправленный оттиск письма Белинского, принадлежавший П. А. Картавову. Текст письма в нем настолько искажен, что при чтении возникает мысль: не восходит ли он к списку, писавшемуся по памяти кем-нибудь из лиц, знавших письмо наизусть, в 1840—50-х годах. Интересно, что наряду с *пропусками и искажениями в оттиске имеются дополнения и исправления* текста, встречающиеся в списках письма начала 1850-х годов. Еще более любопытно, что в нем появились выражения, совершенно не встречающиеся ни в одном из списков. Так, например, после слов: «... Вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречие, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр <...> которые нисколько не могут служить к спасению души, но много даже к ее погибели» в оттиске стоит: «Бедная душа!» После фразы «Все это нехорошо», следующей за осуждением похвал Вяземскому, в оттиске напечатано: «Ей-богу, нехорошо». За характеристикой положения русского общества, «в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, апатию да тоску», следует целая тирада, в других списках отсутствующая: «Вот почему у нас проводят время или в назидательных танцах, или для всех и каждого равно неинтересном преферансе, или в пошлом разврате».

После слов о том, что публика «всегда готова простить писателю плохую книгу, но *никогда не простит ему зловредной книги», включена новая фраза: «Я чувствую себя* счастливым, писав эти строки».

В архиве П. А. Картавова (в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) обнаружена вторая корректура письма Белинского к Гоголю с кратким предисловием издателя, кончавшимся словами: «Мы печатаем переписку по имеющейся у нас копии, ввиду разницы ее против напечатанного у Пыпина». В этой корректуре, по сравнению с первой, имеется ряд сокращений цензурного характера. (Сообщено Р. Б. Заборовой.)

[98] Соч. В. Г. Белинского в четырех томах, изд. 2-е, Ф. Павленкова, СПб., 1900, т. IV, стб. 1256—1264 (ц. р. 1 августа 1900 г.); Соч. В. Г. Белинского в четырех томах. Киев — Петербург — Харьков, Ф. А. Иогансон, 1902, т. IV, стб. 645—651 (ц. р. Киев 17 мая 1902 г.).

[99] Отношение начальника Главного управления по делам печати Н. Зверева к председателю Совета Главного управления по делам печати А. А. Катенину от 4 ноября 1903 г. (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 5, ед. хр. № 9, л. 3—3 об.).

[100] Цензор Н. Соколов, пропустивший IV т. павленковского издания, давал объяснение начальнику Главного управления по делам печати и ссылался в свое оправдание на публикацию письма Белинского в труде Барсукова, а также на дороговизну павленковского издания (Протокол заседания от 12 ноября 1913 г.—Там же, л. 86).

[101] «Приближение развязки».—В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 9, 1947, стр. 421.

[102] В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. С предисл. С. А. Венгерова. СПб., кн-во «Светоч» (серия «Избранные произведения полит. лит-ры», № 2), 1905, стр. 22; изд. 2-е, 1906. С. А. Венгеров разъяснял: «для популярной брошюры не было надобности углубляться в изучение текста, и я взял его из „Полярной звезды“, прибавив только одну, весьма характерную фразу <...> из текста, напечатанного Барсуковым по копии Краевского» (Собр. соч. С. А. Венгерова, т. II, СПб., 1913, стр. 203). Допол-

нительные строки, которые имел ввиду С. А. Венгеров, заключались в указании Белинского на то, что письмо Гоголя переслано было ему Некрасовым и что он из Зальцбрунна выезжает с Анненковым в Париж. Из брошюры С. А. Венгерова текст зальцбруннского письма, со всеми пробелами и искажениями «Полярной звезды», перепечатан был в «Письмах Белинского» под ред. Е. А. Ляцкого (т. III, СПб., 1914, стр. 230—239). См. еще наст. том, стр. 207—208.

Воспроизведением текста «Полярной звезды» является также публикация письма к Гоголю в «Избранных философских сочинениях В. Г. Белинского». Под общ. ред. М. Т. Иовчука. Ред. текста и коммент. В. С. Спиридонова. М., 1941, стр. 467—474. Этот же искаженный текст перепечатан и в изданиях 1948 г.

[103] Там же, стр. 8.

[104] «Письмо В. Белинского к Н. Гоголю», СПб., изд. В. Яковенко, 1905. 16 стр.

[105] См. И. В. Владиславлев. Русские писатели, Л., 1924, стр. 234. 2-е изд. книги Богучарского увидело свет только в 1919 г. (Пг., «Атеней», 1919).

[106] ЦГИА, ф. 777, оп. 48, № 168 «Дело С.-Петербургского комитета по делам печати 1913 г. о брошюре „Письмо В. Белинского к Гоголю. Изд. В. Яковенко ⟨...⟩ 1905 г.“». На 6 лл.

[107] Там же.

[108] «Письмо В. Белинского к Н. Гоголю», М., «Идея», 1914. 16 стр.

[109] ЦГИА, ф. 776, оп. 17, ед. хр. 687 «Дело II отд. Канцелярии Главного управления по делам печати о наложении ареста на брошюру: «Письмо В. Белинского к Н. Гоголю“, М. Тип. В. ⟨!⟩ Д. Плещеева». На 4 лл.

[110] Первая публикация после 1917 г.— В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. Предисл. П. С. Когана. М., изд. «Красная новь», 1923. Коган перепечатал текст письма из издания «Светоча» 1905 г.

[111] В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. Ред., предисл. и прим. Н. Ф. Бельчикова. М., Гослитиздат, 1936. См. еще заметку Н. Ф. Бельчикова «Письмо Белинского к Гоголю. Ист. справка».— «Лит. газета», 1936, № 33 от 10 июня.

[112] Текст письма вошел во все советские издания сочинений Белинского (см. библиографию в т. 57 «Лит. наследства»).

[113] В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах. Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. Т. III. Ред. текста и коммент. В. И. Кулешова и А. Н. Дубовикова. М., 1948, стр. 707—715; В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. Ред., послесл. и прим. Ф. М. Головенченко. М., Гослитиздат, 1947.

[114] В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения. Под общ. ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой. Ред. текста и прим. В. С. Спиридонова. Т. II. М., 1948, стр. 512—522, прим.— стр. 586.

[115] В. Г. Белинский. Избранные педагогические сочинения. Под ред. Е. Н. Медынского. М.— Л., 1948, стр. 108—115, прим.— стр. 271.

[116] «В. Г. Белинский о Гоголе». Статьи, рецензии, письма. Ред., вступ. статья и коммент. С. Машинского. М., Гослитиздат, 1949, стр. 358—367.

[117] Бумага — фабрики И. Аристархова (та же, что в списках Павлова и Нольде). Шифр М. 5184/9а.

О фонде Н. Х. Кетчера см. «Записки Отделения рукописей Гос. публичной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 9, М., 1940, стр. 5—17.

[118] Список этот находится в тетради (на 20 лл.), в которую вписаны и оба письма Гоголя. ИРЛИ АН СССР (ф. 7, № 129).

[119] Список в тетради на 19 лл., заполненной не писарским почерком (Гос. исторический музей. Шифр 693/3 А 343/Г 84 б).

Список Оболенского указан нам М. Ю. Барановской, которой мы приносим глубокую благодарность.

Тетрадь со списком находится среди писем разных лиц к Е. П. Оболенскому. Но для определения момента, когда она попала в руки Оболенского, то есть была ли прислана ему в начале 1849 г. с оказией в Ялуторовск или он получил ее после возвращения из Сибири в 1856 г. в Калуге, данных нет.

[120] Список под названием «Письмо Белинского к Гоголю» входит вместе с двумя письмами Гоголя к Белинскому в тетрадь, приложенную к делу Н. А. Момбелли (см. о нем стр. 534). ЦВИА (Ленингр. отделение), ф. № 9, «Главное Военно-судное управление», д. № 55, ч. 7, лл. 69 об.— 74.

Выписки из списка опубликованы в сб. «Петрашевцы», т. III, 1928, стр. 211—212.

Кроме того, нам известны выписки из этого же списка в неопубликованной сводке донесений Антонелли и Липранди по делу петрашевцев (ЦГИА, ф. III Отд., 1-я эксп., д. № 214, ч. 142, л. 163 об.).

[121] Этим же карандашом слово «мрака» исправлено на «кулака», так же как и выше слово «мракобесия» исправлено на «кнутобесия». Повидимому, эти разночтения были перенесены следователем из копии Комарова (лежавшей в деле ранее списка Момбелли), где они сделаны были ошибочно.

ЦВИА (Ленингр. отделение), ф. № 9, «Главное Военно-судное управление», д. № 55, ч. 7, лл. 56—67.

[122] В. И. Д а л ь. Толковый словарь, т. II, М., 1935, стр. 79. Слово «калухан» у Даля имеет несколько иной смысл: «Калухан — еретик, отщепенец, отступник от православия; особ. молокан, духоборец или скопец» (тамбовский диалектизм). — Т а м ж е, стр. 79. См. еще А. Н. А ф а н а с ь е в. Русские заветные сказки, стр. 83 — «Погоди! Я его долгогривого колухана обтяпаю!».

[123] «Письма Н. В. Гоголя». Ред. В. И. Шенрока. СПб., [1902], т. III, стр. 53 и 316.

[124] Копия Н. Ф. Павлова, первые сведения о которой появились еще в 1936 г. в статье Я. З. Ч е р н я к а «Письмо Белинского к Гоголю» («Красная новь», 1936, № 7), до последнего времени оставалась даже не описанной. В 1941 г. Д. Д. Б л а г о й, редактируя текст письма Белинского к Гоголю, отмечал, что список Н. Ф. Павлова как «один из самых авторитетных» положен был им «в основу» установленной редакции этого документа («Избранные сочинения В. Г. Белинского», т. III, М., 1941, стр. 605—612 и 805—806). Но, видимо, условия издания не позволили Д. Д. Благому охарактеризовать ни особенностей нового списка, ни принципов, которыми он руководствовался, выбирая те или иные варианты.

Список Павлова — тетрадь на 8 лл., сплошь исписанных скорописью. Заглавия и подписи нет. Бумага без водяных знаков. Находится в деле «Бумаги, принадлежащие г. Павлову, требующие особенного объяснения» (ЦГИА, шифр № 266/47б). Письмом Белинского к Гоголю и открывается дело. Далее следует подлинник ответа Гоголя Белинскому и автографы стихотворений И. С. Аксакова «Не в блеске пышного мечтанья...» и «Голос века».

[125] Список на лл. 3—16 тетради И. Е. Забелина под названием: «Б. к Г.».— Гос. исторический музей, ф. Забелина, № 440, ед. хр. 1061.

[126] Список на лл. 2—6 тетради из собрания Н. П. Рогожина под заглавием: «От Белинского к Гоголю».—Гос. исторический музей, ф. Рогожина, № 46633 — Р. арх. 711.

[127] Список М. И. Пущина — писарской, малограмотный, входит в тетрадь (на 18 лл.), озаглавленную «Переписка Гоголя с Белинским».— ИРЛИ АН СССР 6513. XXXIII, б. 55.

[128] Список В. Ф. Груздева находится в тетради на 18 лл. вместе с двумя письмами Гоголя к Белинскому. В советские годы на него нанесены поправки из печатного текста (по новой орфографии). Поступил в ИРЛИ АН СССР с бумагами В. Ф. Груздева (№ 212). Сообщено В. И. М а л ы ш е в ы м.

[129] Список входит в рукописный сборник «Статьи о Гоголе и его сочинениях» (Гос. исторический музей, ф. 343/10, инв. № 23898/125). Сборник начинается копией статьи Белинского о «Выбранных местах» в «Современнике» 1847 г. и включает два письма Гоголя и зальцбруннский ответ Белинского. Фамилия составителя сборника очень неразборчива (Н. Коленов? или Н. Калиновский?).

[130] Список Н. Я. Колобова под заглавием «Ответ Белинского Гоголю» входит в состав рукописного сборника (на 257 лл.). Кроме него, в сборнике находятся выписки правительственных указов, разных исторических сведений из печати 1856—1860 гг., списки запрещенных стихотворений Пушкина, В. С. Курочкина и других, извлеченные из изданий русской вольной печати. Список письма Белинского (на лл. 218—227) написан другим почерком, чем весь сборник, и на другой бумаге (ф-ки Аристархова, № 4). (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина—№ 66). Николай Яковлевич К о л о б о в (1866—1930) — петербургский купец 2-й гильдии.

[131] Шалыган — вор. См. В. И. Д а л ь. Толковый словарь, М., 1935, т. IV, стр. 639.

[132] Список представляет собой тетрадь на 14 лл. Написан двумя почерками явно интеллигентных людей. С поправками карандашом (Q XV. 167).

[133] Список М. А. Васильева находится в тетради на 10 лл. вместе с первым письмом Гоголя к Белинскому (ИРЛИ АН СССР. Шифр: ф. 141, № 24).

Михаил Андреевич В а с и л ь е в (1878—1944) — историк литературы, профессор Казанского университета.

[134] Список входит в состав большого рукописного сборника запретных произведений, принадлежавшего М. И. Семевскому, в виде особого раздела: «Переписка Н. В. Гоголя с В. Белинским, возникшая вследствие выхода в печать книги Гоголя „Выбранные места из переписки с друзьями“ 1847 г.» (на лл. 116—134) («Сборник рукописных прозаических и поэтических произведений, составленный Михайловановым», ч. I, М., 1856 г. На форзаце позднейшая запись: «Из книг Михаила Ивановича Семевского. Составлена в Москве 1855—56 года»). ИРЛИ АН СССР.

[135] Извлечения из списка письма Белинского под названием «Белинский к Гоголю» входят в рукописный сборник неизвестного владельца 1857—1858 гг. (на 174 лл.). Сборник содержит выписки из произведений Герцена, печатавшихся в «Полярной звезде», сведения о восстании декабристов и другие записи. Извлечения из письма Белинского помещены на лл. 2—4 с датой 28 марта 1857 г. (Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина).

[136] Список представляет собой тетрадь на 14 лл. (из них 2 лл.—чистые). ИРЛИ АН СССР (ф. 16, оп. 11, № 4).

ТЕКСТ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ

1. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Результатом настоящего исследования является установление научно-проверенного текста письма Белинского к Гоголю, этого замечательного памятника русской революционно-демократической мысли. Организованные редакцией «Литературного наследства» специальные архивные разыскания позволили выявить и установить двадцать копий Зальцбруннского письма, что расширило документальную базу его изучения. Обследование всех списков прояснило их генеалогию, позволило выявить наиболее точные и полные из них и помогло подойти к определению редакции письма, наиболее близкой к утраченному оригиналу.

Мы остановились на самом авторитетном из списков — списке Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, условно называемом списком Н. Х. Кетчера.

В основу нашей схемы распространения письма и генеалогии его списков положены материалы доклада Ю. Г. Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю», прочитанного в Институте истории АН СССР 10 марта 1948 г.

Тексты списков письма из ленинградских архивохранилищ (из собраний П. В. Анненкова, М. И. Пущина, Б. Э. Нольде, Н. Я. Колобова, М. И. Семевского, М. А. Васильева, Бакуниных и сборника 1857—1858 гг.) сообщены Р. Б. Заборовой.

Письмо Белинского к Гоголю озаглавлено в самых авторитетных списках: «Б....... Г.....»; «Б.......й Г....ю» или «Ответ Белинского». Мы не даем ни одного заголовка.

Ниже мы публикуем список Кетчера с внесением в него исправлений пропусков и описок по спискам Оболенского и Момбелли (всего в восьми местах). Наиболее значительные варианты всех остальных списков письма (кроме писарской копии со списка из дела Момбелли) мы даем в подстрочных примечаниях к тексту.

Списки эти нижеследующие:

1. Список Н. Х. Кетчера (?) (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва) *ЛБ*
2. Список П. В. Анненкова (ИРЛИ АН СССР) . . . . *А*
3. Список Е. П. Оболенского (Гос. исторический музей. Москва). . . . . *Об*
4. Список А. Н. Плещеева — П. Е. Филиппова, данный Ф. М. Достоевским для копирования Н. А. Момбелли (ЦВИА. Ленинград) . . . . *Д*
5. Список И. Е. Забелина (Гос. исторический музей. Москва). . . . . . . *З*
6. Список Н. П. Рогожина (Гос. исторический музей. Москва) . . . . . . *Р*
7. Список Н. Ф. Павлова (Архив III Отделения — ЦГИА. Москва) . . . . *П*
8. Список А. А. Краевского (Гос. публичная библиотека им М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград) . . . . *К*
9. Список А. А. Чумикова, опубликованный Герценом в «Полярной звезде на 1855 год» . . . . *ПЗ*
10. Список, хранящийся в бумагах Б. Э. Нольде (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград) . . . . *Н*
11. Список М. И. Пущина (ИРЛИ АН СССР) . . . . *Пн*
12. Список В. П. Чижова (цитаты в «Вестнике Европы», 1872, № 7) . . . . . *Ч*
13. Список, хранящийся в коллекции П. И. Щукина (Гос. исторический музей. Москва) . . . . *Щ*
14. Список в сборнике из собрания Н. Я. Колобова (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград) . . . . *Клб*
15. Список М. А. Васильева (ИРЛИ АН СССР) . . . . *В*
16. Список В. Ф. Груздева (ИРЛИ АН СССР) . . . . *Г*
17. Выписки в сборнике 1857—1858 гг. (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград) . . . . *Сб*
18. Список М. И. Семевского (ИРЛИ АН СССР) . . . . *С*
19. Список, хранящийся в «Премухинском архиве» Бакуниных (ИРЛИ АН СССР) . . . . *Б*
20. Список в деле Н. А. Момбелли, сделанный писарем Д. Комаровым (ЦВИА. Ленинград) . . . . *Мбл*

2. ПУБЛИКАЦИЯ ТЕКСТА

Вы только отчасти правы, увидав [1] в моей статье р а с с е р ж е н н о г о человека: этот эпитет слишком слаб и нежен, для выражения того состояния, в какое [2] привело меня чтение Вашей книги. Но Вы вовсе не правы, приписавши это Вашим, действительно не совсем [3] лестным отзывам о почитателях Вашего таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если б все дело заключалось только в нем[4]; но нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя умолчать [5], когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель.

Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И Вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь мою [6] наградою великого таланта, а потому, что, в этом отношении, представляю[7] не одно, а множество лиц, из которых ни Вы, ни я не видали самого большего числа и которые, в свою очередь, тоже[8] никогда[9] не видали Вас. Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле [10] дикой радости, который [11] издали, при появлении ее, все враги Ваши — и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п. [12]), и литературные, которых имена Вам [13] известны. Вы сами видите хорошо [14], что от Вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа с ее духом. Если б она и была написана вследствие глубоко-искреннего [15] убеждения, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатление. И если ее принимали [16] все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтоб не обрадоваться их одобрению) за хитрую, но чересчур перетоненную [17] проделку для достижения небесным путем чисто земных целей [18]— в этом виноваты только Вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что Вы находите это удивительным. Я думаю, это от того, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей [19] фантастической книге. И это не потому, чтоб Вы не были мыслящим человеком, а потому, что Вы [20] столько уже лет привыкли [21] смотреть на Россию из Вашего п р е к р а с н о г о д а л е к а, а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть

---

[1] *Р*, *Н*, *Ч*: увидев. [2] *А*, *П*: каковое; *Д*, *З*, *Г*, *К*, *ПЗ*, *Ч*: которое. [3] *Д*: не очень. [4] *Р*: в нем только. [5] *Д*, *К*, *В*, *Клб*, *ПЗ*: молчать. [6] *Д*, *К*, *Н*, *ПЗ*, *Ч*: свою; *Р*: мою любовь. [7] *Пн*, *ПЗ*: я представляю. [8] *Р*, *В*, *Г*, *Пн*, *С* — *пропущено*. [9] *К*, *Пн*, *С* — *пропущено*. [10] *Д*: и на те вопли; *К*, *ПЗ*, *С*: тех воплях. [11] *Д*, *К*: которые. [12] *Д*: и т. д. [13] *Д*, *К*, *ПЗ*, *Н*, *Щ*: хорошо Вам. [14] *ПЗ*: Вы видите сами. [15] *Об*, *В*, *Г*, *К*, *ПЗ*, *С*: глубокого, искреннего; *Щ*: глубоко-обдуманного. [16] *Д*, *П*, *Сб*, *Щ*: принимали; *ЛБ*, *Об*, *З*, *А*, *Н*, *Г*: приписали; *Р*, *В*, *К*, *Клб*, *ПЗ*: приняли. [17] *Д*: перетонченную; *К*, *ПЗ*, *Н*: нецеремонную. [18] *Д*, *К*, *ПЗ*: земной цели. [19] *Д*, *К*, *ПЗ*: Вашей. [20] *Д* — *пропущено*. [21] *Р*: привыкли столько уже лет.

предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому[22], что Вы в этом *прекрасном далеке*[23], живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с Вами настроенного и бессильного противиться Вашему на него влиянию. Поэтому Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их[24]!), не молитвы (довольно она твердила их[25]!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного[26] в грязи и навозе[27], права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение[28]. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками*, *Стешками*[29], *Васьками*, *Палашками*; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации[30] разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения[31] хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых),— что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого[32] кнута трех-хвостою[33] плетью. Вот вопросы, которыми тревожно[34] занята Россия в ее апатическом полусне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя-самое[35] как будто в зеркале,— является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами*[36]!.. И это не должно было привести меня[37] в негодование?.. Да если бы Вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел Вас[38] за[39] эти позорные строки... И после этого Вы хотите, чтобы верили искренности направления Вашей книги? Нет, если бы Вы действительно преисполнились истиною[40] Христова[41], а не дьяволова ученья[42].—

---

[22] *З*: потом. [23] *Д*, *В*, *К*: в этом прекрасном далеке Вы. [24] *Р*: она их слышала; *Н*: мы слышали. [25] *Р*: она их твердила; *Н*: мы твердили. [26] *Щ*: затоптанного. [27] *ПЗ*: соре. [28] *Д*, *К*, *ПЗ*, *Г*: исполнение. [29] *К*, *В*, *Г*, *П*, *Пн*, *С*: Степками; *Р* — *пропущено*. [30] *Н*, *Щ*: огромная корпорация. [31] *К*: исполнения. [32] *Д*, *К*, *Р*: однохвостного. [33] *Д*, *К*, *Р*: трехвостною. [34] *Клб* — *пропущено*. [35] *Д*, *К*, *ПЗ*: самое себя; *Г*: самою себя. [36] *ПЗ*: учит их ругать побольше. [37] *Р*: всех. [38] *Об*: вознегодовал на Вас. [39] *П*, *ПЗ*, *Н*, *Ч*: как за; *Г*: чем за. [40] *Об*, *З*, *Р*, *П*, *Н*: истинного; *В*: истины. [41] *Д*, *К*, *Клб*, *ПЗ*: Христовою. [42] *К*: дьяволовым учением; *Н*, *Р*: дьявольского учения.

Б...... Г......

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье разсерженнаго человека: этот эпитет слишком слаб и нежен, для выражения того состояния, в какое привело меня чтение вашей книги. — Но вы вовсе не правы, приписавши это вашим, действительно не совсем лестным отзывам о почитателях вашего таланта. — Нет, тут была причина более важная. — Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если бы все дело заключалось только в нем; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человеческаго достоинства; — нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитою кнута, проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель. —

Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный с своею страною, может любить ея надежду, честь, славу, одного из великих вождей ея на пути сознания, развития, прогресса. — И вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойнаго состояния духа, потерявши право на такую любовь. — Говорю это не потому, чтобы я считал любовь мою наградою великаго таланта, а потому, что, в этом отношении, представляю не одно, а множество лиц,

СПИСОК ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Н. Х. КЕТЧЕРУ, 1848 — 1849 гг.

Текст этого списка, повидимому, наиболее близок к утраченному оригиналу

Начало письма

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

моихъ о васъ заключенiяхъ – я первый по-
радуюсь этому; но не раскаюсь въ томъ,
что сказалъ вамъ. – Тутъ дѣло идетъ
не о моей или вашей личности, а о предметѣ,
который гораздо выше не только меня, но
даже и васъ: тутъ дѣло идетъ объ истинѣ,
о русскомъ обществѣ, о Россiи. – И вотъ
мое послѣднее заключительное слово: если
вы имѣли несчастiе съ гордымъ смиренiемъ
отречься отъ вашихъ истинно великихъ
произведенiй, то теперь вамъ должно съ
искреннимъ смиренiемъ отречься отъ
послѣдней вашей книги, и тяжкiй грѣхъ
ея изданiя въ свѣтъ, искупить новыми
творенiями, которыя напомнили бы
ваши прежнiя. –

Зальцбрунъ
15-го Іюля н. с.
1847-го года

СПИСОК ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Н. Х. КЕТЧЕРУ, 1848–1849 гг.

Конец письма

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

совсем не то написали бы Вы [43] Вашему адепту [44] из помещиков [44]. Вы написали бы ему, что так как его [45] крестьяне—его братья по Христе [46], а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или [47] дать им свободу [47], или, хоть по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее [48] для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. А выражение: а х т ы н е у м ы т о е р ы л о! да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали Вы его, чтобы передать миру как великое [49] открытие в пользу и назидание русских [50] мужиков, которые, и без того, потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы[51] в словах[52] глупой бабы [52] в повести Пушкина [52], и по разуму которого [53] должно[52] пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас[54] делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему[55] нечем откупиться от преступления — быть без вины виноватым [56]! И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления[57]!.. Не может быть!.. Или Вы больны, и Вам надо[58] спешить лечиться [58]; или — не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда[59] была опорою кнута и угодницей[60] деспотизма[60]; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил [61] истину своего учения. И оно только до тех пор и было с п а с е н и е м людей, пока не организовалось [62] в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею [63] братства между людьми,— чем и продолжает [64] быть до сих пор [65]. Но смысл учения Христова[66] открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший[67] в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть [68] от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные [69] и западные [69]. Неужели Вы этого не

---

[43] *Д*, *К* — *пропущено*. [44] *ПЗ*: в Вашей новой книге. [45] *Р* — *пропущено*. [46] *ЛБ*, *Об*, *З*, *Р*: по Христе; *П*, *Н*, *Пн*, *Ч*, *Г*: по Христу; *Д*, *В*, *К*, *ПЗ*, *Клб*: о Христе. [47] *Р*: или должен им дать свободу. [48] *ПЗ*: выгоднее. [49] *Д*: высокое. [50] *Д*, *В*, *К*, *ПЗ*, *Клб* — *пропущено*. [51] *Р*: Вы нашли. [52] *ПЗ*: в глупой поговорке, что должно. [53] *Д*: которой. [54] *Р*: у нас и так. [55] *З*: ему только. [56] *П*: будешь без вины виноватым; *К*: быть без вины виноват; *З*, *Г*: без вины быть виноватым; *ПЗ*: и другая поговорка говорит тогда: без вины виноват. [57] *К*, *Пн*, *Ч*: просвещения. [58] *А*: надобно лечиться. [59] *З*: она ведь всегда. [60] *В*: поборницей обскурантизма; *Г*: сродницей деспотизма. [61] *Д*: запечатлел и утвердил. [62] *Д*: организировалось. [63] *Р*, *Клб*: гонителем. [64] *Д*, *Клб*: продолжает быть и. [65] *С*: и до ныне. [66] *Д*, *К*, *ПЗ*: смысл Христова слова; *Н*: смысл учения Христова; *ЛБ*, *З*, *Р*, *Пн*, *С*, *Щ*: смысл учения Христова слова. [67] *Д*, *К*, *ПЗ*: погасивший. [68] *Д*, *К*: и плоть. [69] *ПЗ* — *пропущено*.

знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость [70] для всякого гимназиста...

А потому, неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых Душ», неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, Вы не знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем, как первое никогда[71] ничем не было, кроме как [72] слугою и рабом светской власти; но неужели же и[73] в самом [73] деле[73] Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную [74] сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника[75]. Кого[76] русский[76] народ[76] называет [76]: дурья порода,[76] колуханы [76*], жеребцы [77]? — Попов [76]. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе [78] задницу[79]. Он говорит об образе: годится — молиться, не годится[80] — горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее [81], и Вы увидите[82] что это по натуре своей [83] глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит[84] с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических[85] католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе [86] не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то может быть и [87] заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою [88], холодною, аскетическою созерцательностию — ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим [89] педантизмом [90] да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индиферентизм в деле веры. Религиозность проявилась [91] у нас только в раскольнических [92] сектах, столь противуположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед [93] нею численно.

Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского

[70] *Д*, *К*: а ведь это не новость теперь; *ПЗ*: ведь это теперь не новость; *Р*: а ведь все это теперь не новость. [71] *ЛБ*, *З*: никогда и. [72] *Пн*, *Н*: как разве. [73] *К* — *пропущено*. [74] *Клб*, *Пн*: непристойную; *Н*: соблазнительную. [75] *К*: батрака ⟨*вм. зачеркнутого*: работника⟩. [76] *ПЗ* — *пропущено*. [76*] *Щ*: кулаханы; *Н*: шелыганы. [77] *Д*: жеребцы и т. д. [78] *З*, *К*, *Пн*, *С*: у себя. [79] *ПЗ*: кое-где; *Пн*: спину. [80] *Р*: а не годится. [81] *Д*, *В*, *К*, *ПЗ*: попристальнее. [82] *К*: убедитесь. [83] *Д*, *К*, *Клб*, *ПЗ* — *пропущено*. [84] *Клб*: суеверия проходят. [85] *Д*, *К*, *ПЗ* — *пропущено*. [86] *Д*, *К*, *ПЗ* — *пропущено*. [87] *Д*, *К*, *Клб*, *ПЗ* — *пропущено*. [88] *Р*, *ПЗ*: такою. [89] *ЛБ*, *Об*, *З*; *Р*: теологическим; *Д*, *К*, *ПЗ*: схоластическим. [90] *ЛБ*, *Об*, *З*, *Р*: педантизмом; *Д*, *К*, *ПЗ*: педантством. [91] *Р*: проявлялась. [92] *Р*, *К*: раскольничьих. [93] *Р*: пред ним.

народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил Вас в глазах даже людей [94], в других отношениях очень близких к Вам, по их направлению. Что касается до меня лично[95], предоставляю [96] Вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно[97], да, говорят[98], и выгодно для[99] Вас[99]); только продолжайте благоразумно созерцать ее[100] из вашего п р е к р а с н о г о д а л е к а: вблизи-то она[101] не так красива [101*] и не так безопасна [101]... Замечу только одно: когда европейцем, особенно [102] католиком, овладевает [103] религиозный дух — он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии [104] сильных земли. У нас же наоборот, постигнет [105] человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем religiosa mania, он тотчас же [106] земному богу подкурит больше, чем[107] небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его[108] за рабское усердие, да видит, что этим окомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!..

Вспомнил я еще, что в Вашей книге Вы утверждаете как [109] великую и неоспоримую [110] истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать Вам на это? Да простит Вас Ваш византийский бог за эту византийскую мысль, если только, передавши ее бумаге[111], Вы не знали, что творили [112]...

«Но, может быть, — скажете Вы мне [113], — положим, что я заблуждался, и все мои мысли [114] ложь; но почему ж отнимают у меня право заблуждаться и не хотят верить искренности моих заблуждений?» — Потому, отвечаю я Вам, что подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею. Конечно, в Вашей книге больше ума и даже таланта (хотя того [115] и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; зато [116] они развили общее им с Вами учение с большей энергиею и большею последовательностию, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому [117] богу, ничего не оставили сатане; тогда как Вы, желая поставить по свече тому [118] и другому, впали в противоречия, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр, которые с Вашей точки зрения, если б только Вы [119] имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее погибели. Чья же голова могла переварить мысль о тожественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в Вас [120] искренности подобных убеждений. Что кажется

[94] *Р*: людей даже. [95] *Р*: лично до меня. [96] *Д*: предоставлю. [97] *Д*: спокойно. [98] *ПЗ — пропущено.* [99] *ПЗ—пропущено.* [100] *Г*, *К*, *ПЗ*: его. [101] *ПЗ*: оно не так красиво и не так безопасно. [101*] *К*: прекрасно. [102] *Р*: в особенности. [103] *Об*, *З*, *Р*, *П*, *К*, *ПЗ*, *Н*, *Сб*: овладеет. [104] *Д*, *К*, *ПЗ*: беззакония. [105] *Об*, *Р*: постигает. [106] *З — пропущено.* [107] *Д*, *К*, *П*, *ПЗ*, *Клб*: нежели. [108] *Д*, *Г*, *К*: его наградить. [109] *Д*, *К*, *ПЗ*, *Ч*: за; *З*, *Г — пропущено.* [110] *З*: непогрешительную. [111] *Д*: буквально бумаге. [112] *Д*, *К*, *Клб*, *ПЗ*: говорили; *В*: говорите; *Г*: творите. [113] *Д*, *К — пропущено.* [114] *Р*: мысли мои. [115] *ПЗ*, *Н*: и того. [116] *Д*, *К*, *ПЗ*: но за то. [117] *П*: своему византийскому. [118] *Р*, *Н*, *ПЗ*: по свече и тому; *Д*: по свечке и тому. [119] *Д*, *Р*, *К*: если бы Вы только. [120] *Н*, *Щ — пропущено.*

естественным в глупцах, то не может казаться [121] таким в гениальном человеке. Некоторые [122] остановились было на мысли, что Ваша книга есть плод умственного расстройства, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого [123] заключения: ясно, что книга [124] писалась [125] не день, не неделю, не месяц, а может быть год [126], два или три [126]; в ней есть связь; сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, а гимны [127] властям предержащим хорошо устраивают [128] земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге [129] слух, будто Вы написали эту книгу с целию попасть в наставники к сыну наследника. Еще прежде этого [130] в Петербурге сделалось известным Ваше письмо [131] к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России [132] дают превратный толк [133], затем обнаруживаете недовольство [134] своими [135] прежними произведениями [136] и объявляете [137], что только тогда останетесь довольны своими сочинениями [138], когда тот [139], кто [140] и т. д. Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что Ваша книга уронила Вас в глазах публики и как писателя и, еще больше, как человека?

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно [141], почему у нас так [142] легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта и почему так скоро падает популярность великих поэтов [143], искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример — Пушкин, которому стоило написать только [144] два-три верноподданнических стихотворения [145] и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви. И Вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что Ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказанных Вами [146] всем и каждому. Положим, Вы могли это [147] думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в «Ревизоре» и «Мертвых Душах» Вы менее резко, с меньшею исти-

---

[121] *Д*: показаться. [122] *Н*: многие. [123] *Н*, *Щ*: подобного. [124] *Р*: такая книга. [125] *Д*, *К*, *В*, *Г*, *З*: писана. [126] *Р*: два или три года. [127] *Д*, *К*, *ПЗ*, *С*: гимн. [128] *Д*, *К*, *ПЗ*, *С*: устраивает. [129] *Д*, *К*, *Клб*: в Петербурге распространился. [130] *Д*, *К*, *ПЗ* — *пропущено*. [131] *Д*, *К*, *ПЗ*, *Клб*: письмо Ваше; *Н*: Ваши письма. [132] *Д*, *ПЗ*: о России. [133] *Р*: смысл. [134] *Д*: неудовольствие; *ПЗ*, *К*: недовольствие. [135] *Р*: Вашими. [136] *Д*: к своим прежним произведениям. [137] *Д*: объявляя. [138] *ЛБ*, *З*, *Г*: своим сочинением; *Р*: своими прежними сочинениями. [139] *ПЗ*: когда ими будет доволен царь. [140] *ЛБ*, *Р*, *З*, *В*, *Г*, *К*: который. [141] *К*, *Н*, *Г*: почетно. [142] *ЛБ* — *пропущено*. [143] *Д*: талантов. [144] *Р*: только написать. [145] *Р*: сочинения. [146] *Р*: Вами высказанных. [147] *Р*: Вы это могли.

ною и талантом, и менее горькие правды высказали ей? И она [148], действительно, осердилась [149] на Вас до бешенства, но «Ревизор» и «Мертвые Души» от этого[150] не пали, тогда как Ваша последняя[151] книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тут права: она видит в русских [152] писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака [153] самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая [154] простить писателю плохую книгу, никогда [155] не прощает [156] ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового [157] чутья; и это же показывает, что у него есть будущность. Если Вы любите Россию, порадуйтесь вместе со мною падению Вашей книги!..

Не без некоторого чувства самодовольства [158] скажу Вам, что мне кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностию дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать [159] Вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои друзья приуныли; но я тогда же сказал [160] им, что несмотря ни на что книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И, действительно, она теперь памятнее [161] всем [161*] статьями [161*] о ней, нежели сама собою. Да, у русского человека глубок, хотя и не развит еще [162] инстинкт истины!

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно. Но мысль — довести о нем до сведения публики — была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно, и что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие его в груди своей или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжко [163] зрелище угнетения чуждых ему людей,— тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. Смирение, проповедуемое Вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны [164], страшною [165] гордостью, а с другой — самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом только [166] или гордости или слабоумия, и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом Вы позволили себе цинически грязно выражаться[167] не только о других (это было бы только невежливо[168]), но и о самом себе — это уже [169] гадко, потому что если человек, бьющий своего [170] ближнего [170] по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого [171] себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только

---

[148] *ПЗ*: старая школа. [149] *Об*, *К*, *ПЗ*: рассердилась. [150] *Д*, *К*, *П*, *ПЗ*, *Н*: от того. [151] *Р*: последняя Ваша. [152] *Р*: своих. [153] *К*, *ПЗ*: русского. [154] *К*, *Н*, *Щ*: готова. [155] *К*, *Н*, *Щ*: но никогда. [156] *К*, *ПЗ*: не простит. [157] *А*, *Ч*: здравого. [158] *Д*: самодовольствия. [159] *Р*: печатать. [160] *Об*: тогда рассказал. [161] *Д*: памятнее теперь; *В*, *Г*, *К*, *Пн*: памятна. [161*] *Об*: памятник всем статьями. [162] *Д*, *Р*: хотя еще и не развит. [163] *Д*, *Р*: тяжело. [164] *Об*: с одной стороны отзывается. [165] *К*, *Н*: странною. [166] *Р*: только плодом; *Д*, *К*, *П* — *пропущено*. [167] *Пн*: отзываться. [168] *Об*, *Пн*, *Ч*, *Н*, *Щ*: невежество. [169] *Д*: уж. [170] *Р*: другого. [171] *Д*, *К*, *ПЗ*: сам.

омрачены, а не просветлены; Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнью смерти, чорта и ада веет от Вашей книги. И что за язык, что за фразы! „Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек!" Неужели Вы думаете, что сказать всяк, вместо всякий, значит выразиться [172] библейски? Какая это великая [173] истина, что когда человек весь отдается [174] лжи, его оставляют [175] ум и талант! Не будь на Вашей книге выставлено Вашего имени и будь [176] из нее [176] выключены те места [176], где Вы говорите [176] о самом [177] себе как о писателе [178], кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз — произведение пера [179] автора «Ревизора» и «Мертвых Душ»?

Что же касается до меня лично, повторяю Вам: вы ошиблись [180], сочтя статью мою [181] выражением досады за Ваш отзыв обо мне как об одном из Ваших критиков. Если б только это [182] рассердило меня, я только об этом и отозвался бы с досадою, а обо всем остальном выразился бы спокойно и [183] беспристрастно. А это правда, что Ваш отзыв о Ваших почитателях вдвойне нехорош. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает [184] меня смешным; но и эта необходимость тяжела, потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но Вы имели в виду людей если не с отменным [185] умом, то все же и [186] не глупцов. Эти люди в своем удивлении к Вашим творениям наделали, может быть [187], гораздо больше восторженных [188] восклицаний, нежели сколько Вы сказали о них дела; но все же их [189] энтузиазм [189*] к Вам выходит [190] из такого чистого и благородного источника, что Вам вовсе не следовало бы выдавать их головою [191] общим их и Вашим врагам, да еще вдобавок обвинить их в намерении дать какой-то предосудительный [192] толк Вашим сочинениям. Вы, конечно, сделали это [193] по увлечению главною мыслию Вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил Вашу мысль и напечатал на Ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый [194] донос. Он это сделал, вероятно, в благодарность Вам за то, что Вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его „вялый, влачащийся по земле стих". Все это нехорошо! А что Вы только ожидали [195] времени, когда Вам можно будет отдать справедливость и почитателям Вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением Вашим врагам), этого я не знал, не мог, да признаться, и не захотел бы [196] знать. Передо [197] мною была Ваша книга, а не Ваши намерения. Я читал

---

[172] *Д, З, К, ПЗ, Ч, Г*: выражаться. [173] *К, Щ*: верная. [174] *Р*: отдался. [175] *Д, ПЗ, Ч*: оставляет. [176] *ПЗ — пропущено.* [177] *Д, К, ПЗ, С — пропущено.* [178] *Д, К, С*: как писатель; *ПЗ — пропущено.* [179] *В, Ч, П, ПЗ — пропущено.* [180] *Н, Ч*: ошибаетесь. [181] *Д*: мою статью. [182] *Р*: это только. [183] *Д, К — пропущено.* [184] *Р*: делает меня только. [185] *Д, К, ПЗ, Ч, Н*: и не с отличным. [186] *К, Щ — пропущено.* [187] *Д, К, ПЗ, Клб*: быть может. [188] *Д, К, ПЗ, Ч, В — пропущено.* [189] *ЛБ — пропущено.* [189*] *Р*: энтузиазм их. [190] *Р, З*: выходил. [191] *ПЗ*: главою. [192] *Д, К, ПЗ*: превратный. [193] *Д*: это сделали. [194] *ПЗ*: частный. [195] *Д, К*: ожидали только. [196] *Н, Ч*: хотел. [197] *Д, Р, К*: Предо.

и перечитывал ее сто раз, и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то [198], что в ней есть [198], глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если б я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось [199] в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к Вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого и хотя Вы всем и каждому печатно дали право писать к Вам без церемоний, имея в виду одну правду. Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние Шпекины распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов. Но [200] нынешним летом [201] начинающаяся чахотка прогнала меня за границу и N ⟨Некрасов⟩ [202] переслал мне Ваше письмо в Зальцбрунн [203], откуда я сегодня же еду с Ан⟨ненковым⟩ в Париж через Франкфурт на Майне [204]. Неожиданное получение Вашего письма дало мне возможность высказать Вам все, что лежало у меня на душе против Вас по поводу Вашей книги. Я не умею говорить вполовину, не умею хитрить: это не в моей натуре. Пусть Вы или само время докажет мне, что я ошибался[205] в моих о Вас заключениях — я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь в том, что сказал Вам. Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а[206] о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. И вот мое последнее, заключительное [207] слово [207]: если Вы имели несчастие с гордым смирением отречься от Ваших истинно великих произведений [208], то теперь Вам должно с искренним смирением отречься от последней Вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы Ваши прежние.

Зальцбрунн [209]
15-го июля н. с.
1847-го года

[198] *Р*: и что. [199] *Р*: превратилось бы. [200] *ПЗ — пропущено.* [201] *К*: нынешнее лето. [202] *ЛБ, А, З, Р, Г, С*: N; *В, К*: Некрасов; *П, Н, Щ*: Современник. [203] *З, Р, В, Пн, К, Ч, Н, Г, С*: Зальцбург; *Д*: Зальцбрук. [204] *ПЗ — пропущено* ⟨от «Некрасов» до «неожиданное»⟩. [205] *Д, К*: заблуждался. [206] *Д, К, ПЗ*: но. [207] *Д*: заключение. [208] *Р*: творений. [209] *З, Р, В, Пн, К, Ч, Н, Г, С*: Зальцбург; *Д*: Зальцбрук.

3. КОММЕНТАРИЙ

Составил Я. З. Черняк

Назвав письмо Белинского «гениальной вещью», Герцен не преувеличивал. Неотразимой была логика разоблачения Белинским самодержавно-крепостнического строя; во весь рост вставал со страниц письма образ необоримой мощи скованного, но великого народа; гневные, бичующие строки зажигали волей к борьбе, к уничтожению рабства и самодержавия. Основные идеи, воплощенные в этом документе, отвечая с необычайной точностью современным потребностям народа, выражая его самые заветные чаяния, вместе с тем вели его далеко вперед, опережали свое время. Идеи эти оплодотворили и осветили целую эпоху русского освободительного движения.

Белинский, явившийся, как пишет Ленин, «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» (Соч., изд. 4-е, т. 20, стр. 223), заговорил в своем письме-завещании языком, дотоле не ведомым даже самым сильным представителям передовой русской литературы. Это было «во весь голос» сказанное слово революционера-демократа, горой стоявшего за освобождение народа от гнета и эксплоатации, но вынужденного в подцензурной печати смирять свое слово.

Выразив с громадной силой и страстью протест крестьянских масс против крепостного права, письмо Белинского касалось всех сторон жизни русского народа, его материальной и политической действительности, его литературы и философии, его истории и его великого будущего.

Отсюда — неисчерпаемое богатство мотивов письма, объединенных гениальным критиком и публицистом вокруг центральной мысли о революции и слитых в единое монолитное целое.

Каждой строкой своей письмо связано со всей литературно-политической борьбой эпохи, со всей деятельностью Белинского на протяжении 1840-х годов, со всеми выступлениями великого демократа в качестве передового бойца антикрепостнического, антиреакционного лагеря.

Нижеследующий комментарий не ставит перед собой задачи исчерпать или хотя бы с достаточной степенью полноты осветить все богатство идей, мотивов и содержания письма. Его цель гораздо более скромная — дать читателям необходимые справки и пояснения по вопросам, до сих пор не подвергавшимся систематическому рассмотрению, внести уточнения в уже имеющиеся в литературе указания, свести данные, рассеянные по многим источникам, и представить их в обозримом виде. Таким образом, комментарий касается лишь некоторой, небольшой части мотивов письма и вопросов, в нем поднятых.

Первой задачей составителя было выяснение самого хода литературно-политической борьбы, которая развернулась вокруг реакционной книги Гоголя, и характеристика позиций различных упоминаемых в письме Белинского групп и отдельных литераторов.

Существеннейшей частью письма Белинского является борьба за великую русскую реалистическую литературу и за самого Гоголя как ее представителя. Обстоятельства этой борьбы, замолчанные или искаженные мемуаристами-либералами и последующими представителями буржуазно-либеральной критики, освещаются в ряде заметок в комментарии.

Знаменитое положение, выдвинутое Белинским в его письме к Гоголю, об атеизме русского народа, связанное со всей системой материалистических взглядов критика, освещается в заметке, рассматривающей его переход от той половинчатой критики религии, которая была свойственна различным течениям утопического социализма, к последовательной материалистической критике.

Наконец, группа заметок, вошедших в комментарий, выясняет связь письма Белинского с рядом его же критических выступлений и высказываний по поводу Гоголя в 1846—1848 гг., т. е. за год до написания письма и в последнем году жизни Белинского.

I

«Вы только отчасти правы, увидав в моей статье р а с с е р ж е н н о г о человека...»

Письмо Белинского начинается с ответа на первые же строки адресованного ему письма Гоголя, датируемого обычно около 8/20 июня 1847 г.: «Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне в „Современнике“, не потому, чтобы мне прискорбно было унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в нем слышен голос человека, на меня рассердившегося».

И дальше Гоголь снова повторяет: «Вы взглянули на мою книгу глазами человека рассерженного, а потому почти все приняли в другом виде» («Письма Н. В. Гоголя», Ред. В. И. Шенрока. СПб., [1902], т. III, стр. 491—492).

Вопрос об этом письме Гоголя неоднократно привлекал внимание исследователей. А. И. Кирпичников в статье, посвященной анализу отношений Гоголя и Белинского летом 1847 г., писал: «Два первые номера „Современника“ Гоголь получил 23 апреля еще в Неаполе 〈...〉 Прежде всего прочел статьи Белинского и был глубоко огорчен ими».

Кирпичников доказывает далее, что Гоголь, отвергнув возможность отвечать Белинскому в печати и не решившись сразу обратиться с письмом непосредственно к самому критику, возобновил сношения со своим старым другом Н. Я. Прокоповичем, который был близок к Белинскому. 28 апреля, через пять дней после получения 1 и 2 №№ «Современника», Гоголь написал Прокоповичу письмо (А. И. К и р п и ч н и к о в. Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский летом 1847 г.— «Под знаменем науки», М., 1902, стр. 424—425).

В письме Гоголя к Прокоповичу имя Белинского непосредственно не названо. Лишь в конце он просит Прокоповича, впрочем, как и всех других своих корреспондентов, сообщить ему, что говорят об его книге: «Уведоми меня также о всех изустных толках, какие тебе случается слышать о моей книге. Я бы очень желал знать, что говорят о ней разные чиновники средней руки, всех сортов учителя, равно как люди нам обоим с тобой знакомые» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 448—449). Весьма возможно, как полагает Кирпичников, что среди этих общих знакомых Гоголь имел в виду Белинского («Под знаменем науки», М., 1902, стр. 49).

Получив ответное письмо Прокоповича, Гоголь писал ему 8/20 июня: «Я прочел н а-д н я х критику во 2-м № „Современника“ Белинского». Подчеркнутые нами слова свидетельствуют о том, что Гоголь пошел на сознательную неправду. «Критику Белинского», т. е. статью о «Переписке» во втором номере «Современника», он прочел еще в апреле, непосредственно после получения этой книги в Неаполе (см. письмо его к А. О. Россету от 24 апреля 1847 г.— «Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 442).

Возможно предположить, что письмо Белинскому Гоголь писал тогда же, в конце апреля, и лишь ожидал ответа Прокоповича, чтобы переслать через него это письмо. Обычно датируемое «около 8/20 июня 1847 г.», письмо Гоголя к Белинскому, по нашему мнению, должно быть передатировано: концом апреля — началом мая 1847 г. Косвенным обоснованием предлагаемой новой датировки является следующее указание в письме Прокоповича к Гоголю от 20 июня: «Я несколько виноват перед тобою, что не известил тебя в прошлом письме об отъезде Белинского за границу; тогда письмо твое к нему не прогулялось бы понапрасну сюда» (В. И. Ш е н р о к. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, М., 1898, т. IV, стр. 558). Письмо к Белинскому было приложено Гоголем к его письму от 8/20 июня, адресованному Прокоповичу. Прокопович переслал его, через редакцию «Современника», Белинскому в Зальцбрунн (см. письмо Н. Н. Тютчева к Белинскому от 22 июня 1847 г.— «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 278). Ссылаясь на предыдущее письмо, т. е. на свое п и с ь м о о т 12 м а я, Прокопович высказывает сожаление, что не дал знать Гоголю об отъезде Белинского за границу. Это значит, во-первых, что Прокопович прекрасно понял смысл запроса Гоголя по поводу «толков о его книге», т. е. о том, что по существу Гоголя интересуют не столько толки о его книге вообще, сколько отношение

к ней Белинского; а во-вторых, что, возобновляя с ним сношения, Гоголь рассчитывал, что Прокопович в первом же письме что-нибудь да сообщит о Белинском.

В своем письме Гоголь просил Прокоповича: «Пожалуйста, переговори с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня. Если в нем кипит желчь, пусть он ее выльет против меня в „Современнике", в каких ему заблагорассудится выражениях, но пусть не хранит ее против меня в сердце своем. Если же в нем угомонилось неудовольствие, то дай ему при сем прилагаемое письмецо, которое можешь прочесть и сам» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 495—496. Разрядка наша. — *Я. Ч.*).

Таким образом, можно считать установленным следующее: Гоголь 8/20 июня отправил Н. Я. Прокоповичу письмо, в котором просил, проверив «расположение духа» Белинского, вручить ему прилагаемое письмо. Это письмо Прокопович отнес Н. Н. Тютчеву, а последний вместе со своим письмом — в редакцию «Современника». Между 25 и 27 июня письмо было отправлено за границу, о чем 27 июня ст. с. Прокопович известил Гоголя.

Всему рассказанному выше противоречит лишь свидетельство П. В. Анненкова в «Замечательном десятилетии» о том, что письмо Гоголя было прислано на его имя (см. стр. 523 настоящего тома). Но это свидетельство не соответствует истине. Оно является результатом столь обычной у мемуаристов ошибки памяти. Анненков в своих «Воспоминаниях» слил воедино два разных факта: во-первых, письмо Гоголя, адресованное к нему, и, во-вторых, письмо Гоголя к Белинскому, пересланное последнему редакцией «Современника». Белинский в конце своего письма к Гоголю говорит: «Нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня заграницу, и N ⟨Некрасов⟩ переслал мне Ваше письмо в Зальцбрунн...» Это указание Белинского полностью выясняет вопрос о неточности Анненкова.

После выступления Белинского в «Современнике» против реакционной книги Гоголя последний высказывал в ряде писем разные предположения относительно причины враждебного отношения к нему критика, пытаясь найти эти причины в личных мотивах. В цитированном выше письме к Прокоповичу Гоголь предположил, что Белинский «кажется, принял всю книгу написанною на его собственный счет» и, в частности, «вероятно», «принял на свой счет козла». Это выражение находилось в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (опубликованной Гоголем задолго до появления «Переписки» и включенной им в эту книгу). Гоголь писал: «Даже эти судорожные, больные произведения века, с примесью всяких непереварившихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно остановились в раздумьи, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои».

А за несколько месяцев перед тем, как обратиться непосредственно к Белинскому, Гоголь высказал более серьезное подозрение. 22 февраля 1847 г. он писал А. О. Смирновой-Россет о мучительной для него цензурной истории в связи с выходом «Переписки» в свет. Цензором «Переписки» был А. В. Никитенко, являвшийся одновременно официальным редактором «Современника», и вот как болезненная подозрительность Гоголя представила себе поведение цензора. «Вся цензурная проделка для меня покамест темна и неразгадана. Знаю только то, что цензор был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появление моей книги» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 365). Подчеркнутые нами слова Гоголя доказывают, что он подозревал прямое воздействие редакции «Современника» и Белинского, в первую очередь, на А. В. Никитенко. Таким образом, Гоголь заподозрил (под влиянием С. П. Шевырева), что цензурные изъятия из его книги (а их много) были сделаны по наущению если не самого Белинского, то людей, к нему близких. Нет нужды опровергать полную неосновательность этого предположения.

Наконец, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь неоднократно осуждает критиков своих сочинений, относившихся к нему положительно, и,

напротив того, выражает благодарность хулителям своих книг. Гоголь, конечно, понимал, что эти его высказывания не могут не задеть Белинского, неустанно в течение многих лет отстаивавшего его творчество от нападений реакционной критики (Булгарина, Сенковского и др.). Гоголь понимал, что совесть его была нечиста перед Белинским, и именно поэтому он обратился к Прокоповичу с просьбой выяснить отношение к нему критика. Прокопович в ответном письме от 27 июня 1847 г. самым энергичным образом опроверг предположение Гоголя относительно личной обиды Белинского: «Пользуясь твоим позволением,— писал Прокопович Гоголю,— я прочитал письмо твое к нему. Мне кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б⟨елинский⟩ написал, приняв на свой счет некоторые выходки твои вообще против журналистов. Зная Белинского давно, я не могу не быть уверенным, что ни одна строчка его не назначалась мщению за личное оскорбление. Почему не судить проще и не принимать всего сказанного им встрече совершенно противоположных друг другу убеждений, искренних в нем, и, конечно, непритворных и в твоей книге? Белинский не говорил хладнокровно о прежних твоих сочинениях: мог ли он говорить хладнокровно и о последних? Впрочем, он сам, вероятно, в ответе своем выскажет тебе все свои побуждения» (В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, М., 1898, т. IV, стр. 558).

II

«...Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса...»

Сила и страстность отпора, данного реакционной проповеди Гоголя, определялись также и чувством живейшей и глубочайшей любви великого критика к Гоголю — гениальному прогрессивному художнику. Белинский не только восторгался автором «Ревизора» и «Мертвых душ», не только прославлял «гениальный талант» создателя «Тараса Бульбы», он видел в нем, прежде всего, основателя новой эры в русской литературе. «Гоголевский период русской литературы» привел русское общество к новому великому шагу «вперед по пути умственного и нравственного совершенствования»; «Гоголевское направление до сих пор остается в нашей литературе единственным сильным и плодотворным», утверждал Н. Г. Чернышевский в 1856 г., повторяя и отстаивая провозглашенное Белинским положение («Очерки гоголевского периода русской литературы».— Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 5 и 6).

Необходимо было разъяснить Гоголю всю глубину противоречия между величайшей общественной прогрессивностью его художественного гения и реакционностью его социально-политических взглядов, проникнутых монархизмом и поповщиной, проповедником которых он выступил в своей публицистической книге. «...Это от того,— пишет Белинский,—что Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге».

Еще в 1842 г., когда был опубликован «Рим» Гоголя, Белинский с тревогой почувствовал глубокое противоречие между сознательными и инстинктивными элементами его творчества. Он писал В. П. Боткину 4 апреля 1842 г.: «Страшно подумать о Гоголе: ведь во всем, что̀ ни писал — одна натура, как в животном. Невежество абсолютное!» («Письма», II, 295). Белинский объяснял невежеством автора «Рима» появление в этом произведении реакционной картины политической жизни Парижа и с горечью прибавлял: «Наши гении всему учились понемножку».

В дальнейшем эта первая формулировка замеченного Белинским противоречия в творчестве Гоголя видоизменялась, уточнялась, но сохранила основное свое зерно до конца — вплоть до зальцбруннского письма к Гоголю.

После выхода, в том же 1842 г., первого тома «Мертвых душ» преклонение Белинского перед художественным гением Гоголя достигло своего апогея.

Однако и в пылу первых восторгов перед «Мертвыми душами» Белинский ощущал тревогу и предвидел, что некоторые элементы поэмы, особенно ее так называемые

лирические отступления, написаны в ином ключе, чем все произведение, и являются зерном, из которого может вырасти иное направление художника. Когда Гоголь в 1846 г. опубликовал предисловие ко второму изданию «Мертвых душ», это иное направление уже сложилось и было им высказано.

Совершенно очевидным сделалось «расщепление», раздвоение Гоголя. Два столь несходных и противоречивых начала — гениального художника и реакционного проповедника-публициста — противоборствовали во всей его деятельности и в его творчестве.

Рассматривая второе издание «Мертвых душ», Белинский писал: «„Мертвые души“ стоят весьма высоко в русской литературе, ибо в них глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась с удивительною художественностью образов, и этот роман, почему-то названный поэмою, представляет собою произведение, столько же национальное, сколько и высоко художественное». Вместе с тем, кратко упоминая о недостатках «Мертвых душ», Белинский указывал: «Важные же недостатки романа „Мертвые души“ находим мы почти везде, где из поэта, из художника силится автор стать каким-то прорицателем и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм. К счастью, число таких лирических мест незначительно в отношении к объему всего романа, и их можно пропускать при чтении, ничего не теряя от наслаждения, доставляемого самим романом» (X, 428).

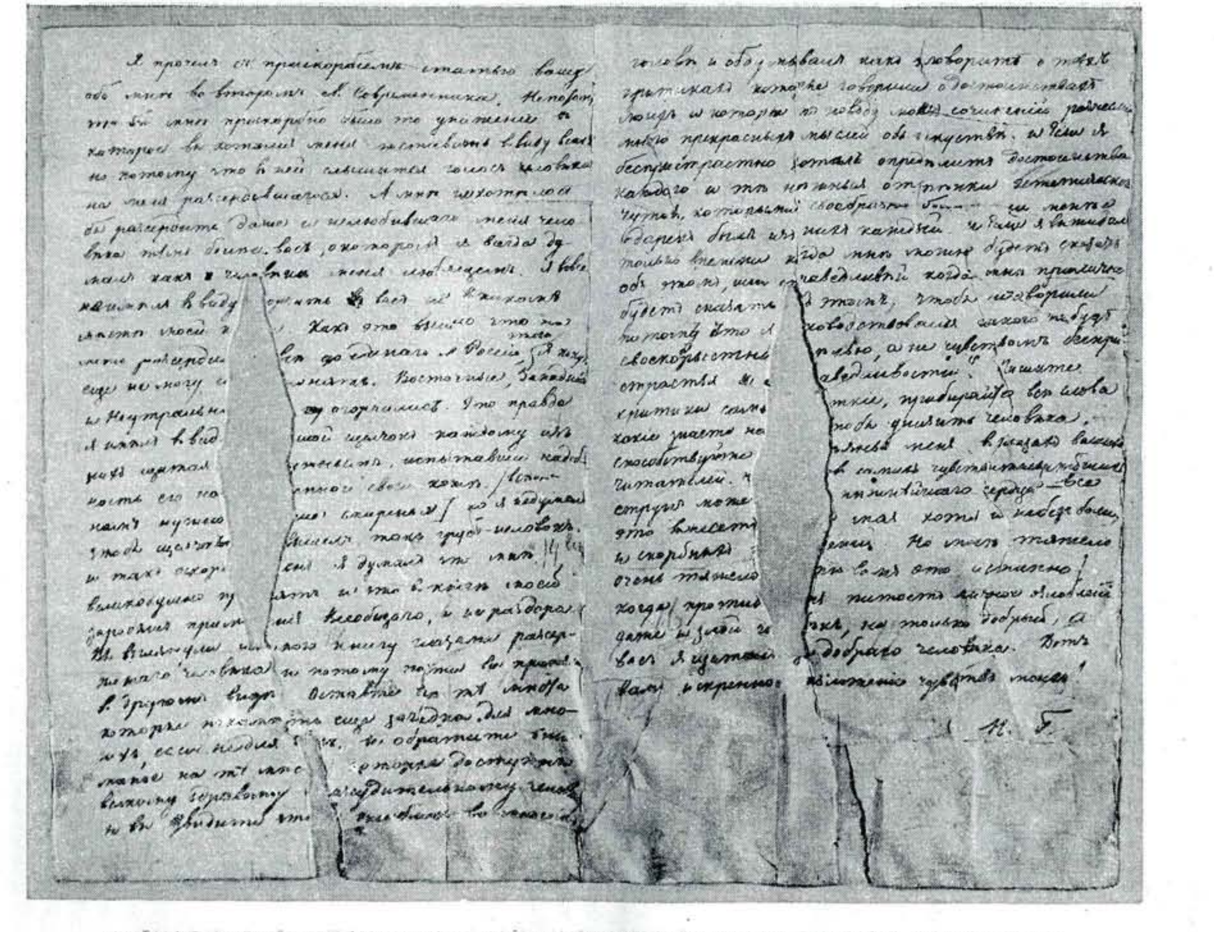
В связи с новыми выступлениями Гоголя в печати не в качестве передового художника, а в качестве реакционного публициста «напыщенный лиризм» некоторых мест в «Мертвых душах» приобретал особое значение. Белинский это превосходно почувствовал.

«Но к несчастью, — писал он в той же рецензии,—эти мистико-лирические выходки в „Мертвых душах“ были не простыми, случайными ошибками со стороны их автора, но зерном, может быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы <разрядка наша.— *Я. Ч.*>. Все более и более забывая свое значение художника, принимает он тон глашатая каких-то великих истин, которые, в сущности, отзываются не чем иным, как парадоксами человека, сбившегося с своего настоящего пути ложными теориями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта. Так, например, в прошлом году появилась статья Гоголя о переводе „Одиссеи“ Жуковским, до того исполненная парадоксов, высказанных с превыспренними претензиями на пророческий тон, что один бездарный писатель нашел себя в состоянии написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную в опровержении парадоксов статьи Гоголя <Е. Розен. Поэма Н. В. Гоголя об Одиссее.— «Северная пчела», 1846, № 181>. Это опечалило всех друзей и почитателей таланта Гоголя и обрадовало всех врагов его. Но история не кончилась этим. Второе издание „Мертвых душ“ явилось с предисловием, которое... которое... испугало нас еще больше знаменитой в летописях русской литературы статьи об Одиссее. Это предисловие внушает живые опасения за авторскую славу в будущем (в прошедшем она непоколебимо прочна) творца „Ревизора“ и „Мертвых душ“, оно грозит русской литературе новою великою потерею прежде времени» (X, 428—429).

Мы привели эту длинную выписку, чтобы показать, что и в тот момент глубокая любовь Белинского к Гоголю-художнику внушала ему не только негодование и злую иронию по адресу Гоголя — реакционного публициста, но и тревогу за судьбу великого писателя.

Статья Белинского о втором издании «Мертвых душ» была напечатана в № 1 «Современника» за 1847 г. (ценз. разр. 30 декабря 1846 г.), т. е. буквально за день до выхода «Переписки» Гоголя в свет. Свою статью Белинский писал, еще не зная (по крайней мере полностью) содержания книги Гоголя. Между тем уже в этой статье намечены все мотивы будущей критики «Переписки».

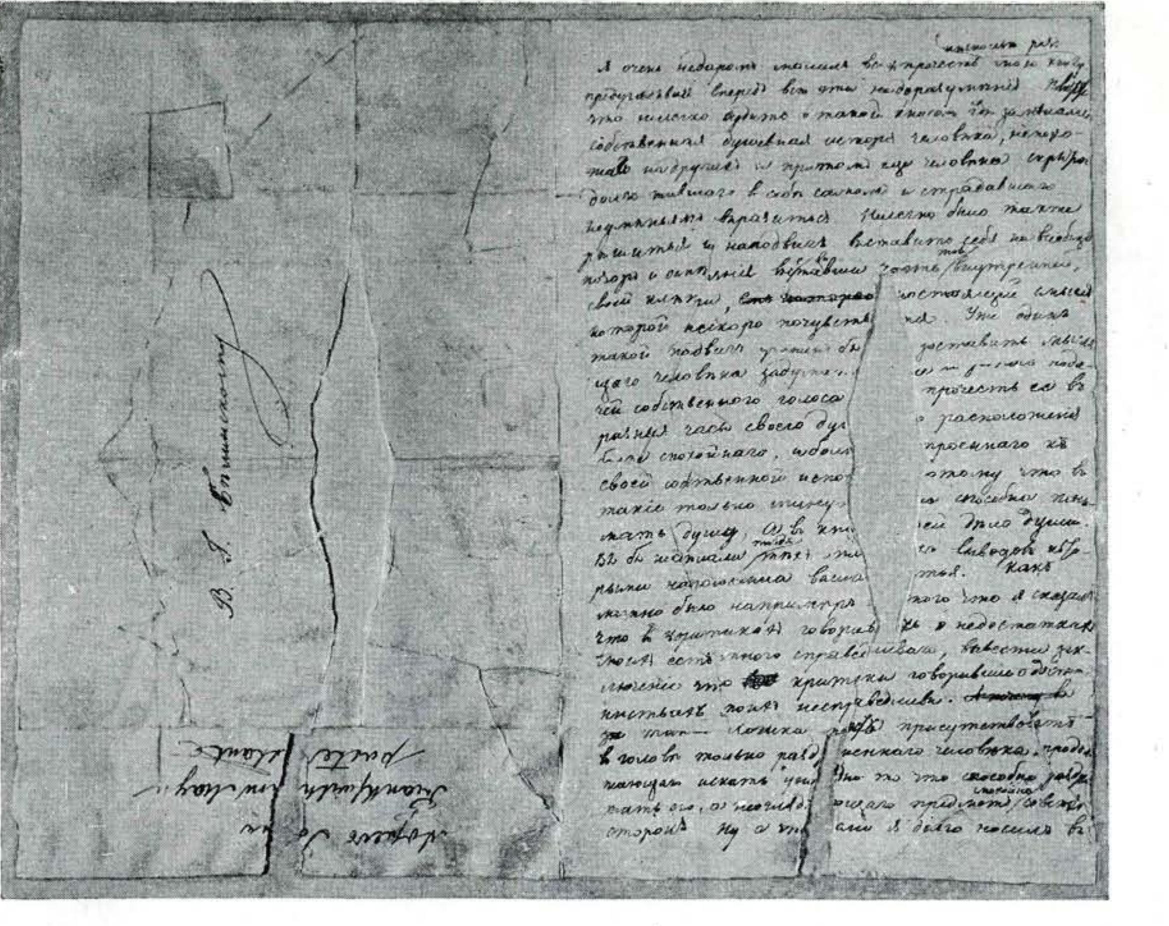
В зальцбруннском письме Белинский сделал еще одно усилие, чтобы показать Гоголю, на край какой бездны завели его претензии стать проповедником и утвердителем реакционных идей, защитником крепостного права и николаевского самодержавия.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОГОЛЯ К БЕЛИНСКОМУ (НАПИСАНО ОКОЛО 8/20 ИЮНЯ 1847 г.

Разворот первого и последнего листов

Центральный литературный архив, Москва

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОГОЛЯ К БЕЛИНСКОМУ (НАПИСАНО ОКОЛО 8/20 ИЮНЯ 1847 г.)

Разворот второго и третьего листов

Центральный литературный архив, Москва

III

«...Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах...»

В середине 1847 г. Белинский уже мог подытожить многочисленные высказывания своих друзей и соратников о книге Гоголя. И если он не стал этого делать, то только потому, что в кругу Белинского не было ни одного человека, который отнесся бы положительно к проповеди Гоголя. Публикуя переписку Гоголя с Белинским в «Полярной звезде» на 1855 г., Герцен в своем примечании говорит: «В 1847 г. Н. Гоголь, бывший за границей, напечатал в России свою „Переписку с друзьями". Книга эта удивила всех. Дух ее был совершенно противоположен его прежним творениям, которые так сильно потрясли всю читающую Россию. Была ли это внутренняя психическая переработка, один из тех болезненных возрастов развития, которыми человек достигает окончательного совершеннолетия; было ли это следствие физического недуга, негодования, долгой жизни за границей или просто кружение ума? — Во всяком случае, обнародование такой книги таким великим талантом должно было вызвать сильную полемику. Почитатели Гоголя, принимавшие за правду мнения, ярко просвечивавшиеся в его сочинениях, были оскорблены его отречением, его защитой существующего, его *принижением* — по выражению нео-славян; они подняли перчатку, брошенную им, и на первом плане, разумеется, явился боец, достойный его,— Белинский» («Полярная звезда» на 1855 г., стр. 63—64).

В этой же книжке «Полярной звезды», публикуя главы «Былого и дум», Герцен подробно говорит о Белинском именно как о передовом бойце всего прогрессивного, антиреакционного лагеря (стр. 95—103).

В переписке Белинского за первую половину 1847 г. встречаются многочисленные отзывы его корреспондентов — Анненкова, Боткина, Кавелина, Грановского, свидетельствующие об единодушном осуждении ими книги Гоголя. С другой стороны, в письмах самого Белинского мы находим ряд сочувственных откликов критика на печатные выступления, направленные против этой книги. В письме к В. П. Боткину от 17 февраля 1847 г. Белинский называет «замечательным и отрадным явлением» статью Э. Губера, напечатанную в № 35 «С.-Петербургских ведомостей» от 15 февраля. А две недели спустя, в письме от 28 февраля к тому же корреспонденту: «Мне очень нравится статья Губера (читал ли ты ее?) именно потому, что она писана прямо, без лисьих верчений хвостом. Мне кажется, что она — моя, украдена у меня и только немножко ослаблена» («Письма», III, 176 и 185).

Чрезвычайно положительно отзывался Белинский и о письмах к Гоголю Н. Ф. Павлова, напечатанных сначала в «Московских ведомостях», а затем, по предложению Белинского, перепечатанных в «Современнике».

17 февраля Белинский сообщал И. С. Тургеневу: «Гоголь покаран сильно общественным мнением и разруган во всех почти журналах, даже друзья его, московские славяноп...ы, и те отступились, если не от него, то от гнусной его книги» («Письма», III, 181).

Боткин разделял отрицательный взгляд Белинского на книгу Гоголя, оговаривая только свое несогласие с резкой характеристикой мотивов, побудивших Гоголя выпустить книгу. 28 февраля 1847 г. он писал Анненкову, находившемуся в Париже: «Можете представить себе, какое странное впечатление произвела здесь книга Гоголя; но замечательно также и то, что все журналы отозвались о ней как о произведении больного и полупомешанного человека; один только Булгарин приветствовал Гоголя, но таким язвительным тоном, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины. Этот факт для меня имеет важность: значит, что в русской литературе есть направление, с которого не совратить ее и таланту посильнее Гоголя; русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его как скорлупку выеденного яйца. Воображаю, какой удар будет напыщенному невежеству Гоголя» («П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 529).

Боткин был, повидимому, первым московским корреспондентом Белинского, который сообщал ему об отношении, сложившемся к книге Гоголя не только

в журналистике или в кругу московских единомышленников Белинского, но и в кругу славянофилов. Хотя письма Боткина к Белинскому от этого времени неизвестны, мы можем судить о характере его сообщений по ответным письмам Белинского, а отчасти по письмам Боткина за границу к Анненкову. В них он касался тех же предметов, причем, как выясняется ниже, повторял суждения Белинского.

Первое упоминание «Переписки» в письмах Белинского к Боткину относится к 29 января 1847 г.: «А славянофилы напрасно сердятся на Гоголя: он только консеквентнее и добросовестнее их — вот и все. Мальчишки! Розгами бы их!» («Письма», III, 163).

Ясно, что Белинский отвечает здесь на какое-то мимоходом сделанное замечание Боткина об отношении славянофилов к книге Гоголя. Несколько дней спустя, 6 февраля, Белинский вновь писал Боткину и подробнее развил свой взгляд: «Читал ли ты переписку Гоголя? Если нет, прочти. Это любопытно и даже назидательно: можно увидеть, до чего доводит и гениального человека о........., а славяно..... московские напрасно на него сердятся. Им бы вспомнить пословицу: неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Они подлецы и трусы, люди не консеквентные, боящиеся крайних выводов собственного учения; а он — человек храбрый, которому нечего терять, ибо все из себя вытряс, он идет до последних результатов» («Письма», III, 166).

Необходимо отметить, что это суждение Белинского высказано было уже после выхода второй книжки «Современника» с его статьей о «Переписке». Боткин, на основании как этого, так и последующих февральских писем Белинского (кроме последних, от 26 и 28 февраля), писал Анненкову в цитированном выше письме: «Замечательно то, что здесь славянская партия теперь отказывается от него <т. е. от Гоголя>, хотя и сама она натолкнула на эту дорогу. Хотелось бы мне сообщить вам обстоятельно о здешних славянофилах, но эти господа так разделены в своих доктринах, что чтó голова, то и особое мнение; разумеется, и в них есть правая и левая стороны и правой стороне книга Гоголя пришлась совершенно по сердцу» («П. В. Анненков и его друзья», стр. 529—530).

Боткин в последних, подчеркнутых нами словах имеет, конечно, в виду Шевырева, а может быть, и Погодина. По этому сообщению Боткина мы можем судить и о характере его сообщений Белинскому. Именно потому, что Боткин в начале февраля еще неясно отдавал себе отчет в том, как отнеслись к книге Гоголя различные «фракции» славянофильства, Белинский, отвечая на его сообщение от первой половины февраля, писал ему:

«Ты решительно не понял этой книги, если видишь в ней только заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости. Гоголь совсем не К. С. Аксаков» («Письма», III, 185).

Через три недели, 20 марта, имея уже в руках подробное, разъясняющее письмо Белинского от 28 февраля, Боткин снова писал Анненкову: «Наши славяне книгу Гоголя приняли холодно, но это потому только, что Гоголь имел храбрость быть последовательным и итти до последних результатов, а семена белены посеяны в нем теми же самыми славянами: нечего зеркало бранить, когда рожа крива» («П. В. Анненков и его друзья», стр. 533).

Приведенный отрывок подтверждает, что Боткин принял точку зрения Белинского — он буквально повторяет выражения февральских писем Белинского, цитированных выше.

Наконец, 24 и 25 августа Боткин пишет Анненкову: «Все, что пишете Вы о переписке с Гоголем, в высшей степени интересно. Впрочем, я всегда относил „Переписку с друзьями“ более к гордости своей гениальностью и невежеству, нежели к расчетливой подлости. Но переписка Белинского и Ваша с ним очень и очень важна в настоящем его положении» (там же, стр. 547).

Подобно московским друзьям Белинского отрицательное отношение к «Переписке» разделял буквально весь прогрессивный круг литераторов. Мы привели высказывания Боткина в качестве типичного образца их суждений.

IV

«... о том вопле дикой радости, который издали, при появлении ее ⟨книги Гоголя⟩, все враги Ваши — и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п.), и литературные, которых имена Вам известны...»

Белинский имеет здесь в виду выступление в печати по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» постоянных противников Гоголя из лагеря реакции и мракобесия — Булгарина, Сенковского и их клевретов.

«Приведем два наиболее характерных отзыва из этих выступлений. Непосредственно после выхода книги Гоголя Булгарин писал в «Северной пчеле», № 8 от 11 января: «Последним сочинением он ⟨Гоголь⟩ доказал, что у него есть сердце и чувство и что он дурными советами увлечен был на грязную дорогу, прозванную нами натуральною школою. Отныне начинается новая жизнь для г. Гоголя». Именно этот отзыв имел в виду Боткин в письме к Анненкову (от 28 февраля 1847 г.): «Один только Булгарин приветствовал Гоголя, но таким язвительным тоном, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины» («П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 529).

Аналогично «приветствовал» Гоголя О. И. Сенковский. Он писал в «Библиотеке для чтения»: «Господин Гоголь долго начинал, долго обещал — и вдруг, среди начал и обещаний заключил поприще свое решительною мерою». С огромным удовольствием Сенковский заявлял далее, что он может сейчас «попирать ногами» похвалы, которыми осыпали Гоголя. Издевательски повторял он признание самого Гоголя, что он «поэт пошлости». Наконец, приведя одно из писем по поводу «Мертвых душ», напечатанных в «Переписке», Сенковский злорадно восклицал, имея в виду те оценки Гоголя как гениального и передового художника, которые были даны Белинским: «Из этого явствует, что не легко иметь дело с гениями, заслужившими монументы и торгующимися об них заранее с потомством; что даже опасно восхищаться их произведениями по своему разумению. Малейшая неосторожность в восторге может иметь самые неприятные последствия, несмотря на преданность и на дружбу: гений как раз напомнит своим обожателям, что они не в свои сани садятся» («Библиотека для чтения», 1847, т. 80, № 2, отд. VI, стр. 42—50).

V

«... Вы сами видите хорошо, что от Вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа с ее духом...»

Белинский имеет здесь в виду славянофильские круги, с которыми был близок Гоголь, и прежде всего семью Аксаковых. Как известно, и С. Т. Аксаков, и его сын, К. С. Аксаков, заняли резко враждебную позицию по отношению к новой книге Гоголя. Еще до ее выхода С. Т. Аксаков, не будучи близким с Плетневым, решился около 25 ноября 1846 г. обратиться к доверенному лицу Гоголя с такого рода письмом: «Вы, вероятно, так же, как и я, заметили с некоторого времени особенное религиозное направление Гоголя; впоследствии оно стало принимать характер странный и, наконец, достигло такого развития, которое я считаю если не умственным, то нервным расстройством. Вы верно получили предуведомление к 4 или 5 изданию „Ревизора", а также новую его развязку. Все это так ложно, странно и даже нелепо, что совершенно не похоже на прежнего Гоголя, великого художника. Я слышал, что Вы печатаете какое-то его сочинение, в котором также много подобных несообразностей: книга еще не вышла, а неблагоприятные слухи уже бродят по всей России, и уже Ваш литературный совестдрал, барон Брамбеус, торжественно объявил, что Гомер впал в мистицизм. Если Вы, хотя не вполне, разделяете мое мнение, то размыслите, ради бога, неужели мы, друзья Гоголя, спокойно предадим его на поругание многочисленным врагам и недоброжелателям». Это письмо Аксаков заключил следующим предложением: «Вам, мне и С. П. Шевыреву написать Гоголю с полною откровенностью наше мнение. Если он его не послушает, то мы откажемся от его поручений, пусть он находит себе других исполнителей. По крайней мере, мы сделаем, что можем» («Русская старина», 1887, № 1, стр. 249—250).

Предложение не было принято Плетневым. А отношение Шевырева к предстоящему выступлению Гоголя было совершенно иным, хотя Аксаков долго и упорно предполагал, что Шевырев является его единомышленником в данном вопросе.

Немедленно после получения книги в Москве, 16 января 1847 г., С. Т. Аксаков написал сыну Ивану Сергеевичу: «Мы не можем молчать о Гоголе, мы должны публично порицать его. Шевырев даже хочет напечатать беспощадный разбор его книги ⟨в этом сообщении Аксаков ошибся, как мы увидим далее,— Шевырев отнюдь не намеревался выступать в печати с осуждением книги Гоголя.— *Я. Ч.*⟩. Дело в том, что хвалители и ругатели Гоголя переменились местами: все мистики, все ханжи, все примиряющиеся с подлою жизнию своею возгласами о христианском смирении ⟨...⟩ утопают в слезах и восхищении. Я думал, что вся Россия даст ему публичную оплеуху, и потому не для чего нам присоединять рук своих к этой пощечине; но теперь вижу, что хвалителей будет очень много, и Гоголь может утвердиться в своем сумасшествии. Книга его может быть вредна многим ⟨...⟩ Вся она проникнута лестью и страшной гордостью под личиной смирения. Он льстит женщине, ее красоте, ее прелестям; он льстит Жуковскому, он льстит власти. Он не устыдился напечатать, что нигде нельзя говорить так свободно правду, как у нас» («Русский архив», 1890, № 8, стр. 163).

Две недели спустя, 27 января, С. Т. Аксаков обратился с письмом непосредственно к самому Гоголю. Здесь он писал по поводу «Переписки»: «Если это была с вашей стороны шутка, то успех превзошел самые смелые ожидания: все одурачено! Противники и защитники представляют бесконечно-разнообразный ряд комических явлений ⟨...⟩ Но увы! нельзя мне обмануть себя: вы искренно подумали, что призвание ваше состоит в возвещении людям высоких нравственных истин в форме рассуждений и поучений, которых образчик содержится в вашей книге ⟨...⟩ Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противоречите сами себе беспрестанно и, думая служить небу и человечеству, оскорбляете и бога, и человека» (т а м ж е, стр. 164).

Итак, Белинский был совершенно прав, когда писал, что от книги Гоголя отступились даже люди «повидимому, одного духа с ее духом».

Представители же наиболее консервативного крыла славянофилов — С. П. Шевырев и М. П. Погодин, хотя и поддерживали Гоголя до выхода с свет «Переписки», после ее появления заняли уклончивую позицию. В тот момент, когда буквально все журналы откликнулись на выход книги, «Москвитянин» ничем не выразил своего к ней отношения.

Из воспоминаний С. Т. Аксакова известно, что и в кругах, близких к Шевыреву и Погодину, книга Гоголя возбудила «такое же сильное волнение, как и вообще во всей литературе и обществе». В письмах Шевырева к Гоголю, и особенно в ответных письмах Гоголя, встречаются следы этого волнения. Повидимому, даже Шевырев сперва не особенно одобрял появление книги, хотя в его письмах имеется немало высказываний, звучащих в тон и в лад Гоголю.

Слух о том, что Шевырев также настроен против книги Гоголя, дошел до Петербурга, и Вяземский по этому поводу писал Шевыреву: «Наши критики смотрят на Гоголя, как смотрел бы барин на крепостного человека, который в доме его занимал место сказочника и потешника и вдруг сбежал из дома и постригся в монахи ⟨...⟩ Сказывают, что и вы строго судите новую книгу Гоголя. Я всегда был того мнения, что вы, Хомяков и другие слишком преувеличивали достоинство Гоголя, придавая ему произвольное значение, которое было ему не в меру и, таким образом, производило вредное действие и на общее мнение, и на него самого. Равно и теперь полагаю, что вы не правы, если не сочувствуете книге его» («Русский архив», 1884, т. VI, стр. 311).

Письмо это свидетельствует о том, насколько широк был диапазон «колебаний» Шевырева по отношению к книге Гоголя в течение одного года. Шевырев долго не смог высказать более или менее определенно свою точку зрения. Перед лицом очевидного провала Гоголя он не решался поддержать как раз те тенденции его последней книги, на которые сам же упорно наталкивал великого писателя. 22 марта 1847 г. он писал Гоголю: «Ты избалован был всею Россиею: поднося тебе славу, она питала в тебе

самолюбие <...> В книге твоей оно выразилось колоссально, иногда чудовищно. Самолюбие никогда так не бывает чудовищно, как в соединении с верою» («Отчет Имп. публичной библиотеки за 1893 год», СПб., 1896, стр. 46).

Это писал тот же человек, который неустанно натравливал Гоголя на разрыв с Белинским и «натуральной школой».

Шевырев решился выступить со статьей о «Переписке» почти через год после появления книги. В этой статье, напечатанной в первой книжке «Москвитянина» за 1848 г., Шевырев изображает следующим образом литературную обстановку, предшествовавшую появлению книги Гоголя, а также впечатление, произведенное ею непосредственно после выхода в свет: «Еще за два месяца, по крайней мере, до появления книги предшествовали ей слухи двоякого рода — благоприятные с той стороны, которая открывала в Гоголе новую сферу, до сих пор не примеченную, и враждебные от той стороны, которая должна была через эту книгу навсегда с ним расстаться».

В неуклюжей, подчеркнутой нами фразе Шевырева ярко отразились позиции двух лагерей, столкнувшихся в 1847 г. с необычайной силой. Злорадство Шевырева относительно тех, которые «через эту книгу» должны «навсегда расстаться» с Гоголем, было адресовано прежде всего Белинскому, «Современнику», представителям «натуральной школы». Именно Шевырев ожидал после появления книги Гоголя его открытого разрыва с наиболее передовым направлением в русской литературе, возглавлявшимся Белинским, и сближения писателя с идеологией «казенной народности», теоретиком и проводником которой являлся сам Шевырев.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский говорит по поводу приведенного выше выпада Шевырева: «К числу таких же его выходок принадлежит и беспрестанно повторяемая многими мысль, будто бы Гоголь отречением от своих прежних сочинений поставил нас в затруднительное положение, так что мы не знаем, что и делать. Больше году прошло после появления этой книги, мы уже несколько раз говорили о сочинениях Гоголя в том же духе, в каком говорили о них до появления его книги. Вообще мы всегда хвалили их ради их самих, а не ради их автора. Его прежние сочинения и теперь для нас то же, чем были и прежде; нам нет нужды до того, что теперь думает Гоголь о своих прежних сочинениях» (XI, 148).

Такова заключительная реплика Белинского, последовавшая в итоге многочисленных споров вокруг книги Гоголя.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на позиции ближайшего сотоварища Шевырева по редакции «Москвитянина» — М. П. Погодина. Как известно, личная обида, нанесенная Погодину Гоголем — как в «Переписке», так и в оскорбительной надписи на этой книге,— вызвала ссору. Самоустранение Погодина от полемики в значительной степени объясняется личными мотивами.

Если еще в конце февраля 1847 г. Гоголь почти ничего не знал о толках, вызванных «Перепиской», о чем свидетельствует его письмо к Смирновой от 22 февраля, то 6 марта в письме к Жуковскому он даже мог в следующих словах подытожить все дошедшие до него отзывы о книге и свое отношение к ним: «Появление книги моей,— писал Гоголь,— разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим и, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому. После нее я очнулся, точно как будто после какого-то сна, чувствуя, как провинившийся школьник, что напроказил больше того, чем имел намерение. Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее. Но тем не менее книга эта отныне будет лежать всегда на столе моем как верное зеркало, в которое мне следует глядеться, для того чтобы видеть все свое неряшество, и меньше грешить вперед <...> Как мне стыдно за себя <...> стыдно, что возомнил о себе, будто мое школьное воспитание уже кончилось, и могу я стать наравне с тобою. Право, есть во мне что-то Хлестаковское» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 398—399).

Гоголь был прав — осуждение было всеобщим, и отдельные голоса сторонников его книги из реакционного лагеря тонули в общем отрицательном отношении и не приносили автору ни облегчения, ни надежды.

VI

«...Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека...»

Выражение «из прекрасного далека», трижды использованное Белинским в письме к Гоголю, взято из «Мертвых душ»: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу» (гл. XI).

VII

«... Вы в этом прекрасном далеке живете совершенно чужды ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с Вами настроенного и бессильного противиться Вашему на него влиянию...»

В течение многих лет болезнь заставляла Гоголя жить в Италии. Оторванность от России чрезвычайно тяжело сказывалась на его творчестве и душевном состоянии. Он терял связь с русской жизнью и пытался поддержать ее письменными сношениями. Однако переписка его охватывала сравнительно узкий круг корреспондентов. Наиболее постоянными из них были П. А. Плетнев и С. П. Шевырев — люди консервативных и реакционных взглядов, чрезвычайно плохо знавшие Россию. С ними же и подобными им людьми поддерживал Гоголь отношения и во время своих приездов в Россию. Великий писатель страшился последствий своего отрыва от русской действительности. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу „Мертвых душ"» (включенных им в качестве XVIII главы в «Переписку») он прямо говорит о невозможности продолжать «Мертвые души» из-за этой оторванности.

В Риме к тому узкому кружку, в «однообразии» которого, по удивительно точному определению Белинского, протекала духовная жизнь Гоголя, принадлежало несколько человек: А. О. Смирнова, художник А. А. Иванов и семья Виельгорских, в их числе А. М. Виельгорская, мистически настроенная поклонница Гоголя. Летом и осенью на водах в Австрии и на морских купаниях в Остенде Гоголь встречался с В. А. Жуковским.

Весь этот круг людей не только не отвлекал Гоголя от гибельного для художника реакционного мистицизма, но, наоборот, ревностно поддерживал его на этом пути. Вредное влияние оказывал на Гоголя и А. П. Толстой, встречавшийся с ним в Париже и в Москве, когда Гоголь возвращался на родину. Обычно в эти приезды писатель жил у А. П. Толстого. Будущий обер-прокурор Синода настойчиво подталкивал Гоголя к аскетическому, суровому идеалу монашеского покаяния. Трагедия Гоголя в последние годы его жизни была вызвана мистиками и церковниками, тесным кругом обступившими великого писателя и истребившими в нем и волю к творчеству, и волю к жизни.

С удивительной проникновенностью Белинский увидел грозное предвестие этой гибели и указал на опасность уединения писателя в кругу мистически настроенных его почитателей.

VIII

«... страны́, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками...»

Великий революционный демократ и просветитель Белинский неустанно боролся за развитие чувства человеческого достоинства в русском народе. За год до письма к Гоголю Белинский писал в рецензии на третью книжку «Сельского чтения» (1845 г.), изд. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким: «Многие восстают против „Сельского чтения" за простонародность его языка, маленько-мужицкого, утверждая, что к такому языку в книге простой народ недоверчив, поддаваясь охотнее обаянию книжного языка. Признаемся откровенно, мы не считаем такого мнения

АВТОГРАФ ЧЕРНОВОГО (НЕОТОСЛАННОГО) ОТВЕТА ГОГОЛЯ НА ПИСЬМО БЕЛИНСКОГО, КОНЕЦ ИЮЛЯ — НАЧАЛО АВГУСТА 1847 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ложным <...> Одно, что мы можем не похвалить в „Сельском чтении",— это употребление презрительно-уменьшительных собственных имен: Ванюха, Ванька, Сенька, Васька, Машка и т. п. „Сельское чтение" должно способствовать истреблению, а не поддерживанию отвратительного обычая называть себя не христианскими именами, а кличками, унижающими человеческое достоинство» (X, 30). Аналогичные строки встречаются и в недавно обнаруженной рецензии Белинского 1841 г. на «Тридцать лет или жизнь игрока» (см. публикацию Л. Ланского в настоящем томе, стр. 38).

IX

«... доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута трех-хвостою плетью...»

Сравнение русских помещиков с плантаторами, а крепостных с неграми встречается и в письме Белинского к В. П. Боткину от 7 июля 1847 г. («Письма», III, 244).

Строки о замене однохвостого кнута трех-хвостою плетью имеют в виду «Уголовное уложение» 1845 г. Иронический намек Белинского был связан, вероятно, с «мнением» Николая I, доведенным до сведения Государственного совета при рассмотрении последним проекта этого уложения: «Его величество из предполагаемых мер признает удобнейшею заменить кнут увеличенным числом ударов плетьми рукою палача на лобном месте с заклеймением, ссылкою в каторжную работу и выставлением преступника у позорного столба с действующими на ум зрителей обрядами, определение коих его императорское величество предоставляет Государственному совету» (А. Г. Тимофеев. История телесных наказаний в русском праве, изд. 2-е, СПб., 1904, стр. 153). В очерках «За рубежом» Салтыков-Щедрин вспоминал, по поводу курса уголовного права, читанного проф. Я. И. Баршевым в Александровском лицее весной 1844 г.: «... курс уголовщины не был еще закончен, как вдруг, перед самыми экзаменами, кнут отрешили и заменили трехвостною плетью с соответствующим угобжением с точки зрения числа ударов» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIV, Л., 1936, стр. 107).

X

«... А выражение: „ах, ты неумытое рыло!" Да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали Вы его...»

«А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы в словах глупой бабы в повести Пушкина и по разуму которого должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления — быть без вины виноватым!»

Еще в рецензии на книгу Гоголя Белинский, приведя выписку из главы «Русский помешик», писал: «В другом письме автор советует помещику прежде всего не шутя, искренно показать своим крестьянам, что ему, помещику, деньги — нуль. „Негодяям же и пьяницам повели, чтобы они оказывали добрым мужикам такое же уважение, как бы старосте, приказчику, попу или даже самому тебе. Чтобы, когда еще они завидят издали примерного мужика и хозяина, летели бы шапки с головы у всех мужиков, и все бы ему давало дорогу, а который посмел бы оказать ему какое-нибудь неуважение или не послушаться умных слов его, того распеки тут же при всех; скажи ему: „Ах, ты, невымытое рыло! Сам весь зажил в саже, так что и глаз не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поклонись же ему в ноги и попроси, чтобы навел тебя на разум; не наведет на разум — собакой пропадешь"» (X, 445). (Разрядка всюду Белинского).

Белинский, приведя эту выписку, ее не комментирует. Объясняется это, повидимому, тем, что статья при опубликовании ее в журнале подверглась жестоким цензурным урезкам. Белинский, сообщая о цензурной расправе Боткину, писал ему: «Эффект этой книги был таков, что Никитенко, ее пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего он и цензора вычеркнули целую треть, а в статье обдуманной помарка слова — важное дело» («Письма», III, 185).

Цензурные придирки вынудили Белинского во многих случаях ограничиться только приведением выписок из книги, предоставляя читателю самому их оценить.

Точно так же поступил он и в данном случае. Сделав приведенную выше выписку, Белинский продолжает: «Хорош и этот совет: „Мужика не бей: съездить его в рожу еще не большое искусство: это сумеет сделать и становой, и заседатель, и даже староста, мужик к этому уже привык, и только что почешет слегка у себя в затылке". Затем автор учит помещика ругаться с мужиками ⟨...⟩ Что это такое? Где мы? Уж не перенеслись ли мы в давно прошедшие времена?..» (X, 446).

Заключительные слова этого отрывка являются единственным комментарием Белинского к приведенным выпискам, который ему удалось провести через цензуру.

В таком же положении оказался Белинский, рассматривая другую главу книги Гоголя: «Сельский суд и расправа»: «В других двух письмах,— пишет Белинский,— содержатся преудивительные советы помещику, как управлять своими крестьянами. В одном из них замечательнее всего совет касательно сельского суда и расправы. Так как, по мнению автора, в спорах, жалобах, неудовольствиях и тяжбах всегда бывают не правы обе стороны, то он и решает, что дело судьи — наказать обе ⟨...⟩ Эта мысль ⟨говорит он⟩, как непреложное верование, разнеслась повсюду в нашем народе. Вооруженный ею, даже простой и неумный человек получает в народе власть и прекращает ссоры. Мы только, люди высшие, не слышим ее, потому что набрались пустых рыцарски-европейских понятий о правде. Мы только спорим из-за того, кто прав, кто виноват; а если разобрать каждое из дел наших, придешь к тому же знаменателю: т. е. оба виноваты. И видишь, что весьма здраво поступила комендантша в повести Пушкина „Капитанская дочка", которая, пославши поручика рассудить городового солдата с бабою, подравшихся в бане за деревянную шайку, снабдила его такою инструкциею: разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи» (X, 445).

Отвечая Гоголю из Зальцбрунна, Белинский припомнил эти и некоторые другие изуродованные цензурой места из своей статьи и объяснил Гоголю, что он хотел сказать, когда говорил об этих позорных главах его книги.

Быть может, одним из самых важных мест в статье Белинского были строки, в которых он отвечал на выпады Гоголя против распространения «излишней» грамотности в народе. Вот что писал Белинский: «Но это еще не все. Вот лучшее: „Замечания твои о школах совершенно справедливы. Учить мужика грамоте за тем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть действительно вздор. Главное уже то, что у мужика нет вовсе для этого времени. После стольких работ никакая книжонка не полезет в голову — и пришедши домой, он заснет как убитый, богатырским сном" ⟨...⟩ не понимаем с чего взял автор, будто народ бежит, как от чорта, от всякой письменной бумаги? Бумаг юридических не любит не один наш народ, особенно, если грамоте не знает; но грамоты наш народ не боится, напротив, любит ее и бежит к ней, а не от нее. Пусть попросит автор своих друзей, чтобы они переслали ему отчет за 1846 год г. министра государственных имуществ, напечатанный во всех официальных русских газетах: из него увидит он, как быстро распространяется в России грамотность между простым народом ⟨...⟩ А если бы захотел он пожить в той России, которую так расхваливает, живя в разных немецких землях, и поприглядеться к нашему простому народу, о котором он судит так решительно, не зная его,— он убедился бы, что эти быстрые успехи в деле распространения грамотности в простом народе основаны именно на глубокой потребности, какую чувствует народ в грамотности, и на сильном стремлении, какое он оказывает к учению ⟨...⟩ Автор увидел бы, как часто бородатые русские мужички ничего не жалеют для обучения детей своих грамоте и достигают иногда этой цели при всевозможной бедности в средствах. Да, эта любовь к свету, выразившаяся в пословице „ученье — свет, не ученье — тьма", составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского народа,— и это-то свойство до сих пор не признано в нем его близорукими восхвалителями и льстецами, которые взамен того навыдумывали для него множество похвальных качеств или не бывалых в нем, или составляющих еще его темную сторону» (X, 446).

Белинский заключает рассмотрение глав книги, посвященной отношениям помещиков с крестьянами, следующими словами:

«Замечательна следующая черта: в начале письма автор советует помещику показывать крестьянам, искренно, без штук, что деньги ему ни почем, т. е. вовсе не нужны; а в конце письма говорит: „Разбогатеешь ты, как Крез, в противность тем подслеповатым людям, которые думают, будто выгоды помещика идут врозь с выгодами мужиков“» (там же).

Приведенными выписками и краткими репликами Белинского ограничивается все, что удалось ему провести через цензуру в той части статьи, которая непосредственно трактовала о крепостных порядках в России.

Собственно все вопросы, которых касался Белинский на этих страницах своей статьи, были развернуты им в письме к Гоголю. Нестесненный цензурой, дав волю «своему бешенству и негодованию», он показал Гоголю, куда ведут его «преудивительные» советы.

XI

«...По-Вашему русский народ — самый религиозный в мире: ложь! ⟨...⟩ Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ...»

Проблемы политического и социального освобождения крестьянства, волновавшие Белинского, были теснейшим образом связаны с вопросом о борьбе с церковью, поддерживавшей и политическое, и духовное рабство народа. Разбить легенду о «глубокой религиозности» русского крестьянства, проложить дорогу к свежему, здоровому чутью, к инстинкту истины, — которые Белинский провидел в русской народной массе, — становилось для великого критика настоятельной необходимостью. В борьбе с цензурой, не допускавшей выражения малейшего сомнения в глубине и основательности религиозности народа, в опровержении литературы, также не раз рисовавшей русский народ, если не религиозным, то богомольным, в уничтожающей критике выступлений представителей «казенной народности» и многих славянофилов Белинский видел одну из важнейших задач.

Развитие материалистических и освободительных идей в мировоззрении Белинского, как и самая его деятельность, привели его к последовательной критике религии.

Идеи западноевропейского утопического социализма, начиная с «Нового христианства» Сен-Симона (1825 г.), выступали в религиозной оболочке и противопоставляли евангельское христианство как «учение свободы, равенства и братства» учению церкви как иерархической организации, «врагу и гонительнице братства между людьми».

Эта характерная черта, присущая сектантскому социализму учеников Сен-Симона, провозглашаемая и в «Новом Евангелии» Ламеннэ, развивалась также и в позднейших социалистических учениях начала 1840-х годов. Она была присуща также и учению Пьера Леру, которое было хорошо знакомо Белинскому.

Белинский, как и Герцен, видел в Леру последовательного критика буржуазии, и интерес к его учению был тесно связан с усиленным чтением литературы, посвященной истории французской революции 1789 г. (см. также настоящий том, стр. 303).

Но к середине 1840-х годов Белинского уже не могла удовлетворить та критика религии, которая содержалась в учении Леру. В самом начале 1845 г. Белинский ознакомился со статьей молодого Маркса «К критике Гегелевской философии права», напечатанной в «Deutsch-Französische Jahrbücher» за 1844 г. И первая же фраза статьи Маркса: «Для Германии критика религии по существу окончена, а критика религии — предпосылка всякой другой критике», — вводила в самое существо проблемы, имевшей для мировоззрения Белинского того периода серьезнейшее значение. Когда Кетчер сообщил Герцену 26 января 1845 г., что «Ежегодник» произвел громадное впечатление на Белинского и последний от этого впечатления «воскрес и переродился», то Герцен, глубоко заинтересованный, запросил об этом самого Белинского. Белинский в ответ писал Герцену 26 января 1845 г. следующее: «Кетчер писал тебе

о Парижском Ярбухере и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе, — и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» («Письма», III, 87). Ответ Белинского свидетельствует о том, что в статье Маркса его интересовал прежде всего вопрос о критике религии. Этому в точности соответствуют также и отметки Белинского на экземпляре «Deutsch-Französische Jahrbücher», сохранившемся в его библиотеке. Статья Маркса отмечена знаком «№3», и первые семь абзацев отчеркнуты вертикальной чертой (см. Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 568—571).

Маркс подчеркивает, что борьба против религии «есть косвенно борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия». Здесь содержится также знаменитая формула Маркса: «Религия —„опиум народа“» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, М. — Л., 1929, стр. 399).

Анализируя отношения критики религии и политической критики, Маркс говорит: «Упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья». «Критика неба, — пишет Маркс в последнем из отмеченных Белинским абзацев, — обращается таким образом в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики» (там же, стр. 399—400. Разрядка везде Маркса).

В литературе уже была отмечена связь между высказыванием Белинского по поводу статьи Маркса с резкой критикой религии и церкви в письме к Гоголю (А. М. Путинцев. Библиотека В. Г. Белинского.— «Лит. наследство», т. 19—21, 1935, стр. 608—609). Именно в этом документе Белинский на практике превращал «критику неба в критику земли», критику религии — в критику крепостного права и критику теологических изысканий Гоголя в критику его реакционной политической проповеди.

XII

«...Неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству...»

Белинский знал русское духовенство с детства. Его дед был священником в с. Белыни. Таким образом, сама жизнь Белинского содействовала тому, что в его сознании рано сложился отчетливый образ русского духовенства. Великий критик смотрел на «русского попа» глазами народа. Ему были хорошо известны и народные поговорки, в которых фигурируют попы, и бесчисленные антипоповские сказки. Об этом ярко свидетельствуют и приведенные в тексте письма Белинского к Гоголю антипоповские пословицы и поговорки. Признаваясь в письме к Боткину в феврале 1840 г. в том, что «родная действительность ужасна», Белинский не видит спасения и в бегстве из Петербурга в деревню, где «найдет тебя предводитель, исправник, земский суд, русский поп, окончивший курс богословия» («Письма», II, 56). Гневно-иронические сентенции о «нашей святой православной церкви» см. и в письмах к Боткину от 28 июня 1841 г. и к Кетчеру от 3 августа 1841 г. («Письма», II, 248, 256—257).

Герцен в «Былом и думах» вспоминает эпизод, когда Белинский, услышав в одном доме, что хозяева его едят постное «для людей», разразился следующей гневной тирадой: «Где ваши люди? Я им скажу, что они обмануты; всякий открытый порок лучше и человечественнее этого презрения к слабому и необразованному, этого лицемерия, поддерживающего невежество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну вас доску со всеми царями, попами и плантаторами!» (гл. XXV. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XIII, Пг., 1919, стр. 25).

Указывая, что «наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа», Белинский разоблачал реакционную идеализацию поповщины и монархическую апологию православной церкви, как оплота против всякого рода революционных переворотов, с которыми выступил Гоголь в двух письмах к гр. А. П. Толстому, составивших VIII и IX гл. «Переписки» («Несколько слов о нашей церкви и духовенстве» и «О том же»).

XIII

«... Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия...»

В главе «О лиризме наших поэтов», представляющей собой письмо к В. А. Жуковскому (гл. X), Гоголь говорит о том, что «два предмета» вызывают в русской поэзии «высшее состояние лиризма», «близкое к библейскому».

«Первый из них — Р о с с и я, — пишет он, — при одном этом имени как-то вдруг просветляется взгляд у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозор, все становится у него шире, и он сам как бы облекается величием, становясь превыше обыкновенного человека». Но эти слова служат только краткой интродукцией к остальной части статьи, целиком посвященной «другому предмету, где также слышится у наших поэтов тот высокий лиризм, о котором идет речь, то есть, л ю б в и к ц а р ю» ⟨Разрядка Гоголя.— *Я. Ч.*⟩.

Подобные же высказывания Гоголя рассеяны и в других местах «Переписки». По поводу этого «гимна самодержавию» Герцен писал в 1851 г. в «Развитии революционных идей в России»:

«Автор статьи „Москвитянина“ ⟨Герцен имеет здесь в виду Ю. Ф. Самарина и его статью «О литературных и исторических мнениях „Современника“»⟩ говорит, что Гоголь „спустился, как горнорабочий, в этот глухой мир, где не слышится ни громовых ударов, ни сотрясений, неподвижный и ровный, в бездонное болото, медленно, но безвозвратно затягивающее в с е, ч т о е с т ь с в е ж е г о (это говорит славянофил): он спустился, как горнорабочий, нашедший под землею жилу, еще не початую“. Да, Гоголь почуял эту силу, эту не тронутую руду под необработанной землей. Может, он ее и почал бы, но, к несчастью, раньше времени подумал, что достиг дна, и вместо того, чтобы продолжать расчистку, стал искать золото. Что же из этого вышло? Он начал защищать то, что прежде разрушал, оправдывать крепостное право, и кончил тем, что бросился к ногам представителя „благоволения и любви“.

Пусть славянофилы подумают о падении Гоголя. Они найдут в нем, может, больше логики, чем слабости. От православного смиренномудрия, от самоотречения, относящего свою индивидуальность в индивидуальность государя, до обожания самодержца один только шаг» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена. Под ред. М. К. Лемке. Т. VII, Пг., 1917, стр. 394).

Белинский в своем «Ответе „Москвитянину“» рассмотрел эту апологию гоголевского мистицизма, приведшего писателя к преклонению перед самодержавием, и процитировал текст Самарина даже более полно, чем это сделал Герцен. Но, стесненный цензурными условиями, Белинский не смог раскрыть действительное содержание рассуждений Самарина, а только вышутил противоречивый характер «великолепного набора громких слов и таинственных фраз». Смысл же его высказываний совпадает с герценовским (XI, 31—32).

XIV

«... Подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею. Конечно, в Вашей книге больше ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; за то они развили общее им с Вами учение с большей энергиею и большею последовательностию ⟨...⟩ тогда как Вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречия...»

Публицист и критик реакционно-клерикального лагеря С. А. Б у р а ч е к (1800—1876) с начала 1840 г. выступил, вместе с П. А. Корсаковым, в качестве соредактора журнала «Маяк». С 1842 г. он явился уже единоличным издателем и редактором «Маяка». Журнал «Бурачка с братией» вел мракобесную проповедь против всей «светской литературы». Еще в 1843 г. Белинский выступил в статье «Литературные и журнальные заметки» («Отеч. записки», 1843, № 3) против «Маяка», подвергнув уничто-

жающей и язвительной критике «галиматью» бездарного публициста. Особенно настороженное внимание Белинского привлекло намерение «Маяка» выступить по поводу произведений Пушкина. Обещанные Бурачком три статьи А. М. Мартынова (1787—1858) о Пушкине действительно появились (в них он обвинял великого поэта в безнравственности и называл героев его произведений уголовными преступниками.— «Маяк», т. VII, 1843, стр. 22—26; т. IX, стр. 1—32 и 127—158). К серии этих статей Бурачек присоединил и свою, четвертую.

После выхода этих номеров «Маяка», публикуя в «Отечественных записках» свою пятую статью «Сочинения Александра Пушкина», Белинский, не называя Мартынова и Бурачка по именам, писал: «Да; не во гнев будь сказано нашим литературным староверам, нашим сухим моралистам, нашим черствым антиэстетическим резонерам,— никто, решительно никто из русских поэтов не стяжал себе такого неоспоримого права быть воспитателем и юных, и возмужалых, и даже старых (если в них было и еще не умерло зерно эстетического и человеческого чувства) читателей, как Пушкин, потому что мы не знаем на Руси более нравственного при великости таланта поэта, как Пушкин» (XI, 398).

Гоголь в «Переписке» выступил в защиту Пушкина от Бурачка и его компании. В главе «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» (гл. XIV) он выступил против диких нападок мракобесных публицистов на литературу, и в особенности на Пушкина. Гоголь говорил здесь о громадном «нравственном благотворном влиянии» театра, видя в нем «подготовительную ступень» к «высшей истине», а относительно Пушкина заявлял: «Я не могу даже понять, как могло притти в ум критику печатно, в виду всех взводить на Пушкина ⟨...⟩ обвинение ⟨...⟩ что сочинения его служат к развращению света...»

Именно об этой защите Пушкина, театра, литературы и говорит Белинский в своем письме к Гоголю как о выражении его непоследовательности.

Эта непоследовательность была замечена и в лагере Бурачка. Еще за три месяца до получения письма Белинского Гоголь получил письмо от своего духовника — отца Матвея, религиозного фанатика и мракобеса. Письмо это не сохранилось, но по ответу Гоголя можно ясно представить себе содержание упреков, которые Гоголь должен был выслушать от своего наставника.

Отвечая на это письмо, Гоголь писал (9 мая 1847 г.): «Статью о театре я писал не с тем, чтобы приохотить общество к театру, а с тем, чтоб отвадить его от развратной стороны театра ⟨...⟩ Я хотел отвадить от этого указанием на лучшие пьесы и выразил все это таким нелепым и неточным образом, что подал повод Вам думать, что я посылаю людей в театр, а не в церковь. Храни меня бог от такой мысли!»

В заключительной части письма Гоголь прямо говорит о своем отношении к статьям Бурачка и Мартынова:

«Письмо о театре я писал, имея в виду публику, пристрастившуюся к балетам и операм, пожирающим ныне страшную сумму денег, и в то же самое время имел в виду издателя журнала „Маяк" С. А. Бурачка, который, судя по статьям его, должен быть истинно почтенный и верующий человек, но который, однако, слишком горячо и без разбора напал на всех наших писателей, утверждая, что они безбожники и деисты потому только, что те не брали в предмет христианских сюжетов. Я вовсе не хотел оскорбить издателя „Маяка": я хотел только напомнить ему самому как христианину о смирении, но выразился так, что словами моими он действительно мог быть обижен. Из некоторых слов Вашего письма мне показалось, что Вы его знаете. Скажите ему, что я умоляю его простить меня, попросите за меня и Вы также» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 463—464).

Не остается, следовательно, сомнений, что Белинский имел достаточные основания сблизить выступления Гоголя-публициста, вставшего на путь защиты реакции, мистицизма, самодержавия и крепостного права, с «направлением» «Бурачка с братией».

Признав верховным критерием духовной жизни аскетическое, мистическое христианство, Гоголь должен был, если желал быть последовательным, отречься от искусства, перестать «защищать Пушкина», театр, литературу и вступить на мракобесную дорогу, слив свою проповедь с проповедью Бурачка.

После возвращения из-за границы Белинский повторил параллель Гоголь — Бурачек в споре со славянофилами.

В статье «Ответ „Москвитянину"», полемизируя с Ю. Ф. Самариным (выступившим против Белинского во 2-й кн. «Москвитянина» 1847 г.), Белинский писал, как бы развивая комментируемое место из письма к Гоголю: «Многие славянофилы не любят вспоминать о „Маяке", как будто чуждаются его, никогда не высказывают своего мнения ни за, ни против него; подумаешь, что они и не знают ничего о существовании подобного журнала. А это оттого, что „Маяк" был самым крайним и самым последовательным органом славянофильства. Верный своему принципу, исходному пункту своего учения, он никогда не противоречил ему и логически дошел до крайних, до последних своих результатов. Он не признавал ни тени истины во всем, что хоть сколько-нибудь противоречило его основному убеждению» (XI, 5).

XV

«... Еще прежде ⟨...⟩ в Петербурге сделалось известным Ваше письмо к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России дают превратный толк...»

Белинский имеет в виду письмо Гоголя к С. С. Уварову от 2 мая 1845 г., выражавшее благодарность за выхлопотанную ему денежную помощь от правительства (по 1000 р. сер. ежегодно в течение 3 лет). Гоголь действительно писал Уварову о своем недовольстве «прежними сочинениями» и о неправильном истолковании их публикой и критикой.

«Все доселе мною писанное,— заявлял здесь Гоголь,— не стоит большого внимания: *хоть в основании его легла и добрая мысль, но выражено все так незрело, дурно,* ничтожно и притом в такой степени не так, как бы следовало, что недаром большинство приписывает моим сочинениям скорее дурной смысл, чем хороший, и соотечественники мои извлекают извлечения ⟨!⟩ из них скорее не в пользу душевную, чем в пользу...» И далее: «В тишине только я готовил труд ⟨«Выбранные места из переписки с друзьями»⟩, который, точно, был бы полезнее моим соотечественникам моих прежних мараний, за который и вы сказали бы, может быть, спасибо, если бы он исполнился добросовестно, ибо предмет его не был бы чужд и ваших собственных помышлений» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 53).

Письмо Гоголя было широко известно в литературных кругах. Уваров не делал из него секрета. А. В. Никитенко записал в дневнике 8 мая 1845 г.: «Уваров хотел показать мне письмо к нему Гоголя, да не отыскал его в бумагах. Он передал мне его содержание на словах, ручаясь за достоверность их. Гоголь благодарит за получение от государя денежного пособия и, между прочим, говорит: „Мне грустно, когда я посмотрю, как мало я написал достойного этой милости. Все, написанное мною до сих пор, и слабо, и ничтожно до того, что я не знаю, как мне загладить перед государем невыполнение его ожиданий. Может быть, однако, бог поможет мне сделать что-нибудь такое, чем он будет доволен"».

Сделав эту запись, Никитенко добавляет: «Печальное сомоуничижение со стороны Гоголя! Ведь это человек, взявший на себя роль обличителя наших общественных язв и, действительно, разоблачающий их, не только метко и верно, но и с тактом, с талантом гениального художника. Жаль, жаль! Это с руки и Уварову, и кое-кому другому».

Двумя днями позже, 10 мая, Никитенко записал: «Заходил в канцелярию к Комовскому, чтобы, по желанию министра, прочесть письмо Гоголя. Сущность его почти та же, что передавал мне Уваров» (А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был.— «Записки и дневник», т. I, СПб., 1904, стр. 361).

Никитенко, как и Белинский, обратил внимание в рассказе Уварова и в тексте самого письма Гоголя не только на отречение писателя от своих прежних произведений, но и на его обещание попытаться «угодить» следующими. Белинский писал Гоголю: «в Петербурге сделалось известным Ваше письмо к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России дают превратный толк, затем

обнаруживаете недовольство своими прежними произведениями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто...»

Необходимо отметить, что в письме Гоголя к Уварову не встречается этот витиеватый и низкопоклонный оборот речи, который приводит Белинский в подчеркнутых нами словах. Подобное выражение находится в другом письме Гоголя, а именно в его проекте всеподданнейшего письма, которое он подготовил в начале 1847 г. и переслал в Петербург П. А. Плетневу. Гоголь писал здесь царю: «Рассудить меня в этом деле <т. е. в тяжбе с цензурой относительно изъятия из «Переписки» нескольких глав.— *Я. Ч.*> может один тот, кто, обнимая не одну какую-нибудь часть правления, но все вместе, имеет чрез то взгляд полнее и многостороннее обыкновенных людей» («Письма Н. В. Гоголя», т, III, стр. 316).

Из этой цитаты явствует, что Белинскому был известен также и проект письма Гоголя к Николаю I.

XVI

«... книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И действительно, она теперь памятнее всем статьями о ней, нежели сама собою...»

Книга Гоголя, несмотря на журнальный шум, не получила широкого распространения и успеха у читателей не имела. Еще на первых порах после появления казалось, что «Выбранные места» привлекут множество читателей. Не исключена была возможность и искусственного распространения книги. «Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать Вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои друзья приуныли,— пишет здесь же Белинский и прибавляет,— но я тогда же сказал им, что, несмотря ни на что, книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут».

Ничто не могло помочь распространению книги. Гоголь печатно призывал состоятельных читателей покупать ее и дарить тем, кто был не в состоянии ее приобрести.

«Переписка» была напечатана в количестве 2400 экз. (два завода по 1200 экз.). Гоголь полагал, что второе ее издание понадобится очень скоро, основываясь на сообщениях Шевырева и других. В. И. Шенрок, со слов П. Кулиша, указывает, что фактически «книга шла туго».

Белинский сообщал В. П. Боткину 15 марта 1847 г.: «Книга Гоголя, как будто, пропала,— и я немного горжусь тем, что верно предсказал (не печатно, а на словах) ее судьбу. Русского человека не надуешь такими проделками, а если и надуешь, так на минуту. Если еще не вовсе забыто существование этой книги, так это потому, что от времени до времени напоминают о ней журнальные статьи» («Письма», III, 197—198).

Подводя год спустя итоги спорам вокруг «Переписки», Белинский в предсмертной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» писал: «В прошлом году внимание критики было преимущественно занято Перепискою Гоголя с друзьями. Можно сказать, что память об этой книге и теперь поддерживается только статьями о ней» (XI, 149).

XVII

«... в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей или потерявшие его...»

Белинский имеет здесь в виду самого Гоголя, который в предисловии к «Выбранным местам» осведомлял читателей: «Приготовляясь к отдаленному путешествию к Святым местам, необходимому душе моей, во время которого может все случиться, я захотел оставить при расставаньи что-нибудь от себя моим соотечественникам».

XVIII

«... И что за язык, что за фразы! „Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек!" Неужели Вы думаете, что сказать всяк вместо всякий, значит выражаться библейски?..»

Приведенное Белинским выражение находится в XXIV гл. книги («Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России») — «Все у нас теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек».

Хотя это письмо было по своему тону «бытовым» и здесь автор не имел претензии «выражаться библейски», Белинский очень тонко уловил фальшивую ноту в стиле книги. Гоголь неоднократно употребляет в «Переписке» слово всяк вместо всякий именно с целью придать речи характер библейского пафоса и поучения. См., например: «А сделала ли ваша церковь вас лучшими? Исполняет ли всяк у вас, как следует, свой долг?» (в письме к А. П. Толстому, гл. VIII).

XIX

«... Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил Вашу мысль и напечатал на Ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый донос...»

Белинский имеет в виду статью П. А. Вяземского «Языков и Гоголь», напечатанную в «С.-Петербургских ведомостях» (24 и 25 апреля 1847 г., № 90—91; вошла в Полн. собр. соч. Вяземского, т. II, СПб., 1879, стр. 304—334).

Статья Вяземского была направлена прямо против Белинского и натуральной школы. В ней он нападал на «непризванных и непризнанных журнальных поклонников» Гоголя.

Говоря о «вредном» направлении литературы, Вяземский заключал это рассуждение недвусмысленным указанием на то, что Белинский и возглавляемая им школа подрывают основы самодержавия.

Основная тенденция статьи Вяземского была: противопоставить Гоголя натуральной школе и Белинскому, прямо указать правительству на революционный характер проповеди критика и возложить ответственность за «пагубное направление» на «ликторов и глашатаев» Гоголя.

Вяземский всегда принадлежал к числу наиболее ожесточенных противников Белинского. В январе 1857 г., когда, после появления «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского, в печати вновь засверкало имя Белинского, Вяземский писал Шевыреву: «Подайте свой голос против этой реставрации, этого апофеоза памяти Белинского, которому все журналы наши поют ныне акафисты и панихиды, даже и „Русская беседа" называет его столь сильным деятелем в нашей литературе. Да разве баррикадники, которые ломают мостовую, разве они деятели? Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах» («Русский архив», 1885, № 6, стр. 317—318).

Белинский был прав, обвиняя Вяземского в том, что он написал на почитателей Гоголя «чистый донос».

При этом Белинский язвительно прибавлял: «он ⟨Вяземский⟩ это сделал, вероятно, в благодарность Вам за то, что Вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его „вялый, влачащийся по земле, стих"».

Цитируемое (не совсем точно) Белинским высказывание Гоголя о Вяземском содержится в XXXI гл. «Переписки»: «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность?» В конце этой статьи, говоря о том, что ни в какой другой литературе, кроме русской, поэты не показали «такое бесконечное разнообразие оттенков звука», Гоголь пишет: «У каждого свой стих и свой особенный звон ⟨...⟩ Этот тяже-

лый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкою, щемящею русскою грустью».

Следует отметить, что сам Гоголь не был согласен с важнейшей стороной статьи Вяземского: с нападками на Белинского. Гоголь писал Вяземскому 11 июня 1847 г.: «Ваша статья в „Санкт-петербургских Ведомостях" о Языкове и обо мне ⟨...⟩ меня очень тронула тем чувством соучастия, которое принадлежит только одной нежной и любящей душе. Одно только меня остановило: мне кажется, что выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападателях, особенно о тех, которые прежде меня выхваляли» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 481—482) ⟨Разрядка наша.— *Я. Ч.*⟩.

XX

«...N ⟨Некрасов⟩ переслал мне Ваше письмо в Зальцбрунн...»

22 июня 1847 г. Н. Н. Тютчев сообщал Белинскому: «Прилагаемое письмо Гоголя принес мне вчера Прокопович» («В. Г. Белинский и его корреспонденты». Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948, стр. 278). Несомненно, что Тютчев говорит здесь именно о письме Гоголя, вызвавшем знаменитый ответ Белинского. Чье имя скрыл Белинский под буквой N, в точности неизвестно; возможно, что это было имя Н. Н. Тютчева. Однако ни в одном из списков письма имя Тютчева не фигурирует, *а имя Некрасова раскрывается в наиболее авторитетных списках.*

XXI

«... *Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а о предмете, который гораздо* выше не только меня, но даже и Вас; тут дело идет об истине, о русском обществе, о России...»

Заключительные строки Белинского вновь возвращают нас к главной теме всего документа — теме России, теме правдивой критики и грядущего уничтожения в ней самодержавно-крепостнического строя. Глубокой верой в необоримые силы русского народа, который, как страстно надеялся Белинский, способен выйти сам и вывести все русское общество на широкий путь революционного развития, проникнуто все письмо Белинского и заключающее его обращение к Гоголю. Критик призывает Гоголя перед лицом России «отречься от последней книги» и «тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями».

Вера в русский народ, глубокая, непримиримая ненависть ко всякой лжи и полуправде, любовь к России, уверенность в великом будущем своей родины — таково главное содержание гениального ответа Белинского на реакционную книгу Гоголя.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составил Ю. Масанов

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛИНСКОГО

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА

В ТОМЕ 178 ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ОДНА ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Г. Богословский*

*

РИСО АН СССР № 3266. Т-06444. Издат. № 2702
Тип. заказ № 363. Подп. к печ. 30.IX 1950 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 19,75. Печ. л. 54,11.
Уч.-издат. 59. Тираж 8000. Цена в переплете 50 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

Отзывы и замечания об этой книге
просьба сообщать по адресу:
Москва, Волхонка, 18,
Редакции «Литературного Наследства»